ИСТ

РЕ

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕН

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

1859.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1859.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 20-го, 1859 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

Посольство отъ собора къ новоизбранному царю. Наказъ посламъ. Переговоры пословъ съ Михаиломъ и его матерью. Причины, почему новый *царь* не могъ бояться участи своихъ предшественниковъ. Выѣздъ Михаила *изъ* Костромы въ Ярославль. Переписка его съ соборомъ и боярами изъ Ярославля и съ дороги изъ этого города въ Москву. Въѣздъ Михаила въ Москву. Его царское вѣнчаніе. Бѣдственное состояніе государства при вступленіи на престолъ Михаила. Грамоты царя и собора по городамъ и къ Строгановымъ. Дѣло Шульгина. Война съ Заруцкимъ. Переписка правительства съ казаками. Ссора Заруцкаго съ Астраханцами и Терскимъ городомъ. Дѣйствія стрѣлецкаго головы Хохлова противъ Заруцкаго. Поимка Заруцкаго. Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. Движенія воровскихъ казаковъ на сѣверѣ. Дѣйствія противъ нихъ князя Лыкова. Возстаніе Татаръ и Черемисы въ понизовыхъ городахъ. Сношенія съ Польшею. Посольство туда Аладьина. Военныя дѣйствія: взятіе Бѣлой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. Война съ Лисовскимъ. Дѣйствія и гибель Черкасъ на сѣверѣ. Грамота пановъ радныхъ къ *боярамъ*. Посольство Желябужскаго въ Польшу и свиданіе его съ Филаретомъ Никитичемъ. Неудачные переговоры подъ Смоленскомъ. Сношенія съ Австріею, Турціею, Персіею, Крымомъ. Посольства въ Голландію и Англію. Пріѣздъ Англійскаго посла Джона Мерика съ цѣлію содѣйствовать заключенію мира между Россіею и Швеціею. Положеніе

Новгорода Великаго подъ Шведскимъ владычествомъ. Военныя дѣйствія противъ Шведовъ. Оборона Тихвина. Неудача Трубецкаго и Мезецкаго. Взятіе Гдова Густавомъ Адольфомъ. Неудачная осада Пскова Дедеринскіе переговоры при посредничествѣ Англійскаго и Голландскихъ пословъ. Столбовскій миръ. Очищеніе Новгорода. Переговоры съ Мерикомъ, награды ему. Взглядъ Густава Адольфа на столбовскій миръ. Посольство князя Борятинскаго въ Швецію для окончательнаго подтвержденія мира.

(1613—1617 г.)

Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Өеодоровича Романова, соборъ назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Өеодориту, архіепископу Рязанскому, троимъ архимандритамъ — Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому. Троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ. боярамъ—Өедору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодаго царя, и князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Өедору Головину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ и потому въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ». Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: «Всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ великому государю умилиться надъ остаткомъ рода христіянскаго многорасхищенное православное христіянство Россійскаго царства отъ разплѣненія сыроядцевъ, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, собрать воединство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Рос-

сійскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородіемъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей; а какъ ты государь на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, Литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами, и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ государю и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала и до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: «Если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ государемъ царемъ и ѣхалъ въ Москву скорѣ: такое великое Божье дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ, по избранью Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ и ему на Московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за это какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ государь про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ Литовскому королю, за отца его даютъ на обмѣнъ Литовскихъ многихъ лучшихъ людей.»

Послы выѣхали изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде, отъ 25 февраля разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «И вамъ бы, господа, писалъ соборъ, за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нимъ подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіанскаго государя, царя Михаила Ѳедоровича. А мы, всякіе люди Московскаго государства отъ мала до велика и изъ городовъ выборные и невыборные люди всѣ обрадовались сердечною радо-

стію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась — быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Θедора Ивановича племяннику, Михаилу Θедоровичу; Богъ его государя на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему либо заводу, избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердцѣ вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная запись, въ которой нѣтъ ничего о порчѣ на слѣду и тому подобныхъ вещахъ, встрѣчаемыхъ въ Годуновской записи. Присяга областей послѣдовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанскаго далъ знать въ Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этимъ извѣстіемъ послѣдовали другія изъ областей болѣе отдаленныхъ. Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ соборныхъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. Послы повѣстили объ этомъ Костромскому воеводѣ и всѣмъ горожанамъ, и 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марθа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты отъ собора и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ; Марθа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Марθа упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и

выдачѣ Полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «Видя такіе прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и непостоянствомъ Русскихъ людей раззорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, Литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять»? Потомъ Михаилъ и Марѳа говорили, что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое нибудь зло; а ему Михаилу безъ благословенья отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанью, положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіянъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія, началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ Московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіянъ грѣхомъ, во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междо-

усобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часу дня до девятаго, говорили, чтобъ онъ воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное раззоренье государства; тогда Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе— эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди Московскаго государства научились, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки ворамъ. Земскіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи поддержать новаго государя, не смотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, на которое указывала Марѳа. Казны нѣтъ и взять не откуда, ибо государство раззорено, земля наполнена воровскими козаками, незнающими мѣры своему буйству; Заруцкій грозитъ съ юговостока, Шведы и Поляки съ запада; новый государь—неопытный, мягкій молодой человѣкъ, около котораго нѣтъ людей сильныхъ умомъ и доброю волею, и не смотря на все это Михаилъ удержался на престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ подлѣ царя видимъ соборъ, одушевленный тою же ревностію, съ какою послѣдніе люди шли на очищеніе государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго нарядъ, до какой степени лучшіе люди наказались въ этомъ отношеніи, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши

изъ Москвы послѣ сдачи кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ Поляковъ (какъ говоритъ грамота, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, воровскихъ козаковъ, ибо Поляковъ не было тогда болѣе въ этихъ, мѣстахъ), узнавши объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлію умертвить нежеланнаго имъ возстановителя нарада; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ? Сусанинъ зналъ что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

19 Марта выѣхалъ Михаилъ изъ Костромы въ Ярославль, куда пріѣхалъ 21-го числа. Въ другой разъ Ярославль становился мѣстомъ великаго стеченія народнаго, мѣстомъ великаго торжества: недавно его жители видѣли ополченіе Пожарскаго теперь видѣли желанный конецъ подвиговъ этого ополченія; Ярославцы и съѣхавшіеся къ нимъ отовсюду дворяне, дѣти боярскіе, гости, люди торговые съ женами и дѣтьми встрѣтили новаго царя, подносили ему образа, хлѣбы, дары и отъ радости не могли промолвить ни слова. 23 Марта Михаилъ писалъ въ Москву къ собору, говорилъ, какъ были у него въ Костромѣ послы, какъ онъ долго отказывался отъ престола: «у насъ того и въ мысляхъ не бывало, что на такихъ великихъ государствахъ быть на многими причинами, да и потому, что мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а государство Московское теперь въ раззореньи, да и потому, что Московскаго государства люди по грѣхамъ измалодушествовались, прежнимъ великимъ государямъ не прямо служили. И видя такіе прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоры и убійства, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю, не только мнѣ?» Въ заключеніи, увѣдомивъ о своемъ согласіи, Михаилъ прибавляетъ: «И вамъ бы боярамъ нашимъ и всякимъ людамъ, на чемъ намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служить, прямить, воровъ царскимъ именемъ

не называть, ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было, быть бы вамъ между собою въ соединеньи и любви, на чемъ вы намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу ради жаловать.»

Соборъ отвѣчалъ, что всѣ люди со слезами благодарятъ Бога, молятся о царскомъ здоровьи, и просилъ: «тебѣ бы, великому государю, насъ сирыхъ пожаловать, быть въ царствующій градъ поскорѣе;» о томъ же писалъ соборъ и къ посламъ своимъ, Ѳеодориту съ товарищами, прося дать знать, когда государь будетъ у Троицы и гдѣ прикажетъ себя встрѣтить. Но изъ Ярославля пріѣхалъ опять Троекуровъ съ запросомъ собору: къ царскому пріѣзду есть ли на Москвѣ во дворцѣ запасы, и послано ли собирать запасы по городамъ, и откуда надѣются ихъ получить? кому дворцовыя села розданы, чѣмъ царскимъ обиходамъ впредь полниться и сколько царскаго жалованья давать ружникамъ и оброчникамъ? Бьютъ государю челомъ стольники, дворяне и дѣти боярскіе, что у нихъ дворцовыя села отписаны и государю отъ челобитчиковъ докука большая: какъ съ этимъ быть? чтобъ на Москвѣ и по дорогамъ грабежей никакихъ не было! Дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди съ Москвы разъѣхались,—великому государю неизвѣстно, по вашему ли отпуску они разъѣхались, или самовольствомъ?» Соборъ отвѣчалъ: «Для сбора запасовъ послано, и къ сборщикамъ писано, чтобъ они наскоро ѣхали въ Москву, съ запасами, а теперь въ государевыхъ житницахъ запасовъ немного. О грабежахъ и воровствахъ заказъ учиненъ крѣпкій, воровъ и разбойниковъ сыскиваемъ и велимъ ихъ наказывать. Дворянъ и дѣтей боярскихъ безъ государства указа съ Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъѣхались по домамъ, тѣмъ всѣмъ велѣно быть къ государеву пріѣзду въ Москву. Прошелъ мартъ; 1-го апрѣля соборъ опять написалъ къ посламъ своимъ, Шереметеву съ товарищами, чтобъ доложили государю, когда онъ будетъ въ Москву и гдѣ его встрѣчать? 8 Апрѣля царь отвѣчалъ на это слѣдующею грамотою: «писали вы къ намъ съ княземъ

Иваномъ Троекуровымъ, чтобъ намъ походомъ своимъ не заведнть, и прислали съ княземъ Иваномъ роспись, сколько у васъ въ Москвѣ во дворцѣ всякихъ запасовъ; по этой росписи хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ мало для обихода нашего, того не будетъ и на пріѣздъ нашъ. Сборщики, которые посланы вами по городамъ для кормовъ, въ Москву еще не пріѣзжали; денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ; а Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей до конца раззорено, города и уѣзды многіе отъ войны запустѣли, наши дворцовыя села и волости розданы были въ помѣстья и запустошены, а иныя теперь въ раздачѣ, и на нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованье денегъ и хлѣба сбирать не съ кого. Атаманы и козаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьи, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ и кормовъ давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всѣхъ чиновъ людей, идемъ къ Москвѣ вскорѣ, а котораго числа изъ Ярославля пойдемъ, о томъ мы къ вамъ велимъ отписать. И вамъ бы богомольцамъ нашимъ, и боярамъ, и окольничимъ и приказнымъ людямъ, о томъ приговоръ учинить съ стольниками, стряпчими, съ дворянами Московскими, съ дворянами и дѣтьми боярскими изъ городовъ, съ атаманами, козаками, стрѣльцами, съ гостями, торговыми и всякими жилецкими и пріѣзжими людьми: чѣмъ намъ всякихъ ратныхъ людей жаловать, свои обиходы полнить, бѣдныхъ служилыхъ людей чѣмъ кормить и поить, ружникамъ и оброчникамъ всякіе запасы откуда брать? И объ этомъ учинить вамъ полный приговоръ и къ намъ отписать вскорѣ. Вамъ самимъ вѣдомо: учинились мы царемъ по вашему прошенью, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею; такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить, какъ тому всему быть. Сами вѣдаете, недруги наши — Польскій и Литовскій и Нѣмецкій король многими городами государства нашего завладѣли и въ тѣхъ городахъ сидятъ ихъ люди, а по вѣстямъ, ждемъ прихода

Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей подъ свои города вскорѣ, а подъ Торопцомъ Литовскіе люди теперь стоятъ и Торопцу ниоткуда помощи нѣтъ. Да многіе дворяне и дѣти боярскіе бьютъ намъ челомъ о помѣстьяхъ, что вы у нихъ помѣстья отнимаете и раздаете въ раздачу безъ сыску: и вамъ бы тѣ докуки отъ насъ отвести и велѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ расправливать по сыску въ правду, чтобъ намъ о томъ не били челомъ.»

До сихъ поръ царь переписывался съ соборомъ; но 11 Апрѣля писали къ нему одни бояре, опять Өедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищами, что въ городахъ воеводъ нѣтъ. а безъ воеводъ городамъ быть нельзя; бьютъ челомъ атаманы, козаки и стрѣльцы о кормѣ, сказываютъ, что прежде для нихъ сбирали кормы съ дворцовыхъ и монастырскихъ селъ. Мы, пишутъ бояре, стали было отпускать воеводъ въ города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрѣльцы и козаки говорятъ, что воеводы отпускаются по городамъ, и сборщики кормовъ по селамъ отъ государя: и мы воеводъ и сборщиковъ посылать безъ твоего государева указа не смѣемъ. Наконецъ 18 Апрѣля царь увѣдомилъ духовенство и бояръ что походъ его къ Москвѣ замедлился за дурною дорогою, зимній путь испортился, а какъ большой ледъ прошелъ и воды сбыло, то онъ выѣхалъ изъ Ярославли 16 Апрѣля, и 17 пріѣхалъ въ Ростовъ, откуда 19 намѣренъ отправиться дальше къ Москвѣ, «а идемъ медленно за тѣмъ, писалъ царь, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, козаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ.» Но и послѣ этого Михаилъ двигался очень медленно: 25 Апрѣля писалъ онъ со стану изъ села Любимова, что многіе стольники, стряпчіе и жильцы, обязанные сопровождать его, до сихъ поръ не явились, и онъ приказываетъ боярамъ отписать у этихъ нѣтчиковъ помѣстья и вотчины; число нѣтчиковъ простиралось до 42. Царь писалъ также боярамъ, чтобъ они приказали приготовить для него золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для матери его деревянныя хоромы жены царя Василія Шуй-

скаго; бояре отвѣчали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ гдѣ жила царица Мароа; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечѣмъ, денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли, мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть.

Открылось еще новое затрудненіе, новое неудовольствіе молодаго царя: 28 Апрѣля Θеодоритъ и Шереметевъ писали собору: «Писалъ къ вамъ государь много разъ, чтобъ у васъ на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ убійствъ, грабежей и никакого насильства не было; а вотъ 23 Апрѣля пришли къ государю на станъ въ село Сватково дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ переграблены до нога и сѣчены, въ разспросѣ сказали, что одни изъ нихъ посланы были къ государю съ грамотами, другіе по городамъ сбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ и высылать на службу: и на дорогѣ, на Мытищахъ и на Клязьмѣ козаки ихъ перехватали, переграбили, саблями сѣкли и держали у себя въ станахъ два дня, хотѣли побить, и они у нихъ, ночью развязавшись, убѣжали; а стоятъ эти воры на Мытищахъ, другіе на Клязьмѣ, человѣкъ ихъ съ 200, конные и пѣшіе. Писали къ государю изъ Дмитрова приказные люди, что прибѣжали къ нимъ изъ селъ и деревень крестьяне жженые и мученые огнемъ, жгли ихъ и мучили козаки, 26 Апрѣля эти воры пришли и въ Дмитровъ на посадъ, начали было его грабить, но въ то время случились въ Дмитровѣ дворяне и дѣти боярскіе, козаки кормовые и торговые, и они имъ посада грабить не дали, съ ними бились; и отъ этихъ воровъ Дмитровцы, покинувъ городъ, хотятъ всѣ брести врознь, а по селамъ и деревнямъ отъ воровъ грабежи и убійства большіе. Козаки, посланные въ разныя мѣста на службу, берутъ указные кормы, да сверхъ кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей по дорогамъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, грабятъ, пытаютъ, огнемъ жгутъ, ломаютъ, до смерти побиваютъ.

И 26 Апрѣля государь и его мать у Троицы на соборѣ говорили всякихъ чиновъ людямъ съ большимъ гнѣвомъ и со слезами, что воры кровь христіанскую льютъ безпрестанно; выбрали его государя всѣмъ государствомъ, обѣщались служить и прямить и быть всѣмъ въ любви и соединеніи: а теперь на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ грабежи и убійства; позабывъ добровольное крестное цѣлованье, воры дороги всѣ затворили гонцамъ, служилыхъ и торговыхъ людей съ товарами и ни съ какими запасами не пропускаютъ. И государь и мать его, видя такое воровство, изъ Троицкаго монастыря идти не хотятъ, если всѣхъ чиновъ люди въ соединеніе не придутъ и кровь христіанская литься не перестанетъ. Государь и мать его намъ говорили: вы намъ били челомъ и говорили, что всѣ люди пришли въ чувство, отъ воровства отстали: такъ вы намъ били челомъ и говорили ложно. И мы, господа, слыша такія слова отъ государя и опалу, стали въ великой скорби и, съ соизволенія государя, послали къ вамъ выборныхъ изъ всякихъ чиновъ, сказать вамъ, чтобъ вы, помня души свои и крестное цѣлованье, воровъ сыскивали, отъ воровства и грабежа ихъ уняли». О томъ же писалъ собору и самъ царь: «Можно вамъ и самимъ знать, говорится въ царской грамотѣ: если на Москвѣ и подъ Москвою грабежи и убійства не уймутся, то какой отъ Бога милости надѣяться? никакіе люди въ Москву ни съ какими товарами и съ хлѣбомъ не поѣдутъ, дороги всѣ затворятся, и если не будетъ изъ Москвы въ города, а изъ городовъ въ Москву проѣзду, то какому добру быть? Да и то намъ подлинно извѣстно, которые гости, торговые и всякіе жилецкіе люди въ Московское разоренье разбѣжались изъ Москвы по городамъ, а теперь велѣно имъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ ѣхать въ Москву, и отданы они въ томъ на крѣпкія поруки: и тѣ всѣ люди, для убійства и грабежей, въ Москву ѣхать не смѣютъ.» Царь или его мать не удовольствовались и отвѣтомъ бояръ на счетъ невозможности отдѣлать кремлевскія палаты къ ихъ пріѣзду; отъ 29 Апрѣля царь писалъ боярамъ: «По прежнему и по этому нашему указу велите

устроить намъ золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василья; вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ: но въ этихъ хоромахъ матери нашей жить не годится.»

30 Апрѣля соборъ приговорилъ: боярамъ князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольничему князю Мезецкому и дьяку Иванову съ выборными изъ всякихъ чиновъ ѣхать къ государю, бить челомъ, чтобъ онъ умилосердился надъ православными христіанами, походомъ своимъ въ Москву не замѣшкалъ; а про воровство про всякое митрополитъ и бояре заказъ учинили крѣпкій, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана черезъ день осматриваютъ каждую станицу и чье воровство сыщутъ, тотчасъ про него скажутъ и за воровъ въ челобитчикахъ быть не хотятъ; въ Москвѣ во всѣхъ слободахъ и въ козачьихъ таборахъ велѣли заказъ крѣпкій учинить, чтобъ воровства и корчемъ не было нигдѣ, объѣзжихъ головъ по улицамъ росписали, а гдѣ воры объявятся по дорогамъ, то на нихъ станутъ изъ Москвы посылать посылки. Воеводы ополченія—князь Трубецкой и князь Пожарскій послали царю челобитную: «Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарскій, на твоей государевой службѣ подъ Москвою, голодъ и нужду великую терпѣли, и въ приходы гетманскіе въ крѣпкихъ осадахъ сидѣли, съ раззорителями вѣры христіанской бились не щадя головъ своихъ и всякихъ людей на то приводили, что, не увидя милости Божіей, отъ Москвы не отхаживать. Милостью Божіею и всякихъ людей прямою службою и кровью, Московское государство очистилось и многіе люди освободились: а теперь приходятъ къ намъ стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскіе, которые съ нами были подъ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ государю, чтобъ имъ видѣть твои царскія очи на встрѣчѣ; но мы, безъ твоего государева указу, на встрѣчу къ тебѣ ѣхать

не смѣемъ, ожидаемъ отъ тебя милости и указу, какъ ты намъ повелишь.»

Посланные отъ собора, князь Воротынскій съ товарищами, нашли Михаила въ селѣ Братовщинѣ, на половинѣ дороги отъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ. Государь и мать его, выслушавъ ихъ челобитье, сказали милосердое слово, что будутъ на послѣдній станъ отъ Москвы, въ село Тайнинское 1-го мая, а въ Москву въѣдутъ 2-го мая. Въ этотъ день, въ воскресенье поднялись въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди, отъ мала до велика и вышли за городъ на встрѣчу къ государю. Михаилъ и мать его слушали молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ рукѣ царской и здравствовали великому государю.

11-го іюля происходило царское вѣнчаніе. Передъ тѣмъ какъ идти въ Успенскій соборъ государь сидѣлъ въ золотой подписной палатѣ и тутъ сказано было боярство двоимъ стольникамъ и родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому; у сказки послѣднему назначенъ былъ стоять думный дворянинъ Гаврила Пушкинъ, который билъ челомъ, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что его родственники меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Государь указалъ, для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и велѣлъ этотъ свой указъ при всѣхъ боярахъ въ разрядъ записать. Выступилъ дьякъ Петръ Третьяковъ и объявилъ, что бояринъ князь Мстиславскій будетъ осыпать государя золотыми, бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ будетъ держать шапку Мономахову, бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой скипетръ, новый бояринъ князь Пожарскій яблоко,—и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой билъ челомъ на Романова, что ему меньше его быть невмѣстно. Государь сказалъ Трубецкому: «извѣстно твое отечество передъ Иваномъ, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебѣ меньше его потому, что мнѣ Иванъ Никитичь по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ.» Когда дѣло такимъ

образомъ уладилось, государь пошелъ въ соборную церковь, гдѣ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ Казанскаго митрополита Ефрема. На другой день, 12 іюля праздновались царскія имянины (св. Михаила Малеина): для этого торжества пожаловалъ государь въ думные дворяне Кузьму Минина [1].

Милостей, льготъ народу новый государь не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія: казна была пуста; а между тѣмъ обстоятельства были тяжелыя. 24 мая царь принужденъ былъ писать Строгановымъ: «Бьютъ намъ челомъ на Москвѣ дворяне и дѣти боярскіе, козаки, стрѣльцы и всякіе ратные люди, что они, будучи подъ Москвою, многія нужды и страсти терпѣли и кровь проливали; помѣстья и вотчины у нихъ отъ долгой войны запустѣли, и службы своей исполнять имъ нечѣмъ; стрѣльцы и козаки служивую рухлядь проѣли и на нашей службѣ имъ быть нельзя за великою бѣдностью; въ казнѣ нашей денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, служивымъ людямъ жалованья дать нечего. Выходцы и языки въ разспросѣ боярамъ нашимъ сказываютъ, что Литовскіе люди хотятъ идти подъ Москву, а въ нашей казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба нѣтъ нисколько. Сколько вы съ своихъ вотчинъ въ нашу казну денежныхъ доходовъ платите, намъ про то подлинно не вѣдомо; и теперь, по нашему указу, посланъ къ вамъ Андрей Игнатьевичь Вельяминовъ, велѣно ему съ вашихъ вотчинъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и по отписямъ, наши денежные доходы взять сполна и привезть къ намъ. Да у васъ же мы приказали просить взаймы, для христіанскаго покою и тишины, денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ, что можно дать ратнымъ людямъ; а сколько чего взаймы дадите, деньгами, хлѣбомъ и товаромъ, и то приказали мы записывать въ книги, а вамъ давать съ книгъ выписи, за архимандричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, почему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взять; хотя теперь и промысловъ убавьте, а ратнымъ людямъ на жалованье дайте, сколько можете; а какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ, то мы вамъ велимъ заплатить тотчасъ. Такъ вамъ бы непре-

мѣнно ратнымъ людямъ на жалованье дать безъ кручины: лучше всякой милостыни ратнымъ людямъ помочь и этою помощію Божіи церкви въ лѣпотѣ и святую вѣру въ цѣлости учинить, православныхъ христіанъ отъ нахожденія иновѣрцевъ освободить! Что вы дадите, мы непремѣнно велимъ заплатить, и службу вашу къ намъ и радѣнье ко всему Московскому государству учинимъ на вѣки памятными. Если же вы намъ въ займы денегъ, хлѣба и товаровъ не дадите, и ратные люди, не терпя голоду и нужды, изъ Москвы разойдутся, то вамъ отъ Бога не пройдетъ такъ даромъ, что православная христіанская вѣра раззорится.» Духовенство, отъ имени всего собора, писало Строгановымъ: «Ратные люди великому государю бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ, царскимъ богомольцамъ и къ боярамъ, приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ каждый день, что они отъ многихъ службъ и отъ раззоренья Польскихъ и Литовскихъ людей бѣдны и служить не могутъ, на службѣ имъ ѣсть нечего, и отъ того многіе изъ нихъ по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ, побиваютъ, а унять ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, нельзя; только имъ не будетъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то всѣ они отъ бѣдности поневолѣ станутъ воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царскіе и ваши богомольцы, также бояре, окольничіе и всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царствія, поговоря на вселенскомъ соборѣ, били челомъ государю, чтобъ онъ послалъ къ вамъ во всѣ города для денежныхъ сборовъ, хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ сборщиковъ, дворянъ большихъ, отъ своего царскаго лица и ото всѣхъ насъ вскорѣ, чѣмъ бы ему великому государю всякихъ ратныхъ людей пожаловать.» Въ заключеніи грамоты духовенство благословляетъ тѣхъ, которые исполнятъ требованіе царя и собора, и грозитъ клятвою ослушникамъ. Такія же точно грамоты разосланы были по всѣмъ городамъ; правительство убѣждало граждамъ къ щедрости примѣромъ Москвитянъ: «Непремѣнно бы вамъ ратнымъ людямъ помочь, не огорчаясь; а не такъ сдѣлать, какъ Московскіе гости и торговые люди: сначала себя

пожалѣли, ратнымъ людямъ на жалованье денегъ не дали, и оттого увидали надъ собою конечное раззоренье, имѣнія своего всего отбыли.»

Ногаи пустошили Украйны, переправились чрезъ Оку, повоевали Коломенскія, Серпуховскія, Боровскія мѣста, и приходили даже въ Домодѣдовскую подмосковную волость. Ратные люди грабили по дорогамъ, не получая жалованья; сборщики податей, ѣздя по областямъ за жалованьемъ ратнымъ людямъ, тоже грабили, такъ что правительство вынуждено было отзывать ихъ и на самихъ крестьянъ возлагать обязанность сбирать деньги и привозить ихъ въ Москву. Монастыри жаловались на раззоренье отъ Литовскихъ людей, просили льготъ, старыхъ и новыхъ. Купцы иностранные также жаловались на раззоренье, просили льготъ, и правительство, чтобъ усилить торговлю, исполняло ихъ просьбы, «для иноземства, для бѣдности и раззоренья». Въ отдаленныхъ городахъ оказывалось явное сопротивленіе финансовымъ мѣрамъ правительства: такъ нужно было наказать Чердынцевъ «трехъ человѣкъ бивъ батоги, вкинуть на мѣсяцъ въ тюрьму, чтобъ имъ впередъ не повадно было ослушаться». Но Чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Бѣлѣозерѣ посадскіе люди также не хотѣли платить податей, и когда воеводы велѣли ихъ поставить на правежъ, то они на себѣ править не дали, велѣли звонить въ набатъ и воеводъ хотѣли побить, послѣ чего сборщики податей являлись въ селенія уже съ вооруженными отрядами. Коломенскій воевода писалъ къ государю: «велѣно дать посланникамъ, которые ѣдутъ въ Турцію, 250 человѣкъ гребцовъ: но на яму всѣхъ ямщиковъ десять человѣкъ, собрать гребцовъ не съ кого; мы хотѣли взять съ посадскихъ людей, но тѣ намъ гребцовъ не даютъ, двое изъ нихъ приходятъ на насъ съ шумомъ и слушаться насъ не велятъ; и изъ другихъ мѣстъ такія же отписки, что денегъ, запасовъ и гребцовъ для посланниковъ собрать нельзя, не съ кого, и посланники ждутъ.» Изъ Рязани архіепископъ, духовенство, дворяне и дѣти боярскіе били челомъ: «съ тѣхъ поръ какъ воръ началъ

называться царскимъ именемъ, пошли усобицы и войны, наши отчины и помѣстья раззорены до конца, всѣ мы домовъ своихъ отбыли и жили съ людишками своими въ Переяславлѣ, а какъ земля соединилась, начали приходить Татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишекъ и крестьянишекъ нашихъ остальныхъ перехватали, и самихъ многихъ нашу братью на пустошахъ взяли и побили, и теперь Татары у насъ живутъ безъ выходу; пріѣхалъ къ намъ твой государевъ посланникъ, что ѣдетъ въ Царьградъ, живетъ въ Переяславлѣ три недѣли и насъ изъ подводъ и запасовъ мучитъ на правежѣ, а намъ взять негдѣ.» При такихъ обстоятельствахъ новое правительство должно было вести упорную войну съ врагами внутренними и внѣшними. Внутри свирѣпствовали козаки — надежда тѣхъ, которые хотѣли продолженія смутнаго времени. Никаноръ Шульгинъ, по приказанію собора, выступилъ съ Казанскимъ войскомъ въ походъ противъ Заруцкаго, но, узнавъ объ избраніи Михаила, остановился въ Арзамасѣ, написавъ 15 Марта въ Москву, что не будетъ продолжать похода по приговору ратныхъ людей, которые издержали свои запасы и болѣе не могутъ оставаться на службѣ; въ тоже время Шульгинъ извѣщалъ соборъ, что все Казанское войско присягнуло Михаилу, а между тѣмъ внушалъ этому войску, что не должно признавать новаго царя, который избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ государствомъ. Никаноръ надѣялся на козаковъ, и чтобъ возмутить ихъ, оставилъ войско въ Арзамасѣ и отправился въ Казань; но здѣсь не хотѣли больше козацкаго царства, и когда Шульгинъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ, то уже тамъ ждали его послы изъ Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу, и что ему, Никанору, туда ѣхать незачѣмъ, а чтобъ онъ не вздумалъ ослушаться, посадили его за приставовъ. Государь удивился, узнавши, что Никаноръ за приставами, и послалъ изъ Ростова приказъ собору развѣдать, въ какомъ онъ дѣлѣ попался? Дѣло объяснилось, и Шульгина сослали въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ [3].

Шульгинъ надѣялся на козаковъ, и козаки еще не теряли

надежды: у нихъ оставался Заруцкій. Опустошивши Михайловъ, Заруцкій ушелъ въ Епифань, оставивъ въ Михайловѣ своего воеводу; но 2 Апрѣля Михайловцы міромъ схватили этого воеводу, посадили за пристава, козаковъ вольныхъ перехватали и посажали въ тюрьму, и дали знать объ этомъ въ Зарайскъ и Переяславль Рязанскій, прося помощи. Вскорѣ послѣ этого два козака прибѣжали изъ Епифани въ Каширу и въ разспросѣ сказывали: «побѣжало ихъ отъ Заруцкаго дѣтей боярскихъ и козаковъ человѣкъ съ двѣсти, за то къ Заруцкому пришло Черкасъ человѣкъ съ триста; Заруцкій хочетъ идти въ Персію, а Марина съ нимъ идти не хочетъ, зоветъ его съ собою въ Литву, у козаковъ былъ объ этомъ кругъ, и многіе козаки хотятъ обратиться къ государю» Потомъ пріѣхали въ Каширу четырнадцать человѣкъ козаковъ и объявили, что у Заруцкаго 2,500 козаковъ кромѣ новоприбылыхъ Черкасъ, и что онъ сказалъ своему войску походъ на Украйну. Получивъ эти вѣсти, бояре, князь Мстиславскій съ товарищами 13 Апрѣля рѣшили идти изъ Москвы на Заруцкаго воеводѣ князю Ивану Одоевскому съ воеводами — изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра, Суздаля и другихъ городовъ; но въ тоже время боярамъ дали знать, что Заруцкій убѣжалъ изъ Епифани, выграбилъ Дѣдиловъ, сжегъ Крапивну, хочетъ идти на Тулу. Царь отвѣчалъ на эти донесенія боярамъ, чтобъ они всякими мѣрами промышляли, надъ Заруцкимъ поискъ учинили и съ Литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевскій выступилъ изъ Москвы 19 Апрѣля; въ Маѣ дали знать въ Москву, что Заруцкій приступалъ къ Ливнамъ и оттуда пошелъ къ Лебедяни, въ слѣдствіе чего князю Одоевскому въ Тулу былъ посланъ приказъ идти со всѣми людьми на Заруцкаго въ Донковъ и къ Лебедяни. Одоевскій выступилъ изъ Тулы, и скоро пришла отъ него вѣсть, что онъ сошелся съ Заруцкимъ у Воронежа, бился съ нимъ два дня безъ отдыха и побилъ на голову, нарядъ, знамена, обозъ взялъ, языковъ многихъ схватилъ, коши всѣ отбилъ, и Заруцкій съ немногими людьми побѣжалъ въ степь, за Донъ, къ Медвѣдицѣ. Такъ доносилъ воевода; но лѣтопи-

сецъ говоритъ, что воеводы Заруцкому ничего не сдѣлали, что онъ побилъ множество Воронежцевъ и ушелъ къ Астрахани. Нѣкоторые козаки не хотѣли слѣдовать въ степь за Заруцкимъ и пришли съ повинною въ Москву, говоря, что въ слѣдъ за ними будутъ и другіе ихъ товарищи; царь простилъ ихъ и послалъ подъ Смоленскъ.

Между тѣмъ воевода Одоевскій съ товарищами писалъ къ козакамъ на Волгу, что «ихъ атаманскою и козачьею службою, радѣньемъ и дородствомъ Московское государство очистилось и учинилось свободно; и нынѣ ваша братья атаманы и козаки многіе по вѣрѣ христіанской поборають, враговъ и раззорителей доходятъ и Литовскую землю воюютъ; а въ великихъ государствахъ государя нашего строится все доброе, всякіе люди пришли въ познанье и между собою учинились въ любви, въ совѣтѣ и соединеніи; только теперь отъ всего Московскаго государства отлучася, въ одной Астрахани вѣдомый воръ и желатель крови христіанской, Черкашенинъ Ивашка Заруцкій съ Маринкою заводятъ воровство и смуту.» Воеводы увѣщеваютъ козаковъ, чтобъ они не приставали къ Заруцкому и къ Люторкѣ еретицѣ Маринкѣ, а шли бы въ сходъ къ нимъ воеводамъ и промышляли съ ними вмѣстѣ надъ ворами: «а чѣмъ будете вы скудны, — то знайте, съ нами государевъ запасъ, вино, денежная казна и сукна есть, ничѣмъ скудны не будете.» Воеводы писали и къ жителямъ Астрахани съ увѣщаніемъ оставить Заруцкаго: «Сами вѣдаете, какое нынѣ у васъ въ Астрахани зло учинилъ: кровь многую православныхъ христіанъ пролилъ, окольничаго и воеводу, князя Ивана Дмитріевича Хворостинина и иныхъ многихъ безъ милости побилъ, на которыхъ прежде и смотрѣть не смѣлъ онъ злодѣй Ивашка Черкашенинъ безвѣрникъ; а Маринка Люторка еретица о разлитіи крови христіанской не жалѣетъ, то себѣ въ похвалу ставятъ, отъ истины на ложь соблазняютъ, и съ Персидскимъ шахомъ ссылаются, великаго государя нашего искони вѣчную отчину, Астраханское царство, и въ ней всѣхъ васъ православныхъ христіанъ шаху отдать хотятъ, желая великаго го-

сударя нашего и его великія Россійскія государства съ Аббасомъ шахомъ ссорить.»

Возбуждая противъ Заруцкаго Волжскихъ козаковъ, Московское правительство возбуждало противъ него и орду Ногайскую, извѣщая князя ея Иштерека, что Заруцкій выпустилъ въ Астрахани изъ тюрьмы врага его, мурзу Джанъ-Арслана. Посланы были грамоты и къ Донскимъ казакамъ вмѣстѣ съ царскимъ жалованьемъ, суквами, селитрою, свинцемъ, зельемъ и запасами; духовенство, во имя православія, увѣщевало Донцовъ, чтобъ немедленно шли въ Сѣверскую землю противъ Литовскихъ людей, за что получатъ благословеніе отъ Бога и славу отъ людей. Донцы приняли съ честію Московскихъ посланниковъ, извѣщавшихъ ихъ объ избраніи новаго царя, обрадовались царскому имени, въ звоны звонили, молебны пѣли, изъ наряда стрѣляли; били батогами нещадно одного изъ своихъ, который объявилъ, что Калужскій воръ живъ, обѣщались служить и прямить Михаилу точно также, какъ и его предшественникамъ, но отказались идти въ Сѣверскую землю на Литовцевъ. Желая мира съ Турками, правительство требовало отъ Донцовъ, чтобъ они прекратили свои поиски надъ Азовомъ; козаки обѣщали быть въ мирѣ съ Азовцами, но до тѣхъ поръ только, пока Русскіе послы возвратятся изъ Константинополя, и требовали отъ царя жалованья, денегъ, суконъ, запасовъ, чтобъ было чѣмъ имъ прокормиться и одѣться во время мира съ Азовомъ. Царь долженъ былъ согласиться на это условіе, обѣщалъ и больше, послалъ на Донъ знамя. «И вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ, говорится въ царской грамотѣ, противъ нашихъ недруговъ стоять, на нихъ ходить и, прося у Бога милости, надъ ними промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; къ намъ, великому государю, по началу и по своему обѣщанью, службу свою и радѣнье совершали бы, а наше царское слово инако къ вамъ не будетъ».

Донцы, получивъ государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него кругъ, а подъ знаменемъ лежалъ человѣкъ осужденный на смерть; когда царскій посланникъ Опух-

тинъ спросилъ, что это за человѣкъ? то ему сказали: «двое пьяныхъ казаковъ проговорились, что атаманы и козаки за посмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки Заруцкаго не избыть, быть подъ его рукою.» Одного изъ этихъ козаковъ прежде повѣсили, а другой приговоренъ къ смерти и лежитъ теперь подъ знаменемъ. При этомъ многіе козаки били челомъ посланнику, чтобъ онъ для имени царскаго величества отпросилъ у нихъ этого молодца отъ казни, потому что онъ виноватъ безъ хитрости, неумышленьемъ, сопьяна. Посланникъ, зная, что такъ бывало и прежде, и видя, что тутъ было много козаковъ съ Волги и Яика, что ихъ государскою милостію обнадежитъ, началъ говорить: «Вы этому козаку ничего не сдѣлали до меня, я теперь пріѣхалъ съ царскимъ жалованьемъ, у васъ у всѣхъ теперь радость, а государь милосердъ и праведенъ, всѣхъ насъ виноватыхъ пожаловалъ, ничьихъ винъ не помянулъ: такъ и вы бы теперь этого виноватаго, для имени царскаго величества, пощадили; а царское величество Богъ въ сохраненьѣ держитъ, и враги ему никакого зла сдѣлать не могутъ». Только что посланникъ выговорилъ эти слова, козаки завопили: «Дай Господи государю царю здоровья на многія лѣта! сами мы знаемъ, что государь милосердъ и праведенъ, Божій избранникъ, никто ему зла сдѣлать не можетъ». Осужденнаго подняли, и атаманъ Епиха Радиловъ сталъ его бранить, тазалъ его долго; «пора придти въ познанье: сами знаемъ, сколько крови пролилось въ Московскомъ государствѣ отъ нашего воровства и смутныхъ словъ, что вмѣщали въ простыхъ людей; мы уже по горло ходимъ въ крови христіанской; теперь Богъ далъ намъ государя милостиваго, и вамъ бы собакамъ перестать отъ воровства, а не перестанете, то Богъ всѣхъ васъ побьетъ, гдѣ бы вы ни были».

Скоро пришла въ Москву страшная вѣсть, что Заруцкій ссылается съ Волжскими и другими сосѣдними козаками, сзывая ихъ на обычную войну съ государствомъ. Грамота за грамотой пошли изъ Москвы на Донъ и на Волгу: сперва отъ царя, потомъ отъ духовенства, наконецъ отъ бояръ и всякихъ чиновъ людей, съ увѣщаніемъ не соединяться съ Заруцкимъ, но стоять про-

тивъ него Грамоты по прежнему льстятъ козакамъ, хотятъ выставить государственные подвиги ихъ и тѣмъ сильнѣе заставить ихъ служить государству. Заруцкій выставляется человѣкомъ, который первое злое дѣло Московскому государству завелъ: «думнаго дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоялъ, Заруцкій, учиня сеймъ, велѣлъ совѣтникамъ своимъ убить, чтобъ Польскихъ и Литовскихъ людей обнадежить». Здѣсь грамоты виновникомъ смерти Ляпунова выставляютъ прямо Заруцкаго; но мы видѣли, что въ грамотѣ Пожарскаго къ областнымъ жителямъ съ жалобою на Шереметева, виновникомъ смерти Ляпунова выставленъ этотъ Шереметевъ. Въ приведенныхъ грамотахъ къ козакамъ главнымъ виновникамъ возстанія противъ Поляковъ выставленъ Ляпуновъ, и въ другихъ грамотахъ о Ляпуновѣ не говорится ни слова, и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ. Продолжая перечислять дурныя дѣла Заруцкаго, Московскія грамоты говорятъ, что по смерти Ляпунова, онъ взялъ къ себѣ Поляковъ, Евстаѳія Валявскаго да Казановскаго и другихъ, и съ ними вмѣстѣ умышлялъ раззоренье Московскаго государства, звалъ къ себѣ тайно и гетмана Сапѣгу со всѣмъ войскомъ, ссылался съ Поляками, осажденными въ Кремлѣ и Китаѣ, условливался съ ними, что зажжетъ станъ подмосковный въ то время, какъ Поляки сдѣлаютъ вылазку изъ города; но что лазутчиковъ его схватили и пытали, а пановъ Валявскаго и Казановскаго казнили всею ратью. Въ грамотахъ говорится также, что еще въ 1612 году Сигизмундъ присылалъ къ Заруцкому ротмистра Сенявскаго, убѣждая его мутить Московское государство до тѣхъ поръ, пока онъ, король, заключитъ миръ съ Турками и заплатитъ жалованье войску, а тамъ онъ пойдетъ на Москву, взявши которую, дастъ Заруцкому въ отчину Новгородъ Великій или Псковъ съ пригородами или Смоленскъ и сдѣлаетъ его великимъ у себя бояриномъ и владѣтелемъ.

Чтобъ грамоты были подѣйствительнѣе для козаковъ, царь

послалъ на Волгу деньги, сукна, запасы, вина: «И вы бъ, атаманы и козаки, видя къ себѣ нашу царскую милость и призрѣнье, намъ, великому государю, служили и прямили и на измѣнникомъ нашихъ стояли; а мы, великій государь, учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьѣ и въ призрѣньи свыше прежнихъ царей Россійскихъ». Наконецъ отправлены были двѣ грамоты и къ самому Заруцкому отъ царя и духовенства; царь обѣщалъ помилованіе въ случаѣ обращенія; духовенство грозило проклятіемъ въ случаѣ ослушанія царской грамотѣ. Донскіе козаки писали къ Волжскимъ своимъ собратіямъ о покоѣ и тишинѣ, но въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вѣроятно потому, что козаки имѣли о покоѣ и тишинѣ неясное понятіе: «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и козакамъ и всему великому войску. Прислалъ къ намъ самодержавный государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичь всея Руси свои царскія грамоты и жаловальное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запасъ, и къ вамъ на пресловутую рѣку писалъ тоже жалованье многое денежное, и сукна, и селитру, и запасъ. И мы къ вамъ, господа, послали его царскія грамоты ко всему войску, и въ Астрахань, и къ Заруцкому, и ко всѣмъ чинамъ Россійскаго царства и Московскія области, чтобъ Господь Богъ гнѣвъ свой отвратилъ и на милосердіе преложилъ, чтобъ покой и тишину вы воспріяли и въ соединеніи были душами и сердцами своими, и ему государю служили и прямили, а бездѣльникамъ не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, уепоѵрог, будущихъ благъ, а вѣдаете и сами святаго Бога писаніе: тысячи лѣтъ яко день единъ, а день единъ яко тысячи лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; а вы, господа наши, на насъ не дивитесь (не сердитесь)». Но почему же Донцы думали, что Волжскіе козаки будутъ на нихъ дивиться? Любопытна также и надпись на грамотѣ: «Великія Россійскія дер-

жавы и Московскія области оберегателямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску».

Между тѣмъ къ князю Одоевскому съ товарищами приходили вѣсти съ сѣвера, что шайки козаковъ тянутся изъ уѣздовъ Бѣлозерскаго, Пошехоньскаго, чрезъ уѣзды Углицкій, Ярославскій и Романовскій къ юговостоку, пробираясь къ Заруцкому. Ногайскій князь Иштерекъ сначала былъ въ ссорѣ съ Заруцкимъ, но потомъ помирился, далъ сыновей въ заложники и поклялся, что весною пойдетъ со всѣми Ногаями осаждать Самарскую крѣпость, а Заруцкій объявилъ, что весною же отправится на стругахъ вверхъ по Волгѣ противъ льду съ пушками подъ Самарскій городъ и подъ Казань. Городъ Терскій объявилъ себя за Заруцкаго; но въ Астрахани добрые люди повиновались ему невольно и съ нетерпѣніемъ ждали государевыхъ полковъ. Зимою передъ Николинымъ днемъ Заруцкій и Марина выслали въ міръ какую то грамоту, и велѣли всякихъ чиновъ людямъ прикладывать къ ней руки, а смотрѣть въ нее не дали никому; духовенство и всѣ люди прикладывали руки, по неволѣ. Марина видѣла нерасположеніе гражданъ и боялась возстанія; памятенъ ей былъ страшный звонъ Московскихъ колоколовъ 17 мая, она боялась того же и въ Астрахани и запретила ранній благовѣстъ къ заутренямъ, подъ предлогомъ, что звонъ пугаетъ ея маленькаго сына. Купцы иноземные, Бухарцы, Гилянцы и другіе, ограбленные Заруцкимъ, разбѣжались. Днемъ и ночью на пыткахъ и казняхъ лилась кровь добрыхъ людей, а Заруцкій разъѣзжалъ за городъ съ Ногайскими Татарами, которые въ числѣ пяти или шести сотъ пили и ѣли у него съ утра до вечера, онъ прикармливалъ ихъ, чтобъ заставить идти съ собою на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань; онъ говорилъ: «Знаю я Московскіе наряды: покамѣсть люди съ Москвы пойдутъ, я до той поры Самару возьму да и надъ Казанью промыслъ учиню». Какъ видно, Заруцкій выдавалъ себя въ Астрахани за Димитрія; по крайней мѣрѣ до насъ дошла отъ 1614 года челобитная съ обращеніемъ къ царю Дмитрію Ивановичу,

царицѣ Маринѣ Юрьевнѣ и царевичу Ивану Дмитріевичу. Заруцкій надѣялся также на шаха, но Персидскіе купцы увѣряли Астраханцевъ, что Аббасъ Астрахани не возьметъ, своихъ людей не пришлетъ и казны Заруцкому не дастъ, потому что не захочетъ ссориться съ Московскимъ государствомъ. Что касается до Волжскихъ козаковъ, то ближайшая къ Астрахани станица подъ атаманомъ Верзигою тянула къ вору; но въ верхнихъ козачьихъ городкахъ козаки были противъ Заруцкаго; очевидцы разсказывали, что когда пришла туда съ Дону уже извѣстная намъ грамота, то съѣхавшіеся козаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкаго, Марину и сына ея проклинали и ругали, не смотря на то, что Заруцкій, приглашая воевать государство, обѣщалъ пожаловать тѣмъ, чего у нихъ и на разумѣ нѣтъ; козаки говорили: «Отъ нашего воровства уже и такъ много пролилось христіанской крови, много святыхъ обителей и церквей Божіихъ раззорено, такъ уже теперь намъ больше не воровать, а приклониться къ государю царю Михаилу Ѳедоровичу и ко всей землѣ». Но козаки, по своему обычаю, хотѣли сдѣлать службу государю и всей землѣ какъ можно для себя выгоднѣе; для этого они собирались ѣхать въ Астрахань, взять у вора обманомъ жалованье да и учинить надъ нимъ промыселъ; потомъ сбирались идти на море, дожидаться шаховыхъ судовъ, чтобъ ихъ погромить; а если не удастся погромить Персидскихъ кораблей, то идти подъ Астрахань грабить Татарскія юрты: пока змѣя въ норѣ, такъ тутъ надъ нею и промыселъ чинить, говорили атаманы. Но молодые козаки говорили иное: «намъ все равно, гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ, а то почему намъ и подъ Самарскій нейдти съ Заруцкимъ?» 560 такихъ охотниковъ до зипуновъ перешли къ Заруцкому въ Астрахань; говорятъ, что Заруцкій, обрадовавшись приходу козаковъ и ненавидя многихъ гражданъ за ихъ нерасположеніе къ себѣ, хотѣлъ въ самое Свѣтлое Воскресенье перерѣзать всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Въ самомъ ли дѣлѣ Заруцкій имѣлъ такое намѣреніе, или только Астраханцы, испуганные пріѣздомъ козаковъ, подозрѣвали умыселъ, — рѣшить трудно; но какъ бы то

ни было, между Астраханцами и козаками произошли ссоры; Заруцкій принужденъ былъ запереться въ Кремлѣ, а граждане сѣли на посадѣ, и въ среду на страстной недѣлѣ завязался между ними бой (1614 г.).

Между тѣмъ пришла вѣсть, что и Терскъ отложился отъ Заруцкаго. Здѣсь также какъ и въ Астрахани не всѣ жители усердствовали вору съ ворухою и воренкомъ, а были за нихъ больше потому, что жили далеко отъ Москвы и не получали оттуда никакихъ вѣстей. Терскій воевода Петръ Головинъ былъ особенно подозрителенъ Заруцкому, который послалъ въ Терскій городъ взять воеводу и привезти его въ Астрахань; но Терскіе люди не выдали Головина и сказали посланцамъ Астраханскимъ: «али вы и Петра Головина хотите погубить также, какъ погубили князя Ивана Хворостинина? намъ съ вами въ совѣтѣ воровскомъ не быть, и отъ Московскихъ чудотворцевъ не отстать». Въ половинѣ великаго поста пріѣхалъ на Терекъ Михаилъ Черный отъ Заруцкаго; Черный пробирался въ Кабарду возбуждать Горцевъ на Русь; но Терскіе люди были уже въ разладѣ съ Заруцкимъ и подозрѣвали его въ дурныхъ замыслахъ на счетъ своего города; они схватили Черного и привели къ воеводѣ на допросъ; сначала Черный не хотѣлъ ничего говорить о замыслахъ Заруцкаго, наконецъ пытка развязала ему языкъ: онъ объявилъ, что Заруцкій неистовствуетъ въ Астрахани, гдѣ большинство жителей не на его сторонѣ, казнитъ, сажаетъ въ воду добрыхъ людей, духовенство, грабитъ ихъ имѣнія, святотатствуетъ: взялъ изъ Троицкаго монастыря кадило серебряное и слилъ себѣ изъ него стремя; сердится на Терскій городъ, хочетъ быть тамъ на Великъ День, казнить воеводу Головина и съ нимъ многихъ людей. Послѣднее извѣстіе заставило воеводу и весь міръ принять мѣры рѣшительныя: они тотчасъ же цѣловали крестъ царю Михаилу, и отправили подъ Астрахань стрѣлецкаго голову Василья Хохлова съ 700 человѣкъ. Прибывъ подъ Астрахань, Хохловъ привелъ къ присягѣ Ногайскихъ Татаръ, въ томъ числѣ обратился также къ царю и извѣстный уже намъ Иштерекъ-бей, напи-

савшій къ князю Одоевскому грамоту, въ которой очень наивно представлено положеніе зависимаго Татарина въ смутахъ Московскаго государства: «Его милость царь далъ намъ грамоту, изволилъ обязаться защищать насъ противъ всѣхъ враговъ, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу вѣрою и правдою. Между тѣмъ Астраханскіе люди и вся Татарская орда начали тѣснить насъ: «служи, говорятъ, сыну законнаго царя. Весь христіанскій народъ, собравшись, провозгласилъ государемъ сына Димитрія царя. Если хочешь быть съ нами, такъ дай подписку, да еще и сына своего дай аманатомъ. Не хитри, пестрыхъ рѣчей не води съ нами, не то мы Джана-Арслана съ Семиродцами подвинемъ и сами пойдемъ воевать тебя. По этой причинѣ мы и дали улановъ своихъ аманатами».

Хохловъ нашелъ Астраханцевъ въ явной войнѣ съ Заруцкимъ; но война эта была невыгодна для первыхъ, потому что на нихъ съ кремля обращены были пушки. 2000 мужчинъ и 6000 женщинъ и дѣтей выбѣжали въ станъ къ Хохлову. Но и Заруцкій, видя, что ему нельзя въ Астраханскомъ кремлѣ дожидаться царскихъ воеводъ, 12 мая, ночью бѣжалъ изъ Астрахани и поднялся не много вверхъ по Волгѣ; Хохловъ бросился за нимъ, нагналъ и нанесъ сильное пораженіе; Заруцкому съ Мариною и сыномъ ея удалось уйти на море; но Хохловъ отправилъ за нимъ новыя погони. Между тѣмъ царскіе воеводы, узнавъ, что Заруцкій стѣсненъ въ Астрахани, поспѣшно двинулись къ этому городу; на дорогѣ узнали они, что Астрахань уже очищена отъ воровъ; это извѣстіе, какъ видно, было непріятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Онъ писалъ къ послѣднему, чтобъ тотъ не извѣщалъ царя объ Астраханскихъ событіяхъ до его приходу, а если ужь послалъ гонца, то воротилъ бы его съ дороги «потому что имъ воеводамъ надобно писать къ государю о многихъ государевыхъ дѣлахъ». Не участвовавши нисколько въ освобожденіи Астрахани, воевода требовалъ отъ Хохлова, чтобъ тотъ заставилъ Астраханцевъ тор-

жественно встрѣтить его. «А насъ велѣть встрѣтить Терскимъ и Астраханскимъ людямъ, по половинамъ, отъ Астрахани верстъ за тридцать или за двадцать». Узнавъ, что Заруцкій бросился на Яикъ, Одоевскій 6 іюня отрядилъ туда двухъ стрѣлецкихъ головъ, Пальчикова и Онучина для его поимки. 23 Іюня посланные настигли бѣглецовъ, и начали битву собственно не съ Заруцкимъ, но съ его хозяевами—козаками, атаманами Усомъ съ товарищи, потому что этотъ Усъ владѣлъ всѣмъ, а Заруцкому и Маринѣ не было ни въ чемъ воли. Пальчиковъ и Онучинъ осадили козаковъ въ ихъ городкѣ, и тѣ, видя крайность, принуждены были добить челомъ, цѣловать крестъ государю Михаилу Ѳедоровичу и выдать Заруцкаго съ Мариною, сыномъ и черенцомъ Николаемъ. Это было 25 Іюня. Плѣнниковъ привезли въ Астрахань, откуда немедленно же отправили въ Казань, потому что, писалъ Одоевскій, въ Астрахани мы ихъ держать не смѣли для смуты и шатости. Заруцкій былъ отправленъ отдѣльно отъ жены; Марину провожали 600 стрѣльцовъ, Заруцкаго 230; въ случаѣ нападенія сильнѣйшаго воровскаго отряда провожатымъ велѣно было побить плѣнниковъ. Изъ Казани ихъ отправили въ Москву; здѣсь Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили; сама Марина умерла въ тюрьмѣ, съ горя, по Московскимъ извѣстіямъ, а по Польскимъ была утоплена, или задушена [a]. Тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ и о казни Ѳедора Андронова».

Избавились отъ Заруцкаго, успокоена была Астрахань; но козаковъ оставалось еще много внутри государства, почти не было иной области, которая бы не страдала отъ ихъ опустошеній. Объ этихъ опустошеніяхъ лѣтописецъ говоритъ, что и въ древнія времена такихъ мукъ не бывало; воеводы доносили: «тамъ и тамъ стояли козаки, пошли тудато, села и деревни раззорили и поевали до основанія, крестьянъ жженныхъ видѣли мы больше семидесяти человѣкъ, да мертвыхъ больше сорока человѣкъ, мужиковъ и женокъ, которые померли отъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ». Особенно отличался между козаками атаманъ Баловень. 1-го Сентября 1614 года, въ тогдашній новый

годъ, государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ, боярами думными и всѣхъ чиновъ всякими людьми: «Пишутъ къ намъ изъ за Московныхъ и изъ Поморскихъ городовъ, что пришли въ уѣзды воры козаки, многіе люди, православныхъ христіанъ побиваютъ и жгутъ разными муками, денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ сбирать не дадутъ, собранную денежную казну въ Москву отъ ихъ воровства провезти нельзя. Дворяне и дѣти боярскіе бьютъ челомъ, чтобъ имъ съ ворами управиться самимъ: такъ на этихъ воровъ посылки ли послать, или писать къ нимъ объ обращеньѣ, чтобъ отъ воровства отстали?» Приговорили: «Послать къ ворамъ изъ (духовныхъ) властей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, и говорить ворамъ, чтобъ они отъ воровства отстали. Для этого посланы были Суздальскій архіепископъ Герасимъ съ двумя еще духовными лицами, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Ильинъ, съ выборными изъ дворянъ, гостей, изъ торговыхъ людей и козаковъ. Они должны были ѣхать въ Ярославль и оттуда повѣстить козакамъ: которые изъ нихъ хотятъ стоять за имя Божіе, государю служить и прямить, тѣмъ отъ воровъ, которые хотятъ воровать, отобраться, списки именъ своихъ прислать къ государю и итти на службу. Которые государю служить не станутъ, станутъ впередъ государю измѣнять, церкви Божіи раззорять, образа обдирать, православныхъ христіанъ грабить, жечь, ломать, на такихъ всякимъ государевымъ людямъ, атаманамъ и козакамъ, стоять за одно и надъ ними промышлять, потому что они пуще и грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ; и козаками этихъ воровъ не называть, чтобъ прямымъ атаманамъ, которые служатъ, безчестья не было. Если козаки станутъ договариваться съ княземъ Лыковымъ, а безъ заклада къ нему не поѣдутъ, то ему давать заклады, смотря по ихъ людямъ, и уговаривать ихъ всякими обычаями, чтобъ ихъ отъ воровства отвести и выслать на государеву службу, обѣщать имъ жалованье, должнымъ и крѣпостнымъ людямъ свободу. Которые атаманы и козаки станутъ пріѣзжать въ Ярославль къ князю Лыкову для зговоровъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ, тѣхъ поить и кормить. Которые ата-

маны и козаки отъ воровства отстанутъ и пойдутъ на государеву службу, тѣмъ велѣть кормы давать, сбирая съ посадовъ и уѣздовъ какъ можно сытымъ быть, а лишняго брать и насильи дѣлать не велѣть. Которые атаманы и козаки отъ воровства не отстанутъ, на службу не пойдутъ, уговоръ ихъ не возьметъ, на такихъ князю Лыкову сбираться съ городами, съ дворянами и дѣтьми боярскими, сбирать также охочихъ всякихъ людей и даточныхъ, и надъ ворами промышлять всякими обычаями.

Лыковъ далъ знать государю, что онъ къ козакамъ писалъ и уговаривать посылалъ много разъ; но воры отъ воровства не отстаютъ и унять ихъ никакъ нельзя, стали воровать пуще прежняго; которые козаки хотятъ отстать отъ воровства, тѣмъ отъ воровъ уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь въ отвѣтъ приказалъ Лыкову промышлять надъ козаками. Послѣ этого Лыковъ писалъ, что онъ на козаковъ ходилъ и посылки посылалъ и воровъ во многихъ мѣстахъ побивали. Тогда козаки прислали объявить Лыкову, что они отъ воровства отстали, и пошли на государеву службу къ Тихвину противъ Шведовъ, и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ прислать воеводъ изъ Москвы, съ кѣмъ имъ ходить и промышлять надъ Нѣмецкими людьми. Изъ Москвы отправилось къ нимъ двое воеводъ—князь Никита Волконскій до Чемесовъ; но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину, и хотѣли смотрѣть козаковъ по спискамъ, то козаки на смотръ не пошли, ѣздятъ себѣ по селамъ, деревнямъ и дорогамъ, грабятъ, бьютъ, села и деревни жгутъ, крестьянъ ломаютъ, воровство отъ нихъ чинится пуще прежняго, приходятъ и на нихъ, воеводъ, съ великимъ шумомъ, съ угрозами, хотятъ грабить и побить. А послѣ того прибѣжали съ Тихвины въ Москву козаки, которые государю прямили, и въ разспросѣ боярамъ сказали: которые козаки отстали отъ воровства, начали служить государю, стали было отъ воровъ отбираться и пришли къ воеводамъ, князю Волконскому и Чемесову, на тѣхъ пришли козаки воры, перехватали и

переграбили ихъ, также и самихъ воеводъ царскихъ, многихъ добрыхъ атамановъ и козаковъ побили до смерти, и теперь идутъ по городамъ войною. Прискакалъ гонецъ и отъ воеводы съ Устюжны: пришли къ его городу козаки многіе, говорятъ что идутъ къ Москвѣ, а невѣдомо, для какого умышленья? По этимъ вѣстямъ царь отписалъ въ Ярославль къ князю Лыкову и въ Кашинъ къ воеводѣ Бояшеву, чтобъ по всѣмъ дорогамъ посылали подъѣзды провѣдывать про козаковъ, куда ждать ихъ похода? и если воры пойдутъ прямо подъ Москву, то Лыковъ и Бояшевъ должны идти за ними также къ Москвѣ.

Козаки дѣйствительно явились подъ Москвою и стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ, приславши къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить, воровать впередъ не станутъ и на службу идти готовы. Государь послалъ въ Ростокино дворянъ и дьяковъ переписать и разобрать козаковъ, сколько ихъ пришло? Козаки къ смотру не шли долго и едва дали себя переписывать, говоря, что они атаманы знаютъ сами сколько у кого въ станицѣ козаковъ. Они ставили по дорогамъ отъ Ростокина къ Москвѣ и по Троицкой дорогѣ сторожи днемъ и ночью, посылали по всѣмъ дорогамъ подъѣзды и станицы, всё провѣдывали про князя Лыкова съ товарищи, а между тѣмъ прислали другое челобитье къ государю, чтобъ велѣлъ имъ дать торгъ, иначе они станутъ воевать и въ загоны посылать: по государеву указу изъ Москвы къ нимъ съ торгомъ посылали, только бы въ загонъ не ѣздили. Государь велѣлъ также перевести ихъ изъ Ростокина къ Донскому монастырю: отсюда они начали пріѣзжать въ Москву ратнымъ обычаемъ и говорить, что будутъ Московскихъ людей грабить, а другіе говорили: только ихъ государь не пожалуетъ, и они пойдутъ къ Лисовскому въ сѣверскую страну. Тогда послали къ Лыкову и Бояшеву приказъ, чтобъ они тотчасъ же со всѣми людьми шли подъ Москву проселочными дорогами, тайкомъ, и пришедши подъ Москву стали бы также утаясь, гдѣ пригоже. Лыковъ и Бояшевъ наконецъ пришли, и государь велѣлъ взять изъ козацкаго табору въ Москву атамановъ, ясауловъ и

козаковъ, разспросить и сыскать: били челомъ бояре и дворяне и дѣти боярскіе, что они козаки помѣстья и вотчины ихъ раззорили; да били челомъ воеводы, князь Волконскій и Чемесовъ, что козаки ихъ били и грабили. Козаки были взяты къ допросу, и въ тоже время изъ Москвы къ Симонову монастырю двинулся окольничій Артемій Измайловъ, велѣно ему было стать противъ козачьихъ таборовъ и послать сказать козакамъ, чтобъ они не смѣли выходить изъ нихъ никуда, и стояли бы безо всякаго опасенья, потому что онъ, Измайловъ, присланъ ихъ оберегать; если же они станутъ подниматься со становъ, то Измайлову и Лыкову велѣно итти на нихъ чтобъ ихъ подъ Москву не упустить. Но какъ скоро Измайловъ пришелъ къ Симонову монастырю и сталъ противъ козачьихъ таборовъ, то воры бросились бѣжать изъ-подъ Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайловъ и Лыковъ двинулись за ними, по дорогѣ нѣсколько разъ побивали ихъ отряды и настигли главную толпу въ Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ. Здѣсь козаки были побиты на голову, а остальные, видя надъ собою отъ государевыхъ людей тѣсноту, добили челомъ и крестъ цѣловали. Всѣхъ этихъ козаковъ, по государеву указу, Лыковъ и Измайловъ привели въ Москву въ числѣ 3256 человѣкъ, ихъ всѣхъ простили и отослали на службу, только Баловня повѣсили, да нѣкоторыхъ другихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ. Но этимъ государство еще не успокоилось отъ козаковъ: въ 1616 году государь получилъ вѣсти изъ Владимира, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижняго, что собрались воры, боярскіе холопи и всякіе безыменные люди, и называются козаками, пришли въ Суздальскій и Владимирскій уѣзды, въ Шую и другія мѣста; по селамъ, деревнямъ и дорогамъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей побиваютъ до смерти, села и деревни жгутъ, крестьянъ пытаютъ, довѣдываясь, гдѣ ихъ пожитки, и хотятъ идти по городамъ. Государь приказалъ промышлять надъ ворами князю Димитрію Петровичу Лопатѣ-Пожарскому и Костромскому воеводѣ Ушакову. Какъ они исполнили порученіе, неизвѣстно.

Въ томъ же году дали знать государю изъ Казани и другихъ понизовыхъ городовъ, что Татары и Черемисы заворовали, государю изменили, села и деревни жгутъ, людей въ полонъ берутъ и побиваютъ, къ городамъ приступаютъ, дороги отъ Казани къ Нижнему отняли. Противъ нихъ отправлены были бояринъ князь Сулешовъ и стольникъ князь Львовъ. [4]

Кромѣ козаковъ, Татаръ и Черемисъ, надобно было раздѣлываться съ Литовскими людьми, съ Лисовскимъ и козаками Малороссійскими или Черкасами. Тотчасъ по избраніи Михаила въ Москвѣ начали думать, какъ бы прекратить войну Литовскую и, главное, высвободить изъ плѣна отца государева. 10 Марта 1613 года соборъ уже отправилъ дворянина Дениса Аладьина къ королю съ грамотою, въ которой, прописавъ всѣ неправды Сигизмунда, требовалъ размѣна плѣнныхъ. Струсь отъ лица всѣхъ своихъ собратій писалъ также къ королю, умоляя его прислать Филарета съ товарищами и тѣмъ освободить своихъ подданныхъ изъ неволи Московской. Въ наказѣ Аладьину говорилось: Скажутъ: « намъ подлинно извѣстно, что Польскихъ и Литовскихъ людей, разосланныхъ по городамъ послѣ кремлевскаго взятья, всѣхъ мужики побили,» — отвѣчать: «сосланы были Польскіе и Литовскіе люди съ Москвы въ города для береженья: къ Соли-Галицкой, да въ Галичь, да на Чухлому, а на Унжу, и пришли къ тѣмъ городамъ изгономъ воры, ваши же Черкасы, и тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей немногихъ побили ваши же Черкасишки, а по другимъ городамъ всѣ цѣлы. «Хотѣли скрыть отъ Поляковъ объ избраніи Михаила, чтобъ тѣмъ легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: Если скажутъ, что въ Москвѣ выбрали въ цари Михаила Ѳедоровича Романова, то отвѣчать: » Это вамъ кто-то сказалъ неправду; въ Москву всякихъ чиновъ люди съѣхались и о государскомъ избраніи совѣтуются, но поджидаютъ изъ дальнихъ областей совѣтныхъ же людей. » — Станутъ говорить про измѣнниковъ, про Ѳедьку Андронова съ товарищами, за что ихъ пытали? вѣдь они за правду стояли, то отвѣчать: » Михалка Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ

съ товарищами первые измѣнники и всякому злу начальники: изъ-подъ Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли, и вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими людьми придумали Москву раззорить, царскую многую неисчетную казну, собраніе прежнихъ великихъ государей, къ королю отослали, а иную ратнымъ людямъ раздавали: и они злодѣи не только пытокъ, но и всякихъ злыхъ смертей достойны.» — Аладьину наказано было въ задоръ ничего не говорить; посолъ долженъ былъ править королю челобитье отъ освященнаго собора, отъ бояръ, окольничихъ и проч., отъ всякихъ чиновъ людей всего великаго Россійскаго царствія. Если паны скажутъ, что Русскіе Владиславу измѣнники, то отвѣчать изложеніемъ неправдъ королевскихъ, и между прочимъ сказать: «царскія утвари, и царскія шапки и коруны и всякое царское достояніе, и чудотворные образа Михайла Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ къ вамъ отослали.»—Если будутъ при королѣ или при панахъ во время посольства Московскіе измѣнники—Михайла Салтыковъ, Иванъ Грамотинъ, Василій Яновъ, или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде такъ не бывало. Если же эти измѣнники станутъ какія непригожія рѣчи на задоръ говорить, то Аладьину говорить при панахъ вслухъ безстрашно, что тѣ Михайла съ товарищами первые всякому злу начальники и Московскому государству раззорители, и имъ было теперь надобно попомнить Бога и свою христіанскую природу, отъ такихъ своихъ дѣлъ перестать, а только не перестанутъ, и имъ вскорѣ отъ Бога отмщенье будетъ.

Аладьинъ могъ увѣрить соборъ, что скоро нельзя ждать отъ короля сильныхъ движеній на Москву: одинъ Полякъ говорилъ ему на дорогѣ: «видѣлъ ты самъ, какъ здѣсь жолныри (солдаты) пустошатъ королевскіе города и мѣста, и много городовъ и мѣстъ запустошатъ до тѣхъ поръ, пока имъ дадутъ жалованье.» Въ Вильнѣ бурмистръ говорилъ Аладьину: «здѣсь у насъ стоятъ жолныри, и житья намъ отъ нихъ нѣтъ, насильство чинятъ великое, кормы берутъ большіе и правятъ деньги, женамъ и дѣтямъ нашимъ чинятъ тѣсноту и насиль-

ство, лучше бы намъ отъ нихъ земля разступилась!» Такимъ образомъ безурядица въ Польшѣ давала Московскому государству возможность оправляться отъ своего безнарядья. Въ Іюнѣ 1613 года Аладьинъ возвратился и привезъ отвѣтъ отъ пановъ, которые, разумѣется, оправдывали во всемъ Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; относительно Владислава писали. «Намъ хорошо извѣстно, что еще при князѣ Димитріи Ивановичѣ, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьями и со многими боярами, чрезъ нѣкоторыхъ Польскихъ, Литовскихъ и Московскихъ людей говорили и били челомъ королю, чтобъ пожаловалъ, отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и государство Московское очистилъ, а на государство Московское далъ сына своего Владислава Жигимонтовича.» Въ заключеніи паны пишутъ, что они и вмѣстѣ съ ними императоръ Нѣмецкій Матвѣй склоняютъ Сигизмунда къ миру съ Москвою; паны требуютъ отъ думы, чтобъ она прекратила всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ до пріѣзда императорскихъ пословъ, при посредствѣ которыхъ приступлено будетъ къ мирнымъ соглашеніямъ. О королѣ паны пишутъ, что онъ не могъ самъ отвѣчать на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамотными.

Между тѣмъ непріятельскія дѣйствія продолжались: въ Мартѣ 1613 года соборъ двинулъ войска противъ Литовскихъ людей, которые пришли войною въ Бѣлевскія, Мещовскія, Калужскія и Козельскія мѣста и большими людьми стали на Брынѣ; въ Апрѣлѣ бояре отправили воеводъ въ Сѣверскую землю, гдѣ дѣла шли удачно для Русскихъ людей; но изъ-подъ Козельска приходили дурныя вѣсти: князья Андрей Хованскій и Семенъ Гагаринъ стояли отъ Козельска за 16 верстъ, а князь Иванъ Хворостининъ сталъ отъ нихъ за шесть верстъ; Хованскій посылалъ ему говорить, чтобъ онъ подошелъ поближе, и вмѣстѣ съ ними промышлялъ надъ Литовскими людьми; но Хворостининъ не послушался и пошелъ назадъ во Мценскъ со всею ратью. Была между Хованскимъ и Хворостининымъ рознь ве-

лякая и государеву дѣлу въ ихъ розни прибыли не было. Къ тому же обговоренъ былъ еще воевода, Артемій Измайловъ, будто ссылается съ Литовскими людьми. Царь велѣлъ и Хованскаго и Хворостинина перемѣнить, а объ Измайловѣ сыскать крѣпкими сысками, но, какъ видно, ничего не сыскали. Въ Іюлѣ пришли вѣсти еще хуже: Черкасы и Литовскіе люди взяли Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Болховъ, Лихвинъ, Перемышль, въ Бѣлевѣ овладѣли острогомъ, а въ городѣ отсидѣлся отъ нихъ воевода князь Семенъ Гагаринъ. Измайловъ писалъ изъ Калуги, что Черкасы приходили уже подъ этотъ городъ, думаетъ, что придутъ еще; изъ Можайска писалъ Нащокинъ, что непріятель хочетъ приходить къ его городу. Государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ и боярами, какъ ему надъ Литовскими людьми и Черкасами промышлять? и приговорилъ идти на нихъ стольникамъ — князю Димитрію Мамстрюковичу Черкасскому и Михайлѣ Матвѣичу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли подъ Калугу, то Литовскіе люди и Черкасы, послышавъ ихъ приходъ, ушли изъ Серпейскихъ и Мещовскихъ мѣстъ къ Вязьмѣ и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутыя Литовцами Вязьму и Дорогобужъ, и подступили подъ Бѣлую. Литовцы сдѣлали было изъ нея сильную вылазку, но были побиты и въ Августѣ принуждены были сдаться. Царь наградилъ воеводъ золотыми и велѣлъ имъ идти подъ Смоленскъ. Воеводы отправились осаждать Смоленскъ, стали въ двухъ верстахъ отъ него, но ничего не могли сдѣлать по недостатку войска: Украинскіе дворяне и дѣти боярскіе многіе подъ Смоленскъ не бывали, а иные изъ-подъ Смоленска сбѣжали. Черкасскій и товарищъ его, князь Троекуровъ (потому что Бутурлинъ былъ тяжело раненъ подъ Бѣлою), стояли подъ Смоленскимъ безъ всякаго дѣйствія до Іюня 1615 года, когда имъ на смѣну были отправлены туда воеводы, бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій и Миронъ Вельяминовъ. Когда Черкасскій пріѣхалъ въ Москву, то государь велѣлъ ему быть у своего стола, а послѣ стола пожаловалъ за службу шубу на соболяхъ, атласъ золотный да кубокъ.

Въ то же время пришли вѣсти, что Лисовскій усиливается въ Сѣверской странѣ, Литовцы тѣснятъ Брянскъ, захватили Корачевъ. Противъ Лисовскаго отправлены были воеводы: бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и Степанъ Исленьевъ. Зная образъ веденія войны Лисовчиковъ, воеводамъ дали наказъ въ походѣ и на станахъ соблюдать величайшую осторожность: «Разспрося про дорогу накрѣпко, послать напередъ себя дворянъ, велѣть имъ на станахъ, гдѣ имъ ставиться, мѣста разъѣздить и разсмотрѣть, чтобъ были крѣпки, да поставить надолобы; а какъ надолобы около становъ поставятъ и укрѣпятъ совсѣмъ накрѣпко, то воеводамъ идти на станъ съ великимъ береженьемъ, посылать подъѣзды и провѣдывать про Литовскихъ людей, чтобъ они безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили.» Изъ Бѣлева черезъ Болховъ шелъ Пожарскій на Лисовскаго; тотъ испугался осады въ Корачевѣ, выжегъ городъ и пустился верхнею дорогою къ Орлу. Князь Дмитрій, узнавъ объ этомъ, быстро пошелъ также къ Орлу: въ одинъ день и въ одно утро столкнулись они на одномъ мѣстѣ; Иванъ Пушкинъ, шедшій впереди, началъ бой; Русскіе не устояли противъ Лисовскаго, воевода Исленьевъ обратился въ бѣгство; но не тронулся Пожарскій съ 600 человѣкъ и долго отбивался отъ 3,000 Лисовчиковъ, обгородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ. Лисовскій не догадывался, что у Пожарскаго такъ мало людей, и потому не смѣлъ напасть на него, а раскинулъ станъ въ двухъ верстахъ; Пожарскій не хотѣлъ покинуть своего стана: «Всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ,» отвѣчалъ онъ своимъ ратнымъ людямъ, которые уговаривали его отступить къ Болхову. Вечеромъ возвратился назадъ бѣглый воевода Исленьевъ, ночью стали съѣзжаться и другіе бѣглецы; на другой день, видя около себя сильную рать, Пожарскій началъ наступательное движеніе на Лисовскаго; тотъ быстро снялся съ мѣста и сталъ подъ Кромами; видя, что преслѣдованіе не прекращается, въ однѣ сутки прошелъ 150 верстъ и явился передъ Болховомъ; отбитый отсюда воеводою Волынскимъ, сжегъ Бѣлевъ; потомъ приступилъ было къ

Лихвину, но потерпѣлъ здѣсь неудачу и сталъ въ Перемышлѣ, откуда воевода со всѣми ратными людьми выбѣжалъ въ Калугу. Пожарскій остановился въ Лихвинѣ; здѣсь, подкрѣпивъ себя Казанскою ратью, погнался опять за Лисовскимъ; тотъ началъ по прежнему отступать, выжегъ Перемышль и пустился на спѣхъ между Вязьмою и Можайскомъ; Пожарскій отрядилъ противъ него воеводъ, но самъ, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ, слёгъ отъ тяжкой болѣзни и отвезенъ былъ въ Калугу. Съ удаленіемъ Пожарскаго преслѣдованія кончились: ратные люди не пошли за Лисовскимъ, потому что Казанцы побѣжали въ Казань. Лисовскій могъ свободно броситься подъ Ржевъ Володимировъ, въ которомъ едва отсидѣлся отъ него бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, шедшій на помощь Пскову. Отступивъ отъ Ржева, Лисовскій былъ подъ Кашинымъ и подъ Угличемъ, гдѣ также едва отъ него отсидѣлись. Послѣ этого Лисовскій уже не приступалъ болѣе къ городамъ, но пробирался какъ тѣнь между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлемъ и Костромою къ Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тулою и Серпуховомъ до Алексина. Нѣсколько воеводъ было отпущено въ погоню за Лисовскимъ, но они безплодно кружили изъ одного мѣста въ другое; только въ Алексинскомъ уѣздѣ сошелся съ нимъ разъ князь Куракинъ, но не могъ причинить ему большаго вреда и перехватить путь въ Литву, куда явился наконецъ Лисовскій послѣ своего изумительнаго въ военныхъ лѣтописахъ круга и надолго памятнаго въ Московскомъ государствѣ. Съ тою же чудесною быстротою дѣйствовали на отдаленномъ сѣверѣ козаки Малороссійскіе: такой войны, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались Черкасы? изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ Поморскіе города, воевали Вагу и Тотемскія мѣста и Устюжскія, потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю, шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ

они не были, и вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли остановить ихъ; только въ Заонѣжскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане добили и послѣднихъ; воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ нигдѣ не стояли, земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій въ разныхъ мѣстахъ, шли продолжительные, хотя и безплодные переговоры о мирѣ. Въ Ноябрѣ 1614 года паны-рада прислали Московскимъ боярамъ грамоту, въ которой упрекали ихъ въ измѣнѣ Владиславу, и въ томъ, что оперва бояре сами хотѣли отдать свое дѣло съ Польшею на рѣшеніе императора, а потомъ съ гордостію отвергли это посредничество, продолжаютъ войну и держатъ Польскихъ плѣнниковъ въ тяжкомъ заключеніи; не смотря на то, они, паны, снова предлагаютъ завести мирные переговоры на рубежѣ. Бояре отвѣчали, что имъ и принять панскій листъ было непригоже, не только что по нему какія государскія дѣла дѣлать, потому что писано въ немъ не по прежнему обычаю, великаго государя имени не описано, и во всемъ писано высоко, не по прежнему обычаю. Не смотря однако на то, по миролюбію своему, бояре рѣшились принять грамоту отъ пановъ и отвѣчать на нее. Они оправдываются во всемъ, что взвели на нихъ паны. «Богу извѣстно, потомъ и окрестнымъ всѣмъ государямъ христіанскимъ и музульманскимъ, что мы во всемъ томъ, что вы на насъ пишите, невинны. Тѣ всѣ неправды учинились отъ государя вашего и съ вашей стороны, а наши души отъ того чисты; вамъ, братьѣ нашей, панамъ-радѣ, нынѣ и впередъ и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московскомъ государствѣ: то дѣло уже бывшее.» Касательно сношеній съ императоромъ о посредничествѣ бояре отвѣчаютъ, что когда еще второе ополченіе стояло подъ Москвою, тогда воеводы его послали Нѣмецкаго переводчика Еремѣя Еремѣева

къ императору съ просьбою, чтобъ онъ уговорилъ Сигизмунда отстать отъ неправдъ, «а о томъ мы къ цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтобъ цесарское величество насъ съ государемъ вашимъ взялъ на свой судъ: нечего намъ съ государемъ вашимъ судиться! Всемогущему Богу, и цесарскому величеству, и всѣмъ окрестнымъ государямъ неправды королевы передъ великими Россійскими государствами вѣдомы.» Бояре пишутъ, что императоръ прислалъ переводчика назадъ съ обѣщаніемъ писать Сигизмунду; что царь Михаилъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отправилъ къ императору пословъ, которые уже исполнили свое посольство; послѣ этого боярамъ показалось странно, что въ предѣлахъ Польскихъ явился императорскій гонецъ Сингель, присланный не къ царю, а къ боярамъ. Боярамъ не слѣдовало бы и входить съ Сингелемъ въ какія-либо сношенія; но уже государь, въ уваженіе прежней крѣпкой любви царей Московскихъ съ императорами, велѣлъ боярамъ принять Сингеля; сдѣланы были поэтому нужныя распоряженія, но Нѣмецкій гонецъ и посолъ Польскій почему-то не явились къ боярамъ, равно какъ Польское правительство до сихъ поръ не присылаетъ опаснаго листа для посла царскаго къ Сигизмунду. Потомъ бояре отвѣчаютъ на упреки въ дурномъ обхожденіи съ плѣнными: «У васъ, пишутъ они, наши не плѣнники, но послы, митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ, разлучены, по разнымъ мѣстамъ сидятъ въ темницахъ; а у насъ плѣнники ваши, Струсь съ товарищами живутъ въ Москвѣ, дворы имъ даны добрые, пищу и питье получаютъ достаточно, людямъ ихъ вольно всюду ходить по дѣламъ господскимъ, скудости и тѣсноты нѣтъ никакой.» Бояре заключаютъ грамоту извѣщеніемъ, что государь позволилъ имъ отправить своихъ пословъ на рубежъ, на съѣздъ съ Польскими послами. Любопытно взглянуть на боярскія подписи на грамотѣ: сначала видимъ имена старыхъ бояръ, князя Мстиславскаго, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и другихъ; на десятомъ мѣстѣ подпись князя Д. Т. Трубецкаго, на одиннадцатомъ князя Д. М. Пожарскаго, на

девятнадцатомъ Минина, въ дьякахъ подписалъ Сыдавный Васильевъ.

Съ этою грамотою отправленъ былъ Желябужскій, который получилъ такой наказъ: станутъ говорить, что Московскаго государства всякихъ чиновъ люди цѣловали крестъ королевичу Владиславу, то отвѣчать: «Московскаго государства всякихъ чиновъ люди передъ великимъ государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ и передъ сыномъ его во всемъ томъ невинны. Вся неправда и невинное христіанское кроворазлитіе учинились со стороны великаго государя вашего, а всего Московскаго государства людей души отъ того чисты. И вамъ за неправду государя вашего, нынѣ и впередъ, поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московскомъ государствѣ, и пословъ о томъ посылать незачѣмъ, то уже дѣло бывшее и давно о томъ государю вашему и вамъ ото всего Московскаго государства отказано накрѣпко». — О Заруцкомъ Желябужскій долженъ былъ говорить: «Вора Ивашку Заруцкаго и воруху Маринку съ сыномъ для обличенья ихъ воровства привезли въ Москву, Ивашка за свои злыя дѣла и Маринкинъ сынъ казнены, а Маринка на Москвѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ умерла, а государю и боярамъ для обличенья вашихъ неправдъ надобно было, чтобъ она жила. И теперь отчина царскаго величества отъ воровской смуты очистилась и воровская смута вся поминовалась.

Желябужскій долженъ былъ видѣться съ Филаретомъ, ударить ему челомъ отъ сына и говорить: «Великій государь сынъ вашъ васъ великаго государя велѣлъ о здоровьѣ спросить, а про свое здоровье велѣлъ сказать, вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы иноки Мароы Ивановны многоусердными къ Богу молитвами на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ здравствуемъ, только оскорбляемся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскяхъ очей не сподобляемся видѣть; молимъ милосердаго Бога, и радѣемъ и промышляемъ и хотимъ того, чтобъ милосердый Богъ вашу святыню изъ такой тягости высвободилъ.»

Грамота царская къ отцу начиналась такъ: «Великаго и всещедраго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, иже достойному святительскимъ и богоукрашеннымъ саномъ почитаему и украшаему, и нашему христіанскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнолюбнымъ тщаніемъ ко Господу о насъ прилежно молителю, и показателю словесныхъ христовыхъ овецъ и выну о овцахъ, паче же заблудшихъ, попремногу многовзыскательному тщателю, и разрѣшителю недоумѣннымъ, еже есть духовнымъ сплетеніемъ, поборнику и страдателю за святыя благосіятельныя христіанскія наши церкви и крѣпкому столпу въ православіи, и еже о Христѣ любезное на землѣ житіе чающе небеснаго рая жителю, старѣйшему и превысочайшему священноначаліемъ отцу отцемъ, великому государю моему преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, Божіею милостію и Его крѣпкою непобѣдимою десницею, содержай скипетръ великаго Россійскаго царствія, въ месть врагамъ, въ похвалу добродѣтелямъ, сынъ твоего изрядносіятельнаго отечества Михаилъ, Божіею милостію царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ, главу свою усерднѣ до земли преклоняетъ, касаяся твоимъ святительскимъ честнымъ стопамъ и со слезами у васъ, великаго государя моего отца, прося еже за ны святительскихъ вашихъ молитвъ и благословенія.» — Желябужскій долженъ былъ также править челобитье Филарету отъ иноки Мароы Ивановны, потомъ отъ духовныхъ властей, бояръ и всей думы. Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужскій долженъ былъ о здоровьѣ спросить и говорить имъ рѣчь: «Служба ваша, радѣнье и терпѣнье вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣемъ и промышляемъ, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить.» Потомъ Желябужскій долженъ былъ править имъ челобитье отъ властей и бояръ; такую же рѣчь отъ царя долженъ былъ сказать и Шеину, если съ нимъ увидится. Бывшаго царя, Василья Ивановича Шуйскаго и брата его Димитрія уже не было въ живыхъ; относительно же брата ихъ, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету наединѣ (если это

только возможно) Желябужскій долженъ былъ объявить, что въ Москвѣ дѣлается все доброе, всѣ великіе государи присылаютъ съ дарами и съ поминками великими, прося царской къ себѣ любви и дружбы.

Въ Варшавѣ паны приняли Желябужскаго по обычаю, спросили о здоровьѣ бояръ; Желябужскій отвѣчалъ, что бояре при великомъ государѣ далъ Богъ всѣ въ добромъ здоровьѣ. Когда онъ сказалъ: «при великомъ государѣ», то изъ всѣхъ сенаторовъ отозвался невѣжливо одинъ Левъ Сапѣга: «Еще де то у васъ не пошлый (настоящій) государь!» Филаретъ жилъ въ домѣ Льва Сапѣги, который былъ его приставомъ; Желябужскому позволено было здѣсь съ нимъ видѣться. Принявши государеву грамоту, Филаретъ спросилъ: «какъ Богъ милуетъ сына моего?» Желябужскій отвѣчалъ что слѣдуетъ. Послѣ этого Филаретъ началъ говорить послу и товарищамъ его: «Не гораздо вы сдѣлали, послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ къ Жигимонту королю прошать сына его Владислава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ въ правду, а послѣ меня обрали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Ѳедоровича: и вы въ томъ передо мною не правы; если уже вы хотѣли выбирать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома». Посолъ отвѣчалъ: «Царственное дѣло низачѣмъ не останавливается: хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя, сдѣлалось то волею Божіею, а не хотѣньемъ сына твоего». Филаретъ сказалъ на это: «То вы подлинно говорите, что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнью, изволеніемъ Божіимъ да вашимъ принужденьемъ», — и, обратясь къ Сапѣгѣ, прибавилъ: «Какъ было то сдѣлать сыну моему? остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ, и безсемеенъ, только насъ осталось—я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичь». Сапѣга отвѣчалъ ему грубо, срывая сердце: «Посадили сына твоего на Московское государ-

ство государемъ одни козаки Донцы». На это возразилъ Желябужскій: «что ты, панъ канцлеръ, такое слово говоришь! То сдѣлалось волею и хотѣньемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа Своего Святаго въ сердца всѣхъ людей.» Сапѣга замолчалъ. Желябужскій сталъ править челобитья, и Филаретъ, прочтя грамоты, отдалъ ихъ Сапѣгѣ. О князѣ Голицынѣ Сапѣга сказалъ, что онъ остался въ Маріенбургѣ, Шеинъ съ женою и дочерью въ его Сапѣгиной вотчинѣ въ Слонимскомъ повѣтѣ, а сынъ въ Варшавѣ. Филаретъ замѣтилъ при этомъ: «Я не знаю, живъ ли или нѣтъ бояринъ князь Висилій Васильевичь Голицынъ, потому что мы съ нимъ давно разстались».

Кромѣ Сапѣги тутъ былъ еще другой приставъ, панъ Олешинскій. Филаретъ, обратясь къ нимъ обоимъ, сказалъ: «Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ: меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичь». Олешинскій спросилъ у Сапѣги: «Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ?» Сапѣга отвѣчалъ: «Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдясь отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Ѳедору». Панъ Олешинскій опять началъ говорить, обращаясь къ послу: «На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичь Владиславъ, а съ нимъ мы всѣ пойдемъ посполитою рѣчью; Владиславъ королевичь учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ». Филаретъ сказалъ на это: «Я въ патріархи не хочу;» а Желябужскій сказалъ: «Ты, панъ, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надѣемся на милость Божію, да на великаго государя Михаила Ѳедоровича, на его государское счастье, дородство, храбрость, и на премудрый разумъ надежны; нынѣ во всѣхъ его государствахъ миръ, покой и тишина, всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣютъ единодушно, и будемъ стоять противъ Владислава вашего королевича и противъ всѣхъ васъ. И прежде король вашъ съ королевичемъ и съ вами со всѣми приходилъ доступать государства Московскаго и при-

шелъ подъ Волокъ Ламскій, а Волокъ въ великомъ государствѣ Московскомъ какъ бы деревенька малая, и тутъ короля вашего людей побили, и отошелъ король вашъ изъ-подъ Волока съ невеликими людьми». Олешинскій на это не сказалъ ничего, а спросилъ Желябужскаго: «Помнишь ли ты меня, какъ я былъ на Москвѣ?» — «Помню, отвѣчалъ Желябужскій, какъ ты при царѣ Васильѣ былъ на Москвѣ и на отпускѣ въ палатѣ крестъ цѣловалъ о перемирныхъ лѣтахъ, чтобъ лиха надъ Московскимъ государствомъ ничего не дѣлать». Олешинскій замолчалъ. Тутъ вошла жена Струся и начала просить Филарета написать къ царю Михаилу, чтобъ мужа ея жаловалъ. Филаретъ обѣщалъ, а Желябужскій сказалъ ей: «Великій государь нашъ милосердъ и праведенъ, не только мужа твоего жаловалъ, мужъ твой человѣкъ имянной, но которые и хуже твоего мужа, и тѣхъ всѣхъ жалуетъ». На это Левъ Сапѣга сказалъ: «Что вы говорите, что государь вашъ милостивъ и на кровь христіанскую не посягаетъ! видимъ мы и то, что государь вашъ посылалъ къ Турскому царю закупать, чтобъ царь Турскій стоялъ съ нимъ за одно на Польское и Литовское государство, а грамоты тѣ государя вашего теперь у насъ». Желябужскій отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Этимъ свиданіе кончилось.

На отпускѣ у пановъ-рады Левъ Сапѣга опять говорилъ невѣжливо: «Еще де то у васъ не пошлый государь; два у васъ государя: одинъ у васъ на Москвѣ, а другой здѣсь, Владиславъ королевичь, ему вы всѣ крестъ цѣловали». Желябужскій отвѣчалъ по наказу, что это дѣло бывшее и дальнее, и поминать о томъ не пригоже. Онъ требовалъ, чтобъ въ отвѣтной грамотѣ было описано имя царя Михаила какъ слѣдуетъ; Сапѣга отвѣчалъ: «Теперь мы, паны-рада, васъ отпускаемъ съ добрымъ дѣломъ отъ кого вы пришли, къ братьѣ своей боярамъ, а государева титула писать нельзя, о томъ будутъ большіе послы съ обѣихъ сторонъ, и обо всѣхъ великихъ дѣлахъ будутъ говорить и судиться предъ Богомъ; и какъ постановятъ великое доброе дѣло, тогда станутъ государево имя и титулъ писать.» Желябужскій провѣдалъ, что всѣ Литовскіе сенаторы хотятъ мира

съ Москвою, кромѣ Льва Сапѣги, который одинъ короля манитъ; а большой посягатель на вѣру христіанскую самъ король да сенаторы Польскіе, а всѣхъ пуще канцлеръ, панъ Крицкій да маршалокъ Литовскій, панъ Дростальскій. На сеймѣ король будетъ просить побору, чтобъ идти къ Москвѣ посполитымъ рушеньемъ: но въ Литвѣ приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитымъ рушеньемъ съ королевичемъ не хаживать, то уже дѣло минуло, королевичу къ Москвѣ идти непочто, стало намъ самимъ до себя: дѣйствительно на сеймѣ Литовскіе сенаторы не согласились на войну. На дорогѣ, въ имѣніи Льва Сапѣги, Желябужскій видѣлся съ Шеинымъ, который приказывалъ къ государю и къ боярамъ: «Какъ будетъ размѣна съ Литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали посламъ на крѣпко, чтобъ береглись обману отъ Литовскихъ людей; посламъ бы сходиться между Смоленскомъ и Оршею на старомъ рубежѣ; у Литвы съ Польшею рознь большая, а съ Турками мира нѣтъ; если государевы люди въ сборѣ, то надобно непремѣнно Литовскую землю воевать и тѣсноту чинить, теперь на нихъ пора пришла;» да приказывалъ, чтобъ никакъ плѣнниками порознь не размѣнивались. Желябужскій разузналъ также, что король при казывалъ Филарету писать къ сыну грамоты, какія ему, королю, надобны, и Левъ Сапѣга тоже приказывалъ, но митрополитъ за то сталъ и королю отказалъ, что отнюдь ему такихъ грамотъ не писывать; за то Желябужскаго и не пустили проститься съ митрополитомъ. Самъ панъ Гридичь, котораго король и Сапѣга посылали къ Филарету, говорилъ посламъ: «Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ».

Желябужскій привезъ боярамъ грамоту, въ которой паны предлагали съѣздъ уполномоченныхъ на границѣ между Смоленскомъ и Вязьмою. Въ грамотѣ паны писали также: «Пока холопи вами владѣть будутъ, а не отъ истинной крови великихъ государей происходящіе, до тѣхъ поръ гнѣвъ Божій надъ собой чувствовать не перестанете, потому что государствомъ

какъ слѣдуетъ управлять и успокоить его они не могутъ. Изъ казны Московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее ростащили, потому что не справедливо и съ кривдою людскою была собрана». Несмотря на такія грубости, предложеніе было принято, и въ Сентябрѣ 1615 года, по соборному рѣшенію, отправились къ Литовской границѣ великіе уполномоченные послы, бояре-князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ; съ Польской стороны уполномоченными были: Кіевскій бискупъ князь Казимирскій, гетманъ Литовскій Янъ Ходкевичь, канцлеръ Левъ Сапѣга, староста Велижскій Александръ Гонсѣвскій; посредникомъ былъ императорскій посолъ Еразмъ Ганделіусъ. Переговоры должны были происходить между Смоленскомъ и Острожками. Воротынскій съ товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная съ нарушенія перемирія при царѣ Борисѣ приводомъ Лжедимитрія. Если паны скажутъ, что еще при ворѣ князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьями и многими боярами билъ челомъ королю, чтобъ ихъ отъ разстриги оборонилъ и далъ въ цари сына своего, то князь Воротынскій долженъ былъ отвѣчать: «Я князь Иванъ Михайловичь въ тѣ поры былъ въ своей братьѣ въ боярахъ честенъ и любили меня мои братья всѣ, а Шуйскіе были мнѣ друзья и ни въ чемъ отъ меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича съ братьею нѣтъ, и хотите на мертвыхъ что-нибудь затѣять; а мы того не дѣлывали и въ разумѣ нашемъ того не бывало». Если паны скажутъ, что бояре наказывали объ этомъ королю съ Иваномъ Безобразовымъ, да съ Михайлою Толочановымъ, то отвѣчать: «Иванъ Безобразовъ и Михайла Толочановъ Разстригѣ были изъ Русскихъ людей первые друзья и вѣрники: какъ еще Разстрига пришелъ въ Монастыревскій, то Михайло Толочановъ тогда уже учинился у него вѣрникомъ, за Михайлову измѣну царь Борисъ жену и дѣтей его разослалъ по городамъ по тюрьмамъ; а Иванъ Безобразовъ по ворѣ Ѳедькѣ Андроновѣ сталъ Разстригѣ близокъ на Москвѣ, а какъ Разстригу убили, то онъ съ Москвы сбѣжалъ и въ Тушинѣ у вора

былъ, и съ такими какъ было приказывать?» Если Александръ Гонсѣвскій скажетъ, что послѣ Разстригина убійства былъ онъ у князя Дмитрія Шуйскаго и говорилъ, чтобъ попамятовали, о чемъ къ королю приказывали, и князь Дмитрій не запирался, — то отвѣчать: «Князя Дмитрія теперь нѣтъ, что захочешь, то на него и затѣешь».

Воротынскій долженъ былъ такъ жаловаться на поведеніе Гонсѣвскаго и Поляковъ въ Москвѣ: «Немногіе тогда наши братья бояре жили на своихъ дворахъ, многихъ бояръ и боярскихъ женъ съ дворовъ посослали, а стали жить Польскіе и Литовскіе люди, имѣніемъ и запасами ихъ завладѣли. Какъ гетманъ пошелъ подъ Смоленскъ, то послѣ его ты, Александръ Гонсѣвскій, сталъ жить на царевѣ Борисовѣ дворѣ, а Михайла Салтыковъ, мимо своего дворишка, на дворѣ Ивана Васильевича Годунова, а Ѳедька Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа, на которомъ никогда никто не стаивалъ и не живалъ; меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольничаго князя Александра Засѣкина подавали за приставовъ; по воротамъ по всѣмъ поставили сторожей своихъ, рѣшетки у улицъ посломали, и Московскимъ никакимъ людямъ съ саблею не только при бедрѣ, и купцамъ съ продажными и плотникамъ съ топорами ходить и ножей при бедрѣ никому носить не велѣли, дровъ мелкихъ на продажу и крестьянамъ привозить не давали; женъ и дочерей брали на блудъ, и по вечерамъ побивали всякихъ людей, кто идетъ улицею изъ двора во дворъ, къ заутрени не только мірскимъ людямъ и священникамъ ходить не давали. Ѳедькѣ Андронову велѣлъ государь вашъ быть казначеемъ и думнымъ дворяниномъ, Степану Соловецкому въ Нижегородской четверти думнымъ дьякомъ, Васькѣ Юрьеву у денежныхъ сборовъ, Евдокиму Витовтову въ разрядѣ думнымъ первымъ дьякомъ, Ивану Грамотину печатникомъ, посольскимъ и помѣстнымъ дьякомъ; въ Большомъ приходѣ князю Ѳедору Мещерскому, въ Пушкорскамъ приказѣ князю Юрію Хворостинину, въ Панскомъ приказѣ вѣдомому вору Михалкѣ Молчанову, въ Казанскомъ дворцѣ Ивану Салтыкову; а ты Александръ Гонсѣвскій,

по королевской же грамотѣ, учинился на имя бояриномъ Стрѣлецкомъ приказѣ. Ты видѣлъ самъ, какую бѣду мы бо[…] отъ твоихъ совѣтниковъ, отъ худыхъ людей, отъ Ѳедьки А[…]дронова съ товарищами терпѣли, никто насъ такъ при пре[…]нихъ государяхъ не безчещивалъ, какъ тотъ дѣтина, а ты [...] на все попускалъ; только бы не ты, то ему самому [...] было и помыслить чтобъ противъ насъ говорить и насъ без[...]стить? Раззоренье Московскому государству учинилось отъ [го]сударя вашего и отъ васъ, мститель за то будетъ вамъ и [...] намъ вашимъ и дѣтямъ Богъ, сами увидите; самъ себя госу[...]даря вашего сынъ отъ Московскаго государства отженулъ [мно]гими своими неправдами и кровопролитіемъ. Какъ приходи[лъ] съ войскомъ гетманъ, ты Карлусъ Ходкѣвичь, то ты, Але[к]сандръ Гонсѣвскій, намъ всѣмъ говорилъ, чтобъ намъ быть подъ королевскою рукою, измѣнниковъ, князя Юрія Трубецкаго, Ивана Грамотина, Василья Янова ты за этимъ къ намъ при[]сылалъ».

Если скажутъ: «бояре сами присылали къ королю, что отъ васъ на Москвѣ смута, присылалъ воръ къ Москвѣ попа Харитона съ грамотами, а къ вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засѣкина, и за то ихъ бояре сами велѣли беречь: и если въ васъ, большихъ людяхъ, была измѣна, то королю какъ было сына своего на государство дать? Если станутъ класть боярскія грамоты, какъ о томъ писали, — то отвѣчать: «На меня, князя Ивана съ товарищами затѣяли вы и вора попа научили, а боярамъ, что вы велѣли, то они и дѣлали. Отъ васъ большая смута, и ссора, и кроворазлитіе. Только бы тогда государь вашъ положился на насъ природныхъ бояръ, а тебя Александра въ урядъ и измѣнниковъ воровъ въ приказы не прислалъ, худыхъ людей, то ничего бы худаго и не было, было бы все хорошее. Видали мы и отъ прежнихъ государей себѣ опалы, только во всемъ государствѣ справа (управленіе) всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили, и чести нашей природной не отнимали; а

какъ обрали мы на государство государя вашего сына, то онъ еще не бывалъ, а у насъ у всѣхъ честь отнялъ: прислалъ тебя, велѣлъ тебѣ государственныя и земскія дѣла всякія вѣдать въ такомъ великомъ государствѣ, а у государя своего ты и до сихъ поръ въ радѣ не бывалъ; да съ тобою прислалъ Московскаго государства измѣнниковъ, самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, а подавалъ имъ окольничество, казначейство, думное дьячество; ужъ и не было въ худыхъ никого, ктобъ отъ государя вашего думнымъ не звался; кто дастъ Льву Сапѣгѣ пару соболей, тотъ дьякъ думный, а кто сорокъ, тотъ бояринъ и окольничій. Такой мы отъ государя вашего чести дожили, потому такъ и сталось».

А если скажутъ: «Еще въ бытность гетмана Жолкѣвскаго въ Москвѣ Василій Бутурлинъ посыланъ былъ отъ бояръ въ Рязань, тамъ съ Прокофьемъ Ляпуновымъ сговорился, и Ляпуновъ подъ столицу сталъ подступать, а Василій Бутурлинъ воротился назадъ въ Москву, пѣхоту Нѣмецкую уговаривалъ королю измѣнить, самъ на себя у пытки сказалъ»,—отвѣчать: «Если Василій Бутурлинъ какое дурно и помыслилъ съ молодости, то бояре сами велѣли его пытать, а Василій съ пытки на себя никакого умышленья не говорилъ, пріѣзжалъ къ нему Прокофья Ляпунова человѣкъ спрашивать о томъ, что на Москвѣ дѣлается? ты, Александръ Гонсѣвскій, съ совѣтникомъ своимъ, съ торговымъ дѣтиною Өедькою Андроновымъ, съ казначеемъ государя своего, походили въ казнѣ государей нашихъ, царскія сокровища осмотрѣли, и тебя взяла зависть, что отъ роду такого богатства не видывалъ; писалъ ты объ этомъ къ государю своему да къ пріятелю своему Льву Сапѣгѣ, захотѣли вы царскую казну у себя видѣть, и отъ того все зло сдѣлалось; и въ лѣтописецъ будемъ это для будущихъ родовъ писать».

Если станутъ говорить, что королю Московской казны ничего не досталось, то отвѣчать: «Какъ вы паны не стыдитесь! Ты Александръ съ Өедькою Андроновымъ лучшее выбирали и къ королю отсылали, а иное ночью къ тебѣ возили. Для прилики

вы велѣли казну переписывать боярамъ, но у казны были ваши же совѣтники; какъ бояре запечатаютъ и придутъ опять въ казну, а печатей боярскихъ уже нѣтъ, печать Ѳедьки Андронова. Ѳедькѣ о томъ говаривано отъ насъ бояръ много разъ, и онъ сказывалъ, что велѣлъ распечатать ты, Александръ Гонсѣвскій.»—Послы должны были показать панамъ списокъ вещамъ, которыя отосланы были къ королю, и при этомъ сказать: «Это извѣстно, да и немного здѣсь, а больше того и лучшія узорочья взяты изъ казны и посланы къ королю тайно; а иное ты, Александръ Гонсѣвскій, себѣ бралъ и пріятелямъ своимъ посылалъ». Если будутъ говорить, что король не хотѣлъ брать Москвы себѣ, а хотѣлъ послать сына, то уличить грамотами, писанными къ князю Ивану Куракину, къ Михайлѣ Салтыкову и къ Андронову. Если Гонсѣвскій будетъ говорить, что онъ владѣлъ въ Москвѣ Польскими людьми, до Московскаго же управленія ему и дѣла не было, а какъ онъ пойдетъ бывало вверхъ къ боярамъ поговорить о какихъ-нибудь дѣлахъ, то ему на дорогѣ и на дворѣ у него русскіе люди подавали многія челобитныя, и онъ всѣ челобитныя у нихъ бралъ и приносилъ къ боярамъ, и по этимъ челобитнымъ дѣлали и указывали всѣ бояре, а подписывали челобитныя ихъ Русскіе дьяки, грамоты къ королю писали бояре же, а онъ этихъ грамотъ не передѣлывалъ:—отвѣчать: «Это точно такъ, панъ Александръ, было: къ боярамъ ты ходилъ, челобитныя приносилъ: только пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальскаго, Ѳедьку Андронова, Ивана Грамотина съ товарищи, а намъ и не слыхать, что̀ ты съ своими совѣтниками говоришь и приговариваешь, и что̀ велишь по которой челобитной сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои жь совѣтники, дьяки Иванъ Грамотинъ, Евдокимъ Витовтовъ, Иванъ Чичеринъ, да изъ торговыхъ мужиковъ Степанка Соловецкій, а старыхъ дьяковъ всѣхъ ты отогналъ прочь. И то была намъ всѣмъ боярамъ смерть, что къ тому недостойный торговый дѣтина Ѳедька Андроновъ прійдетъ и сядетъ съ нами, съ Мстиславскимъ и со мною Во-

ротынскимъ и съ иными нашими братьями вмѣстѣ, и намъ указывалъ и мимо насъ распоряжался; Богъ видитъ сердца наши: въ то время мы всѣ живы не были. А грамоты отъ бояръ всѣ писали по твоей волѣ, бояре у васъ были все равно что въ плѣну, приказывали руки прикладывать, и они прикладывали». Если паны скажутъ, что сами они бояре многую казну прежнихъ государей продавали, сосуды серебряные переливали въ деньги и давали Польскимъ и Литовскимъ людямъ, которые стояли въ Москвѣ для ихъ береженья отъ вора, и станутъ класть объ этомъ боярскую грамоту, которая послана съ Иваномъ Безобразовымъ 19 Генваря:—отвѣчать: «Бояре были въ казнѣ невольны, владѣли всею казною Андроновъ, а надъ нимъ Гонсѣвскій, продавали казну и мягкую рухлядь и платье, приговаривали быть у продажи бояранъ и дьякамъ, а они лишь только сидѣли да смотрѣли». Въ заключеніе наказа говорится: «выговаривать гладко, а не ожесточить, чтобъ съ ними жестокими словами не разорвать».

Но трудно было подобныя вещи выговаривать гладко, и трудно было исполнить это князю Воротынскому, котораго Гонсѣвскій озлобилъ еще въ Москвѣ. Когда въ Ноябрѣ мѣсяцѣ открылись съѣзды, и Московскіе послы по наказу начали дѣло тѣмъ, что стали вычитать многія неправды Жигимонта короля, то Литовскіе послы стали сердиться, кричать и браниться: «намъ за позоръ государя своего стоять и биться!» кричали они. Посредникъ, цесаревъ посолъ былъ тутъ, но въ дѣло не вмѣшался, и этимъ первый съѣздъ кончился. На второмъ съѣздѣ бискупъ Кіевскій говорилъ рѣчь изъ бытій и изъ хроникъ Польскихъ о клятвопреступленіи при прежнихъ Израильскихъ и Римскихъ царяхъ, приводя къ тому, что Московскіе послы на первомъ съѣздѣ вычитали неправды королевскія. Потомъ говорилъ рѣчь по письму Янъ Гридичь про Разстригу, оправдывая государя своего короля, наконецъ говорилъ рѣчь по письму Александръ Гонсѣвскій, вычитая неправды государя Бориса и государя Василья, сношенія ихъ съ иностранными государствами на короля. Между прочимъ Гонсѣвскій читалъ:

«Давно, еще при Димитріи, котораго вы называете Гришкою Разстригою, бояринъ князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьею и другіе многіе Московскіе бояре знатные люди, нѣкоторымъ панамъ—радамъ тайно объявляли свою мысль, что хотятъ видѣть господаремъ своимъ королевича Владислава. Потомъ князь Василій Голицынъ, забывши свое крестное цѣлованіе королевичу, желалъ себѣ господарства Московскаго, какъ скоро выѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, то съ дороги сослался съ воромъ Калужскимъ и промышлялъ, чтобъ емусъ своими совѣтниками сдѣлать на Москвѣ господаремъ вора Калужскаго, а потомъ убить, точно также какъ прежняго Димитрія Разстригу убили, и сдѣлаться самому господаремъ какъ прежде Шуйскій сдѣлался. Я, Александръ Гонсѣвскій, оставшись на Гетманскомъ мѣстѣ съ войскомъ, не былъ бояриномъ и никакимъ урядникомъ Московскимъ, въ дѣла земскія Московскія не вмѣшивался, а будучи только намѣстникомъ гетманскимъ, правилъ войскомъ, и ратниковъ своихъ за самыя малыя вины строго и сурово наказывалъ, по артикуламъ гетманскимъ. Помните, какъ въ скорости по отъѣздѣ гетманскомъ войсковой товарищъ Тарновецкій, пивши вмѣстѣ съ попомъ побранились, и онъ ударилъ попа рукою по лицу до крови. Я присудилъ его къ смертной казни; но патріархъ и бояре присылали ко мнѣ, а князь Мстиславскій съ другими многими боярами и съ тѣмъ самымъ попомъ приходилъ ко мнѣ на подворье и просилъ, чтобъ я Тарновецкаго выпустилъ изъ тюрьмы и не велѣлъ казнить; уважая патріарха и бояръ, я долженъ былъ это сдѣлать, но чтобъ впередъ другимъ своевольникамъ неповадно было воровать и людей Московскихъ, простыхъ и неразсудительныхъ, отъ господаря отводить, велѣлъ у Тарновецкаго отсѣчь правую руку, что и было исполнено въ Китаѣ городѣ, противъ Фроловскихъ воротъ, передъ всѣмъ міромъ; бояре и всѣ Русскіе люди этому дивились и самъ патріархъ послѣ мнѣ выговаривалъ, что за такую малую вину непригоже было тамъ люто казнить. Потомъ гайдуки наши побранились, надѣлали шуму подлѣ церкви, гдѣ служилъ патріархъ: я осудилъ ихъ на смертную

казнь; въ ту же ночь два пахолика въ Китаѣ городѣ яблоки и орѣхи продажные разграбили: я и тѣхъ велѣлъ казнить смертью: но патріархъ, зазвавши меня къ себѣ, не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока я не приказалъ всѣхъ этихъ людей освободить отъ смертной казни, которую замѣнилъ кнутомъ. Нѣмцевъ за церковный грабежъ я велѣлъ казнить смертью и такъ ихъ настращалъ этимъ, что послѣ они и слова дурнаго не смѣли сказать Русскому человѣку. Вспомните и то, какъ Полякъ аріанской вѣры въ пьяномъ видѣ выстрѣлилъ въ образъ Владимирской Богородицы у Никольскихъ воротъ: я велѣлъ ему руки и ноги отсѣчь, самого живаго огнемъ сжечь, а руки отсѣченныя велѣлъ подъ образомъ гвоздями прибить. Не только въ столицѣ, но и на сторонѣ никакая вина безъ наказанья не проходила; живой тому свидѣтель князь Борисъ Михайловичь Лыковъ: я осудилъ на смерть ротмистра, который пограбилъ его деревни, и самъ князь Борисъ едва его отъ смертной казни отпросилъ. А въ меньшихъ дѣлахъ поставлены были судъ и управу чинить между Литовскими и Московскими людьми князь Григорій Петровичь Ромодановскій, а отъ меня и отъ войска полковникъ Дуниковскій да поручикъ Войтковскій. И такъ съ нашей стороны не было подано нималѣйшаго повода къ неудовольствію и возстанію. А съ вашей стороны какія неправды были, это мы докажемъ не голыми словами, а на письмѣ. Вопервыхъ когда гетманъ Жолкѣвскій вошелъ въ Москву, то стольникъ Василій Ивановичь Бутурлинъ, отпросившись у бояръ на время въ свое помѣстье, съѣзжался въ Рязани съ Прокофьемъ Ляпуновымъ, придумали они и на словѣ тайно между собою положили, какъ вновь смуту въ Московскомъ государствѣ завести, Польскихъ и Литовскихъ людей въ Москвѣ побить, противъ короля и королевича войною стоять. Ляпуновъ самъ замышлялъ сдѣлаться царемъ, и говорилъ съ своими совѣтниками: «Вѣдь Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и Гришка Отрепьевъ не лучше меня были, а на государствѣ сидѣли.»

Возвратясь въ Москву ,Бутурлинъ насъ обманывалъ, клялся, что служитъ царю Владиславу, а самъ, высматривая все въ

Москвѣ, передавалъ Ляпунову въ Рязань, Нѣмцевъ тайно подговаривалъ и на насъ подкупалъ; посланецъ Ляпунова съ грамотами смутными схваченъ и въ пыткѣ на Бутурлина измѣну сказалъ и на колъ посаженъ; а Бутурлина всѣ бояре съ дворянами, старостами и сотскими велѣли пытать, и онъ самъ на себя сказалъ, что хотѣлъ съ Нѣмцами и Ляпуновымъ ночью на насъ ударить и побить.

Потомъ въ скорости послѣ гетманскаго отъѣзда, лазутчики начали метать грамоты отъ вора Калужскаго; одного изъ этихъ лазутчиковъ, попа, схватили, пытали при дворянахъ, гостяхъ, старостахъ и сотскихъ, и онъ сказалъ, что князь Василій Голицынъ, идучи подъ Смоленскъ, съ дороги тайно къ вору въ Калугу писалъ, звалъ его на Литовское государство, а князь Андрей Васильевичь Голицынъ о томъ зналъ же; тотъ же попъ сказалъ, что воръ по ссылкѣ со многими Московскими людьми умышлялъ придти ночью подъ Москву, побить насъ, бояръ, дворянъ большихъ родовъ и всякихъ людей Московскихъ, которые съ нимъ въ воровскомъ совѣтѣ не были, а женъ, сестеръ и имѣніе ихъ отдать холопямъ козакамъ, которые ему добра хотѣли. А Гермогенъ патріархъ мнѣ Александру ласку и любовь свою показывалъ, въ подарокъ кушанья и питья присылывалъ, устами цѣловалъ, а въ сердцѣ гнѣвъ безъ причины на господаря своего Владислава и на насъ держалъ. Призвавши насъ въ городъ для собственной защиты, онъ тотчасъ началъ заводить смуту и кровь; священникамъ въ Москвѣ приказывалъ, чтобъ васъ, сыновей своихъ духовныхъ противъ насъ въ гнѣвъ и ярость приводили: доказательство тому письмо вашего священника Московскаго, который меня остерегалъ, и описалъ прежнія многія дѣла патріарха, какъ онъ въ Донскихъ козакахъ и потомъ попомъ въ Казани былъ; по этому письму поповскому найдены были въ приказѣ Казанскаго Дворца многіе доводы на Гермогена, которые при прежнихъ государяхъ Русскіе люди Казанцы на него дѣлали. Когда воръ въ Калугѣ умеръ, то патріархъ тайно разослалъ по городамъ грамоты смутныя; тогда же пойманъ въ Москвѣ на измѣнѣ Ѳедоръ Погожій

и въ разспросѣ разсказалъ весь злой заводъ и совѣтъ митрополита Филарета, какъ онъ ѣдучи изъ Москвы, на словѣ съ патріархомъ положилъ, чтобъ королевичу на Московскомъ государствѣ не быть, патріархъ взялся всѣхъ людей къ тому приводить, чтобъ посадить на царство сына его Михаила; а Филаретъ изъ-подъ Смоленска смутныя грамоты въ Ярославль и въ иные города писалъ, будто король королевича на Московское государство дать не хочетъ. По такимъ заводамъ отъ патріарха и отъ Филарета люди ваши Московскіе что надъ нашими людьми дѣлали? Вездѣ нашихъ заманя на посадъ, въ Деревянный городъ и въ иныя тѣсныя мѣста, или позвавъ на честь, давили и побивали, а пьяныхъ извощики приманя на сани, давили и въ воду сажали. А торговые люди на торгу живность, рыбу и мясо продавали нашимъ вдесятеро дороже, да при этомъ еще слугъ нашихъ облаютъ и опозорятъ. Когда Ляпуновъ съ товарищами своими спѣшили къ Москвѣ, мы въ воскресенье съ боярами въ палатѣ совѣтовались, а въ Бѣломъ городѣ на Кулишкахъ людишки черные безъ причины на людей нашихъ ударили, до пятнадцати ихъ ранили, саней девять съ лошадьми взяли и разграбили, людей земскихъ и посланцевъ боярскихъ ругали и побить хотѣли: мы все это стерпѣли. Въ понедѣльникъ нарядъ по воротамъ разставляли; во вторникъ рано ротмистръ Козаковскій пушку къ водянымъ воротамъ въ Китаѣ везъ, а я съ полковниками и ротмистрами въ Кремлѣ обѣдню слушалъ; панъ Зборовскій тоже въ Китаѣ-городѣ дѣлалъ; о задорѣ мы и не думали и кровопролитія начинать не хотѣли. А въ это время въ Китаѣ подлѣ той пушки мужикъ Москвичь жердью ударилъ по головѣ пана Грушецкаго, такъ что тотъ на землю мертвый палъ, другіе въ колокола ударили; а за Живымъ мостомъ на многихъ мѣстахъ новыя знамена развернули. Я въ полъобѣдни въ Китай-городъ побѣжалъ и уже за Фроловскими воротами меня съ конемъ моимъ догнали: вскочивши на лошадь, я началъ кровь унимать и палашомъ нѣсколько пахоликовъ ранилъ; но въ это время Москвичи и по мнѣ самомъ начали стрѣлять изъ самопаловъ; тутъ войско наше разсердилось и пошло на прямой бой. Мос-

ковскіе люди множествомъ насъ перемогли; въ ночь Плещеевъ съ товарищами отъ Ляпунова съ великимъ войскомъ въ Деревянный городъ по Коломенской дорогѣ пришелъ и вмѣстѣ со всѣми измѣнниками надъ нами промышлять началъ. На другой день въ середу большіе бояре всѣ выѣхали въ Бѣлый городъ, хотѣли увѣщаніями кровь унять, но Москвичи ихъ не послушали и стали по нихъ стрѣлять. Тогда мы пошли на жестокій бой.»—Московскіе послы отвѣчали на все по наказу, при чемъ противъ королевскаго имяни не вставали и шапокъ не снимали. Этимъ кончился второй съѣздъ.

Между тѣмъ Московскіе послы видѣлись съ Ганделіусомъ, который говорилъ съ ними старымъ славянскимъ языкомъ безъ толмача. Онъ говорилъ: «Вы называете своего государя, а Польскіе послы называютъ государемъ своего королевича, и у одного государства стало два государя; тутъ между вами огонь и вода: чѣмъ воду съ огнемъ помирить?» Когда дворяне Московскаго посольства провѣдывали у дворянъ Австрійскаго, на чѣмъ Поляки хотятъ мириться, то Нѣмцы отвѣчали:» «Литва вамъ зло мыслитъ, мириться вамъ съ нею вотъ чѣмъ» (указывая на самопалъ). Когда узнали обо всемъ этомъ въ Москвѣ, то посламъ отправили грамоту: «Вы бы цесареву послу сами ни о чемъ говорить не посылали, и на съѣздѣ сами ничего не говорили, и ни въ чемъ на него не ссылались и не полагались, въ третьи его не призывали. А если станетъ самъ говорить, то вы бы съ нимъ говорили, во всемъ отъ него остерегаясь и ни въ чемъ ему не вѣря.» Послѣ этого Ганделіусъ прислалъ сказать Воротынскому, что хочетъ съ нимъ видѣться; послы приняли его у себя въ острогѣ и улаживали съ нимъ, какъ съѣзжаться съ Польскими послами опять. Но когда они дали знать объ этомъ въ Москву, то получили такую грамоту: «Мы тому подивились, какими обычаями вы такъ дѣлаете? сами вы къ намъ писали, что цесаревъ посолъ доброхотаетъ королю, да и по всему, по пріѣзду его и по листамъ, которые онъ писалъ къ боярамъ и къ вамъ, и по разговору, что онъ съ вами говорилъ, явно, что онъ доброхотаетъ королю; а вы его пустили въ

острогъ и все ему показали и писать ему велѣли. Ясно, что онъ писалъ не все о томъ только, какъ вамъ съ Польскими послами съѣзжаться, а писалъ, что высмотрѣлъ и примѣтилъ въ острогѣ. И вы бы впередъ цесарева посла въ острогъ не пускали, о съѣздѣ его не задирали и ни о чемъ не задирали, къ его словамъ говорили бы, смотря по дѣлу, а не жестоко, гладко, чтобъ его не ожесточить.»

На третьемъ съѣздѣ Янъ Гридичь опять говорилъ рѣчь по тетради мало не до самаго вечера; вся рѣчь писана много и пространно о преступленіи крестнаго цѣлованья, писано изъ Польскихъ и Литовскихъ хроникъ, приложено многими притчами и философскими науками; все говорилось въ оправданіе короля и пановъ во всемъ и приводилось нато, чтобъ королевича взять на государство. Между прочимъ Гридичь читалъ: «Часто вы говорите о Ѳедорѣ Андроновѣ, что человѣку гостиной сотни непригоже было казеннымъ урядникомъ быть: но это случилось по утвержденію вашихъ же большихъ людей, что и при прежнихъ государяхъ такіе у такихъ дѣлъ бывали. Да и теперь у васъ не лучше Андронова Кузьма Мининъ, мясникъ изъ Нижняго Новгорода, казначей и большой правитель, всѣми вами владѣетъ, и другіе такіе же многіе по приказамъ у дѣлъ сидятъ.» «И мы, доносятъ послы, тѣхъ ихъ рѣчей слушать не хотѣли, говорили противъ твоего государева наказа съ бранью и съ шумомъ, что того намъ не слушать, да и имъ о томъ говорить непригоже, восхищая судъ Божій на себя: то дало минущее. И Литовскіе послы говорили съ шумомъ: мы вашихъ рѣчей у всѣхъ васъ слушали порознь, а вы только не станете нашихъ рѣчей слушать, то намъ съѣзжаться нечего; какъ выслушаете наши рѣчи, тогда и будете говорить. Когда Литовскіе послы стали съ нами разъѣзжаться и давать намъ свои рѣчи на письмѣ, то мы этихъ рѣчей у нихъ не взяли, потому что въ нихъ писаны многія непригожія слова про тебя, великаго государя, все для того, чтобъ привесть королевича къ Московскому государству. Стоявши съ ними за твое государево имя накрѣпко и отказавъ имъ, что впередъ отъ

нихъ о королевичѣ и слушать не хотимъ, разъѣхались». Государь отвѣчалъ посламъ: «Вы то сдѣлали хорошо, что за наше царское имя стояли и письменныхъ у нихъ рѣчей не взяли. И вы́бъ дѣлали, какъ васъ Богъ вразумить, по ихъ рѣчамъ».

1-го Декабря былъ четвертый съѣздъ. Московскіе послы письменно отвѣчали на рѣчи Польскихъ пословъ, которыя были читаны на третьемъ съѣздѣ. Бискупъ оправдывалъ во всемъ Гонсѣвскаго, говорилъ, что Гонсѣвскій панъ радный и человѣкъ честный, и потому про него говорить такихъ рѣчей не надобно. «И мы, доноситъ Воротынскій государю, говорили, что знали мы Александра Гонсѣвскаго тогда, когда онъ въ Москвѣ со Львомъ Сапѣгою былъ въ подъячихъ, а теперь онъ у государя вашего честь выслужилъ бездушествомъ и Московскимъ раззореньемъ, а только бы не то, и онъ по прежнему былъ бы въ подъячихъ. Александръ Гонсѣвскій говорилъ на это ердитыя и укорительныя не пригожія рѣчи про тебя, великаго государя, будто выбирали тебя одни козаки, а Христофъ Радзивилъ говорилъ, что цѣловали крестъ королевичу всѣ, и нынѣ онъ королевичь на Московское государство готовъ, и только его на государство не возьмутъ, то они за его позоръ готовы всѣ головы свои положить сейчасъ. И мы противъ тѣхъ ихъ рѣчей говорили съ ними въ брань, что никакихъ рѣчей слушать про то не хотимъ. Александръ Гонсѣвскій ставилъ то себѣ въ оправданье и въ похвалу, что онъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, царскую казну бралъ и къ королю и къ королевичу посылалъ, потому: какъ всякіе люди королевичу крестъ цѣловали, тогда вы всѣ и казна была его, какъ хотѣлъ, такъ и владѣлъ; а когда Московскіе люди начали королевичу измѣнять, то онъ Гонсѣвскій противъ нихъ стоялъ, этимъ королю своему честь сдѣлалъ, а себѣ похвалу. А Филаретъ Никитичь будто бы еще съ Москвы не поѣхавъ, договаривался съ патріархомъ Гермогеномъ, чтобъ быть на Московскомъ государствѣ тебѣ, великому государю, а князь Василій Васильевичь Голицынъ будто бы хотѣлъ государствовать самъ. Стояли всѣ Польскіе послы

за Гонсѣвскаго: мало задорьне сталося, да и разъѣхались; а на разъѣздѣ Гонсѣвскій говорилъ съ угрозами: «Либо изъ своего горла кровь источу, либо, пришедъ подъ Моск..у, столицу вашу подвалю!» Мы ему говорили: «По милости Божіей поспѣешь туда же, гдѣ и совѣтникъ твой Ѳедька Андроновъ».

Между тѣмъ въ Москву доносили, что Польша находится въ затруднительномъ положеніи: Турки напали на нее, шляхта сердится на короля за дѣла Московскія, не хочетъ ему помогать. На основаніи этихъ слуховъ царь писалъ посламъ: «Если послы станутъ съ вами говорить шумно и сердито, то и вы бы съ ними говорили, смотря по ихъ рѣчамъ, смѣло же и сердито, смотря по тамошнему дѣлу; а если Литовскіе послы станутъ съ вами говорить пословно, то и вы бы также говорили съ ними гладко и пословно.» Наконецъ Гanделіусъ вступился въ дѣло. Оправдывая себя въ неосторожномъ обращеніи съ нимъ, послы писали царю: «Мы на то его привели, что онъ твое, великаго государя, имя почиталъ и противъ твоего имени вставалъ и шапку снималъ, и потому чаяли отъ него всякаго добра; а пока онъ въ острогѣ у насъ былъ, то у насъ въ тѣ поры было урядно, а видѣть ему въ острогѣ было ничего нельзя, ѣхалъ онъ въ саняхъ, а по обѣ стороны стояли стрѣльцы, и ему черезъ людей видѣть ничего нельзя.» Послѣ этого Воротынскій съѣхался опять съ Ганделіусомъ, который началъ тѣмъ, что императоръ велитъ ему ѣхать пазадъ, спрашивалъ, зачѣмъ Московскіе послы съ Литовскими не съѣзжаются? Воротынскій отвѣчалъ, что вина на сторонѣ Литовскихъ пословъ, которые толкуютъ все о королевичѣ; во всѣхъ государствахъ ведется, что избираютъ на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у насъ при королевичѣ конечное раззоренье учинилось. Гaнделiусъ: За такими рѣчами никакому покою не бывать: Литовскимъ посламъ за королевича своего стоять; но если вы перестанете государя своего называть, то и Литовскіе послы о королевичѣ говорить перестанутъ. Воротынскій: Намъ того и помыслить нельзя; только Литовскіе послы впередъ о королевичѣ говорить

не перестанутъ, то намъ съ ними никакого добра не дѣлывать. Ганделіусъ: Можно сдѣлать такъ: оставить съ обѣихъ сторонъ государскія имена и мириться землѣ съ землею. Воротынскій: Такъ дѣлается въ безгосударное время, а намъ Богъ далъ государя, у насъ земля не своевольная, безъ государева повелѣнья ничего не дѣлаемъ. Ганделіусъ: Цѣловали вы крестъ королевичу, а теперь его государемъ принять не хотите, и вамъ чѣмъ его успокоить и на чемъ ему прожить? Воротынскій: У насъ про то давно отказано, впередъ о томъ говорить и слушать не хотимъ, и въ Московскомъ государствѣ ему нигдѣ мѣста нѣтъ: и такъ отъ его имени Московское государство раззорилось. Ганделіусъ: Слышалъ я у Литовскихъ пословъ, что они о королевичѣ впередъ говорить не станутъ, а хотятъ говорить о томъ, какъ бы успокоить государства и чѣмъ бы надѣлить королевича за то, что онъ отъ государства Московскаго отступится. Воротынскій: Королевичу отказано и надѣлу ему у насъ никакого нѣтъ; паны говорятъ черезъ судъ Божій: Богъ того не похотѣлъ, что ему нами владѣть и государемъ быть, а намъ черезъ волю Божію какъ то дѣлать? И за то ли его надѣлять, что онъ Московское государство раззорилъ и выжегъ и кровь христіанскую многую пролилъ? Великому государю Михаилу Ѳедоровичу Московское государство поручилъ Богъ отъ прародителей; ему за то дару никому не давать, и черезъ волю Божію того ни у кого не выкупать, царство даръ Божій.» — Послѣ этого Ганделіусъ опять говорилъ, чтобъ мириться землѣ съ землею; не именуя государей; послы отказали по прежнему; Ганделіусъ продолжалъ: «у государя вашего съ королемъ войны не будетъ потому что король въ Литвѣ безъ пановъ радъ и безъ всѣхъ сеймовыхъ становъ ничего не сдѣлаетъ.» Послы отвѣчали: «у насъ въ Московскомъ государствѣ того искони не повелось, чтобъ безъ государскаго указа земля что сдѣлала; изначала ведется, что владѣетъ всѣмъ государствомъ одинъ государь, а бояре и вся земля безъ царскаго повелѣнья не могутъ ничего сдѣлать.»

Пятый съѣздъ Московскихъ пословъ съ Литовскими 26 Декабря начался опять шумно: поднялась брань за то, что во время переговоровъ съ обѣихъ сторонъ продолжается война: «за то у насъ съ ними, доноситъ Воротынскій, была брань большая, съ обѣихъ сторонъ принимались за сабли, Александръ Гонсѣвскій грозилъ боемъ, а цесаревъ посолъ насъ съ ними разнималъ». Когда поуспокоились, Литовскіе послы предложили мириться землѣ съ землею, о королевичѣ же у нихъ отъ пановъ радъ и отъ всей посполитой рѣчи науки никакой нѣтъ, что имъ у него Московскій титулъ отставить, объ этомъ пусть бояре пошлютъ изъ Москвы пословъ на сеймъ, чтобъ королевичь Московскій титулъ съ себя сложилъ: этимъ бояре окажутъ ему почесть. Воротынскій отвѣчалъ на это прежнее; тогда Литовскіе послы объявили, что иначе они не заключатъ ничего и окончатъ переговоры, потому что должны ѣхать на сеймъ. Тѣмъ съѣздъ и кончился. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то послали Воротынскому послѣднюю мѣру: заключить перемиріе съ уступкою всего, что за Литвою, и чтобъ Владиславъ обязался въ перемирные годы Московскаго государства не доступать никакими мѣрами и умыслами.

Между тѣмъ шла переписка между боярами и Польскими панами радными, также между боярами и послами, находившимися подъ Смоленскомъ. Бояре писали къ панамъ радныиъ, жалуясь на Литовскихъ пословъ и, между прочимъ писали слѣдующее: «Вы бы не смотрѣли на тѣхъ, которые всякое злое дѣло и ссору между государствами дѣлали для своей корысти, а отцы ихъ и дѣды въ такой чести не бывали и никакихъ добрыхъ дѣлъ между государствами не дѣлывали.» Бояре намекали здѣсь на Гонсѣвскаго. Послы, узнавши объ этой грамотѣ, оскорбились и послали въ Москву къ боярамъ отъ себя грамоту, въ которой жаловались на поведеніе Московскихъ пословъ и объявляли, какъ они согласны помириться: перемирье должно быть заключено между государствами, а не государями, съ условіемъ, чтобъ рѣчи посполитой былъ уступленъ Смоленскъ со всѣми городами и волостями, которые приписаны къ нему въ докон-

чальныхъ записяхъ. Что же касается до намековъ боярских на Гонсѣвскаго, то послы отвѣчали: «Удивляемся мы оче словамъ вашимъ, что вы такъ грубо, укорительно и не приго пишете: между нами въ посольствѣ все люди отецкіе, честны старожилыхъ знатныхъ родовъ; да и не ведется этого въ нар дѣ нашемъ, чтобъ въ такихъ великихъ дѣлахъ припускать лю дей недостойныхъ, какъ, по грѣхамъ, у васъ теперь на Мо сквѣ повелось, что люди простые мужики, поповскіе дѣти мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ ро довъ не по пригожу къ великимъ государственнымъ и земским и посольскимъ дѣламъ припускаются. И вамъ бы, братьѣ на шей, самимъ поостеречься, и такимъ недостойнымъ мужикам не давать воли, которые воровствомъ научились жить, и злостью и упрямствомъ своимъ васъ, великихъ честныхъ лю- дей, заводятъ на кровь людскую стоять. Если вы упрямствомъ будете стоять, то и мы всѣмъ государствомъ начнемъ крѣпко стоять; король и королевичь, сославшись съ великими госуда- рями, передъ послами ихъ произведутъ судъ надъ Филаретомъ митрополитомъ, и, уличивши его листами патріарховыми, жи- вымъ Шеинымъ и другими многими свидѣтельствами, людьми и грамотами, что онъ всему Московскому государству и приро- жденному истинному государю своему Владиславу неправду и измѣну явную учинилъ, и подъ нимъ сыну своему Михаилу государства Московскаго неправдою подъискивалъ, по тѣмъ его дѣламъ надъ нимъ и покончатъ, а противъ сына его съ вой- скомъ къ столицѣ королевичь Владиславъ, поспѣшитъ.» — Бо- яре отвѣчали имъ: «Еслибы митрополитъ Филаретъ государства сыну своему подъискивалъ, то въ то время, какъ мы бояре съ гетманомъ Жолкѣвскимъ договаривались, онъ бы дѣло портилъ и на то не произволилъ; потому что онъ былъ тогда въ Мос- квѣ самою большою властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники бояре большіе же; и въ послахъ къ государю вашему онъ не пошелъ и сына своего въ Москвѣ съ вашими людьми не оставилъ. А какъ великій государь нашъ Михаилъ Ѳедоровичь сидѣлъ въ Москвѣ у вашихъ людей въ плѣну, и

если бы дѣйствительно такъ было, какъ вы теперь на митрополита Филарета пишете, то вы бы ему, великому государю смолчали ли? на кого вы не по правдѣ думали, тѣхъ за приставовъ давали и пытали, а иныхъ и смертью казнили. Ты, Александръ Гонсѣвскій, всѣмъ намъ боярамъ говорилъ, что Московскаго государства ищетъ Прокофій Ляпуновъ; потомъ паны—рада писали къ намъ, что ищетъ князь Василій Васильевичь Голицынъ въ совѣтѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, а теперь пишете, что митрополитъ искалъ государства сыну своему! И вы сами себя своимъ письмомъ обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого взвести. Пишете, что у насъ недостойные люди къ великимъ дѣламъ припускаются: но у великаго государя въ думѣ и во всякихъ чинахъ и приказахъ отецкіе дѣти, кто чего достоинъ по своему отечеству, разуму и службѣ. А государь вашъ и его сынъ черезъ крестное цѣлованіе прислали на Москву въ казначеи кожевника дѣтину Ѳедьку Андронова, въ думные дьяки овчинника Степанку Соловецкаго, да ключника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовицкаго, Ваську Юрьева поповича. И вамъ, братьѣ нашей, надобно о томъ писать разсудивъ.»

На шестомъ съѣздѣ, когда Литовскіе послы услыхали отъ Московскихъ, что тѣ безъ государева именованья никакихъ дѣлъ не будутъ дѣлать, то разъѣхались съ бранью и съ шумомъ, отказали, что впередъ съѣзжаться не будутъ и ѣдутъ въ Польшу. Въ Москвѣ испугались и отписали Воротынскому: «вы бы теперь съ Литовскими послами на съѣздахъ говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтобъ вамъ съ ними никакъ не разорвать.» Литовскіе послы объявили чрезъ Ганделіуса, что до тѣхъ поръ не поѣдутъ на съѣздъ, пока Московскіе не объявятъ, что согласны на перемиріе «государства съ государствомъ.» Воротынскій далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ оттуда позволеніе согласиться на такое перемиріе: «Сперва, писалъ царь, говорили бы вы о дѣлахъ; а какъ наше имя писать, о томъ бы вы съ ними въ началѣ не говорили, чтобъ ихъ больше въ дѣло втянуть; и какъ уже о всякихъ

дѣлахъ съ ними договоритесь, и дойдетъ до записей и утвер жденья, то вы бы тогда о нашемъ и королевскомъ имени съ ними говорили, а съѣздамъ сроки откладывали бы вы подолѣе, чтобъ съ Литовскими послами попроволочить до тѣхъ поръ, пока послы наши съ Шведскими послами совершатъ и закрѣпятъ.» Послѣ этого Московскіе послы нѣсколько разъ съѣзжались съ Ганделіусомъ, который требовалъ, чтобъ они сказали ему послѣднюю мѣру; но они настаивали, чтобъ былъ съѣздъ съ самими Литовскими послами, съ которыми они и станутъ толковать. Наконецъ Ганделіусъ сказалъ, чтобъ послы объявили ему послѣдній отказъ, а больше уже онъ на съѣздъ не будетъ, поѣдетъ къ государю своему, и всѣ неправды и безчестье, оказанное ими, послами цесарскому маестату и ему самому, что они его задерживали и тѣмъ его безчестили, все государю своему разскажетъ, а государь его за свое безчестье самъ станетъ; Литовскіе же послы передъ Московскими во всемъ правы, сдѣлали его посла у себя третьимъ и хотятъ черезъ него узнать отъ Московскихъ пословъ, какъ они согласны мириться, а тѣ ему ничего не объявляютъ. Воротынскій отвѣчалъ, что они переговаривать о мирѣ готовы; тогда Ганделіусъ сказалъ: «теперь бы говорить о томъ, какъ королевича въ записяхъ закрѣплять, чтобъ право его по гетманскому договору и крестное цѣлованье не нарушено было; до перемирныхъ лѣтъ короля и королевича они закрѣпятъ, что имъ войны не начинать, а послѣ перемирныхъ лѣтъ право королевича въ цѣлѣ и ненарушимо было бы; да Сѣверскихъ бы городовъ всѣхъ поступиться въ Польскую сторону, да къ Смоленску городовъ Смоленскаго княжества—Бѣлыя, Дорогобужа, Торопца со всѣми уѣздами, какъ замирено было между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ; заплатить деньги Польскому войску, и на этихъ условіяхъ заключить перемиріе на полтора года. Воротынскій отвѣчалъ: «мы согласились заключить миръ между землями, а теперь ты говоришь, что Литовскіе послы хотятъ писать о ненарушеніи гетманскаго договора? Это опять они начинаютъ

новое безмѣрье.» Ганделіусъ уѣхалъ съ сердцемъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, царь отправилъ посламъ своимъ образцовыя грамоты, какъ заключить перемиріе: «Божіею милостію великаго государя (слѣдуетъ титулъ) бояръ и всѣхъ думныхъ людей и всего великаго Россійскаго царствія великіе послы (имена) съѣзжались съ такими-то послами и говорили» (слѣдуютъ обвиненія Полякамъ), потомъ: «учинили мы между великаго государя Михаила Ѳедоровича великими Россійскими государствами и между великими же государствами — короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье.» Понятно, что Польскіе послы никакъ не могли согласиться на такую форму, ибо имъ прежде всего нужно было, чтобъ имени новаго царя московскаго не упоминалось. Воротынскій прислалъ въ Москву за разрѣшеніемъ еще новаго затрудненія: Гонсѣвскій говорилъ, что Михаилъ Ѳедоровичь королевичу Владиславу крестъ цѣловалъ, и они послы сказали, что не цѣловалъ? Царь отвѣчалъ: «Вы Гонсѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великій господинъ отецъ нашъ Московскаго государства намъ подъискивалъ и домогался; а только о томъ объявить, что насъ Богъ соблюлъ, креста королевичу не цѣловали, то Литовскіе послы за то и больше начнутъ стоять и себя оправдывать, а на отца нашего станутъ взводить, что онъ намъ государства подъискивалъ и отъ того насъ соблюлъ, что мы королевичу креста не цѣловали; и вамъ бы на съѣздѣ посламъ говорить, что мы королевичу крестъ цѣловали, и то дѣлалось судьбами Божіими.»

28 Генваря былъ послѣдній съѣздъ. Пріѣхали Литовскіе послы, не всѣ только, и Ганделіусъ, требовали перемирія на условіяхъ, уже предложенныхъ послѣднимъ. Московскіе послы не согласились и объявили, что о Смоленскѣ обошлются съ государемъ. Съѣздъ кончился. Когда Воротынскій дѣйствительно послалъ въ Москву спросить на счетъ Смоленска, то получилъ такой отвѣтъ: «Вы это сдѣлали слабостію, некрѣпко, объявили про Смоленскъ на обсылку, не дождавшись у нихъ у

самихъ большихъ уступокъ и ворочали ихъ сами дважды, какъ бы добивая челомъ. Вы бы за Смоленскъ стояли накрѣпко, и о съѣздѣ сами Литовскихъ пословъ не задирали, а ждали присылки отъ нихъ.» Но въ Москвѣ сильно ошибались. Пріѣхалъ къ посламъ Ганделіусъ проститься, при чемъ извинялся: «не подосадуйте, что на съѣздѣ говорилъ я съ вами не пословно, съ сердцемъ; мнѣ и самому отъ Литовскихъ пословъ было великое безчестье; вашу правду и сходство къ доброму дѣлу, а Литовскихъ пословъ упрямство я разскажу государю своему.» Потомъ Ганделіусъ далъ знать что Литовскіе послы стоятъ на прежнихъ условіяхъ и уѣзжаютъ; Воротынскій, вопреки наказу, послалъ требовать съѣзда, но ему отвѣчали, что Литовскіе послы уже уѣхали.

Въ Москвѣ приписывали поруху доброму дѣлу дьяку Петру Третьякову, который медлилъ отсылкою указовъ царскихъ къ посламъ подъ Смоленскъ. Но во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобъ перемиріе могло состояться при тогдашнихъ условіяхъ: Поляки требовали слишкомъ многаго, потому что предшествовавшія событія возбудили слишкомъ большія надежды; а Москва не была еще въ такомъ положеніи, чтобъ могла согласиться на все для краткаго и ничего не обезпечивавшаго перемирія [5]. Ганделіусъ не могъ ничего тутъ сдѣлать, да и не хотѣлъ, какъ видно. Вообще сношенія съ Австрійскимъ дворомъ при царѣ Михаилѣ не имѣли прежняго дружественнаго характера; Австрійскій дворъ счелъ нужнымъ перемѣнить тонъ въ сношеніяхъ съ государствомъ, которое уже не могло болѣе присылать богатыхъ мѣховъ въ Вѣну; притомъ здѣсь не были убѣждены, что новый царь можетъ утвердиться на престолѣ послѣ такихъ смутъ, и потому не хотѣли смотрѣть на него какъ смотрѣли на его предшественниковъ.

Еще въ Іюнѣ 1613 года государь велѣлъ дворянину Степану Ушакову, да дьяку Семену Заборовскому идти къ Матьяшу (Матѳею) цесарю Римскому въ посланникахъ. Путь былъ дальній: въ слѣдствіе войны съ Литвою и Швеціею послы должны были ѣхать черезъ Архангельскъ. Посланники полу-

чили наказъ: говорить, чтобъ Матьяшъ цесарь, вѣдая братскую любовь и дружбу предковъ своихъ съ предками великаго государя, былъ съ нимъ въ братской любви, дружбѣ и ссылкѣ, и прежде всего любовь свою показалъ, послалъ бы къ Польскому королю отъ себя посла или посланника нарочно, въ его неправдахъ его пообличить и выговорить, чтобъ онъ передъ великимъ государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и передъ Россійскими государствами въ своихъ неправдахъ исправился, крови христіанской не разливалъ, и учинилъ бы миръ и покой, чтобъ враги креста Христова Турки и иные государи мусульманскаго закона христіанской розни не радовались.—Если цесаревы думные люди спросятъ о лѣтахъ государя, то отвѣчать: лѣтъ государю нашему 18, только Богъ украсилъ его царское величество дородствомъ, образомъ, храбростію, разумомъ, счастьемъ, ко всѣмъ людямъ онъ милостивъ и благонравенъ, всѣмъ Богъ украсилъ его надъ всѣми людьми всѣми благами, нравами и дѣлами. Наконецъ посланникамъ было наказано: «какъ они будутъ у цесаревыхъ думныхъ людей и тѣ станутъ говорить: въ прошломъ 1612 году былъ цесарскій подданный Юсуфъ Григорьевъ вмѣстѣ съ Шаховымъ посланникомъ въ Ярославлѣ на отпускѣ у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и говорилъ князю: если захотятъ на Московское государство цесарева брата Максимиліана, то цесарь брата своего имъ дастъ и съ Польскимъ королемъ помиритъ вѣчнымъ миромъ.» Князь Дмитрій отвѣчалъ: «если цесарь брата своего на Московское государство дастъ, то они цесарю много челомъ бьютъ и брата его примутъ съ великою радостью. Юсуфъ, пріѣхавши, цесарю объ этомъ сказалъ; цесарь обрадовался и далъ знать объ этомъ брату сввому Максимиліану, но тотъ отписалъ, что онъ на старости лѣтъ хочетъ быть въ покоѣ, молиться Богу; тогда цесарь приказалъ съ Юсуфомъ къ князю Дмитрію, что есть у него двоюродный братъ Пиліушъ, и если его на Московское государство захотятъ, то онъ его дастъ; и для этого дѣла цесарь послалъ въ Московское государство посла своего, великаго ближняго человѣка, именемъ Размысла,

а къ Польскому королю послалъ Грота: такъ съ ними, Ушаковымъ и Заборовскимъ, есть ли теперь какой нибудь объ этомъ приказъ?—отвѣчать: намъ извѣстно, что цесаревъ посланникъ Юсуфъ Григорьевъ въ Московское государство пришелъ и у бояръ былъ, но о томъ, что князь Дмитрій Пожарскій приказывалъ къ цесарю о братѣ его, мы ничего не слыхали, да и въ мысли у бояръ, воеводъ и всякихъ Русскихъ людей небывало, чтобъ изъ иныхъ государствъ не греческой вѣры государя выбирать; развѣ о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ князь Дмитрій Пожарскій безъ совѣту всей земли Московскаго государства, или Юсуфъ, или переводчикъ Еремѣй сами собою затѣяли, хотя у цесарскаго величества жалованье какое-нибудь выманить. Вамъ думнымъ людямъ можно самимъ разумѣть, что и не такое великое дѣло безъ совѣта всей земли не дѣлается; вамъ о томъ и говорить не пригоже, и пословъ государю вашему за этимъ посылать не для чего: это дѣло нестаточное и между государями нелюбовное.»

Посланники привезли въ Москву грамоту отъ императора; но въ этой грамотѣ не упоминалось о царѣ Михаилѣ, говорилось только, что императоръ принялъ къ сердцу печальное положеніе Московскаго государства и надѣется, что король польскій на его волю положится, миръ учинитъ. Призвали посланниковъ къ допросу: какимъ образомъ случилось, что отъ цесаря грамота не къ государю и государева имени въ ней не написано? Ушаковъ и Заборовскій отвѣчали, что принялъ ихъ цесарь и о государевомъ здоровьѣ спрашивалъ любительно; думные люди во всемъ говорили имъ съ царскимъ именованьемъ и царское имя во всемъ почитали; на отпускѣ цесарь приказалъ государю поклонъ любительно же, сказалъ, что восшествію на престолъ государя обрадовался и хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, любви и ссылкѣ и посла своего къ государю шлетъ. Они, посланники тому повѣрили и тотъ листъ взяли за грамоту, а подписи на немъ прочесть не велѣли безъ хитрости, повѣря тому, что цесарь ихъ принялъ отъ государя и отпустилъ къ государю. Спросили толмача

тотъ сказалъ, что дѣйствительно въ рѣчахъ отъ цесаря царское имя говорили ко многимъ статьямъ, и почесть посланникамъ отъ цесаря и отъ думныхъ людей была, только государя называли царемъ и великимъ княземъ, а Михаиломъ Ѳедоровичемъ не называли; цесарь къ государеву имени немного только приклонялся и шляпу снималъ, приказывалъ къ государю челобитье сидя же, а посланники ему объ этомъ ничего не говорили, Листъ, что привезли посланники къ государю и подпись на немъ онъ толмачь посланникамъ переводилъ, и сказывалъ, что государева имени нигдѣ нѣтъ; а когда были въ Голландіи, и получили грамоты отъ Голландскаго князя и Штатовъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ, то онъ толмачь указывалъ посланникамъ на эту разницу между цесарскою и Голландскою грамотами, но они отвѣчали ему: «уже это дѣло сдѣлано.» Призвали опять посланниковъ къ допросу; они отвѣчали: «что цесарь на посольствѣ и на отпускѣ не всталъ и имени государева не именовалъ и они о томъ цесарю и его думнымъ людямъ не говорили:—то они учинили спроста безъ хитрости, потому что имъ не заобычай, думали, что у нихъ въ государственныхъ поведеньяхъ и въ посольскихъ обычаяхъ такъ издавна ведется. И которая будетъ безхитростная вина ихъ предъ государемъ взыскалась, и въ тѣхъ ихъ безхитростныхъ винахъ воленъ Богъ да государь: учинили они то простотою, а не измѣною и не умышленьемъ. А что они взяли у цесаря вмѣсто грамоты отвѣтъ, писанный на ихъ рѣчи безъ царскаго именованья: того они себѣ въ толкъ не взяли, что не только грамоты, и отвѣту безъ царскаго именованья не бываетъ, и надѣялись они на то, что имъ противъ ихъ посольства и противъ рѣчей заодно грамота и отвѣтъ учинены, потому что имъ не заобычай: въ посольствахъ прежде никогда не бывали; и то они учинили безъ хитрости жъ, хотѣли лучшаго, да по грѣхамъ, ихъ простотою учинилось безхитростно; и въ томъ они виноваты жъ, что вчера запирались, будто подписи прочитать переводчику не давали: подпись имъ переводчикъ читалъ и списокъ переводилъ, и имъ то вѣдомо, толь-

ко положили то запросто, а цесарь ужь изъ Линца поѣхалъ, если бы и послать, то безъ цесаря ничего сдѣлать было нельзя. И въ тѣхъ ихъ винахъ воленъ Богъ да государь, а имъ своихъ безхитростныхъ винъ утаить и покрыть нечѣмъ.» Бояре говорили дьяку Заборовскому: «Степанъ (Ушаковъ) человѣкъ служилый; а ты сидѣлъ въ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ въ подъячихъ, тебѣ это дѣло за обычай. И какъ вы смѣли такъ сдѣлать? хотя бы вы смерть свою тамъ видѣли, а такого отвѣта безъ государскаго имени не должны были брать.» Призванъ былъ къ допросу опять толмачь и показалъ, что у посланниковъ ни какихъ тайныхъ сношеній съ цесаревыми людьми и непригожихъ рѣчей про государя не было; но посланники и люди ихъ вели себя дурно: шла мимо Степанова двора дѣвка, и Степановы люди эту дѣвку ухватили и повалили, за что у нихъ съ Нѣмцами была драка; да Степановъ же человѣкъ на томъ дворѣ, гдѣ стоялъ, хотѣлъ у дворника жену обезчестить, и дворникъ за нимъ гонялся съ протазаномъ, хотѣлъ его убить, а Степанъ, зная воровство людей своихъ, отъ того ихъ не унималъ, Степановы же люди пьяные чуть пожара не сдѣлали; онъ, толмачь ихъ унималъ, говорилъ, чтобъ они, будучи въ чужой землѣ, такого безчестья не дѣлали, а они его за это били. Сами Ушаковъ и Заборовскій пили и между собою бранились. Въ Гамбургѣ человѣкъ Ушакова безчестилъ дочь Англійскаго воеводы, въ Голландской землѣ хватался руками за дочь казначея, въ домѣ котораго стояли посланники; да и во многихъ мѣстахъ Степанъ и Семенъ пировали, пили и многія простыя слова говорили, которыя въ тамошнихъ земляхъ государеву имени къ чести не пристойны. Сперва цесарь хотѣлъ дать посланникамъ цѣпи съ своими парсунами (портретами), но потомъ велѣлъ портреты снять, сказавши: «слышалъ я про нихъ, что они люди простые, неученые, ничего добраго, кромѣ дурости, не дѣлаютъ; прежніе послы и посланники, которые прихаживали отъ Московскихъ государей, такъ непригоже не дѣлывали, и такимъ бездѣльникамъ собакамъ парсуны моей давать непригоже.»

Чтобъ поправить дѣло, въ Августѣ 1614 года, отправленъ былъ къ императору наскоро гонецъ, переводчикъ Иванъ Ѳоминъ съ грамотою, въ которой говорилось, что посланники Ушаковъ и Заборовскій привезли листъ съ отвѣтомъ посланникамъ, невѣдомо чьимъ и невѣдомо кому именемъ; а передъ приходомъ посланниковъ Ушакова и Заборовскаго, писалъ императорскій гонецъ Сингель, что онъ идетъ передъ цесаревымъ посломъ, который отправленъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всякимъ людямъ: «и мы, великій государь (продолжаетъ грамота), тому удивляемся, какимъ это образомъ у васъ, брата нашего, дѣлается не по прежнему обычаю? Прежде кромѣ братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали, и одинъ другаго выславляли и межъ себя дружбы и любви на обѣ стороны искали. Мы на посланниковъ нашихъ за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велѣли имъ казнь учинить.» Когда Ѳоминъ правилъ поклонъ императору отъ государя, то императоръ, сидя на мѣстѣ, тронулъ у себя на головѣ шляпы немного и противъ царскаго именованья не всталъ. Ѳоминъ замѣтилъ, что этимъ цесарь показываетъ брату своему нелюбье; канцлеръ отвѣчалъ, что цесарь не помнитъ, когда прежде цесари Римскіе противъ именованья царей Россійскихъ вставали; Ѳоминъ, въ свою очередь, отходя отъ цесаря, поклонился ему по среднему, не низко. Цесарь обидѣлся поведеніемъ гонца, прислалъ къ нему думныхъ секретарей съ выговоромъ и велѣлъ приставить къ его двору стражу, чтобъ безъ вѣдома думныхъ людей никто къ нему и отъ него не ходилъ. Приставъ Яковъ Бауръ говорилъ гонцу: «когда были здѣсь царскіе посланники Ушаковъ и Заборовскій, то онъ же Яковъ былъ у нихъ въ приставахъ, и они сажали его Якова у себя на мѣстѣ, какъ цесарь сидитъ въ своемъ величествѣ на мѣстѣ, и учились у него кланяться три дня; а когда они были у цесарскаго величества, то кланялись до земли.» Ѳоминъ отвѣчалъ: «посланники дѣлали не гораздо, что великаго государя чести не остерегали, а ему Ѳомину пе-

редъ цесаремъ до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтобъ посланники и гонцы до земли кланялись, подобаетъ это дѣлать подданнымъ.» Бауръ говорилъ: «теперь цесарское величество увѣрился, что великій государь вашъ на Московскомъ государствѣ утвердился, а до пріѣзда его, Ѳомина вѣсти у нихъ были, что великій государь на Московскомъ государствѣ не утвердился и Московскіе люди еще не въ соединеніи.» Послѣ этого стражу сняли; но приставъ опять началъ выговаривать гонцу, какъ онъ осмѣлился сказать императору, чтобъ онъ всталъ при царскомъ имени; «ты цесарское величество этимъ обезчестилъ, и цесарь хочетъ писать объ этомъ ко всѣмъ государямъ и курфюрстамъ, что̀ они приговорятъ. Слыхали они, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ посолъ, и вошелъ онъ въ палату къ царю не снявши шапки, такъ царь Иванъ тутъ же велѣлъ шапку прибить гвоздемъ къ головѣ; да если бы и при цесарѣ Рудольфѣ такіе ты рѣчи сказалъ, велѣлъ бы ему противъ царскаго имени встать, то онъ бы велѣлъ тебя тутъ же изъ окна выбросить или на алебардахъ поднять.» Ѳоминъ отвѣчалъ: «что я говорилъ, то говорилъ по царскому приказу; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ ничего такого небывало, что ты говоришь; и нашему великому государю есть что писать ко всѣмъ государямъ о цесарскомъ нелюбьѣ; и у великихъ государей христіанскихъ не ведется, чтобъ надъ посланниками или гонцами что дѣлать.» Твердость гонца произвела свое дѣйствіе: по поведенію Ушакова и Заборовскаго судили о слабости государя, ихъ приславшаго, по отвѣтамъ Ѳомина начали судить иначе и, по австрійской привычкѣ (tu, felix Austria, nube), задали вопросъ гонцу: «Не изволитъ ли царское величество у цесаря жениться?» Ѳоминъ отвѣчалъ, что царская мысль въ Божьей рукѣ; кромѣ Бога кому то знать?

Болѣе полутора года прожилъ Ѳоминъ въ Вѣнѣ, невѣдомо для чего, какъ онъ выражался. Ему не давали отпуска, все дожидаясь, чѣмъ кончится у Москвы съ Польшею и Швеціею, утвердится ли Михаилъ на престолѣ? наконецъ дали грамоту,

мо не съ полнымъ государевымъ именованьемъ; Ѳоминъ грамоты не взялъ и уѣхалъ. Не дождавшись Ѳомина, государь въ Іюнѣ 1616 года послалъ въ Вѣну извѣстнаго Лукьяна Мяснаго, которому поручено было провѣдывать тайно всякими мѣрами: какъ цесарь съ Польскимъ королемъ? для чего цесарь присылалъ на съѣздъ подъ Смоленскъ своего посла Ганделіуса, для добраго ли дѣла, или доброхотая Польскому королю, и не хочетъ ли цесарь съ королемъ на Московское государство стоять? и что Ганделіусъ цесарю и думнымъ людямъ про съѣзды подъ Смоленскомъ разсказывалъ? Въ грамотѣ своей къ императору, посланной съ Мяснымъ, царь писалъ, что миръ не заключенъ подъ Смоленскомъ по несходительству Польскихъ пословъ и просилъ не помогать королю казною и людьми и своимъ ратнымъ людямъ не велѣть наниматься у Поляковъ. Новаго посланника встрѣтили жалобами на Ѳомина: про свой пріѣздъ онъ прежде не отписалъ, что ѣдетъ отъ царскаго величества; цесарь велѣлъ кардиналу распросить Ѳомина, отъ кого онъ присланъ, отъ царя или отъ земли, и съ какимъ дѣломъ? но Ѳоминъ у кардинала не былъ и сказалъ: присланъ я отъ царскаго величества къ цесарскому величеству, а не къ попу, и не бывъ у цесарскаго величества, къ подданнымъ мнѣ не хаживать.» Потомъ, какъ былъ Ѳоминъ передъ цесаремъ, то говорилъ невѣжливо, будто съ угрозою; а цесарю противъ царскаго имени встать было нельзя, потому что у него ноги очень болѣли; наконецъ грамоты цесаревой Ѳоминъ не взялъ. — Но и Мясной отвѣчалъ то же самое, что теперь цесарскаго величества думные люди начинаютъ новыя причины, чего никогда не бывало да и не ведется нигдѣ: посланникамъ, не бывъ у цесарскаго величества и не исправя своего посольства, напередъ идти къ подданнымъ не пригоже; и если они это начинаютъ сами собою, то они такими новыми небывалыми причинами между великими государями братскую любовь и дружбу нарушаютъ; а если они приказываютъ съ цесарскаго повелѣнья, то цесарь начинаетъ новое, и царскому величеству нелюбье свое показываетъ. Мяснову объявили отъ

имени кардинала Мельхіора Клёзеля: «если ты, посланникъ к цесарскому приказу у меня не будешь, то тебѣ за это цесарскихъ очей не видать, и доброе дѣло между великихъ государей не станется; не съ тѣмъ ли и ты пріѣхалъ, что передъ цесаремъ говорить невѣжливо и насъ безчестить, какъ Иванъ Ѳоминъ?» Лукьянъ уступилъ и поѣхалъ къ кардиналу, который также началъ жалобами на Ѳомина: «Ѳоминъ цесаря во всемъ прогнѣвалъ, говорилъ передъ нимъ невѣжливо и меня безчестилъ; знаемъ мы и сами, что въ Московскомъ государствѣ ближнихъ людей и церковныхъ причетниковъ почитаютъ; а этотъ Иванъ худякъ все дѣлалъ своимъ глупымъ разумомъ, все государево дѣло потерялъ, изъ-за него между двумя великими государями дружба и любовь не сталися. И если вы присланы съ тѣмъ же, то вамъ на удачу у цесарскаго величества не быть, а если цесарское величество и соизволитъ вамъ у себя быть, то чести вамъ отъ него не будетъ.» Потомъ Мяснову объявили, что послѣ представленія цесарю, идти ему къ императрицѣ. Мясной отвѣчалъ: «Государь прислалъ насъ къ цесарскому величеству, а у цесаревы намъ быть не наказано, и что̀ великой государынѣ говорить мы не знаемъ. Прежде послы и посланники у цесаревъ не бывали.» Кардиналъ велѣлъ сказать на это: «прежній цесарь Рудольфъ не былъ женатъ; а теперь цесарь и цесарева, жалуя васъ, велятъ вамъ быть — въ томъ ихъ государская воля.» Кардиналъ прислалъ и титулъ, какъ передъ цесаревою говорить. Назначенъ былъ день представленія; цесарь принялъ посланниковъ стоя, и противъ цесарскаго поклона приподнялъ съ себя шляпу; также и цесарева приняла ихъ стоя. Мясной поднесъ императору рысь и сорокъ соболей, императрицѣ сорокъ соболей, и кардиналу послалъ также сорокъ соболей; кардиналъ, принявши подарокъ, велѣлъ ему сказать, что онъ во всемъ царскому величеству будетъ радѣть. Слѣдствіемъ этого радѣнья былъ отвѣтъ, что у Польскаго короля цесарское величество не ищетъ ничего и на Московское государство королю казною и людьми помогать не хочетъ и ратнымъ людямъ въ своихъ государствахъ нанимать-

ся не велитъ. Цесарскому величеству подлинно извѣстно, что Польскому королю война съ Турками и Шведами, стало ему теперь до себя, а не до Московскаго государства; если же Польскій король съ царскимъ величествомъ мира не учинитъ, то цесарь пошлетъ къ королю посла, чтобъ передъ царскимъ величествомъ въ своихъ неправдахъ исправился. Съ этимъ отвѣтомъ Мясной возвратился въ Москву, гдѣ подвергнулся выговору, зачѣмъ стоялъ въ Прагѣ на одномъ дворѣ съ другими послами, зачѣмъ былъ у кардинала прежде цесаря и т. п. Но государь Лукьяна Мяснаго и товарища его подъячаго Посникова пожаловалъ, опалы на нихъ не положилъ, для того что имъ было не за обычай: Лукьянъ человѣкъ служилый, у такихъ дѣлъ въ посольствѣ прежде не бывалъ, и подъячій у такихъ дѣлъ не бывалъ же, у большаго дѣла нигдѣ не сиживалъ, и простъ, и худъ [6].

Одновременно съ Ушаковымъ и Заборовскимъ, въ Іюнѣ 1613 года отправлены были въ Константинополь къ султану Ахмету посланники — дворянинъ Соловой - Протасьевъ и дьякъ Даниловъ. Они должны были объявить султану, что новый царь хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви свыше всѣхъ великихъ государей и на всякаго недруга стоять за одно, и чтобъ султанъ присылалъ въ Москву пословъ своихъ съ полнымъ наказомъ; да чтобъ султанъ, видя неправду Польскаго короля и пановъ радныхъ, мстилъ имъ за ихъ неправды, послалъ повелѣнье Крымскому царю идти со всею ордою въ Польскую и Литовскую землю, а на Русскую землю ходить имъ не велѣлъ. — Великій визирь отвѣчалъ: «что султанъ хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, дружбѣ и любви, хочетъ стоять на Литовскаго короля, послалъ приказъ Крымскому царю идти на Литву отъ Бѣлагорода (Акермана), да изъ Царягорода посылаетъ 10,000 ратныхъ людей съ Волохами и Молдаванами на Литву, а на Черномъ морѣ у Днѣпровскаго устья велѣлъ поставить отъ Днѣпровскихъ Черкасъ два города и козаковъ съ Днѣпра сбить, васъ, посланниковъ велѣлъ отпустить и съ вами вмѣстѣ посылаетъ къ государю вашему своего чауша.»

Визирь прибавилъ, что султанъ очень доволенъ дружественнымъ предложеніемъ со стороны Московскаго государя: «всѣмъ намъ извѣстно, говорилъ онъ, что подъ солнцемъ два великихъ государя: въ христіанскихъ странахъ вашъ великій государь, а въ мусульманскихъ Ахметъ салтанъ, и противъ нихъ кому стоять?» Въ Августѣ 1615 года отправились изъ Москвы въ Константинополь новые посланники: Петръ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ уговаривать султана, чтобъ велѣлъ Крымскому хану идти на Литву, потому что Польскій король, узнавши любительную ссылку между царемъ и султа́номъ, безпрестанно ссылается съ цесаремъ, папою, королемъ Шведскимъ и другими государями, умышляя всякое лихо на Россію и Турцію; послы должны были также жаловаться на набѣгъ Азовцевъ на Русскія украйны. Посланники застали Донскихъ козаковъ въ войнѣ съ Азовомъ; Азовскій паша говорилъ Мансурову и Самсонову съ досадою: «Добро бы было вамъ Донскихъ козаковъ съ Азовцами помирить, козаки Азовцамъ теперь чинятъ тѣсноту и вредъ большой, становятся они намъ хуже жидовъ, а если вы козаковъ съ Азовцами не помирите, то мы всѣмъ городомъ отпишемъ султану, и вамъ къ нему пріѣхать не къ чести.» Въ это время Азовскіе люди привезли съ Мертваго Донца плѣнниковъ, Донскаго атамана Матвѣя Лисишникова и болѣе 20 человѣкъ козаковъ; атамана страшно пытали, ременья изъ хребта рѣзали и повѣсили на томъ самомъ кораблѣ, который былъ приготовленъ для посланниковъ; съ пытки козаки сказали, что царь съ Мансуровымъ прислалъ къ нимъ на Донъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и воинскіе запасы. Посланники объявили пашѣ, что они не поѣдутъ на томъ кораблѣ, на которомъ былъ повѣшенъ воровской мужикъ. Паша отвѣчалъ: «Здѣсь живутъ воры же вольные люди, такіе же, что на Дону козаки, взяли они воровскихъ козаковъ и повѣсили на кораблѣ не по моему приказу,— самовольствомъ, а корабль я вамъ дамъ другой.» Наконецъ Донскіе козаки—атаманъ Смага Чертенскій съ товарищами прислали въ Азовъ троихъ атамановъ, которые и заключили пе-

ремирье съ Азовцами, послѣ чего царскіе посланники отправились въ Константинополь.

Въ Константинополѣ ждалъ ихъ почетный пріемъ: великій визирь сказалъ имъ: «вы у насъ гости добрые, приходите къ намъ съ дѣломъ добрымъ и любительнымъ, и государь нашъ велѣлъ вамъ почесть воздавать свыше всѣхъ пословъ великихъ государей, и ставитъ себѣ государя вашего великимъ и неложнымъ другомъ и пріятелемъ.» Но козаки не замедлили помѣшать дѣлу: визирь прислалъ сказать посланникамъ, что Донскіе козаки приступали къ Азову двѣнадцать дней, на Міюсѣ много кораблей погромили, и теперь на семидесяти стругахъ идутъ подъ городъ Кафу: «и вы посланники, велѣлъ сказать визирь, пришли къ государю нашему не для добраго дѣла, съ обманомъ.» Посланники должны были запѣть старую пѣсню, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди боярскіе, утекая изъ Московскаго государства отъ смертной казни, живутъ на Дону, переходя съ мѣста на мѣсто разбойническимъ обычаемъ. Но визиревъ посланецъ возразилъ:« вы говорите, что на Дону живутъ воры: а для чего же вашъ государь теперь съ вами прислалъ къ нимъ денежное жалованье, сукна, сѣру, свинецъ и запасы? Визирь велѣлъ вамъ сказать: если Донскіе козаки какое дурно на морѣ или надъ Кафою учинятъ, то вамъ здѣсь добра не будетъ, можно васъ здѣсь за вашу неправду казнить смертью. Пишите къ козакамъ, чтобъ они отъ своего воровства отстали.» Посланники отвѣчали: «присланы мы для общихъ большихъ добрыхъ дѣлъ; когда мы будемъ у визиря и объ этихъ большихъ дѣлахъ переговоримъ, тогда и о Донскихъ козакахъ договоримся.» Но скоро опять пришли другія вѣсти: приходили моремъ во многихъ стругахъ Донскіе козаки, города Трапезунтъ и Синопъ взяли, выжгли, людей многихъ побили и въ плѣнъ побрали. Визирь долго не присылалъ за посланниками, которые обратились къ казначею, визиреву зятю, подарили ему сорокъ соболей, чтобъ онъ похлопоталъ у визиря объ ихъ дѣлѣ; визирь прислалъ сказать имъ, чтобъ ни о чемъ не печалились, всѣ ихъ дѣла будутъ сдѣланы, и

дѣйствительно скоро послѣ того прислалъ за ними. Разговоръ начался не очень пріятно для посланниковъ, визирь сказалъ имъ: «не извѣстить мнѣ государю своему о козачьемъ воровствѣ нельзя, но какъ скоро я ему объ этомъ объявлю, то вамъ добра не будетъ, говорю вамъ прямо; да государь же нашъ велитъ въ вашу землю послать Татаръ войною, и государю вашему какая отъ этого прибыль будетъ?» Посланники отвѣчали прежнее, что «на Дону живутъ воры, которые и Московскому государству много зла надѣлали, первые къ Гришкѣ Отрепьеву и къ Польскимъ людямъ пристали, а послѣ многихъ воровъ назвали государскими дѣтьми. Царское величество съ Дону ихъ сослать велитъ для дружбы къ султану. То не диво, что воры бѣглые люди воруютъ; но Азовскіе люди не козаки, живутъ въ городѣ, а каждый годъ приходятъ на государя нашего украйны.» Визирь возразилъ: «но вѣдь Крымцы на ваши украйны не ходятъ?» Посланники отвѣчали: «мы говоримъ не о Крымцахъ; говоримъ, чтобъ султанъ унялъ Азовцевъ.» Визирь замолчалъ, и, помолчавши, началъ опять говорить: «скажите мнѣ, сколько ратныхъ людей васъ провожало до Азова, и сколько подъ вами и подъ ратными людьми было струговъ, и теперь эти ратные люди и струги гдѣ? До насъ дошелъ слухъ, что этихъ ратныхъ людей и струги всѣ вы оставили у козаковъ на Дону, и на этихъ вашихъ стругахъ теперь козаки на морѣ воруютъ, корабли громятъ, поморскія волости и деревни пустошатъ.» Посланники отвѣчали, что на Дону ни ратныхъ людей, ни струговъ не осталось. Визирь сказалъ на это: «если государь вашъ теперь козаковъ не смиритъ, то нашъ государь можетъ и своимъ войскомъ ихъ смирить, только между государями дружбы не будетъ и вамъ здѣсь будетъ задержанье. Но полно говорить объ этомъ дѣлѣ, станемъ говорить о добрыхъ дѣлахъ.» Добрыя дѣла состояли въ томъ, что посланники объявили визирю: «если ты на Польскаго короля войско пошлешь вскорѣ, всѣ великаго государя нашего дѣла передѣлаешь и насъ отпустишь скоро съ добрымъ дѣломъ, то мы тебѣ бьемъ челомъ — семь сороковъ соболей добрыхъ.» —

взирь очень развеселился и сталъ говорить: «султанъ непремѣнно войско на Польшу пошлетъ и васъ велитъ отпустить добрымъ дѣломъ, государя вашего напишетъ съ полнымъ ...нованьемъ, за то я вамъ ручаюсь и на старости своей ве...ому государю вашему работу свою и службу хочу пока...ъ.» Посланники съ своей стороны выставили дружбу госу...я своего къ султану, объявили, что посланники Персидскій ...встрійскій задержаны въ Москвѣ, потому что цесарь, шахъ ...сидскій и король Польскій другъ съ другомъ ссылаются. ...о эти пріятныя отношенія въ слѣдствіе соболей были не...должительны; козаки пересиливали соболей: визирь объя...ъ посланникамъ, что султанъ посылаетъ рать свою на Лит..., но чтобъ они, посланники поручились, что Донскіе козаки, ...время этого похода Турецкаго войска въ Литву, не при...нять никакого вреда Турецкимъ областямъ. Посланники от...зывались ручаться, говоря, что у нихъ въ наказѣ объ этомъ ...чего нѣтъ, что для окончательнаго договора о козакахъ сул...ъ долженъ отправить своего посла въ Москву. Визирь ска...ъ на это: «добро было вамъ Донскихъ козаковъ себѣ на ...шу взять; а если вы козаковъ себѣ на душу не возьмете, ...вамъ отъ нашего государя какого добра ждать? Отпуску ...мъ не будетъ, между государями любви не будетъ же, го...дарь нашъ вашему государю на Польскаго короля помогать ...станетъ, а на Донскихъ козаковъ нашъ государь хочетъ ...слать воеводъ своихъ, наши ратные люди всѣхъ козаковъ ...бьютъ, юрты ихъ разорятъ, и вашему государю то не къ че...і же будетъ.» Посланники отвѣчали: «хотя бы Турскіе люди ...нскихъ козаковъ до одного человѣка побили, то нашъ вели...і государь вашему за то не постоитъ; нашъ великій госу...рь самъ о томъ промышляетъ, чтобъ козаковъ на Дону не ...ло, и чтобъ отъ ихъ воровства между обоими государями ...мѣ помѣшки не было.» Визирь: «вы называете Донскихъ ...ковъ ворами и разбойниками: за что же вашъ государь ...слалъ къ нимъ запасы многіе? и они съ этими запасами по ...ю ходятъ безпрестанно и нашему государю многіе убытк и

дѣлаютъ.» Посланники: «государь нашъ послалъ Донским[ъ]
камъ запасы, потому что они надъ Ногайскими людьми поис[к]
нятъ, полонъ у нихъ русскій отбиваютъ; кромѣ того Донскіе к[о]
встрѣтили съ честію нашихъ посланниковъ Соловаго-Прот[ас]
съ товарищами и вашего посланника и всю зиму кор[]
На Дону живутъ воры разбойническимъ обычаемъ, пе[]
дятъ съ мѣста на мѣсто; а вашего государя Азовскіе []
живутъ въ городѣ, и на нашей украйнѣ разбойничаютъ!» В[]
отвѣчалъ, что султанъ велитъ унять Азовскихъ людей. Въ []
время былъ у визиря Польскій посланникъ Янъ Кохано[]
котораго визирь посадилъ ниже Московскихъ посланн[]
Кохановскій твердилъ визирю, что на Черномъ морѣ разб[ой]
чаютъ не Запорожскіе, а Донскіе козаки; Московскіе по[]
ники говорили визирю: «вамъ самимъ извѣстно, что разб[ой]
чаютъ Черкасы».

Это былъ послѣдній разговоръ нашихъ посланниковъ с[ъ]
зиремъ Ахметъ-пашею: султанъ велѣлъ его смѣнить за у[]
дурныхъ вѣстей о Персидской войнѣ, и на его мѣсто п[о]
вилъ визиремъ Халиль-пашу. Посланники обратились къ []
ріарху Тимоѳею, не можетъ ли онъ имъ помочь у новаго []
зиря? патріархъ отвѣчалъ: «Самимъ вамъ извѣстно, что []
рый визирь на насъ православныхъ христіанъ Грековъ []
гонитель и поругатель великій, чуть меня къ смерти не []
велъ, и мнѣ при немъ помогать вамъ никакимъ образомъ []
нельзя; новый визирь, думаю, ко мнѣ расположенъ, и по[]
буду о государевыхъ дѣлахъ промышлять; вамъ бы завтр[а]
слать къ визирю въ подарокъ сорока два или три соболей []
рыхъ, а я съ вашими людьми пошлю своего дьяка Ману[]
чтобъ онъ отъ меня визирю и его дворецкому побилъ че[]
этого дьяка Мануила визиревъ дворецкій знаетъ и очень []
битъ, а дворецкій визирю дядя родной, вамъ бы и ему пос[]
сорокъ соболей». Посланники исполнили совѣтъ патріарх[а]
и визирь обѣщалъ хлопотать о ихъ дѣлѣ, но объявилъ, []
все задержанье имъ изъ за Донскихъ козаковъ, за то, что []
сударь прислалъ козакамъ жалованье; Польскій король []

[…]ется Черкасъ унять, и если уйметъ, то султанъ съ нимъ [по]мирится и пошлетъ рать свою на Донскихъ козаковъ; если [ж]е король Польскій не пошлетъ на Черкасъ своего войска, и [Д]онскіе козаки перестанутъ на морѣ разбойничать, то султанъ [х]очетъ стоять съ царемъ за одно на Польскаго короля и ихъ, [по]сланниковъ отпуститъ въ Москву. Опять отправили посланники къ визирю шубу соболью, съ просьбою, чтобъ великому [го]сударю службу свою показалъ, всѣ государственныя дѣла [п]редѣлалъ. Визирь отвѣчалъ, что съ султановою грамотою къ [ца]рю будетъ отправленъ одинъ изъ посланниковъ, а другой [до]лженъ остаться въ Царѣградѣ, потому что посланники не [хо]тятъ поручиться за Донскихъ козаковъ, которые воруютъ, [т]урецкіе поморскіе города и волости воюютъ. «Ступайте къ [м]уфтію, побейте ему челомъ», прибавилъ визирь. Посланники поѣхали къ муфтію, и отъ того услыхали тѣже рѣчи, что долженъ ѣхать въ Москву одинъ посланникъ, по примѣру цесарскихъ пословъ, изъ которыхъ одинъ, большой остался въ Царѣградѣ для справки въ государственныхъ, любительныхъ дѣлахъ. Явилось и старое требованіе, чтобъ царь уступилъ султану Казань и Астрахань. Халиль-паша ушелъ въ Персидскій походъ; его мѣсто заступилъ Магометъ-паша, отъ котораго посланники должны были выслушивать прежнія рѣчи: «Если вы [св]имъ козакамъ не отпишете и ихъ не уймете, то государю вашему отъ нашего государя какого пріятельства ждать, а вамъ за козаками изъ Царягорода отпуску не будетъ». Посланники подослали Грековъ къ сыну и дворецкому муфтія; тѣ велѣли сказать имъ: «Мы у муфтія ихъ дѣломъ промыслимъ, но чтобъ насъ не забыли, почтили своими заморскими поминками, что у нихъ случится». Муфтій дѣйствительно прислалъ за посланниками, но объявилъ: «Если государь вашъ уступитъ нашему старинные мусульманскіе города—Казань и Астрахань, то государь нашъ тотчасъ ему поможетъ на Польскаго короля; но нашей мусульманской вѣрѣ христіанамъ даромъ помогать не велѣно.» Съ тѣмъ и отпустилъ. Посланики поѣхали къ визирю Магометъ-пашѣ, и сказали ему, что если султанъ пошлетъ

войско на Польшу, то государь пришлетъ ему, визирю ж
лованья мягкою рухлядью на три тысячи золотыхъ, дали е
и заемную память на эту сумму. Визирь, подержавъ пам
въ рукахъ, отдалъ назадъ и сказалъ: «Память мнѣ ваша
надобна, а дѣлами вашего государя стану непремѣнно и ра
тельно промышлять». Послѣ этого далъ знать посланник
посольскій дьякъ, что ему велѣно писать грамоту отъ султ
къ царю, что посланникамъ скоро будетъ отпускъ, при че
велѣлъ сказать: «Посланники живутъ въ Царѣ-городѣ дру
годъ, многимъ людямъ отъ нихъ подарки были, только я
нихъ ничего не видалъ; а имъ бы слѣдовало и насъ госу
ревымъ жалованьемъ взыскать, за мною государево жалова
не пропадетъ, отработаю великому государю, гдѣ силы дос
нетъ». Прислалъ и дворецкій визиревъ: «Я безпрестанно г
ворю визирю о государевыхъ дѣлахъ, дѣла эти къ концу пр
ходятъ: такъ посланникамъ слѣдовало бы визиря почтить да
меня не позабыть». Посланники отправили всѣмъ шубы. Пр
слалъ муфтій и сынъ его напомнить посланникамъ о ихъ обѣ
щаніи; отправились и туда собольи шубы. Благодаря всѣ
этимъ шубамъ, посланниковъ послѣ тринадцатимѣсячнаго за
держанія, отпустили въ Москву съ объявленіемъ, что проти
Польскаго короля стоитъ Турецкое войско у Хотина, а как
визирь Халиль-паша придетъ изъ Персіи, то султанъ пошлет
тогда на Польшу всѣхъ своихъ ратныхъ людей.

Отправлены были посланники и въ Персію, дворянинъ Тихо
новъ и подъячій Бухаровъ: шахъ Аббасъ объявилъ, что хо
четъ быть съ царемъ Михаиломъ въ крѣпкой дружбѣ, помо
гать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будетъ
помогать ему и тѣмъ и другимъ; смотря на небо, шахъ ска
залъ: «Богъ меня убьетъ, если я брату моему царю Михаилу
Θеодоровичу неправду сдѣлаю». Шахъ извинялся предъ госу
даремъ въ томъ, что сначала, по просьбѣ Марины и Заруцкаго,
обѣщалъ помочь имъ ратными людьми, казною и хлѣбными за
пасами: они его увѣрили, что при нихъ находится царь Мос
ковскій Иванъ Дмитріевичь, а Москва занята Литовцами, отъ

которыхъ они хотятъ ее очищать; какъ же скоро онъ, шахъ узналъ о воровствѣ Маринки и Заруцкаго, то не далъ имъ никакой помощи. Царь отправилъ дворянина Леонтьева просить у шаха денегъ въ помощь противъ Литовскихъ людей, и въ концѣ 1617 года шахъ прислалъ легкую казну, серебра въ слиткахъ на 7000 рублей.

Новый царь, разумѣется, долженъ былъ начать сношенія и съ Крымомъ, гдѣ царствовалъ Джанибекъ-Гирей. Сношенія эти носили прежній, уже хорошо намъ извѣстный характеръ; главнымъ содержаніемъ переговоровъ по прежнему была торговля: Крымцы запрашивали, хотѣли взять какъ можно больше, Русскіе старались дать какъ можно меньше, представляя опустошеніе государства, оскудѣніе казны. Разбойники не трогались этимъ представленіемъ: въ Іюлѣ 1614 года, въ Ливнахъ, гдѣ, по обычаю, происходилъ размѣнъ посланниковъ, Крымскій посолъ Ахметъ-паша Сулешовъ объявилъ: «Если не станетъ государь присылать ежегодно по 10,000 рублей кромѣ рухляди, то мнѣ добраго дѣла совершить нельзя; со мною два дѣла, доброе и лихое, выбирайте! Ногайскіе малые люди безвыходно васъ воюютъ, а если мы съ своими силами на васъ же придемъ, то что будетъ? Вы ставите шесть тысячь рублей въ дорого, говорите, что взять негдѣ; а я и на одинхъ Ливнахъ вымещу: хотя возьму тысячу плѣнныхъ, и за каждаго плѣнника возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей». Наконецъ Ахметъ-паша согласился взять 4,000 рублей поминковъ для хана и далъ за него шерть, когда Московскій посолъ далъ слово, что по веснѣ рано государь пришлетъ хану большіе поминки. Но когда посолъ князь Григорій Волконскій пріѣхалъ въ Крымъ брать шерть, то ханъ Джанибекъ-Гирей объявилъ: «Шерти мнѣ теперь дать незачто, поминковъ ко мнѣ и къ калгѣ прислано мало, къ ближнимъ людямъ прислано не ко многимъ и не по многу, и за это ближніе люди на насъ злобятся, шерти дать не хотятъ, и намъ шерть отговариваютъ». Наконецъ и ханъ далъ шерть съ условіемъ, что если государь рано весною поминковъ не пришлетъ, то шерть не въ шерть. Послѣ

этого посылались въ Крымъ ежегодные поминки какъ для то[го,]
чтобъ удерживать Крымцевъ отъ нападенія на Московскія укр[аи]-
ны, такъ и для того, чтобъ побуждать ихъ къ нападеніямъ [на]
Литву. Послѣдняя цѣль плохо достигалась, потому что х[анъ]
былъ занятъ войною Персидскою, усобицею у себя въ Кры[му]
и боялся Запорожцевъ, которые сильно опустошали его улу[сы].
Послы Московскіе по прежнему постоянно жили въ Крыму, [на]
смѣну однихъ пріѣзжали другіе, по прежнему имъ чинил[ось]
тамъ многое насильство и неволя, поминки брали на нихъ [дру]-
гіе, въ неволѣ, чуть чуть не правежомъ; по прежнему за [вы]-
годами Московскаго государя наблюдала фамилія князей Су[ле]-
шовыхъ, сначала Ахметъ-паша, а потомъ братъ его, Ибраги[мъ]-
паша.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо участія новый государь Москов[скій]
нашелъ на далекомъ западѣ, у морскихъ державъ Голланді[и и]
Англіи; разумѣется это участіе было корыстное: внутрен[ніе]
смуты въ Московскомъ государствѣ и опустошенія, причин[я]-
емыя войною Польскою и Шведскою, вредили ихъ торговлѣ, и[мъ]
выгодно было успокоить Московское государство и въ награду
пріобрѣсти здѣсь еще большія торговыя выгоды. Извѣстныя у[же]
намъ лица, Ушаковъ и Заборовскій, отправивъ посольство свое
у императора, должны были ѣхать въ Голландію, и тамъ тре-
бовать помощи на враговъ. 1-го Мая 1614 года Ушаковъ и
Заборовскій пріѣхали въ Гагу; пріѣхали они въ жалкомъ по-
ложеніи, и Голландское правительство тотчасъ же снабдило
ихъ всѣмъ нужнымъ, приказавъ выдать имъ единовременно 1000
гульденовъ. Послы, по отзыву Голландцевъ, приводили всѣхъ
въ удивленіе своею скромностію и учтивостію, и были очень
боязливы. Они просили у Генеральныхъ штатовъ помощи царю
войскомъ и деньгами. Штаты отвѣчали, что они сами недавно
освободились отъ войны, и потому не могутъ подать царю ни-
какой помощи, но употребятъ всѣ усилія, чтобъ склонить къ
миру короля Шведскаго. Въ Англію, въ Іюнѣ 1613 года от-
правленъ былъ дворянинъ Алексѣй Зюзинъ. Описавши неправ-
ды Поляковъ въ Москвѣ, Зюзинъ долженъ былъ сказать коро-

ію: «во время Московскаго раззоренья вашихъ гостей и торговыхъ людей Марка Англичанина съ товарищами Литовскіе люди захватили, товары всѣ у нихъ отняли и держали ихъ за крѣпкими приставами, а послѣ того побили». Зюзинъ долженъ былъ говорить министрамъ королевскимъ, что царь велѣлъ просить помощи казною, своимъ ратнымъ людямъ на жалованье, а ратные люди государю нашему не надобны, денегъ имъ на жалованье въ нынѣшнее время дать нечего; Зюзинъ долженъ былъ просить, чтобъ король помочь учинилъ казною, товарами, зельемъ, свинцомъ, сѣрою и другою воинскою казною, а государь своею любительною и братственною дружбою и любовью будетъ воздавать и свыше того; непремѣнно уговаривать, чтобъ король государю помочь учинилъ казною и товарами и пушечными запасами тысячь на сто рублей, по самой послѣдней мѣрѣ на 80,000 или на 70,000, а по самой нуждѣ на 50,000. Если королевскіе совѣтники станутъ говорить, что они знаютъ навѣрное, что Марка Англичанина били Русскіе козаки въ то время, какъ у Польскихъ и Литовскихъ людей Китай взяли, и имѣнье его все захватили тѣже козаки, и государь бы велѣлъ это имѣнье отдать Англичанамъ торговымъ людямъ, то отвѣчать: намъ навѣрное извѣстно, что Марка захватили Польскіе люди и держали по самое Китайское взятье за крѣпкими приставами на Англійскомъ дворѣ въ Китаѣ городѣ; и какъ Китай-городъ у Польскихъ людей взяли, то Марка съ тѣхъ поръ безъ вѣсти нѣтъ, неизвѣстно—Польскіе и Литовскіе люди его убили, или можетъ быть чернью не разсмотря въ то же взятье его убили, потому что въ то время и Русскихъ многихъ людей, которые сидѣли неволею у Поляковъ, побили. Зюзинъ долженъ былъ навѣдаться о посланномъ при Годуновѣ въ Англію для науки Григорьѣ Григорьевѣ съ четырьмя товарищами, требовать ихъ назадъ, потому что они государю нужны къ посольскому дѣлу.

Въ Англіи Московскаго посланника приняли не такъ какъ въ Австріи. Король Іаковъ отвѣчалъ, что онъ будетъ съ царемъ Михаиломъ вести дружбу свыше прежнихъ королей.» Мнѣ

извѣстно, говорилъ онъ, какое зло Поляки надѣлали въ Моск[illegible] и мы короля Сигизмунда за то укоряемъ и съ нимъ ни о че[illegible] не ссылаемся; и Шведскаго короля неправды намъ извѣстны [illegible] Король говорилъ посламъ, чтобъ надѣли шапки, дважды [illegible] трижды о томъ припоминалъ и своимъ королевскимъ сло[illegible] гораздо понуждалъ и прикякивалъ (присѣдалъ), чтобъ [illegible] ки надѣли. А самъ король и сынъ его королевичь Карлъ шл[illegible] ни разу на себя не надѣли, держали ихъ сами, а корол[illegible] тутъ же стояла по своему королевскому чину и обычаю. [illegible] увѣщаніе короля надѣть шапки послы отвѣчали: «Видимъ [illegible] великому государю нашему твою братскую любовь и крѣпк[illegible] дружбу, слышимъ рѣчи ваши государскія, великаго госуд[illegible] нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи б[illegible] видимъ, и намъ, холопамъ въ такое время какъ на себя шап[illegible] надѣть?» Король, королева и королевичь посламъ прикякнул[illegible] за то похвалили, жаловали ихъ и любезно почитали.

Въ слѣдствіе этого посольства, въ Августѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ давно уже извѣстный здѣсь Англійскій купецъ Джонъ Мерикъ, но съ новымъ значеніемъ; въ королевской грамотѣ названъ онъ былъ княземъ, рыцаремъ, дворяниномъ тайной комнаты. Мерикъ объявилъ желаніе королевское, чтобъ государь далъ Англійскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персію по Волгѣ. Ему отвѣчали, что государь уже далъ позволеніе Англійскимъ купцамъ пріѣзжать въ Холмогоры къ корабельной пристани и въ иныя мѣста и торговать повольною торговлею всякими товарами безпошлинно, и жалованную грамоту за царскою печатью имъ дали. А чрезъ Московское государство рѣкою Волгою въ Персію и въ иныя восточныя государства Англійскимъ гостямъ въ нынѣшнее время ходить страшно: князю Ивану (Мерику) самому извѣстно, что смута была, въ Астрахани былъ Заруцкій съ Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкаго въ Москву прислали, но многіе воры, которые были съ Заруцкимъ, убѣжали на Волгу и тамъ теперь воруютъ, нашихъ многихъ торговыхъ людей пограбили; а шахъ Пер-

сидскій въ нашу подданную Грузинскую землю вступился, между нами съ нимъ о томъ ссылка, и наши торговые люди теперь въ Персію не ходятъ. А какъ дастъ Богъ, дорога въ Астрахань очистится и съ Персидскимъ шахомъ о Грузинской землѣ постановится, то государь съ Якубомъ королемъ о томъ сошлется.—Послѣ этого между Мерикомъ и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ былъ разговоръ, какъ помириться государю съ Шведскимъ королемъ. Мерикъ: Свѣйскій король къ государю нашему о томъ писалъ самъ, чтобъ государь нашъ его съ великимъ государемъ вашимъ помирилъ, и отдался въ томъ Свѣйскій король на волю государя нашего, а наказъ мнѣ данъ—велѣно дѣлать съ Шведскими послами по наказу великаго государя царя. Куракинъ: Вѣдомо тебѣ, въ какой мѣрѣ были великіе государи цари съ Свѣйскими королями, ссылались Свѣйскіе короли съ намѣстниками Новгородскими, и теперь царскому величеству къ Свѣйскому о мирѣ послать непригоже; а ты безъ нашего посла или посланника къ Свѣйскому идешь ли? Мерикъ: Я готовъ идти, или пошлю напередъ себя дворянина, а потомъ самъ пойду. Куракинъ: ручаешься ли, что Свѣйскій помирится на государевой волѣ? Мерикъ: Свѣйскій положился на короля нашего, и ему съ государемъ царемъ какъ не мириться? Куракинъ: Только Свѣйскій Якуба короля вашего не послушаетъ, съ великимъ государемъ по его волѣ не помирится, то Якубъ король съ великимъ государемъ на Свѣйскаго за одно стоять и царскому величеству помогать станетъ ли? Мерикъ: Если Свѣйскій не послушаетъ, и позабудетъ любовь короля нашего, который помирилъ его съ Датскимъ, то онъ будетъ государю нашему недругъ, и король нашъ царю на него, думаю, помогать будетъ. Куракинъ: Объяви подлинно, есть ли съ тобою Якуба короля наказъ, какъ государь вашъ государю нашему противъ его недруговъ помогать хочетъ, когда и чѣмъ, и закрѣпить тебѣ это велѣно ли? Мерикъ: Государь нашъ Якубъ король Андреевичь не только казною, всякими мѣрами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочетъ; онъ хотѣлъ послать казну и съ по-

сломъ царскимъ Зюзинымъ, да казнѣ его расходъ былъ большой. А послѣ царскаго посла государь нашъ Якубъ король учинилъ соборъ (парламентъ) съ боярами своими и со всѣми земскими людьми о сборѣ казны на его королевскіе расходы и на вспоможенье царскому величеству, и какъ я отъ государя своего поѣхалъ, то соборъ еще объ этомъ на мѣрѣ не постановилъ, и закрѣпить мнѣ о томъ не наказано; а какое будетъ царскаго величества у государя нашего объ этомъ прошенье, то государь нашъ велѣлъ мнѣ объ этомъ къ себѣ написать. Куракинъ: Ручаешься ли, что государь вашъ вспоможенье учинитъ этою весною? Мерикъ: Какъ мнѣ ручаться? дорога дальняя и кромѣ Шведской земли другой дороги нѣтъ. Куракинъ: Ручаешься ли, что помочь учинитъ? Мерикъ: Думаю, что учинитъ.

Еще только подавъ надежду на помощь, Мерикъ спѣшилъ представить просьбы своего короля. Іаковъ просилъ, чтобъ позволено было Англичанамъ ѣздить Волгою въ Персію, рѣкою Обью въ восточную Индію: «мы думаемъ, говорилъ Мерикъ, что дорога Обью рѣкою отыщется, и станутъ Англійскіе и Русскіе люди въ Индію ходить, и такія прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало; отыскана въ Индію дорога, но далеко оборачивается, въ три года, это время долгое! Другая просьба: нашли Англійскіе люди новую землю, слыветъ Гирлянь, пуста, людей нѣтъ, а промыслъ—бьютъ котовъ, моржей, берутъ сало и зубъ рыбій, и инаго въ ней угодья много, и оленей очень много: такъ государь бы пожаловалъ, отпустилъ изъ своей отчины, Лопской земли, людей, которые умѣютъ оленями владѣть, и тѣми промыслами, что у нихъ въ Лопской землѣ промышлять, по договору, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ Англійскимъ людямъ указали; а какъ они тамъ побудутъ и Англійскіе люди тому у нихъ навыкнутъ, тогда этихъ Лопарей опять отпустятъ въ государеву землю: за это я берусь. Потомъ есть въ царскаго величества землѣ на рѣкѣ. Сухонѣ руда желѣзная и оловянная: такъ государь бы позволилъ изъ Англійской земли привезти знат-

цевъ и кузнецовъ: они руду найдутъ и станутъ дѣлать, а государю отъ этого будетъ прибыль, да и Русскіе люди выучатся сыскивать и дѣлать, и тутъ станутъ жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни къ чему негодной: государь бы пожаловалъ, позволилъ Англичанамъ тутъ своихъ людей привести для промысла; они станутъ Русскихъ людей нанимать, пашню пахать, сѣять ленъ, и полотна станутъ дѣлать такія, что и за море будутъ ходить.» Бояре отвѣчали, что прежде всего надобно покончить Свѣйское дѣло, и Мерикъ отправился въ Новгородъ для переговоровъ.

Мы оставили Новгородъ въ рукахъ у Шведовъ. Еще 25 Декабря 1611 года, по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевскаго, (который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ получилъ отъ короля богатое помѣстье), и всякихъ людей, отправлены были въ Стокгольмъ къ королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандритъ Никандръ, Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Антоній, изъ свѣтскихъ—дворяне: Колычевъ, Боборыкинъ и дьякъ Коншинъ—бить челомъ, чтобъ король далъ имъ въ государи одного изъ сыновей своихъ, «а прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Θедора Ивановича былъ.» Какъ мало были увѣрены Новгородскіе послы въ полномъ и общемъ согласіи согражданъ на избраніе королевича, и какъ они боялись перемѣны, доказываетъ то, что митрополитъ, воевода и всякіе люди должны были поклясться имъ: «Намъ митрополиту, архимандритамъ и игуменамъ за нихъ Бога молить, а намъ боярину, дворянамъ и всякимъ людямъ домовъ ихъ оберегать, имъ помогать и не выдать ихъ сколько милосердый Богъ помочи подастъ.» Новгородцы отправили этихъ пословъ отъ всего Московскаго государства; но мы видѣли чѣмъ кончились переговоры князя Оболенскаго съ Пожарскимъ. Когда Москва была очищена отъ Поляковъ, и Новгородцы опять напомнили вождямъ ополченія о Шведскомъ королевичѣ, тѣ отвѣчали: «Намъ теперь такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обославшись и не-

учиня совѣта и договора съ Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ и Нижегородскимъ государствами и со всѣми городами Россійскаго царства, со-всякими людьми отъ мала и до велика, однимъ учинить нельзя; и мы теперь, объ избраніи государскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали во всѣ города, чтобъ изо всѣхъ городовъ прислали къ намъ въ Москву.» Всѣ города выбрали Михаила Ѳеодоровича, и несчастные Новгородцы стали между двухъ огней: отдѣлиться отъ Москвы значило оторваться отъ всѣхъ жизненныхъ началъ; порвать связь съ Швеціею не было никакой возможности, ибо они были въ рукахъ Делагарди.

Карлъ IX умеръ, и въ Іюнѣ 1613 года преемникъ его Густавъ-Адольфъ прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой извѣщалъ объ отправленіи брата своего Карла Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться уполномоченные отъ Новгорода и отъ всего Россійскаго царства для порѣшенія дѣла. Новгородцы повиновались и отправили въ Выборгъ пословъ бить челомъ королевичу, чтобъ шелъ немедленно въ Новгородъ. По пріѣздѣ въ Выборгъ, начальный человѣкъ посольства, Хутынскій архимандритъ Кипріанъ писалъ въ Новгородъ, что государь королевичь и его бояре, полномочные послы сильно сердятся, что многіе люди изъ Великаго Новгорода отъѣзжаютъ къ ворамъ: «у насъ, что было въ наказѣ писано, продолжаетъ Кипріанъ, и мы то исполнили, государю и полномочнымъ великимъ посламъ много разъ били челомъ обо всемъ; но государь нашъ королевичь Карлусъ Филиппъ Карлусовичь и полномочные послы намъ отказываютъ, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать до тѣхъ поръ, пока Владимирское и Московское государство съ Новгородскимъ не соединятся. Вамъ про то давно вѣдомо, что государю никакъ на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишете къ намъ въ грамотахъ, велите промышлять, смотря по тамошнему дѣлу: вы насъ этими своими грамотами съ государемъ и его боярами остужаете, а на себя

худобу наводите; намъ какъ промышлять смотря по здѣшнему дѣлу, мимо вашего наказа и вашихъ грамотъ?»

Но если затруднительно было положеніе Кипріана и товарищей его въ Выборгѣ, то не менѣе затруднительно было и положеніе Новгородцевъ. Делагарди вышелъ изъ Новгорода, и преемникъ его, фельдмаршалъ Евертъ Горнъ, въ Генварѣ 1614 года объявилъ Новгородцамъ: «Его королевское величество хочетъ Новгородскаго государства всякимъ людямъ, безо всякаго льстиваго отсроченія и отбѣганія, сполна и окончательно мысль свою откровенно объявить: хотите ль вы его королевское величество и его королевскихъ наслѣдниковъ своими прямыми государями и королями имѣть и почитать, его королевскому величеству и имъ прямую покорную вѣрность и послушаніе свое оказать, присоединиться къ Шведской коронѣ не какъ порабощенные, но какъ особенное государство, подобно тому, какъ Литовское государство соединено съ Польскимъ королевствомъ? Королевское величество соизволилъ, чтобъ вы ему и его наслѣдникамъ, какъ великому князю Новгородскаго государства, непремѣнно крестъ цѣловали, и если Вседержитель Богъ подастъ его королевскому величеству болѣе одного сына, то одному изъ нихъ быть государемъ и великимъ княземъ на Новгородскомъ государствѣ; если же Богъ дастъ королю только одного наслѣдника, то вы ему и его наслѣдникамъ такимъ же образомъ должны крестъ цѣловать, какъ и нынѣшнему королю цѣлуете. А если вы при своемъ упрямствѣ останетесь и короля не послушаетесь, то знайте: такъ какъ королевское величество Новгородъ мечемъ взялъ, когда вы ни подъ какимъ прямымъ государемъ и властію не были, и васъ противъ вашихъ недруговъ оборонялъ, то онъ имѣетъ право Новгородское государство за собою и за своими наслѣдниками навѣки удержать. Такъ какъ вы поддались подъ оборону его королевскаго величества и короны Шведской, то вамъ надобно рѣшить — какъ быть къ Московскимъ людямъ, друзьями или врагами, потому что къ двоимъ государямъ вамъ вдругъ прилѣпиться нельзя; королевское величество хочетъ знать, что

ему дѣлать.» Въ слѣдъ за тѣмъ архимандритъ Кипріанъ известилъ Новгородцевъ, что королевичь Филиппъ уѣхалъ изъ Выборга въ Стокгольмъ.

Долго Новгородскіе начальные люди не отвѣчали на страшный запросъ; наконецъ послѣ неоднократнаго повторенія его выпросили отсрочку, чтобъ о такомъ великомъ царственномъ дѣлѣ посовѣтоваться съ гостями и земскими людьми, и взять у всякихъ людей о томъ письмо, за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками. И въ самомъ дѣлѣ пятиконецкимъ старостамъ велѣно было немедленно спросить во всѣхъ улицахъ и слободахъ, у гостей, улицкихъ старостъ, у посадскихъ, жилецкихъ и всякихъ людей; но вопросъ былъ сдѣланъ хитро, не прямо, спрашивали: «хотятъ ли цѣловать крестъ королю Густаву Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ королевичу Филиппу?» Разумѣется, всѣ отвѣчали, что остаются при прежней присягѣ, и начальные люди били челомъ Густаву Адольфу, что всѣ люди Новгородскаго государства помнятъ свое крестное цѣлованье королевичу Филиппу, и за его пресвѣтлѣйшество вездѣ ради головы свои положить, «о защитѣ же, государь, отъ недруговъ, что Новгородское государство оберегать вашему королевскому величеству, въ томъ воленъ Богъ да великій государь нашъ королевичь, какъ его пресвѣтлѣйшество съ вашимъ королевскимъ величествомъ о томъ договорится и утвердится, и намъ подданнымъ холопамъ его пресвѣтлѣйшества о такомъ великомъ дѣлѣ мимо великаго государя своего королевича, договариваться и укрѣпляться нельзя, потому что въ Новгородскомъ государствѣ и въ насъ, холопахъ своихъ, воленъ великій государь нашъ королевичь. Бьемъ челомъ и молимъ ваше королевское величество со слезами, чтобъ ваше королевское величество, по своему природному и благонравному обычаю, пожаловали, умилосердились надъ нами, велѣли учинить намъ, всякихъ чиновъ людямъ Новгородскаго государства, по утвержденнымъ записямъ какъ договорился и укрѣпился съ Новгородскимъ государствомъ вашего королевскаго величества бояринъ и воевода Яковъ Пун-

тусовичь Делагардъ святымъ Евангеліемъ съ клятвою и утвержденными записями, за руками и за печатями, что Новгородскаго государства, городовъ и уѣздовъ его подъ свейскую корону не подводить; а за тѣхъ бы, государь, непостоятельныхъ и малодушныхъ людей, которые отъѣхали изъ Новгорода къ ворамъ, на насъ, которые по своему крестному цѣлованію вѣрно служимъ, опалы и гнѣва не положить; тѣ люди отъѣзжали изъ Великаго Новгорода не съ нашего вѣдома и думы; вашему королевскому величеству вѣдомо, что и въ иныхъ окрестныхъ государствахъ измѣнники бываютъ же, и которые вѣрные и справедливые люди, и тѣ отъ государей своихъ не отстаютъ и служатъ вѣрно; а Владимирскаго и Московскаго государства люди сдѣлали такъ не съ нашего же совѣта: мы съ ними о такомъ непостоятельствѣ не ссылались, и впередъ ни о какомъ непріязненномъ дѣлѣ ссылаться не станемъ, держимся во всемъ вѣрно государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокорожденнаго великаго князя Карлуса Филиппа Карлусовича.»

Но вовсе не съ такою покорностію отвѣчали Новгородцы Еверту Горну, когда тотъ настаивалъ на присагѣ королю, утверждая, что королевичь Филиппъ отказался отъ Новгородскаго престола: упомянувъ о договорѣ, заключенномъ между ними и Делагарди, Новгородцы продолжали: «Послѣ этого утвержденья, честныя обители и святыя Божія церкви отъ Нѣмецкихъ ратныхъ людей раззорены и разграблены, святыя иконы поруганы, расколоты и пожжены, многія мощи святыхъ изъ гробовъ выметаны и поруганы, колокола изъ многихъ монастырей и церквей, городовой большой нарядъ и всякій вывезенъ въ Свейское государство, и около Новгорода Литовскіе люди, которые служатъ здѣсь королевскому величеству, уѣздныхъ людей и крестьянъ жгутъ и мучатъ и на смерть побиваютъ, на правежѣ отъ вашихъ приказныхъ людей въ налогахъ безъ сыску иные на смерть побиты, иные повѣсились и въ воду пометались, иные изувѣчены и до сихъ поръ лежатъ. А мы всякихъ чиновъ люди Новгородскаго государства, по своему

крестному цѣлованію и утвержденнымъ записямъ, во всемъ стояли крѣпко и впередъ также стоять хотимъ за государя своего королевича непоколебимо и отдали на подмогу Нѣмецкимъ людямъ все до послѣдней деньги, отъ того стали въ конечной скудости и многіе разбѣжались розно; а что для нашего грѣха, государь нашъ королевичь въ Новгородское государство походу своего не пожаловалъ не учинилъ, и въ томъ воля его пресвѣтлѣйшества, гдѣ онъ великій государь нашъ въ своей отчинѣ произволитъ быть, только мы, холопы его, по своему крестному цѣлованью, его пресвѣтлѣйшества держимся и служить хотимъ вѣрно. Вы говорите, что намъ отъ его королевскаго величества и отъ окрестныхъ государей безсловесными и неблагодарными загосками (кукушками) слыть и гонимымъ быть: но мы утѣшаемся Христовымъ словомъ: блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. И теперь намъ мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи, вельможному королю и его наслѣдникамъ Свейскимъ королямъ креста цѣловать нельзя и подъ Свейскою короною быть не хотимъ; хотя бы и померегь пришлось за свое крестное цѣлованіе, не хотимъ слыть крестопреступниками, а если надъ нами что и сдѣлаете за прямое наше крестное цѣлованье, въ томъ намъ судья общій нашъ Содѣтель». Въ тоже время князь Никифоръ Мещерскій, соглася́сь съ немногими людьми, пришелъ въ Хутынь монастырь къ архимандриту Кипріану, и объявилъ, что надобно умереть за православную вѣру, а королю креста не цѣловать; Кипріанъ благословилъ ихъ пострадать за вѣру; тогда Мещерскій съ товарищами пошелъ къ Горну, и отказалъ ему впрямь: «Вы хотите души наши погубить, а намъ отъ Московскаго царства на отлучаться и королю креста не цѣловать.» Горнъ велѣлъ всѣхъ ихъ разсадить за крѣпкую стражу, и приступилъ къ остальнымъ Новгородцамъ, чтобъ дали рѣшительный отвѣтъ. Для продленія времени они били ему челомъ, чтобъ позволилъ обослаться съ Московскимъ государствомъ, напомнить боярамъ ихъ прежнее обѣщаніе, и если они не послушаются, то Нов-

[Нов]городцы поцѣлують крестъ королю. Горнъ согласился, и отправлены были въ Москву Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, [дв]оряне Яковъ Боборыкинъ и Матвѣй Муравьевъ. Послы явились къ боярамъ и били челомъ о своихъ винахъ, что неволею цѣловали крестъ королевичу, а теперь хотятъ просить милости у государя, чтобъ онъ вступился за Новгородское государство и не далъ бы остальнымъ бѣднякамъ погибнуть. Бояре донесли государю о Новгородскомъ челобитьѣ; Михаилъ допустилъ пословъ къ себѣ и велѣлъ дать имъ двѣ грамоты: одну явную къ митрополиту и ко всему Новгородскому государству, въ ней бояре сурово отвѣчали Новгородцамъ, называли ихъ измѣнниками за совѣтъ покориться Шведскому королевичу; другая грамота была тайная: въ ней государь писалъ къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ, что онъ вины имъ всѣ отдалъ. Послы возвратились, объявили отвѣтъ боярскій, но тайно роздали списки съ милостивой государевой грамоты. Однако тайна была открыта: думный дьякъ Петръ Третьяковъ увѣдомилъ Горна изъ Москвы о милостивой грамотѣ. Горнъ принялся за пословъ, особенно потерпѣлъ много Кипріанъ: его били на правежѣ до полусмерти, морили голодомъ и холодомъ.

Между тѣмъ шли военныя дѣйствія: еще въ Мартѣ 1613 года Соборъ писалъ новоизбранному царю, что Псковскіе воеводы, князь Хованскій и Вельяминовъ просятъ помощи противъ Шведовъ, которые безпрестанно грозятся притти подъ Псковъ изъ Новгорода; Соборъ отправилъ къ нимъ нѣсколько козачьихъ атамановъ. Но Шведы осадили не Псковъ, а Тихвинъ, и побили русскій отрядъ, высланный на помощь къ городу подъ начальствомъ Исака Сумбулова; государь отправилъ на выручку другой отрядъ подъ начальствомъ Ѳедора Плещеева; но въ Устюжнѣ Плещеевъ узналъ, что Тихвинцы съ воеводами княземъ Семеномъ Прозоровскимъ и Леонтьемъ Воронцовымъ-Вельяминовымъ отбили Шведовъ и нарядъ у нихъ взяли. Въ Сентябрѣ 1613 рѣшили дѣйствовать наступательно противъ Новгорода, и отправили подъ него боярина князя

Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и окольничаго князя Даніла Ивановича Мезецкаго; къ нимъ въ сходъ велѣно было идти стольнику Василію Ивановичу Бутурлину съ полками, собранными въ Ярославлѣ. Воеводы стали въ Бронницахъ, но не съумѣли выбрать мѣста; и здѣсь въ станѣ у Трубецкаго повторились тѣже явленія, какія мы видѣли въ его подмосковномъ станѣ: было у нихъ въ рати нестроеніе великое, говорить лѣтописецъ, грабежи отъ козаковъ и отъ всякихъ людей. Делагарди осадилъ воеводъ, сдѣлался голодъ. Трубецкой съ товарищами прислали къ государю бить челомъ отъ имени ратныхъ людей, что стала имъ отъ Нѣмецкихъ людей тѣснота. Государь велѣлъ имъ отъ Бронницъ отойти къ Торжку; при этомъ отступленіи потеряно было много людей, воеводы едва ушли пѣшкомъ. Густавъ-Адольфъ самъ явился въ Русскихъ предѣлахъ и осенью 1614 года овладѣлъ Гдовомъ послѣ двухъ приступовъ, но возвратился въ Швецію съ намѣреніемъ начать военныя дѣйствія въ будущемъ году осадою Пскова, если до тѣхъ поръ Русскіе не согласятся на выгодный для Швеціи миръ. Король дѣйствительно желалъ этого мира, не видя никакой выгоды для Швеціи дѣлать новыя завоеванія въ Россіи и даже удерживать всѣ уже сдѣланныя завоеванія: такъ онъ не желалъ удерживать Новгородъ, нерасположеніе жителей котораго къ Шведскому подданству онъ хорошо зналъ: «Этотъ гордый народъ, писалъ онъ о Русскихъ, питаетъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ чуждымъ народамъ.» Делагарди получилъ отъ него приказаніе—въ случаѣ нужды, если Русскіе будутъ осиливать, бросить Новгородъ, разоривши его: «Я гораздо больше забочусь, писалъ король, о васъ и о нашихъ добрыхъ солдатахъ, чѣмъ о Новгородцахъ.» Причины, побуждавшія Шведское правительство къ миру съ Москвою, высказаны въ письмѣ канцлера Оксенштирна къ Горну: «Хотя у насъ, пишетъ Оксенштирнъ, до сихъ поръ и не обнаруживались внутренніе раздоры и смуты, однако есть сѣмена, изъ которыхъ много ихъ можетъ родиться. Изъ сосѣдей нашихъ большая часть открытые враги, остальные невѣрные друзья; много у насъ

долговъ, денегъ мало; во время войны поправиться намъ нельзя. Король Польскій безъ крайней необходимости не откажется отъ правъ своихъ на Шведскій престолъ, а нашъ государь не можетъ заключить мира, прежде чѣмъ Сигизмундъ признаетъ его королемъ Шведскимъ: слѣдовательно съ Польшею нечего надѣяться крѣпкаго мира или перемирія. Вести же войну въ одно время и съ Польшею и съ Москвою, нетолько неразумно, но и просто невозможно, вопервыхъ, по причинѣ могущества этихъ враговъ, если они соединятся вмѣстѣ, вовторыхъ, по причинѣ Датчанина, который постоянно на нашей шеѣ. И такъ по моему мнѣнію, надобно стараться всѣми силами, чтобъ заключить миръ, дружбу и союзъ съ Москвою на выгодныхъ условіяхъ. Москву должно привлекать къ миру частію словами и письмами, частію побуждать ее оружіемъ сколько хватитъ у насъ на это казны». Такъ и дѣйствительно поступалъ Густавъ-Адольфъ: съ одной стороны онъ задиралъ Московское правительство о мирѣ, другія государства о посредничествѣ; съ другой—продолжалъ военныя дѣйствія.

30 Іюля 1615 года Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ, гдѣ воеводами были бояринъ Василій Петровичь Морозовъ и Ѳедоръ Бутурлинъ. У короля было 16,000 войска, въ числѣ котораго находились и Русскіе Черкасы. Первая сшибка съ осажденными кончилась для Шведовъ большою неудачею: они потеряли Еверта Горна въ числѣ убитыхъ. 15 Августа непріятель подошелъ къ Варламскимъ воротамъ, и, по совершеніи богослуженія, началъ копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и городки малые, а подальше устроили большой городъ дерновый, гдѣ стоялъ самъ король; всѣхъ городовъ было больше десяти, и два моста были наведено на Великой рѣкѣ. Три дня съ трехъ мѣстъ били Шведы по городу, пустили 700 огненныхъ ядеръ, а другимъ чугуннымъ числа нѣтъ; но Псковъ не сдавался. 9 Октября Шведы повели приступъ, но и онъ не удался. А между тѣмъ Джонъ Мерикъ хлопоталъ о мирѣ; положено было рѣшить дѣло на съѣздѣ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ, съ Шведской стороны назначены были Клосъ

Флемингъ, Генрихъ Горнъ, Яковъ Делагарди и Монсъ Мартензонъ; съ Русской—князь Данила Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Будучи въ Осташковѣ, Русскіе уполномоченные получили отъ Мерика изъ Новгорода извѣстіе, что Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ; Мерикъ писалъ: «Король въ грамотѣ своей ко мнѣ вѣрно и крѣпко обѣтъ далъ, что никакого утѣсненья городу Пскову не сдѣлаетъ, пока не узнаетъ, что̀ отъ васъ, великихъ пословъ, на съѣздѣ въ нынѣшнихъ дѣлахъ отродится; а теперь онъ, король обѣтъ нарушилъ къ своему безчестью и къ невѣркѣ, а тотъ его листъ у меня за его рукою и печатью, и сколько я у нихъ ни былъ, правды мало находилъ.» Русскіе послы хлопотали, чтобъ еще больше разсердить Мерика на Шведовъ, указывали ему, что Шведы въ своихъ грамотахъ не величаютъ его какъ должно; Мерикъ отвѣчалъ на это: «Вы господа, великіе послы, мнѣ объявляете, что Свейскіе послы меня не подостоинству пишутъ: я это себѣ ни во что ставлю, честь мнѣ дана отъ великаго моего государя, а имъ того у меня не отнять; и не дивлюсь я, господа, тому, что они такъ пишутъ, имъ на меня нелюбо: какъ имъ случится говорить про царское величество и про васъ, великихъ пословъ, и про нынѣшнее дѣло не пригоже, то я ихъ встрѣчаю прямою правдою, и самому королю въ томъ я не молчалъ, такъ ему за то на меня и нелюбо стало; но я знаю, отъ кого я посланъ, и не постыжусь правду говорить. Они показываютъ видъ будто радѣютъ о нынѣшнемъ добромъ дѣлѣ: какъ Богъ принесетъ насъ къ съѣзжему мѣсту, то ихъ радѣнье объявится; а мое радѣнье и промыселъ Богъ видитъ: на этомъ свѣтѣ ничего больше не желаю, какъ только чтобъ это дѣло къ доброму концу пришло.»

Началась предварительная переписка между уполномоченными, изъ которыхъ Русскіе жили въ Осташковѣ, а Шведскіе въ Новгородѣ, пошли споры о титулахъ: Шведы писали Михаила только великимъ княземъ и сердились, зачѣмъ онъ называется Лифляндскимъ и Новгородскимъ; они писали Мезецкому и Зюзину: «Даемъ вамъ знать, что вы наполнены преж-

нею спѣсью, и не подумаете, каковъ нашъ король родствомъ противъ вашего великаго князя: нашъ король прирожденный, королевскій сынъ, а вашъ великій князь не царскій сынъ и не наслѣдникъ Россійскому государству: тотчасъ послѣ смерти царя Өедора не посадили его на престолъ, а послѣ Дмитріевой смерти взяли Василія Ивановича Шуйскаго, потомъ королевича Польскаго.» На это Русскіе послы отвѣчали бранью, приводили примѣры изъ священной и Римской исторіи, что Богъ избиралъ царей славныхъ не отъ царскаго корня, писали, что всѣ Русскіе люди отъ мала до велика за честь государеву готовы противъ Шведовъ стоять и мстить, « а не такъ какъ у васъ дѣлается въ Свеѣ: половина государю вашему доброхотаетъ, а другая Польскому Жигимонту королю, а иные арцуку (герцогу) Ягану. И вы такія непригожія воровскія слова про помазанниковъ Божіихъ оставьте». Шведскіе послы получили эту грамоту уже на дорогѣ изъ Новгорода къ съѣзжему мѣсту, разсердились, и объявили Мерику, что дальше не поѣдутъ; Мерикъ писалъ Мезецкому, что никакими мѣрами и разговорами ихъ унять нельзя. Наконецъ онъ ихъ унялъ и уговорились: быть съѣзду въ помѣстьѣ Хвостова, въ сельцѣ Дедеринѣ, гдѣ стоять Англійскому послу; царскимъ посламъ стоять на Пескахъ, а Шведскимъ въ Селищахъ; съѣзжаться у Англійскаго посла. Явились еще посредники: Голландскіе послы Рейнгоутъ Фанъ Бредероде, Диркъ Басъ, Альбрехтъ Іоахимъ и Антонъ Гетеерисъ; послѣдній оставилъ намъ описаніе этого посольства, замѣчательное для насъ по изображенію тогдашняго состоянія Московскаго государства. На пути изъ Ревеля въ Новгородъ послы должны были проѣзжать черезъ страну, опустошенную козаками, нигдѣ не находили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, иногда только, по счастію, отыскивали гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Изъ Новгорода отправились они въ Старую Русу, которую нашли въ самомъ жалкомъ положеніи. Но всѣ, претерпѣнныя ими до сихъ поръ затрудненія и непріятности были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какія они должны были выносить на пути изъ Ста-

рой Русы: нѣсколько разъ подламывался подъ ними ледъ на рѣкѣ (это было въ Ноябрѣ), люди и вещи падали въ воду, и чтобъ высушиться, надобно было зажигать на берегу опустѣлыя избы. Ночевали въ опустошенныхъ деревняхъ; чтобъ войти въ избу, должно было прежде вытаскать изъ нея трупы прежнихъ ея жителей, побитыхъ козаками; но отвратительный запахъ выгонялъ Голландцевъ изъ избы, и они должны были ночевать на морозѣ. Мерику очень не понравился пріѣздъ этихъ новыхъ посредниковъ; сначала онъ наговаривалъ Русскимъ посламъ и царю, что Голландцы пріѣхали не для того, чтобъ радѣть Москвѣ, но потомъ объявилъ, что они будутъ съ нимъ вмѣстѣ и будутъ ему во всемъ послушны. Царь въ своей грамотѣ къ Мерику настаивалъ на то, что Густавъ-Адольфъ не сдержавъ своего обѣщанія, не слушая представленія его, Мерика, обезчестилъ Якуба короля; царь упрашивалъ Ивана Ульяновича (Мерика), чтобъ онъ Шведамъ ихъ неправды выговаривалъ и побуждалъ ихъ къ доброму дѣлу.

Дедеринскіе переговоры начались 4 Генваря 1616, начались споромъ, потому что Шведскіе послы назвали Густава-Адольфа корельскимъ и представляли, что Корела была отдана Шведамъ еще при Шуйскомъ; это, разумѣется, повело къ спору о томъ, имѣютъ ли право Шведы удерживать уступку Шуйскаго послѣ поведенія ихъ подъ Клушинымъ. Шведы жаловались на Шуйскаго, что онъ не платилъ имъ выговоренныхъ денегъ, выставляли свои заслуги въ битвахъ противъ Литвы и Тушинцевъ. Русскіе возражали, что противъ Литвы воевали не одинъ Делагарди и Нѣмецкіе люди, больше было въ то время съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Русскихъ людей, и промыслъ весь былъ князя Михаила. Делагарди отвѣчалъ на это: «Вы говорите, что не однимъ мною и Шведскими людьми города очищались и Польскихъ людей побивали, а были съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ многія Русскія рати; такъ скажите намъ, которыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ были?» Мезецкій: Было князю Михаилу съ кѣмъ города очищать и съ Польскими людьми биться:

были стряпчіе, стольники и дворяне изъ городовъ, Новгородцы, Смольняне, Дорогобужане, Вязмичи и иныхъ городовъ дворяне. **Делагарди:** Съ княземъ Михаиломъ было 15 человѣкъ дворянъ; когда Смольняне пришли въ Тверь, то я началъ биться съ Литвою, а Смольняне и другихъ городовъ дворяне побѣжали. Шведы одни пошли къ Колязину, разбили Литву, завладѣли Александровскою слободою, выручили этимъ Москву. **Мезецкій:** при Колязинѣ Шведовъ было не много, и князь Михаилъ Васильевичъ платилъ имъ хорошо; а воръ бѣжалъ потому, что царь Василій посылалъ на него воеводъ своихъ и бояръ. **Делагарди:** Назовите хотя кого-нибудь изъ Русскихъ, кто бы раненъ былъ въ этихъ битвахъ? а за мою службу царь Василій могъ бы не только давать наемъ по договору, но и дарить многими подарками, служилъ я ему прямо, какъ своему прирожденному государю. **Мезецкій:** Воевали бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, а кто раненъ или убитъ, какъ наизусть упомнить? Наемныя деньги были вамъ выплачены, тебя же Якова, капитановъ, ротмистровъ и дьяка Моншу царь Василій сверхъ найму жаловалъ изъ своей царкой казны дорогими соболями, запонами, сосудами и платьемъ, да и къ государю вашему Карлусу Свейскому царь дорогіе подарки посылалъ. А когда царь послалъ брата своего, князя Дмитрія и тебя на Польскихъ людей подъ Смоленскъ, то выплатилъ тебѣ сполна впередъ за два мѣсяца, и ты тѣхъ денегъ ратнымъ людямъ не далъ, а хотѣлъ дать послѣ боя: которыхъ людей побьютъ и ты ихъ деньгами хотѣлъ корыстоваться. Евертъ Горнъ измѣнилъ и ты, Яковъ дѣлалъ неправдою, отъѣхалъ къ Жолкѣвскому и воевалъ противъ боярина князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго. **Делагарди:** Измѣнили не Шведы, а Нѣмцы. Вы насъ чужеземцевъ называете измѣнниками, а гдѣ ваша правда? государя своего съ государства ссадили, постригли и въ Литву отдали! Когда мы на Поляковъ выходили, то царь Василій призвалъ меня къ себѣ въ комнату, и я ему говорилъ, чтобъ онъ велѣлъ дать ратнымъ людямъ наемъ сполна, и этимъ къ службѣ ихъ

пріохотилъ, а только имъ найму не дать, и отъ нихъ чаяти всякаго дурна; царь говорилъ, что деньги за мною вышлетъ въ Можайскъ и не прислалъ; былъ въ то время у царя Василья въ комнатѣ дьякъ Телепневъ, онъ свидѣтель. Мезецкій: Казна отдана была тебѣ при мнѣ въ селѣ Мышкинѣ передъ боемъ; а хотя и одни Нѣмцы измѣнили, то все же твоя вина, потому что царь Василій во всемъ вѣрилъ тебѣ. А что ты говоришь, что мы государя своего ссадили, то царь Василій самъ царство оставилъ, а потомъ Жолкѣвскій его постригъ; и только бы Нѣмецкіе люди не измѣнили, и ты бъ того не похотѣлъ, то тебѣ было идти къ царю Василію въ Москву, а не къ Новгороду. Делагарди: Знаю я, что со многими дьяками казна за княземъ Дмитріемъ и за мною была прислана и мнѣ ее объявили, только я ею не корыстовался, самого меня ограбили до нага; все это сдѣлалось не Горновою измѣною и не моею неправдою, а потому что князь Дмитрій пошелъ изъ Можайска въ самые жаркіе дни и шелъ со всею ратью наспѣхъ до Клушина сорокъ верстъ, ратные люди и подъ ними лошади истомились, а иные остались назади; и князь Дмитрій, не дождавшись остальныхъ людей, сталъ на стану не укрѣпясь, а зналъ, что непріятель передъ нимъ. Нѣмецкіе люди, которымъ найму не дали, были шатки, и только бы они всѣ не разсержены были за неплатежъ денегъ, то они бы не измѣнили. А къ царю Василію съ того разгрома я не поѣхалъ, потому что былъ ограбленъ и остался самъ-осьмъ, къ князю Дмитрію было пріѣхать не съ кѣмъ; а съ дороги я посылалъ къ царю Василію двухъ Нѣмцевъ сказать, что собравшись опять къ нему приду на помощь; царь Василій съ этими Нѣмцами ко мнѣ писалъ, чтобъ я сбирался въ Новгородскомъ уѣздѣ, бралъ тамъ людскіе и конскіе кормы, и собравшись, шелъ бы къ нему на помощь; но мнѣ кормовъ давать нестали. Делагарди сильно разсердилъ Русскихъ пословъ, сказавши: «Князь Иванъ Никитичь Одоевскій и всякихъ чиновъ люди крестъ королевичу Карлу цѣловали: и вамъ бы теперь въ томъ своемъ приговорѣ устоять и королевича Карла Филиппа

на Московское государство принять». Мезецкій отвѣчалъ ему: «что ты за бездѣльное дѣло затѣваешь? Мы королевича не хотимъ, да и самъ государь вашъ къ боярамъ писалъ, что кромѣ Московскихъ родовъ, никого на Московское государство изъ иноземцевъ не выбирать, а кого государемъ выберутъ, и онъ король съ нимъ будетъ въ дружбѣ и любви, да и сами вы намъ про то объявили; и только впередъ станете объ этомъ говорить, то намъ не слушать.» Делагарди: Бояре и воеводы били челомъ о королевичѣ въ Ярославлѣ? Мезецкій: Говорить объ этомъ не пригоже: дѣлалось это безъ вѣдома всей земли. — Съ сердцемъ Русскіе послы встали изъ за стола; третьи, т. е. Англійскіе и Голландскіе послы начали говорить: «Дѣла никакого добраго отъ васъ въ зачинѣ не бывало, и вамъ бы такія безмѣрныя дѣла и несходительныя слова оставить.» Русскіе и Шведы по привычкѣ и въ жару спора могли и нечувствовать стужи, сидя въ Генварѣ мѣсяцѣ въ шатрѣ, но сильно чувствовали ее третьи, и потому объявили, что впередъ въ шатрахъ съѣзжаться нельзя, предложили съѣзжаться на квартирѣ Англійскаго посла: дворъ былъ разгороженъ на двое, и положили, чтобъ съ передняго входа приходили Русскіе, а съ задняго Шведскіе послы; столы и скамьи были поставлены также какъ и въ шатрѣ: съ большаго двора съ пріѣзда скамьи государевымъ посламъ, а отъ задней стѣны противъ него Шведскимъ, третьимъ столы и скамьи по конецъ государева стола противъ комнатныхъ дверей.

На съѣздѣ 5-го Генваря Русскіе послы приступили къ дѣлу, потребовали отъ Шведовъ, чтобъ они объявили, какъ ихъ государь приказалъ о вѣковѣчной вотчинѣ великаго государя царя, о Новгородѣ, Старой Русѣ, Порховѣ, Ладогѣ, Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьѣ, Гдовѣ? Делагарди отвѣчалъ, что еще не кончены переговоры о главномъ дѣлѣ: не только что Новгородъ съ пригородами за королевичемъ Филиппомъ, выбранъ онъ и на все Владимірское и Московское государства. Мезецкій отвѣчалъ, что они объ этомъ ни говорить, ни слушать

не хотятъ: «у насъ теперь царемъ Михаилъ Θедоровичъ, онъ учинилъ у насъ миръ, покой и соединенье, всѣ великіе государи ищутъ его дружбы и любви, и вамъ бы непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ. Вы Новгородъ взяли обманомъ; ты Яковъ, на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, ничего не исправилъ; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо къ вамъ отъ кого-нибудь безъ совѣту всей земли, то ему вѣрить было нечего.» Говорили послы между собою сердито, съ бранью, хотѣли разъѣхаться. Третьи уговаривали ихъ, чтобъ не сердились, и сказали Русскимъ посламъ: «Мы уговаривали Шведскихъ пословъ не поминать о королевичѣ, потому что это дѣло уже минулось, и впередъ станемъ ихъ уговаривать, только они упрямятся).» Мезецкій отвѣчалъ имъ: «Какъ имъ не стыдно говорить о королевичѣ Филиппѣ Карлусовичѣ, да и вамъ какъ не стыдно говорить о немъ: присланы вы къ великому государю Михаилу Θедоровичу для мирнаго постановленія, а не о королевичѣ Филиппѣ говорить; слыша такія несхожія слова и помня государей своихъ приказъ, вы Шведскимъ посламъ о такомъ дѣлѣ не молчали бы, что они, оставя великія дѣла, говорятъ бездѣлье.» Говорилъ это Мезецкій Голландскимъ посламъ съ пенями и съ вычетомъ сердито.—Поговоривъ со Шведами, третьи объявили Русскимъ, что Делагарди съ товарищами не станутъ говорить о королевичѣ Филиппѣ, но чтобъ Русскіе уступили королю Новгородъ съ пригородами, которые цѣловали крестъ королевичу. Мезецкій отвѣчалъ, что они пяди земли изъ отчины государевой не уступятъ. Третьи продолжали: «Мы станемъ говорить Шведскимъ посламъ, чтобъ они многія мѣры оставили, а поискали бы, какъ привести дѣло къ доброму концу; да ивамъ бы то же сдѣлать».

Какъ Русскихъ пословъ сердили рѣчи Шведскихъ о королевичѣ Филиппѣ, такъ Шведскихъ сердило требованіе Русскихъ, чтобъ король уступилъ царю Лифляндію. На съѣздѣ 7-го Генваря, услыхавъ это требованіе, Шведы встали изъ за стола и сказали: «Если бъ мы знали, что вы и теперь про Лиф-

ляндскіе города будете поминать, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, то и былъ бы у насъ разрывъ.» Третьи уняли ихъ; Шведы опять усѣлись и опять начали говорить о королевичѣ Филиппѣ; Русскіе по прежнему разсердились; наконецъ Шведы обѣщались не говорить о королевичѣ, и начались толки объ уступкѣ земель. Русскіе требовали возвращенія Лифляндскихъ городовъ и Новгорода, потому что все это изначала отчина великихъ государей Россійскихъ; Шведы отвѣчали: «Не только что Лифляндская земля не отчина государя вашего; но и Новгородомъ недавно вы начали владѣть; а Лифляндскою землею Московскіе государи завладѣли неправдою, и за то Богъ имъ месть воздалъ.» Русскіе: Лифляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ, отъ государя Георгія Ярослава Владимiровича, который построилъ Юрьевъ Ливонскій въ свое имя; а Новгородское государство было за Россійскими государями во времена Рюрика и ни за кимъ, кромѣ Россійскихъ царей не бывало.» Шведы: Видали ль вы Юрьевъ Ливонскій? Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ невидать, какъ ушей своихъ. Русскіе: Вы такъ говорите, снимая помощь съ Бога; а мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего: не отдадите безъ крови—отдадите съ кровью. Шведы: Оставьте говорить высокія слова: Лисовскій и не Богъ знаетъ кто, обычный человѣкъ, и тотъ съ невеликими людьми прошелъ все Московское государство; рати ваши, Русскія и Татарскія, мы знаемъ.» Русскіе: Вы наши рати знаете, а помните, какъ вашъ государь нашему государю Ѳедору Ивановичу отдалъ города Ивань-городъ, Копорье и другіе; и когда государь нашъ велѣлъ стрѣлять по Ругодиву (Нарвѣ), то Нѣмцы ваши всѣ тотчасъ замахали съ города шляпами и били челомъ, чтобъ государь кровь ихъ пролить не велѣлъ; а когда государь послалъ князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, то помните, какая была отъ нашихъ людей въ вашей землѣ война и плѣнъ! и нигдѣ тогда нашимъ людямъ ваши люди противны не были: такъ государю вашему надобно того остерегаться: въ правдѣ всякому Богъ помогаетъ, а не

въ правдѣ сокрушаетъ.» Третьи прекратили этотъ споръ: «Съ обѣихъ сторонъ, говорили они, надобно добраго дѣла искать, чтобъ ближе къ миру и покою, а въ такихъ великихъ спорныхъ словахъ добраго дѣла не будетъ». Но споръ не прекратился: Делагарди началъ толковать, что царь Василій не выплатилъ Шведамъ денегъ; Русскіе послы возражали ему, что деньги были заплачены и еслибъ Делагарди не измѣнилъ при Клушинѣ, то Поляки не овладѣли бы царскою казною. Делагарди отвѣчалъ: «Эти вамъ убытки отъ самихъ себя; и теперь если подружитесь съ Поляками и возьмете на насъ Литовскихъ людей тысячь съ десять или двѣнадцать, то они у васъ опять Москву отнимутъ.» Русскіе говорили: «Что вы намъ Польскихъ людей въ дружбу причитаете?» называли Делагарди измѣнникомъ и спрашивали, зачѣмъ онъ послѣ Клушинской битвы не шелъ въ Москву къ царю Василію? Делагарди отвѣчалъ: «Тамъ бы и меня постригли съ нимъ вмѣстѣ.»

Наконецъ повели дѣло объ уступкѣ городовъ; Русскіе послы говорили Мерику: можно ли ему заговорить Якову Делагарди, чтобъ теперь государю города всѣ отдалъ и очистилъ вскорѣ, а послѣ захочетъ выѣхать на государево имя, то государь его пожалуетъ, велитъ дать ему городъ или мѣсто великое въ вотчину, и велитъ жить ему на покоѣ какъ захочетъ, да сверхъ того пожалуетъ, чего у него и на мысли нѣтъ. Мерикъ отклонилъ отъ себя это порученіе, отвѣчалъ, что не смѣетъ въ этомъ положиться на Якова. Шведы уступали всѣ занятыя ими мѣста кромѣ Корелы и за уступленное требовали 40 бочекъ золота, а въ бочкѣ по 100,000 цесарскихъ ефимковъ; если же государь денегъ дать не захочетъ, то пусть уступитъ Ивань-городъ, Орѣшекъ, Яму, Копорье и Сумерскую волость. Русскіе отдавали Корелу и 70,000 рублей, потомъ надбавили до 100.000. Дѣло протянулось за половину Февраля, приближалось время распутицы, Шведы объявили, что имъ ѣсть нечего и потому уѣзжаютъ. 22 Февраля заключили перемиріе отъ этого числа до 31 Мая, чтобъ въ это время между обеими государствами войнѣ и задорамъ никакимъ не быть,

а къ 31 Мая съѣхаться великимъ посламъ между Тихвинымъ и Ладогою.

По истеченіи срока Московскіе послы, тѣ же самые, что были въ Дедеринѣ, отправились въ Тихвинъ, Шведскіе жили въ Ладогѣ, третьимъ былъ теперь одинъ Мерикъ, потому что Голландцы не явились. Послы пересылались грамотами и гонцами съ 12 Іюня до 18 Сентября, Русскіе звали Шведовъ на съѣздъ, но тѣ не ѣхали, и объявили Мерику: если имъ не будетъ окончательнаго отвѣта на статьи ихъ, заданныя въ Дедеринѣ, то они на съѣздъ не поѣдутъ. 25 Сентября Мерикъ поѣхалъ въ Ладогу къ Шведскимъ посламъ: по наказу онъ долженъ былъ уступить Иваньгородъ, Ямы, Копорье, и въ придачу 100,000 денегъ, но крѣпко стоять за Орѣшекъ и за погосты, которые по сю сторону Невы, заневскіе же погосты и Сумерскую волость могъ уступить; если Шведы никакъ не согласятся отдать Орѣшекъ, то за него пусть дадутъ Копорье и четыре погоста, которые по сю сторону Невы, да Сумерскую волость; въ крайности требовать только Сумерской волости и четырехъ погостовъ, хлопотать о мирѣ, чтобъ Шведы не исполнили своей угрозы, не раззорили св. Софіи и Новгородцы не цѣловали креста королю съ великой бѣдности; наконецъ Мерику позволено было за Сумерскую волость и четыре погоста дать 100,000 рублей. Шведы не соглашались, а между тѣмъ царь писалъ своимъ посламъ: «Съ Шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобъ они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для Литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите». Съ другой стороны приходили вѣсти, что приступъ Русскихъ къ Шведскому острожку подъ Псковомъ не удался, что въ Новгородѣ утѣсненье отъ толмача Ирика Андреева, отъ Гриши Собакина и отъ Томилки Присталцова, правежи великіе: кто не перетерпя правежа, крестъ поцѣлуетъ королю, на тѣхъ не правятъ ничего, а ссылаютъ съ женами и дѣтьми въ Иваньгородъ, Иваньгородцы же королю прямо крестъ цѣловали и на нихъ

не правятъ ничего, а Новгородцамъ всѣмъ, не перетерпя муки, цѣловать крестъ королю. Мерикъ предлагалъ Шведамъ подѣлиться: два погоста по сю сторону Невы имъ, а два Русскимъ, которые заплатятъ за нихъ 10,000 рублей; но Шведамъ нужна была вся Нева, и потому они не соглашались, или требовали невозможнаго—за два погоста 100,000 рублей. Наконецъ Мерикъ договорился: въ царскую сторону: Новгородъ, Руса, Порховъ, Гдовъ, Ладога, со всѣмъ уѣздомъ, и Сумерская волость; въ королевскую сторону: Иваньгородъ, Ямы, Капорье, Орѣшекъ со всѣмъ уѣздомъ и 20,000 рублей денегъ; Гдовъ, Ладога и Сумерская волость останутся за Шведами до тѣхъ поръ пока города размежуютъ и государи закрѣпятъ договоръ крестнымъ цѣлованьемъ.

Порѣшивши на этомъ съ Мерикомъ, Шведскіе послы въ концѣ Декабря пріѣхали на съѣздъ въ назначенное мѣсто, которымъ былъ на этотъ разъ Столбово. Но и тутъ начались споры: Русскіе послы требовали, чтобъ Шведы не брали городовъ въ закладъ до утвержденія мира, Шведы не соглашались. Въ это время къ Московскимъ посламъ явились пятиконецкіе старосты Новгородскіе тайно и били челомъ со слезами, что въ Новгородѣ жилецкихъ всякихъ людей Нѣмцы въ солдатскихъ кормахъ и подводахъ побиваютъ на смерть, а откупиться имъ уже нечѣмъ; только дѣло продлится, и они думаютъ, что Шведы примутся за Софійскую казну и за церковное строенье: такъ имъ бы, государевымъ посламъ, со Шведскими послами мирное постановленье совершить поскорѣе, и пока договоръ станется, послы дали бы имъ государевой казны на выкупъ, чѣмъ имъ откупиться отъ правежей хотя на полмѣсяца, и какъ царскому величеству Богъ очиститъ великій Новгородъ, то они государю тѣ деньги заплатятъ; а только у государевыхъ пословъ съ Шведскими дѣло продлится, то имъ по неволѣ идти въ королевскую сторону. Послы отвѣчали, чтобъ они попомнили Бога и свои души: хотя имъ отъ Нѣмцевъ въ солдатскихъ кормахъ и иныхъ податяхъ какое утѣсненье и есть, то имъ бы малое время потерпѣть и многолѣтняго своего терпѣнія и мученія

однимъ часомъ не потерять; и они, послы станутъ говорить Англійскому послу, чтобъ уговорилъ Шведовъ Новгороду утѣсненья не дѣлать. Кончились споры о закладныхъ городахъ; Русскіе послы стали требовать, чтобъ изъ уступленныхъ Шведамъ городовъ было отпущено духовенство; Шведы соглашались выпустить только монаховъ, а не бѣлыхъ священниковъ, ибо въ такомъ случаѣ останутся у нихъ только одни стѣны: Русскимъ людямъ какъ безъ отцовъ духовныхъ быть? Русскіе послы настаивали, чтобъ внесено было условіе: Москвѣ и Швеціи на Польскаго короля стоять за одно; но Шведы не согласились. Осталось еще два затрудненія: Шведскіе послы требовали, чтобъ королю ихъ писаться Ижерскимъ и чтобъ для окончательнаго скрѣпленія договора царь отправилъ своихъ пословъ къ Англійскому королю, который долженъ къ договору приложить свою руку и привѣсить печать; Русскіе никакъ на это не соглашались, а Шведы безъ этого не хотѣли съѣзжаться и грозились уѣхать въ Ладогу. Наконецъ 19 Февраля 1617 года Шведы согласились не требовать ручательства Англійскаго короля и написать договоръ съ короткими титулами, съ условіемъ однако, что если государи пожелаютъ внести въ договорную грамоту полные титулы, то въ титулѣ Шведскаго короля будетъ названіе: Ижерскій. 27 Февраля написанъ былъ договоръ вѣчнаго мира: Шведы обязались отдать и очистить Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, съ ихъ уѣздами и Сумерскую волость, въ присутствіи Мерика или назначенныхъ отъ него дворянъ, двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ договоръ будетъ утвержденъ великими послами; три недѣли спустя будетъ отдана и очищена Ладога съ уѣздомъ, причемъ Шведы обязаны никакихъ Русскихъ людей не выводить, насильства имъ и грабежа не чинить и наряду не вывозить; а Гдову съ уѣздомъ и людьми побыть въ сторонѣ короля Густава-Адольфа на время, пока договоръ будетъ утвержденъ королевскою клятвою и царскимъ крестнымъ цѣлованіемъ, межи уложены и прямо размежеваны будутъ и послы отъ обоихъ государей съ добрымъ довершеннымъ дѣломъ назадъ до рубежа дойдутъ.

Всѣмъ монахамъ съ ихъ имѣніемъ, также всѣмъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ людямъ съ женами, дѣтьми домочадцами и всѣмъ имѣніемъ вольно выходить въ царскаго величества сторону въ продолженіе двухъ недѣль отъ утвержденія договора въ Столбовѣ, но всѣ уѣздные попы и пашенные люди въ уступленныхъ королю городахъ и уѣздахъ должны остаться и жить подъ Свейскою короною, равно тѣ дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди, которые не выйдутъ въ продолженіе двухъ недѣль. Королю Густаву-Адольфу взять у царя Михаила Өеодоровича 20,000 рублей деньгами готовыми, добрыми ходячими безобманными серебряными Новгородскими; тотчасъ, какъ скоро мирное постановленіе между послами совершится, деньги эти отдастъ Шведскимъ посламъ великій посолъ короля Англійскаго, Джонъ Мерикъ. Пушки, воинскій запасъ, колокола и все другое, что вывезено изъ Русскихъ городовъ, взятыхъ королемъ до 20 Ноября, остается за Шведами; но тотъ нарядъ, который теперь въ городахъ, возвращенныхъ царю, тамъ и остается. Для размежеванія границъ къ 1-му Іюню 1617 года должны съѣхаться полномочные послы, по три человѣка съ обѣихъ сторонъ, между Орѣшкомъ и Ладогою, на устьѣ рѣки Лавуи въ Ладожское озеро, на этой рѣкѣ среди моста, а къ 1-му Іюлю съѣхаться другимъ посламъ на рубежѣ между Корельскимъ уѣздомъ Соломенскаго погоста и Новгородскаго уѣзда Олонецкаго погоста, у Ладожскаго озера; этимъ межевальнымъ посламъ прежде дружнаго окончанія дѣла не разъѣзжаться. Царь Михаилъ Өеодоровичь отказывается отъ всякаго права на Лифляндскую землю и Корелу и отъ титула, въ пользу Шведскаго короля и его потомковъ. Торговля должна быть вольная и безпомѣшная между обоими государствами всюду; Шведскіе купцы получаютъ прежніе дворы свои въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ, гдѣ вольно имъ отправлять свое богослуженіе въ хоромахъ, а церквей по своей вѣрѣ не ставить; Русскимъ же купцамъ отдается ихъ дворъ въ Колывани, также даются имъ дворы въ Стокгольмѣ и Выборгѣ; въ этихъ городахъ они отправляютъ свое богослуженіе въ хоромахъ, а въ Колывани

имѣютъ церковь какъ изстари было. Старые долги купцамъ съ обѣихъ сторонъ выплачиваются. Посламъ, посланникамъ и гонцамъ Шведскимъ вольно чрезъ земли Московскаго государства ѣздить въ Персію, Турцію, Крымъ и другія страны, которыя въ мирѣ съ царскимъ величествомъ, но торговыхъ людей съ товарами съ собою не возить; также Русскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ вольно ѣздить черезъ Швецію къ Римскому царству, въ Великую Британію, во Французское королевство, въ Испанію, въ Датскую, Голландскую и Нидерландскую земли, и другія страны, которыя съ королемъ въ мирѣ, а торговыхъ людей съ товарами не возить. Всѣ плѣнники съ обѣихъ сторонъ освобождаются на рубежѣ безъ всякаго окупа; которые же захотятъ добровольно остаться, такимъ воля. Съ обѣихъ сторонъ подданныхъ не подзывать и не подговаривать; перебѣжчиковъ выдавать. Изъ за порубежныхъ ссоръ и досадительствъ мира не нарушать, ссоры эти рѣшаются на рубежѣ тамошними воеводами, а которыя поважнѣе отсрочиваются до посольскаго съѣзда. Къ 1-му числу будущаго Іюня на прямомъ рубежномъ раздѣленіи, между Орѣшкомъ и Ладогою, на рѣкѣ Лавуѣ съѣхаться великимъ полномочнымъ посламъ обоихъ государствъ, показать и дать прочитать другъ другу подтвержденныя грамоты, потомъ взять другъ у друга прямыя съ нихъ списки, а подлинныя отдать назадъ и идти Шведскимъ посламъ въ Москву, а Московскимъ въ Стокгольмъ, для окончательнаго подтвержденія. Если корабли или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурею и принесетъ къ берегу или Соленаго моря или Ладожскаго озера, то ихъ отпускать безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе. Королю Польскому и его сыну другъ на друга не помогать и другими государями не умышлять и не подъискивать.

5-го Марта великіе послы прислали въ Новгородъ царскую грамоту съ извѣстіемъ о заключеніи мира: царь писалъ, что «отторженную искони вѣчную нашу отчину Великій Новгородъ со всѣми вами православными христіанами опять намъ великому

прирожденному христіянскому государю въ руки Богъ далъ: Шведскій король ее намъ отдалъ, а васъ милосердый Богъ отъ такихъ нестерпимыхъ бѣдъ и отъ иновѣрцевъ, тѣмъ нашимъ царскимъ о васъ многимъ промысломъ и безпрестаннымъ попеченіемъ освободилъ, и вмѣсто скорбей, бѣдъ и золъ, благое, полезное и радостное вамъ подаетъ, что уже и сами видите подлинно. И вы, бы видя такую неизрѣченную милость Божію и наше царское къ себѣ призрѣніе, молили Бога о нашемъ здравіи, объ отцѣ нашемъ и матери и о всемъ государствѣ, и нашего царскаго жалованья ожидали къ себѣ съ радостію; а пока отчину нашу Великій Новгородъ очистятъ и Шведскихъ людей выведутъ, вы бы стояли крѣпко и мужественно. Ты бы, богомолецъ нашъ митрополитъ, и весь духовный чинъ, православныхъ христіянъ утверждали, чтобъ жили въ Новгородѣ, на нашу царскую милость были надежны, Шведскимъ людямъ не передавались и въ ихъ сторону не ходили: мы во всемъ всѣхъ жаловать и льготить хотимъ, и деньги, что дать за васъ за всѣхъ Шведскимъ посламъ, мы собрали и къ великимъ посламъ прислали, и ни зачѣмъ уже нашему дѣлу на съѣздѣ замедленья не будетъ. А которые Русскіе люди Нѣмецкимъ людямъ прямили и на Русскихъ людей посягали, или у которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья и вотчины въ тѣхъ городахъ, которые остались за Шведскимъ, или вновь кому Шведскій король или Яковъ Пунтусовъ въ тѣхъ городахъ или въ своихъ помѣстья и вотчины подавалъ: вы бы и тѣхъ уговаривали и нашимъ жалованьемъ обнадеживали, чтобъ они попомнили православную вѣру и насъ природнаго христіянскаго государя, родителей своихъ гробы и свою природу, къ иновѣрцамъ Нѣмецкимъ людямъ не приставали, были на нашу милость надежны и своей бы братьи, православныхъ христіянъ не смущали, того бы грѣха на свои души не брали, къ Нѣмцамъ ни кого не перезывали и сами изъ Новгорода въ Колывань и въ другіе города, которые остаются за Шведскимъ, жить не ходили, всякую боязнь нашей царской опалы оставили: если чья и вина была, то мы ни накомъ не поищемъ, всѣ вины покроемъ на-

шимъ царскимъ милосердіемъ, тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, у которыхъ помѣстья и вотчины въ Шведскихъ городахъ, пожалуемъ за нихъ помѣстья и вотчины въ нашихъ городахъ, и сверхъ того станемъ ихъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ. Сами мы знаемъ подлинно, кто что ни дѣлалъ, дѣлалъ отъ боязни нѣмецкихъ людей, боясь смертнаго убійства, грабежа и раззоренья: были въ ихъ рукахъ, то какъ было воли ихъ не творить и имъ не служить? Никтобъ ни въ чемъ нашей опалы не опасался, всѣ бы, отъ мала до велика, были на нашу царскую милость надежны: мы Великій Новгородъ отъ невѣрныхъ для того освободили, чтобъ васъ всѣхъ православныхъ христіянъ видѣть въ нашемъ царскомъ жалованьѣ по прежнему, а не для того, чтобъ наши царскія опалы на когонибудь класть. Ни накакую прелесть Шведскихъ людей вамъ бы не прельщаться: теперь въ чемъ нибудь поманятъ, посулятъ или дадутъ, чтобъ отъ нашей царской милости отвести и въ свои города подъ свою власть привести: но впередъ отъ нихъ всякаго лиха и насильствъ не миновать, сами вы все это знаете. Да кромѣ того, за отступленіе отъ истинной христіянской вѣры и отъ насъ прирожденнаго государя своего, отъ своей единокровной братьи и прародительскихъ гробовъ, душами своими отъ Бога на вѣки погибнутъ; и хотя послѣ въ раскаяніе и придутъ, но помощи себѣ никакой уже не получатъ».

Черезъ двѣ недѣли по заключеніи договора, Новгородъ былъ очищенъ, и 14 Марта великіе послы, Мезецкій и Зюзинъ вошли въ него съ чудотворною иконою Богородицы, взятою изъ Хутыня монастыря; за полверсты отъ города икону встрѣтилъ митрополитъ Исидоръ съ крестнымъ ходомъ и со всѣмъ народомъ, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и радостію; когда вошли всѣ въ Софійскій соборъ, то послы митрополиту и всѣмъ людямъ государево милостивое слово сказали, о здоровьѣ ихъ отъ государя спрашивали и подали грамоту, въ которой государь писалъ: «О васъ, богомольцѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ слышали мы отъ истинныхъ сказателей, о вашемъ благоподвизательномъ страданіи и о исправительномъ словесному стаду па-

стырствѣ, какъ вы за православную вѣру и за христіянскія души много разъ многоболѣзненными постами и страданіями подвизались, многія ереси и неправды обличали, христіянскія души къ свѣту благоразумія наставляли: многія христіянскія души, отпадшія отъ православной вѣры, которыхъ насильники Германскаго рода приводили къ крестному цѣлованію на королевское имя, прочихъ же въ свою землю идти прельщали и понуждали, ты, добрый пастырь, со всѣмъ освященнымъ чиномъ, простерши духовную мрежу, уловили въ нетлѣнное благоразуміе, многихъ своимъ учительствомъ и наказаніемъ душевно освободили: и это ваше о христіянскихъ душахъ многое попеченіе и усердіе и страданіе не будетъ забвенно предъ Богомъ. А васъ, дворянъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ людей Новгородскаго государства за ваши терпѣнья и скорби хотимъ жаловать, всякого по достоинству; васъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей льготить во всемъ хотимъ, смотря по вашему разоренью и бѣдности. А которые люди, будучи у Свейскихъ людей, имъ доброхотали и служили и во всемъ были имъ покорны, и волю ихъ творили волею и неволею, и тѣхъ, по нашему царскому милостивому нраву, жаловать хотимъ, никто бы ничего отъ насъ не опасался; какъ было, будучи у Свейскихъ людей въ рукахъ, воли ихъ не творить?»

За Новгородскую службу, что Нѣмецкіе послы Новгородъ отдали, государь пожаловалъ князю Мезецкому боярство, Зюзину окольничество изъ дворянъ. Оставалось трудное дѣло — удовлетворить третьяго, Англичанина Мерика за его труды при заключеніи мира. Бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, назначенный быть съ нимъ въ отвѣтѣ, говорилъ ему отъ имени государя: «Ты, князь Иванъ, по наказу брата нашего любительнаго Якуба короля, будучи на съѣздѣ, намъ великому государю служилъ, о нашихъ дѣлахъ радѣлъ и промышлялъ и съ нашими послами совѣтовалъ, какъ бы нашему царскому имени было къ чести и къ повышенью: и мы брату нашему любительному за ту его любовь и дружбу будемъ нашею царскою

любовію и дружбою также воздавать, какъ нашему царскому величеству будетъ возможно. А тебя за твою службу и радѣнье похваляемъ и нашимъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ противъ твоей къ намъ службы, и къ брату нашему любительному о той твоей службѣ и радѣньѣ отпишемъ и впередъ ту твою службу и радѣнье учинимъ памятными во вѣки». Мерикъ возобновилъ прежнюю просьбу, чтобъ позволено было Англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою въ Персію. Шереметевъ отвѣчалъ: «Наши русскіе торговые люди оскудѣли, теперь они у Архангельска покупаютъ у Англичанъ товары, сукна, возятъ ихъ въ Астрахань и продаютъ тамъ Кизиль-башамъ (Персіянамъ), мѣняютъ на ихъ товары, отъ чего имъ прибыль и казнѣ прибыль; а станутъ Англичане прямо ѣздить въ Персію, то они у Архангельска Русскимъ людямъ продавать своихъ товаровъ не будутъ, повезутъ ихъ прямо въ Персію, и Кизиль-баши съ своими товарами въ Астрахань ѣздить не станутъ, будутъ торговать съ Англичанами у себя. Да и потому нельзя: шахъ за Иверскую землю на государя досадуетъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя надобно проходить въ Персію, война, воюетъ Персидскій съ Турскимъ; да и по Волгѣ проѣздъ страшенъ, кочуютъ большіе Нагаи: и это дѣло надобно теперь отложить до другаго времени, пока государь съ Польскимъ королемъ управится, Московское государство отъ многихъ убытковъ поисправится, и у шаха съ государемъ, а у Турскаго съ шахомъ миръ станетъ».

Мерикъ возражалъ, что Русскимъ торговымъ людямъ будетъ прибыль, а захотятъ съ Англійскими торговыми людьми торговать сообща, то Англичане государевыхъ людей станутъ ссужать товаромъ, смотря по людямъ и по промысламъ, на тысячу, двѣ, шесть тысячъ и больше безъ росту; которыми товарами государевы люди станутъ торговать съ Персидскими людьми, тѣми товарами Англичане торговать не будутъ; извѣстное дѣло, гдѣ больше съѣзду торговымъ людямъ, тутъ больше товаровъ и таможенныхъ пошлинъ, и все дешевле: вѣдь изъ Англійской земли ходить въ Персію, а изъ Персіи въ Англійскую землю

государевою землею. Бояре говорятъ, что путь страшенъ; но Английскіе купцы скоро не сберутся, пройдетъ годъ, другой, и пойдутъ, когда государь прикажетъ, только бы государь далъ теперь жалованную грамоту.—Бояре отвѣчали, что Англичане Русскимъ людямъ своихъ товаровъ продавать не станутъ, а хотя и станутъ, то цѣну положатъ вдвое или втрое; отговаривали бояре всякими мѣрами, но отговорить не могли; спросили о подробностяхъ, какъ будутъ торговать Англичане съ Персіею, и Мерикъ обѣщалъ прислать все на письмѣ.

Потомъ князь Иванъ Ульяновичь сталъ просить позволенія отыскивать Обью рѣкою ходу въ Индію и Китай. Бояре отвѣчали, что Сибирь далеко, до первыхъ городовъ съ полгода ходу и то зимою; сами туземцы не знаютъ, откуда Обь рѣка вышла и куда пошла? сторона та самая студеная, больше двухъ мѣсяцевъ тепла никакъ не живетъ, а на Оби всегда ледъ ходитъ, никакими судами пройдти нельзя, а вверхъ по Оби, гдѣ потеплѣе, тамъ многія кочевыя орды; про Китайское государство сказываютъ, что не великое и не богатое, добиваться къ нему нечего. Государь, изъ дружбы къ Якубу королю, пошлетъ въ Сибирскіе города нарочно къ воеводамъ, велитъ провѣдать, откуда Обь рѣка вышла, куда пошла, въ какое море, какими судами можно по ней ходить, какія орды у верховья Оби, какія рѣки въ нее впали, гдѣ Китайское государство и какъ богато, есть ли чего добиваться? а теперь, не зная про то подлинно, какъ о томъ говорить и дѣлать? Бояре и по этому дѣлу спрашивали подробностей, какъ Англичане будутъ въ Индію ходить? Мерикъ обѣщалъ отвѣчать на письмѣ. На просьбу его дать Лопарей въ Новую землю государь согласился. Потомъ Мерикъ просилъ, чтобъ смолу не отпускали за море никуда, даже и въ Англію, потому что отъ вывоза смола вздорожала, и Англичанамъ въ судовой подѣлкѣ убытки большіе; просилъ позволенія Англичанамъ брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ; просилъ чтобъ между прочими иноземцами не ссылали въ Казань нѣкоторыхъ Англичанъ: на это бояре отвѣчали ему, что ихъ ссылаютъ не въ

опалѣ, а потому что въ Москвѣ дороговизна большая, а въ Казани все дешево и имъ тамъ будетъ жить гораздо удобнѣе. Мерикъ билъ челомъ также, чтобъ отпустили домой Англійскаго дворянина Астона, который боленъ отъ ранъ, и на его мѣсто будетъ служить сынъ его; бояре отвѣчали, что издавна повелось изъ государевой службы никого не отпускать, а здѣсь князь Артемій Астонъ пожалованъ всѣмъ по его достоинству; Мерикъ билъ челомъ, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, жену его, потому что у нихъ уже больше дѣтей не будетъ; бояре отвѣчали: неслыхано, чтобъ мужа съ женой развести. Наконецъ Мерикъ билъ челомъ на Голландскаго посланника, Исака Аврамова: приходилъ на Англійскій дворъ братъ Исака Аврамова торговать сукна, слово за слово съ Англичанами разбранился и въ той брани непригожее слово молвилъ про государя ихъ Якуба короля, примѣнилъ его къ себѣ, сказалъ: «король вашъ все равно что и я; онъ человѣкъ, и я человѣкъ». Ему, князю Ивану за великую кручину, что такой мужикъ про такого великаго государя такое непригожее слово молвилъ, только бы такое слово онъ молвилъ въ ихъ землѣ, то никакъ бы висѣлицы не избылъ.—Бояре отвѣчали: царскому величеству о томъ извѣстно, царское величество о томъ кручинился, пришелъ онъ въ большой гнѣвъ, что такой мужикъ, невѣдомо кто про такого великаго государя такое непригожее слово говорилъ; царское величество велѣлъ выговорить за это съ великою кручиною, и дьякъ Романчуковъ Исаку Аврамову говорилъ, что онъ въ Нидерландской землѣ самый послѣдній худой человѣкъ, братъ же его хуже и не сыскать, и про такого великаго государя такое слово молвилъ, изъ этого и видно, что они люди худые, ничего не знаютъ. Исакъ въ томъ винился, говорилъ, что братъ его сдуровалъ простотою, и онъ за то брата своего бранилъ и билъ.

Мерикъ удовольствовался, и, спустя нѣсколько времяни, подалъ обѣщанное письмо о томъ, какъ ѣздить Англичанамъ въ Персію: ѣздить имъ изъ Архангельска до Ярославля сухимъ путемъ, а оттуда по Волгѣ; суда дѣлать близь Устюжны

Желѣзной; и прежде здѣсь же дѣлали и лѣсъ къ тому годный здѣсь есть, царь Иванъ Васильевичъ волю имъ въ томъ лѣсѣ далъ; для Волжскаго хода Англичане будутъ дѣлать струги крытые, а для морскаго корабль, спустятъ изъ Ярославля корабль на низъ весною, въ полую воду; мастеръ корабельный будетъ Англичанинъ, плотники Русскіе наемные; для обороны на Волгѣ привезутъ наряду, пищалей, пороху, свинцу и ядеръ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ, когда Англійскіе гости шли въ Персію мимо Астрахани, Астрахань была осаждена Турскими людьми, и Англичане, человѣкъ 100, заодно съ Русскими, службу свою показали, и царское величество службу ихъ гораздо похвалилъ. Мерикъ выставлялъ на видъ, что Англійскіе купцы никогда не торгуютъ въ розницу и не отнимаютъ промыслу у Русскихъ купцовъ, какъ то дѣлаютъ Голландцы, которые не только сами продаютъ товары свои врознь, но еще посылаютъ товары свои мелкимъ обычаемъ по всему Московскому государству и тѣмъ у подданныхъ царскаго величества хлѣбъ изо рта вырываютъ, за что при царѣ Ѳеодорѣ имъ не велѣно было ѣздить дальше Архангельска. Что касается до проѣзду въ Китай, то дорога на востокъ и къ полуночи Русскимъ людямъ очень извѣстна, они дальше Енисея ходили, объ этомъ письмо было дано бывшему царю Борису Ѳедоровичу; у него, Мерика есть письмо о томъ же, только не переведено. Наконецъ Мерикъ объяснялъ, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же посылать, и царскаго величества людямъ никакой прибыли изъ того не будетъ; государи и власти не позволяютъ товаръ не изготовленный и не исправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать; изъ Англійской земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и отъ того въ Англійской землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумнѣе, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ, сукна въ своей землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ

государствахъ не дѣлаютъ, этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую землю привели, землю и подданныхъ обогатили такъ, что славнѣе и богаче нашего государя нѣтъ между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказалъ изъ Англійской земли бѣлыя сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ.

По выслушаніи письма, въ думѣ было положено отвѣчать гладостью, что такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ, а какъ скоро рѣшатъ, то государь дастъ знать королю; а теперь бы королю на царское величество инѣнья за то не держать, впередъ то все ихъ братскою дружбою и любовью исправится. Гостей и торговыхъ людей теперь же распросить: если дать дорогу Англійскимъ гостямъ въ Персію, и позволить имъ Обью рѣкою искать дороги въ Китайское государство, то государевой пошлинѣ и имъ торговымъ людямъ убытка отъ того не будетъ ли? также спросить о желѣзной рудѣ, о смолѣ и бѣломъ камнѣ. Гости отвѣчали: думаютъ они, что Англійскимъ гостямъ не Персія дорога, прописываютъ дороги въ Индѣйское государство; ходятъ они въ Индѣйское государство моремъ на Турцію и Персію, и этотъ путь имъ очень тяжекъ, а государевою землею ходить имъ будетъ легче; только отъ того государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлинъ не берутъ, и товаровъ у нихъ не пересматриваютъ, а Русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ: здѣсь гости привели ту же причину, какую приводили бояре Мерику. Русскимъ людямъ, продолжали гости, сообща съ Англичанами торговать нельзя, Англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется. О дорогѣ въ Китай гости сказали, что они Китайскаго государства не знаютъ, мало про него и слыхали, въ Сибири не торговали, а слыхали они, что давно уже Англичане туда дороги ищутъ, да ненайдутъ, и впередъ имъ туда

не дорога жъ, поискавъ да и покинутъ. — Про желѣзную руду гости сказали: только государь велитъ искать Англійскимъ людямъ руды желѣзной на пустыхъ мѣстахъ, то убытка государю и никому изъ нихъ не будетъ, убытки и заводъ весь Англичанъ, а какъ только найдутъ, то Русскимъ людямъ корменье отъ того будетъ и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой земли за море желѣзо нейдетъ, а идетъ желѣзо въ государеву землю отъ нихъ изъ за моря; а если найдутъ желѣзо, которое льется какъ мѣдь, то это будетъ въ Московскомъ государствѣ диковина. Англійскіе же люди завели и канатное дѣло, и отъ того было кормленье многимъ Русскимъ людямъ бѣднымъ, которые у нихъ работали да и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать.—Про ленъ, что около Вологды сѣять и про пеньку гости сказали: думаютъ они, что Англійскіе гости за этотъ промыслъ хватаются для того, что изъ Пскова ленъ теперь къ нимъ нейдетъ, а изъ Вязьмы, Смоленска и Бѣлой, пеньки также нѣтъ; Русскимъ людямъ, которые торгуютъ пенькою и льномъ, помѣшка будетъ, а что хотятъ дѣлать полотна на парусы, и на то они привозятъ полотна съ собою, а Русскія полотна на парусы не годятся, за море Русскія полотна нейдутъ, а ленъ, посконь и пряжа идутъ; которые этимъ торгуютъ, тѣмъ убытокъ будетъ, а бѣднымъ людямъ у Англичанъ отъ того кормленье будетъ, какъ станутъ заводъ заводить и работать. Но нѣкоторые торговые люди, имянно Юдинъ, Булгаковъ и Котовъ сказали, что Русскимъ людямъ убытка не будетъ, а только ленъ въ Московскомъ государствѣ подешевле будетъ, да и Англійскимъ гостямъ тутъ прибыли будетъ мало, вѣдь имъ не 500 четвертей сѣмени льнянова сѣять, и на свой имъ судовый обиходъ льну и поскони не напахать, да и земли тутъ нѣтъ такой, чтобъ пеньку родила, и ленъ обойдется имъ дорого, а если Русскіе люди увидятъ у нихъ тутъ какой-нибудь промыслъ, то и сами за тотъ же промыслъ ухватятся. — О смолѣ сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле, и государевымъ людямъ прибыли меньше; когда смолу отпускаютъ за море, тогда бочка

смолы стоитъ рубль, а какъ ее за море не отпустятъ, тогда таже бочка двѣ гривны, и государевой пошлинѣ убытокъ. Но другіе торговые люди, которые у Архангельска бывали въ таможенныхъ головахъ, сказали, что напротивъ, если смолы не отпускать, то пошлинѣ прибыльнѣе будетъ, потому что пойдетъ три пошлины: 1) съ крестьянъ, которые торговымъ людямъ продаютъ; 2) когда купцы продаютъ ее къ канатному дѣлу; 3) съ канатовъ вѣсовая пошлина; а отпускать смолу за море, то съ нея пошлины меньше, а съ канатовъ никакой, станутъ возить сырую пеньку да смолу и станутъ канаты смолить за моремъ, канатное дѣло за смолою остановится, бѣднымъ людямъ кормиться будетъ не съ чего, и мастера канатные переведутся; на этомъ основаніи бояре приговорили: безъ государева указа смолы за море пропускать никому не велѣть, а у Архангельскаго города вольно всѣмъ иноземцамъ смолу покупать. — Объ алебастрѣ гости сказали, что его горы большія, лѣтъ въ 50 его не выбрать; когда его отъ берега будутъ брать, то судамъ легче ходить, и какъ станетъ у Англичанъ какой промыслъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять.

Согласно съ этими отвѣтами гостей, Мерику предложены были статьи докончанья; онъ соглашался на все, но отклонилъ отъ себя заключеніе наступательнаго союза Англійскаго короля съ царемъ на Польскаго короля, хотя и обнадежилъ крѣпко, что если государь сошлется объ этомъ съ его королемъ, то Іаковъ поможетъ ему на Сигизмунда. Въ заключеніе Мерику предстояло отдѣлаться еще отъ одного требованія бояръ. Мы видѣли, что Московскій посланникъ Зюзинъ долженъ былъ требовать отъ Англійскаго правительства возвращенія тѣхъ Русскихъ, которые были отправлены Годуновымъ для науки. Ему ихъ не отдали; потомъ подъячій Грязевъ, отвозившій царскую грамоту королю Іакову въ 1615 году, доносилъ, что Англичане скрываютъ этихъ Русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора, поставили въ попы и живетъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секрета-

ремъ королевскимъ, третій въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей; Никифоръ за Англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молитъ, что вывезли его изъ Руси, а на православную вѣру говоритъ многую хулу. Бояре приступили къ Мерику съ вопросомъ объ этихъ четырехъ робятахъ, которыхъ онъ самъ при Годуновѣ вывезъ изъ Москвы въ Англію. Мерикъ отвѣчалъ, что они выучились, и ихъ хотѣли отпустить въ Россію, но они сами не хотятъ. Бояре отвѣчали: «Какъ же ихъ не отпустить, вѣдь они нашей вѣры? если имъ сюда не быть, то и отъ вѣры отстать?» Мерикъ отвѣчалъ: «Есть теперь одинъ изъ нихъ въ Англіи, Никифоромъ зовутъ, другой въ Ирландіи, два въ Индіи, какъ будутъ въ Англіи, то ихъ пришлютъ.»

При отпускѣ, когда бояре сказали Мерику, что государь пожалуетъ его за его службу, то онъ отвѣчалъ: «Царскихъ мнѣ милостей и жалованья много, а служить я царскому величеству радъ, это я долженъ дѣлать: у себя я въ Англійской землѣ родился, а на Руси взросъ; столько хлѣба не ѣдалъ въ своей землѣ, сколько въ Московскомъ государствѣ, и мнѣ какъ не служить?» Мерикъ получилъ за свои хлопоты на съѣздахъ съ Шведскими послами: цѣпь золотую съ парсуною (портретомъ) царскаго величества, ковшъ съ каменьемъ, платно Персидское, шелкъ лазоревъ да червчатъ съ золотомъ на соболяхъ, образцы низаны жемчугомъ съ каменьемъ, шапку лисью черную, кусокъ бархату, кусокъ атласу, камку, пять сороковъ соболей, 5,000 бѣлки.

Неизвѣстно, былъ ли доволенъ князь Иванъ Ульяновичъ своимъ дѣломъ и его слѣдствіями, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и въ Стокгольмѣ были очень довольны Столбовскимъ миромъ: возвращеніе Новгорода и избавленіе отъ Шведской войны при опасной войнѣ съ Польшею дѣлали нечувствительною потерю нѣсколькихъ городовъ: теперь было не до моря! Густавъ-Адольфъ, съ своей стороны былъ очень доволенъ по причинамъ уже извѣстнымъ; онъ такъ говорилъ на сеймѣ 1617 года: «Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что Русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи

и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе—опасные сосѣди; границы земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей, у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могутъ выставлять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ».

Для окончательнаго подтвержденія мирнаго договора король назначилъ полномочными послами въ Москву Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона; съ Русской стороны въ Стокгольмъ были назначены дворянинъ князь Ѳеодоръ Борятинскій, дворянинъ Осипъ Прончищевъ и дьякъ Кашкинъ. Въ Сентябрѣ 1617 года Московскіе послы, по договору, съѣхались съ Шведскими на рубежѣ, на рѣкѣ Лавуѣ, на мосту, чтобъ показать свои грамоты, такъ ли написаны? Оказалось, что не такъ, начались споры за титулъ, и дѣло затянулось, начали посылать къ государю на обсылку, тогда какъ государю нужно было какъ можно скорѣе кончить дѣло: онъ писалъ къ Борятинскому, что Польскій королевичь Владиславъ Дорогобужъ взялъ, хочетъ идти на Москву; послы, по его наказу, должны были говорить Шведскимъ посламъ и, будучи въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ), Шведскимъ думнымъ людямъ, чтобъ король Густавъ-Адольфъ помогъ царю, послалъ свое войско въ Ливонію, а царь послѣ воздастъ за это; Борятинскій долженъ былъ говорить Шведамъ, что Владиславъ, доступя Москвы, хочетъ доступать и Швеціи, что Владиславъ называетъ Густава-Адольфа измѣнникомъ своимъ. Шведскіе послы отказали: «велѣно намъ о томъ говорить какъ будемъ у государя на Москвѣ, а съ вами намъ о томъ говорить не велѣно.»

Только 15 Февраля 1618 года послы двинулись съ рубежа—

одни въ Москву, другіе въ Швецію. Борятинскаго съ товарищами долго держали въ Упсалѣ, не везли въ Стокгольмъ, отговариваясь тѣмъ, что дороги нѣтъ, и что король хоронитъ брата своего Іоанна; только 2 Іюня пошли изъ Упсалы въ Стокгольмъ. Здѣсь Борятинскому удалось выговорить, чтобъ король писался не государемъ Ижерской земли, но государемъ въ Ижерѣ, на томъ основаніи, что не вся Ижерская земля за Шведами. Густавъ-Адольфъ согласился заключить договоръ, чтобъ стоять на Польскаго короля за одно и не мириться одному государю безъ желанія другаго, но требовалъ, чтобъ царь не писался никогда ни къ кому Ливонскимъ, отказался отъ всѣхъ притязаній на эту землю, чтобъ Шведскимъ купцамъ отведены были особые торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ просить; чтобъ Шведскимъ купцамъ позволено было ѣздить во всѣ Русскіе города, торговать въ Архангельскѣ, въ Холмогорахъ, на рыбной ловлѣ въ Бѣломъ морѣ, на Лопскомъ берегу, въ устьѣ Колы и около Онѣжскаго озера, ѣздить въ Онѣжское озеро на своихъ судахъ; чтобъ вольно было имъ ѣздить въ Персію и Татарскую землю, въ Крымъ и Армянскую землю и обратно; чтобъ пословъ, гонцовъ и купцовъ не запирать въ дворахъ по Московскому обычаю, ходить имъ просто и вольно, быть имъ какъ у друзей, а не какъ плѣнникамъ. Послы отвѣчали, что они на заключеніе такого договора полной мочи не имѣютъ; и король рѣшилъ послать съ ними въ Москву нарочно для этого секретаря своего. Послы настаивали, чтобъ король съ ними же договорился стоять на Польскаго короля заодно съ Москвою и войско на него послать, а о другихъ статьяхъ пусть шлетъ договариваться въ Москву; имъ отвѣчали: государя нашего люди въ Лифляндскихъ городахъ противъ Поляковъ стоятъ, а намъ Сигизмунда короля, здѣсь живучи, бояться нечего, живемъ на острову, около насъ вода; только впредь Польскій король нашему королю лиха не учинитъ, то государю нашему для чего на Польскаго короля людей своихъ посылать и его взять добровольно на свои головы? Послы возра-

вали, что статьи, изъ которыхъ дѣло останавливается, уже внесены въ Столбовскій договоръ, и ихъ переговаривать нечего, а другихъ статей имъ безъ наказа утвердить нельзя. Канцлеръ отвѣчалъ; «правда, что статьи внесены, но не подробно, и такъ не дѣлается, какъ уговорились, надобно снова подтвердить». Ясно было, что Шведы или хотѣли новыхъ уступокъ за союзъ противъ Польши, или хотѣли дождаться, чѣмъ кончится борьба у Поляковъ съ Москвою. Она кончилась безъ ихъ вмѣшательства [7].

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Военныя дѣйствія противъ Литвы. Затруднительное положеніе Русскихъ воеводъ подъ Смоленскомъ. Дѣйствія князей Сулешова и Прозоровскаго. Приготовленія королевича Владислава къ Московскому походу. Сношенія его съ Донскими козаками. Рѣчь архіепископа-примаса. Выступленіе Владислава. Шеинъ и Новодворскій въ Смоленскѣ. Занятіе Дорогобужа и Вязьмы. Грамота Владислава къ жителямъ Москвы. Князь Дм. М. Пожарскій въ Калугѣ; его дѣйствія противъ Чаплинскаго. Дѣйствія князя. Д. П. Пожарскаго. Неудачныя сношенія о мирныхъ переговорахъ. Неудачные приступы Поляковъ къ Борисову. Движенія воеводъ: Черкасскій и Лыковъ въ Можайскѣ, Пожарскій въ Боровскѣ. Отступленіе Пожарскаго и Лыкова изъ Можайска къ Москвѣ. Рѣшеніе въ Польскомъ станѣ. Вторая грамота Владислава въ Москву. Соборъ въ Москвѣ. Приближеніе гетмана Сагайдачнаго. Болѣзнь Пожарскаго. Неудачныя дѣйствія князя Волконскаго противъ Сагайдачнаго. Воровство козаковъ. Королевичь въ Тушинѣ. Сагайдачный у Донскаго монастыря и безпрепятственно соединяется съ королевичемъ. Ужасъ въ Москвѣ. Комета. Переговоры о мирѣ. Неудачный приступъ къ Москвѣ. Смерть

Чаплинскаго и Коная Мурзина. Переговоры на Прѣснѣ. Движеніе королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачнаго къ Калугѣ. Побѣда князя Тюфякина. Деулинскіе переговоры и перемиріе. Размѣнъ плѣнныхъ на Поляновкѣ. Возвращеніе Филарета Никитича въ Москву. (1616 — 1619 г.).

Послѣ прекращенія переговоровъ подъ Смоленскомъ, 1-го Іюля 1616 года, государь указалъ идти воевать Литовскую землю воеводамъ: князю Михайлѣ Конаевичу Тинбаеву, да Никитѣ Лихареву съ отрядомъ тысячи въ полторы человѣкъ; они повоевали окрестности Суража, Велижа, Витепска и другія мѣста. Съ другой стороны по вѣстямъ, что Литовцы пришли подъ Стародубъ, противъ нихъ выступили воеводы: Михайла Дмитріевъ и Дмитрій Скуратовъ съ отрядомъ около 5,000 человѣкъ. Въ Декабрѣ Скуратовъ далъ знать, что у нихъ съ Литовцами былъ бой подъ Болховомъ, и воеводу Дмитріева убили; на мѣсто убитаго былъ посланъ князь Иванъ Хованскій, которому, между прочимъ, наказано было: «писать отъ себя и словомъ приказывать въ Литовскіе полки къ Русскимъ людямъ, чтобъ они, помня Бога и православную вѣру, невинной христіанской крови не проливали и въ муку вѣчную душъ своихъ не предали, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, великому государю Михаилу Ѳедоровичу вину свою припринесли и ѣхали въ его полки безъ всякой боязни: великій государь вины ихъ имъ отдастъ, и пожалуетъ своимъ жалованьемъ, станетъ ихъ держать въ своей царской милости незабвенно; посылать къ нимъ лазутчиковъ добрыхъ, кому можно вѣрить и приведши ко кресту; лазутчики должны были раздавать Русскимъ людямъ грамоты отъ духовенства, въ которыхъ владыки писали: «знаемъ мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущимъ нашей погибели, не разсуждали

гдѣ вы стояли и куда ниспали! Не льстите себя, что вы христіяне: если четыре конца міра вопіютъ на мудрствующихъ съ папою, то вы какъ будете христіянами, поклоняясь звѣрю, котораго Даніилъ Пророкъ и Іоаннъ Богословъ видѣли глаголющаго глаголы хульные на Бога вышняго? Не вѣрьте намъ, но узнайте отъ житій св. Отецъ прежде бывшихъ вашихъ, которыхъ не только тѣла, но и персть чудеса несказанныя творитъ: за что они подвизались и съ кѣмъ единомудрствовали въ вѣрѣ—съ патріархами и со всею вселенною, или съ западомъ и съ папою? О мудрые о себѣ! воззрите на прежніе роды, гдѣ ваши родители, гдѣ вы родились, въ какой вѣрѣ крестились и выросли, и чья память осталась—благочестивыхъ или нечестивыхъ? Когда узрите одесную Христа стоящихъ Петра, Алексія, Іону, многострадальнаго Михаила Черниговскаго съ Θеодоромъ и въ любви скончавшихся Бориса и Глѣба: то къ нимъ ли тогда прибѣгнете, благословеніе и миръ получите, или изъ объятій и отъ поцѣлуевъ Формосовыхъ чадъ въ вѣчную погибель отойдете? И гдѣ скроетесь отъ заступниковъ Россійской церкви? Горе будетъ тогда вамъ, отъ таковыхъ отцовъ отступившимъ! Того ради молимъ васъ, пока время не пришло погибели общей, вашей и нашей, перестаньте отъ такого злаго умышленія и повинитесь Богу и Его святымъ угодникамъ, да восхитятъ васъ отъ адова мучительства; обратитесь къ истинной христіянской вѣрѣ, данной намъ отъ Бога, и къ государю царю Михаилу Θедоровичу, а въ отступленіи вашемъ мы васъ простимъ и разрѣшимъ и государю царю будемъ бить челомъ своими головами; еще же совѣтъ царскій и милость вамъ возвѣщаемъ, всѣми благами земными одаритъ васъ, какъ сыновей и братьевъ приметъ».

Князь Хованскій и Скуратовъ писали къ государю, что Литовскіе люди, повоевавъ Карачевскія и Кромскія мѣста, пошли къ Курску, а они воеводы за ними; Литовцы пошли къ Осколу, взяли его внезапно и сожгли, потомъ пошли къ Бѣлгороду и пробрались за рубежъ. Важнѣе были дѣла подъ Смоленскомъ: воеводы, стоявшіе подъ этимъ городомъ, Михайла

Бутурлинъ и Исакъ Погожій писали отъ 22 октября, что Гонсѣвскій съ Польскими и Литовскими людьми хочетъ идти Московскою дорогою, обойти Смоленскіе остроги и стать на Московской большой дорогѣ въ Твердилицахъ. По этимъ вѣстямъ, государь велѣлъ князю Никитѣ Борятинскому идти изо Ржевы въ Дорогобужъ, отсюда помогать Смоленскимъ таборамъ, промышлять надъ Литовскими людьми и посылать подъ Смоленскъ хлѣбные запасы изъ Дорогобужа. Въ Ноябрѣ князь Борятинскій далъ знать, что онъ со всѣми ратными людьми пришелъ въ Дорогобужъ, а Гонсѣвскій пришелъ и сталъ между Дорогобужемъ и Смоленскомъ въ Твердилицахъ, дороги всѣ отъ Смоленска отнялъ. Бутурлинъ изъ-подъ Смоленска писалъ тоже самое, и что съ запасами прiѣзду къ нимъ ни откуда нѣтъ, долгое время сидятъ они отъ Литовскихъ людей въ осадѣ, хлѣбными запасами и конскими кормами оскудѣли, такъ что иные ратные люди начинаютъ ѣсть кобылятину; Литовскіе люди съ двухъ сторонъ, изъ Смоленска и изъ Твердилицъ, приходятъ къ острожкамъ каждый день и тѣсноту имъ чинятъ великую. Такъ прошелъ 1616 годъ. 6-го Генваря 1617 государь велѣлъ идти изъ Москвы въ Дорогобужъ выѣзжему Крымскому Татарину, боярину князю Юрію Янтеевичу Сулешову да стольнику князю Семену Прозоровскому съ 6,000 войска для соединенія съ Борятинскимъ. 30 Марта Сулешовъ писалъ изъ Дорогобужа, что онъ посылалъ головъ Бояшева и Тараканова на Литовскихъ людей, эти головы встрѣтили полковника Вишля, побили его на голову, взяли въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими Поляками, забрали знамена, трубы и литавры; въ Москвѣ сильно обрадовались, Сулешову и Прозовскому, также всѣмъ ратнымъ людямъ, которые были въ бою, послали золотые. Но въ Маѣ пришли другія вѣсти: Сулешовъ писалъ, что Гонсѣвскій, соединившись съ полковникомъ Чаплинскимъ, приступилъ къ Смоленскимъ острожкамъ и вытѣснилъ Бутурлина и Погожаго, которые отступили къ Бѣлой; Чаплинскій подошелъ было и къ Дорогобужу, но былъ разбитъ на голову и потерялъ 240 человѣкъ; Сулешовъ съ товарищами опять получилъ золотые и

приказъ идти къ Москвѣ, оставя въ Дорогобужѣ, Вязмѣ и Можайскѣ воеводъ и ратныхъ людей сколько пригоже, и наполня эти города хлѣбными запасами, устроивъ осады совсѣмъ, чтобъ въ нихъ было сидѣть безстрашно. Въ Дорогобужъ былъ отправленъ стольникъ князь Петръ Пронскій съ товарищемъ Иваномъ Колтовскимъ; но опи дали знать царю, что въ Дорогобужъ пройти имъ нельзя — городъ осажденъ Литвою, государь приказалъ имъ быть въ Вязьмѣ, и отсюда помогать Дорогобужу, надъ Литовскими людьми промышлять. Въ Іюлѣ вѣсти еще хуже: Литовскіе люди пришли въ Ржевскій уѣздъ, сбираются воевать Старицу, Торжокъ, Устюжну; въ Іюлѣ писали воеводы изъ Кашина, Бѣжецкаго Верха, изъ Углича, что Литва уже у нихъ, идетъ въ Вологодскія и Бѣлозерскія мѣста; нужно было всюду посылать войско, а между тѣмъ давали знать, что самъ королевичь Владиславъ, величая себя царемъ Русскимъ, идетъ прямо на Москву.

Еще въ Іюлѣ 1616 года Варшавскій сеймъ опредѣлилъ отправить противъ Москвы королевича Владислава, для совѣта которому придано было 8 коммиссаровъ: епископъ Луцкій Андрей Липскій, каштелянъ Бѣльцкій Станиславъ Журавинскій, каштелянъ Сохачевскій Константинъ Плихта, канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, староста Шремскій Петръ Опалинскій, староста Мозырскій Балтазаръ Стравинскій, сынъ Люблинскаго воеводы Яковъ Собѣскій (отецъ знаменитаго Яна) и Андрей Менцинскій. Коммиссары обязаны были смотрѣть, чтобъ Владиславъ не противодѣйствовалъ заключенію славнаго мира съ Москвою, ибо война предпринята была для испытанія расположенія Московскаго народа къ королевичу; чтобъ имѣлъ въ виду преимущественно выгоды республики, а не ввѣрялъ своего дѣла невѣрнымъ случайностямъ войны; если же Владиславу посчастливится овладѣть Москвою, то чтобъ не забылъ объ отцѣ своемъ и отечествѣ, и клятвенно подтвердилъ условія, которыя подписалъ собственноручно; эти условія были: 1) соединить Московское государство съ Польшею неразрывнымъ союзомъ; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польшѣ

и Литвѣ страны, отъ нихъ отторгнутыя, преимущественно княжество Смоленское, а изъ Сѣверскаго города Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Рыльскъ и Курскъ, также Невель, Себежъ и Велижъ; 4) отказаться отъ правъ на Ливонію и Эстонію. Всего войска, могшаго выступить съ Владиславомъ, было не болѣе 11,000, не смотря на всѣ старанія Льва Сапѣги, который вошелъ въ большіе долги и настоялъ, что съ Литвы взята была новая подать для похода. Главнымъ начальникомъ войска большая часть сенаторовъ хотѣли назначить гетмана Станислава Жолкѣвскаго, какъ прославившагося въ войнѣ Московской, свидѣтеля присяги Москвитянъ Владиславу, и пользовавшагося у нихъ большимъ уваженіемъ; но Жолкѣвскій отказался, боясь, что въ Московскомъ государствѣ его встрѣтятъ не съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ проводили, а скорѣе съ упреками въ клятвопреступленіи; предлогъ же къ отказу найти было ему легко: ждали нападенія на Польшу Турокъ, раздраженныхъ козацкими набѣгами. Въ слѣдствіе отказа Жолкѣвскаго главнымъ начальникомъ Владиславова войска былъ назначенъ гетманъ Литовскій, Карлъ Ходкѣвичь, которому также была знакома дорога въ Москву и изъ Москвы.

1616 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ; думали и о другихъ средствахъ къ успѣху: король поручилъ сенаторамъ уговорить князя Василія Васильевича Голицына, чтобъ написалъ къ боярамъ въ Москву о Владиславѣ; но Голицынъ отказался. Польскіе писатели говорятъ, что являлись къ Владиславу съ приглашеніемъ отъ бояръ князья Трубецкіе, какой-то старый Готиконъ и дьякъ Осиповичь; по всѣмъ вѣроятностямъ, это были старые приверженцы Владислава, остававшіеся въ Польшѣ, князь Юрій Никитичь Трубецкой съ товарищи, принявшіе теперь на себя значеніе депутатовъ отъ бояръ Московскихъ. Но встрепенулись козаки, почуявъ войну и смуту: Донцы прислали къ Владиславу атамана Бориса Юшина и есаула Аѳанасья Гаврилова объявить, что хотятъ ему правдою служить и прямить. Владиславъ 26 Ноября 1616 года отвѣчалъ имъ, чтобъ совершили, какъ начали. Въ Апрѣлѣ

1617 года двадцатидвухлѣтній Владиславъ выступилъ изъ Варшавы, при чемъ архіепископъ—примасъ говорилъ ему рѣчь: «Господь даетъ царства и державы тѣмъ, которые повсюду распространяютъ св. Католическую вѣру, служителямъ ея оказываютъ уваженіе и благодарно принимаютъ ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ вашего королевскаго высочества подать свѣтъ истины находящимся во тьмѣ и сѣни смертной, извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія, подобно тому какъ привелъ наши народы посредствомъ королей нашихъ Мстислава и Ягелла. Впрочемъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, на которое должны быть устремлены всѣ заботы и попеченія, ваше королевское высочество должны держаться той умѣренности, которая такъ необходима въ новыхъ государствахъ, и привлекать этотъ жестоковыйный народъ къ единенію и св. вѣрѣ не принужденіемъ и насиліемъ, не вдругъ, но мало-по-малу, примѣромъ благочестія какъ своего, такъ и священниковъ, которые будутъ находиться при васъ. Вы будете благодѣтельствовать родинѣ, защищать ее при всякомъ случаѣ, присоедините къ ней то, что несправедливо отторгнуто отъ ея предѣловъ, и будете стараться о томъ, чтобъ, получивъ при помощи Божіей тамошній престолъ, соединить оба народа посредствомъ прочныхъ договоровъ въ одно нераздѣльное общество для бóльшей пользы и защиты христіанской республики. Мы не только будемъ молить Господа Бога, чтобъ Онъ благословилъ ваше королевское высочество въ этомъ дѣлѣ, но также, если окажется нужда въ дальнѣйшихъ пособіяхъ, будемъ стараться, чтобъ республика наша помогала вамъ; только ваше высочество старайтесь направлять дѣла къ ея благу.» Владиславъ отвѣчалъ: «я иду съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога моего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утвержденъ. Славной республикѣ, которая питала меня доселѣ и теперь отправляетъ для пріобрѣтенія славы, расширенія границъ своихъ и завоеванія сѣвернаго государства, буду воздавать должную благодарность.»

Владиславъ направилъ путь въ Луцкъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ для его войска; на дорогѣ, во Владимирѣ Волынскомъ, въ день Вознесенія онъ слушалъ обѣдню въ Русской уніатской церкви; тутъ освящено было знамя съ Московскимъ гербомъ и вручено одному изъ Москвичей, какому-то Евдокиму (Витовтову?) Говорятъ, что это привело въ восторгъ Русскихъ жителей Владимира. Принужденный удѣлить часть своего войска Жолкѣвскому, готовившемуся отражать Турокъ, Владиславъ возвратился въ Варшаву, откуда въ Августѣ пріѣхалъ въ Могилевъ на Днѣпрѣ, а отсюда отправился въ Смоленскъ съ Шеинымъ и другими Москвичами. Говорятъ, что въ Смоленскѣ очень занимали королевича и всѣхъ его окружавшихъ разговоры Шеина съ Мальтійскимъ кавалеромъ Новодворскимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе во взятіи Смоленска; Новодворскій разсказывалъ, какъ онъ бралъ, а Шеинъ какъ онъ защищалъ городъ; оба соперника такъ подружились, что поклялись другъ другу въ вѣчномъ братствѣ. Въ концѣ Сентября Владиславъ оставилъ Смоленскъ и соединился съ Ходкѣвичемъ, который уже осаждалъ Дорогобужъ. Страхъ напалъ на воеводъ Московскихъ, когда они узнали, что самъ королевичь при войскѣ. Дорогобужскій воевода Иванисъ Ададуровъ сдалъ свой городъ Владиславу, какъ царю Московскому. Королевичь торжественно принималъ своихъ новыхъ подданныхъ, прикладывался къ образамъ и крестамъ, которые вынесло ему духовенство, одарилъ стрѣльцовъ и позволилъ имъ разойдтись по домамъ, Ададуровъ же съ дворянами и дѣтьми боярскими присоединился къ его войску. Занявши Дорогобужъ, Владиславъ по совѣту Ходкѣвича, хотѣлъ было уже располагаться на зимнія квартиры, какъ пришло извѣстіе, что Вяземскіе воеводы, князь Петръ Пронскій и князь Михайла Бѣлосельскій, узнавши о сдачѣ Дорогобужа, бросили свой городъ и убѣжали въ Москву; козаки ободрились, увидавъ, что опять пришло ихъ время, и бросились отъ Пронскаго грабить Украйну; въ меньшой Вяземской крѣпости сидѣлъ воеводою князь Никита Гагаринъ: онъ хотѣлъ было остаться, но видя, что

посадскіе люди и стрѣльцы бѣгутъ изъ города, заплакалъ и самъ поѣхалъ за ними. Владиславъ, въ концѣ Октября, торжественно вступилъ въ Вязьму; Ададуровъ съ Смоляниномъ Зубовымъ отправлены были въ Москву возмущать ея жителей, къ которымъ повезли грамоту: «отъ царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси, въ Московское государство, боярамъ нашимъ, окольничимъ» и проч. Владиславъ писалъ, какъ по пресѣченіи Рюрикова дома, люди Московскаго государства, поразумѣвъ, что не отъ царскаго корня государю быть трудно, цѣловали крестъ ему, Владиславу, и отправили пословъ къ отцу его Сигизмунду для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ; но главный посолъ, Филаретъ митрополитъ началъ дѣлать не потому наказу, каковъ данъ былъ имъ отъ васъ, прочилъ и замышлялъ на Московское государство сына своего Михаила. Въ то время, продолжаетъ Владиславъ, мы не могли сами пріѣхать въ Москву, потому что были въ несовершенныхъ лѣтахъ, а теперь мы, великій государь, пришли въ совершенный возрастъ къ скипетродержанію, и хотимъ, за помощію Божіею, свое государство Московское, отъ Бога данное намъ и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цѣлованіемъ утвержденное, отыскать, и уже въ совершенномъ такомъ возрастѣ можетъ быть самодержцемъ всея Руси, и неспокойное государство, по милости Божіей, покойнымъ учинить.» Владиславъ обѣщаетъ милости въ случаѣ немедленной покорности, «а о Михайлѣ Филаретовѣ сынѣ, какъ дастъ Богъ будемъ на царскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ, въ то время наше царское милосердіе будетъ по прошенью всей земли.» Владиславъ заключаетъ: «мы нашимъ государскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ и уже въ дорогѣ; а съ нами будутъ Игнатій патріархъ, да архіепископъ Смоленскій Сергій, да бояре князь Юрій Никитичь Трубецкой съ товарищами.» Но грамота эта не произвела никакого дѣйствія въ Москвѣ: Ададурова и Зубова схватили и разослали по городамъ; малодушныхъ воеводъ Вяземскихъ, Пронскаго и Бѣлосельскаго высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, недвижимое имѣніе у нихъ отняли для раздачи другимъ. А между тѣмъ

движеніе Владислава было остановлено явнымъ возмущеніемъ его войска, которое, не получая долго жалованья, не хотѣло переносить голода и холода. Надобно было размѣстить его по квартирамъ, въ Вязьмѣ и окрестностяхъ.

Въ то время какъ главное войско Владислава сидѣло здѣсь, дожидаясь жалованья, дѣйствовали Лисовчики, подъ начальствомъ Чаплинскаго: страшно опустошая все на своемъ пути, они взяли Мещовскъ и Козельскъ, но не могли взять Калуги, куда, по просьбѣ жителей, былъ отправленъ 18 Октября князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, у котораго было въ распоряженіи 5,400 человѣкъ войска. Чаплинскій засѣлъ въ Товарковѣ, въ разстояніи одного перехода отъ Калуги, которой не было отъ него покоя; Пожарскій также не оставался въ бездѣйствіи; борьба шла сначала съ перемѣннымъ счастіемъ, но Пожарскому удалось наконецъ ворваться къ Полякамъ въ Товарковскій городокъ и истребить тамъ у нихъ всѣ запасы. Другой Пожарскій, князь Дмитрій Петровичь былъ посланъ оборонять Тверь; на дорогѣ въ Клину осадилъ его панъ Соколовскій: Пожарскій бился въ осадѣ, отсидѣлся и провелъ государевы запасы въ Тверь; Соколовскій пришелъ и подъ Тверь: Пожарскій отсидѣлся и здѣсь отъ него; послѣ Соколовскаго пришелъ подъ Тверь полковникъ Копычевскій, стоялъ подъ городомъ двѣ недѣли и не сдѣлалъ ему ничего. Бѣлая также не сдавалась Полякамъ. Попытка Владислава овладѣть внезапно Можайскомъ неудалась: тамошніе воеводы Ѳедоръ Бутурлинъ и Данила Леонтьевъ знали о движеніи непріятеля и были готовы встрѣтить его. Узнавши объ этой готовности, узнавши, что городъ сильно укрѣпленъ и что къ нему на помощь идетъ сильный отрядъ изъ Москвы, Владиславъ не рѣшился ни вести войско на приступъ, ни осадить городъ въ зимнее время, въ Декабрѣ, и возвратился въ Вязьму, потерявши отъ холода много людей, особенно Нѣмцевъ. Когда въ Москвѣ узнали объ опасности, грозящей Можайску, то отправили туда воеводъ, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова и Григорія Волуева съ отрядомъ около 6,000 человѣкъ, Волокъ былъ занятъ стольниками, князь-

ями, Дмитріемъ Маистрюковичемъ и Василіемъ Петровичемъ Черкасскими съ 5,000 войска.

Такъ прошелъ 1617 годъ. Въ концѣ его паны-рада напомнили коммиссарамъ, что лучше было бы окончить войну переговорами, и вотъ въ концѣ Декабря отправился въ Москву королевскій секретарь Гридичь, съ предложеніемъ назначить съѣздъ отъ 20 Генваря до 20 Апрѣля 1618 года, и въ это время не быть непріятельскимъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ; также немедленно размѣняться плѣнными; бояре отвѣчали посланному, что не видя у него вѣрющей грамоты отъ короля и рѣчи посполитой, не могутъ входить въ сношенія съ коммиссарами; что Русскіе полномочные послы безъ охранныхъ листовъ отъ Владислава вступить въ переговоры не могутъ; что срокъ до Апрѣля очень коротокъ; что на прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій нельзя согласиться до тѣхъ поръ, пока Поляки не выйдутъ изъ Московскаго государства; что плѣнными нельзя размѣниваться до тѣхъ поръ, пока Поляки не освободятъ митрополита Филарета и князя Голицына; что какъ скоро королевичь пришлетъ охранный листъ, то они, бояре отправятъ къ коммиссарамъ своего посланца, который уговорится о мѣстѣ переговоровъ и о числѣ уполномоченныхъ.

Прошли три первые мѣсяца 1618 года, новаго задора отъ Владислава не было, а между тѣмъ Поляки не переставали опустошать Московскія области, и королевичь не отступалъ изъ Вязьмы назадъ въ Литву; съ весною грозили новыя опасныя движенія врага къ столицѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ рѣшили сами задрать Поляковъ о мирѣ, и въ началѣ Апрѣля пріѣхалъ въ Польскій станъ дворянинъ Кондыревъ съ дьякомъ и объявилъ, что готовъ вести переговоры съ коммиссарами о мѣстѣ съѣзда уполномоченныхъ и о числѣ ихъ; требовалъ, чтобъ Поляки вышли изъ Московскихъ предѣловъ, и въ такомъ случаѣ заключено будетъ трехмѣсячное перемиріе. Коммиссары отвѣчали, что войско ихъ не выйдетъ изъ Московскихъ предѣловъ прежде окончанія переговоровъ, которые могутъ начаться 16 Іюня, что о мѣстѣ переговоровъ и числѣ

провожатыхъ посольскихъ должны условиться особые коммиссары за двѣ недѣли до съѣзда. Прошла весна; получено было извѣстіе изъ Варшавы, что сеймъ опредѣлилъ сборъ денегъ для продолженія войны, но немного, и съ условіемъ, чтобъ война непремѣнно была окончена въ одинъ годъ. Въ началѣ Іюня Польское войско двинулось изъ Вязьмы и стало въ Юркаевѣ на дорогѣ между Можайскомъ и Калугою; здѣсь на военномъ совѣтѣ Ходкѣвичь предлагалъ перенести войну къ Калугѣ, въ край менѣе опустошенный и потѣснить самаго знаменитаго Московскаго воеводу князя Пожарскаго, заставить его перейдти на сторону Владислава, къ чему онъ, по мнѣнію гетмана, былъ готовъ, наконецъ подъ Калугою легче было соединиться съ войскомъ, которое черезъ украйну шло на помощь отъ Жолкѣвскаго. Но коммиссары требовали идти прямо къ Москвѣ, что заставитъ жителей ея передаться королевичу какъ было во время Шуйскаго; они представляли, что удаленіе къ Калугѣ дастъ Московскимъ воеводамъ возможность овладѣть Вязьмою и отрѣзать Поляковъ отъ Смоленска.

Это мнѣніе превозмогло; но прежде чѣмъ идти къ Москвѣ, нужно было овладѣть Можайскомъ, чтобъ не оставить у себя въ тылу князя Лыкова. Взять Можайскъ приступомъ не было никакой надежды по неимѣнію осадныхъ орудій, и потому рѣшили идти къ Борисову городищу, взять его силою или заставить Лыкова вытти изъ Можайска и сразиться въ чистомъ полѣ, гдѣ Поляки, по опыту, надѣялись вѣрнаго успѣха. Два раза Польское войско ходило на приступъ къ Борисову, и два раза былъ отбито. Въ концѣ Іюня Лыковъ писалъ государю, что королевичь стоитъ подъ Борисовымъ городищемъ; Михаилъ велѣлъ князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкаскому перейти изъ Волока въ Рузу, оттуда ссылаться съ Лыковымъ и по вѣстямъ идти къ нему въ Можайскъ; Пожарскому велѣно было выйти изъ Калуги въ Боровскъ и помогать оттуда Можайску, изъ Москвы къ Боровску велѣно двинуться Курмашъ-Мурзѣ—Урусову съ юртовскими Татарами и Астраханскими стрѣльцами. 30 іюня Лыковъ опять писалъ въ Москву, что накану-

нѣ, 29-го королевичь и гетманъ приходили изъ подъ Борисова городища къ Можайску, но Русскіе люди изъ острога противъ нихъ выходили, Литовскихъ людей отъ Можайска отбили, языковъ взяли, и королевичь пошелъ назадъ подъ Борисово городище. Прошло двадцать дней. Черкаскій пришелъ въ Можайскъ, и 21 Іюля писалъ государю, что наканунѣ пришли изъ подъ Борисова городища подъ Можайскъ многіе Польскіе и Литовскіе люди, разъѣзжаютъ мѣсто подъ Лужецкимъ монастыремъ по Московской дорогѣ къ Рузѣ, и надобно думать, что хотятъ отнять Московскую дорогу отъ Можайска; князь Лыковъ писалъ что, по словамъ перебѣжчика, королевичь и гетманъ пришли со всѣми людьми изъ подъ Борисова къ Можайску на осаду. Государь немедленно созвалъ бояръ и приговорилъ: Можайское стоянье, и промыслъ, и отходъ положить на воеводъ князей Лыкова и Черкасскаго: если имъ, смотря по тамошнему дѣлу, можно въ Можайскѣ быть, то они бы, прося у Бога помощи, надъ Литовскими людьми промышляли и съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ ссылались, чтобъ надъ Литовскими людьми вмѣстѣ имъ промышлять, какъ Богъ вразумитъ. А если узнаютъ, что королевичь и гетманъ и Литовскіе люди пришли подъ Можайскъ на осаду, и почаютъ отъ нихъ крѣпкой осады и дорожной отнимки, то они бы въ осадѣ не садились, шли бы въ отходъ къ Москвѣ со всѣми людьми, которою дорогою бережнѣе и куда можно, и совѣтовались бы объ отходѣ тайно, чтобъ никто незналъ. А на которую дорогу отходъ свой приговорятъ, и они бы послали отъ себя къ боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому тайно же, чтобъ онъ на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводилъ и помогалъ имъ. А какъ въ отходъ пойдутъ, и они бы въ Можайскѣ оставили съ воеводою Ѳедоромъ Волынскимъ осадныхъ людей къ прежнимъ въ прибавку, чтобъ въ Можайскѣ въ осадѣ сидѣть было безстрашно.

29-го іюля Лыковъ доносилъ, что Литовскіе люди къ ихъ острожкамъ приходятъ каждый день, изъ наряду и мушкетовъ стрѣляютъ и ратныхъ людей побиваютъ, и 27 числа ранили

воеводу князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго; и теперь Литовскіе люди шанцевъ прибавляютъ позади Якиманскаго монастыря, и за рѣкою Можаею поставили противъ ихъ острожковъ нарядъ, бьютъ изъ шанцевъ въ оба острожка и тѣсноту чинятъ великую. По Польскимъ извѣстіямъ у Русскихъ побито было болѣе 1000 человѣкъ. Была бѣда и другаго рода: ратные люди, подстрекаемые Ярославцемъ Богданомъ Тургеневымъ, Смоляниномъ Тухачевскимъ и Нижегородцемъ Жедринскимъ, приходили на воеводъ съ большимъ шумомъ и указывали, чего сами не знали, едва дѣло обошлось безъ крови. Тогда государь уже рѣшительно приказалъ остаться въ Можайскѣ осаднымъ воеводою Волынскому, а Черкаскому и Лыкову со всѣми людьми отходить къ Москвѣ какъ лучше и здоровѣе. Пожарскій, стоявшій въ Боровскѣ, получилъ приказъ идти къ Можайску на то мѣсто, гдѣ воеводы ему присрочатъ и помогать имъ, а изъ Борисова свести къ себѣ осадныхъ людей со всѣми запасами въ то самое время какъ Черкаскій и Лыковъ пойдутъ въ отходъ; когда же они отъ Можайска отойдутъ, то Пожарскій долженъ былъ возвратиться въ Боровскъ. Въ первыхъ числахъ августа, выбравши темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ, Черкаскій и Лыковъ вышли потихоньку изъ Можайскихъ острожковъ и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись къ Москвѣ. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженый Русскими Борисовъ. Сюда къ нимъ пріѣхалъ Левъ Сапѣга, который ѣздилъ въ Варшаву за деньгами; вмѣсто денегъ онъ привезъ одно только обѣщаніе, и тогда войско, въ которомъ иные двѣнадцать дней не видали куска хлѣба, взбунтовалось и толпами начало покидать станъ. Съ большимъ трудомъ коммиссары успѣли успокоить его, обѣщавши выплатить жалованье 28 октября, и не смотря на то четыре хоругви оставили станъ, не считая уже вышедшихъ по одиначкѣ.

Въ такихъ обстоятельстахъ Ходкѣвичь опять предлагалъ расположиться между Калугою и Боровскомъ, въ краю менѣе разоренномъ. Но коммиссары ни какъ не соглашались: они хо-

тѣли во чтобы то ни стало кончить войну къ сроку, а изъ этого годичнаго срока оставалось теперь менѣе пяти мѣсяцевъ, и потому они рѣшили идти прямо на Москву, отправивши туда грамоту, въ которой Владиславъ увѣрялъ, что это только совѣтники Михаила Романова увѣряютъ, что онъ идетъ на истребленіе православной вѣры, а у него этого и на умѣ нѣтъ. Получивши вѣсть изъ Можайска, что Владиславъ идетъ на Москву, Михаилъ 9 сентября созвалъ соборъ и объявилъ что онъ «прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, съ королевичемъ и съ Польскими и Литовскими людьми биться, сколько милосердый Богъ помочи подастъ: и они бы митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за него государя и за себя съ нимъ государемъ въ осадѣ сидѣли, а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались.» Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него государя стоять, съ нимъ въ осадѣ сидѣть и биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ. И тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія, кому и съ кѣмъ защищать разныя части Москвы. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ жители ихъ, памятуя Бога, православную вѣру, крестное цѣлованіе и свои души, усердно помогали государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами.

Не одинъ Владиславъ съ своимъ небольшимъ войскомъ приближался къ Москвѣ: шелъ на нее съ другой стороны Малороссійскій гетманъ Конашевичь Сагайдачный съ 20,000 козаковъ, раззоривъ на дорогѣ Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь; послѣдній городъ былъ взятъ потому, что уѣздные люди воеводъ не послушались, въ осаду не пошли; Елецъ былъ взятъ потому, что воеводѣ его Полеву ратное дѣло было не за обычай; Сагайдачный обманулъ его: скрылъ въ одномъ мѣстѣ засаду, а самъ съ остальными людьми пошелъ на приступъ; воевода вывелъ противъ него все свое войско, а между тѣмъ засада вошла въ городъ и овладѣла имъ. Но Ми-

дийловымъ Сагайдачнему не удалось овладѣть. Услыхавъ о приближеніи Сагайдачнаго, царь приказалъ идти противъ него Пожарскому изъ Боровска; Пожарскій выступилъ по дорогѣ къ Серпухову, но сильно занемогъ, ратные люди остановились и не хотѣли идти противъ непріятеля съ больнымъ воеводою; козаки воспользовались этимъ случаемъ и стали воровать. Тогда государь велѣлъ больному Пожарскому ѣхать въ Москву, а товарищу его, князю Григорію Волконскому велѣлъ стать на Коломнѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ Оку; но Волконскій не былъ въ состояніи удержать гетмана отъ переправы и долженъ былъ заключиться въ Коломнѣ, гдѣ въ полкахъ у него встала рознь между дворянами и козаками; послѣдніе ушли изъ Коломны, стали во Владимирскомъ уѣздѣ, въ отчинѣ князя Мстиславскаго и оттуда много мѣстъ запустошили. 17 сентября королевичь стоялъ въ Звенигородѣ, Сайгадачный въ селѣ Бронницахъ Коломенскаго уѣзда. 20 сентября королевичь сталъ въ знаменитомъ Тушинѣ; Сайгадачный появился у Донскаго монастыря и началъ пропускать *обозы* свои для соединеія съ королевичемъ; бояре съ войскомъ вышли было изъ Москвы, чтобъ воспрепятствовать этому соединенію, но на Московскихъ людей, по словамъ лѣтописца, напалъ ужасъ великій, и они безъ бою пропустили гетмана мимо Москвы въ таборы къ Владиславу. Ужасъ Москвичей увеличила еще комета, которая головою стояла надъ самымъ городомъ: царь и всѣ люди, смотря на звѣзду, думали что быть Москвѣ взятой отъ королевича. Между тѣмъ подъ Москвою шли переговоры: Владиславъ требовалъ подданства, называя себя царемъ Московскимъ, бояре вымарывали въ грамотахъ дегтемъ этотъ титулъ королевича и тянули дѣло, поджидая союзниковъ — голодъ и холодъ. Но Поляки не хотѣли ихъ дожидаться, и въ ночь на первое октября повели приступъ; осажденные были предувѣдомлены изъ непріятельскаго стапа и готовы къ отпору. Кавалеръ Новодворскій сдѣлалъ проломъ въ переднемъ городкѣ и дошелъ до самыхъ Арбатскихъ воротъ; но здѣсь прикладывая къ нимъ петарду, былъ раненъ

въ руку изъ мушкета. Въ слѣдъ за этимъ Русскіе сдѣлали вылазку изъ воротъ и схватились съ непріятелемъ, обстрѣливаемымъ со всѣхъ сторонъ; Поляки держались до свѣта, но не получая помощи отъ своихъ, отступили. Арбатскіе ворота и мѣста отъ Арбатскихъ до Никитскихъ воротъ вѣдалъ во время приступа окольничій Никита Васильевичь Годуновъ, съ 457 человѣками, а въ Арбатскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Данила Леонтьевъ, Иванъ Урусовъ и дьякъ Антоновъ. Приступъ къ Тверскимъ воротамъ былъ еще менѣе удаченъ, потому что лѣстницы, принесенныя Поляками, были слишкомъ коротки. Тверскіе ворота и пространство отъ Тверскихъ до Петровскихъ воротъ, до Трубы и до Срѣтенскихъ воротъ были поручены князьямъ Данилѣ Мезецкому и Григорью Волконскому съ 562 человѣками пѣхоты, съ 22 конницы, въ самыхъ же Тверскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Василій Монастыревъ, Семенъ Дуниловъ и дьякъ Головинъ. Поляки, по ихъ извѣстіямъ потеряли у Арбатскихъ воротъ 30 человѣкъ убитыми и болѣе 100 ранеными. Въ неуспѣхѣ, разумѣется, обвиняли главнаго вождя Ходкѣвича: за чѣмъ не была соблюдена тайна на счетъ приступа? за чѣмъ повѣрили лазутчикамъ, давшимъ невѣрное показаніе о высотѣ стѣнъ? зачѣмъ Новодворскому не было подано помощи, потому что Русскіе у Арбатскихъ воротъ показали было тылъ, но ихъ удержала Нѣмецкая пѣхота, стоявшая у Никитскихъ воротъ? Но по Русскимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ у Никитскихъ воротъ не было Нѣмцевъ.

Знаменитый Польскій наѣздникъ Чаплинскій погибъ на Вохнѣ отъ служекъ Троицкаго монастыря послѣ неудачь подъ этимъ монастыремъ; но за то и съ Русской стороны погибъ также знаменитый наѣздникъ, причинявшій много вреда Литовскому войску, Канай Мурзинъ, въ крещеніи названнный княземъ Михаиломъ. Начались опять переговоры; рѣшили, что уполномоченные, съ Русской стороны бояре — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Данила Мезецкій, окольничій Артемій Измайловъ и дьяки Болотниковъ и Сомовъ, а съ Польской—князь

Адамъ Новодворскій, бискупъ Каменецкій, Константинъ Плихта, Левъ Сапѣга и Яковъ Собѣскій—съѣдутся на рѣкѣ Прѣснѣ 30 октября. Русскіе послы, отправлявшіеся отъ бояръ и отъ всей думы, получили наказъ: «противъ королевскаго имени шапки снимать только въ томъ случаѣ, когдѣ Литовскіе послы станутъ снимать шапки къ государеву имени. Говорить Литовскимъ посламъ: сами вы писали, что добраго дѣла и покою христіанскаго хотите, а теперь вы такое несходительство къ доброму дѣлу объявили, великаго государя нашего имени въ рѣчахъ своихъ не именуете: и тутъ какому доброму дѣлу быть, и чьи мы на обѣ стороны послы? вы нашего государя имени въ рѣчахъ своихъ не именуете, а мы вашего короля именовать не станемъ!» и такимъ образомъ съ ними о всякихъ дѣлахъ говорить и въ рѣчахъ своихъ короля не называть, развѣ случится королевское имя вымолвить говоря о разореньи Московскаго государства. Когда Литовскіе послы станутъ просить городовъ, или королевскихъ и королевичевыхъ подъемовъ и накладовъ, или какихъ-нибудь убытковъ, то посламъ отвѣчать: какія убытки учинились отъ государя вашего и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ, того и въ смѣту нельзя положить, что объявилось по запискѣ и что Ѳедька Андроновъ сказалъ, что отослано къ королю всякихъ узорочей и что по королевскимъ грамотамъ дано на рыцарство, депутатамъ и Нѣмцамъ, полковникамъ и ротмистрамъ и Сапѣгина войска депутатамъ, и по договору гетмана депутатамъ же, и Сапѣгѣ, и посламъ Литовскимъ и Польскимъ,—на приказные расходы, и къ Александру Гонсѣвскому на дворъ, и полковникамъ, и ротмистрамъ по Александровымъ картамъ, и Русскимъ людямъ и пушкарямъ и стрѣльцамъ Московскимъ, которые были у васъ, золотомъ, серебромъ и всякою рухлядью по меньшей цѣнѣ на 912,113 рублей и 27 алтынъ, а золотыми польскими 340,379 золотыхъ, 13 грошей. Уполномоченные съѣхались и говорили, т. е. спорили не сходя съ лошадей: Левъ Сапѣга началъ говорить о правахъ Владислава на Московскій престолъ, вычислялъ выгоды для Москвы

отъ его принятія, невыгоды, если не захотятъ принять. Московскіе уполномоченные отвѣчали: «Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его хотѣли и долго ждали; потомъ кровь многая была пролита, и мы другаго государя себѣ выбрали, крестъ ему цѣловали, вѣнчанъ онъ уже вѣнцомъ царскимъ и мы не можемъ отъ него отступить; хотимъ заключить перемиріе между государями на 20 лѣтъ, если вы уступите намъ Смоленскъ, Рославль, Дорогобужъ, Вязьму, Козельскъ и Бѣлую.» Поляки, смѣясь надъ этими требованіями, продолжали толковать и королевичѣ; Московскіе уполномоченные отвѣчали: «Скажите вы намъ, если мимо королевича хотите доброе дѣло дѣлать, то и мы будемъ къ доброму дѣлу сходительны, и хотимъ вмѣстѣ съ вами искать всякихъ мѣръ, какъ бы съ обѣихъ сторонъ покой установить; если же о королевичѣ говорить не перестанете, то уже мы съ вами съѣзжаться больше не будемъ.» Поляки возражали: «Вамъ же хуже, если переговоры порвете: государь короловичь пойдетъ съ войсками за столицу, и что еще остается у васъ не спаленаго и неопустошеннаго, отъ того останется только земля да вода.» Слѣдующіе съѣзды, 23 и 25 октября прошли въ спорахъ о городахъ, которые Москва должна уступить Литвѣ и о срокѣ перемирія: Поляки требовали много городовъ и назначали слишкомъ краткій срокъ перемирію.

Между тѣмъ наступили холода; Владиславъ снялъ станъ и двинулся изъ Тушина по Переяславской дорогѣ, въ слѣдствіе чего съѣздъ уполномоченныхъ 27 октября былъ уже не на Прѣснѣ, а за Срѣтенскими воротами по Троицкой дорогѣ, и такъ какъ здѣсь не послѣдовало соглашенія, то съѣзды должны были прекратиться, ибо Литовскіе послы не могли оставаться подъ Москвою по удаленіи королевича. Въ такихъ обстоятельствахъ князь Новодворскій съ товарищами отправилъ отъ себя пословъвъ Москву—Христофора Сапѣгу, Карсиньскаго и Гридича, которые и заключили здѣсь предварительный договоръ съ условіемъ, чтобъ окончательно утвердить его на съѣздѣ съ великими послами.

Русскіе согласились уступить: Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Рославль, городище Монастыревское (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попову гору, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Серпейскъ, Невль, Себежъ, Красный, да волость Велижскую съ тѣмъ, что къ той волости изстари потянуло.—По Польскимъ извѣстіямъ въ это время въ Москвѣ происходили сильныя волненія между черныю; по извѣстію нашего лѣтописца козаки, не хотя долѣе сидѣть въ Москвѣ и не терпя быть безъ воровства, взбунтовались ночью въ числѣ 3000, проломали острогъ за Яузой и побѣжали; царь послалъ за ними князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и Данилу Ивановича Мезецкаго уговаривать ихъ возвратиться; князья успѣли ихъ воротить; но козаки остановились у острога и никакъ не хотѣли входить въ городъ боясь наказанія. Тогда царь послалъ другихъ бояръ уговаривать ихъ, и козаки вошли въ городъ. 19 ноября Шереметевъ и Мезецкій получили наказъ: ѣхать на съѣздъ къ бискупу Каменецкому съ товарищами и закрѣпить перемирныя договорныя записи, боярину Ѳедору Ивановичу ѣхать въ Троицкій монастырь и оттуда обосляться съ коммиссарами и съѣздное мѣсто приговорить. На съѣздѣ требовать, чтобъ Поляки отдали боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго да князя Юрія Никитича Трубецкаго съ женою и дѣтьми, если они сами захотятъ, и всѣхъ Московскихъ людей, которые теперь при королевичѣ, а которые въ Литвѣ, и захотятъ ѣхать въ Московское государство, то отпустить. Если будетъ можно, то Шереметеву сослаться съ княземъ Шуйскимъ и другими и спросить, надобно ли объ нихъ говорить по договорнымъ записямъ? если они будутъ государеву жалованью рады и захотятъ, чтобъ послы объ нихъ говорили, то говорить; а если Русскіе люди прикажутъ, чтобъ объ нихъ не говорить, то и не говорить.

Королевичь, отступя отъ Москвы, пошелъ къ Троицкому монастырю, но на требованіе сдачи, архимандритъ и келарь съ братіею велѣли бить изъ наряда по Польскимъ войскамъ. Королевичь отступилъ, и сталъ за 12 верстъ отъ монастыря

въ селѣ Рогачевѣ. Гетманъ Сагайдачный прямо отъ Москвы отправился подъ Калугу, и на дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, но крѣпости взять не могъ. Въ Калугѣ точно такъ онъ успѣлъ выжечь острогъ, но въ крѣпости отъ него отсидѣлись. Королевичь распустилъ своихъ людей въ Галицкія, Костромскія, Ярославскія, Пошехонскія и Бѣлозерскія мѣста; но въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Поляки были настигнуты воеводою княземъ Григоріемъ Тюфякинымъ и побиты. Между тѣмъ уполномоченные — Новодворскій, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій занимали Сватково въ 10 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Пріѣхавши въ монастырь, Шереметевъ послалъ въ Сватково Соловаго — Протасьева спросить уполномоченыхъ Литовскихъ о здоровьѣ и пригласить на съѣздъ; Сапѣга и Гонсѣвскій отвѣчали Протасьеву съ сердцемъ, что посланниковъ ихъ, Христофора Сапѣгу съ товарищами великіе послы въ Москвѣ задержали долго, и вымогли на нихъ неволею, что искони вѣчный лучшій Сѣверскій городъ Брянскъ оставили въ своей сторонѣ къ Московскому государству, и написали въ своемъ перемирномъ образцовомъ спискѣ за Брянскъ Попову гору, а они такого города, Поповой горы не знаютъ и не слыхивали; также у Велижской волости рубежей не описали. Протасьевъ отвѣчалъ, что за Брянскъ уступлено три города: Серпѣйскъ, Псковской пригородъ Красный, да въ Сѣверской странѣ городъ Попова гора, да еще Велижская волость. Левъ Сапѣга сказалъ на это: «Съ вами намъ теперь объ этомъ говорить нечего, станемъ говорить съ вашими великими послами, какъ будемъ на съѣздѣ». Протасьевъ отвѣчалъ: «Только вамъ великимъ посламъ то конченное дѣло начинать теперь съизнова, то царскаго величества великіе послы сверхъ того договора, о чемъ съ вашими посланниками договорились и уложили—ни очемъ съ вами говорить не станутъ.» Гонсѣвскій продолжалъ съ сердцемъ: «Я самъ въ Псковѣ бывалъ и Псковскіе пригороды всѣ знаю, въ Красномъ не только что города, давно и закладни никакой нѣтъ, все пусто.» Потомъ Литовскіе послы начали говорить, чтобъ на другой день съ обѣихъ сторонъ съѣхаться

дворянамъ и розыскать съѣзжаго мѣста, да чтобъ людей было при съѣздѣ по 100 человѣкъ конныхъ да 50 пѣшихъ съ каждой стороны. Левъ Сапѣга прибавилъ: «Какъ вы пріѣдете къ вашимъ великимъ посламъ, то̀ поговорите о насъ, чтобъ они намъ прислали рыбки.» Протасьевъ отвѣчалъ: «Къ великимъ посламъ рыбы никакой изъ городовъ за вашими Литовскими людьми къ Москвѣ не прихаживало ни откуда.»

Дворяне пріискали съѣздное мѣсто въ Троицкой деревнѣ Деулинѣ по Углицкой дорогѣ, отъ Троицы въ трехъ верстахъ, отъ Сваткова въ пяти, и 23 ноября былъ первый съѣздъ. Литовскіе послы начали говорить, что Московскіе послы вымогли силою у ихъ посланниковъ Брянскъ: «вы въ записи своей написали, что мы вамъ говорили о королевичѣ, и вы то дѣло ставите минувшимъ: такъ вамъ бы этого дѣла минувшимъ не называть, то дѣло Божіе; прошлую пятницу видѣли вы на утренней зарѣ звѣзду съ лучемъ, стояла она надъ вашимъ Московскимъ государствомъ, и вы по той звѣздѣ увидите, что надъ вами сдѣлается за такія неправды». Московскіе послы отвѣчали: «Знаменье небесное бываетъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому непригожіе; Богъ не далъ знать, которому государству что̀ отъ того будетъ. Мы думаемъ, что это знаменіе совершится надъ вашимъ государствомъ; небесное знаменіе тварь Божія, Ему творцу и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно. А если вы посланниковъ своихъ договоръ станете переговаривать, то впередъ чему же вѣрить?» Литовскіе послы стали говорить съ сердцемъ а поощрялъ ихъ на всякое зло Александръ Гонсѣвскій: «Вы на нашихъ посланникахъ вымогли многія статьи не противъ нашей образцовой записи!» кричали Поляки. Московскіе послы отвѣчали: «Если уже ваша посольская вѣрющая грамота, что дали вы вашимъ посланникамъ не пряма стала, то впередъ чему вѣрить? А намъ тѣхъ обѣихъ записей перемѣнить отнюдь нельзя, сверхъ договора и сверхъ совѣта братьевъ нашихъ, великаго государя бояръ и всѣхъ его думныхъ людей, и всего великаго Россійскаго государства.» Гон-

сѣвскій сталъ говорить: «Какое ваше сходительство къ доброму дѣлу? Многія Бѣльскія волости оттягиваете ко Ржеву, Велижскія многія волости написаны къ Торопцу, и за Бѣльскія волости да за Велижскій рубежъ еще крови много литься. А теперь вы пріѣхали къ намъ съ указомъ и велите дѣлать по своему также какъ и посланникамъ нашимъ; не дай Богъ Литовскимъ посламъ и посланникамъ у васъ въ Москвѣ никогда бывать, хорошо съ вами съѣзжаться на полѣ, тутъ вы намъ не указываете, потому что у насъ съ вами все ровное, а въ Москвѣ Литовскимъ посламъ переговоры вести—несчастіе: все вымогаете силою; я былъ у васъ въ Москвѣ при царѣ Василіи и едва съ головою выѣхалъ, а многія статьи черезъ мою волю государь вашъ на мнѣ силою вымогъ, чего было мнѣ дѣлать нельзя. Прежде того царь Борисъ на канцлерѣ Львѣ Ивановичѣ перемирье на 20 лѣтъ вымогъ силою, а вы теперь на посланникахъ нашихъ вымогали силою то, чего было имъ дѣлать не наказано, мы бы съ вами на столько лѣтъ перемирья не сдѣлали.» Московскіе послы отвѣчали, что въ Москвѣ всѣмъ посламъ честь оказываютъ, никогда ни у какихъ пословъ силою ничего не вытягивали: «вы это говорите, покрывая свои неправды, потому что никогда по договору перемирныхъ дѣлъ не сдерживаете и крестное цѣлованье нарушаете.» Левъ Сапѣга сказалъ на это: «Птичку хотя въ золотую клѣтку посади да макомъ и сахаромъ ее корми, а воли и свѣту видѣтъ не давай, то ей все ни во что: такъ и человѣкъ, будучи въ неволѣ, что и не годится дѣлаетъ. Я къ вашему царю Борису приходилъ отъ короля въ послахъ и былъ у него задержанъ долгое время, бояре ваши вымогли на мнѣ перемирныя большія лѣта силою, а вы насъ теперь пріѣхали обманывать; но мы еще на своей волѣ, а не въ вашемъ задержаньѣ.» И говорилъ много сердитыхъ, непристойныхъ рѣчей. Тогда Московскіе послы, видя что Литовскіе послы сердиты и боясь отъ нихъ разрыва, взяли у нихъ тетрадь съ ихъ записью, чтобъ сравнить съ своею, и нашли во многихъ статьяхъ многія прибавочныя слова, напримѣръ: прибавлено въ королевскомъ титулѣ

званіе Черниговскій; къ статьѣ: отпустить Смоленскаго архіепископа Сергія — прибавлено: если захочетъ; въ записи у Московскихъ посланниковъ было сказано о государѣ: «котораго у себя теперь (Русскіе) великимъ государемъ Московскимъ имѣютъ,» а въ Польской тетради оказалось: «котораго у себя теперь государемъ Московскимъ именуютъ.» Послѣднюю перемѣну, впрочемъ, Литовскіе послы обѣщали выпустить и на томъ разъѣхались.

Когда Шереметевъ донесъ объ этомъ царю, то получилъ наказъ: стоять накрѣпко; но если захотятъ разорвать, то допустить эти прибавки. Исполняя наказъ, Московскіе послы на второмъ съѣздѣ начали стоять крѣпко противъ прибавокъ. Польскіе послы отвѣчали имъ съ сердцемъ, грозили, что полки гетмана Радзивила, занятые прежде Шведскою войною, теперь, послѣ перемирія со Шведами, стали свободны и придутъ на помощь къ королевичу: «еще вамъ кровь христіанская не надокучила; будто съ нами послуете (посольство отправляете), а на самомъ дѣлѣ только маните, да обманываете; но мы никакихъ вашихъ обмановъ не боимся, а надѣемся на волю Божію, на свою передъ вами правду и на свое рыцарство, можемъ съ вами управиться; если доброе дѣло между нами не сдѣлается, то навесть вамъ этими своими указами такой на себя покой, что ни одного младенца въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не останется. Намъ такъ не писать: «кого вы теперь великимъ государемъ имѣете;» много государю вашему отъ насъ и той чести, что мы въ своей записи написали: «котораго у себя нынѣ великимъ государемъ именуютъ». Московскіе послы возражали, что Поляки сами на первомъ съѣздѣ обѣщали оставить по старому о государѣ: имѣютъ, а не именуютъ: «впередъ уже чему вѣрить? какъ вамъ такимъ великимъ и честнымъ людямъ не стыдно? что приговорите и на томъ не стоите!» Польскіе послы отвѣчали: «Если бы вы всѣ въ Московскомъ государствѣ захотѣли себѣ добра да добили челомъ государю своему королевичу: тогда бы всѣмъ вамъ всякій покой былъ и кровь христіанская унялась бы; а то вы, забывъ государя своего,

причитаетесь невѣдомо къ кому»,—и говорили про великаго государя непригожія рѣчи. Московскіе послы отвѣчали: «Мы вашего государя такія же непригожія рѣчи говорить станемъ, и за то будетъ еще больше крови литься». Литовскіе послы кричали съ сердцемъ: «Мы въ васъ никакой правды не чаемъ, все дѣлаете проволокою. Мы еще изъ Варшавы писали къ вамъ о посольствѣ и послали Яна Гридича, чтобъ вамъ съѣхаться съ нами и говорить о добромъ дѣлѣ на границѣ, а вы Гридича задержали у себя долгое время и къ намъ его отпустили ни съ чѣмъ; пріѣхавши въ Вязьму, мы опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что съѣхаться между Вязьмою и Волокомъ; мы ждали васъ долго и не дождались; пришедши подъ Можайскъ, опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что будете на съѣздъ на рѣку Истру, но и тутъ васъ не дождались; потомъ писали, чтобъ съѣхаться на Химкѣ, но вы и на Химкѣ съѣзжаться не захотѣли, а прислали, чтобъ съѣхаться подъ Москвою на рѣкѣ Прѣснѣ, и тутъ едва на съѣздъ поѣхали; вы насъ изволокли мало не два года; теперь вы насъ затруднили въ зиму, а на насъ приходитъ все войско съ шумомъ, кричатъ, что они зимою изъ вашей земли идти не хотятъ, хотятъ королевичу служить всю зиму безъ денегъ». Левъ Сапѣга кричалъ: «Присягаемъ вамъ, что больше съ вами дѣлать не станемъ, завтра же затянемъ на васъ людей, а сами поѣдемъ въ Литву на сеймъ». Московскіе послы отвѣчали: «Грозите намъ войною и сверхъ договора своихъ посланниковъ хотите опять кровь начинать; но рать дѣло Божіе, кому Богъ поможетъ; въ городахъ теперь много людей въ сборѣ, а на весну и изъ другихъ государствъ на помощь много людей придетъ». Явилось и новое затрудненіе: Литовскіе послы не ручались, что Запорожцы, Лисовчики и полкъ Чаплинскаго послушаются ихъ приказа и выйдутъ немедленно изъ Московской земли по заключеніи договора. Московскіе послы говорили, что они объ этомъ и слушать не хотятъ; Поляки соглашались написать, что выведутъ съ собою Лисовчиковъ и полкъ Чаплинскаго, но отказывались вывести Запорожцевъ. Во время этихъ споровъ къ съѣзжей избѣ къ окну, подлѣ кото-

гдѣ сидѣли Московскіе послы, подошелъ Соловой Протасьевъ сказалъ, что говорилъ ему Литвинъ Мадалинскій: «этою ночью пріѣзжалъ въ Сватково къ Литовскимъ посламъ королевичь, и говорилъ, что пришелъ къ нему изъ Польши листъ, чтобъ съ Московскими послами скоро не мириться, а хочетъ онъ королевичь Полякамъ дать гроши на двѣ четверти года». Услыхавъ эту вѣсть, Московскіе послы начали уступать; но съѣздъ кончился ничѣмъ; Гонсѣвскій говорилъ: «хотя мы, помирясь, изъ вашей земли и выйдемъ, но ваши козаки инаго вора добудутъ, къ нему наши воры пристанутъ, такъ у нихъ и безъ королевича будетъ другой Дмитрій?» Московскіе послы ему отвѣчали: «Тебя еще не насытила кровь христіанская, безъ отищенья тебѣ отъ Бога не пройдетъ!»

Шереметевъ съ товарищами находился въ тяжкомъ положеніи. Вѣсть за вѣстью, одна хуже другой приходили къ нимъ въ Троицкій монастырь: миру не бывать, приходитъ къ королевичу рыцарство, и говоритъ, что оно миру съ Московскими людьми ни какъ не хочетъ, да и Черкасы, Сагайдачный съ товарищами, присылали къ королевичу козака Путивльца, чтобъ имъ изъ Московской земли вонъ не ходить; да и Донцы съ королевичемъ ссылаются, что всѣ хотятъ ему служить. Во время съѣзда подъѣзжали къ посольскимъ провожатымъ козаки и говорили: Поляки и Литва и все рыцарство стоятъ за королевича и мириться мѣшаютъ, а они всѣ козаки хотѣли отъѣхать къ государю въ Москву, но пріѣхалъ къ нимъ Левка Пивовъ, и сказалъ, будто на Москвѣ ихъ братью козаковъ, которые выѣдутъ изъ Литвы, казнятъ и въ тюрьму сажаютъ: и они отъ того къ государю и не поѣхали. Поляки, подъѣзжая къ посольскимъ провожатымъ, говорили: пріѣзжаютъ къ нимъ козаки Московскіе, которые теперь въ воровствѣ и просятъ дать имъ Чаплинцевъ, Лисовчиковъ и Черкасъ, говорятъ: «вы Поляки лежите на лежѣ, а мы будемъ промышлять подъ Владимиромъ, Суздалемъ и другими городами». Поляки же говорили дворянамъ въ слухъ: есть у нихъ Калужскаго вора сынъ, учится грамотѣ въ Печерскомъ монастырѣ, а на Москвѣ повѣсили не

его, его унесли козаки, и грозили Поляки дворянамъ: если послы добраго дѣла не сдѣлаютъ, то быть нашимъ саблямъ на вашихъ шеяхъ.

Пришлось посламъ дѣлать доброе дѣло во чтобы то ни стало: 1-го Декабря на съѣздѣ они согласились на всѣ перемѣны, внесенныя Поляками въ Московскую запись; но открылось опять затрудненіе: Поляки не соглашались написать, что отдача городовъ въ ихъ сторону и отпускъ митрополита Филарета произойдутъ въ одинъ срокъ, 2 Февраля 1619 года, представляя, что Филаретъ не скоро пріѣдетъ изъ Маріенбурга. Литовскіе послы встали уже и пошли изъ избы, объявляя, что разрываютъ, Московскіе послы воротили ихъ и наконецъ убѣдили докончить дѣло. Поляки говорили: «Для покоя христіанскаго и для вашего, великихъ пословъ, прошенья, видя ваше къ доброму дѣлу сходительство, уступаемъ, чтобъ въ перемирныхъ записяхъ написать отпускъ митрополита Филарета Никитича и князя Василья Васильевича Голицына съ товарищами, полоняникамъ размѣну и городамъ очищенье и отдачу на одинъ срокъ, на 15 число Февраля по вашимъ святцамъ, а по нашему Римскому календарю Февраля 25». На этомъ покончили, и всѣ были очень довольны кромѣ Гонсѣвскаго, который вовремя крестнаго цѣлованья плакалъ и говорилъ: «Я у крестнаго цѣлованья выговариваю: только не развести прямыхъ рубежей между Велижемъ, Бѣлою и Торопцемъ, то мнѣ свои рубежи всегда оборонятъ, я ихъ выслужилъ у короля кровью». Сказавши это, Гонсѣвскій положилъ подъ крестъ память рубежамъ; но Московскіе послы бумагу съ блюда скинули и сказали: «это къ нашему посольскому дѣлу непристойно». Гонсѣвскій поцѣловалъ крестъ и заплакалъ. Когда записями съ обѣихъ сторонъ размѣнялись, то Литовскіе послы стали очень веселы и говорили съ царскими послами мирно и тихо, гладко и пословно.

Въ записи говорилось: «Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца (титулъ), его царскаго величества бояръ и всѣхъ его царскаго величества думныхъ людей и всего великаго Россій-

го царствія великихъ государствъ великіе послы (имена) го... съ (имена), о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко ...о то нынѣ и впередъ статься не можетъ (т. е. чтобъ ему ...ъ на Московскомъ престолѣ); а паны-рада и великіе ...слы то дѣло на судъ Божій положили; приговорили ...жду великаго государя нашего великими Россійскими госу...рствами и между великими государствами — короною Поль...ою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье на 14 ...ѣтъ и на 6 мѣсяцевъ; мы, великаго государя бояре и все...го великаго Россійскаго государства великіе послы, по по...велѣнію великаго государя нашего, по совѣту бояръ и всего великаго Россійскаго государства всякихъ чиновъ людей, поступились городовъ (имена); отдать города съ нарядомъ и со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными съ пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, а гостямъ и торговымъ людямъ дать волю, кто въ которую сторону захочетъ, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское государство со всѣмъ имѣніемъ.

По упомянутому выше наказу Шереметевъ послалъ къ князю Ивану Ивановичу Шуйскому и къ Василью Янову, находившимся въ обозѣ у королевича, спросить ихъ: хотятъ ли ѣхать къ государю? и сказать, чтобъ были надежны на государево жалованье, ѣхали въ Московское государство безо всякаго опасенья. Шуйскій и Яновъ отвѣчали: «Вѣдаютъ бояре и сами, что мы Московскому государству не измѣнники, въ Польшу и Литву изъ Москвы не отъѣхали, меня князя Ивана съ братьями выдали, а то я и самъ знаю, что выдали меня не всѣ люди Московскаго государства, многіе люди о томъ и не вѣдали. Судомъ Божіимъ братья мои умерли, а мнѣ вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ мнѣ служить сыну своему великому государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу, и я ему на томъ и крестъ цѣловалъ; еслибъ мнѣ не только великіе коммиссары позволили ѣхать въ Московское государство, хотя бы и самъ король позволилъ, то я бы

его не послушалъ, потому что я цѣловалъ крестъ не ему к
ролю, а сыну его». Василій Яновъ сказалъ: «Меня послал
государю королю всѣ бояре съ послами, княземъ Юріемъ Н
китичемъ Трубецкимъ, да съ Михайлою Глѣбовичемъ Сал
ковымъ просить на Московское государство сына его, и я е
государю крестъ цѣловалъ». Князь Шуйскій прибавилъ: «Е
уже мои братья бояре, жалуя насъ, къ намъ присылаютъ, что
мы ѣхали въ Москву, то они бы посылали къ государю наше
королевичу Владиславу, чтобъ онъ съ насъ крестное цѣлова
снялъ, и если сниметъ, то мы въ Москву поѣдемъ». Чѣмъ в
этотъ разъ дѣло кончилось, неизвѣстно.

Въ назначенный срокъ размѣна плѣнныхъ не послѣдовало; дѣло протянулось до половины Іюня 1619 года. Московскіе уполномоченные, тѣже самые, которые заключили Деулинское перемиріе, жили въ Вязьмѣ, дожидаясь Польскихъ уполномоченныхъ съ Филаретомъ, Шеинымъ и другими плѣнными. Князь Василій Васильевичь Голицынъ не увидѣлъ родной земли, онъ умеръ на дорогѣ, въ Гроднѣ, и, по приказанію королевскому, былъ похороненъ въ Вильнѣ, въ братской церкви св. Духа 27-го Генваря. Архимандритъ монастыря, Леонтій Карповичь говорилъ надгробное слово на текстъ: «Пріидетъ часъ, въ оньже вси сущія во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія»; но въ основаніи слова легло изрѣченіе Греческаго философа, что жизнь человѣческая подобна комедіи. Почтенный отецъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ хвалить покойника при извѣстныхъ отношеніяхъ его къ королю? проповѣдникъ вышелъ изъ этого затрудненія, отказавшись говорить о жизни Голицына, потому что не зналъ этой жизни, и призвалъ слушателей благодарить Бога за добраго короля, который позволилъ похоронить Голицына такъ хорошо, какъ не могли бы похоронить его и въ Москвѣ; ораторъ призывалъ и самого покойника благодарить короля за то, что приготовилъ ему такое мягкое ложе на такой долгій сонъ! Тѣло Голицына, впрочемъ, было перенесено на родину.

Когда Московскіе уполномоченные узнали, что Филаретъ вы-

алъ уже изъ Орши, то послали къ нему Андрея Усова съ ъ наказомъ: если дадутъ видѣться съ митрополитомъ безъ ставовъ и безъ Литовскихъ людей, то спросить его, ожиетъ ли онъ государь себѣ размѣны вскорѣ, не будетъ ли кого задержанья, нѣтъли у Литовскихъ людей какого умышнья, и не чаетъ ли на размѣнѣ какой бѣды, чтобъ онъ госурь пожаловалъ, обо всемъ этомъ приказалъ боярамъ, и какъ литъ собою государемъ промышлять, лучшими ли людьми напередъ размѣняться или всѣми вдругъ, и какъ велитъ съѣзжаться и со многими ли людьми? а Литовскихъ плѣнниковъ будетъ съ боярами человѣкъ 300; обо всемъ бы пожаловалъ, приказалъ къ боярамъ подлинно, о всякихъ вѣстяхъ, а государь царь велѣлъ боярамъ о томъ докладывать его государя; и нѣтъ ли ему государю какого утѣсненія и скудости? зачѣмъ Литовскіе послы размѣномъ замедлили, о чемъ въ Литвѣ у пановъ радныхъ былъ сеймъ? Но Усовъ не могъ добиться тайнаго свиданія съ Филаретомъ. Между тѣмъ отыскали мѣсто, удобное для съѣздовъ: по большей Дорогобужской дорогѣ пустошь Песочну, отъ большой дороги въ сторону версты съ двѣ, а подъ пустошью течетъ рѣчка Поляновка, отъ Вязьмы до пустоши 17 верстъ.

Когда Литовскіе уполномоченные пріѣхали въ Дорогобужъ, то начались переговоры о съѣздахъ. Здѣсь опять Гонсѣвскій началъ жаловаться: бояре дѣлаютъ не по договору, Литовскихъ плѣнниковъ везутъ на размѣнъ не многихъ, а на Москвѣ по боярскимъ дворамъ и по тюрьмамъ много ихъ плѣнниковъ засажено, а иныхъ бояре и дворяне разослали по своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ; бояре дѣлаютъ неправдою, чего никогда въ христіанствѣ не дѣлается: иныхъ плѣнниковъ роздали въ подарки Татарамъ въ Крымъ, иныхъ въ Персію и къ Нагаямъ; такъ развѣ христіане дѣлаютъ, христіанъ поганцамъ отдаютъ? въ одной тюрьмѣ держатъ по 150 человѣкъ, принуждаютъ креститься въ Московскую вѣру и цѣловать крестъ государю. А которые королевскіе люди Нѣмцы, Французы, Англичане, Испанцы, Нидерландцы взяты въ плѣнъ, тѣхъ бояре на размѣнъ

отдать не хотятъ, и все это будетъ посольскому договору рушенье. — Гонсѣвскому отвѣчали, что все это рѣчь затѣ Литовскіе уполномоченные назначили съѣздъ на 27 Мая; Московскіе отказались на томъ основаніи, что не обозна было, какъ велико должно быть число провожатыхъ. Это р сердило Филарета, и онъ сказалъ дворянамъ, присланны нему отъ уполномоченныхъ: «Для чего бояре съ Литовс послами въ четвергъ 27-го Мая съѣздъ отложили и пр чили съѣздъ въ воскресенае 30-го? намъ и такъ уже зд житье наскучило, не годъ и не два терпимъ нужду и чене, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказыва съ вами, что имъ подозрительно, отъ чего изъ Дорогобу нимъ отъ меня никакой грамоты неприслано: а намъ о уже больше къ нимъ писать? и такъ отъ меня къ нимъ пи трижды; боярамъ давно уже извѣстно, что меня на раз привезли, а еслибы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то бы изъ Литвы не повезли или бы изъ Орши назадъ по ротили».

Если послы отъ уполномоченныхъ Московскихъ ѣздили Филарету, то гонцы отъ Литовскихъ коммиссаровъ ѣздили в дѣться съ Струсемъ въ Вязьму. Въ одно изъ этихъ свида Струсь напился пьянъ; когда гость долго у него засидѣлся, приставы начали говорить, что пора ему домой. Струсь вмѣс отвѣта, одного пристава ударилъ въ щеку, другаго въ гру гость всталъ и вышелъ; приставы начали говорить Стру «Бояре, жалѣя тебя, и оказывая къ тебѣ свою добродѣте присылаютъ къ тебѣ Литовскихъ гонцовъ видѣться, а ты, напи шись пьянъ, такъ дуруешь и насъ, царскаго величества дво рянъ, такъ позоришь! намъ съ тобою драться нечесть, а кл немъ съ караула стрѣльцовъ и велимъ тебя опозорить, ес уже ты самъ надъ собою чести держать неумѣешь; завтра надъ тобою тѣсноты прибудетъ, и впередъ такъ напиваться дуровать не станешь». Струсь разсердился еще больше, рвал къ саблѣ; Польскій гонецъ говорилъ приставамъ: «Мы его давно и въ Литвѣ знаемъ: какъ напьется, то не знаетъ самъ,

съ сердца дѣлаетъ». Послѣ этого не велѣно было Струсе-выхъ пахолковъ пускать на торгъ низачѣмъ, а для покупки велѣно посылать стрѣльцовъ, съ кабака покупать ничего не велѣно, и приставамъ запрещено ходить къ нему; если же Литовскіе пахолки станутъ съ стрѣльцами о чемъ-нибудь задираться, то стрѣльцамъ велѣно ихъ бить ослопами.

30-го Мая уполномоченные съѣхались. Гонсѣвскій опять началъ, что многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей бояре поколонили и крестили силою, женили и держатъ неволею, а именно бояринъ князь Дмитрій Пожарскій многихъ людей ихъ разослалъ по своимъ помѣстьямъ, и у себя держитъ на цѣпяхъ скованныхъ неволею; а которые изъ тюремъ выпущены, тѣхъ всѣхъ въ морозы злые отпустили нагихъ и босыхъ и всѣхъ поморили. Бояре отвѣчали, что все это баламутство и смута, объявляютъ они христіанскою правдою, что ничего этого не бывало. Потомъ Литовскіе послы начали требовать новыхъ условій, между прочимъ, чтобъ была вольная дорога мимо Брянска между уступленными Польшѣ городами; Шереметевъ съ товарищами не согласились на это требованіе, какъ новое, и съѣздъ кончился. Московскіе уполномоченные немедленно послали сказать Филарету, что Литовскіе послы вчинаютъ новыя статьи, и доложить, какъ онъ, великій государь, укажетъ? размѣнять ли его напередъ на Струся съ нѣкоторыми именитыми его товарищами, и послѣ того всѣхъ отпустить? Филаретъ, выслушавъ гонца, заплакалъ и сказалъ: «велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего, великаго государя царя и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ!» Что же касается до новыхъ статей, то онъ ничего не сказалъ, потому что въ шатрѣ у него было много Литовскихъ людей. Потомъ спросилъ гонца: «Есть ли съ боярами какая нибудь отъ сына моего присылка, соболи или что другое? надобно мнѣ чѣмъ нибудь почтить тѣхъ Поляковъ, которые оберегали мое здоровье; и если у бояръ есть соболи, то чтобъ они прислали мнѣ ихъ сегодня же». А Томила Луговской подошелъ къ гонцу, и сказалъ ему именемъ митрополита: «Если бояре станутъ соболей посылать, то

они бы написали имъ цѣну съ убавкою въ половину пер[illegible] указною цѣною, а зачѣмъ—про то уже мы здѣсь знаемъ». Бо[illegible] исполнили приказъ, выбрали 17 сороковъ, цѣну имъ поло[illegible] съ убавкою и въ тотъ же день отослали къ Филарету.

Чтобъ подвинуть дѣло, Литовскіе уполномоченные присл[illegible] къ Московскимъ съ угрозою, что если всѣ ихъ требованія [illegible] будутъ исполнены, то они на съѣздъ не поѣдутъ, отправ[illegible] съ Филаретомъ назадъ и начнется опять война. Москов[illegible] послы отвѣчали: «Вы пріѣхали къ намъ съ грозами и вым[illegible] гаете на насъ силою новыя статьи, а намъ этого, мимо нака[illegible] великаго государя и безъ совѣта бояръ, братьи своей, сдѣла[illegible] нельзя; угрозъ мы никакихъ не боимся, ратныхъ людей у нас[illegible] самихъ въ сборѣ много, да и ближе вашего». Но такая храб[illegible] рость была только на словахъ, безъ Филарета уполномочен[illegible] нымъ нельзя было возвратиться въ Москву, и потому они при[illegible] бавили: «которыя новыя статьи намъ будетъ можно написать, и мы, переговоря между собою, напишемъ ихъ и пришлемъ; но чтобъ быть дорогѣ сухимъ и воднымъ путемъ къ вашимъ городамъ мимо Брянска; и чтобъ сыскивать и отдавать назадъ людей и нарядъ, которые были прежде въ уступленныхъ городахъ, а теперь нѣтъ,—этого намъ никакъ сдѣлать нельзя, это дѣло новое». Посланные, уѣзжая съ этимъ отвѣтомъ, свидѣтельствовались Богомъ, что ихъ уполномоченные безъ исполненія всѣхъ статей размѣна дѣлать не будутъ, и прибавили: «Ваши же про васъ говорятъ, что есть между вами и такіе люди, которые не хотятъ преосвященнаго митрополита на Московскомъ государствѣ видѣть, потому и добраго дѣла не дѣлаете, хотите того, чтобъ митрополита Филарета Никитича повезли назадъ». Послы отвѣчали: «Эти рѣчи говоріте вы не отъ себя, а по вымыслу своихъ великихъ пословъ, а если такія рѣчи вы затѣваете отъ себя, то намъ, великимъ боярамъ, не только отъ васъ, но и отъ пословъ вашихъ слышать этого не годится; вамъ бы пригоже говорить по своей мѣрѣ, а у насъ на Москвѣ ни въ какомъ чинѣ нѣтъ такихъ людей, кто бы не

[рат]ѣля великаго государя преосвященнаго митрополита Фила[ре]та Никитича».

Между тѣмъ Шеинъ далъ знать Шереметеву, чтобъ прислали къ нему человѣка его, если съ боярами есть его человѣкъ въ острожкѣ, или человѣка повинныхъ его, Салтыковыхъ или Морозовыхъ. Уполномоченные велѣли человѣку Морозовыхъ (Бориса и Глѣба Ивановичей), Поздѣю Внукову ѣхать къ Литовскимъ посламъ въ обозъ, а пріѣхавъ, велѣть про себя сказать боярину Михаилу Борисовичу Шеину. Послѣдній черезъ дворянина Коробина велѣлъ сказать Внукову, чтобъ уполномоченные никакъ не медлили размѣномъ, потому что у Литовскихъ пословъ чаять мирному договору и размѣну нарушенья, да чтобъ въ обозѣ у бояръ было бережно и осторожливо. Уполномоченные испугались, согласились на все, и послѣдовалъ размѣнъ. 1-го Іюня Митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ къ рѣчкѣ Поляновкѣ въ возкѣ, а Шеинъ, Томила Луговской, всѣ дворяне и плѣнные шли за возкомъ пѣши. На Поляновкѣ сдѣланы были два моста: однимъ долженъ былъ ѣхать Филаретъ со всѣми Московскими людьми, а другимъ Струсь съ Литовскими плѣнниками. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Филаретъ прислалъ Литвина Воронца сказать уполномоченнымъ, чтобъ отпустили къ нему Струся напередъ безо всякаго опасенья, а остальныхъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ будутъ пересматривать по списку. Но уполномоченные, опасаясь обмана, отказали Воронцу: «Струся намъ прежде великаго государя Филарета Никитича отпустить никакими мѣрами нельзя, а пересматривать по росписи всѣхъ плѣнныхъ на лице некогда, время уже вечернее, и если на обѣихъ сторонахъ пересматривать, то дѣло втянется въ ночь; мы вѣримъ вашей росписи, кого по росписи и не объявится, то мы за ними тотчасъ въ обозъ пришлемъ». Филаретъ прислалъ въ другой разъ къ уполномоченнымъ, чтобъ выслали напередъ Струся и дурна никакаго не опасались. Тогда они отправили Струся, а сами съ стольниками, стряпчими, дворянами Московскими, жильцами и выборными изъ городовъ дворянами дождались Филарета у съѣзжаго моста пѣши, и какъ

скоро Филаретъ, Шеинъ, Луговской и всѣ дворяне по мосту пошли, то бояре велѣли всѣмъ Литовскимъ плѣнникамъ идти по своему мосту. Переѣхавши мостъ, митрополитъ вышелъ изъ возка, и Шереметевъ началъ говорить ему рѣчь: «Государь Михаилъ Θедоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здоровьѣ спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорбляяся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподоблялся видѣть». Потомъ Шереметевъ же правилъ челобитье отъ матери царской, Марθы Ивановны. Филаретъ спросилъ о здоровьѣ царя и о спасеніи его матери, и потомъ пожаловалъ, благословилъ Шереметева и спросилъ его о здоровьѣ. За Шереметевымъ подошелъ князь Мезецкій и правилъ челобитье отъ бояръ и всего государства: «бояре, князь Θедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищами, окольничій и вся царскаго величества дума и все великое Россійское государство вамъ, великому государю, челомъ бьетъ и вашего государскаго прихода ожидаетъ съ великою радостью». Филаретъ благословилъ Мезецкаго и спросилъ о здоровьѣ всѣхъ пословъ. Третій уполномоченный, Измайловъ, подошелъ къ Шеину, спросилъ отъ государя о здоровьѣ и говорилъ рѣчь: «Служба твоя, радѣнье и терпѣнье, какъ ты терпѣлъ за нашу православную христіянскую вѣру, за св. Божіи церкви, за насъ, великаго государя и за все православное христіянство Московскихъ великихъ государствъ, вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣли и промышляли, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить». Дьякъ Болотниковъ спрашивалъ о здоровьѣ Луговскаго и всѣхъ дворянъ.

Филаретъ ночевалъ въ острожкѣ, потому что размѣнъ происходилъ поздно вечеромъ. На другой день, Іюня 2-го, онъ приказалъ послать отъ себя жалованье Польскимъ людямъ коннымъ и пѣхотѣ, кормъ въ почесть — барановъ, куръ, вина, меду, колачей, и пошелъ въ Вязьму. Въ Можайскѣ встрѣтили его Рязанскій архіепископъ Іосифъ, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, да окольничій князь Волконскій; подъ

Звенигородомъ въ Савинѣ монастырѣ встрѣтили: архіепископъ Вологодскій, бояринъ Василій Петровичь Морозовъ и окольничій Пушкинъ. Въ селѣ Никольскомъ что на Пескахъ, отъ Звенигорода въ 10 верстахъ: митрополитъ Крутицкій, бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой и окольничій Бутурлинъ. По переѣздѣ черезъ рѣчку Ходынку встрѣтили Московскія власти, всѣ бояре, дворяне и приказные люди; послѣ бояръ встрѣчали гости, торговые и всякіе жилецкіе люди. 14 Іюня, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги, Филаретъ сдѣлалъ то же самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могши ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ. Поздоровавшись съ сыномъ, Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ напереди, за Филаретомъ шелъ Шереметевъ съ товарищами.

Патріаршій престолъ послѣ Гермогена оставался празднымъ: дожидались Филарета, дожидался его Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, пріѣхавшій въ Москву за милостынею. Вмѣстѣ съ владыками Русскими Ѳеофанъ предложилъ патріаршій престолъ Филарету «ибо знали, что онъ достоинъ такого сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помогатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель». Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и 24 Іюня былъ посвященъ [8].

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

Двоевластіе. Различные отзывы современниковъ о Филаретѣ Никитичѣ. Судьба царской невѣсты, Марьи Хлоповой. Посольства въ Данію и Швецію съ предложеніями о сватовствѣ. Поднятіе дѣла о Хлоповой. Ссылка Салтыковыхъ. Женитьба царя на княжнѣ Долгорукой и кончина царицы. Женитьба царя на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Сношенія съ Крымомъ и Ногаями. Дѣла Шведскія: царскіе наказы воеводамъ относительно дѣлъ церковныхъ и перебѣжчиковъ; сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ по поводу Польши; Русскій человѣкъ Рубцовъ посломъ отъ Шведскаго короля; первый Шведскій резидентъ Меллеръ въ Москвѣ; отправленіе Шведскихъ пословъ чрезъ Московскія владѣнія къ гетману Запорожскому. Сношенія съ Англіею: вспоможеніе, оказанное Англійскимъ королемъ царю въ войнѣ съ Польшею; пріѣздъ Мерика и переговоры съ нимъ; мнѣнія Московскихъ гостей объ Англійской торговлѣ; прекращеніе вопроса о проѣздѣ Англійскихъ купцовъ въ Персію по Волгѣ. Первый Французскій посолъ въ Москвѣ. Посольства Голландское, Датскія, Венгерское, Персидскія. Дѣла Польскія: причины новой войны, заключавшіяся въ самомъ Деулинскомъ перемиріи; оскорбительныя для царя Михаила грамоты пограничныхъ Польскихъ державцевъ; возвращеніе въ Россію князя Ивана Шуйскаго; перебранка между Русскими воеводами и Польскими державцами; Поляки грозятъ самозванцемъ; Турки побуждаютъ царя къ войнѣ съ Польшею; соборъ 1621 года и приготовленія къ войнѣ; остановка ихъ въ слѣдствіе неудачи султана Ос-

рина; набѣгъ Крымцевъ и оплошность Русскихъ воеводъ; неудачные переговоры съ Польшею; наемъ иностранныхъ солдатъ и обученіе Русскихъ ратныхъ людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда; разрывъ перемирія; мѣстничество главныхъ воеводъ, князей Черкасскаго и Лыкова; назначеніе Шеина и Измайлова; наказъ этимъ воеводамъ; сборъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеинымъ; прибытіе короля Владислава на помощь къ осажденнымъ; договоръ Шеина съ Владиславомъ; сдача Русскаго обоза королю; событія въ Москвѣ во время Смоленскаго несчастія: кончина Филарета Никитича; соборъ и его рѣшенія; судъ надъ воеводами и казнь ихъ; взглядъ хронографа на дѣло Шеина; упорная защита Бѣлой; стѣсненное положеніе короля; паны предлагаютъ миръ боярамъ переговоры на Поляновкѣ; вѣчный миръ; посольство князя Львова въ Польшу для закрѣпленія мира; дѣло о гетманскомъ договорѣ; церемонія присяги; потѣха королевская; возвращеніе тѣла царя Василія Шуйскаго въ Москву.

(1619—1635.)

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича въ Москву начинается здѣсь двоевластіе: было два великихъ государя, Михаилъ Ѳеодоровичь и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь, и это была не одна форма: всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностраные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Объ отношеніяхъ обоихъ великихъ государей другъ ко другу можно получить нѣкоторое понятіе изъ ихъ переписки, когда одинъ ѣздилъ на богомолье, а другой оставался въ Москвѣ. Такъ въ 1619 году Филаретъ Никитичь писалъ сыну: «О Крымскомъ, государь, дѣлѣ, какъ вы, великій государь, укажете? А мнѣ, государь, кажется, чтобъ Крымскимъ посламъ и гонцамъ сказать, что вы великій государь, съ братомъ своимъ, съ государемъ ихъ съ царемъ въ дружбѣ и братствѣ стоишь крѣпко, посланника съ поминками и съ запросомъ посылаешь, и ихъ всѣхъ отпускаешь вскорѣ». Въ 1630 году

царь Михаилъ писалъ къ отцу: «Написано, государь, въ твоей государевой грамотѣ, что хотѣлъ ты, великій государь, отецъ нашъ и богомолецъ, быть въ Москву въ Троицынъ день; и въ Троицынъ день тебѣ быть въ Москву не годится, потому что день торжественный, великій, а тебѣ, государю, служить невозможно, въ дорогѣ порастрясло въ возкѣ, а не служить, отъ людей будетъ осудно. Такъ тебѣ бы, великому государю, въ Пятдесятный день отслушать литургію въ Тонинскомъ и ночевать тамъ же, а на другой день въ понедѣльникъ быть къ намъ въ Москву съ утра; и въ томъ твоя, великаго государя отца и нашего богомольца, воля, какъ ты, государь, изволишь, такъ и добро. Молимся всемогущему Богу, да сподобитъ васъ, великаго государя, достигнуть къ царствующему нашему граду Москвѣ на свой святительскій престолъ по здорову, а насъ да сподобитъ съ веселіемъ зрѣть святолѣпное и равноангельное ваше лице, святительства вашего главу и руку цѣловать, стопамъ вашимъ поклониться и челомъ ударить». Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и мягкомъ Михаилѣ. Этою неопытностію и мягкостію молодаго царя воспользовались люди, которымъ, по заслугамъ ихъ, неслѣдовало быть близко у престола. Иначе пошло дѣло, когда пріѣхалъ Филаретъ; можно принять извѣстіе, что нѣкоторые, привыкшіе къ своеволію при молодомъ царѣ, не желали возвращенія Филарета, который долженъ былъ положить предѣлъ этому своеволію; другіе, наоборотъ, были довольны тѣмъ, что съ пріѣздомъ Филарета, избавлялись отъ смутнаго и тяжкаго многовластія. Отсюда два различныхъ отзыва о Филаретѣ, которые мы встрѣчаемъ у современниковъ: по одному отзыву Филаретъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ не пожалованъ, тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и

кому не выдавалъ. По другому изображенію, Филаретъ «былъ роста и полноты среднихъ, божественное писаніе разумѣлъ отчасти, нравомъ былъ опальчивъ и мнителенъ, а такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся. Бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и другими наказаніями; къ духовному сану былъ милостивъ и не сребролюбивъ, всѣми царскими дѣлами и ратными владѣлъ».

Одною изъ главныхъ заботъ Филарета была, разумѣется, женитьба сына, съ которою было связано упроченіе престола въ его домѣ и спокойствіе государства. Еще въ 1616 году выбрана была въ царскія невѣсты и взята ко двору дѣвица Марья Ивановна Хлопова; уже ей, по обычаю, перемѣнили имя, назвали вмѣсто Марьи Настасьею, вѣроятно въ честь знаменитой бабки царя, и стали называть царицею, какъ вдругъ Михаилу донесли, что она опасно, неизлѣчимо больна, и несчастную невѣсту вмѣстѣ съ родными сослали въ Тобольскъ. Съ возвращеніемъ Филарета началось движеніе Хлоповой все ближе и ближе къ Москвѣ: въ Сентябрѣ 1619 года ее перевели изъ Тобольска въ Верхотурье, въ 1620 изъ Верхотурья въ Нижній. Но въ это время Филаретъ Никитичь еще не думалъ поднимать дѣла о Хлоповой: ему хотѣлось женить сына на иностранной принцессѣ.

Въ 1621 году отправлены были князь Алексѣй Михайловичь Львовъ и дьякъ Шиповъ въ Данію, къ королю Христіану съ предложеніемъ: «По милости Божіей, великій государь царь Михаилъ Ѳеодоровичь приходитъ въ лѣта мужескаго возраста, и время ему государю приспѣло сочетаться законнымъ бракомъ; а вѣдомо его царскому величеству, что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и для того великій государь его королевскому величеству любительно объявляетъ: если королевское величество захочетъ съ великимъ государемъ царемъ быть въ братствѣ, дружбѣ, любви, соединеньи и пріятельствѣ на вѣки, то его королевское величество далъ бы за великаго государя племянницу свою, которая къ тому великому дѣлу годна.» Посламъ былъ данъ наказъ: Если бу-

дутъ говорить, что королевская племянница для любви супру-
своего къ Русской вѣрѣ приступитъ, а креститься ей въ дру-
гой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣрѣ
и крещена по своему закону — отвѣчать: «королевской пле-
мянницѣ въ другой разъ не креститься никакъ нельзя, потому
что у насъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у иныхъ вѣръ
вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазываютъ; такъ
король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее
съ тѣмъ, чтобъ ей принять святое крещеніе.» Если король
или думные люди скажутъ: «какъ она будетъ за великимъ го-
сударемъ, то пусть самъ государь ее къ тому приводитъ, а
они у нея воли не отнимаютъ, или пусть послы сами говорятъ
объ этомъ съ королевскою племянницею,» — то посламъ отвѣ-
чать, что имъ самимъ говорить о томъ съ высокорожденною
королевскою племянницею непригоже, потому что ихъ дѣвиче-
ское дѣло стыдливо, и имъ съ нею говорить много для осте-
реганья ихъ высокорожденной чести непригоже. Послы должны
были промышлять, родственникамъ и ближнимъ людямъ невѣ-
сты говорить всякими мѣрами, вѣру православную хвалить и
на то невѣсту привести, чтобъ она захотѣла быть съ госуда-
ремъ одной вѣры и приняла святое крещеніе; къ людямъ, ко-
торые будутъ этимъ промышлять, быть ласковыми и пріятель-
ными, и, если надобно, то, смотря по мѣрѣ, и подарить, и
впередъ государскимъ жалованьемъ обнадеживать. Если король
спроситъ: будутъ ли его племянницѣ особые города и дохо-
ды, то отвѣчать: «если, по Божественному писанію, будутъ оба
въ плоть едину, то на что ихъ государей дѣлить? все ихъ го-
сударское будетъ общее, чего она государыня захочетъ, все
будетъ ей невозбранно, кого захочетъ, того, по совѣту и по-
велѣнью супруга своего, жаловать будетъ, и тѣмъ Датскимъ
людямъ, которые будутъ съ нею, неволи и нужды не будетъ,
а чаемъ, что съ нею будутъ немногіе люди, многимъ людямъ
быть не для чего, у великаго государя на дворѣ честныхъ и
старыхъ боярынь и дѣвицъ отеческихъ дочерей много.» — Если
король согласится на все, то просить позволенія ударить че-

ръ племянницамъ, и, пришедши къ нимъ, ударить челомъ по ... учтиво объ руку, и поминки королевѣ и дѣвицамъ под... отъ себя по сороку соболей или что пригоже, при чемъ ...трѣть дѣвицъ издалека внимательно, какова которая возра..., лицемъ, бѣлизною, глазами, волосами и во всякомъ при...мѣтѣ, и нѣтъ ли какого увѣчья, а смотрѣть издалека и ...мѣчать вѣжливо. Если королева позоветъ ихъ къ рукѣ, то ..., королеву и дѣвицъ въ руку цѣловать, а не витаться ... ними (не брать за руку), и, посмотрѣвши дѣвицъ, идти ...мъ, послѣ чего провѣдывать, которая къ великому дѣлу год..., чтобъ была здорова, собою добра, не увѣчна и въ разумѣ ...бра, и какую выберутъ, о той и договоръ съ королемъ ста..., спрашивать, сколько дадутъ за невѣстою земель и каз... Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни ...ль отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объ...ться съ ближними королевскими людьми.

Попытались еще разъ: въ Генварѣ 1623 года отправлено ...ио къ Шведскому королю Густаву Адольфу предложеніе вы...тать за царя Екатерину, сестру курфюрста Бранденбург...го Георга, шурина Густаву Адольфу. Но разность исповѣ...ній явилась непреодолимымъ препятствіемъ этому союзу, ...бо царь непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобъ Ека...рина крестилась въ православную вѣру Греческаго закона. ...уставъ Адольфъ отвѣчалъ, что ея княжеская милость для цар...ва не отступитъ отъ своей христіанской вѣры, не откажет... отъ своего душевнаго спасенія, и потому онъ, король ви...тъ, что всѣ труды по этому дѣлу будутъ напрасны.

Когда заграничныя сватовства не удались, рѣшились под...ять дѣло о прежней Русской невѣстѣ, которая жила въ Ниж...емъ въ совершенномъ здоровьѣ. Призвали доктора Валентина ...льса и лекаря Балцера, которые, по порученію кравчаго ...ихайлы Михайловича Салтыкова, пользовали царскую невѣс...у. Бальсъ и Балцеръ объявили, что у Хлоповой была пустая ...желудочная болѣзнь, которая излѣчивается очень скоро. Тогда ...зяли къ допросу Михайлу Салтыкова: на какомъ основаніи

онъ объявилъ царю Михаилу, что у Хлоповой болѣзнь не-
лѣчимая? Салтыковъ началъ вертѣться, запираться, явно б
изъ всего, что онъ солгалъ. Государи призвали на совѣтъ
мыхъ близкихъ къ себѣ людей: Ивана Никитича Роман
князя Ивана Борисовича Черкасскаго, Ѳедора Ивановича Ш
реметева, и на этомъ родственномъ совѣтѣ было рѣшено п
слать за отцемъ Марьи, Иваномъ и дядею Гаврилою Хлоп
выми, чтобъ чрезъ нихъ узнать дѣло обстоятельнѣе. Иван
Хлоповъ объявилъ, что дочь его была совершенно здорова д
тѣхъ поръ, пока привезли ее во дворецъ; здѣсь открылась у
нея рвота, которая однако скоро прекратилась, и послѣ того
во время ссылки, не возобновлялась ни разу. Спросили духов
ника, и тотъ объявилъ тоже самое. Наконецъ прiѣхалъ Гав
рила Хлоповъ и объяснилъ дѣло. Однажды государь съ своими
приближенными, въ числѣ которыхъ были и новые родствен-
ники Хлоповы, ходилъ осматривать вещи въ оружейной па-
латѣ. Между прочими поднесли царю Турецкую саблю, кото-
рую всѣ начали хвалить; одинъ только Михайла Салтыковъ
сказалъ: «вотъ невидаль? и на Москвѣ государевы мастера та-
кую саблю сдѣлаютъ,» Государь, обратясь къ Гаврилѣ Хло-
пову, подалъ ему саблю и спросилъ: «какъ онъ думаетъ: сдѣ-
лаютъ ли такую саблю въ Москвѣ?» Хлоповъ отвѣчалъ: «сдѣ-
лать-то сдѣлаютъ, только не такую.» Тогда Салтыковъ съ серд-
цемъ вырвалъ у него изъ рукъ саблю и сказалъ, что онъ не
смыслитъ дѣла, потому и говоритъ такъ; Хлоповъ съ Михай-
лою побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ раз-
говоръ, и съ тѣхъ поръ Борисъ да Михайла Салтыковы стали
его нелюбить; вотъ почему, когда Марья Хлопова занемогла,
то Салтыковъ объявилъ, что у ней болѣзнь неизлѣчимая. Го-
судари этимъ неудовольствовались, послали боярина Ѳедора
Ивановича Шереметева и Чудовскаго архимандрита Іосифа съ
медиками въ Нижній разузнать подлинно, точно ли Хлопова
здорова? Слѣдователи прислали отвѣтъ утвердительный. Нес-
частная дѣвушка на вопросъ Шереметева: отъ чего она за-
немогла? отвѣчала, что болѣзнь приключилась ей отъ супо-

[illegible]ть; отецъ ея Иванъ утверждалъ, что ее отравили Салтыковы, давъ ей для аппетита какой-то водки изъ аптеки; но всѣхъ умнѣе говорилъ дядя Гаврила Хлоповъ, что его племянница занемогла отъ неумѣреннаго употребленія сладкихъ блюдъ. Какъ бы то ни было однако, продѣлка Салтыковыхъ была явна: ихъ разослали по деревнямъ, мать заключили въ монастырь, помѣстья и вотчины отобрали въ казну за то, что они «государской радости и женитьбѣ учинили помѣшку. Вы это сдѣлали измѣною (говорится въ указѣ объ ихъ ссылкѣ), забывъ государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; а государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честью и приближеньемъ больше всѣхъ братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевымъ здоровьемъ, только и дѣлали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ, при государской милости, кромѣ себя никого не видѣть, а доброхотства и службы къ государю не показали.» Паденіе Салтыковыхъ не возвратило однако Хлопову во дворецъ; царь объявилъ, что хотя она и здорова, но онъ все же на ней не женится: говорятъ, будто мать царская, которой Салтыковы доводились племянниками, объявила, что ни зачто не согласится на этотъ бракъ. Хлопову по прежнему оставили въ Нижнемъ, только кормъ велѣли давать передъ прежнимъ вдвое. Отказавши Хлоповой, царь женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой; но молодая царица въ тотъ же годъ умерла: лѣтопись утверждаетъ, что она была испорчена; на слѣдующій годъ царь женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, дочери незначительнаго дворянина. Дѣло Хлоповой всего лучше показываетъ, что дѣлалось безъ Филарета во дворцѣ, и кто были люди, осыпанные царскими милостями и не хотѣвшіе никого другаго видѣть у царя въ приближеніи.

Что касается до внѣшнихъ сношеній, которыми долженъ былъ заняться Филаретъ Никитичъ по возвращеніи изъ плѣна, то прежде всего надобно было задарить Крымскаго хана, хотя

сдѣлать это было очень трудно по истощенію казны пос[ле] войны Польской. Московскій посланникъ Амвросій Лоды[жен]скій писалъ государю: «Велѣлъ я толмачамъ провѣдывать[у] Татаръ, Жидовъ и Бусурманъ, которые къ царю ходятъ [на] дворъ, а у меня прикормлены: что царь говорилъ съ ближ[ни]ми людьми, когда прочелъ твою государеву грамоту, и по[й]детъ ли царь или калга въ Литву? Татары, Жиды и Бусу[р]маны толмачамъ сказывали, что царь, прочтя грамоту, гово[]рилъ: поминки государь Московскій отложилъ до зимы, съ ко[]ролемъ помирился, а ко мнѣ о томъ не пишетъ, онъ насъ об[]манываетъ, для того и поминки отложилъ до зимы, что нам[ъ] зимою къ Москвѣ нельзя воевать идти. И если онъ теперь лѣ[]томъ поминковъ не дастъ, то зимою и подавно ничего не[] дастъ; а отдохнувши, станетъ стоять на насъ, сложась съ ко[]ролемъ. И приговорилъ царь послать калгу къ Москвѣ вой[]ною, а сказать, что идетъ калга въ Литву черезъ Москов[]ское государство. — И я, продолжаетъ Ладыженскій, свѣдавъ, что царь хочетъ калгу послать въ Московское государство, говорилъ ближнимъ людямъ, что великій государь посланника по синему льду съ поминками пришлетъ и, высвободя отца своего и бояръ, съ королемъ велитъ опять войну начать; поминки государь отложилъ до осени потому, что собрать было нельзя: Москва была въ осадѣ, да и за Москвою Польскіе и Литовскіе люди во многихъ мѣстахъ и многіе города разорили и запустошили, откуда государева казна собиралась, и проѣзду ко мнѣ посланнику во всю зиму не было, а посадскіе и пашенные тяглые люди многіе стали въ стрѣльцы и въ козаки, сами жалованья просятъ. Но ближніе люди говорили: «можно было государю и въ одной Москвѣ поминки собрать: Татары, которые были въ Москвѣ, сказываютъ, что нынче тамъ люди богаче прежняго, и если калга пойдетъ самъ подъ Москву, то государь скорѣе поминки дастъ.» И отговорить у царя походу, чтобъ ему не посылать калги въ твою государеву землю, я никакъ не умѣлъ. Ибрагимъ паша мнѣ говорилъ: «если государь нынче лѣтомъ поминки и деньги пришлетъ, то я царя

...у, къ Москвѣ царь и калга не пойдутъ, а пойдутъ въ ...у; если же государь теперь поминковъ не пришлетъ, то ... царя не удержать; царю за смертную досаду стало, что ...ударь съ королемъ помирился и поминки отложилъ до зимы, ...у я теперь его удержалъ.» — Получивъ такое донесеніе ... своего посланника, государь приказалъ: «Деньги въ Крым...ю казну сбирать и казенные расходы давать изо всѣхъ при...въ, чтобъ низачѣмъ не стало, и отпустить гонцовъ по...ѣе, дня въ два или много въ три.» И послѣ характеръ ...ошеній къ Крыму не измѣнился: ханъ, за недосылку по...ковъ, позволялъ себѣ чинить Московскимъ посламъ без...тье, тѣсноту и мученье, вымогать у пословъ записи въ ...екѣ денегъ угрозами, что всѣхъ ихъ людей велитъ про...ь за море; но посламъ этимъ изъ Москвы присылали на...: «говорить гладко и пословно, а не торопко, и гдѣ на...ю жестоко молвить, то покрыть гладостью, чтобъ въ раз...ъ не войдти.»

...ужно было уладить и отношенія къ Нагаямъ, которые въ ...ое время отстали отъ Москвы, перенесли свои кочевья ... Нагайской стороны на Крымскую и воевали Московскіе ...нскіе города. Воевода князь Алексѣй Михайловичь Львовъ ...къ Иванъ Грязевъ, отправленные въ Астрахань еще въ ...16 году, дѣйствовали удачно, Нагайскихъ мурзъ и всѣхъ ...усныхъ людей привели подъ царскую руку въ прямое хо...ство, перевели ихъ опять съ Крымской стороны на Нагай...ую, взяли въ заложники въ Астрахань мурзъ, ихъ братьевъ, ...тей и лучшихъ улусныхъ людей; изъ дальняго кочевья, изъ ...дъ Хивы и Бухары перезвали въ Астрахань Аблу-мурзу съ ...тьями и племянниками, а съ ними улусныхъ людей тысячь ... пятнадцати, укрѣпили ихъ шертью и велѣли кочевать съ ...страханскими мурзами и Юртовскими Татарами; наконецъ ...вовъ и Грязевъ успѣли выручить у Нагаевъ русскаго по...ну тысячь съ пятнадцать человѣкъ. Съ Швеціею сначала шли ...гіе споры о проведеніи границъ. Между Московскимъ го...ударствомъ и областями, уступленными Швеція существовала

твердая связь-единовѣріе, и правительство Московское ст
лось поддержать ее: въ 1619 году преемникъ Исидора,
городскій митрополитъ Макарій, по царскому указу, разос
по этимъ волостямъ грамоты, которыхъ образецъ писанъ
въ Москвѣ; въ грамотахъ говорилось: «такъ какъ вы пр
были чада церковныя и служители Христовой вѣры, то
хочу васъ отвергать, но болѣе хочу присоединять; хот
теперь подъ державою другаго владѣтеля, однако не до
вамъ отлучаться духовнаго порожденія. Поэтому напо
вамъ, какъ прежде вы были чада нашей паствы и сыны
ви, такъ и теперь, ни въ чемъ не отступая отъ нашего
гословенія, крѣпко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, не б
те ничѣмъ преткновенны, не умаляя нисколько прежнихъ
даній, держитесь святой апостольской вѣры, отъ отцовъ
преданной; а по повелѣнію великаго государя нашего пр
и отъѣздъ вамъ въ Великій Новгородъ по духовнымъ дѣ
будетъ вольный.» Шведы смотрѣли подозрительно на п
писку Новгородскаго митрополита съ Русскимъ духовенств
въ уступленныхъ имъ волостяхъ, и потому требовали, чт
митрополитъ о духовныхъ дѣлахъ переписывался съ Ш
скими правителями, а не прямо съ русскими священни
Новгородскій воевода донесъ объ этомъ требованіи госуд
и тотъ отвѣчалъ: «по нашему указу, Новгородскому митро
литу Макарію велѣно о попахъ писать и дѣлать по указ
грамотѣ отца нашего, великаго государя святѣйшаго Фила
Никитича; а если о чемъ-нибудь по этому указу случится
сать къ Шведскому маршалку, то къ маршалку писать те
боярину нашему, по совѣту съ митрополитомъ; а митропол
съ маршалкомъ не ссылаться, потому что онъ человѣкъ д
ховный и чину великаго, ему съ иноземцами ссылаться
пригоже.» Впрочемъ Шведы болѣе всего опасались, что
Новгородскій митрополитъ вовсе не прервалъ духовныхъ с
щеній съ православнымъ народонаселеніемъ уступленныхъ о
ластей, что заставило бы послѣднее бѣжать толпами въ Ру
скіе предѣлы: вотъ почему Шведское правительство усерд

[illegible]галось у Московскаго, чтобъ Новгородскій митрополитъ [illegible]далъ священниковъ и освящалъ церкви въ Кореле и другихъ уступленныхъ волостяхъ. Не смотря однако на это, русское духовенство плохо уживалось съ Лютеранами, монахи и священники перебѣгали въ Новгородъ; Шведскіе державцы, въ силу договора, требовали ихъ выдачи; царь писалъ по этому случаю къ Новгородскому воеводѣ: «вы бы тѣхъ черныхъ и [illegible]скихъ поповъ и чернецовъ, которые теперь въ нашей сторонѣ живутъ, да и тѣхъ поповъ и чернецовъ, которые впередъ съ Шведской стороны перебѣгутъ и въ нашей сторонѣ объявятся, безъ нашего указа въ Шведскую сторону не отдавали; а если Шведскіе державцы станутъ къ тебѣ писать и ихъ просить, то отвѣчай, что ихъ до сихъ поръ въ нашей сторонѣ не отыскали, а какъ отыщутъ, то дадутъ имъ знать; а отпиши, чтобъ они нашимъ людямъ въ вѣрѣ тѣсноты не чинили и не гнали, а станутъ въ вѣрѣ тѣснить и гоненье чинить, то имъ по неволѣ будетъ бѣгать.» При этомъ царь приказывалъ воеводѣ не держать бѣглецовъ въ порубежныхъ мѣстахъ, но отсылать ихъ во внутреннія области или въ Москву. Любопытна также царская грамота къ Новгородскому воеводѣ о перебѣжчикахъ не изъ духовенства: «Вы бы съ державцами Шведскихъ городовъ ссылались и размѣнъ перебѣжчикамъ дѣлали смотря по ихъ ссылкѣ и отдачѣ, потому что съ нашей стороны въ Шведскую сторону перебѣжчиковъ дано много, а съ ихъ стороны въ нашу сторону мало, многіе не отданы, и держатъ ихъ, мимо мирнаго договора, неволею. А которые люди объявились по вашему сыску въ нашей сторонѣ, а въ Шведскихъ росписяхъ именъ ихъ нѣтъ, то вы этихъ людей сажайте за нами въ дворцовыхъ селахъ, въ волостяхъ, которыя отъ рубежей подальше, подмогу имъ и льготу давайте какъ пригоже, смотря по нихъ и по пашнѣ, а близь рубежей жить имъ не велѣть для того, чтобъ про нихъ въ Шведскихъ городахъ не вѣдали и къ вамъ не писали; сажайте ихъ за нами волею и къ нашей милости пріучайте лаской, подмогою и льготою, чтобъ имъ за нами на пашняхъ са-

диться было охотно: а если ихъ сажать въ неволю, ... станутъ бѣгать назадъ и сказывать въ Шведскихъ го... про другихъ своихъ товарищей, пойдетъ ссора и ута... ребѣжчиковъ будетъ уже нельзя.» Надобно было распор... также относительно Русскихъ людей, которые для т... пріѣзжали изъ уступленныхъ Швеціи городовъ въ Нов... На этотъ счетъ воевода Новгородскій получилъ так... скую грамоту: «Писали вы къ намъ, что пріѣзжаютъ в... кій Новгородъ съ Шведской стороны для торгу Русск... и бьютъ челомъ, чтобъ позволять имъ ходить въ Ка... городъ къ соборной церкви св. Софіи и къ Новгор... чудотворцамъ молиться, а у васъ о томъ нашего указ... Такъ вы бы про тѣхъ людей велѣли развѣдывать, не ... нулись ли они въ вѣрѣ, не присталиля къ Лютерско... если они въ православной вѣрѣ тверды, то вы бъ велѣли ихъ пускать къ церквамъ, которыя на посадѣ, а въ Каменный го родъ, въ Соборную церковь ихъ не пускать; если же про ко торыхъ развѣдаете, что они въ православной вѣрѣ пошатнулись, такихъ и на посадѣ къ церквамъ не пускайте, пуще всего берегитесь, чтобъ нашей православной христіянской вѣрѣ поруганья не было.» Позволено было Русскимъ людямъ ѣздить на обѣ стороны для свиданія съ родственниками: «только смотрѣть, чтобъ Русскіе люди для лазутчества въ Новгородъ не пріѣзжали.» На счетъ Шведовъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ учиться Русской грамотѣ, воеводѣ было наказано: «Такихъ принимать и велѣть ихъ учить Русской грамотѣ на посадѣ церковнымъ дьячкамъ; а въ церковь некрещенныхъ Нѣмцевъ не пускать, о чемъ дьячкамъ приказывать накрѣпко; а кто изъ Нѣмцевъ захочетъ креститься въ нашу православную вѣру, такихъ крестить, а какъ крестятъ, то ихъ во свою землю не отпускать, (и сказать имъ еще до крещенья, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ), присылать ихъ къ намъ въ Москву, или велѣть имъ быть въ Новгородѣ, кто къ кому пойдетъ по своей волѣ; а по тѣхъ людяхъ, которые крещенныхъ Нѣмцевъ станутъ къ себѣ принимать, брать поруки съ

записями. А которые Нѣмцы теперь учатся въ Новгородѣ, и захотятъ ѣхать въ свою землю, такихъ отпускать съ прежними грамотами; принимать иноземцевъ грамотѣ учить такихъ только, которыхъ привезутъ отцы, братья и дядья, а не такихъ, которые сбѣжатъ бѣгомъ.»

Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли подавать повода къ разрыву: Москва хотѣла успокоиться, собрать хотя сколько нибудь свои силы, и то не для войны со Швецію; Густавъ Адольфъ, занятый на западѣ, желалъ искренно мира съ Москвою, желалъ союза съ царемъ противъ Польши. Запорожье волновалось, и Густавъ Адольфъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, прислалъ въ Москву великихъ пословъ Бремена и Горна съ просьбою, чтобъ царское величество послалъ къ запорожскимъ козакамъ свое повелѣнье и отвелъ бы ихъ отъ Польской короны. Бояре отвѣчали, что этого сдѣлать невозможно, ибо Черкасы запорожскіе люди Польскаго короля, а между Московскимъ государствомъ и Польшею заключено перемиріе. Въ 1626 году пріѣхали Шведскіе послы дворянинъ Юрій Бенгартъ, а другой, къ изумленію Московскаго двора, назывался: Александръ Любимъ Дементьевичъ Рубецъ или Рубцовъ, и по дорогѣ ходилъ въ Русскую церковь. Царь послалъ спросить у пристава: какимъ языкомъ говоритъ посолъ, въ постные дни ѣстъ ли рыбу, по какому указу приставъ пускалъ его въ церковь, какъ онъ въ церкви стоитъ и молится и въ какомъ платьѣ ходитъ? Рубцовъ отвѣчалъ, что онъ русскій человѣкъ, пострадалъ за православную вѣру отъ короля Сигизмунда, сидѣлъ въ Маріенбургѣ въ плѣну 11 лѣтъ и освобожденъ былъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. Не смотря на то приставъ въ селѣ Черкизовѣ не пустилъ Рубцова въ церковь, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, то приставы говорили ему отъ имени думнаго дьяка Грамотина: «Вѣдомо, что ты былъ человѣкъ Московскаго государства и вѣры христіянской греческой, а послѣ того былъ въ заточеніи у Литовскаго короля въ Малборкѣ: и ты, будучи въ Малборкѣ, православную нашу вѣру держалъ ли? и въ Римскую и въ иныя вѣры не отступилъ ли, и какъ нынѣ пра-

вославную вѣру держишь?» Послѣ удовлетворительнаго отвѣта, послу позволили ходить въ церковь; потомъ онъ билъ челомъ, чтобъ позволили ему видѣть образъ Пречистой Богородицы, обѣдню слушать въ соборной церкви, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича очи видѣть и благословеніе принять; билъ челомъ, что онъ былъ въ Малборкѣ въ заточеніи за христіанскую вѣру и отца духовнаго у него не было долгое время: такъ бы святѣйшій патріархъ пожаловалъ, велѣлъ дать ему запасные дары: гдѣ ему случиться въ дорогѣ или при смерти, и ему бы тѣмъ причаститься, а святѣйшій патріархъ его зналъ въ Малборкѣ. Ему позволили быть въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ видѣлся и съ патріархомъ.

Рубцовъ собственно пріѣхалъ посломъ не къ Московскому двору, а съ цѣлію отправиться чрезъ Московскія области въ Бѣлую Русь и въ Запорожье. Въ грамотѣ своей король увѣдомлялъ царя о своихъ успѣхахъ въ Прусской землѣ противъ Сигизмунда Польскаго и прибавлялъ: «Если ваше царское величество захотите поотомстить за великую неправду, которую Польскіе люди вашей землѣ и подданнымъ сдѣлали, то ваше царское величество никогда не выберете времени удобнѣйшаго, потому что теперь Татары вошли въ Польскую землю съ одной стороны, а мы съ другой, думаемъ, что и съ третьей стороны войдетъ въ Литовскую землю нѣкоторый великій государь: это мы вашему царскому величеству дружелюбно объявляемъ ради той дружбы, которую оба наши величества между собою имѣемъ.» Бояре отвѣчали: «Что король Густавъ Адольфъ города у недруга своего побралъ, тому великій государь порадовался, и всегда радъ слышать, чтобъ государю вашему недруга своего Польскаго короля до конца побѣдить и землями его завладѣть. Король посылаетъ Александра Рубцова въ Бѣлую Русь и въ Запорожье: въ Столбовскомъ договорѣ сказано, что вольно Шведскимъ посламъ чрезъ Московскую землю ходить въ Персію, Турцію, Крымъ, въ иныя страны и восточныя земли, которыя съ его царскимъ величествомъ не въ явной недружбѣ, а про Бѣлую Русь и Запорожье въ договорныхъ

записяхъ ничего не написано; Александра пропустить невозможно, потому что между Россійскимъ государствомъ и Польшею заключено перемирье. Добрый совѣтъ отомстить королю Сигизмунду великій государь принимаетъ въ любовь, мыслить о томъ будетъ, только теперь въ перемирныя лѣта сдѣлать этого нельзя, это будетъ крестному цѣлованью преступленье и на душу грѣхъ; а если хотя и малая неправда объявится отъ Польскаго короля и до урочныхъ лѣтъ, то великій государь на Польскаго короля идти готовъ и съ Густавомъ Адольфомъ королемъ напередъ объ этомъ обошлется.» Съ этимъ послы и отправились назадъ. Патріархъ Филаретъ разослалъ грамоты къ архіереямъ Тверскому и Новгородскому, чтобъ они велѣли въ своихъ епархіяхъ пускать Рубцова въ церкви, ибо онъ страдалъ въ Малборкѣ за православную вѣру, приговоренъ былъ къ казни, и онъ патріархъ его терпѣнье видѣлъ.

Принявши участіе въ великой борьбѣ за протестантизмъ противъ Габсбургскаго дома, Густавъ Адольфъ въ началѣ 1629 года прислалъ въ Москву пословъ своихъ Монира и Бенгарта съ объявленіемъ, что въ прошломъ году Богъ помогъ ему противъ Польскаго короля, можно было ему съ своимъ войскомъ черезъ всю Польшу пройти безпрепятственно, еслибъ не помѣшка была отъ Римскаго цесаря и папежскаго заговора, потому что они съ своею великою силою близко пришли и осадили сильный торговый городъ Штральзундъ, который стоитъ на Варяжскомъ морѣ.» Королевское величество, для обереганья себя и своего великаго государства, также многихъ сосѣдей и единовѣрцевъ, съ большимъ войскомъ пошелъ къ этому городу на помощь и выручку, въ чемъ и успѣлъ. Вашему царскому величеству подлинно извѣстно, что цесарь Римскій и папежане привели подъ себя большую часть евангельскихъ князей въ Нѣмецкой землѣ и взяли лучшія морскія устья въ Датской землѣ, Мекленбургѣ и въ Поморской землѣ. Тутъ они теперь съ великимъ радѣньемъ готовятся, чтобы къ будущему лѣту великосильное корабельное собраніе собрать въ Варяжскомъ морѣ, и этимъ не только торговлѣ помѣшать, но и пограничныя госу-

дарства Шведское, Прусское и Датское подвести подъ себя и подъ папежскую работу. Его королевское величество напоминаетъ, чтобъ ваше царское величество заранѣе подумали, какая великая опасность вамъ и государствамъ вашимъ надъ головою виситъ: если только цесарь съ папежскими заговорщиками одолѣютъ Шведскую землю, то станутъ искать погибели Русскихъ людей и искорененія старой Греческой вѣры; такъ надобно объ этомъ заранѣе подумать. Надобно думать, что ваше царское величество до урочныхъ перемирныхъ лѣтъ съ Польскимъ королемъ войны не начнете; а надобно было бы бѣднымъ и утѣсненнымъ людямъ въ Нѣмецкой и Датской землѣ помочь! Королевское величество хочетъ со всею своею силою промышлять; но такому великому войску многіе запасы надобны, а хлѣбъ въ Шведской землѣ отъ большихъ дождей не родился: такъ проситъ король позволенія купить въ вашихъ земляхъ и вывезть въ его войско 50,000 ржи и другихъ съѣстныхъ припасовъ; а если ваше царское величество захотите помочь мірскому дѣлу деньгами или хлѣбомъ, то всемогущій Богъ ваше царство свыше иныхъ земель одаритъ. Папа, цесарь Римскій и весь домъ Австрійскій только того ищутъ, какъ бы имъ быть обладателями всей вселенной и теперь они къ тому очень близки; а когда мы видимъ, что сосѣдній дворъ горитъ, то намъ надобно воду носить и помогать гасить, чтобъ свое соблюсти; пора уже вашему царскому величеству подумать, чѣмъ сосѣдямъ помочь и какъ свое уберечь.»

Бояре отвѣчали: «Великій государь нашъ крѣпко о томъ мыслитъ и хочетъ Польскому королю противъ его неправдъ месть воздавать, государю вашему и другимъ христіянскимъ государствамъ евангелицкой вѣры помогать всякими мѣрами, чтобъ кесарева и папежниковъ злаго умысла до себя не допустить и вамъ всѣмъ помочь. Великій государь за неправды Польскаго короля и нарушенье мирнаго договора не хочетъ ждать истеченія перемирныхъ лѣтъ, хочетъ надъ нимъ промышлять и государю вашему помогать. Пусть только король вашъ напишетъ, сколько ему надобно съѣстныхъ припасовъ и великій государь

велитъ покупать ихъ безпошлинно въ который годъ хлѣбъ уродится; государь велѣлъ подданнымъ своимъ съ подданными вашего государя торговать повольною торговлею, всякими товарами безъ всякой пошлины.» Когда переговоры о государственныхъ дѣлахъ были кончены, то послы подали жалобы Шведскихъ купцовъ: въ Новгородской таможнѣ имъ прямаго разчета не дѣлаютъ, только говорятъ имъ: «Положите деньги, мы сочтемъ». А когда Шведы по своему счету смѣтятъ, то и окажется, что на нихъ много лишняго взято. Шведамъ нельзя ходить по улицамъ, потому что имъ кричатъ, называютъ ихъ салакушниками и куриными ворами и другими разными позорными словами. Изъ Нарвы, Ижоры, Орѣшка и другихъ порубежныхъ мѣстъ нельзя проѣзжать извощикамъ въ Русскіе города, потому что берутъ съ нихъ большое мыто. Шведамъ не позволяютъ въ Русскихъ городахъ учиться по русски. Стрѣльцы, стоящіе у воротъ, не пропускаютъ Русскихъ купцовъ къ Шведскимъ на Шведскій гостиный дворъ.

Въ началѣ 1630 года тотъ же Мониръ пріѣхалъ въ другой разъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Густавъ-Адольфъ заключилъ перемиріе съ Польскимъ королемъ, дабы тѣмъ удобнѣе обратить всѣ свои силы на цесаря, и съ просьбою позволить купить въ Россіи безпошлинно хлѣба, крупъ, смолы и селитры. Царь велѣлъ отвѣчать, что онъ не сердится на короля за перемиріе съ Польшею, потому что оно было заключено по нуждѣ; повторяетъ, что съ своей стороны не будетъ дожидаться истеченія перемирнаго срока и пойдетъ мстить Польскому королю его неправды, только проситъ Густава-Адольфа, чтобъ это дѣло содержалось въ тайнѣ. Что же касается до просьбы королевской, то хотя бы и не довелось позволить купить вдругъ столько хлѣба, потому что въ Московскомъ государствѣ въ нынѣшнемъ году хлѣбу недородъ: но для дружбы и любви государь позволилъ купить 75,000 четвертей ржи и 4,000 четвертей проса безпошлинно.» И государь бы вашъ съ царскимъ величествомъ за такую великую дружбу былъ въ дружбѣ и

любви и совѣтѣ добромъ. Позволено было также безпошлинно купить 200 бочекъ смолы, равно какъ и селитры, гдѣ сыщутъ.»

И въ слѣдующемъ 1631 году дано было позволеніе купить на короля хлѣба 50,000 четвертей. Въ этомъ году впервые явился при Московскомъ дворѣ Шведскій агентъ Яганъ Меллеръ; объясняя значеніе агента, король писалъ царю, что Меллеръ будетъ исправлять всѣ дѣла легче и съ меньшими издержками, что такія лица и при иныхъ великихъ короляхъ и государяхъ живутъ. Меллеръ долженъ былъ объявить боярамъ о разныхъ слухахъ насчетъ замысловъ Польши и вообще католическихъ державъ противъ Московскаго государства; между прочимъ агентъ объявилъ: въ Смоленскѣ Русскіе люди говорятъ: «только Польскій войну поведетъ, то боярскіе холопи мало не всѣ передадутся на Польскую сторону, рады будутъ вольности». Агентъ объявилъ и слова короля своего: «Еслибъ царскому величеству можно было ко мнѣ въ сердце заглянуть, то онъ бы увидалъ, какъ я ему доброхотаю;» объявилъ, что король его, въ случаѣ войны царя съ Польшею, уступитъ ему собственные два полка съ добрыми начальниками. Въ тоже самое время Шведы, стращая Московскій дворъ опасными замыслами короля Сигизмунда и императора Фердинанда, увѣряя, что Густавъ-Адольфъ съ своимъ войскомъ передняя стѣна Московскаго государства, передовой полкъ, бьющійся въ Германіи за Русское царство, убѣдили царя пропустить двоихъ Шведскихъ посланцевъ къ Запорожцамъ для склоненія ихъ къ возстанію противъ Польши. Посланцы эти получили наказъ: объявить козакамъ доброе расположеніе къ нимъ Шведскаго короля, расположеніе, основанное на борьбѣ противъ общихъ недруговъ, на гоненіи, которое люди Греческой вѣры терпятъ одинаково съ Евангеликами отъ іезуитовъ; объявить, что король хочетъ жаловать ихъ своимъ жалованьемъ, наслышавшись объ ихъ ратныхъ дѣлахъ; считая ихъ друзьями вѣры и вольности, король потому самому считаетъ ихъ врагами папы, прямаго антихриста, и короля Испанскаго, который хочетъ отнять вольность у всѣхъ народовъ. Посланцы должны были объявить козакамъ, что Гу-

ставъ-Адольфъ будетъ давать имъ жалованья гораздо больше, чѣмъ даетъ король Польскій, не требуя ничего кромѣ преданности къ себѣ, и пусть для окончательныхъ переговоровъ пошлютъ они уполномоченныхъ своихъ въ Ливонію. Наконецъ посланцы должны были закинуть мысль о двухъ услугахъ, которыхъ ждетъ Густавъ-Адольфъ отъ козаковъ, а именно: помочь ему при избраніи въ короли Польскіе, и выслать войско въ Австрійскія земли.

Въ Августѣ 1631 года, по указу великихъ государей, въ посольскомъ приказѣ распрашивали Путивльца, Григорія Гладкаго, можно ли ему изъ Путивля провести къ Запорожскому войску двоихъ Нѣмцевъ, посланныхъ изъ Швеціи съ грамотами къ Запорожцамъ и куда ему ихъ провести—въ Кіевъ ли, или иной какой-нибудь городъ Черкасскій? Гладкій отвѣчалъ, что Запорожскіе козаки живутъ въ разныхъ городахъ, а когда имъ службу скажутъ, то они собираются гдѣ приговорятъ, а больше всего собираются въ Масловѣ Ставу, отъ Кіева верстъ съ полтораста, а мѣсто это Масловъ Ставъ—пустое. Если государи прикажутъ ему ѣхать съ этими Нѣмцами къ Черкасамъ, то онъ ѣхать готовъ; если спросятъ у него на дорогѣ, что̀ за люди и куда ѣдутъ? то онъ будетъ говорить, что ѣдутъ къ гетману Запорожскому, а зачѣмъ — того онъ не знаетъ, нанялся онъ у нихъ везти телѣгу съ запасомъ. И приведетъ онъ Нѣмцевъ въ слободы Вишневецкаго, гдѣ живутъ Запорожскіе козаки, и какъ Нѣмцы скажутся, что ѣдутъ къ гетману, то козаки сами проводятъ ихъ къ гетману, Тимохѣ Арендаренкѣ, который живетъ въ Коневѣ, или проводятъ до Кіева. Но государи велѣли сказать Гладкому, чтобъ онъ порадѣлъ, провелъ Нѣмцевъ въ Кіевъ, къ епископу Исакію Луцкому, да къ Порфирію и Андрею Борецкимъ, братьямъ митрополита Іова, а они бы тамъ промыслили, какъ къ Запорожскому войску отпустить, у гетмана же Тимохи и у козаковъ, которые служатъ королю, имъ не быть. Гладкій отправился съ Нѣмцами, и въ Октябрѣ возвратился въ Москву съ вѣстію, что онъ въ Кіевѣ не засталъ ни епископа Исакія, ни Борецкихъ, и Нѣмцы на-

няли монастырскаго служку, чтобъ довезъ ихъ Днѣпромъ до новаго гетмана Ивана Петрижицкаго — Кулаги, потому что стараго Арендаренка козаки перемѣнили. Недѣлю спустя пріѣхалъ Андрей Борецкій; Гладкій отдалъ ему государеву грамоту и про прежнія грамоты распрашивалъ; Борецкій государеву грамоту взялъ и хотѣлъ ее къ Запорожцамъ отвезти самъ, о прежнихъ же грамотахъ сказалъ, что Луцкій епископъ Исакій на погребеніи митрополита Іова Борецкаго обѣ грамоты, и государеву, и Кирилла патріарха Константинопольскаго, отдалъ архимандриту Печерскаго монастыря, Петру Могилѣ; но Петръ до сихъ поръ этихъ грамотъ Запорожскимъ козакамъ не отдалъ, и когда онъ, Борецкій, объ нихъ ему напомнилъ, то Петръ отвѣчалъ: «Достоинъ ты съ этими грамотами кола», послѣ чего онъ Борецкій уже больше говорить объ нихъ не смѣлъ. Скоро пришло извѣстіе въ Москву, что гетманъ Кулага засадилъ Шведскихъ посланцевъ подъ стражу и далъ объ нихъ знать гетману Конецпольскому.

Но, вступая въ тѣсныя сношенія съ Швеціею, надобно было покончить съ Англіею, которая считала себя въ правѣ на благодарность Московскаго правительства, именно за возможность тѣсныхъ сношеній съ Швеціею. Столбовскимъ миромъ затруднительныя обстоятельства Московскаго государства еще не кончились, ибо во время его заключенія грозная туча собиралась надъ Москвою со стороны Польши. Въ Іюлѣ 1617 года отправлены были въ Англію дворянинъ Степанъ Волынскій и дьякъ Маркъ Поздѣевъ съ благодарностію за примиреніе съ Швеціею и съ просьбою о помощи противъ Польши: послы должны были просить, чтобъ Якубъ король послалъ къ Датскому, Шведскому королямъ и Нидерландскимъ владѣтелямъ, съ просьбою стоять за одно съ Москвою противъ Польши, такъ какъ самому Якубу королю свою рать посылать на Польшу не пригоже за дальностію. А Датскому, Шведскому и Нидерландскимъ владѣтелямъ есть за что на Польскаго короля стоять: подъ Шведскимъ королемъ онъ доступаетъ Шведскаго королевства; Датскому королю въ свойствѣ курфюрстъ Бран-

денбургскій и Вильгельмъ князь Курляндскій, а Польскій король Прусскую землю всю у Бранденбургскаго князя хочетъ подъ себя взять, и Вильгельма изъ Курляндской земли выгнать; на Голландскихъ владѣтелей ссылается съ папою Римскимъ, также всякое зло хочетъ надъ ними, надъ ихъ и надъ вашею Англійскою вѣрою дѣлать, а про государя вашего Польскій король непригожія слова говоритъ.» Послы должны были настаивать, чтобъ Англійскій король непремѣнно помогъ великому государю казною, просить казны тысячь на 200 и на 100, по самой послѣдней мѣрѣ на 80 и 70,000 рублей, а меньше 40,000 не брать. Если будутъ требовать у пословъ крестнаго цѣлованія въ томъ, что царь отдастъ деньги королю, то не соглашаться на закрѣпленіе, отзываясь неимѣніемъ наказа, а просить, чтобъ король слалъ своихъ пословъ въ Москву; указывать, что царь Θеодоръ послалъ большую казну императору, а никакого письма и укрѣпленія между ними не было. По самой конечной мѣрѣ послы должны были дать письмо, и требовать помощи денежною казною, ефимками и золотыми, чтобъ ратнымъ людямъ можно было давать вскорѣ. Наконецъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, всякими мѣрами, чтобъ велѣно было ребятъ, отданныхъ при Годуновѣ въ ученье, сыскать и отдать; а какъ ихъ отдадутъ, взять къ себѣ и держать съ великимъ береженьемъ, тѣсноты и нужды ни въ чемъ недѣлать, ихъ этимъ не отогнать, во всемъ ихъ тѣшить.

Въ слѣдствіе этого посольства, въ 1619 году пріѣхалъ въ Архангельскъ Англійскій посолъ Дюдлей Диксъ съ деньгами, но, узнавъ, какъ видно, объ осадѣ Москвы Поляками, возвратился изъ Холмогоръ, сдавши дѣла дворянину Финчу и купеческому агенту Фабину Смиту, которые и отправились въ Москву. Царь сначала не принялъ ихъ какъ пословъ, потому что въ вѣрющей королевской грамотѣ они не были названы, но потомъ принялъ; деньги, 20,000 рублей были у нихъ взяты на время, съ обѣщаніемъ отдать назадъ. Когда война съ Польшею была окончена, въ Іюлѣ 1620 года пріѣхалъ въ

Москву Мерикъ и былъ принятъ царемъ и патріархомъ: патріархъ сидѣлъ подлѣ царя по правую сторону, бархатное мѣсто его было сдвинуто съ государевымъ мѣстомъ, но образъ надъ партіархомъ былъ особенный съ застѣнкомъ; по правую сторону патріарха на окнѣ стоялъ крестъ на золотой мисѣ; митрополиты, архіепископы и епископы сидѣли отъ патріарха по правую сторону, а бояре, окольничіе и дворяне большіе сидѣли по прежнему отъ государя по лѣвую сторону въ золотыхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ; по правую сторону на окольничьемъ мѣстѣ, поотодвинувшись отъ духовенства немного, сидѣлъ окольничій Никита Васильевичь Годуновъ, да казначей Траханіотовъ, потому что Годуновъ встрѣчалъ и являлъ посла, а Траханіотовъ являлъ поминки. Годуновъ, являя посла, обращался къ обоимъ великимъ государямъ, но руку цѣловалъ посолъ только у одного царя. Посолъ говорилъ рѣчи и царю и патріарху; когда патріархъ, выслушавъ рѣчь, всталъ, поклонился по обычаю и спросилъ про королевское здоровье, то царь въ это время для отца своего всталъ же, грамоты посолъ подалъ двѣ— царю и патріарху. Мерикъ говорилъ царю и цатріарху особо, (называя царя кесарскимъ величествомъ), что король обрадовался заключенію мира съ Польшею и освобожденію Филарета; потомъ подалъ поминки двойные—царю и патріарху, царю: солонку хрустальную, обложенную золотомъ съ дорогими каменьями и жемчугомъ, инорога серебрянаго вызолоченаго, льва серебрянаго вызолоченаго, птицу струса (страуса) серебряную вызолоченую, пять кубковъ серебряныхъ вызолоченыхъ, двѣ фляги серебряныя вызолоченыя, лахань да рукомойникъ серебряные вызолоченые, сосудъ каменный, покрышка и подонникъ у него золотые, разныя шелковыя матеріи и сукна, два попугая индѣйскихъ, звѣря индѣйскаго антилоѳа; патріарху: сосудъ хрустальный, обложенный вызолоченнымъ серебромъ, четыре кубка съ вызолоченными покрышками, рукомойникъ да лахань серебряные вызолоченные, бархатъ, атласъ, кресла, обитыя бархатомъ вишневымъ, шитыя золотомъ канителью.

При переговорахъ съ боярами Мерикъ объявилъ, что Дюд-

лей Диксъ привезъ государю на вспоможенье 100,000 рублей, но что Финчь и Смитъ всѣхъ этихъ денегъ не отдали, а дали только малую долю—40,000 ефимковъ или 20,000 рублей; король посылая деньги, не велѣлъ просить никакого заклада, велѣлъ только говорить о письмѣ за царскою печатью для укрѣпленья. Потомъ Мерикъ жаловался, что Англійскіе купцы потерпѣли большіе убытки (именно на 144,000 рублей), отъ смутнаго времени, отъ грабежа, и отъ того, что обѣднѣвшій народъ не покупаетъ ихъ товаровъ, наконецъ отъ того, что деньги русскія стали легче вѣсомъ: прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шиллинговъ; кромѣ того убытокъ отъ прикащиковъ и слугъ, которые исхарчили много ихъ гостиныхъ денегъ, да сосватались и поженились на Московскихъ урожденкахъ или вступили въ службу къ государю, нарочно подданство приняли, чтобъ гостямъ Англійскимъ кривду учинить, и отчета господамъ своимъ никакого не отдать: въ слѣдствіе этого Мерикъ просилъ, чтобъ ни одному прикащику и слугѣ нельзя было въ Россіи жениться и въ службу вступать безъ вѣдома и позволенія большаго гостя Англійскаго, чтобъ сперва они ѣхали въ Англію для счета съ гостями, а потомъ уже могутъ вступать въ царскую службу. Наконецъ Мерикъ опять началъ просить дороги Волгою въ Персію. Опять государь велѣлъ собрать гостей Московскихъ, сказать имъ о просьбѣ Мерика, да прибавить, что Англичане за дорогу въ Персію дадутъ въ помощь казны, что̀ будетъ пригоже:» государь царь и святѣйшій патріархъ велѣли вамъ гостямъ объ этомъ объявить, да вамъ же велѣли объявить: вѣдомо вамъ всѣмъ, что по грѣхамъ въ Московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государевой казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ, а городамъ разоренныкъ дана льгота; что собиралось казны съ васъ гостей и торговыхъ людей, пятинной и запросной деньги, то все государь для вашей легости отставилъ, а служивыхъ людей, козаковъ и стрѣльцовъ въ городахъ прибыло, жалованье имъ да-

ютъ ежегодно, докуки государю и челобитье отъ служивыхъ людей, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большія, а пожаловать нечѣмъ. Если по грѣхамъ будетъ который недругъ, то казны готовой нѣтъ и впередъ завести не откуда; а если дать Англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того Московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнья?

Гости и торговые люди отвѣчали: «Бьемъ челомъ за милость великихъ государей, а въ томъ—дать ли дорогу Англичанамъ въ Персію или нѣтъ? ихъ государская воля; они, гости и торговые люди будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, только бъ государь милость показалъ, за то на нихъ опалы не положилъ, что они будутъ говорить спроста.» Бояринъ, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и дьякъ Грамотинъ сказали имъ, чтобъ говорили прямо, безъ всякаго опасенья, и начали спрашивать гостей порознь, по одному человѣку. Гость Иванъ Юрьевъ сказалъ, что если уступить Англичанамъ путь по Волгѣ въ Персію, то убытокъ будетъ государю и гостямъ Русскимъ, ибо теперь Московскіе и Понизовыхъ городовъ торговые люди ходятъ въ Персію многіе, Москвичи, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Казанцы, Астраханцы, а съ Тезиковъ, которые пріѣзжаютъ въ Астрахань, берутъ съ рубля по 4 алтына; когда же Англичане станутъ ѣздить въ Персію, то Тезики перестанутъ ѣздить въ Астрахань. Если съ Англичанъ брать пошлину, то государевой казнѣ прибыль будетъ большая, а у торговыхъ людей промыслы отнимутся, потому что имъ съ Англичанами не стянуть; если только отъ того государю будетъ помощь большая, Англичане станутъ платить пошлину большую, то воленъ Богъ да государь, а имъ для собранія государской казны на время и потерпѣть можно, хотя и убыточно. — Гость Григорій Твердиковъ говорилъ: «Въ томъ государская воля: сами они гости видятъ, что государь мыслитъ объ этомъ для скудости; пусть государь только велитъ Англичанамъ торговать указными своими товарами заморскими, а Русскими товарами торговать имъ съ Пер-

сіянами не велитъ; Русскіе товары туда ходятъ: соболи, кость рыбій зубъ, цки бѣльи, кожи юфти; да въ Московское же государство привозятъ изъ Нѣмецкихъ государствъ ефимки, и отъ того государевой казнѣ и имъ гостямъ прибыль большая, пошлина съ ефимковъ сходитъ многая; а теперь если ефимки пойдутъ въ Персію, то государевой казнѣ будетъ убыль многая, а имъ оскудѣнье, въ Персіи лучшій товаръ ефимки и деньги старыя Московскія, а въ Московскомъ государствѣ серебра будетъ мало и торговымъ людямъ помѣшка и оскудѣнье.»—Григорій Никитниковъ говорилъ: «Какъ стало разоренье Московскому государству и думали, что быть ему за Польскимъ королемъ, то Голландцы тотчасъ послали къ Литовскому королю, давали 100,000 рублей, чтобъ король далъ имъ однимъ дорогу въ Персію. Если и Англичане теперь даютъ въ государеву казну много, въ томъ его государская воля, а даромъ давать дороги въ Персію не для чего. Государю было бы прибыльнѣе поторговаться съ Англичанами и Голландцами вмѣстѣ, они одни передъ другими больше дадутъ. Брать съ нихъ не большую пошлину и думать нельзя, потому что Московскимъ торговымъ людямъ быть отъ нихъ безъ промыслу, и государю, думать надобно, челобитье будетъ отъ всей земли, потому что теперь за Персидскіе промыслы торговые люди взялись многіе и отъ того богатѣютъ, а государю идетъ пошлина большая.» Родіонъ Котовъ сказалъ: «Боятся наша братья того: только Англичанамъ дать дорогу въ Персію, и ихъ промыслы станутъ: по этого не угадать, всякому своя часть: и большимъ товаромъ торгуютъ, и малымъ промышляютъ какъ кто сможетъ. Вотъ и у Архангельскаго города торгъ неровный: сначала пріѣзжаютъ мелкіе люди съ небольшими товарами и торгуютъ ими, а послѣ приходятъ съ большими товарами и также торгуютъ, меньшіе не остаются же, а всякій по своей мѣрѣ исторгуется; такъ и тутъ: иные Персіяне станутъ съ Англичанами торговать въ Персіи, а другіе поѣдутъ въ Астрахань, однимъ Англичанамъ своими товарами какъ Персію затворить? много въ Персіи охочихъ торговыхъ

людей, поѣдутъ за Русскими товарами.» Остальные гости были противъ позволенія, развѣ только Англичане дадутъ большія деньги въ казну; говорили также, что надобно спросить купцовъ Ярославскихъ и Нижегородскихъ, потому что они больше всѣхъ торгуютъ съ Персіею.

Въ слѣдствіе этихъ отвѣтовъ бояре спросили у Мерика: какіе товары Англійскіе гости повезутъ въ Персію? какіе будутъ тамъ покупать, и гдѣ имъ этими товарами торговать — въ Московскомъ ли государствѣ или возить за море? какая прибыль будетъ отъ того государевой казнѣ, и какую пошлину станутъ платить или сколько денегъ дадутъ въ казну?» Мерикъ отвѣчалъ, что Англичане будутъ привозить въ Персію сукна, ефимки, олово сухое и другіе Англійскіе товары, а въ Персіи покупать шелкъ сырой, краски, ревень, кисеи, миткали, дороги, камки, а тѣ товары, которые привозили въ Московское государство, и впередъ будутъ привозить, дороги эти товары не будутъ.» Бояре сказали: «Это такъ, но какая прибыль казнѣ государевой, потому что торговля будетъ въ Персіи?» Мерикъ отвѣчалъ: «Если царское величество велитъ устроить торговымъ людямъ иныхъ государствъ съѣздъ и торгъ въ Астрахани, то въ таможенной пошлинѣ будетъ прибыль большая.» Бояре спросили: «Какую пошлину Англійскіе гости будутъ платить?» Мерикъ отвѣчалъ: «Объ этомъ мнѣ не наказано. А если вы, бояре думаете, что отъ нашей торговли съ Персіею государевой казнѣ и людямъ убытокъ будетъ, то я и говорить объ этомъ перестану, король мой убытка государю и его людямъ не желаетъ?»

Такимъ образомъ вопросъ о пошлинѣ разомъ остановилъ все дѣло, ибо Англичане надѣялись безпошлинно провозить свои товары въ Персію. Начали говорить о другихъ дѣлахъ; на жалобу Мерика, что новыя деньги дѣлаются легче вѣсомъ, бояре отвѣчали: «Послѣ царя Ѳеодора Ивановича въ Московскомъ государствѣ учинилась смута, многое разоренье и земли запустѣнье, царская казна разграблена, а служивыхъ людей умножилось и жалованья дать нечего, государи христіанскіе погра-

ные помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали дѣ- легче, чтобъ государство было чѣмъ построить и служи- лъ людей пожаловать; да и не новое то дѣло: во многихъ ударствахъ то бывало въ воинское время, не только золо- или деньги бывали дороже или легче прежняго, во мно- ъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами, теперь мѣдными деньгами торгуютъ мало не вездѣ; а какъ о которое государство поисправится, то опять и деньги равляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой. Англійскіе ли всякіе товары стали продавать дороже прежняго: при жнихъ государяхъ продавали золоченое серебро въ дѣлѣ венку по три рубля, а бѣлое и безъ четверти, а теперь дають гривенку по пяти рублей и больше, а серебро въ удахъ провозятъ не самое чистое, мѣшанное съ мѣдью, же и сукна привозятъ передъ прежнимъ хуже, поставы ыше, короче и уже и въ мочкѣ суконъ убываетъ много, а ною дороже передъ прежнимъ мало не въ полтора раза; да не одни Англійскіе гости въ Московское государство прі- жаютъ, торгуютъ и другихъ земель торговые люди, но они ытковъ себѣ въ деньгахъ никакихъ не сказываютъ.» Ме- ъ отвѣчалъ: «Голову свою дамъ и честь свою отложу, если ребро хуже стараго; а объ сукнахъ отъ короля крѣпкій за- ъ: велѣно сукна дѣлать добрыя и поставы по прежней мѣ- ь король не хочетъ обманомъ жить.» На счетъ пріема въ жбу Англійскихъ прикащиковъ и слугъ бояре отвѣчали: насъ иноземцевъ въ царскую службу неволею не берутъ, волю никого не женятъ и въ Московскомъ государствѣ не- лею не оставляютъ никого; а кто царскому величеству бьетъ ломъ въ службу, такихъ великій государь не оскорбляетъ, всякимъ иноземцамъ милость свою показываетъ и отъ сво- царскаго жалованья не отгоняетъ. А вотъ при царѣ Бо- сѣ Ѳеодоровичѣ были посланы въ Англійскую землю для на- молодые дѣти боярскія, и они тамъ задержаны неволею, Никифоръ Алферьевъ и отъ вѣры нашей православной от- упилъ, и невѣдомо по какой прелести въ попы сталъ; ко-

роль бы непремѣнно ихъ прислалъ, чтобъ братской друж
любви нарушенья не было.» Мерикъ отвѣчалъ, что одинъ
нихъ умеръ уже, двое въ Индіи: какъ пріѣдутъ такъ
пришлютъ, а Никифоръ объявилъ, что онъ ѣхать въ Мо
не хочетъ, неволею же послать король не произволилъ.
и говорить теперь объ этомъ нечего,» прибавилъ Мерикъ:
мною объ этомъ дѣлѣ не наказано.» Мерикъ просилъ, ч
къ Англійскимъ гостямъ былъ назначенъ особый попечит
изъ бояръ; на это ему отвѣчали, что вѣдаютъ и будутъ вѣд
Англійскихъ гостей въ одномъ посольскомъ приказѣ, а о
лахъ ихъ будутъ доносить царю думные посольскіе дь
Мерикъ просилъ, чтобъ государь отдалъ назадъ 20,000 р
лей, присланные ему королемъ на вспоможенье противъ П
ляковъ, просилъ на томъ основаніи, что король нуждается
деньгахъ, долженъ помогать зятю своему Фридриху Пфаль
скому, королю Богемскому. Деньги отдали. Отъ пустыхъ з
мель, выпрошенныхъ прежде Мерикомъ, теперь онъ самъ о
казался: «Королевское величество рѣшилъ, что въ чужой зе
пашню пахать не прилично.»

Отдѣлались отъ Англичанъ; явились Французы съ тѣми
требованіями. Еще въ 1615 году царь отправилъ во Франц
посланниковъ Ивана Кондырева и подьячаго Невѣрова, съ об
явленіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и съ просьбо
о помощи противъ Поляковъ и Шведовъ: «Послали мы
вамъ, брату нашему, говорилось въ царской грамотѣ, на
государство обвѣстить, Сигизмунда короля и Шведскихъ пре
няго и нынѣшняго королей неправды объявить. А вы, бра
нашъ любительный, великій государь Людвигъ король намъ
великому государю способствовалъ, гдѣ будетъ тебѣ можно.
Понятно, что Людвикъ XIII ничѣмъ не способствовалъ.
осенью 1629 года пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ Фра
цузскій посолъ Людвикъ Дегансъ (Де Гэ Курмененъ).
царскому указу Новгородскій воевода послалъ на встрѣчу
нему пристава Окунева съ лошадью. Приставъ хотѣлъ ѣха
по правую сторону посла, но тотъ съ лѣвой стороны не п-

ѣхалъ и не трогался съ того мѣста, гдѣ встрѣча была; приставъ ему говорилъ, что у государя бываютъ Турскіе, Персидскіе, Нѣмецкіе и другіе послы и по лѣвую сторону ѣздятъ; Французъ отвѣчалъ, что Турція, Персія, Крымъ—земли не христіянскія, а его король христіянскій, и потому ему по лѣвую сторону не ѣхать, у него о томъ отъ короля приказъ. Приставъ ему говорилъ, для чего онъ объ этомъ прежде не объявилъ до въѣзда въ землю государеву? Посолъ отвѣчалъ, что онъ Русскаго обычая не знаетъ, потому и не писалъ, и хотѣлъ ѣхать назадъ въ Юрьевъ Ливонскій, съ той лошади сошелъ, которую прислалъ ему воевода, подводу, на которой ѣхалъ, покинулъ, сталъ въ телѣгахъ, да и говоритъ, что ему учиненъ позоръ, и онъ за свой позоръ смерть приметъ. Ему говорили, что изъ государевой земли безъ государева указа его не отпустятъ; онъ отвѣчалъ: «если меня назадъ и не отпустятъ, то я буду стоять, кормъ и питье стану покупать на свои деньги, а съ лѣвой стороны не поѣду,» и стоялъ до вечера. Наконецъ Французъ придумалъ средство: пусть ѣдутъ два пристава, одинъ по лѣвую, а другой по правую сторону, а онъ въ серединѣ; Окуневъ, посовѣтовавшись съ Псковскимъ архіепископомъ, согласился, самъ ѣхалъ по правую сторону посла, а по лѣвую ѣхалъ одинъ сынъ боярскій въ видѣ пристава. Окуневъ доносилъ, что Французы, ѣдучи дорогою, государевымъ людямъ чинили насильства и обиды, посолъ ихъ не унималъ, а пристава не слушались.

Пріѣхавши въ Москву, посолъ билъ челомъ, чтобъ государь, велѣлъ ему давать вина Французскаго да Рейнскаго, а что имъ идетъ государева жалованья, питья, и они къ тому питью не привычны, да билъ челомъ еще объ уксусѣ. Вина и уксусу дали. Потомъ онъ сталъ требовать, чтобъ на представленіи государю ему быть при саблѣ и Кондыревъ предъ его королемъ былъ въ саблѣ; чтобъ, изговоря царскаго величества титулъ, рѣчь говорить ему въ шляпѣ; наконецъ чтобъ дали ему возокъ. Во всемъ этомъ отказали. Въ отвѣтѣ бояре прежде всего начали говорить, что титулъ царскій въ королевской грамотѣ

не сполна написанъ. Посолъ отвѣчалъ: «у государя моего и государствѣ повелось изначала, что онъ ко всѣмъ великимъ государямъ въ грамотахъ своихъ имянъ и титуловъ не пишетъ, также и своего королевскаго имени и титула не пишетъ, и новостей вводить нельзя». Бояре сказали: «отъ чего же съ Кондыревымъ прислана грамота и въ ней царское именованье написано сполна?» Посолъ отвѣчалъ, что король велѣлъ это сдѣлать по просьбѣ Кондырева: «и если такъ писать, какъ государевъ титулъ говорятъ, то въ титулѣ написаны многія мѣста, всего намъ и не упомнить». Бояре говорили, что до сихъ поръ такого образца не бывало ни отъ которыхъ государей. Посолъ отвѣчалъ: «Если угодно, то государь его впередъ царское именованіе и титулъ велитъ описывать, въ томъ онъ клянется именемъ Божіимъ и королевскою головою». Когда кончились споры о титулѣ, то посолъ объявилъ статьи: 1) король хочетъ съ царемъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, что царю годно въ его государствѣ, товары или какая сила, то король ни за что не стоитъ. 2) Торговля подданнымъ обѣихъ сторонъ безъ явки и безъ пошлины. 3) У Французскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ вольности не отнимать и въ заперти не держать; держать имъ священниковъ и учителей своей вѣры; быть у нихъ начальному человѣку и вѣдать ихъ во всемъ. 4) Есть въ ихъ странахъ домъ Австрійскій, въ немъ князь особый (король Испанскій), цесарю другъ и цесарева рода, и съ Польскимъ королемъ они стоятъ за одно, помощь чинятъ немалую; королю Французскому тотъ Австрійскій князь недругъ, а царю недругъ Польскій король; прибыль себѣ тѣ князья получаютъ отъ того, что посылаютъ торговать въ восточную землю и тѣмъ Польскому королю помогаютъ: такъ если царь съ Французскимъ королемъ будетъ въ дружбѣ и любви, торговлю велитъ Французжанамъ въ Московскомъ государствѣ дать повольную, то государь его станетъ Австрійскій домъ тѣснить и торговлю ихъ восточную отниметъ, у нихъ силы убудетъ и Польскому королю помогать перестанутъ. 4) Царское величество позволилъ бы Французжанамъ ѣздить въ

Персію чрезъ свое государство; отъ того царю и его подданнымъ будетъ прибыль большая: Англичане, Голландцы и Брабантцы покупаютъ товары во Французской землѣ, въ Московскомъ государствѣ продаютъ ихъ дорогою цѣною, и товары привозятъ обычные, а Французжане станутъ товары привозить самые добрые и продавать по своей прямой цѣнѣ. Царское величество глава и начальникъ надъ восточною страною и надъ Греческою вѣрою, а Людовикъ король Французскій начальникъ въ полуденной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и соединеньѣ, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; цесарь Римскій съ Литовскимъ королемъ за одно, а царю съ королемъ Французскимъ потому же надобно быть въ дружбѣ и на недруговъ стоять за одно. Французскій король Турскому салтану другъ; зная, что царскому величеству Турскій салтанъ другъ, а надъ православною христіанскою Греческою вѣрою царское величество начальникъ,—зная это, король наказалъ посламъ своимъ въ Царѣградѣ, чтобъ они Русскимъ людямъ и Грекамъ, которые при нихъ будутъ, въ Царѣградѣ во всякихъ дѣлахъ помогали. Такіе великіе государи—король Французскій и царское величество вездѣ славны, другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ, и подданные ихъ, всѣ люди во всемъ имъ послушны, не такъ какъ Англичане и Брабантцы дѣлаютъ все по своему хотѣнью, что есть дешевыхъ товаровъ скупятъ въ Испанской землѣ, да Русскимъ людямъ и продаютъ дорогою цѣною, а Французжане будутъ продавать все дешево. Бояре отвѣчали отказомъ въ безпошлинной и въ Персидской торговлѣ, говоря, что Французы могутъ покупать Персидскіе товары у Русскихъ купцовъ, кромѣ заповѣдныхъ—бѣлаго шелка сыраго и селитры; отказали и въ учителяхъ вѣры для Французовъ, потому что у другихъ иноземцевъ такихъ нѣтъ въ Москвѣ, хотя посолъ и утверждалъ, что въ Парижѣ 12 церквей Греческихъ, и у Французовъ обычай бывать у отца духовнаго по четыре раза въ годъ, такъ безъ отцовъ духовныхъ быть имъ нельзя. Такимъ образомъ Курмененъ уѣхалъ, не добившись ничего новаго.

Въ слѣдъ за Французскимъ, въ Августѣ 1630 года явились послы Голландскіе Альбертъ Конрадъ Бургъ и Іоганъ Фендриль, били челомъ великимъ государямъ, Михаилу и Филарету за то, что они жалуютъ торговыхъ Голландскихъ людей и объявили отъ имени штатовъ и принца Генриха Оранскаго, что они начали войну съ королемъ Испанскимъ и его совѣтниками папою Римскимъ и цесаремъ. Король Испанскій, папа Римскій и цесарь ищутъ всюду ввести свою проклятую папежскую вѣру, а православную христіанскую искоренить, и царскому величеству они недоброхоты же: такъ штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить, что они хотятъ имѣть съ нимъ дружбу и соединеніе и торгу въ Московскомъ государствѣ хотятъ прибавить; а когда они съ царскимъ величествомъ будутъ въ дружбѣ и торговля ихъ будетъ прибавлена и укрѣплена, то папежанамъ всѣмъ будетъ поруха большая. Голландцы ведутъ торговлю въ Литовской землѣ, въ Данцигѣ покупаютъ пепелъ и золу, ленъ и пеньку дорогою цѣною, и Польскому королю платятъ пошлины большія, Литовскимъ торговымъ людямъ отъ того барыши большіе; но штатамъ и принцу Генриху извѣстно, что товары эти идутъ въ Литовскую землю изъ Московскаго государства: такъ царское величество учинилъ бы заказъ, чтобъ Московскіе люди этихъ товаровъ, золы, льну и пеньки въ Литовскіе города не возили, а возили бы къ Архангельскому городу, а Голландцы эти товары станутъ у нихъ покупать, царской казнѣ будетъ прибыль большая, а Польскому королю ежегоднаго убытка будетъ по 100,000 ефимковъ большихъ, и подданные его будутъ безъ промыслу и въ скудости; когда царское величество на это согласится, то штаты и принцъ Генрихъ закажутъ своимъ подданнымъ накрѣпко, чтобъ они въ Данцигъ на корабляхъ за товарами не ходили, а ѣздили бы къ Архангельскому городу. Кромѣ того штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить: государь жаловалъ иноземцевъ, велѣлъ въ Московскомъ государствѣ хлѣбъ покупать: но тотъ весь хлѣбъ очутился у нихъ въ Голландской землѣ, иноземцы

продали его у Архангельскаго города Голландцамъ и барыши себѣ взяли большіе, двойныя деньги. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Голландцамъ пріѣзжать къ Архангельскому городу и въ Москву и съ Русскими торговыми людьми торговать повольною торговлею, а пошлину брать умѣренную, какъ съ другихъ иноземцевъ берутъ. Да высокіе же штаты приказали просить, чтобъ царское величество и его святѣйшество приказали вывозить въ Нидерланды хлѣбъ и селитру сколько можно, за что штаты позволятъ царскимъ подданнымъ вывозить изъ Нидерландской земли всякіе товары, деньги и военные запасы, и всякую помощь царскому величеству оказывать.

Посламъ отвѣчали, что многимъ безымяннымъ Голландскимъ торговымъ людямъ торговать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ нельзя, потому что государевымъ людямъ оттого будетъ тѣснота и убытки большіе: такъ они бы послы написали именно, сколькимъ ихъ людямъ Голландцамъ торговать въ Москвѣ и по городамъ, ибо и Англичане торгуютъ не многіе же люди. Государь и святѣйшій патріархъ указали Голландцамъ держать въ Москвѣ агента точно также какъ и Англичане держатъ; что же касается до продажи золы, льна и пеньки только Голландцамъ, то когда будетъ Голландскій агентъ въ Москвѣ, онъ станетъ уговариваться съ Московскими торговыми людьми, и Голландцы будутъ покупать эти товары въ Москвѣ и въ указныхъ городахъ. Послы говорили: «слышали мы слухомъ и подлинно знаемъ, что Московское государство землею пространно, и многія земли, на которыхъ можно хлѣбъ пахать, лежатъ пусты: если царское величество и отецъ его святѣйшій патріархъ позволятъ Голландскимъ торговымъ людямъ пріѣзжать многимъ, кто захочетъ, то изъ нихъ тѣ, которымъ пашенное дѣло за обычай, станутъ великимъ государямъ бить челомъ, чтобъ они эти пустыя земли пахать позволили, Голландцы станутъ распахивать по своему обычаю и товары всякіе готовить, какъ у нихъ ведется: отъ этого царской казнѣ будетъ многая прибыль въ пошлинахъ, а Московскимъ торговымъ людямъ будутъ барыши добрые; изъ Швеціи, изъ во-

сточной и западной Индіи и изъ Голштиніи сами присылають и просятъ у Голландскихъ штатовъ, чтобъ Голландскимъ торговымъ и всякимъ людямъ позволили пріѣзжать и пустыя мѣста распахивать, но штаты этого не позволили, а велѣли просить у царскаго величества, чтобъ Голландскимъ всякимъ людямъ пріѣзжать въ Московское государство для торговли и для пашни.»—Но въ думѣ рѣшили: «въ пашнѣ отказать и всякимъ людямъ мимо письменныхъ торговыхъ людей не ѣздить. Отказано было и въ томъ, чтобъ хлѣбъ и селитру продавали исключительно Голландскимъ купцамъ, государи приказали только продать Голландскимъ посламъ 23,000 четвертей ржи изъ того хлѣба, который назначенъ былъ въ Астрахань. Послы просили, чтобъ позволено было Голландцамъ по Двинѣ рѣкѣ и у Архангельскаго города самимъ лѣсъ рубить и у Русскихъ людей покупать лѣсъ большой дубовый и сосновый, корабли изъ него дѣлать у Архангельска, а другой лѣсъ возить къ себѣ за море. Это было позволено съ условіемъ, чтобъ Голландцы нанимали Русскихъ людей рубить лѣсъ, и покупали бы его только у Русскихъ людей. Наконецъ послы просили, чтобъ позволено было Голландцу Ернесту Филипсу и компаніи производить тридцать лѣтъ исключительную и безпошлинную торговлю съ Персіею черезъ Московское государство, за что компанія будетъ вносить ежегодно въ царскую казну по 15,000 рублей. На это отвѣчали, что быть тому невозможно: Англійскому королю отказано по челобитью торговыхъ людей Московскаго государства. Бояре спросили пословъ: только ли имъ и наказа, что о торговлѣ? послы отвѣчали: «кромѣ торговли намъ ни о какихъ другихъ дѣлахъ не наказано, а торговля дѣло большое: во всѣхъ государствахъ большая дружба и государямъ прибыль, а подданнымъ прибытки бываютъ отъ торговаго промысла.» Бояре сказали на это: «между государями и государствами дружба и любовь бываетъ не для одной торговли.»

За Голландцами явились Датчане съ тѣми же предложеніями. Въ Іюнѣ 1631 года пріѣхалъ въ Москву полномочный

Датскій посолъ Малтеюлъ Гизингарскій для заключенія мирнаго докончанія и съ требованіями, во 1) чтобъ между обоими государствами была безпошлинная торговля; 2) въ 1630 году позволено было Датчанамъ купить хлѣба 3,000 ластовъ; хлѣбъ купленъ, но не сполна: такъ теперь бы позволено было докупить безпошлинно, и впередъ бы съ хлѣба пошлинъ не брать; 3) чтобъ Голландскому купцу Давиду Николаеву позволено было быть агентомъ надъ Датскими торговыми людьми, дать ему жалованную грамоту, написать гостинымъ именемъ; 4) чтобъ дана была дорога Датскимъ купцамъ въ Персію; 5) чтобъ позволено было ему, послу посмотрѣть гробъ королевича Іоанна. Послу отвѣчали, что въ Шахову землю дороги никому давать не велѣно; объ агентѣ указъ будетъ послѣ мирнаго докончанія; хлѣба велѣно купить въ три года 75,000 четвертей ржи, по 25,000 на годъ: пусть такъ и будетъ; о безпошлинной торговлѣ отказано; что же касается до мирнаго докончанія, то для этого царь отправитъ своихъ пословъ къ Датскому королю. Къ отвѣту своему бояре присоединили жалобу, что въ 1623 году приходили въ государеву землю въ Кольское становище шесть Датскихъ кораблей и царскихъ подданныхъ погромили, при чемъ Датчане говорили, что дѣлаютъ это по повелѣнію своего короля за пожитки Нѣмчина Клима Юрьева, который пріѣзжалъ въ Кольскій острогъ въ 1620 году. А тотъ Нѣмчинъ Климъ Юрьевъ, будучи въ Кольскомъ острогѣ, воровалъ, говорилъ про великаго государя и про его землю непригожія слова, дѣлалъ многую ссору и хотѣлъ безъ царскаго повелѣнія идти въ Пустоозеро; за это его взяли на время къ Архангельскому городу, пожитки его были переписаны, а потомъ его за море отпустили и пожитки отдали.

Посолъ просилъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ позволено было на будущіе годы покупать хлѣбъ сверхъ прежде позволеннаго, чтобъ взятыя пошлины съ хлѣба возвратили и впередъ не брали; ему отвѣчали: въ будущіе годы каковъ хлѣбу будетъ урожай и какова цѣна, этого теперь знать нельзя; съ недокупленныхъ 25,000 четвертей, которыя пойдутъ на 1632

годъ, пошлинъ брать не велѣно. Наконецъ посолъ обратился къ главному: «я присланъ, говорилъ онъ, для заключенія мира и не понимаю, зачѣмъ это дѣло откладываютъ до другихъ пословъ, которыхъ отправятъ въ Данію?» Бояре отвѣчали, что онъ присланъ одинъ безъ товарищей, и потому при немъ одномъ царь не будетъ креста цѣловать на докончаньѣ, такъ не повелось. Посолъ возражалъ, что король его всюду посылаетъ по одному послу и ему вѣрятъ по грамотамъ королевскимъ. Но въ Москвѣ боялись, чтобъ мирное докончанье съ Даніею не повредило дружественнымъ отношеніямъ къ Швеціи, и потому бояре отвѣчали послу: «закрѣпить съ тобою нельзя еще потому, что тебѣ ничего не наказано о другѣ царскомъ, королѣ Густавѣ Адольфѣ: хочетъ ли король Христіанъ быть въ такой же дружбѣ съ Шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, какъ и съ нашимъ государемъ?» Бояре предложили написать договорныя грамоты и послу цѣловать крестъ, чтобъ задора, обидъ и неправдъ никакихъ съ обѣихъ сторонъ не было, пока вѣчное докончаніе совершится; посолъ согласился, но когда надобно было писать грамоты, то вышелъ споръ: посолъ ни какъ не согласился въ своей записи написать имя королевское послѣ царскаго, почему и былъ отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣтнаго списка за его упрямство; при отпускѣ ему не позволено было ничего сказать въ свое оправданіе, у руки царской онъ былъ, но скамейки ему не было, за его упрямство царь и патріархъ сѣсть ему не велѣли, также и стола ему не было.

Въ слѣдъ за этимъ упрямцемъ отправились въ Данію (въ Декабрѣ 1631 года) Московскіе послы, дворяне Василій Коробьинъ, Иванъ Баклановскій и дьякъ Грязевъ, съ наказомъ настаивать, чтобъ имя царское было написано прежде королевскаго; если скажутъ, что Шведскій король имя свое пишетъ въ грамотахъ прежде царскаго, то отвѣчать: «Шведскій король царскому величеству другъ, показалъ великому государю нашему многую дружбу, любовь и правду, великій государь нашъ Шведскому королю подвиженъ своею царскою

дружбою и любовью противъ его многаго добра, а докончанье учинено съ Шведскимъ королемъ въ то время, какъ Московское государство было въ разореньѣ, и Шведскій король во всемъ ищетъ царскому величеству чести и повышенья».

Пословъ ждалъ дурной пріемъ: ихъ поставили въ Копенгагенѣ у купца, дворъ былъ очень худъ и тѣсенъ, самимъ имъ и малыхъ покоевъ не было, запасовъ положить и людямъ дѣться негдѣ; у посольскаго двора поставили сторожей многихъ людей, солдатъ съ ружьемъ и берегли накрѣпко, государевымъ людямъ со двора и къ посламъ на дворъ никакому человѣку ходить не велѣли. Послы спрашивали у толмачей, что это значитъ? Тѣ отвѣчали, что тѣснота учинена по жалобамъ посла Матеюла, и особенно толмача Клима Блома, будто имъ въ Москвѣ на пріѣздѣ и на отпускѣ было оскорбленье великое, будто были заперты и во всемъ была имъ скудость, и отпущены ни съ чѣмъ. Послѣ представленія король обѣдать пословъ не позвалъ, а прислалъ кормъ къ нимъ на домъ, при чемъ секретарь королевскій объявилъ, что они Датчане будутъ пить напередъ чашу королевскую, а потомъ царскую и патріаршескую, по Московскому обычаю пить прежде здоровье своего государя; послы не согласились, здоровья королевскаго не пили, пили одни Датчане, а потомъ послы царской чаши уже не предлагали. Начали говорить о вѣчномъ докончаніи: король не согласился, чтобъ его имя было поставлено послѣ царскаго, и послы были отпущены только съ любительными грамотами. не сдѣлавъ ничего.

Въ 1630 году пріѣхали въ Москву послы отъ Бетлемъ-Габора, называвшагося королемъ Венгерскимъ. То были два Француза — одинъ Карлъ Таллеранъ, Маркизъ Дасседевиль, другой Руссель. Послѣдній обнесъ своего товарища передъ Московскимъ правительствомъ въ злыхъ умыслахъ, и несчастнаго Дасседевиля засадили въ Костромѣ за пристава. Герцогъ Соассонскій, принимая участіе въ судьбѣ Дасседевиля, просилъ Англійскаго короля Карла I-го исходатайствовать у Русскаго царя освобожденіе ему; король согласился, и вмѣстѣ съ Ген-

рихомъ Нассаускимъ прислалъ объ этомъ дѣлѣ грамоты к царю и патріарху въ 1632 году. Грамоты привезъ Француз Гастонъ де-Шаронъ, и получилъ такую отвѣтную грамоту к Английскому королю: «присылалъ къ намъ пословъ своихъ Бет лемъ-Габоръ, король Венгерскій о дружбѣ и любви, и въ сво ихъ грамотахъ писалъ, что отправилъ къ намъ пословъ сво ихъ, Карлуса Тулрандуса, котораго ваше величество пишете теперь Маркизомъ, и Якова Русселя. Когда эти послы были у насъ, то пришла вѣсть, что Венгерскаго короля Бетлемъ-Габора не стало, и посолъ его Карлусъ хотѣлъ ѣхать изъ нашего государства къ Испанскому королю, и хотѣлъ Турецкаго султана Мурада съ Испанскимъ королемъ ссорить; но такъ какъ мы съ Турецкимъ султаномъ въ дружбѣ и любви, то мы этому Карлусу велѣли побыть въ нашемъ Московскомъ государствѣ до времени, чтобъ онъ султана съ королемъ Испанскимъ не ссорилъ; и теперь, не сославшись съ султаномъ Мурадомъ и не сыскавши объ этомъ дѣлѣ до пряма, освободить его нельзя.» Уже въ 1635 году самъ король, Людовикъ XIII прислалъ въ Москву грамоту, въ которой просилъ царя отпустить Таллерана, и просьба была исполнена.

Мы видѣли, что царь Михаилъ началъ очень дружественныя сношенія съ Персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который прислалъ даже денегъ ему на помощь. Въ 1618 году поѣхали изъ Москвы въ Персію князь Михайла Петровичь Борятинскій, дворянинъ Чичеринъ и дьякъ Тюхинъ съ благодарностію за присланное и съ просьбою прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье по случаю войны Польской. Эти послы были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать къ себѣ младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами, обращенія, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали правительства Европейскія; Аббасъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ отъ того между нами сму-

и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье ...ню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на го...ря вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ Москвѣ и въ городахъ, въ Казани и Астрахани запирали дворамъ какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного ...вѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣль... Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ ...жу такъ, что и птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не уви...е. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовь: ...воды его въ Астрахани и Казани и въ другихъ городахъ ...мъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ ...утъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ мо...ъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло птица ...ребъ! купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астра...и, а воеводы ястреба у него отняли, и Татарина, у кого ...илъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдной то...ръ! Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ пода...окъ, а я изъ нихъ только велю вырвать по перу да и вы...ущу всѣхъ — пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ ...яхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изу...тчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо разпороть.»

Послѣ этого пословъ долго не отпускали; князь Борятинскій умеръ въ Персіи, а Чичеринъ и Тюхинъ возвратились въ 1620 году съ шаховымъ посломъ Булатъ-бекомъ. Въ грамотѣ, ...данной послѣднимъ, Аббасъ писалъ: «Желаемъ, чтобъ ме...ду нами, великими государями, дружба, любовь и соединеніе были по прежнему, а если какое дѣло ваше случится у насъ въ государствѣ, то вы намъ объ немъ объявите, и мы ста...емъ его съ радостію исполнять. Пишемъ къ вамъ о дружбѣ, любви и соединеніи, кромѣ же дружбы и любви ничего не желаемъ». На отвѣтѣ посолъ объявилъ боярамъ о желаніи шаха, чтобы царь велѣлъ поставить въ Кумыцкой землѣ города, въ слѣдствіе чего между шахомъ и царемъ никого другаго въ со-

сѣдяхъ не будетъ, и недругамъ своимъ оба будутъ страшны. Посолъ жаловался также на обиды, дѣлаемыя Персидскимъ купцамъ воеводами, таможниками и толмачами. Думный дьякъ Грамотинъ, въ свою очередь, жаловался на дурной пріемъ, который былъ сдѣланъ въ Персіи Московскимъ посламъ, князю Борятинскому съ товарищами, жаловался и на то, что шаховы войска разорили Иверскую и Грузинскую землю, не смотря на то, что земли эти православныя и находятся подъ властію государя Московскаго. Съ этимъ Булатъ-Бекъ и отправился; а между тѣмъ несчастный дьякъ Тюхинъ дорого платился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки. Когда Чичеринъ и Тюхинъ изъ Астрахани дали знать царю, какъ у нихъ дѣлалось дѣло въ Персіи, то государь говорилъ съ боярами, что Тюхинъ, ѣздившій безъ своихъ товарищей одинъ къ шаху, сдѣлалъ это вопреки прежнимъ обычаямъ невѣдомо для какой мѣры, и потому чаять въ немъ воровства. Въ слѣдствіе этого подозрѣнія указалъ государь послать на встрѣчу къ посламъ дворянина добраго, который долженъ встрѣтить ихъ на дорогѣ между Казанью и Нижнимъ, взять у Тюхина всѣ пожитки и письма, переписать и перепечатать и самого Тюхина привезти въ Москву. Не смотря на то, что Чичеринъ и толмачь оправили Тюхина, показавъ, что онъ ѣздилъ къ шаху по неволѣ, бояре нашли разные другіе грѣхи и приговорили: «Михайлу Тюхина про то про все, что онъ былъ у шаха наединѣ, къ приставу своему Гуссейнъ-беку на подворье ходилъ одинъ и братомъ его себѣ называлъ, Польскихъ и Литовскихъ плѣнниковъ изъ Московской тюрьмы взялъ съ собою, и въ Персіи принялъ къ себѣ обусурманившагося Малороссійскаго козака, — распросить и пытать накрѣпко, ибо знатно, что онъ это дѣлалъ для воровства и измѣны или по чьему-нибудь приказу.» Было несчастному 70 ударовъ, двѣ встряски, клещами горячими по спинѣ жгли, — а въ измѣнѣ и воровствѣ не признался: о Литовскихъ плѣнникахъ сказалъ, что дали ему ихъ изъ разряда по челобитной; Черкашенина взялъ къ себѣ въ Персіи для толмачества; приставъ называлъ

его кардашомъ (братомъ), и онъ называлъ его кардашомъ, безъ хитрости. Не смотря на то бояре приговорили—дьяка Тюхина за измѣну и воровство сослать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ одномъ изъ Сибирскихъ пригородовъ.

Иной пріемъ чѣмъ Борятинскій съ товарищами получили Московскіе посланники, отправленные въ Персію въ 1621 году— Коробьинъ и Кувшиновъ: Аббасъ осыпалъ ихъ любезностями, поднимая руки и глаза къ небу, говорилъ: «государство мое, и люди мои, и казна моя — все не мое, все Божіе, да государя царя Михаила Ѳеодоровича, во всемъ воленъ Богъ да онъ, великій государь.» Въ 1624 году шаховы послы, Русанъ-бекъ и Булатъ-бекъ поднесли патріарху Филарету драгоцѣнный подарокъ, срачицу Христову, похищенную въ Грузіи. Но Персіянамъ въ Москвѣ и Русскимъ посламъ въ Персіи не счастливилось. На Русанъ-бека царь жаловался шаху, что онъ дѣлалъ всякія непригожія дѣла и былъ у царскаго величества въ непослушаніи, и Русанъ поплатился за это головою. Вмѣстѣ съ Русанъ-бекомъ пріѣхали въ Персію Московскіе послы, князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Ѳеофилатьевъ и дьякъ Пановъ: на нихъ шахъ жаловался царю, что когда они пришли въ Персію, то онъ Аббасъ находился въ то время подъ Багдадомъ и просилъ пословъ прислать къ нему туда кречетовъ, но они не прислали, и когда потомъ представились ему, то поднесли птицъ живыхъ двѣ или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потомъ присланы были съ ними отъ царя къ шаху оконничные мастера, и они этихъ мастеровъ не прислали во время, по шаховой просьбѣ; не пошли представляться къ шаху на томъ основаніи, что не могутъ представляться вмѣстѣ съ другими послами; когда шахъ звалъ ихъ на площадь смотрѣть конское ученье, то они не послушались, не поѣхали; наконецъ не пошли къ шаху въ томъ платьѣ, которое онъ имъ подарилъ. Во всемъ этомъ послы поступили по буквѣ наказа, и бояре объявили шахову послу, что Тюфякинъ съ товарищами не виноваты; не смотря на то однако царь вѣритъ шаху, что послы прогнѣвили его и потому велѣлъ положить на нихъ

наказанье великое. Дѣйствительно положена была на посл[illegible] опала за то, что когда за столомъ у шаха пили царское [illegible]ровье, то князь Тюфякинъ не допилъ своей чаши. За та[illegible] вину пословъ слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ [illegible]говорѣ, но государь для сына своего царевича Алексѣя и [illegible] просьбѣ отца своего, патріарха Филарета Никитича, велѣ[illegible] только посадить ихъ въ тюрьму, отобравши помѣстья и во[illegible] чины. Кромѣ этой вины нашлись еще другія: въ городѣ А[illegible]дебилѣ князь Тюфякинъ велѣлъ украсть татарченка, котор[illegible] продалъ въ Кумыцкой землѣ, а въ Кумыцкой землѣ велѣ[illegible] украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши въ сундукъ.

Съ Австріею не было сношеній и послѣ Деулинскаго перемирія; въ началѣ 1632 года пріѣхалъ было на границы посолъ императора Фердинанда II, но не былъ принятъ, потому что дворъ его состоялъ изъ Поляковъ, съ которыми уже готовъ былъ разрывъ. Хронографъ, который, какъ мы видѣли, не очень пріязненно отзывается о Филаретѣ Никитичѣ, упрекаетъ его и въ томъ, будто онъ былъ виновникомъ второй Польской войны, ибо желалъ отомстить Полякамъ за претерпѣнныя отъ нихъ притѣсненія. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить чувства Филарета относительно къ Польшѣ; но должны замѣтить, что каковы бы ни были эти чувства, война была неминуема. На Деулинское перемиріе согласились въ Москвѣ, не имѣя средства съ успѣхомъ вести войну, желая отдохнуть хотя не много, собраться съ силами и освободить отца государева изъ заточенія; но долго оставаться въ томъ положеніи, въ какое царь Михаилъ былъ поставленъ Деулинскимъ перемиріемъ, было нельзя: Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на Московскій престолъ, Польское правительство не признавало Михаила царемъ, не хотѣло сноситься съ нимъ, называть его— и это при безпрерывныхъ столкновеніяхъ, безпрерывныхъ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ государствъ! Русскіе никакъ не могли войти въ подобныя отношенія, требовали, чтобъ Польскіе державцы называли въ своихъ грамотахъ великаго государя Михаила Ѳедоровича, тѣ отказывались, но одного отказа

мало малю; нѣкоторые изъ нихъ осмѣливались писать про Михаила непригожія рѣчи, называть его полуименемъ, порочить его избраніе! Нужна ли была еще къ тому мстительность Филарета Никитича, чтобъ начать войну при первомъ удобномъ случаѣ?

Уже въ Сентябрѣ 1619 года царскіе Вяземскіе воеводы писали къ королевскимъ Дорогобужскимъ воеводамъ, жалуясь что они не называютъ Михаила царемъ; тѣ отвѣчали: «Мы, по наказу и правдѣ, пишемъ царскій титулъ великаго государя Владислава Жигимонтовича всея Руси, да и впередъ писать будемъ, потому что Всемогущій Богъ даровалъ ему это и вашими душами, душами всего народа Московскаго, всякихъ людей утвердилъ; справедливо ли вы поступаете, что мимо его, истиннаго государя своего, называете государемъ Московскимъ Михаила Θеодоровича Романова? Мы однако съ вами объ этомъ не споримъ и ссоры не начинаемъ, пока Господь Богъ волю свою совершитъ. Говорили много объ этомъ великомъ дѣлѣ великіе послы, когда нынѣшній миръ постановляли, но и они этого не отговорили и не замирили, титула и правъ королевичевыхъ на Московское государство не отставили, а еще и утвердили, потому что дѣло это положили на судъ Божій, чтобъ Богъ Всемогущій, который самъ началъ, самъ же и кончилъ, о чемъ и въ перемирныхъ грамотахъ написано; поэтому и дожидаемся суда Божія». Бояре въ 1619 же году отправили къ панамъ раднымъ посланника Киреевскаго съ грамотою, въ которой писали: «Вы бы, паны радные, впередъ того остерегали, прошлаго, минувшаго, отказнаго дѣла, за которое кровь христіанская лилась, чего государя вашего сыну Богъ не далъ, не начинали, изъ мысли бы то выложили, и королевича Владислава чужаго государства государямъ не описывали. А что вы въ своемъ листѣ писали о бояринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ и о князѣ Юріѣ Трубецкомъ, будто они стоятъ въ правдѣ крѣпко, королевичу служатъ, отъ него милость и жалованье принимаютъ: то намъ извѣстно, что князя Ивана Шуйскаго и другихъ въ Московское государство

не отпустили вы неволею, и сдѣлали это противъ посольс[кого] договора; а королевичеву милость и жалованье къ князю И[вану] и къ князю Юрію мы также знаемъ: князь Иванъ хо[дитъ] пѣшкомъ и служитъ себѣ самъ, по временамъ и за сторо[жей] у гайдуковъ бываетъ; князю Юрію немного получше, со[дер]жатъ его побогаче, только и онъ часто отъ пахоликовъ [ва]шихъ бываетъ въ страхѣ.»

Паны отвѣчали, что по ихъ челобитью король велѣлъ кн[язя] Шуйскаго отпустить въ Москву; но относительно главнаго д[ѣ]ла неудовольствія увеличивались. Еще боярамъ, отправлявшимся на Поляновскій съѣздъ, данъ былъ наказъ: «Въ городахъ, ко торые уступлены въ Литовскую сторону, державцами сдѣланы Московскаго государства измѣнники: въ Дорогобужѣ Ларь[ка] Корсаковъ, въ Серпѣйскѣ Юшка Потемкинъ, на Невлѣ Ивашка Мещериновъ; пишутъ они государевымъ воеводамъ листы о всякихъ дѣлахъ, но царскаго величества воеводамъ съ измѣнниками ссылаться не пригоже. Когда бояре будутъ съ панами на съѣздъ, то поговорить имъ, что въ уступленныхъ городахъ державцами посажены Московскаго государства измѣнники и всему Московскому государству они грубны: если имъ быть въ украинскихъ городахъ, то безъ смутъ и ссоры въ порубежныхъ дѣлахъ не обойдется.» Представленіе это осталось безъ дѣйствія, и въ Августѣ 1620 года Мещериновъ прислалъ къ Великолуцкому воеводѣ грамоту, въ которой Михаила Θедоровича писалъ безъ государскаго именованья; воевода донесъ объ этомъ въ Москву, и оттуда получилъ грамоту, которую долженъ былъ переслать къ Мещеринову отъ имени Великолуцкаго городоваго прикащика; въ грамотѣ говорилось: «Пишете въ своемъ листѣ не по пригожу, великаго государя описываете безъ государскаго именованья; чего не только тебѣ мужику вору, и великимъ государямъ писать и Богомъ дарованную честь отнимать не годится. Царскаго величества воевода очень удивляется товарищу твоему, что онъ пишетъ не по пригожу, и мирнаго постановленія не остерегаетъ, а на тебя бѣснаго пса пенять нечего, когда ты забылъ

православную вѣру и свою природную землю: на тебѣ
о добра пытать? ты за свое воровство не только въ бу-
мъ вѣкѣ Божія праведнаго суда, и здѣсь мщенья не убѣ-
: до того у васъ не долго, что тебя крестопреступника,
інскаго измѣнника худой гайдукъ или сельскій мужикъ
пса на корчмѣ или на иномъ какомъ-нибудь злодѣйствѣ
тъ.»

мало того, что державцы, указывая на мирное постано-
е, не хотѣли называть Михаила Ѳедоровича царемъ; нѣ-
рые изъ нихъ начали требовать, чтобъ и Рускіе воеводы
зывали его царемъ, а сами начали называть его уничижи-
мъ полуименемъ и заподозривать законность его избранія.
вскій Серпѣйскій державца писалъ Московскому Масаль-
у воеводѣ Хитрову: «Ты къ намъ пишешь грамоты не
рному постановленію, своего М. величаешь царемъ, какъ
о не знаешь, что все государство Московское, думаю и
ты и М. тотъ королевичу нашему крестъ цѣловали; миръ
ченъ былъ между государствами, а не съ М., посланникъ
евскій приходилъ въ Литву не отъ М., но отъ пановъ радъ
дарства Московскаго!» На эту грамоту отвѣчалъ Калужскій
ода Вельяминовъ: «изъ вашего письма видно, что вы не
етскаго, а холопскаго неучтиваго ложа дѣти, и по своей
ивой, послѣдней, наипростѣйшей природѣ скверныя ваши
на великаго государя нашего, помазанника Божія отвер-
е подобно бѣшеному псу; на такого помазанника Божія
собакамъ непристойно было хульныхъ своихъ устъ от-
ать и такимъ простымъ именемъ его государя злословить.»
грамота вызвала отвѣтъ, еще болѣе дерзкій: «Описыва-
М. Романова, жильца государя царя Владислава Жиги-
товича всея Руси, котораго воры козаки посадили съ Кузь-
Мининымъ на Московскомъ государствѣ безъ совѣта съ
й боярами и дворянами. Нынѣ онъ не на своемъ престолѣ
итъ, а на того, который искони государь, и сынъ госу-
евъ, а не монашескій.» Вельяминовъ отвѣчалъ: «Вы нынѣ-
яго короля своего называете Шведомъ; королеву его без-

честите и браните неучтивыми рѣчами и дѣтей ихъ; у в
повелось издавна, съ государями вашими какъ хотите, т
и дѣлаете; они на васъ за то не гнѣваются, потому
вспихнете ихъ на королевство, а потомъ сами и спихн
какъ сдѣлали съ Генрихомъ королемъ, а послѣ того и Сте
на короля отравили, который вами хотѣлъ владѣть какъ го
государямъ. Мы великимъ государямъ своимъ никогда та
измѣны не дѣлывали.... И прежде великій государь патріар
Филаретъ Никитичъ въ мірѣ былъ великій и ближній сенатор
Владиславу вашему того великаго государства Богъ не да
за отца его и за его неправды, за вашу собацкую ложь
за лакомство, и впередъ Владиславу государства Московска
не видать никогда, пошатавшись по чужимъ землямъ может
и даромъ сгинутъ, или отправитъ его на тотъ свѣтъ мачиха,
а его родная тетка по матери, что у васъ не новое.» Серпѣйскій державца не остался въ долгу, ругательства усиливались все болѣе и болѣе, дѣло дошло до послѣдней брани...

Бояре послали къ панамъ списокъ съ грамоты Серпѣйскаго державцы, объявляя что подобныхъ вещей терпѣть не будут и требуя наказанія баломутамъ. Паны отвѣчали, что они мирнаго постановленія не нарушаютъ ни въ чемъ, и давали знать, что самозванцы готовы, хотя король имъ и не благопріятствуетъ: «Сами знаете, что изъ вашего народа Московскаго нѣкоторые называясь государскими сыновьями, опять грамоты разсылаютъ и людей вольныхъ военныхъ къ себѣ призываютъ, съ Запорожскими и Донскими козаками ссылаются и по примѣру Димитрія войною государства Московскаго доступать хотятъ: отъ того великая смута на вашей украйнѣ была, но король заказъ крѣпкій учинилъ, чтобъ никто изъ людей его не смѣлъ идти.» Относительно царя Михаила паны отвѣчали, что онъ написанъ въ перемирной записи Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а не государемъ, потому что Владиславъ отъ своихъ правъ не отказывался. Относительно же грамоты державца Серпѣйскаго паны писали: «Мы этотъ списокъ вычитали и видѣли, что они, какъ солдаты, служивые люди, не

безъ письменнаго обычая, какъ въ чужія государства пишутъ, по просту писали.» Въ Октябрѣ 1620 года пріѣхали въ Москву посланники отъ пановъ Александръ Слизень и Николай Анфоровичь съ тѣми же рѣчами: «Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не оставилъ, и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Θеодоровича, котораго вы теперь государемъ у себя называете, отъ крестнаго цѣлованья не освободилъ.» Опять паны писали о воровскихъ заводахъ для угрозы боярамъ, желая показать, что отъ короля зависитъ сдержать и наслать самозванца на Московское государство:» Въ то время, писали паны, какъ коммиссары въ Оршѣ платили жалованье войску, разводили его изъ полковъ и войско разъѣзжалось, объявился новый заводъ: начали метать войску грамоты отъ имени Ивана Димитріевича царевича Московскаго, Московскимъ письмомъ и за Московскою печатью, пишутъ въ грамотахъ, что онъ живъ и проситъ войско, чтобъ оно, помня къ себѣ жалованье отца его, шло въ Московскую землю и помогало ему доступать отчины, государства Московскаго, а онъ имъ обѣщаетъ добрую награду. Многіе въ войскѣ этому повѣрили и хотѣли было на службу къ нему идти, но коммиссары доказывали рыцарству многими словами, что это выдумка и пригрозили именемъ королевскимъ, чтобъ никто изъ нихъ за такое воровское дѣло не брался; отецкіе дѣти всѣ ихъ послушались, по домамъ разъѣхались, а козаки и пахолики нѣкоторые пошли къ Запорожскимъ козакамъ, чтобъ съ ними вмѣстѣ провожать того Ивана въ землю Московскую; тогда король тотчасъ разослалъ листы во всѣ украинскія мѣста, и Запорожцамъ послалъ приказъ съ угрозою, чтобъ всѣ разъѣхались съ границъ.»

Въ такомъ положеніи находились Польскія дѣла, когда въ Августѣ 1621 года пріѣхалъ въ Москву Турецкій посланникъ, Грекъ Θома Кантакузинъ. Если вѣрить донесеніямъ Французскаго посланника въ Константинополѣ де Сези, объ отправленіи этого посольства хлопоталъ Византійскій патріархъ, Кириллъ, Голландскій посланникъ, и нѣсколько Турецкихъ вельможъ. Султанъ Османъ писалъ, что онъ идетъ съ войскомъ

на Литовскаго короля: такъ чтобъ царь воспользовался этимъ случаемъ отомстить Полякамъ и закрѣпить дружбу съ нимъ султаномъ, шелъ бы немедленно со всѣмъ своимъ войскомъ на короля. Великій визирь Гуссейнъ прислалъ отъ себя особую грамоту любительному другу своему, Московскому королю, въ которой писалъ, что пришло время подпоясатся воинскимъ храбрымъ поясомъ, и чтобъ царь такого времени не пропускалъ. Константинопольскій патріархъ Кириллъ писалъ о томъ же. Филарету Никитичу Кантакузинъ объявилъ отъ имени султана: «слухъ до него дошелъ, что сынъ вашъ Польскому королю послалъ денегъ на помощь и самъ хочетъ идти: такъ онъ бы этого не дѣлалъ, а стоялъ бы съ нами на Польскаго короля вмѣстѣ; а когда султанъ Польскую землю повоюетъ и города поберетъ, то Русскіе города — Смоленскъ и другіе сыну твоему отдастъ даромъ совсѣмъ. Вѣдомо великому государю сыну вашему и тебѣ, великому святителю, продолжалъ Кантакузинъ, что теперь въ Нѣмецкой землѣ у цесаря рознь великая съ Люторами и земли у него отошли многія; на Угорской и Семиградской землѣ султанъ Османъ посадилъ Бетлемъ-Габора, на Волошской сына Михны воеводы, на Молдавской землѣ моего тестя, велѣлъ имъ всѣмъ стоять противъ цесаря, чтобъ цесарю не дать помогать Польскому королю; цесарю теперь стало до себя, и себя ему не оборонить. Султанъ Османъ нарочно послалъ сюда меня, человѣка Греческой вѣры, чтобъ вы во всемъ мнѣ вѣрили и на государя моего были надежны: онъ подлинно сталъ на Польскаго короля на десять лѣтъ и пошелъ уже въ походъ, а меня отпустилъ съ дороги; да и Цареградскій патріархъ Кириллъ велѣлъ вашему святительству говорить на крѣпко, чтобъ сынъ вашъ съ султаномъ стоялъ за одно и помощи Польскому королю не посылалъ; въ томъ я вамъ государямъ душу даю, что Османъ султанъ съ великимъ государемъ сыномъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, и на Польскаго короля стоять съ нимъ заодно.»

Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: «Бояре съ панами радными

заключили перемирье и города нѣкоторые Литвѣ отданы; перемирье это сынъ мой велѣлъ заключить только для меня, между сыномъ моимъ и Польскимъ королемъ и сыномъ его ссылки и любви теперь нѣтъ, неправды ихъ и Московскаго разоренья забыть намъ нельзя; мы того только и смотримъ: хотя бы въ маломъ въ чемъ Польскій король миръ нарушилъ, то сынъ мой для султановой любви пошлетъ на него рать, и людямъ ратнымъ велѣно быть на готовѣ, а помощи противъ султана сынъ мой Польскому королю никогда не давалъ и не дастъ, чтобъ султанъ вѣрилъ въ этомъ моему слову, да и святѣйшему патріарху Кириллу извѣсти, что наше слово никогда не перемѣнится.» Съ этимъ Кантакузинъ и былъ отпущенъ.

12 Октября 1621 года былъ у великихъ государей соборъ въ золотой большой грановитой палатѣ; на соборѣ было три митрополита—Новгородскій, Ростовскій и Крутицкій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборные старцы, протопопы и весь освященный соборъ; бояре — князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищами, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, дьяки, жильцы, дворяне изъ городовъ, выборные и приказные люди, головы, сотники и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, гости и торговые люди, Донскіе атаманы, козаки, и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства. Говорили великіе государи о неправдахъ и крестопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, Жигимонта короля, сына его Владислава, Польскихъ и Литовскихъ людей:» Жигимонтъ король мирное постановленіе нарушилъ; изъ многихъ Литовскихъ порубежныхъ городовъ урядники пишутъ не по посольскому договору, королевича Владислава называютъ царемъ всея Руси и задоры съ Литовской стороны дѣлаются многіе: въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Великолуцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ Литовскіе люди начали въ государеву землю вступаться, остроги и слободы ставятъ, села и деревни, лѣса и воды освоиваютъ, селитру въ Путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ варятъ, будники золу жгутъ, рыбу ловятъ и звѣрь всякій

бьютъ, на пограничныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ наѣз
ютъ, бьютъ, грабятъ, побиваютъ, съ помѣстій сгоняютъ; п
никовъ не всѣхъ отпустили, держатъ въ неволѣ и поруга
Изъ Серпейска урядники Литовскіе въ листу своемъ пис
не по пригожу, со многою укоризною, чего не только
собакамъ, и королю ихъ писать негодилось. По злому же уш
ленію Литовскаго короля въ прошломъ году паны рада п
слали къ государевымъ боярамъ посланниковъ своихъ, и
грамотахъ писали непристойнымъ обычаемъ, нарочно къ на
шенію мирнаго постановленія, государево имя писали бе
государскаго именованья, и отъ царскаго сродства госуд
отчитываютъ, царя Ивана Васильевича не велятъ писать
дѣдомъ, и царя Ѳедора Ивановича дядею. И если Жигимо
король и паны рада въ своихъ неправдахъ не исправятся,
великій государь, прося у Бога милости и по благослове
отца своего, за святыя Божія церкви, и за православную х
стіянскую вѣру, за свою честь и за всѣхъ людей Московск
государства противъ Литовскаго короля и сына его начне
стоять, своей чести доходить и всѣхъ людей Московскаго госуд
ства неправды мстить. А теперь прислалъ къ нимъ, велик
государямъ, Турскій Османъ салтанъ пословъ своихъ, чтобъ
были съ нимъ за одно на общаго недруга, Литовскаго коро
и Крымскій царь на Литву также пошелъ. Шведскій Густ
Адольфъ король присылалъ не однажды, чтобъ на Польск
короля стоять съ нимъ за одно. И они, великіе государи, с
жалѣя о христіянствѣ и не хотя видѣть кровопролитія, у
зали боярамъ послать отъ себя къ панамъ радѣ съ грамот
обо всѣхъ этихъ дѣлахъ; если паны къ боярамъ гонца от
пустятъ безъ дѣла, государево имя станутъ писать безъ г
сударскаго именованья, или станутъ писать непригожія сло
королевича писать царемъ, и въ обидныхъ дѣлахъ распра
не учинятъ: то за такія великія неправды они великіе госу
дари больше терпѣть не станутъ, сославшись съ Турскимъ
Крымскимъ и съ Шведскимъ королемъ, пошлютъ свою рат
на Литву. А если Польскому королю теперь смолчать, и есл

ни теперь въ своемъ упадкѣ гордости и неправды не убавятъ, когда имъ война и тѣснота отъ Турокъ, Татаръ и Шведовъ, то впередъ, когда имъ отъ недруговъ хотя немного пооблегчаетъ, еще больше станутъ на Московское государство умышлять и всякія неправды дѣлать. Да и того надобно опасаться: если теперь государямъ съ Турскимъ салтаномъ, Крымскимъ царемъ и Шведскимъ королемъ на Польскаго короля не стать, то впередъ бы съ Турками, Татарами и Шведами въ большую недружбу невойти.» Соборъ билъ челомъ государямъ, чтобъ они за святыя Божія церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко; а они, освященный соборъ будутъ молить Бога о побѣдѣ и мирѣ; а они бояре, окольничіе и т. д. и всякіе служилые люди за нихъ государей и за ихъ государство ради биться не щадя головъ своихъ. Да били челомъ дворяне и дѣти боярскіе, чтобъ государи ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ городахъ разобрать, кому можно государеву службу служить, чтобъ ниодинъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. Гости и торговые люди били челомъ, что они въ помощь государевой казнѣ ради съ себя давать деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ.

Въ слѣдствіе этого бояре, дворяне и дьяки отправлены были по городамъ для разбора дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ, кто изъ нихъ годенъ на службу. На третій же день послѣ собора отправленъ былъ отъ бояръ къ панамъ гонецъ Борняковъ съ такою грамотою: «Только впередъ великаго государя нашего именованье станете писать не по его царскому достоинству, или станете его укорять, или порубежныхъ городовъ державцы станутъ писать не по его царскому достоинству, не потому какъ написано въ нынѣшнихъ посольскихъ записяхъ, а ваши послы съ такимъ полнымъ именованьемъ у Московскихъ пословъ запись взяли, да и въ своей записи ваши послы государя нашего именовали великимъ государемъ, а королевича написали вездѣ королевичемъ, а не царемъ: и только теперь королевича станутъ писать не по посольскому договору,

то мы, царскаго величества бояре, послѣднее вамъ объявля
что мы бояре и всѣ люди Московскаго государства бо
того вамъ тернѣть не будемъ и, прося у Бога милости
честь великаго государя стоять и ваши неправды истить
демъ. 2-го Февраля 1622 года возвратился Борняковъ
Литвы и привезъ боярамъ грамоту отъ пановъ: въ этой
мотѣ король былъ написанъ не по прежнему обычаю, съ
бавочными титулами и обладателемъ; о королевичѣ напис
что его выбрали царемъ бояре и вся земля и крестъ ему
ловали, «и теперешній государь вашъ Михаилъ Ѳедоро
будучи стольникомъ, съ вами и съ другими стольниками то
рищами своими, королевичу присягнулъ на вѣрность и под
ство», и этого у королевича отнять нельзя; если же боя
надобно, то они бы объ этомъ королевичу били челомъ и
сили сами. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ написанъ былъ въ гр
мотѣ просто, безъ государскаго именованья; про царя Ив
Васильевича написаны укорительныя слова, что онъ роди
отъ княжны Глинской, которой отецъ Польскому королю из
нилъ, и теперь Глинскіе князья служатъ королю. На погр
ничныхъ урядниковъ, которые о государѣ писали непригож
паны управы не дали и въ грамотѣ своей ничего объ нихъ
писали; въ задорныхъ дѣлахъ и обидахъ также расправы
сдѣлали, писали только, что если бояре хотятъ вести пере
воры о государскихъ титулахъ, о королевичевѣ именованьѣ
о вѣчномъ докончаньѣ, то пусть высылаютъ для этого велики
пословъ на рубежъ между Вязьмою и Дорогобужемъ.

По полученіи этой грамоты, 14 Марта государь указалъ по
слать въ города свои грамоты о неправдахъ Литовскаго ко
роля и пановъ-радныхъ; въ этихъ грамотахъ объявлялось, что
уже послѣ пріѣзда Борнякова Брянскіе воеводы прислали спи
сокъ съ листа Почепскаго державцы, въ которомъ также госу
дарь названъ непристойнымъ обычаемъ полуименемъ, а коро
левичъ написанъ царемъ всея Руси: поэтому государь прика
зывалъ боярамъ, воеводамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ
всѣхъ городовъ и всякимъ служилымъ людямъ быть готовыми

на службу тотчасъ и ждать царскихъ грамотъ. Но грамоты о выступленіи въ походъ не приходили: предпріятіе султана Османа противъ Польши кончилось неудачно; Османъ возвратился въ Константинополь и былъ убитъ янычарами; Польша отдохнула съ этой стороны; съ побѣдоносными въ Лифляндіи Шведами также было заключено перемиріе, а безъ союзниковъ Московское правительство не могло рѣшиться начать войну съ Польшею. Какъ слабы были его средства видно изъ того, что Крымскіе разбойники въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцѣ 1622 года въ небольшихъ толпахъ безнаказанно пустошили уѣзды Епифанскій, Данковскій, Одоевскій, Бѣлевскій, Дѣдиловскій, а воеводы спокойно сидѣли въ городахъ. Государь послалъ Ивана Вельяминова сказать воеводамъ: «Вамъ и безъ вѣстей надобно было быть со всѣми людьми на готовѣ, потому что вы воеводы походные, и какъ скоро про Татаръ вѣсть придетъ, то вамъ было тотчасъ идти на спѣхъ и воевать имъ не дать. Да и то вы сдѣлали простотою и глупостью: пришедши къ Татарскимъ станамъ близко, ничего опять имъ не сдѣлали, въ станахъ ихъ не застали, подъѣздовъ за ними не послали, сами по сакмѣ не пошли, отворотныхъ воинскихъ людей нисколько не ожидали и устеречь ихъ не умѣли. Татары пришли подъ Дѣдиловъ немногіе люди, были отъ посаду за три версты, а князь Гагаринъ изъ Дѣдилова на нихъ выйти несмѣлъ, послалъ сотни и самъ пошелъ, какъ Татары, навоевавшись, назадъ пошли. Эта Татарская война учинилась ихъ воеводскою оплошкою и нерадѣньемъ, или, быть можетъ, они для посуловъ ратныхъ людей распустили по домамъ, и отъ того имъ надъ Татарами промышлять было не съ кѣмъ. И они бы впередъ такъ не дѣлали.»

При такихъ обстоятельствахъ вмѣсто войска отправленъ былъ на Литовскій рубежъ на съѣздъ посолъ князь Василій Ахамашуковичь Черкасскій; паны выслали князя Самуила Сангушку; съѣзжались только одинъ разъ, и Сангушка о большихъ дѣлахъ—о титулѣ и о ворахъ, которые присылали листы съ укоризнами на государя, называя его полуименемъ, не говорилъ, отозвавшись неимѣніемъ наказа, говорилъ только о порубеж-

ныхъ спорныхъ дѣлахъ. Разъѣхались безъ дѣла. Но и послѣ этого войны не было 9 лѣтъ; къ ней приготовлялись: видѣли несостоятельность Русскаго войска и положили нанять иноземцевъ; мало того, сдѣлали шагъ рѣшительный, чего при прежнихъ государяхъ не бывало, велѣли Русскихъ ратныхъ людей учить иноземному строю. Въ Генварѣ 1631 года отправленъ былъ старшій полковникъ и рыцарь Александръ Ульяновичъ Лесли въ Швецію нанимать 5,000 охочихъ солдатъ пѣшихъ; туда же въ Швецію отправлены были посланники стольникъ Племянниковъ да подъячій Аристовъ купить 10,000 мушкетовъ съ зарядами, да 5,000 шпагъ; если полковникъ найметъ въ Швеціи меньше 5,000 человѣкъ, то для найма остальныхъ велѣно ему ѣхать въ Данію, Англію и Голландію; то же долженъ былъ сдѣлать и Племянниковъ, если бы не удалось ему накупить всего оружія въ Швеціи. Лесли долженъ былъ также приговорить Нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному новому дѣлу, что дѣлалъ на Москвѣ пушечный мастеръ Голландецъ Коетъ, кузнеца, станочника, колесника да мастера, который бы умѣлъ лить пушечныя желѣзныя ядра. Въ Февралѣ отправленъ былъ полковникъ фанъ-Дамъ нанять ригиментъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ. Всѣхъ ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ въ 1631 году было 66,690 человѣкъ. Въ Іюнѣ 1631 государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ св. патріархомъ и поговоря съ боярами, указалъ послать къ Дорогобужу и Смоленску бояръ и воеводъ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго да князя Бориса Михайловича Лыкова. Когда этимъ воеводамъ сказана была служба, то они больше всего начали смотрѣть Нѣмецкихъ полковниковъ, Александра Лесли съ товарищами, начальныхъ людей ихъ полковъ и Нѣмецкихъ солдатъ, смотрѣли и къ службѣ строили. Прошелъ почти годъ; въ Апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ, наступило междуцарствіе въ Польшѣ, избирательный сеймъ, смуты; надобно было пользоваться временемъ; но вотъ въ Апрѣлѣ же билъ челомъ великимъ государямъ князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій на боярина князя

Бориса Михайловича Лыкова: «князь Борисъ Михайловичь съ нимъ княземъ Дмитріемъ въ товарищахъ быть не хочетъ, говоритъ будто имъ княземъ Дмитріемъ люди владѣютъ, и обычай у него тяжелъ, и что онъ Лыковъ передъ княземъ Дмитріемъ старъ, служитъ государю сорокъ лѣтъ, лѣтъ съ тридцать ходитъ своимъ набатомъ, а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ». Государи указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову и дьяку Дашкову допросить боярина князя Черкасскаго, при комъ Лыковъ ему говорилъ, что съ нимъ быть не хочетъ и что люди имъ владѣютъ? Черкасскій отвѣчалъ: «государямъ самимъ вѣдомо, что князь Борисъ Лыковъ въ прошломъ году и нынѣ имъ билъ челомъ, что съ нимъ, княземъ Дмитріемъ въ товарищахъ быть не хочетъ, и тѣмъ его обезчестилъ, а онъ князь Дмитрій на ихъ государскую службу готовъ: и они бы, великіе государи, его пожаловали, велѣли ему на князя Лыкова дать оборону.» Великіе государи велѣли сказать князю Лыкову: «Въ прошломъ году сказана ему служба, велѣно быть въ товарищахъ съ княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ: и онъ князь Борисъ, тому нынѣ годъ, какъ приходилъ въ соборную церковь къ великому государю св. патріарху Филарету Никитичу, и говорилъ въ соборной церкви ему государю такія слова, что всякій человѣкъ, кто боится Бога и помнитъ крестное цѣлованіе, такихъ словъ говорить не станетъ, и наряжался онъ на государеву службу годъ. А какъ службѣ время дошло, и онъ для своей бездѣльной гордости и упрямства и непрямой службы, билъ челомъ на боярина князя Черкасскаго, что ему на службѣ быть съ нимъ нельзя, что у князя Дмитрія Мамстрюковича нравъ тяжелый, и прибыли нечаетъ отъ того, что быть ему вмѣстѣ съ нимъ въ государевомъ дѣлѣ, и тѣмъ своимъ гордостнымъ бездѣльнымъ челобитьемъ службу свою отказалъ, князя Дмитрія Мамстрюковича обезчестилъ и въ государевой службѣ учинилъ многую смуту. Потому великіе государи указали князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому на князѣ Борисѣ Лыковѣ доправить безчестье, окладъ его вдвое, 1200 рублей». Два мѣсяца думали кѣмъ замѣнить

Черкасскаго и Лыкова, наконецъ въ Августѣ назначили бо-рина Михайлу Борисовича Шеина и окольничаго Артемья И-майлова; войска съ ними выступило 32,082 человѣка съ 1- орудіями; другіе воеводы выступили изъ Ржева, Володимір- изъ Калуги, изъ Сѣвска. Воеводамъ данъ былъ наказъ: не-правды Польскому и Литовскому королю отмстить, и город- которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблею, поворотить к- прежнему къ Московскому государству. Воеводы должны был- послать сперва легкіе отряды, рѣзвыхъ людей захватить Доро-гобужъ въ расплохъ; если не удастся, то идти къ этому го-роду всѣми полками, промышлять всякими мѣрами, но подъ До-рогобужемъ долго не стоять, послать тайно грамоты къ его жителямъ, Русскимъ людямъ, чтобъ они попомнили православ-ную вѣру и государево крестное цѣлованіе, государю послу-жили, надъ Литовскими людьми промыслили и городъ сдали. Если не удастся взять Дорогобужъ скоро, то, оставя подъ нимъ меньшихъ воеводъ, Шеинъ и Измайловъ должны были идти подъ Смоленскъ и промышлять надъ этимъ городомъ точно также какъ надъ Дорогобужемъ. Походъ былъ предпринятъ съ намѣреніемъ возвратить Смоленскъ и Дорогобужъ съ уѣздами Московскому государству; поэтому наказано было воеводамъ, чтобъ они, какъ скоро придутъ подъ Смоленскъ, тотчасъ отпи-сали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды, къ старостамъ, цѣловальникамъ и всякимъ людямъ, что они пришли для очи-щенія Смоленска и уѣзда его къ Московскому государству по прежнему, и потому пусть всякіе уѣздные люди ѣдутъ къ нимъ въ станъ съ запасами и продаютъ ихъ какъ цѣна подниметъ; ратнымъ людямъ наказать не одинъ разъ накрѣпко, чтобъ они ни у кого даромъ не брали, никого не грабили и не били, уѣздовъ не пустошили и уѣздныхъ и всякихъ людей тѣми сво-ими насильствами не разогнали; для сыску надъ виновными по челобитьямъ уѣздныхъ людей выбрать пополамъ особыхъ су-дей, которымъ приказать накрѣпко, чтобъ они по челобитнымъ сыскивали въ правду, ратнымъ людямъ ни въ чемъ не норовили, и самимъ воеводамъ надсматривать надъ судьями.

Такъ какъ ратнымъ людямъ дано было жалованье большое, [...]скихъ и Нѣмецкихъ солдатъ полковникамъ, ротмистрамъ и [...]имъ людямъ положены были кормовыя деньги помѣсячно [...]зъ перевода, и впередъ безъ дополнительной большой рати [...]ъ Литовскими людьми раздѣлаться не было надежды, то госу[...]ари совѣтовали со всякихъ чиновъ людьми, чтобъ они дали [...]енегъ ратнымъ людямъ на жалованье, чтобъ съ торговыхъ [...]юдей взять пятую деньгу, а съ бояръ, окольничихъ, столь[...]никовъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ лю[...]дей взять, кто сколько дастъ. Крутицкій митрополитъ и нѣкоторые другіе архіереи и игумены тутъ же на соборѣ объявили, сколько даютъ своихъ домовыхъ и келейныхъ денегъ; остальное духовенство и свѣтскіе люди объявили, что денегъ дадутъ, а что кто дастъ, тому они принесутъ росписи. Сборъ денегъ порученъ былъ въ Москвѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, Симоновскому архимандриту Левкію, Моисѣю Глѣбову и двоимъ дьякамъ; по городамъ собирали архимандриты, игумены и дворяне добрые, гости и торговые люди должны были выбрать изъ себя людей прямыхъ, которые, давши присягу, должны были объявлять, сколько у кого изъ нихъ имѣнія и промысловъ; всѣ собранныя такимъ образомъ деньги присылались въ Москву къ князю Пожарскому, который записывалъ ихъ въ приходныя книги порознь, по статьямъ. Кромѣ того собраны были съ сохъ хлѣбные и мясные запасы—сухари, крупа, толокно, солодъ, масло коровье, ветчина. Наблюденіе за сборомъ этихъ запасовъ и распоряженіе ими поручено было князю Ивану Борятинскому да Ивану Огареву. Всякихъ чиновъ люди дали также подводы везти эти запасы подъ Смоленскъ.

Война началась счастливо: 12 Октября сдался Серпѣйскъ головѣ князю Гагарину; 18 Октября сдался Дорогобужъ головѣ Сухотину и полковнику Лесли. Государи велѣли Шеину идти изъ Дорогобужа подъ Смоленскъ и, чтобъ не было обычной помѣхи успѣшному ходу дѣлъ, приказали всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ быть безъ мѣстъ до окончанія войны съ

тѣмъ, что при послѣдующихъ случаяхъ разряды этой войны... будутъ имѣть значенія. Бѣлая сдалась князю Прозовскому, сда... лись Рославль, Невль, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубческ... Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Сурожъ, Ба... туринъ, Роменъ, Иванъ городище, Мена, Миръгородокъ, Бо... зна, Пропойскъ, Ясеничи и Носеничи; посадъ Полоцкій былъ взятъ и выжженъ съ помощію Русскихъ православныхъ горо... жанъ; взяты были посады подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озери... щемъ, Лужею, Мстиславлемъ, Кричевымъ. Шеинъ съ Измайло... вымъ осадили Смоленскъ; губернаторъ его, Станиславъ Воевод... скій отбивался 8 мѣсяцевъ, наконецъ готовъ былъ уже сдаться по недостатку припасовъ, какъ получилъ помощь: въ эти 8 мѣ... сяцевъ дѣла въ Польшѣ устроились, въ короли былъ избранъ сынъ покойнаго Сигизмунда, Владиславъ, первымъ дѣломъ ко... котораго было идти на помощь Смоленску; собрано было 23,000 войска, козакамъ позволено вторгнуться въ Московскія владѣ... нія и пустошить ихъ, къ тому же подущены и Крымцы: «не спорю, говоритъ Литовскій канцлеръ Радзивилъ въ своихъ за... пискахъ, не спорю, какъ это по богословски, хорошо ли по... ганцевъ напускать на христіанъ, но по земной политикѣ вы... шло это очень хорошо». Дѣйствительно Крымцы опустошили Московскую украйну; многіе ратные люди, бывшіе въ войскѣ Шеина, услыхавъ что Татары воютъ ихъ помѣстья и вотчины, разъѣхались изъ подъ Смоленска. 25 Августа 1633 года, ко... роль Владиславъ пришелъ подъ этотъ городъ, и сталъ на рѣчкѣ Боровой, въ семи верстахъ отъ него. Прежде всего Владиславу хотѣлось сбить Русскихъ съ горы Покровской, гдѣ укрѣпился полковникъ Русской службы Маттисонъ, а подлѣ стояли въ острожкѣ князья Прозоровскій и Бѣлосельскій. 28-го Августа гетманъ коронный по зарѣцкой сторонѣ нижнею дорогою дви... нулся подъ этотъ острогъ, но былъ отбитъ съ урономъ, въ тоже время король пробрался по Покровской горѣ въ Смоленскъ, откуда осажденные сдѣлали вылазку и овладѣли шанцами Мат... тисона, но были вытѣснены изъ нихъ сотнями, присланными Прозоровскимъ и Бѣлосельскимъ. 11-го Сентября послѣдовало

новое нападеніе на Маттисона и на острогъ Прозовскаго, бившись два дня и двѣ ночи, наконецъ воеводы, поговоря между собою и съ полковниками, что государевымъ людямъ Польскіе и Литовскіе люди не въ мочь, и городка на Покровской горѣ не удержать, полковника Маттисона вывели ночью къ себѣ въ большой острогъ, при чемъ не мало иностранцевъ перебѣжало къ Полякамъ. Получивши донесеніе объ этомъ, царь писалъ Шеину: «Мы все это дѣло полагаемъ на судьбы Божія и на Его праведныя щедроты, много такого въ военномъ дѣлѣ бываетъ, приходы недруговъ случаются, потомъ и милость Божія бываетъ. Ты бы нашимъ царскимъ дѣломъ промышлялъ, чтобъ нарядъ уберечь; а если окольничему князю Прозоровскому въ своихъ таборахъ отъ приходу королевскаго стоять нельзя, и въ земляныхъ городкахъ пѣшимъ людямъ сидѣть нельзя, то ты бы бояринъ нашъ, Михайлъ Борисовичь, велѣлъ князю Семену Васильевичу (Прозоровскому) со всѣми людьми идти къ себѣ въ обозъ и стоять бы вамъ со всѣми нашими людьми въ одномъ мѣстѣ». На это Шеинъ отвѣчалъ донесеніемъ, что Прозоровскій перешелъ въ большой обозъ за Днѣпръ, при чемъ покинуто было въ окопахъ нѣсколько пушекъ и запасы; Русскіе, уходя, зажгли было ихъ, но дождь погасилъ; по уходѣ Русскихъ самъ король осматривалъ покинутые ими окопы: по словамъ Поляковъ огромные валы, равнявшіеся высотою стѣнамъ Смоленскимъ, насыпаны были съ изумительнымъ трудомъ, еслибъ ихъ добывать приступомъ, то много пролилось бы крови. Царь писалъ Шеину и Прозоровскому: «Вы сдѣлали хорошо, что теперь со всѣми нашими людьми стали вмѣстѣ. Мы указали идти на недруга нашего изъ Москвы боярамъ и воеводамъ, князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому со многими людьми; къ вамъ же подъ Смоленскъ изъ Сѣверской страны пойдетъ стольникъ Ѳедоръ Бутурлинъ, и уже посланъ къ вамъ стольникъ князь Василій Ахамашуковъ Черкасскій съ княземъ Ефимомъ Мышецкимъ; придутъ къ вамъ ратные люди изъ Новгорода, Пскова, Торопца и Лукъ Великихъ. И вы бы всѣмъ ратнымъ людямъ сказали,

чтобъ они были надежны, ожидали себѣ помощи вскорѣ, противъ враговъ стояли крѣпко и мужественно».

Но въ это самое время Поляки въ тылу Шеина взяли и сожгли Дорогобужъ, гдѣ были сложены запасы для войска. Шеинъ доносилъ, что 6-го Октября король со всѣми людьми съ Покровской горы перешелъ на Богданову околицу вверхъ по Днѣпру, и сталъ обозомъ позади ихъ острогу по Московской дорогѣ съ версту отъ острога, а пѣшихъ людей и туры поставили противъ большаго острога на горѣ. 9-го Октября Шеинъ вывелъ свои войска противъ непріятеля; Польская конница обратила въ бѣгство часть Русской пѣхоты, но отъ другой принуждена была бѣжать, и наступавшая ночь остановила дѣло; по Польскимъ извѣстіямъ Русскіе потеряли 2000 убитыми, у Поляковъ было очень много раненыхъ, убито людей не много, но много погибло лошадей. Шеинъ писалъ, что дороги Московскія непріятель занялъ всѣ, и проѣзду ни откуда нѣтъ. Съ конца Октября Русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ конскомъ корму. Стрѣльба продолжалась между обоими обозами; Поляки стрѣляли съ горы Сковронковой на Русскій станъ, Русскіе стрѣляли снизу и потому непричиняли вреда непріятелю; но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметовъ королевскихъ. Шеинъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія, можно ли попытаться ударить на королевскій обозъ и съ которой стороны? Полковникъ Лесли, главный между иноземцами, совѣтовалъ ударить на непріятеля; полковникъ Сандерсонъ Англичанинъ говорилъ противное, Лесли разгорячился и назвалъ Сандерсона измѣнникомъ, едва Шеинъ успѣлъ ихъ развести; рѣшено было принять мнѣніе Лесли; но 2 Декабря Русскіе, терпя отъ холода, пошли въ лѣсъ за дровами; Поляки напали на нихъ и 500 положили на мѣстѣ. Когда узнали объ этомъ несчастіи въ обозѣ, то Лесли уговорилъ Шеина поѣхать на мѣсто и самому счесть сколько погибло Русскихъ; съ Шеинымъ и Лесли поѣхалъ и Сандерсонъ; Лесли, вдругъ обратившись къ нему и по казывая рукою на трупы, сказалъ: «это твоя работа, ты далъ

ъ королю, что наши поѣдутъ въ лѣсъ». — «Лжешь!» закри- Англичанинъ; тогда Лесли, не говоря ни слова, выхватилъ олетъ и положилъ Сандерсона на мѣстѣ въ глазахъ Шеина. ъ слѣдствіе голода и холода въ Русскомъ станѣ открылась мертность. Узнавъ объ этомъ, король, въ послѣднихъ хъ Декабря послалъ Шеину и чужестраннымъ офицерамъ оты съ увѣщаніемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того ъ погибать понапрасну отъ меча и болѣзней. Шеинъ долго хотѣлъ позволить, чтобъ иноземные офицеры взяли коро- кую грамоту, утверждая, что иноземцы не могутъ участво- ни въ какихъ переговорахъ, ибо это наемные слуги, и зывалъ на примѣръ самыхъ Поляковъ, которые не допуска- ъ у себя наемнымъ иноземцамъ сноситься съ непріятелемъ. яки отвѣчали, что у нихъ дѣло другое, у нихъ иноземцы одятся въ полномъ подчиненіи гетману, а у Русскихъ этого ѣтъ: Лесли, убивши Сандерсона, не поддался подъ судъ Шеина стался не наказаннымъ. Послѣ долгихъ споровъ Русскіе усту- : полковникъ Розверманъ взялъ листъ королевскій отъ иноземцевъ, а Сухотинъ взялъ листъ отъ имени Шеина. очитавши листъ, воевода отослалъ его назадъ безъ всякаго ѣта на томъ основаніи, что въ немъ были непригожія рѣчи, когда Поляки не хотѣли брать листа назадъ, то посланные росили его на землю и уѣхали. Но въ половинѣ Генваря 1634 года Шеинъ, подъ видомъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, чалъ обнаруживать готовность свою вступить и въ мирныя соглашенія съ королемъ, особенно понуждаемый, какъ говорятъ, иностранными наемниками, которые не привыкли сносить го- лодъ и холодъ, какъ привыкли къ тому Русскіе. Шеину отвѣ- чали, что единственное средство къ тому—черезъ гетмана Ли- товскаго и другихъ сенаторовъ бить челомъ королю о мило- сердіи, отдаваясь на всю его волю; эта воля состояла въ слѣ- дующемъ: Шеинъ долженъ прежде всего выдать всѣхъ Поль- скихъ перебѣжчиковъ; освободить всѣхъ плѣнныхъ; иноземцы получаютъ свободу или возвратиться въ отечество, или вступить въ службу королевскую; Русскимъ людямъ также позволено

15

вступить въ службу королевскую, кто изъ нихъ захочетъ; иноземцы должны присягнуть, что никогда не будутъ воевать противъ короля и королевства Польскаго, или какимъ либо другимъ способомъ вредить ему; Русскіе также должны присягнуть, что до истеченія четырехъ мѣсяцевъ не будутъ занимать никакихъ крѣпостей и остроговъ, не соединятся ни съ какими Московскими войсками и не предпримутъ ничего непріязненнаго противъ короля; они должны выдать безъ утайки всѣ знамена, весь нарядъ и оружіе всякаго рода, оставшееся послѣ убитыхъ ратныхъ людей; оставшіеся въ живыхъ ратные люди выходятъ съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ кто служилъ, люди торговые выходятъ съ саблями, а у кого нѣтъ сабли, то съ рогатиною, также должны оставить въ обозѣ всѣ жизненные припасы. Шеинъ согласился. 19 Февраля Русскіе выступили изъ острога съ свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо безъ барабаннаго боя и музыки; поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, Русскіе люди должны были положить всѣ знамена на землю, знаменоносцы отступить на три шага назадъ и ждать, пока гетманъ, именемъ королевскимъ, не велѣлъ имъ поднять знамена; тогда, поднявши знамена, запаливши фитили и ударивши въ барабаны, Русское войско немедленно двинулось по Московской дорогѣ, взявши съ собою только 12 полковыхъ пушекъ, по особенному позволенію короля; самъ Шеинъ и всѣ другіе воеводы и начальные люди, поровнявшись съ королемъ, сошли съ лошадей и низко поклонились Владиславу, послѣ чего, по приказанію гетмана, сѣли опять на лошадей и продолжали путь.

Что же во все это время дѣлалось въ Москвѣ? Князья Черкасскій и Пожарскій стояли въ Можайскѣ, какъ видно потому, что еще не всѣ ратные люди собрались. Денегъ также не было. Патріархъ Филаретъ умеръ, 1-го Октября 1633 года; на его мѣсто былъ возведенъ Псковской архіепископъ Іоасафъ «по изволенію царя Михаила Θеодоровича и по благословенію патріарха Филарета, потому что былъ дворовый сынъ боярскій;

правомъ и жизнію онъ былъ добродѣтеленъ, но къ царю не дерзновененъ», какъ говорятъ хронографы. 28-го Генваря 1634 года царь Михаилъ созвалъ соборъ и объявилъ, что Польскій король, видя крѣпкое стояніе боярина Шеина, всѣхъ воеводъ и ратныхъ людей, видя подъ Смоленскомъ тѣсноту, на своихъ людей побѣду, накупилъ на Московское государство Крымскаго царя, который прислалъ сына своего со многими ратными людьми и они украинскіе города многіе повоевали и пожгли; а дворяне и дѣти боярскіе украинскихъ городовъ, видя Татарскую войну, слыша, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, матери, жены и дѣти въ полонъ взяты, изъ подъ Смоленска разъѣхались, и остались подъ Смоленскомъ немногіе люди. Литовскій король, послыша, что государевы люди начали разъѣзжаться, пришелъ подъ Смоленскъ; государевы люди Литовскихъ людей многихъ побили, языки, знамена и литавры побрали, и языки въ распросѣ сказывали, что король Владиславъ и Литовскіе люди пришли для того, чтобъ имъ боярина Михаила Борисовича Шеина отбить, Смоленскъ за Литвою удержать по прежнему, и хотятъ идти въ Московское государство, чтобъ, по умышленію проклятаго папы Римскаго, православную вѣру превратить въ свою еретическую и Московское государство до конца разорить. Послѣ того король государевымъ ратнымъ людямъ тѣсноту учинилъ и дороги заступилъ. Теперь государь посылаетъ на Литовскихъ людей князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго съ товарищи, и тѣмъ ратнымъ людямъ, которыя посланы съ ними и которые стоятъ подъ Смоленскомъ безъ съѣзду, безъ жалованья на службѣ быть нельзя; а государева денежная казна, которая собрана была въ прошлыхъ годахъ государскимъ разсмотрѣніемъ, а не поборами съ земли, и та денежная многая казна роздана всякимъ ратнымъ людямъ; а которая денежная казна есть теперь, та идетъ безпрестанно на жалованье ратнымъ же людямъ и на мѣсячный кормъ, и впередъ денежной государевой казнѣ на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ добавочной казны быть нельзя. Въ прошломъ году, по соборному уложенью, собирали пятую

деньгу: но гости и торговые люди многіе давали пятую деньгу неправдою не противъ своихъ промысловъ и животовъ. Въ прошлыхъ годахъ Московское государство было въ разореньѣ, денегъ въ казнѣ ничего не было, но когда была назначена пятая деньга, то собрано было противъ нынѣшняго гораздо больше, хотя люди тогда были скуднѣе; послѣ того Московское государство въ тишинѣ и покоѣ было многое время и передъ прежнимъ во всѣхъ своихъ животахъ люди очень пополнились: такъ вамъ бы дать денегъ». — Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому можно дать. Государь велѣлъ сбирать эти запросныя и пятинныя деньги боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, окольничему Коробьину и Чудовскому архимандриту Ѳеодосію.

1-го Февраля пробрался въ Москву дворянинъ Сатинъ съ вѣстями отъ Шеина, что государевымъ людямъ отъ Литовскихъ людей утѣсненье, въ хлѣбныхъ запасахъ и въ соли оскудѣнье большое; воевода писалъ, что Польскіе полковники говорятъ о перемирьѣ, соглашаются, чтобъ оба войска отступили каждое въ свою сторону, а большіе послы съѣдутся между тѣмъ говорить о мирѣ; государь послалъ сказать Шеину, что соглашается на перемиріе, если король со всѣми людьми отойдетъ въ Польшу и если Поляки позволятъ соединиться съ Шеинымъ государевымъ подхожимъ людямъ, которые должны нарядъ и всякую казну отпровадить. Въ тоже время государь отправилъ окольничаго князя Григорья Волконскаго въ Можайскъ посовѣтоваться съ боярами, князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ, какъ бы имъ поскорѣе помочь государевымъ людямъ, подъ Смоленскомъ? Можно ли имъ идти къ Вязьмѣ и Дорогобужу? Бояре отвѣчали, что можно, и государь велѣлъ имъ готовиться къ выступленію; но 3 Марта Черкасскій далъ знать государю, что Шеинъ помирился съ королемъ и отпущенъ въ Москву. На другой же день, 4 Марта отправленъ былъ Моисей Глѣбовъ на встрѣчу къ Шеину съ запросомъ: на какихъ статьяхъ онъ помирился съ королемъ? сколько отдалъ королю наряду и всякихъ пушечныхъ запасовъ? сколько идетъ съ нимъ ратныхъ людей

Сколько осталось подъ Смоленскомъ больныхъ и на королевское имя? Шеинъ могъ догадаться, что въ Москвѣ ждетъ его пріемъ не ласковый: ему Глѣбовъ не привезъ никакого привѣта, а всѣмъ ратнымъ людямъ сказалъ, что служба ихъ, радѣнье, нужда и крѣпкостоятельство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, какъ они бились не щадя головъ своихъ, государю и всему Московскому государству вѣдомы. Шеинъ прислалъ статьи договора и списокъ ратныхъ людей, потерянныхъ и оставшихся у короля; послѣднихъ было очень мало—только 8 человѣкъ и изъ нихъ 6 Донскихъ козаковъ; всего вышло изъ подъ Смоленска съ Шеинымъ 8,056 человѣкъ, изъ этого числа многіе повезены больные и въ дорогѣ умерли, другіе оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ, Нѣмцы многіе измѣнили, пошли къ королю и въ дорогѣ померли, но сколько именно измѣнило и померло, то неизвѣстно, потому что воеводы нѣсколько дней просили у Нѣмецкихъ полковниковъ росписей ихъ людямъ, но полковники росписей не дали; больныхъ осталось подъ Смоленскомъ 2,004 человѣка. По пріѣздѣ Шеина въ Москву его осудили какъ измѣнника и казнили смертію; передъ плахою дьякъ читалъ ему слѣдующія обвиненія: «Ты, Михайла Шеинъ, изъ Москвы еще на государеву службу не пошедъ, какъ былъ у государя на отпускѣ у руки, вычиталъ ему прежнія свои службы съ большою гордостію, говорилъ, будто твои и прежнія многія службы были къ нему государю передъ всею твоею братьею боярами, будто твои братья бояре въ то время какъ ты служилъ, многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю свою братью предъ государемъ съ большою укоризною, по службѣ и по отечеству никого себѣ сверстникомъ не поставилъ. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земскаго дѣла, не хотя тебя на путь оскорбить, во всемъ этомъ тебѣ смолчалъ, бояре, которые были въ то время передъ государемъ, слыша себѣ отъ тебя такія многія грубыя и поносныя слова, чего иному отъ тебя и слышать не годилось, для государской къ тебѣ милости, не хотя государя тѣмъ раскручинить, также тебѣ смолчали». За этимъ слѣдовали

обвиненія Шеина и Измайлова въ медленности, что они по-
ряли лучшую пору, истомили ратныхъ людей, и, дождав-
ненастныхъ дней, пошли въ дальнѣйшій путь, не слушая
сударева и патріаршаго указа, и этою медленностію с
дали Полякамъ возможность укрѣпиться въ Смоленскѣ; о
номъ положенія дѣлъ къ государю не писали, а если и пис
то кратко и несправедливо; дождавшись подкоповъ, присту
къ городу не во время, въ дневную пору; на присту
Шеинъ велѣлъ въ государевыхъ людей стрѣлять изъ наря
отъ чего много ихъ было побито; Русскихъ ратныхъ люде
Нѣмцевъ не слушалъ, самъ государевымъ дѣломъ не пром
лялъ, и другимъ промышлять не давалъ; лучшія села и дере
Шеинъ и Измайловъ раздѣлили по себѣ и брали съ нихъ вс
кіе доходы, а ратнымъ людямъ ничего не давали. Постави
въ вину строгое исполненіе наказа царскаго, чтобъ рат
люди не смѣли ничего брать даромъ и вообще обижать жите
Дорогобужскаго и Смоленскаго уѣздовъ: «которые служив
люди отъ великой скудости и отъ голоду ѣзжали въ Смоле
скій и Дорогобужскій уѣздъ для своихъ и конскихъ кормов
тѣхъ ты приказывалъ бить кнутомъ безъ милости, а Смоле
скій и Дорогобужскій уѣзды уберегъ Литовскому королю с
всѣми запасами». Замѣтимъ при этомъ, что ратные люди мог
разъѣзжать по Смоленскому и Дорогобужскому уѣздамъ, когда
обозѣ у нихъ никакой скудости не было, скудость же нача-
лась, когда уже нельзя было выѣзжать изъ обоза —«Вы, про-
должаетъ обвинительная сказка, мимо государева указа, измѣ-
ною и самовольствомъ, королю крестъ цѣловали, нарядъ и вся-
кіе запасы отдали, только выговорили отпровадить въ госуда-
реву сторону 12 пушекъ, да и тѣ пушки ты, Шеинъ, измѣною
своею отдалъ Литовскому же королю совсѣмъ; да вы же отдали
36 человѣкъ Поляковъ и Литвы, которые переѣзжали на госу-
дарево имя отъ короля; да вы же отдали королю Русскихъ лю-
дей, которые государю служили, ходили безпрестанно въ ко-
ролевскіе таборы для всякихъ вѣстей и въ Москву съ госуда-
ревыми дѣлами прихаживали, и всѣхъ этихъ людей король ве-

лихъ казнить смертью. А когда вы шли сквозь Польскіе полки, то свернутыя знамена положили передъ королемъ и кланялись королю въ землю, чѣмъ сдѣлали большое безчестье государскому имени». Наконецъ любопытное обвиненіе: «Будучи въ Литвѣ въ плѣну, цѣловалъ ты крестъ прежнему Литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей ихъ волѣ. А какъ ты пріѣхалъ изъ Польши къ государю въ Москву, тому уже пятнадцать лѣтъ, то не объявилъ, что прежде Литовскому королю крестъ цѣловалъ, содержалъ это крестное цѣлованіе тайно; а теперь, будучи подъ Смоленскомъ, измѣною своею къ государю и ко всему Московскому государству, а Литовскому королю исполняя свое крестное цѣлованье, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а государю измѣнялъ».

Отрубили голову и второму воеводѣ Измайлову; виноватѣе всѣхъ, если вѣрить предсмертной сказкѣ, былъ сынъ Измайлова, Василій: «Ты Василій, говорилось въ сказкѣ, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, государю измѣнялъ больше всѣхъ, съѣзжался съ Литовскими людьми, Захаромъ Заруцкимъ и Меделянскимъ (т. е. Мадалинскимъ) и съ государевыми измѣнниками, Юшкою Потемкинымъ, Ивашкою Мещериновымъ и другими, къ себѣ ихъ въ станъ призывалъ, съ ними пировалъ, потчивалъ и дарилъ, и отъ нихъ подарки съ братомъ своимъ Семеномъ принималъ, ночевать ихъ у себя унималъ, они у тебя были и ночевали, а пріѣзжали къ тебѣ съ своимъ кормомъ и питьемъ и провожали тебя до стану, и ты разговаривалъ съ ними обо всемъ, что годно Литовскому королю. Да ты же, Василій, будучи подъ Смоленскомъ и изъ подъ Смоленска пришедши въ Можайскъ, хвалилъ Литовскаго короля, говорилъ: «какъ противъ такого великаго государя монарха нашему Московскому плюгавству биться? каковъ былъ царь Иванъ, и тотъ противъ Литовскаго короля сабли своей не вынималъ и съ Литовскимъ королемъ небивался.» Да ты же, Василій, услыша о смерти великаго государя патріарха Филарета Никитича, говорилъ много воровскихъ непригожихъ словъ, чего и напи-

сать нельзя.» Князей Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣлосельскаго приговорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣніе отобрать на государя. Отъ смертной казни эти воеводы освобождены потому, сказано въ приговорѣ, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣньи Прозоровскаго и болѣзни Бѣлосельскаго! Сынъ главнаго воеводы, Иванъ Шеинъ, виновный только по винѣ отца, освобожденъ отъ смертной казни по просьбѣ царицы, царевичей и царевенъ, но съ матерью и женою сосланъ въ Понизовые города. Другой сынъ Артемія Измайлова, Семенъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, съ Литовскими людьми съѣзжался, говорилъ многія непригожія слова и Литовскихъ людей дарилъ. Тому же наказанью подвергся Гаврила Бакинъ за то, что будучи въ Можайскѣ, хвалилъ Литовскаго короля и Литовскихъ людей передъ Русскими, называя послѣднихъ плюгавствомъ; битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму Любимъ Ананьевъ за то, что жилъ все во дворѣ у Шеина, былъ у него въ шишахъ (шпіонахъ) и подслушивалъ, кто что про него говорилъ, ссорилъ воеводу со многими знатными людьми. Тимоѳей Измайловъ, родной братъ Артемія, былъ у государева дѣла въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, у Большой казны въ судѣ: и, по государеву указу, ему Тимоѳею на казенномъ дворѣ быть не велѣно, а велѣно его съ женою и дѣтьми, для измѣны брата его Артемья, сослать въ Казань.

Участь Шеина объясняется легко. Военная исторія Московскаго государства давно уже обнаружила несостоятельность Русскаго войска въ борьбѣ со Шведами и Поляками, по недостатку искусства ратнаго; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь бѣдѣ; призваны были иностранцы, русскихъ стали учить иностранному строю; но эти первые слабые шаги въ дѣлѣ, разумѣется, не могли тотчасъ же повести къ важнымъ результатамъ. Собравши войско и деньги, нанявши Нѣмцевъ, отправили подъ Смоленскъ воеводу, знаменитаго защитою этого города: но защищать городъ и оса-

дать двѣ вещи разныя; Шеинъ не успѣлъ голодомъ заставить сдаться Смоленскъ, и скоро самъ былъ осажденъ королемъ Владиславомъ; а тутъ положеніе его было совершенно иное, чѣмъ прежде въ Смоленскѣ: не говоримъ уже о томъ, что острожекъ его не былъ такъ укрѣпленъ и такъ выгодно поставленъ какъ Смоленскъ, такъ защищенъ отъ убійственныхъ выстрѣловъ Сковронковской баттареи, — прежде въ Смоленскѣ Шеинъ былъ окруженъ ратными людьми и гражданами, готовыми биться до смерти за священные интересы, а тутъ въ острожкѣ иноземцы дерзко нарушали въ его глазахъ дисциплину, не хотѣли признавать надъ собою его власти, не хотѣли переносить голода, холода, требовали соглашеній съ непріятелемъ; Русскіе люди толкуютъ: гдѣ Московскому плюгавству сражаться съ Литовскимъ королемъ и его людьми? а изъ Москвы одно обѣщанье, что идутъ со всѣхъ сторонъ воеводы на помощь, и въ три мѣсяца никакого исполненія обѣщаній. Измѣны со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же въ Москвѣ постарались обвинить Шеина въ измѣнѣ? Причина ясна: Шеинъ своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбилъ многихъ сильныхъ людей; тутъ какъ, наивно говоритъ приговоръ, ему промолчали, потому что имѣли въ немъ нужду, да вѣроятно и Филаретъ не выдалъ бы своего сострадальца людямъ, которые за печью сидѣли; но теперь неудача Шеина затмила его прежнія заслуги; Филарета не было въ живыхъ, и сильные люди спѣшили отомстить за свое безчестье.

Хронографъ, который неблагосклонно отзывается о Филаретѣ Никитичѣ, такъ объясняетъ причины неудачи Шеина. «Царь, по совѣту, или, лучше сказать, по приказанію патріархову, призываетъ изъ Датской и изъ другихъ Нѣмецкихъ земель на помощь себѣ полковниковъ, именитыхъ людей и храбрыхъ, а съ ними множество солдатъ, отверзаетъ царскія свои сокровища, жалуетъ Нѣмецкихъ людей нещадно и даетъ русскихъ вольныхъ людей Нѣмцамъ въ наученіе ратному дѣлу. Самъ государь не изволилъ на Поляковъ идти, потому что былъ мужъ милостивый, кроткій, крови не желательный; еслибъ воз-

ложилъ упованіе на Вседержителя Бога и пошелъ самъ, то думаю, что успѣлъ бы въ дѣлѣ. Послали Шеина: тотъ бралъ города какъ птичья гнѣзда, потому что Поляки не ждали прихода русскихъ людей. Но Шеина Богъ наказалъ за то, что, отправляясь изъ плѣна, далъ королю клятву не воевать противъ Литвы, и это было извѣстно и царю и патріарху. Когда бояринъ Михайла пришелъ къ Смоленску, то поставилъ острожки близь самаго города, туры передъ пушками землею наполняетъ, всякія стѣнобитныя козни устроиваетъ, между воеводами и полковниками разсуждаетъ и не мало городской каменной стѣны изъ пушекъ пробиваетъ; Нѣмецкіе полковники подкопомъ городскія стѣны взрываютъ, словомъ сказать все къ нашему строенію дѣлается. Но вотъ царь и патріархъ впадаютъ въ кручину и недовѣріе на счетъ крестнаго цѣлованія Шеина королю; бояре Московскіе, уязвляемые завистію, начали клеветать на него, и Шеину даютъ знать въ полки, что въ Москвѣ на него много навѣтовъ; въ полкахъ воздвигается на него ропотъ великій за гордость и нерадѣніе, онъ же отъ гордости своей на воеводъ и на Нѣмецкихъ полковниковъ пуще злобился, ихъ безчестилъ, ратныхъ людей оскорблялъ, для конскихъ кормовъ по селамъ не велѣлъ отпускать, въ Москву началъ грубо отписывать, а изъ Москвы къ нему грамоты приходили только съ осужденіемъ, да съ опалою; онъ отъ этого пуще злобился, и если бы не Артемій Измайловъ съ сыномъ Васильемъ удерживали его отъ гнѣва, то онъ бы въ кручинѣ и гордости своей скоро умеръ. Пришелъ подъ Смоленскъ король Владиславъ не въ очень большой силѣ, но въ промыслѣ усердномъ, и посылаетъ къ Михайлѣ Шеину, напоминаетъ ему крестное цѣлованіе: Шеинъ опять унываетъ, опять на ратныхъ людей гнѣвается и никакого промысла не чинитъ многое время, а Русскіе люди въ острожкахъ отъ тѣсноты и скудости въ пищѣ оцынжали и сдѣлался моръ большой, изъ Москвы же имъ помощи не даютъ и запасовъ не присылаютъ.»

Выпустивши Шеина изъ подъ Смоленска, король двинулся

къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ; но вышло иначе. Польское войско пришло подъ Бѣлую полумертвое отъ голода и холода; король помѣстился въ Михайловскомъ монастырѣ въ двухъ миляхъ отъ города и послалъ къ воеводѣ съ требованіемъ сдачи, указывая на примѣръ Шеина; воевода отвѣчалъ, что Шеиновскій примѣръ внушаетъ ему отвагу, а не боязнь. Король велѣлъ опоясать городъ шанцами и вести мины; но отъ этихъ минъ была бѣда только Полякамъ: передовыхъ ротмистровъ завалило землею такъ, что едва ихъ откопали; стрѣльба также не причиняла никакого вреда осажденнымъ. Надменные Смоленскимъ успѣхомъ, Поляки отложили всякую осторожность: этимъ воспользовались Русскіе, сдѣлали вылазку на полкъ Вейгера и схватили 8 знаменъ прежде нежели Поляки успѣли взяться за оружіе. Какъ тяжка была осада Бѣлой Полякамъ видно изъ того, что канцлеръ Радзивилъ совѣтуетъ называть этотъ городъ не Бѣлою, а Красною, по причинѣ сильнаго кровопролитія. Голодъ доходилъ до такой степени, что самъ король половину курицы съѣдалъ за обѣдомъ, а другую половину откладывалъ до ужина, другимъ же кусокъ хлѣба съ холодной водой былъ лакомствомъ; отъ такой скудости начались болѣзни и смертность въ войскѣ. А съ другой стороны приходили вѣсти, что Турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Въ такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою, миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмундовы. Паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ; понятно, что это предложеніе было принято очень охотно, и въ Мартѣ 1634 года назначены были Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ великими послами на съѣздъ съ Польскими коммиссарами, Якубомъ Жадикомъ, бискупомъ Хелминскимъ съ товарищами; съѣздъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, тамъ же, гдѣ былъ прежде съѣздъ для размѣна плѣнныхъ. Король стоялъ невдалекѣ, скрытно.

Переговоры начались по прежнему долгимъ перекариваніемъ и напоминаніемъ старыхъ дѣлъ. Поляки настаивали, что король

Владиславъ имѣетъ право на престолъ Московскій, и что Русскіе нарушили Деулинское перемиріе, пославши Шеина подъ Смоленскъ до истеченія перемирнаго срока. Между прочимъ Поляки говорили: «Знаемъ мы подлинно, что война началась отъ патріарха Филарета Никитича, онъ ее началъ и васъ всѣхъ благословилъ.» Московскіе послы объявили, что если Владиславъ не откажется отъ Московскаго титула, то они ни о чемъ говорить не станутъ: «У насъ, говорили они, у всѣхъ людей великихъ Россійскихъ государствъ начальное и главное дѣло государскую честь оберегать и за государя всѣ мы до одного человѣка умереть готовы.» Тогда Поляки, соглашаясь на требованія Московскихъ пословъ, предложили вѣчный миръ на условіяхъ мира, заключеннаго королемъ Казимиромъ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, при чемъ королю Владиславу за отказъ отъ Московскаго престола и титула, царь долженъ давать ежегодно по сту тысячь рублей и заплатить за издержки послѣдней войны. Московскіе послы отвѣчали, что это слова непригожія: «Мы вамъ отказываемъ, что намъ о такихъ запросахъ съ вами впередъ не говорить; несбыточное то дѣло, что намъ такіе запросы вамъ давать, чего никогда не бывало и впередъ не будетъ, за то намъ, всѣмъ людямъ Московскаго государства стоять и головы свои положить.» Поляки возражали, что Михаилъ Ѳедоровичъ Густаву Адольфу далъ города и деньги не вѣдомо за что, а Владиславу дастъ за отреченье отъ Московскаго государства.

Послѣ продолжительныхъ споровъ Поляки сказали: «Когда учинимъ мирное постановленіе на вѣчное докончанье, то королю будемъ бить челомъ, чтобъ онъ крестное цѣлованье съ васъ снялъ и титулъ свой государю вашему уступилъ, а вы объявите, чѣмъ вы за то государя нашего станете дарить?» Московскіе послы отвѣчали: «Намъ этого въ уступку и въ даръ не ставьте, что король хочетъ титулъ Московскій съ себя сложить, дарить намъ государя вашего за это не за что, потому что великій государь нашъ на Московскомъ государствѣ царствуетъ по дару и волѣ Всемогущаго Бога,

[до] древней своей царской чести предковъ своихъ великихъ [го]сударей, а наше Московскихъ людей крестное цѣлованье [отъ] государя вашего короля и отъ вашихъ неправдъ въ Мо[с]ковское разоренье омылось кровью и мы отъ него чисты.» Наконецъ стали говорить о настоящемъ дѣлѣ; Поляки объявили, что безъ уступки въ королевскую сторону всѣхъ городовъ, которые были отданы по Деулинскому перемирію и взяты Москвичами при разрывѣ его, они не станутъ ни очемъ говорить. На каждомъ съѣздѣ Московскіе послы уступали по городу или по два, Поляки постоянно требовали всѣхъ; изъ Москвы пришелъ наказъ: за города Дорогобужъ, Новгородокъ, Серпѣйскъ и Трубчевскъ, и зауступку титула дать королю денегъ, именно 10,000 рублей и надбавлять до 70,000, а по конечной неволѣ дать 100,000. Въ тоже время бискупъ Жадикъ прислалъ сказать Шереметеву, что король отправилъ уже полкъ къ Можайску, а уговорилъ короля послать полкъ Христофъ Радзивиллъ, ибо пріѣхалъ изъ Москвы къ королю сынъ боярскій съ вѣстями, что на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся; въ Можайскѣ ратные люди также погорѣли и разъѣхались; король хотѣлъ надъ Можайскомъ промышлять и подъ Москву идти, но онъ, бискупъ Литовскихъ ратныхъ людей остановилъ, короля отъ войны удержалъ, и сталъ король на рѣкѣ Вязьмѣ отъ Семлева въ 20 верстахъ.

На слѣдующемъ съѣздѣ Польскіе коммиссары требовали всѣхъ городовъ, уступленныхъ въ Деулинѣ, да еще нѣсколькихъ новыхъ за освобожденіе царя и народа Московскаго отъ присяги Владиславу; Московскіе послы отвѣчали, что за освобожденіе царя платить не для чего, царь Михаилъ креста Владиславу не цѣловалъ, потому что въ то время онъ совершеннаго возраста еще не достигъ. Коммиссары за уступку титула начали требовать уже не городовъ, а денегъ; Московскіе послы отказали; тогда Поляки поднялись съ шумомъ и хотѣли порвать переговоры; Московскіе послы начали предлагать деньги

по наказу; Поляки остановились, начали между собою т… вать, нѣкоторые изъ нихъ ходили отъ шатра, гдѣ прои… ли переговоры, къ рѣчкѣ Поляновкѣ, и пришедши, нача… товарищами своими опять толковать, а государевымъ по… сказывали дворяне, что Польскіе коммиссары ходили къ … лю, который лежалъ на берегу рѣчки Поляновки на т… Поговоривъ между собою, Поляки не согласились на пр… женіе Московскихъ пословъ; тѣ тоже отказали, что гор… не уступятъ; Поляки начали сердиться, опять встали съ … ихъ мѣстъ, государевы послы также встали и изъ шатр… тѣли выйти. Больше трехъ часовъ говорили послы сте… говорили съ большимъ шумомъ, то покрывали гладостью, … бы къ доброму сходству повести, поговоривши съ шу… расходились розно, выговаривали и вычитали съ обѣихъ … ронъ всякія прежнія ссоры и неправды; Поляки вышли … нецъ изъ шатра, давая знать, что хотятъ разорвать. Т… Московскіе послы уступили имъ Дорогобужъ, Поляки не … гласились; уступили Новгородъ Сѣверскій — не согласи… коммиссары вышли изъ шатра, остались только Жадикъ и Р… зивиллъ воевода Виленскій и продолжали переговоры: … всѣхъ городовъ, отданныхъ по Деулинскому перемирію, … уступали одинъ Серпѣйскъ, но требовали Трубчевска и 100,… рублей денегъ; потомъ начали спускать деньги, и спустил… 20,000. На этомъ и порѣшили, съ условіемъ однако, чт… деньги отдать королю тайно, въ записи ихъ не писать и … рѣчахъ не упоминать, будутъ знать объ этомъ только б… купъ Жадикъ да Радзивиллъ, а товарищамъ ихъ не ск… вать, и какъ договоръ крестнымъ цѣлованіемъ закрѣпятъ, … деньги возьметъ бискупъ одинъ и распишется. Коммиссары с… гласились называть Михаила Θеодоровича царемъ, потому … Польское правительство признало этотъ титулъ прежде, на… вая Владислава царемъ; но не споря о царскомъ титулѣ, ко… миссары спорили о титулѣ: всея Руси; они говорили бо… рамъ: «великій государь вашъ пишется всея Руси, а Ру… и въ Московскомъ и въ Польскомъ государствѣ есть: такъ …

писать бы въ Польскую докончальную запись великаго государя вашего царемъ своея Руси, чтобъ титуломъ всея Руси въ Польской Руси причитанья не имѣть, а въ Московской докончальной записи и впередъ въ грамотахъ царскихъ къ королямъ Польскимъ писать по прежнему всея Руси..» Московскіе послы отказали: «этого начинать непригоже: ваша малая Русь, которая принадлежитъ къ Польшѣ и Литвѣ, къ нему царскаго величества именованью всея Руси нейдетъ, примѣнять вамъ этой своей Руси ко всея Руси нечего.» Покончивши споръ о титулѣ, послы ударили по рукамъ на вѣчномъ докончаніи. Это было 17 Мая.

Когда надобно было писать условія вѣчнаго докончанія, то коммиссары возобновили попытку Льва Сапѣги при Годуновѣ, предложили слѣдующія статьи: 1) Быть въ вѣчной пріязни, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа Славянскаго. Московскіе послы прибавили сюда условіе: описывать великаго государя съ его полными титулами. 2) Имѣть общихъ враговъ. Московскіе послы отвѣчали: написать именно, кто королю непріятель; потому и договоръ будетъ. 3) Съ другими народами ко вреду другъ другу не соединяться, но сноситься съ ними вмѣстѣ, по совѣту; если былъ прежде заключенъ союзъ съ кѣмъ-нибудь ко вреду новаго союзника, то его разорвать. 4) Въ случаѣ непріятельскаго нападенія другъ друга оборонять. Отвѣтъ: у государя нашего только и пограничныхъ государствъ, что Швеція да Крымъ, и съ обоими государь въ докончаніи, такъ помогать на нихъ ему не доведется. 5) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно ѣздить къ государямъ на службу при дворѣ, въ войскахъ и земляхъ, и выѣзжать назадъ. О. Какъ государь изволитъ. 6) Чтобъ вольно имъ было жениться и сродствоваться, вотчины и помѣстья выслуживать и покупать, по жонахъ и инымъ всякимъ обычаемъ наживать.—О. Какъ Русскимъ людямъ у Польскихъ людей, такъ Польскимъ у Русскихъ жениться за разницею вѣръ нельзя, отчинъ продавать изъ государства въ государство не годится, да и прежде этого никогда не бывало.

7) Чтобъ вольно было подданнымъ обоихъ государствъ посылать дѣтей своихъ на службу или для науки. О. Объ этомъ великіе государи перешлются между собою. 8) Чтобъ Поляки, которые будутъ служить Московскому государю, могли ставить церкви своей вѣры въ своихъ помѣстьяхъ; чтобъ въ Москвѣ и другихъ городахъ были церкви католическія. О. Церквей иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ прежде не бывало и впередъ этому быть нельзя. 9) Король и великій государь Московскій должны вмѣстѣ стараться, чтобъ былъ у нихъ нарядъ пушечный, корабли и люди воинскіе на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ, для расширенія границъ своихъ. О. Государевыхъ воинскихъ кораблей на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ прежде не бывало и впередъ быть негдѣ да и не для чего; а если это понадобится королю, то пусть онъ обошлется съ нашимъ государемъ. 10) Въ знакъ совершеннаго соединенія должны быть двѣ короны: одна въ Польшѣ, ее посолъ Московскій возлагаетъ на Польскаго короля при коронаціи, а другая въ Москвѣ, ее Польскій посолъ возлагаетъ на голову Московскаго государя. 11) По смерти короля паны совѣтуются объ избраніи новаго съ государемъ и со всѣми чинами Московскими. 12) Если будетъ избранъ царь въ короли, то два года долженъ жить въ Польшѣ и Литвѣ, и одинъ годъ въ Москвѣ. 13) Если у царя не будетъ сына, то царемъ становится король Польскій. На всѣ эти статьи одинъ отвѣтъ: пусть государи перешлются между собою.

Въ образцовой царской грамотѣ было написано: «которые люди начнутъ перебѣгать на обѣ стороны, тѣхъ не отдавать для того: только перебѣжчиковъ отдавать, то въ этомъ будетъ большая ссора, душевредство, и исполнить этой статьи никакъ нельзя, потому что Московское государство и Польское велики и пространны, перебѣжчики станутъ жить въ дальнихъ и украинскихъ городахъ тайно, такъ что не только ихъ самихъ, и мѣстъ ихъ сыскать будетъ нельзя.» Вслѣдствіе этого уполномоченные уговорились статью о перебѣжчикахъ изъ докончальной записи вычеркнуть, а постановить: воровскихъ

[illegible], которые отъ воровства станутъ перебѣгать, тѣхъ на [illegible] стороны сыскивать и отдавать. Польскіе комиссары требовали, чтобъ патріархъ за настоящаго государя, за будущихъ и за всю землю крестъ цѣловалъ на вѣчномъ докончаніи, а при томъ должны еще цѣловать крестъ по два человѣка изъ порубежныхъ городовъ. Московскіе послы отвѣчали: «великій господинъ святѣйшій патріархъ правитъ церковь Божію, а до царственныхъ до градскихъ (политическихъ) и ни до какихъ мірскихъ дѣлъ онъ не касается; также и порубежныхъ городовъ людямъ крестъ цѣловать не для чего, потому что вѣчное докончанье крѣпко будетъ нашимъ посольскимъ крестнымъ цѣлованьемъ, да сверхъ того великіе государи сами закрѣпятъ, а городскіе люди безъ воли государя нашего ничего сдѣлать не могутъ.» Польскіе комиссары настаивали, чтобъ цѣловать крестъ патріарху, властямъ духовнымъ, боярамъ и изо всѣхъ чиновъ людямъ за себя, за дѣтей, внучатъ и за всю землю; говорили, что и у нихъ въ Польшѣ всѣ крестъ цѣловать будутъ; Московскіе послы отвѣчали: «вашъ архіепископъ и епископы должны цѣловать крестъ, потому что они вмѣстѣ и сенаторы, а нашъ патріархъ и духовенство ни въ какихъ дѣлахъ креста не цѣлуютъ. Да и того въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало, чтобъ вмѣстѣ съ великимъ государемъ боярамъ или инымъ людямъ крестъ цѣловать, и теперь тому быть нельзя, крѣпко будетъ докончанье государскими душами, а за бояръ и за всякихъ людей мы, великіе послы закрѣпимъ.» Польскіе комиссары возражали, что сенаторамъ и боярамъ нужно крестъ цѣловать на случай смерти королевской или царской; Московскіе послы отвѣчали: «то дѣло не статочное, что боярамъ вмѣстѣ съ государемъ нашимъ крестъ цѣловать: всѣ мы холопи великаго государя нашего и во всей его царской волѣ, и намъ безъ царскаго повелѣнья браться за это нельзя.» Поляки все настаивали, чтобъ патріархъ цѣловалъ крестъ; Московскіе послы отвѣчали: «патріарху тутъ быть нельзя, потому что по закону нашей Греческой вѣры не повелось, чтобъ у крестнаго цѣлованья быть

патріарху: они чинъ духовный, великіе слуги Христовы первѣйшіе, всѣмъ архіепископамъ и епископамъ вышніе и никакой клятвы человѣческой быть имъ не возможно.» Московскіе послы отговорили также, чтобъ не цѣловать креста боярамъ и порубежнымъ людямъ.

Уговорились, что царь и король пошлютъ къ пограничнымъ христіянскимъ и бусурманскимъ государямъ объявить о своемъ вѣчномъ докончаніи; уговорились на счетъ посольскихъ провожатыхъ: послы съ обѣихъ сторонъ должны пріѣзжать со 100 провожатыми, посланники съ 30-ю, гонцы съ 6-ю; пословъ и посланниковъ больше двухъ мѣсяцевъ не держать. Польскіе коммиссары требовали, чтобъ обоимъ государямъ вольно было нанимать ратныхъ людей—королю въ Московскомъ государствѣ, а царю въ Польшѣ; Московскіе послы отложили эту статью до обсылки съ государемъ, потому что дѣло новое. Поляки требовали, чтобъ Запорожскимъ козакамъ шло жалованье отъ государя ежегодно, какъ имъ на то грамота дана и на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало. Московскіе послы отвѣчали: «Козакамъ Запорожскимъ какое жалованье, и за какую службу давалось и какая у нихъ грамота есть,—того не упомнимъ; думаемъ, что то могло быть, когда Запорожскіе козаки великимъ государямъ служили, и теперь если начнутъ служить, то имъ государево жалованье будетъ по службѣ.»

Во время переговоровъ къ посламъ пришла изъ Москвы грамота, чтобъ они потребовали у Польскихъ коммисаровъ наряда, взятаго у Шеина подъ Смоленскомъ, потребовали бы этого въ знакъ любви государской: «за то бы стояли и говорили не торопко, потому что Полякамъ разорвать переговоровъ уже нельзя: вѣдомо государю подлинно, что Турскій салтанъ наступилъ на Польшу, въ Польшѣ и Литвѣ отъ Турскаго великое страхованье и король пошелъ назадъ къ себѣ въ Литву; еслибъ государь объ этомъ зналъ во время, то онъ бы имъ, посламъ, съ такою уступкою на стольких городахъ дѣлать не велѣлъ. Главные послы, бояринъ и окольничій должны говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью

и разговоромъ, чтобъ договора не разорвать и безславными не быть же.» Исполняя наказъ, Московскіе послы стали говорить коммиссарамъ о возвращеніи пушекъ, сказали и о тѣхъ двѣнадцати пушкахъ, которыя король отдалъ Шеину, но тотъ не взялъ измѣною своему государю. Коммиссары отвѣчали, что донесутъ объ этомъ королю, при чемъ гетманъ Литовскій Радзивиллъ прибавилъ: «Вы намъ говорили о двѣнадцати пушкахъ, которыхъ не взялъ Шеинъ, будто бы измѣною своему государю: такъ вамъ бы такого слова не говорить и въ письмѣ не писать потому: взялъ весь нарядъ государь нашъ своею ратною силою, а не почьей-нибудь измѣнѣ, двѣнадцать же пушекъ, которыя были Шеину отданы, онъ подарилъ мнѣ по любви, а не по неволѣ, и тѣ пушки у меня, а не у короля, и отдать ихъ назадъ непригоже, потому что Шеинъ ими меня подарилъ.» Польскіе коммиссары требовали, чтобъ купцамъ ихъ можно было торговать въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ; но Московскіе послы согласились только позволить имъ торговать въ пограничныхъ городахъ; что же касается до торговли въ Москвѣ и другихъ городахъ, то это дѣло отложили до тѣхъ поръ, пока Польскіе послы будутъ у царя въ Москвѣ. Уговорились — плѣнниковъ всѣхъ отпустить съ обѣихъ сторонъ безъ ограниченія, при чемъ Поляки не согласились на требованіе Московскихъ пословъ, чтобъ не отпускать тѣхъ, которые приняли православную вѣру или женились въ Россіи. Въ образцовой докончальной грамотѣ, присланной изъ Москвы, было внесено условіе, чтобъ въ уступленныхъ Польшѣ городахъ не трогать православіе. Польскіе коммиссары говорили объ этомъ съ великою досадою: «Какое вы въ насъ безвѣрство узнали? всякій человѣкъ себя остерегаетъ, а чужаго дома строить не замышляетъ; у насъ никакому человѣку свою вѣру держать не запрещаютъ; мы обѣщаемъ это подъ клятвою, а въ докончальную запись это внести зазорно, королю и намъ это будетъ въ стыдъ, какъ будто мы раззорители вѣръ?» И отказали съ шумомъ. Образцовая грамота Московская начиналась укоризнами, что Поляки нарушили перемиріе и т. п.; коммис-

сары объявили, что они такой грамоты допустить не могутъ: «заключенъ вѣчный миръ, говорили они, а въ началѣ грамоты будутъ укоризны! мы васъ укорять не хотимъ, и вы насъ не укоряйте» Два часа спорили объ этомъ, и наконецъ порѣшили оставить укорительныя слова.

Все было окончено 4-го Іюня. На прощаньѣ Польскіе коммиссары говорили: «Такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли: такъ на томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанья насыпать два большихъ кургана и сдѣлать на нихъ два столпа каменныхъ, одинъ на Московской, а другой на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столпахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось.» Шереметевъ съ товарищами не согласились на предложеніе, они отвѣчали: «въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось и дѣлать этого не для чего; все сдѣлалось волею Божіею и съ повелѣнія великихъ государей и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ.» Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ такой отвѣтъ: «Государевы послы сдѣлали хорошо, что у Литовскихъ пословъ отговаривали, потому что они начинаютъ дѣло новое; и впредь Литовскимъ посламъ отказывать, что дѣло нестаточное бугры насыпать и столпы ставить, быть тому непригоже и не для чего, потому что доброе дѣло учинилось по Божіей волѣ, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ.»

Въ началѣ 1635 года для закрѣпленія вѣчнаго мира присягою королевскою отправлены были въ Польшу великіе послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичь Львовъ-Ярославскій съ товарищами; ему данъ былъ наказъ: «Непремѣнно за то стоять накрѣпко, чтобъ король поцѣловалъ въ крестъ, а не въ блюдо.» Еще любопытнѣе вторая статья наказа: «Когда король велитъ положить на запись крестъ, то посламъ смотрѣть, чтобъ этотъ королевскій крестъ былъ съ распятіемъ; а если король закона Люторскаго, то ему цѣловать Евангеліе, развѣдать

подлинно, какой вѣры король?—Если будутъ настаивать, продолжаетъ наказъ, чтобъ Польскіе купцы ѣздили торговать въ Москву и замосковные города свободно, то отвѣчать: «Это дѣло не статочное, потому что многіе Польскіе и Литовскіе купцы станутъ пріѣзжать въ Москву и въ другіе города, станутъ привозить съ собою учителей Римской вѣры и приводить людей въ свою вѣру, а наша истинная православная христіянская вѣра Греческаго закона до сихъ поръ стоитъ крѣпко и непоколебимо, и впередъ также стоять будетъ Богомъ хранима и соблюдаема во вѣки, и другихъ никакихъ вѣръ у насъ не принимаютъ. Да въ Московское же государство пріѣзжаютъ иноземцы торговые люди Люторскаго и Кальвинскаго закона, а у Римлянъ съ ними за ту вѣру рознь: такъ ихъ Римской вѣры купцамъ съ Люторами и Кальвинами будетъ ссора; и безъ брани между ними за вѣру не обойдется.» Но, стоявъ накрѣпко, согласиться, чтобъ Польскіе купцы пріѣзжали въ Москву.

Паны потребовали отъ пословъ еще новой статьи, чтобъ въ обоихъ государствахъ были одинакія деньги; послы отвѣчали: «Одной цѣны установить нельзя: у васъ въ Польшѣ и Литвѣ золотымъ и ефимкамъ всегда цѣна бываетъ неровна; золотой у васъ теперь идетъ Русскими деньгами по рублю по двадцати одному алтыну по четыре деньги, а на Москвѣ золотой покупаютъ по тридцати алтынъ; ефимокъ у васъ покупаютъ по тридцати алтынъ, а на Москвѣ по шестнадцати алтынъ; да и потому нельзя, что въ Польшѣ и въ Литвѣ торгуютъ золотыми и ефимками, а для мелкой покупки грошами и шелегами мѣдными, въ Московскомъ же государствѣ Русскими копѣйками и Московками, хотя онѣ и дробны, за то сдѣланы изъ чистаго серебра.»

Когда всѣ переговоры были кончены, открылось для Московскихъ пословъ сильное затрудненіе. Еще на Поляновскомъ съѣздѣ между Шереметевымъ и Жадикомъ было договорено, что Поляки отдадутъ подлинный договоръ Жолкѣвскаго объ избраніи Владислава и всѣ другія бумаги, относящіяся къ смут-

ному гремени; но теперь паны-рада прислали сказать Львову, что этого договора ищутъ, но нигдѣ отыскать не могутъ. Послы отвѣчали: «Покаместь гетманскій договоръ и всякое письмо отдадутъ, мы никакихъ дѣлъ дѣлать не станемъ и у короля при крестномъ цѣлованіи не будемъ; удивительное дѣло! для чего жъ то крестное цѣлованіе было, ваши великіе послы и сенаторы клялись, крестъ цѣловали, что гетманскій договоръ и всякое письмо будутъ отданы царскаго величества посламъ въ Варшавѣ, а теперь говорятъ, что договора не сыщутъ». Пріѣхали къ посламъ Христофъ Гонсѣвскій съ Албрехтомъ Глажицкимъ и говорили: «Мы королю и панамъ-радѣ сказывали, что вы безъ гетманскаго договора никакихъ дѣлъ дѣлать не будете; король отъ этого сталъ печаленъ и паны-рада всѣ кручиноваты, велѣлъ король во всѣхъ скарбахъ своихъ искать договора». Потомъ пріѣхали къ посламъ Якубъ Жадикъ канцлеръ коронный, Албрехтъ Радзивиллъ канцлеръ Литовскій, Александръ Гонсѣвскій и говорили, что договора въ королевской казнѣ не сыщутъ; когда этотъ договоръ гетманъ Жолкѣвскій подъ Смоленскъ къ Жигимонту королю привезъ, то неизвѣстно, взялъ ли его у него король или нѣтъ, одно извѣстно, что Жигимонтъ король сыну своему Московскаго государства не прочилъ; думаютъ они, что договоръ о томъ или у Жолкѣвскаго, или у Льва Сапѣги, или у писаря Соколинскаго, которые всѣ померли, и теперь король послалъ искать договора въ Жолкву, отчину Жолкѣвскаго, также къ сыну Сапѣги и къ Соколинскимъ, а если договора не сыщутъ, то король укрѣпится крестнымъ цѣлованіемъ, что впередъ ему и по немъ всѣмъ будущимъ королямъ гетманскимъ договоромъ къ Московскому государству никакого причитанья не имѣть и не вспоминать во вѣки, также и панамъ-радѣ и всей рѣчи посполитой; а укрѣпленье объ этомъ договорѣ напишутъ, какъ вы сами, великіе послы, прикажете. Послы отвѣчали: «О гетманскомъ договорѣ хотите письмо дать за руками, но вы объ немъ письмо давали, и крестъ цѣловали, да солгали: и вы, паны-рада, какъ такія неправды дѣлаете, чего въ христіанскихъ государствахъ не дѣ-

дается? вѣдь вы зная про тотъ договоръ, что онъ есть у короля въ казнѣ, крестъ цѣловали? а теперь сказываете, что его не сыщете!» Паны отвѣчали: «Намъ самимъ большой стыдъ, что договора не сыщутъ, только это случилось безъ хитрости, не обманомъ, Богъ то видитъ, убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы договоръ утаиваемъ; отпишите къ великому государю своему объ указѣ, а государь вашъ къ царскому величеству гонца своего пошлетъ, отпишетъ, что онъ, король на томъ крестъ цѣлуетъ, руку свою и печать приложитъ, и они сенаторы всею землею руки свои приложатъ же, что договору не сыскали». Послы продолжали говорить: «Видимъ мы, что вы этого письма намъ не хотите отдать неправдою, а у насъ это начальное дѣло». Паны продолжали клясться; наконецъ положили, что послы отпишутъ объ этомъ къ государю.

Царь прислалъ отвѣтъ, что согласенъ на сдѣлку относительно гетманскаго договора, но съ тѣмъ, чтобъ король отписалъ объ этомъ во всѣ государства. 23 Апрѣля назначено было днемъ королевской присяги; костелъ былъ великолѣпно убранъ, у большаго алтаря горѣло шесть свѣчей въ золотыхъ подсвѣчникахъ, распятіе и статуи на алтарѣ былъ изъ того же металла, музыка гремѣла на четыре хора. Начались толки, какъ Московскіе послы должны идти въ костелъ, передъ королемъ или за нимъ, или вести короля подъ руки, какъ былъ обычай? Они объявили, что вести короля подъ руки непригоже, грѣхъ большой вести кого нибудь къ присягѣ, тѣмъ болѣе короля; согласились идти передъ маршалкомъ. Когда уже процессія двинулась, послы стали требовать, чтобъ король, въ присутствіи всѣхъ, собственною рукою подписалъ обѣщанное утвержденіе. Король исполнилъ ихъ желаніе, и они очень обрадовались, говорили: «теперь видимъ, что вы искренно съ нами поступаете, будетъ вѣчный миръ». Они просили, чтобъ король и царь всегда называли другъ друга братьями; послѣдовало и на это согласіе. Король шелъ въ костелъ съ многочисленною свитою, кромѣ придворныхъ было при немъ два архіепископа и 16 свѣтскихъ сенаторовъ. Помолившись передъ большимъ алтаремъ, король

сѣлъ въ кресла; архіепископъ началъ проповѣдь; такъ какъ,
обычаю, онъ часто вставлялъ латинскіе тексты и сентенціи,
одинъ изъ пословъ сказалъ Литовскому канцлеру Радзи
чтобъ запретилъ проповѣднику употреблять латинскія сл
непонятныя для нихъ пословъ; Радзивиллъ внутренно улыб
простотѣ этого народа, какъ самъ разсказываетъ. По окон
проповѣди архіепископъ подалъ королю крестъ и присягу;
роль громко прочелъ присягу и, прибавя условіе о гетманс
договорѣ, поцѣловалъ крестъ; но послы потребовали,
о гетманскомъ договорѣ была особая присяга, и король въ
гой разъ долженъ былъ цѣловать крестъ, что очень утѣ
пословъ; за королемъ присягнули шесть сенаторовъ. По о
чаніи присяги король, взявши грамоты, подалъ ихъ князю
ву и сказалъ: «Надѣюсь, что за Божіею помощію будетъ у
крѣпкая и вѣчная пріязнь съ государемъ вашимъ, братомъ
имъ; отдайте въ его руки этотъ задатокъ нашего братст
и кланяйтесь ему отъ моего имени по пріятельски». Пос
низко поклонились; архіепископъ началъ пѣть: «Te Deum» и
то же время раздалась пушечная пальба. На эту невидан
до того времени церемонію смотрѣли съ хоръ папскій нунцій
посолъ Флорентійскій.

Послы обѣдали у короля; были у него и на потѣхѣ «а по
тѣха была, какъ приходилъ къ Іерусалиму Ассирійскаго цар
воевода Алафернъ, и какъ Юдиѳь спасла Іерусалимъ». *По*
слѣ потѣхи послы должны были исполнить печальное порученіе:
Михаилъ приказалъ имъ выпросить у короля тѣло Шуйскихъ,
царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго; въ на-
казѣ говорилось: «Если за тѣло царя Василія Поляки запро-
сятъ денегъ, то давать до 10,000 и прибавить сколько при-
гоже, смотря по мѣрѣ, сказавши однако: «этого нигдѣ не слы-
хано, чтобъ мертвыхъ тѣла продавать»; а за тѣло Димитрія
Шуйскаго и жены его денегъ не давать: то царскому тѣлу не
образецъ». Когда послы сказали объ этомъ панамъ, тѣ отвѣ-
чали, что донесутъ королю, и прибавили: «Отдать тѣло *не го-*
дится; мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что Московскій

рь и братъ его лежитъ у насъ въ Польшѣ, а погребены они честно и устроена надъ ними каплица каменная». Послы сказали на это: «Царя Василья тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой, а мы вамъ за то починки дадимъ, что у насъ случилось;» и посулили послы канцлеру коронному Якубу Жадику десять сороковъ соболей, и другимъ поминки посулили немалые. Тогда паны сказали: «Мы донесемъ объ этомъ королевскому величеству и совѣтовать ему будемъ, чтобъ тѣло отдать». Скоро посламъ дали знать, что король согласенъ; Жадикъ и Александръ Гонсѣвскій сказали имъ: «Королевское величество велѣлъ вамъ сказать, что онъ тѣло царя Василья Ивановича и брата его велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего; а еслибъ былъ Сигизмундъ король, то онъ бы ни за что не отдалъ, хотябъ ему палаты золота насыпали, то онъ и тогда бы ни одной кости не отдалъ». Посольскіе дьяки отправились въ каплицу, вмѣстѣ съ королевскимъ шатерничимъ и будовничимъ, которымъ она была приказана. Гробы находились подъ поломъ; когда дьяки велѣли взломать полъ, то увидали подъ нимъ палатку каменную, а въ палаткѣ три гроба, одинъ на правой сторонѣ, а два на лѣвой, послѣдніе поставлены одинъ на другомъ; одинокій гробъ на правой сторонѣ былъ царя Василья, на лѣвой на верху князя Димитрія, а подъ нимъ жены его. Изъ земли тѣла вынули честно, встрѣчали ихъ на дорогѣ изъ села Ездова къ Варшавскому посаду послы, стольники и дворяне со всѣми людьми съ великою честью; послы велѣли сдѣлать новые гробы, посмолить и поставить въ нихъ старые гробы. Король прислалъ атласъ золотный Турецкій да кружева кованыя золотныя да гвозди серебряные, велѣлъ гробъ царя Василья обить; на гробъ князя Димитрія прислалъ бархатъ зеленый, а на княгининъ гробъ камку зеленую, и отпустилъ король тѣло съ великою честію, но сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ отпускъ дано соболей на 3,674 рубля.

10 Іюня съ утра въ кремлѣ Московскомъ загудѣлъ реутъ, и народъ повалилъ къ Дорогомилову на встрѣчу тѣлу царя

Василія. Отъ Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ, тѣло несли на головахъ дѣти боярскіе изъ городовъ, а за тѣломъ шелъ Рафаилъ епископъ Коломенскій, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встрѣчать тѣло въ Вязьмѣ; за тѣломъ же шли послы, князь Львовъ съ товарищами. У церкви Николы Явленнаго встрѣчалъ тѣло Павелъ, митрополитъ Крутицкій и Новоспаскій Архимандритъ Іосифъ, съ ними всѣхъ церквей деревяннаго города попы и дьяконы со свѣчами и кадилами; тутъ же встрѣчали бояре, князь Сулешевъ, да Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, да окольничій Михайла Михайловичъ Салтыковъ въ смирномъ (траурномъ) платьѣ; служилые люди, гости и купцы встрѣчавшіе вмѣстѣ съ боярами, были также всѣ въ смирномъ платьѣ. Отъ Николы Явленнаго тѣло несли въ Арбатскія ворота Вздвиженкою къ Каменному мосту (черезъ Неглинную въ Кремль) дворяне Московскіе на плечахъ. Патріархъ Іоасафъ совсѣмъ освященнымъ соборомъ встрѣтилъ тѣло у церкви Николы Зарайскаго, (что у Каменнаго моста деревянный храмъ), въ ризахъ смирныхъ, и, учиня начало по священному чину, пошелъ за тѣломъ которое внесли въ Кремль черезъ Ризположенскія ворота. Когда поровнялись со дворомъ царя Бориса, то зазвонили во всѣ колокола, и тѣло внесли въ Архангельскій соборъ въ переднія двери отъ Казеннаго двора; государь встрѣтилъ у собора Успенскаго, недоходя рундука, за государемъ были бояре, думные и ближніе люди всѣ въ смирномъ платьѣ; въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду большую, а погребеніе было на другой день, 11 Іюня. (*)

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

Посольство Песочинскаго и Сапѣги въ Москву; неудовольствія противъ Польши, по поводу межевыхъ дѣлъ, умаленія титула и противузаконныхъ поступковъ Литовскихъ купцовъ; мнѣнія бояръ о поступкахъ Польскаго правительства; переходъ Малороссійскихъ козаковъ въ Московскую сторону. Сношенія съ Швеціею; первый Московскій резидентъ Францбековъ въ Стокгольмѣ; взглядъ Московскаго правительства на резидентовъ. Несостоявшійся договоръ съ Голштинскою компаніею о Персидской торговлѣ. Сношенія съ Турціею: посольство Кондырева и Бормосова, ихъ затруднительное положеніе по поводу Донскихъ козаковъ; второе посольство Өомы Кантакузина въ Москву и запись имъ данная; посольство Яковлева и Евдокимова въ Константинополь; третье посольство Кантакузина въ Москву; посольство Совина и Алфимова въ Константинополь; убіеніе воеводы Карамышева Донскими козаками; опасность посламъ отъ нихъ; разбой Донскихъ козаковъ на Каспійскомъ морѣ; посольства Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвѣева въ Константинополь; грамота царская къ султану съ Буколовымъ; пріѣздъ Өомы Кантакузина на Донъ; сборы козаковъ подъ Азовъ; посольство въ Москву атамана Каторжнаго; выступленіе подъ Азовъ; убіеніе Кантакузина; взятіе Азова козаками и защита его отъ Турокъ; соборъ въ Москвѣ, въ слѣдствіе просьбы козаковъ государю взять отъ нихъ Азовъ; козаки оставляютъ Азовъ по приказанію государя; посольство Милославскаго и Лазоревскаго въ Константинополь.

Неудовольствія Донскихъ козаковъ; ихъ намѣреніе уйти на Яикъ. Сн шенія съ Персіею и Грузіею. Намѣреніе государя вызвать изъ Да жениха для царевны Ирины Михайловны; посольство переводчика Ѳо мина для освѣдомленія о сыновьяхъ короля Христіана IV; посольс королевича Вальдемара въ Москву; посольство Проѣстева и Патрик ва въ Данію для сватовства; ихъ неудача; посольство въ Данію Пет Марселиса, который улаживаетъ дѣло; условія брака; пріѣздъ короле вича Вальдемара въ Москву; представленіе его государю; статьи, по данныя Датскими послами боярамъ; разговоръ королевича съ госуда ремъ; увѣщаніе къ принятію православія; письмо патріарха къ коро левичу и отвѣтъ Вальдемара; неудачная попытка королевича уѣхать тайно изъ Москвы; разговоръ Марселиса съ Вальдемаромъ; дѣло Басистова; письмо Вальдемара къ царю и къ Польскому послу Стемпковскому.—Вѣсть изъ Турціи о самозванцѣ Иванѣ Дмитріевичѣ. Посольство князя Львова въ Польшу и дѣло о двухъ самозванцахъ. Болѣзнь и кончина царя Михаила.

(1635—1645.)

Такъ кончились войны, порожденныя смутнымъ временемъ; гробъ Шуйскаго съ торжествомъ былъ поставленъ между гробами царей Московскихъ, но гробы Годуновыхъ остались въ Троицкомъ монастырѣ: ибо гробъ Димитрія загораживалъ имъ дорогу въ Архангельскій соборъ. Нравственное и политическое успокоеніе Русскихъ людей, которое хотѣлъ произвести Шуйскій внѣшними средствами, завершилось теперь на гробѣ его, привезенномъ изъ Польши. Все пошло по прежнему: но въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и городахъ Сѣверскихъ сидѣли Польскіе державцы, а въ землѣ Ижерской Шведскіе. Король Владиславъ искренно хотѣлъ мира и пріязни съ недавнимъ соперникомъ своимъ, царемъ Московскимъ; но послѣдній не переставалъ присылать посольства съ жалобами на подданныхъ Владиславовыхъ. Въ то время, какъ въ Варшавѣ Московскій посолъ князь Львовъ съ товарищами былъ свидѣтелемъ присяги королевской въ соблюденіи Поляновскаго мира, Польскіе послы

Песочинскій, каштелянъ Каменецкій и Сапѣга, писарь великаго княжества Литовскаго, сынъ знаменитаго Льва, были свидѣтелями царскаго крестоцѣлованія въ Москвѣ. Мы видѣли, что на Поляновскомъ съѣздѣ нѣсколько статей, требуемыхъ Польскими коммиссарами, было оставлено до того времени, какъ Польскіе послы будутъ въ Москвѣ; на этомъ основаніи теперь Песочинскій объявилъ боярамъ требованіе, чтобъ послѣ царя цѣловали еще крестъ въ ненарушеніи мира бояре и жители порубежныхъ мѣстъ: получилъ отказъ; потомъ требовалъ, чтобъ въ случаѣ смерти одного изъ государей, присяга возобновлялась его преемникомъ: и въ этомъ получилъ отказъ; требовалъ, чтобъ позволено было королю нанимать ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ: отказано: «Это дѣло новое, отвѣчали бояре: прежде этого не повелось; великаго государя люди ни въ которыя окрестныя государства не хаживали служить, потому что они православной христіанской вѣры Греческаго закона, и если имъ ходить на службу въ чужія государства, а поповъ Русскихъ съ ними не будетъ и въ церкви ходить не станутъ, то они будутъ помирать безъ покаянія.» О вольномъ пріѣздѣ на службу, пребываніи и бракахъ подданнымъ съ обѣихъ сторонъ отказано: «Великій государь нашъ, былъ отвѣтъ, противъ всякаго своего недруга стоитъ своими людьми а по времени смотря прибавляетъ и постороннихъ государствъ людей; теперь великій государь съ великимъ государемъ вашимъ учинялся въ братской дружбѣ, и потому его царское величество велѣлъ отпустить пріѣзжихъ иноземцевъ, заплатя имъ прямыя заслуги. Если великому государю понадобятся ратные люди, тогда, смотря по мѣрѣ, и мысль будетъ, а теперь принимать и держать у себя ратныхъ людей безъ дѣла убыточно; Польскіе и Литовскіе люди въ Московскомъ государствѣ на Русскихъ женахъ прежде не женивались, потому что великое Россійское государство православной вѣры, а въ Польшѣ и Литвѣ люди разныхъ вѣръ и быть тому соединенью не возможно.»

Первое затрудненіе, подававшее поводъ къ пересылкамъ и

жалобамъ, состояло въ опредѣленіи новыхъ границъ. Въ 16[…] году отправленъ былъ къ королю посланникъ Юрій Телепне[въ] жаловаться на Польскихъ межевыхъ судей и на Польски[хъ] подданныхъ, поселившихся на Русскихъ Брянскихъ земляхъ. Ему данъ былъ наказъ: «Для того промыслу, чтобъ Литовскі[е] межевые судьи во всѣхъ мѣстахъ земли развели и захвачен[]ныя мѣста всѣ очистили по посольскому договору, посла[ны] съ нимъ Телепневымъ соболей на 500 рублей: такъ онъ, смо[]тря по тамошнему дѣлу и развѣдавъ гораздо, кто изъ пановъ радныхъ при королѣ властію сильнѣе, сулилъ и давалъ соболей, кому сколько пригоже.» Но соболи не помогли: межевыя дѣла неоканчивались къ удовольствію Московскаго государя, а тутъ еще новое неудовольствіе, умаленіе титула. Въ Февралѣ 1637 года отправленъ былъ въ Польшу князь Семенъ Шаховской домогаться наказанія Польскимъ пограничнымъ воеводамъ за умаленіе государева титула, также переговорить о межевыхъ дѣлахъ и о плѣнныхъ. Относительно преступленія пограничныхъ державцевъ паны радные оправдывались тѣмъ, что эти державцы люди ратные, а не палатные, писать неумѣютъ, а титулы государевы широкіе, упомнить ихъ трудно. Московскіе послы возражали: «отъ чего же съ нашей стороны ничего подобнаго нѣтъ? кто когда умалялъ титулъ королевскій? Отъ того, что по заключеніи вѣчнаго мира ко всѣмъ пограничнымъ воеводамъ разосланы были образцовые листы какъ писать королевскій титулъ и приказано писать по нимъ подъ великимъ страхомъ. А у васъ что дѣлается? Мартынъ Калиновскій съ товарищами въ царскомъ именованьи написалъ вмѣсто Самодержецъ-державца всея Руси! Ясно что умышленьемъ: не только Калиновскому съ товарищами, но и всякому человѣку это знать и разсудить возможно. Такъ королевское величество велѣлъ бы имъ за то учинить наказанье безъ пощады и тѣмъ свою государскую душу отъ грѣха освободилъ.» Паны отвѣчали: «Мартынъ Калиновскій и Лукашъ Жолкѣвскій государское именованье писали не по пригожу, и за то они на сеймѣ передъ всею рѣчью посполитою похулены, названы

выми простыми, неучеными, и это имъ за великое безчестье наказанье; покарать же такихъ людей за это нельзя, потому что они сдѣлали это по незнанію, впервые, и Богъ за грѣхи вдругъ караетъ, милосердуетъ, и государь вашъ великій, христіанскій, набожный, милосердый, праведный государь также надъ ними казни никакой не захочетъ; притомъ королевское величество вольнаго шляхтича мимо установленнаго нашего исконнаго вольнаго права карать не можетъ безъ совѣта рѣчи посполитой; а что ведется по Московскому обычаю кнутить— то дѣло незбыточное, въ нашемъ государствѣ этого не повелось никогда. Оставимъ это дѣло: впередъ ничего такого не будетъ, станемъ говорить о межеваньѣ.» Шаховской возражалъ: «Оставя такое великое начальное главное дѣло, просите вы другаго дѣла; но межевое дѣло передъ тѣмъ послѣднее, самое большое дѣло государскую честь остерегать. Если васъ сенаторовъ кто-нибудь назоветъ не по отечеству, то вы за себя стоять будете ли и что ему за то сдѣлаете!» Паны отвѣчали: «Если кто назоветъ не по отечеству со злости, то за то какъ не стоять? «Шаховской: «Вы паны рада за свое безчестье хотите стоять, а великаго государя нашего именованье пишутъ со злою укоризною, называютъ Михаиломъ Филаретовичемъ, Өедоромъ Михайловичемъ: и вы говорите, что ихъ карать не доведется, какая же ваша правда?» Паны: «Карать не доведется, потому что сдѣлано ошибкою, а не со злости, если же станутъ впередъ такъ дѣлать, то ихъ будутъ карать.» Наконецъ паны взяли требованіе пословъ на письмѣ и сказали, что доложатъ объ немъ королю. Отвѣтъ послѣдовалъ такой: «Такъ какъ ошибки въ титулѣ сдѣланы были не хитростію, а по глупости, то царскому бы величеству тѣ ихъ безхитростныя вины отпустить по королевской просьбѣ, вины эти королевское величество на себя принимаетъ; а какъ теперь съ вами о государскихъ именованьяхъ утвердились, то королевское величество и мы паны радные велимъ царскаго величества именованье напечатать по-польски и разослать во всѣ порубежные города, и тогда уже никакой ошибки не будетъ;

если же объявится какая ошибка послѣ перваго Ноября, уже за нее будетъ каранье безъ пощады; а на сеймѣ король станетъ говорить съ нами со всѣми панами радными и послами повѣтовыми, какое наказанье положить тому, кто впередъ сдѣлаетъ ошибку въ царскомъ титулѣ; что на сеймѣ положатъ, то въ конституціи напишутъ и, напечатавъ, во всѣ порубежные города разошлютъ.»

Уладивши это дѣло, начали споръ о границахъ Черниговскихъ и Путивльскихъ; тутъ между прочимъ паны сказали: «въ старыхъ лѣтописцахъ написано, что великій князь Михаилъ Черниговскій, происходившій отъ Олгерда и подчиненный Литвѣ, умеръ въ Москвѣ въ заточеньѣ.» Послы отвѣчали: «Неправда: Михаилъ Черниговскій замученъ въ ордѣ; да и вѣрить лѣтописцамъ нечего, пишутъ ихъ не съ уложенья, какъ кто захочетъ, такъ и пишетъ, и лѣтописецъ съ лѣтописцемъ не сходится, это не святыхъ отецъ уложенье.» Отпуская посланниковъ, паны радные говорили: «Великій государь нашъ съ братомъ своимъ, великимъ государемъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви какъ есть съ истиннымъ прирожденнымъ своимъ государскимъ пріятелемъ; ему и его дѣтямъ государь нашъ всякаго добра желаетъ, также и впередъ съ нимъ и съ его царскими дѣтьми и потомками самому себѣ и потомкамъ своимъ братства, дружелюбности и соединенія крѣпко желаетъ, чтобъ ихъ обоихъ великихъ государствъ люди жили въ покоѣ и тишинѣ, а поганскіе бусурманскіе народы, видя ихъ дружбу и любовь, были въ страхѣ и на христіянскихъ людей не посягали; мы паны радные и урядники за великаго государя своего и за всю рѣчь посполитую подъ присягою обѣщаемъ, что великій государь нашъ и мы паны радные и урядники и вся рѣчь посполитая ищемъ вседушно и со всякимъ прилежаніемъ желаемъ, чтобъ между государями нашими братская дружба и любовь множилась, а не умалялась, а ссоры и нелюбья съ королевскаго величества стороны отнюдь не будетъ. Также и васъ царскаго величества посланниковъ просимъ, донесите это до его царскаго величества, и

..мъ и думнымъ людямъ, братьи нашей говорите усердно, ..ъ они великаго государя своего наводили на то, чтобъ .. съ братомъ своимъ, великимъ государемъ нашимъ, былъ ..братской дружбѣ и любви неподвижно.»

..ъ доказательство искренности этихъ желаній въ Іюлѣ 1637 .. пріѣхали въ Москву Польскіе посланники, Янъ Оборскій ..нязь Самойла Соколинскій съ извѣстіемъ о намѣреніи ко..скомъ вступить въ бракъ съ Цециліею Ренатою, сестрою ..ератора. Объявивъ царю объ этомъ, посланники говорили: .. такому великому честному дѣлу и браку радостному со..ивоили царское величество пословъ своихъ отправить и ..ъ это всему свѣту показать, что такими радостными по..ами короля его милости брата своего истинно тѣшишься и ..уешься. Когда ваше царское величество изволишь это сдѣ.., то не только сердце короля его милости въ братствѣ и .. къ себѣ утвердишь, но и подчиненные вамъ народы ..дуются надеждою согласія и любви, и за тѣмъ дай Богъ ..ѣки неподвижнаго покоя и тишины; король же государь ..ъ также будетъ умѣть показать передъ всѣмъ свѣтомъ .. неподвижную братскую любовь и крѣпкую вѣчную прі...» Посланникамъ отвѣчали, что царь принимаетъ это въ .. и освѣдомились, когда свадьба; послы отвѣчали, что 6 ..ября; на это бояре замѣтили, что срокъ малъ, послу не ..ѣть изъ Москвы въ Варшаву; посланники отвѣчали, что ..ль срокъ отложитъ и будетъ ждать посла. Тогда царь ве..ъ совѣтоваться о дѣлѣ всѣмъ боярамъ, и посланникамъ былъ ..ъ такой отвѣтъ: «царское величество удивляется, что вы ..ланники пріѣхали такъ поздно; теперь государю отправить ..а своего къ королевскому величеству вскорѣ некогда, по..у что пришло время осеннее, дорога будетъ дурная, будутъ ... дожди и груды (кочки), поспѣшить послу никакимъ обра..ъ нельзя будетъ; хотя бы королевское величество и подож..ъ захотѣлъ, все же послу не поспѣть къ королевскому ве..ью; а для дружбы и любви великій государь къ брату своему ..шлетъ посла для поздравленья, когда зимній путь станетъ.»

Дѣйствительно по зимнему пути были отправлены въ Варшаву окольничій Степанъ Проестевъ и дьякъ Леонтьевъ; повезли новобрачнымъ богатые подарки, королю: братину золотую съ кровлею, съ яхонтами, лалами, изумрудами и жемчугомъ, цѣною въ 2,000 рублей, четыре сорока соболей въ 1,500 рублей, да два соболя живыхъ; королевѣ золотой ... день съ дорогими каменьями, цѣною въ 600 рублей, три сорока соболей на 935 руб., да два соболя живыхъ. Въ наказѣ посламъ говорилось: «Какъ велитъ имъ король быть у себя на посольствѣ, а про королеву имъ скажутъ, что и та съ королемъ тутъ же вмѣстѣ будетъ, то отвѣчать, что они на посольство идти готовы, но прибавить: когда у великаго государя бываютъ послы великихъ государей, то государыня царица тутъ не бываетъ, и у прежнихъ великихъ государей того не бывало же; сказавши это, идти къ королю на посольство. Если позовутъ къ королевѣ особо, то идти, поминки явить и къ рукѣ идти, а если королева станетъ имъ говорить рѣчь, ... отвѣтъ учинить и говорить такъ, какъ бы государскому имени къ чести и къ повышенью и государствамъ его къ расширенью. Если король позоветъ къ себѣ обѣдать, то дворянамъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили, а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать для того, чтобъ отъ ихъ пьянства и безчинства не было, велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ, а бражниковъ и пьяницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать.»

Но Проестевъ и Леонтьевъ отправлялись не для одной учтивости, не для одного показанія братства и любви отъ царскаго къ королевскому величеству; опять имъ велѣно было требовать наказанія людямъ, ошибшимся въ царскомъ титулѣ: «говорить о томъ панамъ-радѣ и на то ихъ наговаривать всякими мѣрами и многими разговорами и пространными словами. А если паны скажутъ, что велѣно за непригожія письма дорогобужскаго дьячка поучить, а державцу Поплонскаго съ ур

ду скинуть, то отвѣчать: про то и слышать стыдно, что за такія великія вины велѣно учинить малое наказанье; такое малое наказанье чинятъ за безчестье простыхъ людей, а не за государское. Бывши у короля и объявя дѣла по государеву наказу, для большаго начальнаго дѣла, государевой чести посланникамъ проситься на сеймъ ко всей рѣчи посполитой, объявить имена тѣхъ людей, которые писали въ листахъ царскаго величества именованье не по его царскому достоинству, требовать, чтобъ паны рада и вся рѣчь посполитая о томъ порадѣли и тѣмъ людямъ учинили, смотря по ихъ винамъ, казнь, а инымъ наказанье жестокое. Если же не будетъ этимъ людямъ казни, то отъ такихъ непригожихъ ссорныхъ дѣлъ между государями какому добру быть? Да и про межевое дѣло на сеймѣ объявить, что оно продлилось мимо посольскаго договора многое время за неуступчивостію и упорствомъ королевскихъ судей; на Путивльскій рубежъ присланъ въ межевые судьи бискупъ Кіевскій, который въ этомъ дѣлѣ самъ истецъ и дѣлаетъ, что ему надобно, въ царскаго величества земли вступался неправдою, угождая Кіевскимъ и Черниговскимъ людямъ, которые тѣ земли засѣли. Говорить, что многіе плѣнники не отпущены; жаловаться, что королевскіе посланники на возвратномъ пути изъ Москвы въ Дорогобужѣ принимали къ себѣ Русскихъ людей, свезли изъ Москвы печатнаго двора мастера Никиту Нестерова, котораго приставъ у нихъ взялъ. Жаловаться на купцовъ Литовскихъ: по вѣчному докончанію купцамъ Польскимъ и Литовскимъ велѣно торговать въ порубежныхъ городахъ, а въ Москву и замосковные города не пріѣзжать, въ Москву пріѣзжать только съ послами; также и Московскимъ купцамъ пріѣзжать въ Вильну и Краковъ только съ послами. Но Польскіе купцы, мимо договора, проѣзжали въ замосковные города и подъ Москву проселочными лѣсными дорогами, провозили вино горячее и табакъ. Которые Литовскіе купцы оставались въ Москвѣ послѣ Литовскихъ посланниковъ для торгу, будто не исторговались, а иные оставались для сыску плѣнныхъ, и тѣ купцы начали воровать, продавать

вино и табакъ, и тѣмъ въ людяхъ многую смуту чинили; табакъ у нихъ вынутъ и сожженъ передъ ними же, чтобъ имъ не повадно было впередъ вино и табакъ на продажу привозить. Литовскихъ купцовъ, которые пріѣзжали въ Оскольскій уѣздъ самовольствомъ съ виномъ и табакомъ, Оскольскій воевода Константинъ Пущинъ ограбилъ; за это великій государь велѣлъ его по сыску казнить смертью, а сыну его и другимъ 25 человѣкамъ, которые также оказались виноваты въ этомъ дѣлѣ, велѣлъ учинить наказанье жестокое при Литовскихъ людяхъ, которые для сыску пріѣзжали, и грабежное имъ отдано. Государь нашъ и за обычныхъ Литовскихъ людей корчемниковъ не пощадилъ воеводы и многихъ людей, а королевское величество и вы паны радные за большое начальное дѣло, за царскаго величества именованье, казни смертной никому учинить не велѣли! Въ Тверь пріѣзжало двое Литовскихъ купцовъ, одинъ изъ Вильны, другой изъ Смоленска, съ виномъ и табакомъ; изъ Твери они высланы назадъ и для обереганья посланъ съ ними приставъ; но они, отъѣхавъ отъ Твери 5 верстъ, пристава отъ себя отбили и поѣхали самовольствомъ къ Ярославлю, многіе города объѣзжая воровствомъ; когда пріѣхали они въ Ярославль, то ихъ изъ Ярославля выслали, а они начали по деревнямъ съ виномъ и табакомъ ѣздить; за такое воровство они посажены въ Ярославлѣ въ тюрьму, и потомъ изъ тюрьмы выпущены, а заповѣднаго товару, бочка съ виномъ у нихъ разсѣчена и табакъ сожженъ.»

Посланники должны были объявить панамъ, что Крымскій ханъ Богатырь-Гирей послалъ брата своего Нурадина на Московскія украйны за то, что Донскіе козаки Азовъ взяли, и Нурадинъ въ грамотѣ своей объявилъ, что съ нимъ идутъ Днѣпровскіе козаки: царское величество Крымской грамотѣ не вѣритъ, чтобъ королевское величество пустилъ Запорожскихъ козаковъ къ Крымскому царю на помощь. Если паны радные скажутъ, что король за то козаковъ смиряетъ, а козаки избывая наказанья, перебѣгаютъ на царскую сторону, то отвѣчать: «въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ перебѣж-

ковъ не принимать, а что въ посольскомъ договорѣ не написано, о томъ и вспоминать не пригоже.» Если спросятъ: бываетъ ли у царскаго величества ссылка съ папою Римскимъ? отвѣчать: «съ папою Римскимъ царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться съ нимъ не о чемъ: Римская область отъ Московскаго государства далеко, между ними прошли многія государства и земли, и впередъ ссылки быть не для чего». — Наконецъ посламъ велѣно въ Польшѣ и Литвѣ заказать мастеру написать лица порознь: лицо царя Василія Ивановича Шуйскаго, лицо патріарха Филарета, лицо Владислава короля и королевы.

Проестевъ и Леонтьевъ представились королю и поднесли ему поминки, которые Владиславъ велѣлъ положить передъ собою на землю, на коврѣ; но послы сказали, что царскаго величества любительные поминки на землю класть не годится, а достойно ихъ принять честно; тогда король велѣлъ поминки принимать ближнимъ своимъ людямъ, которые стояли подлѣ него. Отъ короля послы ходили представляться къ королевѣ. Король прислалъ звать ихъ во дворецъ смотрѣть комедіи, а по русски потѣха; послы отвѣчали, что готовы ѣхать смотрѣть комедію, но съ тѣмъ, чтобъ при этомъ другихъ пословъ и посланниковъ не было. Приставъ увѣрилъ, что никого не будетъ; но когда они уже пріѣхали во дворецъ, то узнали, что на потѣхѣ будетъ легатъ папскій; паны говорили имъ: Легатъ живетъ въ Варшавѣ для духовныхъ дѣлъ, а не для посольскихъ, во всѣхъ государствахъ даютъ ему съ правой руки мѣсто, и вамъ бы посламъ тѣмъ его почтить.» Но послы отвѣчали: «Только папину легату съ нами сидѣть вмѣстѣ по правую руку, то мы комедіи смотрѣть не пойдемъ.» Доложили королю, который велѣлъ сказать посламъ, что по правую руку отъ королевы будетъ сидѣть братъ королевскій Карлъ, бискупъ Вратиславскій, а по лѣвую сестра королевская Екатерина, а вамъ посламъ велѣно устроить мѣсто отъ королевны Екатерины по правую сторону. Послы согласились и въ статейномъ спискѣ написали, что у королевны съ лѣвой стороны сидѣлъ

папинъ легатъ, а они послы сидѣли на правой сторонѣ, королевина и королевичева мѣста съ полсажени, вровень королевичевыми креслами.

На посольскія статьи о нарушеніи государевой чести былъ отвѣтъ, что панамъ, виновнымъ въ умаленіи титула, данъ выговоръ, а объ дьячкахъ положено: если шляхтичъ, посадить его на полгода въ тюрьму, а если простой человѣкъ, то бить кнутомъ. На счетъ межевыхъ дѣлъ отвѣчали, что правда на Польской сторонѣ; о плѣнникахъ,—что много плѣнныхъ еще въ Московскомъ государствѣ; о купцахъ—что Московскіе порубежные воеводы отъ Литовскихъ купцовъ посулы и подарки берутъ и грамоты проѣзжія даютъ, а въ другихъ городахъ, не смотря на грамоты, въ тюрьму ихъ сажаютъ; о Запорожцахъ—что Нурадинъ солгалъ, Запорожцевъ въ Турецкомъ войскѣ никогда не бывало. Когда Проестевъ привезъ этотъ отвѣтъ въ Москву, то царь послалъ его въ Тулу къ боярамъ и воеводамъ, бывшимъ на береговой службѣ, князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищами, спросить ихъ, что̀ ихъ мысль? Главный воевода Черкасскій отвѣчалъ государю: «мы холопы твои къ твоимъ государевымъ боярамъ и окольничему писали и выписку съ отвѣтнаго письма пановъ радныхъ къ нимъ разослали, каждому особый списокъ, чтобъ они подумали объ этомъ и мысль свою отписали. И холопъ твой Ивашка съ товарищами думали о начальномъ большомъ дѣлѣ, о твоемъ государскомъ титулѣ, о томъ, какое наказаніе сдѣлано Потоцкому и дьячку: паны написали неправдою, вопреки своему сеймовому послѣднему приговору; когда были у тебя королевскіе посланники, то клали передъ боярами книгу печатную своего сейма и въ ней написано: кто станетъ послѣ этого сейма писать твое государево имя съ умаленьемъ, того казнить смертью; а теперь написали малое наказанье.» Князь Прозоровскій писалъ, что за государскую честь должно стоять. Иванъ Шереметевъ писалъ: «какъ государю угодно, такъ и сдѣлаетъ; теперь о такомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, не при государскихъ очахъ будучи,

безъ своей братьи мыслить больше того не умѣть, а за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть.» Князь Иванъ Голицынъ писалъ: «которые Литовскіе города, села и слободы поставлены на государевой Путивльской землѣ—всего не упамятовать, грѣхомъ своимъ я безпамятенъ, мысль мнѣ дать на такое великое государственное дѣло по моему малоумію мысль моя не осяжетъ. А что они пишутъ о государевой чести, о титулѣ, то и намъ, его государевымъ холопамъ за наше безчестье управа больше. А союзъ Польскій противъ Крымцевъ намъ не нуженъ: мнится мнѣ, что никакими мѣрами нашимъ Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести, потому: пришлютъ Черкасъ, будутъ съ ними и Поляки, одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины Русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ.» Князь Дмитрій Пожарскій писалъ къ Черкасскому: «мнѣ, князь Иванъ Борисовичь, одному какъ свою мысль отписать? прежде всего нужно оберегать государское именованье; о гонцахъ и купцахъ написано въ утвержденныхъ грамотахъ, а про межеванье и про писцовъ его государская воля, какъ ему государю годно и какъ вы бояре приговорите; а хорошо, еслибъ межевое дѣло Богъ привелъ къ концу, чтобъ ему государю было годно и безкручинно и всѣмъ бы православнымъ христіянамъ быть въ покоѣ и тишинѣ.»

Выслушавши эти отвѣты бояръ своихъ, государь указалъ послать къ королю Владиславу гонца съ грамотою, въ которой предлагалъ спорныя земли измѣрить и подѣлить пополамъ; кромѣ того царь требовалъ, чтобъ король позволилъ сыскивать въ Литвѣ Русскихъ плѣнныхъ. Гонцу былъ данъ наказъ: «Если будутъ говорить: Черкасы королевскому величеству были непослушны, и королевское величество велѣлъ ихъ за то смирить и за вины наказанье учинить: и тѣ многіе Черкасы пошли въ царскаго величества города; этимъ царское величество

учинилъ брату своему королю нелюбовь, что такихъ во
и самовольниковъ велѣлъ принять. Если король станетъ
этомъ писать къ царскому величеству, то государь ваш
литъ ли ихъ отдать?—На это гонецъ долженъ былъ отвѣ
«вамъ самимъ вѣдомо, что въ договорѣ не написано пере
чиковъ отдавать, а сколько Черкасъ перешло, о томъ изъ
родовъ грамоты не бывали, и слухъ есть, что во многія
ста Черкасы разошлись кромѣ государевыхъ городовъ; а
не спросятъ, то самому не начинать.»—Король отвѣчалъ,
не можетъ согласиться на дѣлежъ спорныхъ земель попо
Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ пересылокъ, въ Февр
1640 года пріѣхали въ Москву королевскіе посланники С
хорскій и Раецкій. По случаю ихъ пріѣзда земскій при
получилъ память: «вѣдомо государю учинилось, что Лито
купцы, которые пріѣхали теперь съ Литовскими посланник
привезли съ собою на продажу вино горячее и табакъ, пр
даютъ ихъ самовольно всякимъ людямъ и этимъ между люд
ссоры чинятъ: государь заказалъ всякимъ людямъ накрѣ
подъ смертною казнію, чтобъ не покупали.» Посланники о
явили, что пишущіе неправильно царскій титулъ будутъ
казаны, по уложенью, жестоко, безъ пощады; но послѣ эт
объявленія подали затруднительную статью о Запорожск
Черкасахъ: козаки, разгромленные королевскими войсками,
сячь съ 20 и больше, изъ разныхъ городовъ и мѣстъ по
и много людей съ собою въ неволю захватили, которыхъ
разныхъ мѣстахъ продавали, напримѣръ двухъ сыновей и дву
дочерей пана Длускаго и множество другихъ людей прод
или отдали Путивльскому воеводѣ Никифору Юрьевичу П
щееву; этихъ людей у него отыскивали, но онъ не отдалъ
теперь держитъ у себя въ Москвѣ. Тѣ же измѣнники коз
засѣли новыя слободы царскаго величества въ степяхъ, а им
но на Усерди, подъ Ливнами, подъ Яблонновымъ, подъ Но
силемъ, подъ Мценскомъ, подъ Осколомъ, подъ Валуйка
подъ Воронежемъ, подъ Михайловымъ, подъ Дѣдиловымъ, под
Гремячимъ, подъ Дудинскомъ, подъ Рыльскомъ, подъ Кур

жомъ, подъ Путивлемъ, подъ Сѣвскомъ и подъ иными старыми городами царскаго величества. До королевскаго величества дошелъ слухъ, что самые большіе измѣнники и заводчики того множества, Яцко Остреница да Андрюшка Гуня въ Азовѣ со многими старшинами засѣли и живутъ. Всѣ эти измѣнники перебѣжали въ Московскіе города съ женами и дѣтьми, а царское величество ихъ жалуетъ и на службу свою посылаетъ, а надобно было бы, чтобъ, по суду Божію и по указу королевскаго величества, и колы то тѣ уже подгнили, на которыхъ бы они посажены были. Въ докончательныхъ грамотахъ написано:—кто будетъ недругъ королевскому величеству, тотъ и царскому величеству недругъ, а подданные измѣнники хуже всякаго недруга: такъ царскому бы величеству тѣхъ всѣхъ 20,000 козаковъ со старшинами Яцкою Остреницею и Андрюшкою Гунею выдать непремѣнно, чтобъ королевское величество всему свѣту и всѣмъ христіанскимъ государямъ не жаловался.» Царь отвѣчалъ Владиславу въ своей грамотѣ, что онъ недоволенъ его рѣшеніемъ относительно людей, которые умаляли титулъ: «вы, братъ нашъ, этимъ людямъ казни и наказанія не учинили, и не спрашивая ихъ въ такихъ великихъ винахъ, заочно оправдали не дѣломъ, вымышляя мимо всякой правды, будто они Русскаго письма и рѣчи не знаютъ.» Царь по прежнему требовалъ казни виновнымъ. О Запорожцахъ отвѣчалъ: «пришли немногіе люди, а не 20,000; въ докончальныхъ грамотахъ не сказано, чтобъ перебѣжчиковъ выдавать, а чего въ докончальныхъ грамотахъ не написано, того дѣлать и вновь начинать непригоже.» Такимъ образомъ кромѣ неудовольствій на счетъ умаленія титула и размежеванія границъ, со стороны Малороссіи поднималась туча, готовая разразиться снова страшною войною.

Съ Швеціею не было споровъ ни о титулѣ, ни о границахъ, ни о Черкасахъ Запорожскихъ, а потому дружелюбныя сношенія поддерживались и при наслѣдницѣ Густава Адольфа, Христинѣ. Послѣ заключенія Поляновскаго мира, единственственный интересъ Шведскаго правительства въ сношеніяхъ съ

Московскимъ состоялъ въ томъ, чтобы царь позволялъ Шведамъ покупать въ Россіи хлѣбъ по своей цѣнѣ. Для этого въ 1634 году Христина прислала царю въ подарокъ 10 пушекъ со всѣми снарядами, да 2,000 мушкетовъ, цѣною въ 9,043 рубля. Въ Москвѣ, послѣ Меллера, Шведскимъ резидентомъ былъ Крузбіорнъ, которому царь приказалъ давать корму по 35 рублей въ мѣсяцъ; а въ Стокгольмъ въ 1635 году былъ отправленъ Русскій резидентъ или пребывательный агентъ, Дмитрій Францбековъ (Фаренсбахъ), крещеный иноземецъ, которому королева велѣла выдавать такую же сумму, какая выдавалась Крузбіорну въ Москвѣ, но писала царю, что у другихъ великихъ государей не ведется агентамъ на кормъ деньги давать, не ведется для всякаго неисправленья и ссоры, какая можетъ отъ того приключиться, и потому королева полагается на царскаго величества сосѣдское и любительное изволеніе, получать ли резиденту кормъ отъ своего правительства или отъ того, при которомъ онъ находится. Францбековъ началъ жалобами, что еще на дорогѣ его во многихъ мѣстахъ безчестили, людишекъ били и рухлядь многую покрали; а въ Стекольнѣ поставили его за городомъ на кабацкомъ дворѣ, къ дворнику приходятъ Нѣмцы пьяные, и его, агента безчестятъ; онъ жаловался королевинымъ думнымъ людямъ, но тѣ не обратили на его жалобы вниманія; наконецъ 25 Апрѣля 1635 года ночью пришли на дворъ Нѣмцы и начали его людишекъ сѣчь и посѣкли двухъ человѣкъ; на жалобу его Шведскіе думные люди опять управы не дали, только велѣли мужика съ двора свести, который кабакъ держалъ. Францбековъ жаловался также, что въ Стокгольмѣ выдаютъ ему съ товарищами по 70 ефимковъ въ мѣсяцъ, а хлѣбъ и всякіе запасы передъ Московскою цѣною стоятъ дороже вдесятеро. Онъ говорилъ объ этомъ думнымъ людямъ, но тѣ отвѣчали, что и Шведскому агенту 35 рублей въ мѣсяцъ мало въ Москвѣ, и ему посылаютъ изъ королевской казны въ прибавку двѣ тысячи ефимковъ. Королева въ свою очередь жаловалась царю, что люди Францбекова такъ избили на своемъ дворѣ одного

Шведа, что тотъ скоро послѣ того умеръ. Царь писалъ королевѣ: «Былъ у насъ прежній вашъ агентъ Яганъ Меллеръ, жилъ на Москвѣ четыре года, кормъ и питье получалъ ежемѣсячно, и вы ничего къ нимъ не писали о томъ, чтобъ ему корму не давать; а нашъ агентъ отпущенъ къ вамъ немного больше полугода, и ты пишешь, чтобъ агентамъ на обѣ стороны быть на своихъ проторяхъ. Пишешь, что люди нашего агента били вашего служилаго человѣка, отъ чего онъ и умеръ; но задоръ произошелъ отъ вашего человѣка, который нашего человѣка по лицу шпагою ранилъ; мы вашимъ торговымъ людямъ вездѣ дворы добрые отвели, а нашимъ торговымъ людямъ въ Стекольнѣ до сихъ поръ дворъ не отведенъ.» Къ Францбекову государь писалъ, чтобъ жилъ смирнѣе, въ обидныхъ дѣлахъ билъ челомъ королевѣ, а самъ не управлялся: «ты оказался въ чужомъ государствѣ такимъ дурнымъ дѣломъ, что и слышать стыдно, самому управляться и до смерти побивать человѣка не пригоже.» Положено было, что агенты съ обѣихъ сторонъ будутъ жить на своихъ проторяхъ; но Францбековъ послѣ того не долго оставался въ Стокгольмѣ: въ Апрѣлѣ 1636 года онъ былъ отозванъ въ Москву такою царскою грамотою: «по нашему указу велѣно вамъ быть въ Швеціи и провѣдывать всякихъ вѣстей, и какихъ вѣстей провѣдаете, о томъ велѣно было вамъ писать къ намъ въ Москву часто. Вы жили въ Швеціи не малое время, а къ намъ о вѣстяхъ не писывали, если же и писали, то дѣло не большое, и потому указали мы вамъ ѣхать изъ Швеціи назадъ въ Москву. Но Крузбіорнъ остался здѣсь и продолжалъ подавать въ Посольскій приказъ вѣстовыя письма объ успѣхахъ Шведскаго оружія въ Германіи, во время Тридцатилѣтней войны. Для доброй дружбы и любви, царь велѣлъ дать ему взаймы 3,000 пудъ селитры, потомъ, по вѣрющему письму королевы Христины, дано было ему взаймы 1,000 рублей денегъ. Но въ Москвѣ тяготились резидентами, какъ видно изъ царской грамоты 1642 года къ Псковскому воеводѣ, который извѣщалъ, что въ Ригу отъ королевы Христины пріѣхалъ Петръ Лоффельтъ,

назначенный резидентомъ въ Москву на смѣну Крузбіорна; «про резидентовъ и агентовъ въ мирномъ договорѣ не написано; въ прошлыхъ годахъ пріѣхалъ къ намъ славныя памяти Густава Адольфа короля гонецъ Яганъ Меллеръ съ королевскою вѣрющею грамотою и для хлѣбной покупки, и по королевской грамотѣ велѣно ему быть на Москвѣ для всякихъ государственныхъ дѣлъ въ агентахъ, и былъ онъ на Москвѣ агентомъ года съ два, и какъ его не стало, то на его мѣсто пріѣхалъ агентъ Петръ Крузбіорнъ, а отъ нашего царскаго величества къ государынѣ ихъ королевѣ Христинѣ въ Стеколню въ агенты посланъ былъ Дмитрій Францбековъ для Польскихъ и Литовскихъ вѣстей, потому что у насъ въ то время была война съ Владиславомъ королемъ Польскимъ, а теперь между нами и королемъ Владиславомъ мирное вѣчное докончаніе, также и съ другими окрестными государствами покой и тишина, и мы велѣли нашему агенту Дмитрію Францбекову изъ Швеціи быть къ намъ въ Москву, потому что ему тамъ быть не для чего, и съ тѣхъ поръ нашихъ агентовъ въ Швеціи нѣтъ и дѣлать имъ тамъ нечего, да и за Шведскимъ агентомъ, который теперь живетъ въ Москвѣ, государственныхъ большихъ никакихъ дѣлъ нѣтъ, слѣдовательно и тому новому агенту Петру Лоффельту въ наше Россійское государство ѣхать не зачѣмъ; въ посольскомъ договорѣ про резидентовъ и агентовъ, что имъ жить въ нашихъ государствахъ, не написано, а мимо мирнаго договора дѣлать непригоже, чтобъ вѣчному докончанію противно не было.» Крузбіорнъ однако оставался въ Москвѣ до конца царствованія.

Мы видѣли, что при Филаретѣ Никитичѣ ни Англичанамъ, ни Французамъ, ни Голландцамъ не дано было дороги въ Персію; но по смерти Филарета Никитича взглядъ, какъ видно, перемѣнился, и въ Декабрѣ 1634 года, заключенъ былъ договоръ съ Голштинскими послами Филиппомъ Крузіусомъ и Отономъ Брюгеманомъ о дозволеніи компаніи Голштинскихъ купцовъ торговать съ Персіею и Индіею черезъ Московское государство, въ продолженіи десяти лѣтъ. Компанія обязалась

...ть ежегодно въ царскую казну по 600,000 большихъ ...ковъ, за что пошлинъ она уже никакихъ не платила; обя... ...ь представлять въ Посольскій приказъ роспись своимъ то...ъ, и если которые изъ нихъ понадобятся въ государеву ...у, то обязана отдать ихъ туда по прямой цѣнѣ. Голш... ...ы должны были покупать въ Персіи всякіе товары, шелкъ ...й, каменье дорогое, краски и другіе большіе товары, ко... ...ми Русскіе купцы не торгуютъ, сырагo шелку въ крас... ...ъ Персію не давать, крашеными шелками торговлѣ Рус... ...ъ людей не мѣшать, крашеныхъ шелковъ, бархатовъ, ат...въ, камки Персидской золотой и шелковой, дороги всякой, ...и всякихъ цвѣтовъ, зенденей, киндяковъ, сафьяновъ, крас... ...рутику и мягкой, миткалей, кисей, бязи, кумачей вся...ъ, выбойки, бумаги хлопчатой, кушаковъ, ревеню, корня ...чиннаго, пшена сорочинскаго, нашивокъ, поясковъ шел...хъ, саблей, полосъ, ножей тулунбасовъ, луковъ ядрин...ъ и немецкихъ, поручей и доспѣховъ всякихъ, ковровъ, ...ъ, шатровъ, палатокъ, полстей, орѣшковъ чернильныхъ, ...у и москательныхъ всякихъ товаровъ и селитры, кото... ...и прежде торговали Русскіе купцы — этихъ товаровъ не ...упать. Голштинцы не могли торговать въ Россіи товарами, ...рые они будутъ привозить изъ Персіи, должны везти ихъ ...о въ свою землю; если Голштинцы въ Персіи и Индіи ...утъ покупать краску крутикъ и мягкую, то они не долж... провозить ее мимо Россійскаго государства, но должны от...ть въ царскую казну ежегодно по четыре тысячи пудовъ ...утику, если царскому величеству будетъ надобно, а если ...етъ надобно меньше, то дать сколько надобно, получая изъ ...ны денегъ по пятнадцати рублей за пудъ, потому что эту ...ску покупаютъ въ Индіи по два рубля пудъ, а въ Персіи ...о семи рублей; ревеню обязаны Голштинцы давать въ казну ...о 30 пудовъ, да столько же чепучиннаго корня, отдавать ...хъ въ казну и Русскимъ торговымъ людямъ по той цѣнѣ, ...почемъ они въ Персіи станутъ покупать; а если Голштинцы станутъ продавать свои товары, то должны платить пошлину.

Быть въ Голштинской компаніи торговымъ людямъ изъ разныхъ Голштинскихъ городовъ тридцати человѣкамъ, за исключеніемъ всякихъ иноземцевъ. Для обороны своихъ кораблей на Волгѣ компанія посылаетъ на десяти корабляхъ по 400 вооруженныхъ людей, на каждомъ караблѣ по 40, имѣетъ на корабляхъ середнія и малыя пушечки, ручные самопалы и всякое оружіе, но эти пушки и оружіе Голштинцы не должны оставлять или продавать въ Персіи, мѣди никакой не должны возить туда; если случится имъ на пути грабежъ отъ Русскихъ людей или иноземцевъ, то имъ того не спрашивать у царскаго величества; если имъ понадобятся прибавочные люди, то они могутъ нанимать Русскихъ солдатъ и рабочихъ людей, которые захотятъ добровольно наниматься, но чтобъ только это были вольные люди, а бѣглыхъ съ собою на корабляхъ на низъ не возить. Корабли строить въ землѣ царскаго величества, и лѣсъ покупать у царскихъ подданныхъ вольною торговлею, плотниковъ нанимать царскихъ подданныхъ охочихъ людей, и отъ этихъ плотниковъ корабельнаго мастерства не таить; къ ворамъ не приставать, лиха на государя не мыслить, что узнаютъ дурнаго—извѣщать; костеловъ своей вѣры въ данныхъ имъ мѣстахъ и купленныхъ не строить, Божію службу совершать въ домахъ, папежской вѣры поповъ и учителей и никакихъ Латинской вѣры людей съ собою въ Россійское государство не привозить и тайно у себя не держать, подъ страхомъ смертной казни. Если компанія въ которомъ году не заплатитъ выговоренной суммы, то взять на ней за то вдвое; а если царскому величеству торговля компаніи будетъ не прибыльна, то вольно ему, выждавъ года два или три, а по большой мѣрѣ пять лѣтъ, отказать, и герцогу Фридриху Голштинскому за то на него нелюбья не держать.

Предложеніе было принято, Голштинскіе послы съѣздили въ Персію, получили позволеніе отъ шаха, и было постановлено, чтобъ десятилѣтній срокъ компаніи считать отъ дня ихъ возвращенія изъ Персіи въ Москву, т. е. отъ 2-го Генваря 1639 года; по истеченіи семи мѣсяцевъ отъ этого срока, т. е. 2-го

Августа 1639 они обязались внести половину годовой суммы въ казну царскую, если бы даже Голштинскіе товары и не прибыли къ этому времени въ Ярославль. Когда это дѣло было улажено, Голштинскіе послы подали жалобу, что именитый гость Василій Шоринъ былъ у бояръ и говорилъ имъ сверхъ иныхъ страшныхъ рѣчей и то, будто у герцога Голштинскаго денегъ нѣтъ и заплатить уговорной суммы онъ въ царскую казну не можетъ, послы его у Русскихъ и Нѣмецкихъ людей деньги занимаютъ на ѣду; бояре отвѣчали Шорину и товарищамъ его, что они много врутъ, подали бы свои рѣчи на письмѣ, которое будетъ представлено царскому величеству. Послы объявили, что рѣчи Шорина и товарищей его безчестятъ герцога Голштинскаго, и они, послы объ этомъ молчать не могутъ и требуютъ наказанія Шорину. Кромѣ Шорина послы жаловались на дьяка Назарья Чистова, который объявилъ посламъ, что царь безъ его Назарьевой думы ничего не рѣшитъ о Персидской торговлѣ; послы посулили ему 2,000 ефимковъ, поставили поруками иностранныхъ гостей Петра Марселиса и Андрея фонъ-Рингена, кромѣ того дали въ закладъ запону въ 3,000 ефимковъ; но когда Марселисъ принесъ ему 2,000 ефимковъ чтобъ выкупить запону, то Чистый сталъ просить 3,000, и когда послы отказали, то началъ грозить имъ, запону удержалъ у себя и сталъ вмѣстѣ съ Шоринымъ и его совѣтниками умышлять противъ Голштинцевъ, писать неправедныя и позорныя челобитья. Но Чистой заперся, что никакой запоны не бралъ, и послы уѣхали, не получивши удовлетворенія. Послѣ отъѣзда ихъ Голштинскій агентъ Демушеронъ явился къ боярамъ и объявилъ, что герцогъ его проситъ царское величество пропустить въ Персію Голштинскаго посла съ товарами на 80 возахъ, за что компанія заплатитъ въ царскую казну 25,000 цесарскихъ ефимковъ, а когда назадъ привезутъ въ Москву купленные въ Персіи товары, то еще заплатятъ 25,000 ефимковъ. — Бояре отвѣчали, что это дѣло не схожее, не заплатя уговорныхъ ефимковъ, договариваться вновь мимо дѣла; онъ бы агентъ объявилъ, ка-

кіе товары изъ Голштинской земли теперь съ послами на возахъ повезутъ, и что за пропускъ ихъ дадутъ, и пре уговорные ефимки 300,000 теперь заплатятъ ли, потому срокъ уже прошелъ, а денегъ не заплачено, а безъ прежняго платежа пропустить не пристойно и впередъ вѣ нечему. Агентъ отвѣчалъ, что повезутъ сукна, ефимки и гіе товары, а какіе именно не знаетъ, уговорнымъ же еф камъ платежъ будетъ когда съ шахомъ нынѣшніе послы вердятся. Бояре запросили 100,000 ефимковъ за пропус обѣщая дать за это подводы до Москвы, а отъ Москвы Астрахани суда и гребцовъ; агентъ давалъ только 60,0 бояре согласились, и царь увѣдомилъ объ этомъ герцога с его грамотою въ Мартѣ 1640 года, объявляя однако, что у ворные ефимки должно заплатить по посольскому утвержд въ этой же грамотѣ Михаилъ жаловался на Голштинскихъ словъ: «пословъ твоихъ какая правда, будто они въ посу ныхъ ефимкахъ дали Назару Чистову запону въ 3,000 еф ковъ: но они пришли къ намъ, великому государю, посол скимъ обычаемъ, такъ имъ, мимо бояръ нашихъ и думн людей, промышлять тайно и подкупать такихъ нашихъ об ныхъ людей не слѣдовало, и тебѣ, Фридерику князю, д лось вины класть за такія неправды на своихъ пословъ, а яръ нашихъ и думныхъ людей не безчестить.» Въ Сентяб Гамбурецъ Петръ Марселисъ подалъ въ посольскій прик грамоту отъ герцога Голштинскаго къ царю; герцогъ писа что посолъ его Отонъ Брюгеманъ заключилъ договоръ и его герцогскаго наказа и писемъ, которыя онъ уталъ от своего товарища, за что и казненъ смертію, а заключенн имъ договора онъ герцогъ никакъ подтвердить не можетъ; то но также ложно и послѣднее предложеніе о 80 возахъ тов ровъ, сдѣланное агентомъ Демушерономъ по тайному пись Брюгемана, и такъ какъ Демушеронъ умеръ, то на его м сто назначается Датскій прикащикъ, Петръ Марселисъ, кот рому и данъ подлинный наказъ, какъ уговариваться на счет Персидской торговли. Царь отвѣчалъ герцогу: «то твоя Фрид

...князя какая правда? ты дѣло пословъ своихъ, договорныя ...ыя утверждалъ самъ и закрѣплялъ своею рукою и печа...; посолъ у тебя былъ большой Филиппъ Крузіусъ, а Брю...анъ былъ съ нимъ въ товарищахъ; и вѣрено во всемъ твоей ...княжеской рукѣ и печати и посольскому договору, а ты хо...чешь это дѣло нарушить мимо всякой правды. Нигдѣ не ве...дется, чтобъ утвержденные съ обѣихъ сторонъ договоры на...задъ отдавать, а если такое великое утвержденье некрѣпко, то впередъ чему вѣрить и чѣмъ больше того крѣпиться? А намъ, великому государю, отъ этого дѣла никакъ не отсту...паться.» Герцогъ отвѣчалъ, что онъ хорошо знаетъ, какъ ве...сти себя съ христіанскими государями, которые въ дружбѣ и свойствѣ съ нимъ находятся, и потому пусть царь не велитъ впередъ писать ему такихъ писемъ; у всякаго государя мо...гутъ быть невѣрные слуги, которые преступаютъ свое полно...мочіе, и государь за это не отвѣчаетъ; что же касается до Персидскаго дѣла, то онъ, герцогъ, отлагаетъ его до другаго болѣе удобнаго времени. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ Польшею и Швеціею былъ вѣчный миръ и близкаго разрыва не предвидѣлось: постарались избѣжать и разрыва съ страшными Турками. Мы оставили Турецкія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ султанъ Османъ присылалъ Ѳому Кантакузина съ пред...ложеніемъ воевать вмѣстѣ Польшу. Въ 1622 году вмѣстѣ съ Турецкими посланниками государь отправилъ въ Константино...поль своихъ посланниковъ Ивана Кондырева и дьяка Борис...сова. Приближаясь къ Дону, посланники дали знать въ Мос...кву: «Ждемъ себѣ задержанья многаго на Дону, потому что Донской атаманъ Епиха Радиловъ, приходя къ намъ, гово...рилъ:» призывали меня въ Москвѣ къ боярамъ, и бояре при...ходили на меня съ шумомъ, меня и войско все лаяли и по...зорили; а наше войско люди вольные, въ неволю не служатъ, а вы посланники на Донъ идете къ началу, какъ войско из...молитъ, такъ надъ вами и сдѣлаютъ.» Посланники доносили, что на Дону живутъ Черкасы Запорожскіе, возвратившіеся съ Чернаго моря; что въ казачьихъ городахъ нашли они, пос-

ланники, волжскихъ воровскихъ козаковъ, атамана Богд[illegible] Чернушкина съ товарищами человѣкъ съ 50, ходятъ въ [illegible] башкахъ тафтяныхъ, въ кафтанахъ бархатныхъ и камчатыхъ, а были они на морѣ и громили Персидскія суда; Донской ата[illegible] манъ Епиха Радиловъ взялъ ихъ съ собою на низъ, и когд[illegible] посланники сказали ему, чтобъ онъ такихъ воровъ къ се[illegible] не принималъ, то Епиха отвѣчалъ: «Если ихъ не принимать, то они познаютъ чужую землю.» Когда посланники пріѣха[illegible] въ козачьи юрты, то нашли ихъ почти пустыми: козаки [illegible] правились на море, да и оставшіеся козаки вмѣстѣ съ атама[illegible] номъ Епихою Радиловымъ, поѣхали также на море въ присутствіи посланниковъ. Козакамъ однако не хотѣлось потерять и царскаго жалованья, и потому атаманъ Исай Мартемьяновъ прислалъ сказать Кондыреву, что они, козаки стоятъ на мор[illegible]скомъ устьѣ, дожидаются Турецкихъ каравановъ, чтобъ [illegible] пропустить ихъ въ Азовъ, и что скоро будутъ въ Монастырскій городокъ, гдѣ остановились посланники: такъ чтобъ они ихъ дождались и никому царскаго жалованья не отдавали. Козаки дѣйствительно возвратились въ Монастырскій городокъ; но когда посланники въ ихъ кругу объявили обычное царское требованіе, чтобъ они жили съ Азовцами мирно до возвращенія ихъ посланниковъ изъ Константинополя, то козаки отвѣчали, что [illegible] ни государеву жалованью ради, но съ Азовцами не управившись помириться не могутъ, почему нельзя скоро отпустить туд[illegible] посланниковъ. Давши такой отвѣтъ, козаки взяли у посла[illegible]никовъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и пушечные запасы и вино вмѣстѣ съ судами, на которыхъ эта казна была привезена, запасы изъ судовъ выгрузили, положили у часовни середи площади, а суда изъ рѣки выволокли къ себѣ на берегъ. Посланники велѣли сказать имъ, чтобъ они запасы устроили гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ, а не на площади, чтобъ Турскіе люди про запасы не знали, да и судовъ бы къ себѣ не брали. Козаки отвѣчали, что кромѣ площади запасовъ положить негдѣ, а судовъ они прежде никогда съ Дону не отпускали. Пробывъ только одинъ день въ Монастырскомъ городкѣ,

козаки опять отправились на море, въ 50 стругахъ а въ стругѣ человѣкъ по 30 и 40, съ ними вмѣстѣ отправились пріѣзжіе люди изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливенъ, Ельца и Московскіе торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ съ товарами. На морскомъ устьѣ козаки сошлись съ Турецкими караванами, шедшими въ Азовъ, бились съ ними, взяли корабль, двѣ комеги и съ добычею возвратились въ Монастырскій городокъ; шли они къ себѣ въ курени мимо стана Турецкихъ посланниковъ, и показывали имъ погромную рухлядь, стрѣляя изъ ружей. Тщетно посланники говорили имъ, чтобъ они помирились съ Азовцами; козаки отвѣчали: «Если Азовцы пришлютъ къ намъ, то, можетъ быть, и помиримся, *а сами* не пошлемъ, ссылайтесь съ ними вы мимо насъ.» Посланники отправили въ Азовъ сына боярскаго объявить о своемъ пріѣздѣ. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что Азовцы приходили къ нему съ великимъ шумомъ и говорили: «Пусть посланники придутъ въ Азовъ: мы съ ними управимся!» Но Азовскіе начальные люди дали знать посланникамъ, что прежніе посланники, идя въ Царь-градъ, замиряли козаковъ съ Азовцами: такъ хотятъ ли козаки помириться и теперь? Посланники обратились съ этимъ вопросомъ къ козакамъ, и тѣ отвѣчали, что они съ Азовцами помирятся и ихъ, посланниковъ въ Азовъ отпустятъ, когда товарищи ихъ придутъ съ моря, а товарищей ихъ теперь на морѣ человѣкъ съ тысячу и больше. Вскорѣ послѣ этого, 8 Августа пришли съ моря Донскіе и Запорожскіе козаки въ 25 стругахъ человѣкъ 700 подъ начальствомъ Запорожскаго атамана Шила, и разсказывали, что они были за моремъ отъ Царь-града за полтора днища, повоевали въ Цареградскомъ уѣздѣ села и деревни и многихъ людей посѣкли, но изъ Царь-града высланы были на нихъ каторги, и Турки побили у нихъ человѣкъ съ 400. Послѣ этого козаки отпустили посланниковъ въ Азовъ; въ Кафѣ Кондыревъ увѣрялъ пашу по обычаю, что если козаки впередъ станутъ ходить на море, то государь изъ дружбы къ султану стоять за нихъ не будетъ; паша отвѣчалъ на это: «Донскихъ коза-

ковъ каждый годъ наши люди побиваютъ многихъ, а все ихъ не убываетъ, сколько бы ихъ въ одинъ годъ не побили, на другой годъ еще больше того съ Руси прибудетъ; еслибъ прибылыхъ людей на Донъ съ Руси не было, то мы давно бы уже управились съ козаками и съ Дона ихъ сбили.»

Въ Константинополѣ посланники нашли страшную смуту: султанъ Османъ былъ убитъ янычарами и на его мѣсто былъ возведенъ дядя его Мустафа; въ Багдадѣ встали за это на янычаръ и перерѣзали ихъ; услыхавши о судьбѣ своихъ собратій въ Азіи, Костантинопольскіе Янычары взволновались; паши прямо велѣли объявить посланникамъ, что теперь имъ не до нихъ. Но этого мало: на посольскій дворъ явились Янычары съ жалобою, что козаки погромили ихъ корабль съ товарами, и требовали, чтобъ посланники заплатили имъ за убытки, посланники не велѣли пускать ихъ къ себѣ; тогда Янычары стали шумѣть и браниться, кричали: «Даромъ мы вамъ этого не спустимъ, приходите всѣ съ обманомъ, а не съ правдою, козаковъ на море посылаете, корабли громить велите, здѣсь въ Царѣградѣ невольниковъ крадете; и за это станемъ у васъ рѣзать носъ и уши.» Янычары вошли въ посольскія комнаты, искали всюду невольниковъ, пересматривали рухлядь, и, не нашедши ничего, ушли съ бранью. Посланники послали жаловаться визирю на такое безчестье; визирь отвѣчалъ: «Теперь мнѣ не доословъ, хотятъ меня перемѣнить.» Дѣйствительно визирь былъ смѣненъ. Новый визирь Гуссейнъ прежде всего потребовалъ у посланниковъ шубы лисьей черной да соболей добрыхъ на шубу. У посланниковъ шубъ не было, и они послали одни соболи; визирь разсердился и встрѣтилъ ихъ укорами за козацкіе разбои; посланники жаловались, что имъ уже недѣль съ пять корму не даютъ; визирь отвѣчалъ: «Вамъ и безъ корму можно быть сытымъ, соболей у васъ много, а мнѣ ничего не пришлете; соболи у васъ родятся на Москвѣ и съ Москвы ходятъ во всѣ государства; въ Литвѣ соболей не родится, приходятъ изъ Москвы, а Литовскій посолъ прислалъ мнѣ сороковъ съ 50 и больше: такъ вамъ бы

промыслить, купить мнѣ соболей хотя сороковъ съ 20 или больше.» Посланники отвѣчали, что у нихъ соболей нѣтъ, все они роздали прежнему визирю и султановымъ ближнимъ людямъ; а если онъ визирь государевымъ дѣломъ станетъ промышлять, то они хотя займутъ а соболей ему еще промыслятъ сорока два или три. Визирь обѣщалъ промышлять государевымъ дѣломъ. Посланники отправили къ нему три сорока соболей, но онъ разсердился, соболей не взялъ и сказалъ: «Еще они въ Царѣградѣ живутъ не долго, а какъ поживутъ года съ два или съ три, то дадутъ мнѣ и не въ честь столько же, сколько Литовскій посолъ далъ.» Посланники прибавили еще пять сороковъ, цѣною въ 200 рублей, да и дворецкому визиреву послали подарки. Визирь удовольствовался и посланники были отпущены съ отвѣтомъ, что султанъ Мустафа помирился съ Литовскимъ королемъ, хочетъ быть въ мирѣ и съ Московскимъ государемъ и Азовцамъ запретитъ нападать на Московскія украйны; если же Литовцы договоръ нарушатъ, если Запорожцы выйдутъ въ море хотя на одномъ стругу, то султанъ немедленно начнетъ съ королемъ войну и дастъ знать государю въ Москву. Французскій посланникъ де Сези былъ очень радъ, что Кондырева отпустили ни съ чѣмъ. Поведеніе этого посланника представляетъ любопытное явленіе въ исторіи Европейской дипломатіи. Въ описываемое время христіаннѣйшій король, борясь съ своими протестантами внутри страны, не усумнился соединиться съ протестантскими державами сѣверной Европы, чтобъ противодѣйствовать опасному для Франціи усиленію Габсбурскаго дома; король Польскій былъ въ союзѣ съ этимъ домомъ, слѣдовательно Французскій посланникъ въ Константинополѣ долженъ былъ дѣйствовать противъ Польши. Но де Сези прежде всего былъ ревностный католикъ; ему ужасна была мысль, что если Турки въ союзѣ съ Москвою и Бетлемъ-Габоромъ Трансильванскимъ одолѣютъ Польшу, то Польскіе протестанты могутъ воспользоваться этимъ и провозгласить королемъ своимъ Бетлемъ-Габора, протестанта. Вотъ почему онъ старался увѣрить

свое правительство, что Франціи нечего опасаться союза Польши съ Австріею, ибо народъ Польскій питаетъ сильное нерасположеніе къ послѣдней, что слѣдовательно нѣтъ нужды поднимать Турокъ на Польшу. Съ другой стороны де Сези хлопоталъ о сверженіи Константинопольскаго патріарха Кирилла, въ которомъ видѣлъ дѣятельнаго противника католицизму; онъ доносилъ Людовику XIII, что Кириллъ опасный еретикъ, кальвинистъ, который имѣетъ одну цѣль—истребленіе католицизма и распространеніе кальвинизма въ Греціи и на всемъ Востокѣ, что для этого Кириллъ назначаетъ на свое мѣсто одного изъ своихъ родственниковъ, который изучалъ кальвинизмъ въ Англіи. Въ 1623 году де Сези удалось свергнуть Кирилла; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кириллъ опять успѣлъ занять свой прежній столъ, и де Сези продолжалъ враждовать съ нимъ; по его донесеніямъ, Кириллъ напечаталъ въ Виттембергѣ подъ именемъ ученика своего Захарія и распространилъ по всему востоку наставленіе, наполненное мнѣніями Кальвинскими и Лютеранскими.

Въ Кафѣ ждала посланниковъ бѣда: сюда дали знать изъ Азова, что Донскіе козаки вышли въ море; посланниковъ по этимъ вѣстямъ задержали, Кафинскій народъ грозился ихъ убить; но вѣсти о козакахъ не подтвердились, и посланниковъ отпустили изъ Кафы; но когда они пришли въ Керчь, то подъ этотъ городъ явилось 1000 Донскихъ козаковъ въ 30 стругахъ, стали противъ города, взяли комягу; въ городѣ встало волненіе, посланниковъ схватили изъ корабля, повели въ городъ и засадили въ башню, грозя убійствомъ. Кондыревъ послалъ сказать козакамъ, чтобъ они сейчасъ же шли назадъ на Донъ, иначе ихъ посланниковъ убьютъ; козаки отвѣчали, что имъ безъ добычи назадъ на Донъ не хаживать, и пошли мимо Керчи на Черное море, за Кафу. Посланниковъ выпустили изъ башни, но велѣли имъ ѣхать степью по Черкасской сторонѣ. Подъ Черкасскимъ городомъ Темрюкомъ пришли на нихъ Запорожцы, съ крикомъ, что Донскіе козаки, идучи мимо Темрюка, погромили комяги, взяли въ плѣнъ сына

Таманьскаго воеводы и отдали его на окупъ за 2000 золотыхъ, такъ посланники сейчасъ же отдали бы эти деньги, иначе ихъ убьютъ. Турецкій посланникъ и Азовскій воевода, провожавшій посланниковъ, вступились было за нихъ; но козаки поворотили и посланника и воеводу назадъ въ Кафу, а Кондырева съ товарищемъ оставили въ Темрюкѣ и посадили въ башню. Тогда воевода и посланникъ дали имъ подарки, и едва уговорили отпустить всѣхъ изъ Темрюка въ Азовъ. Потомъ въ степи посланники должны были отбиваться отъ Ногаевъ, при чемъ братъ втораго посланника Борносова былъ взятъ въ плѣнъ; Ногаи кричали, что весною приходили на ихъ улусы Донскіе козаки, побрали женъ ихъ и дѣтей, лошадей и животину: такъ если козаки отдадутъ полонъ назадъ, то и они отпустятъ плѣнниковъ; насилу Азовскій воевода и Турецкій посланникъ уговорили ихъ отдать плѣнника.

Послѣ такихъ приключеній посланники добрались наконецъ до Азова, но не на радость: только что они успѣли расположиться на посольскомъ дворѣ, какъ ворвались туда Азовскіе люди съ крикомъ и угрозами: одни кричали, что посланниковъ надобно убить, другіе, что обрѣзать носъ и уши и отпустить на Донъ, потому что Донскіе козаки не перестаютъ разбойничать, и теперь стоятъ на Донскомъ устьѣ, дожидаются каравану изъ Кафы. Посланники написали на Донъ, чтобъ козаки помирились съ Азовцами и свели свои струги съ устья Дона, иначе ихъ посланниковъ убьютъ въ Азовѣ. Козаки исполнили это требованіе, прислали мириться, но не согласились въ условіяхъ; когда въ Азовѣ узнали, что козаки не мирятся, то къ посланникамъ въ окна полетѣли каменья и бревна; наконецъ козаки согласились помириться какъ хотѣли Азовцы, и посланниковъ выпустили изъ Азова.

Осенью 1627 года пріѣхалъ въ Москву въ другой разъ Грекъ Ѳома Кантакузинъ въ послахъ отъ султана Мурада IV-го. Султанъ писалъ царю: «Вамъ бы попомнить прежнюю дружбу и любовь и быть съ нами въ сердечной дружбѣ и въ любви и въ послушаніи, какъ были предки ваши; о прямой

своей сердечной дружбѣ къ вамъ отпишите и пословъ своихъ къ намъ съ грамотами посылайте безъ урыва, и если вамъ нужна будетъ какая помощь, то мы вамъ станемъ помогать.» Кантакузинъ (выучившійся говорить по-русски безъ толмача), объявилъ Филарету Никитичу, что султанъ Мурадъ хочетъ государя Михаила Феодоровича имѣть себѣ братомъ, а его, святѣйшаго патріарха, хочетъ имѣть отцемъ: они государи будутъ между собою два брата, а ты, великій государь, будешь имъ отецъ, и никто ихъ братской любви не можетъ разорвать. Цѣль такой братской любви была прежняя: воевать вмѣстѣ землю короля Сигизмунда. Филаретъ Никитичь отвѣчалъ: «У сына моего съ султанами Ахметомъ, Османомъ и Мустафою ссылка о дружбѣ была безъ урыву и никакой помѣшки дружбѣ ихъ не бывало; а съ султаномъ Мурадомъ у сына нашего ссылки не бывало, потому что случилась помѣшка отъ воровства Крымскаго калги Шанъ-Гирея, который побилъ нашихъ пословъ, ѣхавшихъ къ султану Мустафѣ. Узнавши о воцареніи Мурада, сынъ нашъ хотѣлъ послать его поздравить, но не послалъ затѣмъ, что не зналъ, куда посылать: на Азовъ послать опасно, чтобъ и надъ этими послами Шанъ-Гирей не сдѣлалъ того же, что надъ прежними, а моремъ послать было нельзя, потому что во всѣхъ Нѣмецкихъ государствахъ была война. А сынъ нашъ съ Мурадомъ султаномъ въ дружбѣ и любви хочетъ быть больше прежняго; Шанъ-Гирей вмѣстѣ съ Русскими послами побилъ также и Турецкихъ, и что взялъ у нихъ казны, отослалъ къ шаху: такъ за это сыну нашему на султана Мурада сердиться не за что, случилось это не по султанову приказанью; а съ королемъ Сигизмундомъ за его неправды сыну нашему въ мирѣ и дружбѣ никакими мѣрами быть нельзя, не отомстивши ему за его неправды.» Кантакузинъ продолжалъ: «Когда я былъ у васъ въ первый разъ и о чемъ ни говорилъ, то все Польскому королю сейчасъ же стало извѣстно, какіе-то люди изъ Москвы писали ему; это намъ извѣстно подлинно, только не знаемъ, кто писалъ.» Филаретъ Никитичь, не отвѣчая на это, обра-

..ъ разговоръ на неисправность въ титулѣ, все султанъ пи..ъ королю Михаилу Θеодоровичу вмѣсто царю. Посолъ ..илъ просьбою, чтобъ государь запретилъ Донскимъ коза..ъ нападать на Турецкихъ людей и земли; Филаретъ Ники.. отвѣчалъ обычною рѣчью, что на Дону живутъ воры и ..даря не слушаютъ. По окончаніи посольскихъ рѣчей, Фи..ъ Никитичь началъ разспрашивать Кантакузина, какъ дав.. султанъ Мурадъ царствуетъ, сколько ему лѣтъ, каковъ воз..омъ и какой былъ вѣры, также и паши какой были вѣры? ..такузинъ отвѣчалъ, что Мурадъ сидитъ на государствѣ ..ертый годъ, лѣтъ ему семнадцать, возрастомъ великъ и ..роденъ и смышленъ, былъ Греческой вѣры, потому что мать .. была за попомъ, очень смышлена и султанъ ее слушается. ..ирь Гассанъ-паша Греческой вѣры былъ, султанъ его слу..етъ и жалуетъ, другой визирь Резепъ-паша также Грече.. вѣры.

..Послѣ этихъ разговоровъ съ Кантакузина взяли запись: «Цѣ.. животворящій крестъ за великаго государя своего Мурада ..тана на томъ, что государю моему съ великимъ госуда..ъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ быть въ дружбѣ, любви ..братствѣ на вѣки неподвижно, послами и посланниками ссы..ся на обѣ стороны безъ урыва; государь мой будетъ по..ъ царскому величеству ратями своими на недруговъ его .. Польскаго короля стоять за одно; Крымскому царю, На..ъ и Азовскимъ людямъ на Московское государство войною ..ить не велитъ; въ грамотахъ своихъ царскаго величества ..ованье велитъ писать сполна». Кантакузинъ требовалъ, чтобъ царь съ своей стороны цѣловалъ крестъ на подобной же записи; но ему отказали на томъ основаніи, что если государь поцѣлуетъ крестъ, то это пронесется въ окрестныхъ государствахъ.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ, въ 1628 году отправились въ Константинополь царскіе послы дворянинъ Яковлевъ да дьякъ Евдокимовъ и повезли, по обычаю, Донскимъ козакамъ жалованье, 2,000 рублей денегъ, сукна и разные запасы. По преж-

нему послы узнали на Дону, что козаки, подъ начальст[вомъ] атамана Ивана Каторжнаго промышляютъ на морѣ надъ Т[урец]скими людьми и что козаки живутъ съ Азовцами не въ [миру]. По обычаю послы потребовали отъ козаковъ, чтобъ они мирились съ Азовцами и свели своихъ товарищей съ мо[ря]; козаки отвѣчали: «Помиримся, Турецкихъ судовъ, селъ и д[е]ревень громить не станемъ, если отъ Азовцевъ задору не б[у]детъ, если на государевы украйны Азовцы перестанутъ ход[ить], государевы города разорять, отцовъ нашихъ, матерей, бра[тьевъ], сестеръ, женъ и дѣтей въ полонъ брать и продавать; если Азовцы задерутъ, то воленъ Богъ да государь, а мы терп[ѣть] не станемъ, будемъ за отцевъ своихъ, матерей, братью и се[стеръ] стоять. И въ томъ воленъ Богъ да государь, что наш[и] козаки съ нужды и бѣдности пошли на море зипуновъ добы[]вать, струговъ съ 30, до вашего пріѣзда, не зная государе[ва] нынѣшняго указа и жалованья, а намъ послать за ними нель[зя] и сыскать ихъ негдѣ, они въ одномъ мѣстѣ не стоятъ». При[]шелъ Каторжный съ моря, и объявилъ, что Турки погроми[ли] его подъ Трапензунтомъ. Помиривъ козаковъ съ Азовца[ми], послы отправились въ Константинополь, встрѣчены были оч[ень] ласково, но пришли вѣсти изъ Крыма, что Донскіе козаки на[]пали на Крымъ, взяли и выжгли два города—Карасу и Ма[н]купъ. Обращеніе перемѣнилось, и на отпускѣ визирь сказал[ъ] посламъ: «Ступайте по здорову, хотя бы васъ и не слѣдовал[о] такъ отпускать за вашихъ людей, козаковъ унимайте и госу[]дарю своему извѣстите, чтобъ ихъ унялъ, а не уйметь, то добраго дѣла не будетъ». Послы отвѣчали: «Если царь велитъ нась отпустить съ добрымъ дѣломъ, то сдѣлаетъ хорошо; а если бы надъ нами за козаковъ какое дурно сдѣлалъ, то этим[ъ] бы себѣ нечесть сдѣлалъ; и такъ дурна и тѣсноты много, а невѣдомо за что; если за козаковъ такая намъ тѣснота, такъ за это не за что насъ тѣснить и голодомъ морить; если ко[]заки на морѣ воруютъ, то пиши на нихъ къ великому госу[]дарю нашему, и великій государь нашъ станетъ ихъ отъ во[]ровства унимать, а насъ незачто тѣснить и морить голодомъ».

Въ Маѣ 1630 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Ѳома Кантакузинъ съ объявленіемъ, что султанъ уже послалъ рать свою на Днѣпровскихъ козаковъ, и съ просьбою, чтобъ царь съ своей стороны наступалъ на Польскаго короля; султанъ просилъ также, чтобъ царь отправилъ и въ Персію свое войско, которое должно тамъ соединиться съ Турецкимъ; наконецъ просилъ унять Донскихъ козаковъ. Филаретъ Никитичь отвѣчалъ послу, что царская рать на Польшу будетъ готова, ибо государь сынъ его до перемирныхъ лѣтъ Польскому королю терпѣть не будетъ. Посолъ объявилъ, что султановъ сердарь съ войскомъ стоитъ на Узѣ совсѣмъ на готовѣ и ждетъ Московскаго гонца съ грамотами: какъ только гонецъ пріѣдетъ съ указомъ, такъ сердарь и пойдетъ на Польскаго короля веснoю по травѣ. Филаретъ Никитичь замѣтилъ тутъ объ одномъ непріятномъ обстоятельствѣ: Шведскій король Густавъ-Адольфъ заключилъ съ Польскимъ королемъ перемиріе; но за то, прибавилъ патріархъ, теперь у Поляковъ съ Черкасами бои великіе за вѣру: Поляки Черкасъ хотятъ привести въ папежскую вѣру, а Черкасы не хотятъ отстать отъ своей христіанской вѣры, и за то между ними великіе бои. Шведскій Густавъ-Адольфъ король завелъ войну съ цесаремъ, и съ Шведскимъ королемъ вмѣстѣ стоятъ на цесаря короли Англійскій, Датскій и Французскій, да Голандскіе штаты, а цесарю помогать хочетъ Польскій король: такъ отъ этого перемирье между Швеціею и Польшею непремѣнно разорвется. Кантакузинъ отвѣчалъ, что неправды Поляковъ во всѣхъ государствахъ вѣдомы, и многіе Поляки прямятъ султану Мураду, а изъ Кіева Русь и Кальвины присылаютъ къ султану съ тѣмъ: какъ придутъ въ Литву Турецкіе ратные люди, то они, Русь и Кальвины будутъ съ ними вмѣстѣ на Поляковъ готовы. Потомъ Филаретъ Никитичь распрашивалъ посла о Донскихъ козакахъ; Кантакузинъ отвѣчалъ: въ прошломъ 1626 году Донскіе козаки съ Запорожскими Черкасами разгромили монастырь Іоанна Предтечи, на морѣ отъ Царьгорода верстъ съ 200 и много казны взяли; султанъ послалъ на нихъ воеводъ, которые отняли у козаковъ

семь струговъ и привели въ Константинополь; султанъ вел распросить плѣнныхъ, по чьему приказу ходили они войно то мѣсто, и козаки сказали, что они ходятъ воевать сами себѣ, а царскаго повелѣнья на то нѣтъ; султанъ велѣлъ вс ихъ казнить. Посолъ прибавилъ, что паши сердятся на М ковскаго государя за Донскихъ козаковъ, но Капитанъ-па ему радѣетъ и даже предлагаетъ давать Донскимъ коза жалованье съ обѣихъ сторонъ, и съ Московской, и съ Ту кой, чтобъ войны отъ нихъ и ссоры между государями было, или даже перевести ихъ на Мраморное море.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ въ Іюлѣ того же года отпр ленъ былъ въ Константинополь посолъ Андрей Совинъ и дь Алфимовъ. Совинъ повезъ Донскимъ козакамъ грамоту, въ торой имъ приказывалось идти на Польскаго короля въ сх къ Турецкимъ пашамъ, стоящимъ на Узѣ. Козаки, прочтя гр моту, отвѣчали послу: «Изстари при прежнихъ государяхъ бывало, чтобъ насъ козаковъ на службу въ чужія земли о нихъ безъ государевыхъ воеводъ посылали; кромѣ Моско скаго государя чужимъ государямъ мы, атаманы, и козаки н когда не служивали; а Турскимъ людямъ никто такъ не гру бенъ какъ мы, Донскіе козаки, и у насъ съ Турскими людьми какому быть соединенью? Мы имъ сами грубнѣе Литовскихъ людей. Если государи укажутъ намъ идти на Польскаго ко роля безъ Турецкихъ пашей съ своими государевыми воеводами, то мы на государскую службу идти всѣ готовы; на море ходятъ Черкасы Запорожскіе, а мы, Донскіе, козаки на море не ходимъ, пишутъ на насъ затѣвая Азовцы по недружбѣ, а хотя бы мы и ходили на море, то намъ прокормиться другимъ нечѣмъ, государскаго жалованья къ намъ не присылывано давно, и теперь не прислано». Въ провожатыхъ у пословъ былъ воевода Иванъ Карамышевъ; изъ Москвы и изъ Валуекъ на Донъ пришли вѣсти, что этотъ Карамышевъ самъ напросился на Донъ козаковъ побивать и вѣшать; по этимъ вѣстямъ козаки бросились съ пищалями и рогатинами къ воеводѣ, прибили его до крови, выволокли изъ струга и повели къ себѣ въ кругъ. По-

сви вступились въ дѣло, говорили козакамъ, чтобъ они не убивали воеводу, не вѣрили затѣйнымъ рѣчамъ, а писали бы объ этомъ въ Москву къ государямъ. Козаки отвѣчали бранью и угрозами: «Намъ дѣло не до васъ, кричали они посламъ: ступайте къ себѣ въ станъ, пока и надъ вами того же не сдѣлаемъ». Карамышева втащили въ кругъ, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги къ Дону и бросили живаго въ рѣку, но пословъ отпустили спокойно въ Азовъ.

Московскіе послы пріѣхали въ Константинополь, когда уже Польскій посолъ успѣлъ заключить миръ съ Турками; а съ другой стороны Персіяне брали верхъ надъ послѣдними въ Азіи; наконецъ Крымскій ханъ присылалъ съ вѣстями, что на весну Донскіе козаки, сложась съ Черкасами, сбираются выйти въ Черное море. По этому визирь отвѣчалъ Совину и Алфимову: «Теперь у насъ недруги не одни Польскіе люди, со всѣхъ сторонъ недруговъ у насъ умножилось, и намъ теперь не до Поляковъ, управиться намъ съ ними за ихъ неправды не время». Въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, но въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ государю и султанъ въ своей грамотѣ.

Послы отправились назадъ и, не доѣзжая до Кафы, встрѣтились съ Донскими козаками, отъ которыхъ насилу ушли; въ Кафѣ встрѣчены они были очень дурно: народъ съ шумомъ подходилъ къ судну, гдѣ находились послы, и рвался на него съ тѣмъ, чтобъ убить Совина и Алфимова за воровство Донскихъ козаковъ; насилу ихъ уняли: съ одной стороны приходили въ Кафу вѣсти, что Донскіе козаки погромили Синопъ съ окольными селами и деревнями, потомъ пошли къ Царюгороду и громили мѣста верстъ за сто отъ него; съ другой стороны пришли въ Кафу изъ Азова два судна съ Русскими плѣнниками, которыхъ взяли Азовцы въ украинскихъ Московскихъ городахъ, Воронежѣ, Валуйкахъ, Осколѣ, Бѣлгородѣ, Ельцѣ и Курскѣ. Въ Керчи посламъ былъ точно такой же пріемъ отъ народа, что и въ Кафѣ; а въ Азовѣ послы нашли царскую грамоту, въ которой говорилось, чтобъ они до государева указа на Донъ не ходили, потому что Донскіе козаки

хотятъ ихъ убить. Дѣйствительно юртовскій астраханскій Татаринъ, пріѣхавшій съ Дона, разсказалъ посламъ, что послѣ убійства Карамышева и отпуска ихъ пословъ въ Азовъ съѣхались козаки съ моря и изъ городковъ всѣмъ войскомъ и шумѣли на атамана Волокитку Фролова: «ты де у насъ отпустилъ пословъ! все равно уже мы заворовали; побить бы всѣхъ; а какъ они будутъ назадъ изъ Царягорода, то мы и и тогда побьемъ, все равно наша служба государю нивочто выдаетъ насъ въ руки недругамъ нашимъ Турскимъ людямъ; хотя съ Москвы пришлютъ на насъ и сто тысячь, то мы не боимся, даромъ насъ не возьмутъ, сберемся въ одинъ городокъ и помремъ всѣ вмѣстѣ, а если государь сошлется съ Турскимъ и Крымскимъ царями, и придутъ на насъ ратные люди со всѣхъ сторонъ, то мы отойдемъ къ Черкасамъ въ Запороги, они насъ не выдадутъ». И въ самомъ дѣлѣ послали сказать Днѣпровскимъ козакамъ, что если придутъ на нихъ изъ Москвы ратные люди, то чтобъ ихъ не выдали и приходили къ нимъ на помощь тотчасъ; а сами приговорили изо всѣхъ городовъ собраться въ одинъ, боясь прихода на себя царскаго войска. Въ это время пріѣзжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ торговые люди покупать погромную рухлядь, которую козаки привозили изъ за моря: и при этихъ мужикахъ козаки грозились часто на пословъ: «ушли де они у насъ сюда ѣдучи, но не уйдутъ назадъ ѣдучи, непремѣнно всѣхъ ихъ побьемъ». А лазутчики у нихъ во всѣхъ украинскихъ городахъ. Наконецъ несчастные послы были выручены изъ Азова Московскими ратными людьми, посланными на Донъ подъ начальствомъ князя Борятинскаго.

Въ 1632 году Донскіе козаки на Черное море не ходили; за то пошли на Яикъ, и вмѣстѣ съ тамошними козаками выплыли на Каспійское море и погромили береговыя Персидскія области. Лѣтомъ того же года, когда Шеинъ готовъ былъ выступать въ походъ подъ Смоленскъ, дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Бормосовъ отправились послами въ Константинополь, и были приняты съ большою честію. Послы объявили

...рю, что Донскіе козаки въ 1632 году на море не ходили и Крымскихъ улусовъ не громили, теперь многіе изъ нихъ пошли на государева недруга, Польскаго короля и съ Азовцами ...рны; но Азовскіе люди приходили войною на государевы украйны, а потомъ приходили войною Крымскіе многіе люди. ...слы объявили также, что царское величество послалъ рати ...и на Польскаго короля и Мурадъ султанъ писалъ бы въ ...льшу, чтобъ тамъ посадили королемъ друга царскаго, Шведскаго короля Густава-Адольфа за его правду и любовь къ государю царю. Визирь отвѣчалъ: «Думаю, что Шведскій король самъ не захочетъ быть на Литовскомъ королевствѣ; былъ у насъ Шведскій посолъ и при немъ пришла вѣсть, что Польскаго короля Сигизмунда не стало; я далъ ему объ этомъ знать и спрашивалъ, не думаетъ ли онъ, что король его будетъ искать Польскаго Королевства; посолъ думалъ долго и сказалъ: «можетъ быть въ прежнее время король и сталъ бы искать Польскаго королевства, до войны съ цесаремъ, а теперь недумаю, потому что надъ недругами его Богъ руку возвысилъ высоко во всемъ. Да у насъ, продолжалъ визирь, вѣсть подлинная, что выбрали на Литовское королевство королевича Владислава». Послы отвѣчали: «Если королевича Владислава въ короли выбрали, то и отъ него Мураду султану правды никакой не будетъ ни въ чемъ, и онъ станетъ также дѣлать, льстить во всемъ, какъ и отецъ его. И теперь Владиславъ пришлетъ сюда пословъ объявить султану о своемъ избраніи, и Литовскіе послы, по прежнему своему обычаю, станутъ молить, сулить казну многую, да не дадутъ ничего, вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, что ни говорятъ, все лгутъ». Визирь сказалъ на это: «мы и сами про неправды Литовскихъ людей и лукавство ихъ знаемъ, а если Литовскіе послы, будучи здѣсь, станутъ въ чемъ-нибудь лукавствовать, то это узнать можно». Наконецъ послы предложили, что государь ихъ отправитъ пословъ своихъ въ Персію, чтобъ помирить шаха съ султаномъ, если султанъ будетъ стоять съ царскимъ величествомъ за одно на Польскаго короля. На это визирь промолчалъ.

Прончищевъ и Бормосовъ всю зиму прожили въ Константинополѣ; весною визирь объявилъ имъ, что будетъ султана уговаривать, чтобъ послалъ изъ ближнихъ мѣстъ войско свое на Литовскую землю этимъ же лѣтомъ. А при отпускѣ посламъ объявили, что султанъ приказалъ Крымскому хану и Кантемиръ мурзѣ изъ Бѣлгорода идти войною на Литву съ Крымцами и Ногаями; плѣнниковъ, захваченныхъ въ 1632 году на Руси, велѣно всѣхъ отпустить; кромѣ того на Литовскую землю на войну велѣно быть готовыми Абазѣ-пашѣ съ Турецкими людьми, да Молдаванамъ, Волохамъ и Буджакскимъ Татарамъ. Но только что Прончищевъ и Бормосовъ сѣли на корабль, какъ пришла вѣсть въ Константинополь, что Донскіе козаки на 25 стругахъ вышли на Черное море, въ Кафинскомъ уѣздѣ повоевали села и деревни, на морѣ взяли два корабля. Отъ визирева запроса по этому дѣлу послы кой-какъ отдѣлались, но когда корабль ихъ принесло бурею къ Синопу, то жители его пришли съ шумомъ къ нимъ на корабль, крича, что десять дней тому назадъ Донскіе козаки приходили къ городу Иконіи, взяли его, выжгли, людей побили и въ плѣнъ побрали; что жители со всей Анатолійской стороны идутъ въ Царьгородъ бить челомъ султану, что отъ Донскихъ козаковъ впередъ въ тѣхъ мѣстахъ жить нельзя, приходятъ на нихъ войною каждый годъ, города берутъ, села и деревни жгутъ; а изъ Москвы послы ходятъ въ Царьгородъ безпрестанно будто для добраго дѣла, а ходятъ они все для лазутчества, въ городахъ крѣпости всякія разсматриваютъ и козакамъ потомъ разсказываютъ, а козаки потому и на море ходятъ. Послы отвѣчали Синопцамъ, что это не могутъ быть Донскіе козаки, а должно быть Запорожскіе Черкасы; Синопцы сказали на это, что они Донскихъ козаковъ отъ Черкасъ отличить умѣютъ, а отъ Московскихъ пословъ добра никакого нѣтъ. Въ Кафѣ чуть не убили пословъ за тотъ же подвигъ козацкій.

На смѣну Прончищеву и Бормосову пріѣхали въ Константинополь лѣтомъ 1633 года двое другихъ Московскихъ пословъ, дворянинъ Дашковъ и дьякъ Сомовъ. Они начали дѣло жало-

біли, что Крымскій ханъ Джанбекъ-Гирей, наруша свою шерть, въ прошломъ году посылалъ своихъ людей на Московскія украйны; что теперь съ ними послами встрѣтились въ степи тысячь восемь Азовскихъ и Ногайскихъ людей, пошли войною на государевы украйны, напали на нихъ, пословъ, приступали къ ихъ обозу два дня и двѣ ночи; подлинно извѣстно также, что Крымскій ханъ хочетъ самъ идти или сына своего послать на государевы украйны по наущенію изъ Литвы: поэтому послы требовали, чтобъ султанъ велѣлъ смѣнить Крымскаго хана. Потомъ послы получили грамоту изъ Москвы, что въ Іюлѣ 1633 года Крымскій царевичь съ семнадцатью мурзами напалъ на Московскіе украйны, переправился черезъ Оку, приступилъ къ Серпухову. По полученіи этой грамоты послы еще сильнѣе начали настаивать на смѣну хана; визирь отвѣчалъ, что къ хану посланъ приказъ идти немедленно со всею ордою на Литву несмотря на зимнее время, и если онъ не пойдетъ сейчасъ же, станетъ отговариваться, то султанъ пошлетъ его смѣнить, а на весну пошлетъ многія свои рати на Литву. Дашковъ и Сомовъ боялись пріѣзда Польскихъ пословъ, которые могли повернуть дѣло иначе; дѣйствительно въ началѣ 1634 года пріѣхали Польскіе послы и привезли вѣсти, что Владиславъ Московскихъ людей побилъ и Смоленскъ очистилъ. Московскимъ посламъ очень важно было узнать, что̀ отвѣтитъ султанъ на грамоту королевскую, и они добыли переводъ съ этой отвѣтной грамоты: султанъ писалъ, что готовъ держать миръ съ королемъ, если Поляки сломаютъ всѣ города и пригородки, поставленныя ими близь Турецкой украйны, запретятъ козакамъ ходить на Черное море, будутъ присылать Крымскому хану тоже самое, что прежде присылали, и помирятся съ Московскимъ государемъ.

Еще не дожидаясь возвращенія Дашкова и Сомова изъ Константинополя, туда уже были отправлены весною 1634 года новые послы — дворянинъ Коробьинъ и дьякъ Матвѣевъ. Визирь встрѣтилъ этихъ пословъ такими словами: «въ грамотахъ государя вашего, которыя вы подали султану Мураду, написано, чтобъ султанъ съ государемъ вашимъ на Польскаго ко-

роля стоялъ заодно; султаново величество еще по прежнему письму государя вашего послалъ на Польскаго короля рати своя многія; а теперь разнесся слухъ, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился, не обославшись о томъ съ султаномъ Мурадомъ: такъ султанъ велѣлъ васъ спросить: «какъ вы поѣхали изъ Москвы, то у государя вашего съ Польскимъ королемъ ссылка о мирѣ была ли, и думаете ли вы, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился?» Послы отвѣчали: «съ нами отъ великаго государя нашего объ этомъ дѣлѣ ничего не наказано; извѣстно намъ только то, что у великаго государя нашего съ Польскимъ королемъ былъ бой, ратные государевы люди воевали Польскіе и Литовскіе города многіе, во многихъ мѣстахъ Литовскихъ людей побили; а когда мы пошли изъ Москвы, то дорогою слышали, что присылалъ къ великому государю Польскій король Владиславъ съ великимъ прошеньемъ, чтобъ ссорныя дѣла отставить и кровь христіанскую унять, а онъ, Польскій король, въ прежнихъ своихъ неправдахъ исправится, и великій государь нашъ, по своему милосердому нраву, послалъ на съѣздъ большихъ пословъ своихъ, а сдѣлали ли что государевы послы съ Литовскими послами, или нѣтъ—это намъ неизвѣстно, и думаемъ, что великій государь дастъ объ этомъ знать султанову величеству.»

Визирь, оставивши это дѣло, обратился къ Донскимъ козакамъ, которые, несмотря на увѣренія царя, что онъ запрещаетъ имъ разбойничать въ Турецкихъ владѣніяхъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ корабли на Черномъ морѣ погромили и села на берегу опустошили. Послы отвѣчали, что съ козаками дѣлать нечего: «государь послалъ къ нимъ воеводу Карамышева, которому велѣно учинять имъ наказаніе за то, что они, вопреки государеву указу, ходили на Черное море, но воры воеводу убили до смерти; пусть султаново величество велитъ послать на этихъ воровъ своихъ ратныхъ людей, а государь нашъ за нихъ не станетъ.»

Въ слѣдующее свиданіе визирь сказалъ посламъ: «султаново

...узналъ навѣрное, что государь вашъ съ Польскимъ ...мъ помирился, а прежде обѣщалъ, что безъ султанова ... не помирится: султану очень досадно, что государь ... съ Польскимъ королемъ помирился.» Послы отвѣчали: ... государь нашъ въ самомъ дѣлѣ съ Польскимъ королемъ ...рился, то думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ виноватъ Крым... царь Джанибекъ-Гирей который нападъ на государевы ...ны: ратные люди изъ этихъ мѣстъ, узнавши, что ихъ ..., матери, жены и дѣти побиты или въ плѣнъ взяты и ... выжжены, всѣ съ государевой службы пошли врознь, отъ ... государеву ратному дѣлу учинилась большая поруха.» ...рь отвѣчалъ: «можетъ быть это и такъ было; теперь го...рь послалъ приказъ Крымскому царю не нападать на ваши ...ны, а вашъ бы государь Донскихъ козаковъ унялъ.»

...съ этимъ Коробьинъ и Матвѣевъ и были отпущены, и ког... ...же собирались садиться на корабль, 2 Ноября визирь далъ ... знать, что Донскіе козаки и Днѣпровскіе Черкасы при...али къ Азову, изъ пушекъ по городу били, во многихъ ...тахъ городъ испортили и едва его не взяли. Послы велѣли ...вѣчать визирю: «не въ первый разъ Донскіе козаки безъ ...сударева вѣдома, а Азовцы безъ султанова вѣдома между ... ссорятся и мирятся.» Но послы должны были предуга...ть, что̀ ихъ ожидало впереди: въ Балаклавѣ и Кафѣ ихъ ... голодомъ и холодомъ, позорили, насилу они откупи... отъ Кафинскаго паши десятью сороками соболей. Они ...ратились въ Москву уже осенью 1635 года.

...чный миръ съ Польшею отнялъ въ глазахъ Московскаго ...ительства важность у Турецкихъ сношеній; не послы или ...ланники, а толмачь Буколовъ въ началѣ 1636 года отвезъ ... Москвы грамоту къ султану, въ которой царь писалъ къ ...раду: «вы, братъ нашъ, на насъ не сердитесь за миръ съ ...льшею: мы его заключили по неволѣ, потому что отъ васъ ...мощь позамѣшкалась, а отъ Крымскаго царя была война ...льшая.» Царь обѣщалъ унять Донскихъ козаковъ, но при...ялъ: «вамъ самимъ подлинно вѣдомо, что на Дону живутъ

козаки воры и нашего царскаго повелѣнья мало слушаютъ, мы за этихъ воровъ никакъ не стоимъ, что ни велите надъ ними сдѣлать.» Въ заключеніе царь жаловался на ежегодныя нападенія Азовцовъ. Когда Буколовъ уѣзжалъ изъ Константинополя, то съ нимъ вмѣстѣ отправился Ѳома Кантакузинъ для торговли, но подъ видомъ посланника. Пріѣхавши на Донъ, Ѳома послалъ сказать козакамъ, будто султанъ прислалъ къ нимъ жалованье, 4 кафтапа; козаки отвѣчали: «прежде къ великому государю посыланы были отъ султана послы и посланники часто, но ничего къ намъ козакамъ отъ султана не привозили: ясно, что онъ Ѳома затѣваетъ это самъ собою и кафтаны даетъ намъ отъ себя; у Донскаго войска государевымъ жалованьемъ всего много и эти его подарки намъ не нужны.» Но кафтаны были привлекательны, и козаки, помедливъ немного, взяли ихъ у Кантакузина.

Въ это время козаки замышляли важное дѣло промыслить надъ Азовомъ; но у нихъ было мало воинскихъ запасовъ, и вотъ они отправили въ Москву къ великому государю атамана Ивана Каторжнаго съ такою грамотою: «въ прошлыхъ во многихъ годахъ была твоя государская къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, жалованье денежное, и сукна и запасы всякіе, а въ прошломъ 1636 году твоего жалованья не было, и мы помираемъ голодною смертію, наги, босы и голодны, а взять кромѣ твоей государской милости негдѣ. Многія орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши козачьи городки войною приходить и наши нижніе козачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья нѣтъ. Да въ прошлыхъ же годахъ выхаживали съ Дону атаманы и козаки къ государю съ войсковыми отписками, а на отпускѣ имъ давали подводы съ Москвы до Воронежа сполна, а съ Воронежа суда и гребцовъ, а нынѣ передъ прежнимъ подводы и суда у нихъ убавлены, а гребцовъ имъ не даютъ. Да съ Дону жъ выѣзжаютъ атаманы и козаки въ города по обѣщанію въ монастыри помолиться, кто въ какой монастырь оброчникъ, а какъ обѣщанье исполнятъ (оброкъ съ души сведутъ) и пойдутъ назадъ, купивъ для себя

запасу или продавъ что-нибудь, то по городамъ цѣловальники берутъ пошлину не въ силу. Милосердый государь, царь, пожалуй насъ холопей своихъ своимъ государскимъ жалованьемъ!» Государь пожаловалъ, велѣлъ исполнить всѣ ихъ просьбы, и послать съ запасами на Донъ дворянина Степана Чирикова, который долженъ былъ также встрѣтить Турецкаго посланника Ѳому Кантакузина. Отправивши Каторжнаго въ Москву, козаки начали сбираться въ походъ, послали въ верховые городки и по всѣмъ рѣчкамъ, велѣли всѣмъ быть на съѣздъ въ Нижній городокъ, которые были отъ войска въ запрещеньѣ и винахъ, тѣхъ всѣхъ простили. Съѣхавшись изъ всѣхъ юртовъ, козаки приговорили — идти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ: промыслъ надъ нимъ учинить; въ то же время пришли на Донъ степью на лошадяхъ Запорожскіе Черкасы, человѣкъ съ 1,000, думая, что Донскіе козаки пойдутъ на море: и Черкасы эти приговорили также идти вмѣстѣ подъ Азовъ. Въ 1637 году на другой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, 21 Апрѣля въ середу, союзники выступили въ походъ къ Азову, въ числѣ 4,400 человѣкъ, оставивъ Кантакузина на Яру въ куреняхъ за крѣпкими сторожами. Московскій толмачь Буколовъ, очевидецъ всѣхъ этихъ событій, слышалъ козацкіе разговоры: «Если къ нимъ будетъ государская милость, позволитъ въ Азовъ приходить къ нимъ съ Руси на житье охочимъ и вольнымъ всякимъ людямъ и запасы всякіе къ нимъ привозить, то они Азова не покинутъ, а станутъ въ немъ жить.»

Недѣлю спустя козаки поймали двоихъ людей Кантакузина на протокѣ Аксаѣ въ стружку, и пришли къ Ѳомѣ съ выговоромъ, что онъ людей своихъ посылаетъ по рѣчкамъ самовольствомъ безъ ихъ казачья вѣдома, а войско стоитъ подъ Азовомъ, и они думаютъ, что онъ Ѳома людей своихъ посылалъ въ Азовъ. Кантакузинъ отвѣчалъ, что онъ людей своихъ посылалъ рыбу ловить; но рыболовныхъ сѣтей у людей его козаки не нашли, и дали знать объ этомъ подъ Азовъ въ войско.

За двѣ недѣли до петрова поста пріѣхали на Донъ изъ Москвы Степанъ Чириковъ и атаманъ Иванъ Каторжный, который

отправился подъ Азовъ. Въ Петрово заговѣнье вечеромъ Каторжный возвратился оттуда и на другой день въ понедѣльникъ первой недѣли петрова поста прислалъ сказать Кантакузину, что козаки отпускаютъ его къ государю и хотятъ отдать его дворянину Степану Чирикову: такъ пусть онъ идетъ на струги со всѣми своими людьми. Ѳома вышелъ изъ куреней, чтобъ перебраться на струги, но вотъ къ нему на встрѣчу другой посолъ: атаманы приказали звать его въ кругъ, хотятъ съ нимъ проститься. Ѳома вошелъ къ кругъ, козаки стояли всѣ вооруженные; выступили два атамана и начали говорить Ѳомѣ: «И прежде ходилъ ты къ великому государю отъ Турскаго султана накупаясь обманомъ въ послахъ много разъ, дѣлалъ между великими государями неправдою, на ссору, и въ томъ великому государю многіе убытки и ссору великую учинилъ, а насъ Донскихъ козаковъ хвалился разорить и съ Дону свесть. И теперь накупясь хочешь тоже дѣлать; да ты же писалъ къ государю изъ Азова на атамана Ивана Каторжнаго, чтобъ его повѣсить въ Москвѣ. И за такое воровство Донскіе атаманы и козаки и все войско приговорили казнить тебя смертью». Приговоръ былъ исполненъ немедленно. Люди Кантакузина и Греческіе монахи, шедшіе съ нимъ въ Москву, были также убиты. Расходились козаки: хотѣли убить и Московскаго толмача Буколова, но тотъ спрятался въ часовнѣ. Послѣ Буколовъ слышалъ отъ Донскихъ козаковъ, будто они убили Кантакузина за то, что онъ посылалъ въ Азовъ людей своихъ съ грамотами, приказывая Азовцамъ сидѣть крѣпко, потому что у козаковъ запасовъ не стало.

Послѣ убійства Кантакузина козаки стояли подъ Азовомъ двѣ недѣли; къ нимъ на помощь пришли изъ Астрахани юртовскіе татары, и 18 Іюня Азовъ былъ взятъ: истребивъ всѣхъ жителей, кромѣ Грековъ, и освободивъ плѣнныхъ христіанъ, завоеватели засѣли въ городѣ. 30 Іюля пріѣхали въ Москву послы отъ козаковъ съ извѣстіемъ, что они Турецкаго посланника порубили, Азовъ взяли и ни одного человѣка Азовскаго изъ степи и на морѣ не упустили, всѣхъ порубили. Царь от-

отвѣчалъ: «Вы это, атаманы и козаки, учинили не дѣломъ, что Турецкаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ; нигдѣ не водется, чтобъ пословъ побивать: хотя гдѣ и война между государями бываетъ, но и тутъ послы свое дѣло дѣлаютъ и никто ихъ не побиваетъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья, и атамановъ и козаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому дѣлу впередъ быть.» Московскому правительству было непріятно убіеніе Турецкаго посла, но взятію важной Азовской крѣпости у бусурманъ оно радовалось, не желая только явно вмѣшиваться въ дѣло, чтобъ не разсориться съ Турціею. Въ Сентябрѣ 1637 года царь отправилъ грамоту къ султану, въ которой писалъ, что козаки Азовъ взяли воровствомъ, дворянина царскаго Чирикова держали у себя въ великой крѣпости, никуда не пускали и хотѣли также убить; государь и прежде писалъ султану и теперь повторяетъ, что Донскіе козаки издавна воры, бѣглые холопи и царскаго приказанія ни въ чемъ не слушаютъ, а рати послать на нихъ нельзя, потому что живутъ въ дальнихъ мѣстахъ: «и вамъ бы, брату нашему на насъ досады и нелюбья не держать за то, что козаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ воровъ всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ.» Но ссоры съ Турками трудно было избѣжать: въ Сентябрѣ Крымцы опустошили Московскую украйну, и ханъ Богадуръ-Гирей писалъ въ Москву, что нападеніе сдѣлано по приказу султана за взятіе Азова козаками, и что на весну придетъ еще больше Татаръ на Московское государство. Но всѣ угрозы ограничились мелкою войною съ козаками, которые могли спокойно сидѣть въ Азовѣ, потому что султанъ былъ занятъ Персидскою войною. Въ 1639 году кончилась эта война и султанъ Мурадъ началъ приготовленіе къ походу на Азовъ, но умеръ въ 1640 году, и только въ Маѣ

1641 года наслѣдникъ его Ибрагимъ 1-й двинулъ подъ Азовъ 240,000 войска съ сотнею осадныхъ орудій; козаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ осажденныхъ было 14,000 мужчинъ и 800 женщинъ: предположивъ возможность прихода козаковъ въ Азовъ съ разныхъ сторонъ, вспомнивъ извѣстія изъ Польши, что Острапица и Гуня скрывались также въ Азовѣ и конечно не одни, мы не можемъ отвергнуть втораго показанія. Какъ бы то ни было, осажденные съ отчаяннымъ мужествомъ отразили 24 приступа: ни одинъ перебѣжчикъ не приходилъ въ станъ Турецкій, ни одинъ плѣнникъ, подъ самыми страшными муками, не сказалъ о числѣ защитниковъ Азова. Потерявши 20,000 народа, Турки 26 Сентября сняли осаду, веденную дурно при недостаткѣ искусныхъ инженеровъ, при ссорѣ начальниковъ, при скудости жизненныхъ и военныхъ запасовъ.

Козаки прислали въ Москву вѣсть о своемъ торжествѣ, но вмѣстѣ просили помощи, просили, чтобъ государь принялъ отъ нихъ Азовъ: «мы наги, босы и голодны, писали они: запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе козаки хотятъ идти врознь, а многіе переранены.» Царь отвѣчалъ: «мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостивно похваляемъ; пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасовъ нѣтъ, и многіе козаки хотятъ разойтись, а многіе переранены: и мы, великій государь, послали къ вамъ 5,000 рублей денегъ. А что писали къ намъ о городѣ Азовѣ и бить челомъ приказывали, то мы велѣли дворянину нашему и подъячему города Азова досмотрѣть, переписать и на чертежѣ начертить. И вы бы, атаманы и козаки, службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ, великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны.» Но побуждая

козаковъ къ крѣпкостоятельству, царь видѣлъ однако, что дѣло не могло на этомъ остановиться, что надобно было или взять Азовъ подъ Московскую державу и защищать его отъ Турокъ, или отдать его послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ по отосланіи приведенной грамоты на Донъ, 3 Генваря 1642 года Михаилъ созвалъ соборъ, указавъ «выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорить: изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15 и по 10 и по 7, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6 и по 4 и по 3 и по 2 человѣка; а кого выберутъ, тѣмъ людямъ принести имена, и имъ про все объявить подлинно.» И объявлено, что писали Донцы изъ Азова, просятъ принять городъ отъ нихъ; но въ тоже время пришли вѣсти, что самъ великій визирь хочетъ идти весною подъ Азовъ, и если не возьметъ скоро города, то, осадя его крѣпко, хочетъ послать Турецкое и Крымское войско на Московское государство: «И государю царю за Азовъ съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ разрывать ли, и Азовъ у Донскихъ козаковъ принимать ли? Если принимать и съ Турскимъ и Крымскимъ разорвать, то ратные люди въ Азовъ, въ польскіе (степные), украинскіе и поволжскіе города надобны будутъ многіе, на городовое Азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны же многія, хлѣбные, пушечные и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ: и такія великія деньги и многіе запасы на тѣ годы гдѣ брать? Стольникамъ, дворянамъ Московскимъ и дьякамъ, головамъ, сотникамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему государю про все то было извѣстно.»

Духовенство отвѣчало: «на. то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ, государь, все то не заобычай. Если,

государь, по настоящему времени твое царское величество изволитъ рать строить, то мы твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ ради помогать, сколько силы нашей будетъ. Стольники отвѣчали, что взять Азовъ или не взять, разорвать съ Турскимъ или не разорвать, въ томъ его государская воля; а ихъ мысль, чтобъ государь велѣлъ быть въ Азовѣ тѣмъ же Донскимъ атаманамъ и козакамъ, а къ нимъ бы въ прибавку указалъ государь послать ратныхъ людей изъ охочихъ вольныхъ людей; сборамъ рати и запасовъ государь распорядиться воленъ, а они стольники на его службу готовы, гдѣ имъ государь велитъ быть. Дворяне также не хотѣли садиться въ Азовѣ съ козаками, но, чтобъ не обидѣть послѣднихъ, привели особую причину: «людей въ Азовъ велѣлъ бы государь прибрать охочихъ въ украинскихъ городахъ изъ денежнаго жалованья, потому что изъ этихъ городовъ многіе люди прежде на Дону бывали и имъ та служба за обычай:» Гораздо подробнѣе изложили свое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій; они сказали, что государю извѣстны неправды Турецкаго султана и Крымскаго хана; послѣдній безпрестанно присягаетъ и безпрестанно измѣняетъ присягѣ; деньги, посылаемыя изъ Москвы въ Крымъ, ничего не помогаютъ, лучше ихъ не посылать, а употребить на жалованье своимъ ратнымъ людямъ. Азовъ надобно удержать, потому что съ тѣхъ поръ какъ онъ взятъ, Татарской войны не было. Послать на подмогу козакамъ охочихъ вольныхъ людей, которымъ сидѣть въ Азовѣ за одно съ козаками подъ атаманскимъ начальствомъ, а государевымъ Московскимъ воеводамъ быть въ Азовѣ нельзя, потому что козаки люди самовольные. Для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ пусть государь укажетъ выбрать изо всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три, да чтобъ государь пожаловалъ, сдѣлалъ при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными: указалъ брать съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много; а у иныхъ за окладами много лишней земли, да они же ѣздятъ по воеводствамъ,

[illegible] людемъ съ такими пожалованными людьми не стоять. Беклемишевъ и Желябужскій заключили свое мнѣніе такъ: «будетъ Азовъ за государемъ, то Нагай большой, Казыевы и [illegible] улусы, Горскіе Черкасы, Темрюцкіе, Кабанскіе, [illegible]скіе и Адинскіе будутъ всѣ служить государю; а только Азовъ будетъ за Турками, то и послѣдніе всѣ Нагаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову.» Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, что во всемъ государева воля, а мы, холопи его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ.» Владимирскіе дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали тоже, но прибавили: «а бѣдность нашего города вѣдома ему государю и его боярамъ.» Нижегородцы, Муромцы и Лушане (жители города Луха) отвѣчали тоже, но безъ прибавокъ о бѣдности: «будетъ ему государю годно, и онъ велитъ Азовъ принять; а будетъ негодно, то не велитъ; а гдѣ людей взять въ Азовъ, въ томъ государь воленъ, а гдѣ денегъ взять, въ томъ его же воля, а бояре вѣчные наши господа промышленники.» Но Суздальцы, Юрьевцы, Переяславцы, Бѣличи, Костромитяне, Смольяне, Галичане, Арзамасцы, Новгородцы Великаго Новгорода, Ржевитяне, Зубцовцы, Торопчане, Ростовцы, Пошехонцы, Новоторжцы, Гороховцы сказали: «тебѣ, благочестивому государю царю, прося у всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ козаковъ принять, съ Турецкимъ и Крымскимъ царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую предъ тобою неправду. Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ Іоанна Предтечи будетъ у нихъ же бусурмановъ: не навесть бы, государь, на всероссійское государство гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника Іоанна Предтечи и великаго святителя и чудотворца Николы, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой дальній, крѣпкій украинскій городъ, безъ твоей государевой казны и безъ подъема твоихъ большихъ ратныхъ людей? Да они же, великіе свѣтильники отстояли, подавая свою милость и заступленіе малымъ такимъ людямъ.» Дворяне означенныхъ городовъ просили брать даточныхъ людей со всѣхъ обогатѣвшихъ и отяжелѣвшихъ, а съ

имуществъ деньги, равно и съ духовныхъ имѣній, а за утай-
ку наказывать, при чемъ сказали о дьякахъ: «твои госу-
ревы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жало-
ваньемъ, помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у
твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправедныиъ
отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и домы свои
построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь ска-
заемыя: блаженной памяти при прежнихъ государяхъ и у ве-
ликородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было до-
стойно въ такихъ домахъ жить. А мы, холопи твои, рады за
домъ Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ, за
истинную православную христіанскую вѣру и за тебя благо-
честиваго государя, за твою великую къ намъ милость, про-
тивъ нашествія на твою государскую землю такихъ нечести-
выхъ бусурманъ, работать головами своими и всею душею; а
бѣдныхъ насъ холопей своихъ, разоренныхъ, безпомощныхъ,
безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ вели,
государь, взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ
жалованьемъ, какъ тебя Богъ извѣститъ, чтобъ было чѣмъ
твою государеву службу служить. Да вели, государь, взять
роспись вотчинамъ и помѣстьямъ у всей своей государевой
земли, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жиль-
цовъ и у насъ, холопей своихъ, у всякихъ чиновъ людей, у
дьяковъ и у подъячихъ, сколько за кѣмъ крестьянъ, съ боль-
шимъ твоимъ государевымъ допросомъ, по твоему крестному
цѣлованію; а кто крестьянъ своихъ утаитъ, то вели этихъ
утаенныхъ крестьянъ отписать на себя безповоротно. Да вели
уложить свое государское уложенье, со сколькихъ крестьянъ
служить твою государеву службу безъ денежнаго жалованья:
а что у кого будетъ крестьянъ лишнихъ, то вели съ этихъ
лишнихъ крестьянъ брать деньги въ свою казну, почему ука-
жешь, ратнымъ людямъ на жалованье. А сколько надобно тебѣ
на всякихъ служилыхъ людей, тѣхъ денегъ и хлѣбныхъ запа-
совъ будетъ; если же тебѣ государю казна надобна будетъ
вскорѣ, сверхъ твоей казны и того сбора, то вели взять па-

...ову казну, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ...настыряхъ лежачую домовую казну; а съ своихъ госу...ихъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей и со всякихъ ...ихъ людей вели съ ихъ торговъ, промысловъ и прожит...ихъ денегъ въ казну, сколько тебѣ Богъ извѣститъ, ...ъ объявится казны передъ тобою много. Да вели, госу..., приказныхъ своихъ людей, дьяковъ, подъячихъ и тамо...ихъ головъ, на Москвѣ и въ городахъ счесть по приход... книгамъ, чтобъ твоя государева казна безъ вѣдомости у ...не терялась, и тебѣ была бы въ прибыль ратнымъ тво...людямъ на жалованье; а ту свою государеву казну вели ...ъ своимъ государевымъ гостямъ и земскимъ людямъ. А ...рые люди теперь въ твоихъ городахъ по воеводствамъ и ...приказамъ у твоихъ дѣлъ, вели имъ быть на твою службу ...ъ нечестивыхъ бусурманъ съ большою службою, и тутъ ...ъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ неи...ихъ бусурманъ нашествія. То наша, холопей твоихъ, дво... и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка!» ... самое сказали дворяне и дѣти боярскіе южныхъ горо..., прибавили только: «а хотя и отдать Азовъ, тѣмъ бу...ъ не утолить и не задобрить, войны и крови отъ Крым... и отъ другихъ поганыхъ бусурманъ не укротить, а ...ихъ бусурманъ только пуще того отдачею на себя под...уть; лучше, государь, Азовъ тебѣ и всей землѣ принять ...ю за него стоять. Вели брать деньги и всякіе запасы ...ъ людямъ со всякихъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ ...ьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ. А мы, ... твои, съ людьми своими и со всею своею служби...на твою государеву службу противъ твоихъ недруговъ ...вы, гдѣ ты укажешь; а разорены мы пуще Турскихъ и ...скихъ бусурмановъ Московскою волокитою, отъ неправдъ ... отъ неправедныхъ судовъ.»

... Гости и торговые люди сказали: «Мы, холопи твои, гостиш... и гостиной и суконной сотни торговые людишки городо...ые питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а по-

помѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ всегда безпрестанно, и отъ этихъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца; а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячь по пяти и по шести и больше; а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизилбашцы (Персіяне), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные города со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товарами; а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ пріѣздахъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами между собою, воеводъ въ городахъ не было, воеводы были посыланы съ ратными людьми только въ украинскіе города, для береженья отъ тѣхъ же Турскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ.» Подати, необходимыя для настоящей войны, торговые люди полагали на государеву волю и говорили, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру помереть: «то за нами, гостишекъ и гостиныя и суконныя сотни торговыхъ людишекъ рѣчи.» Черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки сказали тоже, жаловались на свое раззоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для Смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городоваго земляного дѣла, отъ великихъ

родатой и отъ цѣловальническихъ службъ:» и отъ такой великой бѣдности, говорили они, многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ.»

Такимъ образомъ дворяне и дѣти боярскіе явно выразили свою готовность къ войнѣ, указывая на необходимость принятія Азова, высказывая опасенія, что въ случаѣ непринятія гнѣвъ небесный можетъ постигнуть Русское царство; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для успѣха дѣла, они требовали сильныхъ мѣръ, требовали прекращенія закоренѣлыхъ злоупотребленій. Торговые люди ясно указывали на свое раззореніе. Сильные голоса раздались противъ людей, въ рукахъ которыхъ было рѣшеніе дѣла; любопытно, что въ выписяхъ, сдѣланныхъ изъ рѣчей, вѣроятно для государя, жалобъ на злоупотребленія не находится. Сильныя возраженія противъ войны найти было легко. Въ Мартѣ пріѣхалъ въ Москву Турецкій посланникъ Мустафа Чилибей. Молдавскій воевода Василій Лупулъ представлялъ царю, какимъ бѣдствіямъ подвергнется Русское войско въ случаѣ малѣйшей неудачи подъ Азовомъ, представлялъ, что на козаковъ, народъ вѣроломный и непостоянный, полагаться нельзя, а это въ Москвѣ знали лучше чѣмъ въ Молдавіи; наконецъ воевода увѣдомлялъ, что султанъ поклялся въ случаѣ войны искоренить всѣхъ православныхъ въ своихъ владѣніяхъ. По досмотру Азова оказалось, что городъ разбитъ и разоренъ до основанія, скоро его поправить никакъ нельзя и отъ воинскихъ людей защищаться не въ чемъ. На этихъ основаніяхъ 30 Апрѣля царь послалъ козакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ; козаки вышли изъ города, но прежде неоставили въ немъ камня на камнѣ. Огромное Турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло только груды развалинъ.

Но еще прежде посылки на Донъ приказа оставить Азовъ, въ Мартѣ 1643 года отправлены были въ Константинополь послы: дворянинъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Леонтій Лазоревскій съ объявленіемъ, что великій государь съ

братомъ своимъ Ибрагимъ-султановымъ величествомъ
и впредь хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и
и въ ссылкѣ свыше всѣхъ великихъ государей на вѣки
движно, что государская мысль объ этомъ крѣпко утвер
и слово его никогда неизмѣнится. Послы ѣхали по з
пути до Воронежа, изъ Воронежа Дономъ на судахъ по
лой водѣ. Они повезли Донскимъ козакамъ государева
ванья 2000 рублей денегъ, кромѣ того сукна, вино и д
запасы; но должны были везти эти деньги, сукна и
свое; провожатымъ должны были заказать накрѣпко не о
лять никому, что везутъ жалованье Донскимъ козакамъ,
въ Азовѣ про то не узнали; и козакамъ сказать, чтобъ
о присылкѣ жалованья между собою не славили, чтобъ
посламъ въ Турецкой землѣ за то утѣсненья и задер
было. Если же государево жалованье въ Азовѣ не ута
то посламъ говорить: «прислано съ нами теперь къ коз
государево жалованье небольшое за то, что они государя
слушались, изъ Азова вышли, а за другое не за что
послать.» Если Донскіе козаки станутъ говорить, что имъ
лованья прислано мало, а они государю служатъ и ду
отъ нихъ ничего нѣтъ, то отвѣчать: что прислано жал
съ послами легкимъ дѣломъ, больше послать для скораго
пуску было нельзя, чтобъ они жалованье приняли, госу
служили, а онъ впередъ ихъ въ своемъ жалованьѣ не о
витъ; что имъ уже прежде послано много, впередъ пришлется
больше, и отъ Турецкихъ людей имъ утѣсненья никакого
будетъ: о томъ царское величество въ грамотѣ своей къ су
тану писалъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, про нихъ же
салъ, что на море ходить и Турецкихъ городовъ и
воевать не станутъ: такъ они бы, козаки задоровъ никак
недѣлали, государя съ султаномъ не ссорили, чтобъ слово
сударское, которое объ нихъ писано къ султану, ложнымъ
объявилось, а имъ посламъ за то не было вычетовъ, тѣсно
и задержанья. Въ Константинополѣ послы должны были пре
всего видѣться съ переводчикомъ, Зелфикаромъ-агою, отда

ему государеву грамоту и жалованные соболи, посовѣтоваться съ нимъ о всякихъ тамошнихъ мѣрахъ, какъ бы лучше. Великому визирю Мустафѣ-пашѣ должны были сказать, что служба его и радѣнье великому государю вѣдомы, памятны и впредь забвенны никогда не будутъ; за его службу и радѣнье царское величество прислалъ ему жалованье десять сороковъ соболей и впредъ будетъ присылать, смотря по его службѣ. Впрочемъ послы должны были совѣтоваться съ цареградскимъ патріархомъ Пароеніемъ, какъ визирю дать государево жалованье, также и другимъ пашамъ и приказнымъ людямъ, отъ которыхъ можно надѣяться государю службъ и правды. Если визирь и другіе ближніе султановы люди станутъ говорить про Азовъ, что Донскіе козаки взяли его по повелѣнію царскаго величества, и помощь имъ государь посылалъ, то отвѣчать: «Вамъ самимъ подлинно извѣстно, что Донскіе козаки издавна воры бѣглые холопи, живутъ на Дону, убѣжавъ отъ смертной казни, царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, и Азовъ взяли безъ царскаго повелѣнья, помощи имъ царское величество не посылалъ, впередъ за нихъ стоять и помогать имъ государь не будетъ, ссоры изъ за нихъ никакой не хочетъ: хотя бы ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ Ибрагимъ султанъ въ одинъ часъ велѣлъ побить, то царскому величеству будетъ не досадно, потому что они воры, бѣглые люди и живутъ въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ. Прежде много разъ государь посылалъ къ нимъ говорить, чтобъ они отъ своего воровства отстали, на море не ходили, Турскимъ и Крымскимъ городамъ тѣсноты не дѣлали; а въ прошломъ 1632 году государь послалъ усмирить ихъ воеводу Карамышева, а они его убили до смерти.» Если скажутъ: «Какъ же вы говорите, что Донскіе козаки государя вашего не слушаются? когда послѣ Азовскаго взятья пріѣхали они въ Москву помощи просить, то государь велѣлъ ихъ казнить; и потомъ, когда государь послалъ имъ приказъ покинуть Азовъ, то они покинули? Государь вашъ самъ писалъ къ нашему султану, что велѣлъ казнить смертью тѣхъ козаковъ,

которые къ нему пріѣзжали послѣ Азовскаго взятья?» отвѣчать: «Государь объ этомъ къ султану никогда не писывалъ; по дружбѣ къ султану, государь нѣсколько разъ писалъ къ козакамъ, чтобъ они Азовъ покинули и за то судилъ имъ жалованье не малое, и въ самомъ дѣлѣ послалъ, когда они Азовъ покинули.» Если визирь и паши станутъ говорить: «Когда султановыхъ посланниковъ съ Валуекъ отпустили въ Крымъ, то ихъ проводили только до Сѣверскаго Донца, а до Тора не провожали, и на Торѣ погромили ихъ Запорожскіе Черкасы, изъ которыхъ одинъ, взятый въ плѣнъ объявилъ, что подвелъ ихъ изъ Святогорскаго монастыря старецъ,»—отвѣчать: «ратныхъ людей, которые не пошли провожать Турецкихъ посланниковъ за Сѣверскій Донецъ, государь велѣлъ казнить смертію; Черкасы громятъ не однихъ Турецкихъ посланниковъ, но и царскихъ, люди они Польскаго короля, царскаго повелѣнья ни въ чемъ неслушаютъ; а вору Черкашенину вѣрить нельзя: говорилъ онъ про Святогорскаго старца, избывая смерти, покрывая свое воровство, и желая поссорить великихъ государей.»—Послы должны были отдать патріарху Парѳенію царскую грамоту и пять сороковъ соболей (на 250 рублей), отдать тайно, чтобъ Турскіе люди не свѣдали. Если визирь и паши будутъ ихъ задерживать, дѣлать безчестье и тѣсноту, то имъ совѣтоваться обо всемъ съ патріархомъ Парѳеніемъ, и какъ онъ имъ присовѣтуетъ, такъ и дѣлать, говорить патріарху, чтобъ онъ о царскомъ дѣлѣ промышлялъ, визиря, пашей и ближнихъ людей, которые съ нимъ дружны, наговаривалъ на всякое добро, и приходить къ патріарху для благословенія и для дѣлъ чаще; а если Парѳеній умретъ, то къ новому патріарху приходить не часто и не совѣтоваться съ нимъ ни очемъ; соболи, которые посланы къ Парѳенію, отдать новому патріарху, если онъ благочестивъ, если же еретикъ, то не давать ничего и подъ благословеніе не ходить. Александрійскому и Іерусалимскому патріархамъ послано по четыре сорока соболей (по 150 рублей); милостыни на разныя святыя мѣста послано двадцать сороковъ соболей. Кромѣ того

въ запасъ на прибылыхъ людей, на раздачу для государевыхъ дѣлъ и на выкупъ плѣнныхъ, послы повезли соболей на 1500 рублей, да для всякихъ покупокъ на 3000. Они должны были давать, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ даромъ никому не дать; выкупу давать за плѣнныхъ за дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ 20 до 50 рублей, а за мелкихъ людей, стрѣльцовъ, козаковъ и черныхъ отъ десяти до двадцати. — Наконецъ послы должны были настоять, чтобъ султанъ писалъ титулъ царскій какъ слѣдуетъ, чтобъ не писалъ королемъ, потому что королей на Московскомъ государствѣ никогда не бывало.

Пріѣхавъ на Донъ, послы узнали что Турскіе люди побрали и сожгли козачьи городки — Манычь, Яръ, Черкаскъ, людей побили и въ плѣнъ повели; остальные атаманы и козаки перебѣжали въ Верхній Раздорскій городокъ, засѣли тутъ и выбрали въ старшины атамана Ивана Каторжнаго. Послы поѣхали въ Раздоры, отдали козакамъ государеву грамоту и жалованье и говорили рѣчь по наказу; козаки отвѣчали, что они государской милости и жалованью рады, но съ Азовцами помириться никакъ нельзя, потому что Турскіе люди ихъ въ конецъ раззорили. На третій же день, по пріѣздѣ пословъ въ Раздоры, Іюня 6 городокъ этотъ былъ осажденъ Турками и Татарами, которые однако ушли послѣ жестокаго боя съ козаками; послѣдніе помирились съ Азовомъ и послы отправились въ этотъ городъ, откуда переѣхали въ Константинополь. Здѣсь послы встрѣчены были честно: приказные люди Молдавскаго воеводы Василія прислали имъ барановъ, куръ и овощей на 20 блюдахъ; великій визирь прислалъ цареградскихъ овощей 250 блюдъ да 100 хлѣбовъ пшеничныхъ. Чтобъ не раздосадовать визиря послы ѣздили къ нему прежде представленія султану; переводчикъ Зелфикаръ–ага далъ имъ замѣтить, что визирь не податливъ, что надобно послать большіе подарки любимцу его Резепъ–агѣ; послы отослали Резепъ–агѣ четыре сорока соболей на 215 рублей. Дѣло пошло наладъ: визирь далъ слово Резепъ–агѣ, что станетъ дѣлать посольскія

дѣла такъ, какъ царскимъ посламъ годно. Визирю отослано было десять сороковъ соболей цѣною на 2000 рублей, и онъ далъслово, что султанъ будетъ писать государя царемъ съ полнымъ титуломъ. На отпускѣ султанъ сказалъ посламъ: «Скажите великому государю чтобъ онъ для общей нашей братской дружбы и любви велѣлъ послать свое повелѣнье къ Донскимъ козакамъ, чтобъ они на Черное море не ходили, моихъ селъ и деревень не воевали, людей не побивали и въ полонъ не брали; а я пошлю свое повелѣнье къ Крымскому хану, къ Кафинскому пашѣ и къ Азовскому князю, чтобъ они на украйны государя вашего сами не ходили и воинскихъ людей не посылали.»

Послѣ отпуска пришелъ къ посламъ переводчикъ Зелфикаръ-ага и сказалъ, что великій визирь про государево посольское дѣло говорилъ все доброе; только онъ Зелфикаръ-ага думаетъ, что визирь хочетъ отъ пословъ почести: такъ имъ бы послать къ нему подарокъ немалый. Послы, поблагодаривъ Зелфикара за службу и радѣнье, послали визирю изъ запасныхъ четыре сорока соболей цѣною въ 345 рублей; визирь, принявши подарокъ, отвѣчалъ, что онъ радъ служить царскому величеству и его дѣлами промышлять. Хорошія деньги получилъ визирь также и съ Молдавскаго господаря Василія по поводу Московскаго дѣла: послы, ничего не подозрѣвая, разсказывали прямо, что Василій писалъ къ государю, уговаривая его не разрывать съ Турками изъ за Азова; но Визирю очень не понравилось извѣстіе о непосредственныхъ сношеніяхъ султанскаго вассала съ единовѣрнымъ государемъ Московскимъ: услыхавъ объ этомъ отъ пословъ, онъ усумнился и молчалъ не малое время, а потомъ послы узнали, что господарь смѣненъ и на его мѣсто назначенъ другой; но у Василія былъ покровитель, Касимъ-ага, названный отецъ визиря; просьба этого Касима была подкрѣплена тридцатью вьюками ефимковъ (15,000 рублей), принесенныхъ къ визирю прикащиками Молдавскаго воеводы, и Василій остался на своемъ господарствѣ.

Запасные соболи не остались также безъ дѣйствія: визирь объ-

..ъ посланъ, что грамота къ царю отъ султана уже напи..
.. съ полнымъ царскимъименованьемъ, свыше прежняго; что
..саны грамоты къ Крымскому хану, Каѳинскому пашѣ и
..скому князю, чтобъ они не смѣли нападать на Москов..
.. украйны, чтобъ Крымскій ханъ отпустилъ всѣхъ Русскихъ
..никовъ безъ выкупа и наказалъ тѣхъ воровъ, которые
..ходили войною на Московскіе города. Послы были очень
..льны, но потомъ начало ихъ мучить безпокойство, правду
..казалъ визирь? точно ли исполнено главное, начальное дѣло,
..ота написана ли съ полнымъ царскимъ именованьемъ? по..
.. за переводчикомъ Зелфикаромъ: нельзя ли посмотрѣть
..овую грамоту? тотъ отвѣчалъ, что она должна быть у
..аго дьяка; послали къ думному дьяку, обѣщали подарокъ:
..ный дьякъ отвѣчалъ, что грамота у визиря; опять начали
..сить Зелфикара, сулить подарки немалые — нельзя ли до..
..ть грамоту отъ визиря? Зелфикаръ обѣщалъ подкупить ближ..
..ъ визиревыхъ людей, но возвратился съ отвѣтомъ, что ни..
.. мѣрами достать грамоты невозможно, только бы послы
.. покойны, онъ справлялся у думнаго дьяка и тотъ увѣ..
..ъ, что царское именованье написано сполна; но послы не
..коились, бросились къ патріарху, чтобъ показалъ свою
..бу и радѣнье — нельзя ли посмотрѣть черновую грамоту?
..іархъ отвѣчалъ, «тѣ грамоты вѣдать нельзя, но чтобъ по..
.. не сомнѣвались — титулъ написанъ какъ должно, визирь
..вѣкъ правдивый, что говоритъ то и дѣлаетъ». Наконецъ
..сланъ-ага, назначенный посломъ въ Москву показалъ Ми..
..лавскому надпись на султановой грамотѣ: «въ Іисусовѣ за..
.. надъ всѣми великими государями великому государю
..сковскому, царю всея Руси и обладателю, любительному
..угу Михаилу Ѳеодоровичу». Тотъ же Арасланъ долженъ
..лъ отвезти въ Крымъ, Каѳу и Азовъ запретъ воевать Мо..
..овскія области. Что касается до козаковъ, то послы, исполняя
..казъ, повторили визирю: «хотя ихъ всѣхъ воровъ государь
..ашъ въ одинъ часъ велитъ побить, то царскому величеству
..го не будетъ досадно». Визирь сказалъ: «Если вашему ве—

ликому государю это не будетъ досадно, то нашъ государь Донскими козаками управится». Потомъ спросилъ: «Вели[кому] государю вашему своихъ ратныхъ людей на этихъ воровъ [по]слать можно ли, чтобъ ихъ отъ воровства унять?» послы от[ве]чали: «Когда эти воры были не разорены, то и тогда вели[кому] государю своихъ ратныхъ людей посылать было на нихъ [не]льзя, потому что эти воры, люди многихъ разныхъ государ[ствъ], называясь Донскими козаками, жили въ дальнихъ мѣстахъ [во]ровскимъ кочевымъ обычаемъ, переходя съ мѣста на мѣ[сто]; а теперь и подавна ратныхъ людей посылать не на кого, пото[му] что нынѣшнею весною приходили на ихъ юрты ваши рат[ные] люди, и разорили ихъ безъ остатка; а что эти воры ва[шими] воинскими людьми разорены, то мы тебѣ объявляемъ, что ве[ликому] государю нашему это не будетъ досадно». Козаки зна[ли], что Московское правительство въ сношеніяхъ съ Тур[ціею] ими постоянно величало ихъ ворами, и жаловались: «Всег[да] про насъ такъ пишутъ, называютъ ворами, а службы на[шей] къ нимъ много. На Дону намъ не житье; подождемъ съ мор[я] нашу братью, если они придутъ всѣ поздорову, то мы еще [на] Дону поживемъ, а если съ моря придетъ немного людей, [то] намъ на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на друг[ое] мѣсто, на устьѣ Яицкомъ поставленъ городъ, мы этотъ горо[]докъ сроемъ, станемъ жить на Яикѣ и на море ходить». Узна[в]ши объ этомъ намѣреніи, царь приказалъ Астраханскимъ вое[]водамъ, что если Донскіе козаки станутъ приходить на Яикъ, то посылать на нихъ ратныхъ людей и промышлять надъ ни[ми] всякими мѣрами.

Козаки вмѣшались и въ сношенія съ Персіею. Еще въ Іюлѣ 1621 года Астраханскіе воеводы дали знать въ Москву, что козаки воруютъ на Каспійскомъ морѣ, служилыхъ, торговыхъ и всякихъ людей грабятъ; атаманъ у нихъ Тренка-усъ. Въ 1641 году посолъ наслѣдника Аббасова, шаха Сефи подалъ челобитную царю: «Съ вашей государевой стороны всякіе [по]бродные, худые люди безыменные, бѣглые, собравшись прихо[]дятъ на Гилянскія и на Мазандеранскія мѣста, воюютъ, людей

бьютъ, грабятъ, въ полонъ берутъ; тоже дѣлаютъ и надъ торговыми людьми, которые ходятъ по морю. Государь нашъ съ ними будетъ стоять на этихъ набродныхъ козаковъ, и мы ихъ изведемъ заодно». Тутъ же посолъ жаловался на воеводъ, которые притѣсняютъ Персидскихъ купцовъ; но не одни воеводы притѣсняли: «Прежнимъ Персидскимъ посламъ, говорилось въ челобитной, было позволено торговать, продавать и покупать, ворота у нихъ были отворены, всякихъ чиновъ люди ходили и торговали безъ боязни; а мы сидимъ въ заперти, никого къ намъ не пускаютъ; Григорій Никитниковъ намъ приказываетъ, что торговать велѣно съ нимъ однимъ, и мы шаховыхъ товаровъ до сихъ поръ ни на одинъ алтынъ не продали, отъ страху ни кто къ намъ не ходитъ». Послу отвѣчали относительно козаковъ, что давно отправленъ царскій указъ воеводамъ, посылать на козаковъ ратныхъ людей, побивать ихъ, а взятыхъ въ плѣнъ казнить; пусть и шахъ въ своей землѣ этихъ воровъ велитъ ловить и побивать, великій государь за нихъ стоять не будетъ. Что насается до воеводскихъ обидъ, то великому государю неизвѣстно — какія это обиды? въ какихъ городахъ и отъ какихъ именно воеводъ? объявите имена, и государь велитъ сыскать; и Русскимъ купцамъ въ Персіи отъ шаховыхъ воеводъ и приказныхъ людей бываетъ насилье большое. На третью жалобу отвѣчали, что дѣйствительно приказано торговать съ послами гостю Никитникову повольною торговлею: «Неволи вамъ никакой нѣтъ; товары вы у Никитникова смотрѣли и свои казали, а не торгуете и замедленіе себѣ дѣлаете неизвѣстно для чего». Но Персіянинъ никакъ не могъ понять повольной торговли съ однимъ человѣкомъ: «Говорилъ я приставамъ прежде много разъ и теперь сказываю то же: не умѣть мнѣ съ Григорьемъ Никитниковымъ торговать: поставлена у него товарамъ цѣна большая, а я шаховой казны потерять даромъ и безъ головы быть не хочу». Посолъ настоялъ на своемъ и получилъ повольный торгъ со всякими людьми, подъ условіемъ только торговать на посольскомъ дворѣ, а не по улицамъ.

Мы видѣли, что царь, въ качествѣ номинальнаго повелителя Грузіи, требовалъ отъ шаха Аббаса, чтобъ тотъ не опустошалъ этой несчастной страны. Шахъ отвѣчалъ, что онъ готовъ уступить Грузію Московскому государю и возвратить Грузинскому царю Теймуразу его семейство, если тотъ оставитъ сторону Турокъ. Михаилъ велѣлъ объявить объ этомъ послу Теймуразову, епископу Ѳеодосію, бывшему тогда въ Москвѣ (1624 г.) и прибавить, что царское величество не можетъ разорвать съ шахомъ, не можетъ и помочь Теймуразу деньгами, потому что казна истощена Польскою войною. Въ 1636 году пріѣхалъ въ Москву изъ Грузіи Никифоръ, протосинкелъ и архимандритъ, который объявилъ о желаніи Теймураза быть въ подданствѣ у государя, въ слѣдствіе чего, послѣ долгихъ разсужденій и освѣдомленій, весною 1637 года отправились въ Грузію князь Ѳедоръ Волконскій, дьякъ Артемій Хватовъ и пятеро духовныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобъ привести Теймураза къ крестному цѣлованію. Съ посланными отправились два иконописца и столяръ съ матеріалами, желѣзомъ, красками. Пріѣхавши въ Грузію, Волконскій нашелъ страну въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ недавняго опустошенія, причиненнаго Персіянами, у Теймураза осталась во владѣніи одна только Кахетія. Цѣль посольства была достигнута: Теймуразъ цѣловалъ крестъ царю Михаилу, при чемъ посолъ успѣлъ уклониться отъ всякихъ обязательствъ со стороны царя. Теймуразъ просилъ, чтобъ царь приказалъ построить крѣпость въ горахъ для удержанія Кумыковъ отъ нападенія на Грузію, просилъ также прислать лѣкаря и рудознатца. Съ отвѣтомъ былъ посланъ въ Грузію въ 1641 году князь Ефимъ Мышецкій, который долженъ былъ объявить Теймуразу, что въ настоящее время крѣпости построить никакъ нельзя: въ Москвѣ помнили несчастную участь Русскаго войска въ горахъ при Годуновѣ; лѣкарь былъ присланъ, касательно же рудознатца Мышецкій объявилъ, чтобъ Теймуразъ прежде прислалъ въ Москву образчики минералловъ, добываемыхъ въ его странѣ; наконецъ Мышецкій долженъ былъ вручить Теймуразу 20,000 ефимковъ, кромѣ соболей.

ѣ. Но въ это время, послѣднее время жизни, вниманіе царя Михаила особенно занимали два тяжелыя дѣла, по отношенію къ Даніи и Польшѣ. Мы видѣли, что прежнія сношенія съ Даніею кончились ничѣмъ по причинѣ споровъ о томъ, на какомъ мѣстѣ ставить королевское имя. Въ началѣ 1637 года пріѣхалъ въ Москву гонецъ Голмеръ съ грамотами короля Христіана IV-го, который просилъ отпустить въ Данію кости королевича Іоанна: просьба была исполнена; а чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ рѣшили послѣдовать примѣру Годунова, вызвать изъ Даніи же принца въ женихи для старшей дочери царской Ирины Михайловны. 9-го Іюня 1640 года потребованъ былъ въ посольскій приказъ Датскаго короля прикащикъ Петръ Марселисъ и допрашиванъ, сколько дѣтей у Датскаго короля и какихъ лѣтъ? Марселисъ объявилъ, что у Христіана IV два сына отъ первой жены, одинъ, наслѣдникъ престола, уже женатый, другой помолвилъ жениться; но есть еще третій сынъ Волмеръ (Валдемаръ) отъ другой вѣнчальной же жены (отъ графини Мункъ, на которой король былъ женатъ с ъ лѣвой руки); этому принцу 22 года; король съ матерью его не живетъ будто бы за то, что хотѣла его портить, но сына своего Валдемара король любитъ. Въ Ноябрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Ѳомина съ жалобою на герцога Голштинскаго, который не исполнялъ условій договора относительно Персидской торговли: этому Ѳомину велѣно было провѣдывать подлинно тайнымъ обычаемъ, сколько у короля дѣтей отъ вѣнчальныхъ прямыхъ женъ отъ королевъ, и сколько не отъ прямыхъ женъ и въ какихъ чинахъ у него эти дѣти? Провѣдать допряма про королевича Волмера, сколько ему лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицемъ, глазами, волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ и языкамъ обученъ? каковъ умомъ и обычаемъ, и нѣтъ ли въ немъ какой болѣзни или увѣчья и не зговоренъ ли гдѣ жениться, чья дочь его мать, жива ли и какъ живетъ? Промышлять, чтобъ королевича Волмера видѣть ему самому и персону его написать подлинно на листъ или на доску, безъ приписи, прямо, про-

вымышлять этимъ, подкупя писца (т. е. живописца), хотя бы для этого въ Детской землѣ и помѣшкать недѣли или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, только бы непремѣнно провѣдать допряма, но чтобы то ни стало, давать не жалѣя; а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ сыновей его.

Иванъ Ѳоминъ, возвратившись изъ Даніи, подалъ записку, что королевичь Волмеръ 20 лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицемъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ полатыни, пофранцузски, поиталіански, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ, самъ онъ Ѳоминъ видѣлъ, какъ королевичь пушку къ цѣли приводилъ; мать его Христина больна, отецъ ея былъ бояринъ и рыцарь большой, именемъ Людвигъ Мункъ и мать ея также боярыня большаго родства. Относительно портретовъ Ѳоминъ доносилъ: «Присылалъ за мною Копенгагенскій державца Улфелтъ и говорилъ: «Слухъ до меня дошелъ, что ты подкупаешь, чтобъ тебѣ написали портреты короля и королевичей подлинно безъ приписи: но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать къ вашему государю». Послѣ этого Улфелтъ спросилъ: «Зачѣмъ это государю вашему нужны портреты?» Ѳоминъ отвѣчалъ: «Государевы мысли въ Божіихъ рукахъ: мнѣ неизвѣстно». Потомъ королевскій секретарь повторилъ тотъ же вопросъ и прибавилъ: «Если государю вашему королевичь Волмеръ надобенъ для воинскаго дѣла, то король отпуститъ его къ царскому величеству». Лѣтомъ 1641 года дали знать въ Москву, что ѣдетъ къ государю необыкновенное посольство изъ Даніи: въ послахъ ѣдетъ королевичь Вальдемаръ, графъ Шлезвигъ-Голштинскій, а вторымъ посломъ Григорій Краббе. Сдѣланы были распоряженія объ особенныхъ почестяхъ; во всѣхъ городахъ воеводы ѣздили къ графу Вальдемару челомъ ударить. Въ Москвѣ пословъ помѣстили на дворѣ

думнаго дьяка Ивана Грамотина въ Китаѣ городѣ, при чемъ велѣно палаты, поварню, всѣ хоромы и конюшню осмотрѣть, вычистить, худыя мѣста починить, столы, скамьи и окончины доставить, навозъ и щепы со двора свозить и посыпать на дворѣ пескомъ; у средней палаты двери были желѣзныя, а мосту передъ нею и всходу не было: такъ велѣно было сдѣлать мостъ съ перилами и лѣстницу, колодезь вычистить, въ двухъ палатахъ, да въ покоевой задней деревянной горницѣ лавки и скамьи обиты были сукнами червчатыми, да въ тѣхъ же палатахъ и въ горницѣ, гдѣ стоялъ графъ Вальдемаръ, одинъ столъ покрытъ былъ ковромъ, а три сукнами червчатыми багрецовыми. Приставамъ данъ былъ наказъ: «Вы бы разсмотрѣли всякими мѣрами подлинно; и у дворянъ и у посольскихъ людей въ разговорахъ тайно развѣдали, какъ графа Вальдемара посолъ Краббе, дворяне и посольскіе люди почитаютъ, государскимъ ли обычаемъ или рядовымъ обычаемъ?» Приставы отвѣчали, что Краббе передъ графомъ шляпу временемъ снимаетъ, по дорогѣ ѣдучи и въ шляпѣ съ нимъ говоритъ, за обѣдомъ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ; думные и дворяне графа почитаютъ, говорятъ съ нимъ всѣ снявши шляпы и въ разговорѣ съ нимъ называютъ его королевичемъ, а не посломъ, и во всемъ его почитаютъ государскимъ обычаемъ.

Посольство было принято обыкновеннымъ образомъ, потому что въ грамотѣ королевской Валдемаръ былъ написанъ посломъ, а не королевичемъ; просьба Вальдемара, чтобъ позволено ему было представиться въ шпагѣ, не была исполнена, хотя онъ и говорилъ, что будетъ терпѣть за это вѣчный позоръ. Въ отвѣтѣ съ боярами Вальдемаръ потребовалъ повольной торговли для Датскихъ купцовъ по всему Московскому государству. Бояре отвѣчали: пусть Датскіе купцы пріѣзжаютъ по пяти и по шести человѣкъ и торгуютъ свальнымъ товаромъ, а не порознь, съ обычными пошлинами. Вальдемаръ просилъ позволеніе устроить прядильню для канатнаго дѣла; бояре отвѣчали: безъ смолы прядильнѣ быть нельзя, а смоляной промыслъ отданъ на откупъ съ 1636 года, когда же урочные откупные

годы отойдутъ, то государь велитъ смоляной откупъ отдавать Датскимъ людямъ также на урочные годы. Вальдемаръ просилъ позволенія Датчанамъ строить дворы и церкви, и получилъ отвѣтъ, что дворъ у Датскихъ купцовъ въ Москвѣ есть, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Архангельскѣ пусть купятъ дворы или поставятъ на посадѣ, но киркамъ не быть; также чтобъ и Русскимъ купцамъ было позволено имѣть свои дворы въ Даніи. Вальдемаръ требовалъ, чтобъ позволено было Датчанамъ имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ: позволено имѣть одного агента. Требовалъ, чтобъ съ разбитыхъ кораблей вещи сыскивались и возвращались хозяевамъ, а перевозъ былъ бы мирный безъ десятины; согласились съ замѣчаніемъ, что и прежде никогда десятины не брали. Требовалъ позволенія учредить компанію Датскихъ купцовъ для исключительной торговли въ Россіи кожами и юфтью, за что компанія надбавитъ пошлинъ: прежде бралось по 4 со 100, а Датчане будутъ платить по 7 со 100; бояре отвѣчали, что такой невольной торговлѣ быть непригоже: царскаго величества подданнымъ въ томъ будетъ оскорбленье. Вальдемаръ требовалъ позволенія для Датчанъ покупать ежегодно 1,000 ластовъ хлѣба для Даніи и столько же для Норвегіи: ему отвѣчали, что въ Россійскомъ государствѣ былъ хлѣбный недородъ не по одинъ годъ, и свои люди хлѣбомъ еще не наполнились, а если впередъ будетъ урожай, то позволеніе дадутъ. Послѣ этихъ переговоровъ хотѣли писать грамоты на вѣчное докончаніе, но тутъ опять неодолимое препятствіе: Вальдемаръ требовалъ, чтобъ въ Датской грамотѣ имя королевское было написано прежде царскаго, бояре не согласились, и послы по прежнему поѣхали ни съ чѣмъ.

Въ Октябрѣ 1641 уѣхали Датскіе послы, а въ Апрѣлѣ 1642 въ Москвѣ признали за нужное отправить въ Данію посольство съ важнымъ дѣломъ. Отправлены были извѣстный уже намъ окольничій Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ и дьякъ Иванъ Патрикѣевъ для заключенія докончанія, при чемъ должны были отвезти подарки королевичу Вальдемару; въ запасъ дано имъ было соболей на 2,000 рублей, велѣно расходовать, смотря по

…ному дѣлу, встрѣчка, безъ чего быть нельзя, чтобъ го…
…рское дѣло совершить доброиъ. Это государское дѣло со…
…ло въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Валь…
…ромъ и царевною Ириною Михайловною. Тайный наказъ
…мъ по этому дѣлу говорилъ: Если спросятъ, есть ли съ
… персона царевны? отвѣчать: «У вашихъ великихъ госу…
… Россійскихъ того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ госу…
…ихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья,
…кіе государства возить, да и въ Московскомъ государ…
…чей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ,
… бояре и всякихъ чиновъ люди, не видаютъ».
…лы были приняты въ Даніи не очень ласково: когда они
…представленіи королю по обычаю сказали, что великій госу…
… велѣлъ королю поклониться, про свое государское здо…
… сказать, и брата своего здоровье видѣть, то король на
… смолчалъ, про государское здоровье не спросилъ и не
…лъ. Послы, не подавая царской грамоты, долго стояли
…, все ждали, что король встанетъ и спроситъ про госу…
…ое здоровье; наконецъ Проѣстевъ сказалъ, что они ждутъ
…ненія обычая; тогда король велѣлъ канцлеру сказать, что
… слышать про здоровье своего брата. Послы отвѣчали на
… что царь про королевское здоровье спрашивалъ самъ,
…; король спросилъ ихъ: «Какъ были у вашего государя
… послы, то имъ у васъ что дѣлали?» Проѣстевъ отвѣчалъ:
…гда были ваши послы у нашего государя, то государь нашъ
…шего королевскаго величества чести не умалялъ, а мы те…
… видимъ тому противное». Король всталъ, снялъ шляпу и
…мъ спросилъ про государево здоровье.
Начались переговоры, начались съ вопроса: кого прежде пи…
…ть въ грамотахъ? канцлеръ сказалъ: «Этому дѣлу по вашей
…рѣ не быть; государь нашъ во всей Европѣ никакому го…
…дарю своей чести не уступитъ, и такою дорогою цѣною
… у котораго государя дружбы купить не хочетъ.» И опять
…ло о доканчаніи кончилось ничѣмъ. Началось другое дѣло:
…послы стали говорить о государственныхъ великихъ дѣлахъ,

что великій государь хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ, любви и соединеніи свыше всѣхъ великихъ государей, и для того велѣлъ его королевскому величеству объявить, что его государской дщери царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ, и вѣдомо ему, великому государю, что у Датскаго Христіануса короля есть доброродный и высокорожденный его королевскій сынъ королевичъ Вальдемаръ Христіанъ, графъ Шлезвигъ-Голстинскій. И если его королевское величество захочетъ быть съ нимъ великимъ государемъ въ братской дружбѣ на вѣки, то онъ бы позволилъ сыну своему государскую дщерь взять къ сочетанію законнаго брака.» Ближніе королевскіе люди опросили: «Какъ великій государь графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести? Какіе именно города и села дастъ ему на содержаніе?» Послы отвѣта на это не дали по неимѣнію наказа, о вѣрѣ же сказали, что Вальдемаръ долженъ креститься въ православную вѣру Греческаго закона. На это послѣдовалъ отказъ, и послы по обоимъ дѣламъ отпущены ни съ чѣмъ. Вальдемара въ это время не было въ Копенгагенѣ, послы отправили къ нему царскій подарокъ—пять сороковъ соболей; когда уже они получили отпускъ, то Вальдемаръ пріѣхалъ въ Копенгагенъ и пришелъ къ нимъ бить челомъ за государское жалованье: «теперь, говорилъ онъ, я милость государя вашего къ себѣ незабытную вижу, потому что пожаловалъ меня своимъ государскимъ многимъ жалованьемъ.» Послы королевича почитали и говорили, чтобъ сѣлъ, но королевичъ говорилъ: «Когда вы послы сядете, то и я съ вами сяду.» Послы отвѣчали: «Ты государскій сынъ; мы по указу государя нашего тебя почитаемъ, тебѣ, по твоему достоянью, добро пожаловать сѣсть, и мы съ тобой сядемъ.» Королевичъ сѣлъ по серединѣ стола, а не конецъ не сѣлъ. О сватовствѣ онъ сказалъ: «Отецъ все мнѣ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ; съ вами много говорить не позволено, да и нечего: во всемъ положился я на волю отца своего.»

Проѣстева и Патрикѣева ждалъ дурной пріемъ въ Москвѣ; ихъ обвиняли, что великое дѣло дѣлали не по наказу: въ наказѣ было сказано: радѣть и промышлять всякими мѣрами, уговаривать и дарить кого надобно; а послы, услыхавши первый отказъ, сейчасъ же и уѣхали, съ государемъ не обославшись; для государева дѣла послана была съ ними казна, соболи, давать было что, а они соболи раздавали для своей чести, а не для государева дѣла, съ ближними королевскими людьми говорили самыми короткими словами, что къ дѣлу не пристало, многихъ самыхъ надобныхъ дѣлъ не говорили, и ближнимъ королевскимъ людямъ во многихъ статьяхъ были безотвѣтны. Въ Сентябрѣ возвратились Проѣстевъ съ Патрикѣевымъ въ Москву; въ Декабрѣ государь отправилъ въ Данію Датскаго же комиссара Петра Марселиса «вѣря ему въ такомъ великомъ дѣлѣ, потому что его Петровъ отецъ Гаврила и самъ онъ Петръ прежде ему великому государю служили вѣрно: какъ былъ въ Польшѣ и Литвѣ отецъ его государевъ, то Гаврила Марселисъ о его государскомъ освобожденьи радѣлъ и всякими мѣрами промышлялъ, да и другія ихъ Гаврилы и Петра къ великому государю многія и вѣрныя службы были.» Марселисъ долженъ былъ объявить королю, что прежніе послы, Проѣстевъ и Патрикѣевъ говорили не по царскому наказу и не противъ ближнихъ людей вопроса о вѣрѣ и крещеньѣ, говорили и дѣлали нерадѣньемъ; имъ велѣно было изъ Копенгагена отписать къ его царскому величеству, если объявится какое-нибудь затрудненіе: но они ни о чемъ не писали и сами пріѣхали не сдѣлавъ ничего; за это царское величество положилъ на нихъ опалу. Великій государь станетъ королевскаго сына держать у себя въ ближнемъ пріятельствѣ и въ государской большой чести, какъ государскаго сына и своего зятя; ближніе и всякихъ чиновъ люди Россійскаго государства будутъ его, королевича почитать большою честію и будетъ онъ обдаренъ всѣмъ: города, села и денежная казна будетъ у него многая: государь велѣлъ дать ему города большіе, Суздаль и Ярославль съ уѣздами и другіе города и села,

которые ему королевичу будутъ годны. Въ вѣрѣ неволи не будетъ королевичу, а въ православную христіанскую вѣру Греческаго закона крещеніе всѣмъ людямъ даръ Божій; кого Богъ приведетъ, тотъ и приметъ, а воля Божія свыше человѣческой мысли и дѣла. Которые ближніе и дворовые люди будутъ при королевичѣ и захотятъ служить при его дворѣ, тѣмъ всѣмъ государская милость будетъ во всемъ по ихъ достоинству, а неволи имъ ни въ чемъ не будетъ.

Марселису нужно было преодолѣть разнаго рода трудности, опровергнуть разныя возраженія; но онъ радѣлъ и промышлялъ всякими мѣрами. Такъ многіе люди въ Датской землѣ говорили: «Какъ это королевичу ѣхать въ Москву, къ дикимъ людямъ, тамъ ему быть на вѣки въ холопствѣ, и что обѣщаютъ, того не исполнятъ, можно ему прожить и отцовскимъ жалованьемъ.» Говорили это тѣ люди, которымъ хотѣлось, чтобъ Вальдемаръ женился на дочери Чешскаго короля (несчастнаго Фридриха Пфальцкаго). Марселисъ отвѣчалъ имъ: «Еслибъ въ Москвѣ люди были дикіе, то я бы столько лѣтъ тамъ не жилъ и впередъ не искалъ чтобъ тамъ жить; хорошо еслибъ и въ Датской землѣ былъ такой же порядокъ, какъ въ Москвѣ; никто не можетъ доказать, чтобъ царь не исполнялъ того, что обѣщалъ, слово свое онъ держитъ крѣпко не только христіанскимъ государямъ, но и бусурманскимъ.» — Королевскіе ближніе люди говорили: «Въ Москвѣ многіе бояре не хотятъ, чтобъ царь выдавалъ дочерей своихъ за государскихъ сыновей для того чтобъ имъ самимъ быть у царя въ родствѣ.» На это Марселисъ отвѣчалъ: «Московскій государь самодержецъ и дѣлаетъ все по своей волѣ, а знаютъ про это великое дѣло ближніе большіе бояре.» Шведы и Голландцы внушали: «Сперва королевичу въ Москвѣ будетъ большая честь, чтобъ отвести его отъ Лютеранской вѣры, а если онъ на это не согласится, то и перестанутъ его почитать.» Марселисъ отвѣчалъ, что Шведы и Голландцы нарочно говорятъ, не желая такого великаго дѣла; начато оно съ добрымъ разсужденіемъ, добромъ и кончится. Наконецъ самъ Вальдемаръ, вывезя изъ

[illegible] поѣздки своей въ Москву очень неприятныя воспоминанія, обнаружилъ сильное нежеланіе ѣхать въ другой разъ [illegible] женихомъ, и согласился только изъ боязни разсердить [illegible] отца. Онъ упрашивалъ Марселиса, чтобъ все честно [illegible]лось; Марселисъ увѣрялъ, что все будетъ хорошо: «Если [тамъ]ъ будетъ дурно, то и мнѣ будетъ дурно же, моя голова будетъ въ отвѣтѣ, говорилъ ему Марселисъ.—«А какая мнѣ будетъ польза въ твоей головѣ, когда мнѣ дурно будетъ?» отвѣчалъ королевичь, и прибавилъ: «Видно уже такъ Богу угодно, если король и его думные люди такъ уложили, много я на своемъ вѣку постранствовалъ, и такъ воспитанъ, что умѣю съ людьми жить, уживусь и съ лихимъ человѣкомъ, а такому добронравному государю какъ не угодить?»

Король объявилъ Марселису условія, на которыя должны были предварительно отвѣчать въ Москвѣ: 1) въ вѣрѣ королевичу неволи не будетъ и церковь ему будетъ поставлена по его закону. На это въ Москвѣ отвѣчали, что королевичу и его двору въ вѣрѣ и законѣ неволи никакой не будетъ; а о томъ чтобъ дать мѣсто для кирки, договоръ будетъ съ королевскими послами, которые пріѣдутъ съ графомъ Вальдемаромъ въ Москву. 2) Чтобъ королевичу отъ всѣхъ, высокаго и низкаго, духовнаго и мірскаго чина почитаему быть царскимъ зятемъ, чтобъ ему надъ собою никакого начальства не имѣть кромѣ великаго государя и сына его государя царевича, ихъ онъ будетъ почитать своими государями, а больше никого. На это условіе послѣдовало согласіе. 3) Королевичу и его прямымъ наслѣдникамъ обѣщанные города имѣть во вѣки безъ помѣшки; если Вальдемаръ умретъ безъ наслѣдниковъ, то Ирина наслѣдуетъ эти города въ пожизненное владѣніе; если же великій государь кромѣ городовъ и земель изволитъ дать денежное приданое, то это честнѣе и славнѣе будетъ. — Послѣдовало согласіе съ прибавкою: «если послѣ Вальдемара останутся наслѣдники, то имѣнія графа въ Датской землѣ должны быть за Ириною и за его наслѣдниками; также мы, великій государь приданое—всякія утвари и деньгами всего на 300,000

рублей дать неволили. 4) Кромѣ городовъ давать королевичу на дворовое содержанье, ибо неизвѣстны доходы съ городовъ. Отвѣтъ: Съ назначенныхъ городовъ собирается доходу много, а если окажется мало на дворовое содержаніе, то мы прибавимъ городовъ и селъ. 5) Королевичь будетъ одѣвать свой дворъ по своей волѣ; вольно ему слугъ принимать изъ Датской земли и отпускать назадъ. Послѣдовало согласіе, причемъ опредѣлено, чтобъ королевичь взялъ съ собою въ Москву 300 человѣкъ.

Когда Марселисъ съѣздилъ съ королевскими условіями въ Москву и привезъ на нихъ удовлетворительныя отвѣтныя статьи за государскою печатью, то Вальдемаръ съ двумя послами Олавомъ Пассбиргомъ и Стрено Билленомъ въ Октябрѣ 1643 года отплылъ изъ Копенгагена въ Данцигъ, чтобъ черезъ Польскія, а не черезъ Шведскія владѣнія достигнуть Москвы; въ Вильнѣ онъ былъ принятъ съ большою ласкою и честію королемъ Владиславомъ и удивилъ Польскихъ придворныхъ отличнымъ знаніемъ французскаго и италіянскаго языковъ.

Въ Декабрѣ 1643 года Вальдемаръ переѣхалъ Русскую границу, и былъ встрѣченъ подъ Псковомъ бояриномъ княземъ Юрьемъ Сицкимъ и дьякомъ Шипулинымъ. Во Псковѣ встрѣтилъ его воевода; гости и посадскіе лучшіе люди встрѣтили его съ дарами—съ хлѣбами, соболями и золотыми, соболей было два сорока и сто золотыхъ. Вальдемаръ сначала не хотѣлъ брать даровъ, но когда дьякъ Шипулинъ по государеву указу, замѣтилъ ему, что онъ этимъ оскорбитъ Псковичей, то принялъ. Сицкому наказано было: «Королевечу Вальдемару Христіанусовичу всякое береженье и честь держать великую, здоровья его отъ Русскихъ и отъ всякихъ людей остерегать на крѣпко.» Но ото всѣхъ непріятностей остеречь было нельзя; такъ въ Опочкѣ испортили у королевича возокъ, вырѣзавъ бархатъ у дверей. Въ Новгородѣ была королевичу такая же встрѣча, что и во Псковѣ. Въ Москвѣ, куда королевичь въѣхалъ 21 Генваря 1644 года, поднесли ему хлѣбы и дары Московскіе, Голландскіе и Англійскіе гости и торговые люди, а Вальдемаръ

[illegible] ихъ къ рукѣ. Когда королевичь пріѣхалъ во дворецъ ([illegible] Генваря), то середи грановитой палаты, перешедши столпъ, [встрѣтилъ] его царевичь Алексѣй Михайловичь, а явилъ ца[ревича] Вальдемару бояринъ князь Львовъ; царевичь спросилъ [королевича] о здоровьѣ, подалъ ему руку, и потомъ пошелъ съ королевичемъ вмѣстѣ по правую сторону. Тотъ же бояринъ князь Львовъ явилъ королевича государю, который сошелъ съ своего мѣста, подалъ королевичу руку (витался) и спросилъ о здоровьѣ, королевичь на государевомъ жалованьѣ билъ челомъ и правилъ поклонъ отъ короля отца своего, сперва государю, потомъ царевичу Алексѣю Михайловичу. Послы королевскіе говорили рѣчь: «Его королевское величество, во имя св. Троицы, послалъ своего любительнаго сына, графа Вальдемара Христіана къ его царскому величеству, чтобъ ему, по царскаго величества хотѣнью и прошенью, законъ принять (вступить въ бракъ) съ царскаго величества дочерью, великою княжною Ириною Михайловною. Король проситъ, чтобъ его царское величество изволилъ для большей вѣрности и укрѣпленья договоръ о сватаньѣ крестнымъ цѣлованьемъ при его королевскихъ послахъ укрѣпить и письмо дать; также принять и почитать королевскаго сына какъ своего сына и зятя, а король накрѣпко наказалъ сыну своему царское величество какъ отца почитать, достойную честь и службу воздавать». Думный дьякъ отъ царскаго имени отвѣчалъ:» Желаемъ чтобъ всесильный Богъ великое и доброначатое дѣло къ доброму совершенью привелъ; хотимъ съ братомъ нашимъ его королевскимъ величествомъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, а королевича Вальдемара Христіанусовича хотимъ имѣть въ ближнемъ присвоеніи, добромъ пріятельствѣ и почитать, достойную честь ему воздавать какъ есть своему государскому сыну и зятю.»

3 Февраля Датскіе послы были въ отвѣтѣ съ боярами, княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, княземъ Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ, окольничимъ Васильемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ, да съ дьяками Григоріемъ Львовымъ и Михай-

лою Волошениновымъ. Послы говорили о вѣчномъ дого
по статьямъ: 1) Подтвердить старинные договоры о мир
единеніи и вольности торговаго промысла. 2) Датскимъ
вежскимъ купцамъ производить безпрепятственную торго
всѣмъ мѣстамъ Московскаго государства и заводить пр
3) Позволить Датчанамъ имѣть свои кирхи и дворы. 4)
но королю ставить агентовъ и прикащиковъ въ какихъ
дахъ будетъ надобно. 5) Въ случаѣ кораблекрушенія от
товары владѣльцу ихъ безпошлинно, а тому, кто ихъ
метъ, давать за береженье умѣренную плату. 6) Вольн
ролевскимъ подданнымъ покупать въ Россіи хлѣба
1,000 или больше или меньше; также и въ Норвежску
лю вывозить по стольку же. 7) Такъ какъ между вел
государемъ и королемъ Польскимъ идутъ споры и ссоры
рубежныхъ дѣлахъ, то король Датскій берется быть по
никомъ. 8) Что касается до церковныхъ чиновъ при в
королевича съ царевною, то они, послы надѣются, что вс
детъ устроено къ чести Бога вышняго. 9) Послы надѣ
что все договоренное съ Петромъ Марселисомъ будетъ
тверждено. 10) Хотятъ они знать, на которомъ мѣстѣ б
поставлена церковь для королевича и на которомъ мѣст
детъ у него дворъ и дворовый чинъ? 11) Король пр
имъ развѣдать, сколько доходовъ съ городовъ Суздаля и
славля, чтобъ знать, можно ли будетъ королевичу и ег
слѣдникамъ этими доходами дворовый чинъ свой содерж
если нельзя, то чтобъ государь, по своему обѣщанію,
довъ прибавилъ, иначе королевичь войдетъ въ долги. 12)
кимъ образомъ королевичу и его наслѣдникамъ города и
въ своихъ титулахъ, гербахъ и печатяхъ имѣть? 13)
будетъ поступлено въ случаѣ смерти королевича или
его? 14) Въ королевскихъ грамотахъ имя короля Христ
должно писаться выше царскаго.

4 Февраля государь посѣтилъ королевича, который
вался ему на неправду Шведовъ, вторгнувшихся въ Гол
нію мимо договора: «поэтому, говорилъ Вальдемаръ, всѣмъ

[illegible] можно знать правду Шведовъ и отъ нихъ беречься; [illegible] же надобно крѣпко беречься отъ нихъ царскому величеству; объ этомъ онъ, королевичь напоминаетъ государю [illegible], что пріѣхалъ быть съ нимъ въ родственномъ союзѣ; онъ государю и всему Россійскому государству добра хочетъ, потому что если государю будетъ хорошо, то и ему хорошо.» Михаилъ Ѳедоровичь отвѣчалъ: «есть такъ, что правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего; только до сихъ поръ ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня съ Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ.» Королевичь сказалъ на это: «а какую они неправду Московскому государству сдѣлали? призваны были на помощь отъ царя Василія, и объявились злыми врагами.»

8 Февраля по царскому приказу, патріархъ Іосифъ (преемникъ Іоасафа), прислалъ къ королевичу бывшаго въ Швеціи резидентомъ Дмитрія Францбекова съ такою рѣчью: «великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанья законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною: и вамъ бы, государскому сыну съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицею и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрою соединиться.» Королевичь отвѣчалъ, что ему принять вѣру Греческаго закона никакъ нельзя; не будетъ онъ дѣлать ничего мимо договора, который заключенъ Петромъ Марселисомъ. Если Марселисъ царю обѣщалъ на словахъ, что онъ королевичь перемѣнитъ вѣру, а королю Христіану и ему Вальдемару не сказалъ, то онъ солгалъ, обманулъ, и за это ему отъ короля Христіана и отъ него королевича не пробудетъ. Если бы онъ королевичь зналъ, что будетъ рѣчь о вѣрѣ, то онъ бы изъ своей земли не поѣхалъ. И если теперь царское величество не изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, то пусть прикажетъ отпустить его, королевича назадъ къ королю Христіану съ честію. Францбековъ отвѣчалъ, что Марселису не было наказано говорить и рѣшать дѣло о

вѣрѣ; теперь ему королевичу назадъ въ свою землю [illegible] нечестно, и онъ бы не оскорблялся, а гораздо помыслил[illegible] не угодно ли ему поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духо[illegible] ми людьми. Королевичь отвѣчалъ: «я самъ грамотен[illegible] всякаго попа, библію прочелъ пять разъ и всю ее по[illegible] если царю и патріарху угодно поговорить со мною отъ к[illegible] то я говорить и слушать готовъ.»

13 Февраля былъ королевичь у царя въ комнатѣ, и [illegible] илъ обратился къ нему съ такими словами: «послы кор[illegible] скіе у насъ на посольствѣ говорили, что король велѣлъ [illegible] быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ, и дѣлать [illegible] что мнѣ угодно, а мнѣ угодно, чтобъ ты принялъ прав[illegible] ную вѣру.» Королевичь отвѣчалъ: «я радъ быть въ твое[illegible] сударской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за [illegible] готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что [illegible] юсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ госу[illegible] ствахъ ведется, что мужъ держитъ вѣру свою, а жена [illegible] гую; и если вашему царскому величеству по договору [illegible] лать неугодно, то отпустите меня назадъ къ отцу [illegible] Царь: «любя тебя королевича, для ближняго присвоенья, я [illegible] далъ тебѣ достойную великую честь, какой прежде никогд[illegible] бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, [illegible] мнѣ угодно, исполнять, со мною вѣрою соединиться, и за [illegible] кое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, [illegible] государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не [illegible] единясь со мною вѣрою, въ присвоеньи быть и законнымъ [illegible] комъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что [illegible] насъ мужъ съ женою въ розной вѣрѣ быть не можетъ; П[illegible] Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и [illegible] етъ подлинно, что не только въ нашихъ государскихъ [illegible] нахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить [illegible] тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ [illegible] сударствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ, не [illegible] верша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошенье ис[illegible] нилъ; да и почему ты не хочешь быть въ православной в[illegible]

...скаго закона? Знаешь ли, что Господь нашъ Іисусъ ...осъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ ...ія показалъ и погрузился въ три погруженія?» Короле...: «и у насъ въ Лютерской вѣрѣ погруженіе было же, а ...али погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруженія не ... только теперь мнѣ креститься въ другой разъ никакъ ..., потому что боюсь клятвы отъ отца своего; да и при ...Иванѣ Васильевичѣ было же, что его племянница была за ...чемъ Магнусомъ.» Царь: «царь Иванъ Васильевичь ...ъ это, не жалуя и не любя племянницы своей; а я хочу ... тобою въ одной вѣрѣ, любя тебя какъ роднаго сына.» ...ичь просилъ, чтобъ ему съ государемъ сойтись и о ...договорить инымъ временемъ.

... Февраля королевичь прислалъ государю грамоту съ слѣ...щими статьями: 1) Развѣ вашему царскому величеству не...тно, что вы за два года присылали къ отцу моему ве...хъ пословъ о сватовствѣ, и когда они объявили, что я ...ъ перемѣнить вѣру, то имъ прямо отказано? 2) Ваше ...ое величество на томъ стоите ли, что вы присылали къ ... моему Петра Марселиса, который, по вашему наказу, ...алъ, что мнѣ въ вѣрѣ никакой неволи и помѣшки не ...ть? 3) Въ грамотѣ вашего царскаго величества, за вашею ...мю присланной, не первая ли статья говоритъ о вольно...мъ вѣрѣ? Мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобъ ваше цар...величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣ...сь по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки ...у обѣщанію и договору, что приведетъ не только наше...тца, но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и ...ему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того ...тъ.» Царь отвѣчалъ: «и теперь мы вамъ тоже объявля..., что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и ...имъ, чтобъ вамъ съ нами быть въ одной христіанской ...ославной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрахъ вашему законному ...у съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; и въ нашемъ ...тномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марселисомъ

къ отцу вашему, нигдѣ не написано, чтобъ вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ не написано также, чтобъ намъ васъ къ соединенью въ вѣрѣ не призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ, какъ годно Богу и нашему царскому величеству, и васъ къ тому всякими мѣрами приводимъ, и молимъ съ прошеньемъ, чтобъ вамъ поискать своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединяться. Мы совѣта злопадвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды размышлять непригоже; про наше царское величество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, а ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить.»

26 Февраля королевичь прислалъ отвѣтъ: «мы ясно выразумѣли изъ вашего отвѣта, что ваше царское величество не по явнымъ словамъ, какъ у великихъ христіянскихъ государей во всей Европѣ ведется, идете, но единственно по своему толкованію и мысли обо всемъ этомъ дѣлѣ становите. Никогда еще не бывало такого договора, въ которомъ бы его королевскаго величества, отца нашего всю основную мысль превратили, и явныя слова въ иную мысль по своему изволенью толковать и изложить хотѣли, какъ теперь въ этой странѣ дѣлается.» Въ заключеніе королевичь просилъ отпуска въ Данію. Но отпуска не было. 21 Марта королевичь пригласилъ къ себѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и просилъ его похлопотать объ отпускѣ: «знаю, говорилъ королевичь, что ты начальнѣйшій бояринъ въ царствѣ, ближній, справедливый, великій, и потому бью тебѣ челомъ, помоги мнѣ, чтобъ царское величество пословъ и меня отпустилъ.» Шереметевъ отвѣчалъ: «хорошо было бы тебѣ съ царскимъ величествомъ соединиться въ вѣрѣ, а ѣхавъ такую дальную дорогу, ѣхать назадъ непригоже.» Королевичь сказалъ на это: «тому статься нельзя, а когда царское величество меня честно велитъ отпустить, то я буду громко это прославлять.» Шереметевъ взялся донести государю о желаніи Вальдемара. Слѣдствіемъ было

[illegible], что 25 Марта стража около королевичева двора была усилена; 29 Марта бояре объявляли Датскимъ посламъ о невозможности совершиться браку королевича на царевнѣ безъ соединенія въ вѣрѣ, и требовали, чтобъ послы уговаривали Вальдемара принять православіе. Послы отвѣчали, что этого имъ не написано, и если имъ хотя одно слово молвить королевичу о соединеніи въ вѣрѣ, то король велитъ съ нихъ головы снять.» Да хотя бы, продолжали послы, королевичь съ царскимъ величествомъ и вѣрою соединился, то ему не сойдется въ иныхъ обрядахъ, въ постахъ, кушаньяхъ, въ питьѣ, платьѣ; теперь мы ясно видимъ, что нашему начальному дѣлу статься никакъ нельзя, королевичь вѣры своей не перемѣнитъ, и больше говорить не очемъ: такъ царское величество пожаловалъ бы, велѣлъ насъ отпустить назадъ.» 21 Апрѣля явился къ Вальдемару посланный съ письмомъ отъ патріарха и держалъ такую рѣчь: «государь королевичь Вальдемаръ Христіанусовичь! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію своею сохраняетъ, и велѣлъ тебѣ извѣстить: слухъ до меня дошелъ, что ты государь королевичь у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное за своею печатію письмо прислалъ, чтобъ тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить.» Въ письмѣ патріархъ писалъ: «прими, государь королевичь Вальдемаръ Христіанусовичь, сіе писаніе и прочти, уразумѣй любительно, и, уразумѣвъ, не упрямься; государь царь ищетъ тебѣ и хочетъ всего добра нынѣ и въ будущій вѣкъ; своею упрямкою добраго, великаго, любительнаго и присвойнаго дѣла съ его царскимъ величествомъ не порушь, но совершенно учини во всемъ волю его, по Богѣ послушай, не отъ Бога тебя онъ отгоняетъ, но совершенно Богу присвояетъ; да и отецъ твой Христіанусъ король показалъ совѣтъ свой къ его царскому вели-

честву и присвоиться захотѣлъ, тебя, любимаго сына своего, къ его царскому величеству отпустилъ, чтобъ тебѣ жениться на его дочери, и съ послами своими приказывалъ, что отпустилъ тебя на всю волю его царскаго величества: такъ тебѣ надобно его царскаго величества послушать, да будешь въ православной Христовой вѣрѣ вмѣстѣ съ нами. Мы знаемъ, что вы называетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ.... И тебѣ бы, государь королевичь, принять св. крещеніе въ три погруженія, а о томъ сомнѣнія не держать, что ты уже крещенъ: несовершенно вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во святую, соборную и апостольскую церковь, а не второе, и у насъ втораго крещенія нѣтъ» и проч.

Королевичь отвѣчалъ на другой день слѣдующимъ письмомъ: «такъ какъ намъ извѣстно, что вы у его царскаго величества много можете сдѣлать, то бьемъ вамъ челомъ, попросите государя, чтобъ отпустилъ меня и господъ пословъ назадъ въ Данію съ такою же честію, какъ и принялъ. Вы насъ обвиняете въ упрямствѣ: но постоянства нашего въ прямой вѣрѣ христіанской нельзя называть упрямствомъ; въ дѣлахъ, которыя относятся къ душевному спасенію, надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей. Мы хотимъ отдать на судъ христіанскихъ государей, можно ли насъ называть упрямымъ. Какъ видно у васъ перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству; но у насъ такое дѣло чрезвычайно великимъ почитается, и такихъ людей, которые для временныхъ благъ и чести, для удовольствія людскаго вѣру свою перемѣняютъ, бездѣльниками и измѣнниками почитаютъ. Подумайте о томъ: если мы будемъ Богу своему невѣрны, то какъ же намъ быть вѣрными его царскому величеству? Намъ отъ отца нашего наказа нѣтъ, чтобъ спорить о мірскомъ или о духовномъ дѣлѣ; царское величество насъ обнадежилъ, что намъ, нашимъ людямъ и слугамъ никакой неволи въ вѣрѣ не будетъ. Мы хо-

вести себя передъ царскимъ величествомъ, какъ сынъ
дъ отцемъ, хотимъ исполнять его волю во всемъ, что
не гнѣвно, нашему отцу не досадно, нашей совѣсти не
вно, и ничего такъ не желаемъ, какъ приведенія къ кон-
ечнаго договора. Но для этого никогда не отступимъ отъ
вѣры. Вы приказываете намъ съ вами соединиться, и
мы видимъ въ этомъ грѣхъ, то вы смиренный патріархъ
съ освященнымъ соборомъ грѣхъ этотъ на себя возь-
Отвѣчаемъ: всякій свои грѣхи самъ несетъ; если же вы
дены, что по своему смиренію и святительству, можете
на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возьмите на
грѣхи царевны Ирины Михайловны и позвольте ей всту-
съ нами въ бракъ.» — Весь Апрѣль прошелъ въ увѣща-
ъ. По Датскимъ извѣстіямъ, бояре говорили королевичу:
можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша ли-
; такъ былъ бы покоенъ, будетъ доволенъ ея красотою;
пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ
намъ Московскимъ, любитъ напиваться допьяна: она
а умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была
. 7 Мая послы потребовали рѣшительно отпуска и на-
ли день, въ который они хотятъ быть у руки царской
прощеньѣ; требовали, чтобъ и королевичь былъ отпущенъ
ѣ съ ними. Государь отвѣчалъ, что такое требованіе на-
о непригоже, какъ бы съ указомъ: такъ полномочнымъ
ъ къ великимъ государямъ писать не годится; что же
тся до королевича, то они сами послы, по королевскому
зу, подвели его къ нему, государю и отдали его во всю
государскую волю, и потому отпуску ему съ ними не бу-
тъ, а какъ время дойдетъ, то государь велитъ отпустить къ
олю Христіану пословъ его однихъ. Отвѣтъ оканчивался
ъ: «а что станете дѣлать мимо нашего государскаго ве-
ія своимъ упрямствомъ, и какое вамъ въ томъ безчестье
дурно сдѣлается, и то вамъ и вашимъ людямъ будетъ отъ
бя, а безъ отпуску послы не ѣздятъ.»

9 Мая въ третьемъ часу ночи, со двора королевичева вы-

нło человѣкъ пятнадцать его людей, пѣшихъ, подо[illegible] стрѣлецкому сотнику, стоявшему на караулѣ, и начали [illegible] сить, чтобъ онъ отпустилъ съ ними стрѣльцовъ, а они [illegible] за Бѣлый городъ за Тверскіе ворота; сотникъ послалъ с[illegible] объ этомъ головѣ, голова отказалъ, и тогда Нѣмцы [illegible] стрѣльцовъ колоть шпагами и многихъ переранили. Тог[illegible] числа къ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ у Тверскихъ [illegible] ротъ, подъѣхали на лошадяхъ и пришли пѣшкомъ Нѣмцы [illegible] ловѣкъ съ тридцать и хотѣли силою проломиться въ вор[illegible] караульные не пускали ихъ, тогда Нѣмцы стали въ нихъ [illegible] лять изъ пистолетовъ, шпагами колоть и ворота ломать[illegible] крикъ караульныхъ прибѣжали другіе стрѣльцы и заст[illegible] Нѣмцевъ бѣжать отъ воротъ. Одинъ изъ Нѣмцевъ былъ [illegible] въ плѣнъ; но когда стрѣльцы привели его въ кремль и [illegible] нялись съ соборомъ Николы Гостунскаго, то отъ короле[illegible] двора прибѣжали пѣшіе Нѣмцы и начали стрѣльцовъ ко[illegible] шпагами, одного убили до смерти, шесть человѣкъ ранили [illegible] Нѣмца у нихъ отбили. 11-го числа былъ у королевича Пет[illegible] Марселисъ и говорилъ: «вчерашнюю ночь учинилось ду[illegible] дѣло; жаль, потому что отъ такого дѣла добра не бывает[illegible] Королевичь отвѣчалъ: «мнѣ всѣхъ своихъ людей не въ у[illegible] держать, а скучаютъ они отъ того, что здѣсь безъ пути [illegible] вутъ; я былъ бы радъ, чтобъ имъ всѣмъ и мнѣ шеи пер[illegible] мали.» Марселисъ: «вамъ бы подождать и лиха никакого [illegible] мыслить, которые люди на дурное наговариваютъ, тѣхъ бы [illegible] слушать; а кто такъ сдѣлалъ, сдѣлалъ дурно.» Королев[illegible] «хорошо тебѣ разговаривать! ты дома живешь, у тебя т[illegible] сердце не болитъ, какъ у меня; хотятъ пословъ отпустить, [illegible] меня царское величество отпустить не хочетъ.» Когда Марсе-лисъ уходилъ отъ Вальдемара, то встрѣтилъ его чашникъ ко-ролевичевъ, отвелъ въ садъ и сказалъ: «слышалъ ли ты, ка-кое несчастье вчерашнюю ночь сдѣлалось? хотѣлъ королеви[illegible] изъ Москвы уѣхать самъ и у Тверскихъ воротъ былъ; а зна-ли про это дѣло только я да комнатный дворянинъ, послы про то не знали; королевичь взялъ съ собою запоны дорогія да зо-

...ихъ сколько ему было надобно. Въ Тверскія ворота ихъ ...пропустили; хотѣли они отъ Тверскихъ воротъ воротиться ...дъ и пытаться въ другіе ворота; но стрѣльцы королевича ...ворянина поймали, у королевича шпагу оторвали, били его ... и держали лошадь за узду, тогда королевичь вынулъ ..., узду отрѣзалъ и отъ стрѣльцовъ ушелъ, потому что ...дь подъ нимъ была ученая, слушается его и безъ узды. ...хавши на дворъ, королевичь сказалъ мнѣ, что мысль не ...сь, комнатнаго его дворянина стрѣльцы ухватили, но онъ ...хочетъ его выдать. Сказавши это, королевичь взялъ шпагу ...скороходовъ человѣкъ съ десять, выбѣжалъ изъ двора, и, ...въ, что стрѣльцы ведутъ дворянина, бросился на нихъ, ...лъ того стрѣльца, который велъ дворянина, и выручивъ по...ннаго, возвратился домой.» Марселисъ, выслушавши чан..., пошелъ опять къ королевичу и началъ ему говорить, ...онъ это сдѣлалъ не гораздо; еслибы ему удалось уйти ... Москвы, то онъ, Марселисъ погибъ бы отъ царской опа... ...стали бы подозрѣвать, что онъ зналъ о побѣгѣ. Короле... отвѣчалъ: «большой былъ бы я муракъ, еслибъ объ этомъ ... сказалъ тебѣ или другому кому, кромѣ тѣхъ кого съ со... взялъ.» Марселисъ: «что то подумаетъ царское величе..., когда узнаетъ, что вы такое дѣло дерзостно учинили?» ...левичь: «я царскому величеству приказывалъ, что хочу ... сдѣлать, и кто меня станетъ держать и не пропускать, ... убью. И впередъ буду о томъ думать, какъ бы изъ ...сквы уйти; а если мнѣ это не удастся, то есть у меня ... статья.» Изъ послѣднихъ словъ Марселисъ заключалъ, ... не хочетъ ли королевичь надъ собою чего-нибудь сдѣ...ть, не опился бы смертоносныхъ зельемъ; и, слыша про та...е дѣло, Марселисъ не смѣлъ царскому величеству не из...стить, чтобъ впередъ отъ него въ гнѣвѣ не быть. 12 числа ...нъ королевичь объявилъ боярину князю Сицкому, что онъ хотѣлъ уѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца. Царь, услыхавши объ этомъ признаніи, послалъ сказать посламъ королевскимъ, что и простымъ людямъ такого дѣла дѣлать не

годится, и слышать про него непригоже, а ему царю слышать про это стыдно, и королю Христіану такое дѣло не честно. Послы отвѣчали, что у нихъ съ королевичемъ было улажено ѣхать изъ Москвы явно, днемъ, всѣмъ вмѣстѣ, и еслибы что случилось, то не отъ нихъ, а отъ напраснаго задержанья. Если же королевичь поѣхалъ одинъ, ночью, тайкомъ, то имъ до него дѣла нѣтъ.

13-го Мая королевичь прислалъ царю новую просьбу объ отпускѣ, клянясь, что никогда не перемѣнить вѣры, и слѣдовательно жить ему больше не зачѣмъ. Царь отвѣчалъ ему выговоромъ, что онъ, Вальдемаръ за такую его любовь и ласку отплатилъ такимъ непригожимъ дѣломъ, о которомъ скоро будетъ толкъ у бояръ съ послами королевскими. Королевичь отвѣчалъ, что вина этого дѣла на тѣхъ, которые безъ всякой причины насильство чинятъ, и повторялъ просьбу объ отпускѣ. Призвали пословъ королевскихъ и требовали чтобъ они вмѣстѣ съ королевичемъ дали письмо за своими руками и печатями и поцѣловали крестъ, что дѣло о бракѣ королевича съ обѣихъ сторонъ полагается на судъ Божій, и впередъ царю съ королемъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ, и любви, и въ ссылкѣ на вѣки неподвижно, послѣ чего королевичь и послы будутъ отпущены въ Данію; вѣчному же докончанію быть по договору царя Іоанна съ королемъ Фридрихомъ. Послы отвѣчали: «Если главное дѣло, свадьба королевича, стало, то намъ никакаго другаго дѣла дѣлать и закрѣплять мимо королевскаго наказа нельзя, хотя бы намъ пришлось и десять лѣтъ еще прожить въ Москвѣ». Послѣ этого на нѣсколько просьбъ объ отпускѣ данъ былъ отвѣтъ, что нельзя отпустить безъ обсылки съ королемъ Христіаномъ «и когда король отпишетъ, то мы, великій государь, выразумѣвъ изъ его грамоты, съ вами и дѣлать станемъ, какъ о томъ время покажетъ». Королевичь писалъ, что сосѣдніе государи, Польскій и Шведскій принимаютъ участіе въ его бѣдѣ, не будутъ равнодушно смотрѣть на его плѣнъ; ему отвѣчали: «мы, великій государь, надъ вами съ пріѣзда до сихъ поръ ведемъ честь государственную большую, и вамъ непригоже

было писать, будто вы въ плѣну находитесь, мы отпускать васъ никогда не обѣщались, потому что отецъ вашъ прислалъ васъ къ намъ во всемъ въ нашу государскую волю, и вамъ, несовершa великоначатаго дѣла, какъ ѣхать?»

Прошелъ Май, Іюнь, половина Іюля въ безполезныхъ просьбахъ королевича и пословъ объ отпускѣ, въ безполезныхъ ежедневныхъ увѣщаніяхъ королевичу креститься въ православную христіанскую вѣру, въ безполезныхъ спорахъ о вѣрѣ придворнаго проповѣдника королевичева съ Русскими и Греческими духовными. 19 Іюля Вязенскій воевода, князь Пронскій прислалъ въ Москву священника Григорія изъ села Большаго Покровскаго. Священникъ этотъ объявилъ слѣдующее: 15 Іюля пріѣхалъ изъ-за рубежа въ село Большево сынъ его съ двумя бѣглыми людьми, Тропомъ и Бѣлоусомъ; эти Тропъ и Бѣлоусъ сказали ему, попу Григорью, что были они въ Смоленскѣ и свѣдали про государево дѣло: пришли изъ Москвы отъ королевича Датскаго Смольнянинъ Андрей Босицкій (или Басистой) самъ другъ съ Михайломъ Ивановымъ, и принесли грамоты. Басистовъ по дружбѣ прочиталъ грамоты имъ, Тропу и Бѣлоусу: въ грамотахъ писано къ воеводѣ Смоленскому о томъ, можно ли Андрею Басистову вѣрить, что онъ Датскаго королевича изъ Москвы проведетъ въ Литовскую землю проселочными дорогами. При нихъ, Тропѣ и Бѣлоусѣ въ Смоленскѣ допрашивали мѣщанъ лучшихъ людей, мѣщане воеводѣ сказали и сказку про Басистаго за руками дали, что ему вѣрить можно, и Смоленскій воевода писалъ Датскому королевичу въ Москву, чтобъ онъ Басистову вѣрилъ. Получивши это извѣстіе отъ Вяземскаго воеводы, въ Москвѣ велѣли попу Григорію опознавать Андрея Басистова тайнымъ образомъ, а для того, чтобы Басистовъ не узналъ попа, послѣднему убавили бороды и выстригли усы съ обѣихъ сторонъ. 31 Іюля попъ Григорій поймалъ Басистова и привелъ въ посольскій приказъ. Государь велѣлъ тотчасъ же боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву и думному дьяку Львову Басистова распрашивать и пытать, и на очныя ставки съ попомъ Григорьемъ, съ Тропомъ и Бѣлоусомъ

ставить, чтобъ про такое великое воровское дѣло сыскать до пряма. На житномъ дворѣ Басистова распрашивали и пытали: родомъ сказался онъ изъ Вильны, служилъ козачью службу, а теперь живетъ въ Смоленскѣ и торгуетъ съ мѣщанами, пріѣхалъ въ Москву для своей бѣдности съ табакомъ, а не для того, чтобъ королевича вывести; хотѣлъ онъ вывести ловчаго королевичева, который посулилъ ему за это 50 рублей, но солгалъ, денегъ не далъ, а про королевича онъ ни отъ кого и слова не слыхалъ, и въ умѣ у него того не было, въ томъ его поклепали напрасно. Дали ему двѣ встряски жестокія и пять ударовъ — повинился: хотѣлъ вывесть королевича изъ Москвы въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Смолняниномъ Максимомъ Власовымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже давно и торгуетъ табакомъ; уговаривался онъ вывести королевича съ ловчимъ, сулилъ ему за это ловчій сто рублей, самого же королевича онъ никогда не видалъ; ждалъ онъ королевича недѣли съ три и больше, и ловчій ему отказалъ, что королевичу выѣхать изъ города нельзя. Про табакъ Басистовъ сказалъ, что привезъ въ Москву восемь пудовъ табаку, пудъ продалъ товарищамъ своимъ двоимъ братьямъ Смольнянамъ, взялъ пять рублей, а стоятъ они теперь на полѣ съ версту или съ двѣ отъ Москвы; два пуда табаку у него украли, а пять пудовъ спряталъ на Ходынкѣ въ лѣсу, закопалъ въ землю. Сейчасъ же отправили стрѣльцовъ схватить Литву съ табакомъ, и стрѣльцы привели пять человѣкъ—Смольнянина Максима Власова, товарища Басистова и четверыхъ Дорогобужанъ, прятались они съ табакомъ въ гумнахъ противъ Бутырокъ, въ деревнѣ князя Репнина. Власовъ съ пытки сказалъ, что слышалъ отъ Басистова о выводѣ королевича изъ Москвы, но самъ въ той думѣ не былъ. Послѣ этого Басистова снова допрашивали: «Смоленскій воевода Мадалинскій что̀ съ нимъ приказывалъ, и король съ панами радными про то знаютъ ли?» Басистовъ отвѣчалъ: «Мадалинскій мнѣ приказывалъ, чтобъ я всей рѣчи посполитой сдѣлалъ добро, королевича въ Литву проводилъ, чтобъ впередъ изъ-за королевича Литовскимъ гонцамъ въ Москву не ѣздить черезъ ихъ имѣнія и убытка коро-

...ой казнѣ и имъ не дѣлать; а король и паны-радные о томъ ...ютъ». Потомъ Баснстовъ признался, что съ ловчимъ королевымъ свелъ его Нѣмецъ Захаръ скляничный мастеръ, ...ъ его Данила.

...конца Ноября не произошло ничего особеннаго. 29 числа ...мѣсяца Датскіе послы были у государя и подали присланныя имъ королевскія грамоты: король Христіанъ требовалъ, ...царь исполнилъ все то, въ чемъ обязался по договору, ...ченному Петромъ Марселисомъ; въ противномъ же случаѣ ...отпустилъ съ честію королевича и пословъ. 29 Декабря ...царь лично объявилъ королевичу, что ему безъ перекре...жениться на царевнѣ Иринѣ нельзя, и отпустить его въ ...также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ...царю въ сыновья. Королевичь отвѣчалъ на это письменно ...января 1645 года: «Бьемъ челомъ, чтобъ ваше царское ве...ство долѣе насъ не задерживали; мы самовластнаго госу...сынъ и наши люди всѣ вольные люди, а не холопи; ваше ...ое величество никакъ не скажете, что вамъ насъ и на...людей, какъ холопей можно силою задержать. Если же ...царское величество имѣете такую неподобную мысль, то ...говоримъ свободно и прямо, что легко отъ этого произойти ...стію: и тогда вашему царскому величеству какая будетъ ...предо всею вселенною? Насъ здѣсь не много, мы вамъ ...ть не можемъ силою, но говоримъ одно: про ваше цар...величество у всѣхъ людей можетъ быть заочная рѣчь, ...мы противъ договора и всякаго права сдѣлали то, что ...и Татары только для добраго имени опасаются дѣлать; ...вамъ даемъ явственно разумѣть, что если вы задержите ...насильно, то мы будемъ стараться сами получить себѣ ...боду, хотя бы пришлось при этомъ и животъ свой поло...». Получивши такое письмо, царь велѣлъ сказать Дат...имъ посламъ, чтобъ они королевича унимали, чтобъ онъ мысль ...ю молодую и хотѣнье отложилъ; если же по его мысли учи...ся ему какая-нибудь бѣда, то это будетъ ему не отъ го...ударя и не отъ государевыхъ людей, а самому отъ себя.

Послы отвѣчали: «Думаетъ королевичь обо всемъ этомъ съ своимъ домомъ, съ своими ближними людьми, а не съ нами».

Вступился въ дѣло Польскій посолъ Стемпковскій; началъ уговаривать Вальдемара исполнить царскую волю, стращая, что въ противномъ случаѣ царь можетъ соединиться съ Швеціею противъ Даніи, заточить его королевича въ дальнія страны. Вальдемаръ отвѣчалъ Стемпковскому письменно: «Могу уступить только въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) пусть дѣти мои будутъ крещены по Греческому обычаю; 2) буду стараться посты содержать сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровью моему; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьѣ и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ничего не уступлю. Великій князь грози сколько хочетъ — пусть громомъ и молніею меня изведетъ, пусть сошлетъ меня на конечный рубежъ своего царства, гдѣ я жизнь свою съ плачемъ скончаю — и тутъ отъ вѣры своей не отрекусь; хотя онъ меня распни и умертви: я лучше хочу съ неоскверненною совѣстью честною смертью умереть, чѣмъ жить съ злою совѣстью. Бога избавителя своего въ судьи призываю. А что королю отцу моему будетъ плохо, когда великій князь станетъ помогать Шведамъ противъ него, то до этого мнѣ дѣла нѣтъ, да и не думаю, чтобъ королевство Датское и Норвежское не могли справиться безъ Русской помощи. Эти королевства существовали прежде, чѣмъ Московское государство началось, и стоятъ еще крѣпко. Я готовъ ко всему; пусть дѣлаютъ со мною что хотятъ, только пусть дѣлаютъ поскорѣе».

25-го Іюня Петръ Марселисъ извѣстилъ, что королевичь Вальдемаръ съ 24 числа заболѣлъ болѣзнью сердечною, сердце щемитъ и болитъ, что скушаетъ пищи или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ, и если скорой помощи не подать, то можетъ быть ударъ или огневая болѣзнь, и королевичь можетъ умереть. Но 26 числа постельный сторожъ на королевичевѣ дворѣ Мина Алексѣевъ сказалъ, что 25 числа королевичь кушалъ въ саду; маршалокъ, чашникъ, дворяне и ближніе люди при немъ были

всѣ веселы, ѣли и пили по прежнему; послѣ ужина королевичь гулялъ въ саду долго, а маршалокъ звалъ къ себѣ въ хоромы чашника, дворянъ и ближнихъ людей всѣхъ, подчивалъ ихъ, пили вино и романею, и рейнское и иное питье до втораго часа ночи, были всѣ пьяны, играли въ цымбалы, и доктора онъ, Мина сегодня у королевича на дворѣ не видалъ.

Въ то время, какъ тянулось въ Москвѣ это тяжелое для царя дѣло съ королевичемъ, дурныя вѣсти, вѣсти о самозванцахъ приходили изъ Турціи, изъ Польши. Въ Октябрѣ 1644 года Греческій архимандритъ Амфилохій прислалъ грамоту изъ Царяграда, въ которой извѣщалъ, что въ Августѣ мѣсяцѣ двое Турокъ пріѣхали въ Константинополь съ грамотою къ султану, написанною по Русски и требовали переводчика; имъ указали Амфилохія; но тотъ взявши у нихъ грамоту и взглянувши на ея содержаніе, ушелъ съ нею въ Бруссу и потомъ переслалъ ее въ Москву. Грамота эта, написанная по малороссійски, заключала въ себѣ слѣдующее: «Милостивый и вельможный царь! Смилуйся надо мною, бѣднымъ невольникомъ! ты мнѣ отецъ и мать, потому что не къ кому мнѣ прибѣгнуть другому. Когда я шелъ изъ земли Персидской въ Польскую, то встрѣтились мнѣ твои люди, казну у меня взяли, самого меня схватили, къ тебѣ не везутъ, а запродали Жидамъ. Если ты надо мною смилуешься, то будешь отцомъ и матерью мнѣ грѣшному и бѣдному невольнику, Московскому царевичу; если же по милосердію твоему овладѣю землею Московскою, то будетъ она мнѣ пополамъ съ тобою». Подписано: «князь Иванъ Дмитріевичь, Московской землѣ царевичь, рука власная». Но еще прежде пришли вѣсти изъ Польши о двухъ другихъ самозванцахъ.

Въ 1643 году отправлены были въ Польшу полномочные послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, думный дворянинъ Григорій Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ, по старымъ дѣламъ — о титулѣ и размежеваніи Путивльскихъ земель. Имъ даны были два наказа — явный и тайный. Въ первомъ между прочимъ говорилось: Если паны будутъ говорить, что пріѣзжали въ Московскіе города для торговли Литовскіе купцы, Дорого-

бужане посадскіе люди три человѣка, и ихъ схватили, отослали въ Казань, пытали, въ тюрьмѣ держали долго, потомъ имѣнье у нихъ отняли и выбили за рубежь, — то отвѣчать: «Пойманы эти купцы въ Казанскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Волгѣ съ заповѣднымъ товаромъ, табакомъ, везли они табаку въ понизовые города пудовъ съ 15, сперва ѣхали изъ Дорогобужа мимо Вязьмы воровствомъ тайно и Москву объѣзжали, пронимаясь въ Оку рѣку, а изъ Оки въ Волгу, и ѣхали проселочными дорогами, сказывались торговыми людьми Москвичами, крестьянами князя Черкасскаго и другихъ бояръ, табакъ въ селахъ и деревняхъ всякимъ людямъ продавали, и за то довелись они смертной казни: но государь для короля ихъ пожаловалъ, казнить не велѣлъ, велѣлъ учинить наказанье небольшое и отпустить въ Дорогобужъ, а имѣнья у нихъ никакого не брали. Послѣ того, пріѣзжали въ Нижегородскій уѣздъ и на Балахну тайно же шесть человѣкъ Поляковъ, привезли съ собою шесть возовъ табаку и продавали, а съ остальнымъ табакомъ пойманы, табаку у нихъ взято пудовъ съ 6, а сами высланы въ Москву, но на дорогѣ они убили до смерти троихъ провожатыхъ и пропали безъ вѣсти». О Черкасахъ велѣно сказать прежнее, что въ мирномъ договорѣ не условлено перебѣжчиковъ выдавать; Черкасы въ царскаго величества сторонѣ побыли немногое время, много бѣдъ надѣлали и опять въ королевскую сторону отошли.

Въ тайномъ же наказѣ велѣно было сказать панамъ: «Великому государю стало подлинно извѣстно, что въ 1639 году въ Генварѣ пришелъ изъ Черкасъ въ Польшу въ Самборщину къ попу воръ лѣтъ 30 или немного больше, и сталъ у попа жить въ работникахъ и жилъ съ недѣлю; попъ увидалъ у него на спинѣ гербъ, а по Русски пятно, и отвелъ его въ монастырь къ архимандриту, архимандритъ же отвелъ его къ подскарбію коронному Даниловичу; подскарбій пятно осматривалъ и вора допрашивалъ, воръ назвался княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя Василія Ивановича, и въ доказательство, что онъ царскій сынъ пятно у него на спинѣ;

брали его въ плѣнъ Черкасы въ то время какъ царя Василія изъ Москвы повезли въ Литву, и съ тѣхъ поръ жилъ онъ у Черкасъ. Подскарбій держалъ его у себя и сказывалъ про него и про его признаки шляхтѣ и всякихъ чиновъ людямъ; шляхта и вся рѣчь посполитая приказали подскарбію его беречь, на кормъ и на платье приказали ему давать изъ скарбу, подскарбій отослалъ вора въ монастырь для наученья русской грамотѣ и языку, и теперь тотъ воръ въ Польшѣ. Да государь же вашъ Владиславъ король больше 15 лѣтъ держитъ въ Брестѣ Литовскомъ въ іезуитскомъ монастырѣ вора, которому лѣтъ 30, на спинѣ у него между плечами также горбъ и сказывается разстригинъ сынъ». Если паны скажутъ, что воръ, который назывался Шуйскимъ, уѣхалъ къ Волохамъ, а Волошскій государь прислалъ его голову въ Москву, то отвѣчать: «Неправда, царскому величеству извѣстно, что воръ у нихъ въ Польшѣ, и они велѣли бы его сыскать и имъ посламъ отдали, или казнили бы смертію».

Дѣла о титулѣ и рубежахъ были покончены: уговорились въ порубежныхъ ссылкахъ писать именованье обоихъ государей на короткихъ титулахъ безъ вычисленія городовъ; касательно межеваго дѣла, два спорные города — Гадичь и Сарскій отошли къ Польшѣ, за это Поляки уступили Москвѣ Трубчевскъ съ уѣздомъ и волостями, село Крупецъ въ уѣздѣ Новгорода Сѣверскаго и другія села и деревни по лѣвой сторонѣ рѣки Клевени, которые вдались въ Путивльскій уѣздъ; уступлены были также Москвѣ городище Недригайловское, Городецкое, Каменное, Ахтырское и Ольшанское; селу Олешковичамъ съ деревнями положено быть къ Комарицкой волости. Но исполненіе тайнаго наказа встрѣтило неодолимыя затрудненія: паны объявили съ самаго начала, что ни королю, ни имъ ничего о самозванцахъ неизвѣстно, но что король послалъ объ нихъ сыскивать. Чрезъ нѣсколько времени объявили, что сыскано: «дѣйствительно приходилъ къ подскарбію Даниловичу человѣкъ и сказывалъ про себя, что зовутъ его княземъ Семеномъ Васильевичъ Шуйскимъ, но подскарбій, зная, что этотъ воръ вы-

гается въ государскаго сына, велѣлъ его бить постромками и отъ себя его сбилъ, а куда послѣ того воръ этотъ дѣлся, мы рѣшительно не знаемъ. О другомъ же ворѣ панъ Осинскій намъ сказалъ, что у него такой человѣкъ есть и живетъ у него въ писаряхъ, этого человѣка въ шутку называютъ царевичемъ Московскимъ, а онъ слыша про себя такія рѣчи, хочетъ постричься, самъ же онъ себя царевичемъ никогда не называетъ; королевское величество и мы, паны радные такого баломута за царевича не держимъ; если бы мы его считали царевичемъ, то мы бы его не допустили жить у Осинскаго въ писаряхъ и ему служить». Послы отвѣчали: «Сильно насъ удивляетъ, что вы паны радные, отринувъ Божій страхъ и людской стыдъ, забывъ посольскій договоръ, вора укрываете. Намъ подлинно извѣстно, что по сеймовому уложенью, этому вору изъ королевской казны, кормъ и жалованье давать велѣно; и теперь, какъ мы ѣхали въ дорогѣ, въ Брестѣ Литовскомъ наши люди этого вора видѣли: онъ не только что называется государскимъ сыномъ, но и во всѣхъ своихъ письмахъ пишется царевичемъ Московскимъ, писемъ его руки у насъ много есть». Паны отвѣчали, что за самозванцемъ послано, и онъ будетъ поставленъ передъ послами. Король въ это время переѣхалъ изъ Кракова въ Варшаву, послы отправились за нимъ и тутъ опять напомнили панамъ о ворахъ, прибавивъ, что въ Краковѣ къ нимъ приходили королевскіе дворяне и говорили: «Если у васъ пословъ съ панами радными въ государственныхъ дѣлахъ соглашенія не будетъ, то у насъ Дмитріевичь готовъ съ Запорожскими Черкасами на войну». Пріѣхалъ къ посламъ коронный канцлеръ Оссолинскій и говорилъ: «Паны радные по вашимъ рѣчамъ королевскому величеству били челомъ, чтобъ выдалъ вамъ мужика, который называется царевичемъ; король намъ сказалъ: для братской дружбы и любви великаго государя Московскаго онъ не постоялъ бы и не за такого мужика, если бы что не къ добру и не къ славѣ великаго государя видѣлъ; но мужикъ этотъ не виноватъ ни въ какомъ злѣ и не царевичь, онъ изъ Подляшья простаго отца сынъ, а

вскормилъ его Полякъ Бѣлинскій и назвалъ царевичемъ Димитріевымъ сыномъ будто бы родился отъ Марины Мнишекъ, хотѣлъ онъ Бѣлинскій выслужиться и ставилъ его передъ королемъ Сигизмундомъ, король Сигизмундъ велѣлъ его отослать къ Александру Гонсѣвскому, а Гонсѣвскій далъ его учить грамотѣ и велѣлъ его во всемъ покоить для причины, умышляя надъ Московскимъ государствомъ, потому что между обоими государствами была тогда война; а какъ вѣчное докончаніе учинилось, то этого мужика ни во что поставили и царевичемъ его не называютъ, скитается онъ безъ пріюта, служитъ у шляхты, гдѣ бы только ему сыту быть, а объ Московскомъ государствѣ и не думаетъ, родомъ онъ Полякъ, а не Русскій и хочетъ быть ксендзомъ поскорѣе; а выдать его вамъ не за что и не пристойно; король и мы паны радные дадимъ вамъ въ томъ на себя запись какую хотите, а неповиннаго человѣка по нашему праву выдать вамъ непристойно: передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыдно; теперь этотъ мужикъ приведенъ въ Варшаву и король велѣлъ его для допроса поставить передъ вами». Послы отвѣчали: «Намъ въ великое подивленье, что такое непригожее и злое дѣло со стороны вашего государя начинается, и если король и вы паны рада этого вора намъ не отдадите, то намъ съ вами никакихъ дѣлъ кончать нельзя». Самозванецъ объявилъ въ допросѣ, что онъ не царевичь и царевичемъ себя не называетъ, а зовутъ его Иваномъ Дмитріевымъ Лубою: отецъ его, Дмитрій Луба былъ шляхтичь въ Подляшьи, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ пошелъ въ Москву при войскѣ въ смутное время и былъ тамъ убитъ; сироту взялъ Бѣлинскій и привезъ въ Польшу выдавая его за сына Лжедимитрія и Марины, котораго будто бы сама мать отдала ему Бѣлинскому на сохраненіе. Когда мальчикъ выросъ, то Бѣлинскій, по совѣту остальной шляхты, объявилъ объ немъ королю и панамъ раднымъ на сеймѣ. Сигизмундъ и паны отдали мальчика на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по 6,000 золотыхъ на содержаніе, а Сапѣга отдалъ его въ Брестѣ Литовскомъ въ Семеновскій монастырь игумену Аѳанасію учить-

ея по Русски, по Польски и по Латынѣ, и мальчикъ пробылъ у игумена семь лѣтъ. Послѣ, во время мира съ Москвою жалованье Лубѣ уменьшили до ста золотыхъ въ годъ, а когда заключено было съ Москвою вѣчное докончаніе, то объ немъ со всѣмъ забыли. Несчастный Луба обратился съ вопросомъ къ Бѣлинскому: чей же онъ подлинно сынъ, и по какой причинѣ называли его царевичемъ Московскимъ? Бѣлинскій отвѣчалъ, что онъ сынъ шляхтича Лубы, а называли его царевичемъ Московскимъ для всякой причины потому: какъ на Москвѣ Маринина сына хотѣли повѣсить, то онъ Бѣлинскій хотѣлъ вмѣсто Маринина сына на повѣшенье дать его Лубу, а Маринина сына хотѣлъ выкрасть; но на другой же день Маринина сына повѣсили, выкрасть его было нельзя, и потому, вмѣсто Маринина сына, называли его царевичемъ.

Послы на это объявленіе сказали панамъ: «Воръ говоритъ, что царевичемъ себя не называетъ; но онъ говоритъ неправду, избывая своего воровства, у насъ есть письма собственной его руки, гдѣ онъ себя пишетъ царевичемъ». При этомъ послы показали панамъ письмо, которое далъ имъ въ Краковѣ Брестскій игуменъ Аѳанасій, воспитатель Лубы; канцлеръ Оссолинскій показалъ письмо Лубѣ, и тотъ объявилъ, что это его рука. Канцлеръ, прочтя письмо, сказалъ: «Здѣсь этотъ дѣтина приписалъ своею рукою имя свое: Иванъ Фаустинъ Дмитровичь, а царевичемъ себя не называлъ». Послы отвѣчали: «Въ этой грамоткѣ написано, что у царевича на обѣдѣ писано въ его царевичевомъ жилищѣ; ваши пановъ радныхъ неправда и умышленье явны: что и написано, и то укрываете, ваше умышленье по всему видѣть можно и неправды ваши явно васъ обличаютъ, а этому вору и безымянному безъ королевскаго повелѣнья и безъ вѣдома вашего, пановъ радныхъ и всей рѣчи посполитой, какъ было посмѣть называться и писаться такимъ высокимъ званіемъ, царевичемъ?» Паны говорили: «Еслибъ ему писаться и называться царевичемъ Московскимъ, то онъ бы писался не Латинскимъ именемъ; а что написано въ жилищѣ царевичевѣ или на обѣдѣ, то часто бываетъ, что урочища,

мѣста и веси называются: царево или королево». Послы: «обидно вамъ это говорить, такого вора укрывать и за него стоять». Паны: «мы за нимъ никакого воровства не знаемъ, ни Московскому государству не умышляемъ, царевичемъ его не признаемъ, а отдать его вамъ никакъ нельзя, потому что онъ Польскаго народа шляхтичь». Послы повторяли прежнее; паны говорили, что они на сеймѣ подтвердятъ и въ конституціи напечатаютъ, что впередъ отъ Лубы и ни отъ кого другого подъ Московское государство подъискиванья не будетъ. Послы отвѣчали на это: «Хотя отъ того вора въ Польшѣ и Литвѣ заводу и не будетъ, но онъ для воровства куда нибудь отъѣдетъ и приберетъ къ себѣ воровъ Черкасъ своевольниковъ, или въ иное государство отъѣдетъ и смуту учинитъ: тогда на комъ будетъ взять?» Паны отвѣчали: «мы дадимъ укрѣпленье за своими руками и печатями, что ничего этого не будетъ». Послы: «этому вѣрить нельзя, потому что и теперь этотъ воровской умыселъ объявляется: когда мы были въ Краковѣ, то приходили королевскіе дворяне и говорили: если у васъ съ панами сдѣлки не будетъ, то у насъ на Московское государство Димитровичь съ Черкасами готовъ; воровской заводъ и умышленье тутъ означились явно». Паны: «Король велѣлъ своимъ дворянамъ за такія рѣчи по сыску наказанье учинить». Послы повторяли свое; паны говорили съ большимъ шумомъ и послѣ многихъ споровъ и разговоровъ отказали впрямь, что имъ мимо своихъ правъ шляхтича отнюдь выдать нельзя.

На слѣдующемъ свиданіи паны сказали: «Вы намъ говорили, будто у Лубы на спинѣ между плечами воровское пятно; если у него такой знакъ есть, что онъ царскій сынъ, то мы за него не постоимъ, отдадимъ его вамъ». Послы: «Есть ли у этого вора пятно или нѣтъ—мы не знаемъ, мы слышали объ этомъ отъ многихъ вашихъ людей.» Паны: «У него на спинѣ никакого пятна нѣтъ и не бывало.» Послы: «Хотя пятна и нѣтъ, однако онъ называется царевичемъ, и за это вамъ надобно казнить его смертію.» Паны: «Богъ видитъ, что этотъ

шляхтичъ царевичемъ Московскимъ себя не называлъ; убей нас Богъ душою и тѣломъ, если мы неправду говоримъ.» Послы: «Намъ это сомнительно, и вы бы этого вора велѣли казнить смертью, или послали его къ нашему государю съ королевскимъ дворяниномъ.» Наконецъ рѣшили, что послы отправятъ въ Москву гонца за указомъ; при этомъ паны говорили, чтобъ послы написали своему государю о невинности Лубы, который будетъ поставленъ въ ксёнзы и за нимъ будутъ наблюдать. Послы отвѣчали: «Намъ этого сдѣлать нельзя потому: хотя онъ будетъ и въ духовномъ чинѣ, но если его теперь намъ не отдадите, то ему и въ ксёнзахъ будучи воровать можно: Гришка Отрепьевъ также былъ пострижен; только теперь такіе воры царскому величеству не страшны, никто имъ въ Московскомъ государствѣ не повѣритъ, а мы вамъ напоминаемъ, что вору духовный чинъ не смиренье, кромѣ смерти усмирить его нечѣмъ.» Паны отвѣчали: «Король приказалъ этого Лубу сослать за приставомъ въ крѣпкій городъ Маріенбургъ въ башню, года на три или на четыре или на сколько государю вашему годно, и какъ онъ эти урочные годы отсидитъ и сдѣлается ксёнзомъ, то ему ничего дурнаго помыслить будетъ нельзя, и мы вамъ дадимъ укрѣпленье за руками и печатями.» Послѣ этихъ разговоровъ пріѣхалъ къ посламъ Референдарь великаго княжества Литовскаго съ объявленіемъ, что король посылаетъ Лубу въ Москву съ своими великими послами, только чтобы государь казнить его не велѣлъ, и отослалъ назадъ съ тѣми же послами. Князь Львовъ потребовалъ отъ пановъ укрѣпленья за ихъ руками и печатями, что король вора къ царю съ послами своими непремѣнно пришлетъ, а если вскорѣ не пришлетъ, то заключенный теперь договоръ не въ приговоръ и ножи—не въ ножу. Укрѣпленье было дано и послы отправились въ Москву, гдѣ были очень довольны ихъ поведеніемъ: князь Львовъ былъ пожалованъ дворечествомъ съ путемъ, думный дворянинъ Пушкинъ окольничествомъ, дьякъ Волошениновъ думою.

Въ Ноябрѣ 1644 года пріѣхалъ обѣщанный великій посолъ

королевскій Гаврила Стемпковскій, каштелянъ Брацлавскій, съ товарищами. Послы были помѣщены на дворахъ князей Пожарскихъ—Петра и Ивана: здѣсь въ двухъ палатахъ велѣно обить стѣны и лавки суквами червчатыми, то же сдѣлать въ деревянной избѣ подлѣ палатъ, да на столъ дано сукно доброе. Стемпковскій привезъ Лубу; король въ грамотѣ своей просилъ царя отпустить несчастнаго шляхтича назадъ съ Стемпковскимъ же; но когда начались переговоры, то бояре объявили послу, чтобъ онъ отдалъ вора царскому величеству, который велитъ объ немъ учинить по своему государскому разсмотрѣнью. Посолъ отвѣчалъ, что шляхтича природнаго ему отдать нельзя, потому что отъ короля не приказано. Бояре донесли объ этомъ отвѣтѣ государю, и тотъ велѣлъ сказать Стемпковскому, что если Луба не будетъ отданъ, то онъ, царь боярамъ и думнымъ своимъ людямъ ниокакихъ дѣлахъ съ нимъ посломъ говорить и его посольскихъ рѣчей слушать не велитъ. Посолъ не отдалъ и требовалъ, чтобъ позволено было послать гонца на сеймъ за наказомъ; государь согласился и отправилъ своего гонца къ королю съ грамотою, гдѣ писалъ, что Поляки до сихъ поръ не отдаютъ Трубчевска и другихъ уступленныхъ ими мѣстъ, и что великій посолъ Стемпковскій не отдаетъ Лубу, бьетъ челомъ, чтобъ намъ этого вора не казнить; но намъ, великому государю, не принявъ этого вора ни жаловать, ни казнить некого: такъ вамъ бы велѣть этого вора намъ отдать, и какъ вы его отдать велите, то мы объ немъ по вашей грамотѣ и прошенью велимъ учинить по нашему государскому разсмотрѣнію.» Король отвѣчалъ, что немедленно посылаетъ своихъ дворянъ для отдачи Трубчевска и прочихъ мѣстъ. «А про шляхетнаго Яна Фаустина Лубу объявляемъ, что это человѣкъ невинный, никакого лиха и никакой смуты не чинилъ и чинить не будетъ, но монашескаго духовнаго чина желаетъ, и не для того онъ при нашемъ послѣ къ вамъ посланъ, чтобъ его выдать, а только для того, чтобъ невинность его и ни къ какой хит-

рости неспособность передъ вашимъ царскимъ величествомъ была обнаружена; вамъ, брату нашему, извѣстно, что въ нашихъ великихъ государствахъ нельзя и не ведется природнаго шляхтича выдавать, а если окажется виноватымъ, то его тутъ же казнятъ; но на Лубѣ никакой вины не объявилось, и вамъ бы при великомъ послѣ нашемъ этого Лубу поздорову отпустить не задерживая.» Гонецъ привезъ извѣстіе, что игуменъ, который объявилъ про вора, сидитъ въ Варшавѣ въ оковахъ: дожидаются, что сдѣлаютъ въ Москвѣ надъ Лубою.

Дѣло затянулось слишкомъ на полгода; рѣшительнаго ничего не было. Приставъ выговаривалъ Стемпковскому, что пріѣхавшіе съ нимъ Литовскіе купцы съ виномъ и табакомъ ходятъ по улицамъ ввечеру поздно и поночамъ пьяные: царскаго величества всякихъ людей безчестятъ, бранятъ, саблями сѣкутъ, шпагами колютъ. Посолъ въ отвѣтъ просилъ, чтобъ купцамъ позволено было торговать виномъ и табакомъ, потому что въ договорѣ написано торговать всякими товарами. Приставъ отвѣчалъ: «Стыдно такіе товары товарами называть и въ перемирныхъ записяхъ писать; Литовскіе купцы сами знаютъ, что по царскому указу за такіе товары всякимъ людямъ чинятъ жестокое наказанье, носы рѣжутъ, кнутомъ бьютъ безъ пощады и въ тюрьмы сажаютъ.» Посолъ жаловался: «хорошо было у насъ царскаго величества посламъ, князю Львову съ товарищами: сенаторы ихъ почитали, къ себѣ на пиры звали и дарили, жили они въ Польшѣ какъ у родныхъ братьевъ, на поле тѣшиться ѣздили и дома у себя тѣшились; а мнѣ здѣсь, великому послу только позоръ безчестье, живу въ заперти, никуда выѣхать не пускаютъ, людей моихъ не пускаютъ на дворъ къ королевичу Датскому.» Приставы отвѣчали, что царское величество боленъ, за болѣзнію мало изъ своихъ царскихъ покоевъ выходитъ, а какъ его величеству Богъ дастъ облегченье, то думный дьякъ станетъ ему докладывать о всѣхъ дѣлахъ.

Но облегченія не было: неудача въ устройствѣ судьбы дочери нанесла тяжелый ударъ мягкой природѣ царя Михаила, пораженнаго еще въ 1639 году семейнымъ несчастіемъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ потерялъ двоихъ сыновей: царевича Ивана и Василія Михайловичей. Въ Апрѣлѣ 1645 года доктора: Венделинъ Сибелиста, Іоганъ Бѣлоу и Артманъ Граманъ смотрѣли воду и нашли, что желудокъ, печень, селезенка, по причинѣ накопившихся въ нихъ слизей, лишены природной теплоты, и отъ того понемногу кровь водянѣетъ и холодъ бываетъ; отъ того же цынга и другія мокроты родятся. Начали лѣчить государя составнымъ ренскимъ виномъ, приправляя его разными травами и кореньями, чтобъ производить небольшое очищеніе, предписали умѣренность въ пищѣ и питьѣ, запретили ужинать, пить холодныя и кислыя питья. Лѣкарство не помогло; 14 Мая прописанъ другой чистительный составъ; 26 Мая доктора опять смотрѣли воду: оказалась блѣдна, потому что желудокъ, печень и селезенка безсильны отъ многаго сидѣнья, отъ холодныхъ напитковъ и отъ меланхоліи, сирѣчь кручины; опять прописали пургацію, послѣ которой давали составной сахаръ, велѣли мазать желудокъ бальзамомъ; 5 Іюня составили порошокъ отъ головной боли; 12 Іюля, въ свои именины (Михаила Малеина) царь пошелъ къ заутрени; но въ церкви сдѣлался съ нимъ припадокъ, и его принесли уже въ царскія хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась, онъ началъ стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велѣлъ призвать царицу и сына, шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича съ дядькою его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою, благословилъ сына на царство, при чемъ сказалъ Морозову: «Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокой-

ствѣ тринадцать лѣтъ, и соблюлъ его какъ зеницу ока: такъ и теперь служи.» Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ исповѣдался, пріобщился св. таинъ, послѣ чего, въ началѣ третьяго часа ночи скончался.[10] Кромѣ сына Михаилъ оставилъ еще трехъ дочерей, Ирину, Анну и Татьяну.

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Значеніе новаго царя. Слѣдствія смутнаго времени для вельможества Московскаго. Мѣстничество. Судьба Годуновыхъ, Шуйскаго, Трубецкаго, Ляпуновыхъ, Пожарскаго, Мининыхъ, Томилы Луговскаго, Грамотина. Устройство военное. Состояніе городовъ; торговля и промышленность. Состояніе сельскаго народонаселенія. Распространеніе Русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи. Состояніе церкви. Законодателство. Состояніе правосудія. Народное право. Просвѣщеніе и литтература. Путешествіе Олеарія.

Смутное время окончилось избраніемъ царя, и престолъ молодаго Михаила былъ поддержанъ вслѣдствіе того, что люди Московскаго государства наказались, былъ поддержанъ вслѣдствіе стремленія большинства, стремленія земскихъ людей возстановить нарядъ, нарушенный стремленіями меньшинства, возстановить все по-прежнему, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ. Понятно, что при такомъ стремленіи большинства, стремленія слабаго меньшинства къ чему-нибудь дру-

гому не могли быть успѣшны. Есть извѣстіе, что бояре взяли съ новаго царя такую же запись, какую далъ Шуйскій, т. е. «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ.» Другое извѣстіе говоритъ, что Михаилъ обязался не казнить вельможъ смертію, а наказывать только заточеніемъ. Но судьба Шеина противорѣчитъ этому извѣстію; а судьба родныхъ Шеина противорѣчитъ и первому извѣстію. Значитъ, если и была взята запись, то имѣла силу только въ началѣ царствованія. Въ 1625 году царь извѣщалъ воеводъ: «По нашему указу сдѣлана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было несполна, а нынѣ прибавлено на печати въ подписи: Самодержецъ; а что у прежней нашей печати были промежь главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новой печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла корона.» Касательно отношенія бояръ къ царю и къ остальнымъ частямъ Московскаго народонаселенія въ началѣ царствованія Михаилова любопытно дѣло о бѣгствѣ знаменитаго Ѳедора Андронова и о поимкѣ его. 14 Марта 1613 года князь Ѳедоръ Ивановичь Волконскій, въ домѣ котораго содержался Андроновъ, далъ знать боярамъ, что 13 числа ночью колодникъ отъ него ушелъ. Бояре тотчасъ разослали ловить его, и Андроновъ былъ пойманъ крестьянами и козаками на Яузѣ за Калининымъ вражкомъ отъ Москвы за семь верстъ. Донося объ этомъ происшествіи царю, бояре пишутъ: «А казнить его (Андронова) дворяне, атаманы, козаки и всякіе люди отговорили, потому что о его побѣгѣ писано во всѣ города, и теперь про того измѣнника пишемъ грамоты во всѣ города, что его поймали, и про него бы во всѣхъ городахъ было вѣдомо и сомнѣнья бы нигдѣ не было; а какъ всѣмъ людямъ про того измѣнника объявимъ, и его, государь, вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ и черные люди объ немъ приговорятъ.» Схваченъ былъ Московскій торговый человѣкъ Григорій Фонарникъ, который бывалъ у Андронова во время его заточенія и ѣздилъ

по городамъ собирать для него деньги. Григорій объявилъ, что эти деньги Андроновъ велѣлъ къ себѣ привезти на постриженье; черезъ того же Григорья Андроновъ приказывалъ къ князю Θедору Волконскому, чтобъ тотъ упросилъ бояръ позволить ему постричься въ Соловкахъ. Князь Волконскій отвѣчалъ, что это дѣло не его, въ томъ воленъ Богъ да государь да бояре, а когда онъ Θедька Андроновъ Москву раззорялъ, то въ тѣ поры постричься не хотѣлъ. [11]

Послѣ этого ни въ чемъ, ни въ какихъ формахъ и выраженіяхъ мы не замѣчаемъ перемѣнъ въ понятіяхъ о значеніи великаго государя: такъ мы видимъ, что послы по прежнему противополагаютъ значеніе государя въ Московскомъ государствѣ значенію, какое имѣли короли въ Польшѣ; соборы созываются очень часто царемъ Михаиломъ, ибо это явленіе было необходимо по тогдашнему состоянію общества: государственныя средства были истощены въ смутное время; государство было очищено отъ враговъ вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія силъ народныхъ; но это очищеніе не было окончательнымъ, ибо ни внѣшніе ни внутренніе враги не оставляли своихъ притязаній, напряженіе силъ по этому должно было продолжаться, новый царь прямо требуетъ этого. требуетъ, какъ исполненія обѣщанія поддерживать престолъ, содѣйствовать избранному царю въ окончательномъ очищеніи и успокоеніи государства: такъ, по избраніи своемъ, Михаилъ не хочетъ идти въ Москву до тѣхъ поръ, пока соборъ исполнитъ свое обѣщаніе, прекратитъ разбои по дорогамъ и въ городахъ. Но на этихъ частыхъ соборахъ мы не видимъ также никакой перемѣны въ отношеніяхъ земли къ государю. Могущественное большинство, значитъ, смотрѣло попрежнему на значеніе царя, и слабое меньшинство должно было сообразоваться съ этимъ взглядомъ.

Меньшинство дѣйствительно было слабо. Наслѣдственной аристократіи, высшаго сословія не было, были чины: бояре, окольничіе, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе. При отсутствіи сословнаго интереса господствовалъ одинъ интересъ родовой, который, въ

соединеніи съ чиновнымъ началомъ породилъ мѣстничество. Все вниманіе чиновнаго человѣка сосредоточено было на томъ, чтобы при чиновномъ распорядкѣ не унизить своего рода. Но понятно, что при такомъ стремленіи поддерживать только достоинство своего рода, не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какіе общіе интересы между людьми, которые при первомъ назначеніи къ царскому столу или береговой службѣ перессорпвались между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, ибо какой-то его родичь когда-то былъ выше какого-то родича его соперника? мы видѣли, что князь Иванъ Михайловичь Воротынскій, высчитывая, по наказу, неправды короля Сигизмунда, долженъ былъ сказать, что король посажалъ на важныя мѣста въ Московскомъ управленіи людей недостойныхъ, худородныхъ, и въ числѣ послѣднихъ упомянулъ двоихъ князей: такъ князь нечиновный въ глазахъ князя чиновнаго былъ человѣкъ худородный.

Въ силу мѣстничества, на верху чиновной лѣствицы постоянно являлись однѣ и тѣже фамиліи: «бывали на насъ опалы и при прежнихъ царяхъ, говоритъ тотъ же Воротынскій Польскимъ коммиссарамъ, но правительства у насъ не отнимали.» Дѣйствительно и Грозный, заподозрѣвая, опаляясь безпрестанно на вельможъ своихъ, окруживъ себя опричниною, не отнялъ у бояръ земскаго управленія. Бояре, оставшіеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи даже на тѣхъ, которые пережили опалы Іоанна III и сына его Василія: у этихъ было еще въ свѣжей памяти прежнее положеніе князей и дружины; они помнили, что еще Іоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его Василій, поведеніе котораго поэтому представлялось чѣмъ-то новымъ, еще случайнымъ; но поведеніе Грознаго отняло послѣднія надежды, сломило всѣ притязанія, всякое сопротивленіе. Иные, съ инымъ духомъ вышли поэтому бояре изъ тяжелаго испытанія; но все еще у

нихъ оставалась старина: несмотря на опалы, правительствъ съ нихъ не снимали. Понятно, какое важное значеніе должны были пріобрѣсть фамиліи, которыя постоянно находились у правительственнаго дѣла, всякую думу вѣдали, какъ они сами выражались: при отсутствіи просвѣщенія подобная практика замѣняла все; знаніе обычая, преданія, при исключительномъ господствѣ обычая и преданія, такое знаніе было верховною государственною мудростію, и люди, которые сами, которыхъ отцы и дѣды думу вѣдали, казались ниже стоящимъ, непосвященнымъ, столпами государства, особенно же тѣ изъ нихъ, которые еще при этомъ отличались умомъ и дѣятельностію. Мы видѣли, какъ мелкочиновный по тогдашнему человѣкъ, стольникъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій говорилъ о великочиновномъ человѣкѣ, бояринѣ князѣ Василіѣ Васильевичѣ Голицынѣ: «Еслибы теперь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичь, то за него бы вся земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся.» Почему же князь Голицынъ могъ казаться такъ высокъ знаменитому воеводѣ освободителю? Самъ Голицынъ объясняетъ намъ дѣло: «насъ изъ думы не высылывали, мы всякую думу вѣдали», говоритъ онъ.

Но Голицынъ не возвратился изъ неволи Литовской; братъ его Андрей погибъ, отстаивая честь думы, оскверненной присутствіемъ Ѳедьки Андронова съ товарищи; оба они сошли со сцены въ слѣдствіе событій смутнаго времени, которое имѣетъ важное значеніе въ судьбахъ древней Московской знати. Такая буря не могла пройдти безъ того, чтобъ не растрясти многаго; особенно сильно было потрясеніе, когда послѣ гибели перваго Лжедимитрія началась усобица между двумя царями— царемъ Московскимъ, Шуйскимъ, и царемъ Таборскимъ или Тушинскимъ, вторымъ самозванцемъ: послѣдній, чтобъ имѣть средства бороться съ Шуйскимъ, чтобъ имѣть и дворъ, и думу и войско, обратился къ людямъ, которые не могли быть при дворѣ, въ думѣ, въ войскѣ Московскаго царя, или, по крайней мѣрѣ, не могли получить въ нихъ важнаго значенія;

Тушинскій самозванецъ и воеводы его возстановляли не одни самые низшіе слои народонаселенія противъ высшихъ, предлагая первымъ мѣста послѣднихъ; сильное броженіе поднялось во всѣхъ сферахъ: все что только хотѣло какими бы то ни было средствами выдвинуться впередъ, получить чины высшіе, какихъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей получить было нельзя, все это бросилось въ Тушино, начиная отъ князей, которые изъ стольниковъ или окольничихъ хотѣли быть поскорѣе боярами, до людей изъ черни, которые хотѣли быть дьяками и думными дворянами, и всѣ эти люди получили желаемое. Послѣ Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйскаго, бояре, чтобъ не подчиниться холопскому царю, второму Лжедимитрію, провозгласили царемъ королевича Польскаго; но Тушинскіе выскочки уже прежде забѣжали къ королю, и готовые на все, чтобы только удержать пріобрѣтенное въ Тушинѣ положеніе, присягнули самому королю вмѣсто королевича, обязались хлопотать въ Москвѣ въ пользу Сигизмунда, и вотъ бояре, которые готовы были на все, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистнаго Тушина, съ ужасомъ увидали, какъ Тушинцы ворвались къ нимъ въ думу подъ прикрытіемъ Поляка Гонсѣвскаго, какъ торговый мужикъ Ѳедька Андроновъ засѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Это была уже смерть боярамъ, по ихъ собственнымъ словамъ; но дѣлать было нечего, они были въ плѣну у Поляковъ; кто изъ нихъ поднималъ голосъ, того сажали за приставовъ, какъ посадили Андрея Голицына и Воротынскаго. А между тѣмъ земля, обманутая королемъ, поднималась во имя православія; за неимѣніемъ столповъ, земля должна была обратиться къ людямъ незначительнымъ, и вотъ опять пошли впередъ малочиновные люди. Начальниками перваго возстанія были: Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ, который воспользовался смутнымъ временемъ, чтобъ выдвинуться впередъ, Ляпуновъ, враждебно относившійся къ боярамъ и вообще отецкимъ дѣтямъ, а подлѣ Ляпунова Тушинскіе бояре, князь Трубецкой и козакъ Заруцкій. «Какъ такимъ людямъ, Трубецкому и Заруцкому

государствомъ управлять? они и своими дѣлами управлять не могутъ», писали бояре изъ Москвы по областямъ. Русскіе люди были согласны въ этомъ съ боярами, но никакъ не хотѣли согласиться въ томъ, что надобно держаться Владислава, т. е. дожидаться, пока придетъ самъ старый король въ Москву съ іезуитами, и выставили второе ополченіе, главный воевода котораго былъ членъ захудалаго княжескаго рода, малочиновный человѣкъ, стольникъ Пожарскій, а подлѣ него мясникъ Мининъ.

Ополченіе успѣло въ своемъ дѣлѣ; большинство, истомленное смутами, громко требовало, чтобъ все было по-старому; старина была дѣйствительно возстановлена, но не вполнѣ, ибо въ народѣ историческомъ никакое событіе не проходитъ безслѣдно, не подѣйствовавъ на ту или другую часть общественнаго организма. Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе, изгибли самые важные, самые энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ на верху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе. Такъ смутное время доканчивало то дѣло, которое коренилось въ первоначальныхъ отношеніяхъ государственныхъ органовъ при самомъ началѣ исторіи, и ясно вскрылось въ половинѣ XV-го вѣка, когда сложилось Московское государство. Въ это время княжескіе и старые вельможескіе роды, обступившіе престолъ собирателя земли, государя всея Руси, не принесли съ собою средствъ для поддержанія своей самостоятельности. Это не были богатые наслѣдственные владѣльцы цѣлыхъ областей и городовъ, которые бы могли дать средства къ жизни многочисленнымъ подручникамъ, удѣляя имъ земельные участки, содержа ихъ на жалованьѣ съ зависимостію отъ себя. Князья отъ старинныхъ княжествъ своихъ принесли только родовыя прозванія; отчины же ихъ составлялись изъ прежней частной

собственности князей, которая дробилась все болѣе и болѣе, въ слѣдствіе сильнаго расположенія родовъ и отсутствія майората, умалялась въ слѣдствіе обычая отдавать отчины въ монастыри на поминъ души. Одинъ только великій князь, государь всея Руси имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромное количество земли, раздавая которое въ помѣстья, онъ могъ создать себѣ многочисленное войско, вполнѣ отъ него зависѣвшее. Умноженіе и поддержаніе этого войска, доставленіе ему возможности быть всегда готовымъ становится главнымъ интересомъ государства, и мы видѣли, какое вліяніе имѣлъ этотъ интересъ на земледѣльческое народонаселеніе въ концѣ XVI вѣка. Для служилыхъ людей, для этой военной массы, для этого большинства интересъ помѣстья былъ интересомъ исключительнымъ, и ему государство поспѣшило удовлетворить. У людей высшихъ чиновъ были другіе интересы, и послѣ долгой и тяжелой борьбы, казалось этимъ интересамъ ихъ будетъ удовлетвореніе, когда Шуйскій далъ извѣстную запись. Но наступила смута; поднялись козаки; бояре были заперты въ Москвѣ; а служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе дѣйствовали подъ предводительствомъ своихъ, очистили государство, прогнали ко́заковъ. Опять они на первомъ планѣ, съ своимъ исключительнымъ интересомъ, интересомъ помѣстья и съ своимъ нерасположеніемъ къ людямъ, которые, имѣя бо̀льшія противъ нихъ выгоды, имѣютъ не соотвѣтственные выгодамъ обязанности и труды. Съ этимъ интересомъ своимъ, который постоянно сталкивался съ интересами людей сильныхъ, богатыхъ и вельможныхъ, съ этимъ соперничествомъ и нерасположеніемъ къ нимъ, служилые люди, разумѣется не могли сочувствовать ихъ интересу, не могли поддерживать ихъ стремленія. Подлѣ служилыхъ людей въ дѣлѣ очищенія государства стояли жители городовъ: но у этихъ опять были свои интересы: разгромленные въ смутное время, отбывши своихъ промыслишковъ, угнетаемые пятою деньгою, необходимою для окончательнаго возстановленія государства, ведя постоянную борьбу съ воеводами и губными старостами, защиту отъ которыхъ находили

царской власти, не оставлявшей жалобъ ихъ безъ внима-, горожане нисколько не могли сочувствовать интересу тѣхъ овъ, къ которымъ принадлежали ихъ воеводы; надобно чи-ъ принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о смут-ъ времени и о царствованіи Михаила Θеодоровича, чтобъ ть все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ от-тельно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій. Нако-ъ должно замѣтить, что личность царя Михаила, какъ нельзя ѣе, способствовала укрѣпленію его власти: мягкость, добро-и чистота этого государя производили на народъ самое вы-ое для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ разомъ представляли эту власть въ глазахъ народа; извѣст-я доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло гло проистекать отъ него, и все, что не нравилось тому или угому, падало на отвѣтственность лицъ, посредствующихъ жду верховною властію и народомъ: тоже самое Псковское азаніе, которое конечно нельзя заподозрить въ оффиціяльной ти, всего лучше выражаетъ этотъ взглядъ народа на царя хаила.

Князь Θедоръ Ивановичь Мстиславскій въ первое десятилѣ-е царствованія Михаилова, по-прежнему занималъ первое ѣсто въ думѣ, былъ именнымъ представителемъ боярства, о по прежнему писалось: «бояре — князь Θ. И. Мстислав-ій съ товарищи»; онъ умеръ въ 1622 году; неспособный, къ мы видѣли, и прежде играть дѣйствительно первен-вующую роль, князь Мстиславскій, разумѣется, не могъ прі-рѣсть важнаго значенія при Михаилѣ; энергія князя Воро-нскаго ограничивалась, какъ видно, только протестомъ про-въ униженія Мстиславскихъ и Воротынскихъ; онъ умеръ въ 627 году. И дума и дворъ въ первые годы царствованія Ми-аилова находились въ смутномъ положеніи, изобличали без-орядокъ, бывающій обыкновенно слѣдствіемъ сильныхъ бурь: развалины старины, слабыя, безпомощныя, лишенныя главныхъ одпоръ своихъ, низвергнутыхъ бурею; подлѣ нихъ нанесен-ый ураганомъ новый слой, также еще не утвердившійся крѣп-

ко, не вошедшій въ свое новое положеніе. При такомъ неопредѣленномъ состояніи и при отсутствіи твердой руки, которая бы все привела въ порядокъ, каждому дала свое мѣсто, всего легче людямъ энергическимъ, ловкимъ, дерзкимъ и неразборчивымъ въ средствахъ, овладѣть волею другихъ и пріобрѣсть видное мѣсто: таковы были въ началѣ царствованія Михаилова Салтыковы, подкрѣпляемые родственною связью съ матерью царскою; Филаретъ Никитичь низвергнулъ ихъ, и во время его правленія они были въ заточеніи необратномъ; но послѣ смерти его немедленно возвращены съ прежними чинами, а въ 1641 году Михайла Михайловичь получилъ боярство. Есть извѣстіе, что во время двоевластія особенно усилился князь Борисъ Александровичь Репнинъ. Эта сила возбудила негодованіе въ другихъ боярахъ, къ которымъ по смерти Филарета Никитича пристала и царица. Боярамъ удалось удалить Репнина изъ Москвы: его послали воеводою въ Астрахань подъ предлогомъ утушенія Ногайскаго возмущенія, и во время отсутствія успѣли очернить передъ царемъ [12]. Достовѣрно о князѣ Борисѣ Репнинѣ намъ извѣстно только то, что онъ пожалованъ въ бояре изъ стольниковъ въ Генварѣ 1640 года; въ Маѣ 1642 онъ былъ отправленъ въ Тверь искать золотой руды, а въ Апрѣлѣ 1643, какъ мы видѣли, онъ дѣйствительно былъ отправленъ въ Астрахань по вѣстямъ объ измѣнѣ Ногайскихъ Татаръ. Мы видѣли также [13], что при Годуновѣ отецъ князя Бориса, Александръ Репнинъ съ Ѳедоромъ Романовымъ и княземъ Иваномъ Сицкимъ были между собою братья и великіе друзья: поэтому не удивительно, что князь Борисъ, бывшій, какъ видно, дѣятельнѣе и способнѣе старшаго брата своего, князя Петра, могъ пріобрѣсть большую силу въ правленіе Филарета Никитича.

Родовой интересъ съ чиновнымъ началомъ были по-прежнему на первомъ планѣ, и потому, чтобъ понять тогдашнія вельможескія отношенія, мы должны обратиться къ ихъ мѣстническимъ спорамъ. Въ 1613 году, на праздникъ Рождества Богородицы были приглашены къ царскому столу бояре: князь Ѳ.

Н. Мстиславскій, Иванъ Никитичь Романовъ и князь Борисъ Михайловичь Лыковъ. Родной дядя царскій безспорно уступалъ мѣсто князю Мстиславскому, но Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову и втораго мѣста и билъ челомъ, что ему меньше Ивана Никитича быть невмѣстно: государь на князя Бориса кручинился и говорилъ ему много разъ, чтобъ онъ у стола былъ, что подъ Иваномъ Никитичемъ быть ему можно, и Лыковъ на этотъ разъ уступилъ убѣжденіямъ царя; но потомъ раскаялся въ своей уступчивости: въ Апрѣлѣ 1614 года, въ Вербное воскресенье опять были приглашены къ царскому столу князь Мстиславскій, Иванъ Никитичь Романовъ и князь Лыковъ, и опять Лыковъ билъ челомъ на Романова; государь напомнилъ ему, что прошлаго года онъ сидѣлъ ниже Ивана Никитича. Лыковъ отвѣчалъ, что ему меньше Романова быть никакъ нельзя, лучше пусть государь велитъ казнить его смертью; а если государь укажетъ быть ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству, потому что ему государю Иванъ Никитичь дядя, то онъ съ Иваномъ Никитичемъ быть готовъ.» Государь возражалъ, что ему Лыкову меньше Ивана Никитича можно быть по многимъ причинамъ, а не по родству, и онъ бы его государя не кручинилъ, садился подъ Иваномъ Никитичемъ; но Лыковъ не послушался, за столъ не сѣлъ и уѣхалъ домой; два раза посылали за нимъ, и все понапрасну, посланнымъ былъ одинъ отвѣтъ: «готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать.» Тогда государь велѣлъ его выдать головою Романову. Пріѣхалъ посолъ Персидскій, назначили рындъ на представленія посла царю; но рынды стали мѣстничаться, въ слѣдствіе чего одинъ изъ нихъ убѣжалъ изъ дворца и спрятался, другой сказался больнымъ; царь долго дожидался—нѣтъ рындъ! наконецъ назначили князя Василія Ромодановскаго и къ нему въ товарищи привели Ивана Чепчюгова, который сказывался больнымъ; но Чепчюговъ билъ челомъ, что ему съ Ромодановскимъ быть невмѣстно. Тутъ вступился въ дѣло князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій по однородству съ Ромодановскими, и

билъ челомъ, что Чепчюговъ весь родъ ихъ обезчестилъ, будучи молодаго отца сыномъ, дѣдъ его былъ Татарскимъ головою, да и то по случаю, потому что былъ Щелкаловымъ свой и тѣ его по свойству вынесли: государь велѣлъ Чепчюгова бить батогами и выдать головою князю Ромодановскому. Съ Чепчюговымъ, молодаго отца сыномъ легко было сладить Пожарскому: но иначе кончилось его собственное мѣстническое дѣло съ Салтыковыми. Пожаловалъ государь въ бояре извѣстнаго уже намъ Бориса Михайловича Салтыкова, а у сказки велѣлъ стоять боярину князю Д. М. Пожарскому; Пожарскій билъ челомъ, что онъ Салтыкову боярство сказывать и меньше его быть не можетъ; началось дѣло въ присутствіи государя и найдено, что родичь Пожарскаго, князь Ромодановскій былъ товарищемъ съ знаменитымъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, а Михайла Глѣбовичь, по родству, меньше Бориса Михайловича Салтыкова; найдено, что Пушкины ровны Пожарскому, и въ тоже время гораздо меньше Михайлы Глѣбовича Салтыкова. Когда читались всѣ эти статьи, Пожарскій молчалъ, говорить было нечего; государь потребовалъ отъ него, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, меньше котораго быть ему можно; но Пожарскій не послушался, съѣхалъ къ себѣ на дворъ и сказался больнымъ. Боярство сказалъ Салтыкову думный дьякъ, а въ разрядѣ записали, что сказывалъ Пожарскій; но Салтыковъ этимъ не удовольствовался, билъ челомъ о безчестьѣ, и Пожарскій былъ выданъ ему головою. 10 Іюня 1618 года писалъ изъ Калуги къ государю бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, что онъ лежитъ боленъ и ожидаетъ смерти часъ отъ часу; государь указалъ послать къ нему съ милостивымъ словомъ спросить о здоровьѣ стольника Юрія Игнатьева Татищева, но Татищевъ сталъ бить челомъ, что ему къ князю Пожарскому ѣхать невмѣстно; ему отвѣчали, что ѣхать можно; но онъ государева указа не послушалъ, сбѣжалъ изъ дворца и у себя дома не сказался. Его высѣкли кнутомъ и послали къ Пожарскому головою. Въ 1627 году государь указалъ быть у себя въ рын-

дахъ стольникамъ, князю Петру да князю Өедору, дѣтямъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и съ ними князю Өедору и князю Петру Өедоровичамъ Волконскимъ. Волконскіе били челомъ, что они съ Пожарскими быть готовы, но чтобъ отъ того впередъ ихъ отечеству порухи не было, потому что на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго били челомъ Гаврила Пушкинъ и другіе, которые имъ въ версту. Государь велѣлъ имъ сказать, что они бьютъ челомъ не дѣломъ, быть имъ съ Пожарскими можно всегда безсловно, Гаврилѣ Пушкину въ челобитьѣ на Пожарскаго отказано, а другимъ было наказанье; Волконскіе были въ рындахъ; но князь Дмитрій Михайловичь этимъ не удовольствовался, билъ челомъ, что Волконскіе своимъ челобитьемъ сыновей его позорятъ, тогда какъ и прадѣдамъ Волконскихъ съ его дѣтьми не сошлось. Государи приказали послать Волконскихъ въ тюрьму. Въ 1634 году Бориса Пушкина посадили въ тюрьму за челобитье на Пожарскаго.

Былъ въ это время въ царской службѣ знатный выходецъ изъ Крыма, князь Юрій Еншеевичь Сулешовъ; когда вмѣстѣ съ нимъ назначили рындою Ивана Петровича Шереметева, то послѣдній билъ челомъ, что «князь Сулешовъ иноземецъ, а въ нашу версту до сихъ поръ никто меньше его не бывалъ, и въ томъ твоя государева воля, какова ты его государь ни учинишь, намъ все равно, только бы нашему отечеству впередъ порухи отъ того не было.» Тутъ стали бить челомъ на Шереметева Бутурлинъ, Плещеевъ, князь Троекуровъ: «бьетъ онъ челомъ на князя Сулешова, сказываетъ, будто въ его версту съ княземъ Юріемъ никто не бывалъ, но мы прежде съ княземъ Юріемъ бывали, а отечествомъ мы Ивана Шереметева ничѣмъ не хуже, и онъ насъ этимъ безчеститъ.» Сулешовъ билъ челомъ: «не только Ивану Шереметеву, хотя бы кто и лучше его, то по вашей государской милости и по моему отечеству можно быть со мною: князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ ровнымъ) съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родствен-

ники въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, и то вамъ госу-дарямъ извѣстно.» Шереметевъ отвѣчалъ: «князья Урусовы и Сулешовъ Крымскіе роды въ Московскомъ государствѣ, оте-чество ихъ невѣдомо, кто кого больше или меньше, это въ государевой волѣ; хочетъ онъ государь иноземца учинить у себя честнымъ и великимъ, и учинитъ, а до сихъ поръ никто въ Шереметевыхъ версту съ княземъ Юріемъ не бывалъ.» Го-сударь велѣлъ сказать Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешовымъ по иноземству. Но и послѣ этого мѣстниче-скія придирки не оставили Сулешова въ покоѣ: такъ бояринъ князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ, что ему меньше боярина князя Юрія Сулешова быть невмѣстно потому: «когда я въ прошломъ 1615 году посланъ былъ на съѣздъ съ Крым-скими послами, то посломъ въ то время былъ большой дядя князя Юрія Ахметъ-паша Сулешовъ, и пріѣзжалъ онъ ко мнѣ на съѣздъ и въ государевомъ шатрѣ у меня былъ.» Государь и патріархъ князю Григорію говорили: какія ему съ Ахметъ-пашою мѣста? Ахметъ-паша служитъ Крымскому царю, а князь Юрій служитъ государю! Ромодановскій успокоился. Окольни-чій Никита Васильевичь Годуновъ билъ челомъ, что ему мень-ше боярина Василья Петровича Морозова быть нельзя: госу-дарь приговорилъ Годунова послать въ тюрьму за безчестье Морозова; несмотря на то Годуновъ возобновилъ челобитье и указалъ случай, что подъ Кромами племянникъ его Иванъ Годуновъ былъ выше Морозова; тогда весь родъ Морозовы и Салтыковы били челомъ, что никогда Годуновымъ съ Морозо-выми и Салтыковыми не сошлось, а что Годуновъ упрекаетъ ихъ племянникомъ своимъ, то царю Борису была тогда воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса нельзя, вѣдомо было и самому государю, каково было при царѣ Борисѣ: многихъ своею неправдою погубилъ и разослалъ. Годунова посадили въ тюрьму и выдали головою Морозову. Но, выигравши передъ Годуновыми, Морозовъ потерялъ передъ знаменитымъ княземъ Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ Трубецкимъ, которому назначено было встрѣчать Филарета Никитича ближе

въ Москвѣ, чѣмъ Морозову; послѣдній при этомъ объявилъ, что уступаетъ Трубецкому потому только, что государь приказалъ всѣмъ быть безъ мѣстъ; но Трубецкой за это объявленіе сталъ его бранить и позорить передъ боярами, называлъ страдникомъ (мужикомъ); на это Морозовъ отвѣчалъ, что въ 1597 году князь Иванъ Куракинъ билъ челомъ о мѣстахъ на большаго брата Дмитріева, князя Юрія Трубецкаго и съ нимъ не былъ, князь Юрій Трубецкой теперь въ измѣнѣ, служитъ королю, а прежнее государево уложенье: которые бывали въ дѣлахъ и отъѣзжали, тѣ у себя и у своего рода теряли многія мѣста. Государи Михаилъ и Филаретъ, выслушавъ челобитье обоихъ бояръ, Трубецкаго и Морозова, приказали боярамъ поговорить объ этомъ дѣлѣ и состоялся приговоръ: сказать Морозову, что онъ билъ челомъ не дѣломъ и посадить его въ тюрьму; но государь, для радостной встрѣчи отца своего, освободилъ Морозова отъ тюрьмы.

Въ 1623 году на свадьбѣ Татарскаго царевича Михайлы Кайбуловича поссорились однородцы Бутурлины: Василій Клепикъ-Бутурлинъ билъ челомъ, что ему велѣно быть на свадьбѣ въ сидячихъ, а брату его, окольничему Ѳедору Левонтьевичу Ворону-Бутурлину въ посаженыхъ отцахъ, и ему въ сидячихъ быть нельзя, потому что онъ по роду своему больше Ѳедора многими мѣстами; а Ѳедоръ билъ челомъ, что Василію можно быть меньше его; «въ родствѣ они съ нами, говорилъ онъ, разошлись далеко, служили по Новгороду и отечество свое истеряли; а дѣды его Ѳедоровы родные, и дядя, и отецъ отечества своего нигдѣ не истеряли, и на свою братью Новгородцевъ этихъ бивали челомъ, чтобъ ими не считаться; эти Новгородцы бывали съ ихъ дѣдами и отцами въ товарищахъ, бывали и въ головахъ; а ихъ отцы и дѣды знатны были, и во всѣхъ государевыхъ чинахъ бывали и въ родословцѣ описаны всѣ по именамъ, а Новгородцевъ этихъ почему знать: сколько ихъ плодилось и кто у нихъ большой и меньшой братъ? и они ихъ не знаютъ, и какъ имъ считаться съ ними по роду?» Государи, слушавъ выписки изъ разрядовъ и родословца, ука-

зали: по разрядамъ окольничаго Өедора Бутурлина оправить, а Василія Клепика да Ивана Матвѣева Бутурлиныхъ обвинить; а что по родословцу Василій да Иванъ пошли отъ большаго брата, а Өедоръ отъ меньшаго, то послѣ родители Василья и Ивана потеряли многими потерками. На государевой свадьбѣ въ 1624 году произошелъ споръ между лицами по знатнѣ. Чтобъ избѣжать мѣстничества, государь указалъ быть на своей радости безъ мѣстъ, и для укрѣпленья велѣлъ подписать указъ думнымъ дьякамъ и приложить государеву печать. Несмотря на то, бояринъ князь Иванъ Васильевичь Голицынъ объявилъ, что ему меньше бояръ князей Ивана Ивановича Шуйскаго и Дмитрія Тимоөеевича Трубецкаго быть нельзя, и на свадьбу не поѣхалъ; на увѣщанія царя и патріарха отвѣчалъ обычными словами: «Хоти вели государь казнить, а мнѣ меньше Шуйскаго и Трубецкаго быть никакъ нельзя». Государь объявилъ объ этомъ боярамъ, и тѣ отвѣчали, что князь Иванъ Голицынъ сдѣлалъ такъ измѣною и по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья. Въ слѣдствіе этого приговора великіе государя указали: у князя Ивана Голицына за его непослушанье и измѣну помѣстья и вотчины отписать, оставить за нимъ въ Арзамасѣ одно вотчинное село, которое по меньше, а его съ женою сослать въ Пермь. Въ 1642 году племянникъ этого Голицына бояринъ князь Иванъ Андреевичь проигралъ дѣло съ княземъ Черкасскимъ; думный дьякъ сказалъ ему: «Былъ государь при иноземцахъ въ золотой палатѣ, и ты князь Иванъ въ то время хотѣлъ сѣсть выше боярина князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и называлъ его своимъ братомъ, и тѣмъ его обезчестилъ: бояринъ князь Дмитрій Мамстрюковичь человѣкъ великій и честь ихъ старая, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дядя его, князь Михаилъ Темрюковичь былъ въ великой чести и бывали съ нимъ многіе». Голицына посадили въ тюрьму. Мы видѣли, что князь Лыковъ за свой отказъ быть съ Черкасскимъ долженъ былъ заплатить безчестье послѣднему; Пожарскій соглашался быть съ Черкасскимъ въ младшихъ воеводахъ безспорно; но въ 1633 году князья Куракинъ и Одоевскій, назначенные въ

[х]одъ къ Черкасскому, били челомъ, что они быть съ Черкас[ск]имъ готовы, но если впередъ кто нибудь изъ равныхъ или [м]еньшихъ имъ не захочетъ быть съ нимъ въ товарищахъ, то [ч]тобъ отъ этого имъ, Куракину и Одоевскому и родичамъ ихъ [б]езчестья и позору не было, при чемъ Одоевскій припомянулъ [о] дѣлѣ Лыкова. Черкасскій билъ челомъ на Куракина и Одо[ев]скаго, и говорилъ, что Лыковъ билъ челомъ будто ему въ одномъ полку съ нимъ быть нельзя за тяжелымъ его нравомъ, [а] не за отчествомъ, да и за это недѣльное челобитье доправ[л]ено на князѣ Лыковѣ безчестья 1,200 рублей; а въ отчествѣ князю Лыкову бить на него челомъ нельзя: при прежнихъ государяхъ съ его Черкасскаго ближними родственниками бывали князь Шейдяковъ и другіе многіе большіе роды, до которыхъ и лучшимъ въ ихъ родахъ, между Оболенскими, Куракиными и Одоевскими въ отчествѣ многими мѣстами не достало. Бояре приговорили Одоевскаго и Куракина посадить въ тюрьму.

По прежнему не было почти ни одного назначенія на службу, при которомъ бы назначенные люди не били челомъ другъ на друга; въ 1624 году въ Тулу были назначены воеводами князья Иванъ Голицынъ и Никифоръ Мещерскій, — и Голицынъ далъ знать государю, что дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ, сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ пометали, и сказали, что имъ въ головахъ отъ него быть нельзя для товарища его князя Никифора Мещерскаго. Въ 1633 году послалъ государь въ Стародубъ къ воеводѣ Бутурлину въ товарищи воеводу Алябьева, да съ нимъ велѣно быть дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и дворовымъ людямъ; но дворяне и жильцы били челомъ государю на Алябьева, что у него въ полку быть нельзя, потому что и послѣдній дворянинъ и жилецъ ему Алябьеву въ версту; тогда государь указалъ дворянамъ и жильцамъ быть съ однимъ Бутурлинымъ, а съ Алябьевымъ указалъ быть дворовымъ людямъ: подымочникамъ, сытникамъ, конюхамъ, кречетникамъ, сокольникамъ, охотникамъ и дѣтямъ боярскимъ царицына чина. Иногда дворянинъ билъ челомъ, что ему нельзя быть въ товарищахъ у

такого-то по мѣстническимъ счетамъ, а на дѣлѣ выходило,
подъ этимъ предлогомъ онъ только хотѣлъ отбыть отъ слу
такъ въ 1614 году Кикинъ билъ челомъ на Михалкова, а по
признался, что ему до Михалковыхъ въ отечествѣ дѣла нѣ
и не сошлось, а билъ онъ челомъ для того, что онъ чел
бѣдный, подняться ему было въ назначенную посылку неч
онъ думалъ, что его отъ этой посылки отставятъ. Въ 1618
стольникъ Богданъ Нагово растравилъ себѣ руку, чтоб
быть въ рындахъ вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ. Ре
къ поддержанію родовой чести выводила иногда наружу
вительныя дѣла: въ 1621 году пріѣхалъ въ Москву съ во
ства изъ Бѣжецкаго Верха Максимъ Языковъ и подалъ въ
рядъ послужные списки, какъ приходили къ Бѣжецкому В
Черкасы, и въ послужныхъ спискахъ написаны отъ него
ловы съ сотнями: князь Андрей Мордкинъ, Давидъ Ми
Алексѣй Ушаковъ; но Мордкинъ и Милюковъ подали челоб
что все это Языковъ выдумалъ, они въ головахъ у него
бывали, не сошлось имъ быть у такого въ головахъ,
службу свою Языковъ ложно писалъ къ государю: Литов
людей онъ никогда не побивалъ и приступу къ городу не
вало. По государеву указу обыскивали всѣмъ городомъ и
шли дѣйствительно, что Языковъ Литовскихъ людей ни
не побивалъ, приступу къ городу не бывало, и въ головах
него князь Мордкинъ, Милюковъ и Ушаковъ не бывали: г
дарь велѣлъ Языкова за воровство бить батогами нещадно
жалованья денежнаго убавить 25 рублей и помѣстнаго о
полтораста четвертей, а за безчестье Мордкина, Милюко
Ушакова посадить въ тюрьму на три дня. Явилась по
подчинить родовымъ счетамъ не только назначеніе на м
но и повышеніе въ чины: князь Ѳедоръ Лыковъ билъ че
на брата своего, боярина князя Бориса Михайловича Лы
что» меньшой мой братъ князь Борисъ въ боярахъ, а мнѣ
зорно быть въ окольничихъ». Но государь челобитья его
послушалъ — велѣлъ ему быть въ окольничихъ. Назна
женщинъ къ разнымъ торжествамъ придворнымъ, на обѣды

[...]рицѣ подавало поводъ также къ мѣстническимъ спорамъ, и [...]щинамъ приказывалось иногда быть безъ мѣстъ.

Наскучивъ безпрестанными спорами и челобитными при всякомъ назначеніи, даже при назначеніи въ рынды, велѣли было назначать изъ меньшихъ статей, изъ людей неродословныхъ, которымъ нельзя было считаться службою предковъ; но и тутъ не избѣжали челобитій: такъ стряпчій Ларіоновъ, назначенный въ рынды вмѣстѣ съ другимъ стряпчимъ Телепневымъ, билъ челомъ, что его Ларіонова отецъ былъ городовой сынъ боярскій, а Телепнева отецъ былъ подъячій, и изъ подъячихъ дьякъ, и потому государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать. Ему отвѣчали, что ему пригоже быть съ Телепневымъ, потому что отецъ послѣдняго былъ у государя думный дьякъ, а его Ларіонова отецъ — рядовой дьякъ, и что они оба люди неродословные, и счету имъ нѣтъ: гдѣ государь велитъ быть, тотъ тамъ и будь. Не смотря на то, Ларіоновъ билъ челомъ въ другой разъ: государь кручинился, велѣлъ его изъ стряпчихъ выкинуть и написать съ города за то, что онъ государева указа не послушалъ; при этомъ думный дьякъ говорилъ государевымъ словомъ, что государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирать къ чему были и недостойны такіе, но и тѣ бьютъ челомъ!—Но мало того, что неродословные считались съ неродословными же; часто неродословные били челомъ на родословныхъ, что̀ особенно возбуждало негодованіе бояръ, разбиравшихъ мѣстническія дѣла; при такихъ челобитьяхъ родословные люди не хотѣли даже и судиться съ неродословными: такъ князья Ромодановскіе на судъ не пошли съ Левонтьевыми и сказали: «намъ съ Левонтьевыми на судъ идти неумѣстно, потому что они люди неродословные, молодые дѣтишки боярскіе, а неродословнымъ людямъ съ нами родословными людьми никогда счетъ не бываетъ», и называли Ромодановскіе Левонтьевыхъ коновалами. Когда въ 1635 году Фустовъ билъ челомъ на князя Борятинскаго на томъ основаніи, что дядя Фустова при царѣ Иванѣ въ Нѣмецкихъ походахъ былъ больше одного изъ князей Борятинскихъ, то думный дьякъ сказалъ Фустову:

«ты билъ челомъ не дѣломъ: Борятинскіе люди честные и родословные, а ты человѣкъ неродословный, хотя родственники твои и бывали въ разрядахъ больше Борятинскихъ, только быть тебѣ меньше Борятинскихъ можно». Въ слѣдующемъ году, по поводу челобитья Голенищева на князя же Борятинскаго, челобитчику было сказано, что ему можно быть съ Борятинскимъ, ибо Борятинскіе князья нарочитые. Когда тутъ же Мясной билъ челомъ на Ржевскаго, то ему сказано: «вы люди нарочитые, а Ржевскіе нарочитые родословные люди». Неродословнымъ иногда больно доставалось за челобитье на родословныхъ; въ 1617 году Левонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за это думный дьякъ билъ его по щекамъ. Въ 1620 году Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховскаго, бояре приговорили челобитчика бить кнутомъ, но думный дьякъ, знаменитый Томила Луговской сказалъ боярамъ: «долго этого ждать», да взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ другою палкою билъ также по спинѣ и по ногамъ, и оба приговаривали: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру». Двоевластіе подало также разъ поводъ къ мѣстническому дѣлу: князь Петръ Репнинъ, посланный отъ патріарха Филарета подчивать Персидскаго посла, билъ челомъ, что князь Сицкій, посыланный прежде потчивать посла отъ государя, хвалится, что онъ этимъ сталъ больше его, князя Репнина; государь велѣлъ сказать Репнину, что каковъ онъ государь, таковъ же и отецъ его государевъ, ихъ государское величество не раздѣльно, тутъ мѣстъ нѣтъ, впередъ бы онъ объ этомъ дѣлѣ не билъ челомъ и ихъ великихъ государей на гнѣвъ не воздвигнулъ. Въ 1621 году государи велѣли сказать боярамъ: «Посылаются въ разныя государства послы, посланники и гонцы изъ дворянъ большихъ и городовыхъ по разнымъ государскимъ дѣламъ, и тѣ дворяне бьютъ челомъ государю, что имъ ѣхать невозможно, потому что прежде посылались въ послахъ и посланникахъ ихъ же братья дворяне, которые имъ въ версту, а ихъ посылаютъ въ посланникахъ, и въ томъ себѣ ставятъ безчестье и мѣста; а прежде

объ этомъ не бивали челомъ и мѣстъ тутъ не бывало, потому что посылка посламъ, посланникамъ и гонцамъ бываетъ въ разныя государства по разнымъ дѣламъ, и не вмѣстѣ посылаютъ и не за однимъ дѣломъ, часто случается быть дворянамъ въ посланникахъ, потомъ въ послахъ, а потомъ опять въ посланникахъ или гонцахъ, смотря по дѣлу; это челобитье дворяне вводятъ новое, для своей чести, а государеву дѣлу чинятъ помѣшку; счетъ и челобитье дворянское прежде бывало въ одномъ: кого съ кѣмъ пошлютъ вмѣстѣ на государеву службу». Бояре приговорили: впередъ по такимъ дѣламъ ничьего челобитья не слушать.

Правительство по прежнему продолжало принимать въ службу и раздавать помѣстья, не обращая большаго вниманія на происхожденіе этихъ новыхъ помѣщиковъ. Но городовые дворяне и дѣти боярскіе не охотно впускали въ свою среду людей низкаго происхожденія. Въ 1639 году Углицкіе дворяне и дѣти боярскіе били челомъ на Угличанина же сына боярскаго Ивана Шубинскаго: «Верстанъ тотъ Иванъ царскимъ жалованьемъ, помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ; а потомъ, не служа государю и не по отчеству, написанъ онъ въ нашемъ городѣ по дворовому списку; а роду ихъ Шубинскихъ въ нашемъ городѣ въ дворовомъ спискѣ не бывалъ никто при прежнихъ государяхъ и при тебѣ государѣ, а были Шубинскіе въ нашемъ городѣ въ денщикахъ, дядя же его Ивашка родичь былъ въ нашемъ городѣ въ нарядчикахъ. Милосердый государь! вели его Ивана изъ двороваго списка выписать, чтобъ намъ отъ него безчестнымъ не быть, потому что онъ пущенъ въ списокъ не по отечеству своему и не по службѣ». Тѣ же Угличане били челомъ на двоихъ изъ своей братьи, Бориса Моракушева и Богдана Третьякова: «Написались тотъ Борисъ да Богданъ по выбору, не за службу, въ осадѣ подъ Смоленскомъ не сидѣли и ранены не были; а мы, холопи твои, служимъ тебѣ государю лѣтъ по 30 и по 40, а ложно о выборѣ не бивали челомъ. Милосердый государь! вели ихъ изъ выбору выписать, чтобъ намъ предъ ними въ позорѣ не быть».

Служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ, и потому для дворянъ было безчестно служить въ дьякахъ; дьякъ Ларіонъ Лопухинъ билъ челомъ, что родители его служили исконі въ городахъ по выбору, а онъ до дьячества служилъ въ житьѣ (въ жильцахъ), и потому просилъ отставить его отъ дьячества. Государь пожаловалъ: впередъ ему въ безчестье, упрекъ и случай того, что онъ въ дьякахъ, его братьи дворянамъ не ставить, взятъ онъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣньемъ.

Какъ еще крѣпко было основаніе мѣстничества, родовое единство, видно изъ слѣдующей челобитной. «Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Степанка Милюковъ: указалъ ты, государь, на насъ, холопахъ своихъ, на всемъ родѣ Милюковыхъ взять князю Сонцеву-Засѣкину денегъ сто рублей за его рабу, а за Васькину жену Милюкова и за его Васькина сына, котораго онъ съ нею прижилъ. Тѣ деньги сто рублей платилъ я одинъ занимая въ кабалы, росты давалъ большіе и одолжалъ великимъ долгомъ, а не платили тѣхъ денегъ: Матвѣй Ивановъ сынъ Стараго Милюковъ, Андрей Клементьевъ сынъ Милюковъ, Иванъ Өедоровъ сынъ Милюковъ, Давыдъ Михайловъ сынъ Милюковъ, Андрей, Өедоръ, Яковъ и Астаөій, дѣти Ивана Михайлова Милюкова, Ермолай Назарьевъ сынъ Милюковъ, Мосей Емельяновъ сынъ Милюковъ, Сергѣй Ульяновъ сынъ Милюковъ; а по твоему государеву указу велѣно взять тѣ деньги на всемъ роду, потому что о томъ Васькѣ били мы челомъ всѣмъ родомъ Милюковыхъ, а не одинъ я»

Благодаря мѣстническимъ дѣламъ и служебнымъ назначеніямъ, записаннымъ въ разрядахъ, мы можемъ знать сколько-нибудь о судьбѣ людей и родовъ, съ которыми такъ часто встрѣчались въ смутное время. Мы видѣли, что Годуновы должны были отказаться отъ тѣхъ мѣстническихъ отношеній, на которыя давало имъ право положеніе ихъ при царѣ Борисѣ; одинъ изъ нихъ, Матвѣй Михайловичь былъ бояриномъ при царѣ Михаилѣ и воеводою въ Тобольскѣ (1620 г.); въ 1631 году онъ былъ посланъ въ Рязань разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ,

и въ 1632 былъ воеводою въ Казани; въ придворныхъ церемоніяхъ, за столомъ царскимъ не рѣдко упоминается окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ; жена окольничаго Ивана Ивановича Годунова Ирина Никитична, родная тетка царя была еще жива, упоминается по случаю свадьбы царской въ 1626 году. Дочь царя Бориса Ксенія или Ольга умерла въ 1622 году въ Суздалѣ; передъ смертію она била челомъ царю, чтобъ позволилъ похоронить ее въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, царь исполнилъ просьбу. Послѣдній изъ Шуйскихъ, князь Иванъ Ивановичь, возвратившійся изъ Польши и занявшій между боярами слѣдующее ему высокое по отечеству мѣсто, упоминается дѣйствующимъ только при одномъ значительномъ случаѣ: онъ присутствовалъ при чтеніи обвинительной сказки Шеину передъ казнію. Упоминаются между стольниками и воеводами Нагіе. Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, послѣ несчастнаго похода своего противъ Шведовъ и послѣ побѣды, одержанной имъ въ мѣстнической борьбѣ надъ Морозовымъ, былъ посланъ въ 1622 году по Литовскимъ вѣстямъ въ Ярославль для разбора дворянъ и дѣтей боярскихъ, кому можно быть на государевой службѣ; въ 1625 году былъ воеводою въ Тобольскѣ. Сынъ знаменитаго Прокофья Ляпунова, Владиміръ Прокофьичь упоминается въ 1614 году воеводою въ Михайловѣ, потомъ вторымъ воеводою передоваго полка въ Переяславлѣ Рязанскомъ; въ 1625 году, по поводу мѣстничества, обозначились отношенія Ляпуновыхъ къ Рязани, гдѣ этотъ обширный родъ продолжалъ имѣть важное значеніе: въ Переяславль Рязанскій назначены были стольникъ и воевода, князь Петръ Александровичь Репнинъ и князь Иванъ Ѳедоровичь Черный-Волконскій; въ передовой полкъ на Михайловѣ воевода князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій-Меринъ, да Ульянъ Семеновичь Ляпуновъ. При этомъ назначеніи Ляпуновъ, Владиміръ и Ульянъ били челомъ на Волконскихъ, позоря соперниковъ назаконнымъ происхожденіемъ. Второй Рязанскій воевода, князь Иванъ Волконскій испугался и билъ челомъ государю, что ему съ княземъ Петромъ Репнинымъ въ

товарищахъ быть нельзя, потому что били челомъ на нихъ Ляпуновы въ отечествѣ, а князь Петръ Репнинъ Ляпуновымъ свой: дочь Захара Ляпунова за нимъ, а семья Ляпуновыхъ на Рязани великая, и пожалуй князь Петръ станетъ ему истить за Ляпуновыхъ. Государь велѣлъ отставить Волконскаго и назначить на его мѣсто Ловчикова. Но Ульянъ Ляпуновъ билъ челомъ и на Ловчикова, что ему меньше его быть нельзя; бояре приговорили отказать Ляпунову, потому что Ловчиковы въ чести давно, а Ульяновъ отецъ ни въ какой чести и нигдѣ въ воеводахъ не былъ. Тогда Ляпуновъ сталъ бить челомъ на Михайловскаго воеводу князя Өедора Волконскаго. Бояре и тутъ приговорили Ляпунову отказать, потому что Волконскіе въ чести, въ окольничихъ, въ стольникахъ и воеводахъ, а Ляпуновъ служилъ съ Рязани, ему и то находка, что теперь велѣно ему быть въ воеводахъ. Ляпуновъ на службу пріѣхалъ, но никакого дѣла съ Волконскимъ не сталъ дѣлать; посланъ былъ изъ Москвы Гагинъ заставить Ляпунова дѣло дѣлать, и въ случаѣ ослушанія посадить въ тюрьму; Ляпуновъ не послушался и былъ посаженъ въ тюрьму; но Волконскій доносилъ, что Гагинъ посадилъ Ляпунова въ городню, а не въ тюрьму, Ляпуновъ проломалъ мостъ и ходитъ изъ городни на башню и живетъ все на башнѣ своимъ покоемъ, а не въ тюрьмѣ; тогда отправленъ былъ изъ Москвы Пущинъ—вынуть Ляпунова изъ городни и послать на службу, если же не захочетъ, то посадить въ тюрьму вмѣстѣ съ другими тюремными сидѣльцами, а не въ городню; Ляпуновъ уступилъ. Въ 1629 году Владиміръ Прокофьичъ Ляпуновъ былъ назначенъ вторымъ воеводою сторожеваго полка на Крапивнѣ, и былъ потомъ отставленъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ тамошнихъ городовъ, били челомъ на него недружбою (т. е. что онъ имъ недругъ).

Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго мы встрѣчали часто въ царствованіе Михаила и въ важныхъ случаяхъ, въ походахъ и при сборѣ денегъ ратнымъ людямъ. 27 Сентября 1618 года былъ у государя у стола бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, и была ему рѣчь: «Ты былъ на на-

вой службѣ противъ недруга нашего Литовскаго королевича, много служилъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоялъ, въ посылкахъ надъ ними многіе поиски дѣлалъ, острогъ ставить велѣлъ, многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побивалъ и съ этихъ боевъ языки къ намъ часто присылывалъ, нашимъ и земскимъ дѣломъ радѣлъ и промышлялъ, боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда онъ изъ Можайска шелъ къ Москвѣ, помогалъ». За всѣ эти службы Пожарскій получилъ: кубокъ серебряный позолоченный съ покрышкою, вѣсу въ немъ три гривенки тридцать шесть золотниковъ, шуба — атласъ Турскій на соболяхъ, пугвицы серебряныя золоченыя. Понятно, что Пожарскій, въ слѣдствіи извѣстнаго стремленія Филарета Никитича награждать людей, потрудившихся въ безгосударное время, не могъ ничего потерять съ возвращеніемъ Филарета изъ Польши. Тотчасъ послѣ посвященія Филарета въ патріархи, въ Сентябрѣ 1619 года даны были ему: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни за крѣпость и мужество, оказанныя имъ во время послѣдней войны; въ 1621 году вотчина, данная Пожарскому царемъ Василіемъ, пополнена и подкрѣплена новою жалованною грамотою. Въ это время онъ вѣдалъ Разбойный приказъ; на свадьбѣ царя въ 1624 году Пожарскій былъ вторымъ дружкою съ государевой стороны; на второй свадьбѣ въ 1626 году онъ занималъ то же мѣсто; жена его, княгиня Прасковья Варѳоломевна была второю свахою съ государевой стороны, хотя въ мѣстническихъ челобитныхъ и продолжали писать, что Пожарскіе люди не разрядные, при прежнихъ государяхъ кромѣ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали. Въ 1628 году Пожарскій былъ назначенъ воеводою въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ пробылъ 29 и 30-й годы; въ 1635 году былъ назначенъ въ судный Московскій приказъ. Въ послѣдній разъ Пожарскій упоминается за царскимъ обѣдомъ 24 Сентября 1641 года; въ 1642 году полагаютъ его кончину. Говоря о судьбѣ князя Дмитрія Михайловича, нельзя не упомянуть о любопытной челобитной, которую онъ подалъ царю въ 1634 году, вмѣстѣ съ двоюроднымъ бра-

томъ своимъ, княземъ Дмитріемъ Петровичемъ. Изъ этой челобитной видна также вся крѣпость родовыхъ отношеній въ описываемое время: дядя имѣетъ право бить, сажать на цѣпь и въ желѣза племянника за дурное поведеніе, и когда эти средства не помогаютъ, жалуется царю изъ боязни, чтобъ правительство за дурное поведеніе племянника не положило опалы на дядю, ибо при единствѣ рода старшій родичь отвѣчалъ за младшаго: «Племянникъ нашъ, бьютъ челомъ Пожарскіе, племянникъ нашъ Ѳедька Пожарскій у насъ на твоей государевой службѣ въ Можайскѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. Мы, холопи твои, всякими мѣрами его унимали: били, на цѣпь и въ желѣза сажали; помѣстьице, твое царское жалованье, давно запустошилъ, пропилъ все, и теперь въ Можайскѣ изъ кабаковъ нейдетъ, спился съ ума, а унять не умѣемъ. Вели, государь, его изъ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобъ намъ отъ его воровства впередъ отъ тебя въ опалѣ не быть». Наконецъ мы должны упомянуть еще объ одномъ случаѣ, когда было произнесено имя Пожарскаго съ указаніемъ на поведеніе его во время избранія царя въ 1613 году; это указаніе впрочемъ мы можемъ только принять къ свѣдѣнію, не имѣя возможности сказать что-нибудь рѣшительное ни за, ни противъ. Въ 1635 году, на размежеваньѣ границъ Русскихъ и Литовскихъ со стороны Псковской области поссорился стольникъ князь Василій Большой Ромодановскій съ дворяниномъ Ларіономъ Суминымъ, и билъ челомъ, что Суминъ у съѣзжаго шатра говорилъ невмѣстимое слово, а именно «чтобъ онъ, князь Василій не государился и не воцарялся, что и братъ его, Дмитрій Пожарскій воцарялся и стало ему въ двадцать тысячь». Сумина допрашивали, въ какое время князь Дмитрій воцарялся и докупался царства? и Суминъ отрекся, что никогда ничего подобнаго не говаривалъ; но свидѣтели показали, что говорилъ.

Съ именемъ Пожарскаго неразрывно связано имя Минина: за подвигъ, за который Пожарскій получилъ боярство, Мининъ

получилъ думное дворянство, также помѣстья и вотчину, получилъ онъ это «за службу, что онъ съ боярами и воеводами и ратными людьми пришедъ подъ Москву, Московское государство очистилъ». Въ 1615 году царь писалъ Нижегородскимъ воеводамъ: «билъ намъ челомъ думный нашъ дворянинъ Кузьма Миничь, что живетъ онъ на Москвѣ при насъ, а помѣстья и вотчина за нимъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и братья его и сынъ живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и имъ, и его людямъ и крестьянамъ отъ исковъ и поклеповъ чинится продажа великая: такъ намъ бы его пожаловать, братью его и сына, людей и крестьянъ не велѣть судить въ Нижнемъ Новгородѣ ни въ чемъ, а велѣть ихъ судить на Москвѣ. И какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бъ на Кузмину братью, на людей и на крестьянъ кромѣ татинаго и разбойнаго дѣла суда не давали безъ нашихъ грамотъ.» О дѣятельности Минина мы не знаемъ ничего; разъ только удалось намъ встрѣтить извѣстіе о немъ въ приведенномъ выше дѣлѣ о побѣгѣ Андронова. Торговый человѣкъ Богданъ Исаковъ въ допросѣ показалъ, что онъ прихаживалъ къ Андронову по свойству, и свезъ изъ Москвы сестру Андронова Афимью, жену Василья Болотникова, а пожитковъ онъ съ нею не везъ ничего, только было на ней одно платьишко, что̀ ей далъ Кузьма Мининъ. Въ 1616 году Кузьмы Минича уже не было на свѣтѣ; вотчину его, село Богородицкое съ деревнями царь отдалъ вдовѣ его Татьянѣ и сыну стряпчему Нефедью, подтверждена и прежняя грамота, по которой дядья Нефедья, люди и крестьяне могли судиться только въ Москвѣ. Въ 1625 году, по случаю отпуска Персидскаго посланника, Нефедъ Кузьминъ сынъ Мининъ упоминается въ числѣ стряпчихъ съ платьемъ на осьмомъ мѣстѣ; въ слѣдующемъ году на свадьбѣ царской онъ былъ у государева фонаря; въ послѣдній разъ упоминается онъ въ 1628, по случаю представленія Персидскаго посла; въ 1632 году отчина его, село Богородицкое пожаловано въ помѣстье князю Якову Куденековичу Черкасскому; домъ Кузьмы Минина въ Нижнемъ отданъ былъ на житье несчастной невѣстѣ царской, Марьѣ Хлоповой,

а послѣ ея смерти, случившейся въ 1633 году, отданъ княземъ Ивану Борисовичу и Якову Куденековичу Черкасскимъ.

Прославившійся гражданскимъ мужествомъ въ безгосударное время, думный дьякъ Томила Юдичь Луговской возвратился изъ Польши вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и мы встрѣтили уже его въ 1620 году въ короткой расправѣ съ Чихачевымъ, который хотѣлъ мѣстничаться съ княземъ Шаховскимъ; подобная выходка Луговскаго не должна насъ удивлять, ибо при нравственномъ состояніи тогдашняго Русскаго общества твердость и рѣшительность, составляющія величіе человѣка въ случаяхъ важныхъ, соединяются обыкновенно съ склонностію къ крутымъ мѣрамъ и рѣшительнымъ во всякихъ случаяхъ. Послѣ Луговской былъ пожалованъ въ думные дворяне и былъ вторымъ воеводою въ Казани. Не удивительно, что Луговской, съ такой хорошей стороны извѣстный Филарету Никитичу, получалъ повышенія; удивительно, что первымъ дѣльцомъ въ началѣ царствованія Михаилова былъ другой думный дьякъ, Иванъ Тарасовичь Грамотинъ, который, какъ мы видѣли, оставилъ по себѣ очень дурную славу въ Псковѣ, откуда перешелъ въ Тушино, изъ Тушина подъ Смоленскъ къ королю, и потомъ въ Москвѣ былъ ревностнымъ приверженцемъ Сигизмунда, успѣлъ во время отъѣхать опять къ королю, присланъ былъ съ княземъ Мезецкимъ уговаривать Москву къ покорности Владиславу, уже послѣ подвига втораго ополченія, возвратился опять къ королю; неизвѣстно, когда потомъ явился опять въ Москвѣ и успѣлъ получить прежнее званіе печатника. При Филаретѣ Никитичѣ и Грамотина постигла опала: 21 Декабря назначенъ былъ дьякомъ въ посольскій приказъ Ефимъ Телепневъ, которому было сказано: «Былъ въ Посольскомъ приказѣ Иванъ Грамотинъ, и, будучи у государева дѣла, государя царя и отца его св. патріарха указа не слушалъ, дѣлалъ ихъ дѣла безъ ихъ государскаго указа самовольствомъ и ихъ государейсвоимъ самовольствомъ и упрямствомъ прогнѣвалъ, за что на Ивана Грамотина положена ихъ государская опала». Грамотинъ былъ сосланъ въ Алатырь, но по смерти Фи-

Федора Никитича возвратился въ Москву и получилъ прежнее значеніе [14].

Царствованіе Михаила ознаменовано было тяжелыми войнами, которыя все болѣе и болѣе показывали несостоятельность Русскаго войска, слагавшагося, какъ намъ извѣстно, изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, иноземцевъ, атамановъ и козаковъ, испомѣщенныхъ въ разныхъ областяхъ государства. Слѣдовательно, при открытіи военныхъ дѣйствій, нужно было прежде всего собрать этихъ ратныхъ людей, этихъ помѣщиковъ и отвести въ назначенное мѣсто, къ извѣстному воеводѣ. И вотъ назначался кто-нибудь изъ Московскихъ дворянъ или людей, носившихъ придворные чины, ѣхать въ такой-то уѣздъ, собрать и привести ратныхъ людей. Первое препятствіе — назначенный чиновникъ билъ челомъ, что ему по мѣстническимъ отношеніямъ нельзя отводить ратныхъ людей къ такому-то воеводѣ, который меньше его многими мѣстами: надобно было уладить это дѣло, сказать, напримѣръ, челобитчику, что онъ отведетъ ратныхъ людей къ одному старшему воеводѣ, который безспорно больше его. Чиновникъ успокоивался, ѣхалъ и приводилъ немногихъ ратныхъ людей: многіе объявились въ нѣтяхъ, спрятались, не желали разстаться съ теплымъ, покойнымъ угломъ и семействомъ для дальнаго, труднаго и опаснаго похода; другіе явились къ сборщику и пошли съ нимъ къ назначенному мѣсту, но съ дороги разбѣжались. Тогда посылали сборщика вторично, съ наказомъ: собрать тотчасъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по списку, какой ему данъ; а если которые дѣти боярскіе станутъ прятаться, то ему, сыскавши ихъ, велѣть бить кнутомъ и брать поручныя записи; которыхъ не сыщетъ, у тѣхъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ брать прикащиковъ, людей и крестьянъ и держать въ тюрьмѣ, пока сыщетъ самихъ помѣщиковъ; которые дѣти боярскіе государева указа не послушаютъ и, давши по себѣ поручныя записи, не поѣдутъ вмѣстѣ съ сборщикомъ, то сыскивать порутчиковъ, бить ихъ батогами и приказывать искать тѣхъ, за которыхъ поручились; когда сыщутъ, то сысканныхъ бить кнутомъ, сажать въ тюрьмы и

потомъ уже вести на государеву службу. Кромѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ правительству, сборщикъ долженъ былъ привести даточныхъ людей и охочихъ всякихъ людей со всякими боями, съ огненнымъ и лучнымъ.

Дворяне, дѣти боярскіе и новики должны были являться на службу въ збруяхъ, въ латахъ, бехтерцахъ, пансыряхъ, шеломахъ и въ шапкахъ мисюркахъ; которые ѣздятъ на бой съ одними пистолями, тѣ кромѣ пистоля должны имѣть карабины или пищали мѣрныя; которые ѣздятъ съ саадаками, у тѣхъ къ саадакамъ должно быть по пистолю или по карабину; если люди ихъ будутъ за ними безъ саадаковъ, то у нихъ должны быть пищали долгія или карабины добрые; которые люди ихъ будутъ въ кошу, и у тѣхъ, для обознаго строенья, должны быть пищали долгія; а если у нихъ за скудостью пищалей долгихъ не будетъ, то должно быть по рогатинѣ, да по топору.

Когда слышались вѣсти о походѣ Крымскихъ Татаръ, то отправлялись въ украинные города воеводы, которые, пріѣхавъ въ назначенный городъ, должны были отписать во всѣ украинные и польскіе (степные) и рязанскіе города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, что пришли они на государеву службу въ такой то городъ, и съ ними велѣно быть дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, атаманамъ, козакамъ, Литвѣ, Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, понизовыхъ и мещерскихъ городовъ князьямъ, мурзамъ и Татарамъ съ головами и сотниками, стрѣльцамъ и козакамъ коннымъ и пѣшимъ съ огненнымъ боемъ, многимъ людямъ для обереганья государевой украйны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей и отъ Черкасъ. И какія у нихъ въ городахъ про Крымскихъ и Ногайскихъ людей и про Черкасъ вѣсти будутъ, то они бы писали къ нимъ на спѣхъ; да послать имъ по дворянъ и дѣтей боярскихъ высылыциковъ. Когда дворяне, дѣти боярскіе и всякіе служилые люди съѣдуться, то воеводы должны пересмотрѣть ихъ по спискамъ, всѣхъ на лице, и списки естей и нѣтей прислать къ государю. Которые дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ городовъ будутъ въ нѣтяхъ, по тѣхъ нѣт-

довъ посылать высыльщиковъ, другихъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; если нѣтчики станутъ скрываться, сыскивать ихъ накрѣпко, бить батогами, сажать въ тюрьму на время, а изъ тюрьмы давать на крѣпкія поруки съ записями; да на нихъ же брать прогоны: за которыми помѣстья и вотчины добры, на тѣхъ брать по цѣлому прогону, а за которыми худы, на тѣхъ брать по разсчету, разсчитывая на всѣхъ одинъ прогонъ. Если будутъ въ нѣтяхъ замосковныхъ городовъ дѣти боярскіе и иноземцы, про тѣхъ распрашивать тѣхъ же замосковныхъ городовъ окладчиковъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ по государеву крестному цѣлованью, сколько за кѣмъ помѣстья и вотчинъ, кто каковъ прожиткомъ, можно ли этимъ нѣтчикамъ государеву службу служить съ ними въ рядъ, и отъ бѣдности ли кто на государеву службу съ ними вмѣстѣ не пріѣхалъ, или воровствомъ, и каковъ каждому нѣтчику помѣстный и денежный окладъ? И что про нѣтчиковъ скажутъ, то все велѣть написать на списокъ и велѣть окладчикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ къ этимъ своимъ сказкамъ руки приложить, и списокъ прислать къ государю, который велитъ нѣтчикамъ указъ учинить безо всякой пощады. А которые дѣти боярскіе украинныхъ городовъ у смотру не объявятся и высыльщики ихъ не сыщутъ, про тѣхъ распрашивать однихъ съ ними городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ они, побиты или померли, или кто въ другихъ городахъ живетъ, и кто ихъ помѣстьями и вотчинами владѣетъ? а выспрося подлинно, написать на списокъ, который прислать государю. Да велѣть сыскивать недорослей, которые въ службу поспѣли и велѣть имъ быть на государевой службѣ, а имена ихъ прислать въ Москву. Какъ скоро придутъ вѣсти о непріятелѣ, то воеводы должны разослать въ станы и волости дѣтей боярскихъ, велѣть изъ уѣзда женъ и дѣтей боярскихъ служилыхъ и неслужилыхъ, вдовъ и недорослей выслать въ городъ въ осаду, велѣть ихъ переписать и смотрѣть часто. А какъ подлинныя вѣсти будутъ про Крымцевъ, то и боярскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ всѣхъ велѣть выслать въ городъ съ

женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ до приходу воинскихъ людей заранѣе, а хлѣбъ велѣть молотить и класть по ямамъ; а у животины велѣть оставлять людей немногихъ; да велѣть уѣзднымъ людямъ для осаднаго времени держать въ городѣ всякіе запасы. А если по вѣстямъ которые дѣти боярскіе или ихъ жены и дѣти и неслужилые дѣти боярскіе и вдовы и недоросли въ городъ въ осаду не пріѣдутъ, а возьмутъ ихъ въ плѣнъ Татары, тѣмъ дѣтямъ боярскимъ выкупаться самимъ и женъ своихъ и дѣтей изъ полону выкупать самимъ же, изъ государевой казны выкупу и обмѣну имъ не будетъ: бирючамъ о томъ велѣть кликать по нѣскольку дней. Если непослушаются, въ осаду не пойдутъ, то велѣть ихъ сажать въ тюрьму на время, а у вдовъ брать дѣтей и людей и сажать въ тюрьму, а выпустивъ изъ тюрьмы, давать на крѣпкія поруки, чтобъ къ сроку переѣхали въ городъ; если же и тутъ не послушаются, то бить ихъ батогами и сажать въ тюрьму, а у вдовъ брать людей ихъ, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму на время. — Во всякія посылки, въ станицы и подъѣзды для вѣстей посылать дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ, чтобъ дворяне и дѣти боярскіе лучшіе во всякія посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили, а меньшей статьи дѣти боярскіе большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослуживали, чтобъ передъ лучшими младшимъ на службѣ посылокъ лишнихъ никакъ не было. Да по вѣстямъ же въ уѣздѣ на засѣкахъ и топкихъ мѣстахъ поставить головъ, а съ ними ратныхъ людей съ пищалями, да головамъ же велѣть около засѣкъ собрать всякихъ уѣздныхъ людей съ пищалями и со всякими боями; худыя мѣста на засѣкахъ велѣть починить, засѣчь и завалить лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы велѣть покопать, у воротъ и башенъ худыя мѣста починить, рвы почистить. Ратныхъ людей вѣдать, по челобитнымъ ихъ судить и расправу между ними чинить безволокитно; а кормы свои и конскіе самимъ и ратнымъ людямъ въ уѣздахъ по селамъ и деревнямъ велѣть покупать цѣною, какъ цѣна подниметъ, а грабежомъ и насильствомъ отнюдь ни

кого ничего не брать. Смотрѣть воеводамъ ратныхъ людей полкахъ часто, по домамъ до сроку не распускать, посу- и поминковъ за то ни у кого ничего не брать; беречь на -ко, чтобъ отъ ратныхъ людей воровства, грабежу и убій-, татьбы и разбою и другаго никакого насильства не было, -ъ и распутныхъ домовъ ратные люди не держали бы. До -у ратныхъ людей распускать запрещалось; какъ же скоро -а въ войскѣ проходила, то государь посылалъ воеводамъ -азъ распустить ратныхъ людей по волямъ. Ратные лю- отъѣхавшіе изъ подъ Смоленска отъ Шеина, когда заслы- о приходѣ королевскомъ, были наказаны только убав- денежнаго жалованья; воевода князь Борятинскій, который 1615 году шолъ на Лисовскаго мѣшкотно и по дорогѣ и деревни разорялъ, за такое воровство и измѣну былъ -енъ въ тюрьму. По какимъ разсчетамъ давалось ратнымъ -ъ денежное жалованье, видно изъ слѣдующаго: въ Де- -рѣ 1633 года стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и -цы, назначенные въ походъ противъ Поляковъ съ князь- Черкаскимъ и Пожарскимъ били челомъ, что имъ на го- -ревой службѣ быть не съ чѣмъ, помѣстій и вотчинъ за -и нѣтъ, а за иными и есть, да пусты, крестьянъ нѣтъ, -а иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и шести, и имъ съ тѣхъ крестьянъ подняться и на службѣ -ъ никакъ нельзя: такъ государь бы ихъ пожаловалъ, ве- -ъ имъ дать денежное жалованье, а они на государеву служ- готовы. Государь велѣлъ у нихъ въ разрядѣ взять письмо ихъ руками, за кѣмъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, за кѣмъ -сты, и за кѣмъ сколько крестьянъ; когда выписки были -дставлены государю, то онъ пожаловалъ: тѣмъ, у кого нѣтъ -мѣстій или вотчинъ или есть да пустыя, дать по 25 рублей; -ъ у кого не болѣе 15 крестьянъ, давать по 20 рублей, а -ѣмъ больше 15 крестьянъ, тѣмъ жалованья не давать. Мы -ѣли, что по судебнику Грознаго не велѣно было принимать холопи дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которые -ю не служили, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы

отставить. Теперь въ 1641 году дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что ихъ братья и племянники, дѣти и внучата, не хотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, верстаные и неверстаные, били челомъ въ боярскіе дворы къ боярамъ, окольничимъ, къ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и къ своей братьѣ всякихъ чиновъ людямъ. Отвѣтомъ былъ указъ: всѣхъ такихъ съ женами и дѣтьми, если они поженились на крѣпостныхъ женкахъ и дѣвкахъ, взять изъ боярскихъ дворовъ на службу и написать съ городами по помѣстью и по вотчинѣ. А неверстаныхъ дѣтей боярскихъ, которые въ государевыхъ службахъ нигдѣ не объявились и помѣстныхъ и вотчинныхъ дачь за ними нѣтъ: такимъ быть въ дворахъ по-прежнему. Которые дѣти боярскіе, по государеву указу и по боярскому приговору, изъ холопства освободятся, и воровствомъ, не хотя службы служить, станутъ бить челомъ въ иные боярскіе дворы и всякихъ чиновъ людямъ: такихъ отдавать въ холопи тѣмъ, у кого они прежде нынѣшняго указа были; а впередъ съ нынѣшняго указа, дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣтей, племянниковъ и внучатъ, верстаныхъ и неверстаныхъ, и недорослей, въ холопи никому не принимать.

Относительно наслѣдства въ отчинахъ, выслуженныхъ и родовыхъ, постановлено вдовамъ послѣ бездѣтныхъ мужей не давать вотчинъ, отдавать ихъ боковымъ родственникамъ. Если послѣ умершаго отчинника останутся дѣти, то вотчины отдавать сыновьямъ, а дочерямъ давать изъ помѣстій на прожитокъ, но когда братьевъ нѣтъ, тогда и дочери вотчинамъ вотчичи. Внуки и правнуки послѣ дѣдовъ и бабокъ родныхъ съ дядьями и тетками своими родными въ старыхъ вотчинахъ вотчичи. Касательно наслѣдства въ помѣстьяхъ первое ополченіе въ 1611 году постановило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ у вдовъ и сыновей ихъ помѣстій не отнимать; послѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ни женъ, ни дѣтей, помѣстья отдавать роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ по-

...ній ихъ не отдавать. Царь Михаилъ постановилъ: послѣ ...рянъ и дѣтей боярскихъ, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, ... пропавшихъ безъ вѣсти, (а не просто умершихъ, какъ ...жде!) помѣстья отдавать женамъ ихъ и дѣтямъ; если женъ ... дѣтей послѣ нихъ не останется, то помѣстья давать въ ок...ды и додачу роду ихъ и племени, а мимо родственниковъ ...ершаго и мимо дворянъ и дѣтей боярскихъ того города, по ...торому служилъ умершій, помѣстій его не отдавать. Послѣ ...ершихъ иноземцевъ помѣстья ихъ никому, кромѣ инозем...цевъ, не отдавать. Если дворяне и дѣти боярскіе находились ...ъ плѣну лѣтъ по 10, 15, 25 и больше, и помѣстья отцовъ ...хъ въ это время были розданы другимъ, то, по возвращеніи ...ихъ изъ плѣна, по просьбамъ ихъ, отцовскія помѣстья, роз...данныя въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ пребыванія ...ихъ въ плѣну, имъ возвращались; долѣе десяти лѣтъ помѣстья ...имъ не поворачивались, но испомѣщались они вновь прежде ...всѣхъ другихъ просителей.

Стрѣльцовъ прибирали головы ихъ изъ вольныхъ охочихъ лю...дей, отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дядь племянни...ковъ, добрыхъ и рѣзвыхъ, которые бы изъ пищалей стрѣлять умѣ...ли, а худыхъ недорослей, крѣпостныхъ, посадскихъ и пашен...ныхъ крестьянъ въ стрѣльцы брать было нельзя. О наборѣ ...козаковъ мы знаемъ изъ распоряженія 1632 года: которые ...вольные охочіе люди Сѣверскихъ городовъ и Новгородской волости станутъ писаться въ службу въ козаки, такихъ пи...сать на списокъ съ отцами и прозвищами, и велѣть имъ быть въ походѣ, и были бы всѣ козаки съ пищалями; да сказать имъ, что государь велитъ дать имъ жалованья по четыре руб...ли. Изъ службы, изъ тягла и крѣпостныхъ никакихъ людей въ новоприборные козаки не брать, у новоприборныхъ козаковъ поставить голову изъ дворянъ и сотниковъ и велѣть имъ смо...трѣть накрѣпко, чтобъ воровства отъ козаковъ въ полкахъ никакого не было. Что же касается до иноземцевъ, то еще въ 1614 году въ походѣ съ Иваномъ Измайловымъ государь указалъ быть Литвѣ и Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, кото-

рыхъ вѣдаютъ въ разрядѣ и панскомъ приказѣ. Въ
щемъ году въ походѣ за Лисовскимъ государь указалъ
выѣзжему изъ Англійской земли князю Артемью Исаков
съ Нѣмцами. Это тотъ самый Артемій Астонъ, объ отпу
тораго на родину просилъ Мерикъ; мы видѣли, что
было въ этомъ отказано; но потомъ король Іаковъ пр
гонца съ просьбою къ царю, чтобъ отпустилъ Астона
семействомъ въ Англію; Астона отпустили и дали ему
ки; но послѣ государю дали знать, что Астонъ, буд
Москвѣ, ссылался съ Польскимъ королевичемъ, капита
набея изъ Москвы отпустилъ на всякое лихо, и этотъ
набей вступилъ въ Польскую службу. Бояре говорили М
когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ: «Вѣдо
князь Артемій Астонъ и въ Московское государство
по совѣту съ измѣнникомъ Французомъ Маржеретомъ;
Астонъ, выѣхавши изъ Москвы, пріѣзжалъ къ Польско
ролю уже изъ Англіи и жену свою оставилъ въ Поль
потомъ пріѣхалъ въ Польшу сынъ его и напрашивался
роля сбирать ратныхъ людей, чтобъ идти на Московск
сударство, про которое говорилъ поносныя и укорит
слова: такъ король бы князя Артемья наказалъ больш
казаньемъ, и впередъ вашимъ людямъ невѣдомо какъ
Мерикъ отвѣчалъ, что ему объ этомъ дѣлѣ наказа н
думаетъ онъ, что Артемью отъ короля за его воровст
пробудетъ.—Мы видѣли также, что Мерикъ упрашивалъ
не ссылать Англійскихъ служилыхъ людей въ Казань,
стоялъ, что тѣхъ Англичанъ и Шотландцевъ, которые пр
съ нимъ и съ Астономъ, двоихъ пріѣхавшихъ изъ Арх
ска и одного стараго иноземца, всего 20 человѣкъ, ос
въ Москвѣ, иноземцевъ же, которые пріѣзжали изъ р
мѣстъ отъ голоду и нужды, съ побоевъ или заворовавши,
сослали въ Понизовые города на кормъ. Но Англичане,
рыхъ оставили въ Москвѣ, убѣжали въ Литву.

Хотя нѣкоторымъ иноземцамъ не нравилось въ Москвѣ,
нѣкоторые изъ нихъ не могли свыкнуться съ мыслію ост

всегда здѣсь, а отпускъ былъ крайне труденъ: однако охотниковъ вступать въ царскую службу всегда набиралось довольно: капитанъ, родомъ Ирландецъ, бывшій въ Польской службѣ и начальствовавшій въ крѣпости Бѣлой, сдалъ ее русскимъ и самъ со всею ротою своею перешелъ въ царскую службу. Иноземецъ спитардный мастеръ Юрій Безсоновъ получилъ вотчину изъ помѣстья за службу въ приходъ королевича Владислава подъ Москву: въ той вотчинѣ онъ, его дѣти, внучата и правнучата вольны, сказано въ грамотѣ. Иноземцы раздѣлялись на помѣстныхъ, содержавшихъ себя доходами съ помѣстій, и кормовыхъ, получавшихъ жалованье: такъ въ 1628 году въ Большомъ полку на Тулѣ было: иноземцевъ помѣстныхъ Поляковъ и Литвы съ ротмистромъ Яковомъ Рогоновскимъ 118 человѣкъ; съ ротмистромъ Денисомъ Фанъ-Висилымъ (Фонъ-Визинъ) Нѣмцевъ помѣстныхъ 63 человѣка; съ ротмистромъ Кремскимъ кормовыхъ Поляковъ и Нѣмцевъ 120 человѣкъ; Бѣльскихъ (сдавшихъ Бѣлую) Нѣмцевъ съ Томасомъ Герномъ помѣстныхъ 10, да кормовыхъ 54 человѣка; съ ротмистромъ Яковомъ Вудомъ кормовыхъ Грековъ, Сербовъ, Волошанъ и Нѣмцевъ 80 человѣкъ. Чувствуя большую нужду въ иноземныхъ ратныхъ людяхъ, посылая набирать ихъ заграницу, Московское правительство подозрительно смотрѣло на католиковъ и не хотѣло принимать ихъ въ службу: такъ полковникъ Лесли, посланный для найма ратныхъ людей за границу, получилъ наказъ: «нанимать солдатъ Шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ Французскихъ людей, а Французанъ и иныхъ, которые Римской вѣры, ни какъ не нанимать.» Но мы видѣли, что кромѣ наемныхъ и помѣстныхъ иноземцевъ, въ царствованіе Михаила являются полки изъ Русскихъ людей, обученныхъ иноземному строю; у Шеина подъ Смоленскомъ были: наемные многіе Нѣмецкіе люди, капитаны и ротмистры и солдаты тѣміе люди; да съ ними же были съ Нѣмецкими полковниками и капитанами Русскіе люди, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, которые написаны къ ратному ученію: съ Нѣмецкимъ полковникомъ Самуиломъ Шарломъ рейтаръ, дворянъ и дѣтей

боярскихъ разныхъ городовъ было 2,700; Гречанъ, Се
и Волошанъ кормовыхъ 81; полковникъ Александръ Л
съ нимъ его полку капитановъ и майоровъ, всякихъ
ныхъ людей и солдатъ 946; съ полковникомъ Яковомъ Ш
935; съ полковникомъ Фуксомъ 679; съ полковникомъ
дерсономъ 923; съ полковниками — Вильгельмомъ Ки
Юріемъ Маттейсономъ начальныхъ людей 346, да ра
содатъ 3282; Нѣмецкихъ людей разныхъ земель, котор
даны изъ Посольскаго приказа 180, и всего наемныхъ
цевъ 3653; да съ полковниками же Нѣмецкими Русскихъ
датъ, которыхъ вѣдаютъ въ иноземскомъ приказѣ: 4
никовъ, 4 большихъ полковыхъ поручиковъ, 4 майоро
русски большіе полковые сторожеставцы; 2 квартирме
капитана, по русски большіе полковые окольничіе, 2
выхъ квартирмейстера, 17 капитановъ, 32 поручика, 3
порщика, 4 человѣка полковыхъ судей и писарей, 4
ковъ, 4 поповъ, 4 судебныхъ писарей, 4 профоса, 1 по
набатчикъ, 79 пятидесятниковъ, 33 прапорщика, 33 до
ка надъ ружьемъ, 33 ротныхъ заимщика, 65 капорало
мецкихъ, 172 капораловъ Русскихъ, 20 набатчиковъ Н
кихъ съ свирѣльщикомъ, 32 ротныхъ подъячихъ, 68
ковъ Русскихъ, двое Нѣмецкихъ дѣтей недорослей для
чества; всего Нѣмецкихъ людей и Русскихъ и Нѣме
солдатъ въ шести полкахъ, да Поляковъ и Литвы въ чет
ротахъ 14801 человѣкъ. Когда на помощь Шеину
было выступить князьямъ Черкаскому и Пожарскому,
ними было 162 человѣка иноземцевъ — Грековъ, Серб
Волоховъ и Молдаванъ, да съ полковникомъ Алексан
Гордономъ 1567 драгунъ. Что касается до наемной
иностраннымъ ратникамъ, то полковникъ получалъ въ
по 400 цесарскихъ ефимковъ, начальный полковой пор
по 200, майоръ по 100, квартирмейстеръ по 60, регим
шульценъ по 30, секретарь по 25, два попа—каждый по
четыре лѣкаря по 60, судный писарь по 12, ерихтесъ
белъ по 8, профостъ по 10, приставъ по 4, палачь по 8;

въ у всякой роты голова по 150, поручикъ по 45, прапорщикъ по 35, сержантъ по 14, капитанъ надъ ружьемъ по 12, фюреръ, фурирь и писарь по 10, набатчикъ по 7, капоралъ по 8, ротмейстеръ по 6, подротмейстеръ по 5, рядовой солдатъ по 4½. Татары по-прежнему входятъ въ составъ Русской рати: такъ съ князьями Черкаскимъ и Пожарскимъ должны были выступить Казанскихъ мурзъ и Татаръ 275 человѣкъ, Свіяжскихъ мурзъ, Татаръ и новокрещеновъ 205, изъ Курмыша Татаръ и Тархановъ 155, Касимовскихъ Татаръ 308, Темниковскихъ 550, Кадомскихъ 347, Алаторскихъ 359, Арзамаскихъ 220. Кромѣ Черкасъ и Донскихъ козаковъ упоминаются въ Московскомъ войскѣ при Михаилѣ и козаки Яицкіе. Что касается до наряда или артиллеріи, то до насъ дошло перечисленіе и описаніе орудій, бывшихъ подъ Смоленскомъ съ Шеинымъ: пищаль инрогъ, ядро пудъ тридцать гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 450 пудъ, въ волоку вѣсу 210 пудъ, подъ нею 64 подводы; да къ той же пищали станъ съ колесами, въ немъ вѣсу 200 пудъ, подъ нимъ 10 подводъ. Пищаль пасынокъ, ядро пудъ 15 гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 350 пудъ, въ волоку 165 пудъ, подъ нею 52 подводы; пищали волкъ, кречетъ, ахиллесъ, и т. д. Въ 1629 году царь получилъ любопытную челобитную: билъ челомъ Тверской попъ Нестеръ: «Извѣщаю тебя государя о такомъ великомъ дѣлѣ и на страхъ поступаю, паче же страха уповаю на Бога, отъ котораго такое дарованіе я принялъ, что не открылось прежнимъ родамъ при прежнихъ государяхъ, и въ другихъ государствахъ не открылось такое дѣло, какое мнѣ милостивый Господь Богъ открылъ къ твоей государской славѣ и озлобленной землѣ нашей къ избавѣ, твоимъ супостатамъ на страхъ и удивленіе: сострою тебѣ походный городокъ, называемый Рѣдкодубъ, не большими деньгами, походъ ему будетъ не на многихъ подводахъ, а ратные люди могутъ въ немъ держаться и укрываться какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ.» Нестера вызвали въ Москву и велѣли ему сдѣлать образецъ деревянный, или на бумагѣ начертить; но онъ требовалъ,

чтобъ его непремѣнно представили государю: «Не видя государскихъ очей, образца мнѣ не дѣлывать, боярамъ въ этомъ дѣлѣ не вѣрю.» Нѣсколько разъ говорили ему, чтобъ сдѣлалъ образецъ, и потомъ представить его государю, и всякій разъ одинъ отвѣтъ. Тогда государи указали; сослать попа Нестера въ Казань въ Преображенскій монастырь подъ началъ, потому что подаетъ челобитныя, сказываетъ за собою великое дѣло, а дѣла не объявилъ; и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ умѣ. — Три года просидѣлъ несчастный изобрѣтатель въ цѣпяхъ въ монастырѣ, на четвертый прислалъ челобитную, гдѣ прописывалъ и прежніе подвиги: въ 1609 году, въ смутное время, проходилъ онъ съ грамотами въ Великій Новгородъ къ князю Скопину и обратно отъ него въ Москву; потомъ ходилъ съ грамотами и съ зельемъ въ Іосифовъ Волоцкій монастырь сквозь Литовскіе таборы. Въ 1611 году ходилъ изъ подъ Москвы отъ Ляпунова и всей земли подъ Смоленскъ къ митрополиту Филарету съ грамотами, былъ схваченъ, приведенъ къ королю, пытанъ, приговоренъ къ смерти, но бѣжалъ, снова схваченъ, пытанъ и приговоренъ къ смерти, и снова ушелъ. — Неизвѣстно, чѣмъ окончилась судьба Нестера, потому что конецъ дѣла объ немъ сгнилъ.

Мы видѣли, какъ заботливо царь Михаилъ избѣгалъ разрыва съ Крымскимъ ханомъ, и причина понятна; все вниманіе было обращено на западъ, всѣ силы государства были направлены туда. Только съ 1636 года правительство нашло возможнымъ заняться укрѣпленіемъ южной Украйны; въ этомъ году были построены города: Чернавскъ (между Ельцомъ и Ливнами), Козловъ, Тамбовъ, Ломовъ, и возобновленъ Орелъ; въ 1640 году построены были: Хотмышскъ на Ворсклѣ и Вольный Курганъ на Рогознѣ. На издержки по этимъ постройкамъ отпущено было 13,532 рубля; работы производились стрѣльцами, козаками, солдатами и даточными людьми; всѣ дѣла по городовымъ постройкамъ вѣдались въ Пушкарскомъ приказѣ. [15]

Первымъ дѣломъ царя Михаила по восшествіи его на престолъ было освобожденіе государства отъ враговъ внутреннихъ

...вшнихъ, для этого нужно было войско, для содержанія войска нужны были деньги, казна была расхищена, вся тягость слѣдовательно должна была пасть на городское и сельское народонаселеніе; но вотъ въ какомъ положеніи находились многіе города въ началѣ царствованія Михаилова: «На Угличѣ, доносили государю, ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только шесть человѣкъ пушкарей, да и тѣ голодны, а для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ Углицкаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; зелейной пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди, отъ кабацкаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной дороговизны, съ женами и дѣтьми побрели розно; а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены и разорены безъ остатка; а изъ уѣзда сошные люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ.» Уже въ 1618 году Андрей Образцовъ, отправленный собирать деньги па Бѣло-озеро, получивъ выговоръ за медленность, писалъ: «я государь посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о Литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдясь приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи.» Когда Филаретъ Никитичь возвратился изъ Польши, то были предприняты мѣры для устройства опустошеннаго края; вотъ какъ говоритъ объ этомъ царская окружная грамота. «За грѣхъ всего православнаго христіянства, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и

запустѣло, а подати всякія берутъ съ иныхъ по писцовым книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ, инымъ тяжело, а другимъ легко; дозорщики, которыхъ послѣ Московскаго разоренья посылали по городамъ, дозирали и писали за иными по дружбѣ легко, а за другими по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; изъ за Московныхъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, льготя себѣ, чтобъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву и другіе города, да и живутъ здѣсь у родни и друзей; изъ иныхъ заукрайныхъ разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ для разоренья вô всякихъ податяхъ дали льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, и податей никакихъ вмѣстѣ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ; другіе многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей, жалуются на насильство и обиды, просятъ, чтобъ ихъ отъ сильныхъ людей оборонить. Великій государь съ отцомъ своимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, думными и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы это исправить и землю устроить, и, усовѣтовавши, приговорили: которые города отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи, въ тѣ города послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя къ крестному цѣлованью, давъ имъ полный наказъ, чтобъ они писали и дозирали всѣ города вправду, безъ посуловъ. А которыхъ украйныхъ городовъ посадскіе люди живутъ въ Москвѣ и по другимъ городамъ, тѣхъ, сыскивая отсылать въ тѣ города, гдѣ они прежде жили, и льготы имъ дать, смотря по разоренью. А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за митрополитовъ и за все духовенство, за монастыри, за бояръ и за всякихъ чиновъ людей, тѣмъ закладчикамъ всѣмъ быть тамъ, гдѣ прежде были, а на тѣхъ людяхъ, за которыми они жили, доправить наши всякія подати за прошлые годы. На сильныхъ людей во всякихъ

..дахъ мы велѣли сыскивать и указъ по сыску дѣлать боярамъ ..нмъ, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Данилѣ ..новичу Мезецкому съ товарищами; а изъ всѣхъ городовъ, ..вѣдомости и устроенія, указали мы взять въ Москву изъ ..даго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ ..рянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и ра..ныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы ..ли разсказать обиды, насильства и разоренья, и чѣмъ Мо..скому государству полниться, ратныхъ людей пожаловать ..устроитъ Московское государство такъ, чтобъ пришли всѣ .. достоинство.» Но если, съ одной стороны, заботились о томъ, ..бъ посадскіе люди не покидали тягла и тѣмъ не ставили ..варищей своихъ въ бѣдственное положеніе, то, съ другой ..роны, само правительство переводило иногда изъ городовъ ..атѣйшихъ людей въ Москву: такъ въ 1630 году велѣно ..о взять изъ Чердыни въ Москву двоихъ посадскихъ людей .. братьею для помѣщенія въ суконную сотню; при этомъ ..рдынскій воевода получилъ приказъ, въ случаѣ если посад..іе люди скроются, то дать для отысканія ихъ пушкарей и ..сыльщиковъ. Изъ послѣдняго видимъ, съ согласія ли пере..димыхъ происходили подобные переводы. Однимъ изъ глав..ихъ препятствій къ устроенію городовъ, къ благосостоянію ..ъ жителей были насилія воеводъ и приказныхъ людей; въ 1620 году правительство принуждено было разослать грамоты ..ного содержанія: «Извѣстились мы, что въ городахъ вое..ды и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по на..шему указу, монастырямъ, служилымъ посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и про..жи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многіе: вели..кій государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ, приговорилъ ..съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ лю..дямъ наши грамоты, чтобъ они насильствъ и продажъ не дѣ..лали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали, лошадей, ..платья и товаровъ, кромѣ съѣстнаго не покупали, на дворъ у себя денщикамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ и козакамъ,

пушкарямъ и затинщикамъ, изъ посадовъ и слободъ водо-
замъ и всякимъ дѣловымъ людямъ быть, хлѣбъ молоть, толо-
печь и никакого издѣлья дѣлать на себя во дворѣ, въ по-
дахъ и слободахъ не велѣли, городскими и уѣздными люд-
пашенъ не пахали и сѣна не косили, а если въ котор
городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу и б-
дутъ на нихъ челобитчики, то мы велѣли взять на нихъ
вдвое, да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ. Такъ
бы архимандриты, игумены и весь освященный чинъ, двор
дѣти боярскіе, старосты и цѣловальники, посадскіе и уѣзд
всякіе люди, воеводамъ и приказнымъ людямъ посуловъ,
минковъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ не давали, ло
дей, всякой животины и товаровъ, кромѣ съѣстнаго, имъ
продавали: а если станете воеводамъ посулы и поминки да
и про то сыщется, то всѣ убытки велимъ на васъ доправ
вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ. Пишем
мы къ вамъ милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію
нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тиш
отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы ва
продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всем
бы на наше царское милосердіе были надежны.» Любопыт
наивное выраженіе, которое встрѣчается въ грамотахъ, и ко-
торое такъ ясно показываетъ раздѣленіе, особность разных
органовъ общественнаго тѣла, усобицу между ними: въ жало-
ванныхъ грамотахъ городамъ говорится, что царь велѣлъ при-
казнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ бояръ своихъ
и отъ всякихъ людей. По-прежнему сильно жалуется на вое-
водъ лѣтописецъ Псковской; подъ 1618 годомъ онъ говоритъ:
«Былъ во Псковѣ князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ, и
взялъ четвертый снопъ на государя съ монастырей и церквей
на ратныхъ людей, а села государевы розданы боярамъ въ
помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ; но тотъ, кто цер-
ви Божіи оскорбилъ и весь міръ погубилъ, скоро умеръ злою
смертію: на Москвѣ испорченный зельемъ отъ своихъ же, кро-
вію изошелъ.» О князѣ Василіи Туренинѣ и дьякѣ Третьякѣ

Конщинѣ онъ говоритъ подъ 1627 и 1628 годами: «Церковныя отчины и монастырскія отписали на государя, вкладчиковъ монастырскихъ вонъ выбили, монастырей и церквей не строили (т. е. не заботились о нихъ), и въ храмовые праздники обѣдни не было. Въ 1632 году при князѣ Никитѣ Мезецкомъ и Пименѣ Юшковѣ выходили многіе выходцы изъ Литовской земли, всякіе люди Русскіе съ женами и дѣтьми, отъ великой нужды, правежа, голода и Литовскаго насильства на православную вѣру. Этихъ выходцевъ многихъ князь Мезецкій и Юшковъ насильно отдавали дѣтямъ боярскимъ въ крестьянство, и многіе изъ нихъ скованные ходили по городу, милостыни просили, а которые не хотѣли, тѣхъ въ тюрьмахъ держали, чтобъ шли къ нимъ служить съ кабалами. Тѣ же Мезецкій и Юшковъ не давали за городъ соли возить больше полупудка всякимъ людямъ, кромѣ крестьянъ дѣтей боярскихъ.»

Мы видѣли, что на соборѣ, держанномъ по случаю взятія Азова козаками, совѣтные люди жаловались, что и во внутреннихъ городахъ посажены воеводы, тогда какъ прежде сидѣли тамъ губные старосты. До насъ дошло и другое извѣстіе, что съ 1613 года при царѣ Михаилѣ въ городахъ поставлены воеводы и приказные люди; до 1613 года, при боярахъ и при Шуйскомъ въ этихъ городахъ воеводы были же, но при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по Разстригинъ приходъ тамъ воеводъ не было, были судьи, губные старосты и городовые прикащики. Такихъ городовъ, которые съ 1613 года получили воеводъ, насчитывается 33. И при Михаилѣ прибѣгали къ старому средству противъ злоупотребленій чиновниковъ, отъ правительства назначаемыхъ, возстановляли грамоты Грознаго, дававшія міру право судиться и рядиться выборными чиновниками: въ 1614 году подтверждена грамота Іоанна IV-го, данная жителямъ Устюжны Желѣзопольской: «Устюжны Желѣзопольской посадскіе люди, старосты и цѣловальники, соцкіе и десяцкіе и всѣ крестьяне, лучшіе, середніе и младшіе люди, отъ волостелина суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены, быть у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ,

которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ.» Подтверждена имъ и другая грамота Грознаго, по которой они выбирали изъ среды себя цѣловальниковъ, соцкаго и дьяковъ, долженствовавшихъ сбирать всякія пошлины. Въ 1622 году жители Устьянскихъ волостей били челомъ, что въ прежніе годы у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ Московскаго разоренья, какъ начали у нихъ быть прикащики, и имъ отъ этихъ прикащиковъ чинятся налоги и убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи великія, и отъ этихъ прикащиковыхъ налоговъ и насильствъ и посуловъ они, крестьяне оскудѣли и подати имъ платить нечѣмъ, хотятъ брести врознь: пожаловать бы ихъ, впередъ прикащикамъ быть не велѣть, а велѣть быть у нихъ выборнымъ мірскимъ судейкамъ по-прежнему, и за то бы ихъ оброкомъ обложить, сверхъ стараго оброка, чтобъ имъ отъ прикащиковыхъ насильствъ, посуловъ и продажъ въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись.» Царь исполнилъ ихъ просьбу. Жители города Романова—Борисоглѣбска били челомъ, чтобъ ихъ по прежнему вѣдали дьяки Посольскаго приказа. Доходы съ этого города издавна шли на содержаніе поселеннымъ около него Татарамъ, которые потому и называются Романовскими. Какъ эти Татары служили вѣрою и правдою царю Московскому, видно изъ челобитной Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря въ 1614 году: «Послѣ Литовскаго разоренья пришелъ въ Вологду для обереганья Сибирскій царевичь Араслань Алѣевичь съ дворянами, дѣтьми боярскими, Татарами и козаками, и началъ на насъ кормы править и мучить на правежѣ цѣлый день нещадно, а на ночь служекъ нашихъ и крестьянъ безъ рубашекъ велѣлъ сажать въ подполъ и вверхъ ногами вѣшать, и вымучилъ на насъ овса 300 четвертей, сѣна 200 возовъ, 25 четвертей муки пшеничной, 100 четвертей муки ржаной, за барановъ и куръ вымучилъ деньгами 150 рублей, пограбилъ лошадь, сосуды, скатерти, приказные его вымучили себѣ 50 рублей денегъ, и съ того мученья одинъ крестьянинъ умеръ, другіе лежали недѣль по пяти и по шести. Потомъ

по царевичеву письму, будто для берeганья, пришелъ изъ Романова Барай-мурза съ Татарами и козаками и досталь насъ разорилъ.»

Въ 1627 году государь указалъ во всѣхъ городахъ устроить губныхъ старостъ, дворянъ добрыхъ по спискамъ лучшихъ людей, которые были бы душою прямы, имѣніемъ пожиточны и грамотѣ умѣли, которымъ бы можно было въ государевыхъ дѣлахъ вѣрить и которыхъ съ губное дѣло стало бы, а впередъ сыщиковъ, для сыску татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ въ города не посылать, сыскивать всякія такія губныя дѣла въ городахъ губнымъ старостамъ, и о томъ писать къ государю въ Москву. Если дворяне и дѣти боярскіе станутъ выбирать губнаго старосту изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ середнихъ и меньшихъ статей, а лучшихъ людей выбирать не станутъ и выборовъ на нихъ не дадутъ, то мы указали устроить губнаго старосту, по списку лучшаго человѣка, безъ выборовъ, а выборъ на него велимъ на дворянахъ и на всякихъ людяхъ доправить.» Города иногда просили, чтобъ воеводамъ у нихъ не быть, быть одному губному старостѣ; государь соглашался и губной староста получалъ вътакомъ случаѣ наказъ, одинаковый съ воеводскимъ. Относительно смѣны губныхъ старостъ и воеводъ до насъ дошли любопытныя челобитныя: такъ Дмитровцы били челомъ: «что былъ у нихъ одинъ губной староста безъ воеводы и умеръ и на его мѣсто выбрать некого, а прежде былъ въ Дмитровѣ одинъ Өедоръ Чаплинъ и губныя дѣла были ему же приказаны, и, будучи онъ въ Дмитровѣ, о государевомъ дѣлѣ и обо всемъ радѣлъ, за крестьянишекъ и за посадскихъ людей стоялъ, отъ сторонъ оберегалъ, продажи и убытковъ никакихъ не дѣлалъ: вели, государь, быть въ Дмитровѣ по прежнему Өедору Чаплину одному.» Государь велѣлъ, Чаплинъ былъ назначенъ въ Дмитровъ въ 1639 году, но въ 1642 году былъ смѣненъ губнымъ старостою Шестаковымъ по выборамъ; въ 1644 году велѣно быть воеводою въ Дмитровѣ Ртищеву, по челобитью Дмитровцевъ, всякихъ чиновъ людей, а губному старостѣ, по челобитью, въ Дмит-

ровѣ быть не велѣно. Въ 1641 году Угличане били челомъ: «по твоему государеву указу на Угличѣ воевода отставленъ, а городъ велѣно принять губному старостѣ Павлу Ракову на время безъ выбору; но этотъ Павелъ молодъ и окладомъ малъ, многія дѣла дѣлаетъ не по твоему государеву уложенью для своей бездѣльной корысти и бражничаетъ: вели государь его отставить и вели быть на Угличѣ Бѣжичанину Игнатію Мономахову.» Государь указалъ Мономахова отпустить въ Угличь. Въ 1644 году Кашинцы били челомъ: «по твоему государеву указу велѣно быть у насъ въ губныхъ старостахъ Саввѣ Спѣшневу: но онъ срамѣнъ и увѣченъ, руками и ногами не владѣетъ; теперь у насъ въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою и на посадѣ, и въ уѣздѣ воровства, грабежи и убійства многія, насильства великія, а расправы дѣлать некому: прежде въ Кашинѣ были воеводы и губные старосты, и такого воровства, и убійства, грабежа и насильства не было: пожалуй, государь, вели быть по прежнему воеводамъ, и вели быть воеводою изъ Московскихъ дворянъ Дементію Лазареву.» Государь исполнилъ ихъ просьбу.

Отсюда мы видимъ, что города не раздѣляютъ мнѣнія, высказаннаго торговыми людьми на соборѣ, не требуютъ постоянно смѣны воеводъ и замѣненія ихъ губными старостами, какъ выборными чиновниками: города прямо жалуются на губныхъ старостъ и просятъ воеводъ, но при этомъ они указываютъ на извѣстное лицо, которое они хотятъ имѣть воеводою, слѣдовательно и воевода становится такимъ образомъ чиновникомъ выборнымъ или излюбленнымъ. Сильную борьбу съ губными старостами въ царствованіе Михаила выдерживали жители города Шуи: въ 1614 году они жаловались на губнаго старосту Калачева: «въ прошломъ 1612 году пріѣхалъ въ Шую губной староста Посникъ Калачевъ, и началъ на насъ, посадскихъ людишекъ похваляться поклепомъ и подметомъ, и наученьемъ, язычною молкою, велитъ намъ къ себѣ носить кормъ всегда, хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, вино, началъ загонять къ себѣ на дворъ животину всякую, бить, посадскіе люди отъ его

сильства разбрелись, посадскіе дворы запустѣли; а мы того сника въ губные старосты не выбирали.» Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что Калачевъ пріѣхалъ въ Шую е въ смутное время, въ 1612 году. Въ 1618 жаловались сыщика Беклемишева и губнаго старосту Кроткаго, что и научаютъ колодниковъ взводить напрасныя обвиненія на садскихъ людей, воровъ и разбойниковъ выпускаютъ на выъ изъ тюрьмы, и отъ этого умышленья Шуя становится ста; сами отпустятъ своихъ людей, потомъ схватятъ ихъ ъ бѣглыхъ, да и научаютъ оговаривать посадскихъ людей. ъ 1621 произошла ссора между Шуйскимъ воеводою и губ старостами: воевода доносилъ, что по нерадѣнью губихъ старостъ колодники изъ тюрьмы разбѣжались, и что, за этотъ доносъ. губные старосты сажаютъ его воеинныхъ крестьянъ въ тюрьму по напрасну; губные старосты ловались, что воевода вступа‹тся въ ихъ дѣла, не выдаетъ ъ преступниковъ, и одного изъ нихъ, старостъ приказылъ бить батогами и ослопами: духовенство и посадскіе люди обыскѣ объявили, что воевода никогда не бивалъ губнаго аросту. Любопытно, что этотъ обвиненный міромъ въ клеве губной староста Волковъ остался на своемъ мѣстѣ: въ 1622 му ему и товарищу его Кишкину царь запретилъ вступаться дѣло, если на посадѣ грѣшною мѣрою учинится смерть, торый человѣкъ удавится или ушибется, или напившись ъ, сгоритъ, или утонетъ, или рѣкою мертвый человѣкъ плыветъ подъ посадъ, или кто между собою подерется ѣльнымъ дѣломъ, потому что губные старосты, придираясь ъ этимъ дѣламъ, сажали посадскихъ людей въ тюрьму и чили имъ убытки великіе. На Кишкина Шуяне подали челобитную въ 1635 году, что онъ не даетъ посадскимъ людямъ, которыхъ оговорилъ разбойникъ, очныхъ ставокъ съ оговорщикомъ и не даетъ пытать послѣдняго для своей бездѣльной корысти. Тутъ Шуяне прямо просятъ, чтобъ губной староста сыщикъ безъ воеводъ татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ не ѣдали. — Въ 1627 году били челомъ Устюжане: «Сидятъ на

Устюгѣ въ Съѣзжей избѣ пять человѣкъ подъячихъ: одни изъ нихъ взяты изъ посадскихъ таглыхъ людей; другіе, пріѣхавши въ Устюгъ, покупили тяглые посадскіе дворы. У этихъ подъячихъ по молодому подъячему, а сами разбогатѣли сильно, въ волостяхъ за ними деревни лучшія, съ посадскими людьми съ своихъ дворовъ податей не платятъ, съ деревень подати платятъ въ половину, а иныя отписи берутъ угрозами, и многія подати за нихъ платятъ міромъ; да они же ѣздятъ пере мѣняясь въ волости по государевымъ дѣламъ, и по волостямъ берутъ себѣ почести великія, кормы, вина, пива; четвертные доходы сбираютъ съ насъ они же подъячіе и въ Москву отвозятъ , а на мірскую волю не даютъ , отвоза берутъ съ рубля по алтыну, лишнія деньги противъ развода берутъ, а въ отписи не ставятъ; да они же съ насъ, со всего міра берутъ жалованье по двадцати рублей на человѣка; а можно быть въ съѣзжей избѣ на Устюгѣ троимъ подъячимъ, прежде было трое и безъ найму, изъ одного дохода. Вели, государь, дать изъ Москвы на Устюгъ троихъ молодыхъ подъячихъ, или вели выбрать подъячихъ на Устюгѣ міромъ, а тѣхъ старыхъ подъячихъ вели перемѣнить.» Послѣ обыска, подъячихъ отставили.

Ближайшіе къ Москвѣ города при столкновеніи съ воеводами и губными старостами могли обращаться къ царю; но изъ областей отдаленныхъ, изъ Сибири челобитья не скоро могли достигать Москвы, и жители этихъ отдаленныхъ областей употребляли средство, которое употребляли и жители ближайшихъ городовъ, но не всею массою, брели розно. Посланы были на Лену воеводы и духовныя лица, которымъ велѣно вездѣ давать подводы безъ задержки. Когда они пріѣхали въ Енисейскій острогъ, то воевода здѣшній Веревкинъ велѣлъ созвать къ съѣзжей избѣ служилыхъ, посадскихъ людей, пашенныхъ крестьянъ, пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей разныхъ городовъ, и сталъ требовать отъ нихъ подводъ. Служилые люди отвѣчали, что имъ дать подводъ нельзя: «прежде мы ни подъ какою государевою казною и ни подъ какими госу-

..ными воеводами въ подводахъ не хаживали, гребцовъ не ..вали, указу государева о томъ прежде не бывало и те.. нѣтъ; а если съ насъ воевода караулъ городовой, отъѣз..заставные караулы и службу сниметъ, то мы поѣдемъ сами ..вами въ подводахъ, а если службы, и карауловъ отъѣз..ъ и городовыхъ не сниметъ, то у насъ въ подводахъ идти ..му, города государева покинуть не смѣемъ.» Пашенные ..стьяне сказали: «если съ насъ воевода сниметъ пашню, де..ны, то мы побредемъ головами въ подводахъ, а если де..нъ не сниметъ, то у насъ подводъ нѣтъ.» Нѣсколько дней ..ду воевода призывалъ ихъ и уговаривалъ дать подводы, но ..кій разъ одинъ отвѣтъ, что имъ подводъ не давывать. Тог.. воевода велѣлъ лучшихъ служилыхъ и посадскихъ людей ..шенныхъ крестьянъ выборныхъ старостъ пометать въ тюрь.. и вынувъ изъ тюрьмы велѣлъ ихъ бить на правежѣ: но ..сейскіе служилые и посадскіе люди и пашенные крестьяне .. лучшими людьми всѣ пошли головами въ тюрьму и на пра..ъ, говоря: «метать насъ въ тюрьму и на правежѣ бить ..хъ, а не однихъ лучшихъ людей; въ томъ воленъ Богъ да ..ударь: безъ государева указа на насъ велитъ подводы пра..ъ.» И отказавъ въ подводахъ, пошли всѣ врознь. — Якут..й воевода Петръ Головинъ два года держалъ въ тюрьмѣ то..рищей своихъ Матвѣя Глѣбова и дьяка Филатова; въ семи ..рьмахъ Головинъ держалъ больше 100 человѣкъ служилыхъ, ..рговыхъ и промышленныхъ людей. Притѣсненіями и казно..дствомъ отличился также Мангазейскій воевода Григорій ..кoревъ: по донесеніямъ товарища его, Андрея Палицына: ..ріѣдутъ Самоѣды съ ясакомъ, воевода и жена его посыла..ъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ, несчаст..ые дикари пропиваются до нага, ясакъ, который они привез.., соболи и бобры переходятъ къ воеводѣ, а Самоѣды должны ..атить ясакъ кожами оленьими, иные съ себя и съ женъ сво..хъ снимаютъ платье изъ оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, ..тому что всѣ перепились и переграблены. Который торго..ый или промышленный человѣкъ не придетъ къ воеводѣ, къ

женѣ его и къ сыну съ большимъ приносомъ, такого во[…]
кидаетъ въ тюрьму, да не только его самого, но и собак[…]
посадитъ въ тюрьму, да и беретъ потомъ выкупъ и съ […]
го, и съ собакъ. Когда у воеводы бываютъ пиры на т[…]
выхъ и промышленныхъ людей, и если кто къ нему, и[…]
женѣ его или къ сыну принесетъ мало, тому приносъ б[…]
ютъ въ глаза и до воротъ провожаютъ въ шею; люди во[…]
дины берутъ у торговыхъ людей на гостиномъ дворѣ то[…]
безъ платы; къ сыну воеводы промышленные люди хо[…]
ежедневно продажное вино пить: кто принесетъ гривну, […]
дастъ чарку, кто принесетъ двѣ гривны, тому двѣ чар[…]
такъ дальше по разсчету, и какъ эти люди, напившись, […]
дутъ отъ него со двора, то люди его кресты, перстни и […]
яса съ нихъ оберутъ, а съ иныхъ и все платье пос[…]
въ закладъ. Затѣваетъ торговымъ людямъ напрасныя пос[…]
велитъ выбрать нарочитыхъ людей 20 или 30 и скажетъ с[…]
бу на тундру, откуда имъ не воротиться, и тѣ люди, […]
живъ свои головы послѣдними долгами, отъ него откуп[…]
деньгами. Исказилъ царскій наказъ и держалъ его въ съ[…]
избѣ, а настоящій наказъ скрывалъ у себя.—Кокоревъ, съ[…]
стороны, доносилъ на Андрея Палицына, что онъ держитъ […]
му, пьянствомъ другихъ раззоряетъ и самъ пьянствуетъ. О[…]
священникъ, духовный отецъ Палицына, доносилъ на Кокор[…]
другой доносилъ на Палицына и на отца его духовнаго, […]
винилъ ихъ въ содомскихъ дѣлахъ, воровскихъ заводахъ и […]
гомерзкихъ словахъ. Палицынъ доносилъ, что Кокоревъ […]
дитъ въ городъ и въ церковь нарядныиъ воровскимъ об[…]
емъ, носятъ передъ нимъ мечь оберучный, какъ передъ […]
стригою, а люди его всѣ передъ нимъ съ пищалями, саб[…]
и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюрстомъ Нѣмец[…]
ходятъ, чины у него учреждены большіе: холопей своихъ […]
ветъ—инаго дворецкимъ, другаго казначеемъ, иныхъ стол[…]
ками. Когда Кокоревъ пойдетъ въ баню, то передъ баню […]
ходятъ къ нему здороваться складчики его и совѣтчики и […]
и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ […]

ровъ люди ходятъ передъ баню челомъ ему ударить; и когда жена Кокорева пойдетъ въ баню, то велитъ всѣмъ женщинамъ посадскимъ приходить челомъ себѣ ударить. Если у Кокоревскихъ людей умретъ ребенокъ, то всѣхъ посадскихъ женщинъ загоняютъ и велятъ надъ ребенкомъ плакать. На кого Кокоревъ накинется недѣломъ, посадитъ въ тюрьму или на правежѣ велитъ мучить, и тѣ люди послѣдніе свои животишки относятъ къ женѣ Кокорева, а приводитъ ихъ попъ Сосна и всѣмъ людямъ говоритъ: кто хочетъ бѣды избыть, тотъ бы шелъ ко всемірной заступницѣ, которая что захочетъ, то и сдѣлаетъ, хотя отъ висѣлицы отниметъ.—Дѣло дошло до того, что оба воеводы вступили другъ съ другомъ въ явную войну: Кокоревъ съ своими совѣтниками и стрѣльцами началъ стрѣлять изъ города въ посадъ, гдѣ сидѣлъ Палицынъ, и нѣсколько человѣкъ было побито; а Кокоревъ въ свое оправданіе говорилъ, что онъ стрѣлялъ въ слѣдствіе приступа къ городу Андрея Палицына и его соумышленниковъ.

Кромѣ притѣсненій отъ воеводъ и приказныхъ людей жители городовъ и областей много страдали отъ разбоевъ, которыхъ, какъ мы видѣли, было много и прежде, а теперь должно было быть еще больше послѣ недавнихъ смутъ и козацкаго господства. Разбойники ходили толпами; правительство наряжало противъ нихъ стольниковъ, которые ходили съ вооруженными отрядами, со всякимъ ратнымъ боемъ. Въ 1618 году били челомъ люди князя Мстиславскаго: передъ Покровомъ шли Черкасы и крестьянъ многихъ посѣкли въ Ярополчевской волости; а послѣ Черкасъ пришли въ волость Ярополчь козаки и стали въ Вязниковской слободкѣ станомъ; тогда люди и крестьяне князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, да Муромскихъ и Гороховскихъ дѣтей боярскихъ люди, крестьяне и Стародубскіе мужики сложились съ этими козаками, да волость Ярополчевскую разорили; къ козакамъ вино и медъ извощики князя Дмитрія Пожарскаго привозили и торгами всякими торговали, а какъ вино и медъ распродадутъ, то нашихъ крестьянъ пожитки, лошадей, коровъ и платье всякое покупали и стада от-

гоняли въ помѣстья и вотчины своихъ бояръ.» Разбойничали прикащики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами, разбойничали мелкимъ разбоемъ, нападали ночью въ лѣсу на проѣзжихъ. Иначе поступали прикащики большихъ, сильныхъ вотчинниковъ; въ 1645 году Шуяне били челомъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому: «жалоба намъ, государь, на приказнаго твоего человѣка села Иванова-Кохмы, Безчастнаго Черкашенинова: въ прошломъ году о Николинѣ дни вешнемъ въ селѣ Пупкѣ на торгу онъ Безчастный съ твоими крестьянами прибили до полусмерти нашихъ посадскихъ людишекъ, шалаши у нихъ поломали, товаръ—хлѣбъ, калачи, мясо и пироги въ грязь втоптали; мы тогда били тебѣ челомъ, и ты изволилъ сыскать и, по сыску, указъ учинить. А въ нынѣшнемъ году 24 Іюля, пріѣхалъ онъ Безчастный въ Шую на торгъ, собравшись со многими крестьянами и, сердясь за прежнее наше челобитье на него, хотѣлъ насъ перебить; мы, узнавши, что онъ хочетъ насъ перебить,—которые сидѣли въ лавкахъ, а иные по домишкамъ своимъ, отъ него заперлись, и сидѣли запершись до тѣхъ поръ, пока онъ изъ Шуи выѣхалъ; а онъ, Безчастный по торгу и по улицамъ ѣздилъ съ саблею, а крестьяне твои за нимъ ходили съ топорками, кистенями, ослопами и кольями, ясакомъ кликали, похвалялись на насъ убійствомъ.» Прикащикъ дворцоваго села Дунилова, Сабуровъ билъ челомъ на Творогова, прикащика села Васильевскаго, принадлежавшаго также князю Черкасскому: «ѣздитъ Твороговъ въ Шую на торгъ и на Дунилово, съ нимъ ѣздятъ многіе люди, человѣкъ по двадцати, по сороку и больше, называются козаками и крестьянъ государевыхъ по дорогамъ и по деревнямъ побиваютъ и грабятъ, подводы берутъ, женъ ихъ и дѣтей позорятъ, животину всякую стрѣляютъ и по хлѣбу ѣздятъ. Въ нынѣшнемъ году пріѣхалъ на торгъ и сталъ на дворѣ у крестьянина Невѣрова силою; и какъ торгъ съѣхался, то Твороговъ вышелъ со двора съ своими козаками и крестьянами, и сталъ у крестьянъ государевыхъ сукна и холсты грабить и самихъ крестьянъ побивать. Когда я, Сабуровъ, вы-

...ъ людей своихъ уговаривать его, то онъ велѣлъ людишекъ ...ихъ бить на смерть и грабить середь торгу; тогда я вышелъ ...улицу и сталъ ему говорить: зачто ты государевыхъ кресть... велишь грабить, а людишекъ моихъ побивать? а онъ на...ъ меня бранить всякою неподобною бранью, и велѣлъ ко...тъ бить меня до смерти, но меня міромъ отняли; я ушелъ ...себѣ на дворишко и заперся; Твороговъ съ козаками и со ...гими людьми приступалъ къ дворишку моему, изъ луковъ ...пищалей стрѣляли, полѣньемъ бросали и грабили, и я едва ...дѣлся, отняли меня міромъ.» Стрѣльцы при удобномъ слу...ѣ становились также разбойниками: Архангельскій воевода ...носилъ въ 1630 году, что сто человѣкъ стрѣльцовъ, послан...ныхъ изъ Холмогоръ въ Пустоозерскій острогъ, въ Кедровѣ ...на Мезени воровали, крестьянъ били и грабили и женъ ихъ ...бесчестили, сотника своего не слушали. Переводить разбой было трудно въ странѣ малонаселенной, покрытой дремучими лѣсами; кромѣ того средствъ не было: явятся большія разбойничьи шайки, противъ нихъ вооружатся дворяне и дѣти боярскіе, какъ вдругъ придетъ указъ, чтобъ эти дворяне и дѣти боярскіе ѣхали на береговую службу, а за разбойниками пусть идутъ монастырскіе служки, посадскіе и уѣздные люди; воевода пишетъ, что монастырскіе служки худы и безконны; ему отвѣчаютъ изъ Москвы: «вы бы за разбойниками сами ходили, посылали губныхъ старостъ и отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.» Но уже это походило на насмѣшку, ибо дворяне и дѣти боярскіе отставлялись за старостію, увѣчьемъ и болѣзнями. Слышались жалобы и на губныхъ старостъ, что они норовятъ колодникамъ для своей бездѣльной корысти, а губные Шуйскіе старосты разъ подали вотъ какую челобитную на губнаго цѣловальника: «пришелъ онъ съ кабака пьяный и вынулъ изъ тюрьмы колодницу, разбойничью женку Аксютку къ себѣ на постель, а самъ уснулъ пьяный; тогда женка Аксютка вынула у него изъ пазухи ключи тюремные и выпустила изъ тюрьмы колодниковъ, татей и разбойниковъ семь человѣкъ, а тюремный сторожъ въ то время сошелъ къ себѣ ужинать.»

Если посадскіе люди терпѣли отъ прикащиковъ сильныхъ вельможъ, то и дворяне и дѣти боярскіе били челомъ: которые посадскіе тяглые люди живутъ за сильными людьми и за монастырями въ закладчикахъ: то отъ нихъ имъ, дворянамъ, людямъ ихъ и крестьянамъ обиды и насильство многое въ городахъ, по торжкамъ, по слободамъ и на посадахъ: людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, на мытахъ и перевозахъ перевозы и мостовщину берутъ, мимо государева указа; а въ городахъ воеводы и приказные люди на этихъ людей суда не даютъ, отказываютъ, что имъ въ городахъ судить ихъ не указано. Въ слѣдствіе этого челобитья вышелъ указъ: на откупщиковъ и мытовщиковъ судъ давать по приказамъ, изъ котораго приказа кому дано въ откупъ или на оброкъ; кто станетъ брать перевозы и мостовщины мимо государевой грамоты, такихъ бить кнутомъ, да сверхъ того пеня на государя съ откупу ихъ, съ рубля по алтыну. А которые люди всякихъ чиновъ самовольствомъ на своихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ водахъ, по дорогамъ, завели мыты, перевозы и мостовщины, и берутъ перевозъ и мытъ самовольно, вновь поставили мельницы и этимъ воду подняли: то всѣ эти мельницы, мосты и перевозы свезть.

Когда Новгородъ Великій возвращенъ былъ Москвѣ по Столбовскому миру, то жителямъ его дана была льгота на три года отъ всѣхъ податей; воеводами въ него назначены были бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій, да стольникъ князь Ѳедоръ Елецкій съ двумя дьяками: воеводы получили наказъ переписать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть съ ними на службѣ въ Новгородѣ, нѣтчиковъ сыскивать и наказывать, пустопомѣстнымъ и безпомѣстнымъ, пока испомѣстятся, давать кормъ по осминѣ человѣку; пересмотрѣть нарядъ и пушечные запасы и разставить нарядъ по мѣстамъ, росписать пушкарей и всякихъ людей, гдѣ кому быть въ осадное время, чтобъ всякій свое мѣсто зналъ; ворота воеводамъ и дьякамъ вѣдать, кому которые пригоже; въ городничіе выбрать двоихъ дворянъ добрыхъ и велѣть имъ всякій хлѣбъ и горо-

рое всякое береженье и у наряду у всѣхъ воротъ вѣдать ...всемъ, въ городѣ ворота замыкать и отмыкать, а ключи приносить боярину и воеводѣ князю Хованскому въ каменный городъ; жить князю Хованскому въ большомъ каменномъ городѣ, князю Елецкому въ другомъ городѣ, а дьякамъ жить, гдѣ прежде дьяки живали; какъ городъ замыкать и отмыкать— для того сдѣлать колоколъ, а ратный вѣстовой держать другой колоколъ; порохъ и всякій пушечный запасъ держать въ каменномъ городѣ на казенномъ дворѣ или въ крѣпкомъ погребѣ, и приказать тотъ погребъ и порохъ городничему, а для береженья отъ огня учредить объѣзжиковъ; въ осадное время Чухновъ, Латышей и порубежныхъ Русскихъ крестьянъ въ городъ (крѣпость) не пускать, держать ихъ на посадѣ, во рвахъ, а женъ ихъ и дѣтей малыхъ пускать въ городъ. Выбрать дѣтей боярскихъ и велѣть имъ корчмы вынимать у всякихъ людей, чтобъ кромѣ государевыхъ кабаковъ никто питья на продажу не держалъ; дѣти боярскіе, которымъ держать про себя питье непригоже, чтобъ никакъ его не держали, а которымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, гостямъ лучшимъ и торговымъ людямъ пригоже питье держать, тѣ бы питье держали про себя, а не на продажу; если у тѣхъ, кому нельзя держать питья, вынутъ корчму впервые, на томъ взять два рубля заповѣди, вынутъ корчму въ другой разъ у сына боярскаго, то вкинуть его на время въ тюрьму, и заповѣди взять вдвое, вынутъ въ другой разъ корчму у посадскаго человѣка, у стрѣльца, козака или пушкаря, то бить кнутомъ и вкинуть въ тюрьму, а заповѣди взять вдвое. Заказъ крѣпкій учинить и биричю велѣть кликать нѣсколько разъ, чтобъ никакого воровства не было, никто бы никого не билъ и не грабилъ и другаго никакого дурна не дѣлалъ; беречь накрѣпко, чтобъ въ лѣтнее время избъ и бань не топили, вечеромъ съ огнемъ не сидѣли, ѣсть бы варили и хлѣбы пекли въ поварняхъ и на огородахъ въ печахъ. Порубежныхъ Латышей и Чухонъ Новгородскаго уѣзда, также зарубежныхъ Нѣмцевъ, Латышей и Чухонъ, если пріѣдутъ съ хлѣбомъ или такъ для

чего-нибудь, въ городъ не пускать, а отвести имъ дворъ или два на посадѣ, приказать ихъ пріѣздъ и отъѣздъ вѣдать сыну боярскому или двоимъ добрымъ и беречь накрѣпко, чтобъ имъ отъ Русскихъ людей обидъ не было, да чтобъ и отъ нихъ Русскимъ людямъ дурна не было же; случится между ними и Русскими людьми тяжба, то судить ихъ на посадѣ головамъ, которымъ приказаны будутъ Нѣмецкіе гостиные дворы, а вершить дѣла воеводамъ. Если посадскіе люди изъ Московскихъ городовъ станутъ приходить въ Новгородъ и захотятъ жить въ немъ, будутъ просить льготы, то, разспросивъ ихъ, велѣть жить на посадѣ, давши имъ мѣста подъ дворы и подъ огороды, записывать имена ихъ въ книги и присылать вѣдомость къ государю въ чети, откуда кто пришелъ и какъ давно. Беречь накрѣпко, чтобъ Нѣмцы и Латыши, пріѣзжая въ Новгородъ, у порубежныхъ людей хлѣба и никакого другаго товара не покупали и скота не гоняли за рубежъ, чтобъ заморскіе торговые люди изъ Новгорода хлѣба и никакого съѣстнаго запаса за рубежъ не вывозили; сдѣлать для Нѣмцевъ гостиный дворъ на торговой сторонѣ, занять мѣсто небольшое острогомъ, дворы извозные извощикамъ сдѣлать, а извощиковъ прибрать сколько пригоже смотря по заморскому водяному пріѣзду и привозу, этимъ извощикамъ изъ судовъ на гостинъ дворъ всякіе товары велѣть возить, а мимо ихъ никому въ извозѣ не быть, да изоброчить этихъ извощиковъ оброкомъ. Если товаръ съ Нѣмецкихъ разбитыхъ судовъ прибьетъ къ берегу, то воеводамъ велѣть товаръ сыскивать и отдавать Нѣмцамъ, чей онъ будетъ, взимая на государя десятую выть. Поминковъ воеводамъ у чужеземцевъ и у Русскихъ людей не брать ни подъ какимъ видомъ; если Нѣмцы станутъ какую почесть приносить, то также не брать ничего; пускать ихъ князю Хованскому къ себѣ въ избу въ другомъ городѣ передъ воротами по утрамъ, человѣкъ по пяти и по шести, а не вдругъ, въ каменный же городъ заморскихъ Нѣмцевъ никакъ не пускать. Сдѣлать въ Новгородѣ гостиный дворъ, чтобы гости мимо этого двора нигдѣ не ставились, а Фрязамъ, Французскихъ

[illegible]овъ людямъ сдѣлать на тѣхъ дворахъ анбары, гдѣ держать [illegible]гіе товары и всякую мелкую рухлядь; ѣду и питье вся[illegible] держать для заморскихъ Нѣмцевъ и для торговыхъ лю[illegible] дворникамъ тѣхъ дворовъ, а для береженья на дворахъ [illegible]ставить сына боярскаго, и съ нимъ цѣловальниковъ; слу[illegible]ихъ людей, дѣтей боярскихъ, пушкарей, стрѣльцовъ и ко[illegible]овъ на дворы не пускать, чтобъ отъ нихъ пріѣзжимъ лю[illegible]ъ обмана, татьбы и другаго воровства не было. Тяжелый [illegible]ръ: сельди, соль, медъ, свинецъ, сѣру горячую, мѣдь [illegible]сть за городомъ на гостиныхъ дворахъ подъ навѣсами, а [illegible]й товаръ Нѣмцамъ класть въ анбарахъ. Русскимъ людямъ [illegible] товаръ: лепъ, посконь, сало, воскъ также класть на го[illegible]ыхъ дворахъ, а соболи, бѣлки и всякій дорогой товаръ [illegible]сть въ городѣ, для чего сдѣлать имъ тамъ дворъ съ анба[illegible]. Если будутъ вѣсти не тихи, на то время и Нѣмецкіе [illegible]шіе товары съ гостиныхъ дворовъ велѣть перевозить въ [illegible]дъ, и класть въ погреба или въ палаты гдѣ бы крѣпче, [illegible]енъ, сало, воскъ и посконь класть въ каменные погреба, [illegible]было бы отъ огня безстрашно; а по улицамъ на посадѣ [illegible]ую ночь должны ходить по два сына боярскихъ да по де[illegible] человѣкъ посадскихъ людей, смотрѣть чтобъ не было ни[illegible]ого воровства, и кругомъ гостинаго двора ходить и бере[illegible]ье держать большое. Пушкарямъ, стрѣльцамъ, козакамъ и [illegible]ротникамъ съ Нѣмцами торговать запретить и смотрѣть за [illegible] строго, чтобъ надъ Нѣмецкими и надъ Русскими людьми [illegible]ровства не дѣлали, да смотрѣть, чтобъ стрѣлять умѣли, а [illegible]торые не умѣютъ, тѣхъ вонъ метать, и на ихъ мѣсто при[illegible]рать умѣющихъ; холопей боярскихъ, тяглыхъ людей и съ [illegible]омъ пашенныхъ крестьянъ въ стрѣльцы и козаки не брать, [illegible]ть вольныхъ охочихъ людей. Былъ до разоренья въ Нов[illegible]родѣ денежный дворъ: такъ воеводамъ велѣть прежнихъ де[illegible]ныхъ мастеровъ и новыхъ собрать и денежный дворъ уст[illegible]ить, велѣть деньги дѣлать въ старыхъ деньгахъ и въ ефим[illegible]хъ, а для береженья велѣть быть на денежномъ дворѣ сыну боярскому доброму, да гостю или торговому человѣку лучше-

му и цѣловальникамъ, цѣловальниковъ велѣть выбрать городомъ, выборъ взять за руками и къ крестному цѣлованью привести. Денежнымъ мастерамъ сказать, что государь велитъ имъ давать денежное жалованье по-прежнему, и беречь накрѣпко, чтобъ мастера дѣлали деньги изъ чистаго серебра, а мѣдныхъ и оловянныхъ не дѣлали, и въ деньги мѣди и олова не примѣшивали, государевымъ серебромъ не корыстовались. — Обо всемъ воеводамъ промышлять по сему государеву наказу, по указнымъ грамотамъ и смотря по тамошнему дѣлу; а о большихъ и вѣстовыхъ дѣлахъ приходить къ митрополиту и съ нимъ совѣтоваться, какъ которому дѣлу быть пригоже, и какъ бы государеву дѣлу было лучше и прибыльнѣе.»

Въ 1626 году въ Новгородѣ Великомъ людей, способныхъ носить оружіе было 2752 человѣка: изъ нихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ пятинъ 1297, новокрещеновъ, Татаръ и Черкасъ помѣстныхъ и кормовыхъ 36, стрѣльцовъ 564 съ двумя головами и 8 сотниками, козаковъ 355, пушкарей и воротниковъ 20, подъячихъ у дѣлъ и разсылочныхъ 35, посадскихъ и всякихъ тяглыхъ людей съ разными боями 435. Въ Новгородскихъ пригородахъ: въ Ладогѣ 289, въ Порховѣ 75, въ Старой-Русѣ—70; во Псковѣ 4,807, въ томъ числѣ посадскихъ 3,130, несмотря на то, что въ 1615 году выведено было 300 семей въ Москву; въ Торопцѣ 1,103; въ Торжкѣ 567; въ Твери 178, въ томъ числѣ посадскихъ 85; въ Кашинѣ 61; въ Устюжнѣ Желѣзопольской 335, въ томъ числѣ посадскихъ 300, 100 съ пищалями и 200 съ рогатинами; въ Ярославлѣ 2,480, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей, дворниковъ и захребетниковъ 457 съ пищалями, да 1669 съ копьями, кромѣ того въ Спасскомъ монастырѣ слугъ, служекъ и всякихъ монастырскихъ людей 73 съ пищалями, до 51 съ копьями; въ Костромѣ 1,297, въ томъ числѣ 1,200 посадскихъ; въ Вологдѣ 1091, въ томъ числѣ посадскихъ 800; во Владимирѣ 370, въ томъ числѣ оброчныхъ огородниковъ 50, посадскихъ 128, дворниковъ 62, патріарховыхъ слободскихъ крестьянъ 17, соборныхъ поповъ крестьянъ 31, Дмитровской слободы крестьянъ 2; въ

Суздалѣ 419, изъ нихъ посадскихъ 258; въ Арзамасѣ 650; въ Коломнѣ 558, изъ нихъ посадскихъ 287; въ Алексинѣ 90, изъ нихъ посадскихъ и чернослободцевъ 5; въ Калугѣ 1068, изъ нихъ посадскихъ 422; въ Вязмѣ 1321, изъ нихъ посадскихъ 302; въ Можайскѣ 431, изъ нихъ посадскихъ 94; въ Волоколамскѣ 106, изъ нихъ посадскихъ 27; въ Боровскѣ 280, — посадскихъ 58; въ Болховѣ 318, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 167; въ Воронежѣ 1168,—посадскихъ 37; въ Ельцѣ 1,486, — жилецкихъ людей 25.—Въ 1635 году уже другія цифры: во Владимірѣ, напримѣръ, вмѣсто 128 посадскихъ — 184, дворниковъ вмѣсто 62 — 100, но число огородниковъ уменьшилось: вмѣсто 50 — 33. Въ Суздалѣ вмѣсто 419 посадскихъ находимъ только 302; въ Боровскѣ вмѣсто 58 — 65; въ Калугѣ тоже самое число; въ Воронежѣ приращеніе большое: вмѣсто 37 посадскихъ 1626 года находимъ 375; положимъ даже, что въ это число вошли 101 человѣкъ крестьянъ монастырской и оброчной слободы, показанные особо подъ 1626 годомъ, и не показанные въ 1635. Въ Новгородѣ Великомъ также большое приращеніе: вмѣсто 435 посадскихъ 1097 посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ! Но во Псковѣ сильное уменьшеніе: вмѣсто 3130 посадскихъ 1626 года въ 1635 находимъ только 1057 съ дѣтьми, братьями, племянниками и захребетниками. Сильное увеличеніе посадскихъ въ Новгородѣ и сильное уменьшеніе ихъ во Псковѣ легко можно объяснить тѣмъ, что Новгородскіе посадскіе люди бѣжали отъ Шведскаго разоренья и преимущественно во Псковъ, а потомъ мало по малу возвращались; во Псковъ же, кромѣ Новгородцевъ, могли сбираться посадскіе люди и изъ другихъ разоренныхъ городовъ, потому что Псковъ въ смутное время непріятелемъ занятъ не былъ [16].

Незначительное число посадскихъ людей въ городахъ, людей, занимавшихся торговлею и промышленностію, уже можетъ показать намъ, что торговля и промышленность въ Московскомъ государствѣ при Михаилѣ не были въ блестящемъ состояніи. Разгромъ смутнаго времени, пожертвованія для та-

желыхъ войнъ съ Польшею, насилія воеводъ и великихъ сильныхъ людей, дурное состояніе правосудія, монополіи казны, дурныя дороги, недостатокъ безопасности на этихъ дорогахъ по причинѣ разбойниковъ, отсутствіе образованности, отъ котораго происходила мелкость взглядовъ, мелкость и безнравственность средствъ для полученія барышей, — все это производило то, что Русскіе торговые люди были бѣдны, отбывали своихъ промышлениковъ; если предположимъ даже, что они говорили неправду, нарочно выставляли свою бѣдность, чтобъ отбыть отъ пожертвованій, то побужденія, которыя заставляли ихъ такъ поступать, конечно не могли содѣйствовать развитію торговли и промышленности. До чего доходили откупа, видно изъ слѣдующей царской грамоты 1639 года: «Вѣдомо учинилось: въ городахъ, приписанныхъ къ приказу Новгородской чети, въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмельное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь, и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; въ прежнее время такіе мелкіе промыслы никогда въ откупу ни закѣмъ не бывали, а теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли, и государь указалъ всѣ эти новоприбылые откупа въ городахъ отставить. О томъ же свидѣтельствуетъ и Псковской лѣтописецъ; онъ говоритъ, что въ 1627 и 1628 годахъ умышленіемъ воеводы и дьяка дали на откупъ квасниковъ, извощиковъ, дегтярей и банниковъ на оброкъ и площадныхъ подъячихъ, а въ 1629 году купили на Москвѣ кабаки Псковскіе Ивана Никитича Романова закладчикъ Хмелевскій съ товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стопъ убавили; другіе люди откупали кабаки по волостямъ». Человѣкъ съ состояніемъ долженъ былъ находиться въ безпрерывномъ страхѣ за свое имущество и за свое спокойствіе, потому что оно было постоянною цѣлію для людей, хотѣвшихъ поживиться на чужой счетъ, и такіе люди были не между одними козаками: начали пріѣзжать изъ Москвы во Псковъ дворяне, дѣти боярскіе и торговые всякіе люди съ ложными за-

зывный грамотами, требуя зажиточныхъ горожанъ въ Москву на судъ; тѣ, только чтобъ не предпринимать раззорительнаго путешествія, не испытывать знаменитой Московской волокиты, мирились, сами не зная въ чемъ, давали иногда больше десяти рублей. Въ слѣдствіе этого Псковскіе всегородные земскіе старосты били челомъ царю, чтобъ далъ Псковичамъ право судиться у себя во Псковѣ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ; царь исполнилъ просьбу. Шуяне били челомъ князю Про зоровскому на его человѣка Акинѳова, что онъ взялъ зазывную грамоту на шестерыхъ Шуянъ посадскихъ людей, поклепавъ напрасно, убытчитъ и продаетъ и впередъ похваляется на многихъ посадскихъ и остальныхъ людишекъ зазывными же грамотами, поклепами и продажами и убытками великими. Мірское устройство городовъ обезпечивало горожанамъ право подавать всѣмъ міромъ безпрестанныя жалобы царю и вельможамъ, не обезпечивая однако, какъ мы видѣли, возможности защищаться всѣмъ міромъ, когда сосѣднему прикащику вздумается въѣхать въ посадъ съ угрозами: однѣ формы не помогутъ, какъ бы онѣ хороши не были. Мірское устройство, съ другой стороны, обезпечивая право жаловаться всѣмъ міромъ на злоупотребленія, не обезпечивало отъ раззоренія и правежа, когда весь міръ долженъ былъ платить за пустые дворы, все болѣе и болѣе въ нѣкоторыхъ городахъ прибавлявшіеся: въ 1640 году Шуяне били челомъ: въ прошломъ 1631 году было у насъ по писцовымъ книгамъ на посадѣ жилыхъ тяглыхъ дворовъ 154, въ прошломъ 1639 году запустѣло 32 двора, да въ нынѣшнемъ 1640 погорѣло 82 двора, осталось у насъ разломанныхъ дворишковъ 40, и пошли мы по міру, промыслишки и товаришки—все пригорѣло; да мы же до пожара и послѣ пожара стоимъ на правежѣ за недоплаченныя въ 1639 году дворовыя деньги. Челобитная оканчивается обычнымъ припѣвомъ: «пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, чтобъ намъ въ конецъ не погинуть и розно не разбрестись». Міръ пользовался правомъ жаловаться на злоупотребленія, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотребленіямъ не потакало.

Въ 1639 году Шуяне били челомъ: велѣно въ Шуѣ сыскивать корчемныя и табачныя дѣла Ивану Тарбееву и велѣно ему взять у насъ обыскныя рѣчи, и мы указали на людей, которые табакъ пили, а кто имъ табакъ привозилъ, того мы не знаемъ; но Иванъ Тарбеевъ научилъ этихъ бездѣльниковъ клепать насъ табакомъ для своей корысти, многихъ насъ испродалъ и многіе посадскіе людишки разбрелись розно, покинувъ женъ своихъ, дѣтей и животы; и Иванъ Тарбеевъ на ихъ мѣсто взялъ женъ и дѣтей и отдалъ за приставовъ, а изъ за приставовъ беретъ ихъ къ себѣ на постелю на блудъ, угрожая имъ пыткою и торговою казнію и велѣлъ имъ клепать насъ табакомъ». Правительство не оставило безъ вниманія такой жалобы и отправило Андрея Палицына разыскать дѣло; Палицынъ былъ безпристрастенъ относительно Тарбеева; но Шуйскій міръ опять подалъ челобитную теперь уже не государю, а могущественному боярину, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, что Палицынъ пытаетъ Тарбеева, но вмѣстѣ пытаетъ и посадскихъ людей, пытаетъ крѣпко на смерть, не противъ ихъ обысковъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Русскіе торговые люди были бѣдны и не могли стянуть съ богатыми иноземцами, на которыхъ они жаловались одинаково какъ и на воеводъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Англичане получили грамоту на свободную и безпошлинную торговлю: торговые Русскіе люди старались представить это дѣло такъ, что Англичане подкупили думнаго дьяка Третьякова; но мы не можемъ принять этого объясненія, зная особенныя отношенія новаго Московскаго правительства къ Англіи. Англичане обязаны были доставлять въ царскую казну сукна и другіе товары по цѣнѣ, по какой они продаются въ Англіи, не вывозить шелку за границу, не привозить табаку и чужихъ товаровъ; по городамъ воеводы должны были смотрѣть, чтобъ Русскіе люди отъ Англичанъ ихъ товарами не торговали, и чтобъ Англичане закладчиками Русскихъ людей не держали. Въ 1613 году дана Нѣмцу Буку жалованная грамота на безпошлинную торговлю за его службы, преж-

и нынѣшнюю къ государю и Московскому государству. омъ же году дана грамота иноземцу Ивану Юрьеву на безпошлинной торговли во всѣхъ Русскихъ городахъ по его разоренія, претерпѣннаго имъ отъ Поляковъ; въ 1614 была грамота компаніи Голландскихъ гостей на свобод- безпошлинную торговлю, но только въ продолженіе трехъ и то въ вознагражденіе за потери, которыя компанія въ смутное время, послѣ же трехъ лѣтъ они должны платить половинную пошлину; для иноземства госу- ихъ пожаловалъ, не велѣлъ судить ихъ по городамъ вое- и приказнымъ людямъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, въ ихъ же искахъ судятся они въ посольскомъ приказѣ; по суду до крестнаго цѣлованія, то присягаютъ не , а люди ихъ; съ дворовъ ихъ никакія подати, пош- повинности не требуются; наконецъ Голландцы могутъ при себѣ питье. Въ 1619 году Новгородскіе таможен- оловы, гости, старосты и всѣ посадскіе люди жаловались олландца Самуила Леонтьева, что онъ живетъ на посадѣ на мъ дворѣ, владѣетъ дворомъ невѣдомо почему, на гости- дворѣ съ другими иноземцами не ставится, держитъ то- у себя на дворѣ, для царскихъ пошлинъ въ таможню ихъ етъ, торгуетъ всякими товарами врознь, и посылаетъ Русскихъ людей для торговаго промысла въ Заонѣж- огосты и, покупая хлѣбъ, рыбу и всякіе товары, отпу- въ Нѣмецкіе города; государь приказалъ воеводамъ ить Голландца, почему онъ такъ дѣлаетъ, взять съ его овъ пошлины, выслать вонъ и впередъ запретить ѣздить Новгородъ, да запретить ѣздить въ Новгородъ и другимъ цкимъ купцамъ, у которыхъ не будетъ царскихъ жа- ныхъ грамотъ, кромѣ Шведовъ. Ганзейскіе города, по бѣ Голландскихъ штатовъ, получили право свободной тор- , но потомъ потеряли его. Мы видѣли, что по Столбов- у миру Шведы получили право свободной торговли въ Рус- ъ городахъ; въ 1629 году царь писалъ Новгородскимъ водамъ: «пріѣзжаютъ изъ-за рубежа въ нашу сторону тор-

говые люди и торгуютъ всякими товарами украдкою, ѣздя по деревнямъ, безпошлинно; а еще въ 1625 году велѣно Русскимъ торговымъ людямъ заказъ учинить крѣпкій, чтобъ они въ Швеціи торговали по городамъ, а по селамъ и деревнямъ не торговали, точно тоже и Шведамъ велѣно сказать, чтобъ они у насъ по селамъ и деревнямъ не торговали». Псковской лѣтописецъ жалуется на Нѣмцевъ и вообще на стѣсненіе торговли, подъ 1632 годомъ онъ говоритъ: «Привезли Нѣмцы торговую грамоту изъ Москвы, что ставить имъ дворъ Нѣмецкій во Псковѣ, входить въ городъ и торговать; архіепископъ Іоасафъ и Псковичи били челомъ государю, чтобъ не быть во Псковѣ Нѣмцамъ; но челобитья Псковскаго не приняли, у Іоасафа благословеніе и службу отняли, а Нѣмцы во Псковъ многіе входили и ѣздили по всему городу невозбранно, и отмѣрили мѣсто, гдѣ дворъ Нѣмецкій ставить. Въ 1636 году отняли у Псковичей торговлю, льномъ не торговать всякимъ людямъ, и гость Московскій присланъ, велѣно ему купить на государя по указной цѣнѣ Московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги—корелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда несказанная и всей землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать». Нѣсколько разъ гостишки, гостинной и суконной сотни торговые людишки и многихъ разныхъ городовъ — Казанцы, Нижегородцы, Костромичи, Ярославцы, Суздальцы, Муромцы, Вологжане, Устюжане, Романовцы, Галичане, Угличане, Каргопольцы, Бѣлозерцы, Колмогорцы и другихъ многихъ городовъ торговые людишки подавали жалобу государю на иноземцевъ, Англичанъ, Голландцевъ и Гамбурцевъ, которые ѣздятъ по государевымъ жалованнымъ грамотамъ въ Москву и по многимъ другимъ городамъ со всякими многими товарами, тогда какъ при прежнихъ государяхъ кромѣ Англійскихъ гостей иноземцы нигдѣ не торговали, торговали только у Архангельскаго города. Теперь же они ѣздятъ по всѣмъ городамъ и привозятъ съ собою другихъ иноземцевъ, у которыхъ нѣтъ государевыхъ жалованныхъ грамотъ, называютъ ихъ своими братьями, пле-

[...]дками и прикащиками, ихъ товары выдають за свои, про[...]ять товары тайно и безпошлинно; сами всюду ѣздять, по[...]ють Русскіе товары и потомъ продають ихъ у Архан[...]ска иноземцамъ заморскимъ тайно и безпошлинно; чинять [...]ими заморскими Нѣмцами заговоръ вмѣстѣ и торгують [...]ъ товары въ накладъ, и чѣмъ намъ кормиться и сытымъ [...], все это у насъ отняли; оттого Русскіе торговые люди [...]рхангельску ѣздить перестали, ярмарка начала пустѣть, [...]сударевой казнѣ стали быть недоборы большіе, а мы отъ [...] въ конецъ погибли. Тѣ же иноземцы и остальныя судо[...]промыслишки у насъ отняли: съ Вологды къ Архангель[...]у городу и отъ Архангельска вверхъ къ Вологдѣ товары [...] въ своихъ дощаникахъ возять и кладь у Русскихъ людей [...] иноземцевъ по найму берутъ».

[...] видѣли, что Астраханская торговля съ востокомъ по[...]дала при Заруцкомъ, когда Бухарскіе и Гилянскіе купцы, [...]бленные воромъ, должны были разбѣжаться; послѣ очищенія [...]рахани отъ Заруцкаго торговля возобновилась; въ наказѣ [...]раханскому воеводѣ говорится: «переписать на Гилянскомъ [...]ухарскомъ дворѣ Тезиковъ, которые живутъ въ Астрахани [...]государевомъ имени, которой они области, котораго города, [...] давно живутъ въ Астрахани, ѣздять ли отсюда въ свою [...], или живутъ въ Астрахани безвыѣздно, какими това[...] торгують и сколько доходовъ идетъ съ нихъ въ госу[...]у казну?» Царь Михаилъ далъ Бухарцамъ право ѣздить [...] товарами въ Казань, Астрахань, Архангельскъ и примор[...] города, нанимать подводы, покупать суда; воеводы не [...] ихъ задерживать, исключая долговыхъ обязательствъ и [...]ловныхъ дѣлъ. Что касается до Персидской торговли, то [...]сковскіе купцы сами объявили, что ведуть ее многіе Русскіе [...]вые люди, изъ многихъ городовъ; относительно же торговли [...]сіанъ въ Россіи данъ былъ такой наказъ Астраханскому вое[...]дѣ: «велѣть Кизилбашскихъ, Бухарскихъ и Гилянскихъ тор[...]ыхъ тезиковъ ставить на Гилянскомъ и Бухарскомъ дворѣ [...] торговать имъ велѣть съ Русскими людьми и съ юртовскими

Татарами на Татарскомъ базарѣ указными товарами, кромѣ шаховыхъ купчинъ, которые покупаютъ товары на шаха: этимъ позволено покупать на шаховъ обиходъ всякіе товары, Нагайскій ясырь (невольниковъ), птицъ, ястребовъ, соколовъ и балабаловъ, кромѣ кречетовъ, пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ не брать, но смотрѣть, чтобъ шаховы купчины на себя не покупали того, что указано только на шаха покупать; если торговые люди изъ шаховыхъ городовъ пріѣдутъ въ Астрахань, то воеводы посылаютъ дѣтей боярскихъ, таможенныхъ цѣловальниковъ и подъячихъ, которые должны переписать, кто именно ѣдетъ, сколько съ нимъ людей, какіе везетъ товары; если эти торговые люди станутъ торговать въ Астрахани, то брать съ нихъ пошлины большія, если же будутъ проситься вверхъ по Волгѣ, въ Казань и другіе города, то отпускать ихъ взявши пошлины проѣзжія; гдѣ товаровъ своихъ не продадутъ, тамъ брать пошлины отвозныя; смотрѣть накрѣпко, чтобъ Персіяне, когда поѣдутъ въ государевы города, Нагайскихъ и государевыхъ людей съ собою не брали; въ Астрахани тезиковъ не задерживать, чтобъ изъ за нихъ съ шахомъ ссоры не было. Турецкимъ купцамъ запрещено было торговать въ Астрахани и на Терекѣ. Нагаямъ и юртовскимъ Татарамъ запрещено было въ Астрахани продавать лошадей Русскимъ людямъ для отсылки въ Русь; они должны были своихъ лошадей непремѣнно гнать въ Москву, и по дорогѣ нигдѣ не смѣли продавать; Астраханскіе воеводы должны были приманивать ихъ обѣщаніемъ, что когда они пригонятъ лошадей въ Москву, то государь будетъ ихъ жаловать, велитъ имъ видѣть свои царскія очи. Въ 1643 году Астраханскіе воеводы получили слѣдующую царскую грамоту: «Бьютъ намъ челомъ Юргенскаго (Хивинскаго) царя послы и говорятъ: ѣздятъ изъ Астрахани Русскіе люди чрезъ Юргенское государство торговать, и Юргенскій царь въ томъ имъ заказа чинить не велитъ, и какъ они исторговавшись поѣдутъ въ Астрахань, то онъ ихъ и провожать велитъ; а когда Юргенскіе торговые люди поѣдутъ въ Астрахань и пріѣдутъ къ морю, то наши торговые люди бьютъ челомъ приказ-

..мъ людямъ, чтобъ они Юргенскихъ торговыхъ людей на ..а не сажали, для того, чтобъ они товары свои продавали ..неволю, дешевою цѣною, и приказные люди Юргенцевъ на ..а не сажають, говорять, чтобъ они торговали тутъ, а если ..хотятъ торговать, то пусть везутъ свои товары назадъ. ..ъ вы бы велѣли Юргенцевъ на суда сажать и въ Астрахань ..ускать». Какъ стѣснялась торговля, подчиняясь другимъ ..ересамъ и требованіямъ, видно изъ царскаго указа въ ..трахань—не продавать Персіянамъ дорогихъ мѣховъ, чтобъ ..уналить цѣны царскимъ подаркамъ, посылаемымъ къ шаху. ..Иностранцы охотно покупали хлѣбъ въ Россіи; но продажа ..ѣба за границу была монополіею казны. Въ этомъ отноше-.. замѣчательна царская грамота 1630 года гостю Тараканову .. товарищами, которые закупали хлѣбъ для казны: «Велѣно ..ъ покупать на насъ хлѣбъ на Вологдѣ и въ другихъ го-..ахъ: рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо тол-..ое, сѣмя льняное и ссыпать этотъ хлѣбъ въ амбары, а вес-.. на судахъ везти къ Архангельску и продавать Нѣмцамъ, ..ары же, куда хлѣбъ ссыпать, и суда велѣно дѣлать вамъ ..ьгами нашей казны. Но теперь билъ намъ челомъ игуменъ ..тоніева Сійскаго монастыря, что монастырь этотъ обыкно-..ю закупаетъ хлѣбъ на Вологдѣ, потому что своею паш-.. прокормиться ему нельзя, а вы, по нашей грамотѣ, хлѣба .. покупать не велите. Такъ вы бы Сійскаго монастыря стар-..ъ покупать хлѣбъ велѣли по прежнему; только бы берегли ..рѣпко, чтобъ монастырскіе прикащики, крестьяне и всякіе .. Нѣмецкимъ гостямъ, купцамъ и ихъ уговорщикамъ, кото-.. скупаютъ хлѣбъ на Нѣмцевъ, хлѣба никакого не прода-.., и которые люди станутъ Нѣмцамъ хлѣбъ продавать, ..ъ сажать въ тюрьму, а хлѣбъ отбирать на насъ» [17].

..Если Русскіе купцы, видя, что имъ не стянуть съ иностран-..ми, желали удаленія послѣднихъ изъ внутреннихъ городовъ ..ударства, то они не имѣли никакихъ побужденій желать .. же относительно промышленниковъ иностранныхъ, кото-.. одни могли показать имъ выгоду извѣстныхъ промысловъ,

научить ихъ извѣстному мастерству. Больше всего правительство хлопотало о вызовѣ изъ-за границы искусныхъ рудознатцевъ, которые бы помогли открыть золотую и серебряную руду и дорогими металлами пополнили бы истощенную казну царскую. Въ 1626 году дана опасная грамота въ Англійскую землю урожденному шляхтичу Ивану Булмерру, который своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную и мѣдную и дорогіе каменья и мѣста такія знаетъ достаточно. Въ 1628 году видимъ въ Москвѣ рудознатцевъ–цесарцевъ—Фрича и Герольда. Въ 1640 году Англичанинъ Картрейтъ съ одиннадцатью мастерами взялся искать руду золотую и серебряную, но не нашелъ ничего и долженъ былъ заплатить, по обязательству своему, всѣ издержки, сдѣланныя по этому поиску. Мы видѣли, что въ 1642 году бояринъ князь Борисъ Репнинъ ѣздилъ въ Тверь для отыскиванія золотой руды, но поиски были напрасны. Сильно также нуждались и въ неблагородныхъ металлахъ и въ искусной ихъ обработкѣ. Желѣзо давно уже выдѣлывалось въ Московскомъ государствѣ изъ глыбовой руды, вынимаемой изъ земли близь города Дедилова, въ тридцати верстахъ отъ Тулы, также на Устюжнѣ-Желѣзопольской, изъ болотной руды. Тула съ XVI вѣка уже была извѣстна выдѣлкою оружія; въ 1619 году Тульскіе кузнецы, ствольники, замочники и ложечники, 25 человѣкъ били челомъ государю, что они дѣлаютъ государево самопальное дѣло день и ночь безпрестанно, и потомъ еще тянутъ во всякія подати съ посадскими людьми: такъ чтобъ государь велѣлъ имъ дѣлать одно самопальное дѣло по прежнему. Но этого Тульскаго самопальнаго дѣла было очень недостаточно: мы видѣли, въ какомъ большомъ количествѣ выписывалось оружіе изъ-за границы; въ большомъ количествѣ выписывалось и прутовое желѣзо изъ Швеціи; такъ напримѣръ въ 1629 году выписано было 25,000 пудовъ по 21 алтыну 4 деньги за пудъ. Поселившійся въ Россіи Голландскій купецъ Андрей Денисовичъ Виніусъ съ братомъ Авраамомъ и другимъ купцомъ Вилкенсономъ подалъ царю Михаилу челобитную, чтобъ позволено

нимъ было въ окрестностяхъ Тулы завести заводъ для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для выдѣлки желѣза по иностранному способу изъ чугуна. Въ Февралѣ 1632 года Виніусъ получилъ государеву грамоту, въ которой позволялось ему построить мельничные заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья пушекъ, ядеръ и котловъ, для ковки досокъ и прутьевъ, дабы впередъ то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать. Въ казну положено было принимать съ этихъ заводовъ пушки по 23 алтына 2 деньги, ядра по 13 алтынъ 2 деньги за пудъ, желѣзо прутовое по стольку же, а досчатое по 26 алтынъ 4 деньги за пудъ. Не нужное для казны количество желѣза и другихъ вещей, даже пушекъ, заводчики могли продавать на сторону и вывозить въ Голландію. Виніусъ выбралъ для своихъ заводовъ мѣсто въ 12 верстахъ отъ Тулы, на рѣчкѣ Тулицѣ, именно на томъ изъ ея протоковъ, который теперь называется большою Тулицею, руда же копалась въ 40 верстахъ отъ завода, въ 5 верстахъ отъ Дедилова. Первоначальное устройство заводовъ стоило Виніусу большихъ денегъ; онъ задолжалъ и принужденъ былъ въ 1639 году вступить въ товарищество съ знаменитымъ Петромъ Гавриловичемъ Марселисомъ и Голландскимъ гостемъ Филимономъ Филимоновичемъ Акемою; по ихъ челобитью, приписана была къ Тульскимъ заводамъ дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами. Но Марселисъ и Акема не довольствовались этимъ. Въ 1644 году государь пожаловалъ иноземца, Анбурскаго города гостя, Петра Марселиса съ дѣтьми Гаврилою и Леонтіемъ, да Голландской земли торговаго человѣка, Филимона Акему, велѣлъ имъ желѣзный заводъ заводить на трехъ мѣстахъ: на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ, или гдѣ они пріищутъ другое мѣсто, къ желѣзному дѣлу годное, на порожнихъ земляхъ, на двадцать лѣтъ, безоброчно и беспошлинно: вольны они мельницы ставить и желѣзо на всякія статьи плавить. Когда заводъ будетъ заведенъ и работы нач-

нутся, то брать у нихъ желѣзо по договору: въ пушкахъ по 20 алтынъ пудъ, въ ядрахъ по 10 алтынъ пудъ, стволъ мушкетный и карабинный по 20 алтынъ. Если кромѣ взятаго въ казну останется у нихъ лишнее желѣзо, то можно имъ его вывозить въ чужія земли, которыя съ великимъ государемъ въ дружбѣ; если они желѣзо продадутъ въ Архангельскѣ или за моремъ на ефимки, то должны отдавать эти ефимки въ казну по указной цѣнѣ, а на сторону никому не продавать и не отдавать. Нанимать всякихъ людей по добротѣ, а не въ неволю, тѣсноты и обидъ никому бы не было, и промысловъ ни у кого никакихъ не отнимать; если царское величество велитъ научить желѣзному дѣлу Русскихъ людей, то Петру и Филимону учить ихъ всему и ремесла никакого отъ Русскихъ людей не скрывать. Въ 1634 году посланы были за границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Ельрендорфъ нанять мастеровъ, которые умѣютъ въ горахъ мѣдь изъ руды дѣлать и всякое мастерство, какое пристойно къ мѣдной плавкѣ. Въ 1630 году посланъ былъ за границу бархатнаго дѣла мастеръ Фимбрандъ для найму ремесленныхъ людей. Въ 1631 году дана опасная грамота въ вольныя государства, въ Голландскую и Нидерландскую землю подмастерьямъ, которые умѣютъ дѣлать городовое дѣло, въ ней говорится: «Билъ намъ челомъ алмазнаго и золотаго дѣла мастеръ Иванъ Мартыновъ да Англійской земли торговый человѣкъ Френчикъ Гловертъ: по нашему указу начали было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоченое золото и серебро, канитель и друнцаль и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло; но дѣло это начало становиться дорого, и прибыли нашему царскому величеству отъ него было мало, потому что прямаго, добраго мастера въ нашемъ государствѣ не было, и то дѣло дѣлать перестали, а въ Нѣмецкихъ земляхъ такихъ мастеровъ сыскать можно, и то бы дѣло нашему царскому величеству было прибыльно и славно, въ торгу дешевле, и нашего бы государства люди то ремесло переняли: такъ нашему бы царскому величеству пожаловать ихъ, позволить имъ къ тому дѣлу ма-

стеровъ призвать изъ Нѣмецкой земли, десять человѣкъ и больше на своихъ проторяхъ, и тѣмъ дѣломъ имъ промышлять и торговать на себя десять лѣтъ, и кромѣ ихъ этого дѣла никому не дѣлать, пока урочные годы пройдутъ». Царь согласился дать эту привилегію. Въ 1634 году встрѣчаемъ Христофора Головея, часоваго дѣла и водянаго взвода мастера; въ 1643 Фалка, пушечнаго и колокольнаго мастера, Детерсона живописца; въ томъ же году Шведъ каменщикъ Кристлеръ началъ строить каменный мостъ черезъ Москву рѣку. Въ 1634 году была выдана десятилѣтняя привилегія Фимбранду на выдѣлываніе лосинныхъ кожъ; выдана была также пятнадцатилѣтняя привилегія Коэту на заведеніе стеклявнаго завода. Тому же Коэту дана была грамота на заведеніе поташнаго завода на 10 лѣтъ. Въ 1643 году Англійскому агенту Дигби отданы были на 10 лѣтъ безпошлинно золяные промыслы въ Ярославскомъ, Вологодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. Въ 1644 году полковнику Краферту позволено было на 7 лѣтъ жечь золу и дѣлать поташъ въ Муромскомъ лѣсу. При дворѣ царя Михаила находились и органнаго дѣла мастера, Яганъ и Мельхартъ Луневы, выѣхавшіе изъ Голландіи; привезли они съ собою стрементъ (инструментъ) на органное дѣло, стрементъ этотъ они въ Москвѣ додѣлали, сдѣлали около него станокъ съ рѣзью и разцвѣтили краскою и золотомъ, на стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами; когда заиграютъ органы, то обѣ птицы запоютъ сами собою; за такое мудрое дѣло государь велѣлъ дать имъ изъ казны 2,676 рублей, по сороку соболей, да вмѣсто стола кормъ и питье. Мельхартъ отправленъ былъ за границу съ порученіемъ вывезти двоихъ часовыхъ мастеровъ, которые бы обязались служить своимъ мастерствомъ государю и учениковъ научить. Приплывъ иностранцевъ былъ такъ силенъ, что два Московскіе священника, одинъ отъ церкви св. Николая въ Столпахъ, а другой отъ Кузьмы и Даміана подали челобитную: въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ близь церквей поставили ропаты; Русскихъ людей у себя во дворахъ держать и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ

Нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь; вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворыя мѣста дорогою цѣною, передъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Отвѣтомъ на эту челобитную былъ указъ: въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ и въ загородскихъ слободахъ у Русскихъ людей дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ не покупать и въ закладъ не брать; Русскимъ людямъ, которые будутъ продавать, быть въ опалѣ; ропаты, которыя на Нѣмецкихъ дворахъ близь Русскихъ церквей, велѣть сломать. Тогда же старымъ служивымъ иноземцамъ, разныхъ чиновъ Нѣмцамъ, посольскаго приказа переводчику, золотаго и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ Московскимъ торговымъ Нѣмцамъ отведена была между Фроловскими и Покровскими воротами земля подъ ихъ богомолье, подъ избу съ комнатою и подъ дворъ, гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ. По свидѣтельству Олеарія въ Москвѣ жило въ это время до 1000 протестантскихъ семействъ.

Иностранцы охотно давали Русскимъ деньги за хлѣбъ. Мы видѣли также, что иностранцы добивались позволенія вывозить селитру изъ Россіи; эта промышленность была довольно развита у насъ въ описываемое время; кромѣ мѣстъ, извѣстныхъ намъ уже прежде по селитряному производству, теперь о немъ упоминается въ Сѣверской странѣ; такъ при исчисленіи служилыхъ людей, находившихся въ Курскѣ, читаемъ: «изъ нихъ на Романовыхъ селитряныхъ варницахъ съ весны во все лѣто до отпуску дѣтей боярскихъ 50 человѣкъ, живутъ, перемѣняясь по два мѣсяца;» при исчисленіи Бѣлогородскихъ служилыхъ людей: «изъ нихъ дѣтей боярскихъ и козаковъ конныхъ 30 человѣкъ, живутъ на селитряныхъ верницахъ Михалка Лимарова». Разные люди, пушкари, бараши, подряжались въ пушкарскомъ приказѣ варить селитру въ разныхъ мѣстахъ, въ Ливнахъ, Воронежѣ, извѣстное количество пудъ; въ 1634 году они брали

…удъ по два рубля и 10 алтынъ. Наконецъ къ извѣстіямъ
…омышленности въ царствованіе Михаила относится указъ
…лѣбникамъ и калачникамъ вѣсу 1626 года: велѣно городовымъ
…щикамъ и цѣловальникамъ ходить повсюду и вѣсить хлѣбы
…ые и рѣшетные, калачи тертые и коврищатые мягкіе; если
…ется, что хлѣбы и калачи ниже установленнаго вѣса, то
…никовъ подвергать пени; прикащики и цѣловальники долж-
…были также смотрѣть, чтобъ хлѣбы и калачи были выпе-
…ы, и хлѣбники и калачники не прибавляли въ нихъ гущи
…какой-нибудь другой подмѣси. Прикащикамъ и цѣловаль-
…камъ дана была подробная роспись издержкамъ производства
…приготовленія разнаго рода хлѣбовъ и калачей, напримѣръ:
… калачи, на четверть, дрожжей на два алтына на двѣ деньги,
… на шесть денегъ, дровъ на восемь денегъ, отъ сѣянья
…ре деньги, за работу десять денегъ, лавочнаго два алтына
… деньги, свѣчи и помело двѣ деньги, и всего харчу на
…верть вышло на одиннадцать алтынъ [18].

…то касается до сельскихъ жителей, то для нихъ подтверж-
…сь та перемѣна, которая была произведена въ концѣ прош-
…о вѣка, ибо обстоятельства и отношенія были тѣ же самыя.
…ряне и дѣти боярскіе били челомъ, что «бѣгаютъ изъ за
…ъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцо-
…и черныя волости и села, въ боярскія помѣстья и вотчи-
…патріаршія, архіерейскія и монастырскія, на льготы; по-
…ики, вотчинники и монастыри этимъ бѣглымъ ихъ людямъ
…рестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, отъ чего
…ъ помѣстья и вотчины становятся пусты. Кромѣ того тѣ же
…ъ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за этими помѣщиками,
…чинниками и монастырями урочные годы, надѣясь на нихъ,
…ъ на сильныхъ людей, приходятъ и остальныхъ людей и
…стьянъ изъ за прежнихъ помѣщиковъ подговариваютъ, домы
…ъ пожигаютъ и раззоряютъ всякимъ раззореніемъ». Въ слѣд-
…іе этого челобитья опредѣлено: «которые люди къ кому-ни-
…дь пріѣдутъ, людей и крестьянъ за себя вывезутъ, и при
…омъ случится смертное убійство, грабежъ или другое како-

нибудь дурно, то государь указалъ и бояре приговорили: сыкивать про то всякими сысками накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавать за 15 лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей давать по-прежнему за десять лѣтъ; если крестьяне буд вывезены насильно, то вывезенныхъ отдать со всѣми пожиками, да заплатить за крестьянское владѣнье за каждаго крестьянина на годъ по пяти рублей.—Въ 1614 году Іосифовъ Волоколамскій монастырь билъ челомъ, что во время Литовскаго нашествія крестьяне его разбрелись розно за бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и показалъ, кто именно за кѣмъ живетъ, при чемъ жаловался, что дворяне и дѣти боярскіе этихъ монастырскихъ крестьянъ, которые у нихъ живутъ, грабятъ, продаютъ, не проча себѣ, или требуютъ порукъ, чтобъ крестьяне оставались навсегда за ними, а за монастырь не ходили. Государь велѣлъ по сыску возвратить крестьянъ монастырю. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ касались вывоза и бѣгства старыхъ крестьянъ; что же касается до вновь рядившися въ крестьяне вольныхъ людей, то они рядились или съ условіемъ не сбѣжать изъ вотчины, или обязывались по-прежнему: не стану на тягломъ жеребьѣ жить, податей и поборовъ платить, то мнѣ ссуду (взятую у землевладѣльца) отдать всю сполна, и взять на мнѣ (землевладѣльцу) заряду рублей денегъ; точно такое же обязательство встрѣчаемъ со стороны рядящагося въ бобыли. Встрѣчаемъ извѣстія, что переходъ крестьянъ изъ черныхъ въ помѣщичьи вредилъ ихъ благосостоянію: такъ въ челобитной Англійскаго гостя Фа Ульянова на крестьянъ помѣщика Морина Вологодскаго уѣзда находимъ, что крестьяне эти подрядились везти товаръ въ Москву, потеряли его и дали на себя кабалу въ 160 рублей; въ то время были они за государемъ въ черной волости, теперь отданы Ивану Морину въ помѣстье, и по кабалѣ денегъ имъ платить нечѣмъ, потому что отъ помѣщика оскудѣли. Годовой оброкъ, который крестьяне должны были платить помѣщику, опредѣлялся царскимъ указомъ; объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей любопытной челобитной: «царю госу

и великому князю Мих. Өед. всея Руси бьютъ челомъ си- твои государевы Ярославскаго уѣзда села Ширинги ьянишки, старостишка Гришка Олферьевъ во всѣхъ мѣ- крестьянишекъ села Ширинги. Жалоба, государь, намъ на о помѣщика, на князя Артемья Шейдякова: въ нынѣш- 133 году за недѣлю до Николина дни осенняго, пріѣ- тотъ князь Артемій изъ Москвы въ твое царское жало- е, а въ свое помѣстье, къ намъ въ село Ширингу, и ко- е крестьянишки начали къ нему приходить на поклонъ хлѣбами, какъ у другихъ помѣщиковъ, тѣхъ онъ началъ , мучить, на ледникъ сажать, Татарокъ отъ некрещеныхъ ъ началъ къ себѣ на постелю брать и кормовыхъ Та- началъ къ себѣ призывать; годовой денежный оброкъ въ твоего государева прежняго указа взялъ весь сполна нынѣшній 133-й годъ, а отписей намъ въ томъ оброкѣ не , и когда мы станемъ ему объ этихъ отписяхъ противъ о государева указа бить челомъ, то онъ насъ бьетъ и тъ, а отписей намъ не даетъ; тотъ же князь Артемій лъ на насъ кормовымъ Татарамъ въ постъ столовые за- , яловицъ, барановъ, гусей, куръ. Взявши на насъ свои ныя деньги всѣ сполна, уѣхалъ изъ села въ Ярославль, собою взялъ некрещеную Татарку, а въ Ярославлѣ взялъ ую Русскую жонку Матренку Бѣлошейку на постелю, и праздникъ въ Николинъ день въ Ярославлѣ у себя на под- баню топилъ; живя съ этими жонками въ Ярославлѣ до ества Христова, игралъ съ ними зернью и веселыхъ алъ у себя для потѣхи безпрестанно; оброчныя деньги, на насъ взялъ, тѣмъ жонкамъ всѣ зернью проигралъ, да ымъ роздалъ, и платье съ себя все проигралъ; проиграв- ь князь Артемій изъ Ярославля опять съѣхалъ въ село рингу наканунѣ Рождества Христова, а Татарку и Мат- ку Бѣлошейку свезъ съ собою въ помѣстье, и пріѣхавъ въ дникъ Рождества Христова, баню у себя топилъ, а насъ ъ мучать смертнымъ правежомъ въ другихъ оброчныхъ го- ыхъ деньгахъ, и доправилъ на насъ въ другой разъ че-

резъ твой государевъ годовой указъ 50 рублей денегъ да 40 ведръ вина, да на него же варили 10 варь пива, да на насъ же доправилъ 10 пудъ меду; у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошаденки, тѣхъ лошадей взялъ онъ на себя. И мы, сироты твои, не перетерпя его немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно, а которые нарочитые крестьянишки, тѣхъ у себя держитъ скованыхъ, и правитъ на нихъ рублей по пяти, по шести и по десяти на человѣкѣ; а по домамъ тѣхъ крестьянъ, которые разбрелись, посылаетъ кормовыхъ Татаръ, которые нашихъ женъ позоратъ; животишки наши велитъ брать на себя, а иные печатать. Тотъ же князь Артемій прежнимъ своимъ служивымъ Татарамъ деревни въ помѣстья роздалъ, и женѣ своей, княгинѣ Ѳедорѣ, также далъ двѣ деревни въ помѣстье; а которые прежде на того князя Артемья били челомъ тебѣ государю въ его насильствѣ и немѣрномъ правежѣ объ указѣ, на тѣхъ крестьянишекъ онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками.» Чѣмъ кончилось дѣло — неизвѣстно, потому что конецъ дѣла утраченъ; что же касается до Матренки Бѣлошейки, то эта особа сослана была изъ Москвы въ Ярославль за воровство (развратъ) по дѣлу Неѳедья Минина.—Помѣщикъ, посягавшій на святыню семейства крестьянина, платился иногда за это жизнію. Что касается до крестьянъ черныхъ волостей, то они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не благоденствовали. Въ 1633 году былъ сдѣланъ допросъ въ Тотемскихъ волостяхъ, отъ чего крестьяне разбѣжались? Отвѣтъ былъ такой: разошлись крестьяне отъ многихъ податей и отъ великихъ немѣрныхъ правежей, отъ солдатскихъ кормовъ, отъ запасныхъ денегъ, отъ ямскихъ отпусковъ, отъ судовыя немѣрныя кортомы, отъ тяжелаго вытнаго и сошнаго письма [19].

Въ Европейской Россіи народонаселеніе было такъ рѣдко, что землевладѣльцы переманивали льготами и перевозили силою крестьянъ другъ отъ друга, не смотря на законъ; а между тѣмъ на востокѣ за Уральскими горами все больше и больше прибавлялось къ Русскимъ владѣніямъ пустынныхъ прост-

...въ, требовавшихъ населенія. На западѣ въ царствованіе ...ла были отданы Польшѣ и Швеціи населенныя области ...рода, за то на востокѣ Русскія владѣнія увеличились на ...000 квадратныхъ миль пустынныхъ пространствъ, ибо про...ватели путей, козаки продолжали пробираться по пустын...ь рѣкамъ все далѣе и далѣе къ восточному океану и гра...мъ Китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя ...анныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто вы... ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя ...да приходилось платиться жизнію. Чтобъ имѣть понятіе о ..., какъ происходило это распространіе Русскихъ владѣній, ... отыскивались новыя землицы по тогдашнему выраженію, ...емъ на донесенія нѣкоторыхъ изъ вождей отдѣльныхъ ...ріятій. Въ 1641 году Василій Власьевъ доносилъ, что ... съ отрядомъ своимъ ходилъ на Брацкихъ людей (Бурятъ), ...югуевъ улусъ погромили, побили людей человѣкъ съ 30, ...вкомъ взять не могли ни одного человѣка, потому что Тун... сѣли въ юртахъ въ осаду; Власьевъ велѣлъ толмачу го...ить Братамъ и Чепчюгую, чтобъ они въ осадѣ не сидѣли, ...лись бы на государево имя, но Чепчюгуй сталъ говорить ...ачу съ бранью: «али вы не знаете Чепчюгуя, каковъ Чеп...гуй своею головою?» и сталъ изъ юрта стрѣлять, крича: ...ъ я вамъ, козаки, въ руки не дамся.» Ранилъ одного че...ка; на комъ были куяки и панцыри, и онъ куяки проби...ъ на сквозь; Русскіе стрѣляли по юртамъ и въ юртахъ, ... стрѣльбою ничего взять не могли, и зажгли юрту, Чепчю... сгорѣлъ съ сыномъ, а жену съ другими двоими дѣтьми ...инулъ вѐрхомъ. — Какъ скоро служилые люди приводили ...то-нибудь изъ туземцевъ подъ государеву высокую руку, ... сейчасъ же начинали распрашивать его о земляхъ, лежа...ихъ далѣе до самыхъ границъ Китайскихъ; такъ тотъ же ...асьевъ доноситъ: «послѣ шерти, мы поили Коршуна и Ада...гая государевымъ виномъ и дали имъ подарки, два аршина ...кна краснаго, да блюдечекъ оловянныхъ три фунта и рас...спрашивали у него, по наказной памяти, про Ламу, про Тун...

гузскую вершину и про Мугальскихъ людей, какіе на Ланѣ живутъ люди, и Мугальскій князецъ далеко ли отъ нихъ живетъ, и кто именно? города и остроги у нихъ есть ли, и какой у нихъ бой? въ Китайское государство какою рѣкою ходятъ, и сколько судоваго хода или сухимъ путемъ до Китайскаго государства? Шилка рѣка какъ отъ нихъ далеко, и Ладкай князецъ, который живетъ на Шилкѣ, далеколь отъ нихъ? серебряная руда и мѣдная на Шилкѣ далеколь отъ Ладкая, и какой хлѣбъ на Шилкѣ родится?» Пролагатели путей должны были отказываться и отъ хлѣба; Постникъ Ивановъ доносилъ: «будетъ впередъ на Индигерской рѣкѣ въ Юкагирской землицѣ и сто человѣкъ служивыхъ людей, то имъ можно сытымъ быть рыбою и звѣремъ безъ хлѣба; въ Юкагирской землицѣ соболей много; въ Индигирь рѣку многія рѣки впали, а по всѣмъ по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе пѣшіе и оленные люди, соболя и звѣря всякаго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у Юкагирскихъ же людей серебро есть, а гдѣ они серебро берутъ, того я не знаю.» Въ сороковыхъ годахъ царь велѣлъ смотрѣть на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, то ихъ смѣтить, сколько на нихъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно. По государеву указу воевода велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и по деревнямъ кликать не однажды: кто захочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а кто захочетъ сѣсть на пашню на Ленѣ рѣкѣ, тѣмъ изъ государевой казны на лошадь деньги безъ отдачи, а на другую лошадь дадутъ денегъ взаймы изъ государевой же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, косы и сошники, на государевы десятины сѣмена по вся годы государевы, а пахать имъ на государя отъ своей пахоты съ перваго года седьмую десятину въ полѣ, а въ двухъ потому же. Правительство безпрестанно твердило воеводамъ, чтобъ они обращались кротко съ покорившимися туземцами: «служилымъ лю-

приказывать накрѣпко, чтобъ они, ходя за ясакомъ, ымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь ни- не чинили, сбирали бы съ нихъ государевъ ясакъ лас- и привѣтомъ, а не жесточью и не правежомъ, чтобъ съ сбирать государевъ ясакъ съ прибылью, брать съ нихъ сколько будетъ можно, по одному разу въ годъ, а по по три ясака на одинъ годъ не брать. Которые новыхъ цъ люди станутъ непослушны, такихъ прежде уговари- лаской, а если никакими мѣрами уговорить будетъ нель- то смирять ихъ войною, небольшимъ разореньемъ, чтобъ смирить слегка. Воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и слу- мъ людямъ никакихъ инноземцевъ, женъ и дѣтей ихъ во къ себѣ не брать, засылкою самимъ ни у кого не по- ть и не крестить, въ Москву съ собою не вывозить и ни мъ не высылать, чтобъ Сибирская земля пространилась, пустѣла. Если же кто изъ ясачныхъ людей захочетъ по волѣ креститься, такихъ людей крестить, обыскавши ма, что добровольно хотятъ креститься; окрестя, устраи- ихъ въ государеву службу, верстать денежнымъ и хлѣб- жалованьемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью дится, въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; женщины захотятъ креститься, то окрестя ихъ, выдавать мъ за новокрещенныхъ или за Русскихъ служилыхъ лю- .

ъ отодвигаемые отъ образованнаго запада, Русскіе люди остокѣ, въ пустыняхъ Сѣверной Азіи прокладывали пути Европейской гражданственности: гдѣ поселятся, тамъ явит- ородокъ, пашня, церковь. Въ концѣ 1620 года положено назначить архіерея въ Тобольскъ, и поставленъ былъ извѣстный намъ по Новгородскимъ событіямъ Кипріанъ, мъ Хутынскій. До насъ дошелъ наказъ, данный прее- Кипріанову, Макарію [21], о томъ, какъ обращаться съ дами окрестившимися и некрещенными: наказъ этотъ, по ковости положенія сходенъ съ извѣстнымъ намъ наказомъ нскому архіепископу Гурію [22].

Но, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіянства между народами Сѣверной Азіи, Русская церковь въ царствованіе Михаила особенно должна была заботиться о прекращеніи нравственныхъ безпорядковъ, которыхъ было не мало между Русскими людьми. Источникомъ этихъ безпорядковъ было сильное невѣжество, которое высказалось во всемъ своемъ безобразіи при первой попыткѣ внести болѣе правильное пониманіе необходимыхъ для христіанина предметовъ. Мы видѣли, какъ въ XVI вѣкѣ накоплялись и освящались мнѣнія, которыя впослѣдствіи явились основными мнѣніями раскольниковъ [21]; видѣли, что мнѣнія эти замѣшались между постановленіями такъ называемаго Стоглаваго собора (1551 года). Когда началось у насъ печатаніе церковно - богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, то въ эти книги мало-по-малу внесены были и прежнія и вновь возникшія раскольническія мнѣнія, которыя такимъ образомъ пріобрѣли общеизвѣстность и освященіе, и попытка исправить что-либо въ нихъ встрѣчалась сильнымъ сопротивленіемъ какъ дерзкая, еретическая попытка нарушить освященную старину. Во время междоцарствія, при сожженіи Москвы Поляками, сгорѣлъ печатный домъ, вся штанба погибла; мастеровъ осталось мало, да и тѣ разбѣжались по другимъ городамъ; когда «Божіимъ изволеніемъ и всей Русской земли излюбленіемъ» избранъ былъ Михаилъ, то онъ возстановилъ печатное дѣло, велѣлъ собрать въ Москву мастеровъ (хитрыхъ людей), Никиту Ѳедорова Ѳофанова съ товарищами, который жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Но прежде чѣмъ печатать книги, нужно было ихъ исправить. Въ Новбрѣ 1616 года Троицкій архимандритъ Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ и вся братія получили такую царскую грамоту: «по нашему указу взяты были къ намъ въ Москву изъ Троицкаго Сергіева монастыря канонархистъ старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника; да къ тому же дѣлу велѣно было прислать вамъ книгохранителя старца Антонія. Вы писали къ намъ, что старецъ Антоній боленъ, а старецъ Арсеній и попъ Иванъ били намъ че-

домъ и сказали: отъ временъ блаженнаго князя Владиміра до сихъ поръ книга Потребникъ въ Москвѣ и по всей Русской землѣ въ переводахъ разнится, и отъ неразумныхъ писцовъ во многихъ мѣстахъ неисправлена; въ пригородахъ и по украйнамъ, которые близь иновѣрныхъ земель, отъ невѣжества у священниковъ обычай застарѣлъ и безчинія вкоренились: потому имъ, старцу Арсенію и попу Ивану однимъ у той книги Потребника для исправленія быть нельзя, надобно ее исправлять, спрашивая многихъ людей и справляясь со многими книгами. — И мы, продолжаетъ царь, указали исправленіе Потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ и разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, грамматику и риторику знаютъ».

Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ знаменитымъ Діонисіемъ на новомъ поприщѣ. Чтобъ понять положеніе Діонисія на этомъ поприщѣ, чтобъ понять тѣ препятствія, которыя встрѣчала дѣятельность людей, ему подобныхъ, надобно обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны тогдашняго общественнаго быта. Общества необразованныя и полуобразованныя страдаютъ обыкновенно такою болѣзнію: въ нихъ очень легко людямъ, пользующимся какимъ-нибудь преимуществомъ, обыкновенно часто внѣшнимъ, пріобрѣсть огромное вліяніе и захватить въ свои руки власть. Это явленіе происходитъ отъ того, что общественнаго мнѣнія нѣтъ, общество не сознаетъ своей силы и не умѣетъ ею пользоваться, большинство не имѣетъ въ немъ достаточнаго просвѣщенія для того, чтобъ правильно оцѣнить достоинства своихъ членовъ, чтобъ этимъ просвѣщеніемъ своимъ внушить къ себѣ уваженіе въ отдѣльныхъ членахъ, внушить имъ скромность и умѣренность; при отсутствіи просвѣщенія въ большинствѣ, всякое преимущество, часто только внѣшнее, имѣетъ обаятельную силу, и человѣкъ имъ обладающій можетъ рѣшиться на все — сопротивленія не будетъ. Такъ, если въ подобномъ необразованномъ или полуобразованномъ обществѣ явится человѣкъ бойкій, дерзкій, на-

четчикъ, говорунъ, то чего онъ не можетъ себѣ позволить? кто въ состояніи оцѣнить въ мѣру его достоинство? Если явится ему противникъ, человѣкъ вполнѣ достойный, знающій дѣло и скромный, уважающій свое дѣло и общество, то говорунъ, который считаетъ всѣ средства въ борьбѣ позволенными для одолѣнія противника, начинаетъ кричать, закидывать словами, а для толпы несвѣдущей кто перекричалъ, тотъ и правъ; дерзость, быстрота, неразборчивость средствъ даютъ всегда побѣду.

Древнее наше общество, въ слѣдствіе отсутствія просвѣщенія, сильно страдало отъ такихъ мужиковъ-горлановъ, какъ ихъ тогда называли; противъ нихъ то долженъ былъ ратовать и Діонисій въ своемъ монастырскомъ обществѣ. Мы видѣли, какъ въ бѣдственное время Діонисій умѣлъ возбудить духовные интересы и сдѣлать изъ своего монастыря успокоительную обитель скорбящимъ; но когда бѣда прошла, матеріяльные интересы взяли верхъ, и святая ревность архимандрита встрѣтила сильное сопротивленіе: мужики-горланы никакъ не хотѣли дать ему воли на доброе устроеніе монастыря, и сдѣлали то, что монастырь, пріобрѣтшій, благодаря Діонисію, такое высокое значеніе въ смутное время, возбудилъ къ себѣ вражду многихъ во время мира: затѣяно было изъ монастыря множество споровъ съ окольными людьми, землевладѣльцами, горожанами, крестьянами; искали въ судахъ, поклепавши напрасно въ деньгахъ, земляхъ, крестьянахъ, искали именемъ Чудотворца Сергія, а брали не въ монастырь, но родственникамъ своимъ села и деревни устроивали; разгнѣвили и самого государя, потому что брали въ городахъ посадскихъ людей и сажали ихъ въ монастырскихъ слободахъ на житье. Монастырскіе слуги били и грабили на дорогахъ; когда же пріѣзжали въ монастырь дѣти боярскіе или слуги знатныхъ людей съ жалобами, что монастырь вывелъ изъ-за нихъ крестьянъ и холопей на свои земли, то имъ давали управныя грамоты, но прежде посылали перевести ихъ холопей и крестьянъ въ другія монастырскія вотчины, и когда истцы пріѣдутъ съ управными грамотами, то имъ показываютъ пустые дворы.

Діонисій умолялъ со слезами удерживаться отъ такихъ поступковъ, но понапрасну: мужики горланы брали верхъ, что имъ было легко по тогдащнему монастыркому устройству: главное лице, архимандритъ вѣдалъ церкви, въ церквахъ образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь вѣдалъ монастырь, всякое монастырское строеніе, вотчины, денежную казну, вкладныя деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовыя и кружечныя, за свѣчи и за медъ, собиралъ всякіе доходы. Въ неопредѣленное время, по согласію братіи, въ монастыряхъ бывали соборы, на которыхъ происходили выборы въ конюшіе, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селамъ на приказы и во всякія монастырскія службы; на этихъ же соборахъ опредѣлялись раскладки оброковъ на крестьянъ. Всѣ приговоры собора записывались въ книгу, которая хранилась въ монастырской казнѣ. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большія дѣла судныя и сыскныя вершилъ онъ съ архимандритомъ, казначеемъ и соборными старцами вмѣстѣ; если же какого-нибудь суднаго дѣла однимъ имъ вершить было нельзя, то это дѣло рѣшалось на всемъ черномъ соборѣ, по совѣту со всею братьею. Безстрашный на площади среди мятущагося народа, Діонисій былъ необыкновенно кротокъ и ласковъ въ отношеніи къ управляемымъ. При тогдашнемъ состояніи нравовъ многіе изъ братій никакъ не могли понять учтивыхъ формъ, которыя употреблялъ Діонисій: такъ когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то онъ говорилъ: «Если хочешь, братъ, то сдѣлай то-то и то-то.» Монахъ, выслушавши такое приказаніе, спокойно отправлялся на свое мѣсто и ничего не дѣлалъ; когда же другіе спрашивали его, отъ чего онъ не исполнялъ архимандричьяго приказанія? то онъ отвѣчалъ: «Вѣдь архимандритъ мнѣ на волю далъ: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ.»

Кромѣ людей, ревностно заботившихся о матеріальныхъ выгодахъ монастыря, т. е. своихъ родственниковъ, въ монастырѣ были два мужика — горлана: головщикъ Логинъ и уставщикъ

Филаретъ. Логинъ пріобрѣлъ удивленіе братіи и посѣщавшихъ монастырь голосомъ необыкновенно пріятнымъ, свѣтлымъ и громкимъ; въ чтеніи и пѣніи ему не было подобнаго; на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по пяти, по шести и по десяти. Что стихъ искажался отъ этихъ распѣвовъ, терялъ смыслъ, что, напримѣръ, вмѣсто сѐмени слышалось сѐмени́, до этого Логину не было дѣла, потому что онъ» хитрость грамматическую и философство книжное» называлъ еретичествомъ. Надмѣнный своими преимуществами, удивленіемъ, которое оказывали къ его голосу, этотъ мужикъ—горланъ не зналъ никакой мѣры, бранилъ, билъ не только простыхъ монаховъ, но и священниковъ, обижалъ въ милостынѣ, и никто не смѣлъ ему слова сказать. Діонисій часто обращался къ нему съ своими тихими поученіями, называлъ его государемъ, отцомъ, братомъ, величалъ по имени и по отечеству:» Что тебѣ, свѣтъ мой, пользы въ этомъ, говорилъ ему Діонисій, — что всѣ жалуются на тебя, ненавидятъ тебя и проклинаютъ, а мы, начальники, всѣ какъ въ зеркало на тебя смотримъ? и какая будетъ польза, когда мы съ тобою брань заведемъ?» Но увѣщанія не помогали нисколько.

Другой мужикъ–горланъ, уставщикъ Филаретъ возбуждалъ удивленіе толпы и получилъ право быть горланомъ также по внѣшнему достоинству, которое въ то время очень цѣнилось: сѣдинами добрыми; онъ жилъ у Троицы больше пятидесяти лѣтъ, уставщикомъ былъ больше сорока лѣтъ — преимущество громадное по тогдашнимъ понятіямъ: всѣ остальные, не исключая архимандрита, были передъ нимъ молодые люди. Логинъ своими распѣвами искажалъ смыслъ стиховъ; Филаретъ пошелъ дальше: по его мнѣнію, Христосъ не прежде вѣкъ отъ отца родился; Божество почиталъ онъ человѣкообразнымъ. Филаретъ и Логинъ были друзья и оба ненавидѣли Діонисія за обличенія: «Пощадите, не принуждайте меня ко грѣху, говорилъ имъ Діонисій: вѣдь это дѣло всей церкви Божіей, а я съ вами по любви наединѣ бесѣдую и спрашиваю васъ для того, чтобъ царское величество и власть патріарше-

ская не знали, чтобъ намъ въ смиреніи и въ отлученіи отъ церкви Божіей не быть.» Логинъ отвѣчалъ ему: «Погибли мѣста святыя отъ васъ дураковъ, вездѣ васъ теперь много неученыхъ сельскихъ поповъ; людей учите, а сами не знаете, чему учите.» Больше всего сердился Логинъ на Діонисія за то, что архимандритъ вмѣшивался, по его мнѣнію, не въ свое дѣло, т. е. заставлялъ читать поученія св. отцовъ, и самъ часто читалъ ихъ, часто и пѣвалъ на клиросѣ. «Не ваше дѣло пѣть или читать, говорилъ ему Логинъ: зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобъ съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ, стоять». Однажды на заутрени, Діонисій сошелъ съ клироса и хотѣлъ читать; Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ книгу изъ рукъ, налой съ книгою полетѣлъ на землю, стукъ, громъ, соблазнъ для всѣхъ; Діонисій только перекрестилъ свое лице, пошелъ на клиросъ и молча сѣлъ; Логинъ, окончивъ чтеніе, подошелъ къ архимандриту и вмѣсто того, чтобы просить прощенія началъ плевать на него и браниться. Діонисій, махнувши посохомъ, сказалъ ему: «перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію, и братію не смущай, можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени». Тутъ Логинъ выхватилъ у него изъ рукъ посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Діонисій взглянулъ на образъ и сказалъ: «Ты, Господи Владыко! вся вѣси, и прости мя грѣшнаго, яко согрѣшилъ предъ Тобою, а не онъ». Сошедши съ своего мѣста, онъ всю заутреню проплакалъ передъ образомъ Богородицы, а послѣ заутрени вся братія никакъ не могла уговорить Логина, чтобъ просилъ прощенія у архимандрита.

Напрасно Діонисій старался укрыть поведеніе Логина и Филарета въ стѣнахъ монастыря: они писали на него жалобы въ Москву, въ Кирилловъ монастырь; наконецъ исправленіе книгъ, возложенное на Діонисія возбудило еще бóльшую ненависть ихъ къ исправителю и дало имъ возможность довести его до бѣды. Діонисій съ товарищами, исправляя Потребникъ, между прочимъ вычеркнули и ненужную прибавку: и огнемъ въ молитвѣ водоосвященія: «Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ

Твоимъ Святымъ и огнемъ!» И вотъ Филаретъ, Логинъ и р... ничій дьяконъ Маркеллъ отправили доносъ въ Москву, что... онисій съ товарищами еретичествуютъ: «Духа Святаго... исповѣдуютъ, яко огнь есть». Логинъ считалъ себя знато... дѣла, потому что въ царствованіе Шуйскаго онъ печаталъ уст... и наполнилъ ихъ ошибками. Въ это время патріарха не было... Москвѣ, дожидались Филарета Никитича, и дѣлами патріар... ства управлялъ Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ нес... собный разсудить дѣло между исправителями и противни... ихъ. Діонисій съ товарищами былъ потребованъ къ объясне... четыре дня приводили его на патріаршій дворъ къ допросу... безчестіемъ и позоромъ; потомъ допрашивали его въ Воз... сенскомъ монастырѣ, въ келліяхъ матери царской, ино... Мареы Ивановны, и рѣшили, что исправители еретичеству... Но при этомъ рѣшеніи, кромѣ невѣжества, высказалась е... другая язва общественная: тутъ дѣйствовала не одна ревнос... по буквѣ, по старинѣ, на которую наложили руку с... исправители; тутъ обрадовались, что попался въ руки архи... дритъ богатѣйшаго монастыря, и потребовали у него за в... пятьсотъ рублей. Діонисій объявилъ, что денегъ у него н... и что онъ платить не будетъ: отсюда страшная ярость, и о... и побои, и толчки, и плевки. Діонисій, стоя въ оковахъ, с... улыбкою отвѣчалъ тѣмъ, которые толкали его и плевали... него: «Денегъ у меня нѣтъ, да и дать не за что: пло... чернецу когда его разстричь велятъ, а достричь-то ему в... нецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ: но я этому... и радъ, это мнѣ и жизнь». За Діонисіемъ присылали нарочн... въ праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пѣшкомъ или привозили на самой негодной ло... шади, безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ, изъ которой кидали въ него грязью и пескомъ; но онъ все... это терпѣлъ съ веселымъ видомъ, смѣялся, встрѣчаясь съ зна... комыми. Привезутъ его иногда до обѣдни, иногда послѣ обѣдни, и поставятъ скованнаго въ подсѣньи, на дворѣ митрополичь... емъ, стоитъ онъ тутъ съ утра до вечера и не дадутъ ему

воды чашки, а время было Іюнь, Іюль мѣсяцы, дни жаркіе; митрополитъ Іона послѣ обѣдни сядетъ съ соборомъ за столъ, а Діонисій съ учениками своими празднуетъ подъ окнами его келлій въ кулакахъ да въ пинкахъ, а иногда достанется и батогомъ. Словомъ ересь напугали царскую мать, Мареу Ивановну, вооружили ее противъ мнимыхъ еретиковъ, а въ народѣ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые огонь хотятъ въ мірѣ вывести—и вотъ страхъ и злоба овладѣли простыми людьми, особенно ремесленниками, которымъ безъ огня нельзя ничего сдѣлать: они начали выходить съ дрекольемъ и каменьями на Діонисія.

Мужественно вынося испытаніе, не позволяя себѣ унизиться до заботъ о самомъ себѣ, Діонисій заботился о товарищахъ своей бѣды, хлопоталъ, чтобъ они поскорѣе отъ нея избавились. Одинъ изъ нихъ, старецъ Арсеній Глухой, не одаренный твердостію духа, не могъ выдержать испытанія; онъ подалъ боярину Борису Михайловичу Салтыкову челобитную, въ которой подлѣ сознанія правоты своего дѣла, подлѣ негодованія на невѣжественныхъ обвинителей, видимъ упадокъ духа, выражающійся обыкновенно желаніемъ обвинить другихъ въ своей бѣдѣ. «24 октября 1615 года (говорится въ челобитной), писалъ изъ Москвы государевымъ словомъ Троицкаго Сергіева монастыря келарь Авраамій Палицынъ къ архимандриту Діонисію, велѣлъ прислать въ Москву меня, нищаго чернеца, для государева дѣла, чтобъ исправлять книгу потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло; а попъ Иванъ Клементьевскій пріѣхалъ въ Москву самъ собою, а не по грамотѣ, и какъ мы стали передъ тобою, то я сказалъ про себя, что меня не будетъ на столько, что я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребы поповскія; а Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился и билъ челомъ тебѣ для себя, потому что у него тамъ у Троицы жена да дѣти, чтобъ государь приказалъ править книгу Троицкому архимандриту Діонисію, а намъ бы, попу Ивану да мнѣ чернецу Арсеньишку, да старцу Антонію съ архимандритомъ же у дѣла быть: и ты, государь, по Иванову

челобитью и по докукѣ, велѣлъ ему дать съ дворца госу-
рєву грамоту на архимандричье имя». Оправдавъ сдѣлан-
въ потребникѣ поправки, Арсеній продолжаетъ: «Есть, г-
дарь, иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а
едва и азбуку знаютъ, незнаютъ, которыя въ азбукѣ б-
гласныя, согласныя и двоегласныя, а что восемь частей с-
разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги,
имъ и на разумъ не всхаживало, священная философія в
рукахъ не бывала, а не зная этого, легко можно погрѣ-
не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ зем-
дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ.
Наше дѣло въ міръ не пошло и царской казнѣ никакой
тори не сдѣлало; если бы мы что и недоброе сдѣлали, то
на сторону, а трудившійся неразумно и неугодно изды
бываетъ: а не малая бѣда мнѣ нищему чернецу, поднявш-
кой трудъ, сидя за государевымъ дѣломъ полтора года де-
ночь, изды лишаему быть; всего намъ бѣднымъ клироша-
идетъ у Троицы на годъ зажилаго денегъ по тридцати ал-
на платье, одѣваемся и обуваемся рукодѣльемъ.... Не довол-
стало, чтобъ наши труды уничтожить, но и государыни, б-
говѣрной и великой старицы, инокини Мареы Ивановны к-
кое и незлобивое сердце на ярость подвигнули. Если бы
мороковаціе было дѣлано на Москвѣ, то все было бы хор-
и стройно, государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пол-
и великій святитель митрополитъ Іона по насъ былъ бы ве-
кій поборникъ. Я говорилъ архимандриту Діонисію кажд-
день: архимандритъ государь! откажи дѣло государю, не с-
лать намъ этого дѣла въ монастырѣ безъ митрополичья сов-
а привезешь книгу исчерня въ Москву, то и простымъ люд-
станетъ смутно. Но архимандритъ меня не слушалъ ни
чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана сл-
шалъ, а тотъ и довелъ его до безчестія и срамоты. По-
Иванъ на соборѣ слюнями глаза запрыскалъ тѣмъ, съ кот-
рыми спорилъ, и это честнымъ людямъ стало въ досаду; и мн-
думается, что я нищій чернецъ страдаю отъ попа Ивана д-

отъ архимандрита, потому что архимандритъ меня не послушалъ, дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ самъ на государево дѣло набился, у дѣла былъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица козла бѣднаго великобородаго завела въ пропасть неисходную, а сама по немъ же выскочила».

Наконецъ порѣшили дѣло, осудили Діонисія на заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но трудно было тогда провезти его туда, по причинѣ непріятельскихъ отрядовъ, загораживавшихъ дорогу на сѣверъ, и потому велѣли содержать его въ Новоспасскомъ монастырѣ, наложили на него епитемью — тысячу поклоновъ, били и мучили его сорокъ дней, ставя въ дыму на полатяхъ. Но заточеніе Діонисія не было продолжительно: пріѣхалъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, при которомъ, какъ мы видѣли, возвратился Филаретъ Никитичь и былъ поставленъ въ патріархи; Филаретъ, по современнымъ извѣстіямъ, спрашивалъ, Ѳеофана: «Есть ли въ вашихъ Греческихъ книгахъ прибавленіе: и огнемъ?» Ѳеофанъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, и у васъ тому быть непригоже; добро бы тебѣ, брату нашему о томъ порадѣть и исправить, чтобъ этому огню въ прилогѣ и у васъ не быть». Вслѣдствіе этого созванъ былъ соборъ, опять былъ сильный и долгій споръ, Діонисій стоялъ въ отвѣтѣ больше осьми часовъ, успѣлъ обличить всѣхъ своихъ противниковъ, и съ торжествомъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ продолжалъ «искать красоты церковной и благочинія братскаго». Впрочемъ Филаретъ Никитичь не былъ еще успокоенъ доказательствами Діонисія и свидѣтельствомъ Ѳеофана, онъ говорилъ послѣднему: «Тебѣ бы, пріѣхавъ въ Греческую землю и посовѣтовавшись съ своею братьею, вселенскими патріархами, выписать изъ Греческихъ книгъ древнихъ переводовъ, какъ тамъ написано». Исполняя его желаніе, Ѳеофанъ и Александрійскій патріархъ Герасимъ прислали въ Москву грамоты, гдѣ подтверждали, что прибавка: «и огнемъ» должна быть исключена. О знаменитомъ Логинѣ сдѣланъ былъ достойный отзывъ въ 1633 году, въ грамотѣ патріарха Фила-

рета, которою приказывалось отбирать уставы, напечата[нные]
при Шуйскомъ, «потому что эти уставы печаталъ воръ, б[раж]-
никъ, Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ чер[нецъ]
Логинъ, и многія въ нихъ статьи напечаталъ не по апост[оль]-
скому и не по отеческому преданію, а своимъ самовольство[мъ»].
Въ 1633 году протосингелъ Александрійскій, архиманд[ритъ]
Іосифъ пріѣхалъ и опредѣленъ для перевода Греческихъ к[нигъ]
на Славянскій языкъ.

Стремясь къ чистотѣ вѣроученія, церковь должна б[ыла]
стараться и о возстановленіи нравственной чистоты [ме]-
жду вѣроучителями. Въ 1636 году послана была [отъ]
царя такая грамота въ Соловецкій монастырь: «Вѣд[омо]
учинилось, что въ Соловецкій монастырь съ берегу прив[озятъ]
вино горячее и всякое красное Нѣмецкое питье и медъ [пре]-
ный, и держатъ это всякое питье старцы по кельямъ, а [въ]
погребѣ не ставятъ, келарей и казначеевъ выбираютъ безъ [со]-
борныхъ старцевъ и безъ чернаго собора тѣ старцы, кото[рые]
пьяное питье пьютъ, на черныхъ соборахъ они смуту чи[нятъ]
и выбираютъ потаковниковъ, которые бы имъ молчали, въ [сма]-
ренье не посылали, на погребѣ безпрестанно квасъ подд[ѣльный]
давали; а которые старцы постриженники старые, жи[тіемъ]
искусны, преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Са[вватія]
хранятъ, тѣхъ старцевъ безчестятъ и на соборѣ говорить [имъ]
не даютъ; келари, казначеи и соборные старцы держатъ у [себя]
учениковъ многихъ, а подъ началъ священникамъ и рядов[ымъ]
старцамъ старымъ и житіемъ добрымъ не отдаютъ, живутъ [въ]
Соловецкомъ монастырѣ кельями и заговоромъ, старецъ по[мо]-
гаетъ ученику своему, а ученикъ помогаетъ старцу своем[у];
въ монастырскія службы и по усольямъ посылаютъ старц[евъ]
простыхъ, которые монастырской службы не оберегаютъ и [мо]-
настырю прибыли не ищутъ, а въ монастырѣ ихъ не с[чи]-
таютъ, и отъ того монастырская казна пропадаетъ; добр[ыхъ]
старцевъ по промысламъ не посылаютъ, и которые молод[ые]
работники работаютъ въ огородахъ, тѣхъ кормятъ и зим[ою]
держатъ въ монастырѣ съ братіею вмѣстѣ, за монастырс[кимъ]

келлій особыхъ имъ не устроено и приставовъ у нихъ старцевъ и служебниковъ добрыхъ не бываетъ; и другія многія статьи теперь въ Соловецкомъ монастырѣ дѣлаются не по прежнему, чего прежде не бывало и чему быть не годно».

Въ 1636 же году царь писалъ къ строителю Павлова Обнорскаго монастыря: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Павловѣ монастырѣ многое нестроенье, пьянство и самовольство, въ монастырѣ держатъ питье пьяпое и табакъ, близъ монастыря поделали харчевни и бани, брагу продаютъ; старцы въ бани и харчевни и въ волости къ крестьянамъ по пирамъ и по братчинамъ къ пиву ходятъ безпрестанно, бражничаютъ и безчинствуютъ, и всякое нестроеніе чинится;» царь приказываетъ строителю унимать монаховъ и прибавляетъ: «да и крестьяне пиво варили бы во время, когда пашни не пашутъ, и то по-немногу, съ явкою, чтобъ мужики не гуляли и не пропивались.» Мы видѣли обращеніе Логина съ архимандритомъ Діонисіемъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ; понятно, что строители незначительныхъ монастырей могли подвергаться еще большимъ насиліямъ уже прямо въ слѣдствіе отсутствія общественной безопасности: такъ въ 1613 году строитель Стародубо-ряполовскаго Хотимльскаго монастыря билъ челомъ, что пріѣхалъ къ нему въ монастырь монахъ Гермогенъ, силою взялъ церковные ключи, потому что пріѣхалъ со многими людьми, съ своимъ родомъ и племенемъ. захватилъ монастырскую казну, вотчиною владѣетъ, живетъ не по монастырскому чину, строителя бранитъ и бьетъ. Если слабость общественнаго устройства допускала насилія, то мы не должны удивляться, встрѣчая случаи самоуправства: въ 1628 году билъ челомъ монахъ Лаврентій, что присланъ онъ былъ въ Шую отъ Суздальскаго архіепископа Іосифа собирать пошлины, и велѣлъ взять дворника Троицкаго монастыря, иконника Ивана Яковлева въ великомъ духовномъ дѣлѣ; но Троицкій слуга Горчаковъ, собравшись со многими незнаемыми людьми, пришелъ на архіепископскій дворъ, архіепископа и его, монаха Лаврентія бранилъ неподобною бранью, неудобь сказаемо, Ивана иконника

у него отбилъ, пограбилъ пошлинныя деньги, разрубилъ ларецъ топоромъ, прибилъ самого Лаврентія и покинулъ замертво; ночью, послѣ этого грабежа Горчаковъ опять пришелъ къ архіепископскому двору, и стрѣлялъ изъ пищалей въ окна. Горчаковъ же, въ свою очередь, билъ челомъ, что Лаврентій, сказавши на иконника Ивана Яковлева духовное дѣло, посадилъ его въ цѣпь да въ желѣза и вымучилъ на немъ 200 рублей; онъ, Горчаковъ пришелъ къ Лаврентію съ упреками, зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ, а Лаврентій, собравшись со многими людьми незнаемыми, его Горчакова билъ, увѣчилъ, топоромъ изрубилъ, и монастырскихъ денегъ полтораста рублей отнялъ. Кто изъ нихъ оказался правымъ, кто виноватымъ, неизвѣстно; извѣстно намъ только, что Лаврентій былъ присланъ отъ архіепископа Іосифа Курцевича, который былъ сосланъ въ 1634 году въ Сійскій монастырь за безчинство, за многія непристойныя дѣла; къ обвиненіямъ въ нравственныхъ безпорядкахъ были присоединены и обвиненія политическія. Извѣстно намъ также, что Шуяне были очень недовольны управленіемъ этого Іосифа, какъ видно изъ челобитной ихъ на попа Алексѣя Кузьмина и на сына его, дьякона Ѳедора: «прислалъ къ намъ въ Шую бывшій Іосифъ архіепископъ иноземецъ изъ Суздаля этого попа Алексѣя и сына его Ѳедора по издѣ, по накупу; Алексѣй, стакавшись съ архіепископскими намѣстниками, съ иноземцами же, Кіевлянами, и съ архіепископскими приказными людьми, умысля продать насъ духовными дѣлами и иными всякими бездѣльными составами, учинили намъ налогу и тѣсноты и продажи многія. Когда на мѣсто Іосифа поступилъ нынѣшній архіепископъ Серапіонъ, то онъ, сыскавши ихъ бездѣлье и безчинства, изъ Шуи отъ церквей отослалъ; теперь они, Алексѣй съ сыномъ, живутъ въ Покровскомъ Красномъ селѣ (въ Москвѣ) и берутъ на насъ засыльныя грамоты въ поклепныхъ всякихъ составныхъ искахъ и на Москвѣ придираются къ тѣмъ изъ насъ, которые туда пріѣдутъ для своего промыслишка, сами пристаютъ и бездѣльниковъ нанимаютъ приставать.

Преемникъ Филарета Никитича, патріархъ Іоасафъ долженъ

былъ вооружиться противъ безпорядковъ, происходившихъ въ Московскихъ церквахъ: «въ царствующемъ градѣ Москвѣ, пишетъ патріархъ, въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣрѣ, служба Божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больше, со всякимъ небреженіемъ; а мірскіе люди стоятъ въ церквахъ съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ и мірскія угодія творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуясь, обѣдни служатъ безъ часовъ; во время великаго поста службы совершаютъ очень скоро; въ воскресные дни и праздники заутрени поютъ поздно и скоро, учительныя Евангелія, Апостолы, поученія св. отецъ и житія не читаются. Пономари по церквамъ молодые безъ женъ; поповы и мірскихъ людей дѣти, во время св. службы въ алтарѣ безчинствуютъ; во время же св. пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше, отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, то они бранятся, то дерутся; другіе, положивъ на блюда пелены да свѣчи, собираютъ на церковное строеніе; иные притворяются малоумными, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ, въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы; иные во время св. пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творятъ и большой соблазнъ возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ. Также въ праздники, вмѣсто духовнаго торжества и веселія, затѣваютъ игры бѣсовскія, приказываютъ медвѣдчикамъ и скоморохамъ на улицахъ, торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія игры творить, въ бубны бить, въ сурны ревѣть, въ ладоши бить и плясать; по праздникамъ сходятся многіе люди, не только молодые, но и старые, въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные великіе до смертнаго убійства; въ этихъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ. Всякія беззаконныя дѣла умножились, Еллинскія бладословія, кощунства и игры бѣсовскія; ѣдятъ удавленину и по торгамъ продаютъ; да

еще другъ друга бранятъ позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстудною нечистотою языки свои и души оскверняютъ.

Жалоба патріарха Іосафа на кулачные бои показываетъ, что этотъ крѣпко вкорененный обычай не ослабѣвалъ и отъ строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ него патріархомъ Филаретомъ, который запретилъ ходить за старое Ваганьково на кулачные бои, ослушникъ подвергался кнуту; Филаретъ указалъ также: «кликать биричамъ по рядамъ, улицамъ, слободамъ и въ сотняхъ, чтобъ съ кобылками не ходили, на игрищахъ мірскіе люди не сходились, чтобъ смуты православнымъ христіянамъ отъ этого не было, коледы бъ, овсеня и плуги не кликали». Церковный судъ при Филаретѣ Никитичѣ не спускалъ нарушителямъ семейной нравственности: такъ сосланъ былъ въ оковахъ въ Корѣльскій Никольскій монастырь боярскій сынъ Семичевъ за то, что съ рабынями своими прижилъ семерыхъ дѣтей, а рабыни эти были между собою двоюродныя сестры; также поступлено и съ стольникомъ Колычевымъ за подобное преступленіе.

Понятно, что нравственные безпорядки наиболѣе были сильны въ мѣстахъ отдаленныхъ, на степныхъ границахъ государства, за Уральскими горами. Въ Воронежѣ, напримѣръ, могъ быть такой случай: билъ челомъ сынъ боярскій Ѳедоръ Плясовъ: вечеромъ когда сидѣлъ онъ въ торгу въ ряду, прислалъ за нимъ посадскій Ильинскій попъ Яковъ сына боярскаго, своего зятя, Ивашку Полубояринова звать его къ себѣ вина пить; пришелъ онъ къ попу и видитъ, что сидитъ у него прежній его разбойникъ Антошка, который его, Плясова разбивалъ; попъ сталъ этого Антошку съ нимъ мирить; а когда смерклось, то попъ, Антошка, Полубояриновъ и наймитъ Ивашка, связали Плясова, мучили его и пытали, а потомъ повели изъ посаду къ рѣкѣ, переволокли черезъ острогъ, вымучили 20 рублей денегъ и привели къ кресту въ томъ, что жаловаться на нихъ не будетъ. — Сильныя жалобы слышались отъ правительства церковнаго на упадокъ нравственности въ

бири; патріархъ Филаретъ писалъ Сибирскому архіепископу ...иріану: «въ Сибирскихъ городахъ многіе Русскіе люди и ...озенцы, Литва и Нѣмцы, которые въ нашу православную ...у крещены, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней ...хранятъ, которые изъ нихъ ходятъ къ Калмыкамъ и въ ...я землицы для государевыхъ дѣлъ, тѣ пьютъ и ѣдятъ и ...ія скаредныя дѣла дѣлаютъ съ погаными заодно; иные жи...ъ съ Татарками некрещеными, какъ съ своими женами и ...ей съ ними приживаютъ, а иные хуже того дѣлаютъ, же...ся на сестрахъ родныхъ, двоюродныхъ, названныхъ и на ...ахъ, иные на матерей и дочерей посягаютъ. Многіе слу...ые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылаютъ ...Москву и въ другіе города для дѣлъ, женъ своихъ въ ...гахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ же и у ...ыхъ людей на сроки, и тѣ люди, у которыхъ онѣ быва...ъ въ закладѣ, съ ними до выкупу блудъ творятъ беззазор..., а какъ ихъ къ сроку не выкупятъ, то они ихъ продаютъ ...воровство же и въ работу всякимъ людямъ, а покупщики ...же съ ними воруютъ и за мужъ выдаютъ, а иныхъ бѣд...ыхъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства къ себѣ ...рутъ силою, у мужей, убогихъ работныхъ людей женъ от...маютъ и держатъ у себя для воровства, крѣпости на нихъ ...утъ воровскія заочно, а тѣ люди, у которыхъ женъ отня...ъ бѣгаютъ, скитаются между дворами и отдаются въ неволю, ...холопи всякимъ людямъ, и женятъ ихъ на другихъ же...ахъ, а отнятыхъ у нихъ женъ послѣ выдаютъ за другихъ ...жей. Попы такимъ ворамъ не запрещаютъ, а иные попы, ...рные и бѣлые такимъ людямъ и молитвы говорятъ и вѣнча...тъ безъ знаменъ. Многіе люди, мужчины и женщины въ бо...зняхъ постригаются въ иноческій образъ, а потомъ выздо...ровѣвши, живутъ въ домахъ своихъ по-прежнему, а многіе ...ругіе и разстригаются; въ монастыряхъ мужескихъ и дѣвичь...ихъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ въ ...ыхъ домахъ и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся. Сибирскіе служилые люди пріѣзжаютъ въ Москву и въ другіе

города и тамъ подговариваютъ многихъ женъ и дѣвокъ, п[illegible] возятъ ихъ въ Сибирскіе города и держатъ вмѣсто жен[illegible] иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ берутъ силою, иныхъ продаютъ Литвѣ, Нѣмцамъ и Татарамъ и всякимъ [illegible]дямъ въ работу; а воеводы, которые въ Сибири теперь и пр[illegible]де были, о томъ небрегутъ, людей этихъ отъ такого вор[illegible]ства, беззаконныхъ, скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не на[illegible]зываютъ ихъ, покрывая ихъ для своей корысти; а иные в[illegible]воды и сами такимъ ворамъ потакаютъ, попамъ приказыва[illegible] говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ силою, и всякое наси[illegible]ство и продажи воеводы тутошнимъ торговымъ и всякимъ [illegible]дямъ и улуснымъ иновѣрцамъ чинятъ великія.» Такимъ об[illegible]зомъ причина зла вскрывается въ концѣ патріаршей грамо[illegible] эта же причина указывается и въ царской грамотѣ самимъ во[illegible]водамъ Сибирскимъ: «въ Сибирскихъ городахъ служилые всякихъ чиновъ люди, въ духовныхъ дѣлахъ архіепископа [illegible] его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить [illegible] хотятъ, научаютъ другъ друга на архіепископа шумѣть, и в[illegible] воеводы, имъ въ томъ потакаете, а которыхъ нашихъ люд[illegible] посылаете къ Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ собирать на[illegible] казну, и тѣ люди Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ чин[illegible] всякое насильство и посулы берутъ великіе, а нашей каз[illegible] прибыли ни въ чемъ не ищутъ; въ пьянствѣ у васъ мно[illegible] люди бьются и рѣжутся до смерти, а вы про то не сыск[illegible]ваете.» Сибирякамъ дана была грамота, которою дозволяло[illegible] имъ уводить женъ и дѣвицъ изъ другихъ городовъ: патріарх[illegible] Филаретъ приказалъ архіепископу взять эту грамоту и дост[illegible]вить къ нему въ Москву. О дѣятельности митрополита Кип[illegible]яна въ Сибири лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: «невѣрны[illegible] многихъ крестилъ и слабость многую въ беззаконныхъ же[illegible]нитьбахъ и въ другихъ многихъ духовныхъ дѣлахъ исправи[illegible] и утвердилъ, и отъ многихъ неискусныхъ людей многую мол[illegible]ву, мятежъ и тѣсноту терпѣлъ.» При архіепископѣ Макаріѣ, въ 1625 году произошелъ въ Тобольскѣ слѣдующій случай: въ самое Свѣтлое Воскресенье у заутрени къ боярину княз[illegible]

Юрью Яншеевичу Сулешову начали подходить христосоваться дѣти боярскіе и разныхъ чиновъ люди; всѣ цѣловались по обычаю, но сынъ боярскій Низовцовъ поцѣловалъ князя въ руку; Сулешовъ тутъ же при архіепископѣ и при всѣхъ людяхъ зашибъ Низовцова, велѣлъ посадить его подъ стражу, и подалъ жалобу, что Низовцовъ сдѣлалъ это, умысля воровски, по наученью Сибирскихъ людей. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Видимъ и преслѣдованіе чародѣйства со стороны правительства: въ Тобольскѣ обыскали какого-то протопопа и нашли у него въ коробьѣ траву багрову, да три корня, да комокъ перхчеватъ бѣлъ; воевода тотчасъ далъ знать объ этомъ царю, и протопопъ вмѣстѣ съ коробьею былъ отосланъ въ Москву. У церковнаго дьячка Григорьева обыскали какія-то гадальныя тетради, называемыя рафли; тетради, по указу патріарха, сожгли, а дьячка сковали и сослали въ монастырь на черную работу. Въ 1632 году царь писалъ Псковскимъ воеводамъ: «Писали къ намъ изъ Вязьмы воеводы наши: посылали они за рубежъ для вѣстей лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ-за рубежа, сказывали имъ, что въ Литовскихъ городахъ баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ этимъ хмѣлемъ на людей навести моровое повѣтріе.» Въ слѣдствіе этого запрещено было, подъ опасеніемъ смертной казни, покупать хмѣль въ Литвѣ. Въ Іюнѣ 1635 года пріѣхалъ въ Москву Силистрійскій митрополитъ Іоакимъ съ просьбою о милостынѣ, и говорилъ, что былъ онъ въ Царѣградѣ, и патріархъ Кириллъ приказывалъ ему извѣстить государю и его ближнимъ людямъ тайно, чтобъ государь велѣлъ свое здоровье остерегать отъ грамотъ Турскаго царя и отъ подарковъ его: не было бы какого насылочнаго дурна отъ Турскаго султана въ грамотахъ и подаркахъ, потому что на государя султанъ имѣетъ досаду за миръ съ Польскимъ королемъ [24].

Средствомъ противъ преступленій считали усиленіе наказанія, усиленіе преступленій считали слѣдствіемъ уменьшенія строгости наказаній. Въ прежнія времена фальшивымъ монет-

чикамъ заливали горло воровскими ихъ деньгами; царь Михаилъ перемѣнилъ было эту казнь на торговую, «чая того, говоритъ указъ, что они отъ такого воровства уймутся отъ наказанія, безъ смертной казни; но тѣ воры нашей государской милости къ себѣ не узнали, такихъ воровъ теперь умножилось, и отъ ихъ многаго воровства, по поклепнымъ воровскимъ оговорамъ, многіе простые невинные люди пострадали.» Въ слѣдствіе этого возобновлена была казнь заливанія горла. Гнѣздо фальшивыхъ монетчиковъ открыто было въ 1634 году за Шведскимъ рубежемъ въ Корельской землѣ; занимались этимъ дѣломъ здѣсь Русскіе перебѣжчики. Мы видѣли, что царь Михаилъ въ грамотѣ своей къ Новгородцамъ объявлялъ всепрощеніе; ясно видно, что новое правительство поступило точно также въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ областяхъ; но само предавая забвенію политическія преступленія, совершенныя въ страшную эпоху смутъ, правительство потребовало и отъ частныхъ людей, чтобъ они прекратили всякіе иски относительно вреда, претерпѣннаго ими въ смутное время: въ 1622 году великіе государи указали: въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ, что дѣлалось до разоренья и въ разоренье, по кабаламъ въ долгахъ, которыя кабалы не подписаны больше пятнадцати лѣтъ и челобитья по нимъ не бывало, суда не давать. Для прекращенія сутяжничества и волокиты, въ 1635 году велѣно было биричамъ прокликать повсюду, чтобъ никто взаймы денегъ, хлѣба, подъ закладъ платья, лошадей и всякой рухляди, и никакой ссуды, безъ кабалъ и безъ памятей никому не давалъ и не ссужался. Въ 1617 году царь подтвердилъ постановленіе Грознаго—не мириться съ разбойниками: «которые истцы съ разбойниками или съ приводными людьми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлахъ, не дожидаясь указа, станутъ мириться, и мировыя челобитныя въ приказъ приносить, то этотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и разбойниковъ наказывать по государеву указу, кто чего доведется; а съ истцовъ за то пеню брать, смотря по дѣлу: не мирись съ разбойниками.» Но относительно убійства въ ссорѣ по-прежнему, какъ

и во времена Русской правды, мировыя допускались; въ 1640 году черный попъ Никандръ помирился съ крестьянами Бѣлозерской Тунбажской волости, убившими сына его, священника Луку: «послѣ обѣдни у Николы Чудотворца учинился споръ у вдоваго попа сына моего Луки съ троими крестьянами Тунбажской волости, и одинъ изъ нихъ, Омросъ Семеновъ сына моего зарѣзалъ до смерти; я было старецъ Никандръ пришелъ на разнимку, но тотъ Омросъ Семеновъ и меня ножемъ же рѣзалъ. Я его Омроса съ товарищами во всемъ простилъ, и впередъ мнѣ на нихъ не искать, въ головныхъ деньгахъ и похоронныхъ на нихъ государю не бить челомъ, кромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени что государь укажетъ, въ томъ его царская воля, а я старецъ Никандръ и съ своими дѣтьми то все дѣло отдали Богу судить, въ чемъ я съ своими дѣтьми и мировую запись дали Омросу съ товарищами.» Въ 1636 году въ Сольвычегодскѣ была любопытная мировая: посадскіе люди и волостные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія насильствами воеводы Головачева, написали одиначную запись, чтобъ другъ друга не выдавать, пошли всѣмъ міромъ къ воеводѣ и разграбили его, говоря: «которыя-де мы деньги давали, тѣ и взяли;» они хотѣли было убить Головачева, но пріѣхали на воеводскій дворъ Андрей и Петръ Строгановы, и помирили Головачева съ мирскими людьми, написана была мировая, и мірскіе люди взяли у воеводы за миромъ триста рублей. Закрѣпленіе крестьянъ необходимо вызывало опредѣленіе, какъ поступать въ случаѣ убійства крестьянина, которое теперь прямо причиняло ущербъ землевладѣльцу. Въ 1625 году князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій докладывалъ боярамъ, и бояре приговорили: убьетъ боярскій человѣкъ боярскаго человѣка, и съ пытки станетъ говорить, что убилъ въ дракѣ, неумышленно или пьянымъ дѣломъ: то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать тому боярину, у кого убилъ человѣка, съ женою и дѣтьми въ холопи, а жены и дѣтей убитаго у его боярина не отнимать; если сынъ боярскій или его сынъ или племянникъ или прикащикъ боярскій, дворянскій, или приказныхъ людей или сына

боярскаго прикащикъ убьетъ крестьянина, и съ пытки скажетъ, что убилъ неумышленно, то изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми не отдѣленными и со всѣмъ имѣньемъ и отдать въ крестьяне тому помѣщику, у кого крестьянина убили; жену и дѣтей убитаго крестьянина у помѣщика не отнимать, а убійцъ метать въ тюрьму до государева указа. Убьетъ крестьянинъ крестьянина до смерти и скажетъ, что неумышленно, то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать съ женою и дѣтьми помѣщику убитаго.

Подтверждено было и прежнее уложенье, ограничивавшее страшную свободу языка, подтвержденіе это показываетъ, что прежнее уложеніе не исполнялось: писалъ съ Костромы воевода, что сидитъ въ Костромѣ въ тюрьмѣ разбойникъ Васька Щербакъ шестой годъ; и тотъ старый тюремный сидѣлецъ говорилъ на людей вновь язычную молку, а въ первыхъ годахъ, какъ онъ пойманъ, съ первыхъ пытокъ на тѣхъ людей не говорилъ; и тѣ люди, на которыхъ языкъ говорилъ, били челомъ государю, что языкъ этотъ многихъ людей клеплетъ, и къ нимъ присылалъ, чтобъ они ему дали на хлѣбъ денегъ, а если не дадутъ, то онъ на нихъ язычную молку всговоритъ; воевода распрашивалъ его и пыталъ, и языкъ признался, что этихъ людей онъ поклепалъ напрасно, иныхъ по недружбѣ, а другихъ за то, что не дали денегъ. Государь указалъ: не вѣрить язычнымъ молкамъ, если тюремные сидѣльцы, спустя долгое время, станутъ оговаривать кого-нибудь, на кого прежде ничего не говорили. Въ 1637 году приказано было, чтобъ воеводы по городамъ не сажали въ одну тюрьму съ уголовными преступниками людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, потому что «отъ того татямъ и разбойникамъ и оговорнымъ людямъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ;» людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, велѣно держать за приставами. Въ томъ же году запрещено казнить смертію беременныхъ женщинъ, потому что «рожденное отъ преступницы не виновато;» а казнить когда послѣ рожденія минетъ шесть недѣль. Смутное время имѣло то ги-

ное слѣдствіе, что пріучило Русскихъ людей къ обманамъ, тановкамъ самозванцевъ, заставило ихъ во всемъ сомнѣ-ся, во всемъ видѣть обманъ и подстановку. Указывали ому человѣку: вотъ царевичь! а уже у него готово было женіе: «да настоящій ли это царевичь?» Разумѣется не о было обращать вниманія на такія сомнѣнія, которыя ы были пройти вмѣстѣ съ изглаженіемъ изъ памяти пе-ыхъ явленій смутнаго времени. Но до такого взгляда воз-ься не умѣли, и Русскій человѣкъ дорого долженъ былъ ться за привычку сомнѣваться. Тѣмъ съ бо́льшимъ ува-мъ долженъ вспомнить историкъ о лицѣ, которое подня-выше современниковъ въ этомъ случаѣ. Буйный монахъ скаго монастыря, Тимоѳей Брюхановъ подалъ доносъ на ндрита своего Ѳеодорита въ непригожихъ рѣчахъ. ополитъ Аѳоній хотѣлъ затушить вздорное дѣло, но не ъ; Ѳеодорита и нѣкоторыхъ другихъ взяли къ допросу, и накрѣпко и огнемъ жгли, не допытались и не дожглись о чего, и не смотря на то митрополиту торжественно, въ скомъ соборѣ, при всемъ народѣ сдѣланъ былъ строгій оръ за неисполненіе святительской обязанности.

носительно мѣръ общественной безопасности сдѣланы были ющія распоряженія: въ 1622 году черныхъ сотенъ соц-черныхъ слободъ старосты подали челобитную: съ 1613 22 годъ было съ насъ на земскомъ дворѣ тридцать че-ъ ярыжныхъ да три лошади; а въ нынѣшнемъ 1622 году съ насъ къ тридцати человѣкамъ въ прибавку сорокъ человѣкъ ярыжныхъ; даемъ мы этимъ ярыжнымъ, да на лошади въ мѣсяцъ по 60 рублей денегъ; но кромѣ этихъ ъ съ насъ же берутъ на земскій дворъ, для всякой по-ной рухляди, паруса, крюки, трубы мѣдныя, топоры, зас-, кирки, пешни, бочки и ведра. Кромѣ того теперь пра-съ насъ еще пятнадцать человѣкъ ярыжныхъ и три ло-, да со всякаго человѣка по трубѣ мѣдной: и намъ стало ъ силу, взять трубъ негдѣ, купить нечѣмъ, людишки все ные, молодшіе, и отъ такого тягла бредутъ розно. Госу-

дари указали: съ черныхъ сотенъ, и съ гостиной и суконной сотни быть сотнѣ ярыжныхъ, но лишнихъ лошадей брать необходимо для пожаровъ, зимою велѣть быть по четыре лошади, а трубъ больше прежняго не наметывать, дать имъ для пожарнаго времени по сотнямъ тридцать трубъ держать на земскомъ дворѣ, и приказать по сотнямъ накрѣпко: гдѣ случится пожаръ, и у нихъ бы съ трубами были люди готовы тотчасъ, и людямъ велѣть смотрѣть для того, если уже взяли это на себя, то на пожары ходить не лѣнились бы. Но сотни ярыжныхъ оказалось недостаточно: въ 1629 году прибавлено было еще 100 человѣкъ, деньги велѣно давать имъ изъ государевой казны, изъ большаго приходу; велѣно устроить 50 парусовъ, по пяти саженъ и по четыре, на щиты взять 100 лубовъ и сдѣлать съ рукоятьми; устроить телѣги и бочки изъ государевой казны—20 телѣгъ и 20 бочекъ, извощиковъ росписать по 20 человѣкъ въ ночь, а днемъ съѣзжать имъ для извозу; если же и днемъ случится пожаръ, то быть имъ на земскомъ дворѣ по 20 человѣкъ; въ Бѣломъ каменномъ городѣ и за городомъ, по большимъ улицамъ, сдѣлать большіе колодези, съ десяти дворовъ по одному, для пожарнаго времени. Пожары по-прежнему были страшные: въ 1626 году загорѣлось въ Китаѣ городѣ на Варварскомъ крестцѣ, начали горѣть ряды, Покровскій соборъ, перекинуло въ кремль, загорѣлись церкви въ монастыряхъ Чудовѣ и Вознесенскомъ, дворъ государевъ и патріаршій, въ приказахъ всякія дѣла погорѣли, такъ что государь послалъ писцовъ во всю землю; въ 1629 году загорѣлось въ Чертольѣ и выгорѣло по Тверскую улицу и за Бѣлымъ городомъ погорѣли слободы; а потомъ загорѣлось на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ этого пожара черные сотни били челомъ: «ставятъ у насъ въ сотняхъ и слободахъ выходцевъ пановъ, и Нѣмцевъ и всякихъ иноземцевъ, и Русскихъ людей, Сибирскихъ и Донскихъ и Круговой станицы козаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пріѣзжаютъ изъ городовъ съ государевыми дѣлами и отписками, и городовыхъ писцовъ; а въ нынѣшнемъ

у погорѣли Дмитровская, Новгородская, Ржевская, Ростов-
, Устюжская и Чертольская сотни, и погорѣлые люди раз-
ы по насъ же стоятъ, и изъ Бѣлаго города всякихъ чи-
торговые люди у насъ же поставлены; и намъ отъ этихъ
льцевъ тѣснота великая.» Государь пожаловалъ, велѣлъ по-
лыхъ людей ставить также по дворцовымъ слободамъ. Въ
и 1634 году опять сильные пожары, въ слѣдствіе кото-
черныя сотни опять били челомъ: «погорѣлыя сотни дво-
свои съ тяглыми мѣстами закладываютъ дворянамъ и вся-
людямъ мимо черныхъ тяглыхъ людей, въ большихъ за-
хъ; на сотскихъ старостъ и сотенныхъ людей по этимъ
дныиъ бьютъ челомъ, чтобъ дворы и дворовыя мѣста вы-
ть сотнями, но имъ по такимъ большимъ закладамъ выку-
нельзя; и на этихъ дворахъ живутъ и на дворовыхъ мѣс-
строятся всякихъ чиновъ люди, а тягла не тянутъ; тѣже
, которые закладываютъ, изъ сотенъ и изъ слободъ, изъ
бредутъ розно, отъ чего черныя сотни и слободы пус-
ть, и впередъ государева тягла и податей взять будетъ не
ого. Государь указалъ: кликать биричю по улицамъ и пе-
амъ, чтобъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ дворяне,
боярскіе и всякихъ чиновъ люди у посадскихъ людей
овъ и дворовыхъ мѣстъ не покупали и въ закладъ не
.

ы слышали на соборѣ сильныя жалобы на неудовлетвори-
ное состояніе правосудія; какъ образчикъ понятій нѣкото-
ъ Русскихъ людей о современныхъ имъ дѣлопроизводите-
ъ, приведемъ наказъ стольника Колонтаева слугѣ: «схо-
бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичь ска-
ть, то идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ
ку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ,
тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; при-
тъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣ-
еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай,
страпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подъячему
епкѣ Ремезову, и попроси его чтобъ сдѣлалъ, а къ Кирил-

лѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а онъ Степка жадущая рожа и пьяная.» Мы видѣли, что въ царствованіе Михаила, въ слѣдствіе разгрома и оскудѣнія посадскихъ, тяглыхъ людей, многіе изъ нихъ, избывая тяжкихъ повинностей, бѣгали и закладывались. Средствомъ избывать отъ повинностей для тяглыхъ людей грамотныхъ было также поступленіе въ подъячіе, должность выгодную, которая привлекала къ себѣ многихъ изъ духовнаго званія. Такимъ образомъ уменьшалось число тяглыхъ людей, обогащавшихъ казну своими промыслами, и чрезмѣрно увеличивалось число подъячихъ, людей, стремившихся жить и обогащаться на чужой счетъ, вредныхъ обществу и государству. Мы видѣли, какъ посадскіе люди жаловались на такое ненужное увеличеніе числа подъячихъ, поступавшихъ въ это званіе изъ посадскихъ же, тяглыхъ людей. Поэтому неудивительно, что въ концѣ 1640 года царь Михаилъ указалъ: во всѣ приказы послать памяти, чтобъ поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, гостинной и суконной сотенъ торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей и дѣтей ихъ въ подъячіе не принимали [85].

Относительно народнаго права руководились прежними понятіями и обычаями, но важною новостію было появленіе резидентовъ; должно замѣтить, что стѣсненныя обстоятельства, въ которыхъ находилось Московское государство въ описываемое время, заставляли прибѣгать къ подкупамъ уполномоченныхъ и вообще сильныхъ людей при дворахъ иностранныхъ.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи въ сношеніяхъ съ чуждыми народами и ихъ представителями, пріѣзжавшими въ Москву; но допущеніе все бо́льшаго и бо́льшаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ, предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества,

скорое сближеніе съ западною Европою. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ, понадобились люди ученые, и въ 1639 году дана была опасная грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому Голштинцу Адаму Олеарію: «Вѣдомо намъ учинилось, говоритъ царь въ грамотѣ, что ты гораздо наученъ и навыченъ Астраломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю таковъ мастеръ годенъ.» По государеву указу въ 1637 году переведена была съ Латинскаго полная Козмографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ. Съ одной стороны въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны нуждалась въ наукѣ церковь для охраненія чистоты своего ученія отъ людей подобныхъ Логину и Филарету, и вотъ патріархъ Филаретъ заводитъ въ Чудовѣ монастырѣ Греко-Латинское училище, которое поручено было уже извѣстному намъ исправителю книгъ, Арсенію Глухому. Надобно было спѣшить просвѣщеніемъ, ибо необходимое сближеніе съ иностранцами, признаніе ихъ превосходства вело нѣкоторыхъ къ презрѣнію своего и своихъ; узнавши чужое и признавши его достоинство, начинали уже тяготиться своимъ, старались освободиться отъ него. Мы видѣли, что Русскіе люди, посланные Годуновымъ за границу, не возвратились въ отечество; но и внутри Россіи въ описываемое время Русскій человѣкъ рѣшился высказать рѣзко недовольство своимъ старымъ и стремленіе къ новому, чужому.] Около 1632 года сказанъ былъ такой указъ отъ великихъ государей князю Ивану Хворостинину: «Князь Иванъ! Извѣстно всѣмъ людямъ Московскаго государства: какъ ты былъ при Разстригѣ въ приближеніи, то впалъ въ ересь и въ вѣрѣ пошатнулся, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ, и при царѣ Василіи Ивановичѣ былъ за то сосланъ

подъ началъ въ Іосифовъ монастырь; послѣ того, при государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, опять началъ приставать къ Польскимъ и Литовскимъ попамъ и Полякамъ, и въ вѣрѣ съ ними соединился, книги и образа ихъ письма у нихъ принималъ и держалъ у себя въ чести; эти образа и письмо у тебя вынуты, да и самъ ты сказалъ, что образа Римскаго письма почиталъ наровнѣ съ образами Греческаго письма; тутъ тебя, по государской милости, пощадили, наказанья тебѣ не было никакого, только заказъ сдѣланъ былъ тебѣ крѣпкій, чтобъ ты съ еретиками на знался, ереси ихъ не перенималъ, Латинскихъ образовъ и книгъ у себя не держалъ. Но ты все это забылъ, началъ жить не по христіянски и впадать въ ересь, опять у тебя вынуто много образовъ Латинскаго письма и много книгъ Латинскихъ, еретическихъ; многія о православной вѣрѣ и о людяхъ Московскаго государства непригожія и хульныя слова въ собственноручныхъ письмахъ твоихъ объявились, въ жизни твоей многое къ христіянской вѣрѣ неисправленье и къ измѣнѣ шатость также объявились подлинными свидѣтельствами: ты людямъ своимъ не велѣлъ ходить въ церковь, а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего и воскресеніе мертвыхъ не будетъ; про христіянскую вѣру и про святыхъ угодниковъ Божіихъ говорилъ хульныя слова; жить началъ не христіянскимъ обычаемъ, безпрестанно пить, въ 1622 году всю страстную недѣлю пилъ безъ просыпу, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья былъ пьянъ и до свѣта за два часа ѣлъ мясное кушанье и пилъ вино прежде Пасхи, къ государю на праздникъ Свѣтлаго Воскресенья не поѣхалъ, къ заутрени и къ обѣдни не пошелъ. Да ты же промышлялъ, какъ бы тебѣ отъѣхать въ Литву, дворъ свой и вотчины продавалъ, и говорилъ, чтобъ тебѣ нарядиться по гусарски и ѣхать на съѣздъ съ послами; посылалъ ты памяти къ Тимохѣ Луговскому и Михайлѣ Данилову, чтобъ тебя съ береговой службы переписали на съѣздъ съ Литовскими послами. Да ты же говорилъ въ разговорахъ, будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить тебѣ не съ кѣмъ, чтобъ тебя госу-

дарь отпустилъ въ Римъ или въ Литву: ясно, что ты замышлялъ измѣну и хотѣлъ отъѣхать въ Литву; если бы ты въ Литву ѣхать не мыслилъ, то зачѣмъ было тебѣ дворъ свой и вотчины продавать и съ береговой службы переписываться на Литовскій съѣздъ? Да у тебя же въ книжкахъ твоего сочиненія найдены многія укоризны всякимъ людямъ Московскаго государства, будто Московскій народъ кланяется св. иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ; а который образъ написанъ хотя и прямо, а не подписанъ, тѣмъ не кланяются, да будто Московскіе же люди сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, пріобщенья тебѣ съ ними нѣтъ никакого, и иныя многія укоризненныя слова писаны на виршь (стихами): ясно, что ты такія слова говорилъ и писалъ гордостію и безмѣрствомъ своимъ, по разуму ты себѣ въ версту никого не поставилъ, и этимъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостію всѣхъ людей Московскаго государства и родителей своихъ обезчестилъ. Да въ твоемъ же письмѣ написано государево именованье не по достоинству, государь названъ деспотомъ Русскимъ, но деспота слыветъ греческою рѣчью—владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ; а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, Московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать было не пристойно; за это довелось было тебѣ учинить наказанье великое, потому что поползновеніе твое въ вѣрѣ не впервые и вины твои сыскивались многія; но по государской милости за то тебѣ наказанья неучинено никакого, а для исправленья твоего въ вѣрѣ посыланъ ты былъ подъ началъ въ Кирилловъ монастырь, въ вѣрѣ истязанъ и далъ обѣщанье и клятву, что тебѣ впередъ православную вѣру, въ которой родился и выросъ, исполнять и держать во всемъ непоколебимо, Латинской и никакой ереси не принимать, образовъ и книгъ Латинскихъ не держать и въ еретическія ученья не впадать. И государи, по своему милосердому нраву, милость надъ тобою показали, изъ Кириллова монастыря велѣли взять тебя къ Москвѣ и велѣли тебѣ видѣть свои государскія очи и быть въ дворянахъ по прежнему».

Образцомъ учености Московскихъ грамотѣевъ описываемаго времени можетъ служить споръ по поводу катехизиса Лаврентія Зизанія. Лаврентій Зизаній Тустановскій, протопопъ Корецкій, въ Февралѣ 1627 года привезъ въ Москву книгу свою— Оглашеніе и билъ челомъ патріарху Филарету, чтобъ ее исправить. Патріархъ началъ исправленіе измѣненіемъ заглавія книги: вмѣсто Оглашенія онъ назвалъ ее Бесѣдословіе, на томъ основаніи, что подъ именемъ Оглашенія уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо; о другихъ статьяхъ, которыя найдены несходными съ Русскими и Греческими переводами, патріархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ Богоявленскому игумену Ильѣ да Гришкѣ отъ книжныя справки (справщику типографіи), говорить велѣно любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава. Разговоръ происходилъ на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, передъ государевымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ и думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ. Между прочимъ Илья и Гришка говорили Зизанію: «У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги Астрологіи, а эта книга Астрологія взята отъ волхвовъ Еллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію несходна». Зизаній: «Почему же не сходна? я не написалъ колеса счастія и рожденія человѣческаго, не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашею жизнію; я написалъ только для знанія, пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія». Илья и Гришка: «Да зачѣмъ писалъ для знанія? Зачѣмъ изъ книги Астрологіи ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ, а иныя рѣчи отъ своего умышленія прилагалъ и не правильно объявлялъ?» Зизаній: «Что же я неправильно объявлялъ? какія ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ?» Илья и Гришка: «А развѣ это правда, говоришь: облака надувшись сходятся и ударяются и отъ того бываетъ громъ, огонь и звѣзды называешь животными звѣрями, что на тверди

небесной!» Зизаній: «Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?» Илья и Гришка: «Мы пишемъ и вѣруемъ какъ Моисей написалъ: сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ». Зизаній: «Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?» Илья и Гришка: «По повелѣнію Божію, Ангелы служатъ тварь водя». Зизаній: «Воленъ Богъ да государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ, я ему о томъ и бить челомъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ недоумѣніе мое исправилъ, я и самъ знаю, что въ книгѣ моей много недѣльнаго написано». Илья и Гришка: «Прилагаешь новый вводъ въ Никифоровы правила, чего въ нихъ не бывало, намъ кажется, что этотъ вводъ у тебя отъ Латинскаго обычая; сказываешь, что простому человѣку или иному можно младенца или какого человѣка крестить». Зизаній: «Да это есть въ Никифоровыхъ правилахъ». Илья и Гришка: «У насъ въ Греческихъ Никифоровыхъ правилахъ нѣтъ, развѣ у васъ вновь введено, а мы такихъ новыхъ вводовъ не принимаемъ». Зизаній: «Да гдѣ же у васъ взялись Греческія правила?» Илья и Гришка: «Кипріанъ митрополитъ когда пришелъ изъ Константинограда на Русскую митрополію, то привезъ съ собою правильныя книги христіанскаго закона, Греческаго языка, правила, и перевелъ на Славянскій языкъ, Божіею милостію они пребываютъ и до сихъ поръ безо всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги Греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а которыя теперь къ намъ выходятъ печатныя книги Греческаго языка, то мы ихъ принимаемъ и любимъ, если они сойдутся съ старыми переводами, а если въ нихъ есть какія нибудь новизны, то мы ихъ не принимаемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки теперь живутъ въ великихъ тѣснотахъ, въ невѣрныхъ странахъ, и печатать имъ по своему обычаю невозможно». Зизаній: «И мы новыхъ переводовъ Греческаго языка книгъ не принимаемъ же; я думалъ, что въ Никифоровыхъ правилахъ въ самомъ дѣлѣ написано, а теперь

слышу, что у васъ этого нѣтъ, такъ и я не принимаю; простите меня Бога ради, я для того сюда и пріѣхалъ, чтобъ мнѣ отъ васъ здѣсь лучшую науку принять». Илья и Гришка: «Скажи намъ, что еще съ нами объ этой книгѣ хочешь говорить?» Зизаній: «Всегда радъ я съ вами бесѣдовать, а книгу государскаго жалованья я всю прочелъ, прилежно трудился при васъ и безъ васъ, и много просвѣщенія душѣ своей пріобрѣлъ; дивлюсь великой премудрости православнаго государя патріарха: какой разумъ, какой смыслъ, какую великую богодарованную премудрость имѣетъ въ себѣ! какъ онъ государь такую большую книгу въ такое малое время сочинилъ! воистинну Богъ дѣйствуетъ въ немъ». При этихъ словахъ Зизаній началъ прижимать книгу къ груди и любезно всюду ее цѣловать. Разговоръ этотъ описанъ Гришкою справщикомъ.

Самымъ плодовитымъ писателемъ Михаилова царствованія былъ князь Семенъ Шаховской. Онъ писалъ и лѣтописи, и похвальныя слова святымъ, и каноны, и разныя посланія. Потерявши три жены одну за другою, онъ женился въ четвертый разъ, но его развели; тутъ онъ написалъ два умильныя посланія — одно къ патріарху Филарету, другое къ Тобольскому архіепископу Кипріяну, съ просьбою, чтобъ позволили ему опять жить съ женою, выставляя свою молодость, невозможность жить безъ жены. Въ числѣ его сочиненій находится длинное письмо къ шаху Аббасу отъ имени патріарха Филарета: въ письмѣ этомъ авторъ увѣщеваетъ шаха креститься, но не принимать христіанства отъ папы, ибо, какъ пронесся слухъ, шахъ принялъ къ себѣ ксёндза. Многоглаголивый тамъ, гдѣ вовсе это не нужно, Шаховской до крайности кратокъ въ томъ сочиненіи своемъ, которое при бо́льшихъ подробностяхъ одно могло бы имѣть для насъ важное значеніе, именно въ своихъ запискахъ. Шаховской былъ начетчикъ, грамотѣй, владѣлъ книжнымъ языкомъ, писалъ и виршами, но внутреннихъ достоинствъ сочиненія его не представляютъ никакихъ; они страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, какимъ страдаетъ вообще наша древняя литтература съ XVI вѣка преимущественно — стара-

ніемъ выражаться какъ можно красивѣе, кудреватѣе, подбирать слова и фразы за отсутствіемъ мыслей [26].

Этимъ недостаткомъ страдаютъ и нѣкоторыя лѣтописи. Такъ нечужда ему оффиціальная лѣтопись смутнаго времени, составленная при царѣ Михаилѣ, и изданная подъ именемъ Рукописи Филарета, патріарха Московскаго. Эта лѣтопись важна для насъ въ томъ отношеніи, что она черновая, съ помарками, изъ нея мы можемъ видѣть, какія извѣстія о смутномъ времени хотѣли сохранить въ оффиціальной лѣтописи, составлявшейся въ Михаилово царствованіе, и какія считали нужнымъ уничтожить, какія наконецъ особенно хотѣли распространить и изукрасить. Въ избраніи Шуйскаго первоначально было написано такъ: «Маія 19 день пріидоша на Крайнево мѣсто, глаголемое лобное, весь синклитъ царскаго величества, митрополиты и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, и собрашася весь народъ отъ мала же и даже до велика и нача глаголати о томъ, дабы разослати грамоты во всѣ окрестные грады Московскаго государствія, чтобы изо всѣхъ градовъ съѣзжались въ царствующій градъ Москву вси народи для ради царьсково обиранія и да быша избрали въ соборную апостольскую церковь патріарха, кого Богъ благословитъ. Народи же отвѣщаху: напередъ же патріарха да изберетца царь на царство, и потомъ патріаршское избраніе произвольно будетъ имъ великимъ государемъ; власти же, боляра жъ и тустоящіе людіе начаша глаголати между собою: яко имъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго онаго еретика растриги, ему же нынѣ подобаетъ и царьскій престолъ воспріяти. Сіяжъ слышавше и народи вси воздвигаша гласы свои, да будетъ надъ ними надо всѣми сій князь Василей Ивановичь, утвержаютъ крѣпце совѣтъ сей и нарекоша его государемъ себѣ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи». Это извѣстіе показалось не довольно изукрашеннымъ; почли нужнымъ вложить въ уста народа болѣе витіеватую рѣчь, и потому послѣ словъ:

«народи же отвѣщаху» зачеркнуто и внесена другая рѣчь народа: «Яко напреди да изберется самодержавный царь, иже можетъ наше сокрушеніе исцѣлити и раны обезати, нанесенныя богопопустною язвою неблагочестнаго еретика и зловонного вепря, ижъ озоба виноградъ Богомъ насажденный. И сего аще Господь царя открыетъ намъ, якожъ древле Саула Израилю, и той убо да изведетъ патріарха пастыря Богомъ снабдимой церкви. И угодно быть сіе слово и начаша глаголати: яко убо обличитель и посрамитель нечестиваго Богопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василей Ивановичь Шуйскій, иже и до смерти мало не пострада отъ плотояднаго того медвѣдя, и за избавленіе Россійскаго народа живота своего не пощадѣ; еще же и отрасль благороднаго корени царьскаго изчадія великихъ государей Россійскихъ; и сего ради, многаго ради мужества и благородія, да врученно будетъ ему царьствія Россійскаго скипетродержаніе. И егда услышась сіе рѣченіе въ собравшемся народѣ, и абіе вси народи предстоящіи ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ небесе шумящу, или отъ земли возглашающу, воздвигоша гласы своя великими жрѣлы, яко аще рещи и земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣташесь имъ, всѣжъ единогласно глаголюще: «да будетъ царьствуя надъ нами царь и великій князь Василей Ивановичь, иже избавивый насъ отъ належащія пагубы свирѣпаго еретика Гришки Отрепьева. И такъ всѣмъ совѣтомъ избраша на Россійское самодержавство благочестиваго царя Василія».

Послѣ извѣстія о вступленіи князя Скопина-Шуйскаго въ Москву первоначально были помѣщены слова: «Царь же Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюби его за сію бывшую побѣду, якожъ и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіаѳа, и поюще Саулу въ тысящахъ, а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣдную пѣснь приношаху и о избавленіи своемъ радовахуся. Оле зависти и рвенію, въ колико нечестіе и погибель порреваетъ

душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ». Это мѣсто зачеркнуто.

Кромѣ этой оффиціальной лѣтописи дошли до насъ другія лѣтописи, сказанія и хронографы, заключающіе въ себѣ извѣстія о смутномъ времени; большая часть этихъ лѣтописей составлена въ царствованіе Михаила, и потому теперь время обратиться къ нимъ, посмотрѣть, какъ въ первой половинѣ XVII вѣка, тотчасъ послѣ смутъ, высказалось въ тогдашней исторической литературѣ сознаніе объ этихъ великихъ и страшныхъ событіяхъ. Прежде всего, разумѣется, мы должны обратиться къ вопросу, какъ представлялись причины смутнаго времени?

При разсматриваніи общаго характера нашей лѣтописи мы замѣтили, что лѣтописцы смотрятъ на всѣ народныя бѣдствія какъ Божіе наказаніе за грѣхи народа [27]. Этотъ взглядъ не измѣнился и въ описываемое время, особенно у лѣтописцевъ, принадлежавшихъ къ духовному званію. Вотъ почему самозванцы и смуты ими произведенныя являются какъ Божіе наказаніе за грѣхи, какъ слѣдствіе нравственнаго паденія жителей Московскаго государства: «Премилостивый и премудрый человѣколюбецъ Богъ нашъ, не хотя созданія своего до конца потребить, видя человѣческое поползновеніе ко грѣху, всячески отвращая насъ и отводя отъ всякихъ неподобныхъ студодѣяній, многія и различныя бѣды и напасти посылаетъ на насъ грозными знаменіями, яростно устрашая насъ и запрещая намъ съ милостивымъ наказаніемъ; были на насъ бѣды многія, пожары, нашествія иноплеменниковъ, голода, смертоносныя язвы и междуусобное нестроеніе; потомъ всѣхъ бѣдъ намъ горчайшее — прекратилъ Богъ у насъ царскій корень. Мы же грѣшные это наказаніе Божіе ни во что вмѣняли, и болѣе еще къ своимъ злымъ дѣламъ уклонились, къ зависти, гордости, отъ неправды не отстали, но на бо́льшую пагубу поострились. Богъ же видя наше неисправленіе, навелъ ради грѣховъ нашихъ сугубое наказаніе: какъ въ древности навелъ Богъ окаяннаго Святополка на Русскую землю, на убійство братіи его: такъ и на нашу православную христіанскую вѣру, на Московское государство на-

велъ этого окаяннаго Гришку; не хотѣлъ Богъ насъ наказать ни царями, ни королями, не хотѣлъ отомстить за праведную кровь царевича Димитрія никакими ордами; но ваялъ въ Русской землѣ прахъ отъ земли—этого окаяннаго чернеца Гришку [28]». Здѣсь выставляются общіе грѣхи всей земли; Борисъ Годуновъ не выдѣляется, не выставляется какъ грѣшникъ по преимуществу, навлекшій своими дурными дѣлами бѣдствія на родную землю, и убіеніе царевича Димитрія выставляется какъ общій земскій грѣхъ. Здѣсь слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ общелѣтописнымъ представленіемъ, которое не занимается ближайшею связью между явленіями, не занимается разсматриваніемъ того, какъ, по закону Вѣчной Правды, въ грѣхѣ, въ дурномъ дѣлѣ уже заключаются гибельныя его слѣдствія, заключается наказаніе, какъ въ обществѣ, способномъ сносить неправду, дѣятели стараются достигать своихъ цѣлей путями неправыми, и этимъ самымъ еще болѣе развращаютъ общество; какъ въ обществѣ, допустившемъ неправду, встаетъ смута, смѣшеніе чистаго съ нечистымъ и клятвы съ благословеніемъ. Общелѣтописному воззрѣнію вѣренъ и знаменитый Авраамій Палицынъ; но у него подлѣ народа, казнимаго за нравственное паденіе, является на первомъ планѣ Годуновъ, котораго безнравственныя мѣры, распоряженія и нововведенія возбуждаютъ всеобщую ненависть и способствуютъ нравственному паденію народа [29]; у Палицына встрѣчаемъ указаніе и на причину смуты въ неправильномъ отношеніи сословій, встрѣчаемъ указаніе на характеръ народонаселенія прежепогибшей украйны. Палицынъ, выставивши сильное участіе Годунова въ нравственномъ паденіи народа, которое вызвало наказаніе Божіе, сводитъ согласно съ прежде приведеннымъ лѣтописцемъ, играя противоположностью могущества Борисова и тѣмъ орудіемъ, которымъ было разрушено это могущество: «Много и другаго зла въ насъ дѣлалось, и когда мы увѣрились въ спокойствіи и твердости управленія Борисова, тогда внезапно пришло на насъ всегубительство: не попустилъ Богъ никого отъ тѣхъ, которыхъ остерегался царь Борисъ,

не всталъ на него никто отъ вельможъ, которыхъ роды онъ погубилъ, ни отъ царей чужеземныхъ; но кого попустилъ? смѣху достойно сказаніе, плача же великаго дѣло было!» Наконецъ извѣстный намъ хронографъ причину гибели Борисовой и начало смутъ прямо указываетъ въ отношеніяхъ Бориса къ вельможамъ, которыхъ онъ ожесточилъ [30]. И такъ въ исторической литтературѣ нашей XVII вѣка сталкиваются три воззрѣнія на причины смутнаго времени: воззрѣніе, что народъ былъ наказанъ за грѣхи безъ выдѣленія личностей, особенно грѣховныхъ; то же воззрѣніе съ указаніемъ на такую личность; наконецъ воззрѣніе, ограничивающееся одними личными отношеніями, отношеніями Годунова къ вельможамъ.

Всѣ извѣстія приписываютъ смерть царевича Димитрія Годунову; но потомъ, приступая къ описанію смутнаго времени, нѣкоторые лѣтописцы, какъ мы видѣли, не выставляютъ Годунова главнымъ виновникомъ бѣдствія, его грѣхъ сливается съ массою грѣховъ народныхъ. Одинъ Палицынъ, говоря о смерти царевича Димитрія, старается какъ бы ослабить степень участія въ ней Годунова раздѣленіемъ этого участія съ другими лицами и указаніемъ причины преступленія не въ властолюбіи Годунова, но въ той опасности, которая грозила и Годунову и другимъ отъ Димитрія: «Царевичь Димитрій, приходя въ возрастъ, смущается отъ ближнихъ своихъ, которые указываютъ ему, какъ онъ обиженъ чрезъ удаленіе отъ брата; царевичь печалится, и часто въ дѣтскихъ играхъ говоритъ и дѣйствуетъ противъ ближнихъ брата своего, особенно же противъ Бориса. Враги, ласкатели, великимъ бѣдамъ замышленники, въ десятеро преувеличивая, разсказываютъ объ этомъ вельможамъ, особенно Борису, и отъ многія смуты ко грѣху его низводятъ, и краснѣйшаго юношу насильно отсылаютъ въ вѣчный покой». Этотъ взглядъ на дѣло тѣмъ важнѣе для насъ, что Палицынъ въ другомъ мѣстѣ очень неблагосклонно отзывается о Борисѣ, приписывая ему порчу нравовъ и вредныя нововведенія. Самыми сильными выходками противъ Бориса отличается авторъ ска-

занія о смутномъ времени; онъ въ тоже самое время обличаетъ въ себѣ ревностнаго приверженца Шуйскаго [31], и такимъ образомъ указываетъ источникъ ненависти своей къ Годунову, который у него является убійцею Димитрія, убійцею царя Θеодора и многихъ другихъ, похищающимъ царство лукавствомъ и неправдою; появленіе самозванца есть прямо наказаніе Божіе Годунову за его вопіющія преступленія: «Видѣвъ же это всевидящее недреманное око Христосъ, что неправдою восхитилъ Борисъ скипетръ Россійской области, восхотѣлъ ему отомстить пролитіе неповинной крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, царевича Димитрія и царя Θеодора Іоанновича и прочихъ неповинно отъ него убіенныхъ, неистовство его и злоубійство неправедное обличить и прочимъ его радѣтелямъ образъ показать, чтобъ не ревновали его лукавой суровости; попустилъ на него врага, главню, оставшуюся отъ Содома и Гомора, или непогребеннаго мертвеца, чернеца, ибо чернецъ, по слову Іоанна Лѣствичника, прежде смерти умеръ, обрѣтши себѣ келлію вмѣсто гроба». Это сказаніе отличается особеннымъ красноглаголаніемъ; таково напримѣръ описаніе двухъ битвъ Борисовыхъ воеводъ съ самозванцемъ; описаніе первой: «Войско съ войскомъ скоро сходится; какъ двѣ тучи наводнившись темны бываютъ къ пролитію дождя на землю: такъ и эти два войска сходятся между собою на пролитіе крови человѣческой; какъ громъ не въ небесныхъ, а въ земныхъ тучахъ пищальный стукъ; былъ вопль и шумъ отъ голосовъ человѣческихъ и оружный трескъ такой, что земля тряслась и нельзя было разслышать, что одинъ говорилъ другому; брань была престрашная, какъ на Дону у великаго князя Димитрія съ Мамаемъ». Очевиденъ образецъ краснорѣчія, который имѣлъ передъ глазами нашъ авторъ — Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Описаніе второй битвы: «Какъ ясные соколы на сѣрыхъ утятъ, или бѣлые кречеты носы чистятъ ко клеванію и остры когти къ вонзенію въ плоть, крылья расправляютъ и плечи натягиваютъ къ убійству птичному: такъ воеводы, поборники православной христіанской вѣры съ христолюбивымъ своимъ вой-

скомъ противъ сатанина угодника и бѣсовозлюбленнаго его воинства въ брони облачаются» и проч.

Къ Борису нѣкоторые лѣтописцы равнодушны, другіе съ восторгомъ отзываются о его достоинствахъ, хотя и указываютъ на недостатки, бывшіе причиною его погибели; нѣкоторые, писавшіе очевидно подъ вліяніемъ духа партіи, сильно чернятъ его память. Вообще лѣтописцы снисходительнѣе къ Шуйскому, хотя большинство изъ нихъ смотритъ на него, какъ на человѣка, поторопившагося взять въ свои руки верховную власть и оказавшагося неспособнымъ удержать ее; нѣкоторые впрочемъ безусловно превозносятъ его. Но относительно Лжедимитрія всѣ отзывы согласны не въ пользу его. Это явленіе понятно: никто не сочувствуетъ палачу, потому только что онъ исполнитель справедливаго приговора надъ преступникомъ, не могли сочувствовать и предки наши орудію кары небесной за грѣхи цѣлаго народа или одного Годунова; и люди, коснувшіеся (впрочемъ очень слегка, очень боязливо) вопроса о подстановкѣ, не раздѣляя общаго мнѣнія о сверхъестественныхъ причинахъ появленія Лжедимитрія, могли не сочувствовать его личности и поступкамъ, уже не говоря о томъ, что не хотѣли высказывать этого сочувствія. Большинство, какъ проговорился Палицынъ, любило Лжедимитрія; но люди изъ большинства обыкновенно не записываютъ своихъ мнѣній; при томъ же большинство было напугано страшными словами, страшными отзывами, которые повторялись людьми, имѣющими высшій авторитетъ, людьми знающими, разумными, а большинство, особенно въ то время, было болѣе всего способно повѣрить этимъ отзывамъ и напугаться ими, въ слѣдствіе чего могло даже возненавидѣть прежняго любимца, когда было объявлено и утверждено, что онъ былъ еретикъ и чернокнижникъ. Откуда же взялось это представленіе о еретичествѣ Лжедимитрія? Ежедневный опытъ учитъ насъ, что люди, не получившіе посредствомъ образованія, посредствомъ науки привычки идти на встрѣчу явленіямъ новымъ, непонятнымъ, вступать съ ними въ борьбу и наконецъ одолѣвать ихъ какъ древняго сфинкса раз-

гадкою ихъ загадокъ,—такіе люди всякое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, приписываютъ дѣйствію таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ; кромѣ уже того, что самозванецъ являлся орудіемъ врага рода человѣческаго какъ виновникъ смутъ и бѣдствій, онъ являлся такимъ еще какъ другъ иновѣрцевъ, какъ вводитель чуждыхъ обычаевъ, какъ человѣкъ несообразовавшійся съ принятыми, освященными уставами и обычаями. Слово ересь въ то время имѣло обширнѣйшее и часто превратное значеніе, ибо значеніе религіозное, вѣчное, неизмѣняемое, божественное придаваемо было и тому, что не имѣло ничего общаго съ нимъ, придаваемо было формѣ, внѣшнему, измѣняемому; то, что въ самомъ дѣлѣ было ересью, какое-нибудь неправильное, нелѣпое толкованіе мѣста св. Писанія, основанное на непонятомъ, искаженномъ мѣстѣ церковнаго писателя, не казалось ересью; но страшною ересью являлось нарушеніе принятаго, освященнаго древностію обычая: оно производило могущественное, тяжелое впечатлѣніе, нарушало весь строй жизни, не давало покоя, порывало священную связь съ отцами умершими, являлось грѣховнымъ возстаніемъ противъ ихъ памяти, противъ ихъ жизни. При отсутствіи духовнаго простора, при господствѣ внѣшняго, формы, при неразвитости духовныхъ, настоящихъ, самыхъ крѣпкихъ основъ народности, однообразіе, сходство внѣшняго, формы служили единственною связью между членами общества, членами народа. Эта неразвитость внутренней, духовной народной связи, неразвитость народности вообще, производило то, что человѣкъ, порвавшій внѣшнюю связь съ своимъ народомъ, разрывалъ съ нимъ окончательно; такъ окончательно разорвали съ отечествомъ тѣ молодые люди, которые были отправлены при Годуновѣ за границу; князь Хворостининъ также не хотѣлъ оставаться въ Россіи; слышали мы и опасенія князя Ивана Голицына: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины Русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется

кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ». Понятно слѣдовательно, почему общество преслѣдовало всякое нарушеніе отцовскаго обычая какъ измѣну, и такъ какъ внѣшнее, формы имѣли религіозное значеніе, а Русскій народъ своимъ вѣроисповѣданіемъ разнился отъ другихъ Европейскихъ народовъ, отдѣлить же сознательно правды своего вѣроисповѣданія отъ внѣшняго, формъ не могъ, не могъ понять, что православіе не имѣетъ ничего общаго съ бородою, употребленіемъ телятины въ пищу и т. п.,—то всякое измѣненіе своего внѣшняго, измѣняемаго на чужое внѣшнее, измѣняемое же считалось измѣненіемъ основнаго, существеннаго, религіознаго, считалось необходимо ересью, грѣхомъ; да и дѣйствительно, какъ мы видѣли, люди измѣнявшіе внѣшнее, однимъ этимъ не ограничивались опять по недостатку сознанія объ отдѣльности внѣшняго отъ внутренняго, существеннаго отъ несущественнаго, по привычкѣ все это смѣшивать; Русскій человѣкъ, выѣхавшій за границу, одѣвшись въ иностранное платье, принявши чужіе обычаи, измѣнялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣрѣ отеческой, ибо о вѣрѣ этой онъ яснаго понятія не имѣлъ, она въ его представленіи неразрывно была соединена съ обычаями, внѣшностями, отъ которыхъ онъ отказался, и въ слѣдствіе этой-то неразрывной связи отказавшись отъ одного, онъ не могъ не отказаться отъ другаго.

Такимъ образомъ объясняется намъ, почему Лжедимитрій является въ современныхъ литтературныхъ памятникахъ какъ еретикъ и чернокнижникъ, орудіе темной, адской силы: онъ измѣнилъ древнимъ обычаямъ, окружилъ себя чужими, иновѣрцами, еретиками, хвалилъ чужое, смѣялся надъ своимъ; онъ явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше; люди, которые могли не оскорбиться его поведеніемъ, не составляли въ это время даже и меньшинства, они составляли исключеніе; притомъ же въ послѣдствіи открыли, что онъ былъ самозванецъ, обманщикъ, обольститель, слѣдовательно необходимо орудіе духа лжи и обольщенія; наконецъ явился невѣдомо какъ, достигнулъ царства изумительными, чудесными для боль-

шинства средствами. Самъ Палицынъ, безспорно разумнѣйшій изъ тогдашнихъ грамотѣевъ, говоритъ, что Лжедимитрій былъ чернокнижникъ, еще въ молодости навыкшій чернокнижію. Впрочемъ свидѣтельство о чернокнижіи Лжедимитрія можно принимать и буквально: при умственной неразвитости людей того времени таинственныя знанія, книги, въ которыхъ они заключались, имѣли неотразимую прелесть для молодыхъ людей живыхъ, у которыхъ сильно работали мысль и воображеніе, которые хотѣли узнать побольше того, что могли имъ предложить тогдашніе мудрецы—нечернокнижники; очень легко могло быть, что въ рукахъ пылкаго, пытливаго Отрепьева видали и запрещенныя книги, какіе-нибудь Аристотелéвы врата.

Если Лжедимитрій былъ еретикъ и чернокнижникъ, то, разумѣется, съ такимъ же характеромъ, и даже еще въ сильнѣйшей степени, явилась жена его Марина, еретица, воруха, Латынской вѣры дѣвка, Луторка и Калвинка. Сочетаніе трехъ послѣднихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же лицѣ, сочетаніе, встрѣчаемое въ писаніяхъ тогдашнихъ грамотѣевъ, разумѣется, поражаетъ насъ теперь; но предки наши не обращали вниманія на различіе исповѣданій; они употребляли эти три названія—Латынецъ, Люторъ, и Калвинъ, какъ бранныя, говоря о всякомъ чужомъ, о всякомъ западникѣ. Требованіе перекрещиванія отъ людей другихъ христіянскихъ исповѣданій, переходящихъ въ православіе, всего лучше объясняетъ намъ дѣло, всего лучше показываетъ намъ, какое сильное впечатлѣніе производило на нашихъ предковъ слово: чужой; это магическое слово отнимало способность находить въ человѣкѣ другаго христіанскаго исповѣданія что-либо сходное, находить общую основу и вмѣстѣ опредѣлить, какое изъ этого исповѣданій ближе къ нашему, и какое дальше.

Что касается представленія о другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ смутной эпохи, выраженнаго въ современныхъ литтературныхъ памятникахъ, то оно очень неудовлетворительно, очень не ясно. Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ По-

жарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку. Отъ Скопина-Шуйскаго не дошло до насъ ни одного слова, не дошло ни записокъ, ни писемъ, ни его собственныхъ, ни людей къ нему близкихъ, въ слѣдствіе чего фигура эта представляется историку покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно — не знаемъ. Точно также безжизненною представлялась бы намъ и фигура другаго вождя-освободителя, Пожарскаго, если бы мы должны были ограничиться одними лѣтописями, еслибъ, по счастію не дошло до насъ описаніе Новгородскаго посольства къ Пожарскому въ Ярославль; тутъ сказалъ Пожарскій нѣсколько словъ о себѣ, о своемъ положеніи, о другихъ лицахъ,—и прорѣзалъ яркій лучь и освѣтилъ, оживилъ образъ! Но все это нѣсколько словъ только! Яснѣе представляется характеръ Ляпунова уже по самому разнообразію его внѣшней дѣятельности, не допускающей сначала до конца общихъ, неопредѣленныхъ отзывовъ. Въ дѣятельности Минина много темнаго, недосказаннаго: тоже таинственный образъ! Любопытно, что если въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ фигура Минина стирается предъ фигурою Пожарскаго, то въ народномъ представленіи, какъ оно записано въ одномъ хронографѣ [33], Мининъ является исключительнымъ дѣятелемъ при освобожденіи Москвы. Здѣсь видно явное желаніе противопоставить его бояриму князю Трубецкому, при чемъ лице Пожарскаго, какъ мѣшавшее силѣ желаннаго впечатлѣнія, отстранено: «Призвавши Бога на помощь, хотя и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ, пошелъ Кузьма къ царствующему граду. Въ то время стоялъ съ войскомъ князь Дмитрій Трубецкой, и услыхавъ, что идетъ Кузьма Мининъ съ войскомъ, отступилъ прочь, говоря: «Уже мужикъ нашу честь хочетъ взять на себя, а наша служба и радѣніе ни во что будетъ». И свѣдалъ келарь Троицкій, Аврамій Палицынъ, что Дмитрій Тру-

бецкой съ товарищемъ своимъ Прокофьемъ Ляпуновымъ (?) прочь отступилъ отъ кремля города; и пріѣхалъ келарь въ полки князя Дмитрія Трубецкаго, началъ его молить, что тотъ мужикъ пришелъ къ тебѣ на помощь, а не честь вашу похищать; и едва умолилъ князя Дмитрія. А въ то время Кузьма Мининъ съ своимъ войскомъ облегъ городъ Кремль, и началъ Трубецкой говорить: «Я стою подъ городомъ Москвою немалое время, а взялъ Бѣлгородъ и Китай; что будетъ у мужика того, увижу его промыселъ!» И поѣхалъ келарь въ полки Нижегородскіе къ Кузьмѣ Минину и говорилъ: «Я едва умолилъ князя Дмитрія Тимоѳеевича, а ты, Кузьма Миничь, не прекословь ему ни въ чемъ, ополчайся какъ тебя Богъ наставитъ», и отъѣхалъ въ свой монастырь. На другой день Кузьма отряжаетъ два полка и т. д.» — Патріархъ Гермогенъ вообще является въ лучезарномъ блескѣ, и самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ; только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе.

Къ сказаніямъ, содержаніе которыхъ составляютъ событія смутнаго времени, принадлежатъ два сказанія, составленныя во Псковѣ. Они замѣчательны потому, что въ нихъ высказались взгляды двухъ противоположныхъ, враждебныхъ сторонъ, стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Въ нашей исторіи, при описаніи борьбы этихъ сторонъ во Псковѣ, мы держались лѣтописнаго разсказа именно по его относительному, по крайней мѣрѣ, безпристрастію: ибо лѣтописецъ, хотя и сильно вооружается противъ воеводы и лучшихъ людей, однако не щадитъ и меньшихъ, когда они начали приликать съ Кудекушею. Но въ одномъ изъ упомянутыхъ сказаній событія представлены такъ, что поступки лучшихъ людей являются постоянно въ хорошемъ свѣтѣ, поступки меньшихъ въ дурномъ. Сказаніе это носитъ заглавіе: «О смятеніи и междоусобіи и отступленіи Псковичь отъ Московскаго государства, и какъ быша послѣди бѣды и напасти на градъ Псковъ отъ нашествія поганыхъ и плѣненія, пожаръ, гладъ, и откуду начаша злая сія быти и въ кое время». Въ сказаніи вотъ какъ

...вается начало смуты: «Явились въ Псковскихъ пригоро... смутныя грамоты отъ вора изъ-подъ Москвы, на прель... малодушныхъ, и возмутились люди, начали крестъ ему ...вать. Въ то же время вскорѣ умеръ епископъ Геннадій ...ручины, услыхавъ такую прелесть; во Псковѣ люди стали ...ваться, заслыша, что кто-то идетъ отъ ложнаго царя съ ...ратью. Воеводы, видя такое смятеніе въ народѣ, много ... его, но не могли уговорить; народъ схватилъ луч... людей, гостей и пометалъ ихъ въ тюрьму, а воеводы ... въ Новгородъ за помощію. Въ то же время какой-то ...креста Христова распустилъ слухъ, что Нѣмцы будутъ ...ковъ; тогда нѣкоторые мятежники возопили въ народѣ, что ... пришли къ мосту на Великой рѣкѣ; тутъ всѣ возмути... схватили воеводъ, посадили въ тюрьму, а сами послали ...овскимъ воеводою Плещеевымъ и цѣловали крестъ вору, ... быть въ своей волѣ, взбѣсились и лихоимствомъ разго... на чужое имѣніе. Осенью пришли во Псковъ изъ Ту...аго стана мучители, убійцы и грабители, объявляя на...ымъ державу его и власть, а эти окаянные воздали хвалу ... державѣ его, начали хвалиться предъ ними своимъ ра...ъ къ вору, и клеветать на тѣхъ богомольцевъ и стра...въ, которые не хотѣли преклонить колѣна Ваалу, на ...ихъ начальниковъ и нарочитыхъ мужей, сидѣвшихъ въ ...; лютые звѣри извлекли ихъ изъ тюрьмы и уморили, ...ъ на колья посадили, другимъ головы отсѣкли, прочихъ ...ными муками мучили, имѣніе ихъ побрали, боярина же ... Никитича Шереметева въ тюрьмѣ удавили, и, побравши ...е во владычнѣ дворѣ, по монастырямъ, у городскихъ на...иковъ и у гостей, отъѣхали подъ Москву къ своему ...ому царю, и тамъ послѣ были побиты своими». Это из...іе о поступкѣ Тушинцевъ очень правдоподобно, но почему ...нѣтъ у лѣтописца? Лѣтописецъ Тушину не благопріят...валъ, называетъ безумными тѣхъ, которые цѣловали крестъ ...нскому царю?

...пустивши причины народнаго возстанія на лучшихъ людей,

причины, разсказанныя у лѣтописца, а именно посаженіе въ тюрьму гонца отъ казачьяго атамана и бѣгство духовныхъ лицъ къ непріятелю, авторъ Сказанія, послѣ описанія большаго пожара, говоритъ: «чернь и стрѣльцы начали грабить имѣніе у нарочитыхъ людей и, по наущенію дьявольскому, стали говорить: «бояре и гости городъ зажгли!» и начали въ самый пожаръ камнями гнать ихъ, и тѣ побѣжали изъ города; а на другой день стали волочить нарочитыхъ дворянъ и гостей, мучить и казнить и въ тюрьмы сажать неповинныхъ, начальниковъ городскихъ и церковный чинъ.» Описавши вторичное торжество меньшихъ людей, лѣтописецъ прибавляетъ: «Далъ Богъ безъ крови разошлись, а еслибъ воля лучшихъ людей сотворилась, то было бы крови много; которые изъ нихъ въ Новгородъ отъѣхали, тѣхъ имѣніе переписали, а которые въ Печорахъ и во Псковѣ крылись, тѣхъ имѣнія не переписывали.» Совершенно иначе разсказываетъ дѣло авторъ нашего сказанія: «которыхъ отыскали православныхъ неповинныхъ (меньшіе люди-побѣдители), тѣхъ влекли на сонмище, мучили, въ палаты и погреба пустые пометали, которые же изъ города побѣжали душою да тѣломъ, у этихъ женъ метали въ погреба, а потомъ мучили и смерти предавали, входили въ домы ихъ, ѣли, пили и веселились, имѣнія ихъ по себѣ раздѣлили; кто былъ въ тюрьмѣ, тотъ отдалъ послѣднее, чтобъ откупиться отъ муки и смерти, у кого же не было что дать, тѣ были замучены или въ темницѣ померли, и жены и дѣти по міру ходили. Было такихъ страдальцевъ, мужчинъ и женщинъ больше двухъ сотъ, и страдали они до тѣхъ поръ, пока ни пришелъ ложный царь и воръ Матюшка: онъ освободилъ ихъ всѣхъ и вмѣсто ихъ заточилъ ихъ гонителей, и такимъ образомъ всѣ приняли возмездіе по своимъ дѣламъ.» И такъ послѣдній самозванецъ Матюшка или Сидорка является дѣйствующимъ въ пользу лучшихъ людей противъ меньшихъ. Но въ томъ же сказаніи вотъ что говорится объ этомъ самозванцѣ: «явился воръ въ Иваньгородѣ, и начали къ нему такіе же воры и убійцы собираться; изъ Новгорода козаки, изъ Пскова стрѣль-

Псковскіе граждане отказались принять его, и онъ при-
ъ подо Псковъ съ нарядомъ стѣнобитнымъ и наметнымъ,
аждане крѣпко противъ него стали, и онъ ничего не ус-
сдѣлать городу. Нѣмцы послали на него войско изъ Нов-
а, и окаянный бѣжалъ изъ подъ Пскова. Тогда Псковичи
е зная что̀ дѣлать и куда приклониться, не надѣясь ни
а получить помощи, положили призвать къ себѣ ложнаго
, послали отъ всѣхъ чиновъ людей бить ему челомъ, по-
новинную. Окаянный обрадовался и пришелъ во Псковъ
, и начали къ нему собираться многіе, которые радова-
рови и чужому имѣнію; къ тому же онъ любилъ пога-
Литву и Нѣмцевъ, было гражданамъ большое насиліе и
ъ въ кормахъ и во всякой дани, и многихъ замучили.
чи стали тужить. Литва въ это время осаждена была
оскве Русскими людьми, и прислали оттуда нѣкоторыхъ
итыхъ людей дозрѣть прелести этого новонарекшагося
и дозиратели эти, боясь смерти, не обличили его; но
ъ, найдя удобное время, когда онъ отослалъ своихъ рат-
людей подъ Порховъ, сговорились съ гражданами, схва-
его и свели подъ Москву.» Любопытныя подробности
аемъ въ сказаніи и о пребываніи Лисовскаго во Пско-
Псковичи, услыхавши, что панъ Лисовскій съ Литвою и
и людьми стоитъ въ Новгородской землѣ, въ Порхов-
, послали къ нему бить челомъ, чтобъ шелъ во Псковъ
усскими людьми, и онъ, поплѣнивши Новгородчину, при-
во Псковъ; его самого пустили въ городъ, а Литву по-
ли за городомъ на посадѣ и въ Стрѣлецкой слободѣ: но
по малу начала и Литва входить въ городъ, казну мно-
пропивать и платьемъ одѣваться, потому что было мно-
во у нея золота, серебра и жемчугу, послѣ разграбленія
ыхъ городовъ, Ростова, Костромы, монастырей Пафнуть-
аго, Колязинскаго и другихъ, гдѣ они раки святыхъ раз-
ли, сосуды и образные оклады грабили, было у нихъ так-
множество плѣнниковъ, женщинъ, дѣвицъ и отроковъ.
а все это они проворовали и проиграли въ зернь и про-

пили, то стали грозить гражданамъ: «мы уже много городовъ поплѣнили и разорили, тоже будетъ отъ насъ и этому городу Пскову, потому что весь животъ нашъ здѣсь положенъ въ корчмѣ.» Граждане, слыша это, пришли къ варвару и начали льстивыми словами говорить, чтобъ шелъ на выручку къ Ивань-городу, который тогда осаждали Шведы: «а мы казну соберемъ и пришлемъ къ тебѣ,» говорили Псковичи. Лисовскій согласился, вышелъ изо Пскова со всѣми своими людьми, и послѣ только догадался, что Псковичи обманули его, но уже было поздно». Наконецъ въ этомъ сказаніи находимъ любопытное извѣстіе объ отношеніяхъ Пскова къ Ливоніи во время смутнаго времени: «Велика милость Пречистой Богородицы Печерской, что только мимо своего дома (Печерскаго монастыря) не затворила пути къ Литовскому рубежу въ Ливонскую землю, откуда во все это время хлѣбъ шелъ во Псковъ, потому что миръ великій имѣли мѣщане съ Псковичами; если бы эта земля не подмогла хлѣбомъ, то Псковичи никакъ не избыли бы отъ поганыхъ.»

Теперь обратимся къ сказанію, написанному въ противоположномъ духѣ, въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно Псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, чтò тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ. Если на извѣстія, заключающіяся въ предыдущемъ сказаніи, мы сочли себя въ правѣ смотрѣть подозрительно, подмѣтивши односторонній взглядъ, взглядъ партіи, то еще съ большею подозрительностію должны смотрѣть на извѣстія втораго сказанія, ибо здѣсь встрѣчаемъ явныя искаженія событій. Сказаніе носитъ заглавіе: «о бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ, иже бысть въ Велицѣй Россіи Божіимъ наказаніемъ, грѣхъ ради нашихъ, напослѣдокъ дней осмаго вѣка, а въ началѣ второсотнаго лѣта.»—«Сбылось, говоритъ авторъ, слово апостола Іоанна Богослова: ангелъ Господень возлилъ фіалы на землю, въ море и на всю тварь, да погибнетъ, да останется третья часть во всей твари живущихъ. Не знаю чужихъ странъ, не смѣю говорить, чтò тамъ творится. Но здѣсь

въ Великой Россіи всѣ люди знаютъ, что не осталось отъ этихъ злыхъ бѣдъ и напастей и тысячной доли, потому что гдѣ прежде жило 1,000 или 100 человѣкъ, тамъ изъ тысячи едва одинъ остался, и тѣ въ скорбяхъ, налогахъ и бѣдахъ отъ сильныхъ градодержателей и лукавыхъ людей продаются и насилуются.» На первыхъ строкахъ слѣдовательно мы уже встрѣчаемся съ этимъ знакомымъ намъ припѣвомъ Псковской лѣтописи, съ этою жалобою на воеводъ, откуда все зло, все нерасположеніе Псковичей къ Москвѣ. Сказаніе обвиняетъ Шуйскаго въ усиленіи смуты, потому что, говоритъ оно, послѣ побѣдъ надъ возмутителями, «дьяволъ разжегъ царя похотію на блудъ; онъ оставилъ войско свое, пришелъ въ царство свое, взялъ жену, началъ ѣсть, пить и веселиться.» Сказаніе передаетъ за достовѣрное объ отравленіи князя Скопина-Шуйскаго женою дяди его, Димитрія Шуйскаго, которая называется Христиною. О сверженіи Шуйскаго разсказывается такимъ образомъ: «однажды люди всѣхъ чиновъ собрались къ патріарху Гермогену на совѣтъ, и говорили: не хотимъ этого царя Василія видѣть на царствѣ, пошли къ Польскому королю Сигизмунду, чтобъ далъ намъ на царство сына своего Владислава. Патріархъ долго уговаривалъ ихъ, что и прежде много напасти было отъ Польскихъ людей, когда приходили съ Гришкою Отрепьевымъ, а теперь чего еще надѣетесь? только конечнаго разоренія царству и вѣрѣ? или нельзя вамъ избрать на царство изъ князей Русскихъ? Князья и бояре отвѣчали ему: «не хотимъ своего брата слушаться; ратные люди царя изъ Русскихъ не боятся и не служатъ ему.» Тогда патріархъ, посовѣтовавшись съ боярами и съ народомъ, отправилъ пословъ къ королю Польскому, чтобъ далъ имъ сына своего на царство и чтобъ королевичь крестился по закону Греческому. Но поганый король умыслилъ лесть и сказалъ: «какъ мнѣ вамъ вѣрить? у васъ царь сидитъ на царствѣ, а просите у меня сына моего на царство; если приводете царя вашего съ братьями сюда, то я дамъ вамъ сына моего.» Тогда собрались нѣкоторые отъ боярскаго рода, измѣнники и нарушители хри-

стіянству, любящіе поганскіе обычаи и законы, устремились они въ палаты къ царю, исторгли у него изъ рукъ посохъ царскій, свели съ царства, постригли и свезли съ братьями къ королю подъ Смоленскъ. Когда услышалъ король, что цѣловали крестъ сыну его въ Москвѣ и на Руси, то поганый умыслилъ такой отвѣтъ посламъ Русскимъ: «что вы ко мнѣ пришли за сыномъ? какъ мнѣ вамъ его дать? вы одного своего царя убили, другаго теперь ко мнѣ какъ плѣнника привели: что̀ же сдѣлаете съ моимъ сыномъ? онъ вамъ не единовѣрецъ, не Русскій родомъ, вы съ нимъ еще хуже сдѣлаете что-нибудь; но если вся Русь цѣлуетъ крестъ мнѣ королю, то дамъ вамъ сына моего на царство.» И послалъ гетмана, пана Жолкѣвскаго на Московское государство со многими людьми, приказавши ему привести всѣхъ людей къ крестному цѣлованію на его королевское имя; но въ Москвѣ люди этого не захотѣли, и сказали: «не цѣлуемъ креста королю Польскому.» И сбылось на царствующемъ градѣ Москвѣ тоже, что̀ и на Іерусалимѣ, который былъ плѣненъ въ самый праздникъ пасхи Антіохомъ. Услыхали объ этомъ нѣкоторые православные на Низу; начальникомъ у нихъ былъ нѣкто отъ простыхъ людей, но теплый вѣрою и поборникъ по христіанствѣ, именемъ Козма Мининъ: собравши множество имѣнія по городамъ на людяхъ, онъ нанялъ войско и передалъ его князю Дмитрію Пожарскому, и самъ съ нимъ. Когда пришли поганые Польскіе люди на князя Дмитрія Пожарскаго и начали гнать, то дьяволъ вложилъ древнюю гордость въ князя Дмитрія Трубецкаго, не вышелъ онъ на помощь брату своему, потому что самъ себя считалъ выше: «я осадилъ городъ,» говорилъ онъ; тогда христолюбецъ Козма пришелъ въ полкъ князя Трубецкаго и началъ со слезами молить ратныхъ людей о любви, да помогутъ другъ другу, обѣщая имъ большіе дары. Въ этотъ часъ воздвиженія поднялся у нихъ голосъ, всѣ какъ львы заревѣли, и пошли конные и пѣшіе на поганыхъ.» — Такимъ образомъ демократическое Псковское Сказаніе отплатило Палицыну за то, что онъ въ своемъ Сказаніи поставилъ Минина въ такой

тѣни: Псковское Сказаніе подвигъ Палицына приписало Минину, не сказавши ни слова о знаменитомъ келарѣ, который такъ любилъ самъ поговорить о себѣ.

Объ избраніи царя Михаила Сказаніе говоритъ слѣдующее: «начальники опять захотѣли себѣ царя иновѣрнаго, но народъ и ратные люди не согласились, и вмѣсто храбраго князя Михаила Скопина воздвигъ Богъ втораго Михаила нечаемаго, котораго Самъ избралъ. Какъ въ старину Царьградъ очистился Михаиломъ царемъ отъ Латинъ, такъ теперь на Руси Богъ воздвигъ на царство тезоименитаго Архистратигу силы Его Михаила, кроткаго, тихаго царя, Христова подражателя. Былъ царь молодъ, когда сѣлъ на царство, лѣтъ 18, но былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ любилъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Өедору Ивановичу. Не было у него еще столько разума, чтобъ управлять землею, но боголюбивая его мать, инока великая старица Марөа правила подъ нимъ и поддерживала царство съ своимъ родомъ, ибо отецъ его былъ еще тогда въ плѣну у короля Польскаго. Но и тому благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотворилъ державу дьяволъ, опять возвыся владѣющихъ на мздоиманіе, опять стали они насиловать православныхъ, беря ихъ въ работу себѣ. Люди, оставшіеся въ живыхъ, начали собираться по городамъ, выходя изъ плѣна Литовскаго и Нѣмецкаго; но эти окаянные, какъ волки, забирали ихъ себѣ, позабывши прежнее свое наказаніе, какъ отъ своихъ рабовъ разорены были, опять на тоже устремились, а царя ни во что вмѣнили и не боялись его, потому что былъ молодъ. Они его и лестію уловили: когда посадили его на царство, то къ присягѣ привели, что не будетъ казнить смертію никого изъ нихъ, роду вельможескаго и боярскаго, но только разсылать въ заточеніе; такъ окаянные умыслили; а кому изъ нихъ случится быть въ заточеніи, то другъ за друга ходатайствуютъ. Всю землю Русскую раздѣлили они по своей волѣ, царскія села себѣ побрали, а царю было неиз-

вѣстно, потому что писцовыя книги въ разореніи погибли; а на царскую потребу и расходы собирали со всей земли оброки и дани и пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей. Послалъ государь подъ Смоленскъ своихъ государевыхъ воеводъ, князя Дмитрія Мастрюкова (Черкасскаго) да князя Ивана Троекурова, и воеводы эти государевымъ дѣломъ промышляли съ радѣніемъ, и едва города не взяли; но бояре этихъ воеводъ перемѣнили и другихъ послали, новые воеводы распоряжались уже не такъ, на нихъ напала Литва, осадила ихъ, сдѣлался большой голодъ; осажденные нѣсколько разъ посылали къ государю просить хлѣба, но бояре этихъ посланныхъ въ тюрьму сажали, отъ царя таили; тогда ратные люди, не стерпя голоду, отошли отъ Смоленска прочь, и начали свою землю воевать и людей мучить, сердясь на бояръ. Таково то было попеченіе боярское о землѣ Русской! Потомъ пришелъ Шведскій король подъ Псковъ со многими Нѣмецкими людьми и съ нарядомъ; къ государю царю много разъ посылали о выручкѣ: но всѣхъ этихъ посланниковъ бояре царю не показали, держали въ заперти, а государя утѣшали, говоря, что поганыхъ немного, а въ городѣ людей много, о людской же печали и голодѣ не сказали ему, а гонцовъ отсылаютъ назадъ съ радостною вѣстію, что тотчасъ государь посылаетъ войско вамъ на выручку. Царь захотѣлъ сочетаться законнымъ бракомъ, и обручена была царица Анастасія Ивановна Хлопова; но врагъ дьяволъ научилъ нѣкоторыхъ сродниковъ, царской матери племянниковъ, остудить царицу царской матери, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть произвели, разлучили ее съ царемъ и послали въ заточеніе. Когда пришелъ митрополитъ Филаретъ и посвященъ былъ въ патріархи, то началъ земскими дѣлами управлять и сталъ говорить сыну о бракѣ: «хочешь взять за себя дочь Литовскаго короля, этимъ примиришь его себѣ и города, взятые у тебя, отдастъ назадъ.» Но Михаилъ не согласился. Тогда мать и отецъ посылаютъ къ Датскому королю сватать дочь его за царя; король отказалъ: «прежде брата моего взяли къ вамъ на Русь при царѣ Борисѣ, кото-

хотѣлъ отдать за него дочь свою Ксенію; но какъ прі-
ъ въ Москву, то и часу тутъ не жилъ, отравою уморили
тоже и дочери моей сдѣлаете теперь.» Опять отецъ и
стали уговаривать царя жениться; но онъ отвѣчалъ: «со-
ся я бракомъ по закону Божію, обручена мнѣ царица;
ея другой не хочу взять.» Отецъ хотѣлъ послать за
но сказали ему, что она испорчена, неплодна и больна;
развѣдывали, кто такъ сдѣлалъ надъ нею? Нашлись ока-
е дѣти Михайлы Салтыкова, два брата, царевой матери
нники, Борисъ да Михайла, повинились, что сдѣлали это
оязни, что ихъ удалятъ отъ царева лица и сана своего
; осудили ихъ на заточеніе, а на смерть не осудили
ричинѣ родства съ царемъ, отецъ же ихъ умеръ въ Лит-
Потомъ послали докторовъ къ царицѣ; доктора ее вылѣ-
и патріархъ хотѣлъ царя вѣнчать съ нею, но царева
клятвами заклала себя, что не быть ей въ царствѣ у
, если онъ женится на этой царицѣ. Царь не захотѣлъ
учиться съ матерью и оскорбить ее, человѣческое суще-
матери не раздражилъ, Хлопову за себя не взялъ, хотя
отца своего много укоризны принялъ» [22].
иведенное сказаніе носитъ ясные признаки, что оно со-
лось по стоустой молвѣ народной. Дошли до насъ и
народныя, которыя имѣютъ содержаніемъ событія смутнаго
. Такова пѣсня о Гришкѣ Разстригѣ, въ которой вы-
ается народное воззрѣніе на причины гибели самозванца:
женился въ проклятой Литвѣ, на еретницѣ, безбожницѣ,
ьба была на Николинъ день и на пятницу; когда князья
яре пошли къ заутрени—Гришка пошелъ въ баню съ же-
. Послѣ бани Гришка вышелъ на Красное крыльцо и за-
алъ: «Гой еси ключники мои, приспѣшники! Приспѣвайте
нье разное, а и постное и скоромное; завтра будетъ
нѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею». А втѣпоры
льцы догадалися, за то-то слово спохватилися». Стрѣльцы
сались къ царицѣ-матери, и когда та отреклась отъ Лжеди-
рія, то стрѣльцы взбунтовались: Маринка безбожница соро-

кою обернулася, и изъ палатъ вонъ она вылетѣла. А Гришка Разстрига втѣпоры догадливъ былъ, бросился онъ съ тѣхъ чердаковъ на копья острыя къ тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ, и тутъ ему такова смерть случилась». Другая пѣсня разсказываетъ о смерти князя Скопина-Шуйскаго. На крестинномъ пиру князя Воротынскаго «пьянинькi тутъ расхвастались: сильный хвастаетъ силою, богатый хвастаетъ богатствомъ; Скопинъ князь Михаилъ Васильевичь а и не пилъ онъ зелена вина, только одно пиво пилъ и сладкой медъ, не съ большаго химѣлю онъ похвастается:» «А вы глупой народъ, неразумные! А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей: я Скопинъ, Михайло Васильевичь, могу князь похвалитися, что очистилъ царство Московское и велико государство Россiйское; еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку отъ стараго до малаго, отъ малаго, до вѣку моего». А и тутъ боярамъ за бѣду стало, въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали: поддернули зѣлья лютаго, подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкiе, подавали кумѣ его крестовыя, Малютиной дочи Скурлатовой». Здѣсь пѣсня выставляетъ намъ туже самую черту, о которой свидѣтельствуетъ и актъ неоспоримый, именно обычай хвастаться своими подвигами и унижать подвиги другихъ: вспомнимъ хвастовство Шеина, за которое онъ такъ дорого поплатился. Приведенная пѣсня о Скопинѣ причиною смерти послѣдняго прямо выставляетъ зависть бояръ вообще, а не одного Димитрiя Шуйскаго, зависть, возбужденную хвастовствомъ Скопина. Другая пѣсня о томъ же Скопинѣ рѣзко выставляетъ противоположность горя лучшихъ горожанъ, надѣявшихся прекращенiя смутъ, съ злорадствомъ бояръ:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачются гости Москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,

И межу собою они слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулися:
«Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся» [*].

Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное сказаніе, изображающее частную, домашнюю жизнь Русскихъ людей конца XVI-го и начала XVII-го вѣка: это житіе Іуліаніи Лазаревской, написанное сыномъ ея Каллистратомъ — Дружиною Осорьинымъ. Іуліанія была дочь царскаго ключника; оставшись сиротою послѣ матери, оня воспитывалась въ домѣ тетки своей; здѣсь хотѣли ее воспитывать по обычаю, понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить; но она съ раннихъ лѣтъ прилежала молитвѣ и посту, отъ смѣха и всякой игры удалялась; только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея; сиротъ, вдовъ и немощныхъ во всемъ околоткѣ обшивала. Церковь была версты за двѣ отъ деревни, гдѣ жила Іуліанія, и ей, до самаго замужества, ни разу не случилось быть въ церкви. Вышедши за мужъ за богатаго Муромскаго дворянина Осорьина, Іуліанія поступила въ домъ къ свекру и свекрови, которые поручили ей управлять всѣмъ хозяйствомъ. Когда мужъ ея находился на службѣ царской, по году, по два и по три, то она въ это время всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, пряла и шила, продавала работу, а деньги раздавала нищимъ. Всѣ въ ея домѣ были одѣты и сыты, каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или сапоги снялъ, но все сама дѣлала. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла и всегда со смиреньемъ говорила: «Кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же люди, созданье Божіе!» Никого отъ провинившихся рабовъ она не оклеветала: и за то много разъ отъ свекра и отъ свекрови и отъ мужа своего бывала бранима. Хотя и не умѣла

она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ. Дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами. Но она все смысленно и разумно разсуждала и усмиряла. Навадилъ врагъ одного изъ рабовъ, и тотъ убилъ ея старшаго сына [85].

Мы встрѣчали уже имя Московскаго купца Котова, слышали отвѣтъ его на вопросъ: позволять ли Англичанамъ ѣздить въ Персію черезъ Московское государство? Этотъ Котовъ въ 1623 году съ осьмью товарищами ходилъ за море въ Персидскую землю въ купчинахъ съ государевою казною, и оставилъ намъ описаніе: «ходу въ Персидское царство». Изъ Москвы шелъ онъ обычнымъ воднымъ путемъ — Москвою рѣкою, Окою и Волгою до Астрахани. «Съ Астрахани, говоритъ Котовъ, ходятъ на Русскихъ бусахъ и на большихъ стругахъ моремъ подлѣ Черни, только это далеко, ходу моремъ при хорошей погодѣ двое сутокъ, а въ тихое время недѣля. Ходятъ сухимъ путемъ степью въ станицахъ: отъ Терека на Быструю рѣку, по обѣ стороны которой лѣтомъ лежатъ козаки по перевозамъ; оттуда на Тарки и Дербентъ; между Тарками и Дербентомъ живутъ Лезгины, князь у нихъ свой, слыветъ Усминскій, живутъ въ горахъ далеко, никому не послушны и воровство отъ нихъ: на дорогѣ торговыхъ людей грабятъ, а иныхъ запродаютъ; а когда и смирно бывало, то брали у торговыхъ людей съ вьюка по три киндяка; это мѣсто проходятъ съ провожатыми. Отъ Дербента три дня ходу до Ширвани степью между горъ и морей. Ходятъ изъ Астрахани въ Персію и въ мелкихъ стругахъ до Низовой пристани, а отъ Низовой на Ширвань сухимъ путемъ; но ходъ въ малыхъ судахъ тяжелъ тѣмъ: если погодою прибьетъ стругъ къ берегу, то въ Дербентѣ и Таркахъ берутъ съ торговыхъ людей большія пошлины, а къ пустому мѣсту прибьетъ, то Лезгинцы побиваютъ и грабятъ, воровство большое берегомъ». Мы не считаемъ нужнымъ приводить подробнаго описанія Персидскихъ городовъ, сдѣланнаго Котовымъ; приведемъ только одно извѣстіе: «Въ Испагани ворота высокіе, а надъ воротами высоко

стоитъ часы, а у часовъ мастеръ Русскій». Въ Москвѣ часовые мастера были Нѣмцы, а въ Персіи Русскій!

Въ связи съ Персидскою торговлею находится и путешествіе въ палестинскія мѣста Василія Гогары, ибо вотъ что говоритъ путешественникъ въ началѣ своего разсказа: «Послалъ я человѣка своего съ товарами за море торговать въ Персидскую землю. И Божіимъ гнѣвомъ за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товарами разбило, и все имѣніе мое потонуло; а тутъ и другія многія бѣды и напасти приключились мнѣ. Въ этихъ скорбяхъ и напастяхъ я началъ обѣщаться быть въ Іерусалимѣ и прочихъ святыхъ мѣстахъ». Изъ Казани пошелъ Гагара въ Астрахань, изъ Астрахани на Грузинскую землю. «Въ Грузинской землѣ, говоритъ онъ, между горами высокими и снѣжными, въ непроходимыхъ мѣстахъ есть щели земныя и въ нихъ загнаны дикіе звѣри Гогъ и Магогъ, а загналъ ихъ въ древнемъ законѣ царь Александръ Македонскій; и многіе о тѣхъ звѣряхъ разсказывали, что недавно они были пойманы, изъ щелей вонъ выдрались». Въ Іерусалимѣ Греки говорили ему, что отъ Трифона Коробейникова, присланнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ, до него, Гогары никто не бывалъ у нихъ изъ Русскихъ людей. Въ Свѣтлое Воскресенье, зажегши свѣчу свою чудеснымъ огнемъ, сошедшимъ съ неба, Гогара началъ палить ею свою бороду—и ни одинъ волосъ не сгорѣлъ, принимался палить въ другой и въ третій разъ — и все борода осталась цѣла: «послѣ этого я, говоритъ путешественникъ, просилъ прощенія у митрополита, что былъ одержимъ невѣріемъ, думалъ, что Греки составляютъ огонь своимъ умышленіемъ». Гогара пробрался и въ Египетъ: «Въ Египтѣ за Ниломъ рѣкою подѣланы палаты большія какъ горы; дѣлалъ ихъ царь Фараонъ, ругаясь надъ Израильтянами, ставилъ ихъ, потому что писано Египту отъ водъ потоплену быть» [86].

Но для насъ важнѣе этихъ описаній Персіи и Египта, сдѣланныхъ русскими путешественниками, описаніе двухъ путешествій въ Московское государство, сдѣланное знаменитымъ Голштинскимъ ученымъ Адамомъ Олеаріемъ (1634 и 1636 г.). Въ старин-

ной Русской области, уступленной Шведамъ, между Копорьемъ и Орѣшкомъ, былъ онъ принятъ и угощенъ Русскимъ помѣщикомъ; хозяинъ показывалъ ему раны, полученныя имъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ онъ находился съ королемъ своимъ Густавомъ-Адольфомъ; несмотря на то однако, что находился въ Шведской службѣ, помѣщикъ продолжалъ жить по Русскимъ обычаямъ. При самомъ въѣздѣ въ Московскія области, Олеарія поразила дешевизна съѣстныхъ припасовъ: курица стоила 2 копѣйки (2 шиллинга), девять яицъ одну копѣйку. Поразила Олеарія Русская пляска, что пляшутъ Русскіе не схвативши другъ друга за руки, какъ Нѣмцы, но каждый пляшетъ порознь. Во всю дорогу путешественники сильно страдали отъ комаровъ и мошекъ; въ одномъ мѣстѣ видѣли двѣнадцатилѣтняго мальчика, который былъ уже женатъ, и одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, которая была уже за мужемъ. Олеарій былъ въ Москвѣ во время Пасхи: ему разсказывали, что въ Святый день царь прежде чѣмъ идти къ заутрени, идетъ въ тюрьму, и раздаетъ заключеннымъ по яйцу и по овчинному тулупу, говоря: «Радуйтесь, Христосъ, умершій за грѣхи ваши, теперь воскресъ». Въ первый день праздника послѣ обѣдни кабаки наполнились народомъ, духовными и свѣтскими, мужчинами и женщинами, на улицахъ валялись пьяные, утромъ на другой день подняли много мертвыхъ. Во время пребыванія Олеарія въ Москвѣ по ночамъ вдругъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали пожары, для тушенія которыхъ употреблялись стрѣльцы и сторожа; водой не заливали, но ломали окружные дома; какъ легко сгорали цѣлыя улицы, также легко и отстраивались, потому что въ Москвѣ былъ особый рынокъ, гдѣ продавались деревянные дома, совсѣмъ готовые: ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и складывали опять. Улицы широки, и посерединѣ настланы круглыми бревнами, положенными другъ подлѣ друга: безъ этихъ мостовыхъ въ мокрую погоду нельзя было бы двигаться отъ грязи. Земля въ Московскомъ государствѣ вообще чрезвычайно плодородна; нѣкоторыя мѣста производятъ превосходные садовые плоды — яблоки, вишни, сливы, сморо-

дыну; также овощи, особенно огурцы и дыни; но красивыхъ садовыхъ цвѣтовъ въ Москвѣ мало; царь Михаилъ истратилъ много денегъ на выписываніе дорогихъ растеній для своего сада; настоящихъ, махровыхъ розъ въ Москвѣ не знали до тѣхъ поръ, пока Петръ Марселисъ не привезъ ихъ изъ Готторпскаго герцогскаго сада. Нѣмецкіе и Голландскіе купцы развели спаржу и салатъ; Русскіе сначала смѣялись надъ Нѣмцами, что ѣдятъ сырую траву, но потомъ нѣкоторые сами стали находить въ ней вкусъ. Къ табаку сильно пристрастились съ самаго начала, какъ и другіе народы, и точно также какъ и у другихъ народовъ чудодѣйственная трава, одаренная такою притягательною силою, подверглась жестокому гоненію; Олеарій былъ свидѣтелемъ, какъ въ Москвѣ рѣзали носы за табакъ мужчинамъ и женщинамъ. Олеарій жалуется на грубость Русскихъ, на ихъ чрезмѣрную склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, даже къ противуестественнымъ порокамъ, жалуется, что разговоры ихъ имѣютъ содержаніемъ грязныя исторіи; отдаетъ справедливость умственнымъ способностямъ и ловкости Русскихъ въ дѣлахъ, но жалуется на ихъ лживость. Жизнь простаго народа отличается простотою; пища состоитъ изъ небольшаго числа самыхъ дешевыхъ блюдъ; дрова также чрезвычайно дешевы; мебели въ домахъ никакой, образа составляютъ единственное украшеніе голыхъ стѣнъ. Роскошь богатыхъ и знатныхъ обнаруживается въ большомъ количествѣ холопей (отъ 30 до 60) и лошадей. Часто даютъ они большіе пиры, на которыхъ подается множество блюдъ и напитковъ; но это стоитъ имъ недорого, потому что запасы получаются изъ деревень; кромѣ того гости хорошо платятъ за честь быть приглашенными на пиръ знатнаго человѣка; если Нѣмецкій купецъ приглашается на такой пиръ, то знаетъ, какъ дорого обойдется ему эта честь; воеводы въ торговыхъ городахъ отличаются подобнымъ гостепріимствомъ. Холопи не получаютъ пищи отъ господъ, но кормовыя деньги и въ такомъ маломъ количествѣ, что едва могутъ поддерживать жизнь; отъ этого въ Москвѣ происходятъ частыя воровства и смертоубійства.

Затворничество дѣвушекъ у достаточныхъ людей, невозможность жениху видѣть невѣсту до свадьбы и обманы, подстановка невѣстъ препятствуютъ супружескому счастію, мужья съ женами часто живутъ какъ кошки съ собаками. Изъ Русскихъ обычаевъ Олеарій упоминаетъ о слѣдующемъ: за восемь дней до Рождества Христова и до крещенья по улицамъ бѣгаютъ люди съ огнемъ особеннаго рода (жгутъ они порохъ, сдѣланный изъ травы плауна) и подпаливаютъ бороды прохожимъ, особенно достается отъ нихъ бѣднымъ крестьянамъ; кто хочетъ впрочемъ можетъ откупаться отъ нихъ, заплативши копѣйку; ихъ зовутъ халдѣями, потому что они изображаютъ тѣхъ служителей царя Навуходоносора, которые разжигали печь Вавилонскую для трехъ Еврейскихъ отроковъ. Въ Крещенье ихъ окунаютъ въ прорубь и такимъ образомъ очищаютъ отъ халдѣйства [87].

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 4, 10, 50, № 11, 12, 16; Дворцовые разряды, т. I.

2) Акты арх. экспед. т. III, № 3, 4, 5, 1, 11, 9, 17, 40, 43, 48, 50; Акты историч. III, № 2, 3, Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17; Дворцовые разряды, т. I; Дѣла Турецкія въ столбцахъ № 1, годъ 1613.

3) Дворцовые разряды, т. I; Акты арх. эксп. т. III, № 18, 19, 20, 21, 22—29; Акты историч. т. III, № 12, 13, 14, 248, 257, 264, 265, 277, 15, 278, 280, 32, 26, 35, 36; Соб. гос. грам. и дог. III, № 20; Kobierzicki-Histor. Vladisl. p. 471; Дѣла Турецкія въ столбцахъ, связка 2.

4) Книги разрядныя, т. I; разрядная книга 7124 года, стр. 52, 53; Собран. госуд. грам. и догов. III, 22; Акты арх. экспед. III, № 44, 50, 53.

5) Дворцовые разряды, т. I; Книги разрядныя, т. I; Дѣла Польскія № 29 и 30; Соб. гос. грам. и дог. III, № 7, 9, 13, 24, 25, 26; Акты Западн. Россіи IV, № 208, 209, 210.

6) Памятники Дипломат. сношен. т. II. Дѣла Турецкія, Крымскія и Персидскія 1613—1645 г.

7) Дворцовые разряды I; Книги разрядныя, I; Scheltema — Rusland en de Nederlanden, I; Дѣла Англійскія № 3, 4 и 5; Дѣла Шведскія № 10, 12, 13, 16, Mosers-Dyplomatische und historische Belustigungen,

I; Дополн. къ Акт. Истор. I, 160, 162, 164, 166; II, 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 43, 44; Лѣтопись о мног. мятежахъ; Adelung-Übersicht der Reisenden, II, 259; Соб. гос. грам. и дог. III, № 34, 35; Пол. Соб. Зак. I, № 19; Акты истор. III, № 284.

8) Акты арх. эксп. III, 327 и 328; Книги разрядныя, т. I; Kobierzicki-Histor. Vladisl., p. 480 et squ. Bobrowicza-Zycia slawnych Polaków (życie Chodkiewicza, Ossolinskiego, Lwa Sapiehi); Акты истор. т. III, № 72; Сборникъ Муханова, № 113, 114; Historica Russiae Monum. appendix, № XXIV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 39, 40, 42, 44, 43, 45; Временникъ Москов. истор. общ. № 4 (Помѣстныя дѣла); Дополн. къ акт. истор. II, № 76; Дѣла Польскія, № 32, 34, 38; Zbiór Pamiętników o dawney Polscze, t. VI; Kazanie na pogrzebie Kniazia W. W. Galicyna, w Cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, które miał Leonty Karpowicz; Грамота Владислава къ Донскимъ Козакамъ въ Архивѣ Мин. Ин. Д. Архивъ царства Польскаго, связка 2; Времен. Моск. Истор. общ. кн. 25.

9) Письма Русскихъ государей, стр. 14 и 274; Описаніе государ. арх. стар. дѣлъ, стр. 257; Хронографъ Карамзинскій, № 3 (въ Археограф. Коммисс.); Никонов. лѣтоп. VIII, 245; Акты историческ. III, № 81; Собран. госуд. грам. и дог. III, № 57; Дѣла Датскія и Шведскія 1613 — 1645 г.; Дѣла Крымскія 1613 — 1645 г. Акты арх. эксп. III, № 206, 207, 213, 230, 239, 242, 246, 247, 248; Собран. госуд. грам. и догов. III, 83, 85, 99; Акты историч. III, № 80. 91; Собр. госуд. грам. и догов, III, № 63, 64, 65; Акты историч. III, № 284; Акты арх. эксп. III, № 107, 108, 111, 127, 128; Дѣла Шведскія, № 19; Дѣла Англійскія, № 7; Дѣла Французскія, № 1 и 2; Дѣла Голландскія, № 1; Дѣла Датскія, № 3, 4, 5; Памятники дипломат. сношеній, т. III; Дѣла Польскія, № 39, 40, 42, 43, 49; Книги разрядныя, т I и 2-й; Pamietniki do panowania Zygmunda III et. c. wydał Woycicki, I, стр. 204 и слѣд.; Pamiętniki A. S. X. Radziwiłła t. I, стр. 153 и слѣд.; Врем. Москов. истор. общ. кн. 4; Плейтнеровъ планъ осады Смоленска, 1636 г.

10) Дѣла Польскія № 50 52, 54, 57, 59, 60, 61, 62, 63; Дѣла Шведскія, № 23; Дѣла Голштинскія; Акты арх. эксп. III, № 318; Времен. Москов. истор. общ. кн. IV; Собр. гос. грам. и дог. III. № 108, 112, 113, 114, 115; Ригельмана — Исторія войска Донскаго (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ. 1846, № 3); Лѣтопись о мятежахъ; Акты арх. эксп. III, № 275; Hammer. — Geschichte des osmanischen Reiches; Дѣла Турецкія 1613—1645 г.; Собр. гос. грам. и дог. III № 117, 121; Дѣла Датскія, 1613 — 1645 г.; Сборн. Синод. библ. № 565; Büsching's Magazin, X; Pamiętniki A. S. Radziwilla, II, 116; Дѣла Польскія, №

66, 67, 68; Рукопись Синодал. библіот., № 69 (Аѳанасій Филипповичь, наставникъ Лубы, говоритъ; «Лацно познати каждому гды бы былъ зъ Мнишковны, то Мнишки одозвали быся въ повиноватцтво; до того еще зъ устъ небожчика Сапѣги гетмана слышалемъ гды педагогомъ былъ, просилемъ килима (ковра) обить ему надъ лужкомъ (кроватью). Теды голосно съ гнѣвомъ рекъ, на що обить, хто его вѣдаетъ, хто онъ есть? Заледве казалъ килимокъ и колдерку (одѣяло) купить»). Акты историч. III, № 246, 296; Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго.

11) Татищева—Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства, напечат. въ Альманахѣ Утро 1859 г. Полн. Собран. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и см. Собран. государст. грам. и договор. т. III, № 70; Арх. Минист. Иност. Дѣлъ дѣла приказныя, связка 4.

12) Неиздан. бумаги Татищева въ библіот. Арх. Минист. Иностран. Дѣлъ.

13) Исторія Россіи, VIII, стр.

14) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Собр. гос. грам. и дог. III, № 48, 55, 56; Акты арх. эксп. III, № 71, 83, 85 125, 215, 218; Времен. Московъ. Истор. общ кн. 4, 14; Чтенія Моск. истор. общ. годъ III, № 7; Москвитянинъ 1841, № 3; Госуд. разряд. Архивъ, Записная книга Москов. стола 134 и 158 года; тамъ же, Столбцы Москов. стола, связка 133.

15) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Дѣла Англійскія № 4 и 6; Акты относящ. до юридическ. быта, стр. 84; Собран. госуд. грам. и договор. III, № 83, 87; Акты арх. эксп. III № 206, 34, 319, 260, 261, 268, 304; Акты историческ., III, № 240, 305, 268; Русскій истор. Сборн. т. I, стр. 86; Русск. Вѣстн. 1842 г., № 11 и 12.

16) Акты арх. эксп. III, № 11, 12, 14, 15, 88, 105, 115, 36, 37, 98, 126, 171; Временникъ Моск. истор. общ. № 3, 4; Борисова—Описаніе города Шуи; Гарелина—Старинные акты; Дополн. къ актамъ историч. II, № 69, 101; Акты арх. эксп. III, № 171; Владимірск. губернск. Вѣдом. 1856 года, № 28; Книги разрядныя, т. I и II; Акты историч. III, № 164; Полн. Собр. Русск. лѣтоп. IV, 329 и слѣд.; Приказныя дѣла Арх. Мин. Ин. Д. связка 39, 24, 42.

17) Указатель законовъ Максимовича, I, 149; Акты арх. эксп. III, № 227: Гарелина—Старинные акты; Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17, 49; Акты арх. эксп. III, № 17, 182; Supplementum ad histor. Russ. Monum. p. 268; Полн. Собр. Зак. I, 207; Акты арх. эксп. III, № 180; Акты историч. III, № 154, 295; Полн. Собр. Зак. II, 816; Дѣла Пер-

сидскія 1613 — 1645 годовъ; Приложенія къ Царств. Мих. Ѳед. Берха, № XVI.

18) Акты арх. эксп. III, № 320; Собр. гос. грам. и дог. III, № 118, 76, 89, 94, 100, 102, 103, 116; Книги разрядныя, I, стр. 1346 и 1347; Дѣла Архива Мин. Ин. Д. касающіяся выѣзда иностранцевъ; Гамеля— Описаніе Тульскаго оружейнаго завода; Приложенія къ книгѣ Берха— Царств. Мих. Ѳеод.; Госуд. разр. архивъ, столбцы Москов. стола, № 106.

19) Акты истор. III, № 92; Акты арх. эксп. III, № 41; Москвитян. 1846, № 1; Дѣла Англійскія, № 4; Акты юридич. стр. 204 и слѣд.; Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла, связка 15 и 63; Разрядн. архивъ — столбцы Москов. стола. св. 133.

20) Дополн. къ актамъ истор. II, № 88, 90, 91, 92; Акты арх. эксп. III, № 261, 268.

21) Описаніе государств. архива старыхъ дѣлъ, стр. 263.

22) См. нашей Исторіи т. VII, стр. 83.

23) См. тамъ же, стр. 122.

24) Сказаніе извѣстно о воображеніи книгъпечатнаго дѣла, Сборн. Синод. библ. № 850; Житіе Діонисія по рукоп. Синод. библ. № 416; о Ѳеофанѣ патріархѣ — Сборникъ тойже библіот. № 850. Акты арх. эксп. III, № 166, 329, 228, 166; Собр. гос. гр. и дог. III, № 77; Акты арх. эксп. III, № 176, 177, 197, 198, 226, 249, 258, 262, 264, 331; Дополн. къ акт. истор. II, № 64; Старинные акты, изд. Гарелинымъ, № 8, 26, 27, 32; Акты истор. III, № 92, 113, 114, 137, 190; Воронежскіе акты, II, № LXXIV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 60; Полн. Собр. русск. лѣтоп. III, 188; Дѣла Греческія 1613—1645 годовъ; Описаніе архива стар. дѣлъ стр. 261.

25) Собр. гос. грам. и дог. III, № 106; Акты истор. III, № 67, 92, 168, 214; Дополн. къ акт. истор. II, № 70; Акты арх. эксп. III, № 272; Максимовича—Указатель Рос. зак. I, 147; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 338, 342; Москвитян. 1852 года, № 1; Разрядн. архивъ, столбцы Приказнаго стола, связка 1245; Архивъ Мин. Ин. Д., приказныя дѣла, св. 84.

26) Собр. гос. грам. и дог. III, № 110, 90; Акты арх. эксп. III, № 147, 149; Сборникъ Синод. библ. № 623; Москов. Вѣстникъ 1830 года; Архивъ Мин. Ин. Д. Приказн. Дѣла св. 88.

27) Исторія Россіи, III, 144.

28) Лѣтоп. о мятеж., стр. 73.

29) Палицына—Сказаніе, стр. 20, 14.

30) Исторія Россіи, VII, 259.

31) Иное сказаніе о Самозванцахъ, во Временникѣ Истор. общест. кн. 16.

32) Хронограф. князя М. А. Оболенскаго.

33) Полн. Собр. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и слѣд.

34) Древнія Росс. стихотв. стр. 102, 295; Памятники и образцы народнаго языка, при Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. I.

35) Русск. Вѣстн. 1858 г. Статья профес. Буслаева: Юліанія Лазаревская.

36) Временникъ Москов. Истор. общ. кн. 15; Сахарова — Сказанія Русскаго народа, т. II.

37) Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise, durch Adamum Olearium. Schlesswig, 1647.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I. Посольство отъ собора къ новоизбранному царю. Наказъ посламъ. Переговоры пословъ съ Михаиломъ и его матерью. Причины, почему новый царь не могъ бояться участи своихъ предшественниковъ. Выѣздъ Михаила изъ Костромы въ Ярославль. Переписка его съ соборомъ и боярами изъ Ярославля и съ дороги изъ этого города въ Москву. Въѣздъ Михаила въ Москву. Его царское вѣнчаніе. Бѣдственное состояніе государства при вступленіи на престолъ Михаила. Грамоты царя и собора по городамъ и къ Строгановымъ. Дѣло Шульгина. Война съ Заруцкимъ. Переписка правительства съ козаками. Ссора Заруцкаго съ Астраханцами и Терскимъ городомъ. Дѣйствія Стрѣлецкаго головы Хохлова противъ Заруцкаго. Поимка Заруцкаго. Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. Движенія воровскихъ козаковъ на сѣверѣ. Дѣйствія противъ нихъ князя Лыкова. Возстаніе Татаръ и Черемисы въ Понизовыхъ городахъ. Сношенія съ Польшею. Посольство туда Аладьина. Военныя дѣйствія: взятіе Бѣлой Московскими войсками, неудачная осада Смоленска. Война съ Лисовскимъ. Дѣйствія и гибель Черкасъ на сѣверѣ. Грамота пановъ радныхъ къ боярамъ. Посольство Желябужскаго въ Польшу и свиданіе его съ Филаретомъ Ники-

Стран.

тичемъ. Неудачные переговоры подъ Смоленскомъ. Сношенія съ Австріею, Турціею, Персіею, Крымомъ. Посольство въ Голландію и Англію. Пріѣздъ Англійскаго посла Джона Мерика съ цѣлію содѣйствовать заключенію мира между Россіею и Швеціею. Положеніе Новгорода Великаго подъ Шведскимъ владычествомъ. Военныя дѣйствія противъ Шведовъ. Оборона Тихвина. Неудача Трубецкаго и Мезецкаго. Взятіе Гдова Густавомъ Адольфомъ. Неудачная осада Пскова. Дедеринскіе переговоры при посредничествѣ Англійскаго и Голландскихъ пословъ. Столбовскій миръ. Очищеніе Новгорода. Переговоры съ Мерикомъ, награды ему. Взглядъ Густава Адольфа на Столбовскій миръ. Посольство князя Борятинскаго въ Швецію для окончательнаго подтвержденія мира 2

ГЛАВА II. Военныя дѣйствія противъ Литвы. Затруднительное положеніе Русскихъ воеводъ подъ Смоленскомъ. Дѣйствія князей Сулешова и Прозоровскаго. Приготовленія королевича Владислава къ Московскому походу. Сношенія его съ Донскими козаками. Рѣчь архіепископа-примаса. Выступленіе Владислава. Шеинъ и Новодворскій въ Смоленскѣ. Занятіе Дорогобужа и Вязьмы. Грамота Владислава къ жителямъ Москвы. Князь Дм. М. Пожарскій въ Калугѣ; его дѣйствія противъ Чаплинскаго. Дѣйствія князя Дм. П. Пожарскаго. Неудачныя сношенія о мирныхъ переговорахъ. Неудачные приступы Поляковъ къ Борисову. Движенія воеводъ: Черкасскій и Лыковъ въ Можайскѣ, Пожарскій въ Боровскѣ. Отступленіе Черкасскаго и Лыкова изъ Можайска къ Москвѣ. Рѣшеніе въ Польскомъ станѣ. Вторая грамота Владислава въ Москву. Соборъ въ Москвѣ. Приближеніе гетмана Сагайдачнаго. Болѣзнь Пожарскаго. Неудачныя дѣйствія князя Волконскаго противъ Сагайдачнаго. Воровство козаковъ. Королевичь въ Тушинѣ. Сагайдачный у Донскаго монастыря и безпрепятственно соединяется съ королевичемъ. Ужасъ въ Москвѣ. Комета. Переговоры о мирѣ. Неудачный приступъ къ Москвѣ. Смерть Чаплинскаго и Коная Мурзина. Переговоры на Прѣснѣ. Движеніе королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачнаго къ Калугѣ. Побѣда князя Тюфякина. Деулинскіе переговоры и перемиріе. Размѣнъ плѣнныхъ на Поляновкѣ. Возвращеніе Филарета Никитича въ Москву 129

ГЛАВА III. Двоевластіе. Различные отзывы современниковъ о Филаретѣ Никитичѣ. Судьба царской невѣсты, Марьи Хло-

Стран.

повой. Посольства въ Данію и Швецію съ предложеніями о сватовствѣ. Поднятіе дѣла о Хлоповой. Ссылка Салтыковыхъ. Женитьба царя на княжнѣ Долгорукой и кончина царицы. Женитьба царя на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Сношенія съ Крымомъ и Ногаями. Дѣла Шведскія: царскіе наказы воеводамъ относительно дѣлъ церковныхъ и перебѣжчиковъ; сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ по поводу Польши; Русскій человѣкъ Рубцовъ посломъ отъ Шведскаго короля; первый Шведскій резидентъ Меллеръ въ Москвѣ; отправленіе Шведскихъ пословъ чрезъ Московскія владѣнія къ гетману Запорожскому. Сношенія съ Англіею: вспоможеніе, оказанное Англійскимъ королемъ царю въ войнѣ съ Польшею; пріѣздъ Мерика и переговоры съ нимъ; мнѣнія Московскихъ гостей объ Англійской торговлѣ; прекращеніе вопроса о проѣздѣ Англійскихъ купцовъ въ Персію по Волгѣ. Первый Французскій посолъ въ Москвѣ. Посольства Голландское, Датскія, Венгерское, Персидскія. Дѣла Польскія: причины новой войны, заключавшіяся въ самомъ Деулинскомъ перемиріи; оскорбительныя для царя Михаила грамоты пограничныхъ Польскихъ державцевъ; возвращеніе въ Россію князя Ивана Шуйскаго; перебранка между Русскими воеводами и Польскими державцами; Поляки грозятъ самозванцемъ; Турки побуждаютъ царя къ войнѣ съ Польшею; соборъ 1621 года и приготовленія къ войнѣ; остановка ихъ въ слѣдствіе неудачи султана Османа; набѣгъ Крымцевъ и оплошность Русскихъ воеводъ; неудачные переговоры съ Польшею; наемъ иностранныхъ солдатъ и обученіе Русскихъ ратныхъ людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда, разрывъ перемирія; мѣстничество главныхъ воеводъ, князей Черкасскаго и Лыкова; назначеніе Шеина и Измайлова; наказъ этимъ воеводамъ; сборъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеинымъ; прибытіе короля Владислава на помощь къ осажденнымъ; договоръ Шеина съ Владиславомъ; сдача Русскаго обоза королю; событія въ Москвѣ во время Смоленскаго несчастія; кончина Филарета Никитича; соборъ и его рѣшенія; судъ надъ воеводами и казнь ихъ; взглядъ хронографа на дѣло Шеина; упорная защита Бѣлой; стѣсненное положеніе короля; паны предлагаютъ миръ боярамъ: переговоры на Поляновкѣ; вѣчный миръ; посольство князя Львова въ Польшу для закрѣпленія мира; дѣло о гетманскомъ договорѣ; церемонія присяги;

Стран.

потѣха королевская; возвращеніе тѣла царя Василія Шуйскаго въ Москву 165

ГЛАВА IV. Посольство Песочинскаго и Сапѣги въ Москву; неудовольствія противъ Польши, по поводу межевыхъ дѣлъ, умаленія титула и противузаконныхъ поступковъ Литовскихъ купцовъ; мнѣнія бояръ о поступкахъ Польскаго правительства; переходъ Малороссійскихъ козаковъ въ Московскую сторону. Сношенія съ Швеціею; первый Московскій резидентъ Францбековъ въ Стокгольмѣ; взглядъ Московскаго правительства на резидентовъ. Несостоявшійся договоръ съ Голштинскою компаніею о Персидской торговлѣ. Сношенія съ Турціею: посольство Кондырева и Бормосова, ихъ затруднительное положеніе по поводу Донскихъ козаковъ; второе посольство Ѳомы Кантакузина въ Москву и запись имъ данная; посольство Яковлева и Евдокимова въ Константинополь; третье посольство Кантакузина въ Москву; посольство Совина и Алфимова въ Константинополь; убіеніе воеводы Карамышева Донскими козаками; опасность посламъ отъ нихъ; разбой Донскихъ козаковъ на Каспійскомъ морѣ; посольства Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвѣева въ Константинополь; грамота царская къ султану съ Буколовымъ; пріѣздъ Ѳомы Кантакузина на Донъ; сборы козаковъ подъ Азовъ; посольство въ Москву атамана Каторжнаго; выступленіе подъ Азовъ; убіеніе Кантакузина; взятіе Азова козаками и защита его отъ Турокъ; соборъ въ Москвѣ, въ слѣдствіе просьбы козаковъ государю взять отъ нихъ Азовъ; козаки оставляютъ Азовъ по приказанію государя; посольство Милославскаго и Лазоревскаго въ Константинополь. Неудовольствія Донскихъ козаковъ; ихъ намѣреніе уйти на Яикъ. Сношенія съ Персіею и Грузіею. Намѣреніе государя вызвать изъ Даніи жениха для царевны Ирины Михайловны; посольство переводчика Ѳомина для освѣдомленія о сыновьяхъ короля Христіана IV; посольство королевича Вальдемара въ Москву; посольство Проѣстева и Патрикѣева въ Данію для сватовства; ихъ неудача; посольство въ Данію Петра Марселиса, который улаживаетъ дѣло; условія брака; пріѣздъ королевича Вальдемара въ Москву; представленіе его государю; статьи, поданныя Датскими послами боярамъ; разговоръ королевича съ государемъ; увѣщаніе къ принятію православія; письмо патріарха къ королевичу и отвѣтъ Вальдемара; неудачная попытка королевича уѣхать тайно изъ Москвы; раз-

Стран.

говоръ Марселиса съ Вальдемаромъ; дѣло Басистова; письмо Вальдемара къ царю и къ Польскому послу Стемпковскому. Вѣсть изъ Турціи о самозванцѣ Иванѣ Дмитріевичѣ. Посольство князя Львова въ Польшу и дѣло о двухъ самозванцахъ. Болѣзнь и кончина царя Михаила 252

ГЛАВА V. Внутреннее состояніе Московскаго государства въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Значеніе новаго царя. Слѣдствія смутнаго времени для вельможества Московскаго. Мѣстничество. Судьба Годуновыхъ, Шуйскаго, Трубецкаго, Ляпуновыхъ, Пожарскаго, Мининыхъ, Томилы Луговскаго, Грамотина. Устройство военное. Состояніе городовъ; торговля и промышленность. Состояніе сельскаго народонаселенія. Распространеніе Русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи. Состояніе церкви. Законодателство. Состояніе правосудія. Народное право. Просвѣщеніе и литтература. Путешествіе Олеарія . . . 353

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Томъ I-й, примѣч. 314: Вмѣсто: Накии, Накои, Наадеи—должно читать: Hakun, Hakon, Haagen. Очень благодаренъ я г. Ламбину за указаніе этой смѣшной опечатки, происшедшей отъ смѣшенія при наборѣ Русскихъ буквъ съ Латинскими. — По мнѣнію г. Ламбина, должно читать въ лѣтописи не: «бѣ Якунъ слѣпъ», а «бѣ Якунъ сь лѣпъ» (т. е. былъ Якунъ этотъ красивъ). Журналъ Мин. Народ. Просв. Май 1858 года.

Томъ II, примѣч. 37. О Нѣмигѣ въ Минскѣ см. Teka Wilenska, № 1, стр. 204.

Томъ III, стр. 172: Можно думать, что городъ, взятый Даніиломъ у Тевтонскихъ рыцарей въ 1235 году былъ Дрогичинъ, который рыцари получили отъ Конрада Мазовецкаго (Conferimus et donamus castrum Drohiczyn et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum.). См. Этнографич. Сборникъ, выпускъ III, стр. 60.

Т. III, генеалогическая таблица, № III. Г. Иловайскій (Исторія Рязанскаго княжества, стр. 308) выводитъ, что великій князь Олегъ Ивановичь былъ сынъ не Ивана Ивановича Коротопола, а Ивана Александровича. Мнѣніе свое онъ основываетъ на жалованной грамотѣ Олега Ольгову монастырю, которая начинается такъ: «Милосердіемъ Божіимъ и молитвою св. Богородици и молитвою отця своего князя великаго Ивана Олександровича»; потомъ на договорныхъ грамотахъ Рязанскихъ кня-

зей съ Московскими: «А что Владимерьское порубежье, а тому какъ было при твоемъ прадѣдѣ Иванѣ Ярославичѣ, при твоемъ дядѣ (д. ч. дѣдѣ) Иванѣ Ивановичѣ, и при твоемъ дядѣ (д. ч. дѣдѣ) Иванѣ Александровичѣ и при твоемъ отцѣ Олегѣ Ивановичѣ».

Т. III, стр. 357 (355 перваго издан.) вмѣсто 1373 долженъ читать 1378.

Т. IV, стр. 74; вмѣсто 1448 года должно читать: 1447.

Т. V, стр. 335: вмѣсто 1574 должно читать 1514.

Т. V, стр. 386: Г. Иловайскій (Исторія Рязанскаго княжества, стр. 231) догадывается, что Крубинъ Герберштейна есть испорченное Коробьинъ, ибо фамиліи Крубиныхъ никогда не слыхали въ Рязани, тогда какъ Коробьины тамъ извѣстны. Послѣднее извѣстіе о послѣднемъ князѣ Рязанскомъ относится къ 1533 году; оно приведено у г. Иловайскаго на стр. 239.

Т. VI, стр. 12: вмѣсто 2 Мая должно читать. 2 Мая 1537 года.

Т. VII, стр. 413, строка 31. При Ѳеодорѣ состоялся боярскій приговоръ, что людямъ, которые на себя въ разбоѣ съ пытокъ не говорили, сидѣть въ тюрьмѣ до смерти, а смертью ихъ не казнить. (Акты истор. III, стр. 296.

Т. VIII, стр. 10, строка 26: И заповѣдь положена, если кто не придетъ, на томъ по два рубли править на день (Времен. Москов. истор. общ. кн. 16, Иное сказаніе о Самозванцахъ).

Т. VIII. стр. 113, строка 6: вм. Годуновымъ д. ч. Годуновыми.
— — — 141, — 3: вм. на придало д. ч. не придало.
— — — 160, — 21: вм. повелѣлъ д. ч. поволилъ.
— — — 435, — 34: вм. Юрія Никитича Салтыкова должно читать Юрія Никитича Трубецкаго.

Т. VIII, стр. 460, строка 26: вмѣсто казни д. ч. козни.

Т. IX, стр. 428. До какой степени для мелкихъ помѣщиковъ было важно поддержаніе закона объ укрѣпленіи крестьянъ, до какой степени они раздражались тѣмъ, что выводъ продолжался, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1624 Ливенскій помѣстный козакъ Авдѣй Яковлевъ, пришелъ къ своему крестьянину и при постороннихъ людяхъ сказалъ: «Государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ де инаго государя».—Горько жаловались Елецкіе помѣщики на прикащиковъ и крестьянъ Ивана Никитича Романова, которые, надѣясь на силу господина своего, позволяли себѣ выводъ крестьянъ и всякаго рода насилія. Челобитчики писали: «Намъ въ Украйномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ въ сосѣдствѣ жить

невозможно; мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало: каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва поплѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ, пуще намъ стало Крымской и Ногайской войны: во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьева жеребья». Но при большомъ повальномъ обыскѣ 1865 человѣкъ сказали, что протакія насильства сами ничего не знаютъ и отъ другихъ не слыхали; въ новыхъ слободахъ Ивана Никитича чужихъ крестьянъ не объявилось ни одного человѣка. Въ слѣдствіе этого челобитчики, за ихъ воровство, биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму. (Разрядн. Архивъ, Столбцы Приказн. стола, св. 1161, 1180).

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	строка.	*Напечатано*	*Должно читать*
34	23	а на Унжу	да на Унжу
43	6	показателю	наказателю
56	3	схаченъ	схваченъ
82	27	въ подароквъ	въ подарокъ
90	25	Котовъ	китовъ
—	34	на рѣкѣ.	на рѣкѣ
97	20	на привежѣ	на правежѣ
128	13	Пожарскаго и Лыкова	Черкасскаго и Лыкова
129	30	не разсуждали	не разсуждая
136	21	можетъ	можемъ
149	20	непригожіе	непригоже
162	15	окольничій	окольничіе
207	30	государямъ	государемъ
222	2	Прозовскому	Прозоровскому
252	28	пріязнію	пріязни
253	25	учинялся	учинился
254	8	такъ онъ	такъ онъ бы
275	7	двѣ комеги	двѣ комяги
298	9	сборамъ	сборомъ
357	1	правительствъ	правительства
389	5	по 4⁴/₂	по 4¹/₂
390	4	представить	представятъ

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 7 Мая 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.

ГЛАВА I.

СОСТОЯНІЕ ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVI И ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Значеніе религіозной борьбы въ Восточной Европѣ. Мысль объ уніи. Іезуиты: Скарга и Поссевинъ. Западно-Русскіе архіереи, аристократія, братства. Поведеніе архіереевъ во Владимірѣ, Луцкѣ, Львовѣ. Братство Львовское. Пріѣздъ Константинопольскаго патріарха Іереміи въ Западную Россію. Кіевскій митрополитъ Онисифоръ; его сверженіе и поставленіе Михаила Рагозы. Экзархъ Терлецкій. Смуты въ слѣдствіе распоряженій Іереміи. Брестскій соборъ 1590 года. Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ; печальное его положеніе. Терлецкій начинаетъ дѣло объ уніи. Переписка Львовскаго братства съ Константинопольскимъ патріархомъ. Ипатій Потѣй, епископъ Владимірскій; письмо къ нему князя Острожскаго объ уніи. Терлецкій и Потѣй дѣйствуютъ за-одно въ пользу уніи. Брестскій соборъ 1594 года. Поведеніе Рагозы относительно уніи; переписка его съ Скуминымъ. Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ. Окружное посланіе князя Острожскаго противъ епископовъ. Львовскій епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства Западно-Русскаго признаютъ папу главою церкви. Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси. Брестскій соборъ 1596 года. Раздѣленіе Западно-Русской церкви на православную и уніатскую и борьба между ними. Посланіе Іоанна Вишенскаго. Стефанъ Зизаній и сочиненія, противъ него направленныя. Полемика по поводу Брестскаго собора. Апокризисъ и его основныя положенія; Перестрога. Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскій соборъ. Движеніе козаковъ: Косинскій и Наливайка. Дѣло патріаршаго экзарха Никифора. Переписка князя Острожскаго съ папою. Православные требуютъ къ суду епископовъ-уніатовъ. Попытка православныхъ соединиться съ протестантами, чтобъ вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ. Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность уніи. Мелетій Смотрицкій и его сочиненія. Рѣчь депутата Древинскаго на сеймѣ. Поставленіе православныхъ архіереевъ и Совѣтованіе о благочестіи. Усиленіе борьбы въ слѣдствіе по-

ставленія православныхъ архіереевъ. Іосафатъ Кунцевичь и письмо къ нему Льва Сапѣги. Убіеніе Кунцевича. Посланіе папы противъ православныхъ. Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича. Козаки. Гетманъ Сагайдачный. Сочиненіе Пальчовскаго о козакахъ. Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ козаковъ въ защиту православія. Обращеніе Іова къ Москвѣ. Торжество Поляковъ надъ козаками и коммиссія на Медвѣжьихъ Лозахъ. Похожденія искателя Турецкаго престола Александра Ахіи. Возстаніе козаковъ подъ начальствомъ Тараса. Кисель и его отношенія къ козакамъ. Возстаніе Павлика и Скидана. Возстаніе Остранина и Гуни. Кіевская школа. Луцкое братство и школа. Петръ Могила. Отступленіе Смотрицкаго отъ православія. Смерть Сигизмунда III. Требованія козаковъ. Королевичь Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами. Продолженіе полемики между ними. Петръ Могила митрополитъ и его поведеніе. Продолженіе гоненія на православныхъ. Переселеніе въ Московское государство.

Въ самомъ началѣ нашей исторіи мы замѣтили, что Россія не имѣетъ рѣзкихъ природныхъ границъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ, и такимъ образомъ природа дала Русскимъ людямъ мало помощи при утвержденіи ихъ народной самостоятельности. Но за то скоро исторія дала имъ для этого могущественное средство: Русь приняла христіанство, и христіанство по Восточному исповѣданію. Христіанство провело рѣзкую черту между Русскимъ человѣкомъ и сосѣдомъ его на Востокѣ, Азіятцемъ, бусурманомъ, поганымъ. Христіанство запечатлѣло Русскаго человѣка окончательно и твердо Европейскимъ характеромъ; но, съ другой стороны, между Русскими и сосѣдями ихъ на Западѣ, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также рѣзкая нравственная граница, въ слѣдствіе различія Восточнаго исповѣданія, принятаго Русскими, отъ Римскаго исповѣданія, къ которому принадлежали Западные Европейскіе народы. Религіозное различіе, которое такъ могущественно дѣйствуетъ въ юномъ народѣ, составляя обыкновенно въ его понятіяхъ основу дѣленія на нашихъ и ненашихъ, это религіозное различіе взяло подъ свою опеку младенчествующую, неразвитую народность Русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востокѣ борьба съ ино-

вѣрными Азіатскими варварами велась постоянно подъ религіознымъ знаменемъ, съ религіознымъ одушевленіемъ; а когда въ началѣ XVII вѣка растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религіозное одушевленіе, сознаніе религіознаго различія подняло Русскихъ людей противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, заставило ихъ выбрать царя изъ своихъ и тѣмъ утвердить самостоятельность государства.

Обозрѣвши смутное время и возстановленіе спокойствія и самостоятельности Московскаго государства, Восточной Россіи въ царствованіе Михаила, мы должны обратить теперь наше вниманіе на Россію Западную, гдѣ шла также религіозная борьба, въ рѣшеніи которой долженъ былъ принять участіе преемникъ Михаиловъ. Мы видѣли, что Западная Россія, вслѣдствіе извѣстныхъ недостатковъ своего государственнаго развитія, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть къ болѣе сильному государству, Литовскому, а потомъ, при посредствѣ Литвы, соединилась и съ Польшею. Мы видѣли также, что на первыхъ же порахъ этого соединенія оказались большія неудобства, вслѣдствіе различія исповѣданій, когда при Ягайлѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ, Польскіе католики давали себѣ волю увлекаться религіозною ревностію и тѣснить Восточное Русское исповѣданіе. Мы видѣли, какъ уже давно подобныя попытки имѣли слѣдствіемъ народную вражду и стремленіе Русскихъ людей оторваться отъ Польско-Литовскаго союза и присоединиться къ единовѣрной Восточной Россіи. Но до второй половины XVI вѣка попытки эти распространить католицизмъ между Русскими людьми мѣрами насилія или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ соединиться съ католиками въ ученіи вѣры, оставаясь при своихъ прежнихъ богослужебныхъ обрядахъ и языкѣ богослужебномъ — попытки эти не были постоянны и сильны и съ теченіемъ времени ослабѣвали все болѣе и болѣе, во-первыхъ потому, что Ягеллоны хлопотали болѣе всего о тѣсномъ, неразрывномъ соединеніи Литвы и Руси съ Польшею,

посредствомъ уравненія гражданскихъ правъ для народонаселенія всѣхъ этихъ странъ; но Ягеллоны хорошо понимали, что еслибы при этомъ они воздвигли гоненіе на Русскую вѣру, стали принуждать Русскихъ къ уніи съ католиками, то цѣль ихъ не была бы достигнута; такимъ образомъ съ усиленіемъ стремленія къ уніи гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабѣвать попытки къ уніи церковной, которая могла быть введена между Русскими только путемъ насилія. Вовторыхъ, католическая ревность очень ослабѣла во времена передъ реформаціею, а Ягеллоны всего менѣе были способны возбуждать эту ревность; слѣдовательно и поэтому уже попытки къ уніи должны были прекратиться, и дѣйствительно, мысль объ ней совершенно исчезла къ половинѣ XVI вѣка.

Что же перемѣнило этотъ ходъ дѣлъ, такъ выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гоненіе на вѣру своихъ Русскихъ подданныхъ? а это, разумѣется, должно было повести къ тому же, что мы видѣли и прежде въ подобныхъ обстоятельствахъ: къ отторженію Русскихъ областей отъ Польши и къ присоединенію ихъ къ Восточной Россіи.

Наша древняя исторія имѣетъ болѣе связи съ общимъ ходомъ Европейскихъ событій, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Великій религіозный вопросъ, религіозная борьба, поднятая въ западной Европѣ реформою Лютера, имѣла сильное вліяніе и на судьбы Восточной Европы — судьбы нашего отечества. Великія событія XVII вѣка, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Европы, совершаются подъ вліяніемъ религіозныхъ вопросовъ, религіозной борьбы. На Западѣ съ католицизмомъ борится протестантизмъ, и въ слѣдствіе этой борьбы происходитъ окончательное освобожденіе и опредѣленіе народностей, стянутыхъ, закованныхъ до того времени Римско-католическими стремленіями къ матеріальному единству; на Востокѣ съ католицизмомъ борится Восточное исповѣданіе

охраняющее самостоятельность и народность Русскаго и другихъ Восточныхъ Славянскихъ племенъ, и между этими борьбами на Востокѣ и на Западѣ тѣсная связь. Ученіе Лютера и его развѣтвленія, какъ мы видѣли, быстро распространились въ Польскихъ владѣніяхъ; какъ вездѣ, такъ и здѣсь, католицизмъ, обнаруживая сильное противодѣйствіе врагу, выставилъ свое знаменитое ополченіе — іезуитовъ. Іезуиты, благодаря своимъ ловкимъ пріемамъ, осилили протестантизмъ, больной и слабый раздѣленіемъ; но, осиливъ протестантизмъ, іезуиты немедленно обратили вниманіе на болѣе опаснаго врага — на старинное, пустивше въ народѣ глубокіе корни, исповѣданіе Восточное или Русское: противъ него направлены были теперь усилія іезуитовъ; противъ него возбужденъ ими фанатизмъ католическаго народонаселенія, противъ него, по ихъ внушеніямъ, дѣйствуетъ правительство, отуманенное фанатизмомъ, неумѣющее разобрать собственнаго интереса, думающее или, по крайней мѣрѣ, желающее другихъ заставитъ думать, что унія церковная скрѣпитъ унію государственную: надежда основательная только въ томъ случаѣ, еслибы эта унія совершилась спокойно, безъ насилія. Противъ Русской вѣры направлены іезуитами безпокойныя силы школьной молодежи; противъ нея говорятъ они проповѣди и пишутъ ученыя разсужденія; противъ нея дѣйствуютъ они въ домахъ и школахъ, отрывая русскую молодежь отъ вѣры отцовской.

Въ 1577 году знаменитый іезуитъ Петръ Скарга издалъ книгу: *О единствѣ церкви Божіей и о Греческомъ отъ сего единства отступленіи* [1]. Намъ не нужно много распространяться о странности мнѣній Скарги: она для каждаго очевидна; мы укажемъ только на историческую ихъ несостоятельность. Двѣ первыя части посвящены извѣстнымъ догматическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ о раздѣленіи церквей; въ третьей части, особенно для насъ любопытной, авторъ говоритъ, что есть три причины, въ слѣдствіе которыхъ въ Русской церкви никогда порядка не будетъ: 1) женитьба священниковъ, которые пекутся только о мірскомъ, не заботятся о поученіи паст-

вы: отъ этого на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieli); 2) языкъ Славянскій: Греки обманули Русскихъ тѣмъ, что не дали имъ своего языка, но оставили языкъ Славянскій, чтобы Русскій народъ никогда до настоящаго разумѣнія и науки не дошелъ, ибо только посредствомъ Латинскаго и Греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. Не было еще на свѣтѣ и не будетъ ни одной академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки на иномъ языкѣ преподаваться и разумѣться могли. Съ помощію Славянскаго языка никогда никто ученымъ быть не можетъ; этого языка уже теперь въ сущности никто настоящимъ образомъ не разумѣетъ; нѣтъ на свѣтѣ націи, которая бы имъ говорила такъ, какъ въ книгахъ пишется; своихъ правилъ и грамматикъ онъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. У васъ, Русскихъ, и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали Греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по всему свѣту одна вѣра и одинъ языкъ: христіанинъ изъ Индіи съ Полякомъ можетъ говорить о Богѣ; 3) униженіе духовнаго сословія, вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя. Скарга прямо говоритъ объ уніи, указываетъ на духовныя и мірскія выгоды отъ нея; для уніи, по его словамъ, нужны только три вещи: 1) чтобъ митрополитъ Кіевскій принималъ благословеніе не отъ патріарха, но отъ папы; 2) чтобъ каждый Русскій во всѣхъ артикулахъ вѣры былъ согласенъ съ Римскою церковію; 3) чтобы признавалъ верховную власть столицы Римской; что же касается до обрядовъ церковныхъ, то они остаются по прежнему. Ту же книгу Скарга перепечаталъ въ 1590 году [2] съ посвященіемъ королю Сигизмунду III. Здѣсь авторъ говоритъ, что книжки его многимъ принесли пользу, многимъ открыли глаза, и требуется новое изданіе ихъ; книжекъ этихъ уже нѣтъ въ продажѣ: скупила ихъ богатая Русь и сожгла. «Дай Боже, говоритъ Скарга, соединить всѣхъ еретиковъ, которыхъ уже не очень много остается, и каждый бы день ихъ убывало, еслибы свѣтская власть могла свободно пользоваться своимъ могуществомъ и права-

ми. Труднѣе обратить Русскихъ, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляетъ болѣе того средства, которымъ прежніе короли содѣйствовали обращенію Русскихъ въ католицизмъ, именно не допускали ихъ въ сенатъ прежде чѣмъ обратятся. Другой іезуитъ, извѣстный уже намъ Антоній Поссевинъ, не успѣвши обратить въ католицизмъ Іоанна Грознаго, хлопоталъ объ уніи въ Западной Россіи, просилъ о заведеніи училищъ для Русскихъ и въ Римѣ и въ Вильнѣ; по его мнѣнію, только обративши въ латинство Западную Россію, можно было привести къ тому же Восточную или Московскую.

Іезуиты указали на унію, какъ на переходное состояніе, необходимое для упорныхъ въ своей старой вѣрѣ Русскихъ; прямо указаны были и средства къ уніи, средства насильственныя: лишеніе выгодъ за упорство въ отцовской вѣрѣ. Что іезуиты смотрѣли на унію только какъ на переходное состояніе, видно изъ того же сочиненія Скарги, который выставляетъ на видъ пользу отъ единства богослужебнаго и ученаго языка, тогда какъ при уніи у Русскихъ оставался богослужебный языкъ Славянскій, а противъ него такъ вооружается Скарга. Въ то время, когда Европейскіе народы, возросши, выпутывались изъ средневѣковыхъ пеленокъ католическаго, Латинскаго единства, чтобы съ помощію родныхъ языковъ развить свои народности, въ то время іезуиты дѣлали дерзкій вызовъ исторіи, утверждая, что не будетъ на свѣтѣ такой академіи или коллегіи, гдѣ бы науки преподавались на иныхъ языкахъ, кромѣ Латинскаго и Греческаго. Противъ такого-то оттягивающаго Европейское человѣчество назадъ начала, осуждающаго его на вѣчную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россія — борьбу за вѣру и народность. Но гдѣ же были у нея средства для успѣшнаго окончанія этой борьбы?

Мы видѣли уже, что во второй половинѣ XVI вѣка, Западно-Русская церковь находилась далеко не въ завидномъ положеніи. Правительство, принадлежавшее къ другому исповѣда-

нію, по меньшей мѣрѣ равнодушное, не могло быть внимательно къ ея интересамъ, любило кормить ея хлѣбомъ своихъ, а не ея служителей, отдавать не только православные монастыри, но и цѣлыя епархіи въ управленіе людямъ, не чувствовавшимъ никакого внутренняго призванія къ подобнымъ должностямъ, изъ желанія наградить не заслуги, оказанныя церкви, но заслуги, оказанныя государству только. Такіе пастыри не могли укрѣплять паству въ вѣрѣ и нравственности: отсюда ослабленіе дисциплины церковной, ослабленіи нравственности низшаго духовенства, упадокъ просвѣщенія. Но если государство становилось во враждебныя отношенія къ Западно-Русской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этимъ самымъ вызывало къ дѣятельности начало общественное. Что Скарга считалъ бѣдствіемъ для Русской церкви, именно вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя, то было необходимо и спасительно для нея; правительство не заботилось о церкви, архіерейство ослабѣвало — общество должно быть принять къ сердцу высшій интересъ свой и обнаружить сильное вліяніе на дѣла церковныя. Но какія же средства имѣло Западно-Русское общество къ обнаруженію этого вліянія, какія силы были въ немъ, какія соединенія силъ, союзы? Западно-Русское общество въ описываемое время представляетъ намъ сильную аристократію, богатые, могущественные роды; изъ нихъ нѣкоторые вели свое происхожденіе отъ Рюрика и Гедимина; отъ нихъ, особенно въ началѣ, Русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видѣли дѣятельность князя Константина Острожскаго, видѣли также, какую помощь Русской церкви въ борьбѣ ея съ католицизмомъ оказалъ Московскій выходецъ, князь Курбскій съ товарищами. Но потомъ аристократія Западно-Русская начала ослабѣвать въ стремленіи своемъ поддерживать Русскую вѣру и народность; средоточіе ея дѣятельности было не на Руси, а въ коронѣ Польской, при дворѣ, въ сенатѣ; аристократія Русская составляла часть цѣлой аристократіи Польской и стремилась приравнять-

ся къ цѣлому; интересы Русскіе были для нея интересами провинціальными, и потому она скоро охладѣваетъ къ нимъ, какъ ниже ея стоящимъ; старики еще крѣпко держались родной старины; но молодые, выхваченные изъ родной старинной обстановки воспитаніемъ, службою, легко отвыкали отъ своего. Но если знатные паны, оказавшіе вначалѣ такъ много помощи Русской вѣрѣ и народности, ослабѣли впослѣдствіи, то не слабѣло среднее сословіе, городовое народонаселеніе, благодаря крѣпкимъ частнымъ союзамъ, среди него образовавшимся, благодаря знаменитымъ братствамъ. Мы видѣли, что братства или братчины, общія всѣмъ областямъ Русскимъ, какъ Восточнымъ, такъ и Западнымъ, пріобрѣли особенное значеніе въ общинахъ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ, слѣдовательно имѣли большее значеніе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ городахъ низовыхъ, имѣли большее значеніе въ городахъ Западной, Литовской Россіи, гдѣ старыя общинныя формы получили точнѣйшее опредѣленіе и окрѣпленіе, благодаря Магдебургскому праву, гдѣ цеховое устройство особенно содѣйствовало развитію братчинъ или братствъ.

Кромѣ этой крѣпкой основы для общей, дружной дѣятельности—развитія общиннаго быта и братствъ, городовое сословіе, мѣщанство и потому могло сильнѣе бороться за вѣру и народность, что сфера его была тѣснѣе, чѣмъ у аристократіи; сильнѣе были у мѣщанъ мѣстныя провинціальныя привязанности, ибо не забудемъ, что Русскія привязанности были привязанности провинціальныя въ Рѣчи Посполитой Польской; понятно, слѣдовательно, почему мѣщанскія братства, коренившіяся на цеховомъ устройствѣ, явились средоточіемъ, къ которому стягивалась и шляхта во время борьбы за вѣру; за братства, за эти крѣпкіе союзы, выработанные городовымъ бытомъ Западной Россіи, всего сильнѣе запнулись іезуиты съ своею уніею.

Итакъ, сначала посредствомъ аристократіи, потомъ особенно посредствомъ братствъ, Западно-Русское общество боро-

люсь за свою вѣру и народность противъ могущественныхъ враговъ, поддерживаемыхъ государствомъ; посредствомъ аристократіи и братствъ Русское общество имѣло вліяніе на дѣла церковныя. Мы видѣли, что Скарга, съ своей точки зрѣнія, видѣлъ въ этомъ вліяніи мірскихъ людей бѣдствіе для церкви. Съ такой же точки зрѣнія начали смотрѣть на дѣло и нѣкоторые епископы Русскіе, которымъ болѣе другихъ было тяжело это вліяніе; но понятно, что усвоивши себѣ разъ эту точку зрѣнія, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т. е. самихъ себя, отъ этого вмѣшательства, успокоить церковь, дать ей внѣшнее благосостояніе, легко признали необходимость и законность уніи.

Чтобъ имѣть понятіе о состояніи Западно-Русской іерархіи въ описываемое время, взглянемъ на состояніе значительнѣйшихъ здѣсь епархій. Нѣкоторыя Западно-Русскія епископіи богатствомъ своихъ земельныхъ владѣній превосходили Восточныя: епископіи Владимірской (на Волыни) принадлежали: укрѣпленный зàмокъ въ городѣ Владимірѣ и нѣсколько дворовъ, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ, волость Купетовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одиннадцать селеній и рыбныхъ ловель, островъ Волославъ на рѣкѣ Лугѣ, на которомъ находился монастырь св. Онуфрія. Епископіи Луцкой и Острожской принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ; изъ нихъ мѣстечки Хорлупъ и Жабче были защищены укрѣпленными зàмками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Легко понять, что такія доходныя мѣста, дававшія важное значеніе и обильное кормленіе, были предметомъ исканія для многихъ мірскихъ знатныхъ лицъ, которыя, добившись ихъ съ помощію свѣтской власти, не покидали своихъ мірскихъ привычекъ; да и трудно имъ было покинуть ихъ, еслибы даже хотѣли. Мы видѣли состояніе Польши въ описываемое время: видѣли своеволіе сильныхъ,

презрѣніе законовъ, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даромъ же епископскіе зàмки были укрѣплены и вооружены артиллеріею; частыя столкновенія съ жадными, сильными и своевольными сосѣдями, иновѣрцами и потому не поставлявшими за грѣхъ поживиться на счетъ имѣній схизматическаго епископа, заставляли послѣдняго безпрестанно являться въ суды, обвинять и защищаться; и потому, вмѣсто молитвы и приготовленія поученій для паствы, владыка долженъ былъ сидѣть надъ выписками изъ законовъ. Въ 1565 году, по смерти епископа Іосифа, явилось два соперника, желавшіе завладѣть епископіею Владимірскою и Брестскою: шляхтичь Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ Холмскій Өеодосій Лазовскій. Первый, получивъ королевскую грамоту на епархію, завладѣлъ епископскимъ зàмкомъ, гдѣ посадилъ сына своего Василія. Но король Сигизмундъ-Августъ въ то же время далъ жалованную грамоту на Владимірское епископство Лазовскому. Послѣдній явился во Владиміръ съ вооруженною силою, потребовалъ у Василія Красенскаго сдачи зàмка, получилъ отказъ, началъ добывать зàмокъ приступами, и наконецъ овладѣлъ имъ. Король, по жалобѣ Ивана Красенскаго, послалъ дворянина своего звать Өеодосія на судъ; дворянинъ явился къ епископу въ соборную церковь Владимірскую и объявилъ ему приказъ королевскій. Өеодосій отвѣчалъ, что не поѣдетъ на судъ, бросился съ посохомъ на слугъ Ивана Красенскаго, велѣлъ своимъ людямъ бить ихъ и топтать ногами въ соборной церкви, наконецъ выгналъ ихъ изъ зàмка, сказавши: «Еслибы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ». Этотъ поступокъ Өеодосія показываетъ намъ, съ какимъ человѣкомъ имѣемъ дѣло; утвердившись въ своей епархіи, онъ велъ себя какъ и другіе сильные паны: и на него, какъ на другихъ, подàвались жалобы, что онъ съ толпою вооруженныхъ слугъ наѣзжалъ на имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, производилъ разбои и грабежи на большой дорогѣ; въ глубокой старости онъ совершенно ввѣ-

рился зятю своему Дубницкому, войту Владимірскому, который расточалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, кралъ жалованныя грамоты. Но мы должны разсматривать поведеніе Θеодосія Лазовскаго въ связи съ условіями времени, не должны прилагать къ нему требованій нашего времени и общества. Θеодосій принадлежалъ къ числу людей сильныхъ характеромъ, общество же не могло выставить никакихъ препятствій тому, чтобы эта сила не выражалась незаконнымъ образомъ; общество терпѣло Θеодосія, и Θеодосій, когда страсти его утихли, вспомнилъ, что «при жизни было много бито, граблено, а подъ конецъ надобно душу спасти», и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озераны и одиннадцать селеній, назначилъ доходы съ этихъ имѣній на украшеніе соборной церкви Владимірской, на учрежденіе при ней богадѣльни и школы для дѣтей; часть доходовъ назначена была на содержаніе двухъ проповѣдниковъ; въ школѣ положено имѣть двухъ баккалавровъ: одинъ долженъ былъ учить Греческому, а другой Славянскому языку. Θеодосій выпросилъ у Стефана Баторія позволеніе передать управленіе Владимірскою епархіею архимандриту Кіевопечерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу-Богуринскому; но при этомъ Θеодосій пользовался доходами епархіи до самой смерти своей, случившейся въ 1588 году, и тогда епархія Владимірская перешла въ полную власть Хребтовича.

Между тѣмъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій, лишенный Θеодосіемъ епархіи Владимірской, получилъ отъ короля епископію Луцкую и Острожскую, по смерти Марка Жоравинскаго, который съ 1561 до 1567 годъ управлялъ епархіею Луцкою, не посвящаясь въ духовный санъ. Красенскій хотѣлъ-было подражать своему предмѣстнику, но Кіевскій митрополитъ Іона сильными мѣрами заставилъ его посвятиться въ 1571 году подъ именемъ Іоны. Новый епископъ съ своими дѣтьми и родственниками распоряжался церковными имѣніями какъ своею собственностію, отдалъ мѣстечко Жабче въ

приданое за дочерью; сыновья епископскіе грабили церкви, разгоняли монаховъ; наконецъ Іона поссорился съ Баторіемъ, нелюбившимъ своеволія, и умеръ баннитомъ. По смерти его въ 1585 году переведенъ былъ на Луцкую епископію Кириллъ Семеновичъ Терлецкій, епископъ Пинскій и Туровскій, человѣкъ также дворянскаго происхожденія, умный, образованный, ловкій и дѣятельный, способный управлять епархіею по тогдашнимъ условіямъ, но далеко неспособный быть достойнымъ епископомъ. Онъ нашелъ Луцкую епископію въ самомъ жалкомъ положеніи въ слѣдствіе грабежей Красенскаго и его родственниковъ, долженъ былъ вооруженною рукою отнять у послѣднихъ Жабче, лично хлопоталъ въ судахъ о неприкосновенности церковныхъ имѣній и правъ; войско епископское всегда было наготовѣ для отраженія враговъ.

Третьею Западно-Русскою епархіею, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе въ концѣ XVI-го вѣка, была Львовская въ Галицкой или Червонной Руси. Епископомъ здѣсь въ это время былъ Гедеонъ Балабанъ, сынъ Львовскаго же епископа Арсенія. Получивши каѳедру какъ бы по наслѣдству, Гедеонъ считалъ себя еще въ бо̀льшемъ правѣ, чѣмъ другіе его товарищи, смотрѣть на нее какъ на собственность неотъемлемую; но этотъ епископъ-собственникъ встрѣтилъ себѣ сильное сопротивленіе въ братствѣ Львовскомъ. Во время посѣщенія Львова Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году, Львовскіе мѣщане, ктиторы храма Успенія Богородицы, упросили его благословить ихъ на устроеніе братства, для котораго написаны были слѣдующія правила: 1) Въ опредѣленный день сходиться въ избранный домъ, съ любовію и миромъ, отдавая другъ другу предпочтеніе, промышляя доброе предъ Богомъ и людьми. 2) По повѣсткѣ, которая дѣлается обсылкою братскаго знамени, братья должны сходиться разъ въ четыре недѣли, или какъ случится надобность, и обязанъ каждый братъ разъ въ четыре недѣли дать полгроша въ братскую кружку. 3) Всякій желающій вступить въ братство, кто бы онъ ни былъ: мѣща-

нинъ или шляхтичь, или предмѣщанинъ, или какого бы ни былъ чина, какъ тутошній, такъ и сторонній, долженъ дать вступнаго шесть грошей. 4) Братъ, живущій далеко отъ братства, долженъ давать разъ въ годъ по шести грошей. 5) Каждый годъ братья сообща выбираютъ изъ среды себя четырехъ старшинъ. 6) Кружка братская должна быть у старшаго брата, а ключъ отъ нея у младшаго. 7) Ежегодно, при сложеніи своихъ должностей, старшины отдаютъ отчетъ предъ всѣми. 8) Если избираемый на старшинство будетъ противиться этому безъ уважительной причины, то долженъ дать три безмѣна воску. 9) Наказаніе всѣмъ одно — сидѣть на колокольнѣ. 10) Если братъ брата обидитъ словомъ въ братствѣ, то долженъ быть наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ, долженъ дать камень воску и, не выходя изъ братства, просить прощенія у оскорбленнаго брата и всего братства. 11) За слово непотребное, корчемное братъ долженъ платить фунтъ воску. 12) Въ засѣданіяхъ, исправя всѣ дѣла, братья должны читать священныя книги и скромно другъ съ другомъ разговаривать. 13) Братъ, узнавши о проступкѣ другаго брата, не долженъ его таить, но объявить въ братствѣ, чтобъ виновный былъ подвергнутъ наказанію. Утаившій наказывается по приговору братскому. 14) Старшій за проступокъ подвергается двойному и тройному наказанію противъ младшаго. 15) Братъ, наказанный сидѣньемъ на колокольнѣ или денежною пенею, тотчасъ послѣ наказанія долженъ просить прощенія у того, предъ кѣмъ провинился. 16) Кто не отдастъ братской пени, долженъ поставить двоихъ братьевъ поруками до слѣдующаго засѣданія. 17) Въ обсужденіяхъ участвуютъ всѣ, какъ старшіе, такъ и младшіе; когда всѣ младшіе выскажутъ свои мнѣнія, тогда начнутъ говорить старшіе. 18) Если у брата есть какое-нибудь дѣло и не умѣетъ онъ его вести самъ, то вольно ему взять двоихъ братьевъ на совѣтъ и на помощь. 19). Дѣла братскія не должны быть выносимы за порогъ дома братскаго; виновный въ разглашеніи, по засвидѣтельствованіи двоихъ, долженъ быть наказанъ.

сидѣньемъ на колокольнѣ и безмѣномъ воску. 20) Кто презритъ церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ судится какъ преслушникъ церкви, и если въ четыре недѣли не покается, то какъ поганецъ и явный грѣшникъ отлучается. Священникъ долженъ его въ церкви предъ всѣми обличить и отъ церкви отлучить. 21) Сообщающійся съ отлученными вмѣстѣ съ ними осуждается. 22) Если неимѣющій состоянія братъ занеможетъ, то братья помогаютъ ему братскими деньгами и ходятъ за нимъ въ болѣзни. 23) Братъ, которому помогаютъ братскими деньгами въ напастяхъ, не платитъ роста. Давать въ займы должно не тѣмъ, которые занимаютъ для какого нибудь выгоднаго предпріятія, изъ желанія обогатиться, но дѣйствительно находящимся въ большой нуждѣ. 24) Тѣло умершаго брата всѣ братья провожаютъ на погребеніе въ приходскую церковь и свѣча братская должна быть въ церкви. 25) Если кто изъ братій не явится въ засѣданіе или на погребеніе по важнымъ причинамъ, то долженъ дать знать объ этомъ старшему брату; если же окажется, что препятствій никакихъ не было, то долженъ заплатить фунтъ воску. 26) Каждый братъ долженъ вписать въ поминанье имя отца своего и матери и всѣхъ сродниковъ умершихъ, а священникъ успенской братской церкви долженъ читать поминанье братское за заутренею и вечернею въ дни поминовенные и въ великій постъ, по уставу церковному. 27) Ежегодно должны быть двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, причемъ раздается посильная милостыня бѣднымъ.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ обществѣ, гдѣ нѣтъ для всѣхъ одинакой безопасности, гдѣ господствуетъ право сильнаго, въ отдѣльныхъ лицахъ и въ союзахъ лицъ является сильное стремленіе захватитъ для себя какъ можно больше силы, въ которой видятъ единственное обезпеченіе противъ насилія другихъ сильныхъ. Вотъ почему Львовское братство выхлопотало отъ Іоакима важное право обличать противныхъ закону Христову, истреблять всякое безчиніе въ церкви,

право всеобщаго надзора и ценэуры, изъ подъ которой не былъ изъятъ и епископъ. 28) Если братство отлучитъ брата отъ церкви чрезъ своего священника, то протопопы и епископъ не могутъ благословить его до тѣхъ поръ, пока не покорится братству. 29) Если братья въ городѣ Львовѣ при какой-нибудь церкви увидятъ, или въ другомъ братствѣ услышатъ о незаконно-живущихъ, мірскихъ или духовныхъ, то должны удержать ихъ словомъ или грамотою; если же не послушаются, то должны донести старшему. 30) Если и епископъ будетъ вести себя незаконно, то и ему должны всѣ сопротивляться какъ врагу истины. 31) Если кто нибудь изъ братій будетъ обвиненъ предъ епископомъ, то не долженъ одинъ защищаться, а ждать пока соберется съ нимъ все братство; при епископѣ братья сообща должны разобрать дѣло и судиться по правиламъ св. Отецъ. 32) Братство Львовское, какъ старшее, должно обличать всякое другое братство, поступающее не по этимъ правиламъ. Никто не можетъ ему сопротивляться, опираясь на давность другихъ братствъ, несовершенно нѣкоторыми епископами установленныхъ: «повелѣваемъ, говоритъ патріархъ, чтобъ этому братству Львовскому всѣ братства повсюду повиновались». 33) Всякое братство въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ обязано знать поведеніе поповъ и мірскихъ людей, и обо всякомъ беззаконіи доносить епископу. 34) Кто разоритъ это право церковное, епископъ или князь, или простой человѣкъ, на такомъ будетъ клятва всѣхъ четырехъ патріарховъ и святыхъ Отецъ седьми вселенскихъ соборовъ. Въ то же время Іоакимъ разослалъ окружное посланіе съ извѣщеніемъ, что въ городѣ Львовѣ христіанская церковь хочетъ строеніемъ поновляться, т. е. наукою Писанія святаго: хотятъ мѣщане Львовскіе школу основать для поученія дѣтямъ христіанскимъ всякаго званія; будутъ эти дѣти учиться Писанію святому Греческому и Славянскому, чтобъ не былъ родъ ихъ христіанскій безсловесенъ ради ненаученія; купили мѣщане типографію Славянскую и Греческую, для школы этой потреб-

ную, за полторы тысячи золотыхъ, хотятъ строить церковь новую и дома для школы, типографіи и госпиталей. Патріархъ проситъ у всѣхъ православныхъ христіанъ вспоможенія на такія богоугодныя дѣла.

Между братствомъ, получившимъ такія права, и между епископомъ Гедеономъ, ревнивымъ къ своей власти, тотчасъ же начались столкновенія; дѣло дошло до Константинопольскаго патріарха Іереміи, тотъ взялъ сторону братства и въ Ноябрѣ 1587 года писалъ Гедеону: «Мы судили, истинно испытали и нашли въ тебѣ убійцу и ненавистника добру; не смѣй ничего говорить противъ Львовскаго братства, на которомъ Богъ почиваетъ и славится; и если услышимъ, что ты возбраняешь дѣла благія, то будешь отлученъ, а потомъ и другому церковному наказанію подвергнешься». Это грозное посланіе понудило Гедеона стать на точку зрѣнія Скарги, убѣдиться какъ вредно вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковныя, убѣдиться, что унія съ господствующею церковію освободитъ владыкъ отъ униженія мірской цензуры; онъ сблизился съ католическимъ Львовскимъ епископомъ и въ 1588 году изъявилъ ему желаніе принять унію.

Въ такомъ состояніи находилась Западно-Русская церковь, когда въ 1589 году посѣтилъ ее Константинопольскій патріархъ Іеремія, возвращавшійся изъ Москвы. Мірскіе люди не замедлили подать ему сильныя жалобы на церковные безпорядки, виною которыхъ были епископы порочные или нерадивые. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ главный пастырь, митрополитъ Кіевскій, Онисифоръ Дѣвочка, къ которому въ 1585 году православные Галицкіе дворяне прислали съ сейма слѣдующую любопытную грамоту: «Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря неимущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жало-

бою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали на сеймъ въ Варшаву, въ надеждѣ на ваше обѣщаніе явиться туда же, чтобъ вмѣстѣ бить челомъ королю, защищать права и вольности закона нашего Греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Во время вашего пастырства вдоволь всякаго зла въ законѣ нашемъ сталось, насилія святыни, замыканье св. Таинъ, запечатаніе церквей святыхъ, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ какъ злодѣевъ, запрещеніе мірскимъ людямъ молиться въ церквахъ: такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями, и все это дѣлается въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ зàмокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ; а ваша милость листы свои открытые противъ церкви Божіей жидамъ на помогу даешь. Изъ церквей дѣлаются костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей данныя, теперь къ костеламъ привернуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣютъ; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлаютъ; что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлаютъ себѣ пояса, ложки и сосуды, изъ ризъ сяяны, изъ епитрахилей брамы. Но что еще хуже, ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своей, что и правила запрещаютъ, въ слѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей родятъ. И другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множество! Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два: отъ того и порядокъ згибъ. Мы, по обязанности своей, вашу милость остерегаемъ, молимъ и просимъ: Бога ради, вспомни святыхъ предшественниковъ своихъ, архіепископовъ Кіевскихъ, и возревнуй бла-

гочестію ихъ, а на насъ не прогнѣвайся: жаль намъ души и совѣсти вашей: за все отвѣтъ Господу Богу должны вы отдать».

Онисифоръ, по пріѣздѣ Іереміи, долженъ былъ оставить митрополію, и на мѣсто его патріархъ поставилъ въ митрополиты извѣстнаго уже намъ архимандрита Минскаго Михаила Рагозу, по представленію Христіанства, т. е. всѣхъ православныхъ Западной Россіи. Любопытно, что при посвященіи Михаила Іеремія произнесъ слѣдующія многозначительныя слова, обращаясь къ окружавшей знати: «Если онъ достоинъ, то по вашему глаголу буди достоинъ; если же недостоинъ, а вы его достойнымъ выставляете, то я чистъ, вы узрите». Изъ этихъ словъ ясно видно все значеніе мірскихъ людей при избраніи Рагозы, причемъ патріархъ выдѣлилъ совершенно свою волю; мірскіе люди представили ему незначительнаго, ему вовсе неизвѣстнаго архимандрита, и патріархъ уступилъ ихъ желанію, снявши съ себя всю отвѣтственность. Вглядываясь внимательнѣе въ характеръ и поведеніе Рагозы, можно понять, почему выборъ мірскихъ людей палъ на него: въ новомъ митрополитѣ мірскіе люди искали именно такого пастыря, который не былъ бы похожъ на тогдашнихъ Западно-Русскихъ епископовъ, непохожихъ вообще на епископовъ. Михаилъ былъ человѣкъ благочестивый, скромный, сравнительно-безукоризненной нравственности, далекій отъ дѣлъ насилія; но, къ сожалѣнію, съ этими достоинствами частнаго человѣка, монаха и епископа, Михаилъ не соединялъ другихъ достоинствъ, необходимыхъ для Западно-Русской церкви въ то бурное время: не соединялъ твердости и энергіи, былъ слабъ, боязливъ, въ слѣдствіе чего долженъ былъ играть такую жалкую, двоедушную роль во время дѣла объ уніи.

Какъ бы то ни было, Михаилъ былъ избранникъ мірскихъ людей, и потому долженъ былъ держать ихъ сторону, сторону братствъ. Патріархъ дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Въ Вильнѣ 1589 года онъ издалъ окружную грамоту епископамъ

о низверженіи изъ сана священниковъ двоеженцевъ и троеженцевъ, съ выговоромъ, что Пинскій епископъ Леонтій утаилъ такихъ въ своей епархіи. Въ грамотѣ этой патріархъ говоритъ, что онъ слышалъ отъ многихъ благовѣрныхъ князей, пановъ и всего Христіанства и самъ глазами своими видѣлъ, какъ позволялось священнодѣйствовать двоеженцамъ и троеженцамъ. Тогда же Іеремія благословилъ учредить братство въ Вильнѣ у церкви св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталямъ, тюрьмамъ и нищимъ по улицамъ два раза въ годъ — на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось въ школѣ даромъ учить дѣтей братскихъ и другихъ убогихъ сиротъ языкамъ Русскому, Греческому, Латинскому и Польскому; для науки школьной содержать людей ученыхъ, печатать книги церковныя и школьныя на языкахъ Греческомъ, Славянскомъ, Русскомъ и Польскомъ. Іеремія же подтвердилъ прежнія постановленія и права Львовскаго братства, а также и новыя: 1) Не быть другому общественному училищу во Львовѣ, кромѣ училища братскаго; въ немъ одномъ учить православныхъ дѣтей священному Писанію, Славянскому и Греческому языкамъ. 2) Братство имѣетъ право печатать не только церковныя книги: Часословы, Псалтири, Апостолы, Минеи, Тріоди, Требники, Синаксари, Евангеліе, Метафрасты, торжественники, хроники или лѣтописцы и прочія богословскія книги, но и другія нужныя для училища, именно: грамматику, піитику, реторику и философію. 3) Священника, избраннаго братствомъ къ церкви Успенія, епископы Львовскіе должны благословлять безъ всякой отговорки и противорѣчія; братство же и удаляетъ отъ должности священника, если онъ станетъ жить неприлично.

Но, согласившись на поставленіе Рагозы по представленію мірскихъ людей, Іеремія, спустя немного времени, въ знакъ ласки и благословенія своего, далъ старшинство надъ всѣми епископами, екзаршество—должность, старшую въ духовныхъ дѣлахъ—епископу Луцкому, Кириллу Терлецкому, видя въ немъ

мужа искуснаго, ловкаго и ученаго. Екзаршество или намѣстничество патріаршее состояло въ томъ, что Терлецкій имѣлъ право исправлять всѣхъ епископовъ, блюсти за порядкомъ между ними, негодныхъ извергать. Что побудило Іеремію на установленіе такой важной должности подлѣ митрополичьей: отнять у митрополита почти все значеніе и передать его епископу Луцкому? Успѣлъ ли Терлецкій разными средствами подбиться къ патріарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мірскихъ людей, выразившуюся при назначеніи Михаила, свою собственную обиду при этомъ? Дѣйствительно ли патріархъ, признавая неспособность Михаила въ такое опасное и бурное время, спѣшилъ облечь властію своего намѣстника человѣка болѣе ловкаго и дѣятельнаго? А быть можетъ и сами мірскіе люди, знатные паны, видя, что обидѣли Терлецкаго, обойдя его митрополіею, и не желая лишиться помощи такого дѣятельнаго и ученаго человѣка, содѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, нисколько не мѣшали назначенію его екзархомъ? Источники не отвѣчаютъ на эти вопросы, и потому, оставя всѣ предположенія въ сторонѣ, замѣтимъ одно, что назначеніе Терлецкаго екзархомъ было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чѣмъ патріархъ успѣлъ выѣхать изъ предѣловъ Западной Россіи. Терлецкій наговаривалъ патріарху на другихъ епископовъ; Мелетій Владимірскій уличалъ Терлецкаго въ насильственномъ поступкѣ съ посланцемъ патріаршимъ; Іеремія послалъ сказать митрополиту, чтобъ созвалъ соборъ для рѣшенія этихъ дѣлъ и заплатилъ ему, патріарху, пятнадцать тысячъ аспръ (250 талеровъ) за поставленіе, ибо еслибы Рагоза долженъ былъ за этимъ поставленіемъ ѣхать въ Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополитъ, недовольный патріархомъ, который поставилъ его митрополитомъ, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвѣчалъ посланному: «Не обязанъ я ничего давать патріарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополитъ былъ недоволенъ учрежденіемъ екзархата въ

пользу Терлецкаго; Терлецкій былъ недоволенъ тѣмъ, что, не смотря на званіе екзарха, не пользовался полною довѣренностью патріарха, который велѣлъ созвать на него соборъ; Гедеонъ Балабанъ Львовскій былъ сильно недоволенъ тѣмъ, что патріархъ подтвердилъ права ненавистнаго ему братства; тѣмъ же самымъ должны были быть недовольны всѣ вообще епископы, которыхъ ставили подъ цензуру мірскихъ людей. Между привилегированнымъ братствомъ Успенскимъ во Львовѣ и другими непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: въ 1590 году четверо граждань Львовскихъ съ другими потаковниками своими, принадлежа къ братствамъ Никольскому, Ѳедоровскому и Богоявленскому, соединились съ епископомъ Гедеономъ и стали вооружаться противъ Успенскаго братства и его школы, уговаривая многихъ не посѣщать ее. Митрополитъ Михаилъ, заступаясь за Успенское братство, отлучилъ ихъ отъ церкви.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ Іюнѣ 1590 года созванъ былъ соборъ въ Брестѣ, на которомъ присутствовали митрополитъ Михаилъ, Мелетій Хрептовичъ, епископъ Владимірскій, Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій, Леонтій Пельчинскій—Пинскій, Діонисій Збируйскій—Холмскій, Гедеонъ Балабанъ—Львовскій; были приглашены также Адамъ Потѣй, каштелянъ Брестскій и всѣ крилошане соборные. Отцы разсуждали о великихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается православная церковь, о великомъ нестроеніи въ духовенствѣ, о развратѣ, несогласіяхъ, непослушаніи и безчинствахъ между нѣкоторыми христіанами. Для предотвращенія подобнаго нестроенія и своевольствъ, для установленія порядка, для разсужденія о школахъ, наукахъ, госпиталяхъ и другихъ благочестивыхъ дѣлахъ отцы постановили собираться ежегодно въ Брестѣ Литовскомъ въ Іюнѣ 24 числа; кто не явится на соборъ, долженъ заплатить 50 копъ грошей Литовскихъ на общія потребы духовныя; кто поставитъ причиною отлучки болѣзнь, тотъ, пріѣхавши на соборъ слѣдующаго года, долженъ присягнуть, что дѣйствительно былъ

боленъ; если же кто и на другой годъ не пріѣдетъ и присяги не дастъ, тотъ будетъ лишенъ епископіи. Архіереи обязались привозить на соборъ всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и другихъ пресвитеровъ въ св. Писаніи знающихъ; обязались не позволять, чтобъ простые люди держали монастыри; обязались не вступаться въ чужія епархіи, не ставить недостойныхъ пресвитеровъ, подъ пенею ста копъ грошей Литовскихъ; кто же не заплатитъ, тотъ подпадаетъ проклятію. На соборѣ явились семеро депутатовъ Львовскаго братства (изъ нихъ двое Грековъ), съ жалобою на епископа Гедеона, который не исполняетъ постановленій патріаршихъ относительно братствъ Львовскаго и Рогатинскаго уже послѣ уговора и примиренія своего съ ними. На эти жалобы Гедеонъ отвѣчалъ одно: «Братство не хочетъ воздавать мнѣ надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но соборъ рѣшилъ дѣло въ пользу братства: такъ какъ Гедеонъ никогда не соглашался благословлять священниковъ для братства, почему церковь братская бывала безъ службы къ соблазну христіанамъ, то братство передано въ непосредственную зависимость Кіевскаго митрополита, который и благословляетъ священниковъ братскихъ, братствомъ избранныхъ.

Послѣ собора Кириллъ Терлецкій занемогъ и поѣхалъ въ Сендомиръ лечиться; потомъ пришла вѣсть, что онъ при смерти. Тогда одинъ изъ урядниковъ зàмковыхъ острожскихъ, Боровицкій, по давнему обычаю, вошелъ въ домъ епископа и захватилъ его пожитки. Но Терлецкій выздоровѣлъ и, возвратясь изъ Сендомира, обратился съ жалобою къ князю Острожскому, въ надеждѣ на большую любовь этого вельможи къ себѣ. Но Боровицкій пользовался также сильнымъ расположеніемъ князя, въ слѣдствіе чего успѣшно защищался, и когда Терлецкій уѣхалъ изъ Острога, то Боровицкій сталъ обносить его передъ княземъ и такъ успѣлъ очернить Кирилла, что князь вмѣсто прежней любви сталъ оказывать презрѣніе къ нему. Легко понять теперь положеніе Луцкаго

епископа, разладившаго съ самымъ могущественнымъ вельможею своей епархіи и столпомъ православія! Съ одной стороны разладъ съ своими въ лицѣ самого сильнаго изъ своихъ, съ другой — поднимается ожесточенное преслѣдованіе отъ чужихъ. Секретарь королевскій Мартынъ Броневскій напалъ съ толпою вооруженныхъ людей на церковное владѣніе Фалимичи, завладѣлъ церковнымъ и епископскимъ имѣніемъ; староста Луцкій, Александръ Семашко, сдѣлавшійся изъ православныхъ католикомъ, наложилъ подать за входъ въ соборную Луцкую церковь; въ Апрѣлѣ 1591 года, въ Страстную Субботу и Свѣтлое Воскресеніе, Семашко велѣлъ впустить въ замокъ, гдѣ находилась церковь, только одного епископа съ слугою, безъ духовенства, почему въ соборной церкви не было въ эти дни богослуженія, а епископъ два дня не пилъ и не ѣлъ, между тѣмъ, какъ пьяный Семашко въ притворахъ соборной церкви заводилъ танцы и игры и приказалъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ куполъ и крестъ церковный.

Въ Іюнѣ, по приговору, епископы съѣхались на соборъ въ Брестъ, опредѣлили жаловаться королю, что урядники и землевладѣльцы великаго княжества Литовскаго вступаются въ дѣла духовныя, судятъ священниковъ, разводятъ браки. Но Терлецкій съ нѣкоторыми товарищами рѣшились избавиться отъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ, прямымъ средствомъ, на которое давно уже было указано іезуитами — уніею. Король Сигизмундъ получилъ слѣдующую грамоту: «Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать пастыремъ нашимъ и главою намѣстника св. Петра святѣйшаго папу Римскаго, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ церкви Его Святой; но, желая быть въ повиновеніи у святѣйшаго отца папы, мы желаемъ, чтобъ оставлены были намъ всѣ церемоніи, службы и порядки, какіе издавна церковь наша св. Восточная держитъ, и чтобы его королевская милость вольности намъ грамотами обезпечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы, утвердилъ;

а мы обязуемся быть подъ властію и благословеніемъ отца папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ и приложеніемъ печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, екзарху и епископу Луцкому и Острожскому. Подписали: Кириллъ Луцкій, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій».

Только въ Генварѣ 1592 года король отвѣчалъ на жалобу митрополита запрещеніемъ свѣтскимъ лицамъ вмѣшиваться въ дѣла духовныя, и только 18 Марта написанъ былъ привилей королевскій согласнымъ на унію епископамъ: «Мы, господарь, имъ самимъ епископамъ, пресвитерамъ и всему духовенству церкви Восточной и религіи Греческой обѣщаемся сами за себя и за потомковъ нашихъ, что еслибы кто-нибудь изъ патріарховъ и митрополитовъ наложилъ на нихъ клятву, то эта клятва имъ и всему духовенству ихъ ни въ чемъ не будетъ вредить; обѣщаемъ ни по какимъ обвиненіямъ и клятвамъ не отнимать у нихъ епархіи и другимъ при жизни ихъ не отдавать, обѣщаемъ пріумножить къ нимъ ласку нашу, придавая имъ и каждому, кто склонится къ уніи, свободъ и вольностей въ той же мѣрѣ, въ какой имѣютъ ихъ и Римскіе духовные, что обѣщаемъ и другими привилеями нашими утвердить». Въ это время между православными еще ничего не было извѣстно о замыслѣ Терлецкаго съ товарищами; по крайней мѣрѣ, Львовское братство, продолжая борьбу съ своимъ епископомъ, въ грамотѣ къ патріарху отъ 6 Февраля 1592 года еще ничего не говоритъ объ этомъ. Въ этой грамотѣ братство пишетъ: «Безпрестанными бѣдами томитъ насъ Гедеонъ епископъ Львовскій, людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подъ клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подъ благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ. На соборѣ показали мы грамоту вашей святыни объ этомъ монастырѣ и священникѣ нашего братскаго храма, котораго архіепископъ (т. е. митрополитъ Михаилъ) подъ благословеніе свое припялъ, а епис-

копъ проклинаетъ. Мы жаловались на епископа на соборѣ; но безчиннаго ради собора не было о томъ суда, на будущій соборъ отложили. Архіепископъ съ епископами утвердили, чтобы впредъ священники братствъ Львовскаго и Виленскаго были подъ благословеніемъ архіепископскимъ и подъ защитою всего собора; но епископъ, по древнему своему противленію, и теперь противится, и всюду между всякихъ чиновъ людьми клевещетъ, что мы не можемъ ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидаскаловъ (учителей) Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, другіе по инымъ мѣстамъ разошлись, а Стефанъ здѣсь живетъ; священники лучшіе, ради гоненія епископскаго, разошлись въ иныя страны, а двоеженцы водворились вездѣ. Епископы Холмской и Пинскій, съ женами живутъ и, видя это, двоеженцы смѣло литургисаютъ. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, въ различныя ереси впадшіе, хотѣвшіе прежде возвратиться къ своему правовѣрію, теперь не хотятъ, хулятъ церковное безчиніе, и всѣ люди единогласно вопіютъ: «если не устроится церковь, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ Римское послушаніе и будемъ жить въ покоѣ безмятежномъ». Нѣкоторые неправду сказали твоему святительству, будто у насъ есть люди, непочитающіе св. иконъ: нѣтъ такихъ ни въ братствѣ нашемъ, ни въ цѣломъ городѣ. Дѣло вотъ какъ было: когда архіепископъ нашъ (Михаилъ) былъ здѣсь въ Галиціи, то въ городѣ Рогатинѣ нашелъ икону: вмѣсто Спасова образа написанъ Богъ Отецъ съ сѣдинами; тоже и въ Галичѣ. Архіепископъ велѣлъ эту икону вынести изъ церкви и написать Спасово изображеніе. Но Гедеонъ, епископъ Львовскій, по уходѣ архіепископа, велѣлъ въ Галичѣ икону невидимаго Бога Отца въ церкви выше всѣхъ иконъ поставить, и подписалъ имя иконѣ: «Ветхій деньми», и уча народъ, обвинялъ архіепископа въ иконоборствѣ. На Воскресеніе Христово, какой-то хлѣбъ, называемый пасха, по старому еретичеству приказываетъ освящать; пятницу празднуютъ, и на другой день Рождества Христова пироги

приносятъ въ униженіе Богородицы (такъ-называемый пологъ Богородицы, по нашему назубокъ). Все это велитъ епископъ по старому держать и не соблазняться прещеніями твоего святительства. Сообщаемъ твоему святительству и радостныя вѣсти: въ Вильнѣ братство размножается. Θедоръ Скуминъ (Тышкевичъ), воевода Новгородскій, и панъ Богданъ Сапѣга, воевода Минскій, со многими чиновными людьми вступили въ братство церковное и утвердили единство свое съ братствомъ Львовскимъ, дабы вмѣстѣ промышлять объ общей пользѣ. Кромѣ того панъ Адамъ Потѣй, каштелянъ Брестскій, сенаторъ королевскій, заложилъ въ Брестѣ чинъ братства Львовскаго».

Какъ же удивилось Львовское братство, когда вскорѣ послѣ этого врагъ его Гедеонъ объявилъ грамоту патріаршую, въ которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрія изъ подъ власти митрополита. Въ Сентябрѣ братство писало патріарху: «Не знаемъ какъ это случилось? отъ зависти ли бѣсовской, или отъ клеветы злохитрыхъ людей, или потому, что ты забылъ прежнюю свою грамоту?» Тутъ же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патріарху о замыслѣ насчетъ уніи: «Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ-называемые святители, а лучше сказать скверннтели, вопреки иноческому обѣту, съ женами невозбранно живутъ; нѣкоторые многобрачные святительствуютъ, другіе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то простые священники и подавно. Когда митрополитъ на соборѣ обличилъ священниковъ и требовалъ, чтобы они отказались отъ священства, то они отвѣчали: «Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ. Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія всѣ церковныя пограбили, иночество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели. Многіе же утвердили совѣтъ предаться Римскому архіерейству съ сохраненіемъ закона Греческой

вѣры, и Римскій папа послалъ одного іерея своего съ приказаніемъ по всѣмъ церквамъ своимъ квасным хлѣбомъ службу совершать въ знакъ соединенія церквей; іезуитъ Виленскій Петръ Скарга напечаталъ книги о вѣрѣ своей и о Греческомъ заблужденіи и королю вручилъ. Люди разсудили, что можетъ Христова вѣра подъ Римскою властію правовѣрно исповѣдаться, какъ и сначала было: потому что безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе попраны, и ложь православіемъ лицемѣрствующихъ учителей покрыла церковь».

Братство не могло еще, не умѣло назвать епископовъ, рѣшившихся на унію: такъ осторожно и тайно дѣйствовали они; понятно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ они должны были дѣйствовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности въ какомъ-нибудь внѣшнемъ обстоятельствѣ. Львовское братство писало патріарху, что у многихъ укореняется мысль о необходимости подчиниться Римскому престолу, какъ о единственномъ средствѣ избавиться отъ безначалія и безпорядковъ, господствовавшихъ въ Русской церкви; но сдѣлать рѣшительный, открытый шагъ къ этому подчиненію было крайне трудно и опасно. Терлецкій одинъ не могъ на это рѣшиться, Терлецкому одному трудно было дѣйствовать, пріобрѣтать сообщниковъ: какъ мы видѣли, онъ лишился дружбы князя Константина Острожскаго. Но скоро явился человѣкъ, который занялъ мѣсто Терлецкаго въ расположеніи князя Константина; въ началѣ 1593 года, по смерти Владимірскаго епископа Мелетія, епархію эту получилъ Ипатій, въ міру Адамъ Потѣй, тотъ самый сенаторъ и каштелянъ Брестскій, о благочестивой ревности котораго упоминало Львовское братство въ письмѣ къ патріарху. Потѣй явился достойнымъ своего новаго сана, явился «великимъ подвижникомъ, воздержникомъ, постникомъ, чуткимъ охранителемъ правъ церковныхъ и ни въ какое дѣло свѣтское невступающимся.» Но бывшій каштелянъ былъ мало свѣдущъ въ догматическихъ подробностяхъ Восточнаго исповѣданія, былъ равнодушенъ къ

вопросу о различіи церквей и тѣмъ легче могъ быть склоненъ къ уніи. Терлецкій взялся за это дѣло. «На ласку князя Острожскаго полагаться опасно, говорилъ онъ Потѣю: ко мнѣ былъ ласковъ, а теперь презираетъ. Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ: чего и нѣтъ, и то взведутъ и оклевещутъ; удастся имъ свергнуть кого нибудь изъ насъ съ епископіи: самъ посуди, какое безчестье! Господарь король даетъ должности до смерти, и не отбираетъ ни за что кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ отниметъ: самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ Римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ, вмѣстѣ съ Римскими епископами, и легче отыщемъ имѣнія, отъ церквей отобранныя».

Не знаемъ, кто первый началъ разговоръ объ уніи, Потѣй или князь Острожскій; знаемъ, что 21 Іюня 1593 года князь писалъ Владимірскому епископу слѣдующее письмо: «Всякій человѣкъ долженъ стараться о томъ, чтобы быть размножителемъ и любителемъ хвалы Божіей. И я, по причинѣ многочисленныхъ мірскихъ занятій моихъ, хотя не могъ посвятить всего себя заботамъ объ умноженіи хвалы Божіей, однако, по христіанской обязанности, съ давняго времени было у меня желаніе, и теперь не слабѣющее, но болѣе и болѣе распаляющееся—желаніе найти способъ къ тому, чтобы церковь Христова, всѣхъ церквей начальнѣйшая, въ первобытное свое состояніе прійти могла. Но какъ вижу, достойное созидается достойными и честное совершается честными. Такъ и мнѣ или несчастіе воспрепятствовало, или собственное недостоинство мое не допустило положить начало доброму дѣлу. Однако св. Писаніе говоритъ: «Сила Божія въ немощи совершается», и потомъ: «отъ человѣкъ невозможное Богу возможно». Опираясь на эти слова, не задолго передъ тѣмъ,

не славы ради житейской, Богъ вѣсть, но сѣтуя о паденіи церкви Христовой, не терпя наруганія еретиковъ и отступниковъ, дерзнулъ я съ легатомъ папы Римскаго, Поссевиномъ, совѣтовать и гадательствовать о нѣкоторыхъ нужныхъ рѣчахъ Писанія святаго, не самъ, но чрезъ своихъ старшихъ и пресвитеровъ; но Богу не угодно было, не знаю на пользу намъ или во вредъ. И такъ случилось тогда, какъ было угодно Богу. И теперь, не имѣя возможности прекратить заботы о церкви Божіей, имѣя намѣреніе для здоровья своего тѣлеснаго отправиться въ тѣ страны, недалеко отъ которыхъ живетъ папа Римскій, предлагаю хлопотать тамъ о соединеніи церквей, еслибы было на то произволеніе Божіе, еслибы вы, духовные, на будущемъ соборѣ вашемъ нашли способы къ прекращенію внутренней брани въ церкви Божіей. По моему мнѣнію, ваша милость епископъ Владимірскій, согласившись съ преосвященнымъ отцомъ архіепископомъ и епископами, съ позволеніемъ и грамотою его королевской милости, должны ѣхать къ великому князю Московскому и вмѣстѣ съ великимъ княземъ и духовенствомъ земли тамошней посовѣтоваться, поразсказать имъ, какое гоненіе, преслѣдованіе, поруганіе и уничиженіе народъ здѣшній Русскій въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ церковныхъ терпитъ, просить ихъ, какъ единовѣрцевъ, стараться о томъ, чтобы больше церковь Христова такой смуты, а народъ Русскій такого гоненія и озлобленія не терпѣли. Усердно прошу вашу милость, какъ ласковаго господина и пріятеля, особенно же теплаго тщателя въ любви вѣры Христовой, стараться изъ всѣхъ силъ на соборѣ, чтобъ положить начало если не соединенію, то, по крайней мѣрѣ, улучшенію жизни народной. Ибо извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ, что люди нашей религіи упали нравственно, что господствуетъ въ нихъ лѣность и нарадѣніе къ благочестію: не только не исполняютъ они обязанности свой христіанской, не защищаютъ церковь Божіею и вѣру свою старинную, но еще сами многіе, насмѣхаясь надъ нею, разбѣгаются по разнымъ сектамъ. Если ваши милости ста-

раться объ этомъ не будете, то сами знаете, кто повиненъ будетъ отвѣтъ дать, ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми лѣность, нерадѣніе и отступленіе отъ вѣры? Отъ того, что нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божія, нѣтъ наукъ, нѣтъ проповѣдей; отъ этого наступило истощеніе хвалы Божіей въ церкви Его, наступилъ голодъ слушанія слова Божія, началось отступленіе отъ вѣры и закона. Дошло до того, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы могли мы утѣшиться въ законѣ своемъ. Имѣемъ право сказать словами пророческими: «Кто дастъ головѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ», чтобъ могли мы оплакиватъ упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь? Все низпроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если дальше такъ пойдетъ, то Богъ вѣсть, что съ нами наконецъ будетъ!» При этомъ письмѣ князь приложилъ и собственноручныя статьи, на которыхъ онъ бы желалъ уніи: 1) Оставаться намъ вполнѣ при всѣхъ обрядахъ, какіе церковь Восточная держитъ. 2) Чтобъ паны Римляне церквей нашихъ и имуществъ ихъ на свои костелы не брали. 3) Чтобъ послѣ уніи не принимали они тѣхъ изъ нашихъ, которые бы захотѣли быть католиками; не принуждали бы нашихъ къ католицизму, особенно при бракахъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. 4) Чтобы духовенство наше въ такомъ же почетѣ было, какъ ихъ, чтобы митрополитъ и владыки въ радѣ и на сеймикахъ мѣсто имѣли, хотя и не всѣ. 5) Нужно переслаться съ патріархами, чтобъ и они склонились къ уніи, чтобъ намъ единымъ сердцемъ и едиными устами Господа Бога хвалить. 6) Нужно послать къ Московскому и къ Волохамъ, чтобы согласиться съ ними вмѣстѣ на унію; всего лучше, по моему мнѣнію, въ Москву послать отца епископа Владимірскаго, а къ Волохамъ Львовскаго. 7) Нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно вымысловъ людскихъ. 8) Необходимо имѣть намъ ученыхъ пресвитеровъ и проповѣдниковъ добрыхъ, ибо,

по недостатку просвѣщенія, великая грубость въ нашемъ духовенствѣ умножилась.

Неизвѣстно, что происходило на соборѣ, отъ котораго такъ много надѣялся князь Константинъ. Практическій смыслъ Потѣя и Терлецкаго долженъ былъ внушать имъ, что требованія князя неисполнимы; что церковь Восточная Греческая и Восточная Русская или Московская не признаютъ папу главою своею, а безъ этого унія невозможна; что по пустому, слѣдовательно, будетъ ѣхать и въ Москву, и къ Волохамъ; что дѣло не можетъ рѣшиться путемъ соборовъ, но только рѣшительнымъ шагомъ со стороны нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, которыя своимъ примѣромъ могутъ увлечь народъ, наскучившій тяжелымъ положеніемъ церкви. Не прошло года послѣ собора 1593 года, какъ 21 Мая 1594 года Терлецкій, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, явился въ урядъ Луцкій и объявилъ, что по волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, и пановъ, сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между церквами Восточною и Западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы Римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ; что для утвержденія этого соединенія и для изъявленія покорности папѣ, онъ, Терлецкій, вмѣстѣ съ Владимірскимъ епископомъ Потѣемъ, отправляется въ Римъ, по приказанію короля, и что для издержекъ на это путешествіе отдано въ залогъ церковное имѣніе Водиради.

Наступало обычное время собора — 24 Іюня; пріѣхалъ въ Брестъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхалъ Потѣй, Терлецкій. На другой день по пріѣздѣ митрополита службы не было, только говорилъ проповѣдь о пастыряхъ владыка Владимірскій Потѣй на текстъ: «Азъ есмь пастырь добрый». Послѣ проповѣди владыка спросилъ предстоявшихъ, хорошо ли онъ говорилъ, или нѣтъ? Всѣ отвѣчали: «хорошо!» Но вотъ послышался одинъ голосъ изъ толпы. «Владыка противъ себя читаетъ». Въ цер-

нви встало смятеніе, порицателя схватили и поставили предъ соборомъ, гдѣ онъ сказалъ Потѣю: «Ты насъ добру учишь, а самъ дурно дѣлаешь: малыхъ ребятъ неразумныхъ въ попы ставишь и отъ нихъ по осьми копъ берешь». Послѣ этихъ словъ волненіе еще болѣе усилилось: порицателя Потѣева били, мучили и наконецъ посадили въ богадѣльню на цѣпь. На третій день, послѣ заутрени, велѣли звонить на соборъ, собрались отцы въ церковь, отворили царскіе врата, зажгли свѣчи, поставили налой на амвонѣ, положили Евангеліе разогнутое. Митрополитъ сѣлъ на особомъ мѣстѣ, владыки особенно, архимандриты особенно; потомъ архидіаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особомъ мѣстѣ; были и паны, но немного; слышали, что Римляне будутъ. Послѣ молитвы о ниспосланіи св. Духа, соборъ начался: стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку Львовскаго Балабана; Потѣй жаловался на него же; братства Виленское и Львовское положили свое право братское; потомъ подавались грамоты отъ многихъ пановъ къ митрополиту и ко всѣмъ владыкамъ съ жалобами. Наступилъ вечеръ и разошлись обѣдать. Но вотъ явилась грамота отъ Гнѣзненскаго архіепископа-примаса, который напоминалъ митрополиту, что соборъ никакой законной силы имѣть не можетъ, ибо всякіе съѣзды, сеймы и соборы запрещены въ отсутствіе короля, находившагося тогда въ Швеціи. На этомъ основаніи ограничились только дѣлами судными, подтвердили права братствъ, и Гедеонъ Балабанъ, за насилія Львовскому братству, низверженъ съ епископіи [3]. Гедеонъ протестовалъ противъ собора, опираясь на его незаконность; Терлецкій также отрекся отъ участія въ незаконномъ соборѣ, и 2 Декабря 1594 года явился актъ соединенія владыкъ для принятія уніи. Владыки указываютъ на уклоненіе многихъ людей въ ереси, какъ на слѣдствіе того, что они, Русскіе, порознились съ панами Римлянами, порознились дѣти одной матери, и потому не могутъ помогать другъ другу! Моля Бога о соединеніи вѣры, они, владыки, не старались объ

этомъ потому, что смотрѣли на старшихъ, дожидались, чтобъ тѣ постарались о соединеніи церквей. Но надежда на старшихъ ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, потому что они, будучи въ неволѣ поганской, еслибъ даже и хотѣли, то не могутъ ничего сдѣлать. «Въ слѣдствіе этого, по наитію св. Духа, видимъ мы» пишутъ владыки: «что людямъ большія препятствія къ спасенію безъ единства въ церкви Божіей, а въ этомъ единствѣ предки наши всегда были, одного старшаго пастыря первопрестольника, именно святѣйшаго папу Римскаго, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядокъ и великое умноженіе хвалы Божіей въ церкви бывало и еретикамъ трудно было ереси разсѣвать; когда же много старшихъ и первопрестольниковъ настало, то теперь ясно видимъ, до какого несогласія церковь Божія пришла. Итакъ, не желая взять на свою совѣсть погибель душъ людскихъ, умыслили мы соединиться для святаго дѣла, чтобъ, какъ прежде, едиными усты и единымъ сердцемъ славить Отца, Сына и св. Духа съ братьями нашими милыми панами Римлянами, будучи подъ единымъ видимымъ пастыремъ церкви Божіей. Обѣщаемся предъ Господомъ Богомъ, всѣ вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и другихъ братьевъ нашихъ духовныхъ и весь народъ приводить къ единству церковному; а для сильнѣйшаго побужденія къ тому даемъ другъ другу эту грамоту». Подлинникъ грамоты подписанъ только Ипатіемъ Владимірскимъ и Кирилломъ Луцкимъ. Надобно было уговорить митрополита; къ нему отправился Терлецкій, и Рагоза далъ ему слѣдующія статьи для представленія коронному гетману Замойскому: «Въ слѣдствіе несогласія между самими нашими старшими, патріархами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами я хочу признать первенство святѣйшаго папы Римскаго, сохранивши въ цѣлости всѣ обычаи и обряды церкви нашей Восточной. Просить пана гетмана, чтобъ король обезпечилъ насъ своею грамотою, дабы я, митрополитъ, на митрополіи своей во всякой чести и уваженіи до смерти своей въ покоѣ жилъ; дабы

а имѣлъ мѣсто въ радѣ и всѣ права наравнѣ съ духовными Римскими. Если будутъ принесены на насъ какія-нибудь грамоты неблагословенныя отъ патріарховъ, то не должны имѣть никакого значенія. Чтобъ монахи изъ Греціи больше въ панствѣ королевской милости не бывали и въ непріятельскую землю Московскую не пропускались. Чтобъ перехожихъ людей съ грамотами къ намъ отъ патріарховъ не пускали, потому что мы ихъ считаемъ шпіонами». Написали и наказъ, что долженъ былъ говорить королю уполномоченный отъ епископовъ посланникъ: «Видя въ старшихъ нашихъ, патріархахъ, великія нестроенія и нерадѣніе о церкви Божіей и законѣ святомъ, видя ихъ неволю, видя, что вмѣсто четырехъ патріарховъ сдѣлалось восемь, видя, какъ они тамъ живутъ на своихъ патріаршествахъ, какъ одинъ подъ другимъ подкупается, какъ церкви соборныя утратили, и сюда къ намъ пріѣзжая, никакихъ диспутацій съ иновѣрными не чинятъ, только поборы съ насъ берутъ, и, набравши откуда ни попало денегъ, одинъ подъ другимъ тамъ въ землѣ поганской подкупаются—видя все это, мы, епископы, не желая долѣе оставаться въ такомъ безнарядьѣ и подъ такимъ ихъ пастырствомъ, единодушно согласившись (подъ вѣрнымъ ручательствомъ, если его королевская милость захочетъ хвалу Божію подъ единымъ пастырствомъ расширить и дать намъ съ нашими епископіями, церквами, монастырями и всѣмъ духовенствомъ такія же вольности, какими пользуются духовные Римскіе), хотимъ приступить къ соединенію вѣры и пастыря единаго, главнаго, которому самимъ Искупителемъ мы ввѣрены, святѣйшаго папу Римскаго пастыремъ своимъ признать; только просимъ, чтобъ господарь обезпечилъ насъ своею грамотою и утвердилъ навѣки нижеписанные артикулы: 1) Чтобъ церкви главныя, епископіи наши остались навѣки нерушимо въ своихъ набоженствахъ и церемоніяхъ. 2) Владычество и церкви Русскія, монастыри, имущества, пожалованія и все духовенство должны оставаться навѣки въ цѣлости, по стародавнему обычаю, подъ властію, благо-

словеніемъ и жалованіемъ епископскимъ, во всякомъ послущаніи обычномъ. 3) Всѣ дѣла церковныя, служба Божія, церемоніи и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтобъ былъ намъ на сеймѣ почетъ и мѣсто въ радѣ, дабы, находясь подъ благословеніемъ святѣйшаго пастыря Римскаго, мы тѣшились и веселились. 5) Чтобъ проклятіе патріарховъ намъ не вредило. 6) Чтобъ монахи изъ Греціи, которые пріѣзжаютъ сюда грабить насъ и которыхъ мы признаемъ шпіонами, никакой власти больше надъ нами не имѣли. 7) Чтобъ уничтожены были всѣ привилегіи, данныя партіархами братствамъ и другія, ибо чрезъ нихъ размножились разныя секты и ереси. 8) Каждый новый епископъ посвящается митрополитомъ Кіевскимъ, а митрополита посвящаютъ всѣ епископы, съ благословенія папы Римскаго и безъ всякой платы. 9) Чтобъ всѣ эти артикулы королевская милость подтвердилъ намъ своими грамотами, одною на Латинскомъ, а другою на Русскомъ языкѣ. 10) Чтобъ и святѣйшій папа также подтвердилъ эти артикулы. Собственноручно подписались: Ипатій Владимірскій, Кириллъ Луцкій, Михаилъ Перемышльскій, Гедеонъ Львовскій, Діонисій Холмской». Но Терлецкій хитрилъ, скрывался отъ Потѣя, съ которымъ соперничалъ, хотѣлъ одинъ заправлять всѣмъ дѣломъ, и потому, когда съѣхался съ Потѣемъ въ Торчинѣ у католическаго Луцкаго епископа Бернарда Мацѣевскаго, то не сказалъ, что открылъ все дѣло митрополиту и получилъ отъ него статьи къ Замойскому. Въ слѣдствіе этого Потѣй въ Генварѣ 1595 года написалъ Рагозѣ: «Знайте, что уже всѣ епископы сговорились приступить къ соединенію съ панами Римлянами, и думаемъ, что это уже извѣстно и кому-нибудь набольшему. Когда я объ этомъ имѣлъ разговоръ съ княземъ-бискупомъ Луцкимъ, то онъ просилъ меня и владыку Луцкаго (Кирилла Терлецкаго), чтобъ мы привели къ тому вашу милость, какъ старшаго, указывая отъ того немалыя выгоды для церкви Божіей. Я говорилъ съ княземъ о великихъ обидахъ, которыя мы терпимъ не только отъ нихъ, католиковъ,

но и отъ своихъ; говорилъ, что нѣтъ въ насъ согласія, старшаго своего митрополита ни за-что почитаемъ, противъ него бунтуемъ, на грамоты и проклятія его не обращаемъ вниманія, и прямо старшаго надъ собою имѣть не хотимъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Знаю я все это, но отъ чего же это такъ дѣлается? Отъ того, что порядка между вами нѣтъ, а ваши патріархи объ этомъ не заботятся; только за тѣмъ сюда пріѣзжаютъ, чтобъ васъ грабить и несогласіе между вами сѣять, грамоты на грамоты выдавая; но когда въ уніи будете, тогда все иначе пойдетъ: старшій будетъ имѣть высшее значеніе, всѣ его слушать и бояться должны будутъ». Говорилось дальше о томъ, чтобъ приступить къ уніи безъ насилія совѣсти и вѣрѣ нашей; не позабыли поговорить и о мѣстѣ въ радѣ, и на все получили удовлетворительный отвѣтъ и обѣщаніе помогать. Говорилось и о томъ, что ваша милость хотя бы и хотѣлъ привести дѣла въ порядокъ, но средствъ не имѣетъ по причинѣ объдненія старшей епархіи Кіевской; князь-бискупъ отвѣчалъ: «Это послѣднее дѣло; будемъ хлопотать, чтобъ столъ митрополичій, для пріобрѣтенія подобающаго ему значенія, получилъ хорошее содержаніе», и указалъ самъ на монастырь Печерскій: «Пристойнѣе» сказалъ онъ: «управлять имъ митрополиту Кіевскому, чѣмъ тамошнимъ пьяницамъ монахамъ». Онъ требовалъ, чтобъ мы ѣхали къ вашей милости и обо всемъ съ вами договорились. «А когда вы согласитесь» сказалъ онъ: «то отъ самого папы будутъ къ вамъ послы съ приглашеніемъ къ уніи, и сѵнодъ отъ короля будетъ назначенъ; тамъ, на этомъ сѵнодѣ, будемъ съ вами трактовать, чтобъ прежде всего уладить то, въ чемъ не сходимся; также обезпечимъ васъ въ томъ, что вы сохранить желаете, какъ относительно вѣры, такъ и церемоній вашихъ». Съ тѣмъ мы и разстались, что обѣщались ѣхать къ вашей милости, и потому прошу: сдѣлайте милость, дайте знать, гдѣ васъ можемъ найти... На патріарха никто не хочетъ обращать вниманіе; а намъ головою стѣны не пробить, когда отъ нихъ никакой помощи не имѣемъ. Ради

Бога, не презирай этимъ дѣломъ, прикажи намъ къ себѣ пріѣхать и переговорить. Богъ знаетъ и сами видимъ, что съ нами дѣлается, видимъ, что наши старшіе не только намъ, но и себѣ помочь не могутъ; только тутъ на ссоры присылаютъ, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нѣтъ. Видѣлъ я у Луцкаго владыки грамоту канцлера короннаго, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вашею милостью видѣться; въ грамотѣ говорится, чтобъ и онъ, владыка Луцкій, также ѣхалъ къ королю; но онъ обѣщалъ мнѣ не ѣздить, прежде чѣмъ съ вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывай, потому что я ввѣряюсь вашей милости, какъ старшему пастырю».

Но Рагоза, какъ человѣкъ безхарактерный, рѣшился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни съ тѣми, ни съ другими, выжидать, откладывать рѣшеніе до послѣдней крайности. Кромѣ приманокъ, выставленныхъ Потѣемъ, усиленія власти, умноженія доходовъ, выгодна была унія для Рагозы, неладившаго съ патріархомъ, который, какъ говорятъ, еще недавно подвергнулъ его временному запрещенію; страшно было не приступить къ уніи, желаемой, поддерживаемой королемъ: не проститъ ему правительство нерасположенія или равнодушія къ ней. Но, съ другой стороны, затѣвали унію одни епископы безъ совѣта съ мірянами, съ Острожскимъ, Скуминымъ и остальною знатью, съ братствами, а Михаилъ былъ избранникомъ мірянъ. Получивши письмо Потѣя, онъ написалъ Скумину (20 Января 1595): «Милостивый панъ! Стараясь давать знать вашей милости, какъ столпу церкви нашей, обо всѣхъ новостяхъ, касающихся церкви и меня, извѣщаю о новой новости, предками нашими и вашею милостію неслыханной; посылаю и копію съ письма, присланнаго ко мнѣ отцами епископами о предпріятіи ихъ приступить къ уніи, чтобъ вы сами изъ него увидали, въ чемъ дѣло, и прислали мнѣ поскорѣе свое мнѣніе; я же самъ собою до этого дѣла и не думаю приступать, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но

въ то время, какъ митрополитъ хитрилъ, Терлецкій хитрилъ и Потѣй еще хлопоталъ о тайнѣ, рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ во Львовѣ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ, положеніе котораго, какъ мы видѣли, было тяжелѣе всѣхъ. Онъ созвалъ у себя соборъ изъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и бѣлаго духовенства, которые объявили (28 Января 1595 г.), что, по примѣру верховнѣйшихъ пастырей Русскихъ, признаютъ церковь Римскую правдивою и власть надъ всею вселенной имѣющею и присягаютъ не отступать отъ святѣйшихъ первопрестольниковъ Римскихъ, проклинаютъ тѣхъ, кто отступитъ, и усердно просятъ митрополита и епископовъ кончить безъ отлагательствъ такое спасительное дѣло. Дѣло грозило пойти въ разбродъ: Балабанъ дѣйствовалъ самъ по себѣ; Терлецкій дѣйствовалъ также самъ по себѣ; митрополитъ проводилъ Потѣя: назначилъ ему свиданіе въ Новогрудкѣ, но, не подождавши его здѣсь, уѣхалъ въ Слуцкъ. Потѣй рѣшился написать ему въ другой разъ (11 Февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мнѣ никакого отвѣта; теперь и самъ не знаю, что дальше будетъ? а не надобно было вашей милости пренебрегать дѣломъ. Ради Бога прошу, дай мнѣ знать вѣрно о своемъ намѣреніи, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпѣть готовъ и ни въ чемъ отъ вашей милости не отступлю. Тамъ вашей милости легче между своими, а мы тутъ въ зубахъ: захотятъ кого съѣсть — и съѣдатъ. Не знаю, писалъ ли я въ первомъ листѣ къ вашей милости, что видѣлъ у Луцкаго владыки грамоту канцлера коронпаго, въ которой пишетъ, кто король желаетъ съ вами видѣться. Если поѣдешь къ королю, то заѣзжай ко мнѣ: очень нужно! Когда я спрашивалъ отца владыку Луцкаго, зачѣмъ онъ ѣдетъ къ королю? тотъ отвѣчалъ подъ присягою: «Не знаю, зачѣмъ меня требуютъ, потому что у меня нѣтъ тамъ никакого дѣла, ни своего, ни чужаго». А теперь, безъ меня, должно-быть въ слѣдствіе другой грамоты, былъ у канцлера и въ Краковъ поѣхалъ. Богъ знаетъ, что это такое? Одно знаю, что при дворѣ го-

ворятъ обо мнѣ такъ: «на кого мы надѣялись, тотъ хуже всѣхъ». Оттого королевскихъ и канцлеровыхъ грамотъ ко мнѣ нѣтъ, и сеймиковыхъ грамотъ не послано, а у Луцкаго все есть. Ради Бога похлопочи, чтобъ намъ въ послѣднихъ не остаться. А съ Востока понапрасну чего намъ надѣяться? Изъ новостей, которыя я къ вашей милости посылаю, увидишь, что съ нашими тамъ дѣлается. Если теперь нельзя намъ съ тобою видѣться, то ради Бога постарайся разослать пригласительныя грамоты къ собору на Ивановъ день (24 Іюня), потому что теперь особенно нужно намъ съѣхаться всѣмъ; ради Бога прошу, отвѣчай мнѣ обо всемъ на письмѣ; не бойся: напишешь ко мнѣ—это все равно, какъ еслибы камень въ море бросилъ; я дамъ тебѣ знать, какія новости будутъ въ Польшѣ». Дѣйствительно, Терлецкій опередилъ всѣхъ: онъ съѣздилъ къ королю и привезъ отъ него къ Потѣю слѣдующую грамоту (отъ 18 Февраля): «Узнали мы сильное желаніе и добрую мысль вашу къ соединенію церкви Божіей Греческой съ вселенскою Римскою, какъ издавна подъ властію одного пастыря, святѣйшаго папы Римскаго бывало. Это желаніе и намѣреніе ваше не только хвалимъ, но и съ благодарностію принимаемъ, усматривая, что это дѣло Духа Святаго и отъ Бога начало свое беретъ, Который, какъ Самъ въ Троицѣ единый, такъ и церковь свою святую и вѣру христіанскую въ единствѣ и согласіи имѣть хочетъ, и одного пастыря въ ней поставилъ, которому не только овечекъ своихъ, то-есть простой народъ, но и барашковъ, то-есть всѣхъ духовныхъ, епископовъ, пресвитеровъ, дьяконовъ и всѣхъ другихъ слугъ церковныхъ пасти поручилъ. Желаемъ и напоминаемъ, чтобъ вы приводили къ концу это предпріятіе свое доброе и блаженное. Господь Богъ Вседержитель, отъ Котораго исходитъ всякое благо, будетъ въ помощь и стократную мзду готовитъ вамъ за это въ царствѣ своемъ небесномъ. А мы, принявши васъ въ оборону нашу королевскую, всегда къ вамъ ласковымъ и милостивымъ паномъ быть хотимъ, и святѣйшему папѣ Римскому

особенно стараніе ваше засвидѣтельствуемъ; только медлить съ этимъ дѣломъ не годится: надобно какъ можно скорѣе къ концу его приводить, о чемъ пространнѣе говорить съ вами поручили мы епископу Луцкому, которому во всемъ вѣрьте». Терлецкій дѣйствовалъ свободно, не связываясь никакими отношеніями: вражда съ княземъ Острожскимъ порвала связь его съ могущественными міранами, столпами церкви. Въ иномъ положеніи находились Потѣй и Рагоза, которые должны были вести переписку съ этими вельможами, защищать предъ ними свое поведеніе, скрывать истину. Князь Острожскій писалъ Потѣю, что Терлецкій былъ въ Краковѣ и дѣйствовалъ тамъ отъ имени епископовъ, согласившихся на унію. Потѣй отвѣчалъ (17 Марта): «Я узналъ о томъ, что отецъ владыка Луцкій былъ въ Краковѣ, но не слыхалъ я — свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ — чтобъ онъ ѣздилъ отъ кого-нибудь въ посольствѣ, и не думаю, чтобъ онъ ѣздилъ отъ кого-нибудь съ какимъ-нибудь посольствомъ; а постановлять что-нибудь между собою — намъ и не снилось. Развѣ мы того не видимъ, что хотя бы мы всѣ епископы согласились на унію, а все христіанство не позволило, то это былъ бы только тщетный трудъ и безчестье намъ у овечекъ нашихъ; и не годилось бы намъ такое дѣло оканчивать или начинать тайно безъ собора и вѣдомости всей братьи нашей младшей, ровныхъ слугъ въ церкви Божіей, и прочаго Христіанства, особенно вашихъ милостей, пановъ христіанскихъ». Но Острожскій прислалъ второе письмо въ такомъ тонѣ, что нельзя было болѣе скрываться, причемъ упрекалъ Потѣя въ нерадѣніи о порядкѣ церковномъ, указывая на протестантовъ, какъ на образецъ въ этомъ дѣлѣ. Потѣй разсердился и отвѣчалъ (25 Марта): «Не отвѣчая ничего на широкое писаніе вашей милости, покорно благодарю за предостереженіе. Считаю унію полезною не для своей корысти и возвышенія, а для умноженія хвалы Божіей, и не такую разумѣю унію, чтобъ намъ нужно было передѣлаться совсѣмъ въ иной образъ, но такую, при которой бы мы оставались

въ цѣлости, только исправимъ то, въ чемъ нѣтъ истины, а держимся по одному упрямству. Далъ бы Господь Богъ, чтобъ и всѣ тѣ жили согласно, которые больше нашего значатъ. Но видя, что̀ дѣлается, всю надежду теряемъ: ибо тѣ (патріархи), хотя бы и рады, не могутъ; а мы можемъ, но не хотимъ, и только Бога обманываемъ, молясь о соединеніи вѣры. Не дивись же, что рѣки исчезли, когда источники высохли; не дивись, что ни у нихъ, ни у насъ не только науки, но и порядка нѣтъ. Припоминаешь ты мнѣ соборы Брестскіе, что на нихъ постановлено о школахъ, типографіяхъ и другихъ дѣлахъ, церкви Божіей потребныхъ, и ничего не исполнено; отвѣчаю: хотя все это постановлено и не въ мое архіерейство, однако никому не далъ бы я упредить себя въ такомъ добромъ и благочестивомъ дѣлѣ; не пожалѣлъ бы и остальнаго убогаго своего имѣнія, въ которомъ я уже не малый ущербъ дѣтямъ своимъ сдѣлалъ, продавши два имѣнія; не пожалѣлъ бы я ничего, лишь бы шло добрымъ людямъ, а не такимъ вѣтреникамъ, которые только за доходами бѣгаютъ; какъ теперь въ Брестѣ, школу разорили сами профессора, которые убѣжали въ Вильну на сытные пироги, а тутъ все покинули безъ всякой важной причины, къ безчестью и сожалѣнію убогаго Христіанства, на поруганіе отъ противниковъ нашихъ. Самъ знаешь, какъ это все трудно устроить и вамъ панамъ великимъ, а куда уже намъ калѣкамъ, среди волковъ живущимъ! И церемоніи церковныя запрещаютъ порядочнымъ образомъ отправлять; много могъ бы писать вашей милости, что дѣлается въ моей епископіи Брестской, какое притѣсненіе терпятъ христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Еще бы человѣкъ тѣмъ утѣшался, что крестъ этотъ терпѣливо сносятъ, а то отпадаютъ не по одному, толпами, видя нашу слабость, и Богъ вѣдаетъ, съ кѣмъ останемся. Что касается новостей Краковскихъ, то, на мой взглядъ, онѣ невѣрны; а еслибы даже и вѣрны были, то не примѣшивайте сюда меня, ибо не только о кардинальствѣ или митрополіи не думаю, но часто плачусь на

себя и за то, что епископомъ сдѣлался, плачусь и на того (на князя Острожскаго), кто меня уговорилъ къ этому, особенно видя, что на свѣтѣ дѣлается. О бланкетахъ ни о какихъ не вѣдаю, никому ихъ ни на что не давалъ. Но и я кой-что знаю и вѣрнѣйшее, и еслибъ можно было повѣрить бумагѣ, то указалъ бы вашей милости, что Краковскія новости невѣрны. Если кто самъ себя за святаго выдаетъ, а насъ порочитъ, то нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явно. Знаю о себѣ только то, что я ничего не начиналъ; но если всѣ пойдутъ за чѣмъ-нибудь добрымъ безъ вреда совѣсти, то я бы не хотѣлъ позади оставаться. А что мнѣ изволишь указывать на порядокъ иновѣрцевъ, то пусть онъ будетъ наилучшій, но если не на правомъ основаніи, то все сбромъ будетъ: и школы ихъ, и типографіи, и множество проповѣдниковъ. Отъ плодовъ ихъ познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Какъ самъ я ихъ не жалую, такъ и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться съ правдивыми хвалителями Бога, въ Троицѣ Единаго, нежели съ явными непріятелями Сына Божія».

Сильнѣе протестовалъ противъ всякаго участія своего въ уніи Рагоза, который въ Мартѣ 1595 года послалъ князю Острожскому любопытное извѣстіе о невинности Гедеона Балабана: «Въ то время, какъ я обращалъ все вниманіе на обнаженіе этого скрытнаго фальша, случилось очень кстати, что въ монастырѣ Слуцкомъ нашелъ я владыку Львовскаго, отъ котораго, думаю, не встанетъ этотъ пожаръ, вредный церкви нашей Восточной и всѣму православному народу. Онъ ничего не знаетъ о предпріятіи другихъ епископовъ, совершенно противенъ ихъ злому умыслу, присягу въ томъ на Евангелія далъ и обѣщалъ сторожить, что будетъ дѣлаться въ этомъ отношеніи въ Польшѣ, и обо всемъ давать знать мнѣ и вашей княжой милости. Въ слѣдствіе этого счелъ я нужнымъ уничтожить опредѣленіе духовнаго суда, противъ него выданное. Особенно вашей княжой милости, какъ православному оку церковному, всякимъ способомъ надлежитъ

вывѣдывать объ уніи; остерегайтесь также этого змѣя райскаго и лисицы хитрой, о которомъ я вамъ говорилъ (Терлецкаго).» Но иное, какъ видно, о Балабанѣ писалъ Михаилъ къ другому столпу церкви, Скумину, который отвѣчалъ ему 10 Мая: «Утѣшило меня ваше письмо, извѣстившее меня о вашемъ добромъ здоровьѣ; но опечалило то, что вы пишете о дѣлахъ церковныхъ. И слѣпой видѣть можетъ, что всему причиною несогласіе братское съ владыкою Львовскимъ. Пусть справедливый Судія крови и душъ неповинныхъ взыщетъ на тѣхъ, кто тому причиною. По совѣсти, главнымъ виновникомъ можемъ признать патріарха нашего Константинопольскаго, который такую смуту грамотами своими сюда внесъ, потому что владыка Львовскій, будучи въ крайнемъ томленіи отъ братства, не только долженъ былъ броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевнаго радъ былъ бы на помощь взять. Если это сдѣлалось по волѣ Божіей, то будетъ продолжаться; если же нѣтъ, то скоро отмѣниться. Объ этомъ я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь съ этимъ дѣлать и какъ дѣлу помочь — ваша милость спрашиваете моего совѣта; но Богъ сердцевидѣцъ знаетъ, что въ этомъ дѣлѣ совѣта никакого дать не могу; боюсь одного, чтобъ наше сопротивленіе не было тщетнымъ. Причинъ тому вижу много, но бумагѣ повѣрять не хочу. Желалъ бы я очень съ вашею милостію видѣться и поговорить».

Скуминъ отказывалъ въ совѣтѣ, а Терлецкій и Потѣй дѣйствовали въ Краковѣ у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что онъ хотѣлъ продать свою церковь папѣ, и, возвратившись въ Литву, потребовали свиданія у митрополита, который и назначилъ это свиданіе въ Кобринѣ 18 Мая, но обманулъ опять. Тогда Потѣй и Терлецкій написали ему слѣдующее письмо (20 Мая): «Исполняя волю и письменный приказъ вашей милости, какъ старшаго нашего, пріѣхали мы въ Кобринъ въ пятое воскресенье по Пасхѣ; но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого отъ васъ,

не зная причины, почему ваша милость не изволилъ пріѣхать, должны были мы разъѣхаться. Теперь мы посылаемъ къ вашей милости и въ письмѣ своемъ не благодаримъ васъ за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кѣмъ набольшимъ, который знаетъ объ этомъ нашемъ съѣздѣ. Вспомните, съ чѣмъ вы насъ отправили, и какъ тамъ благодарно было принято, ибо все, чего хотѣлъ, въ рукахъ своихъ имѣешь: привилегія, грамоты, банницію на Печерскаго архимандрита Никифора Тура. Удивительно намъ, что вы, сами объ этомъ просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вамъ предложенною. Еслибы мы знали, гдѣ вы находитесь, то сами поѣхали бы къ вамъ, но мы не знали, куда намъ къ вамъ ѣхать, а потому просимъ, бросивши все, пріѣхать какъ можно скорѣе къ намъ въ Брестъ, какъ для своихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства, такъ и для общихъ; если же не пріѣдешь, то насъ погубишь, да и самъ не воскреснешь, потому что это не съ своимъ братомъ шутить».

Но митрополитъ не поѣхалъ, взялъ себѣ шестинедѣльный срокъ и опять написалъ Скумину (14 Іюня): «Послалъ я къ вамъ слугу своего Григорья со всѣми дѣлами, о которыхъ я получилъ теперь вѣрныя извѣстія, то-есть что епископы Луцкій, Львовскій, Перемышльскій, Холмскій, Пинскій согласились на унію церковную, на послушаніе папѣ и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имѣютъ; и владыка Владимірскій также согласенъ на это. Грамоту королевскую, грамоту, въ которой епископы выразили свое согласіе на унію, и условія ихъ я послалъ къ вашей милости. Звали и меня для этого на дняхъ въ Брестъ и грамота королевская ко мнѣ была; но я безъ воли и совѣта вашей милости и собратьи моей и позволенія общаго на это дѣло не рѣшился, но взялъ себѣ на размышленіе шесть недѣль, и, давши знать объ этомъ вамъ и пану воеводѣ Кіевскому (князю Острожскому), обѣщалъ дать имъ отвѣтъ. Еслибъ я согласился на унію, то король обѣщаетъ

за это большую ласку, за несогласіе же немилость и притѣсненіе всему Христіанству; надобно будетъ оставить митрополію; новый митрополитъ уже готовъ — Терлецкій. Хотѣлъ бы я при всякихъ вольностяхъ матку нашу церковь оставить, а не подъ ярмомъ какимъ-нибудь, только условія должны быть обезпечены грамотами». Скуминъ прислалъ страшный отвѣтъ—страшный не угрозами, не жесткими словами, страшный какъ безхитростный отвѣтъ скромнаго, честнаго человѣка, неимѣющаго стремленій выставляться на первый планъ: «Изволили вы меня увѣдомить о томъ, что началось отъ владыкъ, въ коронѣ Польской епископіи свои имѣющихъ, а началось то, пишете вы, безъ вашего соизволенія. Но я получилъ извѣстіе отъ двора королевскаго, что послѣ сейма Краковскаго были у короля послы отъ всего нашего духовенства и показали королю письменное позволеніе вашей милости и и грамоты вѣрящія. Теперь вы у меня спрашиваете совѣта, что̀ тутъ дѣлать? но трудно совѣтовать о томъ, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совѣтъ мой тутъ былъ бы напрасенъ, на смѣхъ. Надобно было бы, по правдѣ, прежде всего знать объ этомъ людямъ нашего благовѣрія, и безъ вѣдома всѣхъ къ такимъ великимъ и новымъ дѣламъ не приступать: вотъ почему я теперь совѣта моего вашей милости давать не могу, да и одинъ въ такомъ великомъ дѣлѣ не съумѣю дать совѣта; придется мнѣ, овцѣ стада Христова пастырства вашей милости, идти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда насъ ведете, и за насъ отчетъ давать будете».

Сильнѣе Скумина высказывалъ гнѣвъ свой на епископовъ князь Острожскій, къ которому Потѣй долженъ былъ писать умилостивительное письмо (отъ 16 Іюня): «Если я такъ долго вашей милости ничего не писалъ, то причина тому одна та, что никакихъ вѣрныхъ извѣстій еще у себя не имѣлъ, хотя въ это время люди разсѣяли о насъ невѣрные слухи, будто мы уже къ Римской вѣрѣ во всемъ пристали, мшу служить и опрѣсноки употреблять согласились. Правда-ли все это, самъ

ты, какъ панъ мудрый и богобоязливый, разсудить можешь. Ибо если частному человѣку, который только объ одной своей душѣ печется, надобно хорошенько подумать, какъ бы душѣ своей вреда не причинить, то еще больше тѣмъ, которымъ не только свои, но и другихъ людей души отъ Бога поручены, надобно стараться, чтобъ не сдѣлать чего-нибудь противнаго совѣсти своей и людской. Итакъ не извольте всему вѣрить, хотя я и знаю, что не мало слуховъ невѣрныхъ до вашихъ благочестивыхъ ушей о нѣкоторыхъ изъ насъ доносятъ, будто мы постановляемъ что-то противное вѣрѣ и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злаго, но и добраго, однако мы такъ несчастны, что насъ за отщепенцевъ и еретиковъ выдаютъ и не допускаютъ заботиться и думать о церкви Божіей и ея покоѣ, смотрятъ подозрительно на съѣзды наши и другія дѣла, церкви нужныя. Удивительное дѣло! Всѣмъ еретикамъ всякихъ сектъ вольно съѣзжаться, порядокъ въ соборищахъ своихъ установлять, наконецъ не только противъ вѣры христіанской, но и противъ религіи Божіей и превѣчной хвалы Единороднаго Сына Божія сочиненія выдавать и людей христіанскихъ отъ старой вѣры и хвалы Божіей къ своимъ проклятымъ ересямъ обращать; а намъ, горькимъ епископамъ, которые неразрывное преемство имѣютъ отъ Христа и апостоловъ, нельзя о церкви Божіей промышлять и совѣтоваться, чтобъ не только намъ самимъ можно было церкви свои и вѣру православную въ цѣлости удержать, но и потомкамъ нашимъ что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имѣя еще благочестивыхъ господарей и пановъ, патроновъ вѣры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное свѣтило религіи нашей безъ всякой лести признавать должны. Но гдѣ бы ваша милость, какъ панъ и защитникъ нашъ милостивый, долженъ былъ намъ помогать и побуждать ко всему доброму, тутъ, какъ слышно, немилостиво и неласково насъ вспоминаешь. Но если, отложивши гнѣвъ, внимательно разсмотришь дѣло, то думаю, что и самъ намъ бу-

дешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письмѣ подылаю, причемъ и самъ охотно былъ бы, чтобъ вашей милости объяснить, для чего это дѣлаемъ, помня увѣщанье вашей милости, присланное мнѣ въ Брестъ, чтобъ мы старались о соединеніи съ Римскою церковію, и чтобъ это соединеніе было безъ нарушенія вѣры и религіи нашей. Дай Богъ, чтобъ ваша милость и теперь, сохраняя то же желаніе, помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Униженно и слезно прошу: не увлекайся гнѣвомъ, но спокойнымъ и умиленнымъ смысломъ прочитай условія уніи: увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ календаря; но календарь не есть догматъ вѣры, а только церемонія, которую безъ нарушенія совѣсти церковь Божія можетъ отмѣнить».

Въ отвѣтъ на это князь Константинъ 24 Іюня выдалъ грозное для епископовъ окружное всѣмъ православнымъ посланіе: «Отъ преименитыхъ благочестивыхъ родителей съ молоду воспитанъ я былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь, Божіею помощію укрѣпляемъ, пребываю; извѣстился я Божіею благодатію и увѣрился въ томъ, что кромѣ единной истинной вѣры, въ Іерусалимѣ насажденной, нѣтъ другой вѣры. Но теперь злохитрыми кознями вселукаваго дьявола самые главные истинной вѣры нашей начальники, славою свѣта сего прельстившись и тьмою сластолюбія помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополитъ съ епископами, въ волковъ претворились, святой Восточной церкви отвергшиесь, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселенскихъ отступили, къ Западнымъ приложились, только еще кожею лицемѣрія своего, какъ овчиною, закрывая въ себѣ внутренняго волка, не открываются, тайно согласившись другъ съ другомъ окаянные, какъ Христопродавецъ Іуда съ жидами, умыслили всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель вринуть, какъ самыя пагубныя и скрытыя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ вконецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость въ любви христіанской и повинности

своей пребудете. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Такъ какъ многіе изъ обывателей здѣшней области, святой Восточной церкви послушники, меня начальникомъ православія въ здѣшнемъ краю считаютъ, хотя самъ себя считаю я не бо̀льшимъ, но равнымъ каждому, въ правовѣріи стоящему, то, изъ боязни, чтобъ не взять на себя вины предъ Богомъ и предъ вами, даю знать вашимъ милостямъ о предателяхъ церкви Христовой и хочу съ вами за одно стоять, чтобъ съ помощію Божіею и вашимъ стараніемъ они сами впали въ тѣ сѣти, которыя на насъ готовили. Что̀ можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе ихъ дѣла? Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились, пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, которыми поставлены, отверглись, и считая насъ всѣхъ правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣлились отъ истины отрывать и за собою въ пагубу низвергать! Какая намъ отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобъ быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если Татары, Жиды, Армяне и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру ненарушимо, то не съ бо̀льшимъ ли правомъ должны сохранить свою вѣру мы, истинные христіане, если только всѣ будемъ въ соединеніи и за одно стоять будемъ? А я, какъ до сихъ поръ служилъ Восточной церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ въ размноженіи священныхъ книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца всѣми моими силами на пользу братій моихъ служить обѣщаю».

Острожскій дѣйствовалъ не одними посланіями: скоро отъ епископовъ-уніатовъ отдѣлился одинъ, тотъ самый, который прежде всѣхъ началъ думать объ уніи — Гедеонъ Балабанъ Львовскій. Современники, какъ мы видѣли изъ письма Скумина, смотрѣли на Гедеона, какъ на человѣка, доведеннаго до крайности борьбою съ братствомъ, готоваго заключить союзъ съ врагомъ, лишь бы только выйти изъ своего тяже-

лаго положенія. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дѣло уніи, ибо онъ не былъ такъ связанъ съ нимъ, какъ были связаны Терлецкій и Потѣй Краковскими поѣздками и обязательствами предъ королемъ. Еще въ началѣ Іюня онъ пріѣзжалъ къ князю Острожскому съ просьбою помирить его съ братствомъ; князь обѣщалъ, а съ Гедеона взялъ обѣщаніе склонить на свою сторону Михаила Перемышльскаго, и открыто дѣйствовать противъ уніи. 1-го Іюля князь Острожскій былъ во Владпмірѣ; въ его присутствіи и въ присутствіи другихъ знатныхъ лицъ Балабанъ явился въ урядъ гродскій и объявилъ, что на двухъ съѣздахъ онъ, вмѣстѣ съ другими епископами, далъ Кириллу Терлецкому четыре бланковыхъ листа съ своими печатями и подписями для того, чтобъ написать на нихъ къ королю и сенаторамъ жалобы на притѣсненія, претерпѣваемыя Русскою церковію. Но теперь дошла до него, Балабана, вѣсть, что владыка Луцкій написалъ на бланкетахъ что-то другое, написалъ какое-то постановленіе, противное религіи, правамъ и вольностямъ Русскихъ людей. Въ слѣдствіе чего, онъ, Балабанъ, протестуетъ противъ всякаго такого постановленія, потому что оно составлено въ противность правиламъ и обычаямъ православной вѣры, правамъ и вольностямъ Русскаго народа, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, безъ духовнаго собора, и также безъ воли свѣтскихъ чиновъ, какъ знатныхъ старинныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ епископы ничего дѣлать и рѣшать не могутъ. Князь Острожскій немедленно написалъ Львовскому братству увѣщаніе примириться съ Гедеономъ, а Кириллъ Терлецкій немедленно подалъ жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана въ клеветѣ; Львовскій епископъ былъ потребованъ къ королю на судъ, а между тѣмъ школьный учитель Стефанъ Зизаній, перешедшій изъ Львова въ Вильну, волновалъ православныхъ этого города извѣстіями объ уніи, поднималъ ихъ противъ епископовъ-предателей. «Великую войну велъ съ Римлянами Зизаній» гово-

ритъ лѣтописецъ: «не только на ратушахъ и при рынкѣ по дорогамъ, но и посрединѣ церкви святой»[1]. Митрополитъ, отвергая слухи о своемъ участіи въ дѣлѣ уніи, писалъ (16 Іюля) Виленскимъ священникамъ, чтобъ они, и особенно Зизаній, не смѣли разсѣвать подобныхъ слуховъ между христіанами. Но православные жители Вильны требовали выхода изъ этого смутнаго положенія, и единственный выходъ, по ихъ мнѣнію, былъ соборъ; вмѣстѣ съ Скуминымъ, они послали просить князя Острожскаго, чтобъ выхлопоталъ у короля позволеніе на соборъ, на которомъ бы міряне съѣхались съ епископами. Такимъ-образомъ поступокъ епископовъ сговорившихся на унію, необходимо поднималъ вопросъ: могутъ ли одни епископы постановлять о дѣлахъ церковныхъ, или должны дѣлать это съ согласія мірянъ? — вопросъ первой важности во всей полемикѣ объ уніи. Православные, подозрѣвая епископовъ, должны были настаивать на право мірянъ участвовать въ дѣлахъ церковныхъ—право, которое было такъ рѣзко выставлено въ патріаршемъ постановленіи о братствахъ—должны были настаивать на созваніе собора и на право участвовать въ немъ мірянамъ; епископы же и католическое правительство, выставляя рѣзкое отдѣленіе овечекъ отъ барашковъ, какъ выражался король Сигизмундъ въ приведенной выше грамотѣ, должны были всѣми силами противиться собору, отъ котораго нельзя было ждать ничего добраго для уніи. Православные ждали на соборъ изъ Константинополя экзарха патріаршаго, протосинкелла Никифора; король предписалъ пограничнымъ старостамъ, чтобъ они не пропускали въ Литву пословъ патріаршихъ (28 Іюля), и въ тотъ же день написалъ къ князю Острожскому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу уніи, причемъ прямо высказался противъ собора: «Не считаемъ нужнымъ, чтобъ былъ для этого какой нибудь съѣздъ, о которомъ сами епископы ваши насъ просили, потому что дѣла, относящіяся къ душевному спасенію, подлежатъ власти ихъ пастырской, а мы должны повиноваться рѣшенію пастырей, которыхъ Духъ Господень далъ намъ въ

вожди. Притомъ же на этихъ съѣздахъ дѣло болѣе затрудняется, чѣмъ къ доброму концу приходитъ». Въ тотъ же день король послалъ похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, съ убѣжденіемъ, чтобъ онъ, не оглядываясь ни на что, не опасаясь никакихъ угрозъ ни отъ кого, стоялъ при своемъ предпріятіи и доводилъ его до конца. Вслѣдъ затѣмъ Сигизмундъ выдалъ грамоту, въ которой обезпечивалъ митрополита и всѣхъ епископовъ-уніатовъ отъ проклятій патріаршескихъ и утверждалъ за ними всѣ тѣ права, которыя имѣло и Латинское духовенство; о мѣстѣ въ радѣ обѣщалъ говорить на сеймѣ съ панами и чинами Рѣчи Посполитой; обѣщалъ выдать универсалы и мандаты противъ всѣхъ, кто будетъ противиться уніи; обѣщалъ, что въ имѣніяхъ королевскихъ монастырей и церквей Русскихъ не будутъ обращать въ костелы Латинскіе, но отказался обѣщать то же самое въ шляхетскихъ имѣніяхъ; утвердилъ, что братства должны быть въ послушаніи у митрополита и другихъ епископовъ; давалъ право заводить школы Греческаго и Славянскаго языка, устроивать типографіи, но съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ не печатать ничего противнаго Римской церкви.

Сильное сопротивленіе уніи, обнаружившееся между Русскими, заставляло правительство торопить Потѣя и Терлецкаго, чтобъ ѣхали въ Римъ бить челомъ папѣ о припятіи подъ свою власть Русской церкви. Потѣй отъ 23 Августа писалъ князю Острожскому: «Не дождавшись никакого приказа отъ вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествія нашего въ Римъ, приближается. Какъ избавиться отъ этого путешествія—не знаю; одна надежда на вашу милость, что вы письмомъ своимъ удержите короля, и онъ велитъ намъ ѣхать уже послѣ собора». Еще сильнѣе вооружался противъ этого путешествія Рагоза, который, вопреки королевской грамотѣ, продолжалъ бояться и оглядываться въ разныя стороны. 19 Августа онъ писалъ Скумину, попрежнему отрицаясь отъ намѣренія поддаться Римской церкви:

«Трудно мнѣ было бы сдѣлать это на старости лѣтъ: надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умѣлъ бы я съ капланами Римскими у одного алтаря служить. Кто объ этомъ старается, тотъ пусть добываетъ себѣ и мѣсто въ радѣ и ласку королевскую. Я, грѣшный человѣкъ, хотѣлъ бы имѣть мѣсто съ сынами Зеведеовыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается новаго календаря, то была о немъ рѣчь между нами, потому что для людей ремесленныхъ очень тяжело слѣдовать старому; но мы не иначе хотимъ что-нибудь сдѣлать, какъ составивши соборъ со всѣми вашими милостями. Вѣдь одна ласточка весны сдѣлать не можетъ, такъ и я самъ собою начать ничего не могу. Слухъ до меня дошелъ, что отцы владыки Владимірскій и Луцкій, бывши у короля получили позволеніе ѣхать въ Римъ; я послалъ уговаривать ихъ, чтобъ они покинули это намѣреніе свое, изъ за котораго въ нашемъ народѣ христіанскомъ надобно ждать большаго волненія, а пожалуй и кровопролитія. Но своевольнаго мнѣ трудно удержать». 1-го Сентября митрополитъ выдалъ окружное посланіе духовенству и міранамъ, въ которомъ объявлялъ, что не мыслилъ и не хочетъ мыслить о попраніи своихъ правъ и вѣры, объ отступленіи отъ своего исповѣданія, о презрѣніи рукоположенія патріаршаго: « Стойте твердо при святой Восточной церкви, не позволяйте себѣ колебаться какъ тростинка вѣтромъ бурливымъ, а я обѣщаю при вашихъ милостяхъ до смерти своей стоять». А между-тѣмъ 24 Сентября король Сигизмундъ объявилъ всенародно о соединеніи церкви Восточной съ Западною, объявилъ, что пастыри Русской церкви и великое множество свѣтскихъ людей соединились съ Римскою церковію, выражалъ желаніе, чтобъ всѣ, отвергавшіе прежде унію, послѣдовали за своими пастырями, наконецъ объявилъ объ отправленіи Русскихъ епископовъ въ Римъ. Эти епископы, Терлецкій и Потѣй, выѣхали изъ Кракова въ концѣ Сентября и пріѣхали въ Римъ въ Ноябрѣ. На третій день они приняты были папою Климентомъ VIII въ частной

аудіенціи и подали письма от короля и нѣкоторыхъ сенаторовъ. «Папа—такъ писали они сами—принялъ насъ, какъ ласковый отецъ дѣтокъ своихъ, съ несказанною любовію и милостію. Мы живемъ недалеко отъ зàмка его святости, во дворцѣ, искусно украшенномъ обоями и снабженномъ всѣмъ нужнымъ. Съѣстные припасы отпускаются намъ, по милости папы, въ изобиліи; мы жили шесть недѣль въ Римѣ, но его святость все еще не хотѣлъ дать намъ торжественной аудіенціи, говоря: «Отдохните хорошенько послѣ дороги». Наконецъ, въ слѣдствіе нашихъ настоятельныхъ просьбъ, намъ назначена была аудіенція 23 Декабря, въ большой залѣ, называемой Константиновою, въ которой папа принимаетъ наивысшихъ духовныхъ особъ. Здѣсь его святость изволилъ засѣдать во всемъ своемъ святительскомъ маестатѣ, и при немъ весь сенатъ, кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидѣли послы Французскаго короля и другихъ государей; по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли высшіе сановники, сенаторы и великое множество пановъ духовныхъ, князей Римскихъ и шляхты. Когда мы были введены въ это собраніе, то, поцѣловавъ ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочелъ довольно внятно ксензъ Евстаѳій Воловичь, но никто не понималъ по-русски, исключая нашихъ пановъ Поляковъ и пановъ Литовскихъ, которыхъ здѣсь не мало. Мы имѣли на готовѣ переводъ на Латинскомъ языкѣ, и какъ только Воловичь прочиталъ грамоту по-русски, тотчасъ она была прочтена по-латыни. А по прочтеніи, его святость, чрезъ одного подкоморія своего, говорилъ къ намъ рѣчь весьма чудную, изъявляя благодарность за возсоединеніе наше и за пріѣздъ, и обѣщалъ намъ сохранить всѣ наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить ихъ на вѣки. Мы, сами отъ себя, отъ имени отца митрополита и всѣхъ епископовъ, прочитали обѣщаніе: я, епископъ Владимірскій, читалъ по-латыни, а я, епископъ Луцкій, по-русски. Затѣмъ мы принесли присягу на святомъ Евангеліи, отъ лица всѣхъ епископовъ и сами отъ себя, и подписали ее своими руками.

Его святость приказалъ намъ подойти къ себѣ поближе, хотя мы и то близко къ нему стояли, и, наклонившись къ намъ истинно по отечески, сказалъ нѣсколько словъ, между которыми были слѣдующія: «Не хочу господствовать надъ вами, но хочу немощи ваши на себѣ носить» и проч. На другой день, т. е. 24 Декабря, наканунѣ Рождества Христова, его святость самъ служилъ вечерню въ новомъ костелѣ св. Петра, съ великимъ множествомъ духовенства; здѣсь и мы, по благословенію его святости, были во всемъ облаченіи нашемъ».

Но въ то время, какъ Потѣй и Терлецкій цѣловали ноги у папы и въ Римѣ торжествовали возсоединеніе Русской церкви, выбивая медаль съ надписью: *Ruthenis receptis*, въ это время Виленское бѣлое духовенство писало Скумину: «Такъ какъ люди православія Греческаго уразумѣли, что митрополитъ и епископы подкапываютъ нашу вѣру и въ неволю ее отдаютъ безъ вѣдома своихъ старшихъ и насъ меньшихъ всего духовенства, безъ вѣдома васъ, нашихъ милостивыхъ пановъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами вчетверомъ или впятеромъ все дѣло дѣлаютъ, то мы, все духовенство Греческаго православія, протестовали предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, что мы о такомъ отступленіи отъ своихъ старшихъ патріарховъ не мыслили, не знали и не соглашались на него». Въ началѣ 1596 года назначенъ былъ большой сеймъ въ Варшавѣ. Православное дворянство, собиравшееся для предварительныхъ совѣщаній на провинціальныхъ сеймикахъ, дало своимъ депутатамъ наказъ просить короля: 1) чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, лишены были сана; 2) чтобъ поставлены были епископами лица православнаго исповѣданія, согласно съ постановленіемъ 1573 года и съ жалованными грамотами прежнихъ королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видѣли, что король обязался Потѣю и Терлецкому защищать ихъ, и потому, естественно, онъ не могъ принять просьбы депутатовъ. Тогда депутаты и

князь Острожскій торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народъ Русскій не будутъ признавать Терлецкаго и Потѣя своими епископами, не будутъ признавать ихъ власти въ своихъ имѣніяхъ и не будутъ подчиняться ихъ духовному суду. Сверхъ того, депутаты написали протестъ, въ которомъ изложены были обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя православнымъ народомъ Русскимъ, и, въ послѣдній день сейма, поручили прочитать этотъ актъ въ присутствіи короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства Познанскаго; но сеймъ не позволилъ читать протеста: Буховецкій, заглушенный криками, принужденъ былъ удалиться, протестовавъ противъ такого насилія. Тогда князь Острожскій записалъ въ актовыя книги Варшавскаго сейма протестъ, изложивъ преступныя дѣйствія Терлецкаго и Потѣя и объявивъ твердую рѣшимость противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Въ такомъ же смыслѣ депутаты православнаго дворянства подали два протеста для внесенія въ книги Гродскія Радзіевскія; изъ актовыхъ книгъ извлечены были засвидѣтельствованныя копіи протестовъ и разосланы по воеводствамъ. Король, съ своей стороны, въ исполненіе прежнихъ обязательствъ, далъ Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископію Луцкую: въ этой грамотѣ король ручается за себя и за своихъ преемниковъ, что Кириллъ Терлецкій будетъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ въ теченіи всей своей жизни; утверждаетъ за нимъ всѣ имѣнія епископіи Луцкой и обѣщаетъ оборонять его противъ всѣхъ недоброжелателей, которые осмѣлились бы лишить его епископскаго сана или отнять у него церковныя имѣнія (21 Мая 1596 года). Вслѣдъ затѣмъ, 29 Мая 1596 года, король издалъ манифестъ православнымъ своимъ подданнымъ о совершившемся соединеніи церквей, причемъ всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ бралъ на себя и увѣрялъ, что Терлецкій и Потѣй не привезли изъ Рима никакихъ новостей: «Господствуя счастливо въ государствахъ нашихъ и размышляя о ихъ благоустройствѣ, мы, между прочимъ, возы-

мѣла желаніе, чтобы подданные наши Греческой вѣры приведены были въ первоначальное и древнее единство съ вселенскою Римскою церковію, подъ послушаніе одному духовному пастырю. Епископы не привезли изъ Рима ничего новаго и спасенію вашему противнаго, никакихъ перемѣнъ въ вашихъ древнихъ церковныхъ обрядахъ: всѣ догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно съ постановленіями святыхъ апостольскихъ соборовъ и съ древнимъ ученіемъ святыхъ отцовъ Греческихъ, которыхъ имена вы славите и праздники празднуете». Такъ какъ дѣло было кончено, воля королевская прямо высказана, унія объявлена дѣломъ правительства, то послѣднимъ актомъ долженствовалъ быть соборъ, на которомъ рѣшительно должно было обозначиться положеніе Русской церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. Въ томъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Брестѣ, гдѣ Терлецкій и Потѣй должны были подробно разсказать о своей поѣздкѣ въ Римъ. Пріѣздъ на соборъ дозволенъ былъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія, и каждый долженъ былъ пріѣзжать какъ можно скромнѣе, не привозя съ собою ненужной толпы. Присутствовать на соборѣ позволялось только католикамъ и православнымъ, за исключеніемъ протестантовъ.

Въ первыхъ числахъ Октября 1596 года съѣхались въ Брестъ: Грекъ Никифоръ, экзархъ Константинопольскаго патріарха, долженствовавшій заступить его мѣсто на соборѣ, митрополитъ Михаилъ съ семью Русскими епископами, множествомъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ; изъ мірскихъ людей князь Константинъ Острожскій съ сыномъ и многіе другіе; изъ католиковъ пріѣхали три бискупа, Петръ Скарга и трое свѣтскихъ вельможъ, послы королевскіе: Николай Христофъ Радзивилъ, воевода Троцкій, Левъ Сапѣга, канцлеръ Литовскій, и Дмитрій Халецкій, подскорбій. 6-го Октября должно было начаться засѣданіе собора; но сейчасъ же

образовались два враждебныхъ стана, которые не соединились въ одно общее засѣданіе въ одномъ мѣстѣ, въ церкви, какъ обыкновенно бывало. О митрополитѣ, который долженъ былъ распорядиться какъ хозяинъ, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться въ большомъ частномъ домѣ, и засѣли — духовные своимъ кòломъ, имѣя посреди себя Евангеліе, свѣтскіе — особымъ кòломъ съ своимъ маршалкомъ. Послѣ обычныхъ молитвъ, владыка Львовскій, Гедеонъ Балабанъ, первый началъ рѣчь на Русскомъ языкѣ; іеродіаконъ Кипріанъ тутъ же переводилъ ее на Греческій языкъ. Гедеонъ говорилъ, что онъ и всѣ собравшіеся хотятъ стоять и помирать за Восточную вѣру, и, по ихъ мнѣнію, митрополитъ съ своими владыками поступилъ незаконно, отрекшись отъ повиновенія патріарху. Положено было послать за митрополитомъ и уніатскими епископами; но тѣ не явились; Рагоза отвѣчалъ, что подумаетъ съ католическими епископами, и пòтомъ придетъ на соборъ; соборъ ждалъ его до вечера и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита съ товарищами и получили отвѣтъ: «Напрасно насъ ждете: мы къ вамъ не придемъ». На третій день третье посольство, на которое полученъ отвѣтъ: «Что сдѣлано, то сдѣлано; хорошо ли дурно ли мы сдѣлали, поддавшись Римской церкви, только теперь уже передѣлать этого нельзя». Тогда, на вопросъ екзарха: когда и какъ Рагоза съ товарищами началъ хлопотать объ уніи, Кіевопечерскій архимандритъ Никифоръ Туръ отвѣчалъ: «Патріархъ Іеремія, узнавши о беззаконіяхъ Рагозы, отлучилъ его отъ церкви, грозя, если не исправится, конечнымъ низложеніемъ; онъ и задумалъ отступить, и отступилъ». Обратились къ мірскимъ людямъ, сравнили наказы, данные посламъ отъ всѣхъ областей — вездѣ нашли одно требованіе: не отступать отъ Восточной церкви. Въ это время дали знать собору, что въ томъ же домѣ, въ небольшой комнатѣ, Скарга истощаетъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить князя Острожскаго и сына его въ правдѣ уніи. Экзархъ Никифоръ сказалъ: «Пусть Скарга

придетъ на соборъ и споритъ съ людьми учеными; зачѣмъ въ углу старается убѣждать людей, въ богословіи несвѣдущихъ»? Но Скарга не пришелъ на соборъ. На четвертый день, 9 Октабря, выданъ былъ декретъ соборный: митрополитъ и владыки: Владимірскій, Луцкій, Полоцкій, Холмскій и Пинскій лишаются архіерейскаго сана, потому что безъ вѣдома своего старшаго задумали соединеніе церквей, которое можетъ быть рѣшено не пятчю или десятью владыками, а вселенскимъ соборомъ; потомъ, означенные митрополитъ и епископы, будучи позваны на соборъ къ отвѣту, не явились и отвѣта не дали. Въ тотъ же день митрополитъ съ епископами-уніатами выдалъ декретъ о лишеніи сана и проклятіи епископовъ и сообщниковъ ихъ, отвергшихъ унію.

Такъ совершилась унія, или, лучше сказать, раздѣленіе Западно-Русской церкви на православную и уніатскую. Такъ какъ православные, отвергнувъ унію, прямо поступили противъ воли правительства, покровительствующаго послѣдней, то, разумѣется, еще болѣе ухудшили положеніе своей церкви. Это тяжелое положеніе продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православныхъ и давать постановленія въ ихъ пользу, ибо, при возбужденномъ фанатизмѣ, при безнарядьѣ и своевольствѣ, частные люди, особенно люди сильные, мало обращали вниманія на рѣшеніе правительства; всего болѣе должно было терпѣть за православіе сельское народонаселеніе, находившееся во власти пановъ, католиковъ или, что еще хуже, отступившихъ отъ православія. Но это тяжкое положеніе, борьба съ господствующею церковію, борьба съ врагомъ, сильнымъ не одними матеріальными средствами, возбудили нравственныя силы Западно-Русскаго народонаселенія. Противники дѣйствовали перомъ, писали противъ православія; православнымъ нужно было защищаться, отвѣчать имъ уже и для того, чтобъ удержать своихъ при рѣшеніи не отступать отъ Восточной церкви; чтобъ защищаться успѣшно и чтобъ имѣть средства назидать своихъ и отвратить отъ себя вражій упрекъ въ не-

достигнутѣ просвѣщенія надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

Востокъ не былъ такъ слабъ, какъ предполагали враги его. Послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона, отъ тамошняго Русскаго инока Іоанна Вишенскаго: «Тебѣ, въ землѣ Польской живущему всякаго возраста и чина народу Русскому, Литовскому и Польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ. Извѣщаю васъ, что земля, по которой ногами вашими ходите, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ и вопіетъ, прося Творца, да пошлетъ серпъ смертный, какъ нѣкогда на Содомлянъ, желая лучше пустою въ чистотѣ стоять, нежели вашимъ безбожіемъ населенною и беззаконными дѣлами оскверненною быть. Ибо гдѣ теперь въ Польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ Евангельскія заповѣди? Гдѣ апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ храненіе заповѣдей Божіихъ? Гдѣ непорочное священство? Гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ благоговѣйное и благочестивое Христіанство! Зачѣмъ именемъ христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окаянная утроба, которая такихъ сыновъ на погибель вѣчную породила! Нынѣ въ Польской землѣ священники всѣ, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ, паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, вознеслись судомъ беззаконнымъ надъ Творцомъ, образомъ Своимъ равно всѣхъ почтившимъ, безсловесныхъ естество высшею цѣною оцѣнили. Вмѣсто Евангельской проповѣди, апостольской науки и святаго закона, нынѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные мошкарники и комедійники во дворахъ Христа Бога владѣютъ. Вмѣсто вѣры, надежды и любви, безвѣріе, отчаяніе, ненависть, зависть и мерзость обладаютъ. Покайтесь всѣ, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелію! Турки некрещеные честнѣе предъ Бо-

гомъ въ судѣ и правдѣ, помяни крещеніе Ляхи; и вы, православные христіане, не скорбите: Господь съ вами и и съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Бога жива; на пановъ же вашихъ Русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ не надѣйтесь—въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры въ него отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали, сами съ слугами своими и пріятелями въ нихъ тѣлесную и скотскую жизнь провождаютъ, на мѣстахъ святыхъ лежа, гроши сбираютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ Христовымъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ; а въ монастырѣ иноческаго чина намъ, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы, псы воютъ. Владыки безбожные, вмѣсто правила, книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни, день и ночь надъ статутомъ сидятъ, и во лжи весь вѣкъ свой упражняются». Тотъ же Іоаннъ писалъ къ Рагозѣ, Потѣю и Терлецкому по поводу уніи: «Спросилъ бы я васъ, что такое трудъ очищенія? но вамъ и не снилось объ этомъ; не только вы этого не знаете, но и ваши папы Іисусоругатели, такъ-называемые іезуиты, о томъ не пекутся и отвѣта дать не могутъ. Покажите мнѣ, соединеніе церквей сплетающіе! который изъ васъ прошелъ первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость вѣру дѣлами злыми напередъ еще разорили? Не ваша ли милость воспитали въ себѣ похоть лихоимства и мірскаго стяжанія? Насытиться никакъ не можете, а все большею алчбою и жаждою мірскихъ вещей болѣете. Покажите мнѣ, соединеніе церквей зиждущіе! который изъ васъ, въ мірской жизни будучи, шесть заповѣдей Христовыхъ самъ собою исполнилъ? Не ваша ли милость эти шесть заповѣдей не только въ мірскомъ чину разорили, но и теперь въ духовномъ безпрестанно разоряете? Сами какъ идолы на одномъ мѣстѣ сидите, а если и случится этотъ трудъ объѣздить-

ренний на другое мѣсто перенести, то на колесницѣ безскорбно переносите, а бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятся и мучатся. Гдѣ вы больнымъ послужили? Не ваша ли милость больныхъ изъ здоровыхъ дѣлаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись въ лысую голову, бискупъ Луцкій! сколько ты во время своего священства человѣческихъ душъ къ Богу послалъ? Его милость, каштелянъ Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги за собою волочилъ, а теперь, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополитъ, когда простою рагозиною былъ, то не знаю, могъ ли держать и двоихъ слугъ, а теперь больше десяти держитъ»*.

Мы видѣли, какъ сильно волновалъ Вильну своими проповѣдями Стефанъ Зизаній, вооружаясь противъ католицизма и уніи; Рагоза отлучилъ его отъ церкви за ересь, а православные епископы на Брестскомъ же соборѣ, 8-го Октября, объявили его невиннымъ, равно какъ и двоихъ священниковъ братскихъ, отлученныхъ вмѣстѣ съ Зизаніемъ: «Такъ какъ самъ митрополитъ въ послушаніи у церкви Восточной не хотѣлъ быть, то и клятву свою на этихъ священниковъ положилъ ни за что другое, какъ только за книжку, сочиненную на костелъ Римскій». Труды Зизанія вызвали опроверженіе со стороны католиковъ: явилась книжка подъ заглавіемъ: Kąkol, ktory rozsiewa Zyzani (соч. Жебровскаго, 1595 г.). Но Зизаній въ 1596 году издалъ слово (казанье) св. Кирилла, патріарха Іерусалимскаго объ Антихристѣ; изъ этого сочиненія выходило, что время антихристово есть время уніи. На книжку Зизанія въ томъ же году явился опять католическій отвѣтъ: Plewy Stephanka Zyzaniej. Какъ образчикъ полемическаго тона и остроумія времени приведемъ нѣсколько словъ изъ этой книжки: «Въ недавнее время Зизаній привезъ въ Вильну на торгъ множество куколю фальшивой науки, и хотѣлъ продавать его Вильнянамъ за настоящую пшеницу. Но Вильнянъ предостерегли отъ измѣны, и Зизанію торгъ запрещенъ. Давши покой куколю, взялся

онъ за плевелы, желая на нихъ попробовать счастья, написалъ новую книжку, не куколя, а плевелъ исполненную. Но какъ плевелы отъ перваго дуновенія вѣтра разлетаюся по воздуху, такъ и все, что онъ въ этихъ книжкахъ написалъ, однимъ духомъ каждый сдунуть можетъ. Чтобъ это легче можно было сдѣлать, онъ написалъ книжку двоякимъ языкомъ: по-русски и по-польски, дабы имѣть больше свидѣтелей своей глупости».

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгорѣться по поводу Брестскаго собора. Въ 1597 году явилось два описанія этого собора съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: православное Ekthesis или краткое описаніе того, что дѣлалось на помѣстномъ синодѣ въ Брестѣ Литовскомъ; католическое описаніе собора было сочинено знаменитымъ Скаргою, который, согласно съ основнымъ своимъ взглядомъ, утверждалъ, что соборъ незаконенъ, что законно только то, что постановлено митрополитомъ и епископами, т. е. унія, ибо міряне не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а должны повиноваться безпрекословно своимъ пастырямъ. Опроверженіемъ книги скаргиной явился со стороны православныхъ знаменитый *Апокрисисъ албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи Греческой, чрезъ Христофора Филалета* (*псевдонимъ*). Понятно, что авторъ апокризиса долженъ былъ ударить со всею силою на основный взглядъ Скарги о невмѣшательствѣ міранъ въ дѣла церковныя. Приведши извѣстныя намъ грамоты, въ которыхъ Рагоза и Потѣй клянутся ничего не предпринимать безъ вѣдома мірскихъ людей, авторъ апокризиса указываетъ, что и сами эти духовные не раздѣляли мнѣніе Скарги и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвеннымъ обѣщаніямъ. «Положимъ» говоритъ авторъ апокризиса: «что владыки имѣли право объяснить членъ символа вѣры: «Вѣрую во едину соборную апостольскую церковь» такъ, что подъ этою церковію должно разумѣть Римскую; но они обязаны были какъ можно скорѣе

дать знать объ этомъ новомъ истолкованіи своей паствѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Скарги, вѣра въ Римскую церковь есть необходимое условіе спасенія; владыки виноваты въ томъ, что въ то время, какъ они медлили объявить о новомъ спасительномъ членѣ вѣры, многіе люди, не зная его, умерли лишенные спасенія». Скарга приводитъ свидѣтельства Ветхаго Завѣта о томъ, что разсужденіе о дѣлахъ духовныхъ принадлежитъ одному духовенству; авторъ апокризиса возражаетъ, что Моисей былъ свѣтскій человѣкъ, однако установилъ весь порядокъ богослуженія, и какъ это случилось, что Господь Богъ не іерею Аарону, а свѣтскому человѣку Моисею далъ право распоряжаться дѣлами богослуженія? Но еслибы и дѣйствительно въ Ветхомъ Завѣтѣ разсужденіе о вѣрѣ принадлежало однимъ іереямъ, то это слабый доводъ, ибо велика разница между іудействомъ и христіанствомъ: въ іудействѣ одно колѣно Левіино къ служенію іерейскому было избрано, а въ христіанствѣ всѣ люди, кровію Христовою отъ грѣховъ омытые, царями и іереями Богу Отцу учинены: тамъ одна часть народа хвалѣ Божіей служила, въ одномъ Іерусалимскомъ храмѣ, здѣсь всѣ люди христіанскіе, на каждомъ мѣстѣ, во всякій часъ, на хвалу Христову посвящены, чтобы, ѣдятъ ли, пьютъ ли, другое ли что дѣлаютъ, все во славу Божіею дѣлали, чтобы не только духомъ, но и тѣломъ славили Бога, будучи членами Христовыми. Скарга написалъ, что іереи и духовные, которыхъ Богъ приказалъ слушаться, заблуждаться не могутъ, и потому свѣтскіе должны слушаться ихъ во всемъ, въ той надеждѣ, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи, будутъ оправданы предъ Богомъ, который повелѣлъ имъ слушаться заблуждающихъ. «Спрашиваю» возражаетъ авторъ апокризиса: «за что же Моисей побилъ три тысячи человѣкъ, поклонившихся тельцу, слитому первосвященникомъ Аарономъ? Спрашиваю: что Скарга думаетъ о первосвященникѣ Уріи, который, вмѣстѣ съ царемъ Ахазомъ, идоламъ жертву приносилъ? Спрашиваю: что разумѣетъ о іереяхъ временъ

Христовыхъ: почему же апостолы ихъ не слушались? почему вѣрѣ или невѣрію ихъ не послѣдовали? Оставя примѣры ветхозавѣтные, спрашиваю: когда епископъ Авксентій Медіоланскій былъ аріаниномъ, когда Діоскоръ Александрійскій еретичествовалъ вмѣстѣ съ Евтихіемъ, когда еретичествовали Несторій и Македоній, епископы Константинопольскіе, то принадлежавшіе къ ихъ епархіямъ были ли обязаны послѣдовать ихъ ученію? и если послѣдовали, то будутъ ли оправданы предъ Богомъ? а если будутъ, то какъ же Писаніе говоритъ, что каждый свое бремя понесетъ, и когда слѣпой слѣпаго водитъ, то оба въ яму впадаютъ? Если мірскіе люди обязаны во всемъ повиноваться пастырямъ своимъ, то не погрѣшили и Нѣмцы Кельнскіе, которые, по примѣру архіепископа своего, сдѣлались лютеранами; и мы не грѣшимъ, слушаясь владыки Львовскаго и Перемышльскаго, которые говорятъ, что папа вовсе не наивысшій правитель церкви, и еслибы Луцкій владыка потуречился (что дѣло возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы передъ Богомъ, когда бы сдѣлались магометанами? Конечно, историкъ Брестскаго собора тряхнетъ на это головою; такъ пусть же знаетъ, что для предохраненія отъ заблужденій не на титулы духовные надобно смотрѣть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всемъ надобно духовенство слушать». Мы привели эти строки для показанія взгляда и пріемовъ автора Апокризиса; что же касается до подробнаго разбора и оцѣнки его книги, то это предоставляемъ церковнымъ писателямъ. Вслѣдъ за Апокризисомъ написано было православнымъ Львовскимъ священникомъ изложеніе хода дѣла объ уніи, подъ заглавіемъ: «Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ христіанамъ». Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности, но тяжело для историка по смѣшенію событій вслѣдствіе отсутствія хронологіи.

Апокризисъ раздражилъ сильно католиковъ: это видно по тону, въ какомъ было написано возраженіе на него подъ за-

главіемъ Antirresis (1600 года). Авторъ Антиррезиса для борьбы съ сильнымъ противникомъ долженъ былъ прибѣгнуть къ отчаянному средству: ко лжи и брани. «Авторъ Апокризиса» говоритъ онъ: «наполнилъ свою книгу такимъ множествомъ непристойныхъ и ложныхъ вещей, что и самъ дьяволъ, изъ ада вылѣзши, не могъ бо̀льшей неправды сочинить, какъ этотъ Христофоръ Филалетъ въ своихъ книжкахъ написалъ; по истинѣ, каждый можетъ назвать его *diawolofor* и *philopsevdis,* а не *Christum ferens et amator veritatis* (т.-е. не носителемъ Христа, что значитѣ Христофоръ, и не любителемъ истины, что значитъ Филалетъ, а носителемъ діавола и любителемъ лжи).

Самъ король въ окружной грамотѣ своей къ Русскому народу счелъ за нужное вооружиться противъ поведенія православныхъ на Брестскомъ соборѣ: «Митрополитъ» пишетъ король: «съ епископами, остальнымъ духовенствомъ и многими другими людьми вѣры Греческой Русской, сошедшись на мѣстѣ обычномъ, въ соборной церкви св. Николы, началъ дѣло, какъ слѣдуетъ, молитвою, и три дня разбиралъ дѣло, справляясь съ св. Писаніемъ, съ правилами св. Отецъ, призывая братскимъ призывомъ къ себѣ Михаила Копыстенскаго, епископа Перемышльскаго и Гедеона Балабана Львовскаго, и другихъ товарищей ихъ, которые сначала сами добровольно приступили къ уніи и намъ, господарю, дали знать объ этомъ, а теперь, по наущенію людей упорныхъ, покинувши старшаго своего архіепископа, митрополита и братью свою владыкъ, покинувши храмъ Божій, мѣсто святое, на которомъ обязаны были сходиться съ старшимъ своимъ, и ни разу, во все продолженіе собора, въ церкви Божіей не ставши, захотѣли соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и ругателями вѣры православной — Русской. Кромѣ того, взявши себѣ въ товарищество шпіоновъ и измѣнниковъ нашихъ, какого-то Никифора и другихъ Грековъ, чужестранцевъ, въ божницѣ еретической засѣли, злостію и упорствомъ,

фараоновымъ сердцемъ окаменѣлымъ поступали, и дѣла имъ непринадлежащія дѣлать осмѣлились, противъ своего начальства, противъ насъ, господаря, и противъ Рѣчи Посполитой, отъ церкви Божіей отлучились, тайкомъ заговоры и протесты составляли, къ бланкетамъ печати и руки свои прикладывали, другихъ людей разныхъ, къ собору непринадлежавшихъ, къ рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этихъ бланкетахъ, по государствамъ нашимъ разсылать осмѣлились». Увѣщевая послѣдовать примѣру митрополита, принять унію, и извѣщая о проклятіи Копыстенскаго и Балабана, король запрещаетъ считать ихъ владыками и имѣть съ ними сообщеніе, запрещаетъ правительственнымъ лицамъ противиться постановленіямъ Брестскаго собора, признавшаго унію, и приказываетъ карать противниковъ.

Итакъ, съ православными велѣно было поступать какъ съ преступниками, гоненіе на нихъ было узаконено. Но указъ королевскій не могъ быть приведенъ въ исполненіе во всей силѣ: наказывать за противленіе уніи пришлось бы слишкомъ многихъ, цѣлый народъ, и нѣкоторые изъ этихъ многихъ были очень сильны, а правительство было очень слабо. Въ то время, когда Сигизмундъ приказывалъ преслѣдовать православныхъ и награждалъ епископовъ-уніатовъ, князь Острожскій уговорилъ Балабана и Львовское братство прекратить свои тяжбы на годъ, впродолженіи котораго обѣ стороны обѣщали князю оборонять заодно православную вѣру.

Но въ то самое время, какъ Западная Россія волновалась уніею, въ ней обнаружилось явленіе, которое должно было имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ борьбы. Мы видѣли, что оба государства Восточной Европы: Московское и Польское единовременно должны были начать непріязненныя отношенія къ усилившимся на украйнахъ ихъ козакамъ, которые вели себя одинаково какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Величая себя оберегателями государствъ, они не ограничивались нисколько пограничною стражею, но, по

своему хищническому характеру, котораго они не скрывали, объявляя, что если имъ не нападать на сосѣдей, то жить нечѣмъ — по этому характеру своему, козаки нападали на сосѣдей и тогда, когда государству это было вредно, нападали моремъ на Турецкія владѣнія и вовлекали оба государства, и особенно Польское, въ опасную вражду съ Турціею. Понятно, что Польша должна была всѣми силами хлопотать о томъ, чтобъ отнять у козаковъ возможность вредить государству. По заключеніи мира съ Турціею, по которому Польша обязалась удержать козаковъ отъ нападеній на Турецкія владѣнія, на сеймѣ 1590 года было опредѣлено, чтобъ коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые козаками, далъ бы имъ старшаго, ротмистровъ и сотниковъ изъ Польской шляхты, чтобъ козаки присягнули въ вѣрности республикѣ, не отправлялись за границу ни водой, ни сухимъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана, не принимали Польскихъ бѣглецовъ, и чтобъ козаковъ было опредѣленное число, внесенное въ гетманскій списокъ. Два коммиссара отправились съ сейма для постояннаго пребыванія между козаками, для наблюденія за исполненіемъ сеймоваго рѣшенія. Понятно, что козаки не могли спокойно покориться этому рѣшенію; въ 1592 году, подъ начальствомъ какого-то Косинскаго, въ числѣ 5,000 человѣкъ, напали они на Подолію и опустошали владѣнія князя Острожскаго и другихъ пановъ. Князь Константинъ выслалъ войско, которое поразило Косинскаго подъ Пяткою, недалеко отъ Тарнополя; впослѣдствіи Косинскій былъ окруженъ и убитъ на дорогѣ въ Черкасы. Въ 1595 году, или около этого времени, Запорожскій гетманъ Григорій Лобода опустошилъ Украйну; на Волыни князь Константинъ Острожскій успѣлъ уладиться съ нимъ: Лобода отправился въ Дунайскія княжества противъ Турокъ, Острожскій двинулся на Полѣсье; но въ это время отъ войска Лободы отдѣлился Наливайко съ толпою въ 1,000 человѣкъ и занялъ Острополь, имѣніе Острожскаго; не знаемъ, какъ раздѣлался князь Константинъ съ этимъ гостемъ; но знаемъ,

что послѣ Наливайко вторгнулся въ Бѣлоруссію, овладѣлъ Слуцкомъ. 30 Ноября 1595 г. Наливайко уже съ 2,000 козаковъ вступилъ въ Могилевъ на Днѣпрѣ; запылали домы, лавки, острогъ; девяносто домовъ превращено было въ пепелъ; козаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Противъ разбойниковъ двинулся Литовскій гетманъ Радзивилъ съ 14,000 Литвы и 4,000 Татаръ. Наливайко, заслышавъ о приближеніе Радзивила, вышелъ изъ Могилева и огородился возами; изъ этого козацкаго укрѣпленія отбивался онъ цѣлый день отъ Радзивила, отбился и ушелъ къ Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего имъ не сдѣлала, только сама грабила. Коронный гетманъ Жолкѣвскій писалъ королю въ 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство; какое забвеніе величія королевскаго, замыслы о разрушеніи Кракова, объ истребленіи шляхетскаго сословія!» Наконецъ Жолкѣвскому удалось поразить и взять въ плѣнъ Наливайка при Лубнахъ въ урочищѣ Солоницѣ. Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Подозрѣвали Острожскаго въ сношеніяхъ съ Наливайкомъ; говорили, что и Лобода, съ вѣдома князя, опустошалъ Украйну; по этому случаю Острожскій писалъ зятю своему, Радзивилу, воеводѣ Виленскому: «Полагаюсь на Бога, Который спасаетъ не только отъ подозрѣнія, но и отъ смерти[6]».

Государство, повидимому, восторжествовало надъ козаками; но это государство носило въ себѣ глубокія раны, которыя растравлялись все болѣе и болѣе: то была слабость правительства, которое не имѣло возможности удерживать людей сильныхъ отъ насилія, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило: такъ, во время войны съ Наливайкомъ, чего не взяли козаки, то побрали солдаты; то была религіозная борьба вслѣдствіе уніи, гоненіе, которому подверглись православные; то было тяжкое состояніе, въ которомъ находилось низшее земледѣльческое сословіе; сельскія вѣча или копы, не очень сильныя, какъ мы видѣли, и во второй половинѣ XVI вѣка, все болѣе и болѣе те-

ряютъ свое значеніе въ XVII, мужи сходатаи уступаютъ власть своимъ помѣщикамъ. Помѣщикъ или помѣщица, съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей. Нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ копныхъ судахъ. Помѣщики и управляющіе ихъ еще въ 1557 году получили право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію; мало того: отдавая имѣнія свои въ аренду жидамъ, давали имъ право брать себѣ всѣ доходы, судить крестьянъ безъ апелляціи, наказывать виновныхъ и непослушныхъ, по мѣрѣ вины, даже смертію. И вотъ крестьяне, или хлопы, какъ ихъ называли на Юго-Западѣ, бѣгутъ въ козаки, и Жолкѣвскій жалуется на замыслы объ истребленіи шляхетскаго сословія. Въ Московскомъ государствѣ козаки воспользовались смутою и чтобъ удобнѣе бороться съ государствомъ, выставили знамена мнимыхъ сыновей и внуковъ Іоанна IV; но здѣсь съ окончаніемъ смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было въ государствѣ Польскомъ: здѣсь козаки, ратуя за свои интересы съ государствомъ, могли, благодаря уніи, связать свое дѣло съ дѣломъ священнымъ, народнымъ, выставить религіозное знамя.

1597 годъ начался возмутительнымъ процессомъ экзарха патріаршаго, Никифора, котораго, какъ уже мы видѣли, король въ своей грамотѣ называлъ шпіономъ. Въ имѣніи гетмана Замойскаго схваченъ былъ слуга князя Острожскаго, который ѣхалъ въ Валахію покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которыя далъ ему Греческій монахъ Пафнутій, ѣхавшій въ Москву. Въ этихъ письмахъ найдены были жосткія выраженія противъ Поляковъ, и вотъ ими воспользовались для обвиненія Никифора, на котораго сердились за Брестскій соборъ; объявили, что письма писаны имъ, а не Пафнутіемъ. Несмотря на то, что самъ Никифоръ и

кураторъ его, или адвокатъ, блистательно доказали всю [illegible]ность обвиненій, Никифора не хотѣли освободить отъ [illegible]. Старикъ князь Острожскій, оскорбленный этимъ дѣломъ, [illegible]которомъ хотѣли задѣть столько же и его, сколько Ни[illegible]фора, говорилъ длинную рѣчь королю, припоминалъ за[illegible]ги предковъ и свои собственныя, припомнилъ королю, что, [illegible]мотря на вражду свою съ Замойскимъ, онъ былъ съ [illegible]ъ заодно на сторонѣ Сигизмунда при избраніи королев[illegible]ъ, за что король оказалъ ему большую милость, поса[illegible]и одного его сына по правую свою сторону въ сенатѣ, [illegible]угаго по лѣвую, и такимъ образомъ утѣшилъ его ста[illegible]ь. Но теперь непріятель его, Замойскій, гонитъ слугъ его; [illegible]ей добрыхъ, невинныхъ на вольныхъ дорогахъ хватаетъ, [illegible]ги отбираетъ, мучитъ, желая навести на него какое[illegible]удь безчестье; на духовныхъ его нападаетъ, измѣнни[illegible] ихъ выставляетъ. «А ваша королевская милость, видя [illegible]ліе надъ нами и нарушеніе правъ нашихъ, не обращаешь [illegible]анія на присягу свою, которою обязался не ломать правъ [illegible]ихъ, но умножать и расширять. Не хочешь насъ въ [illegible]вославной вѣрѣ нашей держать при правахъ нашихъ, [illegible] мѣсто отступниковъ-епископовъ другихъ дать, позволяешь [illegible]мъ отступникамъ насилія дѣлать и проливать кровь тѣхъ, [illegible]орые не хотятъ идти за ними въ отступничество, грабить [illegible]ъ, изъ имѣній выгонять. За вѣру православную наступаешь [illegible] права наши, ломаешь вольности наши и наконецъ на [illegible]ѣсть нашу налегаешь: этимъ присягу свою ломаешь, и [illegible] прежде что-нибудь для меня сдѣлалъ, то послѣднею не[illegible]лостію своею все ни во что обращаешь. Не только самъ [illegible], сенаторъ, терплю кривду, но вижу, что дѣло идетъ къ [illegible]ечной гибели всей короны Польской, потому что теперь [illegible]то уже не обезпеченъ въ своемъ правѣ и вольности, и [illegible] короткое время настанетъ великая смута. Предки наши, [illegible]храняя государю вѣрность, послушаніе и подданство, вза[illegible]но отъ него милость, справедливость и защиту получали. [illegible]а старости лѣтъ затронули у меня самыя дорогія сокровища:

совѣсть и вѣру православную. Видя смерть передъ глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вамъ отца Никифора, а крови его на страшномъ судѣ Божіемъ искать буду; прошу Бога, чтобъ уже больше не видать мнѣ такого ломанья правъ». Кончивши свою рѣчь, Острожскій всталъ и, опираясь на руку одного пріятеля, пошелъ изъ королевской комнаты; пріятель напоминалъ ему, что надобно подождать отвѣта королевскаго. «Не хочу!» отвѣчалъ старикъ и продолжалъ путь; тогда король послалъ за нимъ зятя его, Виленскаго воеводу Радзивила: съ просьбою вернуться. «Увѣряю васъ» говорилъ Радзивилъ, «что король принимаетъ участіе въ вашей печали и Никифоръ будетъ освобожденъ». Но раздраженный старикъ отвѣчалъ: «Пусть себѣ и Никифора съѣстъ!» и вышелъ изъ дворца. Упрямство гордаго магната, дѣйствительно, погубило Никифора: онъ умеръ въ заточеніи въ Маріенбургѣ, которому скоро суждено было увидѣть въ стѣнахъ своихъ другихъ болѣе знаменитыхъ узниковъ. Говорятъ, будто недостатокъ въ пищѣ ускорилъ смерть Никифора.

Наконецъ Острожскій помирился и съ Замойскимъ, заклятымъ врагомъ своимъ, но не хотѣлъ мириться съ дѣломъ Потѣя и Терлецкаго. Тщетно самъ папа льстивыми словами склонялъ его къ уніи; въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ благодарилъ Острожскій святаго отца за ласковое письмо, давалъ знать, что онъ самъ старался объ уніи, но въ то время, когда онъ употреблялъ средства, которыя всего скорѣе могли повести къ желанной цѣли, вдругъ нѣкоторые духовные, безъ общаго совѣта, дѣло начатое только и далеко не оконченное поспѣшили представить его святѣйшеству, и этимъ произвели такую смуту, что больше народу впало въ ересь, чѣмъ присоединилось къ столицѣ апостольской. «Мы готовы на соглашеніе» пишетъ Острожскій: «но въ этомъ дѣлѣ уніи заключается множество сторонъ. Не сомнѣваюсь, что ваше святѣйшество отложите дѣло до дальнѣйшаго времени, когда отцы Греческіе (съ которыми я буду сильно хло-

потать объ этомъ) охотно приступятъ къ соединенію, ибо знаемъ, что ваше святѣйшество преимущественно имѣете въ виду всеобщее примиреніе и успокоеніе; знаемъ, что, отдавая каждому свое, какъ Римской, такъ и Греческой церкви, и соединяя обѣ, какъ двѣ дщери великаго царя, ни у одной не отнимете ихъ особенностей. Думаю, что и самому Творцу будетъ пріятно, когда въ мірѣ водворится покой и когда это дѣло проистечетъ вмѣстѣ и отъ наивысшаго бискупа Римскаго и отъ патріарховъ восточныхъ».

Считая Потѣя и Терлецкаго виновниками смуты, нарушителями добраго дѣла, православные не переставали требовать ихъ къ суду, и король наконецъ принужденъ былъ, хотя по формѣ, исполнить ихъ требованіе. Въ Генварѣ 1598 года Сигизмундъ послалъ Потѣю и Терлецкому приказаніе явиться на сеймъ и оправдаться отъ обвиненій пословъ воеводства Волынскаго въ томъ, что они, епископы, назвавшись послами отъ всѣхъ православныхъ христіанъ вѣры Греческой, ѣздили въ Римъ къ отцу папѣ и отдались подъ его власть именемъ всѣхъ этихъ обывателей, тогда какъ послѣдніе имъ никогда ничего не поручали и ни о чемъ не сговаривались; такимъ образомъ епископы явились послами непосланными; кромѣ того, осмѣлились дѣлать это непорученное имъ дѣло безъ воли патріарховъ, своихъ старшихъ; потомъ осмѣлились на синодѣ Брестскомъ, соединившись съ ксензами Римскими (общеніе съ которыми запрещено правилами св. Отецъ), осмѣлились людей добрыхъ, несогласныхъ на ихъ отпаденіе, отъ церкви отлучать. Потѣй отвѣчалъ предъ королемъ въ смыслѣ извѣстномъ и пріятномъ Сигизмунду: «Новое и неслыханное дѣло! овечки на пастыря жалуются, тогда какъ пастырь долженъ на нихъ жаловаться тебѣ, пану верховному, который обязанъ непослушныхъ карать и въ послушаніе приводить, по апостолу: «Невѣжду страхомъ спасати». Теперь, наоборотъ, мои овечки на меня жалуются и пастыремъ меня не признаютъ. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископіи Владимірской, которую я, покинувъ званіе

сенаторское, рѣшился принять, подвигнувшись слезными просьбами князя Острожскаго; не вашей ли королевской милости было угодно, по смерти митрополитовой, назначить мнѣ митрополію? А кто же у насъ въ панствѣ вашей королевской милости такія должности безъ важной причины у кого отнимаетъ? Развѣ у того, кто за какое-нибудь преступленіе жизнь и честь теряетъ. Но, кажется, мы ничего такого не сдѣлали, за что бы насъ надобно было казнить смертію; такъ за что же у насъ отнимать достоинства наши духовныя? Только за то, что мы возобновили дѣло, давно утвержденное, наивысшему пастырю Христовой церкви послушаніе отдали и отъ патріарховъ уклонились, потому что отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка имѣть не могли. Только за шерстью и молокомъ къ намъ ѣздили или посылали, а вмѣсто покою волненіе и мечъ между дѣтьми вкидывали. Новыя, неслыханныя и канонамъ противныя братства людямъ простымъ дали, изъемля ихъ изъ подъ власти епископской и давая имъ власть, принадлежащую епископамъ. Это хлопство съ простоты своей такое могущество себѣ приписываетъ, что ни епископовъ, ни пановъ своихъ слушать не хочетъ. Не имѣемъ ли право бѣгать такого пастыря, который самъ въ неволѣ и намъ ничѣмъ помогать не можетъ».

Король, разумѣется, долженъ былъ убѣдиться рѣчью Потѣя; но не убѣдились ею православные и отвѣчали ему: «Безстыдный языкъ! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивыхъ патріархахъ и учителяхъ своихъ какъ невѣрные поганцы? Вы мудры на злое, а чтобъ разумѣть доброе, не увѣдали истины, какъ говоритъ пророкъ. Не посылано ли пророковъ во всѣ времена? не присылали ли и патріархи къ вамъ учителей, во всѣ времена уча васъ? Мало ли грамотъ присылали къ вамъ патріархи во всѣ времена, о многихъ дѣлахъ и сами къ вамъ приходили? Вы говорите: «Когда пришелъ патріархъ, то сдѣлалъ какое-то братство, поповъ и проповѣдниковъ наставилъ». Но и Христосъ то же самое сдѣлалъ: архіереевъ обличивши и людей

къ себѣ собравши и учениковъ, изъ среды ихъ учителей поставилъ. Такъ и патріархъ: обличивши митрополита Кіевскаго, Онисифора двоеженца, и осудивъ Тимоѳея Злобу, архимандрита Супрасльскаго, за убійство, митрополита Михаила посвятилъ, и грамотами окружными всюду злость каждаго обличилъ и на судъ приготовилъ. Что же еще больше ему было дѣлать? Школу Греческую кто заложилъ, какъ не Греки и не патріархъ самъ? Грамматикѣ Греческой и съ Славянскимъ письмомъ не Арсеній ли, митрополитъ Елассонскій, во Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ два года? И когда грамматику чрезъ учениковъ своихъ напечаталъ, то въ типографіи Греческаго и Славянскаго письма размножилось, чего никогда въ Русскомъ народѣ не бывало. Русскіе, какъ окрестились, не учились, только церкви строили, которыя имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, людей данями обложили, великихъ пановъ своими науками и способами различными отъ церкви отторгли, весь народъ въ убожество привели; за-то теперь школы во всѣхъ городахъ закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенскаго патріарха двоеженцевъ выведено, ереси выкляты, исповѣдники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злыхъ карали, владыкамъ негоднымъ отъ мѣстъ своихъ отказаться велѣно. А вы что̀ сдѣлали? Одного патріарха Антіохійскаго во Львовѣ бить приказали; другому вселенскому патріарху, Іереміи, домой ѣхать велѣли, боясь, чтобъ онъ васъ, какъ преступниковъ, не наказалъ и отъ мѣстъ не отставилъ; вы сами на себя могли опредѣленіе выдать, какъ жиды, говоря: «Злыхъ злѣ погубитъ, а виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя». Уже сѣкира при корени древа лежитъ; не умолитъ садовникъ господина своего, чтобы не посѣкалъ неплоднаго дерева, пока обложитъ его навозомъ до будущаго года: уже всему часъ. А теперь каждый владыка въ своей епископіи поповъ двоеженцевъ и многоженцевъ, блудниковъ, убійцъ имѣетъ, сами владыки людей убиваютъ (о чемъ свидѣтель-

ства найденъ въ книгахъ судныхъ), церкви и монастыри разбиваютъ, имущества монастырскія вмѣстѣ съ монастырями своимъ пріятелямъ даютъ, монаховъ женятъ, монахинь замужъ выдаютъ. А потомъ, тайкомъ сговорившись, къ папѣ утекли». Не получая управы отъ католическаго правительства, нѣкоторые изъ православныхъ рѣшились соединиться съ протестантами, также притѣсняемыми, чтобъ этимъ союзомъ заставитъ правительство исполнить слѣдующія требованія: «Власть древняя Константинопольскаго патріарха нарушается, ни мы съ нимъ, ни онъ съ нами чрезъ грамоты и пословъ сообщаться не имѣемъ права; пусть всѣ патріаршіе декреты, а особенно декретъ, выданный въ Брестѣ на отступниковъ, остаются въ своей силѣ. Митрополита нашего отступника и съ нимъ владыкъ королевская милость защищаетъ и изъ подъ власти патріаршей изъемлетъ, и намъ его королевская милость приказываетъ ихъ, противъ совѣсти нашей, слушаться: такъ если уже король не хочетъ исполнить относительно ихъ соборнаго опредѣленія, то пусть дастъ намъ другаго митрополита. Во всѣхъ городахъ, въ цехахъ каждаго ремесла папежники людей Греческой вѣры до равной съ собою чести и вольности не допускаютъ и великія насилія чинятъ ремесленники папежники: новыя привилегіи у легата себѣ выхлопотываютъ противъ людей Греческой вѣры, а король ихъ конфирмуетъ. Братства церковныя королевская канцелярія повсюду выставляетъ нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, отъ чего эти братства несносныя терпятъ бѣды, особенно въ Вильнѣ: такъ чтобы братства, какъ и вся наша религія, оставлены были въ покоѣ. Поповъ и проповѣдниковъ братскихъ, и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и въ церковь братскую ходитъ, митрополитъ-отступникъ проклинаетъ, а король банитуетъ. Въ 98 году, на самое Свѣтлое Воскресенье, іезуиты сдѣлали великое насиліе надъ церковію братства Виленскаго. Мандаты разные и грамоты окружныя на братства выданы и нѣкоторые изъ братьевъ, по немилости пана канцлера (Сапѣги), къ смертной казни присуждены

были, еслибы не самъ Богъ и панъ воевода Виленскій (Радзивилъ протестантъ) не защитили: такъ пусть эти мандаты уничтожать и панъ канцлеръ съ братствомъ помирится. Въ монастырѣ св. Троицы алтарь братскій митрополитъ-отступникъ, а домъ, гдѣ братство собиралось, панъ канцлеръ отняли. Бурмистры на нѣсколько человѣкъ изъ братства церковнаго сдѣлали протестацію на ратушѣ, намъ и потомкамъ нашимъ очень вредную, за то, что мы ѣздили въ Брестъ на синодъ духовный. Всѣ эти обиды дѣлаютъ намъ папежники для того, чтобъ духовную патріаршескую власть и благословеніе патріарха надъ нами уничтожить и къ папскому послушанію насъ подбить. Вслѣдствіе этого, ихъ милостямъ, панамъ евангеликамъ, надобно крѣпко соединиться вмѣстѣ съ нами и стоять за наши обиды, а намъ за ихъ, обороняя вольности. Въ знакъ добраго расположенія ихъ къ намъ, просить ихъ, чтобъ они не оказывали послушанія папѣ и покинули его новый календарь, съ нами старый Никейскій держали по старому (ибо паны Прусаки и всѣ Нѣмцы держатъ его вмѣстѣ съ нами), чтобъ вмѣстѣ обороняться отъ насилій въ праздники Господни». Таковъ былъ наказъ, данный представителямъ, отправлявшимся на съѣздъ съ протестантами, назначенный въ Вильнѣ, въ Маѣ 1599 года. Изъ православныхъ здѣсь былъ князь Константинъ Острожскій, Юрій Сангушко и двое незначительныхъ духовныхъ особъ; архіереи Львовскій и Перемышльскій отказались участвовать въ съѣздѣ. Со стороны протестантовъ были Виленскій воевода, князь Николай Христофоръ Радзивилъ, Брестокуявскій воевода Андрей Лещинскій и другіе знатные люди. Протестанты хотѣли было начать дѣло о соглашеніи вѣроученія, но православные не хотѣли объ этомъ и слышать; ограничились уніею политическою, написали договоръ, но между православными нашлось мало охотниковъ подписать его и съѣздъ остался безъ слѣдствій.

Въ томъ же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитомъ Кіевскимъ былъ утвержденъ Ипатій Потѣй, первымъ дѣломъ котораго было вооружиться на Стефана Зизанія,

не перестававшаго проповѣдовать въ Вильнѣ противъ уніи. Потѣй велѣлъ запечатать церковь въ братскомъ Троицкомъ монастырѣ за то, что монастырь держалъ у себя Зизанія. Старый товарищъ послѣдняго, Юрій Рогатинецъ писалъ къ нему изъ Львова успокоительное письмо: «Пишешь, что запечатали вамъ церковь именемъ Ипатія; не слушайтесь и не злорѣчьте Ипатія, въ отчаяніи его приводя на худшее, откуда возрастаетъ ярость, а не Божіе строеніе. Это не новость въ церкви Божіей: запечатали архіереи съ Римлянами гробъ Христовъ, но силы его не удержали; и Иродъ убивалъ младенцевъ Христа ради, но принялъ конецъ свой, какъ и другіе Божіи противники, которые властью панства своего церкви Божіей противились. Пишешь, что Ипатій написалъ какіе-то разговоры Русскаго съ Ляхомъ, въ которыхъ говорится, что мы, въ бытность нашу въ Вильнѣ, отдѣлившись отъ нихъ, соединились съ лютеранами. Это ошибка, ибо мы не держимъ дружбы ни съ какими еретиками. А что слышно обо мнѣ, что сношусь съ Ипатіемъ и письмами другъ друга обсылаемъ, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны ихъ, но поступая по овечьему незлобію, мудрости змѣиной и цѣлости голубиной, какъ Христосъ научилъ, что ясно видно изъ разговора и письма моего къ сыну Потѣеву, Яну; копію съ этого письма посылаю къ вамъ.» Изъ письма Юріева видно, что вражда между Львовскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ продолжалась: «Посылаю копію и другаго сочиненія моего, которое написалъ теперь на погребеніе племянницы своей Анастасіи, умершей подъ мучительствомъ Балабановскимъ; увидите, какое согласіе имѣемъ съ Балабаномъ». Когда князь Острожскій пріѣзжалъ во Львовъ, то Балабанъ не показывался ему на глаза.

Князь Константинъ продолжалъ свое старое дѣло: по смерти Александрійскаго патріарха Мелетія осталось сочиненіе противъ схизматиковъ и еретиковъ; князь немедленно сталъ хлопотать, чтобъ издать его по-гречески и по-русски, для чего послалъ ко Львовскому братству за наборщиками и литерами

Греческими. Потѣй не былъ также празденъ: въ Іюнѣ 1605 года онъ явился въ Виленской ратушѣ и объявилъ, что нашелъ въ церкви Кревской старинную рукопись съ описаніемъ Флорентійскаго собора и съ грамотою къ папѣ Сиксту IV-му отъ Кіевскаго митрополита Мисаила, архимандритовъ Печерскаго и Виленскаго, также отъ великихъ княжатъ и пановъ Русскихъ въ 1476 году. Грамота эта была издана имъ въ томъ же 1605 году, какъ доказательство давняго существованія уніи на Руси. Книжка Потѣя была встрѣчена насмѣшками православныхъ, которые въ 1607 году выхлопотали сеймовое опредѣленіе, чтобъ чины и имѣнія духовныя раздавались русскимъ людямъ шляхетнымъ и прямо Греческой вѣры; чтобъ отправленіе богослуженія ихъ было свободно; чтобъ духовныя власти не соединяли въ одномъ лицѣ двухъ должностей и пользованій; въ 1609 году вытребовали, чтобъ ни уніаты православнымъ, ни православные уніатамъ не дѣлали утѣсненія и раздраженія, въ противномъ случаѣ виновные подвергаются пенѣ въ 10,000 злотыхъ. Но раздраженіе не могло уменьшиться, когда въ 1610 году явилось сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Теофила Ортолога: «Плачъ восточной церкви» (Threnos to jest lament jedyney powszechnej Apostolskiej wchodniej Cerkwie). Самое названіе показываетъ, что авторъ всего болѣе хотѣлъ возбудить сочувствіе къ несчастному положенію Восточной церкви, готовой принимать гоненіе.

Скарга, въ томъ же году, написалъ противъ этой книги: «Предостереженіе Руси насчетъ жалобъ и воплей Теофила Ортолога (Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga); въ 1612 году вышло новое опровержение книги Смотрицкаго въ такъ-называемой «Паригоріи, или утоленіи плача» (соч. Мороховскаго); а въ 1617 году вышла книга Виленскаго уніатскаго архимандрита Леона Креузы: «Оборона единства церковнаго» (Obrona jednosci cerkiewnej), гдѣ авторъ старался доказать, что унія существовала прежде и въ послѣднее время уніаты поступали законно.

Не уменьшалось раздраженіе, не уменьшались и притѣсненія, которыхъ, по крайней мѣрѣ повидимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось вниманія. На сеймѣ 1620 года депутатъ Волынскій, Лаврентій Древинскій, говорилъ такую рѣчь: «Въ войнѣ Турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратныхъ людей потребуете отъ народа Русскаго Греческой вѣры, того народа, который если не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли поставить грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній Русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благословенія; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цѣхи принятъ быть не можетъ; мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ, когда хотятъ погребсти тѣло благочестиваго Русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которые одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ потому только, что не уніяты; простаками и невѣжами, изъ которыхъ иной не знаетъ, что такое правосудіе, мѣста наполняютъ въ поношеніе странѣ Русской. Деньги у невинныхъ православныхъ безо всякой причины исторгаютъ. Главная причина зла заключается въ томъ, что ваше королевское вели-

чество изволите назначать на высшіе саны духовные людей, не зная ихъ происхожденія. Кто не знаетъ, что теперь епископомъ Полоцкимъ сынъ сапожника, сдѣлавшій себѣ шляхетскую фамилію *Кунцевичь?* Перемышльскій владыка Шишка сынъ пастуха, и теперь родной его дядя въ холопахъ у Кіевскаго воеводы. И Владимірскій владыка сынъ Львовской мѣщанки Стецковой. Холмской владыка Покость сынъ Виленскаго купца, обвиненный въ покражѣ сукна, такъ-что еслибъ не спасъ его монашескій клобукъ, то давно былъ бы на висѣлицѣ. Такая-то польза отъ уніи, что въ двадцать лѣтъ не могутъ уніаты доставить кого-нибудь изъ природнаго шляхетства въ епископы! Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ Почаповскаго, правда, шляхтича, но, по лѣтамъ, недостойнаго не только епископскаго, даже и дьяконскаго сана: не можемъ называть его отцомъ, потому-что и двадцати лѣтъ ему нѣтъ. Все это неустройство происходитъ отъ того, что принимаютъ посвященіе не отъ законнаго пастыря, отступили они отъ патріарха Константинопольскаго, которому искони въ этомъ государствѣ духовная власть принадлежала. Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: «Суди ми Боже и разсуди прю мою!» Сеймъ опредѣлилъ подтвердить конституцію 1607 года, чтобъ впредь раздавать духовныя должности и доходы людямъ прямой Греческой вѣры. Но для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія православные не хотѣли дожидаться пока перемрутъ всѣ уніатскіе владыки (иные двадцатилѣтніе), и когда, въ томъ же 1620 году, пріѣхалъ въ Западную Россію извѣстный уже намъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то они просили его поставить имъ на всѣ епархіи православныхъ епископовъ, что и было исполнено. Тутъ-то, имѣя своихъ епископовъ, православные, въ 1621 году, издали правила, которыми хотѣли руководствоваться при бѣдственномъ состояніи своей

церкви, издали такъ-называемое «Совѣтованіе о благочест
«Все доброе» говорится въ этомъ Совѣтованіи: «должно
чаться прежде всего отъ самихъ главъ, т. е. митропол
епископы и все духовенство да отвергнутъ сперва вс
злобу и грѣхъ отъ самихъ себя. Епископы должны пропо
дать правую вѣру, покаяніе и благочестивыя дѣла, об
домы благородныхъ; также посылать учениковъ своихъ,
собныхъ учить въ церквахъ, а не дожидаться того, чтоб
нимъ приходили, кланялись и что-нибудь приносили.
сами епископы, такъ и поставленные и посланные отъ
во всѣхъ церквахъ и на всѣхъ мѣстахъ пусть откры
явственно поучаютъ, что вѣра Восточной церкви, кото
мы нынѣ исповѣдуемъ, есть истинная и спасеніе въ ней
сомнѣнное, а въ Латино-Римской церкви и въ другихъ
рищахъ, отъ нея происшедшихъ, какъ истинной вѣры
такъ и спасенія достигнуть невозможно. Вѣру, догма
обряды церкви Восточной должны они во всемъ хвал
одобрять, а другіе отрицать и обличать, впрочемъ, духо
разсудительно, не злорѣча, но приводя мѣста Писанія, си
примѣры и доказательства, и это обнародывать посредст
письма. Въ іереи посвящать достойныхъ, разумныхъ и
сомнѣнныхъ ревнителей благочестія, даромъ, а не изъ ко
сти, которой, ни самимъ отъ себя, ни чрезъ своихъ нам
никовъ, не требовать ни подъ какимъ предлогомъ, ни
какіе намеки о своихъ нуждахъ и недостаткахъ. Возбу
и приготовлять къ святому мученичеству какъ самихъ
такъ и сердца народа. Писать и печатать въ защиту бла
честія книги; противникамъ возражать письменно, но
съ совѣта другихъ, ибо у нашихъ разномысліе, а у прот
никовъ убѣжденіе въ своихъ вѣрованіяхъ и злоба въ се
цахъ на насъ. Съ отступниками-уніатами не сообщаться
народу на исповѣди то же внушать; а обращающихся въ
вославіе принимать только на степень кающихся. Учреж
соборы. Чтобъ въ церквахъ каждый воскресный день и пра
никъ была проповѣдь. Учреждать по городамъ школы. Учре

дать братства. Нужно и то намъ принять во вниманіе, что Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были не малыя головы; несмотря на то, предки наши, и многіе изъ нихъ весьма простые, дерзали обличать ихъ безбоязненно: то же прилично дѣлать и всѣмъ православнымъ. Такъ какъ св. апостолъ Андрей есть первый архіепископъ Константинопольскій, патріархъ Вселенскій и апостолъ Русскій: на Кіевскихъ горахъ стояли ноги его, очи его Россію видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посѣялъ, то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ возобновить торжественно и нарочито его праздникъ. Воистину Россія ничѣмъ не меньше другихъ Восточныхъ народовъ, ибо и въ ней просвѣтителемъ былъ апостолъ. Послать къ Константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; послать и на святую Аеонскую гору, чтобъ вызвать и привести преподобныхъ мужей Русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ. Предстоитъ также духовная потребность и Русскихъ, искренно расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аеонъ, какъ въ школу духовную. Если нельзя обращать самихъ папистовъ и дружину ихъ или исчадіе, т. е. аріанъ, евангеликовъ и лютеранъ, то, по-крайней-мѣрѣ, всѣми силами стараться отыскивать всѣхъ тѣхъ Русскихъ, которые отъ Восточной церкви и отъ насъ отступили. Къ этому обязываются архіереи ради спасенія души, ибо отступники шляхта сильно вредятъ намъ и соблазняютъ невинныхъ».

Въ то время, какъ православные, получивши своихъ архіереевъ, составляли такую программу для ихъ дѣятельности, понятно, какъ должны были взволноваться уніаты, особенно архіереи ихъ, увидавъ подлѣ себя опасныхъ соперниковъ. Чтобъ ослабить новую тѣсную связь православныхъ съ Греческою церковію, начали разглашать, что православные хотятъ измѣнить Польшѣ, готовы передаться Туркамъ. Мелетій Смотрицкій, посвященный Ѳеофаномъ въ епископы Полоцкіе, на-

писалъ въ защиту своихъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Verificatia niewinności. Уніаты отвѣчали сочиненіемъ «*Sowita wina*» и посланіемъ къ монахамъ Духова Виленскаго монастыря. Надобно замѣтить, что знаменитое Виленское братство вслѣдствіе уніи раздѣлилось: Троицкое братство осталось за уніатами и очень ослабѣло, потому-что большая часть братьевъ, не захотѣвшихъ принять уніи, устроили себѣ новое братство при монастырѣ св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификаціи (Obrona werificaciej od obrazy Majestatu etc. 1621). Здѣсь защищается постановленіе, чтобъ епископы не брали своихъ мѣстъ отъ свѣтской власти; постановленіе это выставляется правомъ Русской церкви, при которомъ Русскіе соединились съ Поляками какъ равные съ равными; право это подтверждено королями. Защищается положеніе, что митрополитъ и епископы должны поставляться патріархомъ Константинопольскимъ, который на Русь имѣетъ право, канонами вселенскихъ соборовъ подтвержденное. Obrona оканчивается такъ: «О насиліи наша сторона не мыслитъ: Господу Богу и справедливому королевскому декрету дѣло свое поручаетъ. Научились мы въ церкви Божіей терпѣть насиліе, не производить его. Изгнанія нашихъ изъ рады городовой, изъ цеховъ, лишенія вольности право не допуститъ. Не думай, что съ паденіемъ вашей уніи права въ отчизнѣ нашей и справедливость свѣта упасть должны: Теренціевъ дурень Тразонъ думалъ, что когда онъ упадетъ, то и небо съ нимъ вмѣстѣ упасть должно. Еслибъ такъ начали дѣлать, какъ ты говоришь, то это повело бы не къ успокоенію Руси, но къ отнятію покоя, сдѣлало бы Русскихъ изгнанниками изъ отчизны. Тогда отплатила бы Литва Русскому народу, а Польша Греческому (отъ которыхъ свѣтомъ вѣры христіанской просвѣщены, какъ въ отдѣлѣ шестомъ доказано), какъ злой сынъ доброй матери за хорошее воспитаніе, воткнувши ножъ ей въ сердце.» Въ упомянутомъ шестомъ отдѣлѣ говорится, что Святополкъ Моравскій, принявшій Греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ

въ христіанство Буривоя Чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ Чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ Польскій; въ Литвѣ Олгердъ, женатый на двухъ Русскихъ княжнахъ, принялъ Русскую вѣру и сыновей своихъ въ ней окрестилъ. Такъ религіозная полемика повела къ историческимъ розысканіямъ.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патріархъ Ѳеофанъ поставилъ въ Полоцкъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго, то почти всѣ жители перешли на его сторону; тогда уніатскій Полоцкій владыка Іосафатъ Кунцевичъ, человѣкъ страстный, фанатикъ, рѣшился поддержать себя и унію средствами отчаянными, которыя вызвали ему сильный упрекъ со стороны канцлера Литовскаго, Льва Сапѣги; Сапѣгу нельзя заподозрить въ пристрастіи къ православію, но онъ прежде всего видѣлъ неполитичность мѣръ Кунцевича съ братіею. «Безспорно (писалъ Сапѣга Кунцевичу 12 Марта 1622 года), что я самъ хлопоталъ объ уніи и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда на мысль не приходило, чтобъ вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ неизвѣстенъ вамъ ропотъ глупаго народа, его рѣчи, что онъ лучше хочетъ быть въ Турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣрѣ? По словамъ вашимъ, только нѣкоторые монахи епархіи Борецкаго (новаго православнаго Кіевскаго митрополита) и Смотрицкаго и нѣсколько Кіевской шляхты противятся уніи; но просьба королю подана отъ войска Запорожскаго, чтобъ Борецкаго и Смотрицкаго въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ и товарищей вашихъ свергнуть; и на сеймахъ мало ли у насъ жалобъ отъ всей Украйны и отъ всей Руси, а не отъ нѣсколькихъ только чернецовъ! Поступки ваши, проистекающіе болѣе изъ тщеславія и частной ненависти, нежели изъ любви къ ближнему, обнаруженные въ противность священной волѣ и даже запрещенію республики, произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ,

или даже всеистребительнымъ пожаромъ. Отъ повиновенія козаковъ больше государству пользы, чѣмъ отъ вашей уніи, почему и должны вы соображаться съ волею короля и съ намѣреніями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушеніе ваше на то, что противно спокойствію и пользѣ общественной, можетъ по справедливости почесться оскорбленіемъ величества. Еслибы вы посмѣли сдѣлать что-нибудь подобное въ Римѣ или Венеціи, то васъ бы научили тамъ, какое надобно имѣть уваженіе къ государству. Пишете объ обращеніи отщепенцевъ: надобно стараться объ этомъ обращеніи, чтобъ было едино стадо и единъ пастырь; но при этомъ надобно поступать благоразумно, сообразоваться съ обстоятельствами времени, какъ въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ свободнаго желанія, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не прилагается изреченіе: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый самъ причиною бѣды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безразсудно своему стремленію. Я обязанъ, говорите вы, послѣдовать епископамъ. Вы обязаны подражать св. епископамъ въ терпѣніи, благочестіи, въ показаніи добрыхъ примѣровъ. Прочтите житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ: не сыщете въ нихъ ни жалобъ, ни объявленій, ни исковъ, ни судебныхъ свидѣтельствъ. А у васъ суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцеляріи наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этимъ не только не утвердится унія, но и послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется. Долгъ мудраго испытать всѣ способы благоразумія прежде, нежели взяться за оружіе. Не писать колкихъ писемъ къ начальству, не отвѣчать съ угрозами такъ, какъ вы дѣлаете: апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали. Говорите, что вольно вамъ неуніатовъ топить, рубить: нѣтъ, заповѣдь Господня всѣмъ мстителямъ строгое сдѣлала запрещеніе, которое и васъ касается. Пишете, что на сеймѣ укоряютъ не только унію, но и все благочестивое Римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совѣсти людскія, когда запираете

церкви, чтобъ люди безъ благочестія, безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными, то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ для притѣсненія народной совѣсти и для нарушенія общаго покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, которую бы вы и берегли для себя, и въ званіи, въ которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы насъ общенародной ненависти, самихъ же себя опасности и порицанію. Вы требуете, чтобы непринимающихъ унію изгнать изъ государства: да спасетъ Богъ наше отечество отъ такого величайшаго беззаконія! Давно въ этихъ областяхъ водворилась святая Римско-католическая вѣра, и пока не имѣла она подражательницы благочестія и повиновенія св. отцу, до тѣхъ поръ славилась миролюбіемъ и могуществомъ какъ внутри, такъ и внѣ государства; но теперь, принявъ въ сообщество сварливую и безпокойную подругу, терпитъ, по ея причинѣ, на каждомъ сеймѣ, въ каждомъ собраніи многочисленные раздоры и порицанія. Кажется, лучше и полезнѣе было бы для общества разорвать съ этою неугомонною союзницею, ибо мы никогда въ отечествѣ нашемъ не имѣли такихъ раздоровъ, какіе родила намъ эта благовидная унія. Христосъ не печаталъ и не запиралъ церквей, какъ вы это дѣлаете. «Имѣютъ» говорите: «священниковъ благочинныхъ!» Дай Богъ, чтобъ ихъ было довольно! Но недостаточно, что вы ихъ сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтобъ иновѣрные видѣли добрыя дѣла и послѣдовали стезямъ ихъ. Но я слышу, какихъ вы священниковъ рукополагаете! такихъ, отъ которыхъ церкви больше разоренія, чѣмъ созиданія. Печатать и запирать церкви и ругаться надъ кѣмъ-либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Пока-

жите, кого вы пріобрѣли, кого уловили вашею суровостію, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Вмѣсто того, откроется, что вы потеряли и тѣхъ которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навели опасность государству, а, можетъ быть, и гибель всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой уніи, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что въ то время съ вашею уніею будетъ! Вы ссылаетесь на предписаніе верховнаго пастыря; но еслибы святой отецъ видѣлъ, какія, по причинѣ вашей уніи, происходятъ въ отечествѣ нашемъ неустройства, то, безъ сомнѣнія, соизволилъ бы на то, чему вы такъ упорно противоборствуете. Король приказываетъ церковь ихъ въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я, по его приказанію, къ вамъ пишу, и если вы этого не исполните, то я самъ велю ее распечатать и имъ отдать; Жидамъ и Татарамъ не запрещается въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіанскія церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будетъ оказывать такое снисхожденіе для неизвѣстнаго будущаго спокойствія!» Отвѣчаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится въ обществѣ неустройство, если будемъ дѣлать имъ еще бо́льшія притѣсненія въ вѣрѣ. Уже гремятъ вездѣ слухи, что они хотятъ навсегда разорвать съ нами всякій союзъ. Что касается Полочанъ и другихъ крамольниковъ противъ васъ, то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, но сами вы побудили ихъ къ возмущеніямъ. Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многіе другіе города унія отъ насъ отторгнула; она главная виновница тому, что народъ Московскій отъ королевича устраняется, какъ это очевидно изъ русскихъ писемъ, присланныхъ къ нашимъ вельможамъ, и потому не желаемъ, чтобъ эта пагубная унія въ конецъ насъ разорила».

Опасенія Кунцевича за свою жизнь сбылись: въ Ноябрѣ 1623 года онъ былъ умерщвленъ жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событіе положило на пра-

вославныхъ, которые до сихъ поръ могли говорить: «О насиліи наша сторона не мыслитъ». Легко понять, что противники поспѣшили воспользоваться пораженіемъ, которое жители Витебска нанесли своей сторонѣ, поспѣшили разнести по католическому міру вѣсть о мученичествѣ Кунцевича. Правительство, какъ правительство, обязано было поступить строго съ убійцами и безъ всякихъ другихъ побужденій, не нуждаясь въ увѣщаніяхъ папы, который, вопреки мнѣнію Льва Сапѣги, побуждалъ дѣйствовать совершенно въ духѣ Кунцевича; вотъ письмо Урбана VIII къ королю отъ 10 Февраля 1624: «Враги наши не спятъ, день и ночь отецъ вражды плевелы сѣетъ, дабы въ вертоградѣ церковномъ терніе произрастало вмѣсто пшеницы. Слѣдуетъ и намъ съ неменьшимъ прилежаніемъ исторгать ядовитые корни и обрѣзывать безполезныя вѣтви. Иначе всѣ страны заглохнутъ, и тѣ изъ нихъ, которыя должны быть раемъ Господнимъ, станутъ разсадниками ядовитыхъ растеній и пастбищами драконовъ. Какъ легко это можетъ случиться въ Россіи, научаютъ настоящія бѣдствія. Непримиримый врагъ католической религіи, ересь схизматическая, чудовище нечестивыхъ догматовъ, вторгается въ сосѣднія провинціи и, хитро прокравшись въ совѣщанія козацкія, вооружившись силами храбрѣйшихъ воиновъ, осмѣливается защищать дѣло сатаны и грозить гибелью православной истинѣ. Возстань, о царь, знаменитый пораженіями Турокъ и ненавистію нечестивыхъ! прими оружіе и щитъ и, если общее благо требуетъ, мечомъ и огнемъ истребляй эту язву. Дошла до насъ вѣсть, что тамъ устроиваются схизматическія братства, издаются новые законы противъ уніатовъ; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою вѣры, сдержитъ такое святотатственное буйство. Такъ какъ нечестіе обыкновенно презираетъ угрозы, наказаніями невооруженныя, то да постарается твое величество, чтобъ лже-епископы Русскіе, стремящіеся возбуждать волненія и господствовать въ козацкихъ кругахъ, достойное такого дерзкаго поступка понесли наказаніе. Да испытаетъ силу ко-

ролевскаго гнѣва факелъ мятежа и вождь злодѣевъ, патріархъ Іерусалимскій, и своимъ бѣдствіемъ одержитъ дерзость остальныхъ. Хотя это и кажется дѣломъ труднымъ, однако чего не преодолѣетъ благочестіе, покровительствуемое небомъ и вооруженное королевскою властію? Извѣстный Никифоръ Грекъ, который, сдѣлавшись оруженосцемъ дьявола и знаменосцемъ мятежей, возбудилъ столько бурь противъ Русскихъ уніатовъ, запертый наконецъ въ вѣчную темницу, примѣромъ своимъ показалъ, что преступленіе не только отвратительно само по себѣ, но и гибельно по своимъ слѣдствіямъ. Если дерзость схизматическая часто будетъ видѣть подобные примѣры, то не такъ будетъ выситься и научится бояться Господа отмщеній? Вслѣдствіе этого просимъ твое величество, защищай это дѣло всею своею ревностію и властію, и, прежде всего, позволь уніатскимъ епископамъ имѣть свободный доступъ ко дворцу и въ совѣты королевскіе, и чтобъ они ни въ чемъ не были ниже остальныхъ епископовъ». Въ то же время Урбанъ писалъ объ убійствѣ Кунцевича: «Кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобъ могли мы оплакать жестокость схизматиковъ и смерть Полоцкаго архіепископа?... Гдѣ столь жестокое преступленіе вопіетъ о мщеніи, проклятъ человѣкъ, который удерживаетъ мечъ свой отъ крови! Итакъ, могущественнѣйшій король! ты не долженъ удерживаться отъ меча и огня. Да почувствуетъ ересь, что за преступленіями слѣдуетъ наказанія. При такихъ отвратительныхъ преступленіяхъ милосердіе есть жестокость». Папа не довольствовался письмами къ королю: онъ писалъ ко многимъ епископамъ и свѣтскимъ лицамъ, требуя гоненія на православныхъ епископовъ, грозя бѣдою, которая произойдетъ отъ связи ихъ съ козаками [6 b].

Левъ Сапѣга, недавно бывшій обличителемъ Кунцевича, теперь долженъ былъ принять на себя предсѣдательство въ коммиссіи, назначенной для суда надъ убійцами Кунцевича. Коммиссары пріѣхали въ Витебскъ, окруженные войсками, пѣшимъ и коннымъ, изъ боязни козаковъ, къ которымъ жи-

тели Витебска обратились съ просьбою о помощи. Въ три дня коммиссія кончила свое дѣло: два бурмистра и 18 другихъ горожанъ погибли на плахѣ; имѣнія ихъ были конфискованы; около ста горожанъ, спасшихся бѣгствомъ, приговорены къ смерти и имѣнія ихъ также конфискованы; городъ потерялъ всѣ свои привилегіи; ратуша была разрушена; колокола, въ которые били въ набатъ, поднимая народъ противъ епископа, были сняты; двѣ православныя церкви разрушены. Уніатскій митрополитъ Кіевскій, Іосифъ Рутскій, извѣщая объ этомъ кардинала Бандина, такъ оканчиваетъ свое письмо: «Великій страхъ послѣ этого напалъ на схизматиковъ; начали понимать, что когда сенаторы *хотятъ* приводить въ исполненіе приказы королевскіе, то не боятся могущества козацкаго».

Итакъ, имя козаковъ въ устахъ у папы, у митрополита уніатскаго; вмѣсто Острожскихъ и Тышкевичей козаки являются главными защитниками православія. Мы видѣли, какъ дурно кончилось козацкое дѣло въ концѣ XVI вѣка. Послѣ этого мы встрѣчаемъ въ Западно-Русскихъ лѣтописяхъ извѣстія о такихъ поступкахъ козаковъ, которые, конечно, не могли снискать имъ любви остальнаго народонаселенія. Такъ лѣтопись говоритъ подъ 1601 годомъ: были въ Швеціи козаки Запорожскіе, числомъ 4,000, надъ ними былъ гетманомъ Самуилъ-Кошка, тамъ это Самуила и убили. Козаки въ Швеціи ничего добраго не сдѣлали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великій вредъ сдѣлали, и городъ славный Витепскъ опустошили, золота и серебра множество набрали, мѣщанъ знатныхъ рубили, и такую содомію чинили, хуже злыхъ непріятелей или Татаръ. Подъ 1603 годомъ: были козаки Запорожкіе, какой-то гетманъ, именемъ Иванъ Куцка, съ 4,000 народа, брали приставство съ волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей копъ 50, жита мѣръ 500 и т. д. Въ томъ же году, въ городѣ Могилевѣ Иванъ Куцка сдалъ гетманство, потому-что въ войскѣ было великое своевольство: что кто хочетъ, то и дѣлаетъ; пріѣхалъ

посланецъ отъ короля и пановъ радныхъ, напоминалъ, грозилъ козакамъ, чтобъ они никакого насилія въ городѣ и по селамъ не дѣлали. Къ этому посланцу приносилъ одинъ мѣщанинъ на рукахъ дѣвочку шести лѣтъ, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядѣть; всѣ люди плакали, Богу Создателю молились, чтобъ такихъ своевольниковъ истребилъ навѣки. А когда козаки назадъ на Низъ поѣхали, то великіе убытки селамъ и городамъ дѣлали, женщинъ, дѣвицъ, дѣтей и лошадей съ собою много брали; одинъ козакъ велъ лошадей 8, 10, 12, дѣтей 3, 4, женщинъ или дѣвицъ 4 или 3.

Званіе гетмана козацкаго успѣлъ пріобрѣсть въ это время извѣстный уже намъ Петръ Конашевичь Сагайдачный, шляхтичъ по происхожденію, человѣкъ очень умный, искусный полководецъ; чтобъ избѣгать ссоръ съ правительствомъ, т. е. съ панами, онъ старался отдѣлить дѣло козацкое отъ дѣла простонародья. «Конашевичь» говоритъ одинъ лѣтописецъ: «всегда въ миру съ панами жилъ, за-то козакамъ и хорошо было, только поспольство очень терпѣло». Кромѣ того, Сагайдачный служилъ хорошую службу Польскому правительству на войнѣ, ходилъ подъ Москву на помощь къ Владиславу, дрался съ Турками и Татарами; козаки его играли главную роль въ знаменитой Хотинской битвѣ (1621 года), гдѣ Польша была спасена отъ нашествія султана Османа, которое, какъ мы видѣли, должно было соединиться и съ Московскою войною. Но это былъ послѣдній подвигъ Сагайдачнаго: получивъ тяжкую рану, онъ удалился въ Кіевъ и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1622 году. Служа королю Польскому, живя всегда въ миру съ панами, Сагайдачный счелъ не безполезнымъ для себя объявить свою службу и царю Московскому. Въ Мартѣ 1620 года явился въ Москву посланецъ Сагайдачнаго, атаманъ Петръ Одинецъ съ товарищами, и говорилъ: «Прислали ихъ все Запорожское войско, гетманъ Сагайдачный съ товарищами, бить челомъ государю, объявляя свою службу, что они всѣ хотятъ ему великому государю служить головами

своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ великимъ Россійскимъ государямъ и въ ихъ государскихъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили, Крымское улусы громили. Теперь они такъ же служатъ великому государю, ходили на Крымскіе улусы, а было ихъ съ 5,000 человѣкъ, было имъ съ Крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи подъ самою стѣною; Татаръ было на Перекопи съ 7,000 человѣкъ, а на заставѣ съ 11,000; Божіею милостію и государевымъ счастіемъ Татаръ они многихъ побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ Татарскихъ высвободили; съ этою службою и съ языками Татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всѣми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ». Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши ихъ за службу, сказалъ: «Здѣсь въ Россійскомъ государствѣ слухъ было понесся, что Польскій Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру и въ дружбѣ, а на ихъ вѣру хочетъ наступить, такъ они бы объявили, какъ Польскій король съ Турскимъ, папою и цесаремъ? и на ихъ вѣру отъ Поляковъ какого посяганья нѣтъ ли?» Черкасы отвѣчали: «Посяганья на насъ отъ Польскаго короля никакого не бывало; съ Турскимъ онъ въ миру, а на море намъ на Турскихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаемъ, а на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну всѣ мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству всѣ бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ какъ своихъ холопей». Царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и писалъ въ грамотѣ: «Впередъ мы васъ въ нашемъ жалованьи забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службѣ; а на Крымскіе улусы нынѣ васъ не посылаемъ, потому-что Крымскій Джанибекъ-Гирей царь на наши государства войною не ходитъ и наши люди также Крымскимъ улусамъ вреда никакого не дѣлаютъ» [7].

Несмотря однако на то, что Сагайдачный умѣлъ жить въ

миру съ панами, полнаго примиренія съ козаками въ государствѣ не было и сильно занималъ вопросъ, нужно ли оставить козаковъ, или надобно ихъ уничтожить? Мы видѣли, что этотъ вопросъ былъ поставленъ въ договорѣ, заключенномъ Русскими Тушинцами подъ Смоленскомъ съ королемъ Сигизмундомъ; въ 1617 году заключенъ былъ миръ съ Турками, по которому Поляки обязались не допускать козаковъ до плаванія по Черному морю. Но козаки Днѣпровскіе, точно такъ же, какъ и Донскіе, не могли не громить Турецкихъ кораблей, иначе имъ нѣгдѣ было достать себѣ зипуновъ. Благодаря козакамъ, миръ съ Турціею не могъ быть надеженъ; поэтому опять поднялся вопросъ: быть или не быть козакамъ? въ 1618 году извѣстный публицистъ Польскій, Пальчовскій, призналъ нужнымъ издать книжку: *О казакахъ—уничтожить ихъ или нѣтъ?* Авторъ даетъ отвѣтъ отрицательный; по его мнѣнію, истребить козаковъ *безчестно*, *безполезно* и *невозможно*. *Безчестно:* ибо это значитъ исполнить требованіе непріятеля Турка, истребить христіанъ, тогда какъ Украйна при дворахъ Европейскихъ считается единственною оградою христіанства. *Безполезно*: если не будемъ имѣть сосѣдями козаковъ, то будемъ имѣть сосѣдями Турокъ и Татаръ: что лучше? *Невозможно:* еще при королѣ Стефанѣ хотѣли истребить козаковъ, да отложили намѣреніе за невозможностію, а тогда козаковъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Если кто скажетъ, что можно, Нѣмецкихъ рыцарей уничтожили же, то отвѣчаю: «съ Нѣмецкимъ орденомъ Польша боролась 200 лѣтъ, пока его уничтожила; кто будетъ совѣтовать начать двухсотлѣтнюю борьбу съ козаками для ихъ уничтоженія, того надобно подвергнуть остракизму».

По смерти Сагайдачнаго, усилившіяся волненія религіозныя, борьба уніатскихъ епископовъ съ православными, усилившееся гоненіе на православныхъ, убійство главнаго гонителя Кунцевича — все это выдвигало козаковъ на первый планъ, какъ защитниковъ православія, тѣмъ болѣе, что православная Западно-Русская церковь получила теперь, въ лицѣ ми-

трополита Іова Борецкаго, правителя энергическаго, не похожаго на Онисифора Дѣвочьку и Михаила Рагозу. Борецкій понималъ смыслъ того крика народнаго, который такъ обезпокоилъ Льва Сапѣгу: «Лучше въ неволю Турецкую, чѣмъ терпѣть такія притѣсненія!» Но Борецкій не хотѣлъ идти въ неволю Турецкую: у него были подъ руками козаки, у него была еще Москва въ виду. Въ концѣ 1624 года встало волненіе въ Кіевѣ; войтъ Ѳедоръ Ходыка да мѣщанинъ Созонъ вздумали печатать церкви православныя; митрополитъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетманъ прислалъ въ Кіевъ двоихъ полковниковъ, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велѣлъ имъ въ окольныхъ Кіевскихъ городахъ собраться съ тамошними козаками и идти въ Кіевъ для обереганія вѣры христіанской; полковники исполнили порученіе, явились въ Кіевѣ въ 1625 году послѣ Крещенья, распечатали церкви и схватили Ходыку съ тѣми мѣщанами, которые умышляли вмѣстѣ съ нимъ противъ православія.

Разумѣется, такое распоряженіе не могло обѣщать ничего хорошаго Борецкому со стороны Польскаго правительства, и вотъ въ Февралѣ 1625 года пріѣхалъ въ Москву отъ Кіевскаго митрополита Луцкій епископъ Исакій съ просьбою, чтобъ государь взялъ Малоросеію подъ свою высокую руку и простилъ козакамъ ихъ вины. Бояре отвѣчали Исакію: «Какъ видно изъ твоихъ рѣчей, мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась, укрѣпленья объ этомъ между вами еще нѣтъ; про козаковъ ты сказалъ, что ихъ столько не будетъ, чтобъ стоять противъ Поляковъ однимъ безъ помощи, и говоришь, что теперь Запорожское войско идетъ на весну моремъ на Турокъ: такъ теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. А если впередъ вамъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненіе, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте знать; тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православ-

ную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленьи видѣть.» Исакій отвѣчалъ: «У насъ та мысль крѣпка, мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ, объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, а теперь боимся, если Поляки на насъ наступятъ скоро, то намъ кромѣ государской милости дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско Запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣться негдѣ» [8].

Распоряженія козаковъ въ Кіевѣ и вмѣшательство ихъ въ дѣла Крымскія, гдѣ они поддерживали хана, враждебнаго Туркамъ, жалобы султана по этому случаю — все это заставило гетмана Польскаго Станислава Конецпольскаго, въ концѣ Сентября 1625 года, вступить въ Украйну съ 30,000 своего войска и съ 3,000 Нѣмцевъ цесарскихъ. Между Русскими пошелъ слухъ, что Конецпольскій пришелъ козаковъ уменьшить и, уменьша козаковъ, вѣру Римскую въ Кіевѣ и во всѣхъ Литовскихъ городахъ ввести. Въ Каневѣ и Черкасахъ Поляки много козаковъ побили и мѣста ихъ козацкія разорили. Выступивъ изъ Черкасъ, Конецпольскій сталъ обозомъ въ десяти верстахъ ниже Крылова; по ту-же сторону Днѣпра стали обозомъ и козаки, пришедшіе изъ Запорожья, и городовые, тысячъ съ 20, съ полковниками Дорошенкомъ, Измаиломъ, Олиферомъ, да съ Пырскимъ, что у нихъ былъ гетманомъ въ Запорогахъ. Гетманство дано было Измаилу. 26 Октября произошелъ у нихъ бой съ Поляками; послѣдніе одолѣли, козаки отступили и расположились надъ Куруковымъ озеромъ, гдѣ Поляки должны были снова ихъ добывать съ большою для себя потерею: нѣсколько знатныхъ людей у нихъ погибло, убито было множество лошадей. Но потеря козаковъ была еще значительнѣе; они не видали болѣе возможности держаться, свергнули Измаила, выбрали въ гетманы Михайлу Дорошенка и вступили въ переговоры съ Конецпольскимъ. Коммиссія, собравшаяся подъ предсѣда-

тельствомъ Конецпольскаго въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы, объявила козакамъ слѣдующіе обвинительные пункты: 1) непослушаніе ихъ республикѣ обнаружилось въ частыхъ походахъ на море, навлекшихъ на Польшу войну Турецкую; козаки выходили въ море въ то самое время, когда знатный посолъ Польскій, панъ конюшій коронный, обѣщалъ отъ нихъ покой султану. 2) Войско Запорожское ссылается съ Москвою, съ которою у Польши вѣрнаго мира нѣтъ, одно кратковременное перемиріе; козаки даютъ Московскому титулъ царскій; ссылаются съ Шагинъ-Гиреемъ Крымскимъ безъ вѣдома республики; заключили союзъ съ нимъ и людей на помощь ему посылали. 2) Козаки принимаютъ къ себѣ людей духовныхъ (напримѣръ Іерусалимскаго патріарха), разныхъ обманщиковъ, которые называются цариками Турецкими, господариками Волошскими. 4) Вопреки власти королевской, козаки сажаютъ другихъ митрополитовъ и владыкъ при жизни старыхъ. 5) Подданные шляхты и державцевъ, отказавшись отъ послушанія господамъ своимъ, съ помощью козаковъ нападаютъ на послѣднихъ, какъ на злодѣевъ, землю себѣ берутъ, пожитки и доходы у людей заслуженныхъ отнимаютъ. 6) Недавно на Кіевъ напали, войта, человѣка добраго, и попа своей религіи невинно умертвили, иныхъ въ тюрьму посажали и на поруки отдали, имѣніе отняли; на монастырь Кіевскій понепріятельски напали, землю у него отняли и хуторъ на ней поставили; намѣстника подвоеводскаго обезчестили. Разныхъ чиновъ людямъ, духовнымъ, свѣтскимъ, горожанамъ и жидамъ неслыханныя обиды сдѣлали. Изъ этихъ обвиненій вытекали слѣдующія требованія: 1) Чтобъ выданы были на казнь всѣ тѣ, которые начальствовали въ походахъ противъ Турокъ во время посольства конюшаго короннаго, также всѣ тѣ, которые были виновниками убійствъ Кіевскихъ, Богуславскихъ, Корсунскихъ и наѣздовъ на домы шляхетскіе. 2) Чтобъ тѣ, которые ѣздили послами въ Москву, подъ присягою показали, съ чѣмъ туда ѣздили, и грамоты, полученныя отъ Московскаго, отдали въ руки коммиссарамъ. 3) Чтобъ

объявили, куда дѣвали царика Ахію? 4) Чтобъ сожгли челны въ присутствіи посланцевъ коммиссарскихъ. 5) Чтобъ съ тѣхъ поръ ни одинъ козакъ Запорожскій ни Днѣпромъ, ни Дономъ не выходилъ на море. 6) Такъ какъ въ козаки бѣгаютъ подданные отъ пановъ своихъ, ремесленники отъ ремеслъ, и своевольствомъ своимъ чернятъ славу козацкую, то король не позволяетъ увеличивать число козаковъ. Имена всѣхъ козаковъ и домы, гдѣ въ какомъ мѣстѣ живутъ, должны быть написаны на одномъ реестрѣ и за рукою старшаго отосланы въ казну королевскую. 7) Козаки должны повиноваться тому старшинѣ, котораго, по волѣ королевской, гетманъ коронный дастъ имъ изъ ихъ же среды. На этотъ разъ гетманъ утверждаетъ Дорошенка. 8) Козаки не должны вмѣшиваться въ управленіе староствами. 9) Козаки, обвиненные въ насиліяхъ людьми разныхъ чиновъ, должны быть немедленно преданы суду. 10) Козакъ, обвиненный въ чемъ-нибудь, судится сотниками, въ присутствіи подстаросты; если козакъ жалуется не на козака, то послѣдній судится подстаростою, а сами козаки между собою судятся своимъ судомъ. 11) Козаки не должны сноситься съ иностранными государями, постановлять съ ними что-либо и вступать къ нимъ въ службу.

Козаки отвѣчали на обвиненія: 1) Люди, начальствовавшіе въ походѣ противъ Турокъ въ бытность конюшаго короннаго у султана, еще до срока выданы и отосланы на сеймъ для наказанія. А такъ какъ намъ жалованье королевское, обѣщанное на прежнихъ коммиссіяхъ, не доходило, то мы должны были сами о себѣ промышлять. 2) Въ Москву посылали мы по давнему обычаю, чтобъ Московскій не переставалъ присылать намъ казну. Что же касается до сношеній съ Шагинъ-Гиреемъ, то волна прибыла къ Крымскому берегу товарищей нашихъ, шедшихъ съ Дону для добычи; этихъ голодныхъ людей Шагинъ-Гирей взялъ къ себѣ въ службу и потомъ прислалъ къ намъ со всѣми христіанами, сколько ихъ тамъ отгромили; притомъ Шагинъ-Гирей обя-

зывался заключить миръ съ королевствомъ Польскимъ и намъ казалось, что не должно было откладывать такого дѣла. 3) О патріархѣ и другихъ духовныхъ король давно знаетъ; мы и духовные наши предъ нимъ оправдались. 4) Относительно пріѣзда цариковъ Турецкихъ, Московскихъ и господариковъ Волошскихъ мы себя виноватыми не считаемъ, потому-что искони вольно всякаго титула людямъ за Пороги пріѣзжать и отъѣзжать. 5) Мы обязаны взыскать съ людей, обвиненныхъ въ наѣздахъ и грабежахъ. 6) Относительно войта Кіевскаго, попа и другихъ отвѣчаемъ: видя, что дѣлается въ княжествѣ Литовскомъ, на Бѣлой Руси, на Волыни и Подолѣ, какія притѣсненія терпятъ церкви наши старой религіи Греческой, какъ не позволяютъ духовнымъ нашимъ отправлять въ нихъ богослуженіе, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, отдаютъ во власть уніатамъ, остерегаясь, чтобъ и намъ того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войтъ въ Кіевѣ нетолько церкви печатаетъ, доходы отнимаетъ, но и митрополита и насъ ругаетъ, видя все это, могли ли мы терпѣть? Отдаемъ на разсужденіе вашихъ милостей. 7) Земля, взятая у монастыря Кіевскаго, принадлежала церкви св. Василія, а не ему. 8) Въ Корсунѣ и Богуславѣ была месть за тиранское пролитіе крови христіанской. 9) Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, какъ скоро получимъ за нихъ вознагражденіе. 11) Паны урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить къ намъ: вотъ и набралось къ намъ множество народу изъ ремесленниковъ; но теперь мы охотно отдѣлимъ отъ себя всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ»[9]. Коммиссія постановила, что впередъ казаки будутъ повиноваться только тому старшему, котораго утвердитъ король и коронный гетманъ; если этотъ старшій не будетъ исполнять своихъ обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смѣны старшаго; то же должны дѣлать и по смерти старшаго. Но еслибъ козацкое войско находилось въ дальнемъ разстояніи отъ коро-

ля или гетмана, то козаки могутъ избрать старшаго изъ среды себя и вручить ему правленіе до тѣхъ поръ, пока король и коронный гетманъ одобрятъ избраннаго. Форма присяги старшаго была слѣдующая: «Я, Михайла Дорошенко, клянусь Господу Богу, въ Троицѣ Святой Единому, что пресвѣтлѣйшему королю Польскому Сигизмунду III и его наслѣдникамъ и республикѣ Польской въ сей должности моей, согласно волѣ его королевскаго величества, во всемъ вѣрность и повиновеніе сохранять буду, соблюдая во всемъ повелѣнія его королевскаго величества и республики, укрощая всякое своеволіе и непослушаніе, а именно: ни я самъ, ни посредствомъ другихъ противъ Турецкаго императора, ни сухимъ путемъ, ни моремъ, не буду ходить и воевать, развѣ только по повелѣнію его королевскаго величества и республики. Напротивъ того, еслибъ кто изъ войска его королевскаго величества, мнѣ ввѣреннаго, или же кто со стороны вознамѣрился то сдѣлать, и я про то зналъ бы, то обязываюсь доносить объ этомъ его королевскому величеству и коронному гетману и таковымъ нарушителямъ королевскаго повелѣнія сопротивляться. Никакихъ полчищъ созывать и собирать, безъ соизволенія его королевскаго величества, не буду, и даже таковыя, по обязанности моей, стану преслѣдовать; а также всѣ условія, въ самомалѣйшихъ пунктахъ въ бумагахъ пановъ коммиссаровъ на Медвѣжьихъ Лозахъ прописанныя, я со всею моею дружиною исполнять буду». Эти пункты были слѣдующіе: число реестровыхъ козаковъ назначается 6,000; они пользуются всѣми правами, полученными отъ прежнихъ королей Польскихъ и нынѣ царствующаго Сигизмунда; имъ позволяется снискивать себѣ пропитаніе торговлею, рыбною ловлею и охотою, но безъ вреда угодьямъ старостинскимъ; кромѣ того, ежегодно назначается имъ отъ короны 60,000 злотыхъ жалованья; старшинамъ назначается особое жалованье. Изъ 6,000 реестровыхъ козаковъ 1,000 или болѣе должны находиться за Порогами, наблюдая за движеніями враговъ. Если самъ старшій отправится

въ Запорожье, то вмѣсто себя оставляетъ способнаго человѣка. Козаки не должны выходить Днѣпромъ въ море и начинать войну съ какимъ-либо сосѣднимъ государствомъ, и потому всѣ морскія лодки будутъ сожжены въ присутствіи коммиссаровъ. Козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться; ему дается 12 недѣль сроку для очистки дома и земли. Войску ни въ какія дѣла, ему непринадлежащія, не вмѣшиваться; союзовъ съ сосѣдними державами ни подъ какимъ предлогомъ не заключать, пословъ отъ нихъ не принимать и въ службу иностранныхъ владѣтелей не вступать.

Окончивши коммиссію, Конецпольскій пошелъ въ Баръ; паны, бывшіе съ нимъ, разъѣхались по своимъ имѣніямъ; вмѣсто себя на Украйнѣ гетманъ оставилъ полковника Казановскаго съ 15,000 войска, которое размѣстилось въ Васильковѣ, Треполѣ, Оржищахъ, Стайкахъ, Хвостовѣ, Кіевѣ. Дорошенко съ Польскими коммиссарами ѣздилъ по казацкимъ городамъ, разбиралъ козаковъ; по городамъ козаки слушались Дорошенка, потому что лучшіе люди изъ нихъ пристали къ нему; но которыхъ отставляли отъ козачества, тѣ думали посылать бить челомъ царю Михаилу Ѳедоровичу, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ помощь дать своими государевыми людьми на Поляковъ, а они, козаки, станутъ служить государю и города Литовскіе будутъ очищать на государево имя, чтобъ имъ православной вѣры не отбыть.

Но козаки, послѣ пораженія отъ Конецпольскаго, были слишкомъ слабы для какого-нибудь важнаго предпріятія. Это пораженіе отняло у Іова Борецкаго надежду произвести посредствомъ козаковъ возстаніе православнаго народонаселенія Турціи во имя искателя Турецкаго престола, выдававшаго себя княземъ крови султанской и вмѣстѣ христіаниномъ Греческаго исповѣданія. Мы видѣли, что Польскіе коммиссары толковали съ козаками о какомъ-то царикѣ Ахіи. Въ концѣ 1625 года явились въ Москву изъ Запорожья козакъ Иванъ Гиря съ товарищами и Македонянинъ Маркъ Ѳедо-

ровъ, посланные къ царю Михаилу отъ Александра Ахіи, который выдавалъ себя за Турецкаго царевича, сына султана Магомета; Александръ разсказывалъ, что онъ вывезенъ изъ Турціи матерью своею, Гречанкою Еленою, былъ у императора, у герцога Флорентійскаго, у короля Испанскаго и теперь пріѣхалъ поднимать Запорожскихъ козаковъ противъ Турокъ, прислалъ просить помощи и у государя Московскаго. Александръ писалъ Михаилу, что будущею весною хочетъ идти по суху и моремъ въ землю Греческую, гдѣ ожидаетъ его большое войско изъ православныхъ Болгаръ, Сербовъ, Албанцевъ и Грековъ; всего войска 130,000. Думный дьякъ Грамотинъ отвѣчалъ посланнымъ, что государь желаетъ Александру царевичу всякаго добра, чтобъ сподобилъ его Богъ отцовскаго государства достигнуть, а помочь ему не можетъ, потому что Александръ царевичъ теперь живетъ въ Литовской землѣ у Запорожскихъ Черкасъ, которые послушны Польскому королю, а Польскій король государю недругъ, и помочь черезъ чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество къ Александру царевичу послать не соизволилъ, потому что если Литовскій король довѣдается, что Александръ царевичъ ссылается съ царскимъ величествомъ и помощи проситъ, то король не сдѣлалъ бы Александру царевичу какой помѣшки; а для любви царское величество посылаетъ Александру царевичу на 1,000 рублей соболей, лисицъ и бархатовъ золотныхъ. Въ Декабрѣ 1625 года Путивльскій воевода далъ знать въ Москву, что въ Запорожьѣ собралось было съ Александромъ козаковъ тысячъ съ тридцать; но какъ скоро пришла къ нимъ вѣсть, что гетманъ Конецпольскій съ Поляками идетъ на нихъ къ Кіеву, то межь козаками сдѣлалась рознь и разошлись они изъ Запорожья по Литовскимъ городамъ, начали собираться противъ гетмана Конецпольскаго. 1 Сентября царевичъ Александръ съ своими людьми самъ-пятъ изъ Запорожья поѣхалъ въ Литовскую землю и пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Іовъ держалъ его тайкомъ отъ Поляковъ въ Архангельскомъ

монастырѣ и одѣлъ его въ монашеское платье, потому что Конецпольскій вездѣ велѣлъ его сыскивать накрѣпко; а въ Ноябрѣ Іову удалось отправить его тайно въ Московское государство, велѣвши ему, ѣдучи до Путивля, сказываться купецкимъ человѣкомъ. Когда въ Москвѣ узнали, что Александръ въ Путивлѣ, то государь велѣлъ боярамъ подумать объ этомъ дѣлѣ. Бояре разсуждали: «Это дѣло новое, небывалое! если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя Турскихъ и Крымскихъ людей? Невѣдомо, съ какимъ умысломъ царевичъ Александръ пріѣхалъ въ Путивль? убѣжалъ ли отъ Поляковъ, или нарочно ими присланъ, чтобъ государя съ Турскимъ поссорить? Взять Александра и отдать его Турскому султану за вѣчный миръ, чтобъ султанъ запретилъ Крымцамъ нападать на государевы украйны— опасно, чтобъ тѣмъ Бога не прогнѣвать, человѣка христіанина на смерть отдавши. Праведныя судьбы Божіи никому неизвѣстны: что если онъ прямой султана Магомета сынъ и крещенъ въ православную христіанскую вѣру прямо и былъ во многихъ государствахъ и нигдѣ ему зла не сдѣлали! Если его отдать, то Бога бы не прогнѣвать, Грековъ и всѣхъ тѣхъ, которые на Александра надѣются, не оскорбить и отъ Турскаго въ конечное разоренье не привести; да чтобъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христіанина отдали въ поганскія руки». 17 Декабря указалъ государь и бояре приговорили послать въ Путивль дворянина и привезти Александра въ Мценскъ, гдѣ его и оставить до времени, а для береженья послать 10 человѣкъ стрѣльцовъ. Приставамъ патріархъ Филаретъ наказалъ: если Александръ станетъ проситься въ церковь, то вы бы его въ церковь пускали, а стоять ему въ трапезѣ, которая не освящена, а если станетъ проситься въ церковь, то вы ему отговаривайте, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзя, потому что онъ теперь сдѣлалъ себѣ хохолъ и называется Полякомъ, а въ Россійскомъ государствѣ Поляковъ въ церковь не пускаютъ. Александръ билъ челомъ

чтобъ государь отпустилъ его къ Донскимъ козакамъ, а оттуда онъ пойдетъ на Дунай, въ Волошскую землю и Болгарію и иныя страны, которыя признали его государемъ; и чтобъ государь велѣлъ Донскимъ козакамъ помочь ему; если же государь на Донъ отпустить его не велитъ, то велѣлъ бы отпустить къ Нѣмцамъ черезъ Новгородъ или Архангельскъ, чтобъ ему можно было пройти къ Флорентійскому князю. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что на Дону живутъ козаки, люди вольные, и царскаго повелѣнья мало слушаютъ; притомъ же ихъ мало, большой войны Турскому они не сдѣлаютъ, да съ Турскими султанами у него, царя, братство, любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу черезъ Архангельскъ. Но въ 1637 году Александръ опять явился въ Россію и присылалъ на Донъ грамоту, въ которой звалъ къ себѣ Донцовъ и Запорожцевъ въ Черниговъ. Чѣмъ кончились его похожденія, неизвѣстно [10].

Между-тѣмъ и реестровые козаки подъ начальствомъ Дорошенка мало оказывали расположенія исполнять условія, предписанныя на Медвѣжьихъ Лозахъ; запорожскіе чайки (лодки) являлись на Черномъ морѣ. Въ началѣ 1626 года Крымскій ханъ напалъ на Украйну. Поляки потребовали отъ Дорошенка, чтобъ онъ съ козаками и нарядомъ шелъ къ нимъ въ сборъ; Дорошенко пошелъ было, но въ городѣ Большихъ Прилукахъ явился къ нему посолъ отъ хана и напомнилъ, что у козаковъ съ Татарами миръ, скрѣпленный присягою, и потому козакамъ нельзя идти къ Полякамъ на помощь. Дорошенко возвратился назадъ; мало того: Запорожцы съ гетманомъ Олиферомъ передались хану и вмѣстѣ съ нимъ ходили войною на Польшу [11]. Въ 1627 году король прислалъ къ Дорошенку дворянина своего съ приказаніемъ, чтобъ козаки были всѣ готовы на весну идти противъ шведскаго короля. Гетманъ собралъ въ Каневѣ раду, и на этой радѣ козаки королевскому посланцу отказали: «Противъ шведскаго короля намъ нейти, потому что король Польскій и паны радные по-

житки всякіе у насъ отняли, на море намъ ходить не велятъ, мы отъ этого оскудѣли, на службу противъ Шведскаго короля подняться намъ нечѣмъ». И послали они къ королю и къ панамъ раднымъ посланцевъ своихъ просить, чтобъ имъ козакамъ впередъ быть въ десяти тысячахъ, и король бы имъ прислалъ денегъ и сукна на десять тысячъ [12].

Дорошенко погибъ въ Крыму въ 1628 году, принимая участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ; на его мѣсто былъ поставленъ Григорій Черный, который однако своею преданностію Полякамъ и, какъ говорятъ, принятіемъ уніи, не понравился козакамъ. Въ 1630 году правительство разставило войска свои въ Кіевскомъ округѣ; въ народѣ пошелъ слухъ, распущенный, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ Кіевопечерскимъ, что войска идутъ для истребленія козаковъ и вѣры православной. Козаки взволновались, убили своего старшаго Григорія Черпаго и на его мѣсто провозгласили Тараса. Конецпольскій двинулся противъ нихъ и сошелся подъ Переяславлемъ. Исходъ этой войны въ большей части извѣстій, какъ Малороссійскихъ, такъ и Польскихъ, представляется загадочнымъ: козаки берутъ верхъ надъ Конецпольскимъ и, несмотря на то, выдаютъ ему Тараса, котораго Поляки казнятъ въ Варшавѣ. Извѣстный намъ Путивлецъ Гладкій [13] такъ разсказывалъ дѣло: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ козаковъ въ Переяславлѣ. У Польскихъ людей съ Черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ Черкасы Поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою Черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ Поляковъ въ обозѣ побили, перевозы по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конецпольскій съ Черкасами помирился, а приходилъ онъ на Черкасъ за ихъ непослушанье, что они самовольствомъ ходятъ подъ Турецкіе города, и всѣмъ войскомъ убили Гришку Черпаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ Черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другаго гетмана, Каневца Тимоху Арандаренка. А было у

Конецпольскаго Польскихъ и Нѣмецкихъ людей и Черкасъ лучшихъ, которые отъ Черкасъ пристали къ Полякамъ, 8,000, а Черкасъ было 7,000». Изъ этого извѣстія можно принять для объясненія дѣла одно только обстоятельство: присутствіе *лучшихъ* Черкасъ въ Польскомъ войскѣ; вѣроятно, эти лучшіе Черкасы повернули дѣло такъ, что Тарасъ былъ выданъ и чернь не получила никакихъ выгодъ отъ своего возстанія.

Уже въ 1631 году козаки перемѣнили Арандаренка и выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу. Козаки не переставали громить Турецкіе берега Чернаго моря; султанъ собралъ было войско на Польшу вмѣстѣ съ Москвою; но неудача послѣдней подъ Смоленскомъ заставила и его помириться съ Польшею; при заключеніи мира, Польское правительство обязалось совершенно изгнать козаковъ съ Днѣпровскихъ островозъ. Для этого коронный гетманъ Конецпольскій въ 1635 году построилъ на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ; но въ томъ же году козаки, возвращаясь съ моря подъ начальствомъ Сулимы, разорили крѣпость. Сулима былъ схваченъ, съ помощію реестровыхъ козаковъ, и казненъ. Но въ слѣдующемъ году началось волненіе на Украйнѣ. Здѣсь со стороны Польскаго правительства впервые является дѣйствующее лице, съ которымъ часто будемъ встрѣчатся впослѣдствіи, Адамъ Кисель, подкоморій Черниговскій. Кисель былъ Русскій родомъ, членъ одной изъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя сохранили еще старую Русскую вѣру. Вслѣдствіе этого обстоятельства Кисель тянулъ къ Руси, къ Русскому народу, былъ врагомъ уніи; но, съ другой стороны, будучи знатнымъ и богатымъ землевладѣльцемъ на Украйнѣ, онъ смотрѣлъ на народонаселеніе своихъ земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовалъ козакамъ, которые, являясь защитниками православія, прежде всего были союзниками хлопства: въ козаки бѣжали хлопы, нехотѣвшіе жить въ крестьянствѣ, а этого панъ Кисель не могъ сносить хладнокровно. Такимъ образомъ онъ находился всегда между двухъ огней, а Поль-

ское правительство нарочно посылало его всегда коммиссаромъ, посредникомъ при столкновеніяхъ своихъ съ казаками, какъ Русскаго и православнаго. Въ Августѣ 1636 года взволновались козаки въ Переяславлѣ; выведенные изъ терпѣнія насиліями воеводича Русскаго, они рѣшились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовала; Кисель, коммиссаръ отъ правительства у казаковъ, оставался при ней. Наконецъ козаки пришли къ старшинѣ и начали кричать, что въ Маѣ высланы имъ деньги и въ Августѣ еще не привезены; кричали, что правительство ихъ притѣсняетъ. Кисель уговорилъ ихъ подождать четыре недѣли и немедленно написалъ объ этомъ королю (6 Августа), давая знать, что дѣйствительно козакамъ дѣлаются притѣсненія во многихъ мѣстахъ. Написалъ и гетману Конецпольскому (25 Августа); въ этомъ письмѣ Кисель говоритъ, что онъ замѣтилъ три вещи въ козацкомъ войскѣ неразумномъ: 1) любовь къ религіи Греческой и къ духовенству этой религіи, хотя козаки въ религіозномъ отношеніи похожи болѣе на Татаръ, чѣмъ на христіанъ; 2) сильнѣе на нихъ дѣйствуетъ страхъ, нежели милость; 3) хищничество. Вслѣдствіе этого онъ, Кисель, уговорилъ митрополита послать двоихъ духовныхъ особъ съ увѣщаніемъ къ козакамъ не возставать противъ республики. Старшинъ, прибавляетъ Кисель, должно удерживать дарами, а чернь страхомъ.

Весной 1637 года новое волненіе: коммиссары королевскіе пріѣхали къ козакамъ, чтобъ отдать имъ жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочетъ давать присягу, хочетъ идти на Запорожье. Коммиссары стали уговаривать козаковъ, грозили, что они подвергаются опасности, что республика изгладитъ ихъ имя, что она скорѣе согласится видѣть на Днѣпрѣ дикихъ звѣрей и пустыню, чѣмъ мятежную чернь. «Настоящее ваше дѣйствіе» говорили коммиссары, «можетъ быть началомъ своеволія, но своеволіе не будетъ его слѣдствіемъ; вы можете идти на Запорожье, но оставите здѣсь женъ и дѣтей, да и сами долго на Запо-

рожьѣ жить не можете, принесете опять свои головы подъ саблю республики; измѣнить же и уйти въ другое мѣсто напрасно грозитесь, ибо Днѣпръ ваша отчизна, въ другомъ мѣстѣ такой не найдете. Дона нечего и сравнить съ Днѣпромъ и тамошней неволи съ здѣшнею волею: какъ рыбѣ безъ воды, такъ козакамъ безъ Днѣпра быть нельзя, а чей Днѣпръ, тому и козаки должны принадлежать всегда». Козаки расплакались, услыхавши о Днѣпрѣ. Старшій, или гетманъ Томиленко, котораго коммиссары называютъ простякомъ, но трезвымъ и скромнымъ, отказался отъ должности, но его выбрали снова, положили не измѣнять республикѣ и присягнули.

Но спокойствіе было минутное; Кисель писалъ, что дѣла плохи на Украйнѣ, ибо козаки — звѣрь безъ головы (Bellua sine capite), стадо безъ пастуха. По его мнѣнію, непремѣнно долженъ быть на Украйнѣ начальный человѣкъ, чтобъ гасить пожаръ, могущій произойти отъ первой искры. Обязанность его предотвращать столкновенія между козаками и правительственными лицами, укрощать волненіе въ самомъ началѣ; онъ долженъ платить деньги, долженъ имѣть власть бунтовщика вычеркнуть изъ списковъ, долженъ имѣть денежныя средства, которыя дадутъ ему возможность пріобрѣтать приверженцевъ; приверженцы эти должны составлять оппозицію бунтовщикамъ. «Надобно (пишетъ Кисель), чтобъ у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а дѣйствительная власть была бы у этого человѣка, какимъ бы онъ именемъ не назывался». Несмотря однако на неудовольствія и волненія между козаками, возстанія не было на Украйнѣ; оно вспыхнуло на низу; предводителемъ былъ Павликъ, или Павлюга, который, вышедши тайно изъ Запорожья, взялъ силою артиллерію изъ Черкасъ; тогда, что только было гультяйства (бездомовниковъ) на Украйнѣ, выпищиковъ, могильниковъ, будниковъ, овчаровъ, особенно изъ имѣній князя Вишневецкаго и изъ-за Днѣпра, все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшаго своего Томиленка въ послабленіи своеволію, собрали раду, свергнули

его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетманъ началъ дѣйствовать въ духѣ избравшихъ его и правителства: сталъ уговаривать возставщихъ прекратить возстаніе; тогда Павликъ и другой начальникъ возставшихъ, Скиданъ, явились въ Переяславлѣ, созвали раду и, воспользовавшись своимъ большинствомъ, убили Савву Кононовича. Они не хотѣли прямо вдругъ разрывать съ правительствомъ, и потому написали Конецпольскому съ просьбою, чтобъ правительство не сердилось на нихъ; выставляли Кононовича человѣкомъ неспособнымъ къ гетманству, чужеземцемъ, Москалемъ. Конецпольскій отвѣчалъ имъ: «Повинуйтесь старшему, котораго вамъ дастъ король, а не тому, кто самъ на себя возьметъ это достоинство; сожгите всѣ челны и воспрепятствуйте морскимъ набѣгамъ: тогда возвратите къ себѣ милость королевскую.

Условія не понравились Павлику и его козакамъ. 11 Октабря 1637 года явился универсалъ, призывавшій Русскихъ къ возстанію; здѣсь говорилось, что непріятели народа Русскаго и вѣры старожитной Греческой, Ляхи, идутъ на Украйну съ тѣмъ, чтобъ войско и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ истребить, женъ и дѣтей въ неволю забрать. Ляхи дѣйствительно явились подъ начальствомъ Брацлавскаго воеводы Потоцкаго и встрѣтились съ козаками подъ Кумейками 8 Декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпѣли пораженіе; около 3,000 ихъ пало въ таборѣ; ни одинъ не просилъ помилованія, только и слышенъ былъ голосъ, что надобно помереть одному на другомъ; если же Полякъ падалъ съ лошади, то козаки сбѣгались и рвали трупъ на куски. Ночью Павликъ и Скиданъ ушли, но Потоцкій утромъ нагналъ ихъ при Боровицѣ, окружилъ и началъ обстрѣливать. Адамъ Кисель предложилъ козакамъ выдать Павлика и другихъ зачинщиковъ возстанія, поручившись, что король не будетъ мстить имъ. Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдачѣ Павлика, козаки выбрали было себѣ другаго старша-

го, но Потоцкій объявилъ имъ, что они все потеряли бунтомъ; старшему велѣно положить булаву, бунчукъ и печать, всѣ старые полковники отставлены, даны новые. Старшимъ назначенъ Ильяшъ Караимовичъ. Но кромѣ главнаго войска, находившагося съ Павликомъ, былъ еще отрядъ козацкій подъ предводительствомъ Кизименка, который взялъ Лубны, вырубилъ шляхту и монаховъ Бернардинскихъ, трупы послѣднихъ отдалъ собакамъ; но и Кизименко попался Потоцкому, который велѣлъ посадить его на колъ, «ибо (пишетъ Потоцкій изъ Нѣжина 8 Генваря 1638 года) напрасно возить ихъ въ Варшаву на зрѣлище: лучше пусть понесутъ здѣсь казнь, гдѣ злодѣйствовали». Но Павликъ съ четырьмя товарищами были казнены въ Варшавѣ, несмотря на протестъ Киселя. Главный городъ Терехтемировъ у козаковъ отняли; гетманамъ дано приказаніе искоренить всѣхъ козаковъ, которые будутъ противиться сеймовому опредѣленію, а это опредѣленіе состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать новый наборъ козацкаго войска, въ числѣ шести тысячъ, съ назначенными отъ правительства офицерами [14].

Но этотъ сеймовый декретъ могъ быть исполненъ только послѣ новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила Полякамъ. Въ Апрѣлѣ 1638 года вспыхнуло новое возстаніе въ Запорожьѣ подъ начальствомъ Остранина, мстившаго за отца, замученнаго Поляками; Скиданъ явился также на сцену подлѣ Остранина; бо̀льшая часть реестровыхъ козаковъ съ своимъ старшимъ Ильяшемъ сражались на сторонѣ Поляковъ противъ козаковъ остраниновыхъ. Эта война замѣчательна тѣмъ, что возставшіе козаки смотрятъ за лѣвый берегъ Днѣпра, на Московскую сторону, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ неудачи. Приготовляется мало по малу то дѣло, на которое указалъ Іовъ Борецкій. Остранинъ, поразившій Поляковъ подъ Голтвою (5 Мая), но потомъ разбитый подъ Жолнинымъ (13 Іюня), ушелъ въ Московскія владѣнія, куда еще прежде вывезъ жену. Но бѣгство Остранина не отняло духа у козаковъ: они выбрали себѣ другаго старшаго, Гуню,

укрѣпились на устьѣ рѣки Старицы, впадающей въ Днѣпръ, и отбивались до послѣдней крайности отъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ и артиллеріею; наконецъ, вынужденные недостаткомъ продовольствія, козаки объявили, что будутъ повиноваться сеймову приговору. Поляки, съ своей стороны, обѣщали не преслѣдовать ихъ, когда будутъ расходиться по домамъ, но не сдержали обѣщанія. Въ концѣ года козакамъ было повѣщено, чтобъ они собрались на урочище Масловъ Бродъ слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Это рѣшеніе состояло въ томъ, что козаки лишались права избирать старшинъ; назначенъ былъ имъ коммиссаръ отъ правительства, Петръ Комаровскій, съ правомъ назначать полковниковъ; главнымъ городомъ козацкимъ, мѣстопребываніемъ коммиссара, объявленъ Корсунь. Правительство приказало возвратить козакамъ ихъ прежнія земли, которыми они владѣли наслѣдственно; но Польскій гетманъ Потоцкій съ товарищами, назначенными для улаженія дѣла, объявилъ, что этотъ пунктъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, потому что, по случаю выпавшихъ снѣговъ, нельзя различить ни столповъ пограничныхъ, ни насыпей, ни ручьевъ, ни дорогъ, ни болотъ, и потому земли трудно раздѣлить. Въ присутствіи Потоцкаго и другихъ коммиссаровъ, козаки должны были снова присягнуть въ вѣрности королю и республикѣ; все оружіе было свезено въ средину; хоругви, булавы и всѣ доспѣхи были повергнуты къ ногамъ коммиссаровъ, представителей Польши; тяжкіе вздохи раздались среди козаковъ при этомъ унизительномъ для нихъ обрядѣ. Потоцкій принялъ эти вздохи за признакъ глубокаго раскаянія.

«Съ этого времени всякую свободу у козаковъ отняли, тяжкія и необычныя подати наложили, церкви и обряды церковные Жидамъ запродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, женамъ груди деревомъ вытискивали». Это говоритъ лѣтописецъ Малороссійскій; но вотъ что̀ говоритъ Польскій: «Въ 1640 году, въ мѣсяцѣ Февралѣ, Татары Крымскіе всю

страну около Переяславля, Корсуня и обширныя имѣнія князей Вишневецкихъ вдоль и поперекъ опустошили, людей и скотъ забравши, и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи болѣе не было. Такую выгоду получила республика отъ уничтоженія козаковъ, а все оттого, что старосты и паны въ Украйнѣ хотѣли увеличить свои доходы, Жидовъ всюду ввели, все въ аренду отдали, даже церкви, ключи отъ которыхъ у Жидовъ были: кому нужно было жениться или дитя окрестить, долженъ былъ заплатить за это Жиду-арендатору».

Одновременно съ этою борьбою козацкою, кончившеюся такъ неудачно, Западно-Русское народонаселеніе продолжало другими средствами вести борьбу за вѣру и народность свою. Борьба была такъ сильна со стороны православныхъ, что уніаты въ Генварѣ 1624 года предложили имъ соглашеніе, въ основаніи котораго долженствовало быть учрежденіе патріаршества по примѣру Московскаго. Но соглашенія не послѣдовало, потому что прежде всего нужно было опредѣлить отношеніе новаго патріарха къ уніи, къ папѣ. Православные все болѣе и болѣе увеличивали свои нравственныя средства для борьбы съ уніею. Еще съ 1594 года въ Кіевѣ при братствѣ Богоявленской церкви существовала школа. Въ 1614 году пожаръ истребилъ училищный домъ; тогда въ 1615 жена Мозырскаго маршалка Лозки, Анна Гугулевичевна, пожертвовала мѣсто и нѣсколько строеній для братской школы, монастыря и гостинницы для православныхъ странниковъ духовнаго званія. Въ 1617 году основано было братство Луцкое; въ 1619 шляхта Волынскаго воеводства дала мѣщанамъ Луцкимъ грамоту, которою передала имъ надзоръ и попеченіе за дѣлами братства, «потому-что (говоритъ шляхта) мы въ городѣ вообще не живемъ и, по отдаленности, не часто бываемъ, и потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ господъ братій нашихъ, господъ мѣщанъ Луцкихъ, съ тѣмъ, чтобъ они во всемъ ссылались на насъ, какъ на старшихъ; а мы, какъ старшіе младшимъ, должны имъ по-

…ть, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ …. При братствѣ основана была, разумѣется, школа; … ея уставъ: 1) Каждый, кто хотѣлъ вступить въ школу, …нъ былъ, явившись къ ректору, избранному изъ мона… присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, …ный и къ содержанію, для того, чтобъ поспѣшно на… скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія, ибо …ый принимается только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ окончилъ …школѣ полный курсъ наукъ. 2) Если вступить не захо…, отходитъ съ благословеніемъ; если согласится на по…къ и правила, то долженъ объявить старшему и внести …кольную кружку четыре гроша; тогда будетъ вписанъ … ученики. 3) Ученикъ обязанъ оказывать совершенное, …твѣтное послушаніе старшему или кому старшій прика…. 4) Поступивши въ школу, ученикъ долженъ просить …та у начальника ея за какую науку ему взяться, и совѣту …у долженъ слѣдовать охотно; исключаются тѣ ученики, …рые отъ родителей или опекуновъ своихъ назначены къ …й-либо извѣстной наукѣ. 5) Никто не долженъ дѣлать ни …училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣл… что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать, …ъ вѣдома учителя. 6) Что будетъ говориться или дѣлаться въ …, никто за порогъ школьный выносить не долженъ. 7) Уче… не должны держать у себя никакихъ военныхъ снарядовъ, … инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей …ьныхъ; также не должны имѣть никакихъ иновѣрческихъ …ретическихъ книгъ. Касательно порядка преподаванія было …ановлено: сперва научаются складывать буквы; потомъ обу…ются грамматикѣ, церковному порядку, чтенію, пѣнію. Дѣти …дневно одинъ другаго должны спрашивать по-гречески, а …вѣчать по-славянски, также спрашивать по-славянски и от…вѣчать на простомъ языкѣ. Вообще они не должны между собою …зговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на Славянскомъ … Греческомъ. Потомъ приступаютъ къ высшимъ наукамъ, діа…ектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по-славянски.

Въ 1625 году поступилъ въ монахи Кіевопечерской лавры Петръ Могила, сынъ Молдавскаго воеводы, и въ 1626 былъ уже сдѣланъ архимандритомъ ея. Могила на свой счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей, монаховъ и мірянъ, за границу, во Львовскую, Римскую и другія академіи. Когда они черезъ четыре года возвратились на родину, то Могила вознамѣрился открыть при Лаврскомъ больничномъ монастырѣ училище. Тогда братство Богоявленское начало просить его не заводить новаго училища, а соединить его съ старымъ братствомъ, причемъ гетманъ Иванъ Петрижицкій со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ клятвенно обязался защищать братское училище отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; шляхта обязалась ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія объ училищѣ; митрополитъ Исаія Копинскій, преемникъ Борецкаго, отъ лица всего духовенства, предложилъ Могилѣ титулъ старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна и смотрителя и защитника братскаго училища. Могила согласился и средства братскаго училища сильно увеличились.

Но въ то время, какъ поднятая Могилою Кіевская школа приготовляла новыхъ поборниковъ Русской вѣры, православные Русскіе лишились самаго сильнаго изъ прежнихъ ратоборцевъ своихъ, Мелетія Смотрицкаго. Послѣ убіенія соперника своего, Іосафата Кунцевича, Мелетій, обвиняемый какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, какъ поджигатель народа, отправился на Востокъ, для точнѣйшаго изученія Восточной вѣры и церкви, какъ говорилъ онъ самъ; но вмѣсто большей привязанности къ бѣдствующей церкви, которой страданія онъ такъ сильно описывалъ прежде въ своемъ Ѳренosѣ, Мелетій возвратился на родину съ убѣжденіемъ, что Восточная церковь заражена протестантизмомъ. Въ 1628 году онъ издалъ свою защиту путешествія на Востокъ (Apologia peregrinacij do ziem wschodnich), гдѣ изложилъ свой новый взглядъ на Восточную церковь и предлагалъ православнымъ Русскимъ принять унію. Въ томъ же году на Кіевскомъ православномъ соборѣ онъ

долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и просить прощенія; но какъ только уѣхалъ изъ Кіева, то написалъ протестъ (Protestatia) противъ собора, гдѣ объявилъ, что принужденъ былъ только силою отказаться отъ своихъ убѣжденій, искреннихъ и правильныхъ. Противъ апологіи возражалъ православный протопопъ Андрей Мужиловскій въ сочиненіи Antidotum (1629); Смотрицкій отвѣтилъ въ томъ же году книгою: Exethesis, которая со стороны православныхъ вызвала *Апологію* (*погибель*, отъ Греч. apollimi — погибаю, а не отъ apologeo — защищаю).

Въ Апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ III. Въ то самое время, какъ покойникъ лежалъ на парадной постелѣ въ шапкѣ, похищенной изъ Московской царской казны, и въ тотъ самый день (18 Іюня), какъ уніатскій Кіевскій митрополитъ Іосифъ Веніаминъ Руцкій служилъ при тѣлѣ королевскомъ обѣдню на Славянскомъ языкѣ, сенатъ слушалъ посольство отъ козаковъ, которые просили: во 1) права подавать голосъ при избраніи королевскомъ, ибо и они составляютъ часть республики; при этомъ послы объявили, что все козачество подаетъ голосъ въ пользу королевича Владислава; 2) просили, чтобъ Греческая религія оставалась въ покоѣ отъ уніатовъ; 3) чтобъ число войска ихъ и жалованье ему были увеличены. Имъ отвѣчали, что дѣйствительно они составляютъ часть республики, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣческомъ; когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ; такъ и козаки: если ихъ немного, то они могутъ служить защитою республикѣ, но когда размножатся, то возникаетъ опасность, чтобы Русскіе крестьяне не встали противъ пановъ. Православные и протестанты требовали уничтоженія тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергались они при покойномъ королѣ. Но мѣры Сигизмунда произвели свои дѣйствія: успѣла образоваться сильная сторона католическихъ ревнителей, которые не хотѣли никакихъ уступокъ въ пользу диссидентовъ. Реакція системѣ Сигизмундовой всего сильнѣе обнаруживалось въ семействѣ покойнаго

короля, въ старшемъ сынѣ его Владиславѣ, за котораго не даромъ козаки подавали свой голосъ. Владиславъ принялъ на себя трудъ согласить уніатовъ съ православными, но пять часовъ сряду понапрасну толковалъ съ ними: обѣ стороны разошлись еще съ бо̀льшею ненавистью другъ къ другу. Владиславъ однако не отсталъ отъ своего предпріятія, и наконецъ, при его посредничествѣ, обѣ стороны согласились на слѣдующіе пункты: 1) быть двумъ митрополитамъ: уніатскому и православному; 2) въ Полоцкой епархіи быть двумъ архіереямъ: Полоцкому уніатскому и Мстиславскому православному; епархіи Львовская, Луцкая, Перемышльская и монастырь Кіевопечерскій уступаются православнымъ. Борьба, кончившаяся этими уступками, не обошлась безъ полемическихъ сочиненій: православные, для историческаго подтвержденія своихъ требованій, издали въ 1632 году Синопсисъ, или собраніе правъ и привилегій, данныхъ королями Польскими народу Русскому, и потомъ дополненіе къ этому Синопсису (Supplementum Synopsis); уніаты отвѣчали въ томъ же году сочиненіями: 1) Права и привилегіи королей Польскихъ, данныя обывателямъ короны Польской и в. к. Литовскаго, находящимся въ единеніи съ Римскою церковію; 2) Святое единеніе церквей Восточной и Западной; въ сочиненіяхъ этихъ они старались доказать, что унія существовала въ Русской церкви со временъ св. Владиміра. Въ 1633 году уніаты издали сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Exorbitancye Ruske*, въ которомъ перечисляются всѣ насильственные поступки православныхъ противъ уніатовъ, а именно: «11 Августа 1609 года Ипатія Потѣя, митрополита Кіевскаго, хватилъ негодяй саблею по шеѣ, убить не удалось, но у лѣвой руки отсѣкъ два пальца. 1618 года въ Выдубецкомъ монастырѣ православные схватили уніата архимандрита Антонія Грековича и утопили въ Днѣпрѣ. Въ 1622 году въ Шароградѣ протопопа уніатскаго убили, въ Кіевѣ войта и священника; на Подгорѣ уніатскаго монаха Антонія Буцкаго въ Свѣтлое Воскресенье убили при церкви; наконецъ, въ 1623

году убили Кунцевича; король долго не вѣрилъ, чтобъ это сдѣлали его подданные, думалъ, что пограничные Москали».

Въ короли былъ избранъ Владиславъ, а митрополитомъ православнымъ, теперь уже законнымъ въ глазахъ правительства, явился Петръ Могила, о которомъ вотъ что разсказываетъ въ своей лѣтописи православный шляхтичь Ерличъ: «Петръ Могила велъ себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопоталъ о цѣлости церкви Божіей; но не безъ того, чтобъ не былъ онъ охотникомъ и до славы міра сего. При вступленіи на престолъ короля Владислава, Могила былъ отправленъ на коронацію уполномоченнымъ отъ митрополита Исаіи Копинскаго и всего духовенства, потому что самъ митрополитъ не могъ ѣхать по причинѣ болѣзни; Могила выхлопоталъ себѣ королевскую грамоту на митрополію, поѣхалъ во Львовъ, посвятился тамъ у Волошскаго митрополита и владыкъ; возвратившись въ Кіевъ, отобралъ митрополичьи имѣнія, свергнулъ митрополита Исаію и отрѣшилъ священниковъ, имъ поставленныхъ; мало того: выгналъ больнаго старика изъ Михайловскаго монастыря въ одной власяницѣ, и тотъ долженъ былъ окончить жизнь въ большой бѣдности. Потомъ, уже будучи митрополитомъ, изъ за денегъ, съ вооруженнымъ отрядомъ и пушками напалъ на Николаевскій Пустынный монастырь; игуменъ убѣжалъ, а монаховъ Могила велѣлъ бить плетьми до тѣхъ поръ, пока они не объявили, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и серебро. Выгнанные изъ Пустыннаго монастыря монахи — одни обратились въ унію, другіе бродили безъ пристанища по разнымъ мѣстамъ. Нѣкоторыхъ монаховъ Печерскихъ, заковавши въ кандалы, отсылалъ къ козакамъ какъ уніатовъ. Вражда у него съ этими монахами пошла изъ за школы, для которой Могила выгналъ монаховъ Троицкихъ, гошпитальныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ; Арсенія, игумена этого Троицкаго монастыря, слѣпаго, такъ били, что чрезъ нѣсколько недѣль умеръ». Этотъ разсказъ, если вполнѣ справедливъ, показываетъ намъ, что общество во времена Могилы было то же самое, какое мы видѣли во времена Красенскихъ и

Лазовскихъ, ибо допускало такія же явленія, допускало, что люди, сильные характеромъ, богатые матеріальными средствами, знаменитые трудами своими для блага общаго, не разбирали средствъ, когда дѣло шло о достиженіи ихъ цѣлей. При такомъ состояніи общества, разумѣется, мы не имѣемъ правъ предполагать, чтобъ соглашеніе между православными и уніатами успокоило православную церковь, чтобъ сильные враги ея удерживались отъ желанія дать ей чувствовать свою силу. Въ Луцкѣ въ 1634 году, 24 Мая, когда духовенство католическое шло съ св. Тайнами, человѣкъ сто іезуитовъ, слугъ коллегіума ихъ, учениковъ и разныхъ ремесленниковъ, съ саблями, кортиками, ружьями, а иные съ кольями и каменьями, ворвались во дворъ православной братской церкви, въ комнаты духовныхъ лицъ и богадѣльню, начали отбивать и ломать церковныя двери. Видя, что дверей, крѣпко запертыхъ внутри, выбить нельзя, побѣжали на колокольню и начали звонить; когда на звонъ прибѣжало еще болѣе фанатиковъ, то они ворвались въ церковь, опрокинули подсвѣчники, скамьи, посрывали ковры. Другіе же, бѣгая по церковному двору съ палками, саблями и другимъ оружіемъ, разогнали побоями мальчиковъ изъ училища, били и мучили бѣдныхъ людей въ богадѣльнѣ, стариковъ и старухъ; палками и камнями отвѣчали тѣмъ духовныхъ людамъ, которые вышли было изъ своихъ келій для увѣщанія ихъ; били чѣмъ попало всякаго, лишь бы только былъ Русскій; разбили два сундука и забрали изъ нихъ деньги; перебили окна, повыломали двери, сорвали крышку и ушли.

Кіевскіе іезуиты, которыхъ коллегіумъ находился на Подолѣ, не могли равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе православнаго коллегіума при Могилѣ и потому начали внушать православнымъ, что въ этомъ коллегіумѣ наставники все неправославные, что, получивъ окончательное образованіе въ академіяхъ Римскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ, они заразались тамъ различными ересями и потому преподаютъ науки не на Греческомъ языкѣ, какъ бы слѣдовало православнымъ, а на

Латинскомъ. Сильвестръ Коссовъ, одинъ изъ тогдашнихъ наставниковъ училища, издалъ въ 1635 году въ защиту своихъ товарищей книгу подъ заглавіемъ Exegesis, въ которой говоритъ: «Это было такое время, когда мы, исповѣдовавшись, ждали, вотъ шляхта станетъ начинять нами Днѣпровскихъ осетровъ, или одного станутъ отправлять на тотъ свѣтъ огнемъ, а другаго мечомъ. Наконецъ Сердцевѣдѣцъ, видя невинность нашу и великую потребность народа Русскаго въ полезныхъ наукахъ, разогналъ облако ложныхъ мнѣній и освѣтилъ сердца всѣхъ такъ, что увидали въ насъ истинныхъ сыновъ Восточной церкви. Послѣ этого обыватели города Кіева и другихъ округовъ стали не только наполнять наши Horrea Apollinea дѣтьми своими, какъ муравьями, въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде при нашихъ предшественникахъ, но и величать наше училище Геликономъ, Парнассомъ и хвалиться имъ». Въ 1640 году Петръ Могила, созывая соборъ, объявилъ въ повѣсткѣ, что соборъ созывается вслѣдствіе наступившаго великаго гоненія. Московскій отъѣзжикъ Павелъ Салтыковъ билъ челомъ королю, чтобъ позволили ему въ Смоленскѣ построить православную церковь св. Бориса и Глѣба, и объявилъ: «Если не позволятъ намъ устроить въ Смоленскѣ благочестивую церковь, то намъ, всей шляхтѣ православной вѣры, изъ Смоленска и изъ Дорогобужа, отъ мала до велика, ѣхать туда, гдѣ православная вѣра свободна». Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всѣхъ вооружалъ короля и пановъ на православіе недавній уніатъ, Смоленскій архіепископъ Андрей Золотой-Квашнинъ, который далъ присягу, что въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Черниговѣ и Стародубѣ всѣхъ православныхъ приведетъ въ унію [15]. Отъ этихъ гоненій монахи и монахини цѣлыми монастырями выѣзжали въ Москву; такъ въ 1638 году пріѣхалъ Прилуцкаго Густинскаго монастыря игуменъ Василій съ 70 братіями, Прилуцкаго Покровскаго монастыря игуменья Елисавета съ 35 старицами [16]. Но мы видѣли, что кромѣ монаховъ и монахинь, въ Москву бѣжали и козаки. Потоцкій писалъ Конецпольскому въ

Декабрѣ 1638 года: «Неоднократно писалъ я къ вамъ, прося припомнить его королевскому величеству, чтобъ онъ пресѣкъ путь этимъ своевольникамъ въ Москву, потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ бѣжавшихъ туда измѣнниковъ, ибо извѣстно, что воръ не украдетъ, если ему нѐкуда спрятаться; я не сомнѣваюсь, что эта выдача положитъ предѣлъ своевольствамъ». Конецпольскій въ 1639 году писалъ королю: «Далъ мнѣ знать панъ коммиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми и 300 лошадей ушелъ къ Остранину въ Москву. Если мы не воспротивимся этимъ побѣгамъ, то нечего надѣяться покоя на Украйнѣ, когда своевольство будетъ имѣть такое близкое убѣжище». Царь Михаилъ, какъ мы видѣли, не выдалъ козаковъ; не выдастъ ихъ, какъ увидимъ, и преемникъ Михаиловъ, къ дѣятельности котораго теперь обращаемся [17].

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Характеръ молодаго царя. Морозовъ и Чистой. Окончаніе дѣла королевича Вальдемара и Лубы. Отпускъ Стемпковскаго. Извѣтъ на Нащокина. Самозванцы: Ивашка Вергуненокъ и Тимошка Акундиновъ. Распоряженія относительно Крыма. Переговоры съ Польшею о союзѣ противъ Крыма. Посольства Стрѣшнева въ Польшу и Киселя въ Москву. Печальное состояніе народа въ Московскомъ государствѣ; тяжесть налоговъ; стремленіе отбывать отъ податей. Женитьба царя на Милославской. Ропотъ на отца царицы, Милославскаго, на Траханіотова и Плещеева. Мятежъ въ Москвѣ. Судьба Морозова. Никонъ. Дѣятельность правительства послѣ мятежа. Уложеніе. Мѣры противъ закладчиковъ, противъ табаку; изгнаніе Англичанъ изъ внутреннихъ областей. Мятежъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. Замыслы недовольныхъ въ Москвѣ; новыя обвиненія противъ Морозова. Мятежи во Псковѣ и Новгородѣ. Никонъ въ Москвѣ; онъ отправляется въ Соловки за мощами св. Филиппа. Письмо къ нему царя. Никонъ патріархъ.

Новый царь добротою, мягкостію, способностію сильно привязываться къ близкимъ людямъ былъ похожъ на отца своего, но отличался бо́льшею живостію ума и характера и получилъ воспитаніе, болѣе сообразное своему положенію. Воспитателемъ его, какъ мы видѣли, былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, проведшій при немъ безотлучно тринадцать лѣтъ. Молодой Алексѣй сильно привязался къ своему воспитателю, и такъ какъ онъ тотчасъ по смерти отца

лишился и матери (царица Евдокія Лукьяновна скончалась 18 Августа 1645 года), то вліянію Морозова на государя и государство не было другаго соперничествующаго вліянія. Морозовъ былъ человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства, но не умѣвшій возвыситься до того, чтобъ не быть временщикомъ, чтобъ не пользоваться своимъ временемъ для своихъ частныхъ цѣлей. Самое сильное вліяніе на дѣла послѣ Морозова имѣлъ думный дьякъ Назаръ Чистой, бывшій прежде купцомъ въ Ярославлѣ. Что касается до характера этого человѣка, то припомнимъ изъ исторіи предшествовавшаго царствованія дѣло его съ Голштинскими послами, которое выставляетъ не въ очень выгодномъ свѣтѣ безкорыстіе Чистаго. Морозовъ и Чистой пользовались, какъ говорятъ [18], совѣтами извѣстнаго намъ иностраннаго заводчика Виніуса: первый примѣръ иностранца, получившаго вліяніе на государственныя дѣла.

Въ самомъ началѣ царствованія можно было видѣть, что правленіе находится въ крѣпкой рукѣ человѣка, умѣющаго распоряжаться умно и съ достоинствомъ; немедленно были рѣшены два тяжелыя дѣла, оставшіяся отъ предшествовавшаго царствованія: дѣло королевича Вальдемара и Лубы.

17 Іюля королевичь былъ у новаго государя съ поздравленіемъ; Алексѣй Михайловичъ началъ рѣчь о крещеніи, но королевичь попрежнему отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ; въ тотъ же день королевичь и послы Датскіе прислали государю челобитныя объ отпускѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ въ Данію гонецъ Апраксинъ съ грамотою, въ которой царь Алексѣй извѣщалъ короля Христіана о своемъ восшествіи на престолъ, увѣрялъ, что хочетъ быть съ нимъ въ доброй братственной дружбѣ и любви, и объявлялъ о скоромъ отпускѣ королевича Вальдемара и пословъ. И дѣйствительно, 17 Августа королевичь и послы были у государя на отпускѣ; Вальдемару объявили, что такъ-какъ онъ не захотѣлъ соединиться вѣрою съ государемъ, то, согласно съ его

жизнью; его отпускають назадъ къ королю-отцу съ честію, въ былъ принятъ. Королевичъ отправился и изъ Вязьмы шалъ государю, благодарилъ за великую любовь и сердечную подвижность, какія царь Алексѣй Михайловичъ всегда оказывалъ и теперь оказалъ въ томъ, что отпустилъ его послов королевскихъ со всякою честію; въ заключеніи просилъ пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксинъ пріѣхалъ въ Данію, то тамъ уже знали объ отпускѣ королевича изъ Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровьѣ государевомъ не спрашивалъ, къ рукѣ гонца не позвалъ и къ столу не пригласилъ, отвѣтную грамоту прислалъ съ секретаремъ къ гонцу, несмотря на возраженіе Апраксина, который требовалъ, чтобъ самъ король отпустилъ его. Въ грамотѣ своей король писалъ: «Хотя мы имѣемъ сильную причину жаловаться на неисполненіе договора о бракѣ сына нашего съ вашею сестрою, но такъ-какъ отецъ вашъ скончался, то мы все это дѣло предаемъ забвенію и хотимъ жить съ вами въ такой же дружбѣ, какъ жили съ вашими предками» [19].

Еще на имя царя Михаила Польскій король Владиславъ прислалъ грамоту, въ которой просилъ царя отпустить въ Польшу королевича Вальдемара и давалъ обязательство, что Датскій король не начнетъ ссоры по поводу задержанія сына его въ Москвѣ; въ другой грамотѣ король, свидѣтельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать правъ ни его, ни другихъ подобныхъ людей на Московское государство и преслѣдовать ихъ, а для бо́льшаго укрѣпленія притиснулъ къ грамотѣ свою печать. Позади у подлиннаго листа было написано: «Крѣпость его царскому величеству отъ его королевскаго величества». Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре, въ отвѣтѣ, подняли старыя жалобы, что титла пишутъ не справчиво: гдѣ надобно написать: государю Псковскому, тамъ пишутъ: царю Псковскому; гдѣ надобно: самодержцу, тамъ пишутъ: самодержцы; вмѣсто Югорскому Игорскому. «Такое новое дѣло» говорили бояре: «чинится со

стороны королевскаго величества мимо вѣчнаго доканчанья, невѣдомо какими обычаями, какъ будто къ нарушенью братской дружбы и любви; самодержецъ у насъ одинъ, другаго нѣтъ, итакъ писать «самодержцы» непригоже». Потребовали отъ посла обязательства, что тотъ, кто такъ писалъ, будетъ казненъ безъ пощады. Посолъ отвѣчалъ, что донесетъ королю; король будетъ скорбѣть и велитъ наказать этихъ людей. Потомъ бояре жаловались на порубежные разбои и на воровскія слова; посолъ отвѣчалъ, что король велитъ наказать и за это. Тогда бояре спросили: «Если въ такой же винѣ объявится шляхтичь или иной кто честный или думный человѣкъ, то надобно ли и его также наказывать?» Посолъ отвѣчалъ, что надобно. Бояре сказали на это: «Самъ ты великій посолъ Гаврила, какъ ѣхалъ отъ Датскаго королевича Вальдемара Христіанусовича, то говорилъ при приставахъ ссорныя рѣчи, говорилъ, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились Русскихъ людей сѣчь. Такъ полномочнымъ посламъ дѣлать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши Русскимъ людямъ не страшны». Посолъ отвѣчалъ, что не запирается, сказалъ онъ эти слова съ сердца, потому что въ это время побили стрѣльцы двоихъ Литовскихъ людей и видѣлъ онъ ихъ въ крови; сыску никакого объ этомъ не сдѣлано; а сказалъ онъ это съ сердца, подпивши; сдѣлалось это отъ вина. Посолъ домогался союза противъ татаръ; отвѣта не было.

23 Іюля Стемпковскій представился новому царю и говорилъ длинную рѣчь объ измѣнчивости человѣческой жизни: «Свѣжій образецъ этой измѣнчивости» говорилъ онъ: «имѣемъ въ блаженной и безсмертной памяти великомъ государѣ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который счастливо царствовалъ надъ подданными своими 32 года, владѣлъ ими въ святости и праведности, успокоилъ монархію свою отъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, видѣлъ ее цвѣтущею, изобилующею покоемъ, въ этомъ покоѣ съ подданными долженъ былъ пребывать, и вдругъ съ престола своего отъ такой славы и богатства пе-

реносится въ пещеры земныя». Въ заключеніе посолъ, отъ имени королевскаго, поздравлялъ новаго государя съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ, что король готовъ будетъ оказывать и ему ту же любовь братскую и пріятельство. Думный дьякъ отвѣчалъ именемъ царскимъ, что государь хочетъ быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ соединеніи во всемъ по тому, какъ въ вѣчномъ докончаньи написано.

Въ доказательство этого желанія Луба былъ отпущенъ, причемъ Стемпковскій договорился именемъ королевскимъ и пановъ радныхъ, что Луба къ Московскому государству причитанья никогда имѣть не будетъ и царскимъ именемъ называться не станетъ; жить будетъ въ большой крѣпости; изъ Польши и Литвы ни въ какія государства его не отпустятъ; кто вздумаетъ его именемъ поднять смуту, того казнить смертію; все это написать въ конституцію на будущемъ сеймѣ и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье пановъ радныхъ и пословъ повѣтовыхъ. Посолъ долженъ былъ также дать запись, что Литовскіе купцы не будутъ болѣе пріѣзжать въ Московское государство съ виномъ и табакомъ. Стемпковскій просилъ, чтобъ на обѣ стороны агентамъ быть и королевскій агентъ въ Москвѣ Польскихъ и Литовскихъ купцовъ будетъ судить во всемъ и отъ всякаго дурна унимать; въ этомъ ему отказали на томъ основаніи, что въ вѣчномъ докончаньи объ агентахъ не написано, но согласились называть короля *наияснѣйшимъ*. Посолъ просилъ, чтобъ государь позвалъ его обѣдать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ ему чести меньше, чѣмъ прежнимъ посламъ. Ему отвѣчали, что обѣдать нельзя по причинѣ недавней кончины царя Михаила. Посолъ возражалъ, что великіе Московскіе послы были въ Польшѣ послѣ кончины королевы и, несмотря на то, обѣдали у короля; ему отвѣчали, что это двѣ вещи розныя: у царя умеръ отецъ, который одинъ, а жену можно взять другую и третью, печаль по женѣ продолжается только до новаго брака. Посолъ

объявилъ, что будетъ дожидаться до сорочинъ царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишетъ въ отвѣтномъ письмѣ, почему посолъ не обѣдалъ, чтобъ ему предъ своею братьею безчестья не было. Передъ отъѣздомъ Стемпковскаго случилось происшествіе, которое показываетъ, на что могли рѣшаться тогда люди изъ свиты посольской, надѣясь на безнаказанность: разбойникъ Якимъ Даниловецъ съ товарищами на дорогѣ между Москвою и Новгородомъ убили пять человѣкъ, пограбили у нихъ мѣха, принадлежавшіе одному Голландскому купцу и отвезли ихъ въ Старицкій уѣздъ, въ село Молочино; дворецкій Стемпковскаго, Полякъ Самойла, уговорился съ этими разбойниками ѣхать изъ Москвы въ Молочино, взять тамъ пограбленные мѣха и отвезти ихъ за рубежъ въ Литву, гдѣ онъ долженъ былъ отдать разбойникамъ по цѣнѣ половину денегъ, а другую половину бралъ себѣ за услугу. Дѣйствительно, Самойла выѣхалъ изъ Москвы, взявъ царскую грамоту на проѣздъ въ Вязьму, и вмѣсто Вязьмы отправился въ Молочино; но на Зубцовской заставѣ его съ разбойниками поймали и отослали къ Стемпковскому съ требованіемъ, чтобъ онъ заплатилъ Голландцу деньги за покраденное и казнилъ своего дворецкаго смертью; но посолъ ничего этого не сдѣлалъ [20].

Прекращалось дѣло о Лубѣ; но самозванцы не прекращались. Въ 1646 году явился такого рода извѣтъ: «Царю государю бьетъ челомъ и извѣщаетъ сирота твой государевъ Мишка Ивановъ сынъ Чулковъ на Александра Өедорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочетъ тотъ Александръ крестное цѣлованье порудить, а тебѣ праведному государю измѣнить, хочетъ отъѣхать со всѣмъ своимъ родомъ въ иную землю, а называетъ себя царскимъ родомъ, и хочетъ быть тебѣ государю царю супротивенъ. Какъ Өедоръ Ивановъ сынъ Нащокинъ у царя Василья Ивановича Шуйскаго царскій посохъ взялъ изъ рукъ, такъ теперь Алекса[illegible]ъ Нащокинъ хвалится тѣмъ же своимъ воровскимъ умы[illegible]еньемъ на тебя праведнаго царя, и Московскимъ го-

сударствомъ, твоею царскою державою смутить». Спросили во всѣхъ приказахъ у подъячихъ: такая пописъ у нихъ бывала ли и теперь есть ли въ дѣлахъ, въ отпискахъ изъ городовъ и въ челобитныхъ? Всѣ подъячіе сказали, что такой пописи нѣтъ и не было [21]. Это дѣло тѣмъ и кончилось; но явились два самозванца въ Турціи.

Въ началѣ 1646 года Московскіе послы, стольникъ Телепневъ и дьякъ Кузовлевъ, живя въ Кафѣ, узнали, что пріѣхалъ въ Кафу изъ Царяграда Святогорскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Іоакимъ. Послы отправили немедленно переводчика повидатся съ архимандритомъ и пораспросить его, что въ Царѣградѣ дѣлается. Архимандритъ разсказалъ слѣдующее: «Былъ онъ во Крыму, и тамъ въ Жидовскомъ городкѣ объявился невѣдомо какой человѣкъ, а называютъ его Московскимъ царевичемъ Дмитріевъ сынъ Долгорукихъ; человѣкъ этотъ за нимъ, архимандритомъ, присылалъ и говорилъ ему, будто онъ Московскій царевичь и просилъ у Крымскаго царя рати, чтобъ съ нею Московскаго государства доступить, и Крымскій царь его манитъ, рати ему не даетъ и къ султану его не отсылаетъ; да говорилъ тотъ человѣкъ ему архимандриту: «Возьми у меня грамоту и поѣзжай съ нею по украйнымъ городамъ и въ Калугу: этой грамоты послушаютъ, а какъ доступлю Московскаго государства, то пожалую тебя Калужскими доходами». Послы добыли и другія извѣстія: плѣнный Малороссійскій козакъ изъ города Полтавы, Ивашка Романовъ, разсказывалъ: «Я того вора, что называется Дмитріевымъ сыномъ, знаю, родина его въ городѣ Лубнѣ, козачій сынъ, зовутъ его Ивашка Вергуненокъ, отца у него звали Вергуномъ; по смерти отца своего, онъ Ивашка мать свою въ Лубнѣ билъ и мать сбила его отъ себя со двора, и онъ Ивашка изъ Лубенъ пришелъ въ Полтаево и приказался ко мнѣ, жилъ у меня и служилъ въ работѣ съ годъ, и когда я ушелъ изъ Полтаева города на Донъ, Вергуненокъ остался въ Полтаевѣ, а потомъ изъ Полтаева пришелъ на Сѣверный Донецъ подъ Святыя горы,

и такъ живучи, водился съ Запорожскими и Донскими козаками; съ Донца пришелъ на Донъ, жилъ на Дону съ полгода, началъ воровать и за воровство его много разъ бивали; послѣ того онъ пошелъ въ поле самъ-четвертъ съ пищалями гулять, свиней бить, и ихъ на Міюсѣ Татары въ полонъ взяли, тому лѣтъ шесть, и продали его въ Кафу Жиду, и сказался воръ Жиду, будто онъ Московскаго государя сынъ, и Жидъ сталъ его почитать. Когда воръ въ Кафѣ у Жида сидѣлъ, сдѣлалъ себѣ признакъ: далъ Русской женщинѣ денегъ, чтобъ она выжгла ему между плечами половину мѣсяца да звѣзду, и то пятно многимъ полоненикамъ онъ Вергуненокъ показывалъ и говорилъ, будто онъ царскій сынъ, и какъ онъ Московскаго государства доступитъ, то станетъ ихъ жаловать, и русскіе люди, тому его воровству повѣря, къ нему вору на Жидовскій дворъ ходили, ѣсть и пить носили. Свѣдалъ провора Крымскій царь, прислалъ за нимъ и взялъ въ Крымъ, тому года съ три, и приказалъ его въ Крыму беречь Жидамъ, и Жиды его въ Крыму кормятъ и берегутъ и держатъ его въ крѣпи въ желѣзахъ». Такимъ образомъ открылось, кто былъ этотъ царевичь, о которомъ дали знать изъ Константинополя еще царю Михаилу.

Въ Крыму нашли послы одного вора, въ Константинополѣ двоихъ: у визиря на дворѣ объявились два русскихъ человѣка; одинъ называется сыномъ царя Василья Ивановича Шуйскаго, присланъ изъ Молдавіи господаремъ Васильемъ и говоритъ, что служилъ царю Михаилу Θеодоровичу въ подъячихъ. Визирь его спрашивалъ, для чего онъ про себя на Москвѣ не объявилъ, и воръ отвѣчалъ, что не объявилъ, боясь казни, и отъѣхалъ служить въ Литву; но Литовскій король пожаловалъ его не по достоинству, и онъ отъѣхалъ въ Молдавскую землю. Визирь спросилъ, хочетъ ли онъ бусурманиться? и воръ отвѣчалъ: «если султаново величество пожалуетъ меня по моему достоинству, то я побусурманюсь». А другаго вора прислалъ царь Крымскій. Послы отправили толмача и подъячаго провѣдывать: воръ, присланный изъ

Крыма, по примѣтамъ, оказался тотъ самый, о которомъ слышали въ Кафѣ; о другомъ же ворѣ подъячій сказалъ, что онъ его знаетъ, бывалъ въ Новой Чети подъячимъ, Тимошкою зовутъ Акундиновъ, родиною Вологжанинъ, стрѣлецкій сынъ, дворишко и жену свою сжегъ и съ Москвы бѣжалъ безвѣстно, а послѣ объявился въ Литвѣ, назывался княземъ Тимоѳеемъ Великопермскимъ, да тутъ же съ Тимошкою на визиревомъ дворѣ Новой же Чети молодой подъячій Костка, и называется Тимошкинымъ человѣкомъ.

Послы дали знать визирю, что у него на дворѣ скрываются воры, чтобъ онъ рѣчамъ ихъ не вѣрилъ и розыскалъ подлинно. Визирь велѣлъ позвать Тимошку; Русскій переводчикъ и толмачь, присланные Телепневымъ, стали его уличать; но воръ съ ними не захотѣлъ говорить и сказалъ визирю, чтобъ велѣлъ поставить передъ собою самихъ пословъ. Визирь отвѣчалъ ему: «Вѣдь и послы будутъ говорить тѣ же рѣчи» и спросилъ у переводчика: «Сколько тому лѣтъ, какъ царя Василья не стало?» Переводчикъ отвѣчалъ, что тому мало не сорокъ лѣтъ, а этому воришкѣ и тридцати нѣтъ. Передъ визиремъ стоялъ Турокъ, старый человѣкъ, и сталъ говорить: «Въ царственныхъ книгахъ у насъ написано, что царь Василій умеръ тому тридцать-семь лѣтъ назадъ». Визирь Тимошку выслалъ вонъ и сказалъ переводчику: «Это человѣкъ лукавый, многія у него рѣчи перемѣнныя, много запрашиваетъ и султану много сулитъ; а вотъ тотъ, что изъ Крыму присланъ, думаю, что прямой онъ государскій сынъ, и Крымскій царь писалъ, что онъ про него сыскивалъ Русскими людьми, и тѣ сказали, что онъ прямой сынъ царя Дмитрія, а отца его убилъ Уракъ-Мурза». Переводчикъ отвѣчалъ: «Уракъ-Мурза убилъ не царя Дмитрія, такой же былъ воръ, Петрушкою(?) звали». Визирь сказалъ: «Объявите посламъ, что то дѣло не ихъ, присланы они не затѣмъ, и имъ до этого дѣла нѣтъ».

Пришли къ посламъ тайно извѣстный уже намъ Зелфукаръ-ага да архимандритъ Амфилохій и объявили: «воръ Тимошка

говоритъ визирю, чтобъ султанъ далъ ему ратныхъ [illegible] велѣлъ идти съ нимъ на Московскія украйны, Русс[illegible] противъ него стоять не будутъ, все добьютъ ему [illegible] сулитъ султану Астрахань съ пригородами. Визирь [illegible] его рѣчей промолчалъ.» Послы начали говорить Зелфукар[illegible] и архимандриту, какъ бы воровъ достать? Тѣ отв[illegible] «Визирю одному такого дѣла не сдѣлать, развѣ вамъ [illegible]пить ихъ большою казною? только не потерять бы [illegible] даромъ, потому что люди здѣсь неодносовы; лучше [illegible] бросьте это дѣло: волочась такъ и пропадутъ, либо по[illegible]дамъ дальнимъ ихъ разошлютъ въ службы, или на [illegible] въ греблю отдадутъ, а если вы объ нихъ станете [illegible]лять, то вы ихъ пуще вздорожите и поставятъ въ [illegible]то, какъ они называются.» Архимандритъ говорилъ [illegible] что воръ Тимошка подалъ визирю грамоту, и его архи[illegible]рита позвали эту грамоту переводить; въ грамотѣ напи[illegible] будто онъ сынъ царя Василья, и когда отца его въ [illegible] отдали, то онъ остался полугоду, и отецъ приказалъ [illegible] речь его тѣмъ людямъ, которые ему впрямъ служили, [illegible] его вскормили, а когда сдѣлался царемъ Михаилъ Өед[illegible]вичъ, то велѣлъ ему видѣть свои царскія очи и далъ ему уд[illegible] Пермь Великую съ пригородами; тамъ ему въ Перми [illegible] соскучилось, онъ пріѣхалъ въ Москву и государь ве[illegible] его посадить за пристава; но тѣ люди, которыхъ царь [illegible]силій жаловалъ, освободили его и выпроводили изъ Моск[illegible] Василій, воевода Молдавскій, его ограбилъ, снялъ съ [illegible] отцовскій крестъ многоцѣнный съ яхонтами и изумрудами и [illegible]го другаго добра и хотѣлъ его убить, такъ же какъ убилъ [illegible]де брата его большаго, и, убивъ, голову и кожу отос[illegible] въ Москву, а Московскій государь велѣлъ кожу эту на[illegible] золотыми и дорогими каменьями и отослать къ воеводѣ [illegible]силью въ благодарность.

Въ Октябрѣ 1646 года архимандритъ Амфилохій да[illegible] знать посламъ, что воръ, присланный изъ Крыма, посажен[illegible] въ Семибашенный замокъ, а воръ Тимошка пожаловался [illegible]

на него архимандрита, будто онъ на посольскій дворъ
тъ и про всякія вѣсти посламъ объявляетъ. Визирь гро-
за это Амфилохію, что посадитъ его на каторгу по
тъ; архимандритъ велѣлъ сказать посламъ, чтобъ при-
ли къ нему людей своихъ ночью, люди эти будутъ у
ночевать и онъ будетъ отпускать ихъ рано до свѣту.
иною этихъ строгостей была вѣсть о движеніяхъ Рус-
къ войскъ подъ Азовъ; пословъ начали держать въ за-
, и въ Ноябрѣ старшій изъ нихъ, Телепневъ, умеръ.
рищъ его, Кузовлевъ, писалъ государю, что воръ Вергу-
къ запертъ въ Кожаномъ городкѣ, который стоитъ въ
оморскомъ гирлѣ, версты за три отъ Царяграда; за-
его для того: дана была ему воля ходить куда хо-
, а онъ началъ пить и съ бусурманами драться; Ти-
у Акундинова отъ визиря съ двора свели, велѣли ему
позади визирева двора, а ѣсть къ нему присылаютъ
визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: плѣн-
Донской козакъ объявилъ на пыткѣ, что на Дону у ко-
въ въ Черкаскомъ приготовлено 300 струговъ, да на
онежѣ, Ельцѣ и въ другихъ Украинскихъ городахъ къ
ѣ готовятъ пятьсотъ струговъ, и по государеву указу
тѣхъ стругахъ идти козакамъ моремъ подъ Крымъ и
мскіе улусы. И вотъ 27 Генваря 1647 года визирь Аземъ-
ихъ-Паша вытребовалъ къ себѣ у посла переводчиковъ и
залъ къ нимъ такую рѣчь: «Только Донскіе козаки въ
ное море выйдутъ, и султану про то донесется, а я сул-
у добрыя слова говорилъ, и то все мнѣ поставится въ
ь: и быть мнѣ въ опалѣ или даже и безъ головы, а по-
и вамъ живымъ не быть: и за лѣтошнюю ссору едва
али: велѣлъ было султанъ васъ всѣхъ побить; а если я
нусь живъ и сдѣлается со мною что-нибудь нехорошее,
я посла вашего и васъ на рожнахъ изжарю; скажите
мои слова послу, чтобъ подумалъ, какъ мнѣ и ему и
ъ бѣды избыть. Всего скорѣе избудетъ отъ бѣды, если
летъ отъ себя наскоро гонцовъ на Донъ, чтобъ козаки

на море не ходили, а я гонцовъ велю проводить до Азов
Кузовлевъ отвѣчалъ, что козакамъ давно заказано хо
на море, но самому султанову величеству извѣстно,
Донскіе козаки воры измѣнники, и прежде государевыхъ у
зовъ не слушались, и теперь козачьяго воровства на по
спрашивать нечего. Визирь прислалъ сказать Кузовл
«Этими рѣчами тебѣ не отговориться; только появятся ко
ки на морѣ, хотя и немного, сожгу тебя въ пепелъ; ес
хочешь живъ быть, посылай гонцовъ.» Кузовлевъ отвѣч
прежнее, что посылать ему гонцовъ непригоже; ни въ
кихъ государствахъ надъ послами безчестья не бываетъ,
въ Царѣградѣ надъ послами никогда того не бывало,
теперь дѣлается: запираютъ, со двора не пускаютъ, ко
не даютъ и назадъ къ своему государю не отпускаютъ
вѣдомо для чего! Визирь пріутихъ и, при личномъ свида
говорилъ Кузовлеву: «Только будутъ Донскіе козаки
морѣ, и намъ съ тобою будетъ худо, двое насъ съ тоб
на обѣ стороны доброе дѣло дѣлаемъ, и худо и добро на
будетъ во всемъ вмѣстѣ; помощь козакамъ отъ васъ: ес
вы имъ не помогали, то имъ бы дѣлать было нечего,
бы пропали.» Визирю дѣйствительно пришлось худо: его
нили. Донскіе козаки гуляли по Черному морю, появля
подъ Трапезунтомъ и Синопомъ. Тимошкѣ Акундинову
скучилось въ Константинополѣ, гдѣ на него не обраща
никакого вниманія; онъ побѣжалъ въ Молдавію, но на д
рогѣ его схватили, привезли въ Константинополь и хотѣ
учинить ему жестокое наказанье, но воръ обѣщалъ обусу
маниться и передъ визиремъ бусурманскую молитву прогово
рилъ, обрѣзанье же упросилъ отложить; его освободили
чалму надѣли, но Акундиновъ, нарядясь въ Греческое плать
побѣжалъ въ другой разъ съ Русскимъ плѣнникомъ на Аѳон
скую гору; его опять поймали и хотѣли казнить, но он
попрежнему обѣщалъ обусурманиться; на этотъ разъ его
обрѣзали и отдали подъ стражу. Со стороны самозванцевъ
въ Царѣградѣ Московское правительство могло быть покойно;

но султанъ требовалъ, чтобъ царь свелъ Донскихъ козаковъ изъ Черкаскаго городка и посылалъ Крымскому царю посылку попрежнему. Царь отвѣчалъ о Донцахъ по старинѣ, что они государскаго повелѣнья не слушаютъ; о ханѣ отвѣчалъ, что для дружбы съ султаномъ начаты сношенія съ Крымцами, но если ханъ опять клятвѣ своей измѣнитъ, то ему уже больше терпѣть не будутъ [22].

Эти слова не были пустою угрозою: Московское правительство рѣшилось не спускать болѣе Крымцамъ, которые въ концѣ 1645 года поздравили новаго царя вторженіемъ въ Московскія области. Разбойники встрѣтили Московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ при Городенскѣ и, послѣ бою, пошли домой тою же дорогой, какою пришли. Весною 1646 года въ Москвѣ положили предпринять наступательное движеніе: государь приказалъ Князю Семену Романовичу Пожарскому собрать въ Астрахани тамошнихъ жителей, Ногайскихъ мурзъ, Черкесовъ, идти на Донъ, соединиться тамъ съ воеводою Кондыревымъ, который долженъ былъ придти изъ Воронежа, и вмѣстѣ идти подъ Азовъ. Кондыревъ въ Украинскихъ городахъ набралъ 3000 вольныхъ ратныхъ людей на помощь Донскимъ козакамъ. Крымцы предупредили Русскихъ, напали на Донскихъ козаковъ, но были отражены съ урономъ [23].

Въ то же время съ Польшею шли переговоры о союзѣ противъ Крыма. Въ Генварѣ 1646 года отправлены были къ королю Владиславу великіе и полномочные послы: родственникъ царскій бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и знакомый намъ окольничій Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ, для поздравленія короля съ новымъ бракомъ на Людовикѣ Маріи Мантуанской и для подтвержденія Поляновскаго мира. 10 Марта послы представились королю, который, по болѣзни, лежалъ на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачѣмъ король противъ государева имени не всталъ и поднять себя не велѣлъ; тогда король подозвалъ къ себѣ пословъ близко къ постели и говорилъ: «Памятуя вѣчное до-

кончаніе и свое государское утвержденіе съ отцемъ великаго государя вашего, царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, желаю брату своему, царю Алексѣю Михайловичу, многолѣтняго здоровья и счастливаго пребыванья; чести государя вашего остерегать я всегда долженъ выше своей собственной чести, но встать или подняться никакъ нельзя, потому что сильно я боленъ, руками и ногами не владѣю, и не только встать, и приподняться никакъ не могу; Богъ видитъ, что дѣлается это не хитростію; если же хитростію, то отними у меня Богъ и руки и ноги; можно вамъ, великимъ посламъ, и самимъ видѣть, какъ я боленъ». Послы удовольствовались, и отъ короля отправились къ молодой королевѣ, которая, къ ихъ удовольствію, спрашивала о здоровьѣ государевомъ стоя. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы подняли старыя дѣла объ ошибкахъ въ царскомъ титулѣ, указали и на новую обиду: межевой судья Абрамовичъ прислалъ къ царскому величеству листъ и въ томъ листѣ написано невѣжливо *съ отомъ*, тогда какъ царь къ королю и король къ царю въ грамотахъ своихъ пишутъ безъ *ота*; послы требовали попрежнему виновнымъ въ большихъ винахъ казни смертной, а въ малыхъ наказанья жестокаго: этимъ бы король показалъ его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали, чтобъ король велѣлъ о царскомъ титулѣ записать въ сеймовую конституцію, чтобъ впередъ виновныхъ въ умаленіи титула карать горломъ безъ всякаго оправданія. Потомъ послы перешли къ другому дѣлу: «Вѣдомо великому государю нашему учинилось, что на общаго христіанскаго непріятеля и гонителя, на Турскаго султана Ибрагима, учинился упадокъ большой отъ Венеціанъ, ратнымъ его людямъ разоренье и тѣснота, людей его осадили въ Критскомъ островѣ Нѣмцы, и тѣ осадные люди помираютъ голодомъ и безводицею, изъ Царяграда помощи послать имъ нельзя. Ибрагимъ султанъ велѣлъ сдѣлать сто каторгъ новыхъ и началъ думать, какими плѣнными гребцами наполнить эти каторги, и послалъ къ Крымскому царю гонца съ грамотою, чтобъ шелъ безъ всякаго мѣшканья на Мо-

сковское, Польское и Литовское государства и набралъ полону на новыя каторги: такъ теперь время великимъ государямъ христіанскимъ па Крымскаго поганца для обороны вѣры христіанской возстать; теперь время благополучное. Нашъ великій государь сильно думаетъ о соединеніи съ вашимъ великимъ государемъ на поганыхъ Агарянъ. Онъ послалъ для оберегапія своихъ украйнъ большое войско подъ начальствомъ бояръ князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Василья Петровича Шереметева; если же Татары пойдутъ на королевскія украйны, то великій государь, для братской дружбы и любви къ королю, велѣлъ воеводамъ своимъ помогать ратнымъ людямъ королевскимъ. И вы бы, паны радные, сами о томъ думали и короля на то наводили, чтобъ его королевское величество для избавы христіанской въ нынѣшнее благополучное время велѣлъ отпереть Днѣпръ и позволилъ Днѣпровскимъ козакамъ съ Донскими козаками вмѣстѣ Крымскіе улусы воевать, а къ гетману своему послалъ бы приказъ, чтобъ онъ съ своими ратными людьми на Украйнѣ былъ готовъ и съ царскими воеводами обо всякихъ воинскихъ дѣлахъ ссылался, какъ имъ противъ Крымскихъ Татаръ стоять, въ какихъ мѣстахъ сходиться.» Паны отвѣчали: «Мы вседушно этому ради и просимъ всемогущаго Бога, чтобъ обоихъ великихъ государей соединеньемъ ихъ государскія руки надъ бусурманами высились. Что же касается до ошибокъ въ титулѣ, то объявляемъ по истинной правдѣ искренними сердцами, что ошибки дѣлались безъ хитрости, потому что дьячки пищутъ не зная Русской рѣчи, всесильный Богъ свыше зритъ, что прописки дѣлаются безъ хитрости; несмотря на то, король велѣлъ вызвать виновныхъ на сеймъ, а сами знаете, что ни королю, ни намъ не только шляхтича, но и простаго человѣка безъ сейма карать нельзя.» Послы отвѣчали, что королю пригоже было давно такъ учинить; при этомъ послы указали панамъ королевскую грамоту, гдѣ на подписи въ титулѣ вмѣсто *Самодержцу* написано *самодержцы*. Паны сказали на это: «Мы вамъ объяв-

ляемъ, что на нашемъ Польскомъ языкѣ *самодержцы* и *са-модержцу* одно слово, и безчестья тутъ его царскому ве-честву никакого нѣтъ и ошибки также нѣтъ». Послы от-чали: «Какъ вамъ, паны радные, не стыдно это говор- не только вамъ разсудить и выразумѣть это можно, и п-стой человѣкъ легко разсудитъ: написать и сказать: *са-держцу* — это будетъ къ одному лицу, а если написать *са-держцы*—это будетъ ко многимъ лицамъ; на всѣхъ вели- государствахъ Россійскаго царства самодержецъ одинъ, др-гаго нѣтъ и впередъ не будетъ. До сейму этого дѣла от-дывать не годится, потому что у людей, которые пишу- титулъ мимо посольскаго договора, велѣно честь и им- отнимать и смертью казнить по королевскому указу и се-мовому уложенью.» Паны: «Клянемся Богомъ, что на По-скомъ языкѣ «самодержцы» и «самодержцу» одно и то же, если по-русски не такъ, то мы впередъ будемъ остерегаться накрѣпко; да впередъ бы нашему государю къ царскому вел-честву въ грамотахъ писать по-польски, также и изъ пору-бежныхъ городовъ ссылочные листы писать по-польски: так- ошибокъ впередъ не будетъ.» Послы: «Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся Бѣ-лорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится; да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ».

Упрашивая пословъ, чтобъ они оставили дѣло объ умаленіи титула царя Михаила, ибо не должно преслѣдовать за вины, сдѣланныя противъ покойнаго уже государя, и обѣщаясь строго наказывать за ошибки въ титулѣ государя царствую-щаго, паны обратились къ болѣе важному дѣлу о союзѣ противъ Крымцевъ, объявили, что король послалъ приказъ гетману Потоцкому ссылаться съ царскими воеводами для бе-реженья отъ прихода поганцевъ; и въ прошлую зиму гетманъ готовъ былъ дать помощь Московскимъ воеводамъ, но помѣ-шали лютые морозы. Королевское величество желаетъ, чтобъ этимъ лѣтомъ стать только по Украйнѣ и уберечь ее отъ по-

ганцевъ, а дальнее большое дѣло отложить до другой поры, потому что и Днѣпровскимъ Запорожскимъ козакамъ вскорѣ на море выйти нельзя, всѣ ихъ челны позжены и теперь имъ новыхъ чаекъ дѣлать нельзя: король думаетъ, что Татаръ лучше воевать въ то время, когда султанъ разошлетъ ихъ на свою службу. Запорожскимъ козакамъ позволить идти на Крымъ вмѣстѣ съ Донскими королю безъ сейму никакъ нельзя, потому что у Польши съ Турціею вѣчный миръ. Наконецъ дѣло дошло до Лубы. Послы объявили, что великій государь, не желая крови, для прошенья брата своего короля, отпустилъ Лубу въ Польшу; но вездѣ, ѣдучи дорогою, въ Минскѣ и другихъ мѣстахъ, назывался отъ царевичемъ Московскимъ попрежнему; говорилъ, что посылали его въ Москву для освѣдомленія, и будто великій государь призналъ его прямымъ сыномъ Разстриги. Посолъ Стемпковскій обязался, что Луба будетъ содержаться въ большой крѣпости; но онъ не только на волѣ, но еще король сдѣлалъ его при своей пѣхотѣ писаремъ и жалованье ему даетъ: такъ королевское величество и вы паны радные по посольскому договору велѣли бы Лубу казнить смертью при насъ послахъ за то, что онъ не перестаетъ называться царевичемъ Московскимъ». Паны отвѣчали: «Если сыщется, что Луба дѣйствительно называется царевичемъ Московскимъ, то будетъ казненъ смертію; но мы вамъ говоримъ правду, что Луба отданъ для береженья королевской пѣхоты капитану Яну Осинскому, приставлены къ нему гайдуки и держатъ его съ большимъ береженьемъ, а королевскаго жалованья и уряду ему никакого не дано». Тогда послы потребовали, чтобъ паны дали утвержденье, согласное съ записью Стемпковскаго. Паны обѣщали дать утвержденье отъ короля и отъ себя, но отказались дать утвержденье отъ пословъ повѣтовыхъ. Чтò же касается до союза противъ Крыма и до Путивльскихъ городищъ (Недригайловскаго, Городецкаго, Каменнаго, Ахтырскаго, Ольшанскаго), обѣщанныхъ въ Московскую сторону, то паны объявили, что для этого будутъ въ Москвѣ особые послы королевскіе: Путивль-

скихъ городищъ потому нельзя уступить сейчасъ же, что они необходимы для войны противъ Крыма. Послы отвѣчали: «Это со стороны вашего государя дѣлается мимо всякой правды; вашу неправду Богъ свыше зритъ и государю нашему въ правдѣ будетъ помощникъ; а царское величество Путивльскихъ городищъ и земель въ королевскую сторону никогда не велитъ уступить и за свое прямое стоять будетъ.» Паны, съ своей стороны, сильно жаловались на перезывъ крестьянъ изъ-за Литовскаго рубежа въ Московскую сторону: это, по ихъ словамъ, была самая большая обида.

Стрѣшневъ возвратился въ Москву съ подтвержденіемъ Поляновскаго договора и записи Стемпковскаго о Лубѣ; а лѣтомъ 1646 года пріѣхалъ въ Москву полномочный королевскій посолъ, каштелянъ Кіевскій Адамъ Свентолдичь Кисель, и говорилъ царю такую рѣчь: «Великое королевство Польское съ великими княжествами своими и великое государство Русское, какъ два кедра Ливанскіе отъ одного корня, создала десница Вседержителя Господа отъ единой крови Славянской и отъ единаго языка Славянскаго народа; свидѣтельствуютъ о томъ Греческіе и Латинскіе лѣтописцы и историки, особенно истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоимъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обоихъ великихъ государствъ жителямъ, отъ единой Славянской крови происходящимъ, свидѣтельствуютъ слова, Духомъ Святымъ рѣченныя: «Коль добро и коль красно еже жити братіи вкупѣ!» Сему Богодухновенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти великій государь царь Михаилъ Өеодоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяетъ незаходимое солнце вѣчнаго мира, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось преселеніемъ отъ земныхъ въ небесная великаго государя Михаила Өеодоровича, о которомъ король панъ мой плакалъ какъ о братѣ,

но когда Господь далъ вашему царскому величеству престолъ и скипетры отеческаго царства, то король панъ мой скорбь свою пременилъ въ радость, и помраченное солнце опять просіяло. Такъ какъ ваше царское величество съ наслѣдіемъ царства наслѣдіе братской любви къ пану моему королю чрезъ пословъ своихъ объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдаетъ и черезъ меня такими словами поздравляетъ: Радуйся Божіею милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси Самодержецъ! Радуйся великаго государя моего братъ, великихъ государствъ и великаго союза братской любви наслѣдникъ! Живи многолѣтно и счастливо на великомъ государствѣ; по долгихъ же временахъ, лѣтахъ и вѣку да дастъ тебѣ Господь благословеніе отеческое увидать, и также наслѣдника царствію своему узрѣвши, преселеніе отъ земныхъ въ небесная со всякою радостію ожидать!»

Кромѣ цвѣтовъ краснорѣчія, Кисель обнаружилъ историческія познанія: предложилъ царю Алексѣю Михайловичу и боярамъ его дѣленіе Славянской исторіи на три періода: 1) счастливый, когда Славяне чрезъ соединеніе силъ своихъ по всему свѣту славились; Римъ старый и Римъ новый свидѣтельствуютъ о дѣлахъ храбрости Славянской; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда Славяне, разлучившись другъ отъ друга, многообразнымъ р[illegible]еніемъ и кровопролитіемъ братскую любовь растерзали; в[illegible] время многими вотчинами народовъ нашихъ чужіе народы и[illegible]оганскіе овладѣли: гдѣ крестъ святой Владиміръ принялъ, въ Херсонѣ или въ Корсунѣ, тамъ теперь Перекопь и Орда Татарск[illegible] живетъ; гдѣ были сѣдалища Половцевъ, пожертыхъ и съ именемъ своимъ потребленныхъ саблею предковъ нашихъ, тамъ нынѣ Крымская водворилась Орда, междоусобными несчастными войнами обоихъ великихъ государствъ нашихъ умноженная. 3) Теперь Божіею милостію третье время настало: время вѣчнаго союза и братской любви величествъ

вашихъ и обоихъ государствъ, какъ бы возвращеніе въ пер... чинъ единородствія и единодружныя любви».

Послѣ цвѣтовъ краснорѣчія начались переговоры—и об... ружились тернія. Кисель требовалъ: если въ грамотѣ бу... ошибка въ царскомъ титулѣ, то такой грамоты не при... мать, отсылать ее назадъ, отчего писавшему будетъ бо... шое безчестье. Бояре отвѣчали: «Ты панъ радный и че... вѣкъ знающій, а написалъ то, чего и простому чело... помыслить стыдно и отъ Бога страшно. Вамъ, панамъ р... нымъ, надобно охранять вѣчное докончаніе, а вы государ... честь ставите какъ будто ни во что, виноватыхъ безъ ... и наказанія хотите оправдать; если грамотъ не принима... отсылать ихъ назадъ, то по чему можно будетъ винова... сыскать и чѣмъ его обличить?» Кисель: «Я объ этомъ ... ворилъ и писалъ не самъ отъ себя, по наказу отъ кор... и рѣчи посполитой; король и вся рѣчь посполитая разсу... дали, какъ бы эти прописки въ титулѣ уничтожить, пото... что въ Московскомъ государствѣ это почитаютъ за вели... вину, а у насъ и къ королю полнаго титула не пишу... добрый человѣкъ дѣлаетъ хорошо, а глупый глупо, и ... говорили грамотъ не принимать: какъ увидятъ, что гра... не принимаютъ и исполненья по нимъ никакого нѣтъ, ... поневолѣ научатся писать исправно». Бояре: «Дивно на... что они во столько лѣтъ не могутъ научиться писать; са... вы, паны р..., своихъ людей дураками называете, что ... могутъ ...ся; поганые бусурманы, и тѣ государево им... нованье пишутъ справчиво, и изъ Нѣмецкихъ государст... никогда никакой описки не бываетъ». Кисель: «Если ца... скому величеству это не угодно, то можно иначе сдѣлать». Опредѣлили: казнить за прописки въ титулѣ.

Кисель настаивалъ и на то, чтобъ перебѣжавшихъ крестьян... отдавать назадъ: «Они у насъ государство пустошатъ; как... это будетъ братская любовь, что бѣглыхъ пашенныхъ крестьян... принимать; теперь Ольшанскіе мужики подстаросту убил... и перешли въ сторону царскаго величества: развѣ это не...

досада намъ отъ нихъ?» Бояре: «У царскаго величества стольника честнаго человѣка Ивана Волкова люди его убили и перебѣжали въ королевскую сторону, объ нихъ писали, чтобъ отдать, но не отдали; также и въ государеву сторону перешли Черкасы многіе, но назадъ ихъ не просили, и о томъ ни слова не бывало». Кисель: «Черкасы люди вольные, гдѣ хотятъ, тутъ живутъ, а крестьяне пашенные невольники». Бояре: «Въ вѣчномъ докончаньи о перебѣжчикахъ не написано: такъ этого не надобно и начинать». Кисель: «Что напередъ было, того я не спрашиваю; а теперь бы сдѣлать вновь и укрѣпить, чтобъ перебѣжчиковъ не принимать, а если принимать, то это будетъ противно Богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольскаго, Вишневецкаго и другихъ перебѣжало въ царскую сторону съ 1,000 человѣкъ, а у насъ у троихъ тысячъ съ пятнадцать; хорошо ли будетъ, если мы своихъ мужиковъ станемъ у васъ брать и побивать; если хотите нашихъ крестьянъ къ себѣ брать, значитъ не хотите насъ съ собою въ дружбѣ видѣть. Повѣтовые послы говорили королю, что отъ нихъ начали крестьяне бѣгать и чтобъ король приказалъ мнѣ объ этомъ написать въ наказъ первою статьею». Бояре: «Чего въ вѣчномъ докончаніи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царскаго величества изъ Брянской и Комарицкой волости и съ Лукъ Великихъ крестьяне пашенные многіе перебѣжали и теперь безпрестанно бѣгаютъ въ королевскую сторону. Въ нынѣшнемъ году перебѣжалъ въ королевскую сторону Брянченина Колычова крестьянинъ Артюшка, и пришедши назадъ изъ-за рубежа, своего помѣщика рогатиною закололъ; по царскому указу убійцу отослали къ Мстиславскому воеводѣ для казни, а въ царскую сторону его не взяли. Ты, великій посолъ, благочестивой христіанской вѣры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой вѣры, живутъ они у васъ за людьми разныхъ вѣръ, и если ихъ отдавать назадъ, значитъ отдавать католику или лютеру на мученье: христіанское ли это дѣло? Бѣдный

крестьянинъ, будучи въ такой неволѣ, и вѣры своей отбудетъ». Кисель: «Мужики что знаютъ? о вѣрѣ у нихъ никакого попеченія нѣтъ; бѣгаютъ оттого, что не хотятъ пану своему и малаго оброка заплатить. Побѣжитъ мужикъ въ дальніе города, то пану еще не такъ досадно, потому что онъ его не увидитъ, а то убѣжитъ и станетъ жить близко въ порубежныхъ мѣстахъ, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Такъ договориться бы, чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ крестьянъ перебѣжчиковъ не держать; а если погонщикъ застанетъ бѣглеца на рубежѣ, то можетъ его взять». Но бояре именемъ царскимъ рѣшительно отказали ему въ этой статьѣ. И дѣло о союзѣ противъ Крыма также не подвинулось. Кисель требовалъ уговориться о томъ, гдѣ и какъ союзнымъ войскамъ сходиться для отпора Татарамъ. Бояре отвѣчали: «Если съ обѣихъ сторонъ ратнымъ людямъ стоять въ степи долгое время безъ дѣла, то ратные люди изнуждаются, а Крымцы, узнавши о соединеніи нашихъ войскъ, не придутъ. Лучше такъ сдѣлать, чтобъ, соединясь, идти на Крымъ прямо». Но Кисель объявилъ, что шляхта на сеймѣ не захотѣла войны съ Турками, которые никакого повода къ войнѣ не подаютъ; такъ надобно отъ Татаръ оборонятьея. Бояре говорили: «Теперь бы что-нибудь Крымскимъ Татарамъ послать немного, чтобъ ихъ пооплошить, а въ то бъ время года въ два или три изготовиться и идти на нихъ въ Крымъ. Для обереганья Украйны царскія войска будутъ стоять въ пограничныхъ городахъ, и если Татары пойдутъ на Польшу, то эти войска будутъ помогать Польскимъ войскамъ и ходить за Татарами до Днѣпра, а если Татары пойдутъ на царскія Украйны, то Польскія войска должны помогать Русскимъ; быть съ обѣихъ сторонъ стоялымъ служивымъ людямъ по 5,000 человѣкъ, а, смотря по вѣстямъ, и больше». Кисель отвѣчалъ, что если Московскія войска будутъ ходить только до Днѣпра, то помощи никакой отъ нихъ не будетъ, потому что по сю сторону Днѣпра Татары у Поляковъ никогда не бываютъ, ходить бы Московскимъ войскамъ за Днѣпръ до

Чернаго шляха, а Поляки будутъ ходить на помощь къ Русскимъ до Бѣлгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днѣпръ, то не поспѣть. Кисель объявилъ, что у гетмановъ Польскихъ есть лазутчики въ Крыму, которые сейчасъ дадутъ знать, если ханъ станетъ подниматься. Наконецъ положили, что гетманы съ воеводами будутъ ссылаться и Татаръ чрезъ свои земли не пропускать, заодно противъ враговъ стоять; если же отъ нихъ объявится большая вражда, то великіе государи уговорятся какъ дѣйствовать; теперь же оба государя будутъ поступать съ Крымцами по давнему обычаю, чтобъ никакого повода ко враждѣ имъ не подать.

Такимъ образомъ новому правительству Московскому не удалось уговорить Поляковъ къ наступательному союзу противъ Крымцевъ, потому что Поляки боялись Крымскою войною затронуть Турцію, которая, по близости границъ, была для нихъ гораздо опаснѣе, чѣмъ для Москвы. Для послѣдней, впрочемъ, важенъ былъ и оборонительный союзъ противъ разбойниковъ [24].

Но въ то время, какъ дѣла внѣшнія шли успѣшно, внутреннее состояніе Московскаго государства было далеко не удовлетворительно: народъ томился подъ тяжестію налоговъ, купечество было бѣдно вслѣдствіе той же причины, вслѣдствіе физическихъ бѣдствій: неурожая и скотскаго падежа, наконецъ вслѣдствіе дурнаго состоянія правосудія. Но купцы, попрежнему, всего болѣе обвиняли въ своей бѣдности и разореніи купцовъ иностранныхъ: въ 1646 году они подали новому царю жалобу: «Послѣ Московскаго разоренья, какъ воцарился отецъ твой государевъ, Англійскіе Нѣмцы, зная то, что имъ въ торгахъ отъ Московскаго государства прибыль большая, и желая всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли изъ Посольскаго приказа грамоту, что торговать Англійскимъ гостямъ у Архангельскаго города и въ городахъ Московскаго государства 23 человѣкамъ; а намъ

челобитье ихъ встрѣтить и остановить въ то время некому было, потому что всѣ были разорены до конца и отъ разоренія, бродя, скитались по другимъ городамъ. И какъ взяли они Нѣмцы грамоту изъ посольскаго приказа, то и начало пріѣзжать въ Московское государство Англичанъ человѣкъ по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и покупили себѣ у Архангельскаго города, на Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, на Москвѣ и въ другихъ городахъ дворы многіе и амбары, построили палаты и погреба каменные, и начали жить въ Московскомъ государствѣ безъ съѣзду; у Архангельскаго города Русскимъ людямъ свои товары перестали продавать и на Русскіе товары мѣнять, а начали свои всякіе товары въ Москву и въ другіе города привозить: который товаръ будетъ подороже, и они его станутъ продавать, а который товаръ подешевле и походу на него нѣтъ, такъ они его держатъ у себя въ домахъ года по два и по три, и какъ тотъ товаръ въ цѣнѣ поднимется, тогда и продавать станутъ. А Русскіе товары, которые мы прежде мѣняли на ихъ товары, теперь они покупаютъ сами, своимъ заговоромъ, разсылаютъ покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа, многихъ бѣдныхъ должныхъ Русскихъ людей, и, закупя тѣ товары, Русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они отвозятъ въ свои земли безпошлинно; а иные Русскіе товары они, Англійскіе Нѣмцы, у Архангельска продаютъ на деньги Голландскимъ, Брабантскимъ и Гамбургскимъ Нѣмцамъ, вѣсятъ у себя на дворѣ и возятъ на Голландскіе, Брабантскіе и Гамбургскіе корабли тайно и твою государеву пошлину крадутъ; всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли Англійскіе Нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу больше не ѣздимъ. Но эти Нѣмцы не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчь и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю. А какъ придутъ корабли къ Архангельску, то они товаровъ своихъ на корабляхъ досматривать не да-

дутъ; а еслибы ихъ товары таможенные головы и цаловальники досматривали во всѣхъ городахъ, такъ же какъ и у насъ, и пошлины съ нихъ брали, то съ нихъ сходило бы пошлинъ на годъ тысячъ по тридцати рублей и болѣе. У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенію ихъ короля Карлуса; но они Англичане торговые люди всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ. Англійскіе гости, Мерикъ съ товарищами, которымъ было велѣно, по вашему государскому жалованью и по просьбѣ Карлуса короля, ѣздить въ Московское государство торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продаютъ инымъ закупнямъ, и съ жалованною грамотою пріѣзжаютъ Нѣмцы новые, которые вашимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованы. Да они же Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго; да они же стали торговать не своими товарами; прежде Англійскіе Нѣмцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургскіе, Брабантскіе и Голландскіе Нѣмцы промысломъ своимъ и давъ многіе посулы и поминки, вопреки государеву указу, съ товарами своими въ Московское государство пріѣзжаютъ каждый годъ, показывая по городамъ ваши гусударевы жалованныя грамоты, а грамоты эти взяли они изъ посольскаго приказа, ложнымъ своимъ челобитьемъ и многими посулами и поминками, у думныхъ дьяковъ Петра Третьякова и Ивана Грамотина; а иные Нѣмцы ѣздятъ и безъ грамотъ. Давыдъ Николаевъ, купя на Москвѣ дворъ и поставя палаты, торгуетъ и продаетъ всякіе товары на своемъ дворѣ врознь, какъ и въ рядахъ продаютъ, безъ вашего государскаго указа и безъ жалованной грамоты. Да Нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздятъ черезъ Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что дѣлается въ Московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить, и все дѣлаютъ по частымъ

своимъ вѣстямъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ Архангельскому городу, то про всякіе товары цѣну разскажутъ, заморскіе товары, выбравъ лучшіе, закупятъ всѣ сами на деньги и на Русскіе товары промѣняютъ и, сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ Архангельскаго города веземъ назадъ, а иной оставляетъ на другой годъ, а которые должные людишки, плачучи, отдаютъ товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные, и отъ того ихъ умыслу и заговору мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ, а твоимъ государевымъ пошлинамъ годъ отъ году все больше и больше недоборъ. Да Нѣмцы же Петръ Марселисъ и Еремей Фелцъ, умысля лукавствомъ своимъ, откупили ворванье сало, чтобъ твои государевы торговые люди Холмогорцы и всѣ Поморскіе промышленники того сала, мимо ихъ, инымъ Нѣмцамъ и Русскимъ людямъ никому не продавали, а себѣ берутъ они у торговыхъ людей въ полцѣны, въ треть и въ четверть, потому что мимо ихъ никому покупать не велятъ, и оттого многіе люди Холмогорцы и все Поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, городъ Архангельскій, и Холмогорскій уѣздъ и все Поморье пустѣетъ; а когда этимъ саломъ позволено было торговать съ разными иноземцами и всякихъ чиновъ людьми, то съ этого сальнаго торгу сбирали таможенныхъ пошлинъ тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этимъ промысломъ кормились и были сыты; а теперь отъ этихъ откупщиковъ твои пошлины пропали, многіе люди обнищали и податей не платятъ, и уѣзды Поморскіе запустѣли, отъ этого промысла теперь не соберется и двухсотъ рублей въ годъ. А ихъ Нѣмецкое злодѣйство къ намъ мы тебѣ, праведному

государю, объявляемъ. При державѣ отца твоего Ярославецъ торговый человѣкъ Антонъ Лаптевъ ѣздилъ съ товаромъ черезъ Ригу въ Голландскую землю, въ Амстердамъ, съ соболями, лисицами и бѣлками, чтобъ тѣ товары испродать, а ихъ товаровъ въ ихъ землѣ закупить. Проѣхалъ онъ Антонъ ихъ Нѣмецкія три земли, а они Нѣмцы, сговорясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на одинъ рубль, и поѣхалъ онъ изъ Нѣмецкой земли на ихъ Нѣмецкихъ корабляхъ съ ними Нѣмцами вмѣстѣ къ Архангельскому городу, и какъ скоро онъ сюда пріѣхалъ, то у него тѣ же Нѣмцы купили всѣ его товары большою цѣною. Московскіе торговые люди, которые въ то время были на ярмаркѣ, Нѣмцамъ начали говорить въ разговорныхъ рѣчахъ: какая это правда, что государя нашего торговый человѣкъ заѣхалъ съ товарами въ ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть съ голоду не поморили, и, торговавъ у него въ своей землѣ соболи и лисицы самою дешевою, половинною цѣною, здѣсь купили большею цѣною? А въ Московскомъ государствѣ иноземцы торгуютъ, по милости государя нашего, многіе люди всякими товарами повольно, а заговоровъ у насъ, торговыхъ людей, никакихъ нѣтъ, и такой неправды мы не посмѣемъ вамъ сдѣлать, по милости государя нашего къ вамъ; вамъ бы слѣдовало, за милость государя нашего, также правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И Нѣмцы намъ отвѣчали: для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтобъ инымъ Русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было не повадно; а если въ нашихъ государствахъ Русскіе люди станутъ торговать, какъ мы у васъ, то мы всѣ останемся безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди; мы и Персидскихъ купцовъ точно также отъ себя проводили, и вамъ бы поставить себѣ и то въ большую находку, что мы Антона Лаптева съ голоду не уморили. Такъ то, государь, они надъ нами насмѣхаются! Да въ прошломъ 1645 году изъ приказа большой казны продано

было Нѣмцамъ 900 пудовъ слишкомъ шелку сырцу, а по уговору взято было съ нихъ по 77 ефимковъ за пудъ; мы, зная, что прежде Нѣмцы у корабельной пристани твой государевъ шелкъ сырецъ покупали прежде всѣхъ таваровъ цѣною большою, били челомъ съ ними о торгу, и по твоему государеву указу данъ намъ торгъ, и мы въ торгу съ ними сдѣлали тебѣ государю прибыли сверхъ той цѣны, по которой отданъ былъ имъ шелкъ, съ восемь тысячъ ефимковъ; но когда мы этотъ шелкъ послали на ярмарку къ Архангельскому городу, то Нѣмцы, сговорясь между собою, шелку у насъ не купили ни одной гривенки, и говорятъ: «Мы сдѣлаемъ то, что Московскіе купцы настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впередъ заставимъ ихъ торговать лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары!» Милосердый государь! Пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять»[25]. Просьба не была исполнена. Не исполнялась она и при царѣ Михаилѣ, но тогда не на кого было жаловаться; теперь же при молодомъ государѣ всѣми дѣлами завѣдывалъ Морозовъ, извѣстный привязанностію къ иностранцамъ и иностраннымъ обычаямъ, и хотя Виніусъ, по свидѣтельству иностранцевъ, болѣе хотѣлъ добра Русскимъ, чѣмъ своимъ, однако Русскіе смотрѣли иначе на дѣло. Этотъ упрекъ отъ иностранцевъ Виніусъ, вѣроятно, заслужилъ за то, что и на иностранные товары, не исключая Англійскіе, наложена была двойная пошлина «для пополненья ратныхъ людей». При этомъ правительство утѣшало иностранцевъ тѣмъ, что они воротятъ свои деньги, возьмутъ ихъ съ Русскихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ.

Но кромѣ иностранныхъ Нѣмецкихъ заговоровъ, жители Московскихъ городовъ бѣднѣли отъ того, что многіе стремились выйти изъ общины, изъ желанія отбыть общинныхъ повинно-

стей : въ Мартѣ 1648 года Новгородскіе посадскіе люди били челомъ, что послѣ разоренья въ Новгородѣ осталось посадскихъ людей немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человѣка, изъ оставшихся выбраны къ денежнымъ сборамъ, въ таможенную избу, въ отхожія и иныя многія городовыя царскія службы, а люди все бѣдные и скудные, и впередъ къ царскимъ дѣламъ выбрать будетъ изъ нихъ некого; кромѣ того, въ Новгородѣ и Новгородскомъ уѣздѣ многіе козаки, стрѣльцы, митрополичьи, монастырскіе и всякихъ чиновъ нетяглые люди торгуютъ всякими товарами, сидятъ въ лавкахъ и отхожими торговыми многими промыслами промышляютъ и у посадскихъ тяглыхъ людей промыслы отняли, а мірскаго тягла съ ними не платятъ, службъ не служатъ, живутъ *въ пробыляхъ*; а иные посадскіе люди, избывая податей, стали въ стрѣльцы и козаки, во всякіе чины, у митрополита живутъ въ приказныхъ и крестьянахъ, отчего Новгородъ въ конечномъ запустѣньѣ; а которые тяглые дворы съ большими угодьями, тѣми дворами владѣютъ всякихъ чиновъ *бѣлые* (не тяглые) люди, и съ этихъ тяглыхъ дворовъ и мѣстъ никакихъ податей не платятъ, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальныхъ посадскихъ людей». Вслѣдствіе этой челобитной правительство приказало наложить на всѣхъ этихъ избывальщиковъ государственныя службы и подати, и, между прочимъ, предписало: «Если поповы, дьяконовы, дьячковы и слугъ монастырскихъ дѣти, или сами попы, дьяконы и дьячки торгуютъ большими промыслами и въ лавкахъ сидятъ, то всѣхъ ихъ взять въ посадъ и въ тягло обложить; козакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ, которые торгуютъ большими торгами не менѣе пятидесяти рублей, быть въ посадѣ въ службѣ и въ тяглѣ съ посадскими людьми вмѣстѣ; а которые въ посадѣ жить не захотятъ, а торгуютъ многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить безъ государева денежнаго жалованья; а которые торгуютъ меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить съ денежнымъ жалованьемъ, но безъ хлѣбнаго».

Между крестьянами существовало то же стремленіе отбывать податей во вредъ общинѣ: по указу царя Михаила Чердынцы посадскіе и уѣздные выборные люди Чердынскій уѣздъ росписали въ сошное письмо, въ полшесты сохи, дворами, кому съ кѣмъ ближе; но послѣ этой сошной росписки уѣздные многіе лучшіе крестьяне, заговоромъ, родомъ и племенемъ и семьями, по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, отписывались отъ среднихъ и младшихъ людей сошнымъ письмомъ, по станамъ, въ мелкія выти дворами же, а не по данному окладу, и передъ средними и младшими людьми въ тяглѣ живутъ въ великой льготѣ; а среднимъ и младшимъ людямъ передъ ними стало тяжело, не въ мочь, и, оплачивая ихъ, обнищали и одолжали великими долгами; вслѣдствіе этого еще царь Михаилъ приказалъ лучшимъ крестьянамъ всякое тягло тянуть и Сибирскіе отпуски отпускать съ средними и младшими вмѣстѣ, заодно, въ свалъ, а не по сошной развыткѣ, считаться и окладываться на посадѣ по животамъ и промысламъ, чтобъ никто ни за кого лишняго не платилъ, и впредъ лучшимъ людямъ отъ среднихъ и младшихъ не отписываться. Но этой царской грамоты нѣкоторые люди не послушали и учинились сильны, воеводъ подкупили, и отъ ихъ насильствъ многіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне разбрелись врознь, а сильные люди жили во льготѣ. Царь Алексѣй повторилъ приказаніе отца своего.

Такимъ образомъ видимъ, что и между посадскими, и между крестьянами сильные люди старались быть сильнѣе общины, и кто не былъ силенъ самъ по себѣ, тотъ закладывался за сильнаго, чтобъ подъ его покровительствомъ не тянуть вмѣстѣ съ міромъ. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабыхъ, переманивая отъ нихъ крестьянъ. Дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что они разорены безъ остатка отъ войны и отъ сильныхъ людей, бояръ, окольничихъ, ближнихъ людей и властей духовныхъ, просили урочные годы оставить, а отдавать имъ бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ и выписямъ, во всякое время,

какъ только они своихъ крестьянъ провѣдаютъ. Но десятилѣтній срокъ не былъ отмѣненъ для отыскиванія старыхъ бѣглецовъ; обѣщано оставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы ихъ будутъ подвергнуты строгой переписи: «какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ: и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ». Но на перепись явились новыя жалобы: нѣкоторые написали въ сказкахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы не всѣ сполна, и для утайки при переписке изъ двухъ и изъ трехъ дворовъ переводили людей въ одинъ дворъ и нѣсколько дворовъ въ одинъ дворъ сгораживали, ворота у этихъ дворовъ одни дѣлали, крестьянскіе и бобыльскіе дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни и починки обводили. Потомъ сдѣлана была еще уступка мелкимъ служилымъ людямъ: въ 1647 году десятилѣтній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ былъ замѣненъ пятнадцатилѣтнимъ. Такимъ образомъ продолжалась борьба между интересомъ крупныхъ и интересомъ мелкихъ землевладѣльцевъ; но какъ скоро разъ уже сдѣлано было прикрѣпленіе въ интересѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, то долго нельзя было останавливаться на урочныхъ годахъ [26].

Посадскіе и крестьяне старались избыть отъ податей, потому что подати были дѣйствительно тяжки. Чтобъ помочь какъ-нибудь злу, придумали средство: 18 Марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякій пудъ по двѣ гривны; «а иные мелкіе поборы», говоритъ указъ: «со всей земли и прежнія соляныя всякія пошлины и проѣзжіе мыты указали мы вездѣ отставить, и порухи впередъ въ соляной продажѣ нигдѣ никому не быть. А какъ та соляная пошлина въ нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей землѣ и со всякихъ людей наши доходы, стрѣлецкія и ямскія деньги сложить, а заплатить тѣ стрѣлецкіе и ямскіе доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всѣмъ будетъ ровна; въ избылыхъ никто не будетъ и лишняго платить не станетъ, и всякій станетъ платить безъ правежу. А стрѣлецкія и ям-

скія деньги сбираются неровно, инымъ тяжело, а инымъ легко, и платятъ за правежомъ, съ большими убытками, а иные и не платятъ, потому что ни въ разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ именъ ихъ нѣтъ, и живутъ всѣ въ уѣздѣ въ избылыхъ; также иноземцы, которые получаютъ наше жалованье и кормовыя деньги, и торговые люди иноземцы всѣ станутъ платить наровнѣ съ тяглыми людьми. А торговымъ людямъ возить эту соль во всѣ города въ уѣзды безъ мыту и безо всякой пошлины, и продавать имъ вездѣ, гдѣ кто захочетъ, примѣняясь къ прежней цѣнѣ, а лишней много цѣны на соль не накладывать и заговоровъ въ соляной продажѣ никому нигдѣ не дѣлать, чтобъ всякихъ чиновъ людямъ тѣсноты и лишнихъ убытковъ не было»[27]. Любопытно здѣсь признаніе правительства, что нѣтъ средствъ у него противъ избылыхъ людей, которыхъ ни въ разрядѣ, ни въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ; любопытно желаніе ввести такой налогъ, который бы не допускалъ правежа; наконецъ любопытно, какъ правительство утѣшаетъ Русскихъ людей тѣмъ, что иностранцы подчинятся этому налогу наровнѣ со всѣми. Но такое безпристрастіе къ иностранцамъ не могло задобрить многихъ ревнителей старины, когда они изъ того же указа узнали, что употребленіе табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царѣ Михаилѣ рѣзали носы, позволяется правительствомъ, съ тѣмъ только, что продажа ея дѣлается монополіею казны. Пошлина на соль была уничтожена въ началѣ 1648 года, но табакъ остался. Морозовъ сократилъ также дворцовые расходы, отославши извѣстное число придворныхъ слугъ и уменьшивши жалованье у остальныхъ. Понятно, что этою мѣрою онъ не пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ.

Въ началѣ 1647 года царь задумалъ жениться; изъ 200 дѣвицъ выбрали шесть самыхъ красивыхъ, изъ этихъ шести царь выбралъ одну: дочь Рафа или Ѳедора Всеволожскаго; узнавши о своемъ счастіи, избранная, отъ сильнаго потрясенія, упала въ обморокъ; изъ этого тотчасъ заключили, что

она подвержена падучей болѣзни, и несчастную вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь, откуда уже въ 1653 году перевели въ дальную ихъ деревню Касимовскаго уѣзда. Такъ разсказываетъ одно иностранное извѣстіе; Русское извѣстіе говоритъ, что Всеволожскую испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, которыхъ царь не выбралъ. Другое иностранное извѣстіе упрекаетъ въ этомъ дѣлѣ Морозова, которому почему-то ненравились Всеволожскіе и который мѣтилъ на двухъ сестеръ Милославскихъ: одну хотѣлъ сосватать царю, а другую себѣ, и такимъ образомъ обезпечить себя отъ соперничества съ новыми родственниками царскими. Изъ оффиціальныхъ извѣстій мы имѣемъ одинъ только отрывокъ изъ дѣла: изъ этого отрывка узнаемъ, что обвиненъ былъ Мишка Ивановъ, крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царскаго) въ чародѣйствѣ, въ косномъ разводѣ и въ наговорѣ въ дѣлѣ Рафа Всеволожскаго [28]. Понятно, что на основаніи одного иностраннаго извѣстія нѣтъ никакого права обвинять Морозова. По всѣмъ вѣроятностямъ, подозрѣніе на него пало вслѣдствіе того, что чрезъ годъ, 16 Генваря 1648 года, царь женился на Марьѣ, дочери Ильи Даниловича Милославскаго, а чрезъ десять дней послѣ того Морозовъ женился на сестрѣ царицы, Аннѣ Ильиничнѣ. Зная пристрастіе Морозова къ иностранцамъ, зная, что царь уже разъ рѣшился на измѣну старому обычаю, продолживъ время траура по отцѣ на цѣлый годъ вмѣсто сорока дней, многіе, какъ говорятъ, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будутъ иностранные обычаи и произойдутъ перемѣны при дворѣ. Опасенія не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тѣмъ не менѣе бракъ царскій имѣлъ слѣдствіемъ сильное неудовольствіе народное.

Илья Даниловичъ Милославскій былъ очень незначительнаго происхожденія и выведенъ въ люди дядею своимъ, знаменитымъ дьякомъ Грамотинымъ. Милославскій воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобъ нажиться; особенно

стали наживаться родственники его, окольничіе, судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и завѣдывавшій пушкарскимъ приказомъ Траханіотовъ; поднялся сильный ропотъ, начались сборища у церквей и рѣшились наконецъ подать просьбу государю на Плещеева; но окружавшіе царя брали просьбы у народа и всякій разъ представляли дѣло въ иномъ видѣ, отчего просители не получали удовлетворенія. Тогда народъ рѣшился изустно просить царя. 25 Мая 1648 года, когда государь возвращался отъ Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексѣя отставить Плещеева, опредѣливши на его мѣсто человѣка добраго. Царь обѣщалъ и довольный народъ сталъ расходиться, какъ вдругъ нѣсколько придворныхъ, друзей Плещеева, стали ругать народъ, мало того: въѣхали на лошадяхъ въ толпу и ударили нѣсколько человѣкъ нагайками. Народъ разсвирѣпѣлъ, камни посыпались на обидчиковъ, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ во дворецъ, толпа кинулась за ними и тутъ, чтобъ остановить ее, повели на казнь Плещеева! но народъ вырвалъ его изъ рукъ палача и умертвилъ. Морозовъ вышелъ было на крыльцо съ увѣщаніями отъ имени царскаго, но въ отвѣтъ на его увѣщаніе послышался крикъ, что и ему будетъ то же, что Плещееву; правитель долженъ былъ спасаться бѣгствомъ во дворецъ, домъ его разграбили, убили холопа, который хотѣлъ защищать господское добро; женѣ Морозова сказали, что еслибы она не была царская своячиница, то изрубили бы ее въ куски; сорвали съ нея дорогія украшенія и бросили на улицу; потомъ убили думнаго дьяка Чистаго, хотѣли было сдѣлать то же и съ богатымъ гостемъ Шоринымъ, обвиняя его въ возвышеніи цѣны на соль, но онъ успѣлъ выѣхать изъ города; домъ его разграбили, вмѣстѣ съ домомъ князя Никиты Одоевскаго, князя Алексѣя Михайловича Львова и другихъ вельможъ. На другой день, послѣ полудня, вспыхнулъ страшный пожаръ и продолжался до полуночи: погорѣли Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье и всѣ посады; уняли пожаръ, вспыхнулъ новый мятежъ.

Отрядъ служивыхъ иностранцевъ двинулся защищать дворецъ; Нѣмцы шли съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ; Москвичи дали имъ дорогу, кланялись и говорили, что у нихъ къ Нѣмцамъ никакой недружбы нѣтъ, знаютъ, что они люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ. Когда Нѣмцы расположились стражею около дворца, то царь выслалъ къ народу двоюроднаго брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь къ нему народную. Никита Ивановичъ вышелъ съ шапкой въ рукахъ и сказалъ, что царь обѣщаетъ выполнить желаніе подданныхъ и увѣщеваетъ ихъ разойтись, чтобъ можно было ему выполнить обѣщаніе. Народъ отвѣчалъ, что онъ не жалуется на царя, а на людей, которые воруютъ его именемъ, и что онъ не разойдется до тѣхъ поръ, пока ему не выдадутъ Морозова и Траханіотова. Никита Ивановичъ отвѣчалъ, что оба скрылись, но что ихъ отыщутъ и казнятъ. Народъ разошелся. Траханіотова дѣйствительно схватили подлѣ Троицкаго монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и между тѣмъ начали хлопотать, какъ-бы успокоить народное раздраженіе противъ него. Царь приказалъ угостить стрѣльцовъ виномъ и медомъ; тесть его Милославскій позвалъ къ себѣ обѣдать Москвичей, выбравъ изъ каждой сотни, угощалъ ихъ нѣсколько дней сряду. Мѣста убитыхъ немедленно были замѣщены людьми, которые слыли добрыми. Наконецъ царь, воспользовавшись крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ такою рѣчью: «Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково, за чѣмъ я самъ буду строго смотрѣть». Царь обѣщалъ также пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій. Народъ билъ челомъ за милость; царь продолжалъ: «Я обѣщалъ выдать вамъ Морозова и долженъ признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу рѣшиться и

осудить его: это человѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царицыной, и выдать его на смерть будетъ мнѣ очень тяжко». При этихъ словахъ слезы покатились изъ глазъ царя; народъ закричалъ: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» По другимъ извѣстіямъ, сдѣлано было такъ, что самъ народъ просилъ о возвращеніи Морозова.

Трудно опредѣлить время, когда происходили всѣ эти хлопоты относительно Морозова; мы знаемъ вѣрно одно, что Августъ мѣсяцъ Морозовъ находился еще въ Кирилловѣ монастырѣ, ибо 6-го Августа царь писалъ туда слѣдующую грамоту, изъ которой видно, какъ онъ былъ привязанъ къ Морозову и какъ боялся народнаго озлобленія противъ него: «Вѣдомо намъ учинилось (пишетъ царь), что у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ въ Успеньевъ день бываетъ съѣздъ большой изъ многихъ городовъ всякимъ людямъ; а по нашему указу теперь у васъ въ Кирилловѣ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ: и какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бы боярина нашего Бориса Ивановича оберегали отъ всего дурнаго и думали бы съ нимъ накрѣпко, какъ бережнѣе — тутъ ли ему у васъ въ монастырѣ въ ту ярмарку оставаться, или въ какое-нибудь другое мѣсто выѣхать. Лучше бы ему выѣхать, пока у васъ будетъ ярмарка; а какъ ярмарка минуется, и онъ бы у васъ былъ попрежнему въ монастырѣ до нашего указа; и непремѣнно бы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если надъ нимъ сдѣлается что-нибудь дурное, то вамъ за это быть отъ насъ въ великой опалѣ». Но царь этимъ не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на бѣлыхъ мѣстахъ и частію между верхнихъ строкъ собственною рукою приписалъ: «I вамъ бы сей грамоте верить и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнут бы нихто не вѣдалъ хотя и выедетъ куды; а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть кажненымъ, а естли убережете его, такъ какъ и мнѣ добро ему сдѣлаете, і я

васъ пожалую такъ, чево отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». По возвращеніи своемъ Морозовъ не былъ правителемъ какъ прежде, но былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю и употреблялъ свое вліяніе для пріобрѣтенія всеобщаго расположенія, помогая каждому, кто къ нему обращался. Пишутъ, что въ тѣлѣ Морозова, истощенномъ тяжкими болѣзнями, подагрою и водяною, велика еще была сила разума и совѣта, за которымъ царь часто пріѣзжалъ на домъ къ больному во всѣхъ важныхъ дѣлахъ [29].

Морозовъ, по крайней мѣрѣ повидимому, сошелъ съ перваго плана въ Маѣ 1648 года; но скоро на этомъ планѣ начало обозначаться другое лицо, духовное: то былъ Никонъ [30].

Въ страшный 1605-й годъ, когда для Московскаго государства началась смута, въ Маѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Вельмановѣ или Вельдемановѣ, Княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго, у крестьянина Мины родился сынъ, названный Никитою. Не знаемъ, великія и страшныя событія, происходившія въ малолѣтствѣ Никиты, врѣзались ли въ его памяти, возстаніе родной области за вѣру и государство произвело ли впечатлѣніе на малютку; но имѣемъ полное право допустить, что ближайшія семейныя явленія должны были подѣйствовать на образованіе его характера: горе ждало его въ семьѣ, а горе всего лучше закаляетъ природы, способныя къ закалу. Младенцемъ лишился Никита матери, отецъ далъ ему мачиху, а мы знаемъ, что̀ такое была мачиха въ древней Русской семьѣ. Мачиха Никиты не была исключеніемъ; малютка терпѣлъ отъ нея большія притѣсненія, неразъ жизнь его находилась въ опасности. Никита имѣлъ случай выучиться грамотѣ, а это было тогда вѣрнымъ средствомъ для худороднаго человѣка выйти на видъ. Обиліе нравственныхъ силъ, энергія не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ той средѣ, гдѣ онъ родился; воображеніе молодаго человѣка воспламенялось предсказаніями о дивной судьбѣ: и христіан-

скіе монахи, и Мордовскіе колдуны пророчили ему или царство или патріаршество. Грамотность влекла пытливаго юношу къ книгамъ, книги были исключительно духовныя, они увлекли Никиту въ монастырь Макарія Желтоводскаго; но отсюда онъ былъ вызванъ снова въ міръ: просьбы родственниковъ убѣдили его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое мѣсто на 20 году отъ рожденія. Молодой священникъ сильно выдавался впередъ между товарищами и Московскіе купцы перезвали его въ столицу.

Троихъ малютокъ имѣлъ священникъ Никита Миничъ и похоронилъ всѣхъ; приходъ и безчадная семья стали для него тѣсны. Онъ уговорился съ женою разойтись: она постриглась въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, онъ ушелъ на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, гдѣ перемѣнилъ имя Никиты на Никона. Но здѣсь высшіе интересы Никона столкнулись съ интересами остальной братіи; неспособность сдерживать себя, страсть къ обличеніямъ высказались въ монахѣ Никонѣ и не дали ему ужиться съ братіею; онъ оставилъ Анзерскій скитъ и поселился въ Кожеезерскомъ монастырѣ (Новгородской епархіи Каргопольскаго уѣзда). Здѣсь онъ нашелъ себѣ лучшихъ цѣнителей въ братіи, и въ 1643 году былъ избранъ въ игумены. Новый игуменъ Никонъ также скоро выдался впередъ, какъ прежде священникъ Никита; слава объ немъ пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никонъ въ 1646 году явился въ столицѣ по дѣламъ монастырскимъ, то молодой царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ на него особенное вниманіе и, по впечатлительности и религіозности своей, скоро подчинился вліянію знаменитаго подвижника. Никонъ остался въ Москвѣ; онъ былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и каждую пятницу долженъ былъ являться къ заутрени въ придворную церковь, чтобъ потомъ бесѣдовать съ царемъ. Никонъ не могъ ограничиться одними душеспасительными разговорами: онъ тотчасъ же сталъ печаловаться за утѣсненныхъ, вдовъ, сиротъ, и царь поручилъ ему это печалованіе, какъ должность; че-

лобитчики шли къ Никону въ монастырь, другіе встрѣчали его на дорогѣ во дворецъ и подавали просьбы. Въ смутный 1648 годъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты Новгородскіе.

Между-тѣмъ въ Москвѣ, послѣ мятежа, молодой царь усердно занимался устраненіемъ того, что возбудило жалобы, исполненіемъ данныхъ обѣщаній. 16 Іюля 1648 года государь совѣтовался съ патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ и говорилъ съ боярами, окольничими и думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ св. Апостолъ и св. Отецъ и въ градскихъ законахъ Греческихъ царей и пристойны эти статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать; также прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать и справить съ старыми судебниками; а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ нѣтъ, тѣ статьи написать и изложить общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровны. Указалъ государь все это собрать и въ докладъ написать боярамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. Для этого своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь, по совѣту съ патріархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, изъ дворянъ Московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; также изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ взять изъ большихъ городовъ, кромѣ Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку, изъ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей трехъ человѣкъ, изъ гостинной и суконной сотенъ по два человѣка, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ и

посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ государево и земское дѣло со всѣми этими выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ всѣ эти великія дѣла, по нынѣшнему государеву указу и соборному уложенію, впередъ были ничѣмъ не рушимы [31]. Выборные между прочимъ били челомъ: «На Москвѣ и около Москвы, и въ городахъ, гдѣ прежде бывали выгоны для скота, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей слободы и пашни на государевой искони вѣчной выгонной землѣ: въ посадахъ и въ этихъ слободахъ живутъ закладчики и ихъ дворовые люди, покупили себѣ и въ закладъ побрали тяглые дворы и лавки и погреба каменные, торгуютъ всякими товарами, своею мочью и заступленьемъ (тѣхъ, за кого заложились) откупаютъ таможни, кабаки и всякіе откупы, и отъ этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали и промысловъ своихъ многіе отбыли; искони, при прежнихъ государяхъ, на Москвѣ и въ городахъ всего Московскаго государства ничего этого не бывало, а вездѣ были государевы люди: такъ государь пожаловалъ бы велѣлъ сдѣлать попрежнему, чтобъ вездѣ было все государево». Государь пожаловалъ и указалъ: «На Москвѣ и около Москвы, по городамъ на посадахъ и около посадовъ въ слободахъ всѣмъ торговымъ промышленнымъ и ремесленнымъ людямъ быть за нами въ тяглѣ и въ службѣ съ иными нашими тяглыми людьми наровнѣ, а за патріархомъ, монастырями, боярами и за всякихъ чиновъ людьми, въ слободахъ на посадахъ и около посадовъ никакимъ торговымъ, промышленнымъ и ремесленнымъ людямъ быть не велѣно, чтобъ въ избылыхъ никто не былъ» [32]. Продажа и сѣяніе табаку были запрещены въ томъ же 1648 году [33], а въ слѣдующемъ 1649 году исполнено и давнее желаніе купцовъ: издано царское повелѣніе [34]: «Вамъ Англичанамъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ ѣхать за море, а торговать съ Московскими торговыми людьми всякими товарами, пріѣзжая изъ-за моря, у Архангельскаго города; въ Москву же и другіе города съ товарами и безъ

товаровъ не ѣздить. Да и потому вамъ Англичанамъ въ Московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ, по прошенью государя вашего Англійскаго Карлуса короля, для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что Англичане всею землею учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убили до смерти, за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось».

Но въ то самое время, какъ правительство удовлетвореніемъ разныхъ требованій спѣшило отнять поводы къ волненіямъ, мятежи вспыхнули на отдаленномъ Сѣверѣ, гдѣ и въ предшествовавшее царствованіе мы видѣли возстанія на воеводъ. Лѣтомъ 1648 года въ Сольвычегодскъ отправленъ былъ Ѳедоръ Приклонскій для сбора съ посада и уѣзда 535 рублей ратнымъ людямъ на жалованье. Правилъ онъ деньги, какъ послѣ показали Сольвычегодцы, большимъ немѣрнымъ правежомъ. У городскихъ и сельскихъ жителей былъ обычай умѣрять эти немѣрные правежи тѣмъ, что складывались и приносили чиновнику извѣстную сумму, чтобъ только уже больше не правилъ и отправлялся въ Москву; такъ поступили Сольвычегодцы и съ Приклонскимъ: собрали со всего уѣзда, по мірскому приговору, 20 рублей и отнесли къ Приклонскому съ тѣмъ, чтобъ онъ уже больше денегъ не бралъ ни съ посада, ни съ уѣзда. Но въ это самое время пріѣзжаютъ изъ Москвы и разсказываютъ, что въ Москвѣ нашли управу на людей и посильнѣе Приклонскаго, который сбиралъ деньги на Морозова, а этого измѣнника больше нѣтъ. Сольвычегодцевъ взяло раскаяніе: за чтò же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мірскія деньги! И вотъ 21 Іюня уѣздный староста Богданъ Шулѣповъ да площадной подъячій Данила Хаминовъ отправились къ Приклонскому и вытребовали у него деньги назадъ. Но симъ дѣло не кончилось: мужикъ горланъ Хаминовъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ на первомъ планѣ:

«Будетъ тебѣ то же» кричалъ онъ Приклонскому: «что было отъ насъ воеводѣ Ѳедору Головачеву и воеводѣ Алексѣю Большову: будетъ и тебѣ смертное убійство!» Вышедши отъ Приклонскаго со двора, Хаминовъ закричалъ ясакомъ, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонскаго и стерегла ихъ всю ночь. На другой день Приклонскій отправился на съѣзжій дворъ, но и туда явилась толпа, человѣкъ со 100 или больше, подъ начальствомъ тѣхъ же Хаминова и Шулѣпова, и начала кричать Приклонскому: «Деньги-то ты сбираешь на измѣнника воровски!» Въ толпѣ раздались голоса пріѣзжихъ изъ Москвы: «Деньги онъ сбираетъ на измѣнника!» Эти слова послужили уликою; толпа ринулась въ избу, отняла у Приклонскаго государевъ наказъ, казну, всѣ бумаги, иныя передрали, бросились на самого Приклонскаго, прибили, поволокли улицею и перекинули на тотъ дворъ, гдѣ онъ стоялъ; имѣніе его захватили. Очнувшись, Приклонскій ушелъ сперва на дворъ къ князю Шаховскому, а потомъ въ соборную церковь и заперся въ палаткѣ у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить Приклонскаго. Къ счастію его, вступилась въ дѣло мать Ѳедора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановскаго строенья и потому она приказала людямъ своимъ, чтобъ не выдавали Приклонскаго народу. Когда наступила ночь, онъ ушелъ въ лодкѣ рѣкою Вычегодою [35].

17 Іюля далъ знать Приклонскій въ Москву о случившемся въ Сольвычегодскѣ, а 4 Августа пришло извѣстіе о мятежѣ Устюжскомъ. Въ Устюгѣ въ это время былъ воеводою Михайла Васильевичъ Милославскій; всѣми дѣлами у него заправляли подъячіе Онисимъ Михайловъ да Григорій Похабовъ. Михайлову Устюжане, посадскіе и уѣздные люди поднесли 260 рублей въ почесть, съ сошекъ; но потомъ также, какъ видно, по вѣстямъ изъ Москвы, денегъ стало жаль, начали думать, какъ-бы ихъ взять назадъ. Крестьянинъ Онисимъ Рошкинъ съ товарищами нѣсколько дней ходилъ къ подъячему просить денегъ; подъячій не разставался съ ними; ходили и къ воеводѣ, чтобъ тотъ угово-

рилъ подъячаго отдать деньги — все напрасно. Наступило 8 Іюля; въ Устюгѣ сошлось много народа изъ окрестностей къ празднику св. Прокопія Устюжскаго чудотворца. У посадскихъ и крестьянъ только и рѣчей было, что объ этихъ 260 рубляхъ. На другой день праздника, 9 Іюля, толпа крестьянъ сидѣла въ съѣзжей избѣ, въ судебнѣ, у земскихъ судеекъ, и приговорили взять непремѣнно деньги у Онисима Михайлова. Въ это время является въ судебню кузнецъ Моисей Чагинъ и кричитъ земскимъ судьямъ: «Есть ли у васъ промыселъ такой, чтобъ у Онисима взять деньги?» Ему отвѣчали: «Хорошо взять, да кàкъ? подъячій не отдастъ!» — «Не отдастъ, такъ убить его до смерти!» закричалъ Чагинъ. Возраженіе послышалось, какъ видно, отъ земскаго судьи Волкова, потому-что Чагинъ бросился къ нему, схватилъ за руки и за грудь и поволокъ изъ избы, а товарищи Чагина, Васька Шамшурницынъ и Шурка Бабинъ, толкали Волкова въ шею и били. Вытащивъ Волкова на площадь, начали его водить по ней изъ стороны въ сторону; ухватили и земскаго судейку Игнатьева, но онъ вырвался и вмѣстѣ съ товарищемъ, ружнымъ старостою Мотоховымъ, бросился на воеводскій дворъ и разсказалъ Милославскому, чтó дѣлается въ земской избѣ и на площади. Воевода въ это время пировалъ съ своимъ подъячимъ Онисимомъ Михайловымъ; услыхавъ недобрыя вѣсти, онъ поѣхалъ на площадь, чтобъ унять *гиль* (мятежъ); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели къ нему на дворъ; но здѣсь уже успѣлъ побывать Чагинъ съ товарищами: ворота выломали, на дворѣ сѣни, клѣти и чуланы всѣ разломали, имѣніе разграбили, схватили подъячаго Онисима Михайлова, убили и бросили въ рѣку. Та же участь грозила и воеводѣ: гилевщики стали требовать у него, чтобъ выдалъ другаго подъячаго, Похабова; Милославскій клялся, что не знаетъ, гдѣ подъячій; тогда воеводу поволокли было къ рѣкѣ, но почему-то смиловались, удовольствовались тѣмъ, что заставили Милославскаго, жену его и тещу поцѣловать образъ съ клятвою, что у нихъ нѣтъ

Похабова. Между-тѣмъ набатъ гудѣлъ по всему городу, и пять дворовъ было разграблено: посадскихъ людей Меркурья Обухова, Дмитрія Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подъячаго Похабова, который спасся бѣгствомъ. Церковный дьячекъ Игнашка Яхлаковъ носилъ бумагу согнутую и говорилъ во весь міръ, что пришла государева грамота съ Москвы, велѣно на Устюгѣ 17 дворовъ грабить.

Только 4 Августа въ Москвѣ узнали объ Устюжскихъ происшествіяхъ, и отправили для розыска стольника, князя Ивана Григорьевича Ромодановскаго, съ 200 стрѣльцовъ; Ромодановскій пріѣхалъ въ Устюгъ 7 Сентября. Чагинъ съ двумя товарищами, Игнашкою Яхлаковымъ и Ивашкою Бѣлымъ, не заблагоразсудили дожидаться его пріѣзда и разбѣжались. Начался розыскъ, пытки. Повѣсили крестьянина Ѳедьку Ногина, который признался, что наустилъ Чагина завести мятежъ и убить подъячаго Михайлова; повѣсили Терешку мясника и Ивашку прозвищемъ Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пыткѣ вынули изъ-подъ пяты камень, и Солдатъ признался, что училъ его въ тюрьмѣ вѣдовству разбойникъ Бубенъ, какъ отъ пытки оттерпѣться, наговаривалъ на воскъ, а приговоръ былъ: «Небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы онъ не слыхалъ жесточи и пытки». Повѣсили также Ивашку Шамшурницына.

Ромодановскій загостился въ Устюгѣ. 23 Декабря земскій судейка Сенька Мыльникъ, по велѣнью мірскихъ людей, билъ челомъ государю отъ всѣхъ Устюжанъ, что Ромодановскій пыталъ невинныхъ людей и посадскіе люди бѣгутъ розно; мірскіе люди дали Ромодановскому 600 рублей, да подъячему Кузьмѣ 100 рублей, но и это не помогло. По этому челобитью, въ Генварѣ 1649 года, пріѣхалъ въ Устюгъ другой слѣдователь, стольникъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, и спросилъ Ромодановскаго: зачѣмъ онъ до сихъ поръ къ государю не писывалъ? Ромодановскій отвѣчалъ: «Послалъ я обыски и пыточныя рѣчи и статейный списокъ Генваря 10, а до того вре-

мени не посылалъ, дожидался для обыска изъ волостей многихъ крестьянъ; многіе посадскіе люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, къ обыскамъ изъ волостей не поѣхали, а которые небольшіе люди и были, и тѣ въ обыскахъ и сказкахъ своихъ государю лгали». Зюзинъ обратился къ Устюжанамъ: тѣ вычли, что, кромѣ 600 рублей, Ромодановскому и людямъ его малыми статьями, въ подносахъ харчеваго и денегъ и пивныхъ варь на пріѣздъ и на праздники и въ иные дни, вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мірской расходъ заняли у сборщика Семена Скрябина изъ Сибирскаго запаса 650 рублей, да въ Архангельскомъ монастырѣ 100 рублей, а кабала писана въ 200 рубляхъ; деньги эти мірскіе люди *разрубили* (разложили) и собираютъ по сохамъ. Подъячій Куземка Львовъ въ допросѣ сказалъ: «Земскіе судейки приносили ко мнѣ въ мѣшкѣ деньги не по одинъ день, и я имъ отказывалъ, принять не хотѣлъ и то имъ говорилъ, что они подъячему Онисиму Михайлову дали денегъ 200 рублей и за то убили, и я боюсь отъ нихъ того же; но судейки мнѣ говорили, чтобъ мнѣ тѣ деньги взять у нихъ не отъ дѣла, въ почесть, для государева многолѣтняго здоровья, да и то мнѣ говорили, что я въ Москвѣ разграбленъ и погорѣлъ, и я деньги у нихъ взялъ; деньги эти за ихъ печатью и сколько денегъ— не знаю; когда я деньги бралъ, то говорилъ имъ, что деньги эти я объявлю на Москвѣ, отдамъ ихъ въ государеву казну въ посольскомъ приказѣ». Люди Ромодановскаго объявили, что господинъ ихъ взялъ деньги, но сказалъ при этомъ, что деньги объявитъ въ Москвѣ; что князь нѣсколько разъ отказывался принять, и взялъ, когда они принесли послѣ имянинъ царевича Димитрія Алексѣевича, и сказали: «Возьми для государя царевича.» Самъ Ромодановскій показалъ то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей 22 Сентября, а потомъ 550 рублей 19 Октября, а не 27, какъ показалъ князь; кромѣ того явилось множество показаній, что Ромодановскій бралъ взятки съ тюремныхъ сидѣльцевъ [36].

Между-тѣмъ въ Москвѣ имя Морозова продолжало быть въ устахъ недовольныхъ. Мы видѣли, что, по всеобщей жалобѣ, были приняты мѣры противъ закладчиковъ; но тутъ закладчики, лишенные своего выгоднаго положенія, стали вымѣщать злобу на томъ же Морозовѣ. 17 Генваря 1649 года на подворье къ коломнитину Ивану Пестову пришелъ старый закладчикъ боярина Никиты Ивановича Романова, Савинка Корѣпинъ, и началъ говорить: «Когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо; сдѣлали это бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ да Илья Даниловичъ Милославскій, и отъ этого ихъ промыслу ходить намъ по колѣна въ крови, а боярамъ Морозову, Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями.» Пестовъ на это сказалъ ему: «Что ты, мужикъ, такія непристойныя рѣчи говоришь: только государь изволитъ и мы васъ всѣхъ побьемъ.» Корѣпинъ отвѣчалъ: «Мы васъ всѣхъ изъ избъ побьемъ изъ пищалей, а холопы ваши всѣ съ нами будутъ.» Тотъ же Савинка былъ у Пестова 18 Генваря и говорилъ: «Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ; Морозовъ дѣлаетъ умысломъ, будто онъ теперь ничѣмъ не владѣетъ, и далъ всѣмъ владѣть Милославскому.. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго хотѣли сослать и подводы подъ него были готовы, но не сослали его, боясь насъ, для того, что міръ весь качается; какъ его станутъ посылать, и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ хочетъ выѣхать на лобное мѣсто и станетъ міру говорить, и мы за него всѣмъ міромъ станемъ, а бояръ Морозова и Милославскаго побьемъ; да и тѣмъ у насъ достанется, которые руки прикладывали (вѣроятно, къ просьбѣ о возвращеніи Морозова); а побивать мы станемъ не все сами: есть у насъ много ярыжекъ, которые у насъ живутъ, отъ нихъ и починъ будетъ; въ этомъ заводѣ всѣ съ нами, да и стрѣльцы, которые рукъ не прикладывали, съ нами же. Выѣдутъ на лобное мѣсто

бояре: Никита Ивановичъ Романовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, пристанутъ къ намъ стрѣльцы и всякіе люди, и станутъ побивать и грабить Морозова, Милославскаго и другихъ.» Государь велѣлъ всѣмъ боярамъ ѣхать къ пыткѣ, пытать Корѣпина накрѣпко и одноличио доискаться подлинно. Савинка съ пытки показалъ, что говорилъ съ пьяну самъ собою; прибавилъ, что зимою о Николинѣ дни сидѣлъ онъ у боярина Никиты Ивановича Романова на дворѣ въ конюшнѣ; тутъ же съ нимъ сидѣли колодники въ боярскихъ дѣлахъ: Аѳонка Собачья Рожа да Унженцы человѣкъ съ десять, и онъ съ ними говорилъ тѣ же рѣчи, и они о томъ же говорили, что быть замятнѣ, кровопролитію и грабежу. Савинку казнили смертію. Стрѣлецъ Андрюшка Калининъ въ распросѣ сказалъ: «Слышалъ часа за полтора до вечера, Генваря 4, отъ стрѣльца Андрюшки Ларіонова: былъ онъ Андрюшка у боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго, и слышалъ отъ князя Якова и отъ племянника его, князя Петра, что приходили къ нимъ четыре человѣка стрѣльцовъ и сказали: «Быть замятнѣ въ Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду». На пыткѣ Ларіоновъ сказалъ, что все это онъ затѣялъ самъ, отъ князя ничего не слыхалъ; у него вырѣзали языкъ и сослали.

Слышалось на Морозова и другаго рода обвиненіе. Мы видѣли, что въ это время въ Москвѣ чувствовалась потребность въ наукѣ, за которою естественно было обратиться къ Малороссіянамъ, потому что у нихъ было уже распространено школьное образованіе. Сильною любовію къ просвѣщенію отличался въ Москвѣ постельничій царскій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Недалеко отъ Москвы, по Кіевской дорогѣ, на берегу рѣки онъ выстроилъ монастырь (Андреевскій), куда перезвалъ изъ Малороссійскихъ монастырей монаховъ тридцать человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ учили желающихъ грамматикѣ Славянской и Греческой, риторикѣ и философіи и переводили книги. Обязанный днемъ быть во дворцѣ, Ртищевъ

цѣлыя ночи просиживалъ въ Андреевскомъ съ учеными монахами. Но эта новизна нѣкоторымъ не полюбилась. Весною 1650 года Иванъ Васильевичъ Засѣцкій, Лучка Тимоѳеевъ Голосовъ да Благовѣщенскаго собора дьячекъ Костка Ивановъ сошлись у монаха Саула и шептали между собою: «Учится у Кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ Греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Обратясь къ дьячку, Голосовъ говорилъ: «Извѣсти Благовѣщенскому протопопу (духовнику царскому), что я у Кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ; теперь я маню Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу; кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратился. Да и о томъ вспомяни протопопу: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую Ѳедоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ Кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ воротить назадъ, и такъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Степана и другихъ». Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это: «Мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: «Скажи пожалуй, какъ быть? дѣти мои духовные Иванъ Озеровъ да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться». Я ему говорилъ: «Не отпускай, Бога ради, Богъ на твоей душѣ это взыщетъ»; а Ѳома говоритъ: «Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ». Потомъ трое ревнителей праваго пути начали шептать про Морозова: «Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго только для прилики людской, Кіевлянъ началъ жаловать, а это уже извѣстное дѣло, что туда уклонился къ такимъ же ересямъ» [37].

Въ Москвѣ попытки недовольныхъ раздуть мятежъ противъ Морозова и Милославскаго во имя Романова и Черкасскаго были уничтожены въ самомъ началѣ; но когда, повидимому, все успокоилось, опять на Сѣверо-Западной границѣ въ толпѣ

народной послышалось несчастное имя Морозова и мятежъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, запылалъ во Псковѣ и Новгородѣ.

По Столбовскому миру съ обѣихъ сторонъ условились выдавать перебѣжчиковъ; но впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изъ уступленныхъ Швеціи Русскихъ областей перебѣжало въ Московскіе предѣлы множество народу; Шведское правительство требовало ихъ выдачи; исполнить это требованіе въ глазахъ Московскаго правительства значило отдать православныхъ христіанъ въ люторскую вѣру; благочестивый царь никакъ не могъ рѣшиться взять на свою душу такой грѣхъ, и потому положено было выкупить перебѣжчиковъ. Часть выкупныхъ денегъ, именно 20,000 рублей, была отдана въ Москвѣ Шведскому агенту Нуммесу, который съ ними и отправился на Псковъ къ Шведской границѣ. Въ то же время, въ зачетъ выкупной суммы, велѣно было отпустить изъ Псковскихъ царскихъ житницъ 11,000 четвертей хлѣба въ Швецію. Но мы видѣли, какъ дурно смотрѣли на иностранцевъ вездѣ въ Московскомъ государствѣ и особенно во Псковѣ. Въ царствованіе Михаила во Псковѣ ограничивались однѣми жалобами, занесенными въ лѣтопись; со времени же событій въ Москвѣ 1648 года пошла молва, что молодой царь окруженъ людьми недоброжелательными, что Морозовъ дружитъ Нѣмцамъ ко вреду Русскихъ. И вотъ въ Февралѣ 1650 года во Псковѣ узнали, что ѣдетъ Шведъ, везетъ изъ Москвы большую казну, и что велѣно во Псковѣ отдавать хлѣбъ Шведамъ. 24 Февраля, на масляницѣ, пришла къ воеводѣ Собакину государева грамота о хлѣбной отдачѣ; народъ узналъ о грамотѣ, сталъ волноваться, и 27 числа человѣкъ 30 изъ меньшихъ статей пришли къ архіепископу Макарію бить челомъ, чтобъ онъ уговорилъ воеводу не отдавать хлѣба, пока отъ нихъ челобитье будетъ къ государю.

Макарій послалъ за Собакинымъ, который тотчасъ пріѣхалъ къ архіепископу, и, узнавъ въ чемъ дѣло, объявилъ, что долженъ исполнить государевъ указъ въ точноти и отдастъ

хлѣбъ немедленно, а они пусть посылаютъ челобитчиковъ къ государю отъ себя, мимо его. Потомъ воевода счелъ своею обязанностію сдѣлать Псковичамъ внушеніе, чтобъ они не въ свои дѣла не вмѣшивались, началъ имъ говорить съ сердцемъ, зачѣмъ они пришли на архіепископскій дворъ толпою, называлъ ихъ *кликунами* — названіе очень нехорошее во Псковѣ послѣ событій смутнаго времени. Тогда одинъ изъ Псковичей началъ Собакина укорять: «Ты, Никифоръ Сергѣевичъ, пускаешь Нѣмцевъ въ городъ (въ крѣпость, куда не велѣно было пускать иностранцевъ) на пиръ къ Ѳедору Емельянову». Собакинъ отвѣчалъ: «Ну такъ что жь? пускаю, не запираюсь; а для того велѣлъ я Нѣмцевъ пустить къ Емельянову, что онъ боленъ, изъ двора не выходитъ, а у него у Нѣмцевъ заторговано на государя золотыхъ много». Начался споръ сильный, и воевода, кликнувъ подъячаго, велѣлъ ему переписывать имена Псковичей, тутъ бывшихъ; тѣ бросились бѣжать изъ кельи вонъ, и на дворѣ, гдѣ стояла толпа народу, начался шумъ; бывшіе у архіепископа кричали народу: «Вы насъ привели на такой шумъ бить челомъ, а воевода станетъ на насъ писать къ государю, что шумомъ приходили, и намъ за то будетъ опала!» Пошумѣвъ, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 Февраля собралось на площади у всегородной избы много всякихъ чиновъ людей; начали кричать, что не надо давать хлѣба возить изъ кремля; но посадскіе лучшіе люди и стараго приказа стрѣльцы стали говорить съ большею силою, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, нельзя государеву указу противиться, а если въ хлѣбѣ скудость, то надобно бить челомъ государю. Толпа начала стихать и лучшіе люди стали расходиться по домамъ, какъ вдругъ прибѣжали стрѣльцы отъ Петровскихъ воротъ и закричали: «Ѣдетъ Нѣмецъ, везетъ казну изъ Москвы!» Толпа кинулась къ указанному мѣсту. Нумменсъ съ приставомъ Тимашевымъ дѣйствительно ѣхалъ въ это время по загородью, Великою рѣкою къ Нѣмецкому гостиному двору, на Завеличье; но когда поров-

нялся съ Власьевскими воротами, то изъ нихъ вышла толпа народу и бросилась на него; одни хотѣли тутъ же убить Нумменса ослопами, другіе тащили къ проруби, третьи спрашивали: какъ ему казна на Москвѣ дана? Нумменсъ разсказывалъ все дѣло какъ было и сталъ просить, чтобы дали ему повидаться съ гостемъ Ѳедоромъ Емельяновымъ. Это роковое имя человѣка ненавистнаго, друга Нѣмцевъ, подлило масла въ огонь; раздались крики: «Пытать Нѣмца! пытать Ѳедора!» Взяли казну, отвезли ее къ съѣзжей избѣ, откуда отправили на подворье Снетогорскаго монастыря и заперли ее тамъ, запечатавши; Нумменса отвезли ко всегородной избѣ, осматривали его тамъ всѣмъ міромъ, забрали всѣ бумаги и потомъ отвели на Снетогорское подворье, гдѣ приставили къ нему сторожей: пять человѣкъ поповъ, пять человѣкъ посадскихъ людей да двадцать человѣкъ стрѣльцовъ. Пошли къ Емельянову; тотъ скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную къ мужу ея; грамоту стали читать во весь міръ; она оканчивалась словами: «А сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ». Эти слова возбудили еще бо́льшее волненіе; стали кричать: «Грамота тайная къ Ѳедору прислана, а государю про то невѣдомо!» Слыша шумъ, набатъ, бѣготню по улицамъ съ оружіемъ, воевода Собакинъ прискакалъ на площадь и сталъ говорить Псковичамъ, что имъ до государевой казны дѣла нѣтъ. Ему отвѣчали: «Воля государская: если казна послана изъ Москвы съ государева вѣдома, то можно было съ нею ѣхать и городомъ, а не по загородью». Собакинъ поѣхалъ къ архіепископу и спустя съ часъ явился на площадь Макарій съ священниками, съ иконою св. Троицы, и сталъ уговаривать народъ; но у мірскихъ людей была одна рѣчь: «Воля государева, а хлѣба намъ изъ кремля Нѣмцу до государева указа не отдавать». 1 Марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальныхъ людей: площаднаго подъячаго Томилку Васильева Слѣпаго, стрѣльцовъ Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распоряжаться: велѣли при-

вести Нумменса, поставили на площади два огромныхъ чана и стали на нихъ съ Нумменсомъ, чтобъ всему народу было видно. Несчастнаго Шведа снова допрашивали, а чтобъ языкъ у него былъ развязнѣе, подлѣ него стояли палачи съ кнутьями; читали во весь міръ бумаги, взятыя у Нумменса; потомъ всѣ эти бумаги передъ всѣмъ міромъ положили въ коробки, запечатали и поставили на Снетогорскомъ подворьѣ, а ненужныя письма отдали Нумменсу. Послѣ третьяго Марта волненіе начало утихать: положили отправить челобитчиковъ къ государю въ Москву.

Но между-тѣмъ, при безпрестанныхъ сношеніяхъ, Псковичи торговые и всякіе люди пріѣзжали въ Новгородъ, и отъ нихъ были въ разговорахъ многія смутныя рѣчи. Въ Новгородѣ началась молва, особенно съ тѣхъ поръ, какъ присланъ былъ государевъ указъ, велѣно хлѣбъ покупать на государя, и стали по торжкамъ биричи кликать, чтобъ Русскіе люди покупали хлѣба только про себя, не по многу, четвериками. Пріѣхалъ изъ-за границы Новгородецъ Никита Тетеринъ и началъ разсказывать, что Нѣмцы собираются, ждутъ казны изъ Москвы, и какъ только казна придетъ, то имъ всѣмъ идти на Новгородъ; начались толки: «Государь этого не знаетъ, отпускаютъ казну бояре». Дней черезъ пять послѣ этого, вечеромъ 15 Марта, пріѣхалъ въ Новгородъ Датскій посланникъ Грабъ, и всѣ начали говорить: «Вотъ и Нѣмцы съ казною пріѣхали!» Посадскій человѣкъ Трофимъ Волкъ разговорился съ Русскимъ толмачемъ, ѣхавшимъ при посланникѣ, Нечаемъ Драбинымъ, и тотъ сказалъ ему, что идетъ изъ Москвы къ Нѣмцамъ большая казна; Волкъ не смолчалъ объ этой новости, а другой посадскій, Елисей Лисица, явился къ земской избѣ на площадь и сталъ кричать на весь міръ, что гость Семенъ Стояновъ провозитъ за рубежъ хлѣбъ и мясо, а Нѣмцы везутъ изъ Москвы большую денежную казну. На крикъ Лисицы собрались толпы народа и рѣшили раздѣлаться съ Нѣмцами; земскій староста Андрей Гавриловъ, вмѣсто того, чтобъ унимать ихъ, сдѣлался пред-

водителемъ мятежа. Датскій посланникъ, только что выѣхавшій изъ Новгорода, былъ остановленъ, избитъ; Волкъ отличился предъ всѣми: билъ Граба по щекамъ, проломилъ ему носъ, сидѣлъ надъ нимъ съ ножемъ и наконецъ обобралъ его. Пожитки посланника, въ которыхъ видѣли казну государеву, не тронули, свезли ихъ на пушечный дворъ, но разграбили дворы своихъ богатыхъ людей, братьевъ Стояновыхъ, Василья Никифорова, Василья Проѣзжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земскаго; взяли въ земскую избу съ Любскаго двора пріѣзжихъ торговыхъ Нѣмцевъ; въ каменномъ городѣ караульщики отъ воротъ и отъ набата были отбиты, сполошный колоколъ заливался. Митрополитъ Никонъ и воевода окольничій князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ выслали головъ стрѣлецкихъ и дѣтей боярскихъ унимать мятежниковъ, но эти посланные, ничтожные числомъ, не могли ничего сдѣлать; одинъ изъ нихъ, стрѣлецкій сотникъ Маркъ Басенковъ, чуть не былъ сброшенъ съ башни.

Мятежъ этимъ не кончился; на другой день, 16 Марта, загудѣлъ опять сполошный колоколъ, раздались крики: «Государь объ насъ нерадѣетъ, деньгами подмогаетъ и хлѣбомъ кормитъ Нѣмецкія земли.» Но у мятежниковъ не было предводителя; староста Андрей Гавриловъ скрылся, испугавшись послѣдствій затѣяннаго дѣла; стали искать, кого бы взять въ начальные люди, и нашли: за приставомъ сидѣлъ митрополичій приказный Иванъ Жегловъ и двое дѣтей боярскихъ: Макаръ и Ѳедоръ Негодяевы; Никонъ извѣщалъ объ нихъ государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знаютъ все, знаютъ чтò у царя и у короля въ палатахъ дѣлается, вынуты были у нихъ воровскія книги и тетради и отосланы въ Москву. 16-го Марта толпа съ шумомъ пришла въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ митрополитъ и воевода, и отсюда отправилась освобождать Жеглова съ товарищами; въ земской избѣ составилось новое правительство: подлѣ Жеглова засѣли здѣсь: посадскій Елисей Лисица, Игнатій Молодожникъ, Никифоръ

Хамовъ, Степанъ Трегубъ, Панкратій Шмара, Иванъ Оловяничникъ, стрѣлецкій пятидесятникъ Кирша Дьяволовъ, подъячій Гришка Аханатковъ.

У воеводы не было матеріальныхъ средствъ противиться этимъ новымъ правителямъ; митрополитъ рѣшился дѣйствовать противъ нихъ духовнымъ оружіемъ: 17 Марта, въ день Алексія человѣка Божія, въ имянины государевы, къ св. Софіи собралось множество народа; здѣсь на заутрени и на обѣдни Никонъ поимянно проклялъ новыхъ правителей. Начался ропотъ: «Государь жалуетъ на свой Ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей распускаетъ, а митрополитъ въ такой праздникъ проклинаетъ; но проклинаетъ онъ не одного Молодожника и Лисицу, а всѣхъ Новгородцевъ, у нихъ у всѣхъ одна дума.» Такъ поднимали злобу на Никона, старались ожесточить противъ него всѣхъ; но не было предлога идти *гилемъ* на Софійскій дворъ; 19 числа предлогъ нашелся. Прибѣжалъ съ Софійской стороны на торговую съѣзжей избы приставъ Гаврила Нестеровъ, прозвищемъ Колча, сынъ площаднаго подъячаго, и говорилъ: «Митрополитъ Никонъ и окольничій князь Ѳедоръ измѣнники». Митрополитъ и воевода, узнавши объ этомъ, велѣли схватить Колчу, котораго привели въ Софійскій домъ, били батогами и посадили въ тюрьму. Вдругъ прибѣгаютъ въ земскую избу отецъ его и жена съ крикомъ: «Міряне, вступитесь! митрополитъ и окольничій сына моего пытаютъ, бьютъ и огнемъ жгутъ». Толпа взволновалась и двинулась на Софійскій дворъ. Испуганный Хилковъ скрылся у митрополита, который велѣлъ запереть дворъ; толпа, подойдя къ дверямъ, кричала: «Выпустите изъ тюрьмы Гаврилу Нестерова». Митрополитъ и воевода отвѣчали: «Мы за него не стоимъ, что хотите съ нимъ, то и дѣлайте». Народъ освободилъ Нестерова, но тотъ снялъ съ себя рубашку и сталъ показывать спину; тогда толпа опять двинулась къ митрополиту и разломала двери. Въ крестовой найденъ былъ князь Хилковъ, и мятежники стали говорить ему: «Зачѣмъ ты отъ насъ бѣгаешь? намъ до тебя дѣла

нѣтъ, а если до тебя дѣло будетъ, то ты никуда отъ насъ не уйдешь».

Такъ разсказывалъ дѣло Софійскій служка Иванъ Кузьминъ. По другимъ показаніямъ, Нестеровъ былъ взятъ къ митрополиту по дѣлу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жилъ съ женою. Князь Хилковъ доносилъ въ Москву такимъ образомъ: «Приставъ Гаврилка и отецъ его за многія воровства биты кнутомъ и батогами; 19 Марта пришелъ къ митрополиту Гаврилка съ лестью, будто прощенья просить; митрополитъ велѣлъ подержать его у себя въ приказѣ для подлиннаго сыску, и того же числа въ четвертомъ часу дня воры пришли гилемъ на Софійскій дворъ, говорили многія непригожія слова и Гаврилку изъ приказа взяли». Но вотъ какъ разсказываетъ все дѣло самъ Никонъ въ письмѣ къ царю и ко всему царскому семейству: «18 Марта былъ я въ соборной церкви у заутрени, и послѣ полунощницы, по своему обычаю, ексапсалмы самъ говорилъ, а послѣ тайно про себя говорилъ канонъ Іисусу Сладкому на первой каѳизмѣ; и послѣ первой статьи на другой каѳизмѣ, творя молитву Іисусову, сталъ я смотрѣть на Спасовъ образъ мѣстный, что стоитъ предъ нашимъ мѣстомъ, списанъ съ того образа, который взятъ въ Москву царемъ Иваномъ Васильевичемъ, поставленъ въ Москвѣ въ соборной церкви и называется Златая Риза, отъ него же и чудо было Мануилу Греческому царю. И вотъ внезапно я увидалъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою главою; и мало по малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться ко мнѣ; я отъ великаго страха точно обезпамяталъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу передъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на моей головѣ грѣшной, я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ. Съ этого времени я началъ ожидать инаго себѣ посѣщенья. Марта 19 пришелъ на Софійскій дворъ Гаврила Нестеровъ, будто въ своей винѣ покаяніе принося, и я велѣлъ его поберечь, пока пойду къ обѣдни, и хотѣлъ

его разрѣшить и молитвы разрѣшительныя проговорить. Но Жегловъ, узнавши объ этомъ, велѣлъ бить въ набатъ на торговой сторонѣ, и ко мнѣ на сѣни начали ломиться. Я вышелъ и сталъ ихъ уговаривать, но они меня ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, держа ихъ въ рукахъ, били и Софійскаго казначея, старца Никандра, и дѣтей боярскихъ, которые были за мною, и повели было меня въ земскую избу; какъ довели до церкви, я хотѣлъ было въ церковь войти, но они меня тутъ не пустили, а все вели въ земскую избу; но какъ довели до Золотыхъ дверей, то я, отъ ихъ бою изнемогши, отпросился посидѣть у Золотыхъ дверей предъ церковью на лавкѣ, и имъ началъ говорить, чтобъ меня отпустили съ крестами къ Знаменію Пресвятыя Богородицы, потому что готовился я литургію служить, и они едва на то приклонились. Я велѣлъ благовѣстить и, собравшись съ соборными и другими немногими священниками, едва добрелъ съ великою нуждою до Знаменія, и тамъ часы, стоя и сидя, слушалъ и св. литургію съ великою нуждою и спѣхомъ служилъ, и назадъ больной, въ сани взвалясь, приволокся, и нынѣ лежу въ концѣ живота, кашляю кровью, и животъ весь запухъ. Чая себѣ скорой смерти, масломъ я соборовался, а если не будетъ легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мнѣ посхимиться».

Нападеніе на Никона было послѣднею вспышкою мятежа; начали простывать, опаматываться и думать о слѣдствіяхъ своего дѣла; легко сладили съ безоружнымъ воеводою и митрополитомъ, но теперь предстояло раздѣлываться съ многочисленными ратями великаго государя. Начали толковать, какъ бы послать въ пятины по дворянъ и дѣтей боярскихъ и привесть ихъ ко кресту; между собою собирались всѣ крестъ цѣловать на томъ: если государь пришлетъ въ Новгородъ обыскивать и казнить смертію, то всѣмъ стоять за одно и на казнь никого не выдать, казнить такъ казнить

всѣхъ, а жаловать всѣхъ же. Думали и во Псковъ послать лучшихъ людей, чтобъ обоимъ городамъ стоять заодно. По всѣмъ улицамъ поставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобъ ничьихъ дворовъ больше не грабили; жалѣли, что и въ первый день позволили грабить дворы, а грабили ихъ ярыжки и кабацкіе голыши и стрѣльцы, которые голые же люди. Лучшіе люди говорили другъ другу со слезами на глазахъ: «Навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ». Самъ Жегловъ чуялъ бѣду, но дѣлать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрѣльцовъ, посадскіе люди не могли противъ нихъ ничего предпринять.

20 Марта, въ середу вечеромъ, Жегловъ призвалъ къ себѣ въ земскую избу дворянъ и дѣтей боярскихъ и велѣлъ имъ руки прикладывать къ записи, что имъ съ мірскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтобъ государевой денежной казны и хлѣба за рубежъ не пропустить. Дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали, что приложатъ руки къ челобитной, чтобъ государь денегъ и хлѣба за рубежъ отпускать не велѣлъ, а не къ *одиначной* записи, и, сказавши это, пошли въ каменный городъ. Тутъ поднялся шумъ между стрѣльцами, козаками и худыми посадскими людьми; толпа побѣжала въ каменный городъ, крича: «Переймемъ дворянъ, прибѣжимъ прежде ихъ въ каменный городъ, запремъ рѣшетку на мосту, дворянъ въ городъ не пустимъ, выбьемъ ихъ за городъ!» Но когда воры прибѣжали въ рыбный рядъ близь мосту, то встрѣтились имъ другіе стрѣльцы и земскіе люди и поворотили ихъ назадъ, говоря: «Надобно и ту бѣду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить». Чтобъ утушить бѣду, выбрали трехъ человѣкъ посадскихъ, двоихъ стрѣльцовъ, одного козака и отправили ихъ въ Москву къ государю, съ дарами и съ челобитной, въ которой писали: «Бьютъ челомъ холопи твои государевы, дворяне и дѣти боярскіе и Новгородскіе пятиконецкіе старосты и всѣ посадскіе люди и стрѣлецкіе пятидесятскіе и всѣ рядовые и всѣ

козаки и всякіе служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы и дьяконы и всякихъ чиновъ жилецкіе люди: въ нынѣшнемъ въ 158 году Марта 15 за два часа до свѣта пріѣхали съ Москвы Нѣмцы и стали на Никитиной улицѣ, и того же дня въ другомъ часу ночи тѣ же Нѣмцы поѣхали изъ Новгорода вонъ и на улицкихъ караулахъ посадскіе люди ихъ спрашивали: что де вы идете ночью безъ государева пристава и безъ Московскаго толмача? и они Нѣмцы учинились улицкимъ караульщикамъ сильны, поѣхали изъ Новгорода, но у Чуднова креста всякихъ чиновъ люди тѣхъ Нѣмцевъ начали ворочать и имъ говорить: что вы идете ночью, а не днемъ, ночью ѣздятъ воровскіе люди, пристава и толмача у васъ нѣтъ? И тѣ Нѣмцы начали насъ колоть шпагами, и въ томъ съ ними учинилась [illegible]ака. Ихъ воротили къ земской избѣ и разспрашивали, [illegible] въ распросѣ они сказались: я посланникъ Датскаго короля Ивертъ Грабъ, а со мною посланныхъ людей шесть человѣкъ; да съ нимъ же ѣхали Шведской земли подданные, а былъ въ Москвѣ для хлѣбной покупки. И тотъ посланникъ Ивертъ Грабъ тебѣ государю въ винѣ своей добилъ челомъ, что поѣхалъ изъ Новгорода ночью безъ пристава и безъ толмача и шпагами насъ кололъ, и въ томъ во всемъ далъ на себя запись, что ему тебѣ на насъ не бить челомъ и въ своей землѣ Датскому королю, а Шведы въ Новгородѣ ожидаютъ твоей государевой денежной и хлѣбной казны. А слухъ намъ есть: какъ твою государеву казну денежную и хлѣбную Шведскіе Нѣмцы возьмутъ, и твои государевы недруги Шведскіе Нѣмцы твоею казною хотятъ нанять иныхъ ордъ Нѣмецкихъ людей и идти съ ними подъ великій Новгородъ и Псковъ; и мы ради за тебя государя и за православную вѣру головы свои положить. Милосердый государь! пожалуй насъ, не вели изъ своего Московскаго государства своей денежной и хлѣбной казны и съѣстныхъ запасовъ за рубежъ Шведскимъ людямъ давать и пропускать, и не вели митрополичьимъ и окольничаго князя Хилкова ложнымъ от-

пискамъ вѣрить, пишутъ они тебѣ на насъ съ сердцовъ, что мы тебѣ на нихъ бьемъ челомъ».

Челобитная на Хилкова состояла въ томъ, что онъ царскаго указа не слушаетъ, отпускаетъ въ Швецію торговыхъ людей съ хлѣбомъ и мясомъ по ночамъ для своей бездѣльной корысти, и на заставы писалъ, чтобъ товаровъ не осматривать въ возахъ, а которые головы и стрѣльцы осматриваютъ, тѣхъ бьетъ кнутомъ и батогами нещадно. Онъ же въ Новгородѣ у всякихъ чиновъ людей въ избахъ печи печаталъ и въ холодные дни топить избъ не давалъ, отчего малые дѣти перезябли и померли. Онъ же наговорилъ митрополита Никона, чтобъ тотъ въ день государева ангела Новгородцевъ проклиналъ безъ государева указа и безъ патріаршаго; священниковъ всѣхъ митрополитъ запрещаетъ, не велитъ имъ къ мірскимъ дѣламъ и къ челобитнымъ прикладывать руки вмѣсто неграмотныхъ людей, и отъ этого митрополичьяго проклятія въ Новгородѣ во всякихъ людяхъ учинилось великое смятеніе. Митрополитъ съ окольничимъ мучили подъячаго Нестерка ослопами и полѣньемъ. Новгородцы били челомъ митрополиту о невинномъ, и Никонъ отдалъ имъ его убитаго замертво. За такое неистовство и проклятіе сила Божія Никона митрополита обличила: когда въ церкви Знаменія сталъ онъ говорить: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ», ударило его и всего раздробило. Онъ же Никонъ на память государевыхъ отца и матери всякихъ чиновъ людей и чернецовъ на своемъ дворѣ билъ на правежѣ на смерть. Когда пришла вѣсть о рожденіи царевны Евдокіи Алексѣевны, то митрополитъ на такой радости никого изъ тюрьмы не освободилъ; онъ же хотѣлъ соборную церковь Софійскую рушить, а та церковь построена по ангельскому благовѣстію, и мы ему объ этомъ били челомъ и церкви рушить не дали, а онъ, сердясь за это, пишетъ всякія отписки на насъ государю. Онъ же митрополитъ держалъ за приставомъ въ цѣпи и въ желѣзахъ бывшаго своего приказнаго Ивана Жеглова многое время, и нѣсколько дней, возя на дровняхъ, на пра-

вежѣ его билъ и мучилъ ослопьемъ на смерть, и вымучилъ на немъ денегъ триста рублей, и многія онъ митрополитъ неистовства и смуту чинитъ въ міру великую, и отъ той его смуты ставится въ міру смятеніе. Да по договору государевыхъ пословъ съ думными людьми Шведской королевы, везутъ изъ Московскаго государства въ Шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысячъ разными дорогами. Въ нынѣшнемъ 1650 году, въ великій мясоѣдъ, пріѣхалъ въ Новгородъ Московскій торговый человѣкъ Моисей Облезовъ, и въ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ закупалъ хлѣбъ, рожь, а везти тотъ хлѣбъ въ Шведскіе города, а намъ никому хлѣба купить не далъ, и мы всѣ оттого обѣдняли и оголодали; а Шведы мирный договоръ во всемъ нарушили, православную христіанскую вѣру у Русскихъ зарубежныхъ людей отняли, церкви Божіи осквернили, поповъ на Руси ставить не даютъ, а крестьянскихъ дѣтей крестятъ своими Нѣмецкими попами въ своихъ киркахъ. Окольничій князь Хилковъ послалъ теперь на рубежныя заставы стрѣльцовъ и козаковъ триста человѣкъ, а для обереганія пороху и свинцу имъ ничего не далъ: изъ этого ясно, что окольничій Шведскимъ людямъ поровитъ, а государевыхъ людей губитъ напрасно. По совѣту съ окольничимъ, гость Семенъ Стояновъ ѣздитъ въ Шведскую землю много лѣтъ, возитъ рожь и мясо и всякіе съѣстные запасы, Нѣмецкихъ людей кормятъ и съ ними совѣтуютъ, а насъ всѣхъ православныхъ христіанъ голодомъ морятъ и въ конецъ губятъ. Онъ же Семенъ Стояновъ съ Шведскими людьми и иныхъ ордъ, которые пріѣзжаютъ въ Новгородъ, ѣстъ и пьетъ и ночи съ ними у себя въ домѣ просиживаетъ.

Но вѣсть о Новгородскихъ событіяхъ пришла въ Москву прежде этихъ челобитчиковъ. Государь немедленно велѣлъ написать грамоту, въ которой приказывалъ Новгородцамъ, чтобъ они, помня крестное цѣлованіе, перехватали заводчиковъ смуты и выдали ихъ начальству. Съ грамотою отправился дворянинъ Соловцевъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Новго-

родъ, то сошлись всѣ въ земской избѣ; пріѣхалъ воевода князь Хилковъ, но ему и мѣста не дали. Соловцевъ сказалъ Новгородцамъ государево жалованное слово; начали читать грамоту; слыша, что въ грамотѣ написано то же самое, что говорилъ посланный, стали кричать Соловцеву: «Ты почему вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ написано? грамота воровская! у насъ воровъ нѣтъ, все добрые люди, а стоять всѣмъ заодно, за государя; грамоты воровскія, а не государевы, вольно вамъ ночью написать хоть сто столбцовъ». Хилковъ сказалъ: «Когда вы государевымъ грамотамъ не вѣрите, то чему уже больше вѣрить?» и пошелъ въ соборную церковь.

Никонъ велѣлъ позвать туда же старостъ и всякихъ людей, и говорилъ имъ, чтобъ исполнили государеву волю; но они и ему отвѣчали то же: «У насъ никакихъ воровъ нѣтъ, государю не виноваты и вины намъ государю приносить не въ чемъ». Пошли толки: «Грамота воровская, Соловцевъ не дворянинъ, а человѣкъ боярина Морозова; надобно его задержать до тѣхъ поръ, какъ наши челобитчики съ Москвы поѣдутъ поздорову. Дѣйствительно, Соловцевъ былъ задержанъ; лучшіе люди въ отчаяніи говорили: «Мочи нашей нѣтъ!» Въ земской избѣ написали запись, чтобъ противъ государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать къ рукоприкладству. Несмотря на то, Никонъ и Хилковъ успѣли удержать священниковъ и многихъ свѣтскихъ людей отъ рукоприкладства, иные священники и добрые люди сбѣжали изъ города, другіе лучше согласились сидѣть въ тюрьмахъ, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличенія на Хилкова: «Это измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдать Нѣмцамъ по приказу Морозова; взялъ посулъ у Шведскаго посланника, четвертную бочку золотыхъ, изъ пороховой казны зелье все выдалъ Нѣмцамъ, надобно у него Новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотрѣть и по каменному городу пушки разставить на случай прихода Шведовъ». 27 Марта собралась толпа, поѣхали на Московскую дорогу,

привезли 30 бочекъ золы, и объявили, что привезли селитру, которую Морозовъ отпустилъ къ Нѣмцамъ; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 Марта Никонъ опять сталъ уговаривать исполнить государеву волю, и опять напрасно; 3 Апрѣля началъ уговаривать, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, Соловцева, и на этотъ разъ Новгородцы послушались. Пріѣхавъ въ Москву, Соловцевъ разсказывалъ свои разговоры съ Жегловымъ: «Зачѣмъ ты дѣлаешь такое дурно?» спрашивалъ онъ Жеглова; тотъ отвѣчалъ: «Это дѣло не я затѣялъ, я сижу тутъ неволею, взяли меня изъ цѣпей міромъ; а еслибы меня земскіе люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унялъ смертное убійство и грабежъ и Датскаго посланника не далъ до смерти убить».

Между-тѣмъ приближался къ Новгороду бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій съ небольшимъ отрядомъ ратныхъ людей. Жегловъ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что выѣхалъ было къ нему навстрѣчу, но не могъ переѣхать Волховецъ за льдомъ. «Ожидаютъ тебя въ великомъ Новгородѣ (писалъ Жегловъ), а встрѣчать тебя хотятъ за городомъ съ хлѣбомъ и солью; милости у тебя, государя, прошу, не въ укоръ тебѣ, государю моему, бью челомъ и пишу: облегчись въ великій Новгородъ скорымъ обычаемъ не со многими людьми и милостиво учини, а мірскіе люди государской милости и тебя ожидаютъ вскорѣ; впередъ, государь, жалуй, посылай въ Новгородъ Новгородцевъ, а не иногородныхъ людей, потому что иногородные люди не вѣдаютъ ничего, говорятъ многія прибавочныя рѣчи, а Новгородскаго извычая не знаютъ; Новгородскій Никонъ митрополитъ и окольничій князь Хилковъ въ міръ пускаютъ словесную рѣчь большую съ устрашеніемъ, будто ты, государь, въ великій Новгородъ идешь по ихъ отпискамъ православныхъ христіанъ вѣшать и пластать безъ сыску и безъ очныхъ ставокъ, и тѣми рѣчами въ міру чинятъ великое сумнѣніе и смуту». Жегловъ только еще писалъ письма Хованскому, но товарищъ его Ѳедоръ Негодяевъ поступилъ рѣшительнѣе:

онъ перебѣжалъ къ Хованскому, который переслалъ его въ Москву. Отсюда 15 Апрѣля посланъ былъ царскій указъ Хованскому: въ Новгородъ не ходить, стоять у Спаса на Хутынѣ, собирать ратныхъ людей, около города поставить заставы, никого не пропускать, и къ Новгородцамъ посылать уговаривать покориться. Воевода исполнилъ приказаніе и получилъ отвѣтъ отъ Новгородскихъ стрѣльцовъ, что когда въ земской избѣ прочли его грамоту, то посадскій человѣкъ сапожникъ Елисейка Григорьевъ прозвищемъ Лисица началъ говорить всему народу: «Мы боярина князя Хованскаго въ городъ не пустимъ, а если какая немѣра будетъ, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ». Онъ же Елисейка говорилъ: «Если Хованскій придетъ съ небольшими людьми, то мы его пустимъ, если же съ большими, то не пустимъ». Всѣ Новгородцы писали Хованскому то же, что и Жегловъ.

17 Апрѣля царь отвѣчалъ Новгородцамъ на ихъ челобитную: «Прислали вы къ намъ челобитныя отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ: но у челобитенъ этихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ рукъ ничьихъ нѣтъ, и то вы дѣлаете воровствомъ. Намъ, великому государю, извѣстно подлинно и безъ вашего воровскаго письма и оправданья, что въ Новгородѣ Датскаго посланника и другихъ Нѣмцевъ били, митрополита безчестили и били, окольничаго нашего лаяли и безчестили, городовые ключи у него отняли и нашего государскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаете. Въ вашихъ челобитныхъ написано, чтобъ нашей денежной казны и хлѣба въ Шведскую землю не пропускать: и мы, великій государь, съ Божіею помощію, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править. По вѣчному докончанію съ Шведскимъ королемъ надобно было отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, а довелось тѣхъ перебѣжчиковъ православныхъ христіанъ въ Шведскую сторону отдать въ лютерскую вѣру съ 50,000 душъ, и мы велѣли за нихъ дать деньги 190,000 рублей, и въ то договорное число отпущено было съ Логиномъ Нумменсомъ только 20,000....

Хотя бы вамъ въ хлѣбѣ и прямое оскудѣнье было, такъ вамъ бы надобно было бить челомъ намъ, великому государю, и мы бы приказали привезти къ вамъ хлѣба. Пишете, чтобъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ запасовъ продавать за рубежъ не велѣть, но тому статься нельзя, потому что между государствами ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ-нибудь товарахъ заказъ учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнье. Жалуетесь на митрополита, что проклиналъ: и то онъ учинилъ дѣло; да еслибъ онъ что иное учинилъ и не по дѣлу, то объ этомъ наше государское разсмотрѣніе впередъ будетъ. А чтобъ Шведскимъ Нѣмцамъ идти подъ Новгородъ и Псковъ, и то нестаточное дѣло, потому что между нами и королевою вѣчное докончаніе. А что пишете о перемѣнѣ окольничаго князя Хилкова, то мы его перемѣнить велѣли и указали быть въ великомъ Новгородѣ боярину нашему князю Юрью Петровичу Буйнову-Ростовскому. А челобитчикамъ вашимъ Сидору Исакову съ товарищами (хотя бы за ваши злыя вины учинить того и не довелось) велѣли видѣть наши царскія очи и велѣли ихъ отпустить безъ всякаго оскорбленья; а стрѣльцу Кирилку да посадскому человѣку Іевку Красильнику велѣно побыть на Москвѣ до подлиннаго сыска, потому что они съ ворами были вмѣстѣ и на Москвѣ съ товарищами своими въ рѣчахъ порознились, говорили ложныя рѣчи. И вы бы вины свои принесли и заводчиковъ всѣхъ отдали боярину нашему князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тѣхъ даровъ принять не довелось, потому что вы въ своихъ челобитныхъ вины свои намъ не принесли и воровъ не прислали». Въ тотъ же день отправлена другая грамота съ угрозою, что если Новгородцы князя Хованскаго не примутъ и не будутъ слушаться и къ сыску воровъ и заводчиковъ не отдадутъ, то государь пошлетъ съ Москвы бояръ и воеводъ со многими ратными людьми и велитъ учинить надъ Новгородцами большое разоренье.

Между-тѣмъ Ѳедька Негодяевъ, живя въ Москвѣ, успѣлъ заискать расположеніе бояръ и царя, видѣлъ царскія очи, былъ у руки и получилъ прощенье. Понятно, что для уменьшенія своей вины онъ долженъ былъ наговаривать на Никона, объявилъ, что Никонъ и прежде былъ виновникомъ смуты: митрополитъ хотѣлъ въ соборной церкви передѣлывать, и вотъ въ Петровъ постъ 1649 года мірскіе люди многіе приходили къ нему съ шумомъ и говорили: «Прежде многія власти были, а старины не портили; мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ!» Отъ митрополита пошла толпа къ св. Софіи, подвези изъ церкви выбросили, мастеровъ, которые подвязывали подвези и сбирались столпы ломать, хотѣли бить, но тѣ спрятались.

Негодяева отправили изъ Москвы въ Новгородъ уговаривать горожанъ къ повиновенію, уговаривать и Жеглова, чтобъ отсталъ отъ воровства, и обѣщать прощеніе. Но вслѣдъ за этимъ, 20 Апрѣля, получена грамота отъ Хованскаго, что Новгородцы покорились. Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное въ Москвѣ разсказами Негодяева, видно изъ того, что на другой же день по полученіи извѣстія отъ Хаванскаго о покорности Новгородцевъ, 21 Апрѣля, царь писалъ Никону: «Ты бы соборной церкви рушить и столповъ ломать не велѣлъ». Никонъ сильно обидѣлся и отвѣчалъ длинною грамотою; описавъ все свое поведеніе во время мятежа, Никонъ продолжаетъ: «Посадскіе добрые люди у меня пробыли во дворѣ, поилъ я ихъ и кормилъ, и всякое худое дѣло у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожникова) моего ради постоянія разорялось и въ совершеніе не приходило, и только бы я о томъ не стоялъ, много бы хуже Псковскаго было; безпрестанно я за тебя, государя, Бога молилъ и къ тебѣ писалъ, нанимая худыхъ людей всякими способами, посылалъ тайно. И за то, по наговору Ивашки Жеглова, опозоренъ и изувѣченъ; да тотъ же Ивашка съ товарищами били челомъ тебѣ ложно, будто я всѣхъ Новгородцевъ проклиналъ; но я проклиналъ воровъ, а не добрыхъ

людей, и оттого будто сталась смута; но я проклиналъ на третій день послѣ смуты. Да они же били челомъ, будто я хотѣлъ церковь соборную всю разрушить, и то явное ихъ ложное челобитье: какъ мнѣ безъ твоего государева указа разрушить? да и Софійской казны не будетъ столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Ѳедька Негодяевъ твою государеву милость обманомъ выманилъ, а онъ не только твоего государева жалованья не достоинъ, но и живота не достоинъ; онъ на меня тебѣ государю и боярамъ твоимъ налгалъ небылицу, для его ложныхъ словъ ты на меня кручинишься, и что я къ тебѣ н准писалъ, отвѣта мнѣ до сихъ поръ нѣтъ никакого; мнѣ о томъ очень сумнительно и впредь о твоихъ государевыхъ дѣлахъ писать къ тебѣ и здѣсь говорить нельзя. А нынѣ въ великомъ Новгородѣ тихо, сильно плачутся о мимошедшемъ своемъ къ тебѣ согрѣшеніи. Милостивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! уподобись милостивому и человѣколюбивому Богу! какъ будутъ тебѣ о своихъ винахъ бить челомъ, прости; а я, уговаривая ихъ, въ твоей милости ручался, а еслибъ не такъ уговаривалъ, то всѣ бы отчаялись за свое плутовство и на бо̀льшее бы худо вдались; ко мнѣ всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили, что меня били и безчестили и били на меня челомъ ложно.» Царь отвѣчалъ: «То ты, богомолецъ нашъ, дѣлалъ и исполнялъ Господню заповѣдь, св. Апостолъ и св. Отецъ преданіе, ревнуя по истинной Христовой вѣрѣ, ревнуя прежнимъ святителямъ и хвалы достойному новому исповѣднику, Ермогену патріарху. И мы, великій государь, тебя за твое радѣнье и крѣпкое стоянье и страданье милостиво похваляемъ; и тебѣ бы и впередъ ко всесильному Богу обѣты свои исполнять и добрымъ дѣламъ ревнителемъ быть, какъ началъ, такъ бы и совершалъ».

Съ 24 Апрѣля Хованскій приступилъ къ розыску. Прежде всего явился Датскій посланникъ съ жалобою на Волка, котораго пытали и онъ повинился, что посланника билъ и безчестилъ; на него же всѣ единогласно показывали, что мя-

тежъ, гиль и воровской заводъ чинилъ съ Ивашкою Жегловымъ и Елисейкою Лисицею. Чтобъ удовлетворить посланника и тѣмъ предотвратить разрывъ царскаго величества съ королевскимъ, Волку отсѣкли голову на площади; палача, который пьяный приходилъ къ посланнику и его позорилъ, высѣкли кнутомъ. Съ 24 Апрѣля по 7 Мая сыскали заводчиковъ: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожникова, Никифорку Хамова, Степку Трегуба, Панкрашку Шмару, площаднаго подъячаго Нестерка Микулина съ сыномъ Гаврилкою, площаднаго подъячаго Аханаткова; всѣхъ же объявилось въ воровствѣ 212 человѣкъ.

Сначала Хованскій хотѣлъ устроить тюрьму и посажать туда всѣхъ оговоренныхъ; но 13 Мая къ Никону въ соборную церковь пришли стрѣльцы съ женами и дѣтьми и били челомъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ оговоренныхъ товарищей ихъ срѣльцовъ, которые у нихъ на порукахъ, въ тюрьму сажать, а дать бы имъ наказанье, кто чего достоинъ, да и отпустить. Никонъ послалъ за Хованскимъ и сказалъ ему: «Прислана государева грамота, велѣно тебѣ со мною государево дѣло вѣдать: такъ моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрѣлецкую потому: если всѣхъ оговоренныхъ людей посажать въ тюрьму, то они всѣ будутъ ждать себѣ смертной казни; услышатъ о томъ Псковичи и будутъ думать, что всѣ виновные посажены въ тюрьму на смерть; тогда государеву дѣлу будетъ поруха». Хованскій согласился, и большинство оговоренныхъ отдано на поруки. Пришелъ приговоръ изъ Москвы: казнить смертью Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Молодожникова, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутомъ нещадно и сослать въ Астрахань на вѣчное житье; другихъ бить кнутомъ и сослать на Терекъ, иныхъ въ Карпово, иныхъ въ Коротоякъ; иныхъ бить кнутомъ и отдать на поруки; иныхъ бить батогами и отдать на поруки. Исполненіе приговора отложено однако до новаго указа. При-

шелъ новый указъ: посадскаго человѣка Якушку да троихъ стрѣльцовъ велѣно бить кнутомъ нещадно, троихъ посадскихъ бить батогами, 162 человѣка посадскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ бить кнутомъ и отдать на чистыя поруки. Указъ былъ исполненъ; но между троими стрѣльцами, которыхъ надобно было бить кнутомъ нещадно, находился Куземка Меркурьевъ; стали искать Меркурьева, а онъ въ Москвѣ, отправленъ туда воеводою съ отписками; 16 Іюня пріѣхалъ Меркурьевъ изъ Москвы и вмѣсто того, чтобъ идти подъ кнутъ, подалъ жалованную царскую грамоту: велѣно ему быть въ пятидесятникахъ и дано ему пять рублей за то, что съ братомъ своимъ Ѳомкою въ мятежъ отняли у воротъ Никона и князя Хилкова, убить ихъ не дали.

Въ Москвѣ были недовольны медленностію Хованскаго; узнавши объ этомъ, Никонъ писалъ государю: «Вѣдомо мнѣ учинилось, что прислана твоя государева грамота къ твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а въ ней написано, что бояринъ твоимъ государевымъ дѣломъ промышляетъ мѣшкотно; но твой государевъ бояринъ твоимъ дѣломъ радѣетъ и промышляетъ неоплошно, да и я ему говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлялъ невскорѣ, съ большимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ твое дѣло всякое сыскалось впрямь; отъ этого дѣло и шло медленно, а не по боярскому нерадѣнію; вскорѣ было такого великаго дѣла сыскать нельзя, а здѣсь, государь, приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, и работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобъ не ожесточились, а что промедлилось и въ томъ твоему государеву дѣлу порухи нѣтъ: худые всякихъ чиновъ люди въ сыску; а мѣшкалось дѣло и для Пскова» [38].

Во Псковѣ гиль опять началъ усиливаться съ половины Марта. Лучшіе люди съ ужасомъ увидали, что преступники, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, ходятъ одни на свободѣ; началось сильное воровство, душегубство. Изъ Москвы отправленъ былъ въ Новгородъ и Псковъ Новгородецъ Богданъ Арцыбашевъ съ приказомъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ хлѣба на

государя не закупали. Исполнивъ свое порученіе въ Новгородѣ, Арцыбашевъ пріѣхалъ во Псковъ 17 Марта. Его взяли и поставили предъ земскою избою, откуда вышелъ староста пятиконецкій Меншиковъ и началъ его допрашивать: кто онъ? откуда? и проч. Грамоты у Арцыбашева отняли и между прочими грамоту къ архіепископу Макарію отъ Новгородскаго воеводы Хилкова. Это послужило поводомъ къ новому гилю; ударили въ колокола и окружили архіепископа въ Рыбницкихъ воротахъ, когда онъ возвращался отъ обѣдни изъ Надолбина монастыря. «Для чего списываешься съ Новгородскимъ воеводою?» стали кричать гилевщики Макарію: «по твоему письму онъ нашихъ челобитчиковъ послалъ въ Москву скованныхъ, а одного челобитчика подъ приказъ подкинулъ!» Архіепископъ отвѣчалъ, что онъ писалъ къ Хилкову о здоровьѣ, а не объ нихъ. Потомъ начали требовать, чтобъ архіепископъ выдалъ имъ своего сына боярскаго Турова, который вывелъ изъ города Ѳедора Емельянова; Макарій отвѣчалъ, что Туровъ отъ него сбѣжалъ; тогда архіепископа схватили, начали водить по площади и посадили въ богадѣльню на цѣпь, и сидѣлъ онъ на цѣпи съ часъ; выпустили его только тогда, когда онъ обѣщался къ 19-му Марту сыскать Турова. Послѣ этого гиль не прекращался: каждый день набатъ, круги и совѣты. 21 Марта вывели опять на площадь Шведа Пуммевса, раздѣли и пытали полчаса. Арцыбашевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на цѣпи; его допрашивали: чей онъ холопъ: Морозова или Хилкова?

На смѣну Собакину 25 Марта пріѣхалъ изъ Москвы другой воевода, окольничій князь Василій Петровичъ Львовъ. Сдавши городъ новому воеводѣ, Собакинъ хотѣлъ уѣхать, но Псковичи его не пустили: «Когда воротятся по здорову наши челобитчики изъ Москвы, тогда тебя и отпустимъ», говорили они. Новый воевода не долго пожилъ въ покоѣ: 28 Марта пришли къ нему въ съѣзжую избу всякихъ чиновъ люди и начали требовать пороху и свинцу. «Зачѣмъ вамъ порохъ и свинецъ?» спросилъ Львовъ: «развѣ что̀ изъ-

за рубежа слышно? если что слышно, то мы пошлемъ провѣдывать. Съ Нѣмцами войны нѣтъ». Стрѣлецъ Коза отвѣчалъ: «Изъ-за рубежа не слыхать ничего, боимся Московскаго рубежа; слышали мы, что идутъ къ намъ съ Москвы во Псковъ многіе служивые люди. Съ Нѣмцами войны нѣтъ, но намъ тѣ Нѣмцы, которые съ Москвы будутъ по наши головы». Львовъ сказалъ на это: «Али вамъ съ государемъ драться? Пороху и свинцу вамъ не дамъ, развѣ, задавивъ меня, снять вамъ печать и ключи казенные». Тутъ закричали міромъ: «Съ ружьемъ! съ ружьемъ!» Загудѣли колокола, поднялся страшный шумъ, ругательства на Львова, крики: «измѣнникъ! измѣнникъ!» Окружили съѣзжую избу, примѣривались изъ пищалей въ окно; стрѣлецъ Ивашка Колчинъ махалъ топоромъ, грозился срубить воеводу; Львовъ снялъ со стѣны Спасовъ образъ и говорилъ: «Православные христіане! какого вы измѣнника во мнѣ нашли государю? Вотъ вамъ Спасовъ образъ, что я не измѣнникъ государю! Порохъ и свинецъ берите силою, а волею я вамъ не дамъ». Порохъ и свинецъ были взяты, послѣ чего повели Львова во всегороднюю избу и вытребовали у него ключи городовые. Но этимъ дѣло не кончилось: пришли ко Львову и Собакину въ домы ихъ и кричали: «Если не пошлете съ нашими челобитчиками въ Москву дѣтей своихъ, то мы у васъ возьмемъ ихъ и не въ честь, а васъ побьемъ; а если дѣти ваши челобитныя гдѣ-нибудь по городамъ покажутъ и скажутъ, что у челобитчиковъ челобитныя, а не у нихъ, и если государь что-нибудь велитъ сдѣлать надъ нашими челобитчиками, то мы васъ самихъ побьемъ до смерти». Воеводскіе сыновья были взяты силою.

30 Марта пріѣхалъ изъ Москвы во Псковъ для розыска окольничій князь Θедоръ Θедоровичъ Волконскій. Старосты провели его на пустой дворъ Θедора Емельянова; но какъ скоро въ мірѣ узнали, что Волконскій остановился у Емельянова, то поднялся крикъ: «Измѣнникъ! сталъ на измѣнничьемъ дворѣ!» Волконскій, по пріѣздѣ, отправился, по обычаю,

въ Троицкій соборъ, но у Довмонтовой стѣны окружила его толпа съ крикомъ: «Вотъ измѣнникъ! убейте его каменьемъ!» Услыхавъ эти крики, Волконскій поспѣшилъ къ собору и, вбѣжавъ въ церковь, началъ прикладываться къ образамъ. Но толпа ворвалась за нимъ въ церковь, взяли его за бороду и за волосы и повели изъ церкви вонъ; стрѣлецъ Сенька Жегара ударилъ его плитою, сынъ попа Заплевы хватилъ обушкомъ. Избитаго, привели Волконскаго на площадь, поставили на чанъ и спросили: «Съ чѣмъ ты во Псковъ пріѣхалъ?»—«Съ чѣмъ присланъ, то и стану дѣлать», отвѣчалъ Волконскій. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь міръ; когда дочли до того мѣста, гдѣ сказано было, что воровъ казнить, а инымъ наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: «Государь прислалъ казнить насъ, а мы здѣсь скорѣе казнимъ того, кто присланъ насъ казнить!» и кинулись на Волконскаго съ топорами и пищалями; но выборные люди не дали его убить, воры успѣли только ранить его топоркомъ въ голову. Потомъ гилевщики послали за Собакинымъ, поставили его на чанъ и порывались убить, крича: «Ты писалъ къ государю, что во Псковѣ хлѣбъ дешевъ, такъ мы тебя изъ Пскова не отпустимъ, поживи съ нами на дешевомъ хлѣбѣ!» Возвратились изъ Новгорода Псковскіе козаки, посланные туда для вѣстей, и сказали, что Волконскій на дорогѣ жегъ какія-то письма, а въ Новгородѣ великомъ тоже учинили мятежъ и гилеванье. Эти вѣсти раздули еще сильнѣе мятежъ, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всѣмъ міромъ: «Не одни мы, и Новгороды то же сдѣлали, теперь въ этомъ дѣлѣ два города!» Загудѣлъ набатъ, и Волконскаго въ другой разъ вывели на площадь для разспроса: какія письма онъ въ дорогѣ жегъ? Волконскій отвѣчалъ, что онъ писалъ къ государю о Новгородскихъ вѣстяхъ, а черновую отписку на стану сжегъ, потому что ему не надобна, «а вамъ Псковичамъ до того дѣла не пристало». Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы

не было у воеводы: изъ дворянъ никто къ нему во Псковъ не пріѣхалъ, а которые и были въ городѣ, и тѣ отъ гилеванья мірскихъ людей разбѣжались. Стрѣльцы перестали слушаться головъ своихъ, били всѣмъ приказомъ голову Бориса Бухвостова и кричали: «Государь насъ не жалуетъ, прибираетъ солдатъ!» у Волконскаго взяли племянника и отправили въ Москву, говоря дядѣ: «Если не пошлешь, то мы тебя повѣсимъ на Ригинѣ горѣ».

Между-тѣмъ Псковскіе челобитчики пріѣхали въ Москву. 12 Мая государь приказалъ поставить ихъ передъ собою и разспросить. Помѣщикъ Григорій Воронцовъ-Вельяминовъ сказалъ: «Посланъ я отъ своей братьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ, бить челомъ въ своей страдничьей винѣ, что къ челобитной руки приложили поневолѣ, потому что мірскіе люди захватили насъ врозь, въ небольшомъ числѣ, а пущіе воры заводчики: площадной подъячій Томилка Слѣпой, стрѣльцы: Прошка Коза, Ивашка Копытовъ, Никитка Сорокоумовъ, Андрюшка Савостьяновъ съ братомъ Ваською, Ивашка Колчинъ, Сенька Жегара; посадскіе люди: Добрынка Банщикъ, Прохорка Мясникъ, Пашка Шапошникъ; два попа: Евсевій да Іаковъ Заплева; во всегородной избѣ теперь у нихъ сидятъ: староста Гаврилка Демидовъ да Михалка Мошницынъ; стрѣлецкіе пятидесятники: Неволька Сидоровъ, Парамошка Лукьяновъ, Ѳедька Снырка; козаки: Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; Троицкій протопопъ Аѳанасій, прозвищемъ Друганъ, да ключарь Діонисій, только протопопъ и ключарь сидятъ поневолѣ; да тутъ же сидитъ Георгіевскій съ болота попъ Яковъ, и тотъ ко всякимъ ихъ воровскимъ заводамъ и умыслу пристаетъ и думаетъ съ ними вмѣстѣ; сидятъ многіе посадскіе люди, только къ воровству не пристаютъ, сидятъ молча». Въ челобитной своей къ государю Псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлѣба Нѣмцамъ до государева указа, то Собакинъ грозилъ имъ ссылкою и смертною казнью; Нумменсъ въ разспросѣ грозилъ имъ войною; полковникъ Краѳертъ, идучи съ царскими послами,

во Псковѣ всѣ укрѣпленія осматривалъ; воеводу и архіепископа они не безчестили ничѣмъ; къ Емельянову на дворъ Нѣмцы пріѣзжаютъ; прежде онъ за воровство былъ пытанъ, и у солянаго пошлиннаго сбора съ площаднымъ подъячимъ Филькою Шемшаковымъ пошлины бралъ вдвое, втрое и впятеро, и пенныя деньги на всѣхъ людяхъ бралъ большія, во всемъ у него дума съ Семеномъ Стояновымъ, а норовятъ Нѣмцамъ; да онъ же Емельяновъ хвалитъ Нѣмецкую вѣру и обо всякихъ вѣстяхъ пишетъ къ Нѣмцамъ: чтобъ государь велѣлъ Емельянова прислать во Псковъ на очную ставку. Шведы будутъ подъ Новгородъ на Христовъ день, подо Псковъ на Николинъ или Троицынъ день, почему они Псковичи и ключи городовые у воеводы взяли. Если Шведская королева придетъ войною за денежную и хлѣбную казну и за перебѣжчиковъ, то они Псковичи противъ Шведовъ ради стоять. При прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, иноземцы никакіе не служивали. При царѣ Михаилѣ ратнымъ людямъ давали жалованье безъ убавки, а теперь у служивыхъ людей жалованье наполовину отнято, а инымъ и вовсе не даютъ; а которымъ служивымъ людямъ даютъ жалованье по жалованнымъ грамотамъ, то воеводы и дьяки даютъ не противъ жалованныхъ грамотъ, и отъ этого жалованья со всѣхъ служивыхъ людей, кромѣ пригородовъ, берутъ посуловъ въ годъ рублей по 500 и больше; на указные сроки жалованья не выдаютъ, а даютъ, норовя кабацкимъ откупщикамъ, подъ праздники, чтобъ жалованье ложилось у кабацкихъ откупщиковъ. Москвичи, природные служивые и всякихъ чиновъ люди безвинно изъ Москвы въ Сибирь поразосланы, многіе помучены и палицами побиты и въ водѣ потоплены, а иные въ Сибири между горъ въ пропастяхъ поустроены. Ругу даютъ на церкви передъ прежнимъ вполовину и церкви безъ архіепископскаго и воеводскаго призрѣнья валятся розно. Воевода Собакинъ бралъ въ рядахъ изъ лавокъ всякіе товары и ремесленныхъ людей заставлялъ на себя всякія работы работать насильно, а денегъ не давалъ; сыновья его

многихъ вдовъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, перенимая по улицамъ и на рѣкахъ по портомойнямъ съ своими дворовыми людьми, насильствомъ позорили. Писцы посадскихъ людей написали передъ крестьянами тяжело, положили на нихъ тягло семь долъ, а на крестьянъ осьмую долю. Шелонской пятины крестьянинъ Артемка сказалъ во Псковѣ, что въ Новгородѣ въ Нѣмецкой сказкѣ (въ допросныхъ рѣчахъ) написано: какъ будутъ Нѣмцы подо Псковъ, то изъ Москвы придетъ бояринъ Морозовъ и сдастъ Псковъ Нѣмцамъ безъ бою. — Псковичи просили, чтобъ государь для подлиннаго сыску прислалъ во Псковъ Никиту Ивановича Романова, который государю радѣетъ и о землѣ болитъ. Прося явно о присылкѣ Романова, Псковичи тайно отправили въ Москву козака Михайлу Карпова; проселочными дорогами пробрался козакъ и подалъ боярину Никитѣ челобитную; въ ней Псковичи просили, чтобъ впередъ во Псковѣ воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ, просили также не позывать Псковичей въ Москву. Романовъ привелъ козака и съ челобитной къ царю.

Царь велѣлъ всѣмъ челобитчикамъ видѣть свои очи и отпустилъ ихъ съ отвѣтною грамотою къ Псковичамъ на всѣ статьи челобитной. Относительно жалобъ на злоупотребленія былъ одинъ отвѣтъ: «Холопи наши и сироты намъ великимъ государямъ никогда не указывали, и вамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться». Насчетъ Краферта царь отвѣчалъ: «Крафертъ у насъ въ вѣчномъ холопствѣ и подалъ намъ чертежъ какъ укрѣплять Псковъ.» Объ иноземцахъ: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и церевичи и король Магнусъ и многіе иноземцы.» О Романовѣ: «Написали вы это по воровскому заводу: намъ онъ бояринъ, нашъ холопъ, служитъ съ своею братьею боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никого нѣтъ. При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у распра-

ныхъ дѣлъ было, и впередъ того не будетъ». Царская грамота оканчивалась угрозою, что если Псковичи не покорятся, то пойдутъ на нихъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да князь Михайла Петровичъ Пронскій со многими ратными людьми и съ нарядомъ. Въ грамотѣ къ архіепископу Макарію царь выставлялъ поведеніе Никона въ Новгородѣ образцовымъ, писалъ, что его митрополичьимъ радѣньемъ и князя Хованскаго службою Новгородцы въ познанье пришли.

Тотъ же Хованскій шелъ теперь на Псковъ, спрашивая встрѣчавшихся ему помѣщиковъ, гдѣ удобнѣе остановиться подъ городомъ? Тѣ указывали ему на Снетную гору. 28 Мая онъ приблизился ко Пскову и былъ встрѣченъ стрѣльбою изъ большаго наряда; въ то же время многіе пѣшіе и конные люди вышли изъ города и стрѣляли изъ мелкаго ружья; отвѣту имъ не было, потому что Хованскій запретилъ своимъ биться съ Псковичами. Но Псковичи не думали платить учтивостію за учтивость: они напали на обозъ и успѣли подхватить шесть телегъ съ имѣніемъ Хованскаго; только телега съ разрядными дѣлами была у нихъ отбита. Хованскій сталъ на Снетной горѣ и писалъ къ государю, что у него людей мало, осадить городъ и воротъ отнять некѣмъ, всего войска у него до 2,000, да въ Любятинскомъ монастырѣ оставлено имъ 700 человѣкъ, а между Любятинскимъ монастыремъ и Снетною горою верстъ съ десять. Запасовъ ничего нѣтъ; уѣздные люди съ Псковичами заодно воруютъ, по дорогамъ стоятъ, людей хватаютъ и во Псковъ отводятъ, а хлѣбъ всякій по лѣсамъ похоронили. «А найдутъ на насъ Псковичи на Снетную гору съ нарядомъ, и намъ никакъ стоять нельзя; и больше пяти дней на Снетной горѣ стоять нельзя, потому что конскихъ кормовъ нѣтъ».

Пришлось однако простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: «Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, такъ не сдадимся: города вскорѣ не разобьютъ и не возьмутъ, а намъ въ городѣ есть съ чѣмъ сидѣть, хлѣба и запасовъ будетъ лѣтъ на десять». Написали

въ Гдовъ, и Гдовцы съ Псковичами сложились заодно. Пріѣхали челобитчики изъ Москвы и сказали міру отвѣтъ государевъ. «Вы говорите это по наученью измѣнниковъ!» закричала толпа, и одного изъ челобитчиковъ, Ѳедьку Коновалова, повели на пытку, зачѣмъ привезъ грамоту не отъ государя. Въ своемъ рѣшеніи не сдаваться гилевщики поддерживались розсказнями, привозимыми изъ-за границы: одинъ разсказывалъ, что былъ по торговымъ дѣламъ въ Нейгаузенѣ, и тамъ на городовыхъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева, какъ живая сидитъ, съ мечомъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ. Другой разсказывалъ: встрѣтился онъ на рубежѣ съ Литовцами, и тѣ говорили, что царь Алексѣй Михайловичъ теперь въ Польшѣ, выѣхалъ изъ Москвы самъ-шостъ тому недѣль съ тринадцать, сами они Литовцы государя видѣли, король его жалуетъ и смотрятъ на него всѣ, что на красное солнце; стояли бы Псковичи противъ Хованскаго крѣпко, а государь будетъ съ козаками Донскими и Запорожскими подо Псковъ на выручку скоро. Третій разсказывалъ, что государя дѣйствительно на Москвѣ нѣтъ: подкатили подъ палату зелья, но государя спасла втайнѣ жена Морозова.

Хованскій послалъ уговаривать Псковичей дворянъ Савву Бестужева съ одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланныхъ во всегородную избу и разспрашивали порознь, ограбили, били и называли измѣнниками: «У васъ Нѣмцы» говорили они: «а намъ Псковичамъ если какая немѣра будетъ, то у насъ будутъ Поляки для выручки»; всѣхъ бояръ и думныхъ людей называли измѣнниками; про Хованскаго кричали: «Онъ великій Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ да будемъ ѣсть». Грамоту Хованскаго прочли во весь міръ на чанахъ, а дворянъ заперли. Послѣ полудня зазвонили въ колоколъ, собрался скопъ, и начали думать — побить дворянъ Хованскаго или отпустить? Порѣшили на томъ, что Бестужева убили, двоихъ отпустили назадъ къ Хованскому,

а девятерыхъ посадили въ тюрьму. Всѣмъ распоряжался староста Гаврила Демидовъ. Заводчики написали было грамоту къ Литовскому королю, чтобъ прислалъ имъ людей на помощь, но міръ не согласился и грамоту не отправили.

Хованскій велѣлъ дѣлать мостъ подъ Снетною горою черезъ Великую рѣку, чтобъ у Псковичей и за Великою рѣкою засады и дороги заступить. Провѣдавъ про мостъ, Псковичи начали приходить ежедневно и стрѣлять по таборамъ и такимъ образомъ не давали навести моста. 31 Мая сдѣлали они вылазку и сожгли острогъ, который былъ устроенъ за Великою рѣкою для укрѣпленія Снетной горы; приступали и къ острожку, который находился между Снетною горою и Любятинскимъ монастыремъ, но были отбиты. Хованскій доносилъ, что Псковичи надъ убитыми его ратными людьми ругались какъ и звѣрь не дѣлаетъ; воевода продолжалъ писать жалобныя отписки: «Вылазки, государь, и бои ежедневные, а у дворянъ и дѣтей боярскихъ запасовъ мало: дѣти боярскіе мелкіе, козаки, стрѣльцы и въ постные дни ѣдятъ мясо». 18 Іюня была новая сильная вылазка изъ Пскова и опять отбита: Псковичей гнали до самыхъ городовыхъ воротъ и убили у нихъ человѣкъ съ 300.

Несмотря на то, Псковичи не сдавались, и противъ нихъ отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4 Іюля поѣхали во Псковъ изъ Москвы Рафаилъ, епископъ Коломенскій, Сильвестръ, архимандритъ Андроньевскій, Михаилъ, протопопъ Черниговскій, и выборные люди изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, гостей и торговыхъ людей. Посланные должны были уговаривать Псковичей, чтобъ они впустили князя Хованскаго и выдали зачинщиковъ: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получатъ прощеніе, въ противномъ случаѣ государь пойдетъ на нихъ самъ и велитъ ихъ до конца разорить. Къ Хованскому былъ посланъ приказъ: «Старостѣ Гаврилѣ Демидову писать тайно, чтобъ онъ обратился, вину свою принесъ и изъ города ушелъ къ тебѣ

въ полки: за это къ нему государская милость будетъ; также и къ стрѣльцамъ писать тайно, чтобъ они ворота отворили и тебя пустили!» Но Хованскій продолжалъ присылать въ Москву печальныя вѣсти: «Сумерской волости солдаты измѣнили, сложились съ Гдовцами заодно, и у Псковичей всѣмъ этимъ людямъ положенъ срокъ быть во Псковъ за недѣлю до Ильина дня, и если такая многая пѣхота придетъ, то чаемъ всякаго худа отъ малолюдства. Изборяне измѣнили, сложились со Псковичами».

26 Іюля указалъ государь быть собору о Псковскомъ воровскомъ заводѣ; на соборѣ быть боярамъ, окольничимъ и т. д., изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, Московскимъ гостямъ, гостинныя, суконныя и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ и стрѣльцамъ, быть изъ гостиной и суконной сотенъ старостамъ по 5 человѣкъ, а изъ черныхъ сотенъ по соцкому. На соборѣ совѣтнымъ людямъ разсказали все поведеніе Псковичей и какъ они, выходя изъ города, разоряютъ домы дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются: груди вспарываютъ и, горла прорѣзавъ, языки вытаскиваютъ; въ уѣздѣ побили помѣщиковъ Авдѣя Бѣшенцева, жену его и дѣтей и сожгли и убили Неклюдова, Ногина, Псковскаго гостя Никулу Хозина; приходятъ и въ Шелонскую пятину, бьютъ помѣщиковъ. Послѣ этого объявленія предложенъ былъ вопросъ: «Если Псковичи Рафаила епископа и выборныхъ людей не послушаютъ, то съ ними что̀ дѣлать?» Отвѣта совѣтныхъ людей не сохранилось; но къ Рафаилу былъ посланъ указъ не требовать выдачи заводчиковъ гиля, уговаривать Псковичей вины свои принести и обѣщать имъ, если они покорятся и государю крестъ поцѣлуютъ, то князь Хованскій немедленно отступитъ отъ Пскова въ Новгородъ. Не требовать выдачи заводчиковъ мятежа совѣтовалъ Никонъ. Еще въ началѣ Мая посылалъ онъ Софійскаго дома стряпчаго Богдана Сназина уговаривать Псковичей, чтобъ вины свои государю принесли. Сназина у городскихъ воротъ схватили караульщики и при-

ли во всегородную избу къ выборнымъ людямъ, посадскому человѣку Гавриле Демидову и къ дворянину Ивану Чиркину съ товарищами. выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велѣли бить въ сполошный колоколъ; народъ сошелся къ избѣ и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушавъ, Псковичи стали бранить митрополита невѣжливыми словами всячески: «Его мы отписокъ не слушаемъ, будетъ съ него и того, что Новгородъ обманулъ, а мы не Новгородцы, повинныхъ намъ къ государю не посылывать, и мы надъ собою никакой не вѣдаемъ». Сназина сначала ковали, потомъ отпустили съ отвѣтомъ, чтобъ митрополитъ къ нимъ впредь не писалъ и никого не присылалъ, а кого пришлетъ, тому спуску не будетъ. Никонъ, убѣдившись, что зачинщики мятежа слишкомъ сильны во Псковѣ, и видя, что недостатокъ энергическихъ мѣръ со стороны Москвы только питъ войну и разоренье, написалъ къ государю:

«Мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что у Псковичей учинено укрѣпленье великое и крестное цѣлованье было, чтобъ другъ друга не подать, а тѣ четыре человѣка, которыхъ велѣть имъ выдать, во Псковѣ владѣтельны и во всемъ ихъ Псковичи слушаютъ; а если Псковскіе воры за этихъ четырехъ человѣкъ станутъ, и для четырехъ человѣкъ твоя вотчина около Пскова и въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Шелонской и Водской пятинахъ и въ Луцкомъ уѣздѣ и въ Пустой Ржевѣ разорится: многіе люди, дворяне и дѣти боярскіе, ихъ жены и дѣти посѣчены и животы ихъ пограблены, села и деревни сожжены, а иные всякихъ чиновъ люди подо Псковомъ и на дорогахъ побиты, а я съ архимандритами, игуменами и съ Новгородцами посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою цѣною подъ ратныхъ людей и подъ запасы, въ конецъ погибли, твоя отчина пустѣетъ, посадскіе людишки и крестьянишки бредутъ врознь. Вели, государь, и тѣмъ четыремъ человѣкамъ, пущимъ ворамъ, вмѣсто смерти животъ дать, чтобъ великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореньи не быть. А тѣмъ промысломъ Пскова не взять;

которые люди подо Псковомъ, и тѣхъ придется потерять, а Новгороду отъ подводъ и ратныхъ людей будетъ запустѣнье. А я, уговаривая Новгородцевъ, далъ имъ свое слово, что тебѣ государю за ихъ вину бить челомъ, и потому Новгороду и твоей казнѣ убытка и людямъ порухи никакой не было; да и впредь бы мнѣ о всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ говорить съ Новгородцами надежно и постоятельно. А какъ пріѣхалъ въ Новгородъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и онъ Новгородцамъ божился, что имъ никакой жесточи за ихъ вину не учинитъ; а теперь Псковичи, слыша, что воры сидятъ въ Новгородѣ въ тюрьмахъ, боясь того же, никакому увѣщанію не вѣрятъ, на Новгородскихъ воровъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, указываютъ: «и намъ то же будетъ!»

Но откуда проистекала эта нерѣшительность употребить сильныя мѣры, нерѣшительность исполнить угрозу: выслать большое войско съ Трубецкимъ? Не будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ собственными догадками; укажемъ только на одно опасеніе, о которомъ прямо говорятъ источники: тотчасъ послѣ собора призваны были черныхъ сотенъ соцкіе въ посольскій приказъ и говорено имъ, чтобъ извѣщали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить или въ народѣ вмѣщать.

Между-тѣмъ военныя дѣйствія подо Псковомъ продолжались. 12 Іюля Псковичи сдѣлали сильную вылазку, хотѣли взять острогъ за Великою рѣкою; завязался бой большой, потому что Хованскій пришелъ съ Снетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человѣкъ, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архіепископа Макарія, что онъ не помогаетъ ихъ дѣлу. 2 Іюля пришла въ соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макарія, угрожала смертію, зачѣмъ онъ своимъ приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ не велѣлъ ходить на вылазки и на караулы; кричали: «Въ Троицкомъ дому до людей, до лошадей, до хлѣба и до денегъ тебѣ дѣла нѣтъ, то все надобно городу!» Іюля 30 пришли къ Макарію

выборные люди докладывать объ ердани для 1-го Августа; архіепископъ воспользовался случаемъ и началъ говорить, чтобъ повинились государю, пріискалъ статью въ Псковскомъ лѣтописцѣ, гдѣ написано было съ большими клятвами, чтобъ отъ своего государя въ городѣ не затворяться и рукъ противъ него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велѣли эти слова Макарія записать, зазвонили въ колоколъ и прочли ихъ при всемъ народѣ; слѣдствіемъ было то, что архіепископа взяли изъ церкви во время службы, посадили въ богадѣльню и положили на него большую цѣпь.

Но Макарія выпустили изъ богадѣльни къ половинѣ мѣсяца, потому что пришла вѣсть о приближеніи Рафаила съ выборными. 17 Августа они имѣли во Псковъ торжественный входъ; архіепископъ Макарій съ духовенствомъ и съ народомъ встрѣтилъ ихъ за полверсты отъ города; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ, послѣ молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что Псковичи хотѣли посылать грамоту къ Литовскому королю, то всѣ начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали и въ умѣ у нихъ этого не было. На другой день Псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносятъ государю и готовы цѣловать крестъ, но если въ крестоприводной записи будетъ написано о Литовской грамотѣ, то они креста цѣловать не будутъ. Рафаилъ исключилъ это мѣсто, и 20 числа поутру поцѣловали крестъ старосты и лучшіе люди; но послѣ обѣда началось волненіе, стали кричать: «Въ крестоприводной записи написано о Нѣмчинѣ Нумменсѣ, о гостѣ Емельяновѣ, о томъ, что мы Псковичи въ уѣздѣ помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ били; но кто Нѣмчина билъ и дворъ Емельянова грабилъ и въ уѣздахъ помѣщиковъ побивалъ, тотъ бы и крестъ цѣловалъ, а мы не хотимъ». Накинулись на старостъ и выборныхъ людей, хотѣли ихъ убить, кричали имъ: «Для чего вы противъ этихъ статей крестъ цѣловали?» Этимъ воспользовались гилевщики; попъ Евсѣй, староста Демидовъ, Томилка Слѣпой кричали,

что не надобно креста цѣловать, и говорили про государя рѣчи, уму человѣческому невмѣстимыя. На другой день, когда нужно было приводить ко кресту остальныхъ, въ самой соборной церкви начался страшный шумъ и многіе вошли было изъ церкви вонъ, но Рафаилъ съ товарищами убѣдили ихъ возвратиться и присягнуть. «Какъ же» говорилъ онъ «вы прежде утверждали, что воровъ и заводчиковъ у васъ нѣтъ, что всѣ вы виноваты; а теперь запираетесь и складываете вину на немногихъ?» Шумъ унялся, всѣ цѣловали крестъ, но попъ Евсѣй со своими товарищами попами к повинной руки не приложилъ. Въ Москву были отправлены челобитчики съ повинною къ государю.

Рафаилъ именемъ царскимъ объявилъ всепрощеніе; но стало только утихнуть волненію, какъ лучшіе люди взяли верхъ и начали управляться съ заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что въ мятежъ изъ тюрьмы воровъ распустилъ и шишей въ уѣзды разсылалъ дворянъ побивать, во Псковѣ всякій мятежъ и гиль чинилъ и, напившись пьянъ, изъ пушекъ стрѣлять приказывалъ. Схватили Егорьевскаго попа Фирса, который, собравшись съ шишами, разорялъ уѣзды. Воевода Львовъ велѣлъ было губнымъ старостамъ хватать воровъ, выпущенныхъ Демидовымъ—воры разбѣжались; воевода велѣлъ сыскать поручиковъ — поручиками оказались заводчики гиля Коза и Копыто съ товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воровъ не будутъ, и воевода, опасаясь новаго мятежа, оставилъ поручиковъ въ покоѣ. Но лучшіе люди не хотѣли оставить гилевщиковъ въ покоѣ: они били челомъ на заводчиковъ мятежа: Прошку Козу, Іева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватали ихъ и отдали князю Львову, который велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму: къ тюрьмѣ сталъ собираться народъ, начались толки: «Государь насъ простилъ во всемъ, а князь Львовъ сажаетъ въ тюрьму и чинитъ наказанье, бьетъ кнутомъ: въ томъ государь воленъ, а намъ попрежнему *бить въ тарарыку*; если

государь изволитъ самъ быть во Псковъ, то мы ему всѣ повинны головами своими; а если пришлетъ бояръ съ людьми ратными и велитъ насъ вывесть, то мы женъ своихъ и дѣтей побьемъ, а сами на вельѣ (порохѣ) помремъ». Между-тѣмъ подъячій Захаръ Осиповъ подалъ челобитную, въ которой объявлялъ, что въ мятежное время староста Гаврилка Демидовъ взялъ его Захара для письма въ земскую избу, держалъ неволею и велѣлъ писать листъ къ Литовскому королю о присылкѣ на помощь 5,000 ратныхъ людей; Осиповъ объявилъ, что въ думѣ объ этой измѣнѣ было всего четыре человѣка. Когда изъ Москвы возвратились челобитчики, отправленные къ государю съ повинною, то князь Львовъ созвалъ Псковичей, объявилъ имъ государскую милость и говорилъ, чтобъ они не стояли за гилевщиковъ, которые послѣ крестнаго цѣлованья хотѣли опять завести воровской заводъ: Гаврила Демидовъ у соборной церкви билъ стрѣльца за то, что тотъ обличалъ его воровство; Томилка Слѣпой приходилъ къ стрѣльцу Игнашкѣ Мухѣ и говорилъ, чтобъ имъ завести мятежъ. Лучшіе люди отдали Демидова и Слѣпаго. 21 Ноября Демидовъ, Слѣпой, Коза, Копыто, Сорокоумъ, Клобучковъ, Шапошникъ, Семяковъ были вывезены изъ Пскова въ Новгородъ и тамъ посажены въ тюрьму въ оковахъ. Когда ихъ повезли, то многіе Псковичи собрались съ женами и дѣтьми и провожали ихъ за городъ, причемъ слышались слова: «Во Псковѣ государь казнить ихъ не велѣлъ, а велѣлъ сослать въ Новгородъ, и если въ Новгородѣ государь велитъ ихъ казнить, то намъ всѣмъ казненнымъ и сосланнымъ быть».

23 Ноября земскіе старосты подали челобитную на Дружинку Бородина, что заводитъ прежнее воровство, гиль и мятежъ. Бородина схватили, били кнутомъ по торгамъ нещадно и отдали за пристава для отсылки въ Москву. Въ это время пришелъ царскій указъ выслать въ Москву половину Псковскихъ стрѣльцовъ на службу и подводы для нихъ взять во Псковѣ. Чтобъ толковать о подводахъ, собрались въ зем-

скую избу старосты, посадскіе люди, монастырскіе служки и ямщики; Бородинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ и прислалъ съ женою въ земскую избу возмутительное письмо, но обманулся въ расчетѣ: земскіе старосты принесли это письмо въ съѣзжую избу къ воеводѣ. Касательно дальнѣйшей судьбы заводчиковъ извѣстна грамота государева къ Шведской королевѣ Христинѣ, чтобъ та прислала своихъ людей въ Новгородъ для присутствія при казни мятежниковъ, оскорбившихъ Нумменса; но отвѣта на это предложеніе не было. Такъ рушились всѣ попытки возобновить мятежъ. Въ Москвѣ государь созвалъ всѣхъ тѣхъ, которые были на соборѣ 26 Іюля, и объявилъ имъ: «Псковичи вины свои принесли, присягу дали и мы ихъ прощаемъ» [39].

Когда все успокоилось въ Новгородѣ и Псковѣ, въ 1651 году Никонъ пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ снова пріобрѣсти могущественное вліяніе на молодаго царя, ибо прежнее вліяніе было поколеблено отсутствіемъ. Никонъ уговорилъ государя перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицы и мощи Филиппа митрополита изъ Соловокъ. За мощами Филиппа отправился самъ Никонъ въ сопровожденіи боярина князя Ивана Никитича Хованскаго и Василья Отяева. Торжество это имѣло не одно религіозное значеніе: Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною; онъ былъ низвергнутъ царемъ Іоанномъ за смѣлыя увѣщанія, умерщвленъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Богъ прославилъ мученика святостію; но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ грѣхѣ своемъ, и этимъ покаяніемъ не отказалась отъ возможности повторить когда-либо подобный поступокъ относительно власти церковной. Никонъ, пользуясь религіозностію и мягкостію молодаго царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ отыскалъ примѣръ въ преданіяхъ Византійскихъ, какъ императоръ Ѳеодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ

оскорбленному его матерью святому; и Никонъ повезъ въ Соловки грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу: «Молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобъ разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ св. владыка! Оправдался Евангельскій глаголъ, за который ты пострадалъ: «всяко царство, раздѣльшееся на ся, не станетъ», и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ твоей паствѣ изобилуетъ, нѣтъ уже болѣе въ твоей паствѣ никакого раздѣленія: всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приди съ миромъ во свояси, и свои тебя съ миромъ примутъ» [40].

Везя съ собою покаяніе царя въ томъ, что нѣкогда царь не послушался увѣщаній архіерейскихъ, Никонъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать отъ сопровождавшихъ его вельможъ, чтобъ они безприкословно исполняли его распоряженія относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумѣренность требованій Новгородскаго митрополита; люди съ характеромъ, подобнымъ Никонову, не очень способны къ умѣренности въ чемъ бы то ни было; притомъ же, крутой по природѣ, Никонъ не имѣлъ возможности пріобрѣсть мягкость въ обхожденіи посредствомъ воспитанія и требованій общественныхъ: тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли двора, царя. Но пусть самъ царь разскажетъ намъ о томъ, что̀ происходило въ

Москвѣ въ 1652 году, во время отсутствія Никона, пусть разскажетъ намъ о своихъ отношеніяхъ къ вельможамъ, патріарху и особенно къ самому Никону, пусть этимъ простосердечнымъ своимъ разсказомъ введетъ насъ въ тотъ вѣкъ, въ то общество.

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси, великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, Богъ милуетъ? А я грѣшный твоими молитвами далъ Богъ здоровъ. Не покручинься, Господа ради, что про Савинское дѣло не писалъ къ тебѣ, а писалъ и сыскъ послалъ къ келарю: ей позабылъ, а тутъ въ одинъ день прилучились всѣ отпуски, а я усталъ, и ты меня, владыка святый, прости въ томъ; ей безъ хитрости не писалъ къ тебѣ! Да пожаловать бы тебѣ великому святителю помолиться, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она святителю крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобъ, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ робеночкомъ; уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины; Бога ради, молись за нее. Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: многолѣтіе у насъ поютъ вмѣсто патріарха: спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіане, Господи, спаси; и ты отпиши къ намъ, великій святитель, такъ ли надобно пѣть, или иначе какъ-нибудь, и какъ у тебя святителя поютъ?» Любопытно видѣть здѣсь, какъ царь проситъ прощенія у Никона въ томъ, что не писалъ ему про какое-то Савинское дѣло, клянется, что сдѣлалъ это безъ хитрости: значитъ, что о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ царь считалъ своею обязанностію увѣдомлять Новгородскаго митрополита.

Другое письмо, болѣе любопытнее, начинается такъ: «Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ

и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалецъ Царя Небеснаго, и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ; надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу такъ свѣтлосіяющему въ архіереяхъ, какъ солнцу свѣтящему по всей вселенной, такъ и тебѣ сіяющему по всему нашему государству благими нравами и дѣлами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоемъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя свѣта душевнаго нашего Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій нарицаюсь, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не только въ цари, да еще и грѣшенъ, а называюсь Его же свѣтовъ рабъ, отъ кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью, и со всѣмъ государствомъ далъ Богъ здорово. Да будь тебѣ великому святителю вѣдомо: за грѣхъ всего православнаго христіанства, особенно же за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина Киръ Іосифа, патріарха Московскаго и всея Руси, изволилъ его вселити въ нѣдро Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бы, отцу нашему, было вѣдомо; а мать наша соборная и апостольская церковь вдовствуетъ, слезно сѣтуетъ по женихѣ своемъ, а какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мать наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющая подружія: такъ и она, не имѣя жениха своего, печалится; и все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ

дѣламъ разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить. Какъ начали у меня (въ великій четвертокъ) вмѣсто херувимской первый стихъ *Вечерѣ твоей тайнѣ* пѣть, и пропѣли первый стихъ, прибѣжалъ келарь Спасскій и сказалъ мнѣ: «Патріарха, государь, не стало!» а въ ту пору ударилъ царь-колоколъ три раза, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали, и то со слезами, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей всѣхъ со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли? какъ овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ и мы теперь грѣшные не вѣдаемъ, гдѣ главы приклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ. Отпѣвши обѣдню, пришелъ я къ нему свѣту, а онъ государь уже преставился, лежитъ какъ есть живъ, и борода расчесана лежитъ какъ есть у живаго, а самъ немѣрно хорошъ; и простясь съ нимъ и поцѣловавъ въ руку, пошелъ я къ умовенію ногъ. Въ пятницу вынесли его свѣта къ Ризъ-Положенію. Я вечеромъ пошелъ одинъ къ Ризъ-Положенію, и какъ подошелъ къ дверямъ полунощнымъ, а у него никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игумнамъ, тѣ всѣ разъѣхались, и я ихъ велѣлъ смирять митрополиту: да такой грѣхъ, владыко святый, кого жаловалъ (покойный), тѣ ради его смерти, лучшій Новинскій игуменъ—тотъ первый поѣхалъ отъ него домой, а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ говоритъ во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: «Для чего ты не по подобію говоришь!» «Прости государь» отвѣчалъ онъ, «страхъ нашелъ великій, въ утробѣ у него святителя безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ; вдругъ взнесло животъ у него государя и лицо въ ту жь пору стало пухнуть: меня и страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ, для того я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». И на меня, прости, владыка святый, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а вотъ и при мнѣ гры-

жа-то ходитъ очень прытко въ животѣ, какъ есть у живаго; и мнѣ пришло помышленіе такое отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча ударитъ! и я, перекрестясь, взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться? Да въ ту жь пору какъ есть треснуло у него въ устахъ и я досталь испужался, да поостаялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страха, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку его съ молитвою взялъ. А погребли въ субботу великую, и мы надсѣлись, плачучи, а меня перваго грѣшнаго, мерзкаго которая мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злыя дѣла, и достоинъ я окаянный тѣхъ мукъ за свои согрѣшенія; а бояре и власти то же всѣ говорили между собою; не было такого человѣка, который бы не плакалъ, на него смотря, потому: вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, и это къ такимъ великимъ днямъ стало! И которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуще Трубецкой, да Михайла Одоевскій, да Михайла Ртищевъ, да Василій Бутурлинъ плакали по немъ государѣ, что Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, и свои грѣхи вспоминаючи. Да сказывалъ мнѣ Василій Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ дьякъ: мнѣніе на него государя великое было, то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а если и не отставятъ, то я самъ отъ срама объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ идти, какъ отставятъ, безпрестанно то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего? У меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей, и на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыко святый, хотя бы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собора? Чаю, владыка святый, хотя и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтобъ его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ. А келейной казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдъ, сковородокъ, кубковъ, стопъ и

тарелокъ много хорошихъ; а переписывалъ я самъ келейную казну, а еслибы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали; рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки; самъ онъ государь вѣдалъ наизустъ, отнюдь никоторый келейникъ сосудовъ тѣхъ не вѣдалъ; а какое, владыка святый, къ нимъ строенье было у него, государя, въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится! Не было того сосуда, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ! Да и въ томъ меня, владыка святый, прости: Не много и я не покусился на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святый, ни до чего не дотронулся, могъ бы я и вчетверо цѣну дать, да не хочу для того, что отъ Бога грѣхъ, отъ людей зазорно: какой я буду прикащикъ? самому мнѣ брать, а деньги мнѣ платить себѣ же? а теперь немѣрно радъ, что ни до чего не дотронулся. Всякимъ людямъ, которые были у патріарха на жалованьѣ, давалъ я изъ своихъ рукъ по десяти рублей; собиралъ я ихъ въ крестовую и говорилъ со слезами, чтобъ поминали и не роптали; и они всѣ плакали и благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцевъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; да и то я имъ говорилъ: есть ли между вами такой, ктобъ рäба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбитъ и напрасно бьютъ; а онъ, великій святитель, отецъ нашъ, если кого и понапрасну оскорбилъ, можно и потерпѣть, да уже что-бъ то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте съ радостію его свѣта, сколько сила можетъ. А не дать было имъ и не потѣшить деньгами, поднялось бы роптаніе большое, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: во дворецъ посадилъ я Василья Бутурлина; а князь Алексѣй билъ челомъ объ отставкѣ, и я его отставилъ; а слово мое теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣ-

ляется безъ замедленья. Да вѣдомо мнѣ учинилось: князь Иванъ Хованскій пишетъ въ своихъ грамоткахъ, будто онъ пропалъ, и пропасть свою пишетъ, будто ты его заставляешь съ собою у правила ежедневно быть; да и у насъ перешептывали на меня: никогда такого безчестья не было, что теперь государь насъ выдалъ митрополитамъ; молю я тебя, владыка святый, пожалуй не заставляй его съ собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыка святый, пишу духовную. Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лучше бы намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели съ Новгородскимъ митрополитомъ быть, силою заставляетъ говѣть, но никого силою не заставитъ Богу вѣровать. И тебѣ бы, владыка святый, пожаловать, сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ, и пожаловать тебѣ, великому господину, прочесть самому, не погнушаться насъ грѣшныхъ и нашимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ» [41].

Это письмо всего лучше объясняетъ намъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ нашелся къ государю и государству; чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ приведенномъ письмѣ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вслѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями и привычками, господствовавшими въ Византіи, преданіями и привычками, которыя, при всей религіозности императоровъ восточныхъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно высшихъ пастырей церкви. Но вожди юныхъ народовъ, подобно нашему царю Алексѣю Михайловичу, въ изліяніи своего религіознаго, христіанскаго чувства, чувства смиренія, не умѣли сдерживать его сознаніемъ своего

государственнаго значенія; у нихъ государь исчезалъ предъ человѣкомъ, тѣмъ выше, разумѣется, поднималось значеніе пастыря церкви, вязателя и рѣшителя, судьи верховнаго, истолкователя закона божественнаго, особенно когда этотъ пастырь личными достоинствами своими не полагалъ никакой преграды обнаруженію этого чувства смиренія и умѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ, своимъ положеніемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ надсѣлся, плачучи и по патріархѣ Іосифѣ, хотя, какъ человѣкъ чистый, не могъ не чувствовать и не оскорбляться недостоинствомъ, мелочностію, недуховнымъ поведеніемъ этого патріарха; но онъ гналъ отъ себя грѣховную мысль о недостоинствахъ Іосифа, какъ нѣжный и почтительный сынъ гонитъ отъ себя мысль и недостоинствахъ отца. Тѣмъ съ большею силою религіозный молодой человѣкъ обращалъ свою любовь къ достойному пастырю, тутъ уже онъ не щадилъ словъ для выраженія этой любви, чтобъ возвысить любимый предметъ и унизить предъ нимъ самого себя, ибо пріемы всякаго рода любви одинаковы. Такимъ образомъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по характеру своему, поставилъ Никона такъ высоко, какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ.

Кромѣ этого, много указаній на другія отношенія времени разсѣяно въ этомъ драгоцѣнномъ письмѣ. Богослуженіе имѣло великое значеніе въ жизни каждаго, и не разъ высказываетъ царь, какъ тяжело ему, что патріархъ умеръ къ такимъ великимъ днямъ; въ Свѣтлое Воскресенье не будетъ служить патріархъ: праздникъ не въ праздникъ! «Церковь какъ пустынная голубица пребываетъ, не имѣя подружія». Любопытны понятія, въ которыхъ воспитывался тогдашній Русскій человѣкъ: при видѣ разложенія трупа, царю приходитъ мысль: «Побѣги вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ». Любопытна эта патріархальность, простота отношеній, переносящая насъ опять къ началу среднихъ вѣковъ: царь всѣмъ распоряжается, самъ переписываетъ имѣніе, оставшееся послѣ покойнаго, и

при этомъ добродушно говоритъ страшныя слова противъ современнаго ему общества: «Еслибъ я самъ не сталъ переписывать, то все раскрали бы»; тутъ же обнаруживается, какъ понятія Домостроя были крѣпки въ Русскомъ человѣкѣ: съ удивленіемъ и съ глубокимъ уваженіемъ отзывается Алексѣй Михайловичъ о бережливости Іосифа: «А какое строеніе было у него государя, въ умѣ моемъ грѣшномъ не вмѣстится: не было того судна, чтобъ не вжтеро оберчено». Наконецъ, обнаруживаются отношенія молодаго царя къ придворнымъ: старый начальникъ приказа большаго дворца вышелъ въ отставку, назначенъ новый, и царь очень доволенъ перемѣною, потому что слово его теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленія. Приверженность царя къ Новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярамъ, ибо этотъ митрополитъ хочетъ привести ихъ въ свою волю: «Никогда такого безчестья не было, шепчутъ они, выдалъ насъ царь митрополитамъ». Царь въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ сильно привязанъ къ Никону, непремѣнно хочетъ, чтобъ онъ былъ патріархомъ; но этотъ Никонъ своимъ крутымъ обхожденіемъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ боярахъ, и вотъ Алексѣй Михайловичъ пишетъ Никону, чтобъ онъ былъ поснисходительнѣе, не принуждалъ Хованскаго слушать правила, и въ то же время пишетъ, чтобъ Никонъ, говоря объ этомъ съ Хованскимъ, не выдалъ его царя: Алексѣю Михайловичу не хочется, чтобъ бояре узнали, какъ онъ преданъ Никону, какъ онъ заодно съ нимъ противъ нихъ. Доброта такихъ людей, какъ Алексѣй Михайловичъ, дѣлаетъ ихъ зависимыми отъ окружающихъ: не могутъ они выносить около себя недовольныхъ лицъ, хотя отъ этого въ отдаленіи и очень много недовольныхъ, но ихъ не видно. Въ минуту вспыльчивости царь Алексѣй сильно разбранитъ и прибьетъ близкаго человѣка, смиритъ его собственноручно, но мысль, что окружающіе недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза въ письмахъ своихъ къ Никону царь говорилъ

объ избраніи преемника Іосифу; въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, выбирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся». Въ другомъ: «Помолись, владыка святый, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное (Ѳеогностъ), а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да Казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, и сказываютъ святъ мужъ». Разумѣется, Никонъ хорошо понималъ хитрые намеки царя, зналъ, кто этотъ Ѳеогностъ (извѣстный Богу).

Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ Іюлѣ 1652 года, былъ выбранъ въ патріархи, и отрекся — отрекся для того, чтобъ быть выбраннымъ на всей своей волѣ, чтобъ товарищи Хованскаго не мѣшали ему. Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа, царь, лежа на землѣ и проливая слезы со всѣми окружавшими, умолялъ Никона не отрекаться. Никонъ, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: «Будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился. Это было 22 Іюля; 25 онъ былъ посвященъ.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Богданъ Хмельницкій. Его ссора съ Чаплинскимъ; его сношенія съ королемъ Владиславомъ и бѣгство въ Запорожье. Хмельницкій въ Крыму и получаетъ помощь отъ хана. Рада въ Запорожьѣ: Хмельницкій гетманъ. Движеніе гетмана Потоцкаго, его письмо къ королю. Битвы при Желтыхъ Водахъ и у Корсуня. Письмо Киселя. Универсалы Хмельницкаго и возстаніе хлоповъ въ Малороссіи. Смерть Владислава. Опасеніе Киселя насчетъ Москвы. Первыя сношенія Хмельницкаго съ Московскими воеводами. Сношенія его съ Польскимъ правительствомъ. Переписка съ Киселемъ. Князь Іеремія Вишневецкій свирѣпствуетъ противъ возставшихъ Русскихъ. Князь Доминикъ Острожскій; письма: его, Кіевскаго воеводы Тышкевича и Киселя. Неудачи послѣдняго относительно мирныхъ переговоровъ. Битва подъ Пилявцами. Хмельницкій отступаетъ отъ Замостья по желанію новаго короля Яна Казиміра. Торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ. Поведеніе его на радостяхъ. Переяславскіе переговоры съ коммиссарами королевскими. Приготовленіе къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ. Збаражъ и Зборовъ. Миръ. Сношенія Хмельницкаго съ Москвою. Посольство Неронова въ Украйну. Писарь Выговскій. Посольство боярина Пушкина въ Польшу. Тимошка Акундиновъ у Хмельницкаго. Сношенія его съ княземъ Прозоровскимъ, Путивльскимъ воеводою. Посольство Протасьева и Унковскаго къ Хмельницкому съ требованіемъ выдачи самозванца. Непрочность Зборовскаго мира. Нерѣшительность Москвы. Польша старается поссорить Москву съ козаками. Новая война у Польши съ козаками. Битва при Берестечкѣ. Литва въ Кіевѣ. Старанія побудить Москву къ рѣшительному шагу. Бѣлоцерковскій миръ. Сочувствіе къ дѣлу козаковъ въ Бѣлоруссіи. Новыя попытки Польши поссорить Москву съ козаками. Посольство Прончищева въ Польшу и Пенцлавскаго въ Москву. Предлогъ къ разрыву остается. Хмельницкій считаетъ Бѣлоцерковскій миръ только перемиріемъ. Переселеніе Малороссіянъ въ Московскія украйны.

Предложеніе Хмельницкому со стороны царя выселиться со всѣмъ войскомъ въ Московскіе предѣлы. Событія при Батогѣ. Затруднительное положеніе Хмельницкаго: онъ сильно упрашиваетъ царя принять Малороссію въ подданство. Посольство князя Репнина въ Польшу для окончательныхъ переговоровъ. Царь объявляетъ Хмельницкому, что принимаетъ Малороссію въ подданство. Соборъ по этому случаю. Третья война Хмельницкаго съ Поляками. Дѣло подъ Жванцомъ. Посольство Бутурлина въ Малороссію, Переяславская рада. Бутурлинъ въ Кіевѣ; митрополитъ Сильвестръ Коссовъ. Пункты челобитной войска Запорожскаго, утвержденные царемъ. Донесеніе князя Куракина изъ Кіева о поведеніи Коссова. Пріѣздъ игумена Гизеля въ Москву. Обзоръ сношеній Московскаго государства съ Европейскими державами до начала Польской войны.

Никонъ сталъ верховнымъ пастыремъ церкви и главнымъ совѣтникомъ царя въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ рѣшить великій вопросъ о соединеніи Малой Россіи съ Московскимъ государствомъ. Мы видѣли, что въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка государство Польское, повидимому, достигло своей цѣли относительно козаковъ: число послѣднихъ сильно ограничено и небольшая толпа находится въ повиновеніи у офицеровъ, отъ правительства назначенныхъ. Реестровыхъ, настоящихъ козаковъ мало; они спокойны. Но условія, которыя заставляли простой людъ Украйны бѣжать въ козаки существовали попрежнему, и знамя, подъ которое эти бѣглецы могли становиться, знамя религіозное, попрежнему было готово; не доставало человѣка, вождя возстанія. Вождь нашелся. Зиновій Богданъ Хмельницкій, сынъ козацкаго сотника Михайлы Хмельницкаго, убитаго въ сраженіи съ Турками при Цецорѣ, самъ попался въ этомъ сраженіи въ плѣнъ къ Татарамъ, скоро впрочемъ освободился отъ него, возвратился къ своимъ козакамъ и получилъ званіе войсковаго писаря. Хмельницкій былъ козакъ видный во всѣхъ отношеніяхъ: храбрый, ловкій, дѣятельный, грамотный; у него было и состояніе, хуторъ Суботово въ Чигиринскомъ староствѣ. За это-то Суботово началась у него ссора съ Чаплинскимъ, подстаростою Чигиринскимъ. Извѣстно, какъ въ это время въ Польшѣ дѣйствовали другъ противъ друга враждующіе, и

понятно, кто долженъ былъ осилить въ борьбѣ — шляхтичь или козакъ? Съ шайкою голодныхъ людей наѣхалъ Чаплинскій на слободы Хмельницкаго, завладѣлъ гумномъ, на которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, и всѣхъ домашнихъ Хмельницкаго заковалъ въ цѣпи; самого Богдана держалъ четыре дня въ тѣсномъ заключеніи и освободилъ только по просьбѣ жены своей. Богданъ подалъ жалобу въ судъ; въ отмщеніе за это Чаплинскій приказалъ своей дворнѣ схватить десятилѣтняго сына Хмельницкаго и высѣчь плетьми среди базара; приказъ былъ исполненъ такъ хорошо, что мальчика чуть живаго принесли домой и скоро послѣ того онъ умеръ. Зять Чаплинскаго клялся неразъ предъ козаками, что Хмельницкому не быть въ живыхъ. Поѣдетъ ли Богданъ куда по дѣламъ службы, воротится домой — а на конюшнѣ нѣтъ сѣраго коня. Отправится онъ въ походъ противъ Татаръ, сзади подъѣдутъ къ нему и стукнутъ по головѣ такъ, что не быть бы живому, еслибъ не защитилъ желѣзный шлемъ, да и скажутъ въ оправданіе, что приняли его за Татарина [42]. Но частной вражды съ Чаплинскимъ было еще мало: свой козакъ донесъ Польскому начальству на Хмельницкаго, будто онъ замышляетъ старыя козацкія проказы, хочетъ отправить на море вооруженныя суда. Дѣйствительно шелъ слухъ, что король Владиславъ, замышляя войну противъ Турокъ, на которую не согласился однако сеймъ, прислалъ козакамъ позволеніе готовить суда для выхода въ море и прислалъ даже деньги на постройку судовъ. Въ Варшавѣ разсказывали Московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года Хмельницкій съ десятью товарищами пріѣзжалъ въ Варшаву въ челобитчикахъ отъ всего войска Запорожскаго, билъ челомъ королю Владиславу на обидчиковъ своихъ и на жидовъ въ ихъ налогахъ. Владиславъ король въ то время гнѣвъ держалъ на сенаторовъ и на всю рѣчь посполитую за то, что ему не дали воли войны вести съ Турками и собранное для этой войны Нѣмецкое войско приговорили на сеймѣ роспустить, а Нѣмцамъ онъ давалъ деньги изъ приданаго жены своей. Такъ,

призвавши Богдана Хмельницкаго и Черкасъ челобитчиковъ, Владиславъ говорилъ имъ, что сенаторы его вдались въ свою волю, панства его пустошатъ, а его мало слушаютъ; написавъ саблю, король далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: «Вотъ тебѣ королевскій знакъ: есть у васъ при бокахъ сабли, такъ обидчикамъ и разорителямъ не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; какъ время придетъ, будьте на поганцевъ и на моихъ непослушниковъ во всей моей волѣ». И пожаловалъ Владиславъ Богдана Хмельницкаго атаманствомъ, и отпустилъ его и всѣхъ челобитчиковъ, одаривши ихъ сукнами и адамашками. Въ 1647 году весною ходилъ въ степь для поиску надъ Татарами князь Іеремія Вишневецкій да хорунжій коронный Александръ Конецпольскій, а Запорожскихъ Черкасъ было съ нимъ 5 полковъ; былъ и Богданъ Хмельницкій въ томъ походѣ съ двумя полками; въ степи Татаръ побили и живыхъ побрали много, а Богдану Хмельницкому изъ того погрому на дуванѣ достался Татарченокъ, Крымскаго мурзы сынъ, и Богданъ этого Татарченка у себя берегъ и держалъ его какъ сына роднаго. Осенью того же года замыслилъ король Владиславъ войну вести съ Турскимъ султаномъ, пожаловалъ Богдана Хмельницкаго гетманствомъ Запорожскимъ, послалъ ему свое жалованье и впередъ обѣщалъ прислать на жалованье Черкасамъ и на челновое дѣло 170,000 злотыхъ Польскихъ къ лѣту 1648 года. Богданъ за эти деньги обѣщалъ королю изготовить на полгода Запорожскаго войска и съ вольными 12,000, да къ морскому ходу сто челновъ. Узнавши объ этомъ, Конецпольскій замыслилъ Богдана убить и послалъ звать его къ себѣ на банкетъ; но Хмельницкій, зная умыселъ, на банкетъ не поѣхалъ. Тогда Конецпольскій послалъ 20 человѣкъ людей своихъ взять Богдана силою; но Хмельницкій вступилъ въ битву съ этими посланными у себя на дворѣ, убилъ 5 человѣкъ, а 15 убѣжало, тогда какъ съ Хмельницкимъ на дворѣ было только четыре человѣка. Послѣ этого Хмельницкій тотчасъ же побѣжалъ съ своего двора, оставя жену, дѣтей и все имѣніе,

взявши съ собою только Татарченка, который достался ему на дуванѣ. По другимъ извѣстіямъ, онъ взялъ съ собою также старинныя королевскія грамоты, козакамъ данныя, которыя хранились у Ивана Барабаша, полковника Черкасскаго, преданнаго правительству. Конецпольскій далъ знать немедленно гетману Потоцкому, что Хмельницкій заводитъ рокошъ; Потоцкій велѣлъ схватить бунтовщика; козацкіе старшины повиновались, схватили Богдана и посадили подъ стражу; но сидя подъ стражею, онъ приговорилъ къ себѣ сто козаковъ, и, выждавъ время, побѣжалъ съ этими козаками и съ Татарченкомъ своимъ въ степь [43].

Въ концѣ мѣсяца явились отъ Богдана грамоты къ разнымъ лицамъ; къ Ивану Барабашу онъ писалъ: «Такъ какъ на многократные мои совѣты и предложенія ваша милость не изволили склониться, чтобъ по давнимъ грамотамъ королевскимъ, у васъ въ сохраненіи бывшимъ, просить короля и сенаторовъ о новой привилегіи на утвержденіе древнихъ правъ и вольностей козацкихъ и Малороссійскихъ и на удержаніе людскихъ обидъ и разореній, особенно же превращенія православныхъ церквей въ уніатскія: то я, сожалѣя объ этомъ и потерпѣвши безчестіе и разореніе отъ негодяя Чаплинскаго, долженъ былъ придумать средство, какъ бы забрать въ свои руки королевскія привилегіи, валявшіяся между платьемъ жены вашей, и съ ихъ помощію сдѣлать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевскаго величества, пановъ сенаторовъ и всей рѣчи посполитой. Утѣшаюсь тѣмъ, что Богъ помогъ мнѣ высвободить изъ вашей неволи и привезти къ Запорожскому войску привилегіи королевскія. А что ваша милость таилъ привилегіи, нужныя всему народу Малороссійскому, и для своихъ выгодъ не хотѣлъ просить королевской милости за нашихъ людей Украинскихъ, плачущихъ отъ Поляковъ — за это все войско Запорожское считаетъ васъ годнымъ въ полковники — не надъ людьми, а надъ овечками, либо свиньями». Къ Польскому коммиссару Шенбергу, поставленному надъ козаками, Хмель-

ницкій писалъ, что онъ принужденъ бѣжать отъ насилій Чаплинскаго и что нынѣ Запорожцы отправляютъ пословъ къ королю и сенаторамъ просить о привилегіяхъ. О томъ же писалъ къ Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насиліяхъ Чаплинскаго, который притѣсняетъ не только міранъ, но и священниковъ: гдѣ случится ему видѣться и говорить съ православнымъ священникомъ, то никогда не оставитъ его не обезчестивши, волосъ и бороды не вырвавши и палкою реберъ не пересчитавши.

То же самое Хмельницкій разглашалъ въ Запорожьѣ и между простыми козаками, что будетъ отправлено посольство въ Варшаву просить короля о защитѣ; разглашалъ онъ это для того, чтобъ шпіоны Польскіе не донесли своему правительству о настоящемъ намѣреніи его, о которомъ онъ совѣтовался съ старшиною: это намѣреніе было доставить себѣ управу саблею, а не посольствами въ Варшаву. По совѣту атамановъ—кошеваго и куренныхъ, въ первыхъ числахъ Марта 1648 года выѣхалъ Хмельницкій изъ Сѣчи со своими товарищами, бѣжавшими съ нимъ вмѣстѣ изъ Чигирина, выѣхалъ на островъ Томаковскій подъ предлогомъ, что тамъ удобнѣе будетъ кормиться и людамъ его и лошадямъ, а въ самомъ дѣлѣ поѣхалъ въ Крымъ просить у хана помощи на Поляковъ. Ханъ долго думалъ съ мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? боялся онъ, не нарочно ли Богданъ подосланъ Поляками, чтобъ обманомъ ввести орду въ Польшу и тамъ истребить ее готовыми войсками. Хмельницкій объявилъ, что готовъ присягнуть и оставить сына своего заложникомъ; присяга дана была на саблѣ ханской, молодой Хмельницкій (Тимоѳей) оставленъ въ заложникахъ; однако ханъ не двинулся самъ, а отправилъ съ Хмельницкимъ мурзу Тугай-бея съ четырехтысячнымъ отрядомъ. 18 Апрѣля возвратился Хмельницкій въ Запорожье, куда кошевой стянулъ уже съ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все войско низовое, конное и пѣшее; молодцы собрались, но не знали, зачѣмъ собралъ ихъ атаманъ, пока не пріѣхалъ Хмельницкій изъ

Крыма. Въ тотъ день, какъ онъ пріѣхалъ, по заходѣ солнца, выпалили изъ трехъ пушекъ, на разсвѣтѣ другаго дня выпалили въ другой разъ; на этотъ призывъ козаки стали высыпать изъ разныхъ угловъ, и когда ударили въ котлы для призыва на раду, то сѣчевой майданъ (площадь) оказался малъ, вышли изъ крѣпости на просторное мѣсто, гдѣ и объявили войску, что начинается война противъ Поляковъ и что ханъ будетъ за козаковъ, благодаря старанію Хмельницкаго; тогда все войско закричало, чтобъ Хмельницкій былъ гетманомъ, и Богданъ принялъ опасную роль Павлюги и Остранина. Новый гетманъ постановилъ съ атаманами, чтобъ выступило въ походъ не болѣе осьми или десяти тысячъ козаковъ, а прочіе разошлись бы по своимъ мѣстамъ, къ своимъ промысламъ, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому [44].

Между-тѣмъ уже давно по Украйнѣ неся слухъ, что на Запорожьѣ приготовляется возстаніе; народъ поднялъ головы и въ тихомолку готовилъ оружіе, ожидая избавителей. Хитрыя грамоты Хмельницкаго съ извѣстіемъ, что все дѣло состоитъ въ отправленіи козацкаго посольства къ королю съ челобитьемъ, таинственность, съ какою онъ дѣйствовалъ, умѣнье утаить свою поѣздку въ Крымъ — ничто не помогло; напуганные, чуткіе Поляки встрепенулись; коронный гетманъ Николай Потоцкій хорошо помнилъ послѣднія возстанія, хорошо зналъ, что при этихъ возстаніяхъ Поляки должны имѣть дѣло не съ горстью Запорожцевъ, но съ цѣлымъ низшимъ народонаселеніемъ Украйны, и потому, несмотря на бездорожье, 18 Февраля уже былъ на Украйнѣ; самъ онъ расположился въ Черкасахъ, а гетманъ польный Калиновскій въ Корсунѣ. Оправдывая свою поспѣшность, Потоцкій писалъ королю: «Не безъ важныхъ причинъ, не необдуманно двинулся я въ Украйну съ войскомъ вашей королевской милости. Склонила меня къ тому просьба любезныхъ братьевъ, изъ которыхъ одни, спасая жизнь и имѣніе, бѣжали изъ Украйны на поле битвы, другіе, оставаясь въ домахъ своихъ, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтобъ я своимъ присут-

станіемъ и помощію спасалъ Украйну и спѣшилъ потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорѣлось, что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ бы не раздавались призывы къ своеволію и гдѣ бы не умышляли на жизнь и имѣніе пановъ своихъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія. Это было только предлогомъ къ мятежамъ, потому что не столько ихъ терзали обиды и притѣсненія, сколько распоряженія республики, постановленіе надъ ними старшихъ отъ вашей королевской милости; они хотятъ не только уничтожить эти распоряженія, но и самовластно господствовать въ Украйнѣ, заключать договоры съ посторонними государями и дѣлать все что имъ угодно. Казалось бы, что значатъ 500 человѣкъ бунтовщиковъ; но если разсудить, съ какою смѣлостію и въ какой надеждѣ подняли бунтъ, то каждый долженъ признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться противъ 500 человѣкъ, ибо эти 500 человѣкъ возмутились въ заговорѣ со всѣми козацкими полками, со всею Украйною. Еслибъ я этому движенію не противопоставилъ своей скорости, то въ Украйнѣ поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усиліями, или долгое время. Одинъ панъ князь воевода Русскій (Іеремія Вишневецкій) отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ; то же сдѣлали и другіе; все это оружіе вмѣстѣ съ людьми перешло бы къ Хмельницкому. Хотя я и двинулся въ Украйну, но не для пролитія крови христіанской и въ свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтобъ однимъ страхомъ прекратить войну. Хотя я и знаю, что этотъ безразсудный человѣкъ Хмельницкій не преклонится кротостію, однако не разъ уже я посылалъ къ нему съ предложеніемъ выйти изъ Запорожья, съ обѣщаніемъ помилованія и прощенія всѣхъ проступковъ. Но это на него нисколько не дѣйствуетъ; онъ даже удержалъ моихъ посланцевъ. Наконецъ, посылалъ я къ нему ротмистра Хмелецкаго, человѣка ловкаго и хоро-

що знающаго характеръ козацкій, съ убѣжденіемъ отстать отъ мятежа, и съ увѣреніемъ, что и волосъ съ головы его не спадетъ. Хмельницкій отпустилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ такими требованіями: вопервыхъ, чтобъ я съ войскомъ выступилъ изъ Украйны; вовторыхъ, чтобъ удалилъ полковниковъ и всѣхъ офицеровъ; втретьихъ, чтобъ уничтожилъ установленное республикиою козацкое устройство, и чтобъ козаки оставались при такихъ вольностяхъ, при которыхъ они могли бы не только ссорить насъ съ посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что къ этой цѣли стремится его честолюбіе. Въ настоящее время онъ послалъ въ Понизовье за помощію къ Татарамъ, которые стоятъ наготовѣ у Днѣпра, и осмѣлился нѣсколько сотъ изъ нихъ перевезти на эту сторону, чтобъ они разгоняли нашу стражу, поставленную мѣшать соединенію мятежниковъ съ Хмельницкимъ. Что онъ давно обдумалъ, какъ начать бунтъ и какъ дѣйствовать, въ этомъ ваша королевская милость убѣдиться изволите, обративъ вниманіе на число его сообщниковъ, простирающееся теперь до 3,000. Сохрани Богъ, если онъ войдетъ съ ними въ Украйну! тогда эти три тысячи быстро возростутъ до 100,000 и намъ будетъ трудная работа съ бунтовщиками. Для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостію, а именно: позволить своевольнымъ побѣги на море сколько хотятъ. Но не на море выйти хочетъ Хмельницкій, хочетъ онъ въ стародавнемъ жить своеволіи и сломать шею тѣмъ постановленіямъ, за которыми такъ много трудились, за которыя пролилось такъ много шляхетской крови. Призналъ бы я полезнымъ для общаго блага позволить козакамъ идти на море, и для того, чтобъ это войско не занимало полей, и для того, чтобъ не отвыкало отъ давняго способа вести войну; но въ настоящее смутное время это не можетъ статься: частію потому, что челны еще не готовы, другіе и готовы, но не вооружены. Если суда и будутъ готовы, то главное въ томъ, чтобъ успокоен-

ные козаки, какъ скоро наступитъ необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были въ надлежащемъ порядкѣ. Но сохрани Боже, если они выйдутъ въ море прежде укрощенія бунта: возвратясь, они произведутъ неугасимое возмущеніе, въ которомъ легко можетъ исчезнуть установленное казацкое устройство, а Турки, раздраженные козаками, вышлютъ противъ насъ Татаръ» [48].

Предвѣщанія Потоцкаго сбылись: у Хмельницкаго было много войска въ Украйнѣ. 13 Апрѣля двинулся передовой отрядъ Польскихъ войскъ Днѣпромъ и сухимъ путемъ; двинулись и реестровые козаки съ Барабашемъ, полковникомъ Черкасскимъ; большая часть регулярнаго войска состояла изъ Русскихъ; предводителями были козацкій коммиссаръ Шембергъ и сынъ короннаго гетмана, Степанъ Потоцкій. 22 Апрѣля выступилъ и Хмельницкій изъ-за Запорожья съ осьмитысячнымъ отрядомъ; Тугай-бей шелъ за нимъ съ Татарами; держали путь къ устью Тясмина, къ потоку *Желтыя Воды*. Реестровые козаки, шедшіе въ лодкахъ съ Барабашемъ и опередившіе сухопутную рать, вошли въ сношенія съ Хмельницкимъ и передались ему, убивши Барабаша и всѣхъ тѣхъ, кто былъ вѣренъ Польскому правительству. 5 Мая у Желтыхъ Водъ встрѣтился Хмельницкій съ сухопутнымъ Польскимъ войскомъ, и, послѣ трехдневныхъ битвъ (5, 7 и 8 Мая), Поляки потерпѣли страшное пораженіе, такъ что и десятка ихъ не успѣло спастись бѣгствомъ. Покончивши съ молодымъ Потоцкимъ, который умеръ отъ ранъ въ плѣну, Хмельницкій двинулся навстрѣчу къ старому, сошелся съ нимъ 16 Мая у Корсуня и поразилъ на-голову: оба гетмана — коронный Потоцкій и польный Калиновскій — попались въ плѣнъ и были отосланы къ хану въ Крымъ; Поляки потеряли 127 офицеровъ, 8520 рядовыхъ, 41 пушку. Пораженіе приписывали неблагоразумному раздѣленію войска на двѣ части, отправленію одной изъ нихъ впередъ съ молодымъ Потоцкимъ; иные упрекали короннаго гетмана за несогласіе съ товарищемъ своимъ Калиновскимъ и за рас-

путство, которому онъ былъ преданъ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Укоры сыпались на побѣжденныхъ; какъ обыкновенно бываетъ, каждый говорилъ, что еслибъ сдѣлали иначе, еслибъ послушались его совѣтовъ, то не было бы бѣды. Извѣстный намъ Кисель писалъ къ архіепископу Гнѣзненскому (отъ 31 Мая): «Рабы теперь господствуютъ надъ нами; измѣнникъ учреждаетъ новое княжество; несчастные братія наши, среди внезапной опасности, бросая родину, домы и другіе цѣнные предметы, бѣгутъ во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тѣмъ, что Хмельницкій щадитъ ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословіе, отворяетъ города, зàмки и вступаетъ въ его подданство. Я первый, хотя въ отечествѣ послѣдній, потерявъ за Днѣпромъ сто тысячъ доходу, едва имѣю отъ десяти до двадцати тысячъ, да и то одинъ Богъ знаетъ, не завладѣетъ ли и этимъ непріятель? Кромѣ того, я имѣю нѣсколько сотъ тысячъ долгу, нажитаго на службѣ королю и отечеству. Много и другихъ мнѣ подобныхъ. Мы будемъ нищими. Но откуда пришла эта бѣда, объ этомъ подробно объяснено въ моихъ письмахъ къ королю, потому что несчастное предвидѣніе моего ума, а больше свѣтъ разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что козаки, угнетенные болѣе простыхъ холоповъ и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляютъ заговоръ, я всѣми силами убѣждалъ пана кастеляна Краковскаго (Потоцкаго) не искать одного козака по Днѣпровскимъ потокамъ, а лучше всѣхъ козаковъ удерживать въ повиновеніи и, допуская для нихъ исключеніе изъ законовъ, какъ-нибудь приласкивать ихъ. Вовторыхъ, я совѣтовалъ не раздроблять малочисленнаго войска на отряды; втретьихъ, не выпускать за Днѣпръ извѣстія о дальнѣйшемъ мятежѣ козаковъ; вчетвертыхъ, чтобъ не раздражать Татаръ, не нужно высылать войско въ поле, но ожидать, что дома станетъ дѣлать измѣнникъ; а между-тѣмъ снестись съ беемъ Очаковскимъ и съ Крымомъ, чтобъ Хмельницкій не имѣлъ тамъ пристанища. Когда гет-

манъ не хотѣлъ принять моимъ совѣтовъ, то я послалъ ихъ къ королю; государь одобрилъ мое мнѣніе и послалъ приказъ, чтобъ отправка войскъ—одного за Днѣпръ, а другаго въ степь — была пріостановлена. Но врагъ совѣтовъ — опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, насъ и большую часть отчизны»[46]. Но мы видѣли, какъ оправдывалъ Потоцкій передъ королемъ свою поспѣшность, какъ боялся, чтобъ Хмельницкій не вошелъ на Украйну, гдѣ найдетъ сто тысячъ союзниковъ, съ которыми Полякамъ трудно будетъ сладить. Справедливости этихъ соображеній нельзя не признать; но раздѣленіе силъ дѣйствительно оправдать трудно.

После Корсунской побѣды Хмельницкій подошелъ къ Бѣлой церкви, расположился тамъ обозомъ и разослалъ 60 универсаловъ съ призывомъ къ возстанію; вся Украйна взволновалась, поднялись крестьяне, пошли въ козаки и стали свирѣпствовать противъ шляхты, жидовъ и католическаго духовенства; они образовали нѣсколько шаекъ, или *гайдамацкихъ загоновъ*, какъ тогда называли, и разсѣялись въ разныхъ направленіяхъ подъ начальствимъ вождей, оставившихъ по себѣ кровавую память въ лѣтописяхъ и преданіяхъ народныхъ. Къ умноженію смуты и разнузданности, вдругъ разнеслась вѣсть о смерти короля Владислава. «Теперь» пишетъ Кисель къ архіепископу примасу: «теперь, когда насъ постигло такое сиротство, мы не знаемъ, что еще замышляетъ султанъ Турецкій и что замышляютъ Москвитяне, которые 30 Мая дали знать о себѣ, что вслѣдствіе моихъ писемъ, отправленныхъ по королевскому приказанію, царь ихъ, исполняя условія братскаго союза, отправилъ сорокъ тысячъ вспомогательнаго войска противъ Татаръ. Это войско стояло уже въ шести миляхъ отъ Путивля; но когда битва предварила ихъ прибытіе, когда успѣхи измѣнника уже стали имъ извѣстны, и когда сдѣлается еще извѣстнымъ, что мы не имѣемъ государя, то кто можетъ поручиться за нихъ? Одна кровь, одна религія!» Дѣйствительно, 1-го Мая (с. с.) Кисель далъ знать Путивльскому воеводѣ Плещееву, что Татары 22 Апрѣля не

Желтыхъ Водахъ окружили Польскій отрядъ, высланный противъ измѣнниковъ Черкасъ. Кисель требовалъ помощи отъ Московскихъ воеводъ, по договору. 20 Мая царь приказалъ своимъ ратнымъ людямъ сходиться съ Литовскими людьми, и съ ними заодно промышлять надъ Татарами; будучи въ Литовской землѣ, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлѣбъ и что довелось покупать; съ Литовскими людьми стоять смирно, дракъ бы и задоровъ никакихъ не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслѣдъ за этимъ получены были извѣстія, что Поляки разбиты, гетманы въ плѣну, козаки копятся во всѣхъ Литовскихъ городахъ и идутъ безпрестанно въ сходъ къ гетману Богдану Хмельницкому. Путивльскій воевода Плещеевъ доносилъ, что Татары Запорожскимъ козакамъ становятся сильны, потому что ихъ вдвое больше, чѣмъ козаковъ; и Хмельницкій пишетъ по городамъ, чтобъ уѣздные люди отъ Татаръ береглись и бѣжали изъ уѣздовъ въ города; Хмельницкій же разсылаетъ отъ себя полковниковъ и сотниковъ съ Запорожскими козаками по сю сторону Днѣпра въ украйные города и велитъ имъ прибирать козаковъ, а урядниковъ, державцевъ, Поляковъ и Жидовъ велитъ побивать. Паны, Поляки и Жиды всѣ бѣгутъ въ Польшу.

Стародубецъ Григорій Климовъ разсказывалъ въ посольскомъ приказѣ: Посылали его изъ Сѣвска воеводы съ грамотами къ Адаму Киселю; ѣхалъ онъ изъ Сѣвска на Кіевъ, потому что Адама Киселя сказали за Кіевомъ въ полуторастахъ верстахъ, въ городѣ Гощѣ. Съ версту отъ Кіева взяли его Крымскіе Татары и Запорожскіе козаки; козаки, увидя, что у него хохла нѣтъ, взяли его у Татаръ къ себѣ и отвели къ гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоялъ въ городѣ Мошняхъ, отъ Кіева верстахъ во ста. Хмельницкій взялъ у него листы, назначенные къ Киселю, и сказалъ: «Не по что тебѣ къ Адаму ѣхать, я тебѣ дамъ къ царскому величеству отъ себя грамоту. Прислали ко мнѣ грамоты князь Еремѣй Вишневецкій и Адамъ Кисель, просятъ, чтобъ я Та-

таръ не пускалъ къ нимъ въ дальнія мѣста, а держалъ бы ихъ въ степи, и просятъ мира. Я, по ихъ прошенью, велѣлъ Крымскому царевичу отступить въ степь къ Желтымъ Водамъ». Свое войско Хмельницкій распустилъ за Днѣпръ къ Путивльскому рубежу на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Адаме Киселя; города у нихъ всѣ побрали, а крестьяне всѣ пошли въ козаки. Новгородокъ-Сѣверскій взяли и Ляховъ вездѣ побивали, а отъ Новагородка пошли къ Чернигову, сколько у нихъ войска, сказать нельзя, потому что въ который городъ придутъ и тутъ у нихъ войска прибываетъ много, изо всякихъ чиновъ Русскіе люди, кромѣ Ляховъ; Жиды многіе крестятся и пристаютъ къ ихъ же войску, а Ляхъ хотя и захочетъ креститься, не принимаютъ, всѣхъ побиваютъ, говорятъ, чтобъ въ Польшѣ и Литвѣ всѣхъ Ляховъ побить за то, что вѣру христіанскую ломали и многихъ христіанъ побивали и насильно къ лядской вѣрѣ приводили. Хмельницкій говорилъ Климову: «Скажи въ Сѣвскѣ воеводамъ, а воеводы пусть отпишутъ къ царскому величеству, чтобъ царское величество войско Запорожское пожаловалъ денежнымъ жалованьемъ; теперь ему государю на Польшу и на Литву наступить пора: его бы государево войско шло къ Смоленску, а я, Хмельницкій, стану государю служить съ своимъ войскомъ съ другой стороны. Если тебя станутъ разспрашивать государевы приказные люди, то ты скажи имъ тайно, что королю смерть приключилась отъ Ляховъ: свѣдали Ляхи, что у короля съ козаками ссылка, послалъ отъ себя король грамоту въ Запорожье къ прежнему гетману, чтобъ козаки за вѣру христіанскую Греческаго закона стояли, а онъ, король, будетъ имъ на Ляховъ помощникъ; эта грамота королевская отъ прежняго гетмана досталась мнѣ, и я, надѣясь на то, войско собралъ и на Ляховъ стою». Въ грамотѣ своей къ царю, означенной осьмымъ числомъ Іюня, Хмельницкій извѣщалъ о Желтоводской и Корсунской побѣдахъ, и о смерти королевской: «Думаемъ» писалъ Хмельницкій: «что смерть приключилась отъ тѣхъ же безбожныхъ непріятелей его и

нашихъ, которыхъ много королями въ землѣ нашей; желали бы мы себѣ самодержца государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская влеможность православный христіанскій царь. Еслибъ ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльскій воевода Плещеевъ сносился съ княземъ Іереміею Вишневецкимъ о войнѣ противъ Татаръ. Посланецъ Плещеева былъ перехваченъ Хмельницкимъ, который прислалъ Путивльскому воеводѣ укорительную грамоту, что Русскіе хотятъ помогать Полякамъ на козаковъ, ибо война у Поляковъ съ козаками, а не съ Татарами: «Мы желаемъ» пишетъ Хмельницкій, «не того, чтобъ православный государь Алексѣй Михайловичъ воевалъ съ нами, но чтобъ онъ былъ и Ляхамъ и намъ государемъ и царемъ, чтобъ Ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли». Царь приказалъ Плещееву отписать Хмельницкому, что онъ никогда не писалъ къ Вишневецкому о соединеніи Русскихъ съ Поляками противъ козаковъ, что кто-нибудь распускаетъ объ этомъ слухъ на ссору. Но Хмельницкій не успокоился этимъ отвѣтомъ и писалъ опять къ Плещееву: «Уже третьяго посла вашего перехватываемъ, вы все сноситесь съ Ляхами на насъ. Если вы хотите на насъ, на свою вѣру православную христіанскую мечъ поднять, то будемъ Богу молиться, чтобъ вамъ не посчастливилось; легче намъ, побившись между собою, помириться, а помирившись, на васъ поворотиться. Мы вамъ желали всего добраго, царю вашему желали королевства Польскаго, а потомъ какъ себѣ хотите, такъ и начинайте, хотите съ Ляхами, хотите съ нами» [47].

Поднимая Украинскій народъ и Московскаго царя противъ Польши, Хмельницкій въ то же время, по совѣту Киселя, рѣшился попробовать, какъ отзовется ему Польское правительство. Какъ бы еще не зная о смерти королевской, въ половинѣ Іюня Хмельницкій отправилъ въ Варшаву четырехъ старшинъ съ пунктами, въ которыхъ заключались жалобы и

просьбы козаковъ, и съ своимъ письмомъ къ королю. Пункты были слѣдующіе: 1) Паны обходятся съ нами, людьми войсковыми, хуже чѣмъ съ невольниками; 2) хутора, луга, мельницы и все, что имъ понравится въ домахъ у козаковъ, берутъ насильно, мучатъ, убиваютъ; 3) берутъ десятину и поволовщину; 4) старыхъ козацкихъ женъ и отцовъ, хотя бы сынъ находился на службѣ, облагаютъ чиншомъ, какъ и другихъ крестьянъ; 5) козацкихъ женъ, тотчасъ по смерти козаковъ, заставляютъ безъ милости работать наравнѣ съ мѣщанами; 6) паны полковники насъ не защищаютъ, а еще помогаютъ обижать насъ; вещи наши и пожитки, подъ видомъ торга, берутъ за половину цѣны; 7) жолнерская челядь забираетъ у козаковъ воловъ, скотъ и всякіе пожитки; 8) на Запорожьѣ и на Днѣпрѣ не даютъ промышлять, ни звѣрей, ни рыбы ловить, а съ головы каждаго козака берутъ по лисицѣ; если же не поймаетъ козакъ лисицы, то отбираютъ самопалы; панамъ полковникамъ подводы даемъ, или вмѣсто подводъ платимъ деньгами; 9) военную добычу и даже молодыхъ Татаръ паны полковники отнимаютъ у козаковъ; 10) нашедши какую-нибудь причину, тотчасъ сажаютъ козака въ тюрьму, и гдѣ чуютъ взятку, не выпустятъ, пока не дадутъ добраго выкупу; 11) была воля королевская, чтобъ мы шли на море, и на челны выданы намъ деньги, а къ Запорожскому войску предполагалось прибавить еще 6000; но старшіе наши не позволили, чтобъ войско наше состояло изъ 12,000, хотя мы обѣщаемъ и клянемся, что сверхъ этого числа принимать людей въ войско не будемъ; а съ 6000 мы не можемъ оказывать услугъ ни королю, ни республикѣ; 12) чтобъ заслуженое жалованье, котораго мы не получали въ теченіе пяти лѣтъ, было сполна отправлено къ намъ вмѣстѣ съ коммиссіею; 13) просимъ о духовенствѣ древней религіи Греческой, чтобъ оно оставалось неприкосновеннымъ; чтобъ церкви, отданныя уніатамъ, опять оставались при своихъ стародавнихъ правахъ. Въ своемъ письмѣ Хмельницкій повторялъ тѣ же жалобы: «Даже Жиды, въ на-

дежде на пановъ урядниковъ, также причиняютъ намъ великія обиды. Невѣроятно, чтобъ даже въ Турецкой неволѣ христіане переносили такія несчастія, какія переносимъ мы, нижайшія подножія вашей королевской милости. Мы совершенно понимаемъ, что всѣ неистовства совершались надъ нами наперекоръ вашей королевской милости, потому что постоянно слышимъ: «Вотъ вамъ король! а пособитъ ли вамъ король, такія-то дѣти!» Послѣ этого мы не можемъ уже переносить такихъ обидъ и незаслуженныхъ мученій. Не имѣя болѣе возможности жить въ домахъ своихъ, мы, бросивъ женъ, дѣтей и все убогое имущество, бѣжали въ Запорожье, откуда предки наши съ давняго времени привыкли служить коронѣ Польской и вашей королевской милости. Но и здѣсь обратили въ ничто наши воинскія привилегіи, тогда какъ Богъ свидѣтель, что мы не сдѣлали ничего своевольнаго. Когда панъ кастелянъ Краковскій (Потоцкій) напалъ на насъ въ самомъ Запорожьѣ, то мы должны были призвать на помощь хана Крымскаго. По волѣ Божіей случилось, что при сухихъ дровахъ и сырымъ досталось. Кто тому причиною, разсудитъ самъ Богъ, а мы готовы жертвовать жизнію для республики. Затѣмъ нижайше просимъ вашу королевскую милость оказать намъ отеческое милосердіе, и, простивъ невольный грѣхъ, повелите оставить насъ при древнихъ правахъ и привилегіяхъ». Посланцы козацкіе застали Владислава во гробѣ, были допущены поклониться тѣлу и получили такой отвѣтъ отъ временнаго правительства (отъ 22 Іюля): «Нѣтъ надобности объяснять вамъ совершеннаго вами преступленія; хотя республика могла бы отмстить вамъ, но мы, не желая болѣе пролитія крови христіанской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить пановъ коммиссаровъ, людей знатныхъ, которые объявятъ вамъ дальнѣйшую волю республики. Республика не откажетъ вамъ въ прощеніи, но требуетъ, чтобъ вы какъ можно скорѣе освободили всѣхъ плѣнныхъ, дѣятельно преслѣдовали предводителей разбойничьихъ шаекъ, кото-

рыя теперь собираются въ разныхъ мѣстахъ и нападаютъ на шляхетскіе домы, и чтобъ прервали всякую связь съ невѣрными». Назначены были и коммиссары для переговоровъ съ Хмельницкимъ, во главѣ ихъ Кисель.

Послѣдній велъ переговоры съ Хмельницкимъ посредствомъ одного монаха. Выставляя на видъ прелести Польской воли, какой нельзя найти ни въ какомъ другомъ государствѣ, Кисель писалъ Хмельницкому: «Милостивый панъ *старшина* Запорожскаго войска республики, издавна любезный мнѣ панъ и пріятель! Вѣрно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ другаго государства, подобнаго нашему отечеству правами и свободою; и хотя бываютъ разныя непріятности, однако разумъ повелѣваетъ принять во вниманіе, что въ вольномъ государствѣ удобнѣе достигнуть удовлетворенія, между тѣмъ какъ потерявъ отчизну нашу, мы не найдемъ другой ни въ христіанствѣ, ни въ поганствѣ: вездѣ неволя, одно только королевство Польское славится вольностію. Вамъ и всему войску хорошо извѣстно, что я одинъ изъ христіанъ народа Русскаго служу сенаторомъ въ коронѣ Польской, ношу на раменахъ своихъ и св. церкви и древности наши, и ненарушимо сохранилъ свою вѣру до сѣдыхъ волосъ, и сохраню, дастъ Богъ, до смерти. Всѣ также знаютъ о несчастномъ кровопролитіи; но я не обагрилъ рукъ своихъ козацкою христіанскою кровію. Поэтому ваша милость со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ можетъ совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость имѣть ко мнѣ довѣріе. Нужно какъ можно скорѣе прекратить несчастное домашнее замѣшательство и водворить покой. Поэтому я желаю, чтобъ ваша милость отослалъ бы Татаръ, а самъ, оставаясь на обыкновенныхъ мѣстахъ, отправилъ бы посольство къ республикѣ съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ произошло несчастное замѣшательство, и засвидѣтельствовалъ вѣрность свою и всего войска». Хмельницкій отвѣчалъ Киселю: «Очень сожалѣемъ о пораженіи, постигшемъ въ землѣ нашей народъ христіанскій, хотя не мы тому причиною: при сухихъ дровахъ и

сырымъ должно было достаться. Послушавъ совѣта вашей милости, стараго своего пріятеля, мы сами пріостановили свои военныя дѣйствія и ордѣ приказали возвратиться, а къ республикѣ, съ покорностію и вѣрнымъ подданствомъ, отправили пословъ. Такъ какъ мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просимъ вашу милость удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ, чтобъ мы могли узнать, кого республика пожелаетъ имѣть королемъ, и чтобъ воспользоваться совѣтомъ вашей милости для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій». Самъ Кисель поспѣшилъ донести о слѣдствіяхъ своихъ сношеній архіепископу-примасу: «Развѣялъ Господь Богъ чрезъ меня, наименьшаго сына отечества, кровавую радугу и пріостановилъ ужасную внутреннюю войну: отецъ Ляшко, мой повѣренный, монахъ Греческаго исповѣданія, добрый шляхтичъ, возвратился и донесъ, что когда прибылъ къ Хмельницкому, то сначала встрѣченъ былъ сильнымъ огнемъ, наконецъ была рада военная, въ которой участвовало 70,000 козаковъ и на которой была читана моя грамота. Послѣ продолжительныхъ споровъ и шуму, самъ Хмельницкій началъ уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли въ этомъ и другіе козацкіе старшины. Вслѣдствіе этого св. Духъ внушилъ имъ рѣшеніе: послушаться моего совѣта, имѣть ко мнѣ довѣріе, отправить пословъ, прекратить непріятельскія дѣйствія, задержать орду въ степи, а меня пригласить пріѣхать къ нимъ. Я прошу, чтобъ настоящая моя вѣрная услуга и дальнѣйшая служба никѣмъ у меня не была отнимаема и не оставалась бы безъ памятника, заслуженнаго любовію къ отечеству».

Но Кисель еще очень рано замечталъ о наградѣ за свои подвиги. Рѣзня господствовала въ Украйнѣ, и среди этой бойни козаки и вельможи соперничали въ звѣрствѣ. Въ то время, какъ украинская шляхта, не думая о сопротивленіи, бѣжала или гибла подъ ножами возставшихъ хлоповъ, одинъ воевода Русскій, князь Іеремія Вишневецкій, выставилъ сопротивленіе. Недавній отступникъ отъ православія, съ ненавистію ренегата

къ старой вѣрѣ, вѣрѣ хлопской, Іеремія соединялъ ненависть Польскаго пана къ хлопамъ, усугубленную теперь возстаніемъ и кровавыми подвигами гайдамаковъ. Въ самомъ началѣ возстанія Хмельницкаго Іеремія былъ уже на Восточной сторонѣ Днѣпра, намѣреваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслѣдъ за нею всеобщее возстаніе хлоповъ отбросили его на Западъ; но онъ скоро остановился и съ отрядами своими выставилъ единственное сопротивленіе козачеству. Какого же рода было это сопротивленіе? Напавши врасплохъ на мѣстечко Погребища, преданное козакамъ, онъ перемучилъ его жителей, особенно священниковъ православныхъ; изъ Погребищъ Вишневскій пошелъ къ принадлежавшему ему городу Немирову; жители затворялись-было отъ своего пана, но онъ взялъ городъ приступомъ и выданные мѣщанами виновники возстанія погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ: «Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ!» кричалъ Вишневецкій палачамъ. Въ концѣ Іюля подъ Константиновымъ встрѣтился Вишневецкій съ многочисленнымъ козацкимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Кривоноса; и послѣ двухъ кровопролитныхъ стычекъ Поляки принуждены были отступить.

Поляки видѣли свою малочисленность въ Украйнѣ; имъ важно было удержать Хмельницкаго въ бездѣйствіи, пока прибудутъ къ нимъ подкрѣпленія, пока выбранъ будетъ король. Назначенный главнымъ воеводою въ Украйну, Владиславъ Доминикъ князь Острожскій, послалъ сказать Кривоносу, чтобъ не пускалъ орды и не шелъ дальше опустошать шляхетскихъ имѣній, послалъ съ тѣмъ же и къ самому Хмельницкому. Кривоносъ отвѣчалъ: «Вашей милости извѣстно какъ это началось и какъ утихло было; не хотѣли мы больше пустошить земли Польской; но ужъ очень заѣдаетъ насъ князь Іеремія: людей сталъ мучить, головы отсѣкать, на колъ сажать, въ каждомъ городѣ среди рынка висѣлица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попамъ нашимъ буравомъ просверливалъ глаза. Мы, защищая нашу вѣру

и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочетъ воевать съ нами, противъ того мы готовы; а кто спокоенъ, тотъ и будетъ оставленъ въ покоѣ. Прошло уже семь недѣль или больше, какъ мы отправили пословъ своихъ къ королю и республикѣ; но объ нихъ до сихъ поръ нѣтъ никакого достовѣрнаго извѣстія: вѣрно они спятъ, такъ что до сихъ поръ не могутъ проснуться. Все будетъ мирно, если ваша милость теперь же доставите пословъ нашихъ; но если послы не явятся, то я буду воевать вмѣстѣ съ ордою; панъ гетманъ, который надняхъ ожидаетъ орды, двинется со всѣмъ войскомъ и заступитъ дорогу, гдѣ будете утекать. А Жидовъ ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всѣхъ виноваты, они и васъ съ ума свели». Хмельницкій отвѣчалъ то же самое, что движенія Іереміи вызвали и его изъ бездѣйствія; также просилъ о возвращеніи пословъ козацкихъ, отправленныхъ въ Варшаву, послѣ чего, сообразуясь съ письмами сенаторовъ, онъ возвратится съ войскомъ и удержитъ орду.

Князь Острожскій писалъ отчаянное письмо къ архіепископу примасу: «Кчему обманывать республику ложною надеждою, когда въ отчаянныхъ обстоятельствахъ ежедневно прибавляются новыя бѣдствія? Я не могъ устоять подъ Константиновымъ, потому что сила непріятельская неслыханна. Теперь увѣдомляю, что уже пахнетъ конечною гибелью». Князь Доминикъ не видалъ возможности мира и полагалъ единственную надежду на военную помощь изъ Польши. Также смотрѣлъ на дѣло и Тышкевичъ, воевода Кіевскій: «Наибольшій вредъ» писалъ онъ «состоитъ въ томъ, что братья наши дѣлаются добычею непріятеля; а мы ничего объ этомъ не знаемъ, или не можемъ знать, считая себя обезпеченными надеждою на трактаты и осѣненными мнимымъ облакомъ перемирія. Если это отъ кого-нибудь происходитъ, то мы надѣемся, что придетъ время, когда Богъ укажетъ виновника бѣдствій республики. Мы, по совѣсти, по любви къ отечеству и по долгу нашему сенаторскому, еще разъ предостерегаемъ,

что непріятель, подъ предлогомъ обѣщаннаго мира, болѣе и болѣе свирѣпствуетъ, болѣе и болѣе усиливается, такъ что теперь каждый холопъ есть нашъ непріятель; каждый городъ, каждое селеніе мы должны считать отрядомъ непріятельскимъ. И неудивительно, что они доходятъ до такого неистовства: при нашей безпечности, простой народъ думаетъ, что ему дозволено все противъ всѣхъ, даже противъ самого Бога. Поэтому остается одно средство къ прекращенію своеволія — показать непріятелю саблю. Лучше намъ отпоясать саблю, чѣмъ терпѣть такое поруганіе отъ собственныхъ холоповъ».

Тышкевичъ разумѣлъ Киселя, говоря о виновникѣ бѣдствій, который осѣнилъ Поляковъ мнимымъ облакомъ перемирія. Но Кисель, видя слабость государства и паническій страхъ, овладѣвшій всѣми, единственнымъ средствомъ спасенія считалъ миръ, хотя и не очень на него полагался. 9 Августа онъ писалъ коронному канцлеру: «Большая и жалкая перемѣна произошла въ моемъ предположеніи идти къ Кіеву. Еще до Гущи (имѣніе Киселя) опередили меня козаки или разбойники — не знаю, какъ назвать ихъ. Что уцѣлѣло отъ одной толпы, то разорено до основаній другой; у меня и у слугъ моихъ пограблено домашней утвари болѣе чѣмъ на 30,000; въ форверкахъ также взяли все, что было; Жиды всѣ вырѣзаны, дворы и корчмы сожжены. Около Горыня постигла всѣхъ та же участь, что и меня. Кривоносъ взялъ Меджибожъ приступомъ и всѣхъ жителей перерѣзалъ. Слышно, что Шаръгородъ подвергся той же участи, и что козаки обратились уже къ Бару. Три дня измѣнники пробыли въ Гущѣ, грабили наѣздами всю окрестность; пьянствуя днемъ и ночью, выпили нѣсколько бочекъ вина и нѣсколько десятковъ бочекъ меда, потчивали моихъ и сосѣднихъ холопей, остальное пораздавали имъ. Языкъ показалъ, что Хмельницкій со 120,000 войска находится уже подъ Янушполемъ, недалеко отъ Любартова; тотъ же языкъ сказалъ, что послы козацкіе, отправленные въ Варшаву, до сихъ поръ еще не возвратились

къ Хмельницкому, которому Кривоносъ далъ знать, что они посажены на колъ, и тогда Хмельницкій двинулся съ огромнымъ войскомъ и послалъ за ордою. Въ такихъ обстоятельствахъ, я отправилъ одно письмо къ Хмельницкому отъ себя, другое отъ всѣхъ насъ, коммиссаровъ. Войска наши не спѣшатъ соединиться, начальники не имѣютъ силы, на всѣхъ напалъ такой страхъ, что не только непріятель одерживаетъ верхъ, видя, что никто не смѣетъ смотрѣть ему въ глаза и всѣ обращаются въ бѣгство, но даже крестьяне, холопы издѣваются надъ нами, и вотъ вся чернь присоединяется къ этимъ войскамъ, козачьимъ или разбойничьимъ. Поэтому я отправилъ къ Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошелъ ли онъ до послѣдней степени неистовства, а самъ, съ своимъ полкомъ и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая отвѣта; когда онъ мнѣ отвѣтитъ, что ждетъ меня къ себѣ, то поѣду и употреблю всевозможныя средства къ примиренію. Если же Хмельницкій отвергнетъ мои предложенія, то я съ своимъ полкомъ пойду днемъ и ночью въ то мѣсто, гдѣ собираются войска республики».

Кисель, идя къ Хмельницкому для мирныхъ переговоровъ, требовалъ, чтобъ Польское войско не нападало на козаковъ, не раздражало ихъ, не давало возможности говорить, что со стороны Поляковъ нѣтъ желанія мира. Онъ писалъ коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкаго можно надѣяться мирнаго расположенія: «Какъ скоро послы мои пріѣхали къ Хмельницкому, то я тотчасъ получилъ извѣстіе, что Кривоносъ взятъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ за шею. Вся шляхта, сколько ея было въ плѣну у Кривоноса, выпущена, и велѣно отрубить головы болѣе, чѣмъ сотнѣ разбойниковъ. Самъ Хмельницкій, остановивъ полки, отступилъ и ожидаетъ меня». Хмельницкій, дѣйствительно, приглашалъ Киселя къ Константинову для переговоровъ и, жалуясь на тиранства Вишневецкаго, писалъ: «Неудивительно было бы намъ, еслибъ дѣлалъ это простакъ какой-нибудь, напримѣръ, нашъ Кривоносъ; но между Вишне-

вецкимъ и Кривоносомъ большая разница! Мы больше помнимъ Бога: ни одинъ Полякъ, доставшійся въ наши руки, не умерщвленъ». Но недолго манила бѣднаго Киселя надежда скоро начать и успѣшно кончить переговоры съ новымъ Тамерланомъ, какъ онъ называлъ Хмельницкаго: онъ съ своими товарищами, остальными коммиссарами и провожавшимъ ихъ вооруженнымъ отрядомъ приблизился къ Острогу; но въ это время козаки захватили городъ и выступили противъ коммиссарскаго отряда какъ непріятели. Кисель послалъ сказать имъ, что онъ съ товарищами — коммиссары, ѣдущіе къ Хмельницкому, по письму послѣдняго. Козаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность Волыни, съ обѣихъ сторонъ дано было по десяти человѣкъ въ заложники, и нѣсколько человѣкъ коммиссарскаго отряда спокойно въѣхали въ городъ. Но вдругъ является отрядъ войска князя Острожскаго, приступаетъ къ воротамъ и начинаетъ схватки съ козаками. Тѣ, не разобравши, что это за войско, подумали, что это коммиссары вѣроломно нападаютъ на нихъ, и принялись бить тѣхъ Поляковъ изъ Киселевскаго отряда, которые были у нихъ въ городѣ. Поляки Острожскаго не могли взять города и отступили; но козаки не согласились уже пропустить коммиссаровъ чрезъ Острогъ. Кисель, съ одной стороны, долженъ былъ писать къ Хмельницкому съ упреками, что въ то время, какъ онъ шелъ для мирныхъ переговоровъ, козаки захватили Баръ и Острогъ; съ другой стороны, писалъ къ Польскому войску, что оно разстроиваетъ все дѣло, нападая на козаковъ. Изъ войска дали ему жесткій отвѣтъ: «Съ удивленіемъ услыхали мы, что республика теряетъ крѣпкіе города передъ глазами вашей милости, хотя вы имѣли при себѣ значительное число войска. Это происходитъ, по нашему мнѣнію, оттого, что коммиссія, по безполезной медленности, не приступала по сю пору ни къ какому дѣлу. Съ этимъ холопствомъ мы не можемъ придерживаться народнаго права, потому что оно не привыкло соблюдать вѣрности. Знаемъ, что республика, связавъ себѣ руки ком-

миссіею, не желаетъ, чтобъ мы раздражали непріятеля; такой же совѣтъ мы принимаемъ и отъ вашей милости. Но еслибъ мы, смотря на необузданное высокомѣріе холоповъ, дозволяли имъ въ глазахъ своихъ брать города и замки и производить безпрестанныя убійства, то въ такомъ случаѣ и вѣрность наша сдѣлалась бы сомнительною въ глазахъ республики и достоинство наше было бы унижено». Кисель оправдывался, что коммиссіи нѣтъ никакой возможности спѣшить, да и самая медленность ея полезна, потому что даетъ время собирать войска; Острогъ былъ взятъ до прибытія коммиссаровъ, отнимать же имъ городъ вооруженною рукою было бы несовмѣстно съ ихъ должностію и неблагоразумно; городъ освобождался отъ козаковъ въ силу переговоровъ, но Польское войско своимъ нападеніемъ испортило все. Но Вишневецкій не переставалъ вооружаться противъ мирныхъ переговоровъ и противъ Киселя: «Если мы будемъ дожидаться союза поганыхъ съ своими домашними погаными, то намъ труднѣе будетъ покончить войну» писалъ онъ къ архіепископу-примасу 30 Августа. «Козаки на сихъ дняхъ овладѣли Луцкомъ, Клеванью и другими городами на Волыни; 30,000 Татаръ переправились къ намъ на Мурахву. Изъ этихъ вѣстей ваша милость можете судить, какіе плоды принесло перемиріе, которое ведетъ насъ къ горькому концу. Непріятель беретъ города, а намъ велятъ молчать, связавъ намъ руки волею республики, потому что она изрекла миръ, а не войну».

Желаніе Вишневецкаго исполнилось. Хмельницкій, раздраженный тѣмъ, что Поляки въ другой разъ приступали къ Острогу, задержалъ посланцевъ Киселя, вслѣдствіе чего послѣдній не поѣхалъ къ нему и соединился съ войсками Острожскаго. Поляки отняли у козаковъ Константиновъ и встрѣтились съ самимъ Хмельницкимъ подъ Пилявцами. Богданъ началъ переговоры съ княземъ Острожскимъ и тянулъ время, дожидаясь Татаръ; 20 Сентября началось сраженіе, и началось съ выгодою для Поляковъ; на другой день успѣхъ

былъ на сторонѣ козаковъ, а вечеромъ въ ихъ станѣ раздались крики, возвѣщавшіе о приходѣ Татаръ. Поляки оробѣли. На третій день, на разсвѣтѣ, привели языка, который объявилъ, что пришло 40,000 Татаръ, тогда какъ ихъ пришло только 4,000; началось страшное смятеніе между Поляками; козаки напали и вырѣзали два полка; языки говорили, что идетъ самъ ханъ съ безчисленнымъ войскомъ. Вечеромъ предводители собрались на совѣтъ и рѣшили—уходить; ночью съ 22 на 23 понеслась по лагерю вѣсть, что предводителей уже нѣтъ, и тогда все войско обратилось въ постыдное бѣгство, бросивши богатый обозъ въ пользу козаковъ. Тутъ, по однимъ извѣстіямъ, погибъ отъ Татаръ нашъ старый знакомый, Янъ Фаустинъ Луба; по другимъ же, онъ возвратился въ Польшу и кормился опять по панскимъ домамъ.

Послѣ этого неожиданнаго торжества Хмельницкій занялъ безъ сопротивленія Константиновъ, Збаражъ и, слыша крики козаковъ: «веди на Ляховъ!» повелъ ихъ ко Львову, съ котораго взялъ огромный окупъ: жители принуждены были выдать всѣ свои драгоцѣнности. Изъ-подо Львова Хмельницкій подступилъ подъ Замостье, откуда 15 Ноября послалъ письмо къ сенату, выставляя попрежнему, что виновниками всѣхъ бѣдъ два пана — Конецпольскій и князь Вишневецкій, требовалъ, чтобъ они были объявлены виновными, и заключалъ письмо такъ: «Если ваша милость начнете войну противъ насъ, то мы примемъ это за знакъ, что вы не хотите имѣть насъ своими слугами». Въ отвѣтъ онъ получилъ извѣстіе объ избраніи новаго короля, Яна Казимира, брата Владиславова, который приказывалъ ему отступить отъ Замостья. Хмельницкій отвѣчалъ, что повинуется; на радостяхъ велѣлъ палить изъ пушекъ, пилъ и говорилъ посламъ: «Еслибъ вы на конвокаціи еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось; а еслибъ выбрали какого-нибудь другаго, а не Яна Казимира, то я пошелъ бы на Краковъ и далъ бы корону кому надобно». Отъ чего же такъ обрадовался Хмельницкій избранію Яна Казиміра? Московскому

гонцу Кунакову разсказывали въ Варшавѣ, что Янъ Казиміръ еще до избранія писалъ къ Хмельницкому: «Если буду королемъ, то войну успокою и впередъ тебѣ и всему войску Запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкрѣплю лучше прежняго». Послалъ эту грамоту король съ шляхтичемъ Юріемъ Ермоличемъ, который остался при Хмельницкомъ. Богданъ, по письму королевича, писалъ къ панамъ раднымъ: если они изберутъ на королевство пана его королевича Казимира, то онъ, Богданъ, будетъ во всей его волѣ; если же изберутъ кого-нибудь другаго, то онъ, Богданъ, съ войскомъ Запорожскимъ и съ Татарами будетъ воевать большою войною.

Грамота, которую новый король прислалъ къ Хмельницкому, подтверждала надежды козацкаго вождя: «Начиная счастливо наше царствованіе» писалъ король: «по примѣру предковъ нашихъ, пошлемъ булаву и хоругвь нашему вѣрному войску Запорожскому, пошлемъ въ ваши руки, какъ старшаго вождя этого войска, и обѣщаемся возвратить давнія рыцарскія вольности ваши. Что̀ же касается смуты, которая до сихъ поръ продолжалась, то сами видимъ, что произошла она не отъ войска Запорожскаго, но по причинамъ, въ грамотѣ вашей означеннымъ». Янъ Казиміръ обѣщалъ, что войско Запорожское будетъ подъ непосредственною властію короля, а не старостъ Украинскихъ; обѣщалъ исполнить и желаніе козаковъ относительно уніи; но требовалъ за это, чтобъ Хмельницкій отослалъ Татаръ и распустилъ чернь. Богданъ исполнилъ все это; но тутъ же было видно, что онъ разнуздался успѣхомъ и готовъ былъ повиноваться только съ условіемъ, чтобъ исполнялись его желанія. Месть кипѣла въ его сердцѣ: воспоминанія о Чаплинскомъ, Конецпольскомъ, Вишневецкомъ не давали ему покоя: «Въ Бродахъ (имѣніе Конецпольскаго) камня на камнѣ не оставлю» говорилъ онъ, «съ землею сравняю; а этотъ князикъ Вишневецкій недолго будетъ у меня региментовать; самъ въ Крымъ поѣду и освобожу гетмановъ, съ условіемъ, если помирятся со мною и

будутъ въ пріазни жить, если же нѣтъ, то прикажу имъ тамъ головы отрубить, а этотъ князикъ за Днѣпромъ у меня не показывайся!» Хмельницкій, надѣясь на короля, думалъ, что будутъ исполнены всѣ его желанія; но когда паны узнали, что король послалъ Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили къ нему съ шумомъ, особенно Поляки, кричали: «Идемъ всею рѣчью посполитою! отъ Богдана Хмельницкаго, отъ Кривоноса и козаковъ разоренье и кровопролитіе большое, чего не бывало, какъ Польское королевство стало: а король козаковъ почитаетъ какъ пріятелей своихъ!» Янъ Казимиръ отвѣчалъ: «Если теперь Хмельницкаго и все войско Запорожское въ милость не принять, то и отъ нихъ впередъ будетъ большое разоренье, потому что войско Запорожское и хлопы гультяйство еще не усмирились; да у Богдана орда Крымская всегда наготовѣ; а на коронное и на Литовское войско казнь Божія: чего никогда не бывало — вездѣ козаки ихъ побиваютъ. Подумайте объ этомъ, чтобъ въ конечномъ разореньѣ не быть; да и то вамъ надобно разсудить, какія отъ козаковъ прежде бывали рѣчи посполитой кровныя службы и доброхотство, и что̀ вы имъ за это воздали кромѣ насильства и разоренья? А нынѣшнее междоусобіе начали они по крайней нуждѣ: все это сталось отъ пановъ, которые такихъ вѣчныхъ слугъ грабили и разоряли». Паны продолжали кричать: «Мы и вся рѣчь посполитая будемъ противъ войска Запорожскаго и противъ своихъ хлоповъ войну вести и мстить имъ до кончины своей; либо козаковъ истребимъ, либо они насъ истребятъ; лучше намъ всѣмъ помереть, чѣмъ видѣть такое разоренье, упадокъ и вѣчное безславіе; лучше умереть, чѣмъ козакамъ и своимъ хлопамъ въ чемъ уступить!» Такія большія надежды и требованія со стороны Хмельницкаго, и такая неуступчивость и ожесточеніе со стороны пановъ не предвѣщали скораго мира. Сильное негодованіе пановъ на короля было возбуждено и тѣмъ, что по смерти Тышкевича Янъ Казимиръ отдалъ Кіевское воеводство Адаму Киселю, назначенному

переговаривать съ Хмельницкимъ о мирѣ; Киселя величали измѣнникомъ за его православіе и боялись, нѣтъ ли у него съ королемъ какого умысла. Московскому гонцу Кунакову разсказывали, что король желаетъ, чтобъ Богданъ Хмельницкій пановъ радныхъ сломалъ и сдѣлалъ ему послушными.

По возвращеніи изъ похода Хмельницкій съ торжествомъ въѣхалъ въ Кіевъ; около него ѣхали полковники въ золотѣ, серебрѣ, добытомъ у Поляковъ, несли Польскія хоругви и другую военную добычу. Въ народѣ раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкаго; духовенство, академія вышли къ нему навстрѣчу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкаго Моисеемъ вѣры Русской, защитникомъ свободы Русскаго народа, новымъ Маккавеемъ. Побѣдителя немедленно окружили иностранные посланники. Богданъ усердно молился, раздавалъ богатые дары по церквамъ изъ Польской добычи и въ то же время ежедневно разспрашивалъ колдуновъ и колдуней о будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ козакъ гулялъ на радостяхъ, пировалъ день и ночь, какъ подопьетъ—пѣсню затянетъ. Безпрестанно мѣнялся: то ласковъ, то вдругъ суровъ, то со всѣми за-панибрата, то вдругъ никого къ себѣ не допускаетъ; добродушно разговариваетъ—и вдругъ выдастъ свирѣпый приказъ. Мы поймемъ все это, если будемъ смотрѣть на Хмельницкаго прежде всего какъ на козака. Какъ бы ни былъ даровитъ членъ общества нецивилизованнаго, какъ бы высоко ни поставила его судьба, не можетъ онъ отречься отъ своей природы, дѣвственной еще, дѣтской, если угодно грубой, не сдерживаемой извѣстными условіями образованнаго общества, не затянутой въ извѣстныя формы; впечатлѣнія такого человѣка живы, сильны, быстро смѣняются, онъ рабски поддается имъ и не умѣетъ сдерживать своихъ чувствъ, не умѣетъ обращать холодное вниманіе на правильность, послѣдовательность ихъ выраженія; начнетъ что-нибудь, вдругъ, по непонятному для него самого сцѣпленію понятій, вспомнитъ о чемъ-нибудь дру-

гомъ и увлекается этимъ новымъ воспоминаніемъ; быстро, безотчетно смѣняются въ немъ мысли и чувства, быстро выражаются въ словѣ и дѣлѣ. Дикъ и страненъ кажется такой человѣкъ члену общества образованнаго, не понимаетъ образованный человѣкъ этой юности природы, и, глядя по своему, готовъ счесть маскою то, что на самомъ дѣлѣ живой образъ. Наступало время, когда Хмель, какъ называли Поляки Богдана, вполнѣ выказалъ свой козацкій характеръ, чѣмъ озадачилъ и оскорбилъ людей изъ другаго общества. Изъ Кіева поѣхалъ Богданъ въ Переяславль, и туда пріѣхали къ нему обѣщанные коммиссары королевскіе, старый нашъ знакомецъ, многоученый и красноглаголивый Кисель съ товарищами. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу въ поле съ полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, съ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ; при въѣздѣ выпалили изъ двадцати пушекъ. Гетманъ позвалъ коммиссаровъ обѣдать, и тутъ сейчасъ же горѣлка начала выводить наружу то, что было на сердцѣ у Богдана и его товарищей полковниковъ: Вишневецкій, Конецпольскій, Чаплинскій не хорошо были помянуты. На другой день назначена была церемонія врученія Хмельницкому булавы и знамени королевскихъ. На широкой улицѣ, передъ дворомъ своимъ, стоялъ Хмельницкій подъ бунчукомъ, въ собольей крытой парчею шубѣ, окруженный старшинами. Кисель началъ было выказывать свое краснорѣчіе въ длинной рѣчи, выставлялъ милость королевскую, какъ вдругъ отозвался пьяный полковникъ Дзялакъ: «Король какъ король, а вы королевята, князья, проказите много, надѣлали дѣла! А ты, Кисель, кость отъ костей нашихъ, отщепился отъ насъ и пристаешь къ Ляхамъ!» Хмельницкій сталъ его унимать, и Дзялакъ, видя, что всѣ другіе молчатъ, убрался. Богданъ, какъ показалось коммиссарамъ, принялъ гетманскіе знаки не съ большимъ усердіемъ.

Послѣ церемоніи гетманъ позвалъ коммиссаровъ обѣдать. Передъ обѣдомъ Кисель опять распространился о великихъ милостяхъ королевскихъ: король прощаетъ Хмельницкаго,

даетъ свободу древней православной религіи, позволяетъ увеличить число реестроваго войска, возстановляетъ прежнія права и преимущества его, наконецъ предоставляетъ гетманство ему, Хмельницкому. «Вы, гетманъ, съ своей стороны, должны показать себя благодарнымъ, должны стараться о прекращеніи смуты и кровопролитія, не принимать крестьянъ подъ свое покровительство, а внушать имъ повиновеніе законнымъ владѣльцамъ». Не очень щедрыя для Корсунскаго и Пилявецкаго побѣдителя милости и неудобоисполнимое требованіе отказаться отъ союза съ простымъ народомъ въ пользу пановъ раздражали Хмельницкаго; раздражало и обращеніе къ нему, какъ вождю полновластному, тогда какъ онъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія войска, а легко ли было удовлетворить требованіямъ этого войска, которое состояло изъ низшаго народонаселенія всей Украйны? Отъ Хмельницкаго требовали отдать панамъ въ неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальникомъ войска въ 12 или много въ 15,000, какъ предлагали Поляки! Но что всего болѣе заставляло Хмельницкаго перемѣнить тонъ относительно Польскаго правительства, такъ это то, что ханъ, помогавшій ему до сихъ поръ изъ-подъ руки, однимъ отрядомъ Тугай-Беевымъ, теперь рѣшился прямо стать его защитникомъ, помогать ему всѣми силами; съ Турками заключенъ былъ союзъ; князь Трансильванскій Юрій Рагоци также предлагалъ Хмельницкому воевать Польшу. Вотъ почему Богданъ отвѣчалъ Киселю: «За великія милости королевскія покорно благодарю; что же насается до коммиссіи, то она въ настоящее время начаться и производить дѣлъ не можетъ: войска не собраны въ одно мѣсто, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я ничего рѣшать не могу и не смѣю: иначе могу поплатиться жизнію. Да притомъ я не получилъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Первый долженъ быть непремѣнно мнѣ выданъ, а второй наказанъ, потому что они подали поводъ ко всѣмъ смутамъ и кровопролитію. Виноватъ и панъ кастелянъ Кра-

ковскій, которой нападалъ на меня и преслѣдовалъ меня, когда я принужденъ былъ спасать жизнь свою въ пещерахъ Днѣпровскихъ; но онъ уже довольно награжденъ за дѣла свои, нашелъ чего искалъ. Виноватъ и хорунжій (Конецпольскій), потому что лишилъ меня отчизны, отдалъ Украйну Лисовщикамъ, которые козаковъ, оказавшихъ услуги республикѣ, обращали въ холоповъ, драли съ нихъ кожу, вырывали бороды, запрягали въ плуги; но все они не такъ виноваты, какъ Чаплинскій и Вишневецкій. Ничего изъ этого не будетъ, если одного изъ нихъ не накажутъ, а другаго мнѣ сюда не пришлютъ; въ противномъ случаѣ или мнѣ погибнуть со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, или пропасть Польской землѣ, сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Развѣ мало виноваты Ляхи, что льется кровь христіанская, что войско Литовское вырѣзало Мозырь и Туровъ, что Янушъ Радзивилъ велѣлъ одного изъ нашихъ посадить на колъ? Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радзивилу писалъ, что если онъ поступилъ такимъ образомъ съ однимъ христіаниномъ, то я то же самое сдѣлаю съ 400 плѣнныхъ Поляковъ.»

За столомъ новыя сцены. Полковники сильно сердились на Литовскаго гетмана Радзивила, который, воюя съ Украинскими загонщиками, взялъ пристуномъ и истребилъ два города, принявшіе ихъ сторону. Ксендзъ Лентовскій, пріѣхавшій съ королевскими грамотами, замѣтилъ, что слухи изъ Литвы могутъ быть и несправедливы. Тутъ старый Черкаскій полковникъ Өедоръ схватилъ булаву и закричалъ: «Молчи, попъ! не твое дѣло уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы всѣ такія-то дѣти; выходи, попъ, на дворъ, научу я тебя полковниковъ Запорожскихъ почитать». Коммиссары смягчали Хмеля какъ могли; особенно истощалъ свое краснорѣчіе Кисель, но ничего не успѣлъ сдѣлать. На другой день Кисель приглашалъ къ себѣ гетмана обѣдать; но Хмельницкій пріѣхалъ вечеромъ съ нѣкоторыми полковниками, уже подпивши, и опять началъ срывать сердце, пересчитывать

обиды, которыя получилъ отъ Поляковъ, и грозитъ местью. Потомъ пробрался въ комнату жены Киселевой и началъ прямо говорить ей, чтобы съ мужемъ отреклись отъ Поляковъ и остались съ козаками, потому что Польская земля сгинетъ, а Русь будетъ господствовать въ томъ же году, очень скоро. На другой день долго спалъ Хмельницкій, потому что пилъ съ колдуньями, которыя ворожатъ ему счастье на войнѣ въ этотъ годъ. Какъ скоро можно стало къ нему являться, коммиссары послали къ нему съ просьбою назначить время для переговоровъ. Посланные застали гетмана уже за горѣлкою и получили такой отвѣтъ: «Завтра будетъ справа и расправа, потому что теперь я пьянъ, Венгерскаго посла отправляю; коротко скажу: изъ этой коммиссіи ничего не будетъ; война должна черезъ три или четыре недѣли начаться: переверну васъ всѣхъ Ляховъ вверхъ ногами и потопчу такъ, что будете подъ моими ногами, а напослѣди отдамъ васъ царю Турецкому въ неволю. Король королемъ будетъ, чтобъ король казнилъ шляхту и дуковъ и князей, чтобъ былъ себѣ вольный. Провинится князь — рѣжь ему шею; провинится козакъ — и ему то же: вотъ будетъ правда! Я хоть себѣ худой малый человѣкъ, но Богъ мнѣ далъ, что я теперь единовладный самодержецъ Русскій. Если король не хочетъ вольнымъ королемъ быть, то какъ ему угодно. Скажите это пану воеводѣ (Киселю) и коммиссарамъ. Стращаете меня Шведами — и тѣ мои будутъ, а хоть бы и не такъ, хоть бы ихъ было пятьсотъ тысячъ — не одолѣютъ они Русской, Запорожской и Татарской мочи. Съ этимъ и ступайте: завтра справа и расправа». Получивши такой отвѣтъ, коммиссары стали совѣтоваться и положили: требовать отъ Хмельницкаго, чтобъ онъ отпустилъ ихъ, и просить освобожденія плѣнныхъ Поляковъ.

На другой день коммиссары отправились къ гетману, и Кисель началъ со слезами умилительную рѣчь, говорилъ, что Хмельницкій не только Польшу и Литву, но и Русскую вѣру, святыя церкви хочетъ отдать поганымъ безъ причины. Если

ему нанесена обида, если Чаплинскій виноватъ, то готова награда; если войско Запорожское обижено тѣмъ, что уменьшили его число, отняли земли, то король обѣщаетъ все вознаградить; пусть подумаетъ, что какъ Польша и Литва не удержатъ поганыхъ безъ Запорожья, такъ и Запорожье не защитится отъ поганства безъ Польскаго войска; уговаривалъ, чтобъ отступился отъ черни, пусть крестьяне пашутъ, а козаки воюютъ, пусть реестровыхъ козаковъ будетъ 12 или 15,000, пусть идетъ лучше воевать поганыхъ за границу. Богданъ отвѣчалъ: «Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкій гонялъ за Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ было время, и послѣ Желтоводской, и послѣ Корсунской битвы, и послѣ Пилявецъ, и подъ Константиновымъ, и подъ Замостьемъ, и когда я изъ-подъ Замостья шесть недѣль шелъ до Кіева, а теперь уже не время; мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ и не мыслилъ, покажу потомъ и то, что замыслилъ. Выбью изъ Польской неволи народъ Русскій весь. Сперва воевалъ я за свою обиду, теперь стану воевать за вѣру православную нашу. Вся чернь, которая ея держится, по Люблинъ, по Краковъ, поможетъ мнѣ въ этомъ, и я чернь не выдамъ, чтобъ вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили. Буду имѣть двѣсти, триста тысячъ своихъ, всю орду, подлѣ меня Тугай-Бей, братъ мой, душа моя, единственный соколъ на свѣтѣ, готовъ онъ все сдѣлать, что я ни захочу, вѣчна наша козацкая пріязнь, которой цѣлый свѣтъ не разорветъ. За границу войною не пойду, саблю на Турокъ и Татаръ не подниму, будетъ съ меня Украйны, Подола, Волыни, довольно добра въ землѣ и княжествѣ моемъ по Львовъ, Хельмъ и Галичь, а ставши надъ Вислой, скажу остальнымъ Ляхамъ: сидите, молчите, Ляхи! Дуковъ и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станутъ, найду ихъ и тамъ; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украйнѣ, а который захочетъ съ нами хлѣбъ ѣсть, пусть будетъ послушенъ войску Запорожскому, а на короля не брыкаетъ». Пол-

ковники поддакивали гетману; они говорили: «Прошли тѣ времена, когда Ляхи сѣдлали насъ нашими же людьми, христіанами, сильны были намъ драгуны, а теперь ихъ не боимся; узнали мы подъ Пилявцами, что теперь не тѣ Ляхи, какіе прежде бывали, какіе били Турокъ, Москву, Татаръ, Нѣмцевъ, не Жолкѣвскіе, не Ходкѣвичи, не Конецпольскіе или Хмелецкіе, но Тхоржевскіе, Зайонцковскіе (т.-е. Трусовецкіе, Зайцевскіе), ребята, одѣтые въ железо; померли отъ страха, какъ только насъ увидали и поутекали, хотя Татаръ въ середу не было больше 3,000, подождали бы до пятницы, такъ ни одинъ бы до Львова не добрался». Хмельницкій продолжалъ: «Патріархъ (Іерусалимскій) благословилъ меня въ Кіевѣ на эту войну, вѣнчалъ меня съ моей женой, разрѣшилъ меня отъ грѣховъ, хотя бы я и не исповѣдовался, и приказалъ доконать Ляховъ: какъ же мнѣ не слушаться святаго владыки, начальнаго нашего человѣка и гостя любимаго; я уже обоелалъ полки, чтобъ коней кормили и въ дорогу были готовы, безъ возовъ, безъ пушекъ, все это я найду у Ляховъ; если козакъ возьметъ хотя одинъ возъ съ собою, велю ему голову отрубить; не возьму и самъ съ собой ничего». Говоря это, Хмельницкій пришелъ въ такую ярость, что вскакивалъ съ лавки, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. Коммиссары обомлѣли отъ страха; никакія убѣжденія ихъ не помогали.

Стали они думать уже не о заключеніи мира, а о томъ, какъ бы уѣхать поздорову и выручить плѣнныхъ. Наконецъ гетманъ объявилъ имъ свои условія: «1) чтобъ имени, памяти и слѣда уніи не было; 2) митрополитъ Кіевскій по примасѣ Польскомъ первое мѣсто долженъ имѣть въ сенатѣ; 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные Русскіе; 4) войско Запорожское по всей Украйнѣ при своихъ вольностяхъ давныхъ остается; 5) гетманъ козацкій подчиняется прямо королю; 6) Жиды изгоняются изо всей Украйны; 7) Іеремія Вишневецкій никогда не долженъ быть гетманомъ коронным. Здѣсь для Поляковъ недоставало самаго главнаго пункта —

какое число будетъ козаковъ? Кисель спросилъ объ этомъ у Богдана, и тотъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ писать это въ договоръ? Найдется насъ и 100,000, будетъ столько, сколько я скажу». Коммиссары спросили о плѣнныхъ. «Это завоевано» отвѣчалъ Хмельницкій: «пусть король не думаетъ». Коммиссары возражали, что и поганые отпускаютъ плѣнныхъ, какъ же онъ, гетманъ, не хочетъ отпустить плѣнниковъ, будучи подданнымъ короля? Хмельницкій отвѣчалъ: «Нечего толковать! ихъ мнѣ Богъ далъ; отпущу ихъ, если никакой зацѣпки отъ Литвы и отъ Ляховъ не будетъ; пусть Потоцкій подождетъ брата своего, старосту Каменецкаго, который у меня Баръ мой городъ заѣхалъ на Подолѣ, кровь христіанскую льетъ: я приказалъ туда полкамъ двинуться и живьемъ привести къ себѣ Потоцкаго». — «Козаки дѣлаютъ то же самое» возражали коммиссары: «Въ Кіевѣ днемъ и ночью льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ; Ляховъ однихъ топятъ въ рѣкѣ, другихъ безчеловѣчно убиваютъ; все это дѣлаетъ Нечай, полковникъ Брацлавскій, и говоритъ, что имѣетъ на это твое приказаніе». Хмельницкій: «Не приказывалъ я убивать невинныхъ, а только тѣхъ, которые не хотятъ пристать къ намъ или креститься въ нашу вѣру. Вольно мнѣ тамъ рѣзать, мой Кіевъ, я воевода Кіевскій; далъ мнѣ его Богъ безъ сабли; нечего тутъ толковать». Кисель спросилъ его, согласенъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, заключить договоръ теперь же? Хмельницкій отвѣчалъ: «Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммиссія отложится до зеленыхъ святокъ (Троицына дня), когда будетъ трава, чтобъ было чѣмъ пасти лошадей, а до того времени пусть коронныя и Литовскія войска не входятъ въ Кіевское воеводство. Граница между нами Горынь и Припеть, а отъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ по Каменецъ». Коммиссары предложили было ему свои условія, но Хмельницкій зачеркнулъ ихъ, и такимъ образомъ заключено было только перемиріе до Троицына дня. Кисель однако продолжалъ свои увѣщанія, говорилъ о

непостоянствѣ счастія, прозрачнаго и хрупкаго какъ стекло; говорилъ какъ страшно для поддержанія вѣры православной искать покровительства Турокъ и Татаръ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы извести народъ Русскій; если Поляки, Литва и Русь будутъ губить другъ друга въ междоусобіяхъ, то сосѣдніе народы всѣхъ ихъ завоюютъ; наконецъ грозилъ мщеніемъ оскорбленнаго короля. Хмельницкій былъ тронутъ, но высказалъ необходимость войны, и противъ его причинъ не было возраженій: «Нельзя» отвѣчалъ онъ: «нельзя удержаться отъ войны; будемъ воевать, пока станетъ жизни и пока не добьемся вольности: лучше голову сложить, чѣмъ въ неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествуетъ правда. Короля почитаемъ какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти и не будемъ имъ друзьями никогда. Если они перестанутъ дѣлать зло, то миръ заключить не трудно: пусть утвердятъ статьи мои. Если же станутъ хитрить, то война неизбѣжна. Плѣнныхъ я выдамъ на коммиссіи. Скажите это королю; кромѣ написанныхъ условій ничего не будетъ». Кажется, за эти слова Польскіе историки не имѣли права обвинить Богдана въ неискренности; здѣсь его устами говорило все простонародье Украинское, Русское, и характеръ борьбы высказался ярко, борьбы, возгорѣвшейся отъ смертельной ненависти къ панамъ и шляхтѣ. Миръ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ для ограниченнаго въ числѣ козачества, но съ возобновленіемъ прежнихъ условій для хлоповъ былъ невозможенъ, какъ событія покажутъ намъ.

Коммиссарамъ не хотѣлось выѣхать изъ Переяславля безъ Польскихъ плѣнныхъ; они употребляли всѣ усилія, расточали просьбы и подарки, обѣщали по сту червонныхъ полковникамъ и писарямъ. Знали, что большимъ вліяніемъ пользуется обозный Чернота, и пошли къ нему съ подарками просить, чтобъ шелъ къ гетману и уговорилъ его отпустить плѣнниковъ. «Не пойду» отвѣчалъ Чернота: «я боленъ: вчера съ нимъ пили цѣлую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не со-

вѣтовалъ и не посовѣтую выпускать пташекъ изъ клѣтки; еслибъ я былъ здоровъ, то наврядъ и сами вы вышли бы отсюда».

На прощаніи коммиссаровъ съ гетманомъ плѣнныхъ привели; коммиссары опять стали просить объ ихъ освобожденіи, плѣнные бросились къ ногамъ Богдана, но ничто не помогло: «Пусть Потоцкій» сказалъ онъ: «подождетъ брата своего: тогда этого велю посадить на колъ передъ городомъ, а того въ городѣ: пусть глядятъ другъ на друга». Въ слѣдующихъ словахъ Хмельницкаго коммиссарамъ заключалась опять сущая правда: «Не знаю, какъ состоится вторая коммиссія, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысячъ реестроваго войска и не удовольствуются удѣльнымъ панствомъ своимъ; не самъ по себѣ я откладываю коммиссію, потому что не смѣю поступать противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю королевскую». На возвратномъ пути коммиссары также имѣли случай убѣдиться въ характерѣ борьбы: прислуга ихъ обоего пола, даже дѣвушки, переходила къ козакамъ. Въ Кіевѣ шляхтичи, шляхтянки и чернь католическаго исповѣданія бросились къ коммиссарамъ, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ уйти изъ города; но козаки бросились за ними и не пустили, многихъ ободрали, били и топили. Въ Бѣлгородкѣ ночлегъ былъ не безопасенъ, потому что здѣсь преслѣдовали католиковъ. «Должно знать» писалъ одинъ изъ коммиссаровъ: «что чернь вооружается, увлекаясь свободою отъ работъ, податей, и желая навѣки избавиться отъ пановъ. Во всѣхъ городахъ и деревняхъ Хмельницкій набираетъ козаковъ, а нежелающихъ хватаютъ насильно, бьютъ, топятъ, грабятъ; гораздо большая половина желаетъ покоя и молитъ Бога объ отмщеніи Хмельницкому за своеволіе. Хмельницкій не надѣется долго жить, и дѣйствительно онъ имѣетъ между своими приближенными заклятыхъ враговъ. Онъ закопалъ въ Чигиринѣ нѣсколько бочекъ серебра, имѣетъ 130 Турецкихъ коней, 24 сундука съ дорогимъ платьемъ. Украйна наполнена Пилявскою добычею; ее преимущественно

скупаютъ Москвитяне въ Кіевѣ, также по городамъ на рынкахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Одинъ Кіевскій мѣщанинъ купилъ у козака за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, какой только можно было донести мужику».

Если Хмельницкій не могъ принять условій, предложенныхъ ему Польскимъ правительствомъ, то послѣднее, безъ крайней необходимости, не попытавшись, при болѣе счастливыхъ теперь обстоятельствахъ, оружіемъ усмирить хлоповъ, не могло согласиться на условія Хмельницкаго, и обѣ стороны воспользовались перемиріемъ только для того, чтобъ собраться съ новыми силами къ войнѣ; да и перемиріе было плохо сдерживаемо съ обѣихъ сторонъ. Поляки поняли наконецъ, что миръ или война не зависятъ отъ Хмельницкаго: въ Апрѣлѣ писали изъ Волыни: «Чернь до того разсвирѣпѣла, что рѣшилась или истреблять шляхту или сама гибнуть». Все поднялось въ казаки: «У Хмельницкаго» говоритъ очевидецъ: «было безчисленное войско, потому что въ иномъ полку было козачества больше двадцати тысячъ, что село, то сотникъ, а въ иной сотнѣ человѣкъ съ тысячу народа. Все, что было живо, поднялось въ козачество; едва можно было найти въ селахъ семью, изъ которой кто-нибудь не пошелъ бы на войну: если отецъ не могъ идти, то посылалъ сына или паробка, а въ иныхъ семьяхъ всѣ взрослые мужчины пошли, оставивши только одного дома; все это дѣлалось по тому, что прошлаго года очень обогатились грабежемъ имѣній шляхетскихъ и жидовскихъ. Даже въ городахъ, гдѣ было право Магдебургское, бурмистры и райцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли къ войску». Кромѣ этого многочисленнаго своенароднаго ополченія Хмельницкій ждалъ еще хана Крымскаго съ ордою, ждалъ Турокъ, ждалъ Донцовъ, отправилъ въ Москву Чигиринскаго полковника Вешняка, который въ Маѣ подалъ царю грамоту: «Насъ, слугъ своихъ» писалъ Богданъ: «до милости царскаго своего величества прими и благослови рати своей наступить на вра-

говъ нашихъ, а мы въ Божій часъ отсюда на нихъ пойдемъ. Вашему царскому величеству низко бьемъ челомъ: отъ милости своей не отдаляй насъ, а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ ваше царское величество, какъ правдивый и православный государь, надъ нами царемъ и самодержцемъ былъ». Царь отвѣчалъ, что вѣчнаго докончанія съ Поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя гетмана и все войско Запорожское освободитъ, то мы тебя и все войско пожалуемъ, подъ нашу высокую руку принять велимъ». Долго было дожидаться этого освобожденія; королевское величество собиралъ войско, но въ войскѣ этомъ между воеводами несогласіе, между ратными людьми неусердіе къ дѣлу; противъ Русскихъ, которые бились за вѣру, за свободу, одушевлялись ненавистію къ притѣснителямъ и воспоминаніемъ о недавнемъ громадномъ успѣхѣ, о добычѣ богатой, противъ этихъ Русскихъ Поляки выставили иноземцевъ наемныхъ, правда искусныхъ и храбрыхъ, надежныхъ въ бою противъ толпы неокуренной порохомъ, но покидающихъ знамена какъ только задерживалось жалованье; войско своеземное подражало въ этомъ отношеніи иноземцамъ: «Денегъ, денегъ, какъ можно скорѣе денегъ!» писали изъ Польскаго лагеря: «оставляютъ хоругви не только рекруты, но и товарищество, такъ что въ иныхъ отрядахъ находится на-лицо не болѣе половины людей, и даже менѣе. Иностранное войско сильно уменьшается; ратныхъ людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостію законовъ, а только деньгами»; и тутъ же читаемъ слѣдующія слова: «очень трудно достать шпіона между этою Русью: все измѣнники! а ежели добудутъ языка, то хоть жги, правды не скажетъ».

Какъ скоро трава показалась въ полѣ, стали сбираться хлопы подъ Кіевъ, подступили къ Днѣпровскому перевозу въ числѣ 1080 человѣкъ, а въ Кіевѣ ждалъ ихъ козакъ бывалый, мѣщанинъ Полегенькій, съ которымъ было все улажено: по данному знаку Кіевъ обступили со всѣхъ сторонъ, и на улицахъ началась потѣха: начали разбивать католическіе

монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монаховъ и ксендзовъ волочили по улицамъ, за шляхтою гонялись как за зайцами, съ торжествомъ великимъ и смѣхомъ хватали ихъ и побивали. Набравши на челны 113 человѣкъ ксендзовъ, шляхтичей и шляхтянокъ съ дѣтьми, побросали въ воду, запретивши подъ смертною казнію, чтобъ ни одинъ мѣщанинъ не смѣлъ укрывать шляхту въ своемъ домѣ, и вотъ испуганные мѣщане погнали несчастныхъ изъ домовъ своихъ на вѣрную смерть; тѣла убитыхъ отдавались собакамъ. Ворвались и въ склепы, гдѣ хоронили мертвыхъ, трупы выбросили собакамъ, а которые еще были цѣлы, тѣ поставили по угламъ, подперши палками и вложивши книжки въ руки. Три дня гуляли козаки и отправили на тотъ свѣтъ 300 душъ: спаслись только тѣ шляхтичи, которые успѣли скрыться въ православныхъ монастыряхъ.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно, поджидая хана; Исламъ-Гирей соединился съ нимъ въ Іюнѣ 1649 года; присоединилось и 6,000 Турокъ, пріѣхали и Донцы. 29 Іюня войска Хмельницкаго встрѣтили подъ Збаражемъ Польское войско, бывшее подъ начальствомъ Фирлея и Вишневецкаго. Поляки окопались въ лагерѣ и болѣе мѣсяца отбивались отъ осаждающихъ, козаковъ и Татаръ, терпя голодъ. Въ началѣ Августа Хмельницкій узналъ, что самъ король Янъ Казимиръ съ главнымъ войскомъ стоитъ подъ Зборовымъ, и, оставивъ пѣхоту держать попрежнему въ осадѣ Фирлея и Вишневецкаго подъ Збаражемъ, самъ съ конницею и съ ханомъ отправился къ Зборову; 5 Августа дѣло началось сильнымъ пораженіемъ Поляковъ, не ожидавшихъ нападенія; къ ночи они были окружены со всѣхъ сторонъ. Тогда канцлеръ Оссолинскій придумалъ средство спасенія—отдѣлить хана отъ Хмельницкаго. Янъ Казимиръ послалъ объявить Исламъ-Гирею свою пріязнь и напомнить о благодѣяніяхъ покойнаго короля Владислава, который нѣкогда выпустилъ Ислама изъ плѣна; ханъ отвѣчалъ, что готовъ вступить въ переговоры; Хмельницкій писалъ королю, что никогда,

отъ колыбели до сѣдинъ, не замышлялъ мятежа противъ него; что не изъ гордости, но вынужденный безмѣрными бѣдствіями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовскаго, прибѣгнулъ онъ къ ногамъ великаго хана Крымскаго, чтобъ при его содѣйствіи возвратить милость и благосклонность королевскую; изъявлялъ готовность уступить свою власть новому гетману, котораго незадолго передъ тѣмъ назначилъ король, объявивъ Хмельницкаго лишеннымъ булавы за мятежъ. 9 Августа заключенъ былъ договоръ: ханъ взялъ съ короля обязательство прислать въ Крымъ единовременно 200,000 злотыхъ и потомъ присылать ежегодно по 90,000, а для своего союзника, Хмельницкаго, выговорилъ слѣдующія условія: 1) число войска Запорожскаго будетъ простираться до 40,000 человѣкъ и составленіе списковъ поручается гетману; позволяется вписывать въ козаки какъ изъ шляхетскихъ, такъ и изъ королевскихъ имѣній, начавши отъ Днѣпра, на правой сторонѣ въ Димерѣ, въ Горностайполѣ, Корыстышовѣ, Паволочѣ, Погребищѣ, Прилукѣ, Винницѣ, Браславлѣ, Ямполѣ, въ Могилевѣ, до Днѣстра, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ, даже до Московскаго рубежа. 2) Чигиринъ съ округомъ долженъ всегда находиться во владѣніи гетмана Запорожскаго. 3) Прощеніе козакамъ и шляхтѣ, которая соединилась съ козаками. 5) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить реестровые козаки, короныя войска не могутъ занимать квартиръ. 5) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться козацкіе полки, Жиды не будутъ терпимы. 6) Объ уніи, о церквахъ и имѣніяхъ ихъ будетъ сдѣлано постановленіе на будущемъ сеймѣ; король позволяетъ, чтобъ Кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ. 7) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ король обѣщаетъ раздавать только тамошней шляхтѣ Греческой вѣры. 8) Іезуиты не могутъ находиться въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть школы Русскія, которыя всѣ должны оставаться въ цѣлости. 10 Августа Хмельницкій представился Яну Казимиру и, ставши на одно колѣ-

но, произнесъ рѣчь, въ которой повторилъ, что у него и въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ короля, но что козаки возстали противъ шляхетства, которое угнетало ихъ какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ. Янъ Казимиръ далъ ему поцѣловать руку, а Литовскій подканцлеръ прочелъ ему наставленіе, чтобъ вѣрностію и радѣніемъ загладилъ свое преступленіе. На другой день войска разошлись [48].

Въ то время, когда на Украйнѣ происходила борьба, въ Москвѣ находились въ тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ Іюлѣ 1649 года распорядились такимъ образомъ: Черкасъ, которые изъ Литовской стороны придутъ въ Путивль на государево имя, принимать и устроивать въ службу отъ Крымской стороны, а въ городахъ, которые отъ Литовской стороны, быть имъ нельзя, потому что отъ этого можно поссориться съ Польшею, да и самимъ Черкасамъ жить въ этихъ порубежныхъ городахъ отъ Поляковъ опасно; принимать Черкасъ женатыхъ и семьянистыхъ, а одинокихъ, у которыхъ племени въ выходцахъ не будетъ, не принимать, сказывать имъ, чтобъ шли на Донъ, для чего давать имъ прохожія памяти [49]. Пришла вѣсть о торжествѣ Хмельницкаго, о Зборовскомъ договорѣ. Царь приказалъ Путивльскимъ воеводамъ, князю Семену Прозоровскому съ товарищами, немедленно послать за рубежъ для провѣдыванія вѣрныхъ вѣстей. Воеводы отправили двоихъ Путивльцевъ прямо къ Хмельницкому требовать наказанія Конотопскому городовому атаману, котрый въ своей грамотѣ написалъ имя великаго государя не по пригожу, жаловаться на Литовцевъ, захватывающихъ Русскія земли. Богданъ принялъ воеводскихъ посланцевъ не очень учтиво. Прочтя грамоту, онъ сказалъ: «Не поспѣлъ я изъ обоза пріѣхать, а съ государевой стороны уже начали пріѣзжать съ жалобами»; и когда посланцы пришли на другой день, то Богданъ началъ ихъ бранить: «Ѣздите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждутъ меня къ себѣ въ гости въ Путивль скоро; иду я войною тотчасъ на Московское государ-

ство; вы о дубьѣ да о пасекахъ хлопочите, а я всѣ города Московскіе и Москву сломаю; кто на Москвѣ сидитъ, я тотъ отъ меня на Москвѣ не отсидится, за то, что не помогъ онъ мнѣ ратными людьми на Поляковъ; я съ ними не мирился и креста не цѣловалъ, а который король Польскій мирился и крестъ цѣловалъ, тотъ умеръ; говорю я вамъ не тайно, подлинно иду на Московское государство войною. Довелось васъ казнить смертію; но я вамъ эту казнь отдаю, получше васъ королевскіе послы—и тѣхъ я казнилъ». Посланцы доносили, что во всѣхъ городахъ козаки явно толкуютъ о войнѣ на Московское государство. Но самъ Богданъ отвѣчалъ письменно Путивльскимъ воеводамъ, чтобъ они не сердились на Конотопскаго атамана, человѣка простаго и неписьменнаго; что же касается до убытковъ, сдѣланныхъ Литовскими людьми Русскимъ, то онъ уже послалъ приказъ заплатить за нихъ. Въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ Богданъ и Брянскому воеводѣ князю Мещерскому на подобныя же жалобы: «Кто станетъ съ нашей стороны чинить неправду, такимъ своевольникамъ приказали мы головы рубить, а мы всегда со всѣмъ войскомъ нашимъ Запорожскимъ, какъ христіане съ христіанами, любви и пріязни желаемъ». Посланцамъ Брянскаго воеводы гетманъ говорилъ: «Говорилъ мнѣ Крымскій царь, чтобъ идти мнѣ съ нимъ заодно Московское государство воевать; но я Московское государство воевать не хочу, и Крымскаго царя уговорилъ, чтобъ Московское государство не воевать. Я великому государю готовъ служить, гдѣ ни прикажетъ. Не того мнѣ хотѣлось и не такъ было тому быть, да не захотѣлъ государь, не пожаловалъ, помощи намъ христіанамъ не далъ на враговъ, а они Ляхи поганые, разныя у нихъ вѣры, и стоятъ заодно на насъ христіанъ». Говоря это, Хмельницкій заплакалъ [50]. Получивши такія различныя донесенія, государь запретилъ Путивльскимъ воеводамъ сноситься съ Богданомъ и отправилъ къ нему своего посланника, Григорія Неронова, который въ Октябрѣ пріѣхалъ къ Хмельницкому съ такими рѣ-

чами: «Вѣдомо великому государю учинилось: Крымскій ханъ хвалился предъ тобою, что весною хочетъ идти на украинскіе города Московскаго государства, и ты, гетманъ, служа великому государю, хану отговорилъ: царское величество тебя за эту твою службу и радѣнье жалуетъ, милостиво похваляетъ; ты бъ впредь за православную вѣру стоялъ, царскому величеству служилъ, служба ваша въ забвеньи никогда не будетъ». Гетманъ отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ было. За обѣдомъ, какъ обыкновенно бывало, Богданъ сталъ высказывать, что у него было на сердцѣ: «Царскаго величества подданные Донскіе козаки учинили мнѣ бѣду и досаду великую: какъ началась у меня съ Ляхами война, то я къ Донскимъ козакамъ писалъ, чтобъ они помощь мнѣ дали и на море для добычи и на Крымскіе улусы войною не ходили: но Донскіе козаки моего письма не послушали, на Крымскіе улусы приходили; такъ я Крымскому царю хочу помочь, чтобъ Донскихъ козаковъ впередъ не было; Донскіе козаки дѣлаютъ забывъ Бога и православную вѣру, помощи мнѣ не дали и Крымскаго царя со мною ссорятъ; да и царское величество помощи мнѣ не подалъ и за христіанскую вѣру не вступился; а если царское величество меня не пожалуетъ, будетъ за Донскихъ козаковъ стоять, то я вмѣстѣ съ Крымскимъ царемъ буду наступать на Московскія украйны». Богданъ сильно расходился; но Нероновъ, не смутясь, отвѣчалъ ему по Московскому обычаю: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много Запорожскихъ козаковъ; тебѣ, гетману, такихъ рѣчей не только говорить, и мыслить о томъ непригоже. Царское величество съ панами радными, по ихъ присылкѣ, не соединился на козаковъ, и въ смутное ваше время, когда въ Черкасскихъ городахъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, и соли, за войною, привоза не было, государь хлѣбъ и соль въ своихъ городахъ вамъ покупать позволилъ, и все войско Запорожское пожаловалъ, съ торговыхъ людей вашихъ, которые пріѣзжаютъ въ наши порубежные города съ товарами, пошлинъ брать

не велѣлъ: это великаго государя къ тебѣ и войску Запорожскому большая милость и безъ ратныхъ людей!» Богданъ притихъ и отвѣчалъ: «Передъ Восточнымъ государемъ и свѣтиломъ Русскимъ виноватъ я, слуга и холопъ его; такое слово выговорилъ съ сердца, потому что досадили мнѣ Донскіе козаки, а государева милость ко мнѣ и ко всему Запорожскому войску большая: въ хлѣбный недородъ насъ съ голоду не поморилъ, велѣлъ насъ въ такое злое время прокормить, и многія православныя души его царскимъ жалованьемъ отъ смерти освободились; государь бы меня пожаловалъ, вину мою, что выговорилъ непригожее слово, простилъ, а я эту вину стану покрывать своею службою; я на православную вѣру не посягатель, Донскимъ козакамъ мстить не буду и съ Крымскимъ царемъ ихъ помирю». Отпуская посла, Хмельницкій говорилъ: «Какъ я призывалъ Крымскаго царя на помощь, то закрѣпили мы между собою душами —другъ на друга войною не приходить и другъ другу помогать; да Крымскій царь мнѣ говорилъ: «Какъ намъ Богъ помощь свою дастъ и Ляховъ побьемъ, то кого ты, гетманъ, надъ собою и войскомъ Запорожскимъ хочешь государемъ имѣть, тому и я буду служить». И какъ я, гетманъ, писалъ къ великому государю, чтобъ принялъ меня подъ свою высокую руку, то Крымскій царь мнѣ говорилъ, что хочетъ и онъ великаго государя надъ собою государемъ имѣть и со всею ордою. Господь Богъ тому нынѣ быть еще не изволилъ, но приходитъ теперь то время, что всѣ басурманскія и иныхъ вѣръ государства будутъ за православнымъ Восточнымъ великимъ государемъ вскорѣ, только не знаю, велитъ ли Богъ мнѣ до того времени дожить или нѣтъ». Практическій Москаль выразилъ сомнѣніе: «Это дѣло нестаточное» сказалъ Нероновъ: «что Крымскій царь хотѣлъ имѣть надъ собою великаго государя нашего, потому что Крымскій царь живетъ въ подданствѣ у Турскаго царя». Богданъ отвѣчалъ: «Крымскихъ царей прежде Турскій царь перемѣнялъ часто и боялись Турскаго въ Крыму, а теперь самъ Турскій царь боит-

ся Крымскаго царя и великаго войска Запорожскаго, и никакой воли Турской царь надъ Крымскимъ не имѣетъ». Потомъ продолжалъ: «Если Ляхи на правдѣ своей не устоятъ, то я имъ этого не попущу, а если Господъ Богъ насъ не помилуетъ, выдастъ въ поруганье проклятымъ Ляхамъ, и стоять мнѣ противъ Ляховъ будетъ не въ силу, то я съ войскомъ Запорожскимъ на царскую милость надеженъ, отступлю я съ войскомъ Запорожскимъ отъ проклятыхъ Ляховъ въ царскаго величества сторону, а въ иныя государства переходить мысли у меня нѣтъ. А если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ Ляховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско инаго государя, кромѣ великаго государя свѣтила Русскаго, имѣть не будемъ; а я думаю, что Ляхамъ на правдѣ своей не устоять и на сеймѣ договорныхъ статей не закрѣплять и войну противъ войска Запорожскаго начинать». *Нероновъ*: «Въ вѣчномъ докончанiи о перебѣжчикахъ не написано, и послѣ вѣчнаго докончанiя на обѣ стороны переходить вольно». *Хмельницкій*: «Если Ляхи со мною договорныя статьи на сеймѣ совершатъ, то великому государю было бы вѣдомо, что, сложась съ Крымскимъ царемъ, съ Волохами, Сербами и Молдаванами, хочу промышлять надъ Турскимъ царемъ; Крымскій царь, Волохи, Сербы и Молдаване и Бѣлогородскiе (Акерманскiе) князья ко мнѣ объ этомъ безпрестанно присылаютъ, и теперь у меня изготовлено на Днѣпрѣ подъ Койдакомъ 300 струговъ, да велѣлъ еще прибавить 200, а самъ пойду съ большими силами сухимъ путемъ на Бѣлгородъ, въ Турской землѣ мнѣ и войску Запорожскому зипунъ добыть есть гдѣ».

Проѣзжая чрезъ Малороссійскiе горда, Нероновъ прислушивался къ народному говору и вотъ какiя вѣсти привезъ въ Москву: всякихъ чиновъ люди говорятъ, что они отъ войны и разоренья погибаютъ, кровь льется безпрестанно, за войною, хлѣба пахать и сѣна косить имъ стало некогда, помираютъ они голодною смертiю и молятъ Бога, чтобъ великій государь надъ ними былъ государемъ; а иные многiе хотятъ и

теперь въ государеву сторону перейти. Государство Московское хвалятъ: въ Московскомъ, говорятъ, государствѣ великій государь православной христіанской вѣры, и подданные его всѣ православные жь христіане, и войны въ Московскомъ государствѣ нѣтъ и впередъ не будетъ, потому что вѣра православная одна; а у нихъ и прежде съ Ляхами за вѣру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя они съ Ляхами и помирятся, потому что они теперь Ляховъ осилили и Ляхи имъ теперь уступаютъ во всемъ, но потомъ Ляхи надъ ними станутъ промышлять и за нынѣшнюю войну мстить; знаютъ они подлинно, что Ляхи противъ нихъ войну начнутъ [51].

Нероновъ познакомился въ Чигиринѣ и съ писаремъ войска Запорожскаго, Иваномъ Выговскимъ. Выговскій былъ шляхтичъ православной вѣры и служилъ прежде канцеляристомъ въ Кіевѣ, за растерю книгъ былъ приговоренъ къ смертной казни, освободился отъ нея заступленіемъ пановъ, послѣ чего юридическое поприще ему опротивѣло и онъ пошелъ въ военную службу. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ писаремъ при Польскомъ козацкомъ коммиссарѣ. Въ битвѣ при Желтыхъ-Водахъ Выговскій попался въ плѣнъ къ козакамъ, но, какъ православный, не былъ убитъ, а взятъ Хмельницкимъ для письменныхъ дѣлъ. Здѣсь, какъ обыкновено бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчиненіе, умѣло взять верхъ надъ саблей, и ловкій канцеляристъ Выговскій пріобрѣлъ большое вліяніе въ войскѣ и надъ самимъ Богданомъ, отклоняя вредныя слѣдствія его вспыльчивости за горѣлкою. Притворяясь поневолѣ козакомъ, Выговскій оставался въ душѣ шляхтичемъ, т.-е. врагомъ козачества, и не переставалъ питать привязанности къ Польшѣ, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускалъ случая служить панамъ, увѣдомляя ихъ объ опасности отъ хлопства. Предвидя, что рано или поздно козакамъ не уйти отъ подданства Московскаго, Выговскій былъ очень любезенъ съ послами Московскими, тѣмъ болѣе, что они за эту любез-

ность платили соболями. Нероновъ доносилъ, что онъ далъ лишніе соболи Выговскому, ибо тотъ сообщилъ ему списокъ Зборовскихъ статей и про иныя дѣла разсказывалъ.

Въ Малороссіи гетманъ и народъ были далеки отъ увѣренности, что Зборовскій договоръ можетъ быть продолжителенъ; легко понять, что въ Польшѣ было еще больше неудовольствія. Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень дурно; сеймъ хотя подтвердилъ вообще Зборовскій договоръ, но духовенство рѣшительно отказалось выполнить одну изъ главныхъ статей его — дать среди себя мѣсто Кіевскому православному митрополиту, и Сельвестръ Коссовъ выѣхалъ ни съ чемъ изъ Варшавы, куда было пріѣхалъ для засѣданія въ сенатѣ. Съ своей стороны, Хмельницкій не имѣлъ никакой возможности соблюсти въ точности договоръ, ибо для этого соблюденія долженъ былъ, ограничивъ число козаковъ, поворотить гайдамаковъ въ крестьянъ, заставить ихъ повиноваться панамъ, которыхъ они выгнали, наслѣдникамъ тѣхъ, которыхъ они замучили. Начались опять волненія хлопства; шляхта, возвратившись въ Украйну, не могла жить въ своихъ владѣніяхъ и помирала съ голоду; Хмельницкій долженъ былъ свирѣпствовать противъ тѣхъ, кого недавно называлъ своими вѣрными союзниками. Но строгости не помогали, и Хмельницкій, видя, что прежніе союзники могутъ сдѣлаться теперь опасными для него врагами, объявилъ, что въ реестръ принимать больше нельзя, но всякій можетъ быть охочимъ козакомъ. Онъ говорилъ Киселю, назначенному Кіевскимъ воеводою: «Поляки поддѣли меня: по ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить никакъ нельзя. Только 40,000 козаковъ! Но что мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на Поляковъ все-таки поднимутся». 20 Марта 1650 года Хмельницкій писалъ королю: «Посылаемъ войсковые реестры и просимъ вашу королевскую милость извинить, если покажется, что, по статьямъ Зборовскаго договора, слѣдовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и такъ имѣли

большія затрудненія при опредѣленіи числа нашего войска. Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ-пановъ своихъ, наказаны по мѣрѣ вины. Мы и впредь, сносясь съ воеводою Кіевскимъ, будемъ стараться свято охранять покой, преграждая непокорнымъ путь ко всякимъ мятежамъ. О томъ только просимъ вашу королевскую милость, чтобъ войска коронныя не приближались и тѣмъ не причиняли тревоги въ народѣ. Еще разъ просимъ, чтобъ не было больше разъединенія въ нашей Греческой религіи, и чтобъ по смерти властей уніатскихъ, владѣющихъ церквами и церковными имѣніями по привилегіямъ покойнаго короля, всѣ церкви и имѣнія отданы были нашему духовенству». Кисель въ письмѣ къ королю хвалитъ поведеніе Хмельницкаго и старшинъ козацкихъ, но прибавляетъ: «Одна только чернь, исключенная изъ реестровъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобъ избавиться отъ подчиненности своимъ панамъ: одни продаютъ себя и, растративъ все, поступаютъ къ козакамъ погонщиками и прислужниками; другіе уходятъ за Днѣпръ со всѣмъ имѣніемъ, а нѣкоторые (и такихъ наименьшая часть) уже кланяются панамъ своимъ. Еслибъ я не видалъ такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь, еслибъ могъ видѣть расторженіе союза орды съ козаками, и еслибъ войско наше могло прійти сюда прежде вскрытія рѣкъ, то просилъ бы униженно вашу королевскую милость прибѣгнуть къ оружію, принимая во вниманіе униженіе, которое мы терпимъ въ мирѣ, похожемъ на рабство; лучше попытаться начать войну, чѣмъ имѣть подданныхъ и не владѣть ими. Если нуженъ поводъ къ войнѣ, то республика всегда можетъ имѣть его, какъ только будетъ готова. Если даже они будутъ желать оставить насъ въ мирѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но несообразенъ съ самымъ договоромъ, заключеннымъ съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно возстановленіе католическаго богослуженія и подданство прибыльное панамъ, не

скоро могутъ придти въ свою колею, потому что они не хотятъ платить никакихъ податей, а желаютъ быть крестьянами только по имени. Признаюсь чистосердечно, что такой миръ мнѣ не по сердцу». Не по сердцу былъ онъ и всей шляхтѣ въ шляхетскомъ государствѣ [52].

Невозможностію сохраненія мира между козаками и Польшею хотѣла воспользоваться Москва. Въ Генварѣ 1650 года отправлены были въ Варшаву бояринъ Гаврила Пушкинъ, окольничій Степанъ Пушкинъ и дьякъ Гаврила Леонтьевъ. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы прежде всего объявили требованіе, чтобъ по вѣчному докончанію были наказаны всѣ тѣ, которые неправильно писали титулъ великаго государя. Паны отвѣчали, что для кончины блаженной памяти двухъ государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дѣла надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощаютъ людей, противъ него виновныхъ; при новомъ же королѣ Янѣ Казимирѣ никогда подобныхъ ошибокъ въ титулѣ не будетъ. Послы возражали, что паны говорятъ это, оставя Божій страхъ и людской стыдъ, и спросили, а что будетъ тѣмъ, которые и при королѣ Янѣ Казимирѣ будутъ неправильно писать титулъ? Паны отвѣчали, что ихъ непремѣнно будутъ казнить безъ всякой пощады; тогда послы потребовали, чтобъ паны дали о томъ на себя утвержденье крѣпкое за своими руками и печатями. Паны, доложивши объ этомъ королю, передали посламъ отвѣтъ королевскій, что виновные въ умаленіи титула будутъ позваны на будущій сеймъ и наказаны по праву Польскому, а утвержденье на этотъ счетъ король дать имъ, панамъ, не позволилъ. Послы, стоя о томъ гораздо, говоря и споря пространными рѣчами, не могли добиться ничего другаго, и перешли къ жалобѣ на новое оскорбленіе, злѣе прежняго: по повелѣнію короля Яна Казимира, въ первый годъ его царствованія, напечатаны въ Польшѣ многія книги и разнесены въ Московское царство и во всѣ окрестныя государства; въ этихъ книгахъ напечатано многое безчестье и укоризна отцу великаго государя, царю

Михаилу Θеодоровичу, самому царю Алекѣю Михайловичу, боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ, чего по вѣчному докончанью и посольскимъ договорамъ не только печатать, и помыслить нельзя, отъ Бога въ грѣхъ и отъ людей въ стыдъ. Одна книга напечатана въ Краковѣ въ 1648 году Яномъ Александромъ Горчиномъ. Напечатано въ этой книгѣ мимо всякой правды, будто Смоленскъ, который обманомъ былъ взятъ и сто лѣтъ жестокостію Московскою притѣсняемъ, королевскаго величества побѣдою освобожденъ; Московскаго царя и братьевъ его выи и гордую упорность король подъ ноги свои подклонилъ; потомъ Владиславъ Московское государство разорилъ такъ, что до сихъ поръ не можетъ оправиться, и другія многія поносныя статьи про Московское государство и про Смоленскую службу напечатаны. Въ другой книгѣ, которая напечатана въ 1643 году на Латинскомъ языкѣ въ Данцигѣ, около лика Владиславова противъ лѣвой руки написано: «Московія покорна учинена»; потомъ напечатано, что Владиславъ союзопреступныхъ Москвитянъ подъ Смоленскомъ осадилъ и въ такое отчаяніе ихъ привелъ, что жизнь и смерть всего войска въ его волѣ были, и Москвитяне, трижды преклонивъ колѣна свои, милости просили. Напечатано, что Москвитяне только по имени слывутъ христіанами, а дѣломъ и обычаемъ хуже варваровъ; что Михаилъ Θеодоровичъ былъ возведенъ на престолъ людьми непостоянными. Въ третьей книгѣ о житіи и славныхъ побѣдахъ Владислава, напечатанной въ 1649 году, также находятся царскому величеству и Московскому государству безчестья съ великою укоризною, напримѣръ: «бѣдная Москва» и другія многія хульныя слова, что и писать стыдно; Михаилъ Θеодоровичъ Московскій написанъ мучителемъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ написанъ трубачемъ. Наконецъ въ Польской печатной книгѣ о Черкасской войнѣ 1649 года сказано, что Венгринъ и Москвитинъ изъ сосѣдей и пріятелей въ сторону скакнули: за такимъ крѣпкимъ утвержденьемъ и вѣчнымъ докончаньемъ такихъ неистовыхъ и поносныхъ словъ про

великаго государя нашего и про все Московское государство не только въ книгахъ печатать, и мыслить не годилось, великаго государя безчестить, Москвитиномъ называть и ссоры въ людей вмѣщать, будто со стороны царскаго величества есть причина къ нарушенію вѣчнаго докончанія; на такое злое дѣло вы, паны радные, какъ дерзнули? какъ смѣли такія злыя досады и грубости износить? Да и то мы, великіе послы, вамъ, панамъ раднымъ, объявляемъ: когда Черкасскій гетманъ землю королевскаго величества плѣнилъ, то присылалъ къ великому государю бить челомъ, чтобъ принялъ его со всѣми городами подъ свою высокую руку, потому что Запорожскіе Черкасы православной вѣры и отъ государя вашего и отъ всей рѣчи посполитой за вѣру всегда въ гоненіи пребываютъ и смертно страждутъ. Но великій государь нашъ, не хотя кровопролитія и нарушенія вѣчному докончанію, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкаго подъ свою высокую руку не принялъ, ожидаетъ отъ васъ въ великихъ неправдахъ исправленья. Если же не исправитесь, то великій государь нашъ велитъ учинить въ Москвѣ соборъ, на соборѣ велитъ быть патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и всему освященному собору, боярамъ, всему синклиту и всякихъ чиновъ людямъ, королевскія неправды на соборѣ велитъ вычесть, вычтя, пойдетъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ въ соборную церковь, куда велитъ передъ собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидѣтельство нарушенія вѣчнаго докончанія съ королевской стороны, велитъ положить эту грамоту передъ образомъ Спасовымъ и Пречистой Богородицы, и, соверша молебное пѣніе о нарушителяхъ вѣчнаго докончанія, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего Московскаго государства стоять будетъ сколько ему милосердый Богъ помощи подастъ, и во всѣ окрестныя государства христіанскія и басурманскія о вашихъ неправдахъ велитъ отписать подлинно, и всѣ окрестные государи царскому величеству помогать будутъ людьми и денежною казною; а

про которыхъ великихъ государей въ тѣхъ вашихъ книгахъ напечатано не по пригожу, тѣ за свое безчестье станутъ сообща съ нашимъ великимъ государемъ на корону Польскую и великое княжество Литовское. Да и въ города королевскіе и къ Черкасскому гетману Богдану Хмельницкому и ко всему Черкасскому войску о тѣхъ вашихъ неправдахъ великій государь велитъ отписать, и городскіе всякихъ чиновъ люди и Запорожское войско сами на васъ возстанутъ. Если же король хочетъ сохранить миръ, то за такое безчестье великихъ государей пусть уступитъ тѣ города, которые отданы были царемъ Михаиломъ королю Владиславу, пусть казнитъ смертію гетмана Вишневецкаго и всякихъ чиновъ людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за безчестье бояръ и всякихъ чиновъ людей пусть заплатитъ 500,000 золотыхъ червонныхъ. Въ вашихъ книгахъ напечатано: «пусть Московія исподоволь возрастаетъ, чтобъ тѣмъ съ большею силою въ конецъ разрушиться»; вы дали нашимъ людямъ сроку до тѣхъ поръ, пока размножатся: и теперь ихъ родилось и подросло много сотъ тысячъ, ратному рыцарскому строю изучены и у великаго государя безпрестанно милости просятъ, чтобъ позволилъ идти на непріятелей, которые безчестятъ великихъ государей нашихъ, а насъ называютъ худыми людьми и побирахами.

Паны, выслушавши такія грозныя рѣчи, стали въ великомъ сомнѣньи, приложили руки свои къ себѣ и говорили: «Въ вашемъ посольскомъ письмѣ написано много непригожаго дѣла и неприличныхъ рѣчей, донесемъ объ немъ королевскому величеству». Каштелянъ Гнѣзненскій, Янъ Лещинскій, сказалъ: «Про эти книги знали мы давно; только вамъ, царскаго величества посламъ, до тѣхъ книгъ дѣла нѣтъ». Послы отвѣчали: «Такъ ваша явная неправда, что, зная такія воровскія книги, тѣхъ воровъ, кто ихъ печаталъ, не велѣли казнить смертью, а книгъ сжечь». Послѣ долгихъ споровъ послы вышли изъ отвѣтной палаты. Въ слѣдующее засѣданье паны начали говорить: «Королевское величество и мы, паны

радные, думаемъ, что вы, великіе послы, такія многія негодныя статьи написали безъ повелѣнія великаго государя своего, затѣвая ссору, потому что на посольствѣ у королевскаго величества вы говорили только о братской дружбѣ и любви, о покоѣ и тишинѣ и о всякомъ добрѣ. Король къ брату своему, великому государю вашему, хочетъ послать гонца съ объявленіемъ о вашемъ къ доброму дѣлу несходствѣ, что вы написали все къ нарушенью вѣчнаго покоя, домогаетесь того, о чемъ мы и слышать не хотимъ, требуете городовъ да денегъ, хотите честь государя своего продать».

Послы отвѣчали: «Удивляемся, что вы, паны радные, насъ, великихъ пословъ, безчестите, говорите, что мы пишемъ безъ повелѣнья государя своего; быть можетъ, вы сами такъ дѣлаете безъ повелѣнія королевскаго, потому и про насъ такъ говорите; а мы и самаго малаго дѣла безъ наказа государева дѣлать не смѣемъ». Паны: «Мы васъ ничѣмъ не безчестимъ и безчестить не хотимъ; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вѣчное докончаніе по причинѣ малыхъ и негодныхъ статей, что напечатали глупые и неподобные люди о давнихъ дѣлахъ въ государствѣ вашемъ. Король и мы книгъ печатать не заставляемъ и не запрещаемъ: который печатникъ напечатаетъ въ книгѣ хорошо, справедливо, и мы то хвалимъ; а если глупцы напечатаютъ чтó дурно, негодно и лживо, надъ тѣмъ мы, паны радные, смѣемся. Если же книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать будетъ непочему. Печатники печатаютъ не только о прежнихъ дѣлахъ Московскаго государства, но и другихъ окрестныхъ государствъ, точно также про Польшу и Литву. Да и въ окрестныхъ государствахъ про Московское государство пишутъ, доброе хвалятъ, дурное укоряютъ; тóчно также о Польшѣ и Литвѣ много безчестья печатаютъ, однако король и мы за безчестье того себѣ не ставимъ. Пусть великій государь вашъ велитъ у себя печатать о Польскомъ королевствѣ что угодно: мы этого въ безчестье себѣ не поставимъ

и вѣчнаго доконча̀нья за то разрывать не станемъ». Послы: «Со стороны великаго государя нашего ни въ чемъ неправды никакой не бывало, а со стороны королевскаго величества вѣчное доконча̀ніе нарушено: титулъ умаленъ и на всѣ жалобы нѣтъ никакого удовлетворенія. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотимъ государскую честь продать, что просимъ городовъ: и такихъ непристойныхъ словъ вамъ говорить негодится. Государь нашъ не хочетъ видѣть, чтобъ Польша и Литва въ конечномъ разореньи были, за безчестье отца своего и за свое хочетъ взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за безчестье взять ихъ назадъ годится». Паны: «Въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ книгъ не печатать, и что ведется на свѣтѣ, о томъ не писать: и вамъ какъ было не стыдно о томъ говорить, городовъ проситъ и разрывомъ вѣчнаго доконча̀нія грозить». Послы: «Нечего намъ стыдиться, мы не перестанемъ обличать вашихъ неправдъ, и великій государь нашъ больше терпѣть ихъ не будетъ, за свою и за своего отца честь станетъ». Паны: «Король никакой причины къ нарушенію мира не ищетъ: мы никакихъ книгъ печатать не приказывали и до нихъ королю и намъ дѣла нѣтъ; вы пріѣхали въ Польшу, накупили книгъ, и что въ нихъ глупые люди пьяницы ксендзы напечатали, то ставите причиною къ разрызу вѣчнаго доконча̀нія: но вы на насъ не на сиротъ напали, будемъ съ вами биться, и васъ Богъ покараетъ, какъ покаралъ при короляхъ Сигизмундѣ и Владиславѣ». Послы: «Ваше злохитрое умышленье явно, отговариваться вамъ нечѣмъ. Говорите: насъ Богъ покараетъ, какъ прежде покаралъ; но ратное дѣло на одной мѣрѣ не стоитъ, бывало, что и Россійскіе государи Польскихъ королей одолѣвали. Теперь вы сами видите надъ собою побѣду и одолѣніе и конечное разореніе отъ худыхъ людей отъ подданныхъ своихъ Запорожскихъ Черкасъ: они государство ваше повоевали довольно, города многіе взяли и гордыя ваши *пыхи* (гордости) поломали, домы ваши облупили, начальныхъ вашихъ людей

и промышленниковъ гетмановъ въ полонъ взяли, лучшее ваше кварцяное войско побили; и еслибъ за такія ваши великія неправды государь нашъ велѣлъ Черкасскому войску помочь учинить, то корунѣ Польской и великому княжеству Литовскому быть бы въ конечномъ разореніи и запустѣніи; а грамоты Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, въ которыхъ они просили государя принять ихъ подъ свою высокую руку, эти подлинныя грамоты за подписью Богдана Хмельницкаго и за печатью всего войска Запорожскаго съ нами здѣсь». Тутъ послы показали панамъ грамоты. Паны отвѣчали: «Слышали мы и прежде, что великій государь вашъ милосердіе свое надъ нами показалъ, вѣчнаго доканчанья не нарушилъ и злодѣевъ, бунтовщиковъ, измѣнниковъ Запорожскихъ козаковъ принять не велѣлъ, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челомъ бьемъ, также и теперь просимъ, чтобъ царское величество былъ съ королемъ нашимъ въ братской дружбѣ навѣки неподвижно». Послы: «Королевское величество въ братствѣ быть хочетъ, а злодѣевъ, крестопреступниковъ, которые царскія титулы писали съ измѣненіемъ и укоризною, до сихъ поръ казнить не велѣлъ; а теперь по повелѣнью королевскому печатано въ книгахъ всякое безчестье». Паны: «Книги напечатаны безъ повелѣнья королевскаго». Послы показывали книги, гдѣ было прямо сказано, что напечатаны онѣ по указу королевскому; паны отвѣчали, что книги напечатаны по привилегіи, а не съ позволенія королевскаго, и что безчестья въ книгахъ нѣтъ, а напечатано только то, что было; Филаретъ Никитичъ названъ не трубачемъ, а огласителемъ. «Мы тому очень дивимся» прибавили паны: «что вы сами и никто въ Московскомъ государствѣ по-польски и по-латыни не учится, а кто-нибудь вамъ укажетъ на ссору, и вы вѣрите». Послы: «Сами вы говорите неученую и неучтивую рѣчь: мы Польскихъ и Латинскихъ письмъ себѣ въ диковину не ставимъ, учиться имъ и перенимать у васъ никакого ученья не хотимъ, по милости Божіей держимъ преданный

намъ Славянскій языкъ твердо и нерушимо, догматы божественнаго писанія знаемъ, государскіе чины и посольскіе обычаи твердо разумѣемъ и указъ великаго государя своего помнимъ, и съ нашей стороны никакого безчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться какъ именовать и описывать великихъ государей нашихъ, и намъ кажется, что вы ученые насъ ненавычныхъ стали глупѣе». Паны окончили разговоръ тѣмъ, что виновнымъ въ пропискѣ титула будетъ судъ и каранье на сеймѣ, о книгахъ же король пишетъ особо къ царскому величеству.

Послѣ этого разговора велѣно было на посольскомъ дворѣ одни ворота забить, у другихъ поставитъ гайдуковъ, запрещено было всѣмъ Полякамъ ходить на посольскій дворъ и покупать тамъ товары. Послы жаловались; имъ отвѣчали, что это сдѣлано на праздникъ Благовѣщенья, когда никто торговать не можетъ. Послы отвѣчали, что они въ этомъ видятъ угрозу, хотятъ тѣснотою заставить ихъ сдаться на волю королевскую; но этимъ только зло ко злу прилагается. Тогда имъ сказали прямо: «У васъ съ панами радными согласія никакого нѣтъ; если же между государствами война, то деньги, на которыя покупаются у васъ и у купцовъ вашихъ соболья шубы, годятся на жалованье войску».

На новомъ съѣздѣ паны уступали, что и сочинители книгъ будутъ позваны на сеймъ къ суду, хотя бы этого дѣлать и не довелось; послы настаивали на своемъ; тогда Литовскій канцлеръ Албрехтъ Радзивилъ сказалъ имъ съ сердцемъ: «Вы говорите, чтобъ за бредни, напечатанныя въ книгахъ, король отдалъ вамъ Смоленскъ и другіе города: но это дѣло несбыточное, добыты они кровью, кровью только можно ихъ и назадъ взять; если теперь за такіе пустяки дать вамъ столько городовъ и денегъ, то послѣ захотите вы и Варшаву взять; впередъ мы объ этихъ книгахъ съ вами и говорить не будемъ». Потомъ паны перемѣнили рѣшеніе и объявили, что

но о книгахъ должно быть совершенно оставлено: «Если
ную книгу ставить въ дѣло» говорили они: «то этому и
нца не будетъ; если за все, что напечатано и написано,
ртью казнить, то это значитъ всѣмъ государствомъ за-
ить и безпрестанно кровь проливать, а къ концу дѣло не
вести; и у вашего государя печатаютъ про нашу вѣру съ
ризною; а впередъ, хотя бы и не довелось въ такое дѣло
тупаться, однако королевское величество велитъ учинить
азъ крѣпкій, чтобъ никто такихъ книгъ не печаталъ».
гда послы, видя упорство пановъ радъ, по многимъ спо-
ъ и разговорамъ, сказали, что о казни этихъ людей, ко-
рые печатали книги, больше говорить не будутъ, а пола-
ютъ дѣло на волю царскаго величества; если великій го-
дарь простить этихъ людей не изволитъ, то велитъ гово-
ь объ этомъ будущимъ своимъ посламъ или посланникамъ;
при этимъ послы требовали, чтобъ книги были собраны
сожжены при нихъ въ Варшавѣ и чтобъ впередъ такихъ
игъ не печаталось. Король не согласился на сожженіе
игъ; послы потребовали отпуска; тогда король велѣлъ
дложить имъ, что истребитъ книги тайно, явно же на
нкѣ сжечь ихъ нельзя, потому что отъ этого будетъ по-
ръ Польшѣ отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ. Послы на-
аивали на своемъ; паны просили отложить дѣло до сейма;
слы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что
изъ книгъ будутъ выдраны тѣ листы, которые содержатъ въ
бѣ укоризны на Московскихъ государей, и сожгутся пу-
чно. Послы согласились; листы были выдраны немедленно
отправлены на рынокъ для сожженія, при которомъ при-
утствовалъ отъ пословъ дворянинъ Фустовъ съ подъячимъ
переводчикомъ. Послѣ сожженія листовъ было вытрублено,
тобъ никто этихъ книгъ, изъ которыхъ выдраны листы, у
ебя въ домахъ не держалъ, а приносили бы ихъ всѣ къ
ому чиновнику, котораго назначитъ король; о томъ же ра-
осланы были указы по областямъ. Фустовъ донесъ посламъ,
что когда листы жгли, то въ народѣ говорили: лучше бы

король съ Московскимъ государствомъ миръ разорвалъ или города уступилъ, чѣмъ такое великое безчестье положено на корону Польскую и великое княжество Литовское: описаніе славныхъ дѣлъ королей Сигизмунда и Владислава на рынкѣ сожжено! Получивши это удовлетвореніе, послы вытребовали внесенія въ договоръ статьи, что въ Зборовскомъ договорѣ съ ханомъ не постановлено ничего противнаго братской любви съ Московскимъ государемъ; вытребовали, наконецъ, чтобъ король послалъ своего дворянина, вмѣстѣ съ царскимъ дворяниномъ, въ войско Запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который изъ Турціи черезъ Венецію пробрался въ Малороссію и былъ тамъ принятъ гетманомъ Хмельницкимъ [53].

Въ Москвѣ провѣдали, что Акундиновъ живетъ въ Лубнахъ, въ Преображенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, и вотъ отправились къ нему Путивльцы торговые люди: Маркъ Антоновъ и Борисъ Салтановъ. Они говорили ему, чтобъ ѣхалъ въ Путивль, а государь его своимъ жалованьемъ пожалуетъ. Акундиновъ отвѣчалъ, что вѣрить ему одшимъ словеснымъ рѣчамъ нельзя; онъ говорилъ, что ни царемъ, ни царевичемъ не называется, только онъ внукъ царя Василія Ивановича Шуйскаго; говорилъ, что когда онъ былъ въ Турецкой землѣ, то государевы послы, Степанъ Телепневъ и дьякъ Алферій Кузовлевъ, его уличали и обезчестили, и по ихъ рѣчамъ его засадили въ Царѣградѣ, и сидѣлъ онъ въ желѣзахъ три года; но въ то время, какъ Турки султана и визиря убили, онъ освободился и былъ въ разныхъ государствахъ. Акундиновъ сказалъ себѣ 32 года, утверждалъ, что многіе люди его на Вологдѣ знаютъ; что былъ онъ на государевой службѣ въ Перми, куда царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1642 году прислалъ ему грамоту о своемъ государевомъ дѣлѣ; что въ этой грамотѣ онъ названъ намѣстникомъ Пермскимъ, и грамоту эту онъ показывалъ Марку и Борису. Потомъ говорилъ, что въ Перми взяли его на бою въ плѣнъ Татары; что многіе государи звали его къ себѣ, но онъ не

въ отстать отъ православной вѣры и хочетъ служить Алексѣю Михайловичу.

...омъ же Тимошка писалъ изъ Чигирина и къ Путивль... воеводѣ, боярину князю Семену Васильевичу Прозоров...: «Князь Семенъ Васильевичъ государь! Не тайно тебѣ ...ореньи Московскомъ, о побоищахъ междоусобныхъ, о ...еменьи царей и царскаго ихъ рода и о всякой злобѣ ...прошлыхъ, въ которыхъ воистину плачъ Іереміинъ о ...всемъ исполнился надъ царствомъ Московскимъ, и ве...родные тогда княжата скитались по разнымъ городамъ, ... заблудшіе козлята, между которыми и родители мои ...тны и незнаемы въ разоренье Московское, отъ страха ...уговъ своихъ, невольниками были и со мною невинно ...дали и терпѣли, а сущимъ своимъ прозвищемъ, Шуй...ми, не вездѣ называться смѣли. Объ этомъ житьѣ бытьѣ ...мъ многословить не могу, только несчастью своему и ...мъ настоящее время послухомъ ставлю, которое время ...вело меня къ тому, что я теперь въ чужой землѣ въ не...вмости окованъ сиротствомъ и безъ желѣзъ чуть дышу, и ...стную, плачевную грамотку къ тебѣ, государю своему, ...у: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши ...лею и окруживши Турскія, Римскія, Италіанскія, Гер...кія, Нѣмецкія и иныя многія царства, наконецъ и Поль...е королевство, не желая никому на свѣтѣ поклониться, ...юсь и покоряюсь только ясносіяющему царю Алексѣю ...хайловичу, государю вашему и моему, къ которому я хочу ...и съ правдою и вѣрою безъ боязни, потому что правед...ія царскія свидѣтельства и грамоты, что при себѣ ношу, ...природа моя княжеская неволею и нищетою вездѣ свѣтится, ...ти и имени гласовитаго своего рода не умаляетъ, но и ...далекихъ земляхъ звонитъ и какъ вода размножается. ...е это дѣлается на счастье и прибыль отечеству моему и ...роду христоименитому, на убытокъ и безчестье государе...мъ недругамъ, на славу великую великаго государя, ко...раго есть за мною великое царственнѣйшее дѣло и слово

и тайна; для этого я въ Чигиринѣ никому не сказываюся, кто я, во всемъ отъ чужихъ людей сердечную свою клѣть замыкаю, а ключъ въ руки тебѣ отдаю. Пожалуй не погордись, пришли ко мнѣ скрытно вѣрнаго человѣка, кто бы умѣлъ со мною говорить, и то царственное слово и дѣло тайное тебѣ сказать подлинно и совершенно, чтобъ ты самъ меня позналъ, какой я человѣкъ, добръ или золъ; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать къ государю въ Москву, если захочешь, а ключи сердца моего къ себѣ въ руки возьмешь, съ чѣмъ я тебѣ, пріятелю своему, добровольно отдаюсь. Знаю я Московскій обычай, станешь писать въ Москву объ указѣ теперь прежде дѣла, и пойдетъ на протяжку въ долгій ящикъ; но я ждать не буду, потому что дѣлаю это ни для богатства, ни для убожества, но пока плачевнаго живота станетъ, орелъ летать не перестанетъ, все надъ гнѣздомъ будетъ убиваться».

По этому письму князь Прозоровскій прислалъ съ подъячимъ Мосолитиновымъ грамоту Акундинову: «Тебѣ бы ѣхать ко мнѣ въ Путивль тотчасъ безо всякаго опасенья; а великій государь тебя пожаловалъ, велѣлъ принять и въ Москву отпустить». Акундиновъ, прочтя письмо, сказалъ: «Радъ я къ великому государю въ Москву ѣхать», и велѣлъ подъячему побыть у себя три дня. 31 Августа онъ исповѣдовался и пріобщился, и, призвавши къ себѣ Мосолитинова, сталъ говорить ему: «Пріѣхалъ ты по государеву указу? не съ замысломъ ли какимъ-нибудь? нѣтъ ли у тебя подводныхъ людей? не будетъ ли мнѣ отъ тебя какого убійства?» Подъячій клялся и божился, что присланъ по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундиновъ продолжалъ: «Въ прошлыхъ годахъ посылали мы въ Волошскую землю въ монастырь построенія царя Ивана Васильевича для своего дѣла человѣка своего; но когда онъ пріѣхалъ къ Волошскому владѣтелю Василью, то этотъ велѣлъ ему назваться царемъ Дмитріемъ, короновалъ его и послалъ къ Турскому султану въ Царьградъ. Былъ въ это время въ Волошской землѣ государевъ посолъ

Богданъ Дубровскій, довѣдался онъ про этого самозванца и написалъ государю въ Москву. Государь прислалъ указъ принять его честно; и тотъ нашъ человѣкъ, обрадовавшись, что его называютъ честнымъ человѣкомъ, поѣхалъ съ Дубровскимъ въ Москву; но Дубровскій, выѣхавши въ степи, велѣлъ его зарѣзать, ободралъ съ него кожу, отсѣкъ голову и привезъ въ Москву: и ты не съ тѣмъ ли ко мнѣ пріѣхалъ? Я не запираюсь, что былъ въ подъячихъ: на комъ худоба не живетъ! въ Московское разоренье и всѣ князья, что овцы, по разнымъ государствамъ разбрелись; только называютъ меня подъячимъ, а я не подъячій, истинный князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій». Въ тотъ же день Акундиновъ позвалъ подъячаго съ провожатыми къ себѣ обѣдать, за обѣдомъ за государское здоровье чашу пилъ и говорилъ такое слово: «Съ мудрыми я мудрый, съ князьями князь, съ простыми простой, а съ измѣнниками государевыми и съ моими недругами разсудитъ меня сабля», послѣ чего объявилъ, что ѣхать раздумалъ и подъячаго своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлетъ, потому что въ Москвѣ станутъ его пытать: «Присылаютъ ко мнѣ будто къ простому человѣку; добро бы прислали-ко мнѣ Московскаго человѣка, да съ Вологды пять человѣкъ, да изъ Перми пять же человѣкъ: тѣ меня знаютъ, кто я и каковъ? Если государь меня пожаловалъ, то прислалъ бы ко мнѣ свою государеву грамоту имянно, что пожаловалъ князя Ивана Шуйскаго, велѣлъ ѣхать въ Москву безъ всякаго сомнѣнья; а то меня обманываютъ; не считайте меня за подъячаго: я истинный князь Иванъ Шуйскій». При отцѣ духовномъ Акундиновъ объявилъ подъячему свое имя: Тимоѳей, имянинникъ 10 Іюня [54].

Мы видѣли, что въ Варшавѣ условлено было царскому послу Пушкину отправить въ Малороссію своего дворянина, а королю своего, для поимки Акундинова. Дѣйствительно, царскій дворянинъ Протасьевъ и королевскій Ермоличь поѣхали въ Кіевъ, гдѣ взявши грамоты отъ Киселя и митрополита, отправились къ Хмельницкому, котораго нашли въ

Яиполѣ. 18 Сентября имѣли они свиданіе съ гетманомъ, который сказалъ имъ: «У меня такой человѣкъ, который называется княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, а царю Василью сказывается внукъ, въ Чигиринѣ былъ и жилъ долгое время, недѣль съ десять и больше, и, живучи въ Чигиринѣ, мнѣ сказывалъ, будто государь вашъ хотѣлъ его казнить смерью невѣдомо за что, и онъ, боясь смертной казни, изъ Московскаго государства ушелъ, а мать его и родъ Шуйскихъ всѣ сосланы въ Сибирь, и въ Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а онъ, бѣгаючи, былъ во многихъ государствахъ, въ Польшѣ, въ Римѣ, въ Австріи, Венгріи, Молдавіи, Валахіи, Турціи, и изъ Турціи пришелъ ко мнѣ, гетману, въ Чигиринъ, и показывалъ мнѣ всѣхъ этихъ государствъ прохожіе листы, и говорилъ мнѣ, что хочетъ идти въ Московское государство, только, не списавшись съ государемъ, не смѣетъ, боится смертной казни; просилъ меня, чтобъ я далъ ему прохожій листъ, и я ему прохожій листъ далъ до границъ Московскаго государства, велѣлъ ему давать кормъ и подводы, и онъ, уѣхавъ изъ Чигирина, остановился въ Лубнахъ въ Спасскомъ монастырѣ, и какъ я пошелъ изъ Чигирина Молдавскую землю воевать, съ тѣхъ поръ не знаю, живетъ ли тотъ воръ въ Лубнахъ или нѣтъ. По его рѣчамъ, думаю, что онъ пошелъ къ Московской границѣ, и мнѣ сыскивать его негдѣ, да и такой у насъ обычай въ Запорожскомъ войскѣ: какой бы воръ ни прибѣжалъ, хотя бы великое зло въ своемъ государствѣ сдѣлавши, принимаютъ и никому не выдаютъ». Протасьевъ возразилъ: «Еслибы этотъ воръ въ царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дѣла бы не было: много и знатныхъ людей, измѣняя, изъ Московскаго государства бѣгаютъ, но такъ какъ они называются своимъ настоящимъ именемъ, то живутъ себѣ спокойно въ Польшѣ, великому государю до нихъ дѣла нѣтъ; но съ Тимошкою другое дѣло, и ты бы, гетманъ, свое радѣнье великому государю показалъ, вора сыскивалъ; за такую службу и радѣнье жалованье ве-

ликого государя будетъ къ тебѣ большое, и теперь великіе послы, бояринъ Пушкинъ съ товарищами, прислали тебѣ соболей. Богданъ отвѣчалъ: «Я и войско Запорожское великому государю всякаго добра хотимъ, но сыскивать вора мнѣ теперь никакъ нельзя, потому что самъ не знаю, гдѣ онъ; поѣду въ Браславль и расспрошу объ немъ инымъ временемъ». Въ Браславлѣ гетманъ позвалъ Протасьева обѣдать и за обѣдомъ началъ разсказывать: «Былъ я въ Молдавской землѣ, Молдавскую землю воевалъ и стоялъ подъ Яссами, хотѣлъ взять самого Молдавскаго господаря, и господарь прислалъ ко мнѣ пословъ своихъ добивать челомъ, просить покою, и дарилъ меня дочерью своею за моего сына, и прислалъ ко мнѣ листъ за своею рукою и печатью, пишетъ подъ присягою, что дочь свою за моего сына выдастъ». Велѣлъ принести листъ и прочелъ его Протасьеву. Послѣ этого Ермоличъ началъ пить чашу за государево и королевское здоровье и сказалъ: «Теперь великіе государи учинились въ братской дружбѣ и любви и договоръ учинили — имѣть однихъ друзей и враговъ»· Хмельницкій отвѣчалъ съ сердцемъ: «Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовскій договоръ нарушать будетъ, и хотя мало что по договору не учинитъ, то я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ королю буду первый непріятель, буду наступать и воевать его землю попрежнему; а великій государь королю за его неправды помогать не будетъ; знаю я подлинно, что у короля ратныхъ людей мало, и стоять королю противъ меня не съ кѣмъ, потому что всѣ лучшіе Польскіе ратные люди козаками и Татарами побиты, а иные въ полонъ взяты; а если и государь, не жалѣя православной христіанской вѣры, королевской неправдѣ помогать будетъ, то я отдамся въ подданство Турскому царю, и съ Турками и Крымцами буду приходить войною на Московское государство». Протасьевъ сказалъ на это: «Осердясь на королевскаго дворянина, ты, гетманъ, хвалишься на Московское государство войною; но такія самохвальныя и непристойныя слова намъ не страшны; да и то

надобно тебѣ знать и помнить, что великій государь нашъ для православной вѣры тебя жалуетъ». Гетманъ отвѣчалъ ему тихонько: «Говорилъ я эти похвальныя слова нарочно, чтобъ королевскій дворянинъ не зналъ о моей службѣ и радѣньи великому государю; а Ляхи мнѣ большіе непріятели, говорить и жить съ этими Ляхами всею правдою никакъ нельзя. Я давно хотѣлъ быть подъ государскою высокою рукою, поддаться ему со всѣмъ войскомъ и городами, да великій государь вашъ принять меня не изволилъ и этимъ меня оскорбилъ; но я и за эту государскую немилость никакого дурна не чинилъ, а еще больше прежняго правду свою показалъ: которое теперь разоренье и война сдѣлались въ Молдавской землѣ, той было войнѣ быть въ Московскомъ государствѣ; присылалъ ко мнѣ Крымскій царь, чтобъ шелъ я на Московское государство, писалъ съ грозами, что если не пойду, то дружбу разорветъ; а я, служа великому государю и проча себѣ его государскую милость впередъ, Крымскаго царя уговорилъ и Московское государство уберегъ, а вмѣсто его ходилъ съ Крымскимъ царемъ на Молдаванъ». О другихъ дѣлахъ Протасьевъ съ гетманомъ за обѣдомъ не могъ говорить, потому что гетманъ былъ пьянъ, да и постороннихъ людей было много. На дорогѣ въ Чигиринъ, подъ Савостьяновкою на стану, опять за обѣдомъ Богданъ говорилъ: «Король и паны великому государю солгутъ, знатныхъ людей за прописки въ титулѣ карать смертью не будутъ, и худаго шляхтича ни за какое дѣло никому не выдадутъ. Мнѣ король и рѣчь посполитая обѣщали подъ Зборовымъ выдать Чаплинскаго, и не выдали, и всякими мѣрами его укрываютъ». Послѣ обѣда гетманъ объявилъ Протасьеву, что посылаетъ въ Лубны унйверсалъ, чтобъ тамошнія власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же воръ скроется, то онъ, гетманъ, сыскавъ его, пришлетъ къ великому государю. Но въ Лубнахъ Протасьевъ Тимошку не нашелъ, и дали ему знать, что воръ уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ Чигиринъ[55]. Сюда отправленъ былъ изъ Москвы посланникъ Василій Унковскій, который,

пріѣхавши въ Чигиринъ, получилъ отъ Акундинова следующее письмо: «Василій Яковлевичъ государь! Всемогущая Божія сила въ моей слабости такую крѣпость учинила, что, изъ смрадной челюсти Турской меня освободивши, принудила, чтобъ шелъ къ Москвѣ и покорился добровольно холопски его царскому величеству государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси самодержцу, о чемъ я писалъ къ нему, государю, въ посольскій приказъ дважды, и указъ мнѣ былъ присланъ съ подъячимъ Тимоѳеемъ Мосолитиновымъ отъ государя. Но зависть вражія отъ Петра Протасьева сталась и возбранила мнѣ дорогу къ государю въ Москву, потому что онъ тайно совѣщался съ богатыми, какъ бы изловить и убить неповиннаго. Несмотря на то, выполняя завѣтъ мой, я готовъ ѣхать къ государю въ Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правдѣ моей и невинности, готовъ показать ясно, что хотя и въ подъячихъ тамъ былъ, однако благородія Шуйскихъ княжатъ не лишенъ. Обѣщаюсь словомъ моимъ крѣпкимъ и постояннымъ ѣхать къ государю въ Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидѣться и поговорить дружескимъ обычаемъ, что воистину будетъ на пользу государеву дѣлу и на прибыль, а тебѣ на честь и на славу, потому что познаешь какой цѣны мои камни; не найдется темности въ моей свѣтлости. Пожалуй же, Василій Яковлевичъ, отпиши ко мнѣ — учинишь ли такъ или не учинишь? и если захочешь учинить, то прошу, чтобъ увидѣться, пока его милость панъ гетманъ не пріѣхалъ, чтобъ намъ самимъ другъ съ другомъ разсудиться, не ходя на судъ; лучше будетъ, положившись на Бога, учинить по Богу, которому учинилъ я обѣтъ, что въ Москву ѣхать желаю. Тотъ меня избавилъ и избавляетъ, уповаю, что и еще избавитъ отъ враговъ моихъ».

Унковскій назначилъ свиданіе въ церкви. Здѣсь Акундиновъ говорилъ ему: «Я былъ на Вологдѣ посаженъ въ съѣзжей избѣ въ пищикахъ девятнадцати лѣтъ, въ то время, какъ былъ на Вологдѣ бояринъ князь Борисъ Михайловичъ

Лыковъ, ходившій за козаками; тутъ я нашелъ въ съѣзжей избѣ о родителяхъ моихъ государеву грамоту, кто были мои родители; а грамотѣ меня отдавалъ учить Иванъ Патрикѣевъ и былъ до меня для моей бѣдности добръ, а того я не знаю, какого я роду; если меня называютъ царя Василья Ивановича сыномъ, то я самъ не называюсь; здѣсь меня такъ зовутъ, да и Русскіе люди меня такъ называютъ; они меня такъ и прозвали, я тебѣ скажу кто имянно; а я не царя Василья сынъ, дочери его сынъ; дочь его въ разоренье взяли козаки, а послѣ козаковъ за отцомъ моимъ была». Унковскій отвѣчалъ: «Все это неправда: у царя Василья дѣтей не было; мы знаемъ, какъ отца твоего и мать звали и каковъ человѣкъ отецъ твой и мать были». *Анкундиновъ*: «Былъ отецъ мой при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ намѣстникомъ въ Перми». *Унковскій*: «При царѣ Михаилѣ никто нигдѣ въ намѣстникахъ не бывалъ; ты всѣ эти напрасныя рѣчи оставь, дай мнѣ прямое слово безъ всякой хитрости, поѣзжай со мною къ великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велитъ отдать». Акундиновъ перекрестился, смотря на образъ, и далъ руку Унковскому, что идетъ съ нимъ къ царскому величеству. Но потомъ, постоявъ долго, заговорилъ прежнее: «Какъ мнѣ отчество свое покинуть? послѣ отца моего и духовная есть; если ты при гетманѣ станешь называть меня воромъ и поносить, то услышишь, сколько отъ меня будетъ рѣчей, и отъ гетмана добра себѣ не чайте. Не смѣю ѣхать, если не цѣлуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москвѣ меня не казнятъ и дурнаго мнѣ ничего не будетъ». Унковскій не согласился цѣловать крестъ: онъ сталъ многими людьми промышлять и давать большія деньги, чтобъ Акундинова кто-нибудь убилъ или какою отравою окормилъ; но никто сдѣлать этого не захотѣлъ, боясь гетмана; а самимъ никакъ нельзя было его убить: жилъ очень бережно, прикормлено было у него козаковъ много, и гетманъ былъ къ нему добръ.

Хмельницкій пріѣхалъ наконецъ изъ своего Суботова въ

Чигиринъ, и Унковскій обратился къ нему: «Не хотѣлъ ты Тимошку отдать Протасьеву: такъ теперь прямую свою службу государю довериши, вели вора отдать мнѣ». Хмельницкій отвѣчалъ: «Здѣсь козаки и вольность: всякому человѣку вольно къ намъ пріѣзжать отовсюду и жить безпенно; отдать мнѣ его безъ войсковаго вѣдома нельзя. Этотъ мужикъ у насъ не называется сыномъ царя Василья, мы про то у него не слыхали». *Унковскій*: «Въ грамотѣ, которую ты прислалъ на Донъ, а съ Дону козаки прислали къ государю, писалъ онъ, воръ, своею рукою, называлъ себя сыномъ царя Василья Ивановича; и ты, гетманъ, самъ писалъ въ Путивль къ князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и въ своей грамотѣ называлъ этого вора Шуйскимъ княземъ». *Богданъ*: «Мужикъ впередъ такъ называться не будетъ; а если услышимъ, что называется не только сыномъ царя Василья, хотя даже простымъ княземъ, сейчасъ велю казнить; а отдать мнѣ его нельзя: кто въ которую землю ни пріѣдетъ, тѣхъ людей не выдаютъ; я къ царскому величеству и самъ хотѣлъ бѣжать отъ непріятелей своихъ, отъ Ляховъ, и государь бы меня королю не отдалъ; и еслибъ онъ меня отдалъ и меня казнили, то ему государю былъ бы грѣхъ». *Унковскій*: «Ты бы, гетманъ, къ царскому величеству служить пріѣхалъ, ты властный человѣкъ и ни въ чье имя не влыгаешься; а этотъ воръ не въ пристойное имя влыгается, такихъ воровъ во всѣхъ государствахъ выдаютъ: король Польскій выдалъ Лубу, господарь Волошскій выдалъ посланнику Дубровскому другаго самозванца». *Богданъ*: «Знаю я одно, что мнѣ отъ войска даромъ не пробыть, а знаешь самъ: съ чернью кто сговоритъ, когда встанутъ, отъ нихъ мнѣ только и рѣчей будетъ: кто тебѣ велѣлъ отдавать изъ войска людей вольныхъ въ неволю? у насъ здѣсь то же, что на Дону: кто откуда ни пріѣдетъ — выдачи нѣтъ. Только я, уповая на Бога и помня царскую милость, вора Тимошку къ государю пришлю съ своими посланцами; созову всѣхъ полковниковъ и старшихъ, и, договорясь съ ними, пришлю подлинно». Это говорилъ Богданъ съ великою божбою.

Покончивши объ Акундиновѣ, стали говорить о другихъ государевыхъ дѣлахъ. Богданъ клялся, что никакого зла Московскому государству не мыслитъ; хвалилъ милость королевскую, но жаловался на обиды отъ пановъ: «У меня маетность старую неправдою отнялъ Конецпольскій и отдалъ своему приближенному, Чаплинскому; я королю и рѣчи посполитой билъ челомъ, но мнѣ не возвратили маетности; отдавъ дѣтей въ добрые люди, пошелъ я въ Запороги, и всего насъ въ сборѣ войска было 250 человѣкъ, какъ послалъ на насъ Потоцкій сына своего и коммиссара; только бы я не соединился съ царемъ Крымскимъ и не перешло ко мнѣ отъ Потоцкаго нашихъ реестровыхъ козаковъ шесть тысячъ, то что̀ бы намъ было дѣлать?» Унковскій спрашивалъ у гетмана, какъ онъ помирился съ Поляками? зачѣмъ отправилъ пословъ къ королю? ка̀къ онъ съ Крымомъ? зачѣмъ у него были разные послы? и потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно, такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему; и они говорили тѣ же рѣчи, что и гетманъ.

Болѣе всего безпокоили Москву сношенія гетмана съ Крымомъ. До Хмельницкаго Запорожскіе и Донскіе козаки составляли почти одно общество: Запорожцы жили на Дону, Донцы на Запорожьѣ; Запорожцевъ на Дону насчитывали иногда съ 1000 человѣкъ, Донцовъ въ Запорожьѣ до 500; Запорожцы жили на Дону лѣтъ по пяти, по шести, по осьмнадцати. Но мы видѣли, что тѣсный союзъ Хмельницкаго съ ханомъ грозилъ было порвать эти братскія отношенія. Съ Дону въ Москву дали знать, что лѣтомъ 1650 года приходили на Донъ сынъ Богдана Хмельницкаго да наказной атаманъ Демка, а съ ними Запорожцевъ тысячъ съ 5 или 6, стояли они двѣ недѣли на Міюсѣ, отъ Черкаскаго городка за днище, дожидались Крымскихъ Татаръ, чтобъ вмѣстѣ идти на Донскихъ козаковъ. Донцы послали имъ сказать: «Мы съ вами люди одной православной вѣры, и вамъ, сложась съ бусурманами, на насъ, православныхъ христіанъ, войною приходить не-

годится; прежде вы съ нами всегда бывали въ дружбѣ и въ ссылкѣ и зипуны добывали сообща, и когда у государя съ Польскимъ королемъ была ссора и война, то вы и тогда были съ нами въ мирѣ». Запорожскіе Черкасы отвѣчали: «Пришли мы на Донъ по письму Крымскаго царя, идти намъ сообща на Горскихъ Черкасъ, а не на васъ; а еслибы Крымскій царь велѣлъ намъ идти не только на васъ, но и на государевы города, то мы пойдемъ, потому что у насъ съ нимъ договоръ — другъ другу помогать, и когда у насъ была съ Поляками война, то Крымскій царь со всею ордою намъ помогалъ». Но пришла грамота отъ хана, въ которой онъ приказывалъ козакамъ возвратиться назадъ, потому что степь вся выгорѣла, и ему, за конскою безкормицею, идти нельзя [56].

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобъ заставить Хмельницкаго хитрить со всѣми, давать всѣмъ обѣщанія, не становя ни съ кѣмъ ничего рѣшительнаго, выжидать, обращать все вниманіе на сцѣпленіе случайностей, и, глядя тревожно на всѣ стороны, пробираться между препятствіями, которыя судьба громоздила на его дорогѣ. Хмельницкій зналъ, что Зборовскій миръ ненадеженъ; не вѣрилъ хану, у котораго, какъ атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни съ кѣмъ постоянныхъ союзовъ и постоянной вражды: не имѣя возможности послѣ Зборовскаго мира опустошать Польскія владѣнія, онъ звалъ короля и Хмельницкаго на Московскія украйны; но Богданъ, въ угоду варвару, не думалъ разрывать съ Москвою, на которую народный инстинктъ указывалъ какъ на единственное прибѣжище, и раздражать которую было бы безразсудно, ибо ничѣмъ другимъ Хмельницкій не могъ такъ угодить Польшѣ, какъ поссорившись съ Москвою. Но Москва не могла дѣйствовать рѣшительно, Москва также выжидала. Москва привыкла къ подобному положенію и къ подобному поведенію, потому что, какъ начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствіями, должна была пробивать себѣ дорогу къ силѣ и величію осторожностію,

выжиданіями, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Войны съ Баторіемъ, Сигизмундомъ III и Владиславомъ, конечно, не могли заставить Московскаго государя измѣнить осторожной политикѣ своихъ предшественниковъ. Хмельницкому естественно было, впрочемъ, сердиться на Москву за эту осторожность, медленность, нерѣшительность и, при случаѣ, срывать сердце, потому что эта нерѣшительность ставила его самого въ нерѣшительное положеніе, заставляя обращаться къ Турціи, которая, въ случаѣ крайности, могла быть временнымъ прибѣжищемъ. Крайности этой еще не было, а потому и въ сношеніяхъ съ султаномъ Хмельницкій избѣгалъ чего-либо рѣшительнаго.

Съ своей стороны, Польша хлопотала о томъ, чтобъ поссорить Москву съ Хмельницкимъ; но это не удалось. Въ концѣ 1650 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Альбрехтъ Пражмовскій и объявилъ, что Богданъ Хмельницкій съ бунтовщиками своевольными людьми, разлакомясь кровью христіанскою и своими воровскими прибытками, соединился съ Крымскимъ ханомъ, который ссылается съ нимъ, чтобъ былъ готовъ идти воевать Московское государство. Бояре отвѣчали: «Крымскій царь поклялся на коранѣ, что ему на царскія украйны войною не ходить и никого другаго не посылать, и потому отъ Крымскаго царя такого злаго умышленья нельзя ожидать; а Богдану Хмельницкому на царскія украйны съ Крымскими Татарами какъ идти? онъ православной христіанской вѣры! Притомъ же гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ учинился у королевскаго величества въ подданствѣ, и королевскому величеству, слыша отъ козаковъ такое злое умышленье, можно ихъ отъ самовольства унять; великій государь на королевское величество, по вѣчному утвержденью, во всемъ этомъ надѣется и въ украйныхъ городахъ ратныхъ своихъ людей не держитъ, потому что король обязанъ подданныхъ своихъ, Запорожскихъ Черкасъ, отъ самовольства унимать; а если королевское величество подданныхъ своихъ, Запорожскихъ

Черкасъ, не уйметъ, то это будетъ вѣчному докончанію нарушенье со стороны вашего государя, и такую явную неправду Богъ свыше зритъ; а Крымскія рати царскому величеству не страшны, и на Украйнѣ противъ нихъ у царскаго величества люди готовы». Но изъ Крыма присылали въ Москву вѣсти: писалъ къ Крымскому царю Литовскій король, что Псковичи царскому величеству учинились непослушны и хотятъ измѣнить; Шведская королева съ царскимъ величествомъ хочетъ войну начать: такъ чтобъ Крымскій царь шелъ войною на государевы украйны и далъ бы знать объ этомъ Шведской королевѣ, и Шведская королева дастъ ему большіе подарки; Литовскій король также пойдетъ на государевы города. Ханъ повѣрилъ, послалъ въ Швецію за подарками, но тамъ сказали, что Шведская королева съ государемъ Московскимъ въ мирѣ [57].

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Возвратившійся изъ Крымскаго плѣна коронный гетманъ Потоцкій доносилъ, что вся Украйна волнуется, Хмельницкій самовольничаетъ: безъ королевскаго позволенія принялъ на Украйну Татаръ и послалъ ихъ съ козаками опустошать союзную Польшѣ Молдавію, за то, что господарь Лупулъ не хотѣлъ выдать дочери своей за Тимоѳея, сына гетманскаго; сносится съ Турціею, съ Швеціею; хлопы не думаютъ повиноваться панамъ, которые не получаютъ никакихъ доходовъ. Шляхта бѣжала изъ Украйны, какъ во время возстанія; договоръ былъ нарушенъ въ самой важной, самой чувствительной для Поляковъ статьѣ; съ другой стороны, для укрощенія хлопства, коронныя войска врывались за опредѣленную договоромъ черту. Въ концѣ года созванъ былъ сеймъ; явились послы отъ Хмельницкаго съ просьбою: 1) Чтобъ въ трехъ воеводствахъ: Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ ни одинъ панъ–землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами; пусть живетъ, если хочетъ, пользуясь одинакими правами со всѣми, и повинуется козацкому гетману. 2) Чтобъ унія, причина несчастій, была совершенно уничтожена не только въ Украйнѣ, но и во

войкъ земляхъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго; чтобъ духовенство Греческой вѣры имѣло права и почести одинакія съ Римскимъ духовенствомъ. 3) Эти статьи, вмѣстѣ съ другими статьями Зборовскаго договора, должны быть утверждены присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и со стороны Поляковъ должны быть даны въ залогъ четыре знатныхъ пана, и въ томъ числѣ князь Іеремія Вишневецкій; они должны жить въ Украйнѣ въ своихъ имѣніяхъ, но безъ всякой стражи.

Понятно, что при сильномъ раздраженіи противъ козаковъ, и безъ того уже господствовавшемъ въ шляхетскомъ государствѣ, эти статьи переполнили чашу: и въ сенатѣ, и въ избѣ посольской негодованіе выразилось единодушно, и 24 Декабря война была опредѣлена. Въ Февралѣ 1651 года война открылась, и Поляки были порадованы первымъ успѣхомъ надъ козацкимъ отрядомъ, который стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ, подъ начальствомъ удалаго полковника Нечая: отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ въ предводителемъ. Въ Апрѣлѣ начали сходиться главныя силы; въ Польшѣ объявлено было посполитое рушенье или поголовное вооруженіе шляхты; легатъ Иннокентія X привезъ Полякамъ благословеніе папы и отпущеніе грѣховъ, королю мантію и освященный мечъ, и провозгласилъ Яна Казимира защитникомъ вѣры. У козаковъ Коринѳскій митрополитъ Іоасафъ опоясалъ Хмельницкаго мечемъ, освященнымъ на Гробѣ Господнемъ, кропилъ войско святою водою и шелъ самъ при войскѣ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ шелъ на Поляковъ Крымскій ханъ Исламъ-Гирей съ своею ордою; но Московскіе посланники дали знать изъ Крыма государю: «Татары говорятъ: если Польскіе и Литовскіе люди Черкасамъ, и имъ Татарамъ, будутъ сильны, то они противъ нихъ стоять не будутъ, а за выходъ свой у Черкасъ женъ и дѣтей заберутъ въ полонъ и приведутъ въ Крымъ: то у Татаръ и сдумано» [58].

20 Іюня враги столкнулись при Берестечкѣ на рѣкѣ Стыри; съ обѣихъ сторонъ силы были велики, не перевѣсъ былъ на

сторонѣ Поляковъ. Татары, любя подавлять непріятеля своею многочисленностію безъ большихъ усилій, вовсе не были охотники перевѣдываться съ непріятелемъ болѣе многочисленнымъ. Послѣ перваго напора Поляковъ, ханъ побѣжалъ и увлекъ за собою Татаръ, увлекъ и Хмельницкаго, который бросился было догонять его, чтобъ уговорить возвратиться; оставшіеся козаки окопались и съ отчаянною храбростію выдерживали осаду, наконецъ попытались было уйти и потерпѣли при этомъ страшное пораженіе.

Послѣ побѣды посполитое рушенье разошлось, король уѣхалъ въ Варшаву, и только не болѣе 30,000, преимущественно Нѣмцевъ, отправлено было съ гетманомъ на Украйну. Но прежде чѣмъ достигнуть Украйны, это войско должно было проходить чрезъ опустошенную Волынь: «Невольно мы проливаемъ слезы» пишетъ очевидецъ: «видя, какъ блестящая пѣхота королевская безполезно погибаетъ отъ голода. Нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ, потому что край, въ которомъ мы надѣемся имѣть хлѣбъ, еще далеко, а этотъ такъ опустошенъ, что о немъ можно сказать: земля была пуста и неустроена: нѣтъ ни городовъ, ни селъ, одно поле и пепелъ; не видно ни людей, ни звѣрей живыхъ, только птицы летаютъ; страшная непогода замедляетъ движеніе войска». Во время этого похода умеръ знаменитый Іеремія Вишневецкій; но смерть страшнаго соперника не поправила дѣлъ Хмельницкаго. Въ то время, какъ Польскіе гетманы вступили въ Украйну съ одной стороны, Литовскій гетманъ Радзивилъ занялъ Кіевъ; соборную церковь Богородицы каменную на посадѣ Ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались; въ церкви лошадей своихъ Жиды и Ляхи ставили; деревянныхъ церквей сгорѣло пять, а которыхъ не жгли, тѣ всѣ разорили, образа дорогіе окладные себѣ взяли, а иные поищепали, колокола у всѣхъ церквей взяли и въ струги поклали; но изъ этихъ струговъ шесть козаки отгромили. Въ монастырѣ Печерскомъ казну также всю взяли; Радзивилъ

велѣлъ взять и паникадило, присланное царемъ изъ Москвы; у св. Софіи взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образъ св. Софіи; всѣ монастыри разорили [59].

Въ такихъ печальныхъ для Молороссіи обстоятельствахъ, два Грека, жившіе при Хмельницкомъ, Иванъ Петровъ Тофрали и монахъ Павелъ, сильно хлопотали о сближеніи гетмана съ царемъ. Павелъ въ Іюнѣ 1651 года писалъ государю: «28 Марта пришелъ изъ Царяграда посолъ къ гетману въ Животово съ тѣмъ: если ему, гетману, надобна рать, и ему султанъ пришлетъ сколько нужно. Гетманъ отказалъ: «Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челомъ и благодарю». И такъ ихъ мѣста разорены; въ Константинополь гетманъ отправилъ своего посла, а съ нимъ Ивана Петрова; а передъ этимъ Иванъ Петровъ былъ посыланъ въ Молдавію для вѣстей. Великое ваше царствіе—продолжаетъ Павелъ—послалъ бы вскорѣ гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и безъ того войска много, но надобно, чтобъ славилось имя великаго вашего царствія, что онъ имѣетъ помощь отъ васъ. А если теперь помощи не пришлете, то буди вѣдомо великому вашему царствію, что будетъ вамъ война; Татары давно бы его подняли, только война ему теперь помѣшала. Какими трудами потрудились мы съ Иваномъ Петровымъ—о томъ Богу извѣстно. Еслибы мы съ Иваномъ тутъ не случились, то онъ непремѣнно бы пришелъ внезапно на ваши украйны войною. Не думайте, что Ляхи одолѣютъ: хотя они и вздумаютъ биться, но ихъ противъ ста человѣкъ и по одному человѣку не будетъ. Мы съ Иваномъ Петровымъ желаемъ, чтобъ было единое державство, гетману говорили и онъ былъ очень радъ; но посылаетъ онъ къ великому вашему царствію о соединеніи, а великое ваше царствіе то ставите въ посмѣхъ. Если вы изволите быть соединенію, то извольте писать къ писарю Выговскому, но имянно къ нему писать о томъ не велите, только воздавайте ему свое царское благодареніе и вѣдомость чините, а подлинно велите писать къ Ивану Петрову, и какъ

Иванъ Петровъ пріѣдетъ сюда, то мы будемъ совершать головою своею и всею душою. 10 Мая пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и гетманъ очень кручинился; я ходилъ къ нему утѣшать въ кручинѣ, и онъ въ разговорѣ говорилъ про Москву и клялся, смотря на образъ Спасовъ: «Клянусь Богомъ, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы: я посылаю отъ всего сердца своего, а они лицу моему насмѣхаются».

Тогда же подъячій Григорій Богдановъ, возвратившійся изъ Малороссіи, разсказывалъ: «Приходилъ ко мнѣ въ Корсуни писарь Иванъ Выговскій и наказывалъ, чтобъ его слова были извѣстны великому государю: къ нему, писарю, царская милость и жалованье, и онъ на государскомъ жалованьѣ челомъ бьетъ и обѣщается великому государю служить и всякаго добра хотѣть подъ присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкаго съ Польскимъ королемъ, Крымскимъ царемъ и другими государствами будетъ дѣлаться, онъ обо всемъ великому государю станетъ доносить, въ Путивль тайнымъ дѣломъ къ боярину князю Семену Весильевичу Прозоровскому писать, только бъ это никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потомъ Выговскій говорилъ, чтобъ великій государь непремѣнно всю малую Русь теперь принять изволилъ, потому что всѣ единогласно молятъ Бога и хотятъ быть подъ его государскою высокою рукою; къ великому Московскому пространному и многолюдному государству безъ войны и кровопролитія будетъ прибавленье большое, овладѣетъ великій государь многою землею и городами, и съ тѣхъ городовъ, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и другихъ всякихъ промысловъ будетъ царской денежной казнѣ прибыль большая. Когда великій государь ихъ, православныхъ христіанъ, приметъ, то Польскій король будетъ отъ него въ большомъ страхѣ, и не только противъ великаго государя воевать, и говорить не будетъ, потому что Поль-

скому королю противъ великаго государя стоять некѣмъ. Если же великій государь, принявъ ихъ, изволитъ послать своихъ ратныхъ людей и ихъ козаковъ, то извѣстно навѣрное, что корона Польская и великое княжество Литовское и безъ войны учинятся поддаными и будутъ подъ его государскою рукою, потому что Польша и Литва и отъ однихъ ихъ, козаковъ, живутъ въ великомъ страхѣ. Если же государь ихъ не приметъ теперь, и учинятся они подданными Польскому королю, то Польскій король противъ великаго государя войну начнетъ тотчасъ; онъ, писарь, опасается, чтобъ Поляки не прельстили и козаковъ, не уговорили ихъ идти вмѣстѣ съ ними на Московское государство, а Крымскій царь уже давно готовъ идти на Московское государство» [69].

Но эти угрозы не помогли, Москва не трогалась, и Хмельницкій, ограбленный и покинутый ханомъ, сталъ хлопотать о мирѣ; коронный гетманъ Потоцкій также боялся осени въ Украйнѣ среди озлобленнаго народонаселенія, и 17 Сентября, подъ Бѣлою Церковію, гдѣ сошлись оба гетмана, былъ подписанъ ими слѣдующій договоръ: 1) Войска Запорожскаго будетъ только двадцать тысячъ; оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ королевскихъ въ воеводствѣ Кіевскомъ, не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго. 2) Коронное войско не должно стоять въ воеводствѣ Кіевскомъ въ тѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ будутъ реестровые козаки. 3) Обыватели воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, вступаютъ во владѣніе своими имѣніями и пользуются всѣми доходами и судопроизводствомъ. 4) Чигиринъ остается при гетманѣ, который долженъ состоять подъ властію гетмана короннаго. 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ королевскихъ и шляхетскихъ. 6) Гетманъ Запорожскій долженъ отпустить орду и впередъ не вступать ни въ какія сношенія съ нею и вообще съ иностранными государствами.

Въ Москвѣ знали о подробностяхъ этой войны обычнымъ путемъ: черезъ людей, посылаемыхъ порубежными воеводами за границу для вѣстей. Эти вѣстовщики доносили, что во всѣхъ Черкасскихъ городахъ Черкасы и мѣщане говорятъ одно, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ принять, а они ему вѣчные холопы со всѣми городами, которые за ними; если же государь ихъ принять не велитъ, то они поневолѣ пристанутъ къ Турскому царю и къ Крымскимъ людямъ. Въ Смоленскѣ, Орлѣ, Минскѣ, Могилевѣ и другихъ городахъ православные толковали: «Когда у Поляковъ съ Черкасами будутъ бои, и станутъ Поляки Черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, подниме́мся на Поляковъ и сдѣлаемъ у себя такихъ Хмельницкихъ десять человѣкъ, а войска 100,000, и станемъ Польшу и Литву воевать для того: если Поляки Черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ Поляковъ стоять и биться пока нашей мочи будетъ» [61]. Поляки, дѣйствительно, опасались этого возстанія и въ Смоленскѣ всѣхъ православныхъ выслали изъ города на посадъ, а между-тѣмъ попрежнему хлопотали, чтобъ втянуть Москву въ ссору съ козаками.

Еще въ Мартѣ 1651 года пріѣзжали въ Москву полномочные послы королевскіе, Станиславъ Витовскій и Филиппъ Обуховичь, и въ отвѣтѣ объявили боярамъ: учинилось у Крымскаго хана на Московское государство злое умышленье за то: какъ въ прошлыхъ годахъ присыланы были къ царскому величеству Крымскіе послы, и тѣхъ пословъ приняли и держали въ Москвѣ нечестно, не по прежнему обычаю, а иныхъ Татарскихъ пословъ и не приняли, поворотили назадъ; да въ то же время Донскіе козаки ходили на Черное море и Крымскіе улусы повоевали. Съ этихъ поръ Крымскій ханъ и всѣ его Татары надъ Московскимъ государствомъ безпрестанно всякое зло умышляютъ, и къ королевскому величеству ханъ присылалъ съ просьбою, чтобъ король, соединясь съ нимъ, шелъ на Московское государство, и что на этой войнѣ

возьмутъ городовъ и мѣстъ, то все пойдетъ королю, а ханъ возьметъ себѣ Казань и Астрахань. Но королевское величество, соблюдая вѣчное докончаніе, на такое зло не помыслилъ и велѣлъ войска свои изготовить около Львова и Каменца Подольскаго, и войска эти не пропустили Крымцевъ, которые соединились съ Запорожскими Черкасами и ходили на Волоховъ. На весну Крымскій ханъ мыслитъ идти на Московское государство съ большою силою и къ королевскому величеству пишетъ объ этомъ безпрестанно, да писалъ, чтобъ король пропустилъ пословъ его къ Шведской королевѣ Христинѣ, и эти послы уговаривали королеву послать войско на Московское государство. Зная эти умышленья, вся рѣчь посполитая приговорила, чтобъ король сослался со всѣми христіанскими государями о союзѣ противъ Крымскаго хана: за этимъ-то дѣломъ король прислалъ ихъ, пословъ, къ царскому величеству, и для удостовѣренія прислалъ съ ними подлинныя грамоты ханскія и ближнихъ его людей, писанныя къ королю и канцлеру. Король уже отправился на непріятелей: такъ чтобъ царское величество изволилъ приступить къ союзу самымъ дѣломъ, а не словомъ; если же царское величество отвѣту вскорѣ учинить не велитъ, то у королевскаго величества будетъ иная мысль. Бояре отвѣчали: «Сказываете вы, что присланы отъ короля о добромъ дѣлѣ, о союзѣ на общаго христіанскаго непріятеля, а теперь говорите какъ бы съ угрозами; но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всѣмъ нашимъ украйнамъ стоятъ войска готовыя многія; просите вы о союзѣ скораго отвѣта: но о такомъ великомъ дѣлѣ, не намыслясь гораздо, отвѣту скораго дать нельзя; объ этомъ союзѣ и прежде у великаго государя нашего съ королевскимъ величествомъ ссылки были, но дѣло къ концу не приведено, за несходствомъ и проволокою съ королевской стороны». Тутъ послы вымолвили настоящее дѣло: «Желаемъ скораго отвѣта, чтобъ король зналъ волю царскую; съ непріятелемъ христіанскимъ соединился королевскаго величества измѣнникъ Богданъ Хмельницкій съ За-

порожскими Черкасами; съ Хмельницкимъ и Черкасами и бои у насъ были, и на тѣхъ бояхъ королевскому величеству счастье есть; царское величество велѣлъ бы на этихъ общихъ непріятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми отъ Путивля, также изъ Астрахани указалъ бы послать на нихъ ратныхъ людей, чтобы общими силами впасть въ ихъ гнѣзда». Бояре отвѣчали: «Астрахань мѣсто дальнее, и если ждать ратныхъ людей изъ Астрахани, то пройдетъ много времени, а у великаго государя много ратныхъ людей и безъ Астрахани. Вы хотите такое великое дѣло сдѣлать въ короткое время, и чтобъ царское величество войска свои послалъ немедленно: но такого великаго дѣла вскорѣ не дѣлаютъ, надобно это дѣлать намыслясь гораздо крѣпко и обстоятельно—какъ идти на Крымъ, сколькимъ ратнымъ людямъ съ обѣихъ сторонъ быть, какимъ строемъ и гдѣ сходиться и стоять и какъ надъ Татарами промышлять? Уговорившись обо всемъ, ратныхъ людей надобно изготовить, а изготовя ихъ большое число, идти прямо на Крымъ, чтобъ его разорить и бусурманъ съ юрта согнать. Не договорившись обо всѣхъ этихъ статьяхъ, царскому величеству ратей своихъ послать нельзя, потому что если царское величество соберетъ рати большія, а у королевскаго величества войска будетъ мало, то царскому величеству убытки будутъ большіе. Надобно прежде обо всемъ договориться, а потомъ и ратныхъ людей готовить, чтобъ было поровну». Послы: «Королевское величество желаетъ, чтобъ царское величество помогъ ему ратными людьми на измѣнниковъ Запорожскихъ Черкасъ и на Крымскихъ Татаръ отъ Путивля; король самъ на коня сѣлъ и противъ измѣнниковъ своихъ пошелъ, и съ нимъ войска 50,000; Крымцы, услыша царскихъ и королевскихъ ратныхъ людей, отъ измѣнниковъ Запорожцевъ отстанутъ, и когда съ помощію царскаго величества король съ своими измѣнниками управится, то послѣ станетъ съ царскимъ величествомъ ссылаться о соединеніи на Крымскіе улусы». Бояре: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій къ великому государю писалъ, что онъ

и Запорожскіе Черкасы противъ королевскаго величества начали стоять за православную вѣру и за святыя Божія церкви и за свои нестерпимыя обиды; и во всѣхъ христіанскихъ государствахъ въ вѣрѣ неволи никому не бываетъ, да и въ вашемъ государствѣ разныхъ вѣръ много и противныхъ христіанской вѣрѣ: Кальвиновъ, Люторовъ, Новокрещенцовъ (анабаптистовъ), Армянъ и богоубійцевъ Жидовъ, которыхъ всѣмъ христіанскимъ людямъ ненавидѣть должно, однако король и паны радные ихъ вѣры не трогаютъ, а христіанскихъ правовѣрныхъ людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великій государь нашъ брату своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбѣ и любви желаетъ, чтобъ напрасное это междоусобіе прекратилось безъ кровопролитія и были бы Запорожскіе Черкасы у короля въ послушаньи попрежнему и отъ Крымскихъ Татаръ отстали. Если же Запорожскіе Черкасы отъ вашего гоненія королю измѣнятъ и поддадутся Турскому султану или Крымскому хану, и королевскому величеству смирить ихъ будетъ нельзя, и отъ нихъ обоимъ государствамъ ждать всякаго зла, тогда измѣну ихъ чѣмъ унять и успокоить? Надобно это дѣло успокоить миромъ. Если король захочетъ, то царское величество къ гетману Богдану Хмельницкому и ко всему войску Запорожскому велитъ послать, чтобъ гетманъ съ королевскимъ величествомъ ссору и войну унялъ и былъ у короля въ подданствѣ попрежнему, а королевское величество и паны радные вѣры христіанской не гнали бы и напрасной тѣсноты козакамъ не дѣлали. И когда королевское величество съ Запорожскими Черкасами войну кончитъ, тогда царское величество обошлется съ нимъ о соединеніи на Крымскаго хана, чтобъ Крымъ разорить». Послы: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій присылалъ къ царскому величеству воровствомъ, въ вѣрѣ имъ неволи никакой не бывало. Подъ Зборовомъ Хмельницкій присягалъ королю, чтобъ быть ему въ подданствѣ и послушаніи, и потомъ, разлакомясь воровскими добычами и надѣясь на тѣхъ же бунтовщиковъ Запорожскихъ Черкасъ,

началъ мыслить всякими мѣрами, какъ бы ему отъ королевскаго величества изъ подданства высвободиться, и сталъ бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за вѣру, шляхту и урядниковъ въ имѣнія не пускаютъ, и которые начали пріѣзжать, тѣхъ стали побивать невинно; а теперь Хмельницкій поддался Крымскому хану, ему присягалъ и съ нимъ соединился». Бояре: «Пока Черкасы отъ Крымцевъ не отстанутъ, до тѣхъ поръ на Крымцевъ идти нельзя; если съ Крымцами теперь войну начать, то за Крымскаго хана и за Черкасъ вступится Турскій султанъ, одни войска пойдутъ на Московское государство, а другія на Польшу, и въ это время помогать другъ другу будетъ нельзя, что тогда будетъ дѣлать? Всего лучше Запорожскихъ Черкасъ отъ Крымцевъ оторвать покоемъ; а когда Черкасы усмирятся, то промышлять о томъ, чтобъ ихъ съ Крымцами ссорить, а поссоривъ ихъ, идти сообща на Крымъ». Послы: «Если царское величество хочетъ о мирѣ съ Черкасами быть посредникомъ, то за такое доброе дѣло ему и отъ Бога заплата будетъ; только намъ отъ короля дано полномочіе становить о помощи противъ Крымскаго хана, а о посредствѣ не наказано». Бояре дали отвѣтъ рѣшительный, что государь тогда только станетъ ссылаться съ королемъ о Крымской войнѣ, когда король Запорожскихъ Черкасъ смиритъ или миромъ успокоитъ.

Въ Іюнѣ отправился къ королю гонецъ, подъячій Старого, съ такою царскою грамотою: «Вашего королевскаго величества великіе и полномочные послы, будучи у нашихъ великихъ боаръ и думныхъ людей въ отвѣтахъ, въ нашихъ титлахъ не дописывали: Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, а въ титлахъ вашего королевскаго величества приписали лишнее, и поѣхали не бивъ челомъ намъ о тѣхъ своихъ винахъ и поставили то ни во что. И намъ то въ подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось отъ вашихъ пословъ». Король отвѣчалъ, что относительно прописки въ титулѣ послы его помирились съ боя-

рами, и онъ удивляется, какимъ образомъ это дѣло поднимается вновь. Съ своей стороны король жаловался, что бунтовщиковъ козаковъ Брянскіе воеводы пропустили чрезъ свой уѣздъ въ Литовскія области, и козаки эти взяли Рославль. Гонецъ привезъ вѣсти, что въ Дорогобужѣ, Смоленскѣ и въ иныхъ городахъ жители говорятъ: если въ ихъ мѣста козаки придутъ, то они къ козакамъ пристанутъ и начнутъ съ ними заодно Ляховъ воевать, никогда они за Ляховъ кровь свою проливать и съ своею братьею, православными христіанами, биться не станутъ.

Въ концѣ 1651 года отправлены были въ Польшу дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ да дьякъ Алмазъ Ивановъ для присутствія на сеймѣ при судѣ и наказаніи людей, виновныхъ въ прискѣ титула. Виновные сами не явились на сеймъ, прислали за себя прокураторовъ. Мартынъ Калиновскій, Адамъ Кисель и Лука Жолкѣвскій были оправданы тѣмъ, что прописки въ ихъ грамотахъ были сдѣлапы до внесенія въ конституцію сеймовскаго рѣшенія о наказаніи за подобныя прописки. Про тѣ грамоты, у которыхъ не было подписей, прокураторы говорили: «Ясное дѣло, что эти грамоты писаны только именемъ обвиненныхъ, безъ нихъ, потому что еслибъ писаны были при нихъ, то они сами подписались бы. Въ которыхъ грамотахъ были подписи, о тѣхъ прокураторы говорили, что они этихъ рукъ не знаютъ, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нѣтъ писаря. Изъ другихъ обвиненныхъ многіе померли, иные побиты, и прокураторы били челомъ королю, панамъ раднымъ и всей рѣчи посполитой и просили вольности, чтобъ надъ прописчиками, мимо правъ коронныхъ и Литовскихъ, ничего не сдѣлать. Посланникамъ объявили королевскій приговоръ, что писавшіе грамоты неправильно до внесенія сеймоваго рѣшенія въ конституцію невинны; что писавшимъ послѣ конституціи велѣно присягнуть, что они прописки сдѣлали безъ хитрости, [illegible]шіе находятся подъ судомъ Божіемъ; тѣхъ же,

которые ни сами не явились на сеймъ, ни прокураторовъ не прислали, король, по конституціи, велѣлъ объявить баннитами, то-есть лишенными покровительства законовъ; убійство такого баннита въ вину не ставится. Посланники отвѣчали: «Мы этого декрета не принимаемъ, потому что онъ учиненъ мимо вѣчнаго докончанія и посольскаго договора: великому государю нашему не заплата, что худыхъ и невѣдомыхъ людей дѣлаете баннитами, а знатныхъ лучшихъ людей укрываете и отъ смертной казни освобождаете; по договору посольскому, всѣхъ обвиненныхъ довелось казнить смертью при насъ на нынѣшнемъ сеймѣ. Если король, жалѣя знатныхъ людей, смертью казнить ихъ не велитъ, то пусть возьметъ у нихъ имѣнія себѣ, а царскому величеству вмѣсто того велитъ уступить города, отданные въ 1634 году». — «Если вы декрета не принимаете» сказали паны: «то мы вамъ больше объ этомъ говорить не станемъ; съ чѣмъ васъ королевское величество къ царскому величеству отправитъ, съ тѣмъ и поѣдете, а съ декретомъ нашъ государь пошлетъ къ вашему своихъ пословъ или посланниковъ». Съ этимъ посланники и возвратились въ Москву.

Съ декретомъ пріѣхали въ Москву въ Іюнѣ 1652 года Албрехтъ Пенцлавскій и Казимиръ Униховскій. Между ними и боярами въ отвѣтѣ начались прежніе споры. Посланники утверждали, что какъ по ихъ стародавнимъ правамъ издавна повелось, такъ они и дѣлаютъ, а мимо правды ничего имъ дѣлать невозможно. Бояре отвѣчали: «Это право учинено у васъ въ своемъ государствѣ между людей посполитаго чина, что прокураторамъ отвѣчать, а къ государской чести это нейдетъ; еслибъ кто-нибудь противъ королевскаго величества какое зло учинилъ, то можно ли вмѣсто виноватаго отвѣчать прокураторамъ? думаемъ, что нельзя». Посланники: «Хотя бы кто и самого короля чѣмъ обезчестилъ, то, по правамъ нашимъ, нельзя королю безъ сейма рѣчи посполитой этого виноватаго казнить; также нельзя запретить прокуратору отвѣчать вмѣсто виновнаго». Несмотря на то, государь ука-

залъ и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что онъ написанъ не по договору посольскому и не по конституціи [62].

Такимъ образомъ у Москвы постоянно оставался предлогъ къ разрыву съ Польшею, и все зависѣло отъ оборота, какой примутъ дѣла Малороссійскія; а въ Малороссіи дѣла не могли окончиться мирно. Пораженіе подъ Берестечкомъ ясно показывало Хмельницкому и козакамъ, что имъ однимъ сладить съ Польшею нельзя, когда она напряжетъ всѣ свои силы, и на хана надѣяться также нельзя, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ сражаться съ многочисленнымъ войскомъ, а не грабить. Воспользовавшись своимъ торжествомъ, Поляки предписали козакамъ почти такія же условія, въ какихъ находились они до 1648 года; но теперь и для Хмельницкаго, привыкшаго къ царственному положенію, и для козаковъ, и для черни, освободившейся отъ пановъ и Жидовъ, привыкшей къ волѣ, условія эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкаго прошли не даромъ; эти четыре года отрѣзали совершенно Малороссію отъ прошедшаго, возвратъ къ которому былъ невозможенъ, и Поляки, стремившіеся возвратить Малороссію къ этому прошедшему, прали противъ рожна. Хмельницкій сначала хотѣлъ отдохнуть, выждать времени. 22 Октября 1651 года онъ писалъ къ Потоцкому, что будетъ смотрѣть зоркимъ окомъ на всѣ стороны и увѣдомлять его о приближеніи непріятеля: «До окончанія ревизіи» прибавляетъ Богданъ: «униженно прошу вашу милость приказать, чтобъ войска не шли далѣе на квартиры въ Брацлавское воеводство, пока мы не успокоимъ черни, и гдѣ остановятся, то чтобъ не слишкомъ надоѣдали простому народу. Я увѣренъ, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый разъ исподоволь пріучать крестьянъ». Писалъ къ Потоцкому и Выговскій: «Не только теперь, но и во всякое время я прилагалъ большое стараніе о томъ, чтобъ усердно и вѣрно служить его королевской милости. А что ваша милость въ послѣднемъ письмѣ увѣрять меня изво-

лишь въ милосердіи его королевскаго величества и важномъ повышеніи, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тѣмъ же усердіемъ и нижайшими услугами. Изволь, мой панъ и благодѣтель, думать обо мнѣ, какъ о вѣрномъ слугѣ своемъ, позволь, чтобъ я былъ предпочтенъ другимъ въ важнѣйшемъ дѣлѣ, касающемся его королевской милости. Объ одномъ прошу, чтобъ моя жизнь была въ безопасности; затѣмъ буду ожидать спокойно повышенія, обѣщаннаго вашею милостію. Объ одномъ прошу вашу милость, чтобъ зналъ, кому повѣрять секретнѣйшее».

Напрасно Хмельницкій желалъ отъ побѣдителей-Поляковъ осторожности и умѣренности въ пользованіи побѣдою. Въ Декабрѣ того же 1651 года гетманъ польный Мартынъ Калиновскій долженъ былъ разослать универсалъ по Кіевской шляхтѣ, въ которомъ писалъ: «Часто доходятъ до меня жалобы отъ пана гетмана и войска Запорожскаго о томъ, что, въ противность договорнымъ статьямъ, обыватели Кіевскаго воеводства препятствуютъ товариществу Запорожскаго войска свободно переходить изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ въ имѣнія королевскія, въ Кіевскомъ воеводствѣ лежащія, оставлять домы, продавать хлѣбъ, имѣніе; и уже теперь, не дожидаясь постановленнаго срока, въ противность тѣмъ же договорнымъ статьямъ, товарищество войска Запорожскаго подвергается изгнанію, лишается всего имѣнія. Доходятъ и другія жалобы, что нѣкоторые изъ пановъ обывателей запрещаютъ козакамъ переселяться изъ своихъ имѣній и наказываютъ за то тюремнымъ заключеніемъ и смертію». Калиновскій именемъ любви къ отечеству заклиналъ своихъ пановъ и братій удерживаться отъ подобныхъ поступковъ [63], но понапрасну. Чернь, отвыкнувъ отъ такого порядка вещей, не хотѣла снова привыкать къ нему, и вотъ потянулись переселенцы по давно указанному для Славянъ направленію, съ Запада на Востокъ, потянулись толпы украинцевъ за Днѣпръ, въ степныя владѣнія Московскаго государства, гдѣ основали новыя слободы на пространствѣ отъ Путивля до Острогож-

ска и далѣе на Югъ, удерживая свое старое козацкое устройство. Оставшіеся готовились къ войнѣ.

Прозоровскій доносилъ въ Москву: посылалъ гетманъ въ Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать Черкасъ, которымъ быть по договору въ двадцати тысячахъ; но Корсунскіе Черкасы Громыку убили, за то, что Хмельницкій и полковники мирились съ Поляками не по ихъ совѣту; гетманъ велѣлъ за то казнить изъ нихъ лучшаго человѣка, который сталъ было въ полковники на Громыкино мѣсто — Лукьяна Мозыру; да онъ же, гетманъ, разослалъ по всѣмъ городамъ листы, чтобъ Черкасы были всѣ наготовѣ: надобно думать, что будетъ у Черкасъ съ Поляками война попрежнему, потому что изъ панскихъ имѣній въ королевскіе города Черкасы идти не хотятъ. Богданъ велѣлъ сказать Прозоровскому чрезъ его посланца: «Хотя я съ Поляками теперь и помирился на чемъ-нибудь, только я великому государю служить радъ: кого онъ изволитъ къ намъ прислать—и мы всѣ готовы ему крестъ цѣловать; а если государь насъ не пожалуетъ, принять не велитъ, то намъ поневолѣ промышлять какъ лучше; а миръ у насъ съ Поляками некрѣпокъ, потому что Поляки всегда лгутъ, на миру не стоятъ». То же писалъ Хмельницкій и въ грамотѣ своей къ Прозоровскому: «Хотя мы и приняли *перемирье,* однако знаемъ, что намъ и вѣрѣ нашей православной Поляки не желаютъ ничего добраго; надѣемся на Господа Бога и на милость его царскаго величества, что когда надъ церквами Восточными умилится и надъ вѣрою нашею православною, тогда Поляки не воспріимутъ потѣхи; а мы, какъ не одинъ разъ обѣщали быть желательными его царскому величеству, такъ и теперь истинными быть обѣщаемся». Новый Путивльскій воевода, князь Өедоръ Хилковъ, доносилъ, что 21 Марта пріѣхали въ Путивль на государево имя на вѣчное житье Черниговскій полковникъ Иванъ Дзиковскій съ треми сотниками и съ двумя тысячами козаковъ. Козаки остались на границѣ до указа изъ Москвы, а между-тѣмъ въ концѣ Апрѣля королевскій

полковникъ Маховскій писалъ Хилкову, что эти измѣнники и разбойники обиды великія чинятъ въ королевской сторонѣ, бояръ по дорогамъ побиваютъ, купцовъ разбиваютъ [64].

Въ Москвѣ видѣли, что дѣйствительно у Поляковъ съ козаками миръ непроченъ, что скоро надобно рѣшиться или принять козаковъ и воевать съ Польшею, или видѣть подданство козаковъ султану и грани Турецкія подлѣ украинныхъ городовъ Московскихъ. Попытались, нельзя ли избѣжать и того, и другаго. 22 Марта 1652 года государь приказалъ дьякамъ своимъ, Волошенинову и Немирову, поговорить съ гетманскимъ посланцемъ Искрою по любви, потому что они одной вѣры христіанской; дьяки стали говорить Искрѣ: «Гетманъ въ письмѣ своемъ проситъ, чтобъ его царское величество держалъ Запорожское войско въ своемъ милостивомъ жалованьѣ; великій государь для православной вѣры держитъ къ козакамъ свое государское жалованье большое, а король, сенатъ и рѣчь посполитая на своей правдѣ мало стоятъ; и если они не исполнятъ своихъ договоровъ съ гетманомъ, то Запорожское войско не пойдетъ ли къ хану въ Крымъ, потому что у гетмана съ Крымскимъ ханомъ дружба большая?» Искра отвѣчалъ, что, въ случаѣ большаго притѣсненія отъ Поляковъ, гетману, кромѣ царя, некуда дѣться, и царь бы пожаловалъ, принялъ козаковъ въ свою сторону съ порубежными ихъ городами, которые близко къ Путивльскому рубежу; Запорожское войско въ союзѣ съ ханомъ поневолѣ, и союзъ этотъ дорого стоитъ, потому что Крымцы пустошатъ Малороссію, вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и потому козаки къ Крымскому не пойдутъ, и кромѣ государской милости дѣться имъ негдѣ. Дьяки продолжали: «Если вамъ отъ Поляковъ будетъ утѣсненье, то гетманъ и Черкасы шли бы въ сторону царскаго величества; а у царскаго величества въ Московскомъ государствѣ земли великія, пространныя и изобильныя, поселиться имъ есть гдѣ; удобно имъ поселиться по рѣкамъ Донцу, Медвѣдицѣ и другимъ угожимъ и пространнымъ мѣстамъ. Если же имъ быть въ царскаго величества порубежныхъ городахъ,

то всегда будетъ у нихъ съ Польскими людьми ссора, а чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше: безо всякаго будетъ задора. А перейти имъ въ царскаго величества сторону по вѣчному доконччанью можно, потому что отдачи на обѣ стороны не бываетъ, кто въ которую сторону перейдетъ, тутъ и живетъ безъ выдачи; а къ Крымскому хану идти вамъ непригоже, потому что Крымцы бусурманы, и вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя и никакого добра отъ нихъ, кромѣ разоренья, нечего ждать».

Выговскій, стращая, что между козаками много такихъ, которые будутъ совѣтовать гетману поддаться Туркамъ или Крымцамъ, увѣрялъ въ своей преданности и готовилъ себѣ, на случай, убѣжище въ Москвѣ. Въ Іюнѣ 1652 года онъ говорилъ съ Московскимъ посланцемъ Унковскимъ: «Если государь не изволитъ насъ принять, то есть такіе люди многіе, что станутъ гетману наговаривать поддаться Турскому или Крымскому; а у меня того и въ умѣ нѣтъ, чтобъ кромѣ великаго государя куда помыслить, только бы великій государь пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ обнадежить своею милостью, велѣлъ бы мнѣ свою грамоту прислать за рукою думнаго дьяка, чтобъ гетманъ и никто другой о томъ не зналъ; и въ Путивль свою грамоту велѣлъ прислать, чтобъ меня приняли, когда я къ великому государю поѣду. Если государская милость ко мнѣ будетъ, то я съ отцомъ своимъ, братьями и пріятелями къ великому государю пріѣду, а лучшіе люди Запорожской земли со мною же; да не думаю, чтобъ и гетманъ невѣрнымъ поддался. Меня и Венгерскій король зоветъ къ себѣ, власть мнѣ и жалованье великое даетъ; потому меня король Венгерскій знаетъ, что я у него бывалъ, и про то онъ знаетъ, что я отъ войска Запорожскаго почтенъ; но я кромѣ великаго государя не мыслю никуда ѣхать. Пока я здѣсь, уповаю на Бога, что удержу гетмана, все Запорожское войско и царя Крымскаго, воевать Московскія украйны не пойдутъ, потому что Крымскій царь и мурзы меня слушаютъ: извѣстно имъ, что я въ войскѣ Запорожскомъ владѣтель во всякихъ

дѣлахъ, а гетманъ, и полковники, и все войско Запорожское меня слушаютъ же и почитаютъ; вы и сами видите, что гетманъ и лучшіе люди мнѣ вѣрятъ во всемъ». Перекрестившись передъ образомъ и поклонившись въ землю, Выговскій сказалъ: «Дай Господи, чтобъ великаго государя ко мнѣ, послѣднему холопу, милость была совершенна, а я какъ обѣщалъ ему государю служить и на чемъ образъ Спасовъ цѣловалъ, такъ и совершу»[65].

Между-тѣмъ несчастная Украйна, опустошенная войною, голодомъ, переселеніями, не переставала волноваться: жители ея вырѣзывали Польскихъ солдатъ и вели гайдамацкую войну; Поляки мстили имъ, истребляя мятежныя селенія, вырѣзывая всѣхъ жителей. Чернь вооружалась и противъ Хмельницкаго, который, по обстоятельствамъ, медлилъ объявить себя на сторонѣ народнаго возстанія; наконецъ, для собственной безопасности, онъ долженъ былъ опять расширить реестръ, вопреки Бѣлоцерковскому договору, и, видя невозможность мира, завелъ снова сношенія съ Татарами. Поводомъ къ новой войнѣ была свадьба гетманскаго сына Тимоѳея на дочери господаря Молдавскаго Липулы. Липула далъ прежде вынужденное страхомъ обѣщаніе выдать дочь за Тимоѳея, но, подъ разными предлогами, не исполнялъ его, и обратился къ Польшѣ съ просьбою о помощи противъ нежеланнаго свата, родство съ которымъ считалъ для себя унизительнымъ. Вслѣдствіе этой просьбы господаря, гетманъ Калиновскій сталъ лагеремъ на берегу Буга, близь горы Батога или Батова, недалеко отъ Ладыжина, чтобъ преградить путь жениху, который шелъ за невѣстой съ козацкимъ и Татарскимъ войскомъ. Старый Хмельницкій предупредилъ Калиновскаго, чтобъ тотъ далъ дорогу его сыну, иначе можетъ произойти невыгодное для Поляковъ столкновеніе; Калиновскій не обратилъ вниманіе на предостереженіе, напалъ на Тимоѳея и заплатилъ за это жизнію своею и двадцати тысячъ Польскаго войска. Тимоѳей безпрепятственно продолжалъ путь въ Молдавію, гдѣ господарь долженъ

былъ выдать за него дочь свою; а старикъ Хмельницкій, показывая видъ, что не одобряетъ Батогскаго дѣла, и оправдывая себя и сына предъ королемъ, между-тѣмъ осаждалъ Каменецъ, чтобъ укрѣпиться въ Подоліи. Король созвалъ чрезвычайный сеймъ, на которомъ положено было собрать 50,000 войска; на сеймъ явились козацкіе депутаты и божились, что гетманъ ихъ не зналъ о Батогскомъ дѣлѣ, и къ Хмельницкому въ Чигиринъ отправились коммиссары отъ сейма съ требованіемъ, чтобъ онъ разорвалъ союзъ съ Татарами и отдалъ сына въ заложники. Богданъ вспыхнулъ, услыхавъ эти требованія, и, схватившись за саблю, сказалъ: «Еслибъ кто другой, а не вы, мои давніе знакомцы и друзья, были ко мнѣ присланы съ такими рѣчами, то я бы иначе съ ними распорядился. Развѣ вы не видите моего расположенія къ Польшѣ, что, поразивши васъ теперь на Батогѣ, я ничего не дѣлаю, тогда какъ могъ бы не только васъ въ конецъ разорить, но, пославши многіе полки козацкіе и Татарскіе, могъ бы васъ за самый Римъ загнать? Съ Татарами мнѣ разойтись нельзя; для коммиссій будетъ время, когда война перестанетъ; пусть самъ король ведетъ со мною переговоры, а когда и гдѣ быть коммиссіи — это въ его королевской волѣ. Сына въ залогъ послать нельзя: одинъ еще малъ, а другой только что женился. Прежде всего пусть король присягнетъ въ ненарущеніи Зборовскихъ условій.» Хмельницкій дѣйствительно надѣялся легко управиться съ Польшею, опустошенною моровымъ повѣтріемъ, пожарами, голодомъ, наводненіями. Въ Декабрѣ 1652 года явился въ Москвѣ посолъ Хмельницкаго, войсковой судья Самойла Богдановичъ, съ низкимъ челобитьемъ, чтобъ государь умилосердился, велѣлъ принять Запорожское войско подъ свою высокую руку. Дьяки посольскаго приказа спросили Богдановича: «Какъ тому быть, что гетману и всему войску Запорожскому быть подъ царскаго величества высокою рукою, и какъ имъ жить? тамъ ли, въ своихъ городахъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? о томъ съ ними отъ гетмана наказано ли подлинно?» Богда-

новичъ отвѣчалъ: «какъ гетману и всему войску Запорож-
скому быть подъ царскаго величества рукою, о томъ онъ не
вѣдаетъ, и отъ гетмана съ нимъ о томъ ничего не наказа-
но, вѣдаетъ то гетманъ; а съ нимъ только наказано цар-
скому величеству бить челомъ: какъ прежде царское величе-
ство былъ къ гетману и ко всему войску Запорожскому ми-
лостивъ, такъ бы и теперь своей государской милости отъ
нихъ не отдалялъ и непріятелямъ ихъ, Полякомъ, помощи
на нихъ не давалъ; а кромѣ того ни о чемъ говорить не
наказано».

Но 1653 годъ заставилъ Богдана перемѣнить мысли, кото-
рыя онъ имѣлъ въ 1652. Въ началѣ года лучшій полководецъ
Польскій, Чарнецкій, ворвался въ Украйну и сильно опустошилъ
ее; въ Польшѣ дѣлалось вооруженіе; въ Молдавіи Хмельниц-
кому нужно было защищать свата своего Липулу, противъ
котораго встали господарь Волошскій и князь Трансильванскій
Рагоци. Въ Апрѣлѣ пріѣхали отъ гетмана въ Москву Кондратъ
Бырляй и Силуанъ Мужиловскій съ просьбою, чтобъ великій
государь пожаловалъ, для православной христіанской вѣры
велѣлъ гетмана со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ принять
подъ свою государеву высокую руку и учинилъ бы имъ на
непріятелей ихъ Поляковъ помощь думою и своими госуда-
ревыми ратными людьми. Къ нимъ писали и присылали много
разъ Турскій султанъ и Крымскій ханъ, зовя къ себя въ под-
данство; но они въ томъ имъ отказали, что они мимо ве-
ликаго христіанскаго государя царя къ бусурманамъ въ под-
данство идти не хотятъ. Если царское величество ихъ
междоусобіе успокоитъ миромъ черезъ своихъ пословъ, они
и той государской милости ради изъ воли его государской
не выступаютъ, только бъ изволилъ царское величество по-
слать теперь поскорѣе къ королю гонца, чтобъ онъ войною
на Запорожское войско не наступалъ и задоровъ никакихъ
чинить не велѣлъ. Королева Шведская отправила пословъ
своихъ къ гетману и ко всему войску Запорожскому со-
вѣтно о какихъ дѣлахъ, и тѣхъ ея пословъ на дорогѣ

*

переняли Поляки: такъ гетманъ велѣлъ у царскаго величества милости просить, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ, посланниковъ пропустить къ Шведской королевѣ черезъ свое государство провѣдать, для чего она своихъ пословъ къ нему посылала, а для вѣрности пусть царское величество пошлетъ съ ними въ Швецію отъ себя кого ему угодно. Бырляй и Мужиловскій привезли грамоты отъ Хмельницкаго къ патріарху Никону, къ боярамъ — Морозову, Милославскому, Пушкину, съ низкимъ челобитьемъ, съ смиренною просьбою, чтобъ они ходатайствовали предъ православнымъ царемъ за него, гетмана, прямаго слугу царскаго величества. Государь не велѣлъ пропускать Бырляя и Мужиловскаго въ Швецію на томъ основаніи, что это можетъ помѣшать переговорамъ съ Польшею. Въ это время принятіе въ подданство Малороссіи и война Польская были уже рѣшены въ Москвѣ: первая дума объ этомъ у государя съ боярами была 22 Февраля 1653 года, въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, а «совершися государская мысль въ семъ дѣлѣ» въ понедѣльникъ третьей недѣли великаго поста, Марта 14 [66].

Для послѣднихъ переговоровъ 24 Апрѣля 1653 года отправлены были въ Польшу полномочные послы: бояринъ князь Борисъ Акександровичъ Репнинъ, бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій и дьякъ Алмазъ Ивановичъ. Послы нашли Яна Казимира во Львовѣ 20 Іюля и потребовали, чтобъ король надъ виновными въ умаленіи государева титула велѣлъ справедливость учинить передъ ними же, великими послами, безъ всякой отволоки. Потомъ послы объявили другое дѣло: присылалъ къ великому государю Запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій, что договоръ, заключенный съ козаками сперва подъ Зборовомъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью, не исполненъ съ королевской стороны: церкви не отданы, многихъ православныхъ христіанъ духовнаго и мірскаго чина невинно замучили, войска на нихъ коронныя и Литовскія собраны, хотятъ на нихъ приходить тайно, чтобъ ихъ безвѣстно разорить и искоренить: такъ чтобъ великій государь для пра-

вной вѣры милость надъ ними показалъ, за нихъ вступ-
й и принялъ ихъ подъ свою высокую руку; если же
ое величество ихъ не пожалуетъ, то они поневолѣ учи-
въ подданствѣ у Турскаго султана или Крымскаго хана,
у что впередъ панамъ раднымъ вѣрить нельзя, никогда
въ правдѣ своей не стоятъ; а подъ Турскимъ султаномъ
тъ многіе христіане, и такого гоненія отъ бусурманъ
ываетъ, какое имъ, Черкасамъ, отъ Поляковъ. Великій
дарь, остерегая вѣчное докончаніе, Запорожскимъ по-
цамъ велѣлъ сказать, чтобъ имъ быть попрежнему подъ
левскимъ повелѣньемъ безо всякаго сомнѣнія; гетманъ и
войско Запорожское отвѣчало, что если государь подъ
руку ихъ не принимаетъ и къ бусурманамъ въ поддан-
идти не велитъ, то чтобъ царское величество съ коро-
ихъ помирилъ черезъ своихъ великихъ пословъ, и быть
въ прежнихъ вольностяхъ безъ всякаго насилованія, а
миръ станется, то они сейчасъ же отъ бусурманъ от-
утъ. И великій государь указалъ намъ, великимъ посламъ,
ъ, панамъ раднымъ, говорить, чтобъ королевское величе-
государства своего до раздѣленія и до большаго меж-
обія и разоренія не допускалъ, подданныхъ своихъ Чер-
ъ отъ поганцевъ отлучилъ, договоръ съ ними учинилъ
кій, чтобъ имъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было и жить
въ прежнихъ вольностяхъ.

аны отвѣчали, что Хмельницкій говоритъ все неправду,
онъ поддается Турскому султану и принялъ бусурманскую
у; объ этомъ они узнали недавно; только бусурманскую
у принялъ онъ одинъ, Хмельницкій, чернь султану под-
ься не захотѣла, и королевское величество, не желая видѣть
вославныхъ христіанъ въ подданствѣ у султана, идетъ на
ельницкаго самъ со многими войсками, и станетъ Хмель-
цкаго съ товарищами его добивать, чтобъ больше государству
разоренія отъ этихъ бунтовщиковъ не было. Послы воз-
жали: «Вы, паны радные, говорите неправду: царскому вели-
еству подлинно извѣстно, что православнымъ христіанамъ отъ

васъ и отъ вашего духовенства въ вѣрѣ неволя большая».
Когда паны донесли королю о рѣчахъ посольскихъ, то Янъ
Казимиръ велѣлъ отвѣчать посламъ, что Хмельницкій тре-
буетъ возобновленія Зборовскаго договора; но ему, королю,
какъ стерпѣть, что подданный его, самый худой человѣкъ,
хлопъ, пишетъ, чтобъ сдѣлано было по его хотѣнью, чего въ
Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало, а теперь Хмельницкій
поддается Турскому султану и зоветъ Крымскаго хана къ
себѣ на помощь, обѣщаетъ султану, что приметъ бусурман-
скую вѣру. Хмельницкій самый лютый воръ и такому вору
какъ вѣрить? Паны объявили посламъ, что о Зборовскомъ
договорѣ они и слышать не хотятъ, договоръ этотъ за не-
правды Хмельницкаго снесенъ саблею; но для царскаго ве-
личества король милосердіе свое покажетъ, если Хмельницкій
добьетъ ему челомъ, булаву отдастъ и впередъ гетманомъ
не будетъ; если и козаки добьютъ также челомъ, оружіе
свое все положатъ и будутъ попрежнему въ хлопахъ у па-
новъ своихъ и пашню станутъ пахать, а реестровыхъ коза-
ковъ будетъ попрежнему шесть тысячъ, и станутъ жить въ
Запорожьѣ и гдѣ прежде живали, а въ Кіевѣ и другихъ горо-
довъ по обѣ стороны Днѣпра будетъ стоять войско коронное
и Литовское; если же Хмельницкій этого не сдержитъ, то
царское величество помогъ бы на него королю своими рат-
ными людьми. Послы настаивали, чтобъ король помирился съ
козаками на Зборовскихъ условіяхъ; паны повторяли, что
они о Зборовскомъ договорѣ и слышать не хотятъ. Послы
предложили, чтобъ король послалъ отъ себя своего дворянина,
а они, послы, отправятъ своего къ Хмельницкому для унятія
крови христіанской; паны, именемъ королевскимъ, отвѣчали,
что не только королю, но и посламъ отправлять своего дво-
рянина негодится: всякій подумаетъ, будто король у измѣн-
ника своего мира проситъ, и, боясь его, позволилъ вамъ
послать за миромъ къ такому измѣннику, клятвопреступцу,
худому человѣку хлопу; пристойно было Хмельницкому напе-
редъ прислать къ королевскому величеству съ челобитьемъ.

...царскому величеству надобно, чтобъ Хмельницкій былъ королевскаго величества въ подданствѣ, то пусть пошлетъ ... себя къ Хмельницкому, возьметъ у него статьи, на которыхъ онъ хочетъ быть въ подданствѣ, и перешлетъ эти ... къ королю, а король рѣшитъ, на какія статьи можно ...ситься и на какія нѣтъ. Послы отвѣчали, что Хмельницкій кромѣ Зборовскаго договора ничего не приметъ. Паны ...рили *гораздо сердито.*, что Зборовскаго договора и на... нѣтъ, съ Хмельницкимъ у короля никакого договора ...было, былъ договоръ подъ Зборовымъ съ Крымскимъ ха...номъ.; договоръ этотъ нарушенъ Хмельницкимъ; послѣ чего ...ъ другой договоръ подъ Бѣлою Церковью, и тотъ нару...шенъ Хмельницкимъ же, и теперь король всѣхъ этихъ измѣнниковъ снесетъ и до конца разоритъ. Послы: «Королевскому ...личеству и вамъ, панамъ, надобно разсудить: если вы этихъ ...ихъ подданныхъ побьете, города и мѣста разорите и ...даете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; послѣ эти пустыя мѣста кѣмъ вамъ будетъ ...селить? всякій государь славенъ и силенъ подданными своими, ... пустоты государю безсиліе и безславіе; подъ Зборовымъ ...роль договоръ учинилъ православной вѣры не тѣснить, а ...ю искоренить, и на этихъ Зборовскихъ статьяхъ принялъ ...Хмельницкаго въ подданство по просьбѣ бусурмана Крымскаго ...на; но теперь бы королевское величество, по просьбѣ христіанскаго государя, царскаго величества, принялъ Хмельницкаго въ подданство по Зборовскому договору, и православной вѣры тѣснить не велѣлъ».

После этихъ разговоровъ послы начали дѣло о новыхъ ...пискахъ въ титулѣ, требовали попрежнему смертной казни ...виновнымъ и приводили въ примѣръ Персидскаго шаха, который прислалъ государю на смертную казнь виновнаго въ ...пискѣ титула. Паны отвѣчали: «И король пришлетъ виноватыхъ къ вашему государю на смертную казнь, если государь ...шъ пришлетъ напередъ къ королю головою своего патріарха, ... то, что онъ въ королевскихъ областяхъ, уступленныхъ по

послѣднему миру, въ попы ставитъ и благословенныя грамоты даетъ, чѣмъ нарушаетъ мирное постановленье». Потомъ возвратились къ дѣлу Хмельницкаго, и послы объявили, что король присягалъ не нарушать вѣры и вольности своихъ подданныхъ; если же онъ станетъ тѣснить православную вѣру, то подданные, какъ написано въ присягѣ, будутъ свободны отъ подданства. Паны отвѣчали, что посламъ въ эти дѣла, въ королевскія присяги, вступаться не довелось, и Греческой вѣрѣ утѣсненья въ Польшѣ и Литвѣ нѣтъ. Тутъ послы объявили, что если король перестанетъ тѣснить православную вѣру, уничтожитъ унію и приметъ Хмельницкаго въ подданство по Зборовскому договору, то государь, для такого добраго дѣла, велитъ всѣ прежнія ссоры отъ прописокъ въ титулѣ оставить. Паны отвѣчали: «Если царскому величеству угодно, чтобъ король простилъ Хмельницкаго и козаковъ, то пусть же послы отправятъ къ Хмельницкому отъ себя посольство и уговорятъ его выйти на встрѣчу къ королю и бить ему челомъ, когда король пойдетъ на него съ войскомъ». Послы объявили прежнее, что если король хочетъ принять козаковъ по Зборовскому договору, то они послы могутъ быть посредниками. Паны отвѣчали: «Чѣмъ вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкій дѣйствительно захочетъ соблюдать миръ и не захочетъ многихъ прихотей? Этотъ измѣнникъ и врагъ Божій непостояненъ, три раза присягалъ и нарушалъ присягу; да и то королевскому величеству неважное дѣло, если Хмельницкій и поддастся Турскому султану: чернь и козаки уже отъ него отстали и присылали къ королю Кіевскаго полковника Антона Ждановича бить челомъ о винахъ своихъ». Послы: «Мы будемъ уговаривать Хмельницкаго, чтобъ онъ, кромѣ вѣры, во всѣхъ другихъ статьяхъ отдался на волю королевскую, и если онъ согласится, то этимъ самымъ объявитъ свою правду». Паны отвѣчали: «Король на Зборовскихъ статьяхъ ни за что съ Хмельницкимъ не помирится, и унію уничтожить нельзя, потому что сами уніаты на это не согласятся. Дайте, великіе послы,

обязательство, что если Хмельницкій помирится и мира не удержитъ, то царское величество заплатитъ королю за теперешнія военныя издержки и поможетъ на Хмельницкаго своими ратными людьми». Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили послѣднюю мѣру: если Хмельницкій булаву положитъ и гетманомъ не будетъ, козаки оружіе свое передъ королемъ положатъ и станутъ просить милосердія, тогда король, для царскаго величества, окажетъ имъ милость. Несмотря, однако, на эту конечную мѣру, паны вскорѣ объявили посламъ, что король согласенъ, чтобъ они, послы, отправили своего дворянина къ Хмельницкому; но послы отвѣчали, что теперь имъ этого сдѣлать уже нельзя: они получили вѣсть, что Хмельницкій идетъ на короля войною вмѣстѣ съ Крымскими Татарами, чего онъ не долженъ былъ дѣлать, не получивши отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта о неуспѣшности ихъ переговоровъ; такимъ образомъ Хмельницкій сдѣлался измѣнникомъ и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницкомъ больше говорить не будутъ. Такъ какъ король на уничтоженіе уніи не согласился, за что царь готовъ былъ оставить всѣ свои требованія относительно прописокъ въ титулѣ, то послы обратились снова къ этимъ требованіямъ; паны отвѣчали, что на счетъ прежнихъ прописокъ постановленъ сеймовый декретъ, вопреки которому сдѣлать ничего нельзя; что же касается новыхъ прописокъ, сдѣланныхъ послѣ посольства Прончищева, то король посмотритъ, какъ царь распорядится съ собственными подданными, виновными въ пропискѣ королевскаго титула, виновными въ пропускѣ Малороссійскихъ козаковъ черезъ Брянскій уѣздъ въ Литву на войну, съ патріархомъ, виновнымъ въ томъ, что ставилъ поповъ въ королевскую сторону. Съ этимъ послы и были отпущены [67].

Въ то время, какъ Репнинъ съ товарищами вели эти переговоры во Львовѣ, Хмельницкій, угрозою поддаться Турецкому султану, торопилъ дѣло въ Москвѣ. Онъ объявилъ Сергѣю Яцыну, посланцу Путивльскаго воеводы князя Хил-

кова: «Вижу, что государской милости не дождаться, не отойти мнѣ бусурманскихъ невѣрныхъ рукъ, и если государской милости не будетъ, то я слуга и холопъ Турскому». 15 Іюня Яцынъ пріѣхалъ въ Путивль и сказалъ, что у гетмана Турецкіе послы были и еще полномочный посолъ идетъ, только присяги ждетъ. Получивши это донесеніе, царь послалъ къ гетману стольника Лодыженскаго съ слѣдующею грамотою (отъ 22 Іюня): «Мы изволили васъ принять подъ нашу высокую руку, да не будете врагамъ креста Христова въ притчу и въ поношеніе, а ратные наши люди сбираются». Хмельницкій отвѣчалъ 9 Августа: «Пребываемъ благонадежны на премногую милость, которую намъ твое царское величество показать изволилъ, что не отставлены будемъ изъ-подъ крѣпкой руки твоего царскаго величества. Мы иному невѣрному царю служить не хотимъ, только тебѣ бьемъ челомъ, чтобъ твое царское величество не оставлялъ насъ. Король Польскій со всею силою Ляцкою идетъ на насъ, погубить хотя вѣру православную. Съ извѣстіемъ объ этомъ отправили мы къ тебѣ посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресвѣтлому твоему лицу, чтобъ твое великое государство скорою и сильною ратію намъ руку помощи послать изволилъ, а мы мириться не будемъ съ королемъ до милостивой вѣсти отъ твоего великаго государства». Выговскій въ то же время писалъ къ думному дьяку Ларіону Лопухину: «Татарамъ уже не вѣримъ, потому что только утребу свою насытить ищутъ» [68].

Въ Августѣ же отправился въ Малороссію подъячій Иванъ Ѳоминъ, который долженъ былъ отдать тайно Выговскому грамоты Турецкаго султана, Крымскаго хана, Силистрійскаго паши, гетмановъ Потоцкаго и Радзивила къ Хмельницкому, ибо всѣ эти грамоты тайно пересланы были Выговскимъ въ Москву. За эту службу царь прислалъ Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрыхъ. Ѳоминъ такъ описываетъ пріемъ свой у Хмельницкаго: когда онъ подалъ гетману царскую грамоту, то Богданъ принялъ ее честно и учти-

во, и печать и въ грамоту любезно цѣловалъ; распечатавши и прочтя ее самъ, опять цѣловалъ, и середи свѣтлицы на государской милости поклонился въ землю и сказалъ: «Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресвѣтлый великій государь меня, холопа своего, и все войско Запорожское пожаловалъ своимъ царскимъ неизреченнымъ жалованьемъ». Ѳоминъ говорилъ: «Божіею милостію великій государь жалуетъ тебя, гетмана Богдана Хмельницкаго, и писаря Ивана Выговскаго и полковниковъ и все войско Запорожское православной христіанской вѣры, велѣлъ васъ спросить о здоровьѣ». Гетманъ отвѣчалъ: «На премногой государской милости я и все войско много челомъ бьемъ и, видя такую царскаго величества премногую милость, служить какъ Богу, такъ и ему государю, помазаннику Божію, и добра хотѣть во всемъ ради». При этихъ словахъ всѣ поклонились низко. Гетману Ѳоминъ подалъ отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значитъ меньше чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей. Наединѣ Ѳоминъ говорилъ гетману: «Великій государь тебя, гетмана, и все войско Запорожское за вашу службу жалуетъ, милостиво похваляетъ: и ты бъ, гетманъ, и все войско Запорожское и впередъ великому государю служили и радѣли во всемъ, а служба ваша у царскаго величества никогда забвенна не будетъ». Гетманъ отвѣчалъ, что онъ и писарь и все войско великому государю служить рады, только бъ великій государь изволилъ ихъ принять вскорѣ подъ свою высокую руку въ вѣчное холопство и своими ратными людьми на Ляховъ помощь велѣлъ дать также поскорѣе, потому что Ляхи уже наступаютъ. «Еслибъ» говорилъ Хмельницкій: «царское величество изволилъ насъ принять вскорѣ и послалъ своихъ ратныхъ людей, то я тотчасъ пошлю свои грамоты въ Оршу, Мстиславль и въ другіе города къ Бѣлорусскимъ людямъ, которые живутъ за Литвою, и они тотчасъ станутъ съ Ляхами биться, а будетъ ихъ съ 200,000».

6 Сентября отправлены были къ Богдану новые посланники: стольникъ Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Бредихинъ, объявить, что если Поляки по посольству князя Репнина-Оболенскаго не исправятся, то государь приметъ козаковъ. Репнинъ возвратился и объявилъ о неудачѣ своего посольства; тогда, 20 Сентября, послали гонца догнать Стрѣшнева и Бредихина на дорогѣ и отдать имъ новый наказъ: объявить гетману прямо, что государь принимаетъ его подъ свою высокую руку, а 1-го Октября созванъ былъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей, которымъ объявлено о неправдахъ Литовскаго короля и присылкахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ челобитьемъ о подданствѣ. «Секретари королевскіе и воеводы порубежныхъ городовъ пишутъ царскій титулъ не по вѣчному докончанію, со многими перемѣнами; а иные злодѣи во многихъ листахъ писали съ великимъ безчестьемъ и укоризною. Отправляемы были къ королю великіе послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказанія ея оскорбителямъ; король Владиславъ обѣщалъ, что впередъ этого ничего не будетъ; но обѣщаніе не было исполнено. Мало того: появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про царя Михаила, отца его патріарха Филарета и про самого царя Алексѣя напечатаны злыя безчестья, укоризны и хулы, также про Московскихъ бояръ и всякихъ чиновъ людей. Государь послалъ боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновнымъ: паны обѣщали; въ другой разъ посланъ былъ Прончищевъ требовать исполненія обѣщанія: король Янъ Казимиръ отправилъ въ отвѣтъ своихъ посланниковъ въ Москву съ сеймовымъ декретомъ на обвиненныхъ; но этотъ декретъ постановленъ былъ не такъ, какъ требовалось: многіе виновные оправданы, а нѣкоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвѣстно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великіе и полномочные послы — князь Репнинъ-Оболенскій съ товарищами, требовать, чтобъ король учинилъ пристойное исправленіе; паны радные отвѣчали, что все это требованія пустыя, что они постановили декретъ противъ виновныхъ и впередъ

будутъ судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнинъ ничего не могъ добиться. Кромѣ этого неисправленья Янъ Казимиръ ссылается съ Крымскимъ ханомъ противъ Московскаго государства, пропустилъ Крымскаго посла чрезъ свою землю въ Швецію; въ порубежныхъ мѣстахъ отъ Литовскихъ людей постоянные задоры. Наконецъ, въ прошлыхъ годахъ гетманъ Хмельницкій и все войско Запорожское много разъ присылали, жалуясь на гоненія за вѣру и прося царское величество принять ихъ подъ свою высокую руку; если же государь ихъ не пожалуетъ, въ подданство не приметъ, то, по крайней мѣрѣ, вступился бы за нихъ, помирилъ съ Поляками. По этой просьбѣ царь велѣлъ князю Репнину ходатайствовать у короля за Малороссіянъ, и князь Репнинъ потребовалъ, чтобъ Поляки исполняли статьи Зборовскаго договора и возвратили православнымъ церкви ихъ, отнятыя уніатами, и если король исполнитъ это, то царь обѣщалъ простить всѣхъ виновныхъ въ умаленіи его титула. Это требованіе король и паны поставили ни во что, тогда какъ Янъ Казимиръ, при избраніи своемъ, далъ клятву не тѣснить никого за вѣру, и, въ случаѣ нарушенія клятвы, освобождалъ подданныхъ отъ присяги. Теперь же гетманъ Богданъ Хмельницкій прислалъ опять посланца своего Лаврина Капусту съ тѣмъ, что король идетъ на Украйну войною, и козаки, не хотя монастырей, церквей Божіихъ и христіанъ въ мучительство выдать, бьютъ челомъ, чтобъ государь войска свои вскорѣ послать къ нимъ велѣлъ, да чтобъ государь велѣлъ прислать въ Кіевъ и въ другіе города своихъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей хотя съ 3,000 человѣкъ, и то для тѣхъ же государевыхъ воеводъ, а у гетмана людей много; да къ нему же хотѣлъ быть Крымскій ханъ съ ордою, и иные Татары уже пришли и стоятъ подъ Бѣлою Церковію; да къ гетману же присылалъ Турскій султанъ звать его къ себѣ въ подданство, и гетманъ ему отказалъ, надѣясь на государеву милость; если же государь его не пожалуетъ, принять не велитъ, то онъ станетъ свидѣтельствоваться Богомъ,

что у государя милости просилъ много, а государь его не пожаловалъ; съ королемъ же у нихъ мира отнюдь не будетъ, будутъ противъ него стоять».

Выслушавъ это объявленіе, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексѣя стоять и противъ Польскаго короля войну вести, а терпѣть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и землями чтобъ государь изволилъ принять подъ свою высокую руку, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей; да и потому доведется ихъ принять: въ присягѣ Яна Казимира короля написано, что ему никакими мѣрами за вѣру самому не тѣснить и никому этого не позволять; а если онъ этой присяги не сдержитъ, то онъ подданныхъ своихъ отъ всякой вѣрности и послушанья дѣлаетъ свободными. Но Янъ Казимиръ своей присяги не сдержалъ, и чтобъ козаковъ не отпустить въ подданство Турскому султану или Крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно ихъ принять».

Стрѣшневъ и Бредихинъ не нашли Богдана въ Чигиринѣ: 13 Августа изъ Переяславля онъ разослалъ универсалы, призывая народъ вооружиться противъ вѣроломныхъ Ляховъ, поднявшихъ на Украйну Трансильванскаго князя и Волоховъ. Около Богдана собралось 60,000 войска; но старый гетманъ не зналъ, куда съ нимъ двинуться: съ одной стороны шелъ на Украйну король, съ другой пришла вѣсть изъ Молдавіи, что сынъ гетманскій, Тимоѳей Хмельницкій, осажденъ въ Сочавѣ возставшими противъ его тестя Молдаванами, Волохами, Трансильванцами и Поляками. Когда Богданъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ Боркомъ, пришла къ нему другая вѣсть, что Тимоѳей опасно раненъ; старикъ рѣшился двинуться въ Молдавію на помощь къ сыну, но пришли къ нему полковники и объявили: «Ненотребно намъ чужую землю оборонять, а свою безъ остереганья метать, будетъ съ насъ и того, что за себя стоять и свою землю оборонять». У гетмана въ

это время было подпито: онъ вынулъ саблю и порубилъ Черкасскаго полковника Еско по лѣвой рукѣ. Протрезвившись, онъ поспѣшилъ поправить дѣло: пришелъ къ козакамъ, поклонился трижды въ землю, велѣлъ выкатить имъ бочку меду и сказалъ: «Дѣтки мои! напейтесь и меня не подайте!» Козаки отвѣчали: «Панъ гетманъ! въ томъ воля твоя, а быть съ тобою мы всѣ готовы». Хмельницкій выступилъ въ Молдавію, но на дорогѣ встрѣтились ему козаки, вышедшіе изъ Сочавы, послѣ сдачи ея непріятелямъ: они везли съ собою гробъ молодаго Тимоѳея Хмельницкаго. Старику не было теперь болѣе нужды идти въ Молдавію; во второй половинѣ Ноября вмѣстѣ съ ханомъ онъ двинулся на Поляковъ, которые стояли подъ Жванцомъ, на берегу Днѣстра, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца. Здѣсь повторилась Зборовская исторія: король съ своимъ малочисленнымъ войскомъ находился въ отчаянномъ положеніи, но ханъ спасъ его, принявши мирныя предложенія: король обѣщалъ ему исправно посылать деньги, на основаніи Зборовскаго договора, и позволилъ Татарамъ впродолженіи сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ Русскихъ жителей въ Польскихъ областяхъ, не касаясь Поляковъ. Хмельницкаго ханъ увѣрялъ, что выговорилъ для козаковъ Зборовскія условія; но Богданъ, съ которымъ король не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія, поспѣшилъ уйти съ своимъ войскомъ въ Чигиринъ, чтобъ покончить дѣло съ Москвою.

24 Декабря пріѣхалъ Богданъ въ Чигиринъ, гдѣ дожидались его Московскіе посланники—Стрѣшневъ и Бредихинъ, которые объявили, что царь велѣлъ принять козаковъ съ городами и землями подъ свою высокую руку. Гетманъ 28 Декабря отвѣчалъ благодарственною грамотою, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ до лица земли низко челомъ билъ: «Ради твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрно во всѣмъ служить и крестъ цѣловать, и по повелѣнію твоего царскаго величества повиноваться готовы будемъ, понеже мы ни на кого, только на Бога и на твое пресвѣтлое царское

величество надѣемся». Въ Москвѣ долго думали, но, надумавшись, спѣшили рѣшеннымъ дѣломъ. За Стрѣшневымъ и Бредихинымъ отправились въ Малороссію бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ принять присягу съ гетмана и со всего войска. Они выѣхали изъ Москвы 9 Октября, но за рубежъ перешли только 22 Декабря, и 23 Бутурлинъ писалъ къ Стрѣшневу въ Чигиринъ, спрашивалъ, видѣлся ли онъ съ гетманомъ и какъ у нихъ дѣло дѣлалось? Въ Малороссіи уже знали, зачѣмъ идетъ Бутурлинъ съ товарищами, и потому во всѣхъ городахъ встрѣчали его съ торжествомъ, духовенство съ крестами, мѣщане съ хлѣбами. Бояринъ направлялъ путь къ Переяславлю. 31 Декабря за пять верстъ отъ этого города выѣхалъ къ нему на встрѣчу Переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря и 600 козаковъ. Сойдя съ лошади, Тетеря говорилъ Бутурлину рѣчь: «Благовѣрный благовѣрнаго и благочестивый благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича его государскаго величества великій бояринъ и прочіе господа! Съ радостію ваше благополучное пріемлемъ пришествіе, отъ многаго бо времени сердце наше горѣло бѣ въ наю слухомъ услаждаясь, яко со исполненіемъ царскаго обѣта грядете къ намъ, еже быти подъ высокою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго рукою православному и преславному войску Запорожскому. Тѣмъ же азъ меньшій въ рабѣхъ того войска Запорожскаго, имѣя приказъ отъ Богомъ даннаго намъ гетмана Зиновія Хмельницкаго въ Богоспосаемомъ градѣ Переяславлѣ, изшедъ во срѣтеніе ваю, радостное благородіемъ вашимъ привѣтствованіе сотворяю и нижайшее со всѣмъ войскомъ, въ томъ же градѣ содержащимся, творю поклоненіе, а въ упокоеніе труда путнаго милостей вашихъ во обитель града Переяславля внити молю прилежно». При въѣздѣ въ городъ новая встрѣча отъ духовенства съ образами и хоругвями, новая рѣчь отъ протопопа. Тетеря объявилъ Бутурлину, что гетманъ хотѣлъ быть изъ Чигирина въ Переяславль прежде его боярскаго

пріѣзда, но нельзя переѣхать черезъ Днѣпръ; по той же причинѣ долженъ былъ оставаться въ Чигиринѣ и Стрѣшневъ.

6 Генваря 1654 года пріѣхалъ въ Переяславль и Хмельницкій; на другой день пріѣхалъ писарь Выговскій, съѣхались полковники и сотники. 8 числа утромъ пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что у гетмана съ полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы подъ государеву высокую руку подклонились. Послѣ тайной рады въ тотъ же день назначена была явная. Съ ранняго утра начали бить въ барабанъ и били цѣлый часъ, чтобъ собирался народъ. Когда собралось много всякихъ чиновъ людей, сдѣлали кругъ пространный, куда вошелъ гетманъ подъ бунчукомъ, съ нимъ судьи, есаулы, писарь и всѣ полковники. Гетманъ сталъ посреди круга, войсковой есаулъ велѣлъ всѣмъ молчать, и гетманъ началъ говорить:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и всѣ православные христіане! Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божію, дабы имя Русское не помянулось въ землѣ нашей, что̀ уже очень намъ всѣмъ наскучило, и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, какого хотите: первый царь Турецкій, который много разъ черезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй — ханъ Крымскій; третій—король Польскій, который, если захотимъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великой Россіи государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ: тутъ котораго хотите избн-

райте! Царь Турецкій бусурманъ; всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, Греки бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ утѣсненіи; Крымскій ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ въ дружбу принявши, какія нестерпимыя бѣды испытали! Объ утѣсненіяхъ отъ Польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что лучше Жида и пса, нежели христіанина, брата нашего, почитали. А православный христіанскій великій государь царь восточный единаго съ нами благочестія, Греческаго закона, единаго исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій государь царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Россіи, шестилѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислать изволилъ; если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога». Тутъ весь народъ завопилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» Потомъ полковникъ Переяславскій Тетеря, ходя въ кругу, спрашивалъ на всѣ стороны: «Всѣ ли такъ соизволяете!» — «Всѣ единодушно!» раздавался отвѣтъ. Гетманъ сталъ опять говорить: «Будь такъ, да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подъ его царскою крѣпкою рукою!» Народъ на это завопилъ единогласно: «Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ мы во вѣки все едино были».

Послѣ рады гетманъ съ старшинами пріѣхалъ къ боярину, который объявилъ имъ: «Великій государь, видя съ королевской стороны неисправленье и досады и вѣчному доконченію нарушенье и не желая того слышать, чтобъ вамъ, единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ

раззоренья, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ Латиновъ, подъ свою высокую руку васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами и землями, отъ королевскаго подданства преступленіемъ присяги его свободныхъ, принять велѣлъ и помощь вамъ своими ратными людьми чинить велѣлъ. И ты бъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско Запорожское, видя къ себѣ великаго государя милость и жалованье, государю служили, всякаго добра хотѣли и на его милость были надежны; а великій государь станетъ васъ держать въ своей милости и отъ недруговъ вашихъ въ оборонѣ».

Выслушавъ эту рѣчь, гетманъ и старшины на государевой милости били челомъ, и потомъ вмѣстѣ съ бояриномъ поѣхали въ каретѣ въ соборную церковь. Тамъ уже дожидались ихъ Казанскій Преображенскій архимандритъ Прохоръ, Рождественскій протопопъ Адріанъ, священники и дьяконы, которые пріѣхали изъ Москвы. Духовенство встрѣтило боярина и гетмана съ крестами и кадилами, пѣли: «Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!» Когда всѣ вошли въ церковь, то духовенство хотѣло уже начать приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы; но гетманъ подошелъ къ Бутурлину и сказалъ: «Тебѣ бы, боярину Василью Васильевичу съ товарищами, присягнуть за государя, что ему насъ Польскому королю не выдавать, за насъ стоять и вольностей не нарушать: кто былъ шляхтичъ, или козакъ, или мѣщанинъ, и какія маетности у себя имѣлъ, тому бы всему быть попрежнему, и пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать намъ грамоты на наши маетности». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу клянутся служить и прямить и всякаго добра хотѣть; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ непристойно, потому что всякій подданный повиненъ

присягнуть своему государю, и вы бы, какъ начали великому государю служить и о чемъ били челомъ, такъ бы и совершили и присягнули бы великому государю по Евангельской заповѣди безъ всякаго сомнѣнія, а великій государь вольностей у васъ не отнимаетъ и маетностями каждому велитъ владѣть попрежнему». Гетманъ сказалъ на это, что поговоритъ съ полковниками и со всѣми людьми, и вышедши изъ церкви, пошелъ въ домъ къ Переяславскому полковнику Тетерѣ и долго говорилъ тамъ съ полковниками и со всѣми людьми, а бояринъ все дожидался въ церкви. Вошли въ церковь два полковника — Переяславскій Тетеря и Миргородскій Сахновичъ, и отъ имени гетмана начали говорить боярину тѣ же рѣчи, чтобъ присягнулъ за государя; Бутурлинъ отвѣчалъ прежнее: «Непристойное дѣло за государя присягать, никогда этого не повелось». Полковники замѣтили, что Польскіе короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ; Бутурлинъ отвѣчалъ на это: «Польскіе короли подданнымъ своимъ присягаютъ, но этого въ образецъ ставить непристойно, потому что это короли невѣрные и не самодержцы, на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ своей не стоятъ». Полковники говорили: «Гетманъ и мы государскому слову вѣримъ, только козаки не вѣрятъ и хотятъ, чтобъ вы имъ присягнули». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Великій государь изволилъ васъ принять подъ свою высокую руку по вашему челобитью: и вамъ его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть, также стараться о томъ, чтобъ все войско Запорожское къ присягѣ привести; а если какіе-нибудь незнающіе люди такія непристойныя рѣчи и говорятъ, то вамъ надобно великому государю службу свою показать, а такихъ незнающихъ людей унимать».

Съ этимъ полковники пошли назадъ къ гетману; чрезъ нѣсколько времени явился самъ Хмельницкій и объявилъ боярину: «Мы во всемъ полагаемся на государеву милость, и присягу по Евангельской заповѣди великому государю вседушно учи-

чить готовы, и за государское многолѣтнее здоровье головы складывать рады, а о своихъ дѣлахъ станемъ мы бить челомъ великому государю». Архимандритъ началъ приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ; гетманъ, писарь и полковники плакали, произнося слова присяги. Потомъ, когда всѣ старшины присягнули, взошелъ на амвонъ Благовѣщенскій дьяконъ Алексѣй и началъ кликать многолѣтье государю; народъ плакалъ отъ радости, что наконецъ сподобилъ ихъ Господь Богъ быть подъ государевою рукою. Послѣ всего этого гетманъ вмѣстѣ съ бояриномъ и товарищами его поѣхалъ изъ собора на съѣзжій дворъ въ каретѣ, а полковники и народъ шли пѣшкомъ. На съѣзжемъ дворѣ Бутурлинъ вручилъ Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи, причемъ, подавая каждую вещь, говорилъ рѣчь; такъ, подавая знамя, говорилъ между прочимъ: «Царское величество сіе знаменіе тебѣ, благочестивый гетманъ, даруетъ: на семъ царскомъ своемъ знаменіи царя царствующихъ всемилостиваго Спаса написаннаго въ побѣду на враги, Пресвятую Богородицу въ Покровъ и преподобныхъ Печерскихъ со святою Варварою Русскихъ молитвенниковъ въ ходатайство тебѣ и всему твоему православному воинству подавая». Вручая ферязь, говорилъ: «Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орелъ покрыти гнѣздо свое и на птенца своя вождѣлѣ, градъ Кіевъ съ прочими грады, царскаго своего орла нѣкогда гнѣздо сущія хотяй милостію своею государскою покрыти, съ нимъ же и птенца своя вѣрныя нѣкогда подъ благочестивыхъ царей державою сущія въ защищеніе свое пріяти, въ знаменіе таковыя своея царскія милости тебѣ одежду сію даруетъ». Подавая шапку: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной и промыслъ благоугодный о православія защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ, здраву голову твою соблюдая, всядѣмъ разумомъ ко благому воинства православнаго строенію вразумляетъ».

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, пи-

саря, козаки и мѣщане. 12 Генваря пришли къ Бутурлину писарь Выговскій, войсковой судья Самойла, Переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, Миргородскій Григорій Сахновичъ и другіе полковники и говорили: «Не изволили вы присягать за великаго государя, такъ дайте намъ письмо за своими руками, чтобъ вольностямъ нашимъ, правамъ и маетностямъ быть попрежнему, для того, чтобъ всякому полковнику было что показать, пріѣхавъ въ свой полкъ; прежде, какъ бывали у насъ договоры съ королемъ и панами радными, то намъ давали договоръ за сенаторскими руками; вы отъ великаго государя присланы съ полною мочью, и если вы намъ такого письма не дадите, то стольникамъ и дворянамъ въ города ѣхать для привода къ присягѣ нельзя, потому что всѣмъ людямъ въ городахъ будетъ сомнительно. Да писали къ гетману изъ Бѣлой Церкви и изъ другихъ городовъ, что Татары наступаютъ, и стольникамъ и дворянамъ въ тѣ города ѣхать будетъ страшно». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Дѣло не статочное, что намъ дать вамъ письмо за руками своими, да и вамъ о томъ говорить непристойно; мы вамъ и прежде сказывали, что царское величество вольностей у васъ не отнимаетъ и въ городахъ у васъ указалъ государь до своего государева указа быть попрежнему вашимъ урядникамъ и судиться по своимъ правамъ, и маетностей вашихъ отнять государь не велитъ. Теперь надобно вамъ дѣлать такъ, чтобъ Божіе и государево дѣло во всемъ совершилось по его государскому указу, и чтобъ стольниковъ и дворянъ въ города послать и въ городахъ всѣхъ людей привести къ присягѣ, а если въ которомъ городѣ Татары объявятся, и они въ тотъ городъ не поѣдутъ». Писарь, судья и полковники спросили: «Долго ли стольникамъ и дворянамъ быть въ городахъ нашихъ?» Бутурлинъ отвѣчалъ: «Стольникамъ и дворянамъ въ вашихъ городахъ мешкать не для чего: какъ только людей къ присягѣ приведутъ, и они изъ городовъ уѣдутъ». Выговскій съ полковниками пошелъ сказать объ этомъ гетману и другимъ полковникамъ, послѣ чего пришелъ къ Бу-

турлину Миргородскій полковникъ Сахновичъ и сказалъ, что гетманъ и полковники положились во всемъ на государеву волю. Потомъ пришла къ Бутурлину шляхта и говорила, чтобъ шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своимъ правамъ, маетностямъ быть за ними попрежнему; причемъ подали роспись, гдѣ росписали себѣ воеводства и уряды. Бутурлинъ отвѣчалъ шляхтѣ, что они это дѣлаютъ непристойнымъ обычаемъ: еще ничего не видя, сами себѣ пописали воеводства и уряды, чего и въ мысли взять негодилось; объ этомъ онъ, бояринъ, скажетъ гетману. Тутъ шляхта стала бить челомъ, чтобъ гетману не говорить: «Мы такъ писали отъ своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дѣло въ волѣ государевой».

14 Генваря Бутурлинъ съ товарищами отправился въ Кіевъ; 16 числа, за полторы версты отъ золотыхъ воротъ, встрѣтилъ его съ рѣчью митрополитъ Сильвестръ Коссовъ: «Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ онъ, благочестивый Владиміръ великій князь Русскій; цѣлуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семъ мѣстѣ велію просіяти славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлуютъ васъ общему житію начальницы, Преподобный Антоній и Ѳеодосій Печерстіи и всѣ преподобніи, лѣта и животъ свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе; цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе жь любовне взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія Русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится яко орля юность наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей Русскихъ». Сильвестръ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ лѣтомъ 1651 года, когда прислалъ государю слѣдующую грамоту: «Избранъ я на митрополію Кіевскую во время нужное, когда учинилась въ нашей Литовской землѣ нынѣшняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные къ церкви св. Софіи, пошли теперь въ козаки, церкви доходовъ, послушанія и строенія отъ нихъ нѣтъ, только надѣемся помощи

отъ Бога и отъ твоего царскаго величества. Въ церкви св. Софіи нѣтъ книгъ: двѣнадцати миней мѣсячныхъ, да прологовъ на весь годъ, да Өеофилакта, да устава большаго; а я отъ многихъ наѣздовъ властелинскихъ, которые властели прiѣзжаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ козацкихъ старшинъ, изнищенъ до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней мѣсячныхъ, да прологи сентябрскіе и мартовскіе, да Өеофилакта, да уставъ большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чѣмъ бы мнѣ зимою согрѣться». Просьба осталась безъ исполненія, потому что митрополитъ не подписался на грамотѣ своею рукою[69]. Во время послѣднихъ сношеній Хмельницкаго съ царемъ о подданствѣ Сильвестръ не отозвался ни разу; въ Москвѣ показалось это очень страннымъ: дѣло идетъ объ избавленіи православныхъ отъ гоненія нечестивыхъ Латинъ, Малая Россія соединяется съ Великою во имя восточнаго православія, а митрополитъ молчитъ; помнили поведеніе Іова Борецкаго и тѣмъ болѣе изумлялись поведенію Сильвестра Коссова. Но между положеніемъ Іова и Сильвестра была большая разница: Іовъ держалъ митрополію во время сильнаго разгара борьбы между православіемъ и уніею, когда новопоставленные архіереи православные подвергались тяжелымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ; Іовъ, въ крайности, искалъ спасенія вездѣ, обращался къ козакамъ, обращался къ Москвѣ, причемъ всѣ другіе разсчеты и соображенія были забыты. Но Сильвестръ правилъ церковію совершенно въ иное время, когда, благодаря Хмельницкому, религіозныя преслѣдованія затихли: правда, католическіе прелаты не пустили Сильвестра въ сенатъ, за-то въ Кіевѣ его никто не трогалъ, въ Кіевѣ никто не запиралъ церквей православныхъ. Прекращеніе гоненій давало просторъ другимъ интересамъ: Сильвестръ былъ шляхтичъ, и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при Польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго и слабаго патріарха Визан-

тійскаго была номинальная, тогда какъ при подданствѣ Малороссіи Московскому государю трудно было избѣжать зависимости отъ Московскаго патріарха, которая была уже не то.

После молебна спросилъ Бутурлинъ митрополита: «Почему въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско Запорожское много разъ били челомъ великому государю принять ихъ подъ свою высокую руку, ты никогда о томъ не билъ челомъ, не писалъ и не искалъ себѣ милости царской?» Сильвестръ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, а теперь за государево многолѣтнее здоровье и за государыню царицу и за благовѣрныхъ царевенъ онъ долженъ Бога молить. 17 Генваря приведены были къ присягѣ сотники, есаулы, атаманы, козаки и мѣщане Кіевскіе; но когда Бутурлинъ послалъ къ митрополиту и Печерскому архимандриту, чтобъ они прислали къ присягѣ шляхту, слугъ и всѣхъ своихъ дворовыхъ людей, то получилъ отвѣтъ, что, переговоря вмѣстѣ, дадутъ знать. На другой день, 18 числа, Бутурлинъ опять послалъ сказать митрополиту, чтобъ онъ, служа великому государю, склонялъ подвластныхъ своихъ къ присягѣ, не отвращалъ отъ нея. Митрополитъ отвѣчалъ, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежатъ къ Софійскому дому, служатъ ему по найму и потому негодится имъ присягать царю. Послы употребили угрозы; митрополитъ продолжалъ утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные; что онъ ихъ къ присягѣ не вышлетъ; что въ паствѣ его много епископовъ и духовенства, которые остаются въ Литовскихъ городахъ; что если король узнаетъ о присягѣ его шляхты и дворовыхъ людей царю, то велитъ изрубить этихъ епископовъ и духовенство, и онъ, митрополитъ, обязанъ будетъ отвѣчать за души ихъ Богу. При этомъ Сильвестръ никакъ не хотѣлъ видѣться съ Бутурлинымъ. Наконецъ 19 числа митрополитъ уступилъ, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги Печерскаго архимандрита были приведены къ присягѣ.

Въ концѣ Генваря Бутурлинъ съ товарищами отправились

назадъ въ Москву. Стольникъ Головинъ выѣхалъ имъ на встрѣчу въ Калугу съ государевымъ милостивымъ словомъ, и, между прочимъ, говорилъ: «А что было гетманъ и полковники говорили вамъ, чтобъ за насъ, великаго государя, учинить присягу, что намъ за нихъ стоять и вольностей ихъ не нарушить, и вы, служа намъ, великому государю, то у нихъ отговорили и все учинили по нашему указу». Въ началѣ Марта пріѣхали въ Москву посланники Хмельницкаго: генеральный судья Самойла Богдановичъ Зарудный и Переяславскій полковникъ Тетеря, бить челомъ: 1) Чтобъ въ городахъ урядники были выбираемы изъ Малороссіянъ, люди достойные, которые должны будутъ всѣмъ управлять и доходы въ казну царскую отдавать; если же пріѣдетъ царскій воевода и станетъ права ихъ ломать и уставы какіе-нибудь чинить, то это имъ будетъ въ великую досаду. Царь пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью, только прибавлено, что при сборѣ казны надъ Малороссійскими урядниками наблюдаютъ люди, присланные государемъ. 2) Чтобъ вольно было гетману и войску Запорожскому принимать иностранныхъ пословъ; а еслибъ послы эти пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, то давать знать объ этомъ государю.—Царь указалъ: о добрыхъ дѣлахъ пословъ принимать и отпускать, давая обо всемъ знать въ Москву подлинно и вскорѣ; пословъ, пришедшихъ съ противнымъ дѣломъ, не отпускать до указа царскаго; съ Турскимъ же султаномъ и Польскимъ королемъ, безъ указа царскаго, не ссылаться. 3) Чтобъ число реестровыхъ козаковъ было 60,000.—На это послѣдовало согласіе. 4) Чтобъ по смерти гетмана войско Запорожское само избирало новаго. — Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью. 5) Чтобъ права, данныя князьями и королями духовнымъ и мірскимъ людямъ, не были нарушены.—Послѣдовало согласіе. Хмельницкій выпросилъ себѣ у царя городъ Гадачъ съ принадлежностями въ потомственное владѣніе.

Съ посланниками гетманскими все было улажено; но вотъ

въ томъ же Мартѣ мѣсяцѣ пришла грамота изъ Кіева отъ воеводы князя Куракина съ товарищами: какъ пріѣхали они въ Кіевъ и города Кіева со всякими людьми осматривали, гдѣ бы построить крѣпость отъ прихода Польскихъ и Литовскихъ людей, и нашли мѣсто на горѣ близь Софійскаго монастыря, то митрополитъ объявилъ имъ, что онъ этой земли не уступитъ и города или острога на этомъ мѣстѣ ставить не дастъ, потому что то земля его митрополичья, Софійская, Архангельскаго и Никольскаго монастырей и Десятинной церкви подъ его митрополичьею паствою; а если они бояре хотятъ Черкасъ оберегать, то они бы оберегали отъ Кіева верстъ за двадцать и больше; а если бояре начнутъ ставить городъ на томъ мѣстѣ, которое выбрали, то онъ станетъ съ ними биться; хотя гетманъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и поддался государю, но онъ, митрополитъ, со всѣмъ соборомъ о томъ бить челомъ къ государю не посылывалъ, и живетъ онъ съ духовными людьми самъ по себѣ ни подъ чьею властію; и началъ митрополитъ боярамъ грозить: «Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что надъ вами вскорѣ конецъ будетъ», и въ городовомъ дѣлѣ отказалъ впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будутъ, слушаютъ государева указа, и, поговоря съ полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить городъ на избранномъ мѣстѣ. Получивши это донесеніе отъ воеводъ, государь писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ велѣлъ ѣхать митрополиту въ Москву — *дать о себѣ исправленье*. Но гетманъ вступился за митрополита и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобъ они на томъ мѣстѣ острога не дѣлали, потому что правъ церковныхъ и даянья православныхъ князей ломать нельзя. Тогда царь написалъ къ гетману, что онъ вмѣсто избранной подъ крѣпость земли дастъ митрополиту и церквамъ другія земли, и чтобъ митрополитъ не оскорблялся.

Въ Іюлѣ 1654 года пріѣхалъ въ Москву Никольскій игуменъ Иннокентій Гизель съ товарищами бить челомъ о подтвержденіи правъ Малороссійскаго духовенства и подалъ царю

грамоту отъ митрополита Сильвестра, въ которой тотъ оправдывалъ свое сопротивленіе крѣпостной постройкѣ: «Извѣстно буди вашему царскому величеству, что я это сдѣлалъ не изъ сопротивленія вашему царскому величеству, какъ нѣкоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта съ древнихъ временъ принадлежитъ митрополіи, и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемникъ ихъ, не захотѣлъ этой земли отъ церкви Божіей отлучить, ибо и кормъ только отъ этой земли мнѣ идетъ. Вотъ почему я и спрашивалъ, есть ли письменное повелѣніе вашего царскаго величества строить твердыни града на церковной землѣ; въ старину у насъ былъ такой обычай, что прежде чѣмъ приказывать и брать, показывали письменное приказаніе пославшаго; но воеводы не имѣли письменнаго повелѣнія вашего царскаго величества. Прости меня, всемилостивый царь! сдѣлалъ я это ради ревности къ мѣсту святому церковному, а не изъ сопротивленія вашему царскому величеству. Къ тому же и отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имѣлъ приказаніе мимо его указа никому не позволять ничего дѣлать и брать, и я не смѣлъ преступить этого приказанія, а послалъ объявить объ этомъ гетману, и какъ скоро онъ прислалъ мнѣ указъ, чтобъ я позволилъ строить крѣпость, то я оставилъ всякое сопротивленіе, благословилъ воеводамъ строить. А что я не посылалъ до сихъ поръ посланниковъ моихъ съ челобитьемъ къ вашему царскому величеству, то это происходило не отъ нерадѣнія моего или презрѣнія вашей пресвѣтлой державы: я хотѣлъ немедленно послать, но гетманъ запретилъ посылать прежде, чѣмъ его посланники отъ вашего царскаго величества возвратятся». Хмельницкій въ своей грамотѣ также оправдывалъ митрополита: «Что прогнѣвалось было твое царское величество на преосвященнаго пастыря нашего, какъ будто онъ разорялъ дѣло Божіе и совокупленіе православія не принималъ, то не вѣрь этому: ибо сколько зла претерпѣлъ онъ за вѣру и православіе святое, и теперь онъ сильно

радуется о мирѣ всего міра, всегда молится и о твоемъ царскомъ величествѣ. Изволь преосвященнаго пастыря и весь соборъ священный пожаловать, моленія ихъ не презрѣть и прочимъ клеветамъ не вѣрить».

Гизель подалъ статьи, которыхъ утвержденія просило Малороссійское духовенство; изъ нихъ важнѣйшія: 1) чтобъ Малороссійское духовенство не было изъято изъ подъ власти Константинопольскаго патріарха; 2) чтобъ духовныя власти удерживали свои должности до смерти, а преемники ихъ поступали бы посредствомъ вольнаго избранія какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей, и чтобъ государь Москвичей въ Малую Россію не присылалъ на духовныя мѣста; 3) чтобъ въ духовныхъ судахъ виноватыхъ не отсылать въ Великую Россію. Малороссійское духовенство било челомъ о всѣхъ этихъ правахъ, но особенно о первой вольности, которая всѣмъ вольностямъ и правамъ корень — быть подъ послушаніемъ Константинопольскаго патріарха. «На этомъ основаніи,—говорилось въ челобитной — всѣ наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалованія вашего царскаго величества, то митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ сильно скорбѣть и унывать начнутъ, и другіе духовные, которые еще не подъ рукою вашего царскаго величества, а только усердно желаютъ этого, видя нашу скорбь, начнутъ малодушествовать». Рѣшеніе на эти статьи государь отложилъ до возвращенія своего изъ похода [70].

Но прежде нежели приступимъ къ описанію этого похода, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ находился молодой царь къ сосѣднимъ и другимъ державамъ.

Съ Швеціею и въ первыя десять лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича продолжались такія же дружескія отношенія, какъ мы видѣли въ царствованіе отца его послѣ Столбовскаго мира. Съ извѣстіемъ о воцареніи Алексѣя Михайловича отправленъ былъ къ королевѣ Христинѣ гонецъ Скрябинъ въ Августѣ 1645 года. Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу съ пріѣзда до от-

пуску было честно и въ кормахъ довольно. Въ Мартѣ 1646 года отправлены были въ Швецію великіе послы, окольничій Григорій Пушкинъ и казначей Богданъ Дубровскій, съ подтвержденіемъ Столбовскаго договора, и королева подтвердила договоръ, несмотря на то, что въ царской грамотѣ имя великаго государя было написано съ повышеньемъ, а имя королевы съ умаленьемъ. Въ 1647 году пріѣхали въ Москву поздравить государя съ восшествіемъ на престолъ Шведскіе послы Гилленштернъ и Врангель; они объявили, что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбіорну ѣхать въ Швецію, а на его мѣсто прислала Карла Померенинга. Бояре отвѣчали, что королевинымъ резидентамъ впередъ быть на Москвѣ нельзя, ибо отъ нихъ чинятся ссоры многія: Крузбіорнъ взялъ взаймы на королевино имя 3,000 пудъ селитры, долга не заплатилъ, а къ королевѣ писалъ на ссору, что селитру всю отдалъ; да ему же дано взаймы 1,000 рублей денегъ, и деньги эти не заплачены: тотъ же Крузбіорнъ не платитъ и своихъ долговъ, продавалъ запрещенные товары, вино и табакъ; да и въ вѣчномъ докончаніи о резидентахъ не написано, что имъ жить въ Москвѣ; но, хотя резидентамъ и не довелось жить въ Москвѣ, однако для дружбы и любви съ королевою и для ея прошенья государь позволяетъ новому резиденту Померенингу быть въ Москвѣ на время; если же онъ, живя въ Москвѣ, станетъ какія-нибудь дурныя дѣла дѣлать, то великій государь терпѣть ему не будетъ и велитъ его изъ Москвы выслать тотчасъ. Въ 1649 году окольничій Борисъ Пушкинъ заключилъ въ Стокгольмѣ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, который былъ поводомъ къ возмущенію во Псковѣ. Чтобъ поступокъ Псковичей съ Нуммейсомъ не прервалъ пріязненныхъ отношеній у Москвы съ Швеціею, въ Апрѣлѣ 1650 года отправленъ былъ къ королевѣ гонецъ подъячій Стараго съ увѣреніемъ, что мятежники, обезчестившіе Нумменса, будутъ наказаны. Христина отвѣчала, что она надѣется, что мятежники будутъ наказаны, подданные ея вознаграждены

и договоръ исполненъ. Договоръ былъ исполненъ и пріязнь продолжалась; въ 1651 году переводчикъ Яганъ Розенлиндъ (Рузенли), присланный королевою, объявилъ тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождествѣ Христовѣ пріѣзжали въ Стокгольмъ Крымскіе послы: пропустилъ ихъ чрезъ свою землю Польскій король Янъ Казимиръ и прислалъ вмѣстѣ съ ними отъ себя Іезуита съ извѣстіемъ, что онъ король вмѣстѣ съ ханомъ хотятъ вести войну съ Москвою и приглашаютъ къ тому же королеву. Розенлиндъ прибавилъ, что королева велѣла отказать хану и королю. Царь въ Іюнѣ написалъ ей въ отвѣтъ съ гонцомъ своимъ Головинымъ, что онъ принимаетъ это предостереженіе въ пріятную любовь и будетъ воздавать за это своею дружбою и любовью, причемъ просилъ, чтобъ королева прислала ему грамоты королевскую и ханскую. Королева отвѣчала, что грамотъ къ ней не было ни отъ хана, ни отъ короля. Къ Головину въ Стокгольмѣ пришли Русскіе торговые люди — Новгородецъ Михайла Стояновъ, Ладоженинъ Антонъ Гиблой и Новгородскій попъ Емельянъ, пріѣхавшій съ торговыми людьми, и сказали, что въ 1651 году пріѣхалъ изъ Ревеля въ Стокгольмъ Русскій человѣкъ въ Литовскомъ платьѣ, называетъ себя великороднымъ человѣкомъ, Иваномъ Васильевичемъ, говоритъ, что хочетъ ѣхать къ великому государю, а Шведы, приходя на Русскій торговый дворъ, говорятъ, будто онъ роду Шуйскихъ князей, отецъ его былъ свезенъ въ Пермь и постриженъ насильно; онъ самъ Иванъ говорилъ священнику Емельяну: «для чего Новгородцы и Псковичи великому государю добили челомъ, вотъ васъ велитъ государь перевѣшать такъ же, какъ царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ Новгородцевъ казнить и перевѣшать». Головинъ отвѣчалъ имъ, что это должно-быть воръ подъячій Тимошка Акундиновъ: онъ волосомъ черно-русъ, лице продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. «Онъ и есть точь въ точь» сказалъ на это священникъ Емельянъ: «онъ мнѣ велѣлъ на молитвѣ поминать себя Тимоѳеемъ, потому что прямое имя ему Тимоѳей, а проз-

вище Иванъ, и никому не велѣлъ говорить, что зовутъ его Тимоѳеемъ». Головинъ послалъ къ Акундинову толмача, которому самозванецъ сказалъ: «Зовутъ меня Иваномъ Васильевичемъ, а про родъ и прозвище вѣдомо на Москвѣ; ѣхать къ государю въ Москву опасаюсь, потому что мнѣ на Москвѣ недруги бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ да бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, а за мною большое государево дѣло и грамоты многія, которыя государю годны, у меня есть; чтобъ Головину самому со мною повидаться и обо всемъ переговорить?» Чрезъ нѣсколько времени толмачъ привелъ къ Головину Русскаго человѣка, который объявилъ, что зовутъ его Константиномъ, сынъ стремяннаго конюха Евдокима Конюховскаго, былъ на Москвѣ въ подъячихъ, сначала въ приказѣ Большаго дворца, а послѣ въ приказѣ Казанскаго дворца; съ Москвы съѣхалъ съ государемъ своимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, тому лѣтъ съ семь, оставя въ Москвѣ мать. Головинъ сказалъ ему: «Ты бы, Костка, помня Бога и великаго государя милость, обратился на истинный путь». Конюховскій, пожавъ плечами, сказалъ на это: «Милости великаго государя было много, только такъ учинилось», и проговоривши это, бросился бѣжать вонъ. По наказу Головина, священникъ Емельянъ и Ярославскій купецъ Силинъ задержали его на Русскомъ дворѣ, въ молитвенномъ анбарѣ, и дали знать Головину, который пришелъ въ анбаръ, велѣлъ связать Конюховскаго и отвести къ себѣ на подворье. Но королевины думные люди призвали къ себѣ Головина и сказали ему: «Въ докончаньи не написано, чтобъ, пріѣхавъ въ чью-нибудь землю, хватать людей безъ приставовъ!» Головинъ отвѣчалъ: «Въ этой моей винѣ воленъ великій государь и королевино величество, а мнѣ было тому вору спустить не умѣть; хотя бы я и смерть видѣлъ, и тогда такимъ ворамъ не спустилъ бы; а еслибъ я объ немъ объявилъ, то онъ бы изъ Стекольны ушелъ». Но Головину объявили, что королева велитъ Конюховскаго освободить и отпустить къ боярину его, Ягану Се-

нельсину, подъ какимъ именемъ Тимошка былъ присланъ изъ Венгріи отъ Рагоцы; если же этотъ Сенельсинъ писался другимъ воровскимъ именемъ, то пусть царь ищетъ его въ Венгріи. Головнинъ пріѣхалъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Тимошка уѣхалъ изъ Стокгольма въ Нарву и тамъ посаженъ въ тюрьму. Головнинъ привезъ съ собою перехваченную переписку Акундинова съ Конюховымъ. Между прочимъ Тимошка даетъ слѣдующія наставленія: «Искать людей надобныхъ, кого бы можно посылать къ Москвѣ и въ мое властительство съ грамотками къ родителькѣ и къ сродникамъ и къ сиротѣлымъ дѣткамъ, и прочее тайнымъ обычаемъ шпиговски, или лазучески. — Чиновниковъ, чиноначальниковъ въ царствующемъ Иванѣгородѣ и во Псковѣ, духовныхъ и мірскихъ провѣдывая имена, совершенно писать ко мнѣ. Про семилѣтнее странствіе ни прибавлять, ни убавлять, въ правду всякому обо всемъ кому изъ нашихъ друзей понадобится сказывать; Богу молиться; нашедши отца духовнаго, долгъ христіанскій на себѣ не держать, но съ исправленіемъ Богу, сколько возможно, нелицемѣрно угождать». Въ одномъ изъ писемъ Акундиновъ увѣдомляетъ Конюховскаго, что королева одарила его немалымъ числомъ въ золотѣ и серебрѣ деньгами.

Немедленно, въ Сентябрѣ того же года, отправленъ былъ въ Стокгольмъ подъячій Яковъ Козловъ съ требованіемъ выдачи Тимошки и Конюховскаго, и съ жалобою на резидента Померенинга, который ѣздилъ безвременно ночью въ гости во многія мѣста, и, напившись пьянъ, чинилъ многіе задоры; когда однажды бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой ѣхалъ ночью на пожаръ, резидентъ въ это же время скакалъ изъ гостей пьяный, вынулъ шпагу на-голо, фонарь, который несли передъ бояриномъ, разбилъ, самого боярина хотѣлъ поколоть, троихъ стрѣльцовъ, ѣхавшихъ за бояриномъ, посѣкъ такъ, что двое изъ нихъ едва живы будутъ; да онъ же Померенингъ прислалъ въ Стрѣлецкій приказъ письмо, въ которомъ царя Михаила Ѳеодоровича именованье написано не по вѣчному докончанію, а то начальное и главное дѣло

обоихъ государей чести остерегать: «и вашему бы королевичу величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье». Новгородскій воевода, князь Буйносовъ-Ростовскій, писалъ къ губернаторамъ Нарвскому и Ревельскому съ Новгородскими купцами, Тетеринымъ и Воскобойниковымъ, чтобъ губернаторы прислали Акундинова и Конюхова къ нему въ Новгородъ. Тетеринъ и Воскобойникомъ узнали Тимошку въ Ревелѣ, и, взявъ людей у ратмановъ, схватили его за городомъ; но Ревельскій губернаторъ Оксенштирна взялъ у нихъ Тимошку, объявивъ, что безъ королевина указа не можетъ его имъ выдать. Съ жалобою на это, въ Ноябрѣ, отправленъ былъ гонецъ дворянинъ Челищевъ. Пріѣхавши въ Ревель, Челищевъ узналъ, что Тимошка ушелъ изъ-подъ стражи, и когда гонецъ настаивалъ у губернатора, чтобъ вора сыскали, то губернаторъ отвѣчалъ: «Давно я вамъ отказалъ, что воръ Тимошка ушелъ и сыскать его негдѣ, а больше мнѣ съ вами и говорить нечего». Въ Генварѣ 1652 года Челищевъ отправился изъ Ревеля въ Стокгольмъ, а въ Апрѣлѣ Новгородецъ Микляевъ поѣхалъ въ Бранденбургію и Любекъ все по дѣлу самозванца, ибо въ Москву дали знать, что онъ объявился въ Прусской землѣ. 28 Мая пріѣхалъ Челищевъ изъ Швеціи и привезъ съ собою Костку Конюхова, который у пытки разсказывалъ: «Спознался я съ Тимошкою, какъ сидѣлъ въ Новой Четверти въ подъячихъ и жилъ у него. И какъ его Тимошкина мать вышла замужъ, а онъ Тимошка затягался со многими людьми, и въ то время, осердясь на мать свою, началъ мыслить, какъ бы убѣжать въ Литву, и ему Косткѣ про то говорилъ, чтобъ имъ вмѣстѣ бѣжать въ Литву, и тамъ имъ будетъ хорошо. И побѣжали мы съ нимъ въ Литву. И въ ту ночь, какъ побѣжали, Тимошка сына своего и дочь отвезъ на дворъ къ Ивану Пескову, а свой дворъ и жену сжегъ. Побѣжали мы изъ Москвы въ Тулу, нанявъ Тульскаго извощика, изъ Тулы побѣжали въ порубежные города проселочными дорогами и прибѣжали въ Новгородокъ Сѣверскій, откуда отвели насъ къ королю въ Краковъ. Тимошка

въ тѣ поры назывался Иваномъ Каразейскимъ, воеводою Вологодскимъ и намѣстникомъ Великопермскимъ; а изъ Литвы они сошли въ Царьгородъ, и тутъ Тимошка назывался государскимъ сыномъ Шуйскимъ. А идучи въ Царьгородъ, оставилъ Тимошка меня Костку въ Болгарской землѣ, и я былъ тутъ шесть мѣсяцевъ, а Тимошка въ Царѣгородѣ бусурманился безъ меня; а изъ Царягорода Тимошка ушелъ и былъ у папы въ Римѣ и сакраментъ принималъ; а изъ Рима шли на Венецію и на Седмиградскую землю и на иныя государства и пришли въ Запороги къ гетману Богдану Хмельницкому. А назвался Тимошка государскимъ сыномъ Шуйскимъ въ Царѣгородѣ, потому что онъ звѣздочетныя книги читалъ и остролюмейскаго ученья держался, потому что онъ былъ нескудный человѣкъ и было ему что̀ давать, и въ Литвѣ онъ и досталь тому научился, и та прелесть на такое дѣло его и привела. А я Костка звѣздочетью не умѣю и остроломеи не знаю и затѣмъ не хаживалъ. А въ томъ я передъ Богомъ грѣшенъ и передъ государемъ виноватъ, что Тимошку слушалъ и государю измѣнилъ съ глупости. Печать у Тимошки была у государевой помѣстной грамоты на красномъ воску, и съ той печати въ Римѣ печать онъ сдѣлалъ, вымысля самъ собою. А какъ онъ пріѣхалъ къ гетману Запорожскому и помощи себѣ просилъ, и Хмельницкій его у себя держалъ въ чести и хотѣлъ ему помогать, и Выговскій ему учинился другъ большой и также ему помогалъ и къ Рагоци Венгерскому объ немъ писалъ съ прошеньемъ, чтобъ онъ, Рагоци, ему, Тимошкѣ, помогалъ, и къ Шведской королевѣ объ немъ писалъ; и Рагоци къ Шведской королевѣ писалъ, и по тому письму Шведская королева Тимошкѣ и повѣрила; а будучи Тимошка въ Швеціи, принялъ Люторскую вѣру; а я Костка вѣры христіанской не отбылъ, папежской и Люторской вѣры не принималъ и не бусурманенъ». Послѣ трехъ встрясокъ и 15 ударовъ Костка говорилъ прежнія рѣчи. 10 Іюня была новая пытка—встряски жестокія и 15 ударовъ, послѣ чего сказалъ: «Какъ Тимошка былъ въ Царѣ-

городѣ, и онъ у султана помощи себѣ просилъ, ратныхъ людей, хотѣлъ идти подъ Астрахань и Казань; да хотѣлъ ему въ томъ помогать Астраханскій архіепископъ Пахомій и дворовые его люди, потому что архіепископъ ему давно знакомъ и друженъ, съ тѣхъ поръ, какъ были на Вологдѣ вмѣстѣ». Послѣ этого была другая пытка: встряска и 16 ударовъ и на огнѣ жгли дважды: говорилъ тѣ же рѣчи. 14 Іюня Костка сказалъ: «Какъ былъ Тимошка у Хмельницкаго и послышалъ о Псковскомъ смятеньѣ, то началъ просить гетмана, чтобъ отписалъ объ немъ къ Шведской королевѣ; и Хмельницкій отказалъ, потому что у него ссылки съ Шведской королевою нѣтъ, а напишетъ объ немъ къ Рагоци. А мыслилъ воръ Тимошка упросить у королевы, чтобъ ему позволили жить въ Швеціи подлѣ Русской границы, чтобъ ему, спознався и сдружась съ пограничными Нѣмцами, ссылаться чрезъ нихъ съ Псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни отъ кого помощи, кромѣ Черкасъ, не чаетъ, писарь Выговскій ему другъ и братъ названый, по немъ онъ надежду на Черкасъ имѣетъ. Какъ былъ онъ у Хмельницкаго, и въ то время, умысля съ Выговскимъ, писалъ къ Крымскому, чтобъ тотъ принялъ его къ себѣ, но Крымскій ничего на это ему не отвѣчалъ».

Государь писалъ къ королевѣ Христинѣ, что выдачу Конюхова онъ принимаетъ отъ нея въ любовь и противъ того будетъ воздавать, въ какихъ мѣрахъ будетъ возможно; но давалъ знать, что главный воръ Акундиновъ выпущенъ изъ Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никакъ было нельзя; кромѣ того, во время поимки Конюхова въ Ревелѣ, Шведы бросали на Челищева каменьями, чтобъ отбить Конюхова, и гонецъ изъ Ревеля едва уѣхалъ. Этимъ сношенія съ Швеціею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что воръ скрылся въ Голштиніи. Съ требованіемъ его выдачи отправились туда подъячіе Шпильканъ и Миклаевъ; герцогъ Фридрихъ отвѣчалъ, что не выдастъ самозванца до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена ему запись о Персидской

торговлѣ, данная въ 1634 году Крузіусомъ и Брюгеманомъ, также всѣ подлинныя письма, касающіяся этого дѣла. Запись и грамоты были немедленно отправлены и Тимошка привезенъ въ Москву. Говорятъ, что Тимошка хотѣлъ лишить себя жизни, бросившись съ телѣги подъ колеса, но это ему не удалось и его привязали къ телѣгѣ. Въ Москвѣ онъ объявилъ, что разскажетъ все одному боярину Никитѣ Ивановичу Романову; но распорядились иначе.

28 Декабря 1653 года Тимошка въ застѣнкѣ у пытки сказалъ: «Вину свою государю приношу и объявляю: я человѣкъ убогій, а отецъ мой и мать какіе люди, того не упомню, потому что остался малъ. Когда я съ молодыхъ лѣтъ жилъ у архіепископа Вологодскаго Варлаама, то архіепископъ, видя мой умъ, называлъ меня княжескимъ рожденіемъ и царевою палатою, и отъ этого прозванія въ мысль мою вложилось, будто я вправду честнаго человѣка сынъ. Послѣ того сталъ я проживать у дьяка Ивана Патрикѣева, и сидѣлъ въ Новой Чети въ подъячихъ, и былъ мнѣ Иванъ Патрикѣевъ другъ большой и оберегатель, и со мною обо всемъ совѣтовался и бѣды свои я ему сказывалъ и все мое умышленье онъ вѣдалъ. И какъ надъ Иваномъ Патрикѣевымъ бѣда учинилась, и я сталъ тужить и отъ страху изъ Москвы сбѣжалъ въ Литву, и будучи въ Литвѣ назывался Иваномъ Каразейскимъ. Когда нѣкоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопомъ дьяка Патрикѣева и убійцею брата своего, то архіепископъ Вологодскій Варлаамъ и дьякъ Патрикѣевъ прислали въ Литву свидѣтельствованное письмо, что я не холопъ Патрикѣева, но лучше его самого, и брата своего не убивалъ». На вопросъ: кто его научилъ называться Шуйскимъ княземъ? отвѣчалъ: «Отецъ мой Демка». Тутъ привели мать Тимошкину, монахиню Степаниду; взглянувъ на Тимошку, она сказала: «Это мой сынъ!» Тимошка долго молчалъ, потомъ спросилъ монахиню: «Какъ тебя зовутъ?» — «Въ мірѣ» сказала она: «звали меня Соломонидкою, а теперь въ монахиняхъ Стефанида». Тимошка сказалъ: «Эта старица

мнѣ не мать, а матери моей сестра родная, а была до меня добра, вмѣсто матери». У монахини спросили: кто былъ ея мужъ? Она отвѣчала: «Мужъ мой былъ Демидка, его Тимошкинъ отецъ, торговалъ сперва холстами, а послѣ жилъ у архіепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологдѣ и ему теперь 36 лѣтъ». Послѣ этого Тимошку четвертовали.

Сношенія съ другимъ Скандинавскимъ государствомъ, съ Даніею, не заключаютъ въ себѣ никакой важности; замѣчательнѣе были сношенія съ Англіею.

Въ Англію съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича къ королю Карлу I-му отправленъ былъ въ 1645 году гонецъ Герасимъ Дохтуровъ. Когда корабль, на которомъ ѣхалъ Дохтуровъ, приплылъ къ Гревезенду, то гонецъ встрѣченъ былъ купцами отъ имени компаніи, торгующей съ Россіею, перевели Дохтурова въ судно съ чердакомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и повезли по Темзѣ въ Гринвичъ съ торжествомъ, при выстрѣлѣ изъ 16 пушекъ. Дорогою Дохтуровъ разспрашивалъ купцовъ: король ихъ Карлъ теперь въ Лондонѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ? Купцы отвѣчали: король теперь въ Лондонѣ не живетъ, а гдѣ теперь король, о томъ имъ подлинно неизвѣстно, потому что у нихъ съ королемъ война большая года съ четыре и больше; вмѣсто короля Лондономъ и всею Англійскою и Шотландскою землею владѣетъ парламентъ, изо всякихъ чиновъ выбраны думные люди. Дохтуровъ спросилъ: за что у нихъ междоусобіе и война съ королемъ начались? какъ давно у нихъ начали владѣть думные люди, изъ какого чину выбраны и сколько ихъ человѣкъ? Купцы отвѣчали: «У насъ война съ королемъ началась за вѣру: какъ женился король нашъ у Французскаго короля на дочери, а вѣры она папежской, то королева и короля привела въ свою папежскую вѣру; по ея велѣнью король учинилъ арцыбискуповъ и іезуитовъ и многіе люди, смотря на короля, приняли папежскую вѣру. Да сверхъ того, король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ по своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а

здѣсь искони земля вольная и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣлъ всѣмъ парламентъ, думные люди. Началъ было король все дѣлать по своей волѣ; но парламентъ этого не захотѣлъ, арцыбискупа и іезуитовъ многихъ казнили; и видя король, что парламентъ началъ владѣть по своему обычаю, какъ искони повелось, а не по королевскому хотѣнью, выѣхалъ изъ Лондона съ королевою самъ, никто его не высылалъ, а сказалъ, что поѣхалъ гулять въ другіе города; выѣхавши изъ Лондона, королеву отпустилъ во Французскую землю, а самъ началъ воевать; но парламентская сторона сильнѣе. Въ парламентѣ сидятъ въ двухъ палатахъ: въ одной палатѣ сидятъ бояре, въ другой выборные изъ мірскихъ людей, изъ служилыхъ и торговыхъ; въ парламентѣ сидятъ съ 500 человѣкъ, а говоритъ за всѣхъ одинъ рѣчникъ».

Въ Гринвичѣ гонца встрѣтили отъ имени Англійскаго королевства бояръ и всякихъ чиновъ думныхъ людей и повезли въ Лондонъ опять въ богатоубранномъ суднѣ. Въ Лондонѣ у гонца спросили: «Отъ царскаго величества къ парламенту съ тобою грамота и приказъ какой есть ли?» Дохтуровъ отвѣчалъ: «Къ парламенту грамоты и приказу никакого нѣтъ; пусть парламентъ отпуститъ меня къ королю немедленно, пристава, кормъ и подводы мнѣ дастъ; да велѣлъ бы парламентъ мнѣ быть къ себѣ, и я стану говорить имъ самимъ». Парламентъ долго не давалъ отвѣта, отговариваясь тѣмъ, что зашли воинскія дѣла многія, сидятъ безпрестанно, готовятъ собранье большое ратнымъ людямъ. Наконецъ 20 Декабря парламентъ велѣлъ объявить Дохтурову: «парламентъ тебя къ королевскому величеству не отпуститъ, чтобъ царскаго величества имени порухи не учинилось и на дорогѣ надъ тобой отъ воинскихъ людей какого дурна не было; да и потому не отпуститъ, что за королевскимъ величествомъ тѣхъ людей, которые торгуютъ въ Московскомъ государствѣ, никого нѣтъ, вся компанія за парламентомъ, а не за королемъ. Пишетъ къ парламенту король безпрестанно о мирѣ и хочетъ быть въ Лондонъ, и какъ скоро онъ въ Лондонъ

пріѣдетъ, то тебѣ идти къ нему будетъ вольно; если же король въ Лондонѣ не будетъ, то парламентъ отпуститъ тебя на первыхъ корабляхъ съ великою честію». Но Доктуровъ не захотѣлъ дожидаться и потребовалъ отпуска домой черезъ Голландскую землю. Гонца не отпустили, и 8 Мая 1646 года онъ узналъ, что король сдался парламенту. Тогда гонецъ опять обратился съ требованіемъ, чтобъ его къ королю отпустили, потому что теперь король въ ихъ рукахъ. Ему отвѣчали: «Хотя король и у парламента въ рукахъ, однако тебя къ нему отпустить нельзя, потому что онъ ничѣмъ не владѣетъ». Владѣющій парламентъ хлопоталъ, чтобъ сохранить съ Московскимъ государемъ прежнія дружелюбныя отношенія. Компанія предложила гонцу обѣдъ въ своемъ домѣ; гонецъ отказался, на томъ основаніи, что его къ королю не пропустили; тогда ему предложили устроить обѣдъ у него на квартирѣ. Дохтуровъ согласился. На обѣдѣ лордъ Страффордъ и членъ парламента Флемингъ говорили гонцу: если царскому величеству нужны будутъ служилые люди, то у парламента для царскаго величества сколько угодно тысячъ солдатъ готово будетъ тотчасъ. 13 Іюня Дохтуровъ былъ въ парламентѣ: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человѣкъ, бояринъ милордъ Манчестеръ, всталъ, когда гонецъ подошелъ къ нему, потомъ и всѣ встали, человѣкъ ихъ сорокъ, и Дохтуровъ говорилъ рѣчь: «Посланъ я отъ великаго государя къ вашему Англійскому Карлусу королю въ гонцахъ наскоро для великихъ государскихъ дѣлъ, которыя годны имъ великимъ государямъ и всему христіанству къ тишинѣ и покою. Пріѣхавши въ здѣшній городъ Лондонъ, съ 26 Ноября по нынѣшній день говорилъ я вамъ безпрестанно и проѣзжую царскую грамоту вамъ казалъ много разъ, чтобъ вы меня къ королевскому величеству пропустили: и вы меня изъ Лондона не отпустили ни къ королю, ни къ царскому величеству, а во всѣхъ окрестныхъ государствахъ царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чистъ». Манчестеръ отвѣчалъ: «Почему мы тебя въ Лондонѣ держали и къ королевскому

величеству не отпустили, о томъ къ царскому величеству писали мы подлинно». После этихъ словъ Манчестеръ сказалъ Дохтурову: «Добро пожаловать сесть!» Поднесли кресла, обитыя краснымъ атласомъ, по атласу шито золотомъ и обнизано жемчугомъ. Гонецъ сѣлъ въ кресла, сѣли и бояре; Дохтуровъ сталъ разсматривать палату: по серединѣ палаты, возлѣ стѣны, мѣсто королевское, поставлены кресла, обитыя краснымъ бархатомъ, низаныя жемчугомъ съ каменьемъ, на креслахъ подушка — бархатъ золотной, по стѣнамъ ковры золотные, а по полу ковры цвѣтные. Посидѣвъ немного, бояре встали, и милордъ Манчестеръ, взявши у секретаря листъ, сказалъ гонцу: «Какъ будешь у великаго государя, извѣсти ему, что мы, здѣшняго королевства бояре, ему, великому государю, челомъ бьемъ и о томъ просимъ и молимъ: дай Богъ ему, великому государю, многолѣтнее здоровье». Взявши грамоту, Дохтуровъ хотѣлъ выйти, но Флемингъ взялъ у него грамоту и сказалъ: «Не подосадуй, пойди со мной въ другой парламентъ, гдѣ сидятъ всякихъ чиновъ выборные люди отъ всего королевства 420 человѣкъ; у насъ такъ повелось: напередъ объявятъ и отдадутъ листъ бояре, а потомъ отдадутъ въ другомъ парламентѣ отъ всего королевства всякихъ чиновъ выборные люди». Дохтуровъ отправился въ другой парламентъ: какъ вошелъ въ сѣни, встрѣтили его съ державою королевства, а держава серебряная золоченая, сдѣлана фонаремъ, и понесли державу въ палату передъ гонцомъ. Когда Дохтуровъ вошелъ въ палату, всѣ встали и шляпы сняли; а сидятъ парламентъ по ступенямъ на всѣ четыре стороны вверхъ по шести ступеней, а по середкѣ нанизу за столомъ сидитъ рѣчникъ Ленталь, который за всѣхъ говоритъ. Гонецъ сказалъ и рѣчнику такую же рѣчь, какую говорилъ лордамъ, за чѣмъ послѣдовала такая же церемонія, какъ и въ верхнемъ парламентѣ. 23 Іюня гонецъ былъ отпущенъ.

Вслѣдствіе извѣстій, привезенныхъ Дохтуровымъ, у Англійскихъ купцовъ отнято было право безпошлинной торговли.

Въ Маѣ 1647 года пріѣхалъ въ Москву посланникъ Карла I-го Нейтингаль, объявилъ о неволѣ королевской и о томъ, что Карлъ доволенъ наложеніемъ пошлины на компанію, и что Англичане будутъ рады уничтоженію компанейской монополіи, когда всѣмъ будетъ позволено торговать съ Россіею. Нейтингаль просилъ также позволенія купить для короля 300,000 четвертей хлѣба; но ему позволили купить только 30,000 четвертей. Но въ то же время пріѣхалъ другой Англійскій посланникъ, Бонде, съ королевскою грамотою, въ которой Карлъ просилъ государя возвратить компаніи прежнее право безпошлинной торговли. Съ Бонде отправленъ былъ отвѣтъ, что пошлина положена по причинѣ Крымской войны и за многія неправды Англійскихъ купцовъ, которымъ, впрочемъ, убытка не будетъ, ибо они увеличатъ цѣны на свои товары. Въ Февралѣ 1648 года пріѣхалъ въ Москву изъ Гаги отъ королевича Карла (впослѣдствіи Карла II) полковникъ Кроа съ просьбою позволить купить въ Россіи сорокъ тысячъ четвертей хлѣба, а хлѣбъ нуженъ королевичу потому, что онъ идетъ въ Хибирьскую землю (Ирландію) на выручку къ отцу своему королю Карлу, а Хибирьская земля отъ хлѣбнаго недорода оскудѣла. Въ томъ же году пріѣхалъ опять Нейтингаль отъ самого короля Карла съ новою просьбою о покупкѣ хлѣба. Но одинъ ихъ пріѣхавшихъ съ Нейтингалемъ Англичанъ объявилъ, что грамота королевская, привезенная Нейтингалемъ, подложная, писана въ Лондонѣ, а король, запертый на островѣ Вайтѣ, ничего объ ней не знаетъ; собакъ, которыхъ Нейтингаль привезъ въ подарокъ отъ короля, купилъ онъ въ Лондонѣ, ошейники мѣдные съ выбитыми на нихъ словами: *Карлусъ король* заказывалъ онъ въ Лондонѣ же, а деньгами, сукнами и другими товарами для покупки хлѣба хотѣли его ссужать друзья его, королевскіе дворяне, да Лондонецъ торговый человѣкъ Гарвей, все люди самые богатые. Англійскіе купцы-компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланникъ. Нейтингаль былъ призванъ въ посольскій приказъ, гдѣ дьяки ему объя-

вили, что государь надъ ними милость показалъ, смертью казнить за его воровство не велѣлъ, а велѣлъ изъ Московскаго государства выслать назадъ безъ дѣла. Нейтингаль не хотѣлъ оставаться въ долгу у компанейцевъ и подалъ боярину Милославскому доносъ, что они, сердясь за уничтоженіи льготной грамоты, хотятъ на военныхъ корабляхъ придти подъ Архангельскъ и ограбить Русскихъ торговыхъ людей. Нейтингаля послѣ этого отпустили какъ посланника, а 1-го Іюня 1649 года Англійскимъ купцамъ былъ сказанъ извѣстный уже намъ государевъ указъ, по которому они лишались правъ жить во внутреннихъ городахъ государства.

Весною 1650 года пріѣхалъ въ Москву графъ Кульпеперъ, посолъ новаго Англійскаго короля Карла II. 14 Мая въ отвѣтѣ у бояръ посолъ сказалъ, что король велѣлъ ему объявить: три королевства — Англійское, Шотландское и Ирландское волнуются; король Карлъ I убитъ; но сынъ его Карлъ II хочетъ отмстить измѣнникамъ за смерть отца своего, войско у него конное и пѣшее изготовлено. Послѣ этого объявленія посолъ подалъ на письмѣ подробное изложеніе дѣла: «Три короны — Англійская, Шотландская и Ирландская, по истинному утвержденному уложенію, не избирательныя, но вотчинныя и природныя, и никакого спору объ этомъ прежде не было. Покойный король владѣлъ этими коронами праведно послѣ кончины отца своего, короля Іакова, по прямому праву, по старой степени, отъ многихъ предковъ; двѣ палаты парламента стоятъ только по королевской помѣтѣ, по его произволенью, король можетъ ихъ созвать и распустить; а нынѣшній парламентъ держится обманомъ и насиліемъ; большая часть королевства отъ его тяжкихъ налоговъ вздыхаетъ и сильно желаетъ возвратиться къ прирожденому королю». Потомъ посолъ просилъ о возвращеніи Англійскимъ купцамъ прежней льготной грамоты и о денежной помощи государю своему, просилъ 100,000 рублей. Царь отвѣчалъ Карлу: «Слыша про такое злое и страшное дѣло, что учинилось надъ отцомъ вашего королевскаго величе-

отца отъ подданныхъ его измѣнниковъ, слыша, что теперь тѣ же измѣнники и въ вашемъ королевскомъ достойномъ наслѣдіи помѣшку и непослушанье чинятъ и войну ведутъ, жалостно скорбимъ и, памятуя отца вашего съ вашимъ дѣдомъ и нашу съ отцомъ вашимъ братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наслѣдіе и надъ измѣнниками побѣды и одолѣнія, дали мы вашему послу Джону Кульпеперу соболей на 20,000 рублей». Кульпеперъ далъ крѣпость за своею рукою и печатью, что Карлъ II черезъ три года заплатитъ эти 20,000 рублей, или 40,000 Любскихъ ефимковъ, сполна, и за такое милостивое вспоможенье долженъ вѣчно воздавать всякою любовью. Потомъ Кульпеперъ просилъ, чтобъ соболей отпущено было только на 10,000 рублей, а на другія 10,000 дано было хлѣба; но государь велѣлъ отпустить 15,000 мѣхами и пять хлѣбомъ, именно 5,000 четвертей ржи, считая по два любскихъ ефимка за четверть.

Были сношенія и съ другимъ поморскимъ государствомъ— Голландіею. Въ 1646 году къ генеральнымъ штатамъ и къ принцу Генриху Нассаускому отправился въ послахъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойныя пошлины, наложенныя на Голландскихъ купцовъ. Милославскій отвѣчалъ, что пошлина наложена на всѣхъ, иностранцевъ и Русскихъ, для пополненья ратныхъ людей: «и вамъ бы, честнымъ владѣтелямъ, того въ оскорбленье не ставить; тѣ пошлины ваши подданные разложатъ на товары свои и возьмутъ ихъ на Русскихъ людяхъ; убытка имъ отъ этого никакого ни будетъ». 2) Штаты жаловались, что купцамъ ихъ не даютъ праведнаго суда на должниковъ. Милославскій отвѣчалъ: «Такой неправды у великаго государя никто не дѣлаетъ; развѣ кто затѣялъ это на ссору». 3) Жаловались на убійцъ и разбойниковъ. Милославскій отвѣчалъ: «Означьте по именамъ убійцъ и разбойниковъ, и кого именно изъ вашихъ подданныхъ убили и разграбили». 4) Отъ воеводъ многія докуки чинятся: берутъ

у купцовъ товары, будто купить хотятъ, и важщи не отдаютъ, а иные платятъ деньги сколько имъ вздумается. Милославскій опять спросилъ: кто такіе воеводы и Голландцы били ли челомъ государю на такихъ обидчиковъ? Потомъ посолъ сталъ жаловаться въ свою очередь; по указу царя Михаила велѣно Голландцу Филимону Филимонову (Акемѣ) и Петру Марселису дѣлать всякое желѣзное дѣло въ Тульскомъ уѣздѣ и на Вагѣ и Русскихъ людей тому дѣлу научать: и онъ Филимонъ Филимоновъ съ товарищами мимо договора чинилъ многія неправды, припускалъ къ себѣ въ товарищи иноземцевъ безъ царскаго указа и Русскихъ людей никакому желѣзному дѣлу учить не велѣлъ, велѣлъ мастерамъ отъ нихъ скрываться, и надобныхъ желѣзныхъ дѣлъ въ 14 лѣтъ на Тульскомъ заводѣ не завелъ, пушки ставилъ въ казну многимъ нѣмецкаго дѣла хуже, на сроки не поставили, а лили въ то время свои пушки на заморскую стать для своей прибыли. Штаты отвѣчали, что Петръ Марселисъ Гамбурецъ, а не Голландецъ, объ Акемѣ же они не знаютъ, гдѣ родился и жилъ и теперь гдѣ живетъ, и дѣла имъ до него никакого нѣтъ. У Акемы и Марселиса отняли заводъ, который взялъ одинъ Виніусъ, обязавшись ставить въ казну вещи дешевле прежняго. Но потомъ штаты заступились за Акему, а Датскій король за Марселиса, и просили государя пересмотрѣть дѣло, потому что на Акему и Марселиса поданъ ложный доносъ. Доносчикомъ былъ товарищъ ихъ, знаменитый Андрей Виніусъ, который послѣ подалъ челобитную, что Акема и Марселисъ сильно бранятъ его. Марселисъ отвѣчалъ, что онъ въ этомъ не запирается, бездушникомъ и бездѣльникомъ Виніуса называлъ, потому что онъ таковъ на самомъ дѣлѣ, а у нихъ иноземцевъ въ обычаѣ: который человѣкъ во многихъ статьяхъ объявится неправдою и неправда его всѣмъ людямъ будетъ вѣдома, то его добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и добрыхъ словъ про него не говорятъ. Виніусъ шелъ дальше, объявлялъ: «Акема и Марселисъ говорили, что я хочу крес-

титься, и потому они со мною не хотятъ ни пить, ни ѣсть; шлюсь я на всѣхъ Голландцевъ торговыхъ людей, что они, Петръ и Филимонъ, меня лаяли и безчестили, шельмою и бездушникомъ называли и про крещенье такія слова говорили». Акема слался также на всѣхъ Голландцевъ, что онъ про Виніуса ничего не говорилъ, а Марселисъ, что онъ про крещенье ничего не говорилъ, и въ свою очередь жаловался на Виніуса, что онъ безчеститъ его позорными словами. Свидѣтели показали, что Акема и Марселисъ Виніуса бранили, но о крещеньѣ ничего не говорили. Защищаясь отъ другихъ статей доноса, Акема и Марселисъ показывали, что они, по договору, вовсе не были обязаны учить Русскихъ, а только не скрывать отъ нихъ своего мастерства, что ими исполнено и въ томъ шлются на всѣхъ Русскихъ работниковъ; утверждали, что никакихъ другихъ товарищей къ себѣ въ компанію не принимали; утверждали, что они ставили въ казну всѣ заказныя вещи; обвиняютъ ихъ въ томъ, что они дощатаго желѣза и латъ не дѣлали: но они до сихъ поръ, несмотря на все свое стараніе, не могли добыть кузнеца, который доски куетъ; что же касается до латъ, то латный мастеръ нѣсколько лѣтъ былъ, но, такъ какъ отъ царскаго величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назадъ за границу; пушки всегда доставляли хорошія, лучше привозныхъ, и въ томъ шлются на пушкарей. Дѣло кончилось тѣмъ, что Акемѣ и Марселису велѣно дать съ Виніусомъ очную ставку (торгъ) въ пушкарскомъ приказѣ, и по этой очной ставкѣ они убавили цѣны связному желѣзу противъ Виніусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цѣнѣ, какъ и Виніусъ. Вслѣдствіе этого государь пожаловалъ ихъ Тульскимъ желѣзнымъ промысломъ со всякими заводами на 20 лѣтъ съ перваго Сентября 1648 года безоброчно и безпошлинно, быть промыслу за ними и ихъ наслѣдниками до урочныхъ лѣтъ безповоротно.

Но Тульскій заводъ не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ военнаго дѣла: въ Августѣ 1653 года, рѣшившись

начать войну съ Польшею, государь отправилъ въ Голландію и другія государства капитана Фанъ-Керкъ-Говена для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замковъ и для призыва мастеровъ, которые бы могли ихъ дѣлать; а въ Октябрѣ отправленъ былъ въ Голландію подъячій Головнинъ съ просьбою позволить ему купить по обыкновенной цѣнѣ 20,000 мушкетовъ и 20 или 30,000 пудовъ пороху и свинцу. Просьба была исполнена штатами. Такого рода закупки оружія въ Голландіи повторялись не разъ впродолженіе войны. Закуплено было и въ Швеціи 20,000 мушкетовъ. Кромѣ того, еще Милославскому наказано было прибрать въ Голландіи офицеровъ и солдатъ, что̀ онъ и исполнилъ, сдѣлавши смотръ прибраннымъ; описаніе этого смотра любопытно: «Майоръ Исакъ фонъ-Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ Албертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различныя штуки и по досмотру *добръ добрѣ*; Виламъ Алимъ по досмотру *добръ*; Ефимъ вахмистръ по смотру *умѣетъ*; Яковъ Рокартъ *умѣетъ*; Юрій Гаріохъ по смотру *середній*, и майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріоха съ капитанской чинъ не будетъ, какъ ему неученыхъ людей солдатской справкѣ выучить и къ бою привесть, онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ. Послы майоровы рѣчи велѣли записать и ему, майору, къ тѣмъ рѣчамъ велѣли руку приложить. Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ и застрѣлилъ трехъ человѣкъ, толмача Нечая Дрябина да двухъ солдатъ Нѣмцевъ, у Нечая да у Нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье, за пику солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худъ добрѣ*; а майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится. Солдаты, числомъ 19, всѣ оказались годными.

Передъ началомъ Польской войны государь счелъ нужнымъ извѣстить объ ней и Французскаго короля. Въ концѣ 1653

года отправился съ этимъ извѣщеніемъ гонецъ Мачехинъ. Въ Гаврѣ Мачехину въ кормѣ и подводахъ отказали, и онъ поѣхалъ въ Парижъ на своихъ проторахъ, жилъ въ Сенъ-Дени 8 дней, и только 24 Октября 1654 года въѣхалъ въ Парижъ въ королевской каретѣ. Въ Парижѣ отвели ему дворъ и дали кормъ, но приставы объявили, что прежде чѣмъ допустятъ его къ королю, онъ долженъ быть у королевы и у графа де-Бріена, потому-что король въ молодыхъ лѣтахъ, и всякія дѣла вѣдаетъ и слушаетъ королева, а посольскія дѣла приказаны графу де-Бріену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевскаго величества именованье и титло написано, докладываетъ королю. Мачехинъ никакъ не согласился быть прежде у де-Бріена, и 30 Октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который, при его входѣ въ палату, всталъ и шляпу снялъ, потомъ сѣлъ и спросилъ о здоровьѣ царя; Мачехинъ замѣтилъ, что про здоровье великаго государя спрашиваютъ вставши; Людовикъ отвѣчалъ: «Про государево здоровье я спрашивалъ шляпу снявши, а того у насъ не ведется, что стоя спрашивать; но, сказавши это, всталъ и переспросилъ о здоровьѣ. «Кромѣ грамоты» спросилъ король Мачехина: «есть ли съ тобою царскаго величества приказъ о какомъ-нибудь дѣлѣ?» Мачехинъ отвѣчалъ: «Присланы со мною для подлиннаго вѣдома Польскія печатныя книги, которыя покажу въ то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумѣетъ». Король обѣщалъ грамоту выслушать и книги велѣлъ досмотрѣть своимъ думнымъ людямъ. Когда Мачехинъ выходилъ изъ палаты, королевскіе дворяне сказали ему, что онъ долженъ идти теперь къ королевской матери. «За какимъ дѣломъ?» спросилъ Мачехинъ. «Королева царскому величеству обрадовалась и велѣла быть къ себѣ» отвѣчали дворяне. Мачехинъ пошелъ къ королевѣ Аннѣ. «Съ какимъ дѣломъ ты присланъ къ королю?» спросила Анна. «Присланъ я отъ царскаго величества къ королевскому величеству съ любительною грамотою объ ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ»

и грамоту подалъ королю», отвѣчалъ Мачехинъ. Королева сказала, что рада присылкѣ грамоты, и Мачехинъ, поклонясь, вышелъ изъ палаты. Король велѣлъ сказать Мачехину чрезъ графа де-Бріена: «Я царскаго величества грамоту прочелъ самъ, любительной грамотѣ этой обрадовался, и радъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ и дружбѣ вѣчно; хочу также, чтобъ царское величество съ Польскимъ королемъ былъ въ мирѣ, потому что у нихъ государства смежны». Съ этимъ Мачехинъ и былъ отпущенъ.

По поводу войны Польской сочли нужнымъ возобновить и сношенія съ Австріею, прерванныя при царѣ Михаилѣ. Въ 1654 году отправленъ былъ къ императору Фердинанду III дворянинъ Баклановскій съ извѣстіемъ о восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ и съ объявленіемъ о неправдахъ короля Яна Казимира, которыя вынуждаютъ царя идти войною на Польшу. «И если» писалъ царь въ грамотѣ къ императору: «Янъ Казимиръ король станетъ у васъ или у курфюрстовъ просить противъ насъ помощи, то вы бы ратныхъ людей и никакой помощи ему не давали и къ курфюрстамъ о томъ же написали, а мы станемъ вамъ за это воздавать нашею государскою любовью, въ чемъ будетъ возможно». Посланнику, по старинѣ, было наказано: «Если велятъ идти къ императрицѣ, то отговариваться; если же отговариваться будетъ нельзя, то идти и отъ государя поклонъ править. За столомъ у цесаря сидѣть вѣжливо и остерегательно; дворянамъ и подъячимъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили; а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было». Баклановскій привезъ отвѣтъ, что цесарь хочетъ быть въ третьихъ межъ царемъ и королемъ Польскимъ, и третействомъ своимъ мирное постановленье учинить, зачѣмъ шлетъ въ Москву своихъ пословъ [71].

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Приготовленія къ войнѣ. Отпускъ князя Трубецкаго. Выступленіе государя въ походъ. Грамота царская къ православнымъ жителямъ Литвы. Письмо царя къ сестрамъ и къ князю Трубецкому. Успѣхи Русскихъ войскъ. Взятіе Смоленска. Моровая язва въ Москвѣ и другихъ городахъ. Первое раскольническое движеніе. Ссора шляхтича съ козакамъ въ Бѣлоруссіи. Поведеніе Хмельницкаго. Приходъ Радзивила подъ Могилевъ. Измѣна Поклонскаго. Дѣйствія Хмельницкаго и Золотаренка. Письмо Хмельницкаго къ Золотаренку. Письма царя къ Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвѣеву. Второй походъ царя. Обращеніе его къ ратнымъ людямъ. Взятіе Вильны, Ковно и Гродно. Походы Хмельницкаго и Бутурлина, Волконскаго и Урусова. Жалоба ратныхъ людей на воеводъ Урусова и Борятинскаго. Сношенія съ гетманомъ Павломъ Сапѣгою. Успѣхи Шведовъ въ Польшѣ. Сношенія Шведскаго короля съ царемъ. Царское посольство къ Радзивилу. Столкновенія у Русскихъ войскъ съ Шведскими. Императорскіе послы въ Москвѣ. Посольство изъ Москвы къ Павлу Сапѣгѣ. Посольство Галинскаго въ Москву. Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ Поляками. Переговоры съ Шведскими послами. Посольство въ Данію. Царскій походъ въ Ливонію. Неудачная осада Риги. Виленскіе переговоры бояръ съ Польскими коммиссарами. Посольство Матвѣева къ Гонсѣвскому. Ординъ-Нащокинъ. Переговоры съ Даніею. Столкновеніе съ козаками въ Бѣлоруссіи. Поведеніе Хмельницкаго и сношенія съ нимъ царя. Смерть Хмельницкаго.

Еще лѣтомъ 1653 года государь почелъ нужнымъ внушить войску о возможности скораго похода: 28 Іюня онъ дѣлалъ смотръ своему двору на Дѣвичьемъ полѣ, послѣ чего при-

казалъ думному дьяку стать передъ собою и сказать войску: «Стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы! Писано есть, яко всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше отъ Отца. Сего благословеньемъ, и Единороднаго Его Сына и Святаго и Животворящаго Духа изволеніемъ, и всенадежныя заступницы нашея Богородицы и присноде́вы Маріи, и всѣхъ святыхъ молитвами, пришло въ мысль нашего царскаго величества осмотрѣть воинство наше, которымъ православная христіанская вѣра сохраняется въ мирѣ и въ тишинѣ и въ благоденствіи, и наше царское величество отъ супротивныхъ враговъ нашихъ ограждается, и ваша въ службѣ храбрость и мужество объявляется, и христіанское множество отъ всенаходящихъ бѣдъ спасается. Видя всеурядное тщаніе, благодаря Бога, попрежнему радуемся, и ваше тщаніе къ службѣ и службу вашу хвалимъ. Когда же благоволитъ Богъ, по Его святому смотрѣнію, супротивные воевать, и вамъ бы съ такимъ же тщаніемъ, какъ и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быть, да не мимо идетъ и насъ Христово велѣніе: болѣе сія любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя. Воинствующіе за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную вѣру противу своего достоенія, и отъ нашего царскаго величества милость получатъ, и небеснаго царствія сподобятся, какъ и первые побѣдоносцы, за православіе пострадавшіе». 23 Октября, въ Успенскомъ соборѣ, государь объявилъ: «Мы, великій государь, положа упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу, и на Московскихъ чудотворцевъ, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, съ *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, Польскаго короля; воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили свою государскою рукою».

Въ началѣ 1654 года началось движеніе войскъ: 27 Фе-

враля отпущенъ былъ въ Вязьму нарядъ съ бояриномъ Далматовымъ-Карповымъ; 15 Марта, въ присутствіи козацкихъ пословъ, былъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ рейтарскому и солдатскому ученью; 17 Марта былъ повѣщенъ походъ въ Брянскъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 23 Апрѣля въ Кремлѣ было большое торжество по поводу отпуска и угощенія Трубецкаго. Это было воскресенье; въ Успенскомъ соборѣ служилъ обѣдню великій государь святѣйшій патріархъ; присутствовалъ великій государь царь со всѣмъ синклитомъ, присутствовала царица и стояла на своемъ мѣстѣ за занавѣскою (запоною); налѣво отъ царицына мѣста стояли боярскія жены и прочія женщины; соборъ наполняли стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы, полковники и головы стрѣлецкіе, сотники и подъячіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами. Послѣ обѣдни служили молебенъ; когда окончилось чтеніе Евангелія, патріархъ благословилъ бояръ и воеводъ и велѣлъ имъ идти прикладываться къ образамъ и мощамъ; когда они исполнили это, патріархъ и царь подошли къ образу Владимірской Богородицы, Никонъ прочелъ сначала молитву Богородицѣ, потомъ молитвы на рать идущимъ, причемъ помянулъ имена бояръ, воеводъ, дьяковъ и прочихъ начальниковъ; послѣ этого царь поднесъ ему воеводскій наказъ, патріархъ положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы на пелену, подозвалъ бояръ и воеводъ и началъ имъ говорить: «Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и упованіе держите неизмѣнное, ибо самъ Господь рекъ: имѣяй вѣру яко зерно горушично и проч. Идите радостно и дерзостно за святыя Божія церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безо всякаго преткновенія. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радѣть о государевѣ дѣлѣ, то воспріимите Ананіинъ и Сапфиринъ судъ». Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ руки у патріарха. Царь вышелъ изъ церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексѣемъ Никитичемъ Тру-

бецкимъ и Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ, и, остановившись у соборныхъ дверей на рундукѣ, позвалъ бояръ и воеводъ къ себѣ хлѣба ѣсть. Когда сѣли за столъ, принесли списки всѣхъ ратныхъ людей, отправляющихся въ походъ, и положили предъ государемъ, который, посидѣвъ немного, обратился къ Трубецкому съ такою рѣчью: «Князь Алексѣй Никитичъ съ товарищи! заповѣдую вамъ: заповѣди Божіи соблюдайте и дѣла наши съ радостію исправляйте: творите судъ въ правду, будьте милостивы, страннопріимцы, больныхъ питатели, ко всѣмъ любовны, примирительны, а враговъ Божіихъ и нашихъ не щадите, да не будутъ ихъ ради правые опорочены; передаю вамъ эти списки вашихъ полчанъ: храните ихъ какъ зѣницу ока, любите и берегите по ихъ отечеству, а къ солдатамъ, стрѣльцамъ и прочему мелкому чину будьте милостивы къ добрымъ, а злыхъ не щадите; клеветниковъ и ссорщиковъ не допускайте до себя, особенно же пребывайте въ совѣтѣ и любви и упованіе держите несомнѣнное. Если же презрите заповѣди Божіи и преслушаетесь нашего слова, людей Божіихъ, преданныхъ вамъ презрите — то я передъ Богомъ не буду виноватъ, вы дадите отвѣтъ на страшномъ судѣ». Потомъ государь обратился съ рѣчью къ полчанамъ: «При васъ заповѣдалъ я боярамъ и воеводамъ заповѣди Божіи соблюдать, также и наши дѣла исправлять съ усердіемъ, судъ творитъ въ правду и васъ беречь по вашему отечеству и любить добрыхъ какъ самихъ себя, а злыхъ не щадитъ: и вамъ бы, слыша отъ насъ такой милостивый и грозный приказъ, бояръ и воеводъ во всемъ почитать и слушать и бояться какъ и насъ, и на всякія дѣла быть готовыми безъ отговорокъ, а враговъ Божіихъ и нашихъ не таить и не покрывать, а извѣщать на нихъ боярамъ и воеводамъ; еще же заповѣдую вамъ пребывать во всякой чистотѣ и цѣломудріи, потому что не знаете, въ какой часъ смерть постигнетъ».

Когда кончился обѣдъ и дворецкій снялъ скатерть, то царь, вставши съ своего мѣста, сталъ за столомъ, ссупя съ ко-

лодки на правую сторону. Въ это время ключарь съ соборомъ совершали хлѣбъ Богородицынъ; пѣвчіе пѣли: «Блажимъ тя вси роди, Богородице» и «Достойно есть»; священники говорили: «Святый Боже!» по: «Отче нашъ!» и кондаки, а ключарь подносилъ панагію съ хлѣбомъ Богородицынымъ къ царю. Государь взялъ съ панагіи часть хлѣба Богородицына съ опасеніемъ и стоя потребилъ. Ключарь, поклонясь, отдалъ панагію, и, взявши со стола Богородицыну чашу, поднесъ царю; государь испилъ трижды и подавалъ чашу боярамъ и воеводамъ по чину, кромѣ окольничихъ; бояре и воеводы шли къ чашѣ одинъ за другимъ по чину, и, принявъ чашу, цѣловали царскую руку; потомъ подавалъ государь чашу ключарю съ братіею. Ключарь совершалъ столъ, говорилъ: «Благословенъ Богъ нашъ»; соверша столъ, поклонившись образамъ и ударивъ челомъ государю, шелъ съ братіею за панагіею въ церковь, и изъ церкви домой. Отпустивъ панагію, царь сѣлъ на прежнее свое мѣсто, а бояре, воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловалъ бояръ и воеводъ водкою и краснымъ медомъ, дьяковъ краснымъ и бѣлымъ медомъ, полчанъ бѣлымъ медомъ. Кончилось угощеніе и царь обратился къ боярамъ и воеводамъ съ рѣчью: «Князь Алексѣе су съ товарищи! Если дастъ Богъ здоровья вамъ и станете па указномъ мѣстѣ, то, пересмотря нашихъ ратныхъ людей, скажите имъ нашъ указъ: на первой недѣли Петрова поста всѣмъ обновиться св. покаяніемъ и воспріятіемъ тѣла и крови Господни; вѣдаете и сами; аще христіанинъ три лѣта не причастится, нѣсть христіанинъ. Второе вамъ приказываю: если и въ походахъ будете, не оставьте сей Евангельской заповѣди, елико сила ваша можетъ, сотворите плоды послушанія, вѣдаете и сами, чѣмъ пророцы и законъ весь висятъ. Аще сію Христову заповѣдь сохраните и обновитеся святымъ покаяніемъ и пріобщитеся безсмертной трапезѣ, то дерзостно реку вамъ: ей, ополчится Ангелъ Господень окрестъ полка вашего. Третье приказываю вамъ: непослушниковъ и силою приводить къ святому по-

ніемъ; полагаю весь полкъ вашъ на васъ боярахъ и воеводахъ: если хотя одинъ человѣкъ нерадѣніемъ вашимъ не обновится покаяніемъ, то вы отвѣтъ дадите на страшномъ судѣ Христовѣ».

Трубецкой отвѣчалъ: «О царю пресвѣтлый, премилостивый и премудрый, нашъ государь и отецъ и учитель! ей, наслаждились мы душевныхъ и полезныхъ учительныхъ словъ! какого источника живыхъ водъ искали, такой и обрѣли. Пророкомъ Моисеемъ манна дана была Израильскимъ людямъ въ пищу: мы же не только тѣлесною снѣдью напитались отъ твоихъ царскихъ устъ, но и душевною пищею пресладкихъ и премудрыхъ глаголовъ Божіихъ, исходящихъ отъ устъ твоихъ царскихъ, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловѣрны, но устремляемся на всякое послушаніе благое; и Богъ помощникъ намъ будетъ».

Начался отпускъ: первый пошелъ къ царской рукѣ старшій воевода, князь Трубецкой: царь взялъ обѣими руками его голову и прижалъ къ груди своей, «для его чести и старшинства, потому что многими сѣдинами украшенъ, мужъ благоговѣйный и изящный, мудрый въ божественномъ писаніи, въ воинствѣ счастливъ и недругамъ страшенъ». Растроганный до слезъ воевода началъ кланяться въ землю разъ до тридцати. Отпустивъ начальныхъ людей, царь пошелъ въ сѣни Грановитой палаты и приказалъ позвать послѣднихъ полчанъ, которые обѣдали въ столовой, Московскихъ дворянъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ Ярославцевъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ въ ковшахъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь: «Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные, отъ всѣхъ городовъ дворяне по два человѣка; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ Польскихъ королей, вы слышали это отъ своихъ выборныхъ: такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять; а мы идемъ сами вскорѣ и за всѣхъ православныхъ христіанъ начнемъ стоять, и если Творецъ изволитъ и кровію

намъ обагриться, то мы съ радостію готовы всякія раны принимать васъ ради православныхъ христіанъ, и радость и нужду всякую будемъ принимать вмѣстѣ съ вами». Полчане возопили: «Что мы видимъ и слышимъ отъ тебя государя? За православныхъ христіанъ хочешь кровью обагриться! Нечего уже намъ послѣ того говорить: готовы за вѣру православную, за васъ государей нашихъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить!» Государь заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: «Обѣщаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но Господь Богъ за ваше доброе хотѣніе даруетъ вамъ животъ, а мы готовы будемъ за вашу службу всякою милостію жаловать».

26 числа войско выступило въ Брянскъ; оно шло черезъ кремль мимо дворца подъ переходы, на которыхъ сидѣли царь и патріархъ; Никонъ кропилъ проходящее войско святою водою. Когда подъѣхали къ переходамъ бояре и воеводы, то сошли съ лошадей и поклонились по обычаю; государь спросилъ ихъ о здоровьѣ, и они поклонились до земли. Царь сказалъ имъ: «Поѣзжайте да послужите; Богъ съ вами: Той вамъ да поможетъ и васъ соблюдетъ». Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Всталъ Никонъ, благословилъ ихъ и сказалъ рѣчь: «Упованіе крѣпко и несумнѣнно имѣйте въ умѣ своемъ на Господа Бога и Творца всего созданія, и общую заступницу, Пресвятую Богородицу, призывайте въ помощь. Государевы дѣла дѣлайте съ усердіемъ, а во всемъ томъ Господь Богъ утвердитъ васъ и поможетъ вамъ на всякое доброе дѣло; да подастъ вамъ силою животворящаго креста побѣду и одолѣніе и возвратитъ васъ здравыхъ со всякою доброю побѣдою». Изговоря рѣчь, патріархъ опять благословилъ воеводъ и поклонился имъ по обычаю; воеводы поклонились ему въ землю и Трубецкой говорилъ рѣчь: «О всеблаженнѣйшій и пресвятѣйшій отцамъ отецъ, великій государь, пресвятѣйшій Никонъ, всея Великія и Малыя Россіи патріархъ! Удивляемся и ужасаемся твоихъ государевыхъ учительныхъ

словесъ и надѣемся на твое государево благоутробіе, понеже не видимъ ни одного грѣшника кающагося отгоняема и оплёбляема отъ тебя государя. Твоему пресвятому поученію, какъ евангельскому благовѣстію, радостною душою и съ радостными слезами веселимся и утѣшаемся; по волѣ Божіей, по государеву указу и по твоему благословенію и ученію, обѣщаемся съ радостію служить безо всякія хитрости; если же въ безхитростіи или въ недоумѣніи нашемъ преступленіе учинится, молимъ тебя, пресвятѣйшій владыка, о заступленіи и о помощи». Въ то время, какъ говорилъ рѣчь Никонъ, царь, для его святительской рѣчи и достоинства, стоялъ.

Съѣздивши къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь, царь 10 Мая осмотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ всѣхъ ратныхъ людей, которые должны были идти съ нимъ въ походъ; 15 Мая отпущена была въ Вязьму Иверская икона Богородицы, и въ тотъ же день отправились туда воеводы передоваго и ертаульнаго полка; на другой день выступили воеводы большаго и сторожеваго полка; 18 Мая выступилъ самъ царь. Дворовыми воеводами при немъ были бояре: Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій; въ большомъ полку бояре: князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій и князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій; въ передовомъ полку: князь Никита Ивановичъ Одоевскій да князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ; въ сторожевомъ: князь Михаила Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій да Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Государева полка сотенные головы и начальные люди съ полками, головы стрѣлецкіе съ приказами собирались съ утра на Дѣвичьемъ полѣ, откуда шли сотнями черезъ дворецъ: здѣсь, изъ окна столовой избы патріархъ кропилъ ихъ святою водою. Въ воротахъ, черезъ которые шелъ государь, по обѣ стороны сдѣланы были рундуки большіе, ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и кропило государя и ратныхъ людей святою водою. Это главное войско отправилось на Западъ, по Смоленской дорогѣ; Трубецкому изъ Брянска велѣно было идти въ Мало-

россію и, соединившись там съ Хмельницкимъ, ударить на Польскія области; съ своей стороны Хмельницкій отрядилъ на Бѣлоруссію 20,000 козаковъ подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велѣно было двинуться изъ Путивля въ Бѣлгородъ или въ Карпово Стороженве, для обереганія южныхъ границъ отъ Крымскаго хана и Нагайскихъ людей [72].

Надѣялись найти союзниковъ въ областяхъ королевскихъ, куда посланы были такія грамоты:

«Въ Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой Восточной церкви сынамъ, Греческаго закона православнымъ архіереямъ, іереямъ и всего священнаго и иноческаго чина и всѣмъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста и достоянія, по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и весямъ: отъ многихъ временъ отъ святыя Восточныя церкви къ намъ, чадамъ ея и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ Малыя Росеіи моленіе было, да законнымъ вспоможеніемъ, елико вѣрнымъ по вѣрныхъ достоитъ помогать, поможемъ. И вотъ теперь умилостивились мы, и Малую Россію, православныхъ христіанъ, подъ единаго словесныхъ овецъ пастыря Христа Бога нашего державу рѣшились принять. И вотъ теперь всѣмъ извѣщаемъ, что Богохранимое наше царское величество за Божіею помощію собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей св. Восточной церкви Греческаго закона, на Поляковъ вооружаемся, дабы Господь Богъ надъ всѣми нами православными христіанами умилосердился и чрезъ насъ, рабовъ своихъ, тѣмъ месть сотворилъ, и св. Восточная церковь отъ гоненія освободилась и Греческими старыми законами красилась; чтобъ за многія королевскія неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія воздалась месть. И вы бы, православные христіане, освободившись отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло воставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раз-

дѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ, хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите, и каждый противъ супостатъ Божіихъ да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государскаго пришествія извѣстны и вѣрны намъ учинятся, о тѣхъ мы въ войскѣ заказъ учинили крѣпкій, да сохранены будутъ ихъ домы и достояніе отъ воинскаго разоренія»[73].

26 Мая государь пріѣхалъ въ Можайскъ, откуда писалъ сестрамъ: «Изъ Можайска пойдемъ 28 числа: спѣшу, государыни мои, для того, что, сказываютъ, людей въ Смоленскѣ и около Смоленска нѣтъ никого, чтобъ поскорѣй захватить».

Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ необходимости предпріятія, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, одушевленный религіознымъ чувствомъ, выступалъ въ походъ, по крайней мѣрѣ, съ тою смѣлостію, съ какою удерживался при гробѣ патріарха Іосифа, несмотря на разныя искушенія. Теперь, по выступленіи въ походъ, явились также искусители: то были люди, окружавшіе царя: имъ не нравилось предпріятіе, заставившее разстаться съ покойною Московскою жизнію, имъ страшенъ былъ походъ къ Литовской границѣ, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротою царя, они не скрывали при немъ своего неудовольствія и сильно огорчали Алексѣя: «А у насъ (писалъ государь къ князю Трубецкому 31 Мая) у насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, иногда зноемъ и яростію и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ и обычаемъ Московскимъ явятся, иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ, лукавымъ сердцемъ. Коротко вамъ пишу, потому что неколи писать, спѣшу въ Вязьму; а мнѣ, уже Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ. А потомъ здравствуйте и творите всякое дѣло съ упованіемъ къ Творцу своему и будьте

любовны между собою, ей Богъ съ вами, а ко мнѣ еслибы не Его Свѣтова милость, ей сокрушеніе бы моему сердцу малодушіе сихъ» [74]. Скоро однако эти непріятности исчезли, ибо начали приходить радостныя вѣсти.

Первую пріятную вѣсть получилъ государь на дорогѣ изъ Царева Займища къ Вязьмѣ 4 Іюня: дали знать, что едва толпа Вяземскихъ охочихъ людей показалась передъ Дорогобужемъ, какъ Поляки побѣжали изъ города въ Смоленскъ, а посадскіе люди сдали Дорогобужъ безъ бою. На дорогѣ изъ Вязьмы въ Дорогобужъ 11 Іюня царь получилъ вѣсть о сдачѣ его войскамъ Невеля; 14 Іюня въ Дорогобужъ пришла вѣсть о сдачѣ Бѣлой. 26 Іюня передовой полкъ имѣлъ первую сшибку съ Поляками на рѣкѣ Колоднѣ подъ Смоленскомъ; 28 Іюня самъ государь сталъ подъ Смоленскомъ, въ Богдановой околицѣ, и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; Іюля 2 получена вѣсть о сдачѣ Рославля; 5 Іюля государь расположился станомъ на Дѣвичьей горѣ, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска; 20 дали знать о сдачѣ Мстиславля. Среди этихъ радостныхъ извѣстій было только одно печальное: подъ Оршею, трижды несчастною, Русскіе потерпѣли сильное пораженіе отъ Литвы, которая подкралась къ нимъ ночью и ударила на спящихъ. Но эта неудача не могла остановить быстраго успѣха Москвы, которая, какъ доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостію и жалованьемъ царскимъ; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревнямъ и въ Полоцкѣ, была отправлена подъ Смоленскъ къ царю за жалованьемъ; которая не хотѣла сдаваться, отпускалась безпрепятственно. Эта снисходительность имѣла то дѣйствіе, что не только простой народъ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бѣдные люди, служивые иноземцы, которые не надѣялись получить своего жалованья отъ рѣчи посполитой. «Мужики очень намъ враждебны» пишутъ Поляки: «вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; это зло будетъ и дальше распространяться; надобно

опасаться чего-нибудь въ родѣ козацкой войны. 22 Іюля выѣхалъ на государево имя Могилевскій шляхтичъ Поклонскій и пожалованъ въ полковники; ему поручено было уговаривать земляковъ, чтобъ поддавались государю и служили ему противъ Поляковъ, для чего велѣно было тому же Поклонскому всякихъ служивыхъ людей прибирать къ себѣ въ полкъ и обнадеживать ихъ государскимъ жалованьемъ. Уговаривать Могилевцевъ къ сдачѣ отправленъ былъ вмѣстѣ съ Поклонскимъ Московскій дворянинъ Воейковъ съ отрядомъ ратныхъ людей. На дорогѣ прислали къ нимъ Чаусовцы съ просьбою принять ихъ подъ государеву руку, и Поклонскій набралъ изъ нихъ 800 человѣкъ пѣхоты. 24 Іюля дали знать государю о сдачѣ Дисны и Друи, 2 Августа о взятіи Орши, оставленной гетманомъ Литовскимъ Радзивиломъ, который былъ нагнатъ Русскими и разбитъ. 9 Августа бояринъ Василій Шереметевъ далъ знать о взятіи города Глубокаго, 20 о взятіи Озерища, и въ тотъ же день князь Алексѣй Трубецкой далъ знать о побѣдѣ надъ гетманомъ Радзивиломъ, одержанной въ 15 верстахъ отъ города Борисова, на рѣчкѣ Шкловкѣ: 12 полковниковъ, 270 всякихъ людей, знамя и бунчукъ гетманскіе, знамена и литавры достались побѣдителямъ; раненый Радзивилъ спасся съ немногими людьми. Въ тотъ же день прискакалъ третій сеунчъ, или вѣстникъ побѣды, отъ гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 Августа сдался Могилевъ Поклонскому и Воейкову; послѣдній писалъ государю, что православныхъ Могилевцевъ онъ привелъ къ присягѣ, а католиковъ, которые хотятъ служить государю, приводить къ присягѣ не смѣетъ, потому что они не христіане. Жиды были побиты въ Могилевѣ; но мѣщане сложили эту вину на козаковъ Поклонскаго. Государь исполнилъ челобитье Могилевцевъ, чтобъ жить имъ подъ Магдебурскимъ правомъ, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтобъ не выселять ихъ въ другіе города; дворы ихъ были освобождены отъ военнаго постоя, позволено было выбирать изъ черни шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами город-

сами; обещано не допускать Ляховъ ни къ какой должности въ городѣ; козаки не могли жить въ Могилевѣ, развѣ по дѣламъ службы; Жиды также не допускались въ городъ на житье. Школѣ быть по образцу Кіевскихъ училищъ. Подобныя же грамоты даны были и другимъ покорившимся городамъ.

Августъ окончился удачными дѣйствіями Золотаренка, который 29 числа далъ знать о взятіи Чечерска, Новаго Быхова и Пропойска. А между-тѣмъ уже два мѣсяца Смоленскъ былъ въ осадѣ; приступъ ночью на 16 Августа неудался; по Польскимъ извѣстіямъ Русскихъ погибло 7,000 да ранено было 15,000. Царь же Алексѣй Михайловичъ писалъ сестрамъ: «Наши ратные люди зѣло храбро приступали и на башню и на стѣну взошли и бой былъ великій; и, по грѣхамъ, подъ башню Польскіе люди подкатили порохъ, и наши ратные люди сошли со стѣны многіе, а иныхъ порохомъ опалило; Литовскихъ людей убито больше двухсотъ человѣкъ, а нашихъ ратныхъ людей убито съ триста человѣкъ, да ранено съ тысячу». Какъ бы то ни было, и осажденные понесли сильный уронъ и увидали, что держаться болѣе нельзя: укрѣпленія повреждены, всѣхъ защитниковъ не наберется и двухъ тысячъ, а защищать надобно стѣны, растянутыя на такомъ огромномъ пространствѣ, и 34 башни; наконецъ пороху недоставало. Шляхта, отчаявшись отбить непріятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шелъ на стѣны, никто не хотѣлъ работать для возстановленія укрѣпленій; козаки чуть-чуть не убили королевскаго инженера, когда онъ сталъ высылать ихъ на работу; толпами стали перебѣгать къ осаждающимъ; особенно бѣжали тѣ, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вѣстями для царя: 1-го числа получилъ онъ вѣсть о сдачѣ Усвята, 4 о сдачѣ Шклова. Смоленскій воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ прислали просить о начатіи переговоровъ; 10 Сентября стольники Иванъ Богдановичъ Милославскій и Семенъ Юрьевичъ Милославскій, да стрѣлецкій голова Артемонъ Сергѣе-

вичъ Матвѣевъ на съѣздѣ съ Литовскими людьми договорились о сдачѣ Смоленска: Обуховичъ и Корфъ получили позволеніе выѣхать въ Литву; остальной шляхтѣ и мѣщанамъ дано было на волю: или выѣхать въ Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотѣли тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотѣли ждать: они составили сеймики, на которыхъ главный голосъ принадлежалъ пану Голимонту и двоимъ Соколинскимъ: условились о сдачѣ, подговорили замковую пѣхоту, сорвали хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ царю. 23 Сентября подъ стѣнами Смоленска происходило обратное явленіе тому, какое видѣли здѣсь въ 1634 году: Литовскіе воеводы, выходя изъ Смоленска, били челомъ и клали знамена предъ государемъ Московскимъ. На другой день бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили поздравлять государя съ Смоленскомъ, подносили хлѣбъ и соболи. Въ столовомъ шатрѣ царь угощалъ обѣдомъ Грузинскихъ и Сибирскихъ царевичей, бояръ и окольничихъ, сотенныхъ головъ государева полка и Черкасскаго наказнаго гетмана Ивана Золотаренка съ товарищами. 28 числа угощалъ есауловъ своего полка и Смоленскую шляхту. Получивши вѣсть о взятіи города Горъ, государь 5 Октября выступилъ изъ-подъ Смоленска въ Вязьму. На дорогѣ 16 числа получилъ вѣсть о сдачѣ Дубровны [75].

Но въ то время, какъ съ Запада приходили все вѣсти счастливыя, изъ Москвы давали знать, что здѣсь свирѣпствуетъ моровая язва. Еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ, по распоряженію Никона, царица съ семействомъ выѣхала изъ столицы; выѣхалъ и патріархъ по указу царскому. Чтобъ сберечь государя и войско, поставлены были крѣпкія заставы по Смоленской дорогѣ, также по Троицкой, Владимірской и другимъ дорогамъ; людямъ, ѣдущимъ подъ Смоленскъ, велѣно говорить, чтобъ они въ Москву не заѣзжали, объѣзжали около Москвы. Здѣсь, въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двери и окна кир-

пичемъ заклали и глиною замазали, чтобъ вѣтеръ не проходилъ; съ дворовъ, гдѣ обнаружилось повѣтріе, оставшихся въ живыхъ людей не велѣно выпускать: дворы эти были завалены и приставлена къ нимъ стража. Бѣдствіемъ воспользовались люди, которыхъ уже давно тревожили разныя новизны Морозовскія, Ртищевскія, Никоновскія. 25 Августа князь Пронскій съ товарищами были у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; около церкви собралось много народа изъ разныхъ слободъ, принесли въ кіотѣ икону—Спасъ Нерукотворенный, лице и образъ соскребены. Когда бояринъ вышелъ отъ обѣдни, земскіе люди подошли къ нему и начали говорить: «Взятъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца Новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тіунской избы для переписки, лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу». Выступилъ Софронъ Лапотниковъ и сталъ говорить: «Мнѣ было отъ этого образа явленіе, приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать». Мірскіе люди подхватили: «На всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе: такъ дѣлали иконоборцы; во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ, ведутъ насъ къ конечной погибели, а тотъ чернецъ за многія ереси вмѣсто смерти сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; патріарху пристойно было быть на Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ, а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались, православные христіане помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда-нибудь не ушли». — Пронскій съ товарищами началъ уговаривать земскихъ людей всякими мѣрами, чтобъ они отъ такого дѣла отстали: «Святѣйшій патріархъ» говорилъ бояринъ: «пошелъ изъ Москвы по государеву указу и когда

соцкіе къ нему приходили бить челомъ, чтобъ онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патріархъ казалъ имъ государеву грамоту, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ». Народъ выслушалъ это спокойно, но потомъ, въ тотъ же день, толпа явилась у Краснаго крыльца, принесли иконныя доски, говоря, что съ этихъ досокъ образа соскребены: «Мы» говорили изъ толпы: «мы эти доски разнесемъ во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу». При всемъ этомъ волненіи соцкіе не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы Дмитрій Заика, Александръ Баевъ да Кадашевецъ Иванъ Нагаевъ. Пронскій отписалъ объ этомъ дѣлѣ царицѣ и царевичу (т.-е. бывшему при нихъ Никону), и, по ихъ приказанію, призвалъ къ себѣ черныхъ сотенъ и слободъ соцкихъ и старостъ и лучшихъ людей и говорилъ имъ, чтобъ они къ совѣту худыхъ людей не приставали, своей братьи говорили, чтобъ и они отъ такого злаго начинанія отстали, заводчиковъ воровства поймали и къ нимъ боярамъ привели. Соцкіе отвѣчали, что они къ злому заводу не пристаютъ и свою братью станутъ унимать. Потомъ Пронскій велѣлъ призвать троихъ оставшихся въ Москвѣ гостей, изъ гостиной и суконной сотенъ лучшихъ и середнихъ людей и велѣлъ имъ прочитать грамоту, присланную отъ царицы. Призванные, выслушавъ грамоту, отвѣчали, что они про патріарха никакихъ безчестныхъ словъ не говаривали, въ соборной церкви и къ Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и тѣ рѣчи говорили, то они за нихъ не стоятъ и, провѣдавъ, имена ихъ принесутъ. Тутъ же черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ старосты и соцкіе били челомъ, чтобъ святѣйшій патріархъ пожаловалъ, благословилъ для нынѣшняго времени у приходскихъ церквей пѣть обѣдни въ часъ дня, и которые священники изъ Москвы сбѣжали и живутъ по деревнямъ, тѣхъ выслать назадъ въ Москву, а которые живутъ въ Москвѣ подъ запрещеніемъ, тѣхъ разрѣшить, потому что многія церкви стоятъ безъ пѣнія, православные христіане уми-

раютъ безъ покаянія и причастія и мертвыхъ погребать некому. Не знаемъ, удовлетворено ли было это требованіе, но попытались еще разъ поднять народъ противъ печатанія книгъ, исправляемыхъ Арсеніемъ [76]. Въ началѣ Сентября князь Пронскій далъ знать царицѣ, что моровое повѣтріе въ Москвѣ усиливается, православныхъ христіанъ остается немного; писалъ, что какая-то женщина Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою разсказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги. Пронскому отъ имени царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича отвѣчали (конечно Никонъ): «Степанидка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ рознились: изъ этого ясно, что они солгали; и вы бы впередъ такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили; печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ». Зараженныя деревни велѣно было засѣкать и разставлять около нихъ сторожи крѣпкія, на сторожахъ разложить огни часто; подъ смертною казнію запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Со стану на рѣкѣ Нерли царица отправлялась въ Колязинъ монастырь; дали знать, что черезъ дорогу въ Колязинъ провезено тѣло думной дворянки Гавреневой, умершей отъ заразы, и вотъ велѣно было на этомъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ ея стороны, саженъ по десяти и больше, накласть дровъ и выжечь гораздо, уголье и пепелъ вмѣстѣ съ землею свезть, и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 Сентября царское семейство уже было въ Колязинѣ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя сюда изъ Москвы отъ бояръ, переписывались черезъ огонь; въ этихъ грамотахъ присылались вѣсти нерадостныя: 11 Сентября умеръ бояринъ князь Михайла Петровичъ Пронскій, 12 бояринъ князь Хилковъ; померли гости, бывшіе у государевыхъ дѣлъ; въ черныхъ сотняхъ и слободахъ жилецкихъ людей осталась самая малая часть; стрѣльцовъ изъ шести приказовъ и одного не осталось, многіе померли, другіе больны, иные разбѣжались; ряды всѣ заперты, въ лавкахъ никто не сидитъ; на дворахъ

знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было нѣсколько дворовъ, а сыскивать и унимать воровъ некѣмъ; тюремные колодники проломились изъ тюрьмы и бѣжали изъ города, человѣкъ съ сорокъ переловили, но 35 ушло. Въ отвѣтъ былъ посланъ приказъ въ кремлѣ запереть всѣ ворота и рѣшетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкій мостъ, и ту по ночамъ запирать. Съ 10 Октября моръ началъ стихать, и зараженные стали выздоравливать. 21 Октября государь пріѣхалъ въ Вязьму и, по случаю мороваго повѣтрія, не поѣхалъ далѣе; сюда къ нему пріѣхала и царица съ семействомъ изъ Колязина. Въ началѣ Декабря государь послалъ досмотрѣть въ Москвѣ—сколько умерло и сколько осталось; донесли: въ Успенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ да одинъ дьяконъ; въ Благовѣщенскомъ одинъ священникъ; въ Архангельскомъ службы нѣтъ: протопопъ сбѣжалъ въ деревню; во дворцѣ по двору едва можно пройти: сугробы снѣжные! На трехъ дворцахъ дворовыхъ людей осталось 15 человѣкъ. Въ Чудовѣ монастырѣ умерло 182 монаха, живыхъ осталось 26; въ Вознесенскомъ умерло 90 монахинь, осталось 38; въ Ивановскомъ умерло 100, осталось 30; въ посольскомъ приказѣ переводчиковъ и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярскихъ дворахъ: у Бориса Морозова умерло 343 человѣка, осталось 19; у князя Алексѣя Никитича Трубецкаго умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасскаго умерло 423, осталось 110; у князя Одоевскаго умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрѣшнева изо всей дворни остался въ живыхъ одинъ мальчикъ и т. д. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ: въ Кузнецкой умерло 173 человѣка, осталось 32; въ Новгородской сотнѣ умерло 438, осталось 72; въ Устюжской полусотнѣ умерло 320, осталось 40; въ Покровской сотнѣ умерло 477, осталось 48 и т. д. Въ другихъ городахъ: въ Костромѣ умерло 3247 человѣкъ; въ Нижнемъ Новгородѣ

1836, а въ уѣздѣ 3666; въ Калугѣ посадскихъ людей умерло 1836 (включая женъ, дѣтей, племянниковъ и зятьевъ), осталось 777; въ Троицкомъ монастырѣ и подмонастырскихъ слободахъ умерло 1278 человѣкъ; въ Торжкѣ умерло 224, осталось всякихъ людей 686, въ уѣздѣ умерло 217, осталось 2801; въ Звенигородѣ умерло 164, осталось съ женами и дѣтьми всего 197, въ уѣздѣ умерло 707, осталось 689; въ Вереѣ съ уѣздомъ умерло 1524 человѣка; въ Кашинѣ умерло 109, осталось 300, въ уѣздѣ умерло 1539, осталось 908; въ Твери умерло 336, осталось 388; въ Тулѣ умерло 1808, осталось 760 мужскаго пола; въ Переяславлѣ Рязанскомъ умерло 2583 человѣка, осталось 434; въ Угличѣ умерло 319, осталось 376; въ Суздалѣ умерло 1177, осталось 1390 (съ женами и дѣтьми); въ Переяславлѣ Залѣскомъ умерло 3627, осталось 939. Эти извѣстія важны для насъ и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о населеніи городовъ Московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка.

Между-тѣмъ война продолжалась въ Бѣлоруссіи: 22 Ноября бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ далъ знать, что онъ взялъ съ боя Витебскъ. Это была послѣдняя радостная вѣсть въ 1654 году, и стали приходить вѣсти непріятныя. Прежде всего началась ссора у шляхтича съ козакомъ: Могилевъ, какъ вы видѣли, былъ занятъ полковникомъ Поклонскимъ и Воейковымъ, которые и остались въ немъ начальствовать. 7 Сентября прискакалъ изъ Могилева шляхтичъ Рудницкій и объявилъ государю, что прислалъ къ Поклонскому гетманъ Золотаренко изъ-подъ Быхова грамоту, пишетъ съ великими угрозами, хочетъ его убить, а сердится за то, зачѣмъ Могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкій же донесъ, что Запорожцы воюютъ Могилевскій уѣздъ. Государь въ тотъ же день послалъ приказъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому отправить въ Могилевъ отрядъ ратныхъ людей; Трубецкой 12 Сентября прислалъ въ Могилевъ стрѣлецкаго голову съ приказомъ, и Поклонскій съ Воейковымъ разослали этихъ стрѣльцовъ по уѣзду для обереганія крестьянъ

рать козаковъ. На другой день, 13 Сентября, явился въ Могилевъ самъ наказной гетманъ Золотаренко проѣздомъ подъ Смоленскъ къ государю; Воейковъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ жаловаться гетману, что козаки наѣхали въ Могилевскій уѣздъ и распоряжаются: хлѣбъ, собранный на государя, велѣли возить къ себѣ подъ Быховъ, мельницы стали отдавать на оброкъ, денежные оброки съ крестьянъ выбираютъ, лошадей и животину всякую у нихъ берутъ. Золотаренко отвѣчалъ: «Что жь мы будемъ ѣсть, если намъ хлѣба, коровъ и лошадей не брать? вы готовите хлѣбъ на зиму для государевыхъ ратныхъ людей, а намъ надобно теперь». —«Кто же тебѣ мѣшаетъ готовить всякіе запасы въ Быховскомъ уѣздѣ?» возразилъ на это Воейковъ, и тѣмъ разговоръ кончился. Но дѣло не кончилось: 15 Сентября новая жалоба отъ Поклонскаго: «Золотаренко, выѣхавши изъ Могилева, прибилъ встрѣтившихся ему людей моихъ и сказалъ имъ: то же будетъ отъ меня и полковнику вашему! Послѣ этого всѣ мои козаки, испугавшись, отступились отъ меня, никто уже со мной не хочетъ быть, всѣ къ нему передались, и я, не имѣя людей, не могу больше быть полковникомъ, бью челомъ вашему царскому величеству, укажите мнѣ гдѣ-нибудь жить, а здѣсь подлѣ Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще Ляховъ». Отъ Воейкова также приходили жалобы на козаковъ: 12 Октября онъ доносилъ, что Золотаренко запретилъ крестьянамъ возить хлѣбъ и сѣно въ Могилевъ, велѣлъ возить къ себѣ въ войско Запорожское; стрѣльцы собрали было по селамъ хлѣбъ и хотѣли молотить, но наѣхали козаки, стрѣльцовъ выбили, хлѣбъ отняли, и многіе изъ нихъ, ограбивъ крестьянъ, на службѣ не остались, разошлись по своимъ городамъ.

Черкасъ стало меньше; Поклонскій остался полковникомъ въ Могилевѣ; но вотъ взволновались Могилевцы: 14 Октября бурмистры, райцы, лавники и мѣщане пришли къ Воейкову и говорили: «Изъ Смоленска государь изволилъ пойти къ столицѣ и своихъ ратныхъ людей отпустилъ; а къ намъ въ

Могилевъ ратныхъ людей зимовать не прислано, пороху нѣтъ и пушекъ мало; мы видимъ и знаемъ, что государь хочетъ насъ выдать Ляхамъ въ руки; а на козаковъ Золотаренковыхъ нечего надѣяться: запустошивъ Могилевскій уѣздъ, всѣ разбѣгутся, и теперь уже больше половины разбѣжалось. Мы на своей присягѣ стоимъ, но однимъ намъ противъ Ляховъ стоять не умѣть». — Воейковъ тотчасъ далъ знать объ этомъ государю, и тотъ отвѣчалъ ему: «Собери всѣхъ мѣщанъ къ съѣзжему двору и скажи всѣмъ вслухъ, что государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ въ Могилевъ послать изъ Дубровны окольничаго и воеводу Алферьева, да солдатскаго строю полковника съ полкомъ, да двухъ стрѣлецкихъ головъ съ приказами; изъ Смоленска пришлется къ нимъ 300 пудъ зелья да 300 пудъ свинцу».

И Алферьевъ долженъ былъ начать свою службу въ Могилевѣ жалобою на козаковъ, только не на однихъ Черкасъ Золотаренковыхъ. 1 Декабря писалъ онъ государю: «Могилевцамъ и Могилевскому уѣзду была обида большая отъ козаковъ, стаціи со всего Могилевскаго уѣзда они выбрали всѣ, и какъ скоро Золотаренковы козаки изъ Могилевскаго уѣзда вышли, то стали дѣлать обиды большія козаки Поклонскаго полка, лошадей и животину отнимаютъ и платье грабятъ, стрѣльцовъ и солдатъ въ уѣздѣ и въ городѣ на караулѣ по воротамъ бьютъ, и отъ ихъ побоевъ многіе стрѣльцы и солдаты лежатъ при смерти, и твоихъ государевыхъ запасовъ съ Московскаго уѣзда выбрать не дадутъ. А полковникъ Поклонскій козаковъ не унимаетъ, на твою государеву службу нейдетъ и козаковъ не посылаетъ; а на той сторонѣ рѣки Березы Ляхи, и отъ Могилева до рѣки Березы только 80 верстъ». Золотаренко отступилъ въ Новый Быховъ, не взявши Стараго; причину этого неуспѣха объясняли Быховцы, захваченные въ плѣнъ: «Когда Золотаренко стоялъ подъ Быховымъ, то Быховцы говорили одно: сколько Золотаренку ни стоять, а мы ему никогда не сдадимся: сдались ему добровольно Гомляне, и онъ ихъ всѣхъ перевязалъ да

отвезъ къ государю подъ Смоленскъ. Когда въ Быховѣ узнали, что Могилевцы добили челомъ государю и живутъ всѣ по-прежнему, то мѣщане Быховскіе начали между собою толковать, какъ бы государю добить челомъ; только шляхта и другіе люди, особенно Жиды, этого не хотѣли; да и мѣщане думали сдаться Поклонскому или государевымъ воеводамъ, а Золотаренку никогда бы не сдались, потому что ему не вѣрятъ»[77].

Въ то время, когда Черкасы Запорожскіе мѣшали своимъ козацкимъ характеромъ успѣшному ходу дѣлъ въ Бѣлоруссіи, главный предводитель ихъ, Богданъ Хмельницкій, съ своимъ войскомъ оставался въ бездѣйствіи въ Малороссіи. Подданство этой страны Московскому православному государю отозвалось между православнымъ народонаселеніемъ Турецкихъ областей, возбудило большія надежды. Въ Москву приходили вѣсти: Греки Бога молятъ, чтобъ совокупилъ христіанство воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ, только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай рѣку перейдутъ или Хмельницкій съ Черкасами выступитъ, и они тотчасъ на Турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща. Но Хмельницкій съ Черкасами хотя и выступилъ, но остановился въ таборахъ подъ Хвостовымъ. Царь отправилъ туда 20,000 жалованья для раздачи козакамъ; но Выговскій писалъ (19 Іюля): «Жалованье царское, червонные золотые теперь нельзя козакамъ раздавать, потому что войско Запорожское не вмѣстѣ находится, и нельзя составлять списка, доколѣ Богъ подастъ побѣду надъ врагами; теперь больше 100,000 войска вышло на рать, а жалованья царскаго только 20,000, если этимъ раздѣлимъ, другіе забунтуютъ и на службу государеву не пойдутъ». Въ Августѣ Хмельницкій извѣщалъ государя, что господарь Молдавскій и Волошскій и король Венгерскій хотятъ быть подъ царскою рукою; но Выговскій писалъ боярину Бутурлину, что Волохамъ вѣрить нельзя, потому что они вмѣстѣ съ Поляками отъ Днѣстра ударили на полкъ Брац-

линскій. Государь не былъ доволенъ медленностію гетмана. Въ Августѣ дворянинъ Ржевскій посланъ былъ сказать ему: «Государь самъ пошелъ на Поляковъ, а тебѣ, гетману, и всему войску Запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было надъ Польскимъ королемъ промышлять; а Крымскаго хана бояться нечего: отъ него защищаетъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, да и у тебя, гетмана, на Полтавѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда можно ожидать прихода Крымскихъ людей, полки казацкіе есть; кромѣ того Донскимъ козакамъ велѣно идти войною въ Крымъ и Татарскіе юрты разорять». Хмельницкій отвѣчалъ, что еслибъ онъ не боялся хана, то давно бы пошелъ, и теперь выступаетъ по царскому указу. Дѣйствительно, онъ выступилъ изъ-подъ Хвостова, но не помѣшалъ Полякамъ свирѣпствовать въ Подоліи и Украйнѣ, гдѣ жители Русскихъ городовъ, защищаясь отъ врага, ознаменовали себя геройскимъ, но безполезнымъ мужествомъ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ долженъ былъ идти Московскій воевода Андрей Бутурлинъ, который не былъ доволенъ распоряженіями гетмана и писалъ государю: «Я пошелъ отъ Хвостова Августа 25, а гетманъ пошелъ 26 и настигъ меня въ Романовкѣ, а въ Романовкѣ далъ мнѣ вожа и велѣлъ идти передъ собою, велѣлъ меня вести и самъ идетъ за мною съ войскомъ Запорожскимъ пустымъ мѣстомъ, чернымъ шляхомъ, не спѣша. 6 Сентября мы пришли подъ пустой городокъ Бердичевъ и стояли до 15 числа; ставится онъ гетманъ отъ меня особымъ обозомъ. Я пріѣзжалъ къ нему много разъ и говорилъ по твоему государеву указу, чтобъ шелъ не мѣшкая въ сходъ къ твоимъ боярамъ и воеводамъ, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, подъ Луцкъ жилыми мѣстами; но онъ мнѣ отказалъ тѣмъ, что со мною ратныхъ людей мало, а о князѣ Трубецкомъ подъ Луцкомъ не слыхать, а знаетъ онъ подлинно, что Польскій король съ гетманомъ идетъ противъ него; также знаетъ онъ навѣрное, что Польскій король Крымскаго хана подкупилъ, который сбирается войною подъ Чер-

товскіе города, и ему, гетману, идти противъ короля и надъ Польскими городами промышлять не съ кѣмъ. У меня въ обозѣ — продолжаетъ Бутурлинъ — ратнымъ людямъ въ запасахъ оскудѣнье и многіе драгуны разбѣжались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму подъ Польскіе города безъ моего вѣдома, и если гетманъ будетъ стоять въ пустыхъ мѣстахъ къ зимнему времени или поворотится назадъ къ Чигирину или къ Бѣлой Церкви, то Комарицкіе драгуны и остальные разъѣдутся и твоей казны, наряду, зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ оберегать и везти будетъ некому». Опасенія Бутурлина оправдались: Хмельницкій отправился въ Чигиринъ, оставивъ Московскаго воеводу у Бѣлой Церкви; Комарицкіе драгуны, иные съ голоду, другіе пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбѣжались по домамъ, унимать было ихъ некому, потому что Бутурлинъ заболѣлъ, а товарища у него не было.

Но, дѣйствуя медленно противъ враговъ, Хмельницкій извѣщалъ царя о вредныхъ замыслахъ противъ Москвы въ Малороссіи. Въ Сентябрѣ пріѣхалъ къ государю уже извѣстный намъ Грекъ Иванъ Петровъ Тафлары, высвободившійся изъ Польскаго плѣна, въ который онъ попалъ подъ Берестечкомъ. Грекъ объявилъ, что еще въ великій постъ передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ присылали на сеймъ къ королю Кіевскій митрополитъ и другіе духовнаго чина люди двоихъ чернецовъ съ объявленіемъ, что имъ съ Московскими людьми быть въ союзѣ невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочетъ ихъ перекрещивать: такъ чтобъ король, собравши войско, высвобождалъ ихъ, а они изъ Кіева Московскихъ людей выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукою попрежнему. Король написалъ универсалы, обольщая Малороссіянъ, и духовныхъ, и мірскихъ людей, всякими прелестями. Развозить эти универсалы по Малороссіи король поручилъ ему, Ивану Петрову; но онъ, взявши универсалы, привезъ ихъ прямо къ гетману Хмельницкому и разсказалъ ему о присылкѣ митрополита къ королю. Богданъ отвѣчалъ ему: «Знаю

я давно объ этомъ, и знаю, что дѣлать», и послалъ его, Ивана, къ государю объявить обо всемъ. Сначала Поляки надѣялись на храбраго и ловкаго козацкаго полковника Богуна, который медлилъ присягою царю. Православный шляхтичъ Олекшичъ, желая удержать Богуна на сторонѣ королевской, писалъ ему: «Твоя милость хорошо вѣдать можешь, что въ эти годы, воюя только сами съ собою, мы сильно опустошили свою землю: что же будетъ, когда столь многіе народы войдутъ въ страну нашу? Безъ сомнѣнія придетъ тогда конечная погибель имени православному. Наводитъ немалую печаль намъ и всей братіи нашей, отъ единой крови происходящимъ и единую церковь Восточную матеріею своею почитающимъ, когда слышимъ, что патріархъ Московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ, отступивши отъ святѣйшаго патріарха Константинопольскаго; мы для этого и съ костеломъ Римскимъ унія принять не хотѣли, и пастырю нашему старѣйшему, котораго намъ Богъ далъ, не противились»[78].

Такъ прошелъ 1654 годъ. Новый 1655 годъ начался вѣстями непріятными съ Запада. Любовицкіе мѣщане измѣнили; воеводу Рожнова отдали Полякамъ; Оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищъ связали воеводу и отослали къ гетману Литовскому Радзивилу, порубили 36 человѣкъ Русскихъ солдатъ, ушло только четыре человѣка; въ Смоленскѣ измѣнили — молодой Соколинскій и двое Ляпуновыхъ. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ разбилъ на-голову князя Лукомскаго, хотѣвшаго отнять дороги у Витебска[79]; но, съ другой стороны, гетманъ Радзивилъ предпринялъ наступательное движеніе на Русскихъ: 2 Генваря Золотаренко писалъ изъ Новаго Быхова, прося помочь ему противъ приближающагося Радзивила, а 7 Генваря извѣщалъ, что онъ осажденъ 24,000 Литвы. Но Радзивилъ не сталъ медлить подъ Новымъ Быховымъ, когда ему представилась возможность овладѣть болѣе значительнымъ городомъ—Могилевомъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Поклонскимъ. Тотъ, какъ бы

заводи оправдываясь въ измѣнѣ, писалъ 17 Генваря боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Поддавшись разъ царю его милости, измѣнять не мыслю, и посылаю къ царскому величеству листы, писанные ко мнѣ Радзивиломъ; только надобно скоро людей: одни мы не можемъ съ королемъ Польскимъ воевать, и не надобно бы давать себя Ляхамъ на посмѣяніе». Скоро послѣ того товарищъ Поклонскаго, Воейковъ, далъ знать князю Трубецкому объ измѣнѣ полковника-шляхтича: «На пятое Февраля, за два часа до свѣта, полковникъ Поклонскій государю измѣнилъ съ Могилевскою и другихъ городовъ шляхтою и съ козаками, которые у него въ полку были, гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго съ Польскими войсками въ большой земляной валъ впустилъ, и теперь я въ меньшемъ земляномъ валу сижу въ осадѣ съ государевыми ратными людьми и съ мѣщанами, которые съ нами; было три приступа и подъ валъ четыре подкопа, но подкопами намъ ничего не сдѣлали и теперь мы ждемъ выручки отъ васъ». Поклонскій, оправдывая свой поступокъ, писалъ Золотаренку: «Мы въ лучшей вольности прежде за Ляхами были, чѣмъ теперь живутъ наши; собственные мои глаза видѣли, какъ бездѣльно поступала Москва съ честными женами и дѣвицами». Къ протопопу Нѣжинскому онъ писалъ: «Золотыя слова шляхтѣ и городамъ на бумагѣ надавали, а на ноги шляхтѣ и мѣщанамъ желѣзныя вольности наложили; насмотрѣлся я надъ Кутеинскими монахами, какъ Москва почитаетъ духовенство и вещи церковныя: въ церкви престолы сами обдирали и все украшеніе церковное въ столицу отослали, а самихъ чернецовъ въ неволю загнали; а что съ отцомъ митрополитомъ и другими духовными дѣлаютъ! жаль: вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали». Единомышленникамъ Поклонскаго, тѣмъ духовнымъ, которымъ казалось, что попали въ пущую неволю, не нравилось поведеніе Могилевскихъ мѣщанъ, оставшихся вѣрными Москвѣ. Θеодосій Василевичъ, архимандритъ Слуцкій, игуменъ Михайловскій Кіевскій, писалъ имъ, что Хмельницкій и Москва разбиты

въ-пухъ: «А мы убогіе съ отцемъ митрополитомъ и со всѣми духовными полагаемъ надежду на пана гетмана, что дастъ намъ убѣжище въ Литвѣ; только одно намъ мѣшаетъ и по истинѣ всей вѣрѣ и народу нашему нестерпимую чинитъ трудность и хлопоты, что паны мѣщане Могилевскіе не хотятъ князю его милости (Радзивилу) покориться» [80].

Призывая къ себѣ козаковъ, бывшихъ прежде у него подъ начальствомъ, Поклонскій писалъ: «Съ Москвою намъ не вѣки жить; знаете, какія мерзости она надѣлала; Москва едва годится на то, чтобъ намъ служить, а не то, чтобъ мы ей служили; на Украйнѣ большая часть полковниковъ отъ нихъ отлучилась, а намъ и подавно отлучиться должно». Къ мѣщанамъ Могилевскимъ писалъ: «Чего вы ждете? умираете какъ псы, а государю своему королю поклониться не хотите; ждете помощи изъ Москвы: но скоро услышите, что сдѣлалось съ Московскою помощію: царь сидитъ въ столицѣ, патріархъ убитъ народомъ, повѣтріе людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши бьютъ. Мы отъ васъ не отойдемъ, а если и отойдемъ, то вырубятъ васъ защитники ваши, такъ какъ теперь изъ Смоленска вывели и шляхту и мѣщанъ и послали воевать съ Калмыками». Любопытно, что Никонъ почему-то отказался проклясть Поклонскаго и Василевича [81].

Въ то время, какъ эти событія происходили въ Бѣлоруссіи, на югѣ начались наконецъ военныя дѣйствія у Хмельницкаго съ Поляками и союзниками ихъ Крымцами: ханъ Магметъ-Гирей, видя большую опасность для себя отъ соединенія козаковъ съ Москвою, счелъ нужнымъ подкрѣпить Польшу. Еще въ 1653 году, когда разнеслись слухи о томъ, что козаки поддаются Москвѣ и что государь велѣлъ строить гетману города по рѣкамъ Осколу и Донцу, на Князь-Ивановомъ Лугу, то ханъ написалъ Богдану, чтобъ онъ сохранялъ твердо договоръ съ нимъ, и онъ, ханъ, съ своей стороны, придетъ къ нему на помощь при первой вѣсти о движеніяхъ короля; если же гетманъ и Черкасы захотятъ себѣ покою,

то пусть перѣходять жить на Крымскій берегъ за Днѣпръ и строятъ себѣ города; если же правда, что гетманъ билъ челомъ государю Московскому въ вѣчное холопство, то онъ, ханъ, снесшись съ Польскимъ королемъ, пойдетъ на Черкасъ войною съ большимъ собраньемъ. Приближенный ханскій, Сефергазы-ага, говорилъ Московскому посланнику Жеребцову, который требовалъ, чтобъ ханъ обязался не воевать съ Запорожскими Черкасами: «Запорожскіе Черкасы съ 800 лѣтъ были въ подданствѣ у Польскихъ королей, а послѣ того были въ подданствѣ у насъ Татаръ лѣтъ съ семь, и мы, Крымскіе люди, проча ихъ себѣ и чая отъ нихъ впередъ правды и постоянства, за нихъ стояли, съ Польскими и Литовскими людьми бились и много неповинной крови проливали и въ обиду ихъ никому не давали; въ то время Запорожскихъ Черкасъ было только 8,000, а мы, Татары, сдѣлали ихъ съ 20,000; Черкасамъ то было любо, какъ мы за нихъ стояли и помощь имъ вездѣ подавали, а гетманъ Богданъ Хмельницкій въ то время и меня, Сефергазы-агу, цѣловалъ въ ногу и хотѣлъ быть за нами въ подданствѣ вѣчно; а теперь Запорожскіе Черкасы намъ солгали, воровствомъ своимъ отъ насъ отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, вѣдайте, что эти воры и бунтовщики, Запорожскіе Черкасы, и царскому величеству солгутъ такъ же какъ Полякамъ, и намъ солгали, а Магметъ-Гирею царю того сдѣлать неумѣть, чтобъ на такихъ воровъ войною не ходить и ихъ не разорять: развѣ у всѣхъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей не будетъ на рукахъ ногтей или глаза ихъ землею запребутъ, тогда только они Запорожскимъ Черкасамъ воровства ихъ и измѣны мстить не будутъ» [82].

Въ Генварѣ Хмельницкій вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ встрѣтился съ Польскимъ и Татарскимъ войскомъ подъ Ахматовымъ. Здѣсь Русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ непріятеля и отступили къ Бѣлой Церкви, гдѣ находилось другое Московское войско подъ начальствомъ

окольничаго Өедора Васильевича Бутурлина. Украйна была страшно опустошена Поляками и Татарами.

11 Марта государь послалъ въ Бѣлую Церковь приказъ Шереметеву и Бутурлину быть къ себѣ въ Москву, а на ихъ мѣсто отправилъ въ Бѣлую Церковь боярина Василія Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго: имъ велѣно было вмѣстѣ съ Хмельницкимъ идти подъ Литовскіе города. Золотаренко попрежнему стоялъ подъ Старымъ Быховымъ, и въ Мартѣ писалъ къ государю, что глубокіе снѣга мѣшаютъ ему подать помощь Могилеву; но снѣга не помѣшали козакамъ взять Бобруйскъ, Глускъ, Королевскую Слободу и истребить ихъ жителей. Когда дороги попросохли, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они двинулись на помощь къ Могилеву вмѣстѣ съ Московскимъ воеводою Михайлою Дмитріевымъ; но Радзивилъ и Гонсѣвскій не дождались Золотаренка: 9 Апрѣля ночью приступили они къ городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавилъ Литовскихъ ратныхъ людей; тутъ осажденные сдѣлали вылазку и побили много непріятеля. Послѣ этой неудачи гетманы 1-го Мая сняли осаду Могилева и отступили къ Березинѣ; Золотаренко возвратился къ Старому Быхову; Дмитріевъ, поговоря съ нимъ, послалъ къ Березинѣ сына своего Василья да двухъ полковниковъ: Стародубскаго Тимоөея Аникѣева да наказнаго Нѣжинскаго Уманца; посланные сошлись съ Поляками въ мѣстечкѣ Толочинѣ и побили непріятеля. Золотаренко писалъ къ Морозову, бывшему въ походѣ при царѣ дворовымъ воеводою: «Низко челомъ бью благодѣтелю моему: изволь милость твоя побить челомъ его царскому величеству, чтобъ повелѣть изволилъ прислать ратныхъ людей своихъ нѣсколько тысячъ къ намъ, вѣрнымъ слугамъ своимъ». Хмельницкому очень не нравилась эта безславная для козаковъ осада Стараго Быхова; 28 Мая онъ писалъ брату Золотаренкову, Василью, полковнику Нѣжинскому: «Пріятно намъ слышать, что особымъ промысломъ вашей милости Богъ непріятелямъ далъ страхъ; дай Боже

ихъ еще лучше побѣдить; только не надобно мѣшкать подъ курятниками, какъ прошлаго года; просто надобно идти туда, гдѣ голова или гдѣ особые полки непріятельскіе стоятъ. И прошлаго года много бы добраго сдѣлалось, если бы около курятниковъ не замѣшкались, а то только людей, и нашихъ, и Московскихъ, потеряли. Уговаривай и боярина, который тамъ будетъ начальствовать надъ войсками царскаго величества, чтобъ безъ задержки прямо съ вами на непріятеля шелъ, чтобъ и этого лѣта даромъ не потерять. Промышляйте надъ головою, а съ хвостами послѣ управитесь» [83].

Надъ головою хотѣлъ промышлять самъ царь. Новый 1655 годъ засталъ Алексѣя Михайловича въ Вязьмѣ, гдѣ онъ пережидалъ окончанія мора въ Москвѣ; здѣсь, какъ доносили государю, послѣ язвы физической начала свирѣпствовать нравственная. 15 Генваря царь писалъ начальному въ Москвѣ боярину, Ивану Васильевичу Морозову: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь изъ нихъ многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ». 19 числа, увѣдомляя князя Якова Куденетовича Черкасскаго объ осадѣ Поляками Новаго Быхова, царь писалъ: «Мы пойдемъ къ Москвѣ на малое время, легкимъ дѣломъ, оставя все въ Вязьмѣ; пойдемъ помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ, бояръ и всѣхъ людей обвеселить отъ печали, и, отвезши сестеръ своихъ, царицу и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ противъ Польскаго короля». Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому писалъ: «Ты бы шелъ не мѣшкая съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ, также и къ друзьямъ писалъ нашъ указъ и высылалъ по мѣстамъ, чтобъ не дать недругу войти въ наши города, чтобъ его встрѣтить въ его землѣ, до тѣхъ поръ огонь и тушить, пока не разгорѣлся, а какъ разгорится, то уже некогда ту-

ишь». 20 Генваря въ Смоленскъ боярину Григорію Гавриловичу Пушкину былъ посланъ такой приказъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что во многихъ шляхтичахъ шатость, начали измѣнять, отъѣзжать въ Литву: и вы бы тѣхъ воровъ, отъ кого измѣны чаете, велѣли въ тюрьму сажать и высылайте ихъ къ намъ изъ города ночнымъ временемъ, чтобъ про то вскорѣ никому не было вѣдомо, а если почаете и ото всей шляхты и мѣщанъ измѣны, то всѣхъ къ намъ присылайте, по скольку человѣкъ возможно, а если посылать ихъ нельзя и ѣхать они не захотятъ, то посылайте въ Москву связанныхъ; если же наглой измѣны или дурна большаго отъ нихъ почаете, то, по самой конечной мѣрѣ, велите сѣчь, кромѣ женъ и дѣтей». Но самое любопытное письмо писалъ государь 23 Генваря къ любимцу своему Матвѣеву, котораго приблизилъ къ себѣ изъ дьячьихъ дѣтей: «Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича вѣрному и избранному головѣ нашему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву: поздорову ль ты, вѣрный нашъ рабъ! а мы, великій государь, въ славномъ градѣ Вязьмѣ далъ Богъ здорово со всѣми людьми Божіими и нашими; также и въ царствующемъ градѣ Москвѣ далъ Богъ подлинно утихло и здраво, лишь мы пребываемъ попрежнему въ тяжестяхъ великихъ душевныхъ, но не отчаиваемся своего спасенія. Къ сему же что речетъ великое солнце, пресвѣтлый Іоаннъ Златоустъ: не люто есть спотыкаться, люто — споткнувся не подняться. Добиваюся зѣло того, чтобъ быть не солнцемъ великимъ, а хотя бы малымъ свѣтиломъ, малою звѣздою тамъ, а не здѣсь... И въ томъ не осуди, что пишу: нечистъ отъ грѣха, потому что множество имѣю его въ себѣ, а о томъ зѣло возбраняетъ ми совѣсть писати, что чистъ отъ грѣха: охъ, люто тако глаголати человѣку, наипаче же мнѣ, что чистъ отъ грѣха! и сему конецъ; еще же за твою вѣрную службу пишу, что у насъ дѣлается:

«Посланникъ приходилъ отъ Шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудля, таковъ смышленъ, и

купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника. А присланъ нарокомъ такой глупецъ для провѣдыванья, что мы будемъ ли въ любви съ королемъ? и про то намъ подлинно вѣдомо; а братомъ не смѣлъ король писаться, и мы тому добрѣ ради, и зѣло отъ насъ страшны они Свіяне. А какъ посланникъ у насъ былъ, и мы его пожаловали, велѣли сѣсть, и онъ сѣсть не смѣлъ. И Смоленскъ имъ не таковъ досаденъ, что Витепскъ да Полотскъ, потому что отнятъ ходъ по Двинѣ въ Ригу. А король въ листу своемъ первомъ пишетъ, чтобъ вѣчное докончаніе подкрѣпить послами, да будто, любя меня, прислалъ обвѣстить посланника, думнаго человѣка: и мы мнимъ сколько отъ любви, а вдвое того отъ страху; тако намъ, великому государю, то честь, что прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка, хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь! А въ другомъ листу пишетъ, чтобъ не воевать Курляндскаго для его королевской дружбы, а онъ Курляндскій ему королю другъ: и мы отказали тѣмъ, что подданный Польскому королю, а и обѣщался намъ не помогать королю Польскому, а нынѣ многіе Курляндскіе Нѣмцы въ полонъ взяты и нынѣ многихъ посылаетъ, будто сами нанимаются.

«Подлинно Радивилъ да Гасевской пришли подъ Новый Быховъ, а съ ними пришло всякаго чина 12,000, и облегли Новый Быховъ въ двухъ и въ трехъ верстахъ, а на приступъ не смѣютъ идти; а сперва языки говорили 100,000, а другіе сказали 50,000, а третьи 40,000, а четвертые 24,000, да подлинно довѣдались, что 12,000, а съ Золотаренкомъ всего съ 6000 сидитъ, и онъ выходилъ на князя Несвицкаго и его побилъ и обозъ весь взялъ и опять возвратился въ Быховъ. И мы по бояръ и по всѣхъ ратныхъ людей послали и велѣли со всѣми запасы идти на службу и ставиться по мѣстамъ безсрочно, потому что время приспѣло. А мы, великій государь, идемъ тоже, и не потому, что Радивилъ гордится предъ Богомъ, и хочетъ взять Новый Быховъ, да Могилевъ,

да Шкловъ, и взявъ, идти къ Москвѣ; а король подлинно хотѣлъ посылать пословъ къ намъ великому государю, да Радивилъ отговорилъ: я де пойду еще отвѣдаю счастья своего и Золотаренка собью и городы отворочу и подъ Москву пойду, и король и воротилъ пословъ».

Алексѣй Михайловичъ исполнилъ обѣщаніе: 10 Февраля переѣхалъ въ Москву, а раннею весною отправился вторично въ Смоленскъ. Надобно было предупредить повтореніе зла, сдѣланнаго въ прошлогодній походъ, когда ратные люди свирѣпствовали въ Смоленскомъ и другихъ покорившихся уѣздахъ, насиливали женщинъ, убивали мужчинъ, чтобъ не было на нихъ челобитчиковъ. Государь назначилъ смертную казнь за такое поведеніе и торговую казнь господину, который позволитъ подобные поступки холопу своему. 24 Мая государь выступилъ изъ Смоленска, обратившись къ ратнымъ людямъ съ такою сказкою: «Если король Польскій не вспомнитъ Бога, не признается къ намъ, великому государю, въ своей неправдѣ и не станетъ мириться такъ, какъ годно Богу и намъ, то мы, великій государь, прося милости у Бога и у престрашныя и грозныя воеводы, пресвятыя Богородицы (которая изволила своимъ образомъ и до днесь воевать ихъ Литовскую и Польскую землю, и не могутъ нигдѣ противу нея стати, ибо писано: лихо́ противъ рожна прати), и взявъ на помощь честный крестъ, за изгнаніе православной вѣры будемъ зимовать сами и воевать, доколѣ нашъ Владыка свое дѣло совершитъ, и какъ дастъ Богъ перейдемъ за рѣку Березину, то укажемъ вамъ всѣмъ вездѣ хлѣбъ и животину брать въ приставство. И вамъ бы служить не щадя головъ своихъ, а деревень бы не жечь для того, что тѣ деревни вамъ же пригодятся на хлѣбъ и на пристанище; а кто станетъ жечь, и тому быть во всякомъ разореніи и ссылкѣ, а холопу, который сожжетъ, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побѣжитъ со службы или болѣзнь прикинетъ, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И вамъ бы потщиться вѣрою и правдою, отъ всего чистаго сердца,

съ радостію, безо всякаго сумнѣнія, безо всякаго ворчанія, и переговоровъ бы о томъ отнюдь не было: кто скуденъ, тотъ пусть милости проситъ у государя, а не ворчитъ и не бѣжитъ со службы; а кто будетъ съ радостію съ нами служить до отпуску, тотъ увидитъ, какая ему государская милость будетъ». Первая милость, какую царь счелъ нужнымъ оказать служилымъ людямъ, состояла въ принятіи мѣръ противъ побѣга отъ нихъ людей. Еще находясь въ Смоленскѣ, 25 Апрѣля государь писалъ боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Въ нынѣшнемъ году съ Москвы и со службы отъ насъ отъ многихъ бояръ и отъ всякихъ чиновъ людей побѣжали люди, сбираются въ глухихъ лѣсахъ, а собравшись, хотятъ ѣхать къ Хмельницкому; къ своей братьѣ пишутъ, будто сулятъ имъ Черкасы маетности, и многихъ своихъ бояръ поставили пѣшими и безодежными. И вы, поговоря съ гетманомъ и перехватавъ ихъ всѣхъ, велите изъ нихъ человѣкъ десять повѣсить въ нашихъ старыхъ городахъ, въ Путивлѣ съ товарищи, остальныхъ же, высѣкши кнутомъ, пришлите въ Москву, и заказъ крѣпкій учините, чтобъ впередъ Черкасы ихъ не принимали» [84].

Въ началѣ Іюня въ Шкловъ пріѣхалъ къ государю Золотаренко, и отправленъ былъ за Березину; отряженный имъ Черниговскій полковникъ Поповичъ взялъ Свислочь: «непріятелей въ немъ всѣхъ подъ мечъ пустили, а самое мѣсто и зàмокъ огнемъ сожгли». Та же участь постигла Кайдановъ; Московскій воевода Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ взялъ Велижъ; бояринъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ овладѣлъ Минскомъ. 29 Іюля бояринъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій, соединившись съ Золотаренкомъ, въ полмилѣ отъ Вильны напалъ на обозъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго; бой длился отъ шестаго часа дня до ночи; гетманы потерпѣли пораженіе и бѣжали за рѣку Вилію, а Русскіе приступили къ Вильнѣ и овладѣли этою столицею Литвы. Царь стоялъ въ деревнѣ Крапивнѣ, за 50 верстъ отъ Вильны, когда прискакалъ къ нему гонецъ съ этимъ радост-

нымъ извѣстіемъ. 9 Августа пригнали новые сеунчики (вѣстники побѣды): Ковно былъ взятъ; 29 Августа пришла вѣсть о взятіи Гродно.

Въ то же время, въ Іюлѣ, Бутурлинъ и Хмельницкій выступили въ походъ, беспрепятственно вступили въ Галицію; гетманъ коронный Потоцкій потерпѣлъ пораженіе подлѣ Гродка; Русскіе подошли ко Львову, но ничего не сдѣлали городу по явному нежеланію Хмельницкаго дѣйствовать рѣшительно: онъ взялъ съ осажденныхъ 60,000 злотыхъ и удалился отъ города, а Выговскій прямо писалъ горожанамъ Львовскимъ, чтобъ не сдавались на царское имя. Рѣшительнѣе дѣйствовала подъ Люблиномъ часть соединеннаго войска, бывшая подъ начальствомъ Данилы Выговскаго, брата писарева, и Петра Потемкина; Люблинцы присягнули царю. Московскіе воеводы, одни безъ козаковъ, съ двухъ сторонъ воевали Литву. Въ Сентябрѣ вышелъ на судахъ изъ Кіева князь Димитрій Волконскій; 15 числа пришелъ онъ подъ Туровъ: Туровцы вышли къ нему на встрѣчу съ образами и присягнули царю. Не останавливаясь въ Туровѣ, Волконскій отправился сухимъ путемъ подъ городъ Давыдовъ; съ версту отъ города встрѣтило его Литовское войско и завязало бой; Литва была втоптана въ городъ, который запылалъ, и Литва бросилась бѣжать изъ него (16 Сентября). Побѣдители возвратились къ судамъ своимъ и поплыли внизъ по рѣкѣ Горынѣ къ рѣкѣ Припети, Припетью шли вверхъ до рѣки Ватлицы, отъ Ватлицы шли сухимъ путемъ до города Столина, котораго достигли 20 Сентября: Литва, вышедъ изъ города, учинила бой большой, была побита, бѣжала, городъ былъ занятъ и сожженъ Русскими. Отъ Столина Волконскій возвратился къ Припети, къ судамъ своимъ, Припетью плылъ до рѣки Пины, и 25 Сентября достигъ Пинска. Литва не пустила Русскихъ пристать къ берегу, и Волконскій долженъ былъ высадиться ниже города, у села Пинковичей; послѣ большаго боя Русскіе по слѣдамъ Литвы вошли въ Пинскъ и Литву выбили. Простоявши въ Пинскѣ двое сутокъ, чтобъ

дать отдохнуть людямъ, Волконскій 27 Сентября сжегъ городъ и слободы, пошелъ назадъ къ судамъ своимъ и поплылъ внизъ по Припети; въ селѣ Стаховѣ разбилъ отрядъ Литовскаго войска, привелъ къ присягѣ жителей городовъ Кажана и Латвы и опять Днѣпромъ возвратился въ Кіевъ и привелъ войско въ цѣлости: только у одного солдата подъ Пинскомъ руку оторвало изъ пушки, да двухъ человѣкъ изъ пищали ранили[85].

Съ другой стороны, 23 Октября князь Семенъ Андреевичъ Урусовъ и князь Юрій Борятинскій пошли съ войскомъ изъ Ковно къ Бресту и побили Поляковъ на Бѣлыхъ Пескахъ, въ 150 верстахъ отъ Бреста. 13 Ноября подошли они къ этому городу и встрѣтились здѣсь съ новымъ гетманомъ Литовскимъ, Павломъ Сапѣгою: Урусовъ потерпѣлъ пораженіе, отступилъ отъ Бреста и сталъ обозомъ за рѣкою, но Литва выбила его оттуда; Урусовъ сталъ въ 25 верстахъ отъ Бреста, въ деревнѣ Верховичахъ, Сапѣга обошелъ его и тутъ, дорогу и воду отнялъ и двое сутокъ держалъ въ осадѣ, требуя, чтобъ все войско сдалось ему; Урусовъ не согласился и вступилъ въ битву, которая окончилась блистательнымъ торжествомъ для него: поразивъ Литву на-голову, Русскіе гнали ее шесть верстъ, взяли четыре пушки, 28 знаменъ[86]. Послѣ этого дѣла Урусовъ и Борятинскій пошли къ Вильнѣ. Между этими воеводами и полчанами ихъ было сильное неудовольствіе. Новгородскіе дворяне и дѣти боярскіе били челомъ на Урусова, что, сказавши имъ государевъ указъ выступить изъ обоза, изъ Подберезья въ Вильно и дальше въ Ковно, приказалъ имъ приготовить всѣмъ полкомъ хлѣбныхъ запасовъ на кормъ ратнымъ людямъ, которые стояли въ Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что имъ этого хлѣба, и своихъ запасовъ, и конскихъ кормовъ везти съ собою въ Ковно невозможно. Урусовъ вышелъ изъ шатра и, не принявши челобитной, билъ ихъ булавою и стрѣльцамъ велѣлъ бить ихъ ослопьемъ до умертвія, а иныхъ челобитчиковъ велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ безъ пощады. Они до-

кладывали ему о полковыхъ и расправныхъ своихъ дѣлахъ: бояринъ, не выслушавъ ихъ челобитья, бранилъ ихъ......... и билъ булавою, и ослопьемъ, и кнутомъ, и плетьми безъ пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорилъ имъ, будто указалъ государь, выбравъ изъ нихъ лучшихъ людей, вѣшать, а иныхъ бить кнутомъ, тогда какъ они передъ государемъ вины своей никакой не вѣдаютъ. Все это воевода мститъ имъ прежнюю недружбу, потому что они били челомъ на него царю Михаилу Θеодоровичу, а инымъ мститъ за Новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь изъ нихъ есть плѣнники, воевода присылалъ друзей своихъ съ стрѣльцами и самъ выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силою и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великія Луки на государевыхъ подводахъ. Посылалъ головъ съ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ къ государю въ Вильну. Идучи дорогою, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустя воду. Приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогою свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать: они дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безконство, на государеву службу пошли съ радостію, но какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Боратинскій запретили имъ подъ смертною казнію брать что-либо у жителей; а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ утварь, въ костелахъ, по мѣстечкамъ, въ панскихъ маетностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодною смертію. Къ Бресту пошли воеводы скорымъ походомъ, а отъ Бреста за пять верстъ черезъ рѣку и болота мостъ большой и худой, за которымъ стояли роты Литовскихъ людей. Воеводы велѣли за мостъ перебираться наскоро; Литовскіе люди, пострѣлявшись, отъ мосту побѣжали къ Бресту, а изъ Русскихъ многіе за тѣснотою по мосту

перебраться не поспѣли, людей дворянскихъ съ простыми лошадьми по мосту не перепустили; нарядъ, казну и пѣшихъ людей воеводы велѣли оставить за рѣкою у мосту, а въ Брестъ послали аманата пана Свяцкаго и козака, и приказалъ имъ Урусовъ занять себѣ дворъ, потомъ, не сождавшись со всѣми ратными людьми, пошелъ за мостъ къ Бресту съ небольшимъ отрядомъ. Литовскіе люди присылали изъ города съ просьбою съѣхаться и говорить о добромъ дѣлѣ; но воеводы, не сказавши служилымъ людямъ ничего про битву, велѣли задоръ учинить Луцкимъ козакамъ, произошла битва, и вслѣдствіе такого нестройства и безвѣстнаго боя государевыхъ ратныхъ людей многихъ побили, ранили и въ плѣнъ взяли, и животворящій крестъ, который отъ государя былъ данъ, достался врагу. Изъ подъ Бреста отошли они ночью за рѣку въ обозъ, а поутру пришли къ нимъ Литовскіе люди и начали по нихъ изъ наряда стрѣлять; воеводы пошли отъ нихъ въ отходъ и пришли въ деревню Верховичи; Литовскіе люди дорогу у нихъ отняли, и воеводы велѣли отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что имъ за рѣками и топкими болотами въ отходъ нейти, мосты худые и разметаны и на засадахъ много непріятелей, пусть воеводы велятъ имъ съ Литовскими людьми биться, вышли на бой съ своими людьми и Литовскихъ начальныхъ людей многихъ побили конныхъ, а пѣшихъ побили безъ остатка. Урусовъ на бою лошадей и платья у Литвы брать имъ не велѣлъ, сказалъ, что все будетъ на *черный пай*. Воеводы брали у шляхты подарки, чтó у кого полюбится или гдѣ что провѣдаютъ, и многіе изъ шляхты, узнавъ, что берутся подарки большіе, государю не присягали. Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, ихъ, дворянъ, безчестилъ, называлъ неслугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ, испугавшись пушечной стрѣльбы, съ бою уѣхалъ и государево знамя съ собою увезъ. — Урусовъ и Борятинскій отвѣчали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатовъ; сами ни-

гдѣ ничего не грабили; противъ Бреста дѣйствовали праздно; ибо оттуда прислали имъ сказать, что Брестъ принадлежитъ Шведскому королю; дворянамъ о предстоящей битвѣ давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то дворяне правой стороны поддержались, а лѣвой побѣжали и воеводъ выдали; подъ Брестъ идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у непріятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусовѣ всегда была и боя никогда онъ не оставлялъ[87].

Урусовъ завязалъ дѣло подъ Брестомъ въ то время, когда уже шли дѣятельные мирные переговоры. Гетманъ польный Литовскій Гонсѣвскій прислалъ къ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ вопросомъ: изволитъ ли государь съ королемъ мирное постановленіе учинить? Государь послалъ къ Гонсѣвскому любимца своего стольника Ѳедора Михайловича Большаго-Ртищева. Посланный нигдѣ не нашелъ Гонсѣвскаго, посаженнаго, какъ ему сказали, подъ стражу Радзивиломъ, а въ Брестѣ, въ концѣ Сентября, нашелъ новаго гетмана Литовскаго Павла Сапѣгу, назначеннаго на мѣсто Радзивила. Ртищевъ объявилъ Сапѣгѣ, что государь соизволяетъ на мирное постановленье. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ, именемъ всего собранія, бьетъ челомъ великому государю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, о покоѣ, покорно бьетъ челомъ за объявленное пожалованіе христіанское. Ртищевъ, какъ посланный къ Гонсѣвскому, а не къ Сапѣгѣ, не объявилъ послѣднему присланныхъ съ нимъ мирныхъ условій, говоря: «что̀ одинъ началъ, другой не можетъ совершить, потому: что̀ человѣкъ, то разумъ». Онъ требовалъ, чтобъ Сапѣга объявилъ ему свои мирныя условія; тотъ отвѣчалъ, что имъ трудно дать статьи, не доложа королю. Положили до съѣзда великихъ пословъ прекратить непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Ртищевъ привезъ къ государю отъ Сапѣги посланника Глѣдовицкаго, съ которымъ велѣно говорить о дѣлахъ окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Алмазову. Глѣ-

довицкій, отъ имени гетмана Сапѣги и сенаторовъ, билъ челомъ, чтобъ государь во 1) велѣлъ кровь утолить; 2) велѣлъ назначить мѣсто, куда король тотчасъ отправитъ пословъ своихъ; 3) удержалъ отъ войны гетмана Хмельницкаго и Кіевскихъ воеводъ; 4) чтобъ шляхтѣ и другимъ людямъ вольно было на непелища свои возвратиться; 5) чтобъ учинена была размѣна плѣнныхъ. Принявши статьи, Пожарскій сказалъ посланнику, чтобъ онъ, когда будетъ у государя, отнюдь бы не называлъ Сапѣгу гетманомъ великаго княжества Литовскаго, а если назоветъ, то его вышлютъ съ великимъ безчестьемъ и отпуску ему не будетъ: такъ онъ бы гордость свою отложилъ; да и то ему говорено, за какія гордости смирилъ Богъ короля ихъ и пановъ радныхъ, какъ посыланы были отъ великаго государя великіе и полномочные послы и посланники къ королю, и король ни въ чемъ не исправился, и за то, сами видите, какъ Богъ его смирилъ: покинувши все, съ немногими людьми убѣжалъ въ Венгерскія горы, но и тамъ ему мѣста нѣтъ; сенаторамъ бы вашимъ и вамъ всѣмъ давно поискать государской милости, ѣхать самимъ къ великому государю и милости просить не пересылкою. Ты говоришь, что королю присылать о мирѣ къ государю: но гдѣ вашего короля сыскать?» Глядовицкій отвѣчалъ: «Воля Божія совершилась; кто бываетъ на конѣ, тотъ бываетъ и подъ конемъ, а ужь безъ пана намъ не быть, не тотъ панъ, такъ другой». Пожарскій: «Время вамъ бить челомъ великому государю, а не искать другаго государя, и великій государь васъ пожалуетъ каждаго по вашему достоинству; скажи намъ послѣднее: какъ тебѣ гетмана назвать?» Глядовицкій: «Изговоря государское именованье и титло, скажу: посланный отъ Павла Сапѣги, гетмана великихъ войскъ Литовскихъ.» Пожарскій: «Говори: гетмана великихъ войскъ, а *Литовскихъ* говорить тебѣ непристойно». Глядовицкій не согласился. 25 Ноября онъ былъ у бояръ и думныхъ людей. Бояре отвѣчали Сапѣгѣ и сенаторамъ: «Вы въ своей грамотѣ просите насъ бить челомъ за васъ великому государю, а

Яна Казимира короля Польскаго пишете великимъ княземъ Литовскимъ и гетманъ подписался гетманомъ великаго княжества Литовскаго: но вамъ подлинно извѣстно, что даровалъ Богъ великому государю нашему взять у его королевскаго величества всю Бѣлую Русь и стольный городъ Вильну, и государь нашъ учинился на всей Бѣлой Россіи и на великомъ княжествѣ Литовскомъ, и на Волыни, и на Подоліи великимъ государемъ. Вамъ такъ писать непристойно; лучше бы вамъ просить милости у его царскаго величества и быть подъ его высокою рукою, а государь вѣры, правъ и вольностей вашихъ нарушить ни въ чемъ не велитъ». То же писалъ и самъ царь Сапѣгѣ. Если великій государь царь хотѣлъ быть великимъ княземъ Литовскимъ, то великій государь патріархъ былъ честолюбивѣе: 29 Іюля онъ писалъ Алексѣю Михайловичу, чтобъ тотъ не только оставилъ за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Польши. 1-го Сентября прислалъ онъ государю благословеніе писаться великимъ княземъ Литовскимъ [88].

Но въ то время, какъ Алексѣй Михайловичъ считалъ несомнѣннымъ, что всѣ завоеванія его останутся за нимъ, и называлъ себя всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, явился ему опасный соперникъ: то былъ не Янъ Казимиръ Польскій, но энергическій преемникъ Христины Шведской, Карлъ X Густавъ. Видя затруднительное положеніе Польши, онъ напалъ на нее подъ пустыми предлогами и овладѣлъ всею Великою Польшею, которая признала его своимъ королемъ; потомъ овладѣлъ Варшавою и Краковомъ; Янъ Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Но Карлъ X-й не хотѣлъ довольствоваться одною Польшею: онъ обратилъ свои взоры и на Литву, гдѣ гетманъ Радзивилъ, потерявши Вильну, поддался Шведскому королю, къ чему особенно склоняло его единовѣріе: Радзивилъ былъ протестантъ; принимая подъ свою руку Радзивила и другихъ пановъ Литовскихъ, Карлъ обѣщалъ возвратить имъ всѣ ихъ владѣнія, занятыя Русскими. Легко

понять то раздраженіе, какое обнаружилось противъ Шведскаго короля въ станѣ царя Московскаго. Еще въ Іюлѣ пріѣхалъ къ царю въ Смоленскъ Шведскій посланникъ Розенлиндъ и подалъ грамоту, въ которой король извѣщалъ о начатіи войны съ Польшею, потому что Янъ Казимиръ въ грамотѣ своей писалъ короля Шведскаго не по достоинству и чинитъ ему убытки сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имѣетъ съ оружіемъ на Яна Казимира наступить и достать его земли, которыя поближе къ Швеціи; ожидаетъ король, что такіе его достойные умыслы у царскаго величества хорошо приняты и истолкованы будутъ, ибо клонятся къ тому, чтобъ стоять противъ недруга, который съ своими помощниками ищетъ обоимъ государямъ, и Московскому, и Шведскому, вреда и разоренія. Царское величество изволилъ бы указать своимъ боярамъ и воеводамъ съ Шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвѣчалъ: «За многія злыя неправды къ намъ королей Владислава и Яна Казимира далъ Богъ намъ взять всю Бѣлую Русь и многія воеводства, города и мѣста съ уѣздами великаго княжества Литовскаго, да нашъ же бояринъ Бутурлинъ съ Запорожскимъ гетманомъ Хмельницкимъ въ коронѣ Польской, на Волыни и въ Подоліи побралъ многія воеводства, города и мѣста, и мы учинились на всей Бѣлой Руси и на великомъ княжествѣ Литовскомъ, и на Волыни, и на Подоліи великимъ государемъ». Этимъ царь ясно показывалъ, чего Карлъ не долженъ былъ трогать, если хотѣлъ остаться въ мирѣ съ Москвою.

Тщетныя предосторожности! столкновеніе было необходимо. Радзивилъ величалъ себя великимъ гетманомъ Шведскаго короля и великаго княжества Литовскаго, воеводою Виленскимъ. 18 Августа отправленъ былъ къ нему дворянинъ Лихаревъ. Онъ нашелъ гетмана подъ Кайданами и говорилъ ему: «Писалъ ты къ боярамъ царскаго величества и въ грамотѣ своей написался Шведскаго короля и великаго княжества Литовскаго великимъ гетманомъ, Виленскимъ воеводою.

Царскаго величества бояре и воеводы удивляются, что ты такъ написалъ, потому что великое княжество Литовское и городъ Вильна никогда не бывали за Шведскимъ королемъ, Вильна была Польскаго короля, а за его неправды взялъ этотъ городъ государь нашъ, и теперь Вильна и Литовскіе города за государемъ нашимъ. Такъ ты даришь Шведскаго короля чужимъ, а у государя нашего съ Шведскимъ королемъ вѣчное докончаніе. Ближній бояринъ и воевода князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій велѣлъ тебѣ говорить: если ты хочешь быть Виленскимъ воеводою, то поищи государской милости къ себѣ, и будь въ подданствѣ у царскаго величества: государь тебя пожалуетъ гетманствомъ Литовскимъ, воеводствомъ Виленскимъ, всѣми твоими маетностями, да сверхъ того пожалуетъ тебя великимъ своимъ царскимъ жалованьемъ, а вольности вашей и вѣры нарушить не велитъ». Радзивилъ отвѣчалъ: «Хотимъ мы быть у великаго государя въ подданствѣ; но посланцевъ нашихъ задержали, и въ уѣздѣ около Вильны ратные государевы люди крестьянъ, женокъ и малыхъ ребятъ посѣкаютъ всѣхъ и домы палятъ; видя, что посланцевъ задержали, а Польскій король насъ покинулъ, и отдался въ подданство Шведскому королю». Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Государь показалъ бы милость, взялъ у Польскаго короля къ своему краю, что хочетъ, а насъ бы подъ Польскимъ королемъ не трогалъ». Въ другое свиданіе съ Лихаревымъ Радзивилъ сказалъ: «У насъ мысль наша вся розно пошла, у всѣхъ нашихъ людей мысль врознь». Сношенія съ Радзивиломъ начаты были вопреки желанію Никона, который 19 Іюля писалъ государю: «Радзивила не призывать: его и такъ Богъ предастъ».

Въ Сентябрѣ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій отправилъ дворянина Нестерова къ Шведскому генералу, графу Делагарди, который далъ знать боярину, что городъ Друя сдался Шведамъ. Нестеровъ доносилъ: шляхта, которая поддалась Шведскому королю, тужитъ и говоритъ: «не знаемъ, какъ впередъ будетъ жить, не привыкнуть намъ жить въ

подданствѣ у Шведскаго короля, мы Шведского языка не знаемъ, а Шведы нашего языка не знаютъ, къ Рускимъ же людямъ были мы привычны, съ ними жили вмѣстѣ и языкъ у насъ одинъ былъ». — Представленный Делагарди, Нестеровъ говорилъ ему: «Тебѣ извѣстно, что въ 1654 году бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ взялъ города Друю, Дрису, Глубокое и людей привелъ ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли Шведы! Шведы приходятъ также къ Ковно, занятому Русскими, Радзивилъ пишется воеводою Виленскимъ и гетманомъ великаго княжества Литовскаго, тогда какъ Вильну Богъ далъ великому государю нашему. А когда въ 1654 году Московскіе воеводы пошли было на владѣнія Курляндскаго князя, и Шведскій король присылалъ просить государя, чтобъ Курляндскаго князя не воевать, то государь его просьбу исполнилъ». Делагарди отвѣчалъ: «Если по сыску окажется, что Русскіе прежде Шведовъ заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будетъ, а безъ вѣдома королевскаго я объ нихъ ничего рѣшить не смѣю. Не знаю, какъ Шведы пріѣзжали къ Ковно, а если и пріѣзжали, то царскимъ людямъ вреда не сдѣлали. Съ Радзивиломъ я увижусь скоро и буду ему говорить, чтобъ онъ воеводою Виленскимъ и гетманомъ не писался». Делагарди обѣщался также освободить всѣхъ Московскихъ плѣнниковъ, находившихся у Радзивила. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина къ досадѣ: узнали, что Карлъ переписывался съ Хмельницкимъ и Золотаренкомъ [89].

Но чѣмъ сильнѣе было раздраженіе противъ Шведовъ, тѣмъ охотнѣе склоняли слухъ къ предложеніямъ мира съ Польшею, истерзанною, безсильною, уступчивою и неопасною. Въ Октябрѣ явились въ Москвѣ давно небывалые гости, цесарскіе послы Аллегретти и Лорбахъ. Опасно было для Австріи паденіе союзной католической Польши и усиленіе на ея развалинахъ враждебной, протестантской Швеціи, и вотъ Фердинандъ III поспѣшилъ явиться посредникомъ между

царемъ и Яномъ Казимиромъ, чтобъ освободить Польшу отъ Московской войны и, если можно, обратить царское оружіе противъ Швеціи. Съ самаго пріѣзда, въ разговорѣ съ приставами, послы уже начали толковать о коварствѣ Шведовъ, о необходимости мира съ Поляками, и всѣми средствами задабривать Русскихъ, льстить имъ, зная, что каждое слово, сказанное приставамъ, будетъ донесено царю. «Едва ли Богъ потерпитъ Шведамъ», говорилъ Аллегретти приставамъ: «не дождавшись исхода перемирныхъ урочныхъ лѣтъ, они напали на Поляковъ въ то время, когда царское величество изволилъ наступить на Литву съ своими ратными людьми. Издавна у Шведовъ такой лукавый умыселъ, что они нападаютъ на того, кто безсиленъ. А намъ извѣстно, какія неправды Польскаго короля Яна Казимира къ царскому величеству; Поляки уклонились на гордость и никакого исправленія во всѣхъ неправдахъ не учинили». Но потомъ Аллегретти началъ дѣлать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужаго: «У цесарскаго величества была война съ Шведскимъ королевствомъ и съ иными государствами тридцать три года, съ обѣихъ сторонъ людямъ учинилась погибель великая, государствамъ запустѣніе и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миромъ, и стало это Богу любо и людямъ годно. За правду стоять надобно, это не грѣхъ предъ Богомъ, но кто чужаго захочетъ, то, думаемъ мы, это не будетъ прочно впередъ». Боясь однако разсердить этимъ намекомъ, Аллегретти поспѣшилъ прибавить: «Мы это говоримъ съ вами не договоромъ, бесѣдною рѣчью, по пріятельской дружбѣ». Потомъ Аллегретти началъ рѣчь о необходимости всѣмъ христіанскимъ государямъ соединиться противъ невѣрныхъ: «Мнѣ случилось быть въ Цареградѣ у Турскаго султана въ послахъ отъ короля Испанскаго, и видѣлъ я тамъ, какъ Татары продаютъ Русскихъ и Поляковъ въ работу. Прослезился я, видя, что такое мученіе чинили христіанамъ. Мы надивиться не можемъ, какъ такіе великіе государи до сихъ поръ терпятъ

бусурманамъ? Мало того, что продаютъ христіанъ въ работы, на каторги: псы, вѣдомые враги Божіи, Жиды, покупаютъ младенцевъ и въ жидовство приводятъ! Какъ можно христіанамъ терпѣть такія злыя бѣды и досады?» Приставы возразили: «Крымскіе Татары берутъ много людей и изъ Нѣмецкихъ государствъ, и также продаютъ въ работы и на каторги». Аллегретти отвѣчалъ: «Дай Боже намъ слышать и видѣть, чтобъ совокупились христіанскіе государи, бусурманъ покорили и власть ихъ разорили». Въѣзжая въ Москву, послы удивлялись церковному строенію, хвалили *стройство* ратныхъ людей; но не понравилось имъ на квартирѣ, хотя и велѣно было въ ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелокъ оловянныхъ да 36 тарелокъ деревянныхъ. Аллегретти говорилъ приставамъ: «У насъ посламъ отводятъ жилые дворы, на дворахъ постели и одѣяла изготовлены бываютъ стройныя, скатерти и сосуды всякіе, все готовое. Мы, думая, что и у царскаго величества будетъ намъ такъ же, постели и сосудовъ съ собою не взяли, и теперь намъ безъ нихъ быть нельзя». Приставы отвѣчали: «У великихъ государей нашихъ того не повелось, чтобъ ставить пословъ на посадскихъ дворахъ, для нихъ устроены посольскіе дворы, а сосуды всякіе и постели послы привозятъ съ собою.»

Въ Ноябрѣ возвратился изъ похода государь и имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву: пришедши на лобное мѣсто, Алексѣй Михайловичъ поклонился образу, поцѣловалъ крестъ изъ рукъ патріарха, указалъ спросить о здоровьѣ весь міръ, всѣхъ, которые стояли тутъ около Лобнаго мѣста: весь міръ въ землю челомъ ударили и царскому величеству многолѣтствовали [90]. 15 Декабря Аллегретти съ товарищами представлялся государю, которому поднесъ въ двухъ стклянкахъ миро чудотворца Николая, два кувшинца золотыхъ съ жемчугами, двѣ обьяри цвѣтныя, обьярь серебряную, часы золоченые, двѣ коробки аромату, двѣ коробки сахара составнаго. 17 числа послы были въ отвѣтѣ у бояръ князей: Алексѣя Ники-

тича Трубецкаго, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексѣевича Долгорукаго. Аллегретти говорилъ: «Цесарское величество прислалъ насъ къ царскому величеству поздравить великаго государя на его преславныхъ государствахъ и обновить прежнюю дружбу предковъ. Цесарское величество желаетъ и того, чтобъ укротилось кровопролитіе между царскимъ величествомъ и королемъ Польскимъ и оружіе ихъ обратилось бы на общихъ христіанскихъ непріятелей, на бусурманъ. Всякой войнѣ бываетъ конецъ — миръ, а къ миру приводятъ посредники, и если царское величество не изволитъ заключить миръ съ Польскимъ королемъ посредствомъ цесарскаго величества, а потомъ заключитъ миръ посредствомъ другаго какого-нибудь государя, то цесарскому величеству будетъ это безчестье». 20 Декабря былъ другой съѣздъ, на которомъ бояре отвѣчали посламъ, что государь принимаетъ въ любовь доброхотный совѣтъ цесаря и для братской дружбы къ нему соглашается на миръ съ Польшею, но требуетъ, чтобъ ему немедленно дано было знать, на какихъ статьяхъ быть миру, потому что у государя войска собраны многія и безъ дѣла держать ихъ убыточно. Послы отвѣчали, чтобъ государь назначилъ пограничное мѣсто для посольскаго съѣзда, они дадутъ знать объ этомъ императору, а тотъ, въ свою очередь, дастъ знать королю Яну Казимиру, и что пересылка эта больше двухъ мѣсяцевъ не продлится. Бояре спросили: гдѣ теперь король Янъ Казимиръ, паны радные при немъ ли, и нѣтъ ли между ними розни? Аллегретти отвѣчалъ: «Король Янъ Казимиръ еще не згинулъ, а при немъ есть и паны радные и рѣчь посполитая; теперь онъ стоитъ отъ Кракова близко, въ Силезіи. Цесарь съ нимъ въ близкомъ свойствѣ — братъ двоюродный, а что теперь отстали отъ Польскаго короля Радзивилъ да подканцлеръ Радзіевскій, и это дѣло не большое — тутъ не вся земля. А которые вмѣстѣ съ ними поддались Шведскому королю, то дѣло это не можетъ надолгѣ состояться, потому что у Поляковъ владѣютъ всѣмъ сперва духовные люди, и имъ католикамъ съ Лютеранами и Кальви-

нами какъ ужиться? И папа, и цесарь, и короли Испанскій и Французскій, и другіе государи католической вѣры вотупятся и своей вѣрѣ згинуть не дадутъ. Хотя теперь король Польскій и Кракова лишенъ, но и Москва была за Поляками, а потомъ Русскіе люди собрались и Поляковъ изъ Москвы выгнали».

На съѣздѣ 24 Декабря бояре спросили пословъ: «Если Шведы Польшею завладѣютъ, то цесарь Польскому королю будетъ ли помогать противъ Шведовъ? «Аллегретти отвѣчалъ: «Если Польскій король будетъ въ крайности, т.-е. если царское величество помириться съ нимъ не изволитъ и цесаря въ посредники не возьметъ, то за Польскаго короля не одинъ цесарь, но и папа, и Французскій и другіе государи двинутся». Потомъ Аллегретти спросилъ: «Хмельницкій царскому величеству вѣренъ ли и впередъ отъ него шатости въ какую-нибудь сторону не чаять ли?» Бояре спросили: «Зачѣмъ онъ это спрашиваетъ?» Посолъ отвѣчалъ: «У Шведовъ рѣчь несется, будто Хмельницкій хочетъ поддаться подъ Шведскую корону». Бояре отвѣчали: «Черкасы никогда отъ царскаго величества не отступятъ, нельзя этому быть» [91].

Въ Москвѣ хотѣли удостовѣриться, дѣйствительно ли Янъ Казимиръ еще имѣетъ какія-нибудь средства? узнать, какъ велика можетъ быть надежда для царя удержать не только великое княжество Литовское, но пріобрѣсти и корону Польскую. Въ Февралѣ 1656 года отправленъ былъ дворянинъ Лихаревъ къ Литовскому гетману Павлу Сапѣгѣ и короннымъ — Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. Въ Апрѣлѣ Лихаревъ нашелъ Сапѣгу въ Люблинѣ, который, по уходѣ Русскаго войска занятъ былъ Шведами, а теперь сдался Литовскому гетману на имя Яна Казимира. На слова Лихарева, призывавшаго его подъ высокую руку великаго государя, Сапѣга отвѣчалъ: «На государевомъ жалованьѣ челомъ бью: еслибы я не слыхалъ про пана своего короля, еслибъ онъ къ намъ не вернулся, то я бы со всею Литвою къ царскому величеству пошелъ въ подданство; не мы его покину-

ли, онъ насъ покинулъ. А теперь слышу, что онъ къ намъ возвратился, пріѣхалъ во Львовъ и идетъ на Шведа: такъ я своего пана короля, своей вѣры и своего Сапѣжинскаго дома и права не могу покинуть, измѣнникомъ быть не хочу; государь же меня назоветъ измѣнникомъ, скажетъ: измѣнилъ ты королю, измѣнишь и мнѣ; скорѣе горло свое дамъ, а такъ не сдѣлаю. Княжество Литовское все хотѣло къ царскому величеству, но Урусовъ насъ задралъ и домы наши запустошилъ. И теперь все княжество Литовское хо́четъ миру съ государемъ, а Польша хочетъ больше мира съ Шведскимъ королемъ». Изъ Люблина Лихаревъ поѣхалъ во Львовъ. Здѣсь Потоцкій далъ такой же отвѣтъ: «Неслыханное дѣло, чтобъ королю покинуть государство свое или намъ отъ него отступить, онъ тутъ родился, природный государь намъ, на время отъѣзжалъ да и опять пріѣхалъ».

Но въ то время, какъ Лихаревъ велъ эти переговоры съ гетманами, въ Апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву Польскій посланникъ Петръ Галинскій. Государь указалъ посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ѣхать къ Галинскому и распросить, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ? Посланникъ объявилъ, что онъ привезъ статьи, на которыхъ становить миръ между королемъ и великимъ государемъ, и если царское величество согласится, то долженъ быть назначенъ пограничный съѣздъ уполномоченныхъ для окончательнаго постановленья. Да онъ же посланникъ долженъ объявить о замыслахъ Шведскаго короля противъ Московскаго государства: Карлъ X-й не только обѣщалъ Радзивилу съ товарищами возвратить земли, занятыя царскими войсками, но и хотѣлъ идти съ войскомъ прямо подъ Москву, обѣщалъ, что изъ Смоленска ни одинъ кирпичь не пропадетъ; всѣ эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Делагарди у короля Яна Казимира и у полковниковъ есть, и съ этихъ подлинныхъ листовъ присланы съ нимъ, Галинскимъ, списки.— Безъ представленія государю Галинскаго позвали въ отвѣтъ къ окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрову и дьяку Алмазу

Иванову, несмотря на то, что посланникъ со слезами просилъ позволенія сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинскій объявилъ слѣдующія статьи: 1) король желаетъ мира; 2) чтобъ государь уступилъ королю все завоеванное. На замѣчаніе, что это дѣло нестаточное, Галинскій сказалъ: «Если мало попросить, такъ не зачѣмъ и уговору быть, а какъ много попросить, такъ есть изъ чего убавить, а все это въ волѣ великаго государя». Галинскій больше всего старался произвести раздраженіе противъ Шведовъ: «Королю и народу» говорилъ онъ: «не такъ досадно на царское величество, хотя у нихъ государство опустошено, какъ досадно на Шведовъ, которые, видя ихъ упадокъ и разоренье, не выждавъ перемирныхъ семи лѣтъ, напали на нихъ невинно и, сговорясь съ еретиками Венграми, разоренье сдѣлали большое; мириться со Шведами король и сенаторы безъ воли царскаго величества не будутъ, въ томъ я дамъ письмо за своею рукою».

Послѣ этихъ объясненій Галинскій былъ представленъ государю и позванъ въ другой разъ въ отвѣтъ къ тѣмъ же Хитрову и Алмазу. Дьякъ объявилъ, что хотя великому государю за многія грубости и досады къ миру склонности учинить и не довелось, однако, по прошенью цесаря Фердинанда, на то изволяетъ. Галинскій далъ запись, что король безъ воли царской, до съѣзда великихъ пословъ, со Шведскимъ королемъ мириться не будетъ; Хитровъ же, со своей стороны, объявилъ, что если Шведскій король докончанье нарушитъ и на царскіе города наступитъ, то государь отпоръ ему давать велитъ. Условились—до посольскаго съѣзда, который долженъ быть въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія прекращаются. Съ этимъ Галинскій и отправился изъ Москвы [92].

Отправлены были и Австрійскіе послы: 25 Апрѣля имъ было сказано, что 27 числа они будутъ у государя на отпускѣ и у стола, а отпускъ имъ будетъ потому, что посланы отъ государя и отъ нихъ гонцы къ цесарю, положенъ имъ

срокъ пріѣхать къ первому Маю, Май мѣсяцъ близко, а про гонцевъ и вѣсти нѣтъ; великому государю дожидаться нельзя, въ первыхъ числахъ Мая онъ идетъ на своего непріятеля со многими войсками, и потому имъ, посламъ, теперь дѣлать нечего; если же цесарь изволитъ для посредства прислать другихъ пословъ, то тѣ послы будутъ у царскаго величества въ походѣ. Тщетно послы возражали, что отпуска не примутъ, потому что гонецъ ихъ не бывалъ, а не дождався гонца, ѣхать имъ къ цесарю не съ чѣмъ; тщетно били челомъ, чтобъ государь взялъ ихъ съ собою въ походъ: имъ объявлено, что государь идетъ въ свои новопріемные города, въ великое княжество Литовское, что посольскій съѣздъ будетъ въ Вильнѣ и никакъ не раньше послѣднихъ чиселъ Іюля или первыхъ Августа, и потому имъ, посламъ, ждать долго, а въ походъ за царскимъ величествомъ идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству изъ Литовскихъ нововзятыхъ городовъ походъ будетъ? Думный дьякъ отвѣчалъ: «Намъ царскаго величества мысль вѣдать нельзя, да и спрашивать о томъ страшно». На это Аллегретти сказалъ: «У Испанскаго короля однажды войска многія были изготовлены и корабли воинскіе; спрашивали у него ближніе люди, куда онъ эти корабли и войско изготовилъ? Король отвѣчалъ: что́ у него сдумано, того имъ вѣдать ненадобно; еслибъ онъ вѣдалъ, что рубашка его думу знала, то онъ бы ее сейчасъ въ огонь кинулъ».

Отправлены были послы Польскій и Австрійскіе, но оставались въ Москвѣ Шведскіе, пріѣхавшіе еще въ Декабрѣ 1655 года для подтвержденія Столбовскаго докончанія. Послы эти были: Густавъ Белке, Александръ фонъ-Ессенъ и Филиппъ фонъ-Крузенштернъ. Съ самаго начала послы должны были увидать, что Столбовское докончаніе не будетъ подтверждено. Въ отвѣтѣ, 17 Генваря 1656 года, послы сказали боярамъ: «Польскій король хотя теперь кажется и пропалъ, только у него друзей много, которые съ нимъ одной Римской вѣры; они, надобно думать, за него всту-

пится, чтобъ вѣра ихъ Римская не погибла: такъ царское величество изволилъ бы съ государемъ нашимъ королемъ на этого общаго непріятеля соединиться и укрѣпиться и стоять на него сообща; оберегаться отъ него надобно гораздо, чтобъ за него иной какой недругъ не всталъ и ссоры и лиха какого не учинилъ; да чтобъ царское величество изволилъ послать къ королевскому величеству своихъ пословъ». Начались споры за новые царскіе титулы: «Бѣлой Россіи, Литовскій, Волынскій и Подольскій», которыхъ послы не хотѣли давать государю, отговариваясь новостію дѣла, своимъ незнаніемъ объ немъ; особенно же казались посламъ *сомнительны* титулы: «Восточнаго, и Западнаго, и Сѣвернаго», потому что владѣнія королевскія, говорили они, сходятся съ владѣніями царскаго величества. На вопросъ пословъ, зачѣмъ государь такъ началъ писаться? бояре отвѣчали: «За великимъ государемъ нашимъ въ тѣхъ странахъ государства есть: на Востокѣ—царство Казанское и Астраханское, а на Западѣ и Сѣверѣ — Сибирское царство и иные многіе города и мѣста». Бояре объявили рѣшительно, что безъ грамоты, въ которой вполнѣ будутъ написаны царскіе титулы, не станутъ подтверждать вѣчнаго докончанія; не скрывали и главной причины неудовольствія: «Съ королевской стороны» говорили они: «дѣлается многая неправда къ нарушенію вѣчнаго докончанія: когда великій государь ходилъ на Польскаго короля своею парсуною и многія земли взялъ, и другія хотѣли добить ему челомъ, въ то время государь вашъ, видя, какъ Польша и Литва подъ государеву высокую руку мало не всѣ клонятся, не обославшись съ царскимъ величествомъ, пошелъ въ Польскіе города войною и у царскихъ ратныхъ людей отъ Полоцка дорогу велѣлъ перенять, и подъ которыми городами царскіе ратные люди стояли и на время по прошенью осадныхъ сидѣльцевъ поотошли, королевскіе ратные люди, обольстя осадныхъ сидѣльцевъ, тѣ города взяли, и пріѣзжая въ уѣзды, занятые царскими войсками, берутъ всякіе запасы самовольствомъ; города, поко-

рившіеся царскому величеству, перезывають на свою сторону, безчестя государя и все Московское государство; Делагарди писалъ къ Полякамъ, перезывая ихъ на Шведскую сторону съ устрашеньемъ, и въ той же грамотѣ царское величество написалъ непріятелемъ». Послы, по настоянію бояръ, отправили гонца къ своему королю, чтобъ позволилъ перемѣнить грамоту, написать въ ней новыя титла царскія. Послы жаловались боярамъ: «Которые Поляки поддались было королевскому величеству, и тѣхъ Поляковъ они видѣли въ Москвѣ, и государемъ они пожалованы». Бояре отвѣчали: «Кто царскаго величества милости поищетъ и къ государю пріѣдетъ, тѣхъ царское величество жалуетъ. Вѣдомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается съ подданными царскими, съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Васильемъ Золотаренкомъ, призываетъ ихъ къ себѣ въ подданство, отводя отъ высокой руки царской». Бояре показали и грамоту королевскую къ Золотаренку. Послы, посмотрѣвъ грамоту, сказали: «Переведена грамота не прямо: говорите, что король призываетъ Золотаренка въ подданство, а король только призываетъ его къ себѣ на помощь на общаго недруга; а къ Хмельницкому посылалъ король для того, что они сами королевскому величеству били челомъ въ подданство и приказывали говорить: если король ихъ не приметъ, то они опять поддадутся Польскому королю. Но король и не мыслитъ принять ихъ въ подданство, писалъ къ Залотаренку, чтобъ подождалъ указа и никуда не ходилъ, а къ Хмельницкому писалъ, чтобъ козаки Полякамъ не поддавались». Бояре: «Грамота переведена справчиво: король пишетъ Золотаренку, что за его службу, за исканіе королевской милости похваляетъ, а Золотаренко писалъ къ королю поддаваясь ему нарочно, извѣдывая, какова королевская дружба къ царскому величеству, и когда король его грамоту принялъ съ радостію и отвѣчалъ съ похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчасъ къ царскому величеству прислалъ.

Великое княжество Литовское Богъ далъ царскому величеству, и королю въ повѣты великаго княжества вступиться не довелось: королевскому величеству Богъ поручилъ въ коронѣ Польской взять Краковъ и Варшаву въ то время, какъ отъ царскихъ ратныхъ людей Польскіе и Литовскіе люди изнемогли; а когда Польскіе и Литовскіе люди были въ цѣлости, тогда король на нихъ не наступалъ. И если король, забывъ это, велѣлъ захватывать царскіе города и повѣты, то хотя и малыя мѣста неправдою захватили, однако за малыя придется отдать большія». Послы возражали, что о такихъ ссорахъ можно послать сыскать и дѣло исправить безсорно; но бояре прямо указывали на необходимость войны: «Этого дѣла вершить нечѣмъ, кромѣ того, что за малыя мѣста отдавать вамъ большія мѣста» [93].

Чтобъ заставить Шведовъ за малыя области отдать большія, царь хотѣлъ вооружить противъ Карла X-го Данію. Въ Мартѣ былъ отправленъ туда стольникъ князь Данила Мышецкій, который объявилъ королю Фридриху III-му, что Шведскій король Карлъ Густавъ, услышавъ царскаго величества промыслъ надъ Польскимъ королемъ, видя Поляковъ въ большомъ утѣсненьѣ, присталъ тутъ же со стороны и, не обославшись съ царскимъ величествомъ, въ то же время на Польскихъ людей войною наступилъ безвѣстно, у царскихъ ратныхъ людей въ войнѣ путь перенялъ и сталъ привлекать Польскіе города на свою сторону, притворяясь союзникомъ царскаго величества; Шведскіе генералы перешли въ области, занятыя царскими войсками, за Нѣманъ и Вилію, съ жителей, поддавшихся царю, сбираютъ стаціи и налоги чинятъ; король посылаетъ грамоты къ Запорожскимъ Черкасамъ, перезываетъ ихъ отъ царя къ себѣ въ подданство, обѣщалъ покорившимся ему Литовцамъ возвратить имъ всѣ завоеванія царскія. «Великому государю извѣстно» говорилъ Мышецкій Фридриху III-му: «что и вашему королевскому величеству съ Шведской стороны многія неправды; Шведскій король всякими мѣрами промышляетъ, чтобъ ему Варяжскимъ моремъ

всѣмъ одному завладѣть, въ торговыхъ промыслахъ всѣмъ большое утѣсненье сдѣлать: время теперь приспѣло вашему королевскому величеству промыслъ надъ нимъ учинить и съ великимъ государемъ нашимъ соединиться». Фридрихъ отвѣчалъ, что отправляетъ къ государю своего посла[49]. Въ то же время отправленъ былъ стольникъ Алфимовъ къ Шведскому королю съ выговоромъ за непріятные поступки въ Литвѣ. Карлъ X-й отвѣчалъ увѣреніями въ дружбѣ, писалъ, что непріязненныя столкновенія случились не по его приказу, начальные люди поступали самовольно, обѣщалъ розыскать виноватыхъ и наказать ихъ. Но эти увѣренія и обѣщанія не могли остановить войны уже рѣшенной, и это рѣшеніе не могло долго оставаться тайною.

Въ Маѣ Белке сказалъ думному дьяку Алмазу Иванову: «Вѣсти носятся въ міру, будто царское величество хочетъ на Шведскую землю наступить войною». Дьякъ отвѣчалъ: «Если такая молва въ людяхъ и есть, то говорятъ это глупые люди, и такихъ пустыхъ рѣчей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь съ Радзивиломъ, обѣщалъ онъ всѣ имѣнія Литовскихъ пановъ, которыя теперь у царскаго величества, возвратить назадъ». Отвѣтъ не могъ успокоить пословъ, тѣмъ болѣе, что съ ними стали обходиться дурно. 11 Мая Белке прислалъ жалобу: «Запрещаютъ намъ ходить въ городъ и въ Нѣмецкую слободу, людей нашихъ и слугъ держатъ какъ плѣнныхъ, не пускаютъ со двора болѣе четырехъ человѣкъ разомъ, не велятъ ходить со шпагами; о томъ же нечего и говорить, какое намъ потчиванье въ корму бываетъ». На жалобу эту посламъ отвѣчали: «Говорено вамъ было много разъ, что со стороны королевскаго величества дѣлаются многія неправды къ нарушенію вѣчнаго докончанія; для исправленія этихъ неправдъ послали вы къ королевскому величеству секретаря, и тотъ секретарь до сихъ поръ назадъ не бывалъ; потомъ отправленъ къ королю царскаго величества гонецъ, и тотъ задержанъ: по этому видно, что королевское величество

начинаетъ и ищетъ того, чтобъ учинить вѣчному докончанію нарушенье; да и кромѣ того многія съ королевской стороны неправды, и тѣми неправдами вѣчное докончаніе нарушено съ королевской стороны». 17 Мая велѣно объявить посламъ, что мирное докончаніе нарушено съ Шведской стороны, велѣно ихъ перевести съ посольскаго двора въ Замоскворѣчье, кормъ давать противъ прежняго третью долю; но потомъ послѣднее приказаніе было отмѣнено.

Между-тѣмъ 15 Мая государь уже выѣхалъ изъ Москвы; отрядъ войска, подъ начальствомъ Петра Потемкина, отправленъ былъ для занятія береговъ Финскаго залива, туда, гдѣ только спустя полвѣка суждено было Русскимъ стать твердою ногою; Никонъ, по обычаю своему, захватывалъ далеко: 25 Мая онъ писалъ государю, что къ Потемкину отправлены Донскіе козаки, которыхъ онъ, патріархъ, благословилъ идти въ Стокгольмъ и въ другія мѣста моремъ: знаменитыхъ громителей береговъ Черноморскихъ хотѣли употребить для той же цѣли на Балтійскомъ морѣ! 30 Іюня Никонъ увѣдомилъ государя о взятіи Канцевъ Потемкинымъ. 5 Іюля царь торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ, и 15 выступилъ съ полками противъ Шведовъ въ Ливонію; 31 Іюля 3400 Русскихъ ратныхъ людей приступили къ Динабургу ночью, за два часа до свѣта; за полчаса до свѣта большой городъ былъ уже взятъ, потомъ взяли и меньшой или верхній, гдѣ вырубили всѣхъ людей. Немедленно царь велѣлъ построить въ Динабургѣ церковь св. Бориса и Глѣба и городъ назвать Борисоглѣбовымъ. Потомъ былъ взятъ Кокенгаузенъ; этотъ стародавный Русскій городъ Кукейносъ переименованъ былъ въ «Царевичевъ Дмитріевъ городъ». Объ немъ царь писалъ сестрамъ: «Крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій, меньшой братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостію сынъ Смоленску граду; ей, чрезъ мѣру крѣпокъ; а побито нашихъ 67, да ранено 430». 23 Августа самъ царь осадилъ Ригу; 1 Сентября съ шести Русскихъ батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днемъ, ни ночью; несмотря на то, губернаторъ Вех-

скій, графъ Магнусъ Делагарди, не сдавалъ города, а 2 Октября осажденные ударили на укрѣпленія осаждающихъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Эта неудача, осеннее время, возстаніе крестьянъ, истреблявшихъ Русскіе отряды, посылаемые для кормовъ, слухи, что самъ Карлъ X намѣренъ пріѣхать въ Ливонію — все это заставило царя снять осаду Риги и отступить въ Полоцкъ. Дерптъ сдался Русскимъ, но этимъ и кончилось пріобрѣтенія ихъ въ Ливоніи [95].

Въ Полоцкѣ Алексѣй Михайловичъ дожидался конца переговоровъ своихъ уполномоченныхъ съ Польскими. Еще 13 Іюля изъ соборной Полоцкой Софійской церкви государь отпустилъ на съѣздъ съ Польскими послами въ Вильну боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго, окольничаго князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовскаго, дьяковъ Дохтурова и Юрьева; Польскіе коммиссары были: Янъ Казимиръ Красинскій, воевода Полоцкій, и Христофъ Завиша, маршалокъ великій; съѣздъ былъ назначенъ у Вильны, въ двухъ верстахъ отъ города, а Польскимъ коммиссарамъ стоять въ деревнѣ на рѣчкѣ Немежѣ, въ шести верстахъ отъ Вильны. По срединѣ былъ поставленъ государевъ шатеръ для переговоровъ, около него особые для Московскихъ, цесарскихъ и Польскихъ пословъ. Въ то же время разосланы были царскія грамоты въ повѣты Лидскій, Слонимскій, въ воеводство Новгородское, въ повѣтъ Ошмянскій, въ воеводство Минское, въ повѣтъ Гродненскій, въ воеводство Троцкое, въ повѣтъ Волковыйскій, Мозырскій, Рѣчицкій, въ воеводство Виленское. Грамоты были такого содержанія: «Вамъ бы вѣрнымъ и подданнымъ нашея царскаго величества отчины полковникамъ, ротмистрамъ, всякимъ урядникамъ и всей урожденной шляхтѣ и всему рыцарству учинить между собою сеймикъ и выбрать двухъ человѣкъ добрыхъ и умныхъ, которыхъ бы съ наше царское дѣло стало, а выбравъ послать ихъ на съѣздъ къ Вильну къ нашимъ полномочнымъ посламъ. И тѣ бы выборные люди, будучи на съѣздѣ, намъ великому государю, по своему обѣщанью, служили, великаго княжества Литовскаго

и короны Польской сенаторамъ, полковникамъ, ротмистрамъ, и всей урожденной шляхтѣ, и всему рыцарству, и духовнаго всякаго чина людямъ, которые будутъ на съѣздѣ съ Польскими послами, нашу государскую милость и жалованье къ себѣ выславляли, что мы васъ пожаловали, вѣры вашей, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣли, прежними маетностями владѣть велѣли, да и сверхъ прежнихъ маетностей пожаловали иными многими, чтобъ, слыша нашу государскую милость къ вамъ, Литовскіе и Польскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди нашей милости поискали, къ покою были склонны и были подъ нашею высокою рукою, и отъ нашего великаго княжества Литовскаго корона Польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великій государь, великаго княжества Литовскаго Польскому королю Яну Казимиру не уступимъ, потому что мы города и мѣста его взяли своею государскою особою, и жители ихъ кромѣ насъ никого государемъ имѣть не хотятъ. Если же Польскіе и Литовскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди станутъ отговариваться, что имъ отъ короля Яна Казимира, пока онъ живъ, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтобъ они имѣли королемъ своимъ Яна Казимира, пока онъ живъ, а насъ бы, великаго государя, на корону Польскую царемъ себѣ выбрали, намъ и сыну нашему присягнули и кромѣ насъ на королевство Польское, по смерти Яна Казимира, другаго государя никого себѣ не выбирали, и въ конституцію бы это напечатали. А когда это доброе дѣло совершитъ Богъ, то мы пожалуемъ васъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, чего у васъ и на умѣ нѣтъ».

12 Августа былъ первый съѣздъ. Одоевскій потребовалъ, чтобъ король уступилъ царю все великое княжество Литовское и заплатилъ военные убытки, которые въ 1654 году простирались до 800,000 рублей, а въ 1655 до 500,000 рублей. 14 числа Польскіе послы потребовали, чтобъ государь возвратилъ королю все завоеванное и заплатилъ убытки. Одоевскій отвѣчалъ: «Что великому государю Богъ подаровалъ, того

онъ никогда не уступитъ». Начался длинный споръ о томъ, имѣлъ ли право Алексѣй Михайловичъ начать войну съ королемъ; Одоевскій доказывалъ это право съ большимъ вычетомъ; коммиссары настаивали на своемъ, что нестерпимыя обиды учинялись имъ отъ нарушенья вѣчнаго мира съ царской стороны, но что они полагаютъ это дѣло на волю Божію: попустилъ на нихъ Богъ такое разоренье за грѣхи ихъ. Коммиссары дали понять посламъ, что слишкомъ большія требованія ихъ могутъ заставить короля заключить миръ съ Швеціею при посредствѣ Французскаго короля. Одоевскій отвѣчалъ: «Намъ извѣстно, что Французскій король предлагаетъ Яну Казимиру королю миръ съ Швеціею на трехъ условіяхъ: 1) чтобъ Прусскому князю быть удѣльнымъ княземъ: 2) чтобъ Богуславу Радзивилу быть съ своимъ же удѣломъ: 3) чтобъ по смерти Яна Казимира быть королемъ Польскимъ Шведскому королю». Коммиссары сказали на это: «Тому статься нельзя, чтобъ по смерти королевскаго величества быть въ Польшѣ Шведскому королю; намъ надобенъ король, который бы ходилъ въ нашей Польской ферязи, а не въ Нѣмецкихъ флюндрахъ, а эти намъ флюндры и такъ придокучили».

16 Августа былъ третій съѣздъ вмѣстѣ съ Австрійскими послами. Коммиссары объявили прежніе запросы, бояре отказали имъ впрямъ и пошли было изъ государева шатра вонъ. Тутъ вступились Австрійскіе послы: «Надобно» говорили они: «старыя всякія причины, за что война началась, оставить, и говорить бы о томъ, какъ миръ учинить». Посредники объявили отъ имени коммиссаровъ, что они отказываются отъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ войною, поэтому и государевымъ посламъ слѣдуетъ сдѣлать также какую-нибудь уступку: «Полякамъ» говорилъ Аллегретти: «бѣднымъ и разореннымъ людямъ, царскому величеству уступать нечего, города княжества Литовскаго почти всѣ за великимъ государемъ; если же отъ васъ уступки имъ никакой не будетъ, то доброе дѣло не состоится,

и посредничать немъ нечего; лучше ли будетъ, если Польскій король, вмѣсто мира съ царскимъ величествомъ, помирится съ Шведскимъ королемъ?»—«Царскому величеству: отвѣчалъ Одоевскій»: не страшно, если Янъ Казимиръ помирится съ Шведскимъ королемъ, у царскаго величества войска много, есть съ кѣмъ и противъ обоихъ государствъ стоять». Тогда Австрійскіе послы, осердившись, хотѣли было уже выходить изъ шатра, но Одоевскій остановилъ ихъ и объявилъ, что царь соглашается не требовать отъ Поляковъ вознагражденія за военные убытки, пусть только отдадутъ всѣ Литовскіе города.—«Запросы слишкомъ тяжелы»: отвѣчалъ Аллегретти: «за такими запросами миру статься нельзя».

18 Августа былъ четвертый съѣздъ. Одоевскій объявилъ, что государь отступается отъ тѣхъ Литовскихъ городовъ, которые еще за королемъ. «Это не уступка», возражали коммиссары. Послѣ споровъ, Одоевскій наконецъ объявилъ настоящее дѣло: «Государь вашъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а наслѣдниковъ у него нѣтъ: такъ пусть рѣчь посполитая, по совѣту съ королемъ, пришлетъ къ нашему великому государю пословъ съ избраніемъ его великаго государя, и писать его обраннымъ коруны Польской великимъ государемъ, потому что великое княжество Литовское подъ царскою рукою утвердилось; а великій государь хочетъ васъ держать въ своей большой милости и вольностей вашихъ нарушить ничѣмъ не велитъ». Коммиссары отвѣчали: «Это дѣло великое; скоро отвѣту дать нельзя». Назначивъ новый съѣздъ 20 Августа, коммиссары начали говорить объ успѣхахъ своего короля противъ Шведовъ, и потомъ сказали: «Королевское величество велѣлъ вамъ объявить, что гетманъ Хмельницкій ссылку держитъ съ Шведскимъ королемъ и съ Седмиградскимъ княземъ Рагоци, потому что теперь между царскимъ и королевскимъ величествомъ начались мирные переговоры, и Хмельницкій, опасаясь за свою измѣну всякаго зла, хочетъ отъ царскаго величества отстать». Одоевскій отвѣчалъ, что это несхожее дѣло.

20 Августа, на пятомъ съѣздѣ, коммиссары объявили, что предложеніе пословъ объ избраніи царя въ наслѣдники Польскаго престола принимаютъ любительно, но что это дѣло великое, безъ короля его сдѣлать нельзя, а королевской инструкціи на счетъ его имъ нѣтъ никакой; кромѣ того, Польшѣ безъ Литвы быть нельзя, а послы отъ Литовскихъ городовъ не отступаются; пусть царское величество покажетъ свою любовь, уступитъ королю Литву, Бѣлую и Малую Русь. Въ споръ вступился Аллегретти и принялъ явно сторону Польскихъ коммиссаровъ, требуя уступокъ отъ бояръ; Одоевскій замѣтилъ ему, что онъ, вмѣсто посредничества, царскому дѣлу только помѣшку чинитъ; Аллегретти осердился и говорилъ: «О королевствѣ Польскомъ и прежде многіе государи христіанскіе старались, и теперь у цесаря есть братья и дѣти и другіе арцыкняжата одной съ Поляками Римской вѣры, и имъ не инаго чего ожидать; государь, который хочетъ быть государемъ другаго государства, не отнимаетъ у него стараго, но прибавляетъ новое.» Одоевскій опять замѣтилъ, что Аллегретти, вмѣсто посредничества, говоритъ такія вещи, которыхъ и сами Польскіе коммиссары не говорятъ.

Шестой съѣздъ, 22 Августа, прошелъ въ спорахъ объ условіяхъ избранія царя въ короли; бояре требовали, чтобъ Польскій престолъ былъ наслѣдственнымъ для царя и его потомства; паны утверждали, что Поляки никакъ не откажутся отъ права избранія; кромѣ того паны настаивали, чтобъ Поляновскій договоръ оставался во всей силѣ. 25 Августа, на седьмомъ съѣздѣ, Аллегретти объявилъ, что онъ объизбраніи царя на Польскій престолъ и слышать не хочетъ, присланы они отъ императора для посредничества о мирѣ, а не объ избраніи. Одоевскій отвѣчалъ, что онъ, Аллегретти, говоритъ непристойныя рѣчи, и объявилъ коммиссарамъ, что царь требуетъ навѣки Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію, а Литовскаго княжества требуетъ только на 20 лѣтъ за военные убытки. На осьмомъ съѣздѣ, 27 Августа, цесар-

скіе послы такъ посредничали, что сами Польскіе коммиссары объявили Одоевскому: «Съѣхаться бы намъ завтра и о покоѣ христіанскомъ поговорить между собою, а цесаревымъ посламъ тутъ не быть, потому что отъ нихъ на обѣ стороны кромѣ ссоры добра никакого нѣтъ, не желаютъ, чтобъ былъ на Польскомъ престолѣ царь Алексѣй Михайловичъ, а прочатъ цесарева сына или брата». 28 Августа коммиссары начали говорить боярамъ: «Цесарскіе послы на насъ досадуютъ, зачѣмъ мы начали говорить объ избраніи царскаго величества, у императора есть дѣти и братья и на королевствѣ Польскомъ есть кому быть; но намъ цесарева племени, Австрійскаго дома короли уже наскучили: какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли Нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не нищіе, и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванью между нами: такъ мы станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ сходительнымъ обычаемъ, и початокъ доброму дѣлу мы объявляемъ такой: государь нашъ уступаетъ царскому величеству все то, что уступлено было вами по Поляновскому договору; о Малой и Бѣлой Руси, о Волыни и Подоліи пошлемъ гонца къ королю, и вы пошлете съ своей стороны къ царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и такъ государство наше почти все разорено; объ избраніи царскаго величества мы уже писали къ королю и дожидаемся отвѣта». Одоевскій отвѣчалъ, что они, послы, обо всемъ этомъ отпишутъ къ великому государю. Коммиссары начали было толковать о возвращеніи въ королевскую сторону Запорожскихъ козаковъ съ ихъ землями; но послы имъ отказали: то дѣло не схожее: Черкасы государю присягали, что быть подъ его рукою вовѣки, и отступиться отъ нихъ государю нельзя, да и потому нельзя отпустить Черкасъ къ королевскому величеству, что у нихъ съ Поляками давняя вражда, и усмирить

ихъ никакъ невозможно, и только царскому величеству отъ себя ихъ отлучить, и они тотчасъ поддадутся или Турскому, или Крымскому, или Шведскому, и, соединясь съ ними, обоимъ государствамъ станутъ чинить всякое зло и разоренье, а какъ будетъ на коронѣ Польской государемъ его царское величество, то и Запорожскіе Черкасы будутъ заодно же.

29 Августа получили послы государеву грамоту; царь писалъ, чтобъ дѣло объ избраніи его на Польскій престолъ и о мирѣ отложить до другаго времени, войска съ обѣихъ сторонъ задержать на полгода или больше, и обратить ихъ на общаго непріятеля Шведа, съ которымъ не заключать отдѣльнаго мира; и только 18 Сентября пришелъ царскій отвѣтъ на грамоту посольскую, отправленную послѣ съѣзда 28 Августа; царь писалъ, чтобъ послы продолжали дѣло объ избраніи. 20 Сентября былъ десятый съѣздъ. Коммиссары объявили, что объ избраніи къ нимъ наказа еще не прислано, присланъ наказъ о мирномъ постановленьѣ. Одоевскій отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ лучше всего всякое дѣло отложить и двинуть войска на Шведа, съ которымъ порознь не мириться. Но коммиссары предложили вопросъ: если царское величество избранъ будетъ въ короли, то уступитъ ли Малую и Бѣлую Русь королевству? Послы отвѣчали, что всего лучше это дѣло отложить на полгода или больше. Коммиссары не согласились. Одоевскій предложилъ послѣднюю мѣру: въ государеву сторону Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію навѣки, а Вильну съ другими городами Литовскими на 18 лѣтъ. Коммиссары отказали и хотѣли вмѣстѣ съ Австрійскими послами разъѣхаться безъ дѣла. Тогда послы, чтобъ царскому избранію на Польскій престолъ помѣшки не учинилось, предложили: избраніе царя въ наслѣдники королю Яну Казиміру и уступку Малой и Бѣлой Руси Московскому государству; паны останутся при всѣхъ своихъ правахъ и при вольномъ избраніи короля; государь обѣщается возвратить Польшѣ Ливонію по Двину, кромѣ городовъ,

принадлежавшихъ царю Ивану Васильевичу, обѣщается отыскивать и наслѣдственное Яна Казимира королевство Шведское; обѣщается возвратить всѣхъ плѣнниковъ, всѣ пушки, взятыя въ городахъ Литовскихъ; имѣнія, отнятыя у православныхъ церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть въ прежней чести; унія должна быть уничтожена, ибо она Богу всемогущему грубна: это не вѣра, но замыселъ злыхъ людей, которые отступили отъ Греческаго закона, и между Греческимъ закономъ и католическою вѣрою чинятъ ссору; православные имѣютъ одинакія права съ католиками. Коммиссары отвѣчали на это, что прежде надобно заключить миръ, а потомъ уже вести дѣло объ избраніи, иначе избраніе будетъ невольное; Австрійскіе послы говорили, что объ избраніи они и слышать не хотятъ, ибо присланы быть посредниками только при заключеніи мира. Съ этимъ всѣ и разъѣхались.

Послѣ этого разрыва Австрійскіе послы прислали сказать, что они переговорамъ объ избраніи царя мѣшать не будутъ, и какъ скоро начнутся объ этомъ разсужденія, то они будутъ выходить изъ шатра; Польскіе коммиссары не соглашались на это и предложили Одоевскому съѣхаться безъ Австрійскихъ пословъ на какомъ-нибудь особенномъ мѣстѣ, и поэтому 24 Сентября съѣзжались за слободою, на загородномъ шляхетскомъ пустомъ дворѣ, въ двухъ верстахъ отъ Вильны. Коммиссары объявили, что получили отъ короля грамоту: Янъ Казимиръ пишетъ, что по вопросу объ избраніи царя ему въ наслѣдники назначенъ сеймъ, который начнется 15 Сентября новаго стиля; но чѣмъ сеймъ кончился, о томъ они, коммиссары, ничего не знаютъ. Коммиссары говорили также: «Пишутъ къ намъ пріятели, что они избранію царя въ короли рады, но не всѣ сенаторы на это согласны: одни хотятъ выбирать царевича Алексѣя Алексѣевича, другіе цесарева сына или брата, иные Венгерскаго; но еслибы великій государь уступилъ Польшѣ Бѣлую Русь, то думаютъ, они коммиссары, что всѣ сенаторы согласятся на

царское избранiе, или на избранiе царевича; о Малой Россiи они способовъ искать станутъ, безъ Бѣлой же царскому избранiю никакъ не состояться, потому что у многихъ сенаторовъ и шляхты города и маетности въ Бѣлой Россiи за рѣкою Березою. Сенаторы пишутъ къ намъ тайно, что королева хочетъ избранiя царевича Алексѣя: король часто бываетъ нездоровъ, и когда умретъ, то она останется отъ него безплемянна, и царевичъ будетъ у нея вмѣсто сына, а она станетъ оберегать его здоровье». Въ заключенiе коммиссары объявили, что Запорожскiе козаки согласились съ Крымскимъ ханомъ, Волошскимъ господаремъ и Рагоцп мѣшать царскому избранiю въ короли, ибо въ такомъ случаѣ имъ будетъ тѣсно, а Запорожцы опасаются мести отъ Поляковъ; и Шведскiй король съ Хмельницкимъ ссылается: козаки люди шаткiе, хотя и присягаютъ, но въ правдѣ не стоятъ. Австрiйскiе послы, по требованiю Одоевскаго, объявили, что они, и не выходя изъ шатра, не будутъ мѣшать переговорамъ о царскомъ избранiи, не будутъ ничего говорить ни за, ни противъ.

Съ 24 Сентября по 6 Октября не было съѣздовъ: коммиссары дожидались королевскаго указа; предполагая, что они проволакиваютъ дѣло, Одоевскiй назначилъ съѣздъ 6 Октября и потребовалъ отложить переговоры о мирѣ и объ избранiи на полгода или на годъ, прекратить войну и обратить войско на Шведовъ. Но коммиссары настояли, чтобъ ждать еще королевской грамоты до 9 Октября; а цесарскiе послы прислали сказать Одоевскому, что будутъ способствовать царскому избранiю въ короли. На съѣздѣ 9 Октабря коммиссары объявили, что указъ имъ присланъ: король и паны соглашаются на избранiе царя или царевича, если будетъ заключенъ миръ по Поляновскому договору; что же касается до вѣчнаго мира безъ избранiя, то король уступаетъ царскому величеству Смоленскъ и всѣ города, уступленные по Поляновскому миру. Отвѣтъ былъ прежнiй, что царское величество безъ Малой и Бѣлой Россiи миру не

заключитъ: 19 Октября пришла къ посламъ царская грамота: договариваться, чтобъ учинить рубежъ по рѣку Березыню, также Полоцку, Витебску и Лифляндскимъ городамъ быть за государемъ; о Божіемъ дѣлѣ промышлять съ большимъ раденьемъ, а иное и купить, сулить тысячи многія, пятьдесятъ и шестьдесятъ и больше обоимъ посламъ, а если дѣло не сдѣлается, то какъ-нибудь укрѣпиться, чтобъ войнѣ на обѣ стороны не быть и съ Шведомъ безъ обсылки не мириться, укрѣпиться хотя малою крѣпостью, но непремѣнно на то привести, чтобъ пословъ отпустить съ ласкою, войнѣ не быть и съ Шведскимъ королемъ не мириться. — Коммиссары никакъ не согласились на уступку Малой и Бѣлой Руси, и потому положили по дѣлу отъ избранія государя отправить къ королю на сеймъ своихъ полномочныхъ пословъ, а пока договоръ совершится, рать съ обѣихъ сторонъ задержать, никакихъ зацѣпокъ не чинить и съ Шведскимъ королемъ не мириться.

По всему было видно, что въ Москвѣ всѣми средствами хотѣли поддержать нерѣшительное положеніе и не начинать войны съ Польшею, не окончивъ войны Шведской, а между тѣмъ подготовлять избраніе царя въ наслѣдники Яну Казимиру; для этого хотѣли пріобрѣсти себѣ сильную сторону между вельможами, изъ которыхъ склоннѣе другихъ къ Москвѣ казался гетманъ Гонсѣвскій.

4 Ноября 1656 года изъ Полоцка государь отправилъ любимца своего стольника Артемона Матвѣева съ семью сороками соболей, цѣною на 700 рублей, къ гетману Винцентію Корвину Гонсѣвскому. Матвѣевъ нашелъ гетмана въ Кайданахъ, и, упомянувъ о Виленскомъ договорѣ на-счетъ избранія царя въ короли Польскіе, прибавилъ: «Ты бы, гетманъ, служилъ и свою братью наговаривалъ, чтобъ они также великому государю служили и то дѣло привели къ совершенью». Гетманъ отвѣчалъ: «Тому дѣлу чинится помѣшка: Шведскій король въ союзѣ съ королемъ Французскимъ, который помогаетъ деньгами и людьми, и хочетъ, чтобъ Шведскій король

былъ на корунѣ Польской, а Шведскій король ссылается съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Рагоци Венгерскимъ, и дума у нихъ одна. Писалъ ко мнѣ маршалокъ надворный Юрій Любомирскій, что гетманъ Хмельницкій присягалъ предъ послами Рагоци быть во всей ихъ волѣ, а ѣздитъ отъ Хмельницкаго къ Шведу безпрестанно чернецъ. Великій государь изволилъ бы послать къ курфюрсту Бранденбургскому, чтобъ оторвать его отъ Шведа, и тогда Шведъ будетъ безсиленъ; но что будетъ писать курфюрстъ къ государю, тому бы государь не вѣрилъ, потому что курфюрстъ человѣкъ некрѣпкій, а вблизости при немъ живутъ Шведскіе люди; да послалъ бы царское величество къ цесарю, чтобъ цесарь наступилъ на Шведскаго короля; послалъ бы къ Датскому королю и къ Голландскимъ штатамъ, чтобъ помѣшали на морѣ Шведскому королю, который хочетъ захватить въ свои руки Зундскую пошлину. Цесарь присылаетъ, чтобъ выбрали сына его на корону Польскую; братъ цесаревъ Леопольдъ присылаетъ, чтобъ выбрали его; того же проситъ курфюрстъ Баварскій, и у сенаторовъ разныя мысли; но я ихъ наговариваю всячески, чтобъ избрали царское величество».

Матвѣевъ сталъ уговаривать гетмана постараться, чтобъ рубежу отъ Московскаго государства быть по рѣку Березину, а отъ короны Польской по рѣку Бугъ. Гетманъ отвѣчалъ: «Не только мнѣ сенаторовъ наговаривать, и помянуть объ этомъ дѣлѣ нельзя, назовутъ меня измѣнникомъ». Потомъ Гонсѣвскій говорилъ: «Изволилъ бы государь послать королевѣ подарокъ и слово ей далъ: какъ будетъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то женится на ея племянницѣ: этимъ всего лучше государь утвердитъ свое дѣло». Матвѣевъ возразилъ: «Царевичъ малъ, а вѣра Греческая далека отъ Римской, и этому дѣлу отнюдь нельзя статься». Гетманъ отвѣчалъ: «Учинилъ бы государь соединеніе вѣръ, какъ прежде была единая благочестивая вѣра, король Владиславъ больше всего хотѣлъ соединенія вѣръ; изволилъ бы государь послать объ этомъ дѣлѣ къ королю, це-

сарю и папѣ, чтобъ учинить съѣздъ духовнымъ и мірскимъ людямъ и объ этомъ великомъ дѣлѣ разговоръ имѣть. Какъ узнаютъ, что царское величество старается о соединеніи вѣръ, то многіе народы покорятся ему. Самые сильные люди въ коронѣ: Юрій Любомирскій маршалокъ, который хочетъ цесаря или сына его, воевода Позпаньскій Лещинскій, который хочетъ Рагоци; кромѣ нихъ сильны Конецпольскій и Чарнецкій: этихъ людей великому государю надобно пожаловать; когда они будутъ служить царскому величеству, тогда все будетъ по его волѣ. Да чтобъ царское величество приказалъ посламъ своимъ на сеймѣ не спѣшить отдачею городовъ; велѣлъ бы и ратнымъ своимъ людямъ приблизиться къ Вильнѣ, чтобъ этими ратями сенаторовъ поусумнить. Если я буду годенъ въ службу къ великому государю, то чтобъ царское величество пожаловалъ меня маетностями, которыя прежде за мною были, да чтобъ пожаловалъ, велѣлъ мнѣ дать 5,000 мушкетовъ, 3,000 барабановъ, 3,000 паръ пистолей; да чтобъ пожаловалъ, далъ средства пріѣхать на сеймъ людно, потому что у нихъ кто люднѣе, того больше боятся и слушаютъ» [96].

Война съ Швеціею была начата потому, что Польша почти не существовала, и неблагоразумно казалось усиливать на ея счетъ Швецію, съ которою предстояла потомъ опасная борьба. Но теперь обстоятельства перемѣнились: какъ Москва въ началѣ вѣка спаслась отъ внутренной смуты и внѣшняго порабощенія благодаря религіозному одушевленію, обхватившему весь народъ и объединившему его, такъ теперь религіозное одушевленіе обхватило народъ Польскій и спасло государство. Карлъ X-й выгналъ Яна Казимира изъ Польши, отнялъ у него Варшаву и Краковъ, провозгласилъ себя королемъ Польскимъ; но онъ былъ протестантъ: католическая Польша въ XVII вѣкѣ, при господствѣ религіознаго интереса, не могла признать королемъ своимъ протестанта, тѣмъ болѣе, что этотъ протестантъ и подданные его давали чувствовать католикамъ свой протестантизмъ; они рѣшились на-

пасть на главную святыню королевства — монастырь Ченстоховскій, который теперь въ Польшѣ имѣлъ такое же значеніе, какое Троицкій монастырь имѣлъ въ Московскомъ государствѣ въ смутное время. Церковь призвала народъ къ возстанію противъ враговъ иновѣрныхъ, и народъ повиновался; знаменитый полководецъ Чарнецкій началъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Шведовъ, Карлъ X-й увидѣлъ, что Польская корона ускользаетъ отъ него, Янъ Казимиръ, поддерживаемый энергическою женою своею, ободрился.

Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ должна была перемѣниться и политика Московская: жаръ къ войнѣ со Шведами, охлажденный подъ Ригою, охладился еще болѣе, когда въ Карлѣ X-мъ перестали видѣть опаснаго соперника, когда усиленіе Яна Казимира и особенно отношенія Малороссійскія начали грозить опасностію болѣе важною. 23 Февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промышлять всякими мѣрами, чтобъ привести Шведовъ къ миру; это порученіе было возложено на воеводу Царевичева-Дмитріева города, Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ординъ-Нащокинъ, Псковской помѣщикъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича упоминается какъ участникъ въ посольскихъ съѣздахъ при размежеваніи и поправленіи границъ; въ началѣ возмущенія Нащокинъ жилъ во Псковѣ; когда гилевщики, послѣ разговора съ воеводою Собакинымъ на дворѣ архіепископскомъ, начали шумѣть, то изъ ихъ скопу прибѣжали на дворъ къ Нащокину площадной подъячій да стрѣлецъ и сказали ему: «Выѣзжай изъ Пскова въ свою деревню: хотятъ убить тебя да Ѳедора Емельянова». Нащокинъ выѣхалъ въ деревню, а оттуда въ Москву, куда привезъ подробныя извѣстія о бунтѣ. Но когда Хованскій пошелъ подъ Псковъ, Нащокинъ отправился съ нимъ: ему поручилъ воевода уговаривать крестьянъ, чтобъ они обратились, изъ лѣсовъ вышли и жили попрежнему. Какъ Нащокинъ исполнилъ свое порученіе, видно изъ отзывовъ Хованскаго, который писалъ къ царю о его службѣ, работѣ и радѣньѣ во всякомъ дѣлѣ. Еще сильнѣе высказались

усердіе и способности Нащокина во время Шведской войны; онъ сдѣлался воеводою Царевичева-Дмитріева города и, по удаленіи царя изъ Ливоніи, сталъ главнымъ лицомъ здѣсь. Но, навлекши на себя прежде негодованіе Псковскихъ гилевщиковъ, какъ дворянинъ, приверженецъ правительства Московскаго, теперь Нащокинъ возбудилъ противъ себя ненависть людей, которымъ не нравилось, что человѣкъ, сравнительно съ ними незначительный, успѣлъ личными достоинствами возвыситься и стать на первомъ планѣ. Эти люди стали мѣшать ему, не посылали нужнаго войска, разрушали то дѣло, о которомъ хлопоталъ Нащокинъ, а хлопоталъ онъ о томъ, чтобъ стать твердою ногою въ прибалтійскихъ областяхъ.

Въ Іюлѣ писалъ Нащокинъ государю: «Извѣстно мнѣ, что изъ Риги бурмистры и лучшіе люди отъ мороваго повѣтрія выбѣжали, а служилые люди вышли къ Волмерю съ Магнусомъ Делагарди, но и въ обозѣ Шведскомъ также тяжелая болѣзнь, самъ Делагарди умеръ. Писалъ ко мнѣ Яковъ, князь Курляндскій, что теперь удобное время для мира съ королемъ Шведскимъ; я отвѣчалъ ему: за нарушеніе вѣчнаго мира многія земли встали на Шведскаго короля, и кромѣ видимой рати теперь отъ Господа Бога послана на Ригу война невидимая, и если Рижане покорно къ подданству приступятъ, то отъ належащаго страха избудутъ и безъ печали въ свои домы возвратятся, и писалъ я съ большимъ подтвержденьемъ, чтобъ Курляндскій князь промышлялъ о подданствѣ Рижанъ. Но Курляндскій князь манитъ, дружа Шведамъ, чтобъ время безъ промыслу прошло. А промысла чинить намъ некѣмъ: твой государевъ указъ съ осени посланъ въ Полоцкъ, Витепскъ и Псковъ, чтобъ высылали въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы, и до сего времени твой указъ не исполненъ, и тѣмъ на твоихъ государскихъ людей многія крови наведены. Еслибъ сначала твой указъ исполненъ былъ, то Шведамъ изъ Риги нельзя было бы выходить ко Псковскимъ мѣстамъ. Еслибъ Шведы не боялись ратныхъ людей изъ Царевичева-Дмитріева города, то съ-

ѣздовъ и перемирья безотступно не просили бы, а другихъ твоихъ государевыхъ городовъ Рижане не боятся, потому что далеко отъ нихъ. Но помощи мнѣ не даютъ по моей причинѣ, твое государево дѣло возненавидѣли для меня, холопа твоего. Четвертое лѣто безъ перемѣны я покинутъ въ самыхъ дверяхъ непріятельскихъ, и этимъ путемъ Литовскіе и Нѣмецкіе люди на твои города не прихаживали; а которымъ ратнымъ людямъ, по твоему указу, со мною быть велѣно, и во все лѣто государевъ указъ не исполненъ, въ городахъ ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебѣ, помазаннику Божію, Господь Богъ обо мнѣ явно учинилъ: «аще бы отъ міра былъ, міръ убо своя любилъ бы». Изъ чужихъ непріятельскихъ земель послушаніе и вспоможеніе твоему государеву дѣлу чинятъ, а изъ твоихъ городовъ ни малой части твоего указа не исполняютъ, въ твоемъ государевомъ дѣлѣ многій промыслъ разрушаютъ и во-время промыслу дѣлать мнѣ не даютъ. И въ томъ твоя царскаго величества воля! По твоему государеву указу велѣно городъ Друю вѣдать въ Царевичевѣ-Дмитріевомъ городѣ, и послѣ твоего указа, не списываясь со мною, изъ Полоцка памяти посылаютъ къ бурмистрамъ и многіе налоги чинятъ и убытки многіе Друянамъ дѣлаютъ, волости Друйскія на разоренье козакамъ отдали, Друю хотятъ запустошить и отъ твоей высокой руки отогнать. Въ Резицкомъ и въ Лужскомъ уѣздахъ Полоцкіе козаки твои государевы волости безъ остатку разоряютъ, о твоихъ государевыхъ грамотахъ бьютъ челомъ въ Полоцкъ, зная, что ихъ за самовольство въ Полоцкѣ не унимаютъ, а мнѣ уберечь уѣздовъ отъ такихъ самовольныхъ людей нельзя. Въ ближнихъ къ Ригѣ уѣздахъ отъ Нѣмцевъ столько разоренья нѣтъ, сколько въ Друйскомъ, Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ отъ козаковъ запустѣло. За мною во всѣ четыре года приставства нигдѣ не бывало, и по твоему государеву указу оберегаю я не выборомъ, и гдѣ въ разоренныхъ мѣстахъ крестьянъ собралъ, а изъ Полоцка пустошатъ. Въ грамотахъ великаго государя писано: которые уѣзды въ Ливоніи добро-

вольно въ подданство не учинятся, тѣ мѣста ратнымъ людямъ безъ остатку велѣно разорять. И ратные люди, слыша такой указъ, не оставятъ живущему нигдѣ мѣста. А нынѣ Господь Богъ помазаннику своему явными знаками безъ крови ту землю предаетъ, ничего инаго не требуетъ Господь Богъ, только милосердія къ покорнымъ, а противные сами на себя жестокій судъ нанесутъ. У служилыхъ людей тотъ обычай, чтобъ непротивныхъ плѣнить безъ остатка, за что имъ и смертная казнь бываетъ, а нрава своего не откладываютъ. Этою зимою изо Пскова служилые люди сосѣднихъ съ Юрьевымъ присяжныхъ крестьянъ посѣкли и деревни пожгли, и то видя, въ иныхъ мѣстахъ отъ подданства бѣгутъ; а Нѣмцамъ то и надобно, уѣздныхъ людей къ себѣ привозятъ и полки свои пополняютъ, а пѣхота лучшая у Шведовъ Лифляндскіе люди. Рейтарамъ Царевичева-Дмитріева города за разоренье крестьянъ много наказанья было, но они не унялись, зная, что въ другихъ городахъ отъ такого разоренья ихъ не унимаютъ; о такомъ ихъ самовольствѣ писано въ рейтарскій приказъ, и по 5 Іюля государева указа объ этомъ не прислано, а впередъ сдерживать рейтаръ отъ разоренья надъ уѣздными людьми нельзя. А если уѣзды пусты будутъ, то государевымъ служилымъ людямъ въ новопріобрѣтенныхъ городахъ держаться нельзя, а хлѣбные запасы изъ Русскихъ городовъ туда возить убыточно. Для нынѣшняго посѣщенія Божія надъ Ригою покинуть безъ промыслу невозможно. Прошенье Рижанъ о съѣздѣ и присылки теперь частыя въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусѣ Делагарди тайными ссылками къ милости великаго государя приведены. Доброму дѣлу пакостникъ Магнусъ былъ, но животъ его на землѣ згинулъ, и если Рижанъ вскорѣ не захватить, показавъ грозу ратныхъ людей, и они станутъ искать другихъ средствъ къ полученію помощи. Надобно Лифляндскую землю занять прежде, чѣмъ Шведы оправятся отъ разрушенья, причиненнаго смертію Делагарди» [97].

Когда Нащокинъ хлопоталъ объ утвержденіи Ливоніи за

царемъ, князь Мышецкій велъ переговоры съ Даніею о войнѣ Шведской. Лѣтомъ 1656 года князь Мышецкій вмѣстѣ съ Датскимъ посланникомъ Германомъ Косомъ нашли государя въ Ливоніи. Косъ объявилъ, что королевскіе ратные люди теперь не въ собраньѣ, а когда соберутся, то король выступитъ въ походъ противъ Шведовъ. Царь отвѣчалъ ему: «Князь Мышецкій намъ извѣщалъ, что люди у королевскаго величества готовы, и королевское величество шелъ бы не испустя времени, а только теперь не пойдетъ и время пройдетъ». 7 Августа, изъ стана своего подъ Кокенгаузеномъ царь отпустилъ того же Мышецкаго опять въ Данію съ *грамотою за своею самодержавною рукою.* Объявивъ королю объ успѣхахъ царя въ Ливоніи и о походѣ его подъ Ригу, Мышецкій говорилъ: «И вашему бы королевскому величеству, со своей стороны, также идти на общаго недруга нынѣшнимъ лѣтомъ, и быть въ войнѣ обоимъ великимъ государямъ и одному безъ другаго года два или три не мириться». Король отвѣчалъ: «У меня ратные люди готовы и я пойду на Шведовъ четырьмя полками: три полка пойдутъ сухимъ путемъ, а четвертый на Варяжское море съ корабельнымъ сборомъ. Прошу государя вашего въ прибавку къ Датскимъ кораблямъ начять еще у Голландцевъ 20 кораблей воинскихъ». Король сталъ требовать у Мышецкаго, чтобъ тотъ заключилъ подробный договоръ о союзѣ, но посланникъ отвѣчалъ, что безъ царскаго указа сдѣлать ему этого не умѣть. Все лѣто 1657 года Мышецкій прожилъ въ Копенгагенѣ, при немъ Фридрихъ III началъ войну со Шведами; но Поляки, а не Русскіе явились ему въ ней союзниками: въ Москвѣ совершенно охладѣли къ войнѣ Шведской, ибо все вниманіе сосредоточилось на Югѣ.

Въ то время, какъ царь, задержавши войну Польскую, обратилъ всѣ свои силы противъ Швеціи, изъ Бѣлоруссіи слышались сильныя жалобы на Черкасъ, которые, въ свою очередь, жаловались на воеводъ Московскихъ. Самыя сильныя жалобы слышались на Чаускаго наказнаго полковника,

Ивана Нечая, который прибралъ къ себѣ многихъ гультяевъ, а иныхъ мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ захватилъ силою и записалъ въ козаки; во многихъ городахъ, селахъ и деревняхъ поставилъ козацкія залоги безъ царскаго повелѣнія; шляхту, мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ, которые не хотѣли записываться въ козаки, приказывалъ грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковникомъ Бѣлорусскимъ, Гомельскимъ и иныхъ городовъ. Другой полковникъ, Ѳедоръ Константиновъ, приходилъ подъ Копысъ и побивалъ государевыхъ людей; третій, Иванъ Дорошенко, покинулъ Новый Быховъ безъ государева указа и не видя на себя прихода ратныхъ людей ни откуда.

Для повѣрки этихъ жалобъ въ Апрѣлѣ 1656 года отправился въ Бѣлоруссію отъ Хмельницкаго полковникъ Антонъ Ждановичъ вмѣстѣ съ Московскимъ сотникамъ стрѣлецкимъ Сивцовымъ. Спросили они Ивана Дорошенка: зачѣмъ покинулъ Новый Быховъ? Тотъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это по приказу Василія Золотаренка, который, по смерти брата своего Ивана, былъ полковникомъ Нѣжинскимъ; всѣ подтвердили показаніе Дорошенка; но спросить Золотаренка было нельзя: онъ находился въ это время въ Чигиринѣ у гетмана, и дѣло осталось нерѣшеннымъ. Спросили Ѳедора Константинова: зачѣмъ побивалъ государевыхъ людей? Тотъ отвѣчалъ: «Былъ я полковникъ Польскій, передался къ войску Запорожскому съ шестью хоругвями и шелъ съ ними черезъ городъ Копысъ къ гетману Богдану; въ Копысѣ велѣли мнѣ ѣхать въ Москву; но я въ Москву ѣхать отказался; тогда меня хотѣли силою поворотить въ Москву, напали на меня ночью и стали бить моихъ людей, я также отбивался, но приступа къ городу никакого не дѣлалъ. Но Малороссійскій сотникъ Дроздовичъ уличилъ его: по его показанію, Ѳедоръ, пришедши въ Копысъ на посадъ, сталъ бить и мучить жителей; воевода Толочановъ призвалъ его къ себѣ, угостилъ и сталъ ему говорить: «Для чего ты царскаго величества людей бьешь?» Тогда онъ на воеводу *фукнулъ*, пошелъ за городъ,

и на другой день въ городъ стрѣлялъ и приступалъ; Толочановъ послалъ въ Могилевъ за войскомъ; явились Московскіе солдаты, подошли къ отряду Өедора и послали сказать полковнику, чтобъ онъ переговорилъ съ ними, показалъ бы имъ царскую грамоту или приказъ гетманскій. Өедоръ отвѣчалъ: «Я вамъ покажу такую грамоту, что никто изъ васъ ногъ не унесетъ». Начался бой, и солдаты заставили Өедора уйти. Спросили Нечая: какъ смѣлъ свести царскіе солдатскіе гарнизоны и поставить свои козацкіе? Нечай отвѣчалъ: по гетманскому приказу, и показалъ грамоту, гдѣ Хмельницкій писалъ, чтобъ Нечай поставилъ козацкіе гарнизоны вездѣ, гдѣ стояли прежде Золотаренковы. Козаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что онъ не зналъ объ ихъ разбояхъ. Двое старшихъ изъ нихъ были повѣшены, другіе биты въ два кія до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковскаго за разбой велѣлъ онъ казнить смертію; велѣлъ вывести отовсюду козацкіе гарнизоны.

Но надобно было удовлетворить и Малороссіянъ, ибо сотники войска Запорожскаго, стоявшаго въ Бѣлоруссіи, со всѣми товарищами били челомъ царю съ кровавыми слезами, что нестерпимыя обиды и смертное убійство терпятъ они отъ начальныхъ и ратныхъ людей Московскихъ, находящихся подъ властію князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы Могилевскаго, Мстиславскаго воеводы Дашкова и другихъ. При челобитной подань былъ длинный списокъ пограбленному. Стольникъ Леонтьевъ отправился для сыска. Могилевцы — священники, шляхта и чиновные горожане объявили Леонтьеву, что ничего не знаютъ о насиліяхъ воеводы князя Репнина Черкасамъ. Сотенные люди сказали: «Воевода человѣкъ по сту Черкасъ въ тюрьму сажалъ ли, не знаемъ; а Нѣжинскихъ четырехъ козаковъ кнутомъ въ проводку билъ, за что — незнаемъ, и другихъ человѣка по два и по три бивали. На писаны въ росписи рѣзаные Черкасы, но мы знаемъ, что ихъ четверыхъ порѣзали у вина, а кто рѣзалъ—не знаемъ; знаемъ, что воевода взялъ имѣніе по смерти одного козака,

тогда какъ послѣ него остался братъ, имѣніе и этого брата было взято также вмѣстѣ съ имѣніемъ умершаго. Мстиславцы объявили, что не знаютъ объ обидахъ Черкасамъ отъ государевыхъ людей; но они, Мстиславцы, и маетности ихъ всѣ разорены Черкасами. Ждановичъ обвинялъ Шкловскаго воеводу, Василья Яковлева, что посылалъ солдатъ, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальномъ обыскѣ объявили, что ничего объ этомъ не знаютъ и не слыхали, но что тѣснота имъ была отъ Черкасъ большая, нельзя было за городъ выѣхать — непремѣнно ограбятъ Черкасы.

Нечай, по отъѣздѣ Ждановича, продолжалъ разсылать гультяевъ по городамъ и селамъ, силою писать въ козаки шляхту и мужиковъ; а въ Генварѣ 1657 года самъ прислалъ въ Москву жалобу, что стоялъ онъ подъ Быховымъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, пошелъ на приступъ и былъ отбитъ, потому что Хованскій не помогъ ему. Но важнѣе были столкновенія съ самимъ Хмельницкимъ.

Мы видѣли, какъ Поляки, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались внушить, что Хмельницкому нельзя вѣрить, что онъ пересылается со Шведскимъ королемъ. Русскіе отвѣчали имъ обыкновенно, что это дѣло нестаточное; но другое было у нихъ на сердцѣ. Василій Васильевичъ Бутурлинъ далъ знать царю, что Хмельницкій во время похода своего съ нимъ подо Львовъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. Когда послѣ Виленской коммиссіи царь далъ знать гетману о ея рѣшеніяхъ, то Богданъ 9 Декабря 1656 года отвѣчалъ: «Какъ вѣрные вашего царскаго величества слуги, мы этимъ договоромъ усердно тѣшимся; только, какъ вѣрные слуги, о неправдахъ и хитростяхъ Ляцкихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ; они и прежде ничего не хотѣли сдѣлать съ людьми, обвиненными въ безчестіи вашему царскому величеству, отъ сейма до сейма черезъ десять лѣтъ все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дѣло крестнымъ цѣлованіемъ и конституціею

остережено было. Столь явная неправда Ляцкая предъ Богомъ и предъ тобою оказывается, что они на вѣру нашу православную давно воюютъ и ей никогда желательными быть не могутъ; а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ Турскимъ, съ Татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать: ибо если они Ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на корону Польскую и великое княжество Литовское выбираютъ, то для чего же воеводу Познаньскаго и каштеляна Войницкаго послали къ цесарю Римскому просить брата его роднаго на королевство; послы эти 12 Октября пріѣхали въ столицу цесарскую и вели переговоры во время конца коммиссіи Виленской; прежде еще посылали Пражмовскаго къ Рагоци съ короною, скипетромъ и яблокомъ (державою), призывая его на королевство: все это знакъ явной неправды Ляцкой! ясно, что они Виленскаго договора не додержатъ, и кто знаетъ, будетъ ли еще этотъ договоръ принятъ на сеймѣ отъ всѣхъ чиновъ? Для вышерѣченной неправды мы Ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично, тебя великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго царя, молимъ: не подавай православнаго народа на поруганіе, о которомъ Ляхи промышляютъ».

Но православный царь не нуждался въ этой просьбѣ и предостереженіяхъ: онъ такъ же хорошо, какъ и Хмельницкій, зналъ, что избраніе его въ короли болѣе чѣмъ сомнительно; оно могло состояться только при новыхъ успѣхахъ его оружія, а для этихъ успѣховъ было необходимо, чтобъ силы Великой и Малой Россіи были соединены какъ нельзя крѣпче. Но гетманъ Запорожскій, преслѣдуя свои особные интересы, нарушая единство государственнаго движенія, наносилъ ударъ могуществу царя и тѣмъ самымъ усиливалъ Ляховъ, къ которымъ питалъ такое нерасположеніе. 12 Декабря Кіевскій воевода Андрей Бутурлинъ далъ знать въ Москву:

сказывалъ ему наказной Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій: «Гетманъ опасается гнѣва государева, сильно сомнѣвается на-счетъ Черкасъ, отправленныхъ имъ въ Виленскую коммиссію и еще не возвратившихся, думаетъ, что ихъ задержали, что государь приказалъ отдать козаковъ попрежнему Польскому королю и велѣлъ на нихъ идти войною; опасаясь этого, гетманъ созвалъ сеймъ, на которомъ всѣ полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякаго, кто на нихъ наступитъ. Кромѣ того Хмельницкій посылалъ къ Рагоци, къ воеводамъ Волошскому и Молдавскому, къ хану Крымскому, чтобъ они были съ нимъ въ соединеньѣ; ото всѣхъ этихъ владѣтелей были у него послы и учинили договоръ: если кто на него наступитъ, то они будутъ ему помогать; послы Крымскіе у гетмана бываютъ часто». Пріѣхалъ въ Кіевъ отецъ писаря Выговскаго, Астаѳій; воевода зазвалъ его къ себѣ, подпоилъ, и старикъ подтвердилъ ему слова Дворецкаго. Люди, посланные для вѣстей въ Чигиринъ, доносили, что Хмельницкій договорился съ Рагоци помочь ему овладѣть Польскимъ престоломъ; замышляютъ отступить отъ государя гетманъ да писарь и съ ними немногіе начальные люди, замышляютъ они это потому, что государь помирился съ королемъ, опасаются, что ихъ выдадутъ Полякамъ; гетманъ хочетъ отложиться при первомъ гнѣвѣ государевомъ, но козаки и черные люди на такую неправду ему не помогаютъ; наконецъ Хмельницкій посылалъ къ Быховцамъ, чтобъ государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карлъ X-й, когда еще мечталъ быть королемъ Польскимъ, отправилъ къ Хмельницкому посла съ такимъ наказомъ: Просить Хмельницкаго, чтобъ далъ знать, какого чина и какой власти ему хочется? хочетъ ли онъ вольнаго удѣльнаго княжества при Польскомъ рубежѣ, или хочетъ съ козаками своими вмѣстѣ съ короною Польскою подъ Шведскую защиту поддаться и при прежнихъ правахъ и вольностяхъ оставаться, или хочетъ онъ вассальныхъ правъ, съ обѣщаніемъ по-

могать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которыя будутъ козакамъ, если они соединятся съ Шведами, потому что они отъ Поляковъ никакой безопасности надѣяться не могутъ; если же соединятся съ Шведами, то стѣснятъ такъ Поляковъ, что тѣ никакого зла имъ сдѣлать не будутъ въ состояніи, Шведы будутъ оберегать козаковъ отъ насильства шляхты, а козаки за это будутъ стараться, чтобъ Польша никакимъ образомъ не отлучилась отъ Шведскаго короля. Договариваться съ Хмельницкимъ о раздѣлѣ рубежа отъ Польши и отъ Москвы. Главное условіе договора должно состоять въ томъ, чтобъ онѣ возбранялъ Татарамъ входъ въ Польскіе и Литовскіе рубежи, чтобъ не ходили черезъ Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ; кромѣ того при всякой войнѣ Хмельницкій выставляетъ на помощь королю 40,000 человѣкъ на свой счетъ и держитъ ихъ въ службѣ три мѣсяца, по прошествіи которыхъ они, продолжая службу, будутъ получать на прокормъ изъ королевской казны, какъ и другіе ратные люди. Козаки должны обѣщаться ни съ какимъ государствомъ не соединяться и не договариваться безъ вѣдома королевскаго. Хмельницкій всякими мѣрами долженъ привести Москву къ тому, чтобъ она далѣе Березины не искала себѣ владѣній и чтобъ вся Литва осталась за Шведами. Хмельницкій и козаки должны обѣщаться не начинать ни съ кѣмъ войны безъ воли королевской. Требовать, чтобъ въ большихъ городахъ можно было строить протестантскія церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рѣкъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, гдѣ бы строить анбары; также требовать мѣстъ надъ Днѣпромъ, гдѣ король хочетъ построить крѣпости противъ Татаръ; козаки не должны позволять крестьянамъ, которые теперь на тѣхъ мѣстахъ живутъ, бѣгать и къ нимъ переѣзжать, а если перебѣгутъ, отдавать назадъ; земля эта, которой хочетъ король, простирается на 12 миль отъ истоковъ рѣки Тетери до ея устья въ Днѣпръ, по Днѣстру на островѣ и по обѣимъ сторонамъ на 4 мили, а еще бъ лучше, еслибъ уступили Кіевъ. Если

Хмельницкій захочетъ быть удѣльнымъ, то вольно ему постановить у себя рѣчь посполитую козацкую, далъ бы козакамъ права и уложенье, какъ имъ жить и какъ наслѣдникамъ его властвовать. Остается у него во владѣніи только воеводство Кіевское, а воеводство Черниговское надобно уступить Москвѣ; если же Хмельницкій не согласится, то уступить ему воеводство Брацлавское до Буга или даже до Ямполя, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговыхъ пошлинъ. Если Хмельницкій захочетъ быть подъ королемъ Шведскимъ голдовникомъ (вассаломъ), то уступить ему воеводство Кіевское, и писаться ему княземъ Кіевскимъ и Черниговскимъ и гетманомъ войска Запорожскаго. Хмельницкій долженъ быть въ такомъ же положеніи къ королю, какъ курфюрстъ Бранденбургскій или герцогъ Курляндскій къ Польшѣ. Каждый новый гетманъ долженъ давать королю по 300,000 золотыхъ Польскихъ; каждому новому королю долженъ давать 30,000 золотыхъ червонныхъ, также долженъ дарить королевскихъ сыновей, когда будутъ жениться, и дочерей, когда замужъ пойдутъ. Хмельницкій будетъ воленъ раздавать служилымъ своимъ людямъ маетности наслѣдственно или пожизненно; хорошо было бы, еслибъ Хмельницкій всѣмъ крестьянамъ, которые у него въ подданствѣ, велѣлъ оставаться въ домахъ своихъ, чтобъ они ему и начальнымъ его людямъ давали оброки денежные и пашни не пустошили; впрочемъ это полагается на волю Хмельницкаго. Относительно духовнаго чина все будетъ попрежнему; митрополитъ Кіевскій не можетъ быть поставленъ безъ воли королевской.

Но въ началѣ 1657 года Карлъ X-й уже потерялъ надежду удержать за собою все королевство Яна Казимира, долженъ былъ искать союзниковъ и подѣлиться съ ними добычею: между Карломъ, Рагоци и Хмельницкимъ заключенъ былъ договоръ, по которому Украйна признавалась навсегда отдѣльною отъ Польши; Великая Польша, Данцигъ и Приморье отходили къ Швеціи, Малая Польша, Литва, Мазовія и Русь

Галицкая доставались Рагоци; отрядъ козацкаго войска отправился къ послѣднему, чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ Поляковъ.

Какъ же Хмельницкій оправдывалъ свой поступокъ предъ царемъ Московскимъ? Въ Февралѣ 1657 года онъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему каштелянъ Волынскій, Станиславъ Бенѣвскій, съ предложеніемъ передаться на сторону Яна Казимира, но что онъ, гетманъ, никакъ на это не рѣшится; этотъ Бенѣвскій сказывалъ ему, что статьи Виленской коммиссіи никогда не состоятся; приходилъ къ нему, гетману, и писалъ отъ цесаря бискупъ Марціанополитанскій также съ убѣжденіемъ перейти на сторону короля Польскаго. «Вслѣдствіе такихъ хитростей и неправдъ» писалъ Хмельницкій: «пустили мы противъ Ляховъ часть войска Запорожскаго». Понятно, что въ глазахъ царя это письмо нисколько не оправдывало своеволія и явнаго нарушенія статьи, опредѣлявшей поведеніе гетмана относительно пословъ иностранныхъ, а тутъ еще вѣсти изъ Крыма: «Сказывалъ Московскимъ посланникамъ переводчикъ: какъ онъ былъ у ближняго ханскаго человѣка Сефергазы-аги, то при немъ были посланники отъ Богдана Хмельницкаго пять человѣкъ и говорили, чтобъ ханъ попрежнему стоялъ за Черкасъ и оберегалъ ихъ. Ближній человѣкъ замѣтилъ, что гетманъ учинился въ холопствѣ у государя Московскаго; тогда Черкасскіе посланцы отвѣчали ему: «Какъ гетманъ билъ челомъ въ подданство Московскому царю, съ тѣхъ поръ отъ великаго государя никакой намъ помощи, заступленья и обереганья нѣтъ».

23 Апрѣля Хмельницкій писалъ государю съ посланцемъ Коробкою: «Турецкій султанъ сбирается на Украйну въ союзѣ съ королемъ Польскимъ и императоромъ Фердинандомъ; ханъ Крымскій также готовъ со всѣми ордами, только не знаемъ, гдѣ хочетъ ударить. Все это дѣлается по наученію Ляцкому, потому что Ляхи искони извыкли прелестями своими разныя монархіи губить: такъ православныхъ Россійскихъ князей прельстили и сѣдалища ихъ пресвѣтлыя ни во что об-

ратили; а теперь ни о чемъ больше не промышляютъ, какъ только о томъ, чтобъ разорить православіе, что не разъ и ваше царское величество узналъ. Теперь Ляхи, видя свою свыше отъ Бога назначенную погибель, вашему царскому величеству покоряются, а въ сердцахъ у нихъ ядъ змѣиной ярости кипитъ. Покоряются вашему царскому величеству, а сами къ султану Турецкому пословъ отправляютъ, просятъ, чтобъ помогалъ имъ христіанъ воевать, и за эту помощь всѣ вашего царскаго величества украинскіе города обѣщаютъ, отъ Каменца Подольскаго начиная. Узнавши объ этомъ отъ владѣтеля Молдавскаго, извѣщаемъ тебѣ и молимъ твое царское величество, не вѣрь отступникамъ Ляхамъ. И то тебѣ, великому государю, извѣщаю, что, будучи недосужнымъ, за изволеніемъ всѣхъ полковниковъ, поручилъ я гетманство сыну своему Юрію Хмельницкому, о которомъ низко челомъ бью, молю, чтобъ твое царское величество милостивъ къ нему былъ».

Посланецъ Коробка говорилъ въ приказѣ, что Богданъ за старостію и болѣзнію гетманство сдалъ сыну своему Юрію, за радою полковниковъ и всего войска; Юрію Хмельницкому 16 лѣтъ; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будетъ имѣть при жизни отцовской, владѣть всѣмъ и гетманомъ называться и писаться будетъ отецъ его, Богданъ Хмельницкій. Гетманъ и войско, всѣ отъ мала до велика, желаютъ того, чтобъ изволилъ пріѣхать въ Кіевъ великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ, и тамъ бы митрополита на митрополію, а гетманскаго сына на гетманство благословилъ. — Царь отвѣчалъ Хмельницкому, чтобъ онъ старался не перепускать Турокъ черезъ Днѣстръ; относительно Юрія писалъ: «Вамъ бы, гетману, сыну своему Юрію приказать, чтобъ онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрою и правдою, какъ вы, гетманъ, служили; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, станемъ держать его въ милостивомъ жалованьѣ».

Хотя Хмельницкій и писалъ, что передалъ гетманство

сыну по изволенію всѣхъ полковниковъ, однако не всѣ полковники изволяли на это. Богданъ свѣдалъ, что Миргородскій полковникъ Грицка Лесницкій прочитъ гетманство Выговскому. Старикъ велѣлъ призвать ихъ обоихъ къ себѣ, Лесницкаго хотѣлъ казнить смертію, а Выговскаго велѣлъ передъ собою расковать по рукамъ лицомъ къ землѣ, и держалъ его въ такомъ положеніи мало не цѣлый день «пока у Богдана сердце ушло»; писарь лежалъ на землѣ, все плакалъ, и гетманъ наконецъ простилъ его.

19 Апрѣля отправились къ Хмельницкому окольничій Ѳеодоръ Васильевичъ Бутурлинъ да дьякъ Василій Михайловъ. 23 Мая пріѣхали они въ Гоголево, гдѣ были встрѣчены старикомъ Астаѳьемъ Выговскимъ и священниками съ образами и хоругвями; Выговскій просилъ пословъ проводить честныя иконы до церкви, а изъ церкви позвалъ ихъ къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ Бутурлинъ началъ разспрашивать старика о дѣлахъ Малороссійскихъ, и Астаѳій, выславши всѣхъ людей вонъ, началъ говорить: «Въ прошломъ году, когда царскіе послы, князь Одоевскій съ товарищами, заключили съ Поляками мирный договоръ, то, по указу царскаго величества, отправлены были туда въ Вильну и посланцы отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго. Когда эти посланцы пріѣхали назадъ, то, ухватя гетмана за ноги, и облившись слезами, завопили: «Згинуло войско Запорожское въ Малой Россіи, нѣтъ ему помощи ни откуда, некуда ему дѣться! На какихъ мѣрахъ у царскихъ пословъ съ Польскими коммиссарами учинился договоръ, про то намъ отнюдь ничего невѣдомо: царскіе послы не только съ нами ни о чемъ не совѣтовались, не только въ посольскій шатеръ не пускали, но и до шатерныхъ полъ далеко не допускали, словно псовъ въ церковь; а Ляхи намъ сказывали, что царскіе послы постановили договоръ по Поляновскимъ статьямъ, и войску Запорожскому со всею Малороссіею быть въ королевской сторонѣ попрежнему, и если козаки въ послушаніи у Ляховъ не будутъ, то царское

величество станетъ Ляхамъ на козаковъ помогать». Выслушавъ эти вѣсти, полковники начали быть въ великомъ сомнѣніи, какими это мѣрами такъ надъ ними учинилось? а гетманъ Хмельницкій, какъ шальной, въ изступленіи ума завопилъ: «Дѣти! не горюйте, я уже знаю какъ сдѣлать; надобно отступить отъ царской руки, а пойдемъ гдѣ великій владыка повелитъ быть, не подъ христіанскимъ государемъ, такъ подъ бусурманомъ», и велѣлъ посылать по всѣмъ полковникамъ, звать на раду. Тутъ сынъ мой, писарь Иванъ, ухватясь за ноги у гетмана, сталъ говорить ему наединѣ: «Гетманъ! надобно это дѣло дѣлать безъ запальчивости, разузнать, какъ что сдѣлано, послать къ царскому величеству и провѣдать подлинно, за какія наши вины такъ сдѣлано? а присяга дѣло великое, нарушить ее нельзя, за это самъ Вышній Творецъ будетъ мстителемъ». И къ полковникамъ, которые въ то время были при гетманѣ, сынъ мой забѣгалъ и говорилъ съ плачемъ, чтобъ не отлучаться отъ высокой руки царскаго величества и слыть по всему свѣту измѣнниками. Гетманъ сына моего не послушалъ, прямо отказалъ, что никакъ нельзя остаться подъ царскою рукою за такое государево немилосердіе. Дѣти мои, Иванъ и Данило, уговаривали полковниковъ, чтобъ не дѣлать этого, собрали раду, и на радѣ полковники гетману отказали впрямь, что они отъ государя не отступатъ и по всему свѣту измѣнниками слыть не хотятъ: нестаточное дѣло, говорили они, чтобъ царское величество, показавъ свое милосердіе надо всѣми нами, высвободя насъ отъ непріятельскихъ рукъ, отдалъ бы опять врагамъ христіанскимъ. И едва гетмана уговорили. А Богданъ Хмельницкій сильно ошалѣлъ, и въ болѣзни на всякаго сердится, лучше умереть или побѣжать куда, чтобъ только его не видать. Сынъ мой, писарь Иванъ, говорилъ мнѣ, что «на гетманово злодѣйство и неправду никакими мѣрами угодить нельзя: еслибъ не ты да и не матка, то я бы давно отъ горести сердечной побѣжалъ къ царскому величеству, или въ иныя государства; и для вѣрной

услуги царскому величеству теперь сынъ мой Иванъ женился на шляхтянкѣ благочестивой христіанской вѣры, на дочери Богдана Станѣевича, у котораго маетности въ Оршанскомъ повѣтѣ, на своихъ земляхъ они и Кутеинскій монастырь построили, а другой мой сынъ Константинъ женился на дочери Ивана Мещерскаго, и хотятъ бить челомъ великому государю, чтобъ велѣлъ маетности ихъ дать имъ, также какъ царская милость была и къ инымъ шляхтичамъ».

3 Іюня, не доѣзжая до Чигирина верстъ за десять, Бутурлинъ былъ встрѣченъ Миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лесницкимъ, который объявилъ о себѣ, что онъ сдѣланъ наказнымъ гетманомъ надъ всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, чтобъ идти противъ Крымскаго хана; стоитъ онъ въ десяти верстахъ отъ Чигирина и сбирается съ войскомъ, а Крымскій ханъ со всѣми ордами переправился за Днѣпръ подъ Очаковымъ и стоитъ въ недальнихъ мѣстахъ. «Теперь» говорилъ Лесницкій: «слухъ до насъ доходитъ, что его царское величество, неизвѣстно по какимъ нашимъ винамъ, гнѣвъ свой на насъ положилъ и хочетъ послать на насъ ратныхъ воинскихъ людей; однако мы женъ своихъ и дѣтей оставимъ безо всякаго опасенья, хотя и постигнетъ насъ мечъ его царскаго величества: мы подложимъ головы свои подъ мечъ этотъ безо всякаго сопротивленія: буди во всемъ воля великаго государя нашего».

Бутурлинъ отвѣчалъ: «Это вамъ кто-нибудь наговорилъ воровски, на ссору: великій государь держитъ васъ въ своей милости и жалованьѣ, и вамъ бы ему служить, а воровскимъ рѣчамъ, смутнымъ рѣчамъ не вѣрить, а служба ваша у великаго государя забвенна не будетъ».

Верстъ за пять отъ Чигирина встрѣтили Бутурлина сынъ Хмельницкаго Юрій, писарь Выговскій, есаулъ Иванъ Ковалевскій, съ ними козаковъ конныхъ человѣкъ съ двѣсти; Юрій сказалъ Бутурлину: «Не погнѣвайтесь, что отецъ мой самъ не выѣхалъ къ вамъ на встрѣчу: онъ очень боленъ». На другой день Бутурлинъ былъ у гетмана, котораго нашелъ

въ постели. По причинѣ болѣзни Богданъ отказался слушать рѣчи посольскія о великихъ государевыхъ дѣлахъ, отложилъ до другаго раза; Бутурлинъ за это отказался было обѣдать у него, но потомъ согласился, когда гетманъ объявилъ, что онъ почтетъ это за знакъ государевой немилости къ нему. За столъ сѣли и потчивали пословъ гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговскаго, писарь Иванъ Выговскій и есаулъ Иванъ Ковалевскій, а самъ гетманъ за столомъ сидѣть не смогъ, лежалъ на постели. Въ половинѣ стола Богданъ велѣлъ налить себѣ кубокъ Венгерскаго, всталъ и, поддерживаемый слугами, пилъ за здоровье государя, царскаго семейства, за патріарха Никона, милостиваго заступника и ходатая.

На другой день Бутурлинъ разспрашивалъ писаря Выговскаго о вѣстяхъ: тотъ, взирая на образъ Спасовъ, перекрестя лице свое, съ великими клятвами говорилъ, что Хмельницкій, и онъ, писарь, и все войско Запорожское великому государю во всемъ истинные слуги и подданные безо всякой шатости; съ Шведскимъ королемъ, съ Рагоци, съ Молдаванами и Волохами гетманъ соединился не для чего инаго, только на славу, честь и хвалу великому государю. Великій государь съ Поляками договоръ велѣлъ учинить по Поляновскимъ статьямъ, войску Запорожскому быть попрежнему къ коронѣ Польской: гетманъ и все войско Запорожское о томъ опечалились, а Поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забѣгать во многія государства, чтобъ они вмѣстѣ съ ними войско Запорожское и православныхъ христіанъ воевали. Тогда гетманъ послалъ къ Венгерскому, Молдавскому и Волошскому владѣтелямъ о дружбѣ; тѣ обрадовались и присягнули въ вѣчной дружбѣ. Это сдѣлано великому государю на вѣчную славу, что такіе честные владѣтели царскаго величества подданнымъ учинились въ дружбѣ и братствѣ и на недруговъ великаго государя въ соединеніи; а полковникъ Антонъ Ждановичъ ходилъ на Поляковъ не для того, чтобъ Рагоци быть на коронѣ Польской, а только для того,

чтобъ Поляки съ окрестными государями дружбою не сносились и подданныхъ царскаго величества не разоряли. — Бутурлинъ отвѣчалъ: «Намъ въ великое подивленье, какими мѣрами то чинится, что у гетмана и войска Запорожскаго съ непріятелемъ царскаго величества, Шведскимъ королемъ, ссылка и соединеніе, и всякое доброхотсво отъ великаго государя переносится на Шведскаго короля да на Рагоци Венгерскаго и войско Запорожское всякое вспоможенье чинитъ непріятелямъ царскаго величества безъ воли и повелѣнья великаго государя. Дѣлаете вы это, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, данное предъ св. Евангеліемъ; корону Польскую, на которую избрали великаго государя нашего, разоряете, крови христіанскія проливаете, православнымъ церквамъ Божіимъ и православнымъ христіанамъ, живущимъ въ Польшѣ, отъ Кальвиновъ разореніе и оскверненіе чинится многое, такъ что и слышать страшно: блюдитесь, чтобъ вамъ за такія неправды не навести на себя гнѣва Божія!»

Наконецъ Богданъ прислалъ звать къ себѣ Бутурлина на личное свиданіе. Посолъ повторилъ и ему тѣ же самыя слова, какія говорилъ Выговскому. Богданъ вспыхнулъ: «Отъ Шведскаго короля» сказалъ онъ: «я никогда отлученъ не буду, потому что у насъ дружба давняя, больше шести лѣтъ; Шведы люди правдивые, всякую дружбу и пріязнь додерживаютъ, слово свое держатъ; а царское величество надо мною и надо всѣмъ войскомъ учинилъ было немилосердіе свое: помирясь съ Поляками, хотѣлъ было насъ отдать имъ въ руки; а теперь слухъ до насъ доходитъ, что государь изволилъ послать изъ Вильны противъ насъ, Шведовъ и Венгровъ, Ляхамъ на помощь 20,000 ратныхъ людей; а мы, когда еще и не были у царскаго величества въ подданствѣ, великому государю служили, Крымскаго хана воевать Московскія украйны не пускали девять лѣтъ, и теперь мы отъ царской высокой руки неотступны и идемъ воевать съ непріятелями царскаго величества, хотя бы мнѣ отъ нынѣшней моей болѣзни и смерть приключилась, для того веземъ съ собою и

гробъ. Вѣрѣ христіанской никогда я разорителемъ не буду: были съ нами въ союзѣ и бусурманы, Крымскіе Татары, и тѣ меня слушали, бились за церкви Божіи и за вѣру православную. Великому государю во всемъ воля: только мнѣ диво, что бояре ему ничего добраго не посовѣтуютъ: короною Польскою еще не овладѣли и мира въ совершенье еще не привели, а уже съ другимъ государствомъ, со Шведами, войну начали, а Шведскій король, силенъ, у него въ союзѣ шестнадцать земель; и еслибы я не соединился со Шведами, Венграми, Молдаванами и Волохами, то соединились бы съ ними Поляки, и насъ всѣхъ въ Малой Россіи вырубили бы и выжгли, царскаго величества рати къ намъ на помощь не подоспѣли, мы бы всѣ згинули, а потомъ и Россійскому государству было бы нерадостно жь».

Бутурлинъ отвѣчалъ: «Гетманъ! стыдно тебѣ говорить такія непристойныя слова! Надобно бы тебѣ помнить Бога и присягу свою, какъ обѣщался великому государю служить и прямить и всякаго добра хотѣть; надобно было тебѣ помнить царскаго величества милость и отъ непріятелей оборону; а теперь за помощію войска Запорожскаго Шведскій король и Рагоци побрали въ Польшѣ много городовъ и великое, неизрѣченное богатство пограбили; блюдитесь, чтобъ вамъ за ваши неправды не навести на себя гнѣва Божія! Когда побѣдою царскаго величества Поляки учинились безсильны, то на разоренье и на грабежъ много у васъ друзей стало; а какъ непріятели ваши Польскіе и Литовскіе люди вамъ были страшны и сильны, то освободиться отъ нихъ никто вамъ не помогъ, только одинъ великій государь нашъ. Когда вамъ отъ непріятелей было тѣсно, то ты, гетманъ, съ послами великаго государя говаривалъ поласковѣе; а теперь ты говоришь съ большими пыхами, невѣдомо по какой мѣрѣ. Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ Поляковъ и Крымскихъ Татаръ: въ то время ты былъ очень низокъ и къ намъ держалъ любовь большую: носи платье разноцвѣтное, а слово

держи одинакое. Неправды Шведскаго короля не только великому государю нельзя было терпѣть, но и ты бы не стерпѣлъ; а служба твоя великому государю извѣстна и никогда у него забвенна не будетъ; теперь великій государь тебя держитъ въ милости и великой чести, и впередъ на царскую милость будь надеженъ, а непристойныя и высокія мѣры отъ себя отложи. У великаго государя и въ мысли того не было, чтобъ отдать васъ Польскому королю; да и то дѣло несхожее, что государь послалъ на васъ изъ Вильны 20,000 ратныхъ людей: это кто-нибудь сказалъ на ссору, такъ тебѣ бы этому не вѣрить; царское величество васъ всѣхъ православныхъ христіанъ единовѣрныхъ держитъ въ своей милости».

Рѣзкая правда въ началѣ рѣчи и мягкій конецъ произвели свое дѣйствіе; старикъ пріутихъ и отвѣчалъ: «Я вѣрный подданный царскаго величества и никогда отъ его высокй руки не отлучусь; царскаго величества милость и оборона намъ памятны, и за то готовы мы также царскому величеству служить и головъ своихъ не щадить. Только теперь дайте мнѣ покой; подумавши обо всемъ, вамъ отвѣтъ учинимъ въ другое время, потому что я страдаю отъ тяжкой болѣзни, не могу говорить». Постлали скатерть на столъ и больной попросилъ Бутурлина по пріятельски отобѣдать у него чѣмъ Богъ послалъ; жена и дочь его попрежнему потчивали.

На другой день, 10 Іюня, пришелъ къ Бутурлину писарь Выговскій и сказалъ: «Гетманъ велѣлъ вамъ сказать добрый день и о вашемъ здоровьѣ спросить, на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетманъ очень боленъ, простите, что въ тяжкой своей болѣзни запальчиво говорилъ: въ болѣзни своей теперь на всѣхъ сердится, ужь нравъ такой, насъ всѣхъ бранитъ, подойти нельзя! Гетманъ велѣлъ спросить: донесъ ли царскому величеству стольникъ Кикинъ о желаніи гетманскомъ написать къ Шведскому королю о его неправдахъ?» Бутурлинъ отвѣчалъ, что Кикинъ донесъ объ этомъ: пусть гетманъ пишетъ къ королю и пусть тотъ исправится предъ

государемъ. «Но» прибавилъ посолъ: «перехвачена Литовскими людьми грамота гетманская къ Шведскому королю, въ которой Хмельницкій пишетъ, подкрѣпляя увѣреніе свое съ королемъ и ожидаетъ отъ него великихъ пословъ». Выговскій отвѣчалъ: «Шведскіе послы должны быть сюда скоро; но въ грамотѣ не написано, что гетманъ подкрѣпляетъ увѣреніе свое, гетманъ писалъ только о дружбѣ, пріязни и любви. Бутурлинъ сказалъ на это: «Писарь Иванъ Выговскій! помни къ себѣ милость и жалованье великаго государя, служи и работай ему истиннымъ сердцемъ, правою душою, безо всякой хитрости и обману, а у царскаго величества твоя служба и работа незабвенна!» Выговскій, по обычаю своему, клялся страшными клятвами, что служитъ великому государю всею душою, гетмана и полковниковъ укрѣпляетъ и отъ всякой шатости отводитъ, и въ знакъ прямой службы и вѣрнаго подданства женился на православной, и хочетъ просить, чтобъ тестевы имѣнія въ Оршанскомъ повѣтѣ перешли къ нему и женѣ его, а онъ великому государю вѣрный подданный до конца жизни.

12 Іюня пріѣхали къ гетману Шведскіе и Венгерскіе послы; Бутурлинъ послалъ за Выговскимъ и спросилъ его, зачѣмъ пріѣхали послы? Писарь отвѣчалъ, что Карлъ X-й прислалъ о дружбѣ и любви съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ. 13 числа гетманъ прислалъ звать къ себѣ царскихъ посланныхъ на разговоръ и встрѣтилъ ихъ такою рѣчью: «Увѣряю, что ни я, никто другой изъ живущихъ въ Малой Россіи отъ высокой руки царскаго величества не отступенъ; просимъ васъ донести до царскаго величества наше моленіе и просьбу, чтобъ великій государь не вѣрилъ обличеніямъ на насъ; а что мы прибрали къ себѣ въ товарищество Шведа и Рагоци, не обославшись съ великимъ государемъ, то это сдѣлали мы изъ страха, потому что Ляхи задаютъ фантазіи великія, подъ клятвою утверждаютъ, что царское величество насъ отдалъ имъ, да и для того, чтобъ Ляхи не соединились со Шведомъ и Рагоци. Думаемъ, что

Шведъ мирному договору будетъ радъ, а если мириться не захочетъ, то въ то время на Шведскаго короля иной способъ учинимъ; а теперь бы начатое дѣло съ Ляхами къ концу привесть, чтобъ всѣми великими потугами съ обѣихъ сторонъ, и съ царскаго величества, и съ Шведской, Ляховъ бить, до конца искоренить и съ другими государствами соединиться не дать; а мы знаемъ навѣрное, что словомъ Ляхи великаго государя на корону избирали, а дѣломъ никакъ то не сталось, какъ видно изъ грамоты ихъ къ султану, которую я отослалъ къ царскому величеству».

Бутурлинъ, ничего не отвѣчая на это, началъ свои рѣчи: «Въ прошломъ 1655 году ходили вы на Ляховъ вмѣстѣ съ бояриномъ Васильемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, пришли подъ первый городъ Гусятинъ, боярскаго полка люди начали къ нему приступать и на городъ взошли, а ты, гетманъ, велѣлъ ихъ отъ города отбивать и на томъ отбоѣ многихъ людей посѣкли, а по тѣмъ людямъ, которые взошли было на городъ, изъ пушекъ стрѣляли. Бояринъ послалъ къ тебѣ дворянъ спросить, что̀ это значитъ? ты отвѣчалъ, что Гусятинцы присылали къ тебѣ бить челомъ, что сдаются. Когда подо Львовъ пришли государевы ратные люди и хотѣли надъ нимъ чинить промыслъ, то ты, гетманъ, промысла никакого чинить не далъ, а взялъ съ города пятьдесятъ тысячъ золотыхъ червонныхъ; а какъ посылали подъ Люблинъ Данила Выговскаго да Петра Потемкина, то въ Люблинѣ взяты взятьемъ только посады, а за̀мочекъ сдался, и въ за̀мочкѣ этомъ тамошнимъ людямъ тѣсноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованныя грамоты, чтобъ жить безопасно, то Черкасы Нечаева полка разоряютъ ее, изъ маетностей выгоняютъ, иныхъ побиваютъ, крестьянъ отъ пашни отлучили и произвели такой голодъ, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человѣческое мясо ѣдятъ: и на то смотря, другимъ Полякамъ въ Литвѣ подъ царскую руку подда-

ваться опасно. Когда полномочные царскіе послы говорили съ Польскими коммиссарами въ Вильнѣ объ избраніи царскаго величества на корону Польскую, и Польскіе коммиссары соглашались, лишь бы только права и вольности ихъ не были нарушены и маетностей не отнимали, въ то время, ты гетманъ, во всемъ полагался на государское изволеніе, а теперь говорилъ стольнику Кикину и дьяку Ѳомину, что если царское величество съ Польскимъ королемъ и помирится, то ты съ Поляками никогда въ согласіи не будешь, либо ихъ разоришь, либо самъ пропадешь. Такимъ образомъ въ словахъ твоихъ нѣтъ постоянства: сперва ты подъ Гусятинымъ говорилъ: хотя бы поддавались не только Поляки, но и Татары и Жиды, и тѣхъ для чего не принять? тѣснить ихъ ни въ чемъ не годится; а теперь Поляки сами желаютъ быть подъ царскою рукою, и тебѣ какое пріобрѣтеніе, если отъ вашего гоненія и тѣсноты опи поддадутся Шведскому королю или Рагоци?»

Гетманъ отвѣчалъ: «Правда, что подъ Гусятинымъ города добывать мы не давали, не потому, что Ляховъ берегли, а потому, что въ тѣхъ городахъ много православныхъ христіанъ, а мыслили мы начальное и главное дѣло — войска кварцаныя и гетмановъ побивши, идти далѣе въ Польшу и тамъ добывать коронныхъ городовъ, въ которыхъ Ляхи живутъ. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотѣли, пошли за грабежемъ и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратнымъ бѣднымъ людямъ. Мы знаемъ, кто сами себѣ честь получили больше того, но мы ихъ передъ царскимъ величествомъ не выдаемъ; чтобъ царское величество надъ нами милость показалъ, тѣмъ, которые доносятъ на насъ невинно, вѣрить не велѣлъ; а я хотя бы и шальной былъ, то не могъ бы велѣть побивать изъ пушекъ царскихъ людей, единовѣрныхъ православныхъ христіанъ. Къ Ивану Нечаю послалъ я нарочно листы, чтобъ шляхтѣ кривдъ никакихъ не чинили».

Бутурлинъ продолжалъ: «Въ дорогѣ мы слышали ото вся-

кихъ людей, что была у тебя рада, и на той радѣ сдалъ ты гетманство сыну своему Юрью: и тебѣ бы велѣть сыну своему въ церкви Божіей, предъ святымъ Евангеліемъ, при насъ присягнуть на подданство великому государю, государынѣ и царевичу Алексѣю Алексѣевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Видите сами, что я сильно боленъ и въ старости, и я поговорилъ съ полковниками, чтобъ попомнили свою службу, промыслъ и радѣнье, по смерти моей выбрали на Запорожское гетманство сына моего Юрія; а нынѣ, пока живъ буду, гетманство и всякое старшинство держу при себѣ, а когда по моей смерти сдѣлается гетманомъ сынъ мой Юрій, то онъ царскому величеству присягу учинитъ».

Слѣдовала статья потруднѣе: «По указу великаго государя» говорилъ Бутурлинъ: «велѣно въ Кіевѣ стрѣльцамъ жить съ женами и дѣтьми и дать имъ подъ дворы мѣста и подъ пашни земли, чтобъ стрѣльцы въ Кіевѣ отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ всегда были готовы; но въ Кіевѣ полковникъ и войтъ безъ твоего гетманскаго письма подъ стрѣлецкіе дворы мѣстъ не даютъ, и стрѣльцы съ женами и дѣтьми живутъ по шелашамъ, и вы сами городу отъ непріятелей разоренье навести хотите, потому что стрѣльцы въ Кіевѣ безъ дворовъ жить не станутъ и побредутъ врознь, и если безъ ратныхъ осадныхъ людей что надъ Кіевомъ учинится, и то будетъ отъ васъ: такъ ты бы отписалъ въ Кіевъ поскорѣе, что мѣста и земли велѣлъ отвести». Гетманъ отвѣчалъ: «Въ Кіевѣ я давно не бывалъ; у кого и подъ городомъ отняты земли, отъ тѣхъ до сихъ поръ хлопоты и плачъ великій, на чужихъ земляхъ трудно поселить, это значитъ право нарушить». Тутъ писарь Выговскій и есаулъ Ковалевскій стали кричать: «Какъ это можно отнимать собственныя стародавныя мѣста, которыя даны церкви прежними князьями Русскими и королями Польскими, также собственные домы и земли козацкіе и мѣщанскіе отнять и отдать стрѣльцамъ! Этимъ наведемъ на себя лютую бѣду! Ляхи у гетмана отняли стародавную маетность Субботово, и за ту

кривду до сихъ поръ кровь льется; въ Кіевѣ можно пробыть и безъ Московскихъ стрѣльцовъ, такими малыми людьми отъ непріятеля не оборониться». И отказали впрямь. Бутурлинъ возражалъ: «Отговариваетесь мимо всякой правды, недѣломъ; можно дать стрѣльцамъ земли митрополичьи, монастырскія, козацкія, мѣщанскія, а старымъ владѣльцамъ дать въ замѣнъ земли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя бы и больше прежняго. Пристойное ли вы дѣло говорите, что стрѣльцамъ и солдатамъ въ Кіевѣ не быть: гдѣ по указу царскаго величества честные люди бываютъ въ городахъ воеводами, и для ихъ чести и для обороны и для непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ живутъ конныя и пѣшія рати многія. Ты, гетманъ, самъ пишешь къ государю, что Турки и Татары идутъ на Малороссію, а въ Кіевѣ осадные люди только одни мѣщане, и тѣхъ немного, для своихъ торговыхъ промысловъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Царскіе стрѣльцы и солдаты пріѣхали въ Кіевъ другой годъ и до сихъ поръ не имѣютъ гдѣ головы приклонить, скитаются съ женами и малыми дѣтьми между дворовъ, и морозъ, и дождь, и слякоть, и солнечный жаръ терпятъ и многіе помираютъ. Вамъ, писарю и есаулу, приставать къ гетмановымъ словамъ непригоже и говорить шумно негодится: это обычай негодныхъ людей. Въ домахъ своихъ вы не только челядникамъ своимъ покой строите, но и псамъ конуры, и лошадямъ конюшни, и скотинѣ хлѣвы; а царскаго величества ратные люди не имѣютъ гдѣ головы приклонить. Какъ вы Бога не боитесь и стыда не имѣете: это ли братская любовь?» Гетманъ отвѣчалъ: «Подумавши какъ это сдѣлать, дамъ вамъ знать».

У Бутурлина была еще статья: «Царскому величеству вѣдомо учинилось: говоришь ты, гетманъ, что царское величество къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому милостивъ, а бояре васъ ненавидятъ и службы прямыя ваши до государя не доносятъ: это тебѣ про бояръ кто-нибудь сказывалъ на ссору, ложно: боярамъ тебя ненавидѣтъ не за что, а служба твоя великому государю и боярамъ его вся извѣстна и ничто

отъ великаго государя не утаено: и тебѣ бы такимъ смутнымъ воровскимъ рѣчамъ не вѣрить».

На другой день, 14 Іюня, пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что въ Кіевъ уже отправленъ Иванъ Воловичъ для пріискиванія мѣстъ стрѣльцамъ. Бутурлинъ выговорилъ Выговскому за его вчерашнія *шумныя и развратныя* рѣчи; но Выговскій отвѣчалъ: «Говорилъ я такъ по гетманову приказу, а всѣхъ пуще въ томъ дѣлѣ помѣшку чинитъ есаулъ Иванъ Ковалевскій: со мною передъ гетманомъ сильно споритъ; хотя бы ему какой-нибудь подарокъ дать, чтобъ онъ въ этомъ дѣлѣ не мѣшалъ».

Это были послѣдніе переговоры съ Богданомъ: 27 Іюля знаменитаго гетмана уже не было въ живыхъ [98].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) O jednosci Kościola Bożego, i o Greckim od tey iednosci odstapeniu, z przestrogą y upominanim do narodow Ruskich, pr. Piotra Skargę 1577.

2) O rzadzie y iednosci Kościola Bożego.

3) Сборникъ синодал. библіотеки, № 790.

4) Тамъ же.

5) Рукоп. Импер. публич. библіот., отд. I, № 243.

6) Сборникъ синод. библіот., № 790; рукоп. Имп. публ. библ., Польск. отд., in fol. 223.

6b) Рукоп. библ. главн. штаба, № 26902.

7) Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Малорос. годъ 1620.

8) Тамъ же, годъ 1625, разсказъ Запорожскихъ посланцевъ.

9) Тамъ же, разсказъ попа Филиппа, пріѣхавшаго въ Путивль въ Декабрѣ 1625 г.; Польск. рукоп. Имп. публ. библ., № 96.

10) Арх. мин. ин. д., дѣла Малорос. 1625 и дѣла Турецкія 1637 г.

11) Тамъ же, дѣла Греческія 1626 года, вѣсти въ Москву изъ Малорос. монастырей.

12) Тамъ же, дѣла Малорос., вѣсти отъ Марта 1627.

13) См. Исторію Россіи, т. IX, стр. 183.

14) Рукопись Имп. публ. библ., Польск. отд., № 94.

15) Москов. арх. мин. иност. дѣлъ, дѣла Польскія, связка 49.

16) Тамъ же, дѣла Греческія означ. года.

17) Кромѣ означенныхъ выше неизданныхъ источниковъ, при обработкѣ этой главы авторъ пользовался слѣдующими изданными сборниками актовъ и сочиненіями: Акты, относящ. къ Ист. За-

падной Россія, т. IV; Supplement. ad histor. Russ. monum.; Памятники, изд. временною Кіевскою коммиссіею; Архивъ Югозападной Россіи, изд. тою же коммиссіею; Собраніе древн. грам. и акт. городовъ Вильны, Ковно и проч.; Густинская лѣтопись (Пол. собр. Русск. лѣтоп. т. II); Лѣтопись Львовскаго братства (Жур. Мин. Нар. Просв., 1849 г.); Зубрицкаго — Начало уніи (Чтенія Москов. ист. общ.); Бантышъ-Каменскаго — Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи; Lukaszewicza—Dzieje Kosciolów wyznania Helweckiego w Litwie; его же: Historya Szkól w Koronie i w W. K. Litewskim; митр. Евгенія — Описаніе Кіево-Софійскаго собора; Макарія — Исторія Кіевской Академіи; Актъ о коммиссіи на Медвѣжьихъ Лозахъ (въ приложеніяхъ къ Истор. Малорос. Маркевича); Лѣтопись Самовидца (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ.); Бѣлозерскаго—Южнорусскія лѣтописи; Pamiętniki A. S. X. Radziwilla; Latopisiec J. Jerlicza; Wóycicki — Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Wladyslawa IV i J. Kozimierza; Sękowskiego—Collectanea; Okolskiego — Continuatio diariusza.

18) Сѣверный Архивъ 1822 года: письмо одного Шведа изъ Москвы въ 1647 году. Здѣсь подлѣ Морозова и Чистаго упоминается еще князь Трубецкой — Романъ Никитичъ. Должно быть Алексѣй Никитичъ.

19) Главный Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Датскія 1645 года.

20) Тамъ же, дѣла Польскія означеннаго года.

21) Тамъ же, приказныя дѣла 1646 года, № 77.

22) Тамъ же, дѣла Турецкія 1645—48 года. Кузовлевъ былъ отпущенъ изъ Константинополя въ Декабрѣ 1648 года.

23) Дворцовые разряды, т. III; Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Донскія 1646 года, св. 3.

24) Тамъ же, дѣла Польскія 1646 и слѣдующихъ годовъ.

25) Акты арх. эксп. т. IV, № 13.

26) Тамъ же, № 6, 14, 21, 24.

27) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 124.

28) Письма Фербера—Сѣверный Архивъ 1822 года; Кошихина—Россія въ царств. Алекс. Мих., стр. 5; Коллинсъ (въ Чтеніяхъ Моск. ист. общ.); Собран. госуд. грам. и догов. III, № 155; Акты историч. IV, № 59; Акты арх. эксп. IV, № 18.

29) Дворцовые разряды, т. III, стр. 93; Олеарій; Акты арх. эксп. IV, № 29; Mayerberg—Iter, p. 61.

30) Житіе Никона—Шушерина, по рукописи Москов. историч. общества. — О родинѣ патріарха Никона—Москвитянинъ, 1854, № 19.

31) Собр. госуд. гр. и догов. III, № 129.

32) Акты арх. эксп. IV, № 35, 36, 39.

33) Собр. гос. гр. и дог. III, стр. 443; Уложеніе, гл. XXV, стат. 16.

34) Собр. гос. гр. и дог. III, № 138.

35) Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1649 г., № 41.

36) Тамъ же, дѣла 1648 года № 87, 1649 г. № 8.

37) Тамъ же, дѣла 1649 года, № 19, 20; дѣла 1650 г., № 31.

38) Тамъ же, дѣла Шведскія, связка 39, 6. — О нѣкоторыхъ заводчикахъ Новгородскаго мятежа находятся любопытныя извѣстія въ слѣдующемъ дѣлѣ: когда стольникъ князь Семенъ Урусовъ сдалъ Новгородское воеводство Хилкову, то на него, Урусова, били челомъ (Марта 26, 1648 года) посадскіе люди: Микифорка Хамовъ, Микифорка Микляевъ, Игнашка Солодовникъ, Первушка Колачникъ, да Пятницкій церковный дьячекъ Лучка Максимовъ, да посадскій человѣкъ Алешка Шапочниковъ; потомъ Солодовникъ, Калачникъ и дьячекъ помирились съ Урусовымъ. Дѣло Хамова было слѣдующее: его обвинили передъ Урусовымъ въ продажѣ вина; Урусовъ велѣлъ запечатать его дворъ со всѣми запасами. Въ обыскѣ никто не объявилъ, что Хамовъ продавалъ вино; несмотря на то, его отдали за пристава, сковали руки и ноги, держали подъ поломъ въ темнотѣ; Урусовъ къ нему присылалъ, чтобъ онъ заплатилъ ему 200 рублей, Хамовъ посулилъ 100 и получилъ свободу; Урусовъ же взялъ изъ лавки Хамова солоду и уксусу, а денегъ не заплатилъ. Такова была жалоба Хамова: Урусовъ отвѣчалъ, что Хамовъ дѣйствительно курилъ вино въ непозволенномъ количествѣ; ста рублей онъ у него не бралъ, за солодъ и уксусъ деньги ему посылалъ, да самъ Хамовъ не взялъ. Истецъ съ отвѣтчикомъ имались за вѣру, за крестное цѣлованье; Урусовъ крестъ цѣловать взялъ на душу человѣку своему Ивашку Гнусу, а за Хамова цѣловалъ крестъ человѣкъ его Родка Кузминъ. Че-

*

ловѣкъ Урусова показалъ, что онъ не бралъ съ Хамова ста рублей на Урусова; тогда Хамовъ слался на его кожу, чтобъ его въ томъ пытать, а Урусовъ требовалъ, чтобъ прежде пытать Хамова, ибо онъ клеплетъ. Да уличалъ Урусовъ Хамова въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ Спасовъ образъ, и называлъ Хамова вѣдуномъ, потому что лѣчилъ *тѣлесную юность* у стрѣлецкой жены. Игуменъ Алимпій сказалъ, что онъ у Хомова вино покупалъ на дочерину свадьбу. (Приказныя дѣла 1648 года, № 67).

39) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 г., № 24, 53, 63, 64, 85; дѣла 1651 г., № 71.

40) Собр. гос. грам. и догов. III, № 147.

41) Акты арх. эксп. IV, № 57.

42) Памятники, изд. Кіевск. коммис. т. I, отд. III, № 1; Voycicki — Pamiętniki etc. I, 273 и слѣд.; Лѣтопись Величка, т. I.

43) Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1649 года.

44) Лѣтопись Величка.

45) Памятники, изд. Кіевск. коммис. I, отд. III, № 2.

46) Тамъ же, № 7.

47) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1649 года.

48) Событія изложены по актамъ, находящимся въ Памятникахъ, издан. Кіевск. коммис., по лѣтописямъ Величка и Самовидца; по сочиненіямъ: Twardowskiego—Wojna domowa; Rudawskiego—Historya polska (въ изд.: Dziejopisowie Krajowi); Latopisiec J. Jerlicza; Pamiętniki o woinach Kozackich za Chmelnickiego; Historia panowania Jana Kazimiera (Wydal Raczynski); Kochowski — Annalium poloniae climacteres; Voycicki—Pamiętniki; —Донесеніе Кунакова взято изъ дѣлъ Польскихъ, Москов. глав. арх. мин. ин. д., 1649 года; оттуда же взято извѣстіе о Лубѣ, связка 49.

49) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5816.

50) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1649 года, связка 50.

51) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5819.

52) См. издан. источники, перечисл. въ примѣч. 48.

53) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1650 года.

54) Тамъ же, дѣла Малорос. 1650 года.

55). Тамъ же, дѣла Польскія.

56) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5818; Москов. глав. арх. мин. ин. дѣлъ., дѣла Малороссійскія, разсказъ Запорожца Шафранка; дѣла Донскія 1650 года.

57) Москов. глав. арх. мин. ин. д., Крымскіе статейные списки, № 30.

58) Тамъ же, листъ 174.

59) Тамъ же, дѣла Польскія 1651 года, связка 55.

60) Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1651 года.

61) Тамъ же, дѣла Польскія означеннаго года.

62) Тамъ же, дѣла Польскія 1651 и 1652 года.

63) Памятники, изд. временною Кіевскою коммиссіею.

64) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1651 и 1652 г.

65) Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1652 года.

66) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5821; Государств. архивъ мин. ин. дѣлъ (въ С. Петербургѣ), столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 1.

67) Моск. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1653 года.

68) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5814 и 5821.

69) Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія, связ. 55.

70) Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1653 и 1654 годовъ; Архивъ царства Польск., снош. съ Малороссіею, св. 1.

71) Тамъ же, дѣла Шведскія, Голштинскія, Англійскія, Голландскія, Французскія и Австрійскія означенныхъ въ текстѣ годовъ.

72) Дворцовые разряды 1654 года (изд. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи); Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, въ госуд. архивѣ, № 10.

73) Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла Польскія 1654 года.

74) Письма царя Алексѣя Михайловича, хранящ. въ госуд. арх.; тамъ же столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 11.

75) Дворцовые разряды 1654 года; Рукоп. Имп. пуб. библ. отд. Польск., № 48; дѣла Польскія въ арх. мин. ин. д., связка 63.

76) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. архивѣ, № 67.

77) Дѣла Польскія 1654 года въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ.

78) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія и Польскія 1654 года; Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5824, 5827.

79) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. арх., № 5.

80) Дѣла Малороссійскія 1655 года въ арх. мин. ин. дѣлъ.

81) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. арх., № 71.

82) Крымскіе статейные списки въ архивѣ минис. ин. дѣлъ, № 34 и 37.

83) Арх. мин. юстиціи, столбцы Малорос. приказа, № 5829; Дѣла Малорос. 1655 года, въ арх. мин. ин. дѣлъ.

84) Столбцы приказа тайн. дѣлъ, въ госуд. арх., № 1, 19, 123.

85) Kron. miasta Lwowa 338—376; Supplement. ad histor. Russ. Monum. 193—210; дѣла Польск. 1655 года, въ Моск. арх. мин. ин. д.; тамъ же, дѣла Малороссійск. 1657 года, статейный списокъ Бутурлина.

86) Дѣла Польск. 1655 года въ Москов арх. мин. иност. дѣлъ.

87) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ государст. арх., № 3.

88) Дѣла Польск. 1655 года, въ Москов. арх. мин. иност. дѣлъ; столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ государств. арх., № 71.

89) Дѣла Шведскія 1655 года, въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ; столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. арх., № 71.

90) Собр. госуд. гр. и дог. III, № 184.

91) Памятники дипломат. сношеній, изд. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

92) Дѣла Польск. 1656 года, въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

93) Дѣла Шведскія 1655 и 1656 г., въ Моск. арх. мин. ин. д.

94) Тамъ же, Датскій статейный списокъ, № 11.

95) Gründliche und Wahrhaftige relation von der Belagerung der Königl. Stadt Riga 1657; письма царя Алекс. Мих., хранящ. въ госуд. арх.; тамъ же, столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 71.

96) Дѣла Польск. 1656 года въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

97) Моск. глав. арх. мин. иностр. д., дѣла приказныя 1650 г.; дѣла Шведскія 1657 года.

98) Симбирскій Сборникъ, стр. 142 и слѣд.; арх. мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5830, 5832, 5836, 5844; Крымскій статейный списокъ, № 40, въ Москов. арх. мин. ин. д.; тамъ же, дѣла Малорос. 1657 года. День смерти Хмельницкаго—27 Іюля означенъ въ письмѣ Выговскаго къ Бутурлину въ Кіевъ; см. тамъ же донесеніе Бутурлина въ Москву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I. Значеніе религіозной борьбы въ Восточной Европѣ. Мысль объ уніи. Іезуиты: Скарга и Поссевинъ. Западно-Русскіе архіереи, аристократія, братства. Поведеніе архіереевъ во Владимірѣ, Луцкѣ, Львовѣ. Братство Львовское. Пріѣздъ Константинопольскаго патріарха Іереміи въ Западную Россію. Кіевскій митрополитъ Онисифоръ; его сверженіе и поставленіе Михаила Рагозы. Экзархъ Терлецкій. Смуты вслѣдствіе распоряженій Іереміи. Брестскій соборъ 1590 года. Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ: печальное его положеніе. Терлецкій начинаетъ дѣло объ уніи. Переписка Львовскаго братства съ Константинопольскимъ патріархомъ. Ипатій Потѣй, епископъ Владимірскій; письмо къ нему князя Острожскаго объ уніи. Терлецкій и Потѣй дѣйствуютъ за-одно въ пользу уніи. Брестскій соборъ 1594 года. Поведеніе Рагозы относительно уніи; переписка его съ Скуминымъ. Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ. Окружное посланіе князя Острожскаго противъ епископовъ. Львовскій епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства Западно-Русскаго признаютъ папу главою церкви. Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси. Брестскій соборъ 1596 года. Раздѣленіе Западно-Русской церкви на православную и уніатскую и борьба между ними. Посланіе Іоанна Вишенскаго. Стефанъ Зизаній и сочиненія, противъ него направленныя. Полемика по поводу Брестскаго собора. Апокризисъ и его основныя положенія; Перестрога. Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскій соборъ. Движеніе козаковъ: Косинскій и Наливайка. Дѣло патріаршаго экзарха Никифора. Переписка князя Острожскаго съ папою. Православные требуютъ къ суду епископовъ-уніатовъ. Попытка православныхъ соединиться съ протестантами, чтобъ вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ. Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность уніи. Мелетій Смотрицкій и его сочиненія. Рѣчь депутата Древинскаго

Стран.

на сеймѣ. Поставленіе православныхъ архіереевъ и Совѣтованіе о благочестіи. Усиленіе борьбы вслѣдствіе поставленія православныхъ архіереевъ. Іосафатъ Кунцевичь и письмо къ нему Льва Сапѣги. Убіеніе Кунцевича. Посланіе папы противъ православныхъ. Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича. Козаки. Гетманъ Сагайдачный. Сочиненіе Пальчовскаго о козакахъ. Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ козаковъ въ защиту православія. Обращеніе Іова къ Москвѣ. Торжество Поляковъ надъ козаками и коммиссія на Медвѣжьихъ Лозахъ. Похожденія искателя Турецкаго престола Александра Ахіи. Возстаніе козаковъ подъ начальствомъ Тараса. Кисель и его отношенія къ козакамъ. Возстаніе Павлика и Скидана. Возстаніе Остранина и Гуни. Кіевская школа. Луцкое братство и школа. Петръ Могила. Отступленіе Смотрицкаго отъ православія. Смерть Сигизмунда III. Требованія козаковъ. Королевичъ Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами. Продолженіе полемики между ними. Петръ Могила митрополитъ и его поведеніе. Продолженіе гоненія на православныхъ. Переселеніе въ Московское государство............................... 1.

ГЛАВА II. Характеръ молодаго царя. Морозовъ и Чистой. Окончаніе дѣла королевича Вальдемара и Лубы. Отпускъ Стемпковскаго. Извѣтъ на Нащокина. Самозванцы: Ивашка Вергуненокъ и Тимошка Акундиновъ. Распоряженія относительно Крыма. Переговоры съ Польшею о союзѣ противъ Крыма. Посольства Стрѣшнева въ Польшу и Киселя въ Москву. Печальное состояніе народа въ Московскомъ государствѣ; тяжесть налоговъ; стремленіе отбывать отъ податей. Женитьба царя на Милославской. Ропотъ на отца царицы, Милославскаго, на Траханіотова и Плещеева. Мятежъ въ Москвѣ. Судьба Морозова. Никонъ. Дѣятельность правительства послѣ мятежа. Уложеніе. Мѣры противъ закладчиковъ, противъ табаку; изгнаніе Англичанъ изъ внутреннихъ областей. Мятежъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. Замыслы недовольныхъ въ Москвѣ; новыя обвиненія противъ Морозова. Мятежи во Псковѣ и Новгородѣ. Никонъ въ Москвѣ; онъ отправляется въ Соловки за мощами св. Филиппа. Письмо къ нему царя. Никонъ патріархъ.. 121.

ГЛАВА III. Богданъ Хмельницкій. Его ссора съ Чаплинскимъ; его сношенія съ королемъ Владиславомъ и бѣгство въ Запорожье. Хмельницкій въ Крыму и получаетъ помощь отъ хана. Рада въ Запорожьѣ: Хмельницкій гетманъ. Движеніе гетмана Потоцкаго, его письмо къ королю. Битвы при Желтыхъ Водахъ и у Корсуня. Письмо Киселя. Универсалы Хмельницкаго и возстаніе хлоповъ въ Малороссіи. Смерть Владислава. Опасеніе Киселя насчетъ Москвы. Первыя сношенія Хмельницкаго съ Московскими воеводами. Сношенія его съ Польскимъ правительствомъ. Переписка съ Киселемъ. Князь Іеремія Вишневецкій свирѣпствуетъ противъ возставшихъ Русскихъ. Князь Доминикъ Ост-

Стран.

рожскій; письма: его, Кіевскаго воеводы Тышкевича и Киселя. Неудачи послѣдняго относительно мирныхъ переговоровъ. Битва подъ Пилявцами. Хмельницкій отступаетъ отъ Замостья по желанію новаго короля Яна Казимира. Торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ. Поведеніе его на радостяхъ. Переяславскіе переговоры съ коммиссарами королевскими. Приготовленіе къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ. Збаражъ и Зборовъ. Миръ. Сношенія Хмельницкаго съ Москвою. Посольство Неронова въ Украйну. Писарь Выговскій. Посольство боярина Пушкина въ Польшу. Тимошка Акундиновъ у Хмельницкаго. Сношенія его съ княземъ Прозоровскимъ, Путивльскимъ воеводою. Посольство Протасьева и Унковскаго къ Хмельницкому съ требованіемъ выдачи самозванца. Непрочность Зборовскаго мира. Нерѣшительность Москвы. Польша старается поссорить Москву съ козаками. Новая война у Польши съ козаками. Битва при Берестечкѣ. Литва въ Кіевѣ. Старанія побудить Москву къ рѣшительному шагу. Бѣлоцерковскій миръ. Сочувствіе къ дѣлу козаковъ въ Бѣлоруссіи. Новыя попытки Польши поссорить Москву съ козаками. Посольство Прончищева въ Польшу и Пенцлавскаго въ Москву. Предлогъ къ разрыву остается. Хмельницкій считаетъ Бѣлоцерковскій миръ только перемиріемъ. Переселеніе Малороссіянъ въ Московскія украйны. Предложеніе Хмельницкому со стороны царя выселиться со всѣмъ войскомъ въ Московскіе предѣлы. Событія при Батогѣ. Затруднительное положеніе Хмельницкаго: онъ сильно упрашиваетъ царя принять Малороссію въ подданство. Посольство князя Репнина въ Польшу для окончательныхъ переговоровъ. Царь объявляетъ Хмельницкому, что принимаетъ Малороссію въ подданство. Соборъ по этому случаю. Третья война Хмельницкаго съ Поляками. Дѣло подъ Жванцомъ. Посольство Бутурлина въ Малороссію, Переяславская рада. Бутурлинъ въ Кіевѣ; митрополитъ Сильвестръ Коссовъ. Пункты челобитной войска Запорожскаго, утвержденные царемъ. Донесеніе князя Куракина изъ Кіева о поведеніи Коссова. Пріѣздъ игумена Гизеля въ Москву. Обзоръ сношеній Московскаго государства съ Европейскими державами до начала Польской войны.. 215

ГЛАВА IV. Приготовленія къ войнѣ. Отпускъ князя Трубецкаго. Выступленіе государя въ походъ. Грамота царская къ православнымъ жителямъ Литвы. Письмо царя къ сестрамъ и къ князю Трубецкому. Успѣхи Русскихъ войскъ. Взятіе Смоленска. Моровая язва въ Москвѣ и другихъ городахъ. Первое раскольническое движеніе. Ссора шляхтича съ козакомъ въ Бѣлоруссіи. Поведеніе Хмельницкаго. Приходъ Радзивила подъ Могилевъ. Измѣна Поклонскаго. Дѣйствія Хмельницкаго и Золотаренка. Письмо Хмельницкаго къ Золотаренку. Письма царя къ Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвѣеву. Второй походъ царя. Обращеніе его къ ратнымъ людямъ. Взятіе Виль-

Стран.

ны, Ковно и Гродно. Походы Хмельницкаго и Бутурлина, Волконскаго и Урусова. Жалоба ратныхъ людей на воеводъ Урусова и Борятинскаго. Сношенія съ гетманомъ Павломъ Сапѣгою. Успѣхи Шведовъ въ Польшѣ. Сношенія Шведскаго короля съ царемъ. Царское посольство къ Радзивилу. Столкновенія у Русскихъ войскъ съ Шведскими. Императорскіе послы въ Москвѣ. Посольство изъ Москвы къ Павлу Сапѣгѣ. Посольство Галинскаго въ Москву. Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ Поляками. Переговоры съ Шведскими послами. Посольство въ Данію. Царскій походъ въ Ливонію. Неудачная осада Риги. Виленскіе переговоры бояръ съ Польскими коммиссарами. Посольство Матвѣева къ Гонсѣвскому. Ординъ-Нащокинъ. Переговоры съ Даніею. Столкновеніе съ козаками въ Бѣлоруссіи. Поведеніе Хмельницкаго и сношенія съ нимъ царя. Смерть Хмельницкаго.. 354.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

КЪ VI ТОМУ:

Примѣч. 94. Самая любопытная грамота въ этомъ родѣ относится къ 30 Октября 1575 года: «Великому князю Семіону Бекбулатовичу всеа Русіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичь Московскій и дѣти его князь Иванъ и князь Ѳедоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишетъ: Государю великому князю Семиону Бекбулатовичу всеа Русіи Иванецъ Васильевъ ссвоими дѣтишками сыванцомъ да сѳедорцомъ челомъ бьютъ: чтобъ еси государь милость показалъ ослободилъ людишокъ перебрать боярь и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ, иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять, а съ твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и приимать, а которые намъ не надобны и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати. И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имяна ихъ списки пришлемъ и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ниодного человѣка не возмемъ, а которыхъ людишокъ приимемъ и ты бъ государь милость показалъ вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ какъ прежъ сего велося у удѣльныхъ князей, а испомѣстишокъ ихъ имъ хлѣбишко и денженка и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдати и людишокъ ихъ не ограбя велѣлъ выпустити и которые похотятъ къ намъ и ты бъ государь милость показалъ ослободилъ имъ быти у насъ безопально и отъ

насъ ихъ имати не велѣлъ, а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бъ государь пожаловалъ милость показалъ по ихъ челобитью къ себѣ ко государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь милость, укажи свой государскій указъ какъ намъ своихъ мѣлкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему или велишь на нихъ полные имати: какъ государь указъ свой учинишь! И о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ: Государь, смилуйся пожалуй!»

Примѣч. 94. Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ государствен. архивѣ, № 32.

КЪ VIII ТОМУ:

Стран. 186, примѣч. 82. Рукописная Бѣлорусская лѣтопись (хранящаяся въ синодальной библіотекѣ, подъ № 790) такъ разсказываетъ о второмъ Лжедимитріи: «Тогожъ року 1607 мѣсяца Мая послѣ Семое суботы ишолъ со Шклова изъ Могилева на Попову гору якійсь Дмитръ Ивановичь, менилъ себе быти царемъ Московскимъ. Тотъ Дмитръ Нагій былъ напервей у попа Шкловскаго именемъ дети грамотѣ училъ, школу державъ, также у священника Ѳедора Сасиновича Николскаго у села дети училъ, а самъ оный Дмитръ Нагій мѣлъ господу у Могилевѣ у Терешка, который проскуры заведалъ при церкви св. Николы, и прихоживалъ до того Терешка часъ не малый, каждому забѣгаючи, послугуючи, и мѣлъ на себѣ плохой кожухъ бараній, влете въ томъ ходилъ. А коли были почали познавать онаго Дмитра Нагова, въ тотъ часъ з Могилева на село Сидоровичи, ажь до Пропойска увышолъ, тамъ же у Пропойска были его поймали, во везеньи седелъ, а потомъ какъ Рагоза врядникъ Чечерскій, за вѣдомостью пана своего Зеновича старосты Чечерскаго, онаго Дмитра Нагова на Попову гору пустилъ со слугами своими.

КЪ IX ТОМУ:

Стран. 156, примѣч. 8. Въ 1619 году, значитъ передъ самою смертію, Голицынъ далъ слѣдующій отвѣтъ на запросы, предло-

женные ему Гридичемъ: «Вины за собою никакой не знаю; ничего я ни дѣлалъ, ни мыслилъ другаго, кромѣ того, съ чѣмъ послала меня вся земля, ничего не писалъ, вовсе не былъ причиною смуты; но когда разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, отпущенные изъ подъ Смоленска, по своимъ городамъ разъѣхались, измѣна въ людяхъ Московскихъ наступила. Королевича имѣть царемъ какъ прежде хотѣлъ, такъ и теперь хочу по крестному цѣлованію; Михаила, Филаретова, сына не признаю и не хочу признавать государемъ, считая его ровнымъ себѣ и даже ме́ньшимъ въ боярствѣ. Такое уже несчастье мое, что мое усердіе навлекло на меня гнѣвъ и немилость королевскую. Хотя бы я теперь и хотѣлъ служить — не смѣю, боясь, чтобъ вмѣсто очищенія своего отъ настоящей ненависти, не впасть въ такую же или еще бо́льшую немилость, видя въ народѣ своемъ такъ много непріязненныхъ къ себѣ людей. И не понимаю, чѣмъ могу я служить? Стану приводить къ чему-нибудь народъ свой — ни въ чемъ меня не послушаютъ, ибо никого изъ бояръ, въ столицѣ бывшихъ, не хотѣли слушать. На месть и наказаніе, на кровь братій моихъ стать мнѣ не годится, ибо я тамошній уроженецъ отъ предковъ моихъ. Увѣряю, обѣщаю, что въ Москву не хочу и никуда не отъѣду. Теперь, будучи въ заключеніи, ослабѣвши въ здоровьѣ и въ смыслѣ, такого великаго дѣла на себя брать, въ Москву писать не могу, не зная, откуда начать и куда вести. Да и не къ кому мнѣ писать: одинъ у меня въ живыхъ братъ Иванъ, остальныхъ же бояръ почти всѣхъ непріятелями своими считаю и заключеніе мое имъ приписываю, а Мстиславскій, Иванъ Никитичь Романовъ, князь Лыковъ и другіе родня Филаретову сыну. Однако и въ этомъ дѣлѣ, сколько могу — хочу служить, только прошу, чтобъ выпустили меня изъ заключенія и дали видѣть короля и королевича и поговорить съ панами сенаторами, чтобъ понять, чѣмъ и какъ служить? да чтобъ былъ тутъ Филаретъ и Луговской. Самъ я только немножко читаю, писать не умѣю, писаря у меня нѣтъ». Польская рукопись Императ. публичной библіотеки № 229.

Стран. 351, строка 3, вмѣсто: въ 1649 году должно читать: въ 1639 году.

КЪ X ТОМУ.

Стран. 62, примѣч. 5. Въ посланіи къ князю Острожскому и и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Іоаннъ Вишенскій пишетъ: «Потому дьяволъ противъ Славянскаго языка борьбу такую ведетъ, что языкъ этотъ плодоноснѣйшій изъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій, потому что безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, каковы грамматика, реторика, діалектика и прочія коварства тщеславныя дьявольскія, простымъ прилежнымъ читаніемъ, безо всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе зиждетъ и Духа Святаго подъемлетъ, въ злоковарну же душу не внидетъ премудрость. Латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божія премудрости, разума духовнаго, смиренія, простоты и беззлобія вмѣстить никакъ не можетъ. Охраняйте, православные, дѣтей своихъ отъ этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на Латинскую и мірскую мудрость разлакомились. Развѣ не лучше тебѣ изучить часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе съ другими церковными книгами, быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философомъ мудрымъ въ жизни сей называться и въ геенну отойти. На священническую степень по правилу святыхъ отецъ да восходятъ, а не по своему желанію, не ради имѣнія и панства санъ восхищаютъ; не принимайте того, кто самъ наскакиваетъ, королемъ назначается безъ вашего избранія; изгоняйте и проклинайте такого, потому что вы не въ папу крестились и не въ королевскую власть, чтобъ вамъ король давалъ волковъ и злодѣевъ, ибо лучше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ дьявола поставленныхъ, въ церковь ходить и православіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, въ церкви быть, ей ругаться и православіе попирать. Вы пастыря себѣ такъ избирайте: прежде назначьте нѣсколько особъ, отъ житія и разума свидѣтельствованныхъ, потомъ опредѣлите день и постъ, сотворите бдѣніе въ церкви и молитесь Богу, да дастъ вамъ и откроетъ пастыря, котораго жребіемъ искушайте; Богъ милостивый моленія вашего не презритъ, вамъ пастыря дастъ и объявитъ;

ослѣ этого уже обращайтесь къ свѣтской власти, къ королю, тобъ подтвердилъ вамъ владыку, если же не захочетъ подтверить, то увидите, какъ оглохнетъ и пропадетъ, потому что потавленъ судъ правый судить, а не прелестямъ своей вѣры поворствовать; только обратитесь къ Богу истинно, все вамъ чуотворно устроитъ. Праздничныя ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, какъ въ Жидичинѣ и въ горахъ св. Спаса; коляды ничтожьте, потому что не хочетъ Христосъ, чтобъ при Его рождествѣ дьявольскія коляды совершались; щедрый вечеръ изъ городовъ и селъ въ болота загоните, пусть тамъ съ дьяволомъ сидитъ. Волочельное по воскресеніи изъ городовъ и селъ выволокши, топите; уничтожьте на Юрьевъ день дьявольскій праздникъ, когда выходятъ въ поле плясками и скаканіемъ дьяволу жертву приносить; пироги и яица надгробные отмѣните; купала на Ивановъ день утопите и огненное скаканіе отсѣките; Петръ и Павелъ молятъ васъ, да потребите качели, на день ихъ устрояемыя на олыни и Подолѣ». — Возражая епископамъ-уніатамъ, жаловавшимся, что патріархъ Іеремія въ братствахъ простыхъ людей вадъ епископами поставилъ, Вишенскій пишетъ: «Какъ вы духовными, и не только духовными, но и вѣрными называться можете, когда брата своего, въ единой купѣли крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати наравнѣ съ вами породившагося подлѣйшимъ себя считаете? Пусть будетъ хлопъ, сыромятникъ, сѣдельникъ, портной, но вспомните, что братъ вамъ ровный во всемъ, ибо во едино тріепостасное Божество крестился».

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано			Должно читать.
Стран.	строка.		
11	10	явилось	явились
39	27	кто	что
42	1	исправши	исправивши
43	19	явьлмй	явными
43	30	Евангелія	Евангелія
44	18	отмѣниться	отмѣнится
46	16	и грамоты	грамоты
47	13	отщепенцевъ	отщепенцевъ
60	8	сектакъ	сектахъ
61	15	намъ	нѣтъ
68	25	кяязь	князь
76	22	выхлопотываютъ	выхлопатываютъ
90	25	слѣдуетъ	слѣдуютъ
91	24	это	этого
108	4	сравнить	сравнивать
114	9	братствомъ	братскимъ
115	35	обнаруживалось	обнаруживалась
191	33	тотому	потому
205	26	безприкословно	безпрекословно
207	2	наперстнику	наперснику
212	13	и недостоинствахъ	о недостоинствахъ
224	29	коронный	коронный великій
234	14	затворялись	затворялись
247	7	ворожатъ	ворожили
257	26	котрый	который
258	4	съ ними	съ вами
263	11	Сельвестръ	Сильвестръ
275	7	злоби	злобѣ
279	7	Протасьева	Протасьева и Ермолича
288	17	опрдѣлена	опредѣлена
290	4	Молороссіи	Малороссіи
296	7	богоубійцевъ	богоубійцъ
254	7	козакамъ	козакомъ
372	23	вы	мы
373	33	ловники	лавники
374	26	Московскаго	Могилевскаго
392	5	поддержались	подержались
393	22	государю	государю
397	15	Долагарди	Делагарди
398	6	зодабривать	задабривать

Цѣна въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 2 руб. сер.